№ 9224 пр
~~S 53~~
к

Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества.

ОПИСАНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ
ВЪ
ЗАПАДНЫЙ КИТАЙ.

СОСТАВЛЕНО
Г. Е. Грумъ-Гржимайло.
ПРИ УЧАСТІИ
М. Е. Грумъ-Гржимайло.

ТОМЪ I.

Вдоль Восточнаго Тянь-Шаня.

Съ картой, 25 фототипіями, 5 гравюрами въ текстѣ и 1 таблицей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія С. М. Николаева (Вас. Остр., 3-я линія, д. 40).
1896.

53 64

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Томъ I.

ВДОЛЬ ВОСТОЧНАГО ТЯНЬ-ШАНЯ.

АВГУСТѢЙШЕМУ Предсѣдателю

ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго Общества,

Его Императорскому Высочеству

Великому Князю

НИКОЛАЮ МИХАИЛОВИЧУ,

ВЫСОКОМУ ПОКРОВИТЕЛЮ моихъ изслѣдованій въ Средней Азіи,

съ чувствомъ безпредѣльной признательности
посвящаю сей трудъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ первой части «Описанія путешествія въ Западный Китай», я считаю необходимымъ сказать, какъ организовалась наша экспедиція и какими средствами располагала она для достиженія результатовъ, судить о которыхъ и призывается теперь благосклонный читатель.

Первоначально предполагалось, что мы ѣдемъ на южные склоны Памира, въ Шугнанъ, Ваханъ, Читралъ и Кунжутъ. Но уже немного спустя Совѣтъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества былъ вынужденъ, по политическимъ и инымъ соображеніямъ, предложить намъ измѣнить этотъ маршрутъ и вмѣсто юга избрать объектомъ для своихъ изслѣдованій Восточный Тянь-Шань и Нань-Шань. Новый планъ этотъ удостоился полнаго одобренія со стороны Его Императорскаго Высочества Великаго Князя НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА, который и соблаговолилъ выдать на это предпріятіе всю сумму, первоначально ассигнованную имъ на довершеніе моихъ изслѣдованій Памира 1). Такимъ образомъ намъ оставалось только принять это лестное предложеніе и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы съ успѣхомъ выполнить возложенное на насъ порученіе.

---

1) Интересующійся результатами этихъ изслѣдованій найдетъ ихъ въ моей книгѣ «Le Pamir et sa faune lèpidoptérologique», составляющей IV выпускъ издаваемыхъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ «Mèmoires sur les lèpidoptères».

Средства, которыми могла располагать экспедиція, въ общемъ не превышали 10 тысячъ рублей 1). Персоналъ ея, кромѣ меня и брата моего, офицера Лейбъ-гвардіи 2-ой Артиллерійской бригады, Михаила Ефимовича, состоялъ изъ нижеслѣдующихъ лицъ: артиллериста Матвѣя Жиляева, казаковъ: Ивана Комарова, Андрея Глаголева, Ивана Чуркина, Матвѣя Комарова, Петра Колотовкина и Михаила Фатеева, сарта Ташбалты Иссыманъ-Ходжаева и текесскаго калмыка Николая Ананьева, всего 11 человѣкъ; кромѣ того, на болѣе или менѣе продолжительное время, въ составъ экспедиціоннаго отряда входили: офицерскій сынъ Григорій Ананьинъ, крещеный дунганинъ Давидъ, илійскій уроженецъ Сарымсакъ и кашгарецъ Гассанъ 2). Отсюда видно, что вся интеллектуальная работа экспедиціи лежала на моемъ братѣ и мнѣ.

Инструменты, полученные нами, собраны были изъ различныхъ учрежденій и при томъ съ большими затрудненіями 3).

Нами были получены для производства маршрутной съемки: *блокъ-мензула съ кипрегелемъ*, изъ Главнаго Штаба, въ полномъ порядкѣ и *двѣ бусоли Шмалькальднера* въ деревянныхъ ящикахъ, также въ порядкѣ, но, къ сожалѣнію, безъ запасныхъ иглъ, вслѣдствіе чего послѣднія приходилось оттачивать уже въ дорогѣ 4). Для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ: *три столовыхъ хроно-*

---

1) Сумма эта слагалась изъ:

6.000 р.,	отпущенныхъ мнѣ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ;
2.000 р.,	высланныхъ намъ уже впослѣдствіи Географическимъ Обществомъ;
1.000 р.,	выданныхъ экспедиціи бывшимъ степнымъ генералъ-губернаторомъ, генераломъ отъ инфантеріи Г. А. Колпаковскимъ;
и 600 р.,	полученныхъ нами изъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ; независимо отъ сего, музей этотъ принялъ на себя расходъ по пріобрѣтенію нѣкоторыхъ предметовъ экспедиціоннаго снаряженія (порохъ, дробь, спиртъ, наборъ инструментовъ для препарированія птицъ и проч.).

Кромѣ того, пароходнымъ Обществомъ «Кавказъ и Меркурій» и нѣкоторыми Обществами желѣзныхъ дорогъ намъ былъ предоставленъ даровой проѣздъ въ оба конца.

2) Григорій Ананьинъ былъ взятъ въ г. Вѣрномъ и отправленъ обратно уже изъ Турфана; дунганинъ Давидъ нанятъ былъ въ Джаркентѣ и отпущенъ въ г. Урумчи; Сарымсакъ нанялся къ намъ въ Гученѣ и былъ расчитанъ только уже въ слѣдующемъ году, на возвратномъ пути въ этотъ городъ; наконецъ, Гассанъ замѣнилъ Давида и былъ отпущенъ нами уже по возвращеніи въ г. Хами.

Кстати упомяну, что всю экспедицію сдѣлалъ съ нами также понтеръ «Васька», которому наши коллекціи обязаны значительными приращеніями. Его спеціальностью было ловить мелкихъ грызуновъ и ящерицъ, за которыми онъ гонялся съ изумительной ловкостью.

3) Причиной тому было одновременное снаряженіе Географическимъ Обществомъ двухъ другихъ большихъ экспедицій — Пѣвцова и Громбчевскаго.

4) Во время пути мы не разъ ощущали недостатокъ въ запасныхъ бусоляхъ; въ особенности, когда одна изъ нихъ почему-нибудь портилась. Минимальное количество бусолей, которое должно быть взято въ экспедицію, подобную нашей, это—четыре.

метра Тиде (два изъ Главнаго Штаба, одинъ изъ Географическаго Общества), изъ коихъ одинъ былъ по среднему времени, два же другіе оказались звѣздными [1]); *кругъ Пистора*, принадлежащій Географическому Обществу, превосходной работы и точностью 10", но, къ сожалѣнію, имѣвшій крайне неудовлетворительную укладку для инструмента большаго діаметра, почему дорогой образовался въ немъ перегибъ линейки, исправленный лишь съ большимъ трудомъ; независимо отъ сего, отъ прогиба крышки ящика въ одномъ изъ угловъ, лопнула призма, что, впрочемъ, не имѣло особаго значенія для результатовъ работы; *искусственный горизонтъ*, изъ Географическаго Общества, чугунный, съ мѣшкомъ для ртути; подъемное кольцо лопнуло въ немъ до пріѣзда въ Джаркентъ и хотя и было исправлено здѣсь, но крайне неудовлетворительно; вслѣдствіе чего братъ и замѣнилъ его вскорѣ деревянной чашечкой, дававшей зеркало около $1^1/_2$ кв. вершка; и *астрономическая труба* съ металлическимъ штативомъ, выданная намъ изъ Главнаго Штаба, крайне неудовлетворительнаго устройства, не дозволявшая производства наблюденій надъ свѣтилами выше 60° надъ горизонтомъ; къ тому же стекла объектива оказались въ ней задѣланными въ обойму, вслѣдствіе чего и не было возможности ни протерѣть ихъ, когда зимой они затуманивались, ни свернуть ихъ, когда, вслѣдствіе тряски, они нѣсколько разошлись; вмѣстѣ съ симъ и укладка ея была совершенно неприспособлена къ вьючной перевозкѣ инструмента. Для гипсометрическихъ измѣреній: не провѣренный въ Главной Физической Обсерваторіи *гипсотермометръ* № II, вновь пріобрѣтенный для экспедиціи Географическимъ Обществомъ, и *анероидъ* для малыхъ высотъ [2]); послѣдній мы замѣнили прекраснымъ *анероидомъ Готтингера* для большихъ высотъ, полученнымъ нами уже въ Асхабадѣ отъ бывшаго военнаго губернатора Закаспійской Области, генералъ-лейтенанта А. В. Комарова, и только что передъ тѣмъ провѣреннымъ въ Петербургѣ. Наконецъ, для измѣренія температуръ: два обыкновенныхъ *термометра*, пріобрѣтенныхъ въ магазинѣ Рихтера, въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, матерьяльныя средства экспедиціи въ виду широкихъ задачъ, возложенныхъ на нее, были довольно скудны. И это, конечно, слѣдуетъ имѣть въ виду при оцѣнкѣ результатовъ, достигнутыхъ ею.

---

[1]) Особенно чувствительно было неимѣніе у насъ карманныхъ хронометровъ.

[2]) Анероидъ этотъ не былъ взятъ въ экспедицію.

На свою экспедицію мы смотримъ глазами Н. М. Пржевальскаго, мѣтко называвшаго свои изслѣдованія въ Центральной Азіи—«научными рекогкосцировками». До нѣкоторой степени мы пополнили изысканія этого знаменитаго путешественника; но какъ послѣ него, такъ и послѣ насъ осталось много недодѣланнаго въ Средней Азіи. Неизвѣстное тамъ еще слишкомъ необъятно для того, чтобы надѣяться на скорый конецъ «эпическаго» періода изслѣдованій отдѣльныхъ ея частей, и я не думаю, чтобы соединенныя усилія, съ одной стороны піонеровъ науки, съ другой—ея присяжныхъ жрецовъ, успѣли уже такъ скоро (въ настоящемъ вѣкѣ) и притомъ окончательно сорвать съ нихъ скрывающій ихъ донынѣ темный покровъ [1]).

При изложеніи хроники путешествія я старался писать возможно живѣе, имѣя въ виду не только читателя, ищущаго въ подобнаго рода описаніяхъ одни лишь положительные факты и выводы, но и читателя не со столь узкими требованіями. Вмѣстѣ съ симъ я счелъ полезнымъ пояснять описаніе пройденныхъ нами мѣстностей историческими о нихъ справками; мнѣ казалось, что отъ такихъ отступленій въ область исторіи можетъ только выиграть описаніе современнаго ихъ состоянія.

Въ книгѣ читатель найдетъ нѣсколько записанныхъ мною пѣсенъ; долженъ оговориться, что, не будучи знакомъ съ тюркскимъ языкомъ, я записывалъ ихъ только по слуху, переводъ же дѣлалъ не текстуальный, а только приблизительно точный.

Къ настоящему тому приложены: таблица опредѣленныхъ нами высотъ и списки собранныхъ экспедиціей чешуекрылыхъ и птицъ; списки же млекопитающихъ, пресмыкающихся, гадовъ, рыбъ и другихъ отрядовъ насѣкомыхъ, а также растеній, частью еще не опредѣленныхъ, будутъ приложены лишь ко второму тому; наконецъ, тамъ же будетъ помѣщенъ и списокъ астрономическихъ пунктовъ, опредѣленныхъ и вычисленныхъ моимъ братомъ.

Разработку собранныхъ нами коллекцій приняли на себя различные спеціалисты, а именно:

Млекопитающихъ (Mammalia)—старшій консерваторъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, Е. А. Бихнеръ.

Птицъ (Aves) — директоръ сего музея, академикъ Ф. Д. Плеске.

Пресмыкающихся (Reptilia), *Гадовъ* (Amphibia) и *Рыбъ* (Pisces) — доцентъ СПБ. Университета, докторъ зоологіи А. М. Никольскій.

---

[1]) См. Пржевальскаго «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи», стр. 66.

Чешуекрылыхъ (Lepidoptera) [1]), отдѣлы Noctuae и Geometrae — консерваторъ музея Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михаиловича, С. Н. Алфераки.

Жесткокрылыхъ (Coleoptera) — старшій консерваторъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ, А. П. Семеновъ.

Растеній — директоръ Императорскаго Ботаническаго Сада А. Ф. Баталинъ.

Горныхъ породъ — профессоръ Горнаго Института И. В. Мушкетовъ.

Опредѣленіе абсолютныхъ высотъ любезно взялъ на себя генералъ-лейтенантъ А. А. Тилло, обработку же метеорологическаго дневника—профессоръ А. И. Воейковъ.

Всѣмъ этимъ лицамъ мы приносимъ здѣсь выраженіе своей глубочайшей признательности.

Мнѣ кажется, я нисколько не ошибусь, если скажу, что за послѣднюю четверть вѣка не отправлялось изъ Петербурга ни одной сколько-нибудь значительной экспедиціи, въ снаряженіи которой такъ или иначе не принималъ участія нашъ высокочтимый вице-предсѣдатель Петръ Петровичъ Семеновъ. Въ особенности молодые, начинающіе свою, если можно такъ выразиться, карьеру, путешественники встрѣчали въ немъ всегда самую надежную опору, самаго горячаго сторонника ихъ дѣла. Такая почтенная дѣятельность Петра Петровича давно уже получила должную оцѣнку, и здѣсь мнѣ остается только лишній разъ констатировать фактъ его самаго теплаго и въ то же время дѣятельнаго отношенія къ нашей экспедиціи. Я счастливъ, что отъ имени моего брата и своего я могу сказать ему здѣсь самое сердечное спасибо.

Считаю своею нравственною обязанностью выразить также нашу глубочайшую признательность Г. А. Колпаковскому, А. В. Григорьеву, А. А. Большеву и А. И. Скасси, въ значительной мѣрѣ содѣйствовавшихъ успѣху нашей экспедиціи.

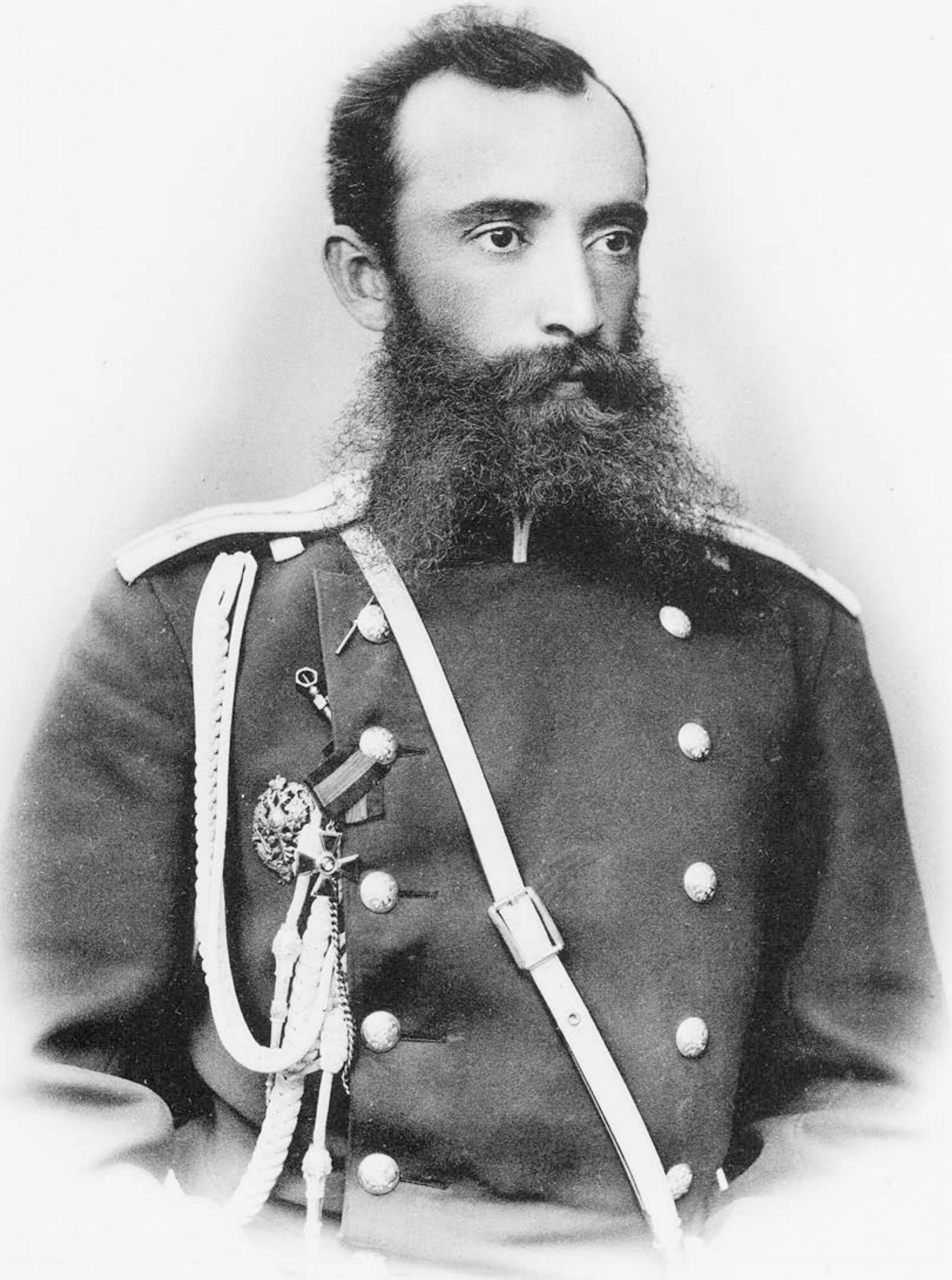
Въ серединѣ марта мы выѣхали изъ Петербурга; черезъ три недѣли мы прибыли въ г. Вѣрное, гдѣ и принялись за снаряженіе экспедиціи. Мы задержались здѣсь, однако, долѣе, чѣмъ предполагали, въ виду тѣхъ недоразумѣній, которыя возникли по поводу назначенія намъ конвоя. Наконецъ, дѣло это уладилось, и мы, кратчайшимъ путемъ, верхомъ, со сложенными на нанятыя телѣги вещами и гоня передъ собой табунъ закупленныхъ лошадей, выступили въ Джаркентъ, куда и прибыли семь дней спустя. А 27 мая началось уже и настоящее путешествіе...

---

[1]) Отдѣлы Rhopalocera, Sphinges и Bombyces обработаны мною. Съ окончаніемъ настоящаго труда я приступлю къ подробному описанію этой части нашихъ коллекцій.

Я расчитываю, что читатель отнесется снисходительно къ книгѣ, въ которой излагаются его ходъ и ближайшіе результаты.

Фототипія Б. Классонъ. С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.



М. Е. Грумъ-Гржимайло

Фототипія В. Класенъ. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

ГЛАВА I.

От границы до города Кульчжи.

Основанный въ 1882 году, Джаркентъ въ настоящее время представляетъ бойкій, полувоенный, полуторговый пограничный городокъ, показавшійся намъ много симпатичнѣе Вѣрнаго, не успѣвшаго еще въ наше время окончательно оправиться отъ постигшаго его бѣдствія.

Выпавшие въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая перемежавшіеся со снѣгомъ дожди, разведенная ими грязь, хмурое небо и холодъ, улицы въ развалинахъ, невозможность достать въ лавкахъ самые обыденные предметы[1], при страшной дороговизнѣ на все[2], все это въ совокупности способствовало тому, что мы безъ сожалѣнія покинули Вѣрное, рѣшившись перебраться въ Джаркентъ, начальный пунктъ нашего будущаго путешествія караваномъ. Здѣсь мы доканчивали свое снаряженіе, лихорадочно работая по пятнадцати часовъ въ сутки. Ограниченность нашихъ средствъ не позволяла намъ думать объ излишествахъ во время пути. Мы брали самое нужное, но его набралось столько, что къ купленннымъ въ Вѣрномъ тридцати лошадямъ пришлось прикупить еще десять, да и

---

[1] Какъ Вѣрное, такъ и всѣ остальные города и селенія Семирѣчья, снабжаются товарами однажды въ годъ, съ Ирбитской ярмарки.

[2] Вотъ нѣкоторые образчики вѣрненскихъ цѣнъ:

1 п. сахара (оптов. цѣна)	8 р. — 9 р., 1 ф. (розничн.) 22 к. — 25 к.
1 п. кирпичнаго чая	18 » — 19 »
1 п. сѣраго мыла	5 » — 6 » (мѣстн. изготовленія).
гр. сѣрныхъ спичекъ безъ бандер. .	1 » 50 к.
1 п. свѣчей	13 » — 14 »

и. т. д.

эти, какъ оказалось впослѣдствіи, съ трудомъ подняли нашъ громадный багажъ.

Причинъ, побудившихъ насъ остановиться на лошади, какъ вьючномъ животномъ, было не мало, но главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: лошадь много дешевле верблюда; на спинахъ лошади и осла производится почти все передвиженіе грузовъ въ предѣлахъ Восточнаго Туркестана и Джунгаріи; поэтому во всякое время года и повсюду здѣсь не только возможенъ обмѣнъ, но и полный ремонтъ этихъ животныхъ; она менѣе прихотлива, чѣмъ верблюдъ, который плохо ходитъ въ горахъ, боится сырости и вообще очень грузенъ для каравана, назначеніе коего—то карабкаться по узкимъ тропинкамъ тѣснинъ, то брести безграничною степью; наконецъ, у насъ былъ навыкъ къ лошади, выработавшійся въ предыдущія мои путешествія по Средней Азіи, да къ тому же и средства наши не позволяли намъ завести дорого стоющій обозъ на верблюдахъ [1]).

Утро 27-го мая было еще болѣе хлопотливое, чѣмъ всѣ предъидущіе дни. Почти все маленькое населеніе Джаркента [2]) знало уже, что сегодня—день нашего выступленія къ китайской границѣ, и многіе сочли своей непремѣнной обязанностью заглянуть къ намъ на дворъ для того, чтобы полюбопытствовать на дѣлаемыя приготовленія. Мелкіе перекупщики, извѣстные здѣсь подъ страннымъ названіемъ «лопсатаровъ», шныряли поминутно и то и дѣло навязывали намъ всякую дрянь или же такіе предметы, какъ канаусъ, мѣха и китайскія вазы, которые теперь, менѣе, чѣмъ когда-либо, могли имѣть для насъ интересъ; но очевидно это ихъ мало смущало и они неотвязно преслѣдовали насъ своимъ: «шалтай, болтай—не керекъ! дешево купи, баринъ»... Русскіе, дунгане и таранчи все еще не переставали приводить къ намъ на показъ давно уже нами забракованныхъ лошадей, заламывали за нихъ ни съ чѣмъ несообразныя цѣны, уходили, возвращались и, не взирая на положительный отказъ, все-таки горячили своихъ рысаковъ и носились на нихъ по прилегающимъ улицамъ. Рядовые казаки приходили прощаться со своими однополчанами, затѣмъ мѣшались въ толпу и, какъ и она, оставались безучастными зрителями той хлопотливой возни, которая такъ хорошо знакома каждому, кто собирался хоть однажды въ далекое путешествіе. Несмотря однако на всѣ эти помѣхи, уже къ полудню мы были готовы, лошади наши осѣдланы а вьюки окончательно взвѣшены и распредѣлены.

---

[1]) Обстоятельныя свѣдѣнія о стоимости верблюжьяго каравана читатель найдетъ у Пржевальскаго.

[2]) Въ 1889 г. въ Джаркентѣ числилось 3.753 д. об. пола.

Въ часъ пополудни пріѣхалъ священникъ, и, послѣ напутственнаго молебна, былъ отданъ приказъ: вьючить!

Впослѣдствіи, когда люди освоились и съ норовомъ каждой изъ лошадей и съ характеромъ клади, вьючка шла быстро; теперь же дѣло это очевидно не спорилось. Какъ всегда водится, въ учителяхъ и указчикахъ не было недостатка, но дѣйствительныхъ помощниковъ было не много, да и тѣ больше суетились, чѣмъ помогали. Въ концѣ концовъ, однако, дѣло свое мы все-таки справили и въ четвертомъ часу, эшелонъ за эшелономъ, наши вьюки уже выходили изъ воротъ отведеннаго намъ помѣщенія [1]) при громкихъ пожеланіяхъ столпившейся публики... Путешествіе началось!

Мы ночевали въ небольшомъ таранчинскомъ поселкѣ Акъ-кентъ, расположенномъ всего въ 12-ти верстахъ отъ Джаркента, и только уже на слѣдующій день добрались до Хоргоса, въ которомъ, какъ въ пограничномъ пунктѣ, квартировала сотня казаковъ 2-го полка [2]). Тутъ же расположился и небольшой таранчинскій поселокъ, имѣющій невзрачный и нищенскій видъ. Впрочемъ, таковы уже всѣ здѣсь поселки. Край этотъ новый [3]), таранчи же, эмигранты Илійской провинціи [4]), едва успѣли осѣсть на вновь отведенныхъ мѣтахъ и, весьма естественно, имъ было не до того, чтобы думать о красотѣ своихъ помѣщеній. Къ тому же, какъ намъ говорили, они едва сводятъ съ концами концы, и большинство, повидимому, бѣдствуетъ страшно.

Съ 12-го февраля 1881 г. рѣка Хоргосъ стала границей Россіи съ Китаемъ. На ея дотолѣ пустынныхъ берегахъ появились пикеты, и она вдругъ пріобрѣла такое значеніе, какого раньше никогда не имѣла. Впрочемъ, при описаніи Илийской долины нельзя было бы и такъ о ней умолчать: это одинъ изъ значительнѣйшихъ правыхъ притоковъ Или или Ильи по мѣстному, русскому, произношенію этого имени.

---

[1]) Мы помѣщались въ любезно отданномъ въ наше полное распоряженіе домѣ джаркентскаго купца Вали-ахуна Юлдашева.

[2]) Отъ Акъ-кента, т. е. Бѣлой деревни, до Хоргоса 22 версты.

[3]) Занятъ былъ генер. Г. А. Колпаковскимъ въ 1871 году.

[4]) Таранчи эти—потомки тѣхъ несчастныхъ кашгарцевъ, которые въ 1759 г. въ числѣ 12.500 человѣкъ были выселены по распоряженію Чжао-Хоя въ Илійскія степи.

При занятии нами Илийской долины общее число ихъ опредѣлялось цифрой 51.891 д. об. п. (Пантусовъ—«Свѣдѣнія о кульджинскомъ районѣ за 1871—1877 года»). Въ 1882—1883 гг. большая часть этихъ послѣднихъ, страшась мести китайцевъ, переселилась въ наши предѣлы, и въ 1889 г. ихъ уже насчитывалось у насъ 49.500 д. об. п. («Обзоръ Семирѣченской Обл. за 1889 г.»).

Хоргосъ мало извѣстенъ. Стекая съ того горнаго узла, который образуется столкновеніемъ хребта Боро-Хоро съ Джунгарскимъ Ала-тау, Хоргосъ течетъ дикимъ, недоступнымъ ущельемъ многія версты, послѣ чего шумнымъ и бурнымъ потокомъ врывается въ необъятную долину Или, гдѣ и продолжаетъ еще долгое время громыхать среди имъ же навороченной гальки и валуновъ. Какъ и большинство другихъ правыхъ притоковъ Или, Хоргосъ разбивается неоднократно на рукава, которые далеко разбѣгаются въ стороны и иногда либо пропадаютъ въ пескахъ, либо разливаются по тростниковымъ займищамъ. Такимъ образомъ къ Хоргосскому посту онъ добѣгаетъ уже значительно обѣднѣвшимъ водой; тѣмъ не менѣе, однако, въ половодье, продолжающееся май и іюнь, переправа черезъ него здѣсь сопряжена съ нѣкоторою опасностью и во всякомъ случаѣ не обходится безъ хлопотъ.

И дѣйствительно, когда мы на слѣдующій день подошли къ обрыву его праваго берега, Хоргосъ представлялъ дикую картину разбушевавшагося потока, мутныя воды котораго съ глухимъ шумомъ катили по дну валуны...

Облегчивъ на половину вьюки, намъ удалось, однако, при содѣйствіи десятка высланныхъ намъ въ помощь казаковъ, безъ особенныхъ приключеній переправиться на противуположный берегъ рѣки. И вотъ, наконецъ, мы въ предѣлахъ Китая, хотя и на территоріи, еще такъ недавно считавшейся русской.

Со времени заключенія Петербургскаго договора прошло достаточно времени, однако, и до сихъ поръ еще въ Семирѣчьи мало кѣмъ позабыты событія, вызванныя возвращеніемъ китайцамъ Кульчжи. Для того, чтобы вполнѣ понять тотъ переполохъ и волненіе, которое охватило въ то время населеніе цѣлаго края, достаточно сказать, что одновременно съ выступленіемъ русскаго войска изъ Кульчжи, за Хоргосъ эмигрировало почти поголовно и все населеніе Кульчжинскаго округа.

Несмотря на то, что уже до начала нашей эры долина Или является страной исторической, служа ареной дѣятельности для многихъ, хотя и малоизвѣстныхъ народовъ, только 1757 годъ, положившій предѣлъ господству въ ней кочевниковъ и отдавшій верхнія, благодатныя ея части въ эксплоатацію культурнаго народа, имѣетъ въ ея исторіи преимущественное значеніе. Небывалое и въ исторіи Востока событіе, страшное по той демонской злобѣ, которую проявилъ тогда побѣдитель,—поголовное избіеніе китайцами цѣлаго джунгарскаго племени—вотъ, что послужило безпримѣрнымъ эпилогомъ безконечному ряду войнъ, составляющихъ сущность всей многовѣковой исторіи этого края. Орды кочевниковъ, какъ въ калейдоскопѣ, смѣнявшія здѣсь другъ друга, отступились тогда отъ этой земли и она уже навсегда сдѣлалась достояніемъ земледѣльца.

Послѣ 1757 г. въ теченіе цѣлаго вѣка Илійская долина пользовалась совершеннымъ покоемъ, и только лѣтъ 30 назадъ здѣсь разразилась гроза—послѣдній отголосокъ той полной бѣдствій борьбы, которая извѣстна въ литературѣ подъ именемъ инсуррекціоннаго движенія мусульманъ въ Китайской Имперіи.

Несмотря, однако, на то, что событія эти, ураганомъ пронесшіяся по Западному Китаю и близко коснувшіяся нашей границы, не могли не возбудить въ свое время живѣйшаго къ нимъ интереса, все же въ литературѣ они прошли совершенно безслѣдно, такъ какъ даже и то немногое, что писалось, писалось преимущественно по слухамъ. Тѣмъ большее поэтому значеніе въ нашихъ глазахъ пріобрѣтаетъ любопытная записка очевидца возстанія мусульманъ въ Илійской провинціи, китайца Лю-цунь-ханя [1]), представляющая въ своемъ родѣ единственный матерьялъ какъ для изученія причинъ пораженія китайскихъ войскъ сравнительно еще хуже организованными и вооруженными мусульманами, такъ и для общей характеристики внутренняго состоянія этой провинціи въ разсматриваемый періодъ.

Хотя въ европейской литературѣ и имѣются указанія на причины, вызвавшія повсемѣстное возстаніе дунганъ, однако, едва ли слѣдуетъ считать ихъ вполнѣ исчерпывающими вопросъ, тѣмъ болѣе, что и самое происхожденіе этой народности остается все еще очень загадочнымъ [2]).

Возстаніе дунганъ вспыхнуло въ 1861 г. на берегахъ Хуанъ-хе, въ мѣстности Хо-чжеу, въ то время еще входившей въ составъ Шеньсійской провинціи, и оттуда очень быстро распространилось на сосѣднюю Гань-су, Туркестанъ и наконецъ Или, гдѣ къ дунганамъ присоединились и таранчи.

---

[1]) Переводомъ этой записки мы обязаны В. П. Васильеву. См. «Русскій Вѣстникъ» 1872, V, стр. 173 и слѣд.

[2]) Проф. Васильевъ считаетъ ихъ природными китайцами, перешедшими въ мусульманство, съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться; Рихтгофенъ — потомками гань-чжоу'скихъ уйгуровъ, вытребованныхъ нѣкогда китайцами въ помощь противъ тибетцевъ; наконецъ, сами себя они производятъ отъ плѣнныхъ самаркандцевъ, выведенныхъ много вѣковъ тому назадъ въ Китай, гдѣ ихъ и разселили въ нынѣшней Гансуйской провинціи.

Дальнѣйшее, относящееся именно къ этой послѣдней области[1]), очень обстоятельно изложено въ упомянутой выше запискѣ китайскаго чиновника Лю-цунь-ханя, своеобразный языкъ котораго мы и сохранимъ по возможности.

Во второмъ году правленія Туньчжи (т. е. въ 1863 г.), пишетъ этотъ китаецъ, въ первой лунѣ 27-го числа, дунгане въ Санъ-до-хо, близъ Хоргоса, зашумѣли; но цзянь-цзюнь Чанъ принялъ мѣры, усмирилъ ихъ и послѣ того все успокоилось и правосудіе попрежнему отправлялось. Дунгане, однако, затаивъ въ сердцѣ и пустивъ нити, не оставили прежнихъ преступленій, хотя на время, скрѣпя сердце, и подчинялись положенію дѣлъ.

Въ 5 лунѣ слѣдующаго года пришла вѣсть изъ Кучи[2]), что дунгане, соединившись съ туркестанцами, возмутились и что обстоятельства самыя горячія. Цзянь-цзюнь, съ одной стороны, отправилъ довѣреннаго для развѣдокъ, а съ другой — командировалъ войско на помощь. Но черезъ нѣсколько времени пришло извѣстіе, что бунтовщики разломали деревянный помостъ и завалили дорогу, такъ что наши войска не могли пройти прямо.[3]) Въ то же время зашевелились дунгане и въ городѣ Ху-юань-ченѣ[4]), но были своевременно укрощены.

Въ томъ же году, подъ конецъ 6 луны, получено извѣстіе изъ Урумчи, что дунгане взбунтовались и 12 числа 6 луны заняли китайскій городъ. Цзянь-цзюнь тотчасъ отрядилъ на помощь Урумчи солонскаго начальника То съ нѣсколькими тысячами войскъ, набранныхъ изъ манджуръ, китайцевъ, сибо, солоновъ и волонтеровъ изъ мѣстныхъ жителей. Но когда войско подошло къ Куръ-карасу, то встрѣтило бунтовщиковъ и завязало бой. Нашихъ было много, ихъ мало,—въ одно мгновеніе можно было бы истребить и, можетъ быть, удалось бы прямо подойти къ Урумчи; но неожиданно генералъ Ту-менгэ и банъ-бань Чунъ-да-жень вступили въ переговоры съ разбойниками, которые, до того видя, что имъ все равно, что баранамъ сопротивляться тигру, опустили руки, ожидая гибели. Вдругъ они узнаютъ, что имъ предлагаютъ мирныя условія; тотчасъ же соглашаются, черезъ что не только разбойники спасаются, но и замедляется поданіе помощи. Трудно даже повѣрить такому разсказу. Послѣ этого, когда во время переговоровъ еще не пришли ни къ чему въ продолженіе десяти дней, изъ Урумчи прибыли новыя толпы бунтовщиковъ. Наше войско вступило въ сраженіе и было разбито. Отдѣльные, разсѣянные командиры, собравъ изувѣченныхъ солдатъ, одинъ за другимъ возвратились въ Или.

---

[1]) О возстаніи дунганъ въ другихъ областяхъ нынѣшней Си-цзянской провинціи будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Городъ Восточнаго Туркестана.

[3]) Это мѣсто не совсѣмъ ясно. Трудно опредѣлить, о какой дорогѣ здѣсь идетъ рѣчь.

[4]) Бретшнейдеръ пишетъ Хой-юань-ченъ. Это такъ называемыя «Новая Кульчжа» или еще иначе «Или».

Тогда и илійскіе дунгане показали расположеніе къ своеволію, но цзянь-цзюнь, замѣтивъ это, неоднократно увѣщевалъ ихъ; но разбойники въ сердцѣ хранили неразгаданное; подозрѣніе было полное; волненіе, казалось, было трудно удержать. Поэтому въ томъ году цзянь-цзюнь Чанъ и цань-цзань Минъ, по совѣту различныхъ офицеровъ 8 знаменъ, что должно отправиться въ мечеть и тамъ для избавленія военныхъ и гражданъ отъ мучительнаго положенія попробовать усовѣстить, чтобы держались въ спокойствіи, отправился 12-го числа 10 луны вмѣстѣ со всѣми въ мечеть. Но замѣтивъ въ пріемахъ ихъ незаконное, цзянь-цзюнь и помощникъ его тотчасъ поднялись и въѣхали въ городъ; слѣдовательно и тутъ ничего не удалось. Ночью же, около 9 часовъ, дунгане въ Цзинъ-динъ-сы[1]), соединившись съ таранчами, начали бунтъ, стали убивать и поджигать. Узнавши объ этомъ и ху-юаньченьскіе дунгане, соединившись съ таранчами, собрались во 2 часу ночи на верблюжьемъ базарѣ, въ западной части сѣвернаго предмѣстья, образовали лагерь и дожидались разсвѣта. 13-го числа цзянь-цзюнь и его помощникъ командировали чахарскаго амбаня Сирату съ манджурскими и китайскими войсками изъ города перебить до тла разбойниковъ; но наши солдаты долго не сражались и представляли нестройные ряды. Нѣсколько дней вступали въ сраженіе, но не одержали побѣды и не знали, что дѣлать.

24-го числа 10 луны цзянь-цзюнь собралъ солдатъ отовсюду, но только солонскій начальникъ Цзунъ-гуань бросился одинъ прямо на логовище разбойниковъ и, не щадя жизни, рубилъ злодѣевъ и къ сумеркамъ поразилъ ихъ и разсѣялъ. Война требуетъ быстроты, слѣдовало бы въ ту же ночь преслѣдовать. Но вельможа Си, видя, что наши солдаты цѣлый день не ѣли, собралъ войска и, отступивъ, вошелъ въ городъ и только черезъ три дня отправилъ войско въ Кульджу. Но оказалось, что дунгане, собравшись толпами, соединились въ Кульчжѣ съ таранчами изъ различныхъ мѣстностей и образовали одинъ отрядъ, который укрѣпился лагеремъ у пикета Да-ди-пу, въ 30 ли[1]) отъ города (Или).

---

[1]) Это простонародное китайское названіе Кульчжи, означающее «кумирня съ золотымъ верхомъ», сохранившееся съ джунгарскихъ временъ; литературное же ея названіе — Нинъ-юанъ-ченъ.

28-го числа амбань Сирату, снова взявъ войска, выступилъ на востокъ, но они не выполнили росписанія и пришли не въ одно время. Командиръ китайскаго отряда съ пятью сотнями устремился на непріятеля, но на ходу не принялъ мѣръ и по прибытіи въ Да-ди-во-пу вдругъ встрѣтилъ засаду. Вступивши въ бой, дрались на смерть, но безъ пользы; обратившись назадъ, увидали, что главный отрядъ амбаня Си находится еще далеко и не можетъ подоспѣть. Какая жалость! Командиръ Хуанъ съ 500 солдатъ попался въ руки злодѣевъ!

Въ это время лагери сибо и солоновъ[2]) получили приказаніе прибыть въ Баяндай[3]) на помощь, выступили съ озера Хуанъ-цао-ху[4]), но, получивъ извѣстіе, что главное войско пострадало, не посмѣли идти впередъ и воротились въ лагери. Такъ какъ сибоскій начальникъ Декду сталъ питать недоброе, то былъ казненъ, а на его мѣсто назначенъ цзоменъ Ту. Когда наше войско разсѣялось, то потеряло не мало оружія. Собранные отряды цзянь-цзюнь помѣстилъ въ большомъ лагерѣ за восточными воротами, на плацъ-парадѣ, въ восточной его части, и подъ командой полковника (цань-зань) У ежедневно обучалъ маневрамъ.

26-го числа 11 луны цзянь-цзюнь Чанъ получилъ приказаніе богдыхана сдать должность цань-цзаню Минъ, который и вступилъ тотчасъ въ управленіе. Этотъ, считая обстоятельства благознаменательными, такъ какъ солнце въ этотъ день заградило звѣзду Ша, немедленно отдалъ приказаніе манджурскимъ, китайскимъ, сибоскимъ, солонскимъ войскамъ и милиціи изъ гражданъ утромъ же 27-го числа выступить противъ разбойниковъ. Лагерь постоянно передвигался къ Да-ди-во-пу. Передній отрядъ, встрѣтивъ непріятеля, сразу одержалъ верхъ надъ тремя строями, но разбойники вторично напали, прорвали и разсѣяли голову нашего лагеря; вслѣдствіе этого пораженія отряды отступили и воротились, не досчитавшись тысячи человѣкъ.

---

[1]) Китайская «ли» нѣсколько менѣе полуверсты.

[2]) Сибо и солоны входятъ въ составъ войскъ, извѣстныхъ подъ именемъ «па-чи-бинъ», т. е. восьми-знаменныхъ.

[3]) Другое его названіе — Ху-нинъ-ченъ. Таранчи, какъ кажется, называютъ этотъ городъ — «Крю».

[4]) Мѣстность эта мнѣ неизвѣстна.

29-го числа командовать войсками назначенъ былъ начальникъ конторы печати, амбань Э. Онъ расположился лагеремъ у восточной стѣны. Въ то время я, въ храмѣ Конфуція, собиралъ милицію изъ народа, приготовляя ее на случай надобности. Главнокомандующій Э перевелъ меня въ главный лагерь для составленія стратегическихъ плановъ. Я хотя и читалъ военныя книги, но не былъ опытенъ въ глубокихъ законахъ[1]). Очевидно однакоже, что амбань Э долженъ былъ о всѣхъ дѣлахъ и соображеніяхъ представлять на распоряженіе цзянь-цзюня, а ни въ какихъ военныхъ предпріятіяхъ не имѣлъ права дѣйствовать отъ себя, тѣмъ болѣе я.

19-го и 20-го числа 12 луны разбойники появились по тремъ направленіямъ, но солдаты напрягли силы и разсѣяли ихъ. 1 луны 7-го числа 4-го года правленія Туньчжи (т. е. въ 1865 г.) еще произошло сраженіе, причемъ всякій отступилъ.

18-го пришло извѣстіе, что еще 14-го городъ Ху-нинъ-ченъ (иначе Баяндай) потерянъ. Начальники были поражены. Цзяньцзянь, разспросивъ въ подробности всѣ обстоятельства, убѣдился, что Баяндай дѣйствительно потерянъ. Тогда объ этомъ велѣно было скрыть, а не разглашать!

Въ первой, второй и третьей лунахъ неоднократно сражались, но безъ результатовъ. Въ четвертой лунѣ узнали, что Суйдиньченъ (Суйдунъ) окруженъ разбойниками. Цзянь-цзюнь отрядилъ помощь. Къ счастью войско, по прибытіи, одержало побѣду, перебило до тысячи слишкомъ человѣкъ, и это оттого, что солдаты слушались команды.

Въ этой лунѣ амбаня Э смѣнилъ амбань Чунъ.

Въ началѣ 5 луны цзянь-цзюнь отдалъ приказъ, чтобы весь лагерь, приготовивъ луки и лошадей и раздѣлившись на три отряда, приготовился къ вечеру выступить и въ темнотѣ напасть на лагерь разбойниковъ.

Я, какъ только услыхалъ это приказаніе, обратился къ главнокомандующему съ увѣщаніемъ, что этого никакъ нельзя сдѣлать; что если первый отрядъ немного промахнется, то второй испугается, а отъ этого третій самъ собой придетъ въ замѣшательство. Въ это время я и самъ представилъ три проекта: одинъ подъ именемъ—

---

[1]) Лю-цунь-хань былъ приватнымъ учителемъ. Только смутныя времена масульманской инсуррекіи выдвинули его впередъ, и онъ вдругъ, совершенно неожиданно для самого себя, былъ втянутъ въ совершенно ему дотолѣ чуждую сферу дѣятельности и за свои труды «въ лагерѣ» удостоенъ военнаго чина 6 класса (бѣлый фарфоровый шарикъ на шляпѣ, шитье на груди—птица).

«средства нападенія и помощи», второй подъ именемъ—«сокрытіе дѣйствительнаго и выставленіе ложнаго», третій—«раздѣленіе силъ посредствомъ возбуждающихъ недоумѣніе движеній.» Если бы по нимъ дѣйствовать, держа втайнѣ, то можно было бы смести демонскій духъ. Но я не могъ проявить своихъ соображеній!..

Въ этотъ день все-таки отмѣтили къ выступленію болѣе 17.000 человѣкъ. Они двинулись впередъ около 7 час. вечера. На слѣдующій день съ разсвѣтомъ подошли къ Да-ди-во-пу и недалеко отъ лагеря мятежниковъ начали стрѣлять изъ ружей и пушекъ. Разбойники, проснувшись, собрались и вступили въ сраженіе. Передній отрядъ нашего войска состоялъ всего только изъ 6.000; онъ сражался два часа, но не одержалъ верху. Оглянувшись, увидали, что второго отряда не видно; поэтому отступили на нѣсколько ли, чтобы, соединившись, снова вступить въ битву. Неожиданно конный отрядъ отступилъ такъ быстро, что трудно его было удержать. Подойдя ко второму, онъ разстроилъ его, а третій, нетронутый, самъ пришелъ въ смятеніе, такъ что наше войско, разбитое, воротилось въ главный лагерь; погибшихъ и раненыхъ оказалось весьма много. Амбань Та погибъ.

Опуская дальнѣйшія, во всякомъ случаѣ крайне любопытныя подробности этой оригинальной войны, мы переходимъ къ заключительному моменту ея—къ взятію и разгрому мусульманами города Новой Кульчжи.

Потерявъ надежду на помощь извнѣ [1]), цзянь-цзюнь рѣшился наконецъ вступить въ переговоры съ мятежниками, съ каковой цѣлью и отправилъ въ Кульчжу (таранчинскую) сановника Юй, долженствовавшаго «пригласить бунтовщиковъ къ покорности, дабы дать имъ возможность снискать себѣ прощеніе Богдыхана».

Но переговоры эти не увѣнчались успѣхомъ, и два мѣсяца спустя, т. е. въ 12 лунѣ, пронеслись слухи, что мусульмане напали снова на деревню Шань-дунъ-чжуань, въ сѣверномъ предмѣстьѣ главнаго города, но въ нѣсколько дней ничего не успѣли. Тогда дунгане прибѣгли къ хитрости. Они отправили (задержаннаго ими) сановника Юй къ цзянь-цзюню сказать, чтобы съ городскихъ стѣнъ не стрѣляли, что у нихъ съ цяньфанами (ссыльно-поселенцами) вражда и они непремѣнно хотятъ взять Шань-дунъ-чжуань, а когда возьмутъ, то примиреніе обѣихъ сторонъ состоится по цзянь-цзюневу желанію, что они не будутъ противиться. Кто бы подумалъ! Дѣйствительно поддались на эту удочку! 19-го и 20-го числа 12 луны разбойники дѣйствительно пробили Шань-дунъ-чжуань. Не жалко-ли, что цяньфане бились за правительство, слѣдовали за лагеремъ, поступали въ ряды, рубили злодѣевъ, не отказывались повиноваться, и въ одно прекрасное утро погибли отъ нераспоряженія (предательства?).

---

[1]) Нѣсколько ранѣе, а именно въ 6 лунѣ (1865 г.), явились было цзянь-цзюню на выручку торгоуты и калмыки, но почему-то простояли очень недолго подъ стѣнами Или. Несмотря на попытки цзянь-цзюня удержать ихъ, они вернулись въ горы Дуньшань (Юлдусы?).

Жадное сердце мусульманъ не удовольствовалось этимъ; они потребовали, чтобы разрушили одну сторону городской стѣны; съ одной стороны завели переговоры, съ другой—воздвигли окопы, подѣлали батареи и подвели подкопъ; 19-го числа 1 луны 5-го года правленія Туньчжи (1866 г.) въ сѣверо-восточной стѣнѣ города взорвали два бастіона; 22-го рано утромъ сожгли башню городскихъ воротъ[1]); въ часъ пополудни Шань и Ю[2]) ворвались въ городъ, убивали людей, жгли, грабили. Цзянь-цзюнь со всѣми вельможами исполнили свой долгъ преданности (т. е. погибли). Изъ всѣхъ маньчжуръ и китайцевъ, мужчинъ и женщинъ, большихъ и малыхъ, осталось не убитыми или ранеными изъ десяти одинъ или два; взятые мужчины подвергались истязаніямъ, женщины обезчещенію; золото, серебро, вещи, оружіе — все было разграблено до-чиста!»

Вскорѣ затѣмъ и послѣдній манчжурскій оплотъ — городъ Хоргосъ — палъ наконецъ. «Защищавшіе, жалѣя богатства, поддались на переговоры о мирѣ и попали на удочку. 5-го числа вытребовали у нихъ обманомъ оружіе, 9-го разрушили стѣны и перебили, оставивъ изъ десяти одного; мужчины и женщины подвергались поруганію наравнѣ съ главнымъ городомъ».

Несмотря на свою краткость, разсказъ этотъ своеобразно краснорѣчивъ. Онъ исключаетъ необходимость въ дальнѣйшихъ подробностяхъ и дѣлаетъ понятнымъ погромъ китайскихъ войскъ, не только въ Илійской долинѣ, но и на всемъ остальномъ пространствѣ Небесной Имперіи, сравнительно слабымъ и въ свою очередь плохо организованнымъ противникомъ. А что послѣдніе дѣйствительно были плохо организованы, по крайней мѣрѣ таранчи Илійской долины, это доказываетъ намъ слѣдующая ихъ пѣсня, сложенная на взятіе города Баяндая.

---

[1]) Т. е. кумирню? Кумирни эти, всегда деревянныя, выстроенныя въ строго китайскомъ вкусѣ и всегда надъ главными воротами города, составляютъ характернѣйшую особенность каждаго китайскаго города. Онѣ посвящаются богу покровителю города.

[2]) Вѣроятно, имена неизвѣстныхъ намъ дунганскихъ вождей.

«Въ Баяндайскомъ округѣ[1])
Не мало кирпичныхъ заводовъ китайцами понастроено...[2]).
Стоитъ намъ (тѣхъ китайцевъ) избить,
Дунгане объ остальномъ позаботятся...
Впереди Мазара Великаго
Въ древесныхъ шалашахъ размѣстились наши войска
Подъ Султана-Ходжи предводительствомъ,
И взятъ былъ городъ язычниковъ!
Много и нашихъ было побито—
Свозили ихъ на большую дорогу Мазарскую...
Когда воины наши вскочили на коней своихъ,
У Бузурбаръ-Ходжи[3]) стали (язычники) себѣ пощады просить...

---

[1]) Привожу здѣсь таранчинскій текстъ этого «біита»:

Баяндайда баредэ
Китаяса-ган хумбан...
Ляшка ультрух-берса,
Ольджаны аллар дунган...
Улуг-мазары олига (айлига).
Ялам-пенде уй салдык
Султан-ходжа баш-болуп
Капер шарины алдык...
Шiит булган адамляр!
Мазары алдыда iол-да...
Лешкэ атланыб чипса.
Бузурбар-ходжам колдар...
Емир-хан-ходжам келиб
Шибине багладык денга...
Ӧмут-хан-ходжам батырь
Олпак кiиде джанге.
Джанге атланыб чиксак...
Джампидаре айлида,
Райатларне айдайду.
Беглер узи далдыда...
По курмеген адамляр
Китайным по судан коркар!
Кудаим бюурса емды
Китай узю ишиден iокар...
Сепельга шотар куйдук.
Узун карагай чанза...
Тартжиным дунган-ларэ,
Огул-бала хоханза,
Быз по-тейга чекканда...
Iегып тураде окляр
Алла-ден кашиб кетты!
Саралык iоган поклар!
Шарным балары дайду,
Чаштан согур емасмо...
Согурлярга баш булган
Алим—ахун емасмо.

Буквальный переводъ біита не всегда возможенъ, главное же понятенъ, что происходитъ отъ многихъ въ немъ недомолвокъ; послѣднія исправлены мною согласно указаніямъ пѣвца.

[2]) Смыслъ этого стиха, какъ кажется, не совсѣмъ былъ ясенъ и самому пѣвцу. Не объ оградахъ-ли и укрѣпленіяхъ здѣсь идетъ рѣчь?

[3]) Что за личность былъ этотъ Бузурбаръ-ходжа и какую роль игралъ онъ при султанѣ Ахметъ-джанѣ, пѣвецъ объяснить мнѣ затруднился. Но что Бузурбаръ-ходжа игралъ значительную роль и впослѣдствіи, уже по образованіи Кульджинскаго султанства, видно изъ слѣдующаго кульджинскаго біита.

Ишмэймын аракыны!	Не пью я вина!
Тутканынга аш-кала!	Но ты подносишь его—благодарю за него!
Ашик сыз джурал-майдо,	Даже тотъ не живетъ безъ любезной своей
Янге усмей яш бала...	У кого молоко на губахъ не обсохло... (1)
Ишмеке арак ачик,	Пока водку пьешь—горитъ все во рту, (2)
Ишмекен кеим татлык...	А выпьешь ее—сладость во рту остается...
Аузы дан науат барма	Но словно сахаръ въ ротъ попадетъ,
Суймеке джуан татлык!	Когда примешься цѣловать молодку свою!
Ишмеймын аракыны—	Не буду жъ пить я вина—

Но вотъ пріѣхалъ и самъ эмиръ-ходжа-ханъ 1)
И (повелѣлъ) изъ мѣшковъ съ землей валы выстроить...
И тутъ Ӧмутъ-ханъ-ходжа—нашъ вождь-богатырь—
Надѣлъ на себя новую кольчугу свою—
Знать и взаправду надо своихъ коней выводить да садиться на нихъ...
Храбрые впередъ ринулись,
За ними поплелись и всѣ бѣдные,
Что выгоняли впередъ 2) наши начальники...
Все это люди съ пушками незнакомые—
Китайскихъ пушекъ они испугаются!
Но дастъ намъ Всемогущій Богъ
—И не успѣютъ китайцы заморить себя голодомъ!
Вотъ уже и къ крѣпостной стѣнѣ
Изъ длинныхъ еловыхъ жердей подставлены лѣстницы...
А вотъ ужъ и дунгане тарджинскіе, 3)
Храбрѣйшіе все витязи,
На башню, что у воротъ, взобрались...
Въ то же время на нихъ и на насъ градомъ посыпались пули противниковъ...
(И испугались шедшіе къ стѣнамъ) и бросились въ разсыпную съ крикомъ «Алла»!

Либан келады кишине!..	Оно пьянитъ человѣка!...
Суймеймын джуганнынын.—	Не стану цѣловать я молодку свою—
Унтоп келаде кишине!	Забудетъ она человѣка!
Кетты парасын іол—да	Убѣжала ты отъ меня той дороженькой,
Шаи-чаппанын калда (колда)...	Накинувши на себя свой шелковый халатъ...
Быз-нен-дек, мусаперне,	А ну какъ меня, странника,
Бузурбар-ходжам колдар?!..	Оставитъ Бузурбаръ-ходжа вдругъ своей милостью? (3)
Ахшиме манган іол-не	Поздно вечеромъ убѣжала тою дорогою.
Кун-дузю биллял-маймын?!	Гдѣ же было ее днемъ разыскать?
Кишинын юртага келиб	И какъ, въ чужую землю заѣхавшему,
Мусапер джураль маймын.	Мнѣ, чужестранцу, не бояться силой тебя удержать? (4)

Этотъ біитъ требуетъ нѣкоторыхъ объясненій:

Буквальный переводъ былъ бы слѣдующій: (1) «юноша, только что вставшій на ноги», что у таранчей соотвѣтствуетъ десятилѣтнему возрасту; (2) буквально—«горько во рту»; (3) и (4) переведено согласно объясненію пѣвца.

1) Ахметъ-джанъ-ходжа.

2) Сельчане и бѣднѣйшіе изъ городскихъ жителей шли неохотно на бой; передъ каждымъ штурмомъ или битвой ихъ силой сгоняли изъ окрестныхъ селеній. Дезертирство, несмотря на всѣ усилія волостныхъ, было явленіемъ частымъ. Бѣглецовъ возвращали; наиболѣе же упорныхъ въ назиданіе прочимъ—казнили; причемъ, предварительно, осужденнаго на казнь водили по базару, подвѣсивъ къ ушамъ его на веревочкахъ пули; только такимъ путемъ обезчестивъ, несчастному рубили голову за городомъ или на площади.

3) Тарджи—урочище и импань въ нѣсколькихъ верстахъ къ юго-западу отъ Суйдуна.

Жрать умѣютъ только они, да ср... (какая ужъ тутъ помощь отъ нихъ?!)
—Выручили только тѣ изъ ребятъ городскихъ,
Что по притонамъ игорнымъ слоняются...
А и игроки то тѣ всѣ
Изъ Алимъ-ахуновской волости...

Въ не меньшей мѣрѣ доказываютъ это и послѣдующія событія. Едва справившись съ общимъ врагомъ своимъ—китайцами, дунгане и таранчи на всемъ пространствѣ нынѣшней Си-Цзянской провинціи вступили въ ожесточенную борьбу между собой, которая, хотя и окончилась повсемѣстно въ пользу послѣднихъ, но довела ихъ въ то же время до такого изнеможенія, при которомъ обратное занятіе края китайцами явилось уже желаннымъ исходомъ для большинства его населенія.

Въ Илійской долинѣ событія шли тѣмъ же порядкомъ.

Послѣ разгрома солоновъ и сибо—пишетъ далѣе Лю-цунь-хань—таранчи стали мало-по-малу расходиться съ дунганами. «Та и другая сторона стали питать особые замыслы. Не имѣя возможности ужиться вмѣстѣ, они стали добиваться, какъ бы, уничтоживъ другого, самимъ сдѣлаться господами».

«Въ 3 лунѣ 19-го и 20-го чиселъ, чтобы поглотить другъ друга, собрались они большими отдѣльными толпами, и, угрожая другъ другу, вступили въ бой. Дунгане были въ меньшемъ числѣ, а потому и не могли справиться. Ихъ старшина Маягурлъ былъ убитъ, остальные приверженцы разсѣялись. Но въ 4 лунѣ дунгане, соединившись съ вспомогательнымъ отрядомъ изъ Урумчи, собрались въ числѣ 10.000, чтобы отмстить. Чанъ-ту[1]) соединились съ сибо, китайскимъ лагеремъ, монголами и различныхъ мѣстностей жителями и, выйдя на встрѣчу непріятеля, пришли къ Да-ди-во-пу, гдѣ и сошлись; у нихъ было около 7.000 или 8.000. Въ сраженіи чанъ-ту въ соединеніи съ китайскими войсками[2]), какъ ни дрались, были разбиваемы и отступили до Баяндая, гдѣ и остановились, прикрывъ собой большой мостъ у юго-восточнаго угла города. Солдаты изъ народа, жившаго по рвамъ (?), и илійцы закричали: «Припомните, что дунгане первые начали бунтъ, истребили военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ въ девяти городахъ, уничтожили всѣ дворцы (?) и памятники императорскіе, перебили отцовъ, женъ и дѣтей у народа и воиновъ. Имъ остается только насъ перебить! Жизнь и смерть зависитъ отъ нынѣшняго: побѣдимъ, отмстимъ за обезчещенныхъ родителей, женъ и дѣтей, за умершій народъ, за убитыхъ чиновниковъ; будемъ побиты, то помремъ хорошо». Еще не кончили этихъ словъ, какъ вся толпа откликнулась; двѣсти или триста человѣкъ напрягли всѣ силы, бросились на враговъ, убили у нихъ нѣсколько предводителей. Они не могли удержаться, наскоро отступили. Чанту вслѣдъ за этимъ нагрянули и перебили всю толпу пѣхоты, состоявшую изъ пяти или шести тысячъ; только и осталось тысяча или двѣ конницы, изъ которой одна половина вошла въ Суйдинъ-чень [1]), а другая вернулась въ Урумчи».

---

[1]) «Чанъ-ту» значитъ чалмоносцы, т. е. таранчи.

[2]) Фактъ не безъинтересный въ томъ отношеніи, что, указывая на чью изъ двухъ воюющихъ сторонъ склонялись въ то время симпатіи китайцевъ, онъ въ то же время ясно опровергаетъ разсказы и слухи о поголовномъ, будто бы, избіеніи китайцевъ въ Илійской провинціи.

«Съ этого времени дунгане, хоть и не совсѣмъ пресѣклись, но уже не могли затѣвать дѣла».

Такимъ путемъ образовавшееся таранчинское султанство просуществовало, однако, не долго.

Усилившіеся безпорядки на нашей границѣ, броженіе умовъ въ киргизскихъ кочевьяхъ, вызванное эмисарами Якубъ-бека и ходжи-Ахметъ-джана, потеря рынковъ въ Кульчжѣ и Чугучакѣ, наконецъ, смутное положеніе дѣлъ въ Западной Монголіи, все это въ совокупности побудило наше правительство предложить свою помощь китайцамъ къ упорядоченію дѣлъ въ Западномъ Краѣ. Но Пекинское правительство отклонило это предложеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что оно чувствуетъ себя еще недостаточно сильнымъ, чтобы немедленно же приступить къ замиренію Притяньшанья. Тогда, въ предупрежденіе ожидавшагося возстанія среди мусульманскаго населенія нашихъ окраинъ, генералъ-маіору Г. А. Колпаковскому было предписано занять Илійскій край, что имъ и было исполнено 21-го іюня 1871 г., когда русскія войска послѣ двухъ жаркихъ схватокъ у Чинчаходзи и Суйдуна вступили въ Кульчжу.

Событіе это радостно привѣтствовало все оставшееся въ живыхъ китайское населеніе [2]), и Лю-цунь-хань посвятилъ ему нижеслѣдующія знаменательныя строки:

«Къ счастью небо не допустило прекратиться человѣческому роду, и семирѣченскій цзянь-цзюнъ Цзяндала съ войскомъ, проникнутымъ человѣколюбіемъ и истиной, успокоилъ вселенную. Иностранное владѣньице спасло народъ отъ огня и воды, утвердило всѣ четыре страны безъ малѣйшаго вреда, такъ что дѣти не пугаются, а народъ не безъ радости и восторга покорился».

---

[1]) На языкѣ мѣстныхъ жителей—Суйдунъ.

[2]) Что оно было, сравнительно конечно, далеко не ничтожно, доказываетъ слѣдующая

Хотя временное занятіе края оффиціально продолжалось до 1881 года[1]), но только въ 1883 послѣдніе казаки оккупаціоннаго отряда перешли за Хоргосъ, прикрывая собою тылъ эмигрировавшей въ наши предѣлы многотысячной туземной толпы.

Съ тѣхъ поръ этотъ край опустѣлъ, и только многочисленныя развалины селеній свидѣтельствуютъ нынѣ о грозныхъ событіяхъ недавняго прошлаго.

Такова картина прошедшаго этой страны; посмотримъ же, что представляетъ она въ настоящемъ, въ тѣхъ предѣлахъ, однако, которые намъ лично пришлось посѣтить.

Переправа черезъ Хоргосъ отняла у насъ много времени: приходилось не только возиться съ вьюченьемъ и перевьюченьемъ, но и перегонять для перевозки нашего багажа дважды всѣхъ лошадей черезъ рѣку. Такъ что, когда мы, наконецъ, были готовы и длинной вереницей вьюковъ и вершниковъ потянулись по широкому галечному плесу Хоргоса, то солнце стояло уже высоко и нестерпимо жгло намъ шею и плечи.

Миновавъ два мелководныхъ протока Хоргоса и среди нихъ негустую поросль гребенщика, мы взобрались на крутояръ его лѣваго берега и тутъ только увидали прямо передъ собой высокія и массивныя ворота китайскаго пропускнаго поста Никанъ-хора.

Въ воротахъ насъ встрѣтила толпа какихъ-то невзрачныхъ китайцевъ, которая, загородивъ дорогу и намъ и вьюкамъ, потребовала отъ насъ предъявленіе паспорта. Съ трудомъ убѣдивъ ихъ оставить въ покоѣ караванныхъ животныхъ, мы съ братомъ спѣшились и, по указанію какого-то оборванца, взошли въ небольшую, но свѣтлую комнату съ широкими нарами на заднемъ планѣ и столомъ и двумя табуретами у окна.

На ея порогѣ насъ встрѣтилъ болѣе прилично одѣтый китаецъ,

перепись, произведенная русскими властями тотчасъ по занятіи края («Свѣдѣнія о Кульчжинскомъ районѣ», собранныя Пантусовымъ):

таранчей въ селеніяхъ и городахъ	51.891	д. об. п.
дунганъ	4.031	„
китайцевъ	2.847	„
сибо	18.318	„
солоновъ	767	„

[1]) Петербургскій договоръ подписанъ былъ 15-го мая 1881 г.

который, усадивъ насъ на «канъ» 1) и приказавъ подать сюда чаю, объявилъ, что онъ здѣсь начальникъ, что онъ давно знакомъ съ русскими офицерами, очень ихъ любитъ, а потому и задержекъ намъ дѣлать не станетъ. Казаковъ, дѣйствительно, онъ отпустилъ почти тотчасъ же, зато насъ продержалъ до тѣхъ поръ, пока не выспросилъ всего, что считалъ наиболѣе интереснымъ: откуда, куда, зачѣмъ и на долго-ли ѣдемъ; видѣли-ли губернатора, имѣли-ли случай видѣть и говорить съ государемъ и т. под. Мы терпѣливо выдержали этотъ допросъ, когда же выѣхали опять на дорогу, то вьюки оказались свыше чѣмъ на двѣ версты впереди. Пришлось рысью погнать лошадей.

Полотно дороги имѣетъ здѣсь ширину сажени четыре, но наѣзжена едва половина, остальное же пространство густо поросло сорными травами и въ особенности обильно здѣсь росшей Glycirhiza asperrima L. По сторонамъ дороги—арыки, обсаженные двумя рядами молодыхъ ивъ; но посадка послѣднихъ тянется не очень далеко и уже, приближаясь къ Чимпандзе, деревья попадаются все рѣже и рѣже.

Въ Чимпандзе мы нагнали свой караванъ, который съ большимъ трудомъ пробирался среди телѣгъ, загромоздившихъ мѣстами почти вплотную узкую и необыкновенно грязную улицу небольшого предмѣстья.

Впереди слышался шумъ.

«Эй, іол-ат! вамъ говорятъ—іол-ат...., 2) О чтобъ...» доносилось оттуда.

И хотя китайцы словъ этого окрика вѣроятно не поняли, тѣмъ не менѣе, не много спустя, мы все же заслышали ихъ крики, характерное цоконье, удары бича и скрипъ тронувшихся съ мѣста телѣгъ. Вьюки наши снова заколыхались, и мы, наконецъ, выбрались на просторъ.

Въ Чимпандзе мы не заглядывали, удовольствовавшись лишь внѣшнимъ обзоромъ его потрескавшихся и мѣстами даже обвалившихся стѣнъ; зато, пользуясь остановкой, осмотрѣли базаръ предмѣстья, который поразилъ насъ своимъ крайнимъ убожествомъ, грязью и вонью. Въ то время, однако, мы не знали еще, что это

---

1) «Канъ» или «канжинъ»—необходимая принадлежность каждой китайской постройки, редназначенной для жилья; почти соотвѣтствуетъ нарамъ. Это обыкновено—низкій и широкій выступъ стѣны, всегда глинобитный и нерѣдко съ топкой внутри. На немъ спятъ, ѣдятъ и работаютъ. Иногда онъ занимаетъ почти все помѣщеніе.

2) Тюркское выраженіе, означающее: дай дорогу, посторонись.

общее свойство всѣхъ китайскихъ базаровъ Синъ-цзяна и даже западной половины Ганьсу.

Пройдя Чимпандзе, мы остановились въ верстѣ отъ него, на небольшомъ арыкѣ, въ которомъ только еще мѣстами оставались лужицы грязной воды. За неимѣніемъ по сосѣдству другой, пришлось, однако, набирать въ чайники эту жижицу, а затѣмъ глотать какую-то горячую шоколаднаго цвѣта муть вмѣсто чая. Свѣжая вода была сюда пущена только къ вечеру.

На слѣдующій день мы поднялись одновременно съ солнцемъ, но раннему выступленію нашему помѣшалъ несвоевременный визитъ чимпандзинскаго коменданта, пожелавшаго лично представить намъ офицера и солдатъ, назначенныхъ сопровождать насъ до укрѣпленія (импаня) Тарджи. И вотъ, вмѣсто того, чтобы готовиться въ путь, намъ, ради гостей, пришлось приниматься вторично за чай.

Впрочемъ, этотъ манджурскій офицеръ оказался крайне предупредительнымъ. Замѣтивъ сколько стараній мы прилагали къ тому, чтобы вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе отдѣлаться отъ него, онъ вдругъ обратился къ намъ съ предложеніемъ: «дѣлайте свои дѣла, почтенные чиновники! а я тутъ въ сторонѣ полюбуюсь на работу вашихъ людей!» и, дѣйствительно, отошелъ въ сторону и усѣлся на корточки среди кучки конвойныхъ солдатъ; когда же все было готово и передовой эшелонъ вьюковъ уже запылилъ по дорогѣ, онъ подошелъ къ намъ, крѣпко, по-русски, пожалъ наши руки и горячо пожелалъ намъ счастливой дороги. Такихъ людей среди чиновниковъ Синь-цзянской провинціи мы болѣе уже не встрѣчали.

Безпредѣльною ширью раскинулась передъ нами равнина, поросшая луговыми травами и камышемъ. Ничего впереди, кромѣ густой зелени этихъ луговъ не было видно, но, благодаря солнцу и контрасту въ окраскѣ съ почти прозрачными фіолетовыми тонами горъ на краю горизонта, сколько было прелести въ этой картинѣ! Но и эти горы скоро исчезли изъ вида, горизонтъ съузилися, и мы вступили въ тростниковое займище, высокія колеблющіяся стѣны котораго временно скрыли отъ насъ даже ближайшую мѣстность. Впереди блеснула полоска воды, а вскорѣ затѣмъ мы уже шлепали по грязи, черными зигзагами намѣчавшей дорогу среди залитыхъ водой камышей; но вотъ и эта полоска грязи ушла подъ воду, и мы точно разомъ очутились среди обширнаго озера мутной воды.

«Что это, разливъ?»

— Нѣтъ, вода спущена!...

Кѣмъ, для чего и откуда? Но сопровождавшіе насъ солдаты не съумѣли или, что вѣроятнѣе, не захотѣли дать намъ отвѣтъ на эти вопросы...

Частью по водѣ, частью по грязи мы кое-какъ доплелись до небольшого импаня [1]), который вмѣстѣ съ пригоркомъ, на которомъ онъ выстроенъ, казался намъ островомъ среди безбрежнаго пространства камышей и воды. За импанемъ мѣстность точно повысилась; стало суше, камыши порѣдѣли, и, наконецъ, мы выбрались на песокъ, далеко разбѣжавшійся своими буграми въ стороны отъ дороги, впереди же заполонившій собою весь горизонтъ.

Характеръ этихъ песковъ тотъ же, что и вездѣ въ Средней Азіи; только растительность показалась мнѣ здѣсь не много разнообразнѣе; такъ, кромѣ обычныхъ Tamarix Palasii, Haloxylon ammodendron, Nitraria Schoeberi, Salsola arbuscula, S. carinata, Lycium ruthenicum, Atraphaxis sp., Carex physodes и многихъ другихъ, мы встрѣтили среди нихъ, между прочимъ, также и Artemisia dracunculus, Statice sp., Zygophyllum brachypterum, Peganum harmala, вившійся по тамариску Clematis, Hedysarum sp. и даже Apocynum venetum [2]). Впрочемъ на флору этихъ песковъ я обратилъ мало вниманія, увлекшись ловлей новой и весьма характерной разности Lycaena Tengstroemi [3]), другой Lycaena—L. Christophi и, наконецъ, наиболѣе замѣчательной изъ тяньшаньскихъ чешуекрылыхъ—Coenonympha mongolica Alph. Къ сожалѣнію мнѣ не пришлось болѣе получаса посвятить на сборъ этихъ бабочекъ. Помѣхой явились солдаты китайскаго разъѣзда, которые съ назойливымъ любопытствомъ слѣдовали за мной по пятамъ; узнавъ затѣмъ, что при мнѣ не было пропускнаго листа, они не ограничились уже одними глупыми замѣчаніями на мой счетъ, но стали вышучивать меня и болѣе дѣйствительнымъ образомъ. Тогда я проговорилъ, что буду на нихъ жаловаться въ Суйдунѣ. Но эта угроза только подлила масла въ огонь: они осыпали меня площадной бранью и въ концѣ концовъ стали требовать денегъ, обѣщая, въ случаѣ отказа, вернуть меня, какъ безпаспортнаго, обратно въ Хоргосъ. Только пара револьверовъ, своевременно имъ указанная, оградила меня, наконецъ, отъ дальнѣйшаго насилія негодяевъ, да и то они отъѣхали всего саженъ на десять въ сторону и оттуда продолжали слѣдить за всѣми моими движеніями.

---

[1]) Въ Синь-цзянѣ главная масса войскъ расположена не въ городахъ, а по главнѣйшимъ дорогамъ, въ такъ называемыхъ, «импаняхъ». Импани различаются по величинѣ, однако, всѣ они построены по одному типу: высокія, съ бойницами, но очень рѣдко гдѣ приспособленныя къ оборонѣ и всегда очень тонкія, стѣны охватываютъ четвероугольную, болѣе или менѣе обширную, площадь, застроенную по серединѣ казармами, расположенными въ два корпуса; широкая улица между ними ведетъ къ помѣщенію коменданта импаня, которое такимъ образомъ, приходится почти всегда противъ единственныхъ воротъ укрѣпленія; послѣднія защищены обыкновенно также небольшой стѣнкой, выдвинутой впередъ гдѣ на сажень, а гдѣ-такъ и больше. Иногда складъ оружія и боевыхъ припасовъ отдѣленъ отъ помѣщенія коменданта и прислоненъ къ одному изъ угловъ задней стѣны; въ такомъ случаѣ по угламъ этой послѣдней имѣются непремѣнно башеньки съ тремя въ нихъ продолговатыми бойницами. Если въ импани квартируетъ конная лянза или, вообще, отрядъ конницы, то конюшни для лошадей пристраиваются внѣ стѣны импаня, причемъ, однако, онѣ обводятся также высокой стѣной.

[2]) При характеристикѣ флоры песковъ я не буду отдѣлять растительныхъ типовъ такыровъ отъ растеній сыпучихъ песковъ.

[3]) Описана мною въ «Horae Soc. Ent. Ross». 1891, XXV, подъ названіемъ «Iliensis».

«А что, хозяинъ, поѣдемъ!... Смотри, чтобъ худо не было!...» подавая мнѣ лошадь, заключилъ и неизмѣнный мой спутникъ—джигитъ Ташбалта.

Онъ былъ правъ: медлить не слѣдовало. Я покинулъ пески и рысью направился по дорогѣ въ догонъ каравана.

Переѣхавъ по мосту болотистую и обросшую камышами рѣчку Чинъ-шуй и оставивъ отъ себя вправо импань Тарджи, мы поднялись вслѣдъ затѣмъ по довольно пологой покатости на лёссовое плато, густо, хотя и однообразно, поросшее двумя-тремя видами луговыхъ злаковъ и составляющее первый уступъ предгорій Боро-Хоро. Проѣхавъ этимъ плато четыре версты, мы, не доѣзжая Суйдуна, свернули вправо, къ казенному, такъ называемому консульскому помѣщенію, гдѣ и встрѣтили самый радушный пріемъ со стороны его временнаго хозяина, нѣмца, бывшаго часовыхъ дѣлъ мастера, а нынѣ, по милости консула, надсмотрщика за казеннымъ добромъ.

Основанный въ 1762 г., Суй-динъ-ченъ или, какъ его принято называть здѣсь—Суйдунъ, пострадалъ въ періоды инсурекціи очень мало; тѣмъ не менѣе, оставаясь долгое время безъ всякой поддержки, стѣны его до такой степени обветшали, что, когда, въ 1883 году, китайское правительство рѣшилось обратить его въ резиденцію цзянь-цзюня, городъ пришлось отстраивать заново.

Въ настоящее время городъ Суйдунъ, занимающій площадь, равную менѣе, чѣмъ полу квадрадной верстѣ, внутри еще мало застроенъ. Китайскій базаръ его не великъ, жителей почти нѣтъ и все его населеніе составляютъ преимущественно чиновники, ихъ челядь, полицейскіе и солдаты собственнаго конвоя цзянь-цзюня. Только за его высокими стѣнами, въ пригородахъ, изъ коихъ южный обнесенъ также стѣной, высокой, но тонкой и мѣстами уже обвалившейся, скучивается главная масса населенія этого города. Базары этихъ предмѣстій, почему-то называющіеся: одинъ—таранчинскимъ, другой—дунганскимъ, въ сущности носятъ одинъ и тотъ же характеръ, ничѣмъ не отличаясь отъ базаровъ китайскихъ: таже здѣсь тѣснота и грязь, таже специфически-китайская вонь, тѣже открытые харчевни съ невзрачными, грязными посѣтителями, тѣже, наконецъ, извозчики, развозящіе въ своихъ синихъ ящикахъ-клѣткахъ непритязательныхъ пассажировъ, и всюду такъ и лѣзущія въ глаза громадныя холщевыя вывѣски съ нашитыми на нихъ китайскими іероглифами. Таранчинецъ здѣсь непримѣтенъ; надъ всѣми же и всѣмъ доминируетъ китайскій солдатъ, буйный, нахальный и грязный, съ ранняго утра стекающійся суда изъ десятка окрестныхъ импаней и день-денской снующій праздной толпой по двумъ-тремъ излюбленнымъ улицамъ.

Согласно съ выраженнымъ нами желаніемъ, аудіенція у цзянь-цзюня была назначена намъ на слѣдующій день, послѣ полудня.

Къ двумъ часамъ въ консульское помѣщеніе прибылъ китаецъ съ сообщеніемъ, что цзянь-цзюнь насъ ожидаетъ; а минутъ двадцать спустя, мы уже въѣзжали, миновавъ предмѣстье, въ южныя ворота Суйдуна 1). Проѣхавъ китайскій базаръ, мы свернули вправо и, оставивъ въ сторонѣ какую-то пустошь, очутились передъ стѣной съ намалеваннымъ на ней громаднымъ дракономъ. Это означало, что передъ нами находится «ямынь» 2), въ данномъ же случаѣ—помѣщеніе цзянь-цзюня.

Проѣхавъ обширный дворъ, въ которомъ мы застали десятка полтора оборванцевъ, не то солдатъ сосѣдняго импаня, не то чернорабочихъ и любопытныхъ, мы остановились передъ такъ называемымъ «да-танъ», т. е. воротами, съ большимъ пестрымъ навѣсомъ надъ ними и судейскимъ столомъ посрединѣ. Обогнувъ помостъ, на которомъ стоялъ этотъ столъ, мы черезъ боковыя двери вступили на второй или, точнѣе, внутренній дворъ. Здѣсь мы застали человѣкъ тридцать прилично-одѣтыхъ китайцевъ, крайне смущенныхъ нашимъ неожиданнымъ появленіемъ: согласно обычаю, мы должны были выслать впередъ свои визитныя карточки, чего мы,

---

1) Воротъ въ Суйдунѣ трое: западныя, выходящія на кладбище и въ мое время бывшія на глухо задѣланными, южныя и восточныя. Не слѣдуетъ забывать, что здѣсь описывается Суйдунъ 1889—1890 гг.

2) «Ямынь» соотвѣтствуетъ русскому—присутственное мѣсто. Въ Китаѣ существуетъ обыкновеніе соединять съ присутственнымъ мѣстомъ и квартиру предсѣдательствующаго въ немъ чиновника.

по незнанію однако не сдѣлали! Часть этихъ китайцевъ тотчасъ же бросилась во внутренніе покои, другіе стали тутъ же, при насъ, спѣшно облачаться въ свой офиціальный костюмъ — темносинія курмы съ золотымъ шитьемъ на груди и поярковыя черныя шляпы съ цвѣтными, преимущественно бѣлыми фарфоровыми шариками на нихъ. При видѣ такого переполоха мы въ свою очередь замѣтно смутились и, предоставленные самимъ себѣ, совершенно не знали, что предпринять. Изъ этого затрудненія вывелъ насъ какой-то простоволосый китаецъ, указавшій намъ деревянную постройку, напоминавшую обширную монгольскую юрту, въ которой мы и должны были обождать выхода цзянь-цзюня.

Когда, минутъ черезъ пять, насъ снова выпустили на дворъ, тамъ все уже было готово къ пріему: шпалерами выстроившіеся чиновники военнаго и гражданскаго вѣдомствъ образовали узкую улицу, въ глубинѣ которой ожидалъ насъ, привѣтливо улыбаясь, пожилыхъ лѣтъ маньчжуръ, который, какъ мы тотчасъ догадались, и былъ самъ цзянь-цзюнь Сэ-Лёнъ-Гё.

Визитъ нашъ былъ непродолжителенъ. Обмѣнявшись нѣсколькими любезными фразами и получивъ обѣщаніе всѣми зависящими отъ него мѣрами содѣйствовать успѣху нашей экспедиціи [1]), мы очень церемонно простились съ маньчжурскимъ генераломъ и въ его присутствіи сѣли на поданныхъ намъ во внутренній дворъ лошадей.

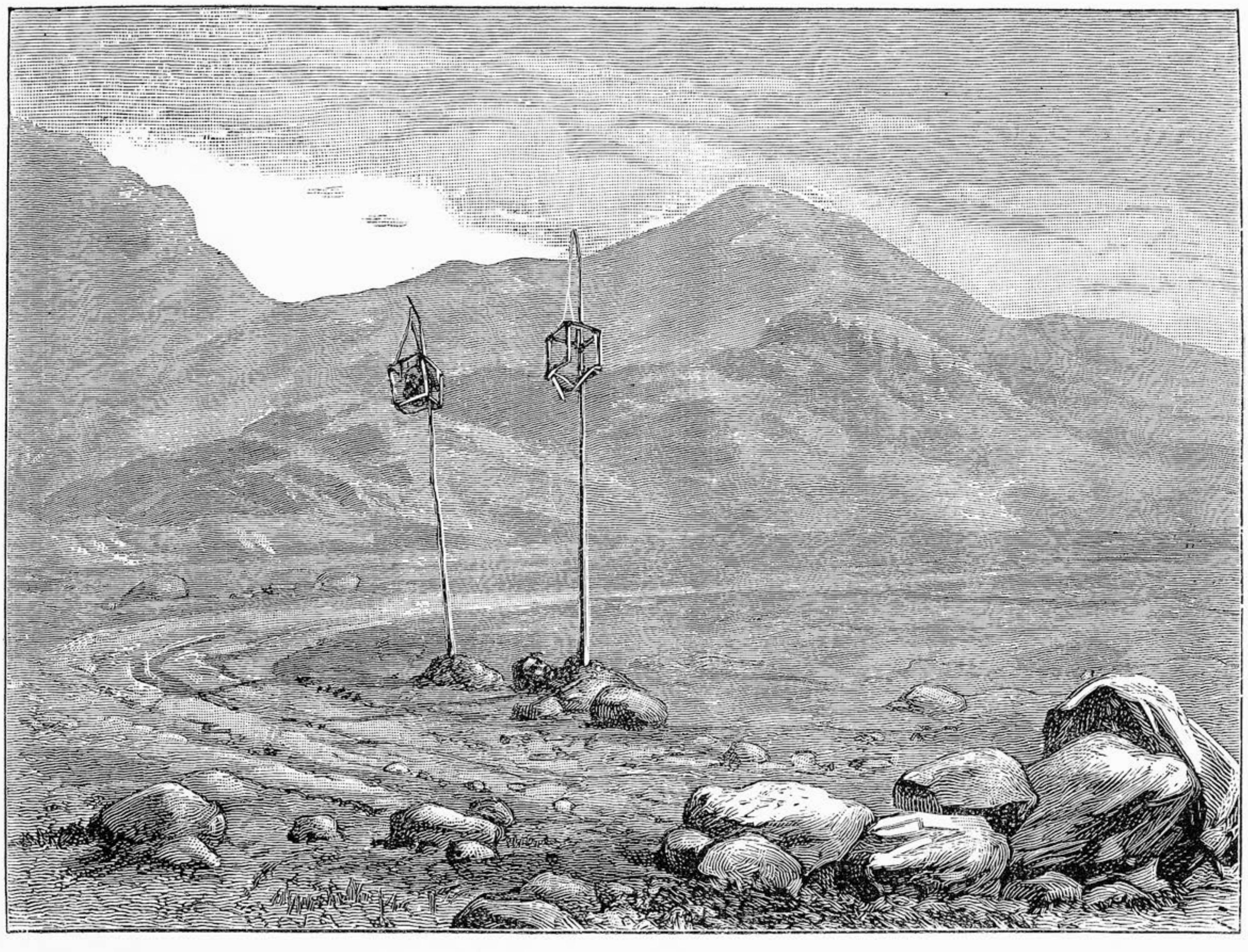
Ночью разразилась сильная буря съ дождемъ. Вихри налетали ежеминутно и были до такой степени сильны, что по сосѣдству съ консульскимъ помѣщеніемъ повалили нѣсколько тополей. Дождь шелъ въ теченіе трехъ часовъ. Затѣмъ совершенно разъяснѣло, и звѣзды, точно омытыя дождемъ, заблистали ярче обыкновеннаго— явленіе обычное въ этихъ странахъ и находящее себѣ объясненіе въ томъ, что воздухъ послѣ дождя временно очищается отъ тончайшей лессовой пыли, всегда переполняющей здѣсь нижніе слои атмосферы.

Большая дорога въ Кульчжу развѣтвляется передъ Суйдуномъ: лѣвая ея вѣтвь огибаетъ послѣдній съ сѣвера, правая скрывается въ воротахъ предмѣстья и тянется затѣмъ грязнымъ и узкимъ корридоромъ среди рядовъ открытыхъ лавокъ, ларей и харчевень. Мы вышли изъ Суйдуна этимъ путемъ и, оставивъ влѣво пѣшеходный мостикъ, перекинутый черезъ суйдунскую рѣчку, перешли послѣднюю въ бродъ.

---

[1]) Излишне говорить, что обѣщаніе это исполнено не было.

Суйдунскій оазисъ тянулся не долго; миновавъ нѣсколько фанзъ и импань къ сѣверу отъ дороги, мы вышли на степь, которая пологими падями и гривами, поросшими преимущественно полынью, уходила въ даль горизонта. На десятой верстѣ отъ Суйдуна мы спустились въ довольно глубокій логъ, въ которомъ нашли нѣсколько зданій: пикетъ, постоялый дворъ (тань) и харчевню, вокругъ которой на этотъ разъ собралось подводъ двадцать съ каменнымъ углемъ изъ столь здѣсь извѣстныхъ Готульскихъ копей.



Отъ пикета, въ которомъ конвоировавшіе насъ китайскіе солдаты смѣнились, дорога пошла ближе къ пустыннымъ предгоріямъ Боро-Хоро. Растительность, гнѣздящаяся здѣсь преимущественно по рытвинамъ и въ распадкахъ холмовъ не скрашивала ландшафта, и только чій, чувствовавшій себя здѣсь на родной почвѣ, раскидывая свои пышные снопы желтыхъ метелокъ, до нѣкоторой степени оживлялъ эту унылую мѣстность.

На одной изъ глинистыхъ площадей, усыпанной мелкою черною галькой и, какъ плѣшь, оголенной отъ всякой растительности, мы издали замѣтили высокія жерди съ мотавшимися вокругъ нихъ деревянными клѣтками, въ которыхъ заключены были полуистлѣвшія головы казненныхъ преступниковъ—возмутительное, жестокое зрѣлище, къ которому въ Китаѣ, впрочемъ, нельзя не привыкнуть 1).

Вышеописанная унылая мѣстность тянется до развалинъ города Баяндая, гдѣ въ послѣдній разъ смѣнились солдаты конвоя и откуда остается не болѣе шести верстъ до Кульчжи. Картина здѣсь сразу мѣняется. Появляются всюду древесныя насажденія, поля непрерывной полосой тянутся въ обѣ стороны отъ дороги, многоводные арыки то и дѣло пересѣкаютъ нашъ путь, поминутно встрѣчаются люди пѣшкомъ, верхомъ и въ телѣгахъ, виднѣются кое-гдѣ фанзы, мелькаютъ дувалы 2) и развалины русскихъ слободъ съ сохранившимися еще въ нѣкоторыхъ постройкахъ оконными переплетами, въ которыхъ безобразно торчатъ осколки стекла... Наконецъ, намъ объявили: А вотъ и Кульчжа! Китайцы понеслись впередъ, на полномъ карьерѣ свернули въ тѣнистую аллею изъ тополей и круто осадили своихъ лошадей всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика русскаго консульства, гдѣ насъ встрѣтили съ радушіемъ, обязательнымъ для каждаго русскаго на этой далекой окраинѣ.

Кульчжа по площади, занимаемой ею, и потому оживленію, которое замѣчается на всѣхъ ея базарахъ и къ нимъ прилегающихъ улицахъ, производитъ впечатлѣніе одного изъ крупнѣйшихъ городовъ китайскаго Притяньшанья. По всѣмъ даннымъ, однако, въ ней нѣтъ и десяти тысячъ жителей. Разбросавшаяся своими предмѣстьями, застроенная лачужками, среди которыхъ русскіе домики выдѣляются точно яркая бѣлая заплата на сѣромъ рубищѣ нищаго, грязная и убогая внутри, она производитъ пріятное впечатлѣніе только своими садами, которые сплошь почти окружаютъ ее отовсюду.

Современная Кульчжа основана въ 1762 году 3); но еще во времена господства въ Илійской долинѣ джунгаровъ здѣсь распо-

---

1) На одной изъ жердинъ мною найденъ былъ самецъ Prionus. Нигдѣ далѣе на востокъ мы уже болѣе этого рѣдкаго жука не встрѣчали.

2) Слово тюркское, обозначающее глинобитную ограду.

3) Матусовскій «Географическое обозрѣніе Китайской Имперіи», стр. 313. У Іакинфа «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана». стр. 106), однако, читаемъ: «Черезъ 15 ли на востокъ отъ Хой-нинъ-чена (Баянтая) лежитъ туркестанскій городъ Гульчжа»; что заставляетъ думать, что Кульчжа искони былъ городомъ таранчинскимъ, а потому и китайцами, какъ это сообщаетъ намъ со словъ китайскаго сочиненія «Синъ-цзянь-чжи-лю» д-ръ Бретшнейдеръ, основанъ быть не могъ.

ложенъ былъ ламайскій монастырь Цзинъ-динъ-сы, что значитъ—«кумирня съ золотымъ верхомъ», обозначенная и на картѣ Рената [1]) девятью кружками, казавшимися необъяснимыми истолкователю этой карты А. Макшееву; пять другихъ кружковъ на противоположномъ берегу Или съ подписью Chainack изображали другой монастырь—Инь-динъ-сы, или «кумирню съ серебрянымъ верхомъ». Хайнакъ, какъ деревня, и теперь существуетъ, равно какъ и другое урочище, обозначенное рядомъ на той же картѣ Рената—Чапчалъ.

Архимандритъ Палладій [2]) и докторъ Бретшнейдеръ [3]) пріурочиваютъ къ Кульчжѣ древній городъ Альмаликъ. Еще раньше высказалъ туже мысль китайскій писатель Суй-Сунъ.

Что Альмаликъ находился гдѣ-то на правомъ берегу р. Или, въ этомъ, какъ мнѣ кажется, нельзя сомнѣваться; и я совершенно раздѣляю мнѣніе Бретшнейдера, заподозрившаго d'Osson'а въ невѣрности перевода, когда тотъ писалъ: «Ассутай двинулся черезъ ущелье Талки (Ирongатъ), переправился черезъ рѣку Или (Хиль) и взялъ Альмаликъ» [4]). Дѣйствительно, какъ это дальше удостовѣряетъ Бретшнейдеръ, Quatremère о томъ же событіи на 146 стр. своей «Исторіи монголовъ» пишетъ иначе: «Ассутай послѣ прохода Желѣзныхъ воротъ (Тимуръ-калакъ, Талки) внезапно явился на берегъ Или, близъ Альмалика, и аттаковалъ орды Альгу». Но я считаю невозможнымъ помѣстить Альмаликъ гдѣ-нибудь въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ современной Кульчжей, отстоящей верстъ на шестьдесятъ къ юго-востоку отъ такъ называемаго «Императорскаго пути».

Даосскій монахъ Чанъ-чунъ, спѣшившій на зовъ Чингисъ-хана изъ Внутренняго Китая и, несмотря на свои преклонныя лѣта ѣхавшій только съ самыми короткими остановками, вотъ какъ описываетъ прибытіе свое въ Альмаликъ [5]).

...«На другой день, рано утромъ, мы поднялись и поѣхали на юго-западъ; ли черезъ двадцать мы очутились вдругъ у огромнаго озера, имѣющаго въ окружности около 200 ли (Сайрамъ-норъ); снѣжные пики, окружая его со всѣхъ сторонъ, отражались въ водахъ озера. Слѣдуя подлѣ него, мы спустились прямо на югъ; по обѣ стороны отъ насъ стояли отвѣсныя скалы и вздымались пики; густой лѣсъ изъ березъ и ели, вышиной болѣе ста футовъ, сплошными массами покрывалъ горы съ вершины до подошвы ихъ. Потоки воды стремились въ ущелье быстрыми струями и каскадами и извивались въ немъ около 60 или 70 ли. Второй царевичъ (Чаадай), бывшій во время похода съ императоромъ, первый проложилъ здѣсь (т. е. по Талкинскому ущелью) дорогу, пробилъ скалы и изъ нарубленнаго лѣса устроилъ 48 мостовъ, по которымъ могутъ проѣхать двѣ телѣги рядомъ. Къ вечеру мы остановились въ ущельи на ночевье. На другой день мы, наконецъ, выѣхали изъ него и вступили въ огромную долину, простирающуюся съ востока на западъ. Здѣсь воды много, трава богатая, воздухъ, какъ весной. Потомъ черезъ одинъ переѣздъ мы прибыли въ городъ А-ли-ма».

---

[1]) Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1888, т. XI.

[2]) «Труды членовъ Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. IV.

[3]) E. Bretschneider «Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources» vol I, II.

[4]) Vol II, p. 34.

[5]) «Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», т. IV, стр. 303—304. Бретшнейдеръ, т. I, стр. 69—70.

Принимая въ соображеніе короткость переѣздовъ старца Чанъчуня, мы не иначе можемъ представить себѣ Альмаликъ, какъ вблизи устья Талкинскаго ущелья, гдѣ-нибудь по сосѣдству съ современнымъ городкомъ Чин-ча-хо-цзи и много-много, если нѣсколько верстъ на юго-востокъ отъ послѣдняго, на рѣчкѣ Талки.

И что это именно такъ, доказываетъ намъ слѣдующая выписка изъ «Си-юй-вынь-цзянь-лу». («Описанія Западнаго Края»)[1]).

...«Въ сорока ли отъ Хой-юань-ченя на сѣверъ есть городокъ Талки[2]), а еще черезъ двадцать ли—городокъ Ухарликъ, главное мѣсто военнаго поселенія. Далѣе на сѣверъ выходитъ изъ горы Алимату ключъ, который, протекая на югъ, принимаетъ названіе рѣчки Ухарлика, окружаетъ городъ съ сѣверо-западной стороны и посредствомъ канала входитъ въ него. На сѣверной его сторонѣ, при горѣ Талки, разведено множество садовъ съ плодовыми деревьями[3]).

На картѣ Рената р. Ухарлыкъ (Uchar-Luck) показана отдѣльно отъ р. Альматы (Almatta). Рѣка Ухарлыкъ можетъ соотвѣтствовать нынѣшней р. Талки, Альматы—рѣчкѣ Урта; если же за Алматы китайскаго географа XVIII вѣка признать рѣчку Урта, то три Цаганъ-Уссунскія рѣчки карты Рената будутъ соотвѣтствовать тѣмъ тремъ безъимяннымъ рѣчкамъ, которыя, дѣйствительно, показываются на нашихъ картахъ сбѣгающими съ горъ Боро-Хоро у перевала Талки.

---

[1]) Іакинфъ «Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 104—105.

[2]) На картѣ, приложенной къ предварительному отчету П. Семенова—«Первая поѣздка на Тянь-Шань» («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1858, XXIII) городъ Суйдунъ названъ Талки.

[3]) Чингисъ-хана въ его походѣ на кара-киданьцевъ сопровождалъ сановникъ Ѣлюй-Чуцай, который въ такихъ выраженіяхъ описываетъ прибытіе свое въ Альмаликъ: «Спустившись съ Инь-Шаня, вы достигаете города А-ли-ма. Западные народы зовутъ дикое яблоко—а-ли-ма, а такъ какъ городъ окружаютъ сады, изобилующіе яблонями, то и городъ получилъ это названіе». (Бретшнейдеръ—«Mediaeval researches», etc, v. I, p. 17).

Впрочемъ, мѣстоположеніе Альмалика указывалось очень точно и другими изслѣдователями восточнаго Притяньшанья. Такъ, извѣстный путешественникъ и географъ П. П. Семеновъ, исправляя Риттера, совершенно неправильно отождествлявшаго Альмаликъ и Илибалыкъ [1]) съ Хой-юань-ченемъ [2]) высказалъ, между прочимъ, предположеніе, что загадочный городъ этотъ долженъ былъ находиться верстахъ въ 40 къ зап. сѣв. западу отъ современной Кульчжи. То же, ссылаясь на слухи о существованіи развалинъ какого-то города въ семи верстахъ къ сѣверо-западу отъ Суйдуна, высказывалъ и извѣстный синологъ Захаровъ, долгое время, до дунганскаго возстанія, бывшій россійскимъ консуломъ въ Кульчжѣ [3]). Наконецъ, на окрестности Суйдуна, какъ вѣроятное мѣстоположеніе Альмалика, указывалъ въ свое время и докторъ-путешественникъ Регель [4]).

Роль Альмалика въ исторіи Востока чрезвычайно загадочна. Ко времени Чингисъ-хана долина Или оказывалась уже заселенной культурнымъ народомъ, который, по словамъ очевидцевъ, орошалъ свои поля изъ водопроводовъ [5]) и управлялся изъ Альмалика [6]). Но что это былъ за народъ, когда и откуда выселился сюда, наконецъ, какая судьба постигла его, когда, въ XVI вѣкѣ, Альмаликъ былъ разрушенъ узбеками, намъ неизвѣстно.

Первымъ изъ князей Альмалика, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ Озаръ [7]), данникъ гуръ-хана кара-киданьскаго Чилуку [8]), по Іакинфу [9]), Елюй Чжулху. Когда Чилуку былъ схваченъ Кучулэ (Кучлукомъ), ханомъ Найманскимъ (1201 г.), Озаръ возсталъ противъ послѣдняго, но былъ разбитъ и казненъ (1211 г.). Еще раньше, однако, видя слабость Чилуку и возрастающее могущество Чингисъ-хана, Озаръ, въ числѣ многихъ другихъ князей той эпохи, добровольно призналъ послѣдняго своимъ сюзереномъ. Вотъ почему, по смерти Озара, Чингисъ-ханъ счелъ себя въ правѣ вмѣшаться во внутреннія дѣла Альмалика и, женивъ сына Озара, Сикнакъ Текина[1]), на одной изъ внучекъ своихъ (дочери Джучи), утвердилъ его на престолѣ отца. Въ 1219 г. Сикнакъ Текинъ принялъ участіе въ походѣ Чингисъ-хана на Кара-киданскую и Хоразмскую Имперіи и въ томъ же году Альмаликъ посѣтилъ, не разъ уже цитированный нами выше, даосскій монахъ Чанъ-чунь, котораго встрѣтили здѣсь правитель города Пусумань[2]) и монгольскій намѣстникъ съ титуломъ да-ла-ху-чжи[3]).

---

[1]) На картѣ сѣверо-западныхъ владѣній монголовъ, составляющей точное воспроизведеніе китайскаго оригинала, считающагося и въ Китаѣ рѣдкостью, и принадлежавшаго къ статистическому сборнику, составленному въ Пекинѣ по правительственнымъ документамъ въ 1329—1331 г., Или-балыкъ показанъ къ западу отъ Альмалика (См. «Труды член. дух. миссіи въ Пекинѣ», IV). Тоже слѣдуетъ заключить и изъ описанія путешествія Гайтона, царя Малой Арменіи, возвращавшагося изъ Монголіи черезъ Халуалекъ (Альмаликъ). Миновавъ этотъ городъ, онъ прибылъ въ Иланъ-балыкъ, гдѣ и переправился черезъ рѣку Иланъ (Или). См. Бретшнейдеръ «Mediaer. res.», II, стр. 38, 44.

[2]) Риттеръ «Землевѣдѣніе Азіи», II, стр. 95, 96, прим.

[3]) Бретшнейдеръ, I, стр. 69, примѣч. 172.

[4]) Бретшнейдеръ, I, стр. 70, примѣч. 175. «Gartenflora», 1877.

[5]) «Труды членовъ рос. дух. миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 304.

[6]) «Восемь или девять другихъ городовъ, главныхъ и второстепенныхъ, были подчинены А-ли-ма» (Ѣлюй-Чуцай, см. Бретшнейдеръ, op. cit., I, стр. 17).

[7]) Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 33.

[8]) В. Григорьевъ «Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 294.

[9]) «Записки о Монголіи», II, стр. 171.

Со смертью же Сикнакъ-Текина прекратилась, повидимому, и династія туземныхъ правителей Альмалика, что видно изъ того, что уже Джагатай обратилъ городъ этотъ въ свою лѣтнюю резиденцію; затѣмъ, когда, въ 1253 г., ханъ Гулагу проходилъ бассейномъ Или, онъ засталъ въ Альмаликѣ уже въ роли правительницы вдову Кара-Хулаги, сына Джагатаева, ханьшу Органу.

Въ дальнѣйшемъ исторія Альмалика представляетъ еще менѣе поучительнаго, и если имя этого города и упоминается изрѣдка въ лѣтописяхъ, то не иначе, какъ мимоходомъ. Наибольшее значеніе Альмаликъ пріобрѣлъ, повидимому, во второй половинѣ XIII вѣка, когда два владѣтеля его, Алгу (внукъ Джагатая) и Хайду (внукъ Угэдэя), вели войны: первый съ возставшимъ противъ Хубилая Эрэ-бугэ (Арикъ-буха) (1261 г.), второй съ самимъ императоромъ Хубилаемъ (1268—1293), оба, впрочемъ, крайне несчастливо для себя.

Изъ явленій его внутренней жизни извѣстно, что въ началѣ XIV столѣтія онъ былъ католическимъ миссіонерскимъ епископствомъ[4]) и, какъ кажется, митрополіей несторьянской церкви[5]).

---

[1]) Бретшнейдеръ, l. c., стр. 33.

[2]) Арх. Палладій думаетъ, что Пусумань есть испорченное Бессерменъ, Мусульманъ, но согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ трудно.

[3]) Т. е. дарагучи, какъ пишетъ арх. Палладій; кажется, правильнѣе—джаргучи или таргуджи—хранитель войсковой печати, судья, а потому лицо, исполнявшее обязанности намѣстника въ вассальныхъ земляхъ.

[4]) Епископъ съ шестью монахами погибъ мученическою смертью въ Альмаликѣ въ 1340 году.

[5]) Бретшнейдеръ, l. c., стр. 38.

ГЛАВА II.

Въ горахъ Боро-Хоро.

Избранный нами путь изъ Кульчжи черезъ перевалъ Ачалъ на Джинъ-хо считается самымъ прямымъ и въ то же время наиболѣе удобнымъ для вьючнаго сообщенія послѣ разработанныхъ для колеснаго передвиженія Талкинскаго [1] и Пиликчи [2]; тѣмъ не менѣе, благодаря большой водѣ въ Боробогосунѣ и неразработанности обходныхъ тропинокъ, этотъ переходъ черезъ горы въ Джунгарію оказался далеко не изъ легкихъ.

Изъ Кульчжи мы выступили 2 іюня и, обойдя городъ съ сѣвера, вышли на степь. Было ужъ поздно, солнце замѣтно склонялось на западъ и своими косыми лучами золотило верхи отдаленныхъ горъ, тонувшихъ въ сизомъ туманѣ. Оптическій туманъ этотъ расплывался, мало-по-малу заволакивалъ горизонтъ и полупрозрачной дымкой надвигался на насъ по долинѣ, однообразіе коей нарушалось только обвалившимися дувалами и безформенными грудами глины, обозначающими былыя постройки. Еще одинъ часъ пути, и послѣдніе лучи заходящаго солнца погасли. Наконецъ, уже плохо впереди различая предметы, мы миновали заброшенную деревню и аллею мощно разросшихся тополей и, пройдя еще три версты, остановились у моста черезъ громадный арыкъ [3]), обсаженный по обѣ стороны ивами и тополями. Урочище это носитъ названіе «Ташъ-купрюкъ», что значитъ — каменный мостъ 1). До него отъ Кульчжи свыше тридцати верстъ.

---

[1] Перевалъ Талки былъ разработанъ для колеснаго движенія въ 1218 г. по приказанію Чингисъ-хана.

[2] Перевалъ Пиликчи до пикета въ вершинѣ р. Боростая былъ разработанъ русскими властями; затѣмъ дорога черезъ него пришла въ совершенную негодность и только уже въ 1890 г. была возстановлена китайскимъ правительствомъ, которое продолжило ее и по ущелью р. Боростая.

[3] Арыкомъ называютъ въ Средней Азіи оросительную канаву.

На слѣдующее утро мы непріятно поражены были извѣстіемъ, что у трехъ изъ лошадей каравана оказались намины 2) — вѣроятное слѣдствіе прощальной чарочки въ гостепріимной Кульчжѣ и нашего поздняго прихода на мѣсто ночлега.

Наминъ излѣчивается очень просто и безъ всякихъ послѣдствій, если онъ своевременно былъ замѣченъ; застуженный же, обращается обыкновенно въ гнойную язву, размѣромъ иногда больше ладони; такую рану вылечить скоро нельзя, въ особенности въ лѣтнее время, когда нѣтъ возможности предохранить ее отъ червей, а потому всего практичнѣе больную лошадь тотчасъ же вымѣнять или продать. Нѣчто подобное угрожало вѣроятно и намъ, такъ какъ за ночь намины успѣли уже затвердѣть. Тѣмъ не менѣе мы приняли всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы разогнать опасную опухоль 3). Мѣры эти конечно не привели ни къ чему, и трехъ лошадей приходилось помѣтить выбывшими изъ каравана.

Кто путешествовалъ со вьюками, тотъ знаетъ, что значитъ потерять трехъ лошадей гдѣ-нибудь въ степи, въ дали отъ человѣческаго жилья. Замѣнить ихъ некѣмъ, и вотъ, волей-неволей, приходится придумывать новую комбинацію въ распредѣленіи грузовъ, что всегда и мѣшкотно и хлопотливо. Неудивительно поэтому, что и на этотъ разъ, вставши съ разсвѣтомъ, мы только въ 10 часовъ утра тронулись съ мѣста нашей стоянки.

Отъ Ташъ-купрюка къ востоку страна казалась столь же густо нѣкогда заселенной, какъ и ближайшая мѣстность къ Кульчжѣ: арыки и заброшенныя поля встрѣчались намъ безпрестанно. Одновременно степь принимала все болѣе и болѣе волнистыя очертанія. Наконецъ, пройдя почти совершенно заброшеннымъ селеніемъ Билюке, мы втянулись въ предгорія Боро-Хоро, сложен-

---

1) Въ настоящее время этотъ мостъ деревянный.

2) Намины—явленіе частое у лошадей, идущихъ подъ вьюкомъ; они объясняются или дурно пригнаннымъ, набивающимъ спину, сѣдломъ, или небрежной сѣдловкой или, наконецъ, неуравновѣшеннымъ вьюкомъ. Для избѣжанія ихъ всего лучше брать китайскія сѣдла подъ вьюкъ (въ Западномъ Китаѣ и Сибири сѣдла эти однако очень дороги), а лошадей выбирать прямоспинныхъ, съ круглой костью; не слѣдуетъ упускать также изъ вида и того обстоятельства, что на базарахъ очень часто попадаются лошади съ плохо залѣченными спинами; такія лошади вовсе не годятся для формируемаго въ далекій путь каравана.

3) Всего лучше разгоняется опухоль теплымъ «тузлукомъ», т. е. крѣпкимъ, почти насыщеннымъ солянымъ растворомъ, которымъ натирается больное мѣсто; послѣднее слѣдуетъ вслѣдъ затѣмъ укрыть однимъ или даже двумя войлоками. Киргизы въ этихъ случаяхъ чаще всего пользуются человѣческой мочей, которой и смачиваютъ потникъ.

ныя здѣсь изъ рыхлыхъ песчаниковъ и лессовидныхъ и песчанистыхъ глинъ съ прослойками гальки. Поверхность этихъ холмовъ поросла преимущественно полынью (Artemisia fragrans), среди которой кое-гдѣ мелькала столь же тусклая зелень Kochia, астрагаловъ, Echinospermum; впрочемъ, въ тѣнистхъ мѣстахъ и вдоль водостоковъ замѣчалась и болѣе густая зелень Statice, Euphorbia, Achillaea, немногихъ злаковъ и ирисовъ.

Пройдя эту гряду, мы вышли въ густо поросшую луговыми злаками долину р. Мазара, въ верховьяхъ Боробогосунъ, и остановились ниже устья ущелья послѣдней, по сосѣдству съ селенiемъ Уразъ-бай.

Здѣь насъ окружила толпа киргизъ, рода Кызай, старшина коихъ взялся проводить насъ за перевалъ. Это было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ, при его содѣйствiи, намъ очень скоро удалось смѣнить двухъ изъ заболѣвшихъ у насъ лошадей.

При своемъ устьѣ ущелье рѣки Мазара узко, стѣны подымаются круто и обнажены; зато тѣмъ гуще и разнообразнѣе кустарная поросль на глубинѣ, у самой рѣки. Тропинка то цѣпляется здѣсь по камнямъ, высоко надъ бурнымъ потокомъ, то сбѣгаетъ къ его берегамъ, слѣдя за которыми, и вьется среди мягкой муравы или зарослей изъ кустарниковъ: барбариса, жимолости, крушины (Rhamnus cathartica), шиповника, таволги, дикихъ яблони и абрикоса, Cotoneaster и нѣкоторыхъ другихъ, увитыхъ Clematis и изукрашенныхъ, прiютившимися среди нихъ, высокими зонтичными, сложноцвѣтными и мотыльковыми въ полномъ цвѣту. Тамъ, гдѣ стѣны ущелья расходятся, образуя площадку, виднѣются юрты киргизовъ и обширныя черныя пятна оголенной земли, загаженныя скотомъ. Это ночныя лежбища барановъ, жеребятъ и телятъ. Выше праваго притока Талда (иначе Улостай) горы расходятся амфитеатромъ и ущелье расширяется въ обширный циркъ, служащiй главнымъ, хотя и временнымъ, становищемъ для мѣстныхъ киргизовъ

Зиму проводятъ они на сѣверныхъ, безснѣжныхъ склонахъ Боро-Хоро, въущельяхъ одного изъ главныхъ притоковъ Джинъ-хо; ранней весной, перекочевываютъ оттуда на югъ и, подымаясь со своими стадами все выше и выше вверхъ по Боробогусуну, добираются наконецъ, къ исходу лѣта, до прекрасныхъ пастбищныхъ мѣстъ по сосѣдству съ переваломъ Цитерты. Впрочемъ, далеко не всѣ изъ киргизскихъ семей столь подвижны; нѣкоторыя, бѣднѣйшiя, въ теченiе всего лѣта остаются въ вытравленныхъ и загаженныхъ скотомъ ущельяхъ Талды и только послѣ уборки ячменя, небольшія запашки котораго здѣсь виднѣются всюду, покидаютъ, наконецъ, мало-по-малу, эти мѣста.

Нѣсколько выше Талды сходятся обѣ рѣки, образующія рѣку Боробогосунъ: Джаргалы и Чонъ-колъ.

Джаргалы мы прошли въ бродъ, Чонъ-колъ же несъ такую массу воды, что мы не рѣшались переправиться черезъ этотъ мутный потокъ и, по совѣту проводника стали карабкаться по тропинкѣ его праваго берега. Но это была утомительная дорога. Ущелье снова съузилось, стало каменистымъ, сплошныя заросли кустовъ совершенно изчезли, но зато появился лѣсъ: береза [1]), рябина, ива и тополь, которые до того стѣсняли движенiе каравана, что приходилось браться за топоры и вырубать мѣшавшiя проходу деревья, или, при содѣйствiи тѣхъ же топоровъ и единственной имѣвшейся въ распоряженiи нашемъ лопаты, громоздить въ обходъ неумѣстно торчавшихъ каменныхъ глыбъ нѣчто въ родѣ искусственнаго карниза. Такое движенiе впередъ не могло, конечно, длиться часами, и мы были рады, когда выбрались, наконецъ, на площадку, поросшую сочной тровой и на столько обширную, что являлась нѣкоторая возможность размѣститься на ней бивуакомъ.

На слѣдующiй день, пройдя еще нѣсколько верстъ вверхъ по Чонъ-колу, мы оставили его вправо и, круто свернувъ въ одно изъ боковыхъ его ущелiй, стали подыматься на ближайшiй горный отрогъ по узкой и скользкой тропинкѣ, которая и вывела насъ очень скоро на прекрасное «джайлау»—альпiйскiй лугъ, одѣвающiй всѣ окрестные склоны центральнаго массива хребта. Въ нѣкоторыхъ впадинахъ здѣсь еще стояла снѣговая вода, да и самая растительность—яркая, испещренная цвѣтами лютиковъ, фiалокъ и первоцвѣтовъ (Primula), показывала, что весна на этихъ высотахъ (6.100—6.200) только въ началѣ. Миновавъ два, три лога, мы спустились въ долину одного изъ правыхъ притоковъ Чонъ-кола, который, слагаясь изъ нѣсколькихъ рѣчекъ, стремительно несется отсюда въ зiявшую у насъ теперь позади черную щель, образованную двумя столкнувшимися скалами ортоклазоваго (фельзитоваго) порфира. Урочище это носитъ названiе Учь-табанъ [2]). Роскошный лугъ, весело журчащія воды ручья, чудная панорама уходящихъ въ даль гребней горъ и долинъ, а ближе — еловый (Picea Schrenkeana Fisch. Mey) лѣсъ, взбѣгающій на причудливо торчащія вверхъ скалы красныхъ порфировъ, все это въ совокупности произвело на насъ до такой степени чарующее впечатлѣніе, что мы тотчасъ же рѣшили, что это самое подходящее мѣсто для дневки; да и была пора: отъ Кульчжи было пройдено нами чуть не сто верстъ, изъ коихъ послѣднія 37 пришлись на трудный путь по ущельямъ Боро-Хоро.

---

[1]) Береза сплошными насажденiями встрѣчается только по рѣчкамъ, но въ вертикальныхъ предѣлахъ весьма ограниченныхъ; такъ, нисшiй ея предѣлъ опредѣленъ нами на обс. выс. 4660 высшiй же въ уроч. Учъ-Табанъ, т. е. на высотѣ около 6000 ф. надъ ур. м.

[2]) Абсолютная высота этого урочища около 6.000 фут.

7-го іюня, вдоволь наканунѣ наохотившись[1] и находившись въ окрестностяхъ нашей стоянки, мы уже снова вьючились при веселой болтовнѣ о предстоящей намъ трудной дорогѣ черезъ перевалъ Цитерты[2]. Подъемъ на него, дѣйствительно, очень крутъ и бѣжитъ прямой узкой щелью, по дну которой, загроможденному острымъ щебнемъ, каменными глыбами, валежникомъ и стволами елей сочится ручей. Несмотря на постоянное движеніе по этому перевалу, дороги въ этой щели нѣтъ и слѣда. Каждому предоставляется поэтому карабкаться, какъ ему вздумается, что онъ, конечно, и дѣлаетъ, безпрестанно останавливаясь для того, чтобы стереть съ лица выступающій потъ и отдышаться немного... Но, несмотря на всѣ свои трудности, перевалъ этотъ, не знаю, какъ нашимъ бѣднымъ животнымъ, но намъ не показался особенно непріятнымъ: чистое небо, легкій свѣжій вѣтерокъ, всюду что-нибудь новое и необыкновенное: то величественное зрѣлище дикихъ, отвѣсныхъ скалъ метаморфическихъ сланцевъ, до послѣдняго предѣда сжимающихъ щель и придающихъ ей видъ какого-то гигантскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ сырого и мрачнаго корридора, то, какъ контрастъ, веселый уголокъ альпійскаго луга, усыпаннаго цвѣтами, всего залитаго солнцемъ и оттѣненнаго темной каймой еловаго лѣса, то, наконецъ, этотъ лѣсъ, спустившійся въ щель и загромоздившій стволами павшихъ собратій путь до того, что среди нихъ едва пробираешься... а затѣмъ, пожалуй, и впервые для многихъ изъ спутниковъ нашихъ явившаяся, наконецъ, возможность вполнѣ ознакомиться съ характеромъ передвиженія по самымъ дикимъ горнымъ ущельямъ: вѣдь тутъ, что ни говорите, новое дѣло, много труда, много суеты и хлопотъ, за которыми и не видно дороги, много такихъ ощущеній, которыхъ не знаешь, какъ передать, но которыя бодрятъ человѣка и вселяютъ въ душу его стремленіе къ преодолѣнію всякихъ препятствій... Не знаю, горный ли воздухъ дѣйствуетъ столь возбуждающимъ образомъ, поэтическая ли обстановка страннической жизни въ горахъ или, наконецъ, вліяніе необыкновенныхъ красотъ альпійскихъ и вообще горныхъ ландшафтовъ, но фактъ тотъ, что въ горахъ мы чувствовали себя всегда бодрыми и веселыми, и хотя подчасъ и слышались изъ нашей среды восклицанія: «Ну и дорожка... будь она проклята!...» то въ восклицаніяхъ этихъ не проскальзывало и тѣни нетерпѣнія или какой-нибудь сосредоточенной злобы именно на эту дорожку... Впослѣдствіи, конечно, впечатлѣнія горныхъ видовъ стали менѣе живы, къ воздуху альпъ мы попривыкли, а потому и восклицанія въ родѣ только что приведеннаго между нами слышались чаще; но тогда, въ эти первые дни путешествія, помню, какъ теперь, въ насъ было столько энтузіазма, мы испытывали столько восторговъ, при видѣ всего проходимаго, что, я думаю, будь дорога и вдвое труднѣе, мы бы того не замѣтили... Даже нашъ переводчикъ, текесскій калмыкъ, полъ своей долголѣтней жизни прожившій въ горахъ, и тотъ, возбужденный весеннимъ горнымъ воздухомъ и обшимъ оживленіемъ, забывъ свои годы, шелъ походкой, какой ходилъ развѣ лѣтъ двадцать назадъ.

---

[1] Ружейная охота, впрочемъ, была неудачной; для коллекціи оказался годнымъ только самецъ Cerchneis tinnunculus. Зато насѣкомыхъ наловлено было много; изъ чешуекрылыхъ могу назвать: Metitaea aurinia asiatica, Argynnis Hegemone, Vanessa Antiopa, V. urticae, Papilio podalirius, Parnassius discobolus, Aporia crataegi, Pieris napi, P. rapae, Anthocharis cardamines, Colia hyale, Neptis lucilla, Lycaena amanda, L semiargus, Erebia turanica laeta, Coenonympha Sunbecca и др.

[2] По долинѣ Боростая можно выйти на четыре перевала: колесный Пиликчи, иначе Богдо (7.630), и вьючные—Цитерты, иначе Боробогосунъ или Ачалъ (8.488), Торгоутъ-юлы и, наконецъ, Нилха (10.500). Рѣчку, на которую мы вышли, спустившись съ перевала Ачалъ, намъ ошибочно назвали Нилха, вотъ почему мы первоначально отожествляли этотъ перевалъ съ переваломъ Нилха (Нилки) нашихъ картъ; въ своей ошибкѣ мы убѣдились только впослѣдствіи, уже въ Петербургѣ, при согласованіи своего маршрута съ маршрутами другихъ путешественниковъ и топографовъ.

Но вотъ, наконецъ, мы и на перевалѣ Цитерты или Ачалъ (8.488 ф. абс. выс.). Это—высокая луговая покатость, съ одной стороны круто спускающаяся какъ бы въ бездонную пропасть[1]), изъ тумана которой выступаютъ поросшія еловымъ лѣсомъ круглыя сопки, съ другой—примыкающая къ лѣсистымъ холмамъ, вѣнчающимъ отрогъ главнаго кряжа [2]). А рамкой этой картинѣ служатъ отовсюду уходящія въ высь и какъ бы закутанныя полупрозрачнымъ туманомъ сизо-красныя скалы, слагающія здѣсь центральный массивъ. И такъ и кажется, что тотъ кусочекъ земли, который стелется у насъ теперь подъ ногами, и всѣ эти окрестные пики, принявшіе совершенно фантастическую окраску и формы, какъ бы взвѣшены въ воздухѣ и плаваютъ въ морѣ тумана... Картина, поражающая своимъ великолѣпіемъ и не могшая, конечно, не произвести на насъ чрезвычайнаго впечатлѣнія! И киргизъ-проводникъ это замѣтилъ, но понялъ по своему нашъ восторгъ. Онъ широко улыбнулся, обвелъ рукой вокругъ себя, точно показывая на необъятное пространство окрестной земли, и радостно объявилъ: «джайлау!» что собственно значитъ только—пастбище, выгонъ: но въ глазахъ киргиза это и есть, безъ сомнѣнія, лучшая рекомендація мѣстности...

---

[1]) Долина, вѣрнѣе, ущелье р. Цитерты.

[2]) Отрогъ этотъ обрывается въ долину р. Куръ-Карагай.

Сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ по суркамъ (Arctomys dichrous), мы спустились, наконецъ, съ перевала Ачалъ, сложеннаго, какъ кажется, преимущественно изъ метаморфическихъ сланцевъ, къ сліянію двухъ истоковъ р. Боростая — Куръ-Карагая и Татыръ-су (Тагуръ-су) и заночевали на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ русскій казачій пикетъ (уроч. Ачалъ).

Ковка на этомъ переходѣ расковавшихся лошадей отняла у насъ на слѣдующій день такъ много времени, что первый эшелонъ вьюковъ тронулся въ дальнѣйшій путь только въ исходѣ восьмого часа утра. Это было ужъ слишкомъ поздно, такъ какъ на сегодня намъ предстоялъ почти немыслимый для вьюковъ переходъ—нѣсколько менѣе 75 верстъ! Уже теперь было ясно вполнѣ, что до Джинъ-хо, куда мы стремились, мы могли добраться въ лучшемъ случаѣ только черезъ восемнадцать часовъ непрестаннаго хода; иначе сказать, что послѣднія версты намъ предстояло брести уже ночью съ рискомъ не только сбиться съ пути, но и въ концѣ подорвать силы нашихъ вьючныхъ животныхъ.

— Да неужели же дорогой негдѣ остановиться?!

— Выспрашивали мы ихъ, ваше благородіе, да орда [1]) говоритъ, что негдѣ: воды нѣтъ, корму нѣтъ, все песокъ да камни... настоящая, говорятъ, тутъ «гоби» [2]) пойдетъ.

— Да можетъ быть въ сторонѣ...

— И въ сторонѣ—нѣтъ ничего. Щелью дорога, а выйдемъ изъ горъ, гоби, почитай, до Джинъ-хо.

Къ сожалѣнію, орда сообщила намъ совершенную правду. Мы дѣйствительно, сразу же втянулись въ дикое ущелье, сложенное изъ мощныхъ толщъ каменноугольныхъ, иначе «горныхъ» известняковъ и известковистыхъ сланцевъ, по дну котораго шумнымъ потокомъ неслись прозрачныя, какъ хрусталь, воды рѣки Боростая.

---

[1]) Такъ обзывали казаки всѣхъ вообще инородцевъ нашего отряда, какъ вошедшихъ въ постоянный его составъ, такъ и временно служившихъ при караванѣ.

[2]) «Гоби»—монгольское слово, вошедшее во всеобщее употребленіе у таранчей, киргизовъ и китайцевъ для обозначенія преимущественно каменистой пустыни; песчаная степь называется у таранчей «кумъ-гоби».

На первыхъ, впрочемъ, порахъ ущелье это все же оживлялось довольно разнообразной кустарной и древесной растительностью, узкой лентой гнѣздившейся въ береговыхъ валунахъ и мѣстами даже образовавшей здѣсь смѣшанныя рощицы изъ тополей, березы и ивы, съ густымъ подлѣскомъ изъ разросшихся тутъ же кустарниковъ лозы, шиповника и караганы (Caragana tragacanthoides Poir), но затѣмъ сѣрый камень заполонилъ рѣшительно весь, очень впрочемъ, здѣсь ограниченный, горизонтъ. Сперва известковисто-сланцевыя, высокія, почти отвѣсныя сѣрыя стѣны, затѣмъ такіе же сѣрые конгломераты, сѣрый щебень и песокъ подъ ногами, даже ставшая дальше грязно-сѣрой вода Боростая [1]), все это послѣ вчерашнихъ ландшафтовъ и яркихъ цвѣтовъ казалось намъ ужъ очень мертвымъ и однообразнымъ. Къ тому же дорога становилась плохо наѣзженной и черезчуръ каменистой, мосты еле держались и были такъ плохи, что приходилось ихъ настилать раньше, чѣмъ по нимъ по одному проводить нашихъ вьюковъ. А это такъ утомляло людей, что ужъ съ двухъ часовъ пополудни въ нашемъ отрядѣ стало какъ то особенно тихо и всѣ разговоры сами собой прекратились — всѣ съ нетерпѣніемъ стали ужъ ждать конца только что начавшейся длинной дороги... Тутъ же, какъ на зло, одна напасть стала смѣняться другой: при переправѣ черезъ Боростай утонулъ козелъ, взятый нами вожакомъ къ стаду барановъ,—его какъ-то мигомъ скрутило, поднесло подъ корягу и защемило среди каменныхъ глыбъ; далѣе, сквозь мостъ провалилась одна изъ лошадей, несшая сундуки — сундуки подмокли, лошадь же удалось вывести изъ рѣки безъ вреда; затѣмъ одна за другой стали расковываться наши вьючныя лошади—по щебневой дорогѣ это—большая бѣда, такъ какъ долго ли здѣсь любой лошади обезножить! И едва успѣли мы справиться съ ковкой двухъ лошадей, какъ впереди встрѣтилась опять какая-то остановка: на этотъ разъ случай, едва не стоившій намъ жизни вьючка. На обходѣ глубокой и почти вертикально спускавшейся къ рѣкѣ водомойны узкій карнизъ вдругъ рухнулъ подъ первымъ вьючкомъ, и лошадь только путемъ невѣроятныхъ усилій успѣла удержаться на тропинкѣ, проложенной киргизскимъ скотомъ нѣсколько выше караванной дороги 1)). Кое-какъ, при помощи топора, лопаты и всего, что ихъ могло замѣнить, выбрались мы, однако, и изъ этой бѣды, но свободно вздохнули только тогда, когда нарушенное было движеніе снова возстановилось.

---

[1]) *Ниже праваго притока Нилки (4.300 ф. надъ ур. м.).*

Но вотъ, наконецъ, и устье ущелья! Передъ нами степь, столь страстно теперь желанныя, но безбрежная, каменистая степь, совершенная пустыня, если не считать тощихъ кустиковъ хвойника (Ephedra sp.) и саксаула (Haloxylon ammodendron), которые кое-гдѣ торчатъ въ сторонѣ отъ дороги. Картина очень унылая, нагнавшая на насъ тѣмъ скорѣе тоску, что тутъ же мы натолкнулись на тяжелое зрѣлище: шестъ, клѣтка и въ ней голова человѣческая, ясно доказывавшее намъ, что мы снова приближаемся къ чертѣ китайской осѣдлости...

Шесть долгихъ часовъ шли мы еще этою гоби, пологими террасами понижавшейся постепенно къ одной изъ глубочайшихъ впадинъ Джунгаріи—пустынному соленому Эби-нору 2)). Мгла давно ужъ спустилась на землю, и теперь намъ приходилось брести только ощупью, руководясь почти исключительно гулкимъ топотомъ передовыхъ лошадей. Но куда шли эти лошади и кто велъ ихъ впередъ, мы этого теперь вовсе не знали, да и знать не интересовались... Измученные жаждой и голодомъ, а, главное, непомѣрной усталостью, мы сознавали инстиктивно только одно: отстать теперь отъ товарищей, значитъ — заблудиться въ степи. И мнѣ кажется, что лошадьми руководилъ тотъ же стадный инстинктъ; иначе какъ объяснить ихъ видимую тревогу всякій разъ, какъ отзвукъ движенія каравана впереди на мгновеніе замиралъ?

Давно ужъ въ моемъ эшелонѣ всѣ люди молчали... Да и что за бесѣда теперь? Не у кого даже распросить о дорогѣ, потому что проводники наши куда-то изчезли. Съ непривычки еще подолгу сидѣть въ сѣдлѣ, спину у меня совсѣмъ разломило; а пѣшкомъ и еще того хуже: въ темнотѣ тропинки не видно, и вотъ ежеминутно сбиваешься на сторону и спотыкаешься о корявые кусты саксаула. Для примѣра другимъ, однако, бодришься и скуки ради — считаешь шаги...

---

1) Нынѣ, какъ объ этомъ упоминалось и выше, путь по Боростаю разработанъ китайцами для колеснаго движенія.

2) На картахъ, издаваемыхъ Главнымъ Штабомъ, уровень Эби-нора показанъ на абсолютной высотѣ, равной 700 ф. Съ этимъ показаніемъ не сходятся, однако, барометрическія опредѣленія Ларіонова, дающаго высоту въ 940 ф. для берега Эби-нора у его сѣвернаго конца и въ то же время «у самой воды» и 900 для его южнаго болотистаго берега «Записки Императорскаго Минералогическаго общества», втор. сер., XII, стр. 232).

— Ваше благородіе! а, вѣдь, время-то, пожалуй, къ полуночи.

— Черкни-ка спичкой... ну, нѣтъ, всего только одиннадцать...

— Знать, еще намъ много идти...

— А что, развѣ усталъ?

— Намъ-то что! А вотъ кони стали у меня больно тянуться... Шутка-ли, сколько идемъ!

И—точно отголоскомъ на это справедливое сѣтованіе донесся до насъ какой-то неопредѣленный шумъ изъ передняго эшелона... Впереди вдругъ блеснулъ огонекъ и погасъ...

— Что тамъ такое?

— Въ полуверстѣ отсюда становище калмыцкое проводники отыскали... Сворачивать, чтоль?..

— Сворачивать, конечно, сворачивать!

И вотъ лошади зашагали по глубокому песку. Гдѣ-то въ сторонѣ, а потомъ и вблизи характернымъ шелестомъ заявили о себѣ камыши. А вотъ, наконецъ, появились и силуэты людей, сопровождаемые оглушительнымъ лаемъ собакъ... Они меня окружили... Кто-то имъ что-то сказалъ, и, по китайскому этикету, они немедленно преклонили предо мною колѣна... Въ то же мгновеніе, какъ по волшебству, вспыхнулъ старый подожженный камышъ и фантастическимъ свѣтомъ освѣтилъ и безъ того уже дикую картину торгоутскаго кочевья въ песчаной степи...

Мы такъ были рады стоянкѣ, что и не подумали разставлять своихъ юртъ, а спали не раздѣваясь, каждый улегшись, гдѣ и какъ ему показалось удобнѣе; однако, несмотря на усталость, мы на слѣдующее утро проснулись неожиданно рано. Разбудили насъ не столько горячіе лучи солнца и поднявшійся вѣтерокъ, успѣвшій уже набить намъ въ ротъ и носъ достаточно пыли, сколько миріады мошекъ, мухъ и комаровъ, которые носились здѣсь цѣлыми тучами. Къ нашему великому счастью мы въ такихъ массахъ нигдѣ уже не встрѣчали этихъ маленькихъ кровопійцъ, но зато здѣсь они, дѣйствительно, были неисчислимы. И это тѣмъ болѣе было досадно, что и все остальное было здѣсь особенно гадко: и страшная духота, и пыль, и до омерзенія грязная и теплая вода, и даже всѣ эти окрестности—степь съ барханами песку и съ ея сѣро-зеленой растительностью: тамарискомъ, саксауломъ, кое-гдѣ перевитымъ Clematis, Peganum harmala multisecta, Zygophyllum brachypterum, Artemisia dracunculus, Lycium ruthenicum и частью объѣденнымъ камышомъ. Съ этой печальной обстановкой вполнѣ гармонировали и люди—грязные, оборванные торгоуты, такіе же худые и испитые, какъ и ихъ скотъ, неизвѣстно чѣмъ здѣсь питающійся и какъ выносящій и подчасъ нестерпимый здѣсь зной и бездну докучливыхъ мухъ... А между тѣмъ, хотя и страннымъ, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно пріятнымъ противорѣчіемъ съ этой убогой обителью человѣка виднѣлись здѣсь чуть не рядомъ небольшія, но все же веселящія глазъ, яркозеленыя запашки пшеницы, ничѣмъ не защищенныя и неогороженныя—совершенное чудо для гоби!

Откуда же бралась здѣсь эта вода и почему хлѣба оставляетъ не тронутымъ скотъ? Вотъ вопросы, которые мы тщетно задавали себѣ; торгоуты же уклонились отъ прямого отвѣта: они почему-то боялись быть откровенными даже въ столь невинныхъ вопросахъ. Такъ мы и покинули на слѣдующій день это урочище Тойли или, какъ его намъ здѣсь называли—Тольё (1509 ф.), ничего на этотъ счетъ толковаго не узнавши.

Въ Джинъ-хо повелъ насъ старикъ-торгоутъ. Описаніе первыхъ верстъ этого пути затруднительно. Мы сначала обогнули высокій барханъ, затѣмъ шли среди густыхъ зарослей саксаула, достигающаго здѣсь огромныхъ размѣровъ, тамариска и разнолистаго или пустыннаго тополя; наконецъ, спустились съ отвѣснаго, саженей, можетъ быть, до двадцати высотой, обрыва въ русло теперь безводной, но временами, безъ сомнѣнія, текущей здѣсь рѣчки, или протока¹) и, выбравшись на противоположный его берегъ, снова очутились среди столь же густыхъ порослей упомянутыхъ выше древесныхъ породъ, въ чащѣ которыхъ находятъ себѣ надежный пріютъ многочисленные фазаны (Phasianus mongolicus semitorquatus Sew) и зайцы (Lepus tolai, Pall.). Кромѣ того, въ этихъ мѣстахъ мы замѣтили и нѣкоторыхъ другихъ птицъ: сорокопутовъ, овсянокъ воробьевъ и карабауровъ (Pterocles arenarius, Pall.); но всѣ онѣ имѣли уже до такой степени обносившееся перо, что въ коллекцію не годились. За первымъ арыкомъ, густо поросшимъ камышомъ, осокой, Apocynum venetum и тому подобными травами, мѣстность значительно измѣнилась: кое-гдѣ уже виднѣлись запашки, группы деревьевъ и одиноко растущіе экземпляры карагача, тополя, джигды (Eleagnus hortensis) или ивы, полуразвалившіеся дувалы, глинобитныя постройки неизвѣстнаго назначенія и,

---

¹) Всего менѣе слѣдуетъ предпологать въ немъ одинъ изъ рукавовъ р. Джина; а надо думать, что это какой-нибудь самостоятельный стокъ съ сѣверныхъ склоновъ предгорій Боро-Хоро.

наконецъ ,цѣлыя заброшенныя хозяйства. Мы, очевидно, подходили къ Джинъ-хо.

Оазисъ оказался очень богатымъ водой. Послѣдняя не только цереполняла арыки, но и широко разлилась по заброшеннымъ когда-то полямъ, обративъ ихъ въ тростниковыя займища. Не мало ея совершенно непроизводительно пропадало и по дорогамъ, которыя на значительныя протяженія представляли изъ себя рѣки тихо плывшей куда-то коричневой мути. Тростникъ росъ повсюду и мѣстами столь густо, что заглушалъ даже такіе кустарники, какъ облѣпиха (Hippophaë rhamnoides), шиповникъ и талъ, и только въ мѣстахъ повыше его смѣняла верблюжья колючка (Alhagi kirghisorum) съ торчащими среди нея кустиками джингиля (Halimodendron argenteum), Calligonum и тамариска [1]).

Не доходя до р. Джинъ, мы свернули вправо и остановились на одномъ изъ арыковъ, саженяхъ въ двухстахъ въ сторонѣ отъ дороги.

Джинъ-хо (1200 ф. н. ур. м.) расположенъ на правомъ берегу р. Джинъ. Это не только значительный военный постъ, но и важнѣйшая станція для всѣхъ каравановъ, идущихъ въ Или изъ Джунгаріи. Какъ земледѣльческій же округъ Джинъ-хо, несмотря на обиліе воды, не имѣетъ значенія. Его отовсюду стѣснила пустыня, окружившая оазисъ рамкой песковъ и дресвы и тѣмъ самымъ положившая предѣлъ его росту. Къ тому же въ настоящее время земледѣльцевъ здѣсь мало, да и тѣ не мастера своего дѣла: я нигдѣ не видалъ хуже чѣмъ здѣсь обработанныхъ пашенъ. Зато только пустынѣ и обязанъ Джинъ-хо тѣмъ значеніемъ, какое онъ имѣетъ теперь. И базаръ и все маленькое населеніе его предмѣстья со своими харчевнями и убогими постоялыми дворами живетъ здѣсь одной только жизнью — жизнью лавочки на перепутьи дорогъ и на рубежѣ двухъ пустынь: Эби-норской на востокѣ и Сайрамъ-норской на западѣ. У каждаго здѣсь поэтому только одинъ интересъ: или продать что-нибудь проѣзжающему или залучить его къ себѣ на ночлегъ и хотя бы этимъ путемъ отъ него поживиться; поэтому жизнь здѣсь кипитъ, когда извозъ увеличивается и замираетъ, когда проѣзжающихъ мало. Да и то, относительно только говоря, замираетъ, потому что здѣшній базаръ имѣетъ всегда свой неизмѣнный контингентъ тунеядцевъ; сосѣднихъ, трудно сказать, зачѣмъ здѣсь болтающихся калмыковъ, каракешей ¹) безъ дѣла, ишакчей ²), пришедшихъ за солью, ³) таранчей, ищущихъ заработка, прохожихъ переселенцевъ изъ Внутренняго Китая, да, наконецъ, и солдатъ изъ импаня, которые своими фигурами и голосами не перестаютъ оживлять главную улицу пригорода, сплошь обстроенную лавками и харчевнями и во всѣхъ направленіяхъ изукрашенную громадными китайскими вывѣсками.

---

[1]) Въ такихъ мѣстахъ летали во множествѣ: Melitaea didyma persea, M. sibina var., рѣдкая Lycaena prosecusa, L. Christophi, Cigaritis acamas, Colias hyale и нѣкоторыя другія.

Джинъ-хо населенъ преимущественно китайцами и таранчами; первыхъ насчитывалось въ 1889 году до сотни семействъ ⁴), вторыхъ—человѣкъ на четыреста болѣе. Таранчами завѣдуетъ здѣсь аксакалъ, т. е. старшина, утвержденный въ этой должности съ согласія начальника укрѣпленія и гарнизона, въ рукахъ котораго сосредоточивается такимъ образомъ какъ военное, такъ и гражданское управленіе округомъ. Списочный составъ гарнизона Джинъ-хо выражается довольно внушительной цифрой, что показываетъ, что китайцы видятъ въ немъ немаловажный стратегическій пунктъ; въ наличности же содержится не болѣе 350 человѣкъ пѣхоты и конницы. Импань, какъ укрѣпленіе, съ европейской точки зрѣнія не заслуживаетъ, конечно, вниманія, но въ борьбѣ съ почти безоружными азіятами онъ, пожалуй, и можетъ сослужить хорошую службу китайцамъ; стѣны его содержатся въ полной исправности.

Въ Джинъ-хо мы дневали, а 13-го іюня уже снова выступили въ пустыню подъ предводительствомъ молодого торгоутскаго ламы, смѣнившаго старика изъ Тольё.

Лама оказался словоохотливымъ малымъ. Онъ тотчасъ же завязалъ разговоръ, едва мы, свернувъ съ большой дороги у тріумфальныхъ воротъ, вышли на степь. «Особенныхъ животныхъ, ради которыхъ вы заѣхали въ наши края, вы здѣсь не найдете. Маралы и козы держатся высоко въ горахъ, въ пустынѣ ихъ нѣтъ. Встрѣчается здѣсь дикая лошадь, да рѣдко, такъ рѣдко, что едва ли многіе изъ торгоутовъ ихъ видѣли...»

— Какъ дикая лошадь? Вѣроятно, хуланъ (Asinus onager)?

---

¹) Такъ называются въ Средней Азіи лица, занимающіеся перевозкой грузовъ на лошадяхъ. Подобное вьючное движеніе поддерживается преимущественно съ Карашаромъ и Акъ-су.

²) Т. е. погонщиковъ ословъ.

³) Соль добывается на берегахъ Эби-нора. За каждый ишачій вьюкъ, отъ 100 до 150 и болѣе джиновъ, т. е. отъ $3^{1}/_{2}$ до $5^{1}/_{4}$ пудовъ, взимается въ пользу казны по два цена, т. е. около 40 коп. мет. Добывать ее можетъ всякій, кто пожелаетъ. Вывозятъ преимущественно въ Кульчжу.

⁴) Собственно «домовъ», «уй», какъ намъ сообщалъ аксакалъ, что для китайцевъ Синьцзянской провинціи, въ большинствѣ случаевъ людей одинокихъ, далеко не одно и то же.

— Нѣтъ, не хуланъ, а лошадь... И такъ какъ она васъ интересуетъ, то я вамъ долженъ сказать, что нѣтъ животнаго по быстротѣ и чуткости равнаго ей; вотъ почему подкараулить ее невозможно, а догонять было бы глупостью: бѣгъ ея быстрѣе полета стрѣлы... препятствій она также не знаетъ и двумя-тремя прыжками взбѣгаетъ на крутѣйшія скалы... Да вотъ, видите вы тамъ эту гору? Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ однажды жеребецъ, испугавшись чего-то, въ одинъ мигъ подобно вихрю взлетѣлъ на вершину ея и вслѣдъ за тѣмъ скрылся за гребнемъ...

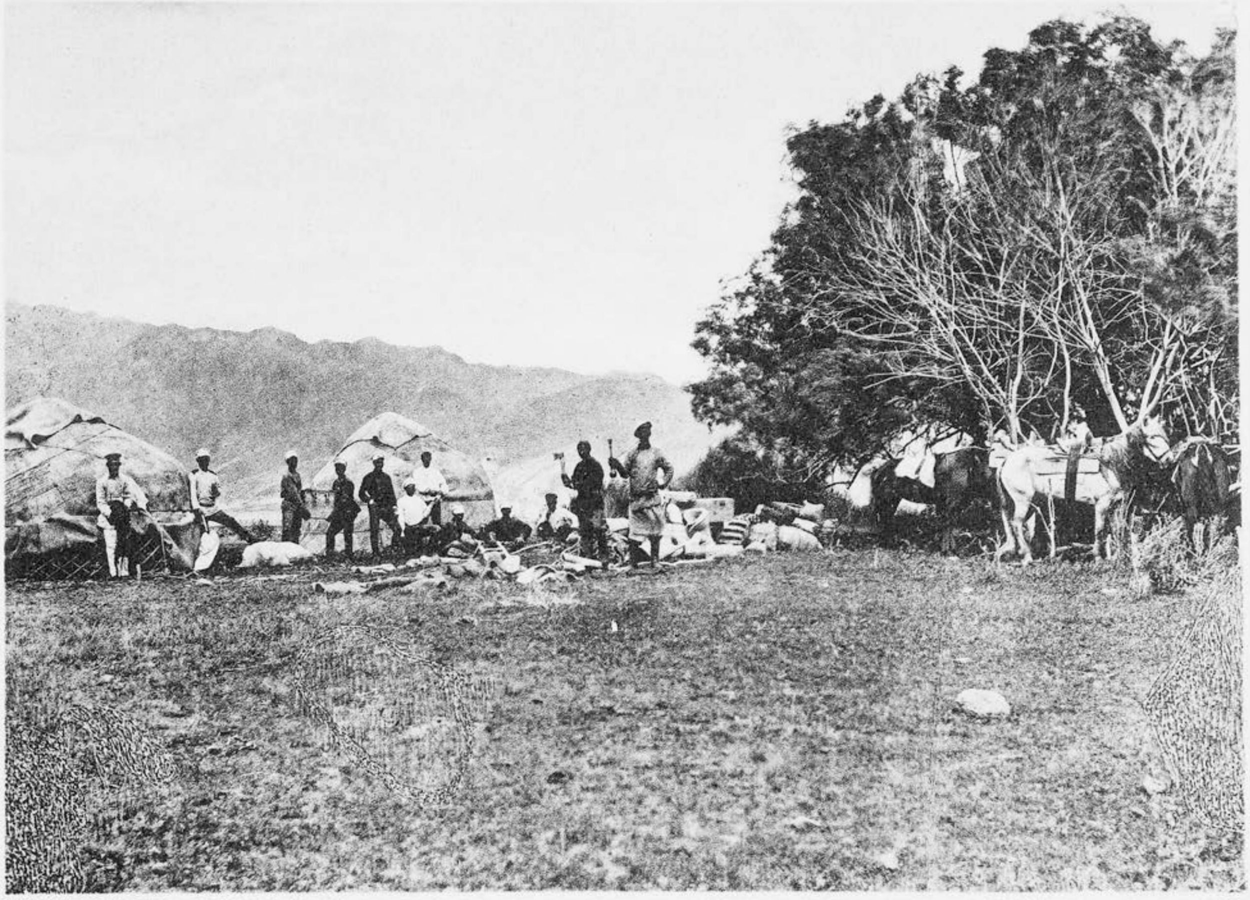
Въ этомъ тонѣ лама разсказывалъ еще много и долго и, кажется, самъ искренно вѣрилъ тому, что болталъ. Но большинству изъ насъ вскорѣ онъ надоѣлъ. Мы разбрелись и, подремывая на сѣдлѣ, шагъ въ шагъ потащились за караваномъ.

Въ природѣ нѣтъ, кажется, ничего скучнѣе и однообразнѣе каменистой пустыни. Лѣтомъ все блеститъ и дышетъ въ ней зноемъ, зимой же негдѣ укрыться отъ вѣтра. И сколько впередъ ни смотри—кромѣ гальки, паснаго неба да бѣлесоватаго тумана ничего въ этой степи не увидишь. И чѣмъ дальше идешь, чѣмъ ниже склоняется солнце, тѣмъ гуще охватываетъ горизонтъ и этотъ обманный туманъ, который съ каждой минутой все полнѣе и полнѣе завалакиваетъ окрестности или же миражемъ озеръ раздражаетъ воображеніе путника. Растительности здѣсь или вовсе нѣтъ никакой или она до нельзя жалка: низкій и корявый саксаулъ, одинъ или два вида хвойника (Ephedra), рѣдко гдѣ чилига (Caragana pygmaea arenaria), Anabasis brevifolia, два-три вида Artemisia, Tribulus terrestris, Hedysarum multijugum, Tanacetum fruticulosum, Haogeton arachnoides, H. glomeratus, Kochia mollis, Calligonum mongolicum, Peganum harmala multisecta и немногіе другіе виды, преимущественно же невзрачныя солянки—вотъ, пожалуй, и все ботаническое богатство этихъ пустынь, составляющихъ чуть не двѣ трети всего пространства центрально-азіятскихъ степей.

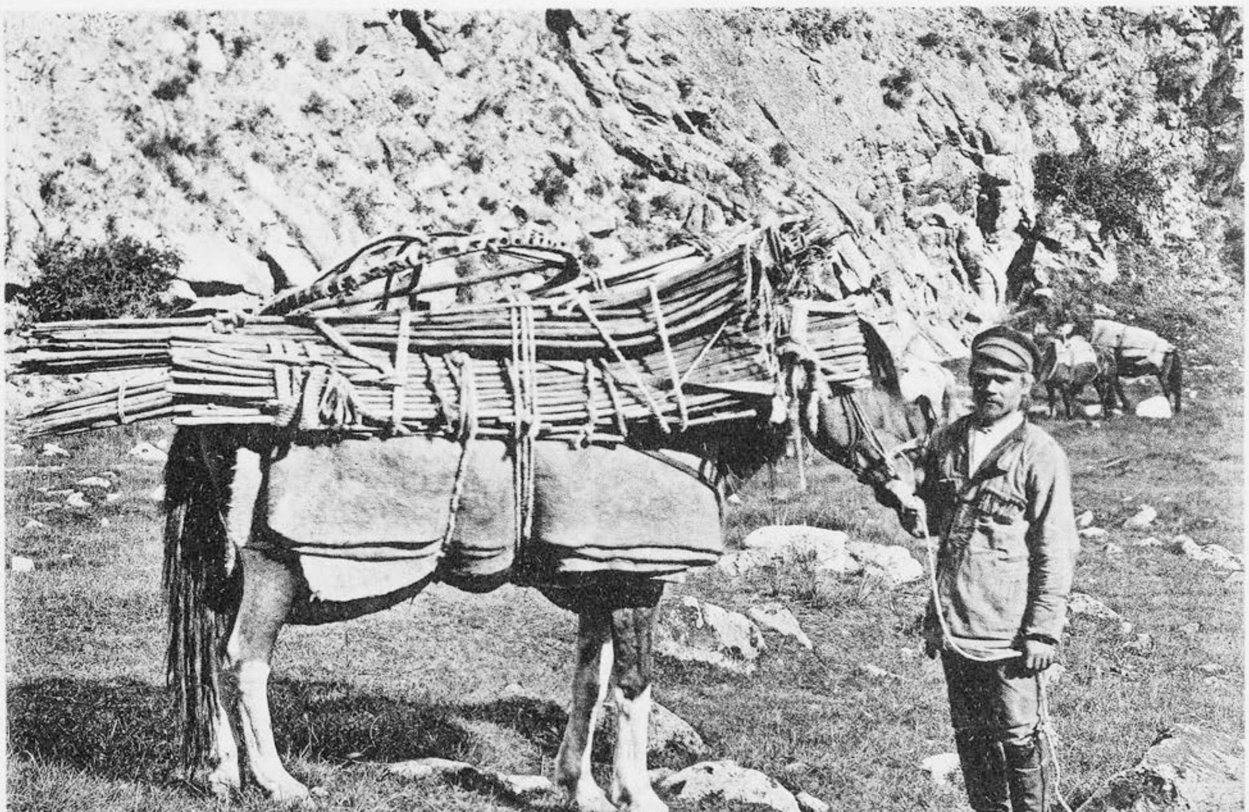
Именно такая мѣстность разстилалась теперь передъ нами, и тѣ пятнадцать верстъ, что намъ на сегодня предстояло ею пройти казались намъ безконечными... Но вотъ, точно изъ подъ земли выросшая, показалась въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди ярко-зеленая масса кустовъ урочища Джюсъ-агачъ [1]), и минуту спустя, мы уже утоляли свою жажду изъ родника, бившаго изъ подъ корней старой, развѣсистой ивы. Все при этомъ было забыто, и мы

---

[1]) У монголовъ—Цзю-моденъ, что въ обоихъ случаяхъ значитъ—«сто деревьевъ».



Нашъ лагерь въ ур. Джусъ-агачъ.



Лошадь, завьюченная юртой

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

съ неподдѣльной радостью привѣтствовали это крошечное мѣстечко, гдѣ нашли въ изобиліи все, въ чемъ нуждались: тѣнь, воду, дрова и подножный кормъ для нашихъ животныхъ...

На слѣдующій день, едва приступлено было къ сѣдловкѣ, какъ на окрестныхъ холмахъ неожиданно появились небольшія стада антилопъ. Это обстоятельство задержало наше выступленіе въ путь, такъ какъ казакамъ во что бы то ни стало хотѣлось подстрѣлить хотя бы одну изъ нихъ на обѣдъ. Къ сожалѣнію, всѣ ихъ попытки въ этомъ направленіи кончились неудачей: каракуйрюки (Gazella subgutturosa Güld.) во время ихъ замѣтили и тутъ же скрылись въ сосѣднихъ логахъ и ущельяхъ.

Почти отъ мѣста нашей стоянки мы стали втягиваться въ ущелье, такое же дикое и безплодное, какъ и вся окрестная степь. Только почва стала какъ будто болѣе вязкой, да какія-то красноватыя солянки, встрѣчавшіяся раньше лишь изрѣдка, стали попадаться теперь безпрестанно и иногда сплошными насажденіями, занимающими обширныя площади. Чѣмъ дальше, однако, мы проникали въ ущелье, тѣмъ картина становилась живѣе; конгломераты смѣнились сланцами, которые хотя и придали болѣе дикій характеръ ущелью, но и обусловили большую его живописность. Оно съузилось, а одновременно появилась и зелень, которая сперва ютилась только въ распадкахъ скалъ, а затѣмъ, мало-помалу, появилась и въ самомъ ущельи, гнѣздясь вдоль сухого русла временнаго ручья; это были кустарники: шиповникъ, облѣпиха, чилига, таволга (Spiraea sp?) и Halimodendron argenteum, среди которыхъ пышными снопами раскидывался чій (Lasiogrostis splendens), выбрасывали колосья другіе злаки и ютились растенія: Statice chrysocephala, St. speciosa, Sueda setigera piligera, Nanophytum erinaceum, Blitum virgatum и Sedum Kirilowi. Все такимъ образомъ указывало на близость воды и, дѣйствительно, вскорѣ мы увидали группу тополей и подъ ними крошечный ручеекъ, который тутъ же терялся въ имъ же сюда нанесенныхъ камняхъ и пескѣ. Съ этого мѣста дорога пошла косогоромъ, затѣмъ перевалила гряду и вышла, наконецъ, на ковыльную степь, которая рядомъ крупныхъ подъемовъ и спусковъ взбѣгала чуть не къ подножію еловыхъ лѣсовъ 1). И это въ какихъ-нибудь двухъ часахъ пути отъ знойной

---

1) П. П. Семеновъ, нисшій предѣлъ ели для горъ Центральнаго Тянь-Шаня опредѣлилъ въ 5 000 ф., высшій въ 7.500 ф. Въ Восточномъ Тянь-Шанѣ цифры эти нѣсколько выше; такъ нисшій предѣлъ проходитъ:

въ ур. Луджанъ на абсол. выс. . . . . 7.050′

Эби-норской пустыни! И что за шумная жизнь въ этихъ лѣсахъ послѣ мертвеннаго затишья въ этой пустынѣ! Сколько свисту и гаму отъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ пташекъ, и сусликовъ (Spermophilus Eversmanni, Brandt) и сурковъ (Arctomys dichrous, Anderson), сколько, наконецъ, красокъ, что за ароматъ и прохлада!...

Миновавъ еловый лѣсъ, мы остановились въ урочищѣ Богусъ-Зуслунъ, высота котораго 9.400 фут. надъ ур. моря. Такимъ образомъ сегодня мы поднялись по вертикалу почти на 8.000 футъ, сдѣлавъ при этомъ въ линейномъ направленіи не болѣе 25 верстъ — двѣ цифры, въ достаточной мѣрѣ характеризующія крутизну паденія сѣверныхъ склоновъ Боро-Хоро и краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказывающія, съ какимъ трудомъ должны были карабкаться сюда наши тяжело нагруженныя лошади. Зато и наслаждались же онѣ теперь созерцаніемъ великолѣпныхъ альпійскихъ луговъ, одѣвающихъ здѣсь всѣ склоны отроговъ главнаго гребня!

Едва мы уставили свои юрты, какъ должны были принимать посѣтителей. Это были окрестные торгоуты со своимъ старшиной во главѣ, пришедшіе поздравить насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ въ ихъ земли и принесшіе угощеніе: въ ведеркѣ горячій чай съ солью и молокомъ, монгольскую водку и кислое молоко, всего въ ничтожномъ количествѣ и въ невыразимо грязной посудѣ. Здѣшніе торгоуты почти не пьютъ кумыса, зато умѣютъ приготовлять особый напитокъ, своеобразный на вкусъ и напоминающій скверную водку, разбавленную водой [1]). Вотъ этой то водкой они и вздумали

въ ур. Фы-хо » »	6.100′	
въ горахъ Богда-Ола, по р. Хайдаджану	6.300′	
» » восточнѣе	5.500′	(по опредѣленію Пѣвцова)
» » еще восточнѣе (ур. Баянъ-ху)	6.000′	
въ Хамійскихъ горахъ — нѣсколько выше	6.000′	(по опредѣленію Пржевальскаго)

Что же касается высшаго предѣла, то онъ подверженъ знатительнымъ колебаніямъ; въ среднемъ же проходитъ на высотѣ 9.000 ф.

Въ Нань-Шанѣ нисшій предѣлъ распространенія ели еще выше, чѣмъ въ Восточномъ Тянь-Шанѣ; такъ:

при кумирнѣ Матиссё (сѣверные склоны) онъ проходитъ на высотѣ	8.750′
у города Да-тунга (южные склоны) » » »	10.000′
въ ур. Каза-хо » » » » »	9.500′
у кумирни Гумансы » » » » »	9.350′
въ ущельѣ Ласа-хо » « » » »	9.400′
на южныхъ склонахъ Сининскихъ альпъ » » »	10.000′

Впрочемъ, въ Нань-Шанѣ, какъ мы это ниже увидимъ, растетъ иной, чѣмъ въ Тянь-Шанѣ, видъ ели — Picea obovata.

[1]) Процессъ полученія водки изъ молока слѣдующій. Молоко, обыкновенно коровье, квасится (у киргизъ квасится кипяченое, у торгоутовъ — сырое). Простокваша («айранъ» у киргизъ, «арыкъ» у торгоутовъ) высушивается на солнцѣ; полученный такимъ образомъ сыръ («куртъ» или «хуртъ», что соотвѣтствуетъ киргизскому «крутъ») разламываютъ на кусочки и разводятъ

насъ теперь угощать... Нечего дѣлать! попробовали и отблагодарили за радушный пріемъ старшину кое-какими бездѣлушками, которыя, какъ издѣлія чужеземныя, конечно, тотъ часъ же пошли по рукамъ. Разговоръ нашъ, однако, не клеился, а вскорѣ вовсе прервался: торгоуты впредь до полученія инструкцій отъ вана (князя) или, какъ они здѣсь его называютъ—уанга, наотрѣзъ отказалась отвѣчать на наши распросы объ окрестныхъ горахъ, и все, чего мы сегодня добились отъ нихъ, было болѣе или менѣе условное обѣщаніе дать намъ проводника до слѣдующаго аула.

Вечеромъ калмыки снова явились, на этотъ разъ съ просьбой спасти оставшійся скотъ отъ какой-то повальной болѣзни, которая въ теченіе какихъ-нибудь двухъ трехъ недѣль пустила по міру цѣлыя семьи. Къ сожалѣнію, мы были безсильны помочь этому бѣдствію, и все, что могли имъ сказать, ограничивалось совѣтомъ почаще порекочевывать съ мѣста на мѣсто. Бѣдняки выслушали совѣтъ этотъ разсѣянно и удалились, очевидно, совершенно разочарованными въ нашихъ ветеринарныхъ познаніяхъ.

Въ урочищѣ Богусъ-Зуслунъ (9.390 ф.) мы простояли два дня, экскурсируя въ окрестностяхъ и съ каждаго почти утеса любуясь великолѣпнѣйшимъ видомъ на озеро Эби-норъ. Мнѣ кажется, что кто бы ни описывалъ и этой чудной панорамы горъ, крутыми уступами сбѣгающихъ къ низу, и всѣхъ этихъ, окутывающихъ пустыню, мягкихъ тоновъ отъ золотистаго до голубого, среди которыхъ яркимъ темносинимъ пятномъ блеститъ обширная водная поверхность озера Эби-нора, нѣтъ возможности невидавшему предста-

---

въ водѣ, Смѣсь эту, называемую «арунъ» и употребляемую въ пищу, сказать кстати, совершенно самостоятельно, заставляютъ киснуть. Достаточно прокисшій «арунъ» помѣщается тогда въ чугунный котелокъ («тогонъ», у киргизъ—«казанъ»), поверхъ котораго ставятъ «дамбу»—родъ нашего ведра или кадушки, такихъ размѣровъ, чтобы края отверстія ея приходились почти въ уровень съ краями котелка; промежутокъ замазываютъ глиной. Дно у дамбы выламываютъ, а сбоку просверливаютъ отверстіе, въ которое вкладываютъ деревянный жолобъ, ложковидно расширяющійся внутри дамбы. Когда всѣ эти приспособленія готовы, на дамбу ставятъ второй котелъ такихъ размѣровъ, чтобы края его выходили за края этой послѣдней; и въ то время, какъ нижній казанъ начинаютъ нагрѣвать, въ верхній кладется ледъ, снѣгъ или же постоянно возобновляется холодная вода. Результатъ этой операціи слѣдующій: «арунъ» испаряется, испаренія собираются въ капли на холодной поверхности верхняго котла, стекаютъ на ложку и при посредствѣ жолоба выливаются въ подставленную посудину. Вытекающая жидкость и есть такъ называемая «молымъ арки» или «ирэкъ»—калмыцкая водка. Другой способъ ея полученія нѣсколько проще. Въ котелъ прокисшаго «аруна» накладываютъ только до половины; затѣмъ нарочно по котлу пригнанной круглой доской накрываютъ послѣдній и промежутки замазываютъ глиной: когда котелъ начинаютъ нагрѣвать, то пары «аруна» выводятъ изъ-подъ крышки длинной трубой, которая предварительно вставляется въ эту послѣднюю; роль холодильника, такимъ образомъ, исполняетъ въ этомъ случаѣ длинная трубка, которая обкладывается льдомъ или снѣгомъ или, наконецъ, обвертывается въ мокрыя тряпки.

вить даже въ самыхъ общихъ чертахъ величавую красоту этой картины, которой нѣтъ равной въ Европѣ, потому что трудно еще разъ найти на землѣ такое дивное сочетаніе горныхъ громадъ и безбрежной пустыни, темной зелени еловыхъ лѣсовъ и золотистой дымки далекихъ песковъ и, наконецъ, этой массы воды, своимъ цвѣтомъ и блескомъ вносящей такой рѣзкій контрастъ въ цѣлое море самыхъ нѣжныхъ и полупрозрачныхъ тоновъ, которые могутъ только родиться, при обширности горизонта, въ необъятной дали...

Окрестности Богусъ-Зуслуна царство чилиги «верблюжій хвостъ» — «тюйя-куйрюкъ» (Caragana nova species?) 1), ощетиневшей всѣ ближайшія скалы и горы; она была теперь въ полномъ цвѣту и выглядѣла чрезвычайно нарядно. Кромѣ этой замѣчательной караганы, стелящагося можжевельника, одиночныхъ экземпляровъ ели и шиповника, другихъ кустарниковъ, не говоря уже о деревьяхъ, не было видно; зато ниже, въ зонѣ еловыхъ лѣсовъ, всѣ ущелья поросли ими густо, но насколько разнообразно, сказать не берусь. Съ высоты, на которой мы находились, видно было только, что кустарныя заросли узкой лентой сопровождаютъ теченіе всѣхъ рѣчекъ, сбѣгающихъ въ пустыню съ горной группы Шалуаръ и теряются вмѣстѣ съ послѣдними въ Эби-норской пустынѣ.

Не смотря на еще раннее для такихъ высотъ время, животная жизнь была здѣсь въ полномъ разгарѣ; нѣкоторые виды бабочекъ даже кончали свой летъ 2), птицы сбрасывали обносившееся перо 3) и только суслики (Spermophilus Eversmanni, Brandt) да сурки (Arctomys dichrous, And.) не начинали еще мѣнять своей сѣдой зимней одежды на болѣе яркій, но менѣе пышный нарядъ 4). Такимъ образомъ все заставляло насъ торопиться составленіемъ коллекцій, пока не ушло еще драгоцѣнное для каждаго естествоиспытателя время, а вмѣстѣ спѣшить и спѣшить впередъ, чтобы своевременно

---

1) Видъ близкій Caragana jubata Poir., но отличакшійся отъ него бóльшимъ ростомъ, розовыми цвѣтами и серебристо-зелеными листьями. Открытъ П. П. Семеновымъ, въ 1856 году, въ горахъ западнаго Тянь-Шаня, но съ тѣхъ поръ все еще не описанъ.

2) Pieris chloridice, Colias cocandica var. Maja nobis, Polyommatus splendens, Polycaena tamerlana, Melitaea saxatilis infernalis nobis, Oeneis Hora nobis, Arctia Manni и др.

3) Изъ птицъ отмѣтимъ: улларовъ (Tetraogallus himalayensis, Gray), куропатокъ (Perdix barbata, Verr et des Mars) дрозда-рябинника (Turdus pilaris L.), орѣховку (Nucifraga caryocatactes L.) Pyrrhocorax graculus L.,Emberiza Buchanani Blyth., Emb. cia L., Anthus spipoletta L., Ruticilla coeruleocephala Gould., Calliope pectoralis Gould., Tharrhaleus fulvescens Sew, Lanius phoenicuroides Romanowi Bogd. и др.

4) Кстати упомянемъ здѣсь также о слѣдующемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Богусъ-Зуслунѣ. Въ то время, какъ мы всѣ отдыхали, вернувшись съ экскурсіи, вдругъ раздался отчаянный крикъ нашего слуги Давыдки-дунгана: «пропалъ глазъ, пропалъ глазъ! муха укусила.... охъ, жжетъ... охъ, не могу...» Поднявъ сильно припухшее вѣко, я тотчасъ же замѣтилъ, что

достигнуть районовъ, можетъ быть, и не столь богатыхъ видами, зато уже потому болѣе интересныхъ, что маршруты натуралистовъ никогда ихъ еще не захватывали. Этими районами были — альпы въ верховьяхъ Хусты (Манасъ) и величественная горная группа Богдо-Ола, о которой до сихъ поръ мы имѣли только самыя поверхностныя и даже прямо невѣрныя свѣдѣнія.

Съ самаго того момента, какъ мы выступили изъ Джаркента погода намъ необыкновенно благопріятствовала. Тучки, если и набѣгали подчасъ, то на нѣсколько минутъ, не болѣе; затѣмъ солнце снова выглядывало и своими жгучими лучами осушало окрестность. Но 17-го октября погода вдругъ измѣнилась. Съ ранняго утра уже моросило и при безвѣтріи окрестныя горы курились. А между тѣмъ именно на сегодня намъ предстоялъ трудный перевалъ черезъ горы Шалуаръ, о которыхъ торгоуты разсказывали теперь очень много дурного. Въ этихъ разсказахъ смущала насъ не столько крутизна этихъ горъ, сколько обиліе талаго снѣга, который на перевалѣ долженъ былъ повсемѣстно образовать невылазныя топи. «Топи эти такъ тамъ обширны, что пока съ краевъ земля не обсохнетъ, черезъ Шалуаръ нѣтъ дороги...» вотъ, въ чемъ старался насъ убѣдить старшина и что теперь, въ виду непогоды, дѣйствительно, озабочивало насъ чрезвычайно. Выбора, однако, мы не имѣли: обѣщанные проводники своевременно прибыли да и торгоутскія лошади, на всякій случай и путемъ долгихъ переговоровъ, наконецъ, нанятыя, давно ужъ поджидали своей очереди быть завьюченными. Отослать ихъ обратно — значило рисковать въ будущемъ совершенно остаться безъ нихъ; къ тому же пережидать непогоду мы не имѣли никакихъ основаній, потому что каждый лишній дождь или снѣгъ могъ, очевидно, только ухудшить, а не улучшить дорогу. И такъ — въ путь! и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Часъ спустя, дѣйствительно, мы уже выступали съ мѣста нашей стоянки въ самомъ невеселомъ настроеніи духа. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть хуже положенія человѣка, обязаннаго не только мокнуть часами, но и вязнуть чуть не по колѣна въ грязи при перетаскиваніи тяжестей, подъ которыми сперва споткнулась, а потомъ и свалилась бѣдная лошадь? А именно только

все глазное яблоко было покрыто бѣлыми веретенообразными личинками, которыя двигались довольно проворно. Освободить отъ нихъ глазъ стоило большого труда; тѣмъ не менѣе при помощи кисточки, смоченной въ цинковой примочкѣ, мнѣ это вполнѣ удалось. Если это Вольфартова муха (Sarcophila Wolfartii), то случай нахожденія ея столь высоко въ горахъ и такъ далеко въ Средней Азіи —фактъ въ высшей степени интересный.

такія, хорошо знакомыя намъ, картины и рисовала теперь услужливая фантазія... Къ тому же все такимъ образомъ соединялось, чтобы сдѣлать намъ сегодняшній переходъ особенно непріятнымъ. Едва мы тронулись съ мѣста, какъ проносившееся облако такъ густо окутало насъ туманомъ, что мы перестали различать предметы даже въ нѣсколькихъ шагахъ впереди. Стало и сыро и холодно; затѣмъ снова заморосило. Поднявшійся вѣтеръ на нѣкоторое время смѣнилъ моросъ дождемъ, а этотъ, постепенно усиливаясь, перешелъ въ градъ и вслѣдъ затѣмъ въ снѣгъ. Тѣмъ временемъ дорога становилась все круче и къ тому же сдѣлалась скользкой на столько, что наши лошади уже съ трудомъ подвигались впередъ. Наконецъ, мы увидали себя на обширной полянѣ, справа и слѣва замкнутой высокими скалами. Поляна эта, составляющая вершину перевала Шалуаръ, при нѣсколько волнистой поверхности, обладаетъ только весьма слабымъ уклономъ въ стороны спусковъ; почва ея, песчано-глинистая, кочковидно поросшая кипцомъ (Festuca sp.) и мѣстами до крайности рыхлая, способна, повидимому, весьма быстро напитываться водой и въ этихъ обстоятельствахъ набухать; если же и нижележащія породы, напримѣръ, хотя бы тѣ же бѣлые известняки, которые щебневыми розсыпями всюду выпячиваются наружу, залегаютъ не глубоко и къ тому же представляютъ нѣкоторое препятствіе дальнѣйшему просачиванію воды, то вотъ ужъ и всѣ тѣ условія, которыя своей совокупностью могутъ обусловить образованіе, если не топи, какъ о томъ сообщалъ намъ старшина, то во всякомъ случаѣ пространствъ настолько вязкихъ, что переходъ по нимъ временами, можетъ быть, и является затруднительнымъ. И что это зачастую здѣсь такъ и бываетъ, доказываютъ, какъ мнѣ кажется, едва проложенныя, зато безчисленныя тропинки; очевидно, что каждый избираетъ себѣ тутъ то направленіе, которое кажется ему болѣе, чѣмъ другія, надежнымъ.

Высота перевала Шалуаръ оказалась равной 10.990 фут. н. ур. моря. Такимъ образомъ относительно нашей стоянки мы поднялись не болѣе какъ на 1.600 футовъ, а между тѣмъ по истомленному виду нашихъ мокрыхъ и въ грязи лошадей можно было подумать, что сегодня мы сдѣлали не вѣсть какую дорогу!

Спускъ съ перевала былъ уже гораздо положе; къ тому же мѣстность стала пріобрѣтать чрезвычайную живописность. Здѣсь мы снова вступили въ зону еловыхъ лѣсовъ, представляющую почти повсемѣстно въ Восточномъ Тянь-Шанѣ такія разнообразныя и эффектныя сочетанія кустарныхъ зарослей, лѣса, дикихъ скалъ и роскошныхъ луговъ, что мимо нихъ нельзя пройти равнодушно; такъ и манитъ остановиться у каждаго ручейка, подъ сѣнью каждой группы елей, гдѣ все, чего ни пожелаешь, къ вашимъ услугамъ: и чудный лугъ, залитый моремъ цвѣтовъ, и вода, и топливо и, наконецъ, величественный ландшафтъ—далекая панорама горъ, громоздящихся другъ на друга до предѣловъ вѣчнаго снѣга и обѣщающихъ въ каждомъ изъ ущелій своихъ пытливому натуралисту что-нибудь новое, затемняющее интересомъ своимъ все до тѣхъ поръ открытое. И какъ-то невольно поддаешься такому соблазну и останавливаешься въ приглянувшемся мѣстечкѣ, мало заботясь иногда даже о томъ, что въ этотъ день едва пройдено нѣсколько верстъ.

Въ урочищѣ Умканъ-голъ, на рѣчкѣ Уланъ-дабанъ, узкой, едва-ли проходимой щелью вырывающейся въ Джунгарскую пустыню и образующей тамъ, къ западу отъ пикета Ту-ду, обширныя тростниковыя займища [1]), мы простояли два дня, посвящая все время экскурсіямъ и сбору разнообразныхъ коллекцій [2]). Этимъ экскурсіямъ въ значительной, впрочемъ, степени мѣшали вѣтра и дожди, которые здѣсь то и дѣло смѣняли другъ друга.

Помимо экскурсій не мало времени поглощали у насъ и дипломатическіе переговоры съ калмыками, которые упорно стояли на своемъ. «Бумаги, объявляющей намъ о вашемъ пріѣздѣ сюда, мы не имѣемъ, говорили они; это значитъ, что вы явились сюда безъ разрѣшенія не только илійскаго цзянь-цзюня, но и нашего хана; а потому наша прямая обязанность не содѣйствовать вамъ, а мѣшать...»

Наша усиленная ходьба по горамъ не разъяснила вопроса: куда намъ дальше идти? Сѣверные контрфорсы этой части хребта Боро-Хоро необыкновенно запутаны множествомъ узкихъ ущелій, по которымъ сбѣгаютъ въ Эби-норскую котловину многочисленные потоки и рѣки. Вдобавокъ всѣ горные участки здѣсь очень скалисты и круты, а потому очень мало доступны. Безъ проводниковъ пускаться при такихъ обстоятельствахъ въ путь было бы дѣломъ крайне рискованнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ, куда ведутъ всѣ эти тропинки, которыя, безконечно переплетаясь, образуютъ повсемѣстно весьма сложную сѣть? Довѣриться одной изъ нихъ—значитъ рисковать забраться туда, откуда одинъ только выходъ—обратно, къ своей прежней стоянкѣ... Даже спуститься снова въ Джунгарію какимъ бы то ни было изъ ущелій было бы для насъ предпріятіемъ, почти вовсе невыполнимымъ: всѣ дороги идутъ здѣсь горами и ни одна изъ нихъ не бѣжитъ по ущелью—прекрасное доказательство дикости и недоступности этихъ послѣднихъ,

---

[1]) Займища эти описаны будутъ во второмъ томѣ настоящаго труда.

[2]) Охота на дикихъ козъ (Capra sibirica) была неудачной; птицъ тоже убито было не много; зато насѣкомыхъ оказалось здѣсь достаточно. Изъ бабочекъ были добыты: Melitaea Saxatilis infernalis nobis, Argynnis Hegemone, Melitaea asteroides var., Lycaena Pheretiades, Polyommatus splendens, Polycaena tamerlana, Coenonympha sunbecca, Erebia turanica laeta, Er. mongolica, Oeneis Hora nobis, Arctia Manni и др.

И такъ, волей-неволей, намъ приходилось настаивать на присылкѣ проводника, а когда послѣдній дѣйствительно къ намъ явился, идти туда, куда онъ вздумаетъ насъ повести. Впрочемъ, это было теперь для насъ безразлично, лишь бы вели насъ впередъ, а не обратно; тѣмъ не менѣе въ нашихъ интересахъ скорѣе было держаться гребня хребта, чѣмъ спускаться въ низины. А этого-то, повидимому, и нельзя было намъ ни въ какомъ случаѣ избѣжать, такъ какъ въ лѣтнее время рѣки Эптэ и Джиргалты въ верховьяхъ своихъ оказывались совершенно не проходимыми въ бродъ.. «Осенью еще возможно пройти горами въ урочище Цаганъ-усу», говорилъ намъ проводникъ, «лѣтомъ же всякое сообщеніе тутъ прекращается; ходятъ туда степью, черезъ монастырь Джиргалты-цаганъ-суля». Цаганъ-усу — это ставка вана, родственника карашарскаго хана, при содѣйствіи котораго мы и расчитывали продолжать дальнѣйшее наше движеніе вдоль гребня Боро-Хоро.

Отъ урочища Умканъ-голъ мы нѣкоторое время шли нагорьями внизъ по теченію рѣки Уланъ-дабанъ; затѣмъ, миновавъ зону еловыхъ лѣсовъ, до пересѣкавшаго намъ дорогу ущелья р. Шангынъ-даванъ шли весьма пересѣченной мѣстностью, представлявшею изъ себя роскошнѣйшій лугъ, вѣрнѣе степь съ примѣсью луговыхъ травъ и цвѣтовъ. За рѣчкой Шангынъ-даванъ, протекающей въ узкомъ и глубоко врѣзанномъ ложѣ, вся мѣстность приняла равнинный характеръ, а растительность все болѣе и болѣе становилась степной. Тутъ мы потеряли тропинку и шли, повидимому, совсѣмъ наугадъ, придерживаясь, однако, все время сѣверо-восточнаго направленія. Но, очевидно, проводникъ хорошо зналъ дорогу, потому что мы вдругъ очутились на краю глубокаго яра, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ снова намѣчалась тропинка, безчисленными изгибами сбѣгавшая на громадную глубину. Опять очень трудный спускъ съ высоты, по крайней мѣрѣ, ста саженей и вдобавокъ по необыкновенно узкой и мѣстами совершенно размытой тропинкѣ! Въ виду этого спуска мы на минуту даже усомнились въ познаніяхъ нашего вожака. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ здѣсь другой, болѣе торной дороги? Оказалось, однако, что дѣйствительно нѣтъ и что вообще взятая нами считается лучшей изъ существующихъ въ этотъ горномъ районѣ.

Дно ущелья—сѣрый песокъ и мелкая галька, во всѣхъ направленіяхъ изборожденные слѣдами весеннихъ потоковъ; стѣны—все тотъ же метаморфическій сланецъ. Растительность скудная, но крайне разнообразная: карагана, барбарисъ, таволга, жимолость, хвойникъ и другіе кустарники, которые то образуютъ здѣсь заросли, то растутъ въ одиночку; изъ луговыхъ травъ не осталось здѣсь уже и слѣда; ихъ смѣнили чій (Lasiogrostis splendens), различные злаки, какой-то высокій Allium, полынь, астрагалы, ирисъ, Statice speciosa и chrysocephala, Blithum virgatum и многія другія растенія, характеризующія флору каменистыхъ ущелій.

Едва мы спустились въ ущелье, какъ впереди раздались выстрѣлы, стократнымъ эхомъ повторившіеся въ горахъ. Это стрѣлялъ казакъ Колотовкинъ, съ двухъ пуль положившій на мѣстѣ хулана [1]). Это былъ старый жеребецъ, совершенно изборожденный шрамами, полученными имъ, безъ сомнѣнія, въ прежнихъ бояхъ за преобладаніе въ табунѣ. Изгнанный болѣе сильнымъ противникомъ, онъ бродилъ теперь въ одиночествѣ и, вѣроятно, вскорѣ сталъ бы добычей волковъ, если бы раньше времени не нарвался на пулю ловкаго казака.

Яромъ мы спускались верстъ восемь, затѣмъ вышли на рѣчку Юдна-голъ и заночевали на площадкѣ, поросшей полынью-чернобыльникомъ (Artemisia vulgaris), верблюжьей колючкой и овсюкомъ (Bromus sp.); такъ что лошадямъ нашимъ пришлось бы оставаться совсѣмъ безъ ѣды, если бы не кусты лозняка, росшаго по берегу рѣчки и не узкая ленточка луговыхъ травъ, укрывавшихся въ ихъ тѣни.

Едва мы успѣли развьючиться — полилъ дождь; впрочемъ, съ значительными интервалами онъ шелъ въ теченіе цѣлаго дня.

Встали рано и тронулись снова въ дорогу. Оставивъ позади себя Юдна-голъ и пройдя горами не болѣе полуверсты, мы вдругъ очутились въ безбрежной пустынѣ... Только здѣсь эта пустыня казалась не столь мертвенной и оживлялась довольно разнообразной растительностью, среди которой преобладали: чернобыльникъ, карагана, хвойникъ, саксаулъ и Eurotia ceratoides, на этотъ разъ изукрашенные, точно плодами, красивыми, блестящими жуками изъ рода Julodis. Но въ общемъ это была все же чрезвычайно скучная и монотонная мѣстность, всю завлекательную сторону которой составляли только многочисленные здѣсь табуны пугливо озиравшихся на насъ хулановъ и стада антилопъ (Grazella subguturosa), при каждомъ выстрѣлѣ, какъ вихрь, уносившихся вдаль. Здѣсь мы круто свернули къ востоку и вдоль горной окраины шли до Эптэ.

---

[1]) Отъ этого хулана доставленъ нами въ зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ только черепъ. Видъ пока не опредѣленъ. Шкура была сильно испорчена клещами (Jxodes).

Рѣку Эту мы замѣтили только тогда, когда подошли къ ней вплотную. Объясняется это тѣмъ, что Эптэ, подобно всѣмъ прочимъ рѣкамъ Южной Джунгаріи, течетъ въ глубочайшемъ руслѣ, вырытомъ ею въ мощныхъ дилювіальныхъ [1]) наносахъ глины и гальки, сплотившихся въ рыхлый конгломератъ. Яръ, впрочемъ, становится издалека уже виднымъ, причемъ бываетъ, однако, трудно опредѣлить, что это такое: невысокая ли гряда впереди или противоположный берегъ оврага. Вода же рѣки обнаруживается только тогда, когда подходишь къ самому яру, глубина котораго у нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, у Кійтына, очень значительна.

Спустивши караванъ нашъ къ Эптэ, торгоутъ отказался указать намъ на бродъ. «Вы видите, какая вода... утонетъ кто, такъ свалите вину на меня...»

Дѣлать нечего! Пришлось розыскивать бродъ намъ самимъ. Къ счастью поиски были не долги. Шагахъ въ двухстахъ выше рѣка разбивалась на рукава, изъ коихъ только два крайнихъ оказались глубокими. Черезъ нихъ лошадей перевели въ одиночку.

За Эптэ раскинулась снова пустыня, но еще болѣе каменистая и безотрадная. Ею мы прошли верстъ пятнадцать и остановились въ ур. Муткымъ-бахъ, самомъ западномъ изъ группы оазисовъ, имѣющихъ своимъ центромъ селеньице Хонтоху, населенное таранчами, китайцами и торгоутами. Здѣсь мы дневали.

---

[1]) Согласно Мушкетову («Записки Импер. СПБ. Минералогическаго Общества», 1877, XII, стр. 167); Романовскій же полагаетъ, что конгломератныя толщи эти слѣдуетъ отнести къ пліоцену («Матеріалы для геологіи Туркестанскаго края», I, стр. 52).

ГЛАВА III.

По торгоутскимъ кочевьямъ.

Отъ урочища Муткымъ-бахъ до монастыря Джиргалты-цаганъ-сумэ верстъ 27. Дорога тянется все время глинистой степью со слѣдами старыхъ арыковъ, среди которыхъ многіе, повидимому, давно ужъ заброшены. Изрѣдка также попадаются здѣсь и пашни, по сосѣдству съ которыми виднѣются группы карагачей (Ulmus sp.) и развалины прежнихъ построекъ. Но вообще всѣхъ этихъ слѣдовъ былой культуры такъ мало, что они не нарушаютъ общаго характера этой степи. Тамарискъ, саксаулъ, изрѣдка пустынный тополь (Populus diversifolia) и обычная въ подобныхъ случаяхъ свита сопровождающихъ ихъ растеній образуютъ здѣсь мѣстами густѣйшія заросли, которыя, однако, быстро рѣдѣютъ въ сторону бывшихъ осѣдлостей; тамъ смѣняютъ ихъ карагачи, осокори, ива и изъ травъ—лебеда, Apocynum venetum и множество другихъ сорныхъ травъ и растеній, которыя въ перемѣшку съ камышомъ покрываютъ всѣ мѣста, когда-то занятыя полями. Среди подобныхъ-то зарослей, въ которыхъ въ смѣси съ представителями пустынной флоры росли карагачи и высокій камышъ, расположился и небольшой монастырь Джиргалты-цаганъ-сумэ — зимнее убѣжище ламъ, теперь откочевавшихъ вмѣстѣ съ прочими торгоутами въ ближайшія горы.

Едва передовой эшелонъ нашихъ вьюковъ поравнялся съ стѣной главнаго зданія, какъ изъ воротъ выбѣжалъ китаецъ и слѣдомъ за нимъ человѣкъ пять торгоутовъ. Видъ русскихъ ихъ вовсе не удивилъ. Казалось, они даже готовились къ этой встрѣчѣ и теперь, сообща, бросившись къ лошадямъ, сдѣлали попытку ихъ задержать. Завязалась борьба, торгоуты были отброшены и, отступивъ къ воротамъ, продолжали браниться.

— Что тутъ за шумъ, Николай?

— Да вотъ—не хотятъ насъ дальше пускать!

Такъ какъ и мнѣ китаецъ отказался объяснить толкомъ причины, вызвавшія его и подвѣдомственныхъ ему торгоутовъ къ столь энергичному образу дѣйствій, то мы, не задерживаясь здѣсь долѣе, продолжали свой путь. Этимъ дѣло однако не кончилось, и полъчаса спустя насъ нагнала уже цѣлая толпа торгоутовъ, которая, хотя и вела себя чинно, но довольно настойчиво потребовала отъ насъ остановиться и не идти далѣе до полученія на то разрѣшенія отъ торгоутскихъ властей. Впрочемъ, насъ утѣшали, что разрѣшеніе это должно послѣдовать не позже завтрашняго утра... Дѣлать нечего! — пришлось уступить, и мы спустились по кручѣ на плесъ рѣки Джиргалты, гдѣ и остановились на пескѣ стараго ея русла.

Но стоянка эта была одной изъ самыхъ для насъ непріятныхъ. Совершенное почти отсутствіе корма и дровъ, крупная галька, навороченная въ безпорядкѣ повсюду, и въ довершеніе всего, налетѣвшая буря съ дождемъ, чуть не опрокинувшая юрты и далеко разметавшая наши вещи, а затѣмъ и пропажа барановъ, которыхъ мы чуть не до полуночи проискали совершенно напрасно, все это заставляло насъ не разъ пенять на себя за обнаруженную нами сговорчивость. Такъ что на слѣдующее утро, т. е. 24-го іюня, съ твердымъ намѣреніемъ въ тотъ же день добраться до ставки уанга, мы съ разсвѣтомъ тронулись въ путь.

Ставка, противъ всякаго ожиданія, оказалась близехонько, всего верстахъ въ двѣнадцати отъ мѣста нашей стоянки на р. Джиргалты, въ долинѣ маленькой рѣчки Цаганъ-усу. [1]) Несмотря на ея значительность, площадка, на которой уангъ устроилъ свою лѣтовку, была настолько застроена всевозможными глинобитными сооруженіями, здѣсь скучилось столько юртъ и толпилось, несмотря на проливень, столько народа, что мы только съ трудомъ подыскали себѣ достаточно удобное мѣсто для стойбища.

Уангъ встрѣтилъ насъ очень радушно, и едва мы устроились, какъ къ намъ ужъ явилось посольство: людямъ нашимъ принесли дамбы съ соленымъ чаемъ и масломъ, китайскій на пару сваренный хлѣбъ (мянъ-тау), масло и кислое молоко (арыкъ); насъ же приглашали на «чашку чая» въ помѣщеніе вана.

---

[1]) Цаганъ-усу—притокъ Джиргалты Мы вышли на нее сквознымъ ущельемъ чрезъ предгорія Боро-Хоро.

Помѣщеніе это издали казалось оригинальнымъ и въ окружающей его обстановкѣ даже красивымъ. Фасадъ обращенъ былъ къ рѣкѣ, въ долину которой спускались также, во первыхъ, обѣ лѣстницы, одна надъ другой, а во вторыхъ, и оба наката изъ глины и валуновъ. Само зданіе, сложенное частью изъ камня, частью же изъ еловыхъ досокъ и кирпича, было невелико, зато пестрѣло яркимъ рисункомъ. Сзади оно примыкало къ стѣнѣ, окружавшей цѣлую группу мазанокъ: тутъ, повидимому, помѣщалась канцелярія вана, а, можетъ быть, и часть военныхъ чиновъ, входящихъ въ составъ торгоутскаго знамени. И глиняные накаты и обѣ лѣстницы представляли такія сооруженія, которыя лучше всякихъ словъ доказывали каждому посѣтителю, что калмыки плохіе строители. Дѣйствительно, взобраться по нимъ въ сырую погоду, пожалуй, было даже труднѣе, чѣмъ на сосѣднюю гору, которая изъ долины Цаганъ-усу подымается непосредственно въ снѣжную область. Тѣмъ не менѣе мы благополучно одолѣли это препятствіе и очутились на крытой площадкѣ, гдѣ насъ встрѣтилъ уангъ, еще молодой человѣкъ, пухлый, бѣлый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма симпатичный. Одѣтъ онъ былъ въ черную атласную курму (чанъ-гуа), атласное зеленовато-желтое подкафтанье и черную атласную же китайскую шапочку безъ всякихъ атрибутовъ княжескаго достоинства, что, согласно китайскому этикету, должно было, безъ сомнѣнія, означать, что онъ принимаетъ насъ не какъ офиціальное лицо, а какъ хлѣбосольный хозяинъ своихъ случайныхъ гостей. Послѣ первыхъ же привѣтствій онъ усадилъ насъ вокругъ стола, который занималъ чуть не цѣлую половину пріемной. Кромѣ китайской неважной картины никакихъ другихъ украшеній эта пріемная не имѣла. Такая же простота обстановки замѣчалась и въ сосѣднихъ двухъ комнатахъ, освѣщенныхъ китайскими окнами и заставленныхъ простыми деревянными табуретами, дамбами и тому подобными предметами домашняго обихода. Изъ этихъ двухъ комнатъ, вмѣстѣ съ пріемной составлявшихъ передній фасадъ всего зданія, имѣлись двери во внутренніе покои, но назначеніе и убранство послѣднихъ осталось намъ, конечно, вполнѣ неизвѣстнымъ. Свита уанга, человѣкъ двадцать ламъ и наши казаки помѣстились частью тутъ же, въ пріемной, частью же на верандѣ, единственнымъ украшеніемъ которой было громадное и, какъ кажется, довольно пестрое знамя. Такимъ образомъ мы должны были сначала пить чай, а затѣмъ и обѣдать у всѣхъ на виду и заранѣе мириться съ мыслью служить предметомъ наблюденія для толпы торгоутовъ, которые не пропускали ни одного нашего движенія незамѣченнымъ и съ необыкновеннымъ любопытствомъ заглядывали намъ въ ротъ каждый разъ, что мы подносили къ нему ложку съ какимъ-нибудь супомъ или инымъ произведеніемъ кухни торгоутскаго вана. Впрочемъ, всѣ эти господа вели себя очень чинно и, вообще, умѣньемъ держать себя насъ несказанно удивили. За обѣдомъ, поданнымъ вслѣдъ за чаемъ и состоявшимъ, какъ кажется, изъ семи блюдъ, сервированныхъ на китайскій ладъ [1]), мы успѣли сговориться о всемъ, что въ данную минуту интересовало насъ наиболѣе: ванъ согласился дать намъ проводника до перевала Кійтынъ и разрѣшилъ пріобрѣсти у окрестныхъ торгоутовъ мѣною или покупкой лошадей, барановъ, [2]) арканы, войлоки и другіе предметы обихода, въ коихъ мы стали уже ощущать недостатокъ.

Уладивъ эти вопросы, мы, какъ это ни странно въ такой дикой глуши и въ томъ первобытномъ обществѣ, которое насъ окружало, заговорили о музыкѣ. Ванъ заставилъ ламъ пѣть намъ духовные гимны соло и хоромъ, и ламы пѣли долго, съ увлеченіемъ, до совершеннаго изнеможенія и сипоты.

Пѣніё буддійскихъ гимновъ подъ аккомпанементъ духовыхъ инструментовъ поражаетъ европейское ухо своей необычностью; вотъ почему и положить его на ноты въ высшей степени трудно. Это вполнѣ испыталъ мой братъ, когда вздумалъ записать музыку одного изъ пропѣтыхъ намъ гимновъ. «Вообще», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, «какъ хоровое, такъ и пѣніе соло исполняется въ темпѣ adagio, largo и lento, причемъ для инструментовъ допускается болѣе обширный регистръ, чѣмъ для голоса. Ламы—торгоуты при богослуженіи употребляютъ инструменты хотя и одного типа, но такъ устроенные, что вмѣстѣ они обладаютъ весьма обширнымъ объемомъ и разнообразіемъ звуковъ, допускающимъ оркестровку; въ пѣніи же преобладаетъ почти исключительно низкій регистръ. При этомъ не лишне замѣтить, что и вообще наиболѣе пріятнымъ для слуха торгоутовъ служитъ звукъ басовой, почему они и стремятся въ пѣніи достичь звуковъ контръоктавныхъ. Я игралъ имъ на корнетѣ съ пистонами: нѣжныя и крикливыя высокія ноты производили на нихъ непріятное впечатлѣніе и, наоборотъ, густыя и низкія, взятыя piano и доведенныя до fostissimo, приводили ихъ въ совершенный восторгъ».

---

[1]) Подавали лапшу въ мясномъ супѣ, пирожки съ мясной начинкой, вареные пирожки съ лукомъ и мясомъ, супъ съ крошеннымъ бараньимъ мясомъ, вареное баранье мясо, мелко искрошенное мясо, приправляемое соей и уксусомъ, и, наконецъ, въ довершеніе всего пельмени. Все это подавалось въ небольшомъ количествѣ, зато вкусно и довольно чисто приготовленнымъ. Кромѣ того насъ обносили китайской водкой, «молымъ-арки» и кумысомъ.

[2]) Торгоутскіе бараны значительно отличаются какъ отъ барановъ киргизскихъ, такъ и отъ тибетскихъ. Расы эти въ Средней Азіи выражены еще съ достаточной рѣзкостью; но мѣстами, въ особенности въ культурныхъ округахъ Синъ-цзяна и Гань-су, скрещиванье производится уже въ довольно широкихъ размѣрахъ; что и побуждаетъ меня теперь же обратить вниманіе зоологовъ на это обстоятельство. Торгоутская порода овцы и выше на ногахъ и крупнѣе киргизской; шея у нея длиннѣе; рогами, и иногда очень большими, изрѣдка завитыми до полной спирали, снабжены не только бараны, но не рѣдко и овцы; цвѣтъ шерсти почти исключительно бѣлый, у многихъ голова и шея черныя; курдюкъ сравнительно малъ; мясо грубое и темнѣе мяса киргизскаго барана.

«Намъ пришлось слышать игру и пѣніе ламъ, считавшихся виртуозами. Пѣли, напримѣръ, двое ламъ, оба басы. Одинъ изъ нихъ, имѣвшій болѣе низкій діапазонъ голоса, пѣлъ простую гамму отъ верхней до нижней ноты, второй ему вторилъ въ терцію; кромѣ того первый допускалъ въ своей гаммѣ бо́льшіе или меньшіе интервалы, переходя же отъ верхнихъ нотъ къ низкимъ, въ промежуткахъ не вставлялъ форшляговъ, хотя и допускалъ послѣдніе при обратномъ ходѣ; второй пѣлъ безъ форшляговъ. Пѣніе оцѣнивается, во первыхъ, по тому, какая изъ нижнихъ нотъ доступна пѣвцу, а во вторыхъ, по тому, съ какою легкостью онъ переходитъ отъ верхней ноты своего регистра къ низшей безъ форшляговъ и съ ними».

Инструменты у торгоутскихъ ламъ исключительно духовые, деревянные, если не считать тимпановъ ¹). Они напоминаютъ гобой, но съ значительно болѣе широкимъ раструбомъ и отсутствіемъ клавишей, замѣненныхъ дырочками. Сработаны они весьма тщательно и отдѣланы серебромъ весьма изящной чеканки ²) Для игры на конецъ такого гобоя надѣвается металлическій мудштукъ, имѣющій видъ пустотѣлой серебряной обоймы съ пазикомъ, въ который вставляется тонкая пластинка изъ тростника, что въ цѣломъ уподобляетъ его отчасти кларнетному мундштуку. Колебаніе воздуха получается вслѣдствіе сотрясенія тростниковой пластинки при прохожденіи струи между ею и серебряной обоймой. Мы видѣли подобные инструменты трехъ размѣровъ: въ $1^{1}/_{2}$ аршина съ шириной раструба въ 8 вершковъ, въ $1^{1}/_{4}$ аршина и, наконецъ, въ одинъ аршинъ съ пропорціональными раструбами. Звукъ этого инстру-

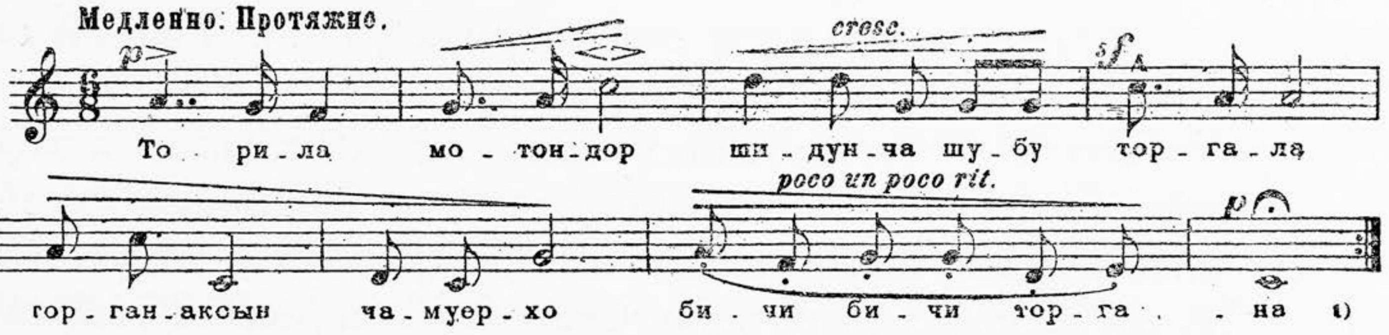
---

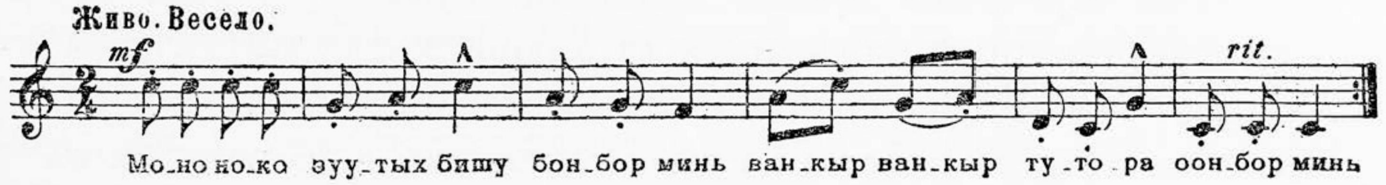
¹) А. Позднѣевъ въ своемъ «Очеркѣ быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи» даетъ описаніе значительнаго числа ударныхъ музыкальныхъ инструментовъ, которыхъ мы не видали у ламъ монастыря Цаганъ-сумэ. Равнымъ образомъ не видали мы у нихъ и большой мѣдной трубы, такъ называемой «бурѣ».

²) Получаются они изъ Тибета и, по увѣренію вана, стоятъ значительныхъ денегъ. Позднѣевъ въ упомянутомъ выше сочиненіи по величинѣ раздѣляетъ эти инструменты на двѣ категоріи: «башкуръ» и «ганлинъ».

мента мелодическій, но вмѣстѣ съ тѣмъ производитъ впечатлѣніе, точно возникаетъ гдѣ-то въ пространствѣ, въ значительномъ отъ васъ отдаленіи; изъ европейскихъ инструментовъ онъ всего скорѣе напоминаетъ звукъ мѣднаго альта и басовой вальторны (въ зависимости отъ объема инструмента). Рѣзкія и дребезжащія ноты издаются имъ при надавливаніи зубами на тростниковую пластинку. Въ горахъ же, гдѣ расположена была кумирня торгоутовъ, прекрасная игра на двухъ инструментахъ напоминала дуэтъ двухъ альпійскихъ рожковъ. Мелодіи, замѣчаетъ мой братъ въ заключеніи, я не запомнилъ, да къ тому же это и трудно, такъ какъ, повидимому, опредѣленной мелодіи у нихъ нѣтъ, и всего чаще случается такъ, что одинъ изъ играющихъ фантазируетъ тутъ же, а другой ему вторитъ».

Мірского пѣнія торгоутовъ намъ слышать не довелось, зато брату посчастливилось записать двѣ пѣсни алтайскихъ монголовъ, которыя я и считаю умѣстнымъ здѣсь привести.


Медленно. Протяжно.
p
cresc.
sf
То - ри - ла мо - тон - дор ши - дун - ча шу - бу тор - га - ла
poco un poco rit.
гор - ган - аксын ча - муер - хо би - чи би - чи тор - га - - на 1)


Живо. Весело.
mf
rit.
Мо-но ко-ко зуу-тых бишу бон-бор минь ван-кыр ван-кыр ту-то-ра оон-бор минь

Моно халга тутей бишу
бонбор минь
Мадчин тосу турхара
бонбор минь
Моно дюнгор кирсю бишу
бонбор минь

---

1) Другіе куплеты, а затѣмъ и переводъ всей пѣсни были нами утеряны вмѣстѣ съ анероидомъ, термометромъ и многими другими предметами, похищенными у насъ на постояломъ дворѣ въ городѣ Гученѣ.

Чехир бобогар хурара
бонбор минь
Моно аха кицу бишу
бонбор минь
Хонин захо хептера
бонбор минь [1]).

Между тѣмъ настало время прощаться съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Поблагодаривъ его за любезный пріемъ и угощеніе, мы, въ сопровожденіи толпы ламъ, спустились съ вышеупомянутой лѣстницы и, экскортируемые десяткомъ торгоутскихъ наѣздниковъ, вернулись въ свой лагерь.

Минутъ десять спустя, къ намъ еще разъ явились отъ вана, и на этотъ разъ уже съ тѣмъ, чтобы представить подарки: двухъ барановъ, кирпичъ плохого монгольскаго чая [2]), пятьдесятъ джиновъ [3]) муки и кожаную флягу съ калмыцкой водкой—«молымъ-арки». Съ своей стороны мы не замедлили его отдарить, пославши

---

[1]) Пѣсня эта записана была нами согласно съ мѣстнымъ (хамійскимъ) произношеніемъ ея. Правильно же по-монгольски слѣдовало бы читать ее такъ:

что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ:

Миніе нохой зутэй бишію	Собака моя злая,
бонбор мини	Бонборъ мой!
Ванкыръ, ванкыръ дуда	Прикрикни на нее: Ванкыръ, Ванкыръ,
бонбор мини	Бонборъ мой!
Мини халга тутэй бишію	Дверь моя скрипуча,
бонбор мини	Бонборъ мой!
Маджик тосу турхяра	Нужно подлить на нее масла,
бонбор мини	Бонборъ мой!
Мани дюнгор кирсю бишу	?
бонбор мини	Бонборъ мой!
Чикирэ бобо-гар хурара	Подманить надо сладкимъ хлѣбомъ
бонбор мини	Бонборъ мой!
Мини аха кицію бишу	Старшій братъ мой строгъ,
бонбор мини	Бонборъ мой!
Хонинъ заха хебтера	Слѣдуетъ пробираться стороной, гдѣ лежатъ овцы

Изъ этого перевода легко заключить, что пѣсня эта однороднаго содержанія съ русской пѣсенькой:

Научить ли тя, Ванюша,
Какъ ко мнѣ ходить?

и т. д.

[2]) Чай этотъ, извѣстный въ торговлѣ подъ именемъ «обыкновеннаго кирпичнаго чая» (grossgrün), прессуется изъ самыхъ грубыхъ отбросовъ, такъ называемаго «хуа-сян'а», причемъ нерѣдко, уже на мѣстѣ, китайцы фальсифицируютъ его, подмѣшивая въ большомъ количествѣ листья шиповника, рододендровъ и жимолости.

[3]) Китайскій джинъ нѣсколько менѣе $1\frac{1}{2}$ русскихъ фунтовъ.

бинокль, серебряный эмалированный, очень массивный браслетъ и прекрасный перочинный ножъ о четырехъ лезвіяхъ. Бинокль ему не понравился и онъ вернулъ его обратно съ просьбой обмѣнять на большой охотничій ножъ, который успѣли у насъ подсмотрѣть нѣкоторые изъ лицъ его свиты. Мы согласились, не желая раздражать вана отказомъ; но эта уступка разожгла только аппетиты торгоутскихъ чиновниковъ, которые заявили себя вскорѣ самыми безстыдными попрошайками; въ особенности же въ этомъ отношеніи отличился глава ламайскаго духовенства, котораго намъ здѣсь называли «кескю»[1]): онъ дважды присылалъ къ намъ депутацію, не просившую даже, а требовавшую подарковъ этому господину. И когда мы ему ихъ отослали, то взамѣнъ получили только упреки въ неумѣніи отличить простого ламу отъ такого лица, какъ кескю, которому никогда еще не приходилось получать столь несоотвѣтствующихъ его сану подарковъ[2]).

На слѣдующее утро ванъ прислалъ на продажу своихъ лошадей, но назначилъ за нихъ до такой степени ни съ чѣмъ несообразныя цѣны, что мы рѣшились отослать ихъ обратно. Конечно, подобный поступокъ не могъ понравиться вану, тѣмъ не менѣе, часъ спустя, онъ уже сидѣлъ среди насъ, въ нашей юртѣ, и, какъ ни въ чемъ не бывало, весело болталъ, просматривая картинки въ книгѣ Пржевальскаго.

Онъ явился къ намъ не одинъ. Его сопровождали: малолѣтній сынъ его, дядька послѣдняго, младшій братъ — лама и значительная свита, которая, желая присутствовать при нашей бесѣдѣ, главнѣйшимъ же образомъ видѣть тѣ вещи, которыя расхваливалъ ванъ, наваливалась на косяки дверей и киряги нашей юрты съ такой силой, что даже ванъ почелъ подобную назойливость неприличной. Его приказа убраться подальше послушались.

---

[1] Правильнѣе же «гэсгюй», «гэбгюй» или «гэбкюй». (Ср. Позднѣевъ, ib., стр. 157).

[2] Званіе «кескю» очень значительное и въ іерархическомъ отношеніи занимаетъ четвертое мѣсто послѣ «ханбо-ламы». На обязанности его лежитъ въ кумирнѣ—наблюдать за порядкомъ и тишиною во время совершенія богослуженій; внѣ кумирни—слѣдить вообще за нравственностью духовенства. Отъ него непосредственно исходятъ по монастырю всѣ распоряженія относительно отправленія богослуженій и образа жизни низшихъ ламъ. Отличительнымъ знакомъ его служитъ жезлъ, называемый «чжукбо». Съ этимъ жезломъ кескю никогда не долженъ разставаться ни въ кумирнѣ, ни внѣ оной. Если во время богослуженія въ кумирнѣ зашумятъ, кескю встаетъ и ударяетъ своимъ жезломъ по одной изъ колоннъ. Провинившихся кескю подзываетъ къ себѣ, послѣ чего виноватый подходитъ, становится на колѣна и подставляетъ ему свою спину. Кэскю, хотя бы это было въ кумирнѣ, тотчасъ же отсчитываетъ по согбенной спинѣ извѣстное число ударовъ, а затѣмъ такимъ образомъ наказаннаго отсылаетъ снова на мѣсто. Должность кэскю ламаисты считаютъ одной изъ самыхъ старѣйшихъ въ буддизмѣ и въ доказательство этого разсказываютъ, что во время Цюнхавы эту должность исполнялъ первый хубилганъ Далай-ламы; при буддѣ Шигемуни слушателями его управлялъ въ должности кескю одинъ изъ старѣйшихъ учениковъ его Ананда, и т. д. (См. Позднѣевъ, l. c. стр. 157—158).

Этой духовной особѣ мы послали въ подарокъ десять аршинъ шерстяной красной матеріи.

Ванъ просидѣлъ у насъ долго. Все высматривалъ, обо всемъ выспрашивалъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ нашихъ отвѣтовъ и поясненій. Особенно заинтересовали его съемочные инструменты и карты: «Ни у кого изъ китайскихъ чиновниковъ не видѣлъ я такихъ роскошнѣйшихъ картъ! Вы, безъ сомнѣнія, лучше знаете нашу страну, чѣмъ даже мы сами!? Къ чему же въ такомъ случаѣ послужатъ вамъ наши проводники?» И когда мы объяснили, то хотя онъ и казался не совсѣмъ удовлетвореннымъ нашимъ отвѣтомъ, тѣмъ не менѣе, прощаясь, онъ все же замѣтилъ: «Я надѣюсь, что въ предѣлахъ торгоутскихъ земель вы ни въ чемъ нуждаться не будете; по крайней мѣрѣ мною отданы въ этомъ смыслѣ самыя точныя приказанія».

Нечего и говорить, что обѣщанія эти мы сочли важнымъ залогомъ будущаго успѣха и весь остальной день провели въ самомъ радужномъ настроеніи. Къ тому же и лошади и цѣлыя партіи барановъ куплены были нами по весьма сходной цѣнѣ; и только экскурсія наша въ горы не удовлетворила насъ ни въ какомъ отношеніи.

Уже урочище Цаганъ-усу находится въ предѣлахъ хвойной зоны Тянь-Шаня. Крутой подъемъ узкой долиной, поросшей разнообразнымъ лиственнымъ лѣсомъ, и нѣсколько зигзаговъ вдоль горъ вывели насъ очень скоро за предѣлы этой зоны въ альпійскую область. Но мы не успѣли, какъ слѣдуетъ, тамъ осмотрѣться: тучи, какъ это часто бываетъ въ горахъ, набѣжали какъ-то совсѣмъ неожиданно, и намъ ничего иного не оставалось, какъ вернуться назадъ.

Рано поутру ванъ прислалъ еще разъ подарки: курительныя свѣчи, употребляемыя при буддійскомъ богослуженіи, китайскую тушь и кое-какія другія бездѣлушки. Мы уже вьючились, распаковывать сундуки намъ не хотѣлось, а потому мы послали ему то, что первое подвернулось намъ подъ руки: коралловую брошь и нитку коралловыхъ бусъ, присовокупивъ тутъ же просьбу — не медлить присылкой проводниковъ. Насъ завѣрили, что проводники одѣваются. Дѣйствительно, господа эти скоро явились, но затѣмъ снова изчезли куда-то... И вотъ намъ пора уже выступать, а ихъ все еще нѣтъ! Обратились за справками къ окружающимъ, но окружающіе ничего толковаго сообщить намъ не могли. Николай поѣхалъ къ вану, но ему сказали, что вана нѣтъ дома, къ старшему чиновнику—тотъ тоже будто-бы куда-то уѣхалъ, къ кэскю—и этого дома не оказалось... Что же тутъ дѣлать? Мы рѣшились раздѣлиться: братъ поѣхалъ съ вьюками внизъ, къ рѣкѣ Джиргалты, я же съ переводчикомъ Николаемъ, Ташбалтой и казакомъ Глаголевымъ бросились на поиски пропавшихъ проводниковъ. Едва, однако, отъѣхали мы отъ мѣста нашей стоянки нѣсколько саженей, какъ замѣтили того офицера, который долженъ былъ насъ провожать до Кійтына. Стоитъ и смѣется...

— Вѣдь ты нашъ проводникъ?

— Вотъ, что выдумали! А я вамъ вотъ, что скажу: убирайтесь-ка лучше по добру по здорову, пока васъ отсюда иначе не выпроводили...

Конца фразы Николай не перевелъ, зато принялся такъ горячо возражать торгоуту, что минуту спустя оба уже что-то такое кричали, энергично размахивая ногайкой надъ головой. На ихъ крикъ сбѣжалась толпа, которая тутъ же набросилась на нашего старика, и десятки рукъ потянулись уже съ тѣмъ, чтобы стащить его съ сѣдла для расправы... Съ переводчиками, подобными Николаю, въ такихъ случаяхъ просто бѣда! Не свыкшіеся со своей службой, они очень часто выходятъ изъ роли безстрастнаго передатчика чужихъ мыслей и словъ, увлекаются, горячатся и вступаютъ въ словесныя состязанія, не имѣя на то полномочій. Уговоры и приказанія—молчать въ такихъ случаяхъ вовсе не помогаютъ, а только разжигаютъ еще больше страсти спорящихъ сторонъ, изъ которыхъ каждая, стремясь поскорѣе высказаться, перестаетъ уже слушать противника. Нѣчто подобное случилось и тутъ. Николай шумѣлъ, кричали торгоуты, мы же стояли въ полномъ невѣденіи того, что говорилось кругомъ. Какъ бы то ни было, мы не могли, однако, дать въ обиду своего человѣка... Николай былъ освобожденъ. Зато намъ самимъ пришлось теперь отбиваться отъ неистово на насъ налѣзавшей толпы. Въ ея рукахъ появились уки [1]), укрючины [2]) и тому подобные предметы, опасные, конечно, только для тѣхъ, кто, какъ мы, не хотѣлъ пускать въ дѣло иного оружія, кромѣ ногаекъ. Къ счастью, во время подоспѣвшая къ намъ помощь въ лицѣ брата и двухъ казаковъ избавила насъ отъ перспективы—драться съ злобно на насъ теперь смотрѣвшей толпой. Образумились ли коноводы ея, струсила ли она, но торгоуты дали намъ возможность сначала отъѣхать въ сторону, а затѣмъ и соединиться съ отрядомъ, который спѣшно развьючивался на берегу рѣчки Цаганъ, всего въ двухъ верстахъ ниже часъ тому назадъ покинутой нами стоянки.

---

[1]) Длинная, прямая у монголовъ и загнутая у киргизовъ, жердина, входящая въ составъ деревянной основы юрты.

[2]) Легкая, но длинная жердь или палка съ привязанной къ одному изъ концовъ ея веревочной петлей. Употребляется казаками и среднеазіатскими кочевниками для ловли лошадей въ табунѣ.

Николай, что за причина всей этой исторіи? зачѣмъ ты бранился?

— Да они первые, ваше благородіе, а потомъ и бить стали... вонъ весь мой халатъ оборвали... Богъ съ ними! и безъ нихъ дорогу найдемъ...

Конечно, послѣ всего случившагося, разсчитывать на торгоутскую помощь мы уже не могли. Вотъ почему рѣшено было: переправившись черезъ Джиргалты, идти до первыхъ китайскихъ поселеній, гдѣ и попытаться найти проводниковъ на перевалъ черезъ горы Боро-Хоро.

Остатокъ дня мы употребили на осмотръ такъ называемой здѣсь «горящей горы», находившейся всего въ трехъ верстахъ къ востоку отъ нашей стоянки.

Дымъ каменноугольнаго пожара въ горахъ бассейна рѣки Джиргалты хорошо виденъ даже съ Бей-лу ¹), но оттуда кажется, что дымитъ гдѣ-то высоко въ горахъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ источникъ этого дыма находится въ предгоріяхъ Боро-Хоро, въ угленосныхъ пластахъ, слагающихъ наружныя складки всего Восточнаго Тянь-Шаня отъ р. Джиргалты до меридіана перевала Буйлукъ въ горахъ Богдо-Ола. Такъ какъ намъ не разъ еще въ дальнѣйшемъ нашемъ пути придется посѣщать мѣсторожденія каменнаго угля какъ на сѣверныхъ склонахъ сказанной части Тянь-Шаня, такъ и на южныхъ склонахъ его, то я теперь же замѣчу, что всѣ мѣсторожденія этого минерала въ предѣлахъ Восточнаго Тянь-Шаня находятся или въ его окрайнихъ горахъ, болѣе или менѣе далеко отстоящихъ отъ основной массы хребта и при этомъ всегда почти невысокихъ, или же въ каменистыхъ пустыняхъ, примыкающихъ къ нему съ обѣихъ сторонъ, т. е. съ юга и сѣвера; такъ, напримѣръ, каменноугольныя залежи извѣстны къ сѣверо-

---

¹) Т. е. «Сѣверная дорсга». Такъ называется путь, проходящій вдоль склоновъ Восточнаго Тянь-Шаня черезъ города Баркуль, Гученъ, Урумчи, Манасъ, Шихо и Джинъ-хо.

востоку отъ Гучена, въ урочищѣ, называемомъ Чи-чинза [1]), къ сѣверу отъ городка Морохо, и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ Центральной Джунгаріи; не менѣе также извѣстны мѣсторожденія ископаемаго угля и къ югу отъ такъ называемой «Южной дороги»—Нань-лу. Слѣдуетъ также замѣтить, что гдѣ бы въ предѣлахъ Восточнаго Тянь-Шаня отъ Кульчжи до Хами не встрѣтился каменный уголь, условія его залеганія одинаковы: такъ, напримѣръ, про Турачинское мѣсторожденіе [2]) каменнаго угля можно сказать то же, что проф. И. В. Мушкетовъ писалъ про Илійскія копи: «Залежи угленосныхъ породъ образуютъ холмистыя, лишенныя всякой растительности, безводныя предгорія, представляющія перемежающія пласты бѣлыхъ, желтоватыхъ песчаниковъ, углистыхъ сланцевъ съ подчиненными пластами каменнаго угля и гнѣздами бураго желѣзняка [3]).» Только желѣзистыхъ конгломератовъ я здѣсь не нашелъ, зато послѣдніе оказались прекрасно развитыми въ горахъ ур. Фы-хо [4]) и Джиргалты.

Каменный уголь въ бассейнѣ р. Джиргалты разрабатывался еще лѣтъ пятнадцать назадъ; но съ тѣхъ поръ произошли значительные обвалы въ области его распространенія въ этихъ горахъ и добыча его прекратилась. Какія причины вызвали эти обвалы и давно ли горитъ здѣсь каменный уголь — вотъ вопросы, которые тщетно задавали мы всѣмъ встрѣчнымъ калмыкамъ, никто изъ нихъ не рѣшался, а, можетъ быть, и не могъ сказать намъ что-нибудь опредѣленное на этотъ счетъ. Во всякомъ случаѣ оползни въ томъ, по крайней мѣрѣ, участкѣ ущелья, который мы посѣтили, не успѣли нигдѣ еще поросли даже самой убогой растительностью; глина вездѣ продолжала еще сохранять видъ какъ бы застывшаго потока съ очень крупнымъ паденіемъ къ низу; ея поверхность растрескалась и мѣстами была сильно размыта водой, края же обрывались крутыми уступами, которые могли образоваться и позднѣйшими обвалами, вслѣдствіе подмытія береговъ.

Чѣмъ ближе подходили мы къ этимъ обрывамъ, тѣмъ выше и выше подымалась температура накаленной здѣсь почвы. Горячіе водяные пары вырывались наружу во многихъ мѣстахъ; вмѣстѣ съ ними выносились, безъ сомнѣнія, и сѣру содержащіе газы, потому что всѣ такія паровыя отдушины окружены были налетомъ мелкихъ кристалликовъ сѣры и, вѣроятно, сѣрныхъ и амміачныхъ солей; болѣе крупные кристаллы сѣры окружали и такія отверстія, которыя выбрасывали дымъ, но изъ послѣднихъ мы могли осмотрѣть только два, да и то небольшія.

---

[1]) Здѣсь добывается также и нашатырь (квасцы).

[2]) Турачинскія копи лежатъ въ предѣлахъ Хамійскаго приставства. О нихъ ниже.

[3]) «Записки Импер. С.-Петерб. Минерал. Общ.» 1877, XII, стр. 176.

[4]) Ур. Фы-хо лежитъ въ горахъ къ западу отъ р. Манаса.

Ходьба по спекшейся глинѣ, спускавшейся крутыми откосами книзу, среди всѣхъ этихъ сольфатарообразныхъ отдушинъ, а иногда и по чрезвычайно рыхлому грунту, отчасти напоминающему собой солончакъ, а отчасти и перемѣшанный съ глиною пепелъ, и, наконецъ, среди всѣхъ этихъ обрывовъ была въ общемъ не безопасна. Пользоваться сухими руслами весеннихъ потоковъ мы также почти не могли, потому что, представляя мѣстами узкіе коридоры, они къ тому же повсемѣстно быди загромождены крупными обломками желѣзистокварцевыхъ пуддинговъ. Всѣ эти препятствія помѣшали намъ спуститься въ ущелье, къ заброшеннымъ шахтамъ, а потому въ описаніи этой «горящей горы» я, къ сожалѣнію, принужденъ ограничиться сказаннымъ.

Мы вернулись въ нашъ лагерь, когда ужъ почти совершенно стемнѣло, и такъ какъ за время нашего отсутствія отъ имени вана никто не являлся, то мы и порѣшили — вставши завтра пораньше, идти на Шихо.

Рѣка Джиргалты, черезъ которую намъ предстояло переправляться, не меньше Эптэ и, какъ и эта послѣдняя, проложила себѣ глубокое ложе въ диллювіальныхъ наносахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы на нее вышли, она шла одной трубой, образуя множество перекатовъ и бурля между крупной галькой и валунами. Пока вьюки спускались по береговымъ терассамъ, я и Ташбалта рѣшили испробовать рѣку. Съ противоположнаго берега намъ что-то кричали калмыки и даже махали руками, но понять изъ всѣхъ этихъ движеній и криковъ, за шумомъ рѣки, мы ничего не могли, а потому, выбравъ мѣсто, которое показалось намъ мельче, мы ринулись въ воду, и, хотя съ трудомъ, но благополучно добрались до противоположнаго берега; столь же благополучно вслѣдъ за нами переправились сюда и вьюки.

Справа изъ рѣки Джиргалты выведены были значительные арыки, орошавшіе много верстъ ниже китайскія пашни. Всѣ они оказались глубокими, и переправа черезъ нихъ весьма затруднительной. Едва, однако, справились мы съ послѣдней канавой, какъ отъ прохожихъ китайцевъ узнали, что всѣ понесенные нами труды были совершенно напрасны, такъ какъ всего какихъ-нибудь полверсты ниже имѣлся мостъ черезъ Джиргалты. Торгоуты встрѣтили насъ также цѣлымъ рядомъ вопросовъ по поводу трудной, но вполнѣ безцѣльной переправы черезъ бурную рѣку, и тутъ-же сочли долгомъ своимъ сообщить, что ванъ уже выслалъ намъ вслѣдъ двухъ важныхъ чиновниковъ съ порученіемъ извиниться за вчерашнее столкновеніе. Дѣйствительно, насъ вскорѣ стало нагонять облачко пыли, которое быстро росло и, наконецъ, выдѣлило изъ себя группу всадниковъ, бѣжавшихъ полною рысью. То были торгоутскія власти. Старшій изъ нихъ, господинъ съ краснымъ шарикомъ и павлинымъ перомъ на форменной шляпѣ [1]), поровнявшись съ нами, соскочилъ съ лошади и, низко кланяясь, обратился къ намъ съ рѣчью, которую Николай коротко перевелъ: «проситъ остановиться.» И когда мы остановились, то Николай продолжалъ: «а теперь проситъ сѣсть на коврикъ и выкурить трубку табаку». Торгоутъ, дѣйствительно, закурилъ, мы же терпѣливо ждали, что будетъ. Наконецъ, отплюнувшись и обратившись всей фигурой своей къ Николаю, онъ началъ. Говорилъ долго и, судя по интонаціи голоса, убѣдительно; но и на этотъ разъ Николай почему-то не почелъ нужнымъ подѣлиться съ нами цвѣтами торгоутскаго краснорѣчія, а передалъ обрывисто: «Русскій народъ—великій народъ, но и въ Россіи попадаются негодяи. Что же удивительнаго, если и среди маленькаго торгоутскаго племени также нашлись негодяи? Ванъ очень огорченъ всѣмъ тѣмъ, что случилось вчера; онъ произвелъ уже строгое слѣдствіе и, разжаловавъ главнаго виновника вчерашняго столкновенія въ рядовые, выдаетъ его вамъ теперь головой; дѣлайте съ нимъ, что хотите!»

— Да что же мы можемъ съ нимъ дѣлать? Конечно, лишь отпустить...

Но господинъ съ коралловой шишкой на форменной шляпѣ на это не согласился; по его приказанію ползавшаго у насъ въ ногахъ торгоута, въ которомъ мы безъ труда узнали нашего вчерашняго недруга, разложили, и другой офицеръ съ бѣлой фарфоровой шишкой сталъ тутъ же отсчитывать удары по его голой спинѣ.

Это было ужъ слишкомъ, и мы тотчасъ же потребовали немедленнаго прекращенія экзекуціи. Требованіе это, однако, уважено не было; бѣдняка сволокли только въ сосѣдній оврагъ, и пока мы, сухо распрощавшись съ торгоутами, съ ихъ помощью садились на лошадей, изъ этой рытвины все еще продолжали доноситься до насъ мѣрные удары плети, ихъ счетъ и стоны несчастнаго офицера.

---

[1]) Коралловый шарикъ имѣютъ высшіе сановники государства (2 класса); у военныхъ коралловый шарикъ получаютъ нерѣдко даже командиры иновъ, т. е. лагерей; среди инородцевъ онъ встрѣчается еще чаще. Павлиныя перья, которыя различаются по числу глазковъ на нихъ даются въ знакъ особаго отличія.

— А, вѣдь, я, ваше благородіе, подсмотрѣлъ: въ оврагѣ то его били взаправду...

— Такъ что же? вѣдь, въ сущности говоря, по дѣломъ ему...

— По дѣломъ ли? Вонъ торгоуты намъ сказывали: бумага къ нимъ пришла изъ Шихо — впрочемъ, кто ихъ тамъ разберетъ? потому, вѣдь, орда некрещенная!..

Въ проводники намъ назначенъ былъ офицеръ, стегавшій товарища.

Отъ Джиргалты на востокъ нѣкоторое время дорога шла по равнинѣ; затѣмъ равнина эта стала принимать все болѣе и болѣе волнистыя очертанія, и мы снова втянулись въ гористую мѣстность съ совершенно степною растительностью: чій, таволга и чилига сопровождали здѣсь каждую рытвину, каждое русло хотя бы временнаго потока, а злаки, уже успѣвшіе мѣстами значительно пожелтѣть, одѣвали всѣ склоны окрайнихъ холмовъ. Подобный характеръ мѣстности, который разнообразился только причудливыми обрывами красной глины, изъ которой слагались здѣсь многіе холмы и гривы, сопровождалъ насъ вплоть до урочища Баинъ-голъ, узкой долины, орошенной горнымъ ручьемъ, по берегамъ котораго то тамъ, то здѣсь мелькали группы тополевыхъ деревьевъ (осокорей). За этимъ ущельемъ потянулась снова равнина, частью уже распаханная торгоутами, частью густо поросшая дикимъ овсомъ, который, очевидно, заглушилъ здѣсь добрую половину бывшихъ посѣвовъ. Степь окончательно здѣсь исчезла и смѣнилась лугами, которые простирались отсюда верстъ на пять къ самымъ горамъ. И какъ тамъ, у Джиргалты, все было желто и тускло, такъ здѣсь блистало все молодостью, свѣжестью и яркими переливами зеленыхъ цвѣтовъ...

Я давно уже ѣхалъ одинъ. Братъ остался позади, чтобы настрѣлять птицъ для коллекціи, 1) а мой неизмѣнный спутникъ — джигитъ Ташбалта умчался впередъ и, вѣроятно, велъ теперь одну изъ связокъ вьюковъ, оживленно подшучивая надъ Николаемъ или же, въ свою очередь, сдѣлавшись предметомъ казачьихъ остротъ. Широкая сначала дорога свелась теперь на еле-еле наѣзженную

---

1) **Здѣсь намъ** попались: Emberiza leucocephala, Gmel., Emb. Buchanani, Blyth., Emb. cia, L., Alauda arvensis cantarella, Bp., Turdus viscivorus Hodgsoni, Jerd.. и Perdix barbata, Verret des Mars.

тропу, вслѣдствіе чего слѣды прошедшихъ вьюковъ начали сбиваться то въ ту, то въ другую сторону, а потомъ и совсѣмъ затерялись въ слѣдахъ, видимо, долго бродившаго здѣсь торгоутскаго табуна. Я осмотрѣлся кругомъ. Слѣва отъ меня тянулась на сѣверъ такая равнина, что и конца края ей не видать, а справа та же долина добѣгала до горъ, охватывала ихъ своими узкими изумрудно-зелеными языками и изчезала подъ темными сводами еловыхъ лѣсовъ, которые спускались сюда изъ подъоблачной выси снѣгового хребта. Только часть пиковъ послѣдняго была мнѣ видна. Остальные гиганты, точно хмурясь на что-то, одѣлись въ бѣлесоватую дымку набѣжавшихъ на нихъ облаковъ и, скучивъ вокругъ себя эти послѣднія, одни являлись нарушителями и блеска и какой-то лучезарности всей этой картины, въ которой изо всѣхъ уголковъ такъ и вѣяло просторомъ, свѣтомъ и радостью.

Я взъѣхалъ на сосѣднiй бугоръ, и какъ на ладони представились мнѣ и стойбища торгоутовъ, не скученныя тутъ въ аулы, но разбросанныя на значительномъ протяженіи, и ихъ табуны и стада и, наконецъ, нашъ караванъ, нѣсколько звеньевъ котораго уже успѣли, впрочемъ, скрыться въ лощинѣ.

Пройдя отсюда еще нѣсколько верстъ и вдоволь налюбовавшись на живописные лога, которые намъ пришлось пересѣчь, мы остановились наконецъ въ урочищѣ Цзянь-Цзюнь-голъ, по сосѣдству со ставкой торгоутскаго князя 4-ой степени Наинъ-бэйсэ.

Наинъ-бэйсэ, старикъ лѣтъ подъ семьдесятъ, принялъ насъ очень радушно и въ теченіе слѣдующаго дня побывалъ у насъ нѣсколько разъ. Несмотря на получаемое имъ отъ Китайскаго правительства вполнѣ приличное содержаніе въ размѣрѣ двѣнадцати ямбъ ¹) и на крупный доходъ съ подвѣдомственныхъ ему торгоутовъ ²), онъ и одѣвался очень бѣдно ³) и ѣлъ очень грязно и плохо, хотя въ общемъ и не производилъ впечатлѣнія человѣка скупого; сверхъ всякаго ожиданія онъ не только ничего у насъ не выпрашивалъ, но даже, повидимому, стѣснялся принять отъ насъ и тѣ бездѣлушки, которыя мы рѣшились ему отослать. «Вы вѣдь проѣзжіе люди, говорилъ онъ, и должны беречь свои вещи, а не раз-

---

¹) По китайскимъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ только 10 ямбъ. Ямбы—слитки серебра различнаго вѣса; когда же считаютъ на ямбы, то принимаютъ ихъ равными 50 ланамъ, т. е. 100 металл. рублямъ.

²) Ему подчинено около 300 юртъ торгоутовъ.

³) Онъ явился къ намъ въ халатѣ изъ красной мѣстной шерстяной ткани (армячины). Что это не было знакомъ пренебреженія къ намъ, его гостямъ, доказывала офиціальная форма его одежды—форменная шляпа, аметистовый шарикъ на ней и перо.

давать ихъ тѣмъ, кто, какъ мы, всю свою жизнь проводитъ на одномъ мѣстѣ.»

29-го іюня мы тронулись отсюда въ полной увѣренности, что сегодня же мы и доберемся, наконецъ, до перевала Кійтынъ; однако, расчеты наши оказались ошибочными. Подъ различными предлогами торгоуты съумѣли увлечь насъ сначала очень далеко на востокъ, а потомъ неожиданно сообщили, что перевала Кійтына они вовсе не знаютъ, а что если между Джунгаріей и Юлдусомъ и имѣются вообще перевалы, подъ другими, однако, названіями, то всѣ они доступны только осенью и весной, а не теперь, когда въ сбѣгающихъ съ нихъ потокахъ такъ много воды. Впрочемъ, я забѣгаю впередъ...

Отъ Цзянъ-Цзюнь-гола дорога продолжала бѣжать мѣстностью чрезвычайно гористой, хотя и съ такимъ характеромъ растительности, который все ближе и ближе подходилъ къ степному. Тополевыя рощицы и луговыя площадки мелькали, впрочемъ, еще кое-гдѣ въ узкихъ долинахъ небольшихъ горныхъ ручьевъ: Тосту-гола, Херцигтэ и другихъ, придавая имъ чрезвычайную живописность.

Долина рѣки Кійтына, вѣрнѣе русло ея, не широко и лежитъ на нѣсколько сотъ футовъ ниже уровня сосѣдней равнины, которая верстъ на пять отъ крайнихъ горныхъ отроговъ протянулась къ этой рѣкѣ ¹). Верхняя береговая терасса, мѣстами очень явственно выраженная, узка и углублена въ общемъ весьма незначительно; зато вторая обрывается круто и на такую значительную глубину, какой не имѣютъ ни одна изъ рѣкъ Южной Джунгаріи. Русло Кійтына вырыто въ мощныхъ диллювіальныхъ наносахъ песку и гальки, слежавшихся здѣсь въ настолько плотный конгломератъ, что края обоихъ терассъ ниспадаютъ къ плесу цѣлымъ рядомъ отвѣсныхъ и круглыхъ башень или колоннъ, придающихъ причудливый видъ всему этому узкому коридору, на днѣ котораго шумятъ отдѣльные рукава мощной въ лѣтнее время рѣки.

Мы спустились къ Кійтыну по водостоку, переправились черезъ него съ громаднымъ трудомъ и съ еще большимъ трудомъ выбрались по крутѣйшему подъему снова на степь. Было ужъ поздно. Пройдя сегодня болѣе тридцати верстъ, мы почувствовали себя

---

¹) Происхожденіе этой равнины, плоской, широкой и сопровождающей Кійтынъ на многія версты, едва-ли можетъ быть приписано этой рѣкѣ. Почва ея, еле-еле прикрытая растеніями полынной формаціи, представляетъ только слегка разрыхленный верхній горизонтъ конгломератныхъ толщъ, въ которыхъ Кійтынъ вырылъ себѣ глубокое ложе. А такъ какъ конгломераты эти, очевидно, морского происхожденія, то и въ описываемой долинѣ мы всего скорѣе должны предполагать узкій заливъ диллювіальнаго моря.

утомленными; тогда намъ объявили, что ночлегъ нашъ предполагается устроить въ урочищѣ Баянъ-гу, находящемся всего въ какихъ-нибудь трехъ верстахъ отъ мѣста нашей переправы черезъ р. Кійтынъ. Дѣйствительно, мы достигли названнаго урочища менѣе чѣмъ черезъ часъ.

Баянъ-гу лежитъ въ устьѣ ущелья нѣсколько ниже крошечнаго поселка при китайскомъ пикетѣ, который выстроенъ здѣсь для охраны табуновъ, принадлежащихъ конной лянзѣ въ Куръ-кара-усу. Окружающія его горы составляютъ послѣдніе уступы короткихъ сѣверныхъ контрфорсовъ Боро-Хоро; онѣ не высоки, состоятъ преимущественно изъ красноватыхъ песчанистыхъ глинъ и покрыты степною растительностью. Какъ и всѣ почти ущелья этой части Тянь-Шаня, Баянгуская щель имѣетъ чрезвычайно крутое паденіе; такъ что едва мы на слѣдующій день частью ею, частью отрогами прошли нѣсколько верстъ, какъ уже очутились среди еловыхъ лѣсовъ и той обстановки, которая присуща этимъ горамъ въ предѣлахъ упомянутой зоны.

День былъ облачный, но солнце выглядывало часто, яркимъ свѣтомъ освѣщало два-три отрога, придавало на мгновеніе всему ландшафту оригинальный, но живой колоритъ, а затѣмъ снова скрывалось для того, чтобы бросить снопъ лучей своихъ куда-нибудь въ сторону. И отъ этой безпрестанной смѣны свѣта и тѣни, пробѣгавшихъ, чередуясь, по всему горизонту въ причудливыхъ очертаніяхъ, всѣ эти горы становились еще болѣе фантастическими, чѣмъ были въ дѣйствительности. Перебираясь съ увала на увалъ, но все время держась гребня одного изъ главныхъ отроговъ хребта мы имѣли параллельно себѣ другой такой же главный отрогъ, отдѣленный отъ нашего падью, глубина которой изчезала въ туманѣ. И туманъ этотъ, клубами подымаясь наверхъ и густой пеленой затягивая побочныя пади, казался намъ какой-то странной средой, въ которой точно плавали всѣ эти сопки, то на время погружавшіяся въ совершенную темноту, то снова всплывавшія на свѣтъ Божій. За однимъ изъ уваловъ, оказавшимся выше всѣхъ пройденныхъ, описанная картина горъ еще болѣе усложнилась: весь южный горизонтъ заслонили теперь грандіозные пики, сверху до низу одѣтые снѣгомъ... Но этой величественной панорамой горъ намъ суждено было наслаждаться не долго: набѣжали новыя тучи, туманъ охватилъ насъ отовсюду, и крупныя капли дождя вдругъ усиленно забарабанили по широкимъ листьямъ придорожныхъ растеній.

На станцію Адона-булукъ мы добрались совершенно измокшими. Но дождь не переставалъ лить и въ теченіе всего того времени, пока мы устраивали свой лагерь и ставили юрты; къ вечеру же тучи сбѣжали и совершенно разъяснѣло.

Въ Адона-булукѣ [1]) мы едва не остались на дневку. Увлекшись охотой, Григорій Ананьинъ потерялъ наши слѣды, заблудился и ночевалъ на китайскомъ пикетѣ, въ самой вершинѣ Баянгуской щели. Догнавъ насъ только на слѣдующій день часу въ девятомъ утра, онъ принесъ намъ важную вѣсть: дорога на перевалъ черезъ горы Боро-Хоро шла по щели Баянъ-гу, иными словами—оставлена нами на цѣлый переходъ позади.

Мы позвали проводника торгоута. Но тотъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицалъ это извѣстіе и выразилъ удивленіе, какъ Ананьинъ, ни слова не знавшій по-калмыцки или китайски могъ объясняться съ китайцемъ.

— Мы говорили по-тюркски...

— По-тюркски?... Я первый разъ слышу о китайцѣ, говорящемъ по-тюркски... А впрочемъ, если вы больше вѣрите ему—идите назадъ, а меня отпустите...

Мы колебались; но въ концѣ концовъ послѣдовали за торгоутомъ.

Мы круто спустились по узкому водостоку къ крупной рѣчкѣ Итхана-Анчха, перешли ее по прекрасному, китайской архитектуры бревенчатому мосту, поднялись на широкую береговую террасу, прошли ее поперекъ и узкою щелью, густо поросшей лѣсомъ изъ ели, рябины, тополя, дикой яблони и крушины и разнообразнымъ кустарникомъ, вышли на обширнѣйшіе луга, слегка всхолменные продольными грядами, принимавшими ближе къ хребту характеръ уже рѣзко выраженныхъ и крутобедрыхъ отроговъ.

Горы Боро-Хоро и ихъ продолженіе—Ирянъ-Харбутъ или Ирень-Хабырга, отличающіяся необыкновенно крутымъ паденіемъ къ сѣверу, обиліемъ всякихъ водостоковъ и щелей, представляютъ хребетъ, рѣдкій въ Центральной Азіи по своей красотѣ. Обиліе скалъ, множество живописнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дикихъ ущелій, пышная растительность, сплошные еловые лѣса, наконецъ, множество рѣчекъ и рѣкъ, бѣшенными потоками сбѣгающихъ внизъ, въ пустыню, и надъ всѣмъ этимъ блещущіе своими вѣчными снѣгами сѣдые колоссы, все это мѣстами образуетъ такія дивныя сочетанія самыхъ чарующихъ эффектовъ, отъ которыхъ съ трудомъ отрывается глазъ. Уже Итхана-Анчха, шумнымъ потокомъ несшаяся въ узкихъ щекахъ, поразила насъ красотой открывшейся изъ нихъ панорамы горъ; не менѣе красива была долина и слѣдующей р. Уласта, оживленная рощами тополей и юртами торгоутскихъ кочевій; но всего великолѣпнѣе была долина третьей рѣки—Пичкана Анчха, какъ и Уласта, по выходѣ изъ горъ, впадающей въ Итхана.

---

[1]) Въ этомъ урочищѣ, подъ присмотромъ торгоутовъ, пасся табунъ, принадлежавшій куръ-кара-усунскому гарнизону.

Лѣвый берегъ ея луговой и настолько высокъ[1]), что подъ его отвѣсною кручей плёсъ рѣки кажется неширокою сѣрою лентой, перерѣзанной зигзагами незначительной струйки воды, мѣстами взбитой въ бѣлую пѣну; деревья же, сопровождающія теченіе этой рѣки—лилипутами. Паденіе террасъ противоположнаго берега гораздо положе; мѣстами онѣ совершенно размыты, сливаются между собой и береговыми нагорьями и образуютъ вмѣстѣ съ послѣдними какъ бы одинъ могучій горный отрогъ, сверху до низу одѣтый еловымъ лѣсомъ и роскошною луговою растительностью, среди которой Cotyledon thyrsiflora и Ziziphora clinopodioides canescens сплошными насажденіями занимаютъ обширныя площади. Оттого-то правый берегъ Пичкана-Анчха и кажется выше, чѣмъ лѣвый. Темносѣрыя известняковыя скалы въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы спустились на рѣку, сжимаютъ до крайности и безъ того уже крайне узкое ея русло, такъ что, спустившись на плёсъ, кажется, точно за предѣлами этихъ природныхъ воротъ нѣтъ ничего, кромѣ колоссальныхъ снѣжныхъ вершинъ главнаго кряжа. Вообще спускъ къ рѣкѣ очень крутъ, подъемъ длиненъ и утомителенъ. Дорожка бѣжитъ здѣсь сначала зигзагомъ въ лѣсу, затѣмъ среди кустарныхъ зарослей и, наконецъ, взбѣгаетъ на лугъ, который отъ береговаго откоса тянется еще на нѣсколько верстъ на востокъ. Этотъ лугъ, ограниченный съ сѣвера глинисто-песчаной грядой, а съ юга еловыми лѣсами, спускающимися съ отроговъ Ирянъ-Харбута, и есть такъ называемое урочище Луджанъ—крайній восточный пунктъ торгоутскихъ кочевій вѣдомства Наинъ-бэйсэ.

---

[1]) Онъ сложенъ изъ довольно рыхлаго конгломерата, сцементированнаго изъ мелкой гальки и сѣраго песка. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы перешли рѣку, конгломератъ налегалъ на основную породу; то же самое замѣчено было и при переходѣ черезъ рѣку Итхана-Анчха. Какъ въ этихъ конгломератахъ, такъ и въ конгломератныхъ толщахъ Кійтына, Джиргалты и Эптэ наслоеніе вполнѣ горизонтальное. Того же нельзя сказать про сходные съ ними конгломераты, образующіе предгоріе хр. Боро-Хоро на протяженіи шести верстъ вверхъ по р. Боростаю (см. 2 главу) отъ выхода ея изъ горъ, на всемъ протяженіи отъ устья рѣки Юдна-голъ до Эптэ и Джиргалты, наконецъ, далѣе на востокъ отъ рѣки Уланъ-усу до рѣки Хотубія, города Урумчи и рѣчекъ—Хайдаджана и Уланъ-усу-восточнаго. Вездѣ конгломераты эти образуютъ сильно размытые холмы и то примыкаютъ непосредственно къ കореннымъ породамъ хребта, то къ песчаникамъ, пуддингамъ, кварцитамъ и углистымъ известковистымъ сланцамъ юрской системы. Какъ кажется, конгломераты эти болѣе ранняго происхожденія и только внѣшнимъ образомъ напоминаютъ рыхлые конгломераты диллювіальной эпохи. Ниже мы будемъ имѣть случай къ нимъ еще разъ вернуться.

Хотя тяньшаньскіе торгоуты нигдѣ не казались намъ богачами, но въ сравненіи съ ними луджанцы выглядѣли совершенными нищими; даже у старшины юрта оказалась дырявой, обстановка убогой, дѣти въ рваныхъ и донельзя грязныхъ халатахъ.

Впрочемъ, нищета торгоутовъ, повидимому, ихъ постоянный удѣлъ. Вотъ что, напримѣръ, писали о нихъ китайцы еще въ прошломъ столѣтіи: «несмотря на знакомство свое съ земледѣліемъ, народъ сей бѣденъ, лѣнивъ и склоненъ къ хищничеству; женскій полъ у нихъ крайне безстыденъ и калмычки по крайней бѣдности вынуждены зачастую продавать себя въ туркестанскіе города»1).

Въ урочищѣ Луджанъ мы простояли три дня, предпринимая поѣздки къ подножію снѣговыхъ вершинъ, въ зоны альпійскую и каменныхъ осыпей2), охотясь и коллектируя съ большимъ прилежаніемъ, и въ концѣ концовъ остались вполнѣ довольны своимъ здѣсь пребываніемъ3), хотя дожди, выпадавшія здѣсь ежедневно, намъ чрезвычайно мѣшали. Не повезло только намъ на маральей охотѣ. Олень этотъ (Cervus maral) такъ здѣсь напуганъ, что убить его можно только случайно; усиленная же наша стрѣльба по птицамъ (Nucifraga caryocatactes, Linn., Carduelis carduelis major, Facz., Parus cyanus tianschanicus, Menzb. Picoides tridactylus, Linn., Tetraogallus himalayensis, Gray, (?) и др.), барсукамъ и суркамъ давно уже должна была предупредить осторожнаго звѣря о прибытіи въ его родные лѣса заклятаго его врага—человѣка.

---

1) О. Іакинфъ «Описаніе Джунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 118.

О торгоутахъ Тарбагатайскихъ горъ читаемъ у Костенко: «Юрта и внутренняя ея обстановка поражаетъ своей бѣдностью. Зажиточныхъ людей не много. Вообще народъ этотъ, обремененный поборами и вымогательствами со стороны китайскихъ властей (?), отличается поразительной бѣдностью и забитостью» («Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», 1887, вып. XXVIII, стр. 108).

2) Высота урочища Луджанъ — 7.080 ф. Подошва осыпей и альпійская зона проходятъ здѣсь на вѣроятной высотѣ 9.000—9.500 ф.

3) Особенной удачей сопровождался сборъ чешуекрылыхъ; нами были здѣсь встрѣчены: Parnassius discobolus var., Parn. actius var., Erebia calmucca, Lyc. Eros, Arctia Mannii, Saturnia Schenckii и мн. др.

На второй день пребыванія нашего въ урочищѣ Луджанъ къ намъ явился сопровождавшій насъ изъ урочища Цзянъ-Цзюнь-голъ офицеръ торгоутской милиціи и объявилъ, что неотложныя дѣла отзываютъ его обратно въ ставку Наина-бэйсэ, почему онъ и сдаетъ насъ мѣстному старшинѣ—широкоплечему оборванцу съ наглымъ выраженіемъ глазъ, заявлявшему гостепріимство свое только тѣмъ, что ежедневно спаивалъ старика Николая. На нашъ вопросъ, знаетъ-ли онъ, куда ему слѣдуетъ насъ вести, онъ покорно замѣтилъ:

«Окрестная страна вдоль и поперекъ мнѣ знакома. Поведу—куда захотите»...

Удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, мы отпустили отъ себя офицера, одаривъ его, какъ могли.

5-го іюля мы покинули нашу стоянку въ Луджанѣ. Уже въ этомъ урочищѣ мы обратили вниманіе на глубокіе шурфы и ямы, которые вырыты были вдоль того ключа, на которомъ мы расположили свой бивуакъ; по рѣчкѣ же Алтынъ-голу, въ долину которой мы спустились съ Луджанскаго луга[1]), такіе шурфы оказались чуть не на каждомъ шагу. Торгоуты намъ сообщили, что это—работа китайцевъ, которые съ незапамятныхъ временъ повсюду копали здѣсь золото[2]), но въ послѣднее время совершенно забросили это дѣло по его малой доходности. Впрочемъ, китайцы Бортунгэ разсказывали намъ объ этомъ немного иначе: во время мусульманскаго возстанія золотоискатели частью разбѣжались, частью попались въ руки дунганъ и погибли лихою смертью; съ замиреніемъ же края, хотя въ эти мѣста и явились новые поселенцы, но за добычу золота они еще не брались.

Рѣка Алтынъ-голъ, что въ переводѣ означаетъ—«Золотая рѣка», течетъ въ узкой долинѣ, ограниченной невысокими и отлогими грядами, сложенными изъ песчанистыхъ глинъ съ значительнымъ содержаніемъ щебня и гальки и поросшими по преимуществу злаками, чіемъ (Lasiogrostis splendens), полынью, скабіозами и другими степными растеніями. Насколько безжизненными и безцвѣтными кажутся эти гряды, покрытыя пожелтѣвшей уже и блеклой растительностью, настолько же привлекательной является долина этой рѣки, поросшая цѣлымъ лѣсомъ громадныхъ деревьевъ (преимущественно тополей), въ тѣни которыхъ пріютились многочисленные кустарники. Тѣнью этого лѣса, вѣрнѣе—парка, разведеннаго самою природой, пришлось намъ пользоваться, впрочемъ, не долго. Рѣка круто уклонилась на сѣверъ, мы же должны были свернуть на востокъ. Пройдя отъ этого сворота всего только нѣсколько верстъ, мы вдругъ увидѣли на горныхъ склонахъ плантаціи мака и уже пожелтѣвшія поля пшеницы и проса (Panicum italicum erythrospermum)... Очевидно—мы подходили къ китайскому поселенію...

---

[1]) Всего больше бросались въ глаза на этихъ лугахъ земляника (Fragaria vesca) и Geranium collinum glandulosum, а въ низинахъ высокое зонтичное (Cotyledon ?); но, конечно, не было недостатка и въ другихъ растеніяхъ, изъ коихъ назову: Viola tricolor, Dianthus superbus, Vicia sepium, Potentilla sp?, Sedum sp., Myosotis sylvatica, Galium borealis, Ziziphora clinopodioides canescens, Malva sp?, Plantago lanceolata, и на болѣе сухихъ мѣстахъ полынь, различные представители рода Poa, Avena sp., Achillea sp. и др.

[2]) Какъ извѣстно, золото въ Средней Азіи промывается изъ рѣчныхъ отложеній по преимуществу. Мѣсторожденіе по Алтынъ-голу составляетъ такимъ образомъ въ этомъ отношеніи исключеніе.

ГЛАВА IV.

Въ поискахъ перевала черезъ Тянь-Шань.

Старшина и сопровождавшіе его торгоуты, доведя насъ до упомянутыхъ выше полей, пріостановили своихъ лошадей и объявили: «здѣсь земля наша кончилась, а дальше идите, какъ знаете!»...

— Но вы же обязались провести насъ до перевала черезъ Боро-Хоро?!

— Сколько здѣсь ни живемъ, а о такомъ и не слыхивали!.. Но мы обѣщались довести васъ до китайскихъ властей и, какъ видите, исполнили свое обѣщаніе!..

Это была наглая ложь, да и фигура говорившихъ выражала столько наглости и безстыдства, что единственнымъ отвѣтомъ имъ могла быть только нагайка. Но... мы воздержались и, прогнавъ проводниковъ, остались одни среди плантацій мака и полей ячменя и пшеницы. Нѣсколько дальше показались сбитые изъ глины заборы, какія-то полуразвалившіяся строенія, а наконецъ и все селеніе Бортунгэ.

Благодаря отсутствію проточной воды, которая вся была разобрана на поливку полей, мы нѣкоторое время совершенно не знали, гдѣ пріютиться хотя бы только до завтрашняго утра. Сбѣжавшіеся китайцы наперерывъ предлагали намъ чудовищныхъ размѣровъ редиску, яйца и хлѣбъ, но относились безучастно къ нашимъ разспросамъ о водѣ... Наконецъ, выискался одинъ, который рѣшился указать намъ превосходное мѣсто, гдѣ мы, по его увѣренію, можемъ найти въ изобиліи все то, что намъ нужно...

— Пусть «да-лойя» [1]) мнѣ только довѣрится, а я ужъ знаю, гдѣ найти воду!...

Вслѣдъ за нимъ мы побрели вонъ изъ селенія, свернули въ сторону отъ дороги и пошли среди камышей. Камыши кончились, и мы увидали передъ собой крошечный прудъ стоячей, зацвѣтшей воды, съ одного края взбаломученной стадомъ тутъ же валявшихся китайскихъ свиней; это былъ даже не прудъ, а всего скорѣе грязная лужа...

— Послушай, любезный, да развѣ возможно пить эту воду?

Вопросъ этотъ, однако, былъ лишнимъ, потому что одинъ изъ китайскихъ мальчугановъ, цѣлой гурьбой бѣжавшихъ за нами, тутъ же демонстрировалъ способъ, какимъ пользуется мѣстное населеніе для утоленія своей жажды. Онъ поднялъ рубашку, прыгнулъ въ воду и принялся пить ее точь въ точь такъ же, какъ и наша собака, уже самодовольно расхаживавшая теперь въ этой лужѣ...

— Да неужели же у васъ здѣсь нѣтъ иной воды, кромѣ этой?..

— У насъ есть рѣчка... Да вы не безпокойтесь, вамъ вѣдь и этой воды хватитъ съ избыткомъ!...

Едва растолковали китайцамъ, что не въ количествѣ дѣло, а въ качествѣ. Но это только распотѣшило многихъ изъ нихъ, въ лицахъ же другихъ мы ясно прочли себѣ осужденіе. Нашелся, впрочемъ, ораторъ, который объявилъ, что знаетъ причину, почему мы гнушаемся этой воды: «причиной всему наши свиньи... вѣрно, и у заморскихъ чертей [2]) не очень-то долюбливаютъ этихъ животныхъ!».

Когда мы уже собирались продолжать путь нашъ дальше, къ намъ вдругъ протолкался весьма прилично одѣтый китаецъ и объявилъ, что возникшее затрудненіе легко устранить, такъ какъ въ любой изъ арыковъ можно немедленно же пустить проточную воду...

— И вы это сдѣлаете?

— Я уже отдалъ соотвѣтствующія распоряженія.

Со стороны китайцевъ это было очень любезно, и мы не замедлили, разумѣется, выразить имъ живѣйшую свою благодарность. Вода, однако, прибыла къ намъ не ранѣе, какъ часа черезъ два, да и то пустили ее не мѣстные жители, а наши казаки...

---

[1]) То-есть «большой чиновникъ» — тоже въ Китаѣ, что «ваше сіятельство» въ устахъ петербургскихъ извозчиковъ.

[2]) Чертей китайцы изображаютъ съ рыжими волосами (таковы, напримѣръ, Шоу-гуэ, всѣ Ю-джины и нѣкоторые другіе). Вотъ почему, вѣроятно, и первые европейцы, явившіеся изъ-за моря въ Китай, получили названіе «заморскихъ чертей» (янъ-гуйзы). Съ тѣхъ поръ это названіе удержалось за ними и стало браннымъ.

Вечеромъ мы разговорились съ китайцами.

— Не знаете ли вы, достопочтенные люди, гдѣ дорога на перевалъ черезъ горы, которыя вонъ тамъ бѣлѣютъ своими вершинами?..

— Нѣтъ, да-лойя, такой дороги мы вовсе не знаемъ...

— Но, можетъ быть, вы что-нибудь слыхали о ней?

— Нѣтъ, и не слыхали рѣшительно ничего...

— И не отыщется среди васъ никого, кто бы могъ указать намъ людей, ходившихъ за перевалъ?...

— Изъ китайцевъ на перевалъ никто не ходилъ, намъ зачѣмъ же туда? Но всѣ калмыки, безъ сомнѣнія, знаютъ его. Отчего вы у нихъ не спросили?

— Спрашивали, да они насъ обманули...

— Ахъ, черепахи [1])! такихъ «чрезвычайныхъ уполномоченныхъ» [2]) обмануть!.. да вы обжалуйте ихъ въ Урумчи... То-то достанется имъ!..

Была ли это только насмѣшка, или китайцы въ самомъ дѣлѣ совершенно искренно выражали свое негодованіе? Я думаю — ни то, ни другое. Они по хорошей цѣнѣ распродали свои овощи, яйца и хлѣбъ, получили въ подарокъ кое-какія лѣкарства, шкуру барана, его внутренности и голову и, вѣроятно, въ порывѣ признательности, а, можетъ быть, и въ надеждѣ на другія подачки, рѣшились высказать по нашему адресу нѣсколько сочувственныхъ словъ, которыя, конечно, ихъ ни къ чему не обязывали.

Какъ бы то ни было, но послѣ этой бесѣды насъ разобрало сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, куда же завтра идти?... Рѣшили добраться до первой рѣки и ея русломъ подняться вверхъ, доколѣ возможно... Что же, однако, потомъ? Ну, тамъ, можетъ быть, на кого-нибудь и наткнемся, кто за хорошія деньги согласится быть нашимъ вожатымъ...

Съ тѣмъ и уснули...

Когда на слѣдующій день мы потянулись селеніемъ Бортунгэ, новые пріятели наши вышли толпой пожелать намъ счастливой дороги, но едва мы съ ними разминовались, какъ кто-то изъ нихъ все же не утерпѣлъ и крикнулъ въ догонку «черти заморскіе!».

---

[1]) «Черепаха» въ Китаѣ бранное слово.

[2]) Такъ слѣдуетъ переводить слово «чинъ-сей» по мѣстному и «цинъ-чай» по пекинскому произношенію.

Было часовъ девять утра. На небѣ ни облачка, въ воздухѣ тишь и необыкновенная духота, окрестности—волнистая глинисто-песчаная степь, покрытая густой, но уже пожелтѣлой травой: блеклыя краски, скучный ландшафтъ! А вдали фіолетовые массивы горъ, увѣнчанные снѣгами,—соединеніе столькихъ контрастовъ съ этою унылою мѣстностью... И подъ вліяніемъ зноя и пыли всѣ эти столь обычныя тамъ дикія скалы или густые ельники, перерѣзанные ручьями и полные прохлады и тѣни, рисовались воображенію нашему вдвое заманчивѣе, чѣмъ, можетъ быть, были въ дѣйствительности... Когда же, наконецъ, мы снова туда попадемъ?!

Передній эшелонъ нашихъ вьюковъ сталъ вдругъ быстро спускаться, но куда—съ того мѣста, гдѣ я тогда находился, еще не было видно...

— Хоргосъ!

— А... наконецъ-то!..—и я рысью пустился обгонять безпощадно пылившихъ вьючковъ.

Хоргосъ, какъ и большинство пройденныхъ до сихъ поръ рѣкъ Южной Джунгаріи, вырылъ себѣ глубокое и обширное ложе въ послѣтретичныхъ конгломератахъ. Смотришь сверху: точно ручьи, сплетаясь и разбиваясь на рукава, бѣгутъ по каменистому руслу, а спустишься внизъ—ревѣтъ бездна потоковъ, несущихъ громаду мутной воды... И счастье еще, что послѣдняя разбросалась, а протекай она здѣсь одною только трубой, пожалуй, не всегда была бы даже возможна и переправа черезъ нее.

На противоположномъ, еще болѣе крутомъ берегу одиноко ютилась какая-то китайская фанза—начало поселка, заслоненнаго отъ большой дороги цѣпью глинисто-песчаныхъ бугровъ. Тутъ же, только спиной къ этимъ постройкамъ, расположилась и лавочка, въ которой какой-то предпріимчивый китаецъ бойко торговалъ всякимъ мелкимъ товаромъ. Завидя насъ, онъ вышелъ изъ-за прилавка и съ большой развязностью сталъ приглашать насъ на чашку-другую горячаго чая.

— На улицѣ жарко, а у меня вы найдете и необходимую вамъ прохладу и чашку настоящаго «джу-ланя» [1]).

Предложеніе было соблазнительно, и нужно ли еще говорить, что мы на него согласились? И хотя китаецъ вмѣсто обѣщаннаго

---

[1]) Высшій сортъ чая послѣ императорскаго «му-ху».

«джу-ланя» розлилъ намъ въ чашки какую-то горьковатую и затхлую гадость, но мы и ее выпили съ удовольствіемъ... А пока мы пили, онъ, болтая безъ умолку, успѣлъ таки навязать намъ не мало всякаго хлама.

— Вы дорожные люди, вы странники, и всѣ добрые люди должны, безъ сомнѣнія, вамъ помогать... Выбирайте въ лавкѣ этой все, что вамъ нужно, и я продамъ вамъ не дорого... Вамъ очень нужны, напримѣръ, эти спички... извольте!.. Я торговецъ, и, не правда ли, было бы очень глупо жалѣть вещь, которую желаетъ пріобрѣсти покупатель?! Но замѣтьте себѣ: эти спички изъ Россіи и, безъ сомнѣнія, только въ такомъ магазинѣ, какъ мой, вы можете найти такой доброкачественный товаръ!.. А вотъ изюмъ и урюкъ [1]), сладкій и превосходный... развѣ только въ Турфанѣ можно еще встрѣтить подобный!.. [2]). Вотъ веревки... онѣ вамъ нужны, и я очень охотно вамъ уступлю... Но вотъ на что обратите ваше вниманіе — на этотъ фарфоръ... это настоящій цзиньде-дженскій фарфоръ! и если, какъ я, впрочемъ, не сомнѣваюсь, вамъ требуется посуда, то лучшихъ чашекъ вы, разумѣется, нигдѣ не найдете..

Къ сожалѣнію, даже при помощи переводчика, мы съ трудомъ могли услѣдить за такой живой рѣчью...

— Что онъ тамъ бормочетъ еще, Николай?

— Да вотъ показываетъ холстину... говоритъ, что въ ней получилъ недавно товаръ изъ Россіи, съ Ирбити...

— Ого! съ Ирбити!.. каково?! А, ну, покажи...

На грубой холстинѣ ясно было выведено названіе, не припомню теперь какого, англійскаго мануфактурнаго города.

Странно... англійскихъ товаровъ почти вовсе нѣтъ въ Южной Джунгаріи [3]).

— Это не русская надпись... спроси: откуда у него эта тряпка и что за товаръ онъ въ ней получилъ?

Но китаецъ только разсмѣялся въ отвѣтъ и такъ нахально, безцеремонно...

Мы стали прощаться, предварительно съ лихвой заплативъ и за чай и за отдыхъ въ его лачугѣ, насквозь пропахшей джюньджюнемъ [1]), китайскимъ уксусомъ и имъ подобными пахучими веществами. Чрезвычайно довольный такимъ необычнымъ въ Китаѣ финаломъ, лавочникъ не зналъ ужъ, какъ и чѣмъ заслужить передъ нами. Онъ бросился къ лошадямъ, схватилъ первую, что̀ попалась и подвелъ ее къ брату, но очень смутился, когда оказалось, что эта лошадь принадлежитъ казаку, а не брату.

---

[1]) Сушеный абрикосъ.

[2]) Турфанъ славится своими сушеными фруктами, въ особенности изюмомъ.

[3]) По послѣднимъ извѣстіямъ англійская мануфактура появилась даже въ пограничныхъ съ нами китайскихъ городахъ—Кульчжѣ и Чугучакѣ; но въ 1889 г., какъ кажется, англійскіе мануфактурные товары не проникали еще такъ далеко на западъ.

— Ну, хоть на прощанье скажи намъ, откуда у тебя та холстина?

— Изъ Хумёзы, Хумёзы [2]), да-лойя, прихватилъ ее въ одной лавкѣ...

— А не знаешь ли, до перевала отсюда еще далеко?

— До перевала?.. о какомъ же перевалѣ вы говорите?

— А вотъ... черезъ горы...

Китаецъ хитро улыбнулся.

— Я тамъ не былъ, да-лойя, но знаю, что небольшія партіи калмыковъ приходятъ сюда ранней весной, спускаясь по рѣчкѣ Гинъ-джа-хо, которую сами называютъ Уланъ...

— Ну, спасибо! прощай же и наживайся!..

Отъѣхавъ за сосѣдній увалъ, мы тотчасъ же составили совѣщаніе: идти ли вверхъ по Хоргосу, или свернуть на рѣчку Уланъ? Рѣшились на послѣднее и пошли по указанной намъ тропѣ, своротивъ сюда же и далеко впередъ ушедшихъ вьюковъ.

Дорожка побѣжала сначала логомъ, потомъ стала огибать бугоръ за бугромъ изъ лессоподобной глины съ примѣсью гальки и наконецъ совсѣмъ затерялась въ плантаціяхъ мака... [3]). Кое-какъ мы выбрались къ задворкамъ селенія Ню-джанъ-цзы, но произвели здѣсь своимъ появленіемъ страшный переполохъ: собаки залаяли, двери захлопали, и все, что въ селеніи, кажется, только было живого, куда-то мигомъ запряталось...

Чего это они испугались?...

Но кто же изъ насъ могъ отвѣтить на этотъ вопросъ? А изъ мѣстныхъ жителей кругомъ ни души...

— Кто знаетъ, куда теперь ѣхать! Спроси тамъ кого-нибудь, Николай!

Николай свернулъ въ первую фанзу, ворота которой оказались отворенными, и сталъ вызывать кого-нибудь изъ мужчинъ, но, не дождавшись отвѣта, слѣзъ съ лошади и толкнулся въ сосѣднюю дверь...

---

[1]) Джюнь-джюнь—китайская плохо очищенная водка.

[2]) То-есть Урумчи; правильное произношеніе «Хунъ-мяо-цзо».

[3]) Плантаціи мака составляютъ большое богатство Южной Джунгаріи, такъ какъ изъ мѣстнаго мака получается высокій сортъ опія.

Она отворилась, и на порогѣ показался старикъ. Онъ былъ очень грязенъ, оборванъ и, очевидно, страшно взбѣшенъ. Съ визгомъ наскочилъ онъ на Николая и сталъ ему быстро, быстро что-то выкрикивать, отчаянно жестикулируя своими костлявыми руками... Онъ визжалъ, хрипѣлъ, плевался, и даже отъ злости подпрыгивалъ на одномъ мѣстѣ, корчился и билъ себя по колѣнямъ и ляжкамъ...

Въ такой степени ярости намъ еще впервые приходилось видѣть китайца, которому съизмалѣтства внушается заповѣдь знаменитаго императора Тай-Цзуна [1]): «будь властелиномъ сердца твоего и всѣхъ его побужденій», но на Николая отвратительный старикъ не произвелъ впечатлѣнія. Онъ въ свою очередь плюнулъ и сталъ, не торопясь, набивать табакомъ свою трубку.

— За что онъ ругается, Николай?

— А вотъ, зачѣмъ я къ нему постучался...

— Эка персона!

И казаки, помирая отъ смѣха, поочередно заглядывали въ ворота, гдѣ старикашка, стоя на томъ же мѣстѣ, все еще продолжалъ, но уже совершенно охрипшимъ голосомъ, вскрикивать что-то для одного Николая понятное...

Проѣхавъ еще одинъ переулокъ и свернувъ въ другой, мы увидали китайца, который собирался садиться верхомъ.

— Эге, джангуда [2]), куда тутъ выѣхать опять на дорогу?

Но китаецъ, точно не къ нему обратились, вскочилъ на лошадь и молча, даже не взглянувъ въ нашу сторону, поѣхалъ въ томъ направленіи, откуда мы сами только что появились...

— Вотъ тебѣ на! Да что это значитъ?!...

— Эй, лойя!...

Но китаецъ уже скрылся...

Дѣлать нечего, пришлось идти наудачу, и мы выбрали ту изъ дорогъ, которая казалась намъ и шире, и болѣе наѣзженной, чѣмъ другія. Но и эта дорога вскорѣ какъ-то растаяла. Она добѣжала до небольшого ручья и дальше потянулась вдоль его праваго берега уже узкой тропой. Очевидно, мы шли не туда... Но когда мы ужъ совсѣмъ было рѣшились возвратиться обратно, передъ нами неожиданно выросъ китаецъ, гнавшій лошадей и коровъ...

---

[1]) Царствовалъ съ 631 по 654 г.

[2]) «Джангуда», правильнѣе «джанъ-гуй-дэ», — китайское обращеніе, соотвѣтствующее русскому «ваше степенство!» Буквальный же смыслъ его такой: «управляющій торговымъ предпріятіемъ».

— Э, любезный, куда идетъ эта дорога?...

— Въ горы...

— А ею можно пройти на перевалъ?

— Можно... Только сперва вы все же выйдете въ долину рѣки Гинъ-джа-хо...

— Ну, слава Богу, значитъ, мы на пути...

И мы прибавили ходу и вскорѣ дѣйствительно втянулись въ ущелье, въ которомъ и заночевали у опушки еловаго лѣса. Но ущелье оказалось глухимъ, а разсказы пастуха преднамѣренной ложью...

Отъ мѣста нашей стоянки дорога круто взвивалась по косогору. Все выше и выше. Наконецъ, мы на гребнѣ отрога. Впереди громадныя скалы голаго камня, справа и слѣва глубочайшія щели, поросшія лѣсомъ. Дорожка кончилась, и послѣдніе слѣды ея затерялись въ травѣ чуть не по поясъ. Куда же теперь? Неужели возвращаться обратно въ селеніе Ню-джанъ-цзы?...

— Нѣтъ, господа, ужъ лучше спускаться вонъ этимъ логомъ... Куда-нибудь да выйдемъ же мы, наконецъ!

И мы стали спускаться. Вьючныхъ лошадей пришлось разобрать по рукамъ, а верховыхъ погнали пустыми. При всемъ томъ хлопотъ было не мало. Начать хотя бы съ того, что щеки оврага цѣликомъ состояли изъ спекшихся на солнцѣ глинисто-песчаныхъ крутѣйшихъ откосовъ, по которымъ лошадямъ нашимъ приходилось буквально сползать, рискуя при этомъ ежеминутно сорваться на низъ, а тогда вѣдь прощай наши пожитки! А затѣмъ, когда мы съ грѣхомъ пополамъ сползли съ этой кручи, внизу мы встрѣтили новое затрудненіе: чащу ели и всевозможныхъ кустарниковъ, продираться черезъ которую съ вьюками дѣло вовсе не шуточное. Но, наконецъ, и съ этой задачей мы справились и вышли на лугъ, который пересѣкала во всю его ширь большая арбяная дорога.

— Колесный путь, ваше благородіе!

— А вонъ и калмаки!

— Гдѣ, какіе калмаки?!

Вьюки были брошены, и всѣ мы, кто былъ только свободенъ, поскакали къ аулу. Но мы тамъ никого не нашли, кромѣ двухъ, трехъ подростковъ, пугливо озиравшихся на незнакомыхъ пришельцевъ. Они до такой степени были поражены появленіемъ нашимъ, что на первыхъ порахъ, очевидно, даже не знали, на что имъ рѣшиться; но, наконецъ, сочли за лучшее испугаться, бросились въ юрту и забились тамъ между кошмами.

Мы хотѣли уже было броситься на розыски взрослыхъ, когда вдругъ они сами точно изъ земли выросли передъ нами.

— Господа, мы видѣли, какъ вы подъѣхали къ нашимъ юртамъ, и поспѣшили сюда... Хотя мы и бѣдные люди, но все же предлагаемъ вамъ войти въ наши жилища и подкрѣпить свои силы...

— Спасибо, но мы очень спѣшимъ...

— Но откуда же вы пріѣхали къ намъ, и гдѣ остались почтенныя ваши семейства?

— Мы, какъ видите, русскіе... ваши земли намъ незнакомы, и мы заблудились. Покажите же, какъ пройти намъ на перевалъ черезъ этотъ хребетъ...

— На перевалъ? Но вы ни черезъ одинъ изъ переваловъ теперь не пройдете! Здѣсь дикія горы, плохія дороги, снѣгъ на перевалахъ повсюду глубокій, но въ это время года уже рыхлый настолько, что нѣтъ ни малѣйшей возможности пробраться черезъ него...

— Но какъ же насъ увѣряли китайцы, что есть хорошій перевалъ въ верховьяхъ рѣчки Уланъ?

— Ахъ, что знаютъ китайцы! Перевалъ тамъ дѣйствительно есть, но какъ вы теперь до него доберетесь? Уланъ-усу въ бродъ вѣдь лѣтомъ вовсе непроходимъ...

— Однако, мы хотимъ попытаться... Пусть только кто-нибудь изъ васъ насъ проводитъ...

Но на это предложеніе они отвѣтили совершеннымъ отказомъ. Какъ можно! Они развѣ свободные люди? Они работники-дровосѣки, закабаленные китайцами и обязанные къ сроку доставить значительную партію лѣса въ Манасъ... Но указать дорогу въ долину рѣки Гинъ-джа-хо они могутъ и не отказываются... И они дѣйствительно ее указали, а двое изъ нихъ даже проводили насъ съ версту...

— А та арбяная дорога куда же пошла?....

— Да никуда. Она вонъ здѣсь, много, если въ полуверстѣ, и кончается. Это — лѣсная дорога: по ней мы лѣсъ въ Манасъ возимъ...

Простившись съ калмыками, мы двинулись въ указанномъ направленіи и, пройдя не болѣе восьми верстъ среди высокихъ глинистыхъ и песчаниковыхъ холмовъ, кое-гдѣ прикрытыхъ еще зелеными злаками и въ распадахъ густо заросшихъ кустами таволги (Spiraea sp.) и караганы (Caragana tragacanthoides), выбрались, наконецъ, безъ особенныхъ затрудненій въ долину «Красной рѣки» [1]), которая какъ бы въ противорѣчіе съ даннымъ ей монголами прозвищемъ несла теперь воды столь же чистыя, какъ кристаллъ.

Переправившись черезъ нее безъ труда и вдоволь по этому случаю насмѣявшись надъ неудачной выдумкой торгоутовъ испугать насъ этой мелкой водой, мы раскинули свой бивуакъ на прелестной лужайкѣ, окруженной скалами, лѣсомъ и крутой излучиной Гинъ-джа-хо. Для того, однако, чтобы безъ проводника пуститься впередъ, надо было хоть въ общихъ чертахъ познакомиться съ характеромъ предстоящаго движенія по ущелью, и мы рѣшились изслѣдовать его въ тотъ же день...

Съ этою цѣлью и были нами посланы вверхъ по рѣкѣ казаки Комаровъ и Глаголевъ. Они проѣздили часовъ шесть и вернулись, когда уже была темная ночь на дворѣ. Но пока они ѣздили, а нѣкоторые изъ насъ экскурсировали въ окрестныхъ горахъ, на бивуакѣ у насъ вотъ, что происходило.

Едва мы принялись было за послѣобѣденный чай, какъ изъ-за лѣса донесся до насъ звонъ колокольчика. Все ближе и ближе...

— Что это— никакъ караванъ? ишакчи?

— Слава Богу, если только это они... Пристроимся къ каравану и айда вмѣстѣ съ ними на перевалъ!

Но нѣтъ, не они... Изъ лѣсу показался китаецъ съ котомкой за плечами и съ большимъ звонкомъ на шестѣ: идетъ и звонитъ...

— Кто это? чего онъ звонитъ?

— А китайскій разносчикъ... Они всегда такъ звонятъ, чтобы дать знать о себѣ...

Интересно...

— Эге, джангуда! куда-жъ ты это плетешься?...

— А къ вамъ...

— Какъ къ намъ?!

— Да такъ. Узналъ, что остановились здѣсь русскіе, и пришелъ показать свой товаръ...

— Ну, коли такъ, такъ показывай, что ли!

И наши спутники тотчасъ же обступили его тѣснымъ кольцомъ, вѣрнѣе, всей компаніей усѣлись на корточки вокругъ на корточки же присѣвшаго китайца и котомки его.

---

[1]) Уланъ-усу—Красная рѣка. По китайски Гинь-джа-хо.

Кто хоть разъ видѣлъ, чѣмъ торгуетъ китайскій разносчикъ, тотъ, безъ сомнѣнія, уже знаетъ, чѣмъ торгуютъ и все остальные разносчики Небесной имперіи, потому что во всѣхъ ихъ коробахъ встрѣтится неизмѣнно одинъ и тотъ же товаръ: шелковыя ленточки, затканныя цвѣтами, куски туши, различныхъ цвѣтовъ шелковыя и бумажныя нитки, грошевые вѣера, игральныя карты, иглы грубой работы и, наконецъ, маленькія зеркала съ соблазнительными картинками на оборотѣ, а иногда и безъ оныхъ...

Пересмотрѣли все и, разумѣется, ничего не купили: «на что намъ все это?».

— Какъ на что?!... Женамъ свезите, а дочери есть—дочерямъ свезите! Скажутъ спасибо!... А вотъ это, безъ сомнѣнія, и вамъ самимъ пріятно будетъ купить...

И китаецъ однимъ ловкимъ жестомъ развернулъ передъ зрителями серію картинъ самаго нецензурнаго содержанія.

— Фу, ты! чѣмъ вздумалъ прельщать!...

— Ишь, дьяволы!...

— Ну, что же, покупаетъ изъ васъ кто-нибудь эти картинки?

— Какъ можно, ваше благородіе, да купи кто изъ насъ—засмѣютъ, и въ станицу вернешься, и тамъ засмѣютъ...

Такъ и проводили китайца, ничего у него не купивъ.

Но не успѣлъ еще покинуть онъ нашей площадки, какъ уже на опушкѣ ея, точно на смѣну ему, показалось нѣсколько всадниковъ. Они спѣшились и, подобострастно кланяясь, робко приблизились къ нашимъ юртамъ.

— А, торгоуты! добро пожаловать... вы куда?

— Къ вамъ, господинъ...

— Опять къ намъ? Да что вамъ нужно отъ насъ?

Торгоуты замялись, потомъ отвели въ сторону Николая и стали ему что-то настойчиво и съ жаромъ внушать.

— Чего они, Николай?

— Это торгоуты...

— Ну, знаемъ, что торгоуты... а дальше-то что?

— Эхъ, не знаю, какъ это по-русски сказать... Чуркинъ! айдака сюда.

И онъ сталъ послѣднему на киргизскомъ нарѣчіи объяснять, что торгоуты, живущіе въ этихъ горахъ, испугались, узнавъ, что русскіе намѣрены идти вверхъ по рѣкѣ Гинъ-джа-хо... Это вѣдь для всего отряда вѣрная гибель! И кто же тогда будетъ въ отвѣтѣ? Никто, разумѣется, другой, какъ только они, торгоуты...

Вотъ почему они и рѣшились ѣхать немедленно къ намъ и умолять не трогаться дальше...

Въ самомъ дѣлѣ, пусть лучше не довѣряются этой рѣкѣ. И теперь ужъ въ вершинахъ своихъ она мѣстами не проходима, но что же будетъ впослѣдствіи, черезъ нѣсколько дней, когда вода въ ней пойдетъ очень замѣтно на прибыль? И это не все. За переваломъ протекаетъ другая рѣка, которую въ низовьяхъ называютъ Манасъ, а въ верховьяхъ Хуста: это громадный потокъ, черезъ который, и то только въ истокахъ, переправляются случайно ранней весной, обыкновенно же въ то еще время, когда воды ея скованы льдомъ. «Что же будетъ,—добавляли въ ужасѣ торгоуты,—если вы теперь же достигнете береговъ этой рѣки? А то, что вы попадете въ каменный ящикъ, изъ котораго нѣтъ выхода ни взадъ, ни впередъ... Страшное положеніе и въ перспективѣ голодная смерть!»

Торгоуты столько разъ насъ обманывали, а китайцы такъ беззастѣнчиво лгали, что мы давно перестали имъ вѣрить. Не повѣрили и теперь, а подумали: «лгутъ, конечно! вѣрно, снова хотятъ, чтобы мы уклонились съ прямого пути. Ужъ подождемъ лучше нашихъ казаковъ, да выслушаемъ раньше, что скажутъ они».

И дождались, наконецъ, и наговорили они намъ порядочно ужасовъ.

— А не вѣрите, ваше благородіе, навѣдайтесь сами!

— Да неужто же нѣтъ обхода нигдѣ?

— Можетъ и есть, да гдѣ ихъ было сегодня искать?! Къ тому же и ту тропинку, по которой мы ѣхали, пожалуй, что вовсе за тропинку и почесть невозможно... а что уже мѣсяца два, какъ ею не ѣздилъ никто, то вѣрьте совѣсти, вѣрно!

Рѣшено было на слѣдующій же день самимъ изслѣдовать какъ можно дальше ущелье. Но все же на душѣ стало грустно... Приходилось, повидимому, окончательно разстаться съ надеждой попасть на южные склоны Боро-Хоро.

А ночь, между тѣмъ, тихая и прекрасная, уже давно успѣла раскинуть надъ нами свой темный шатеръ. Изъ-за еловаго лѣса и скалъ, которыя приняли при этомъ очертанія совсѣмъ фантастическія, намъ былъ виденъ далеко не весь небосклонъ, но какими миріадами звѣздъ блестѣла и эта частица его, и какъ ярко освѣщалась она еще пока незримой луной, которая того и гляди должна была уже выглянуть изъ-за каменнаго колосса, въ своей тѣни запрятавшаго и насъ съ нашей крошечной луговиной и добрую половину противоположнаго нагорнаго берега рѣчки. Зато выше послѣдній ясно рисовался намъ своими прихотливыми формами, напоминающими развалины какого-нибудь былого замка гигантовъ... Тишина въ воздухѣ невозмутимая, и только вода шумитъ и рокочетъ, явственно ворочая на пути своемъ гальку, да еще нѣтъ-нѣтъ да и пронесется надъ нами издалека какой-то странный звукъ, не то крикъ филина, не то не вѣсть что... Дикое мѣсто! Но зато же ясно и чувствуется, что все, что ни есть кругомъ васъ—дѣвственная природа, до которой еще не успѣла коснуться разрушительная рука человѣка... И это—отрадное чувство!...

На слѣдующій день, едва отъѣхали мы нѣсколько сотъ саженъ отъ нашего бивуака, какъ уже Комаровъ нашелъ нужнымъ предупредить:

— Переправа!

— Какъ, уже?!

Мы бухнулись въ воду и совершенно неожиданно зачерпнули въ голенища воды...

— Ого, глубоко!

Но дальше насъ ждалъ новый сюрпризъ.

Рѣка неслась съ страшной стремительностью, билась среди валуновъ и, обдавая ихъ то и дѣло клочьями пѣны и милліонами брызгъ, уносилась въ даль сплошной бѣлой пѣной... А нѣсколько выше, стѣной въ два-три аршина, изъ-подъ загромоздившаго русло рѣки бурелома выбивались мощныя струи воды, разбивавшіяся о каменныя твердыни со стономъ и ревомъ, наполнявшимъ всю эту щель до того, что въ двухъ шагахъ уже ничего не было слышно... И сырость, и этотъ шумъ, и царившая здѣсь полутьма, которую разсѣкалъ одинъ только солнечный лучъ, упавшій въ рѣку откуда-то съ высоты и въ ней утонувшій, и всѣ эти скалы, словно щетиной поросшія ельникомъ, и, наконецъ эти валуны, отшлифованные водой и теперь влажные отъ тумана,—все это производило на насъ какое-то странное впечатлѣніе: не то содрогалась душа отъ восторга, не то отъ какого-то страха... Да, глухое, дикое мѣсто! И представьте же себѣ теперь изумленіе наше, когда тропинка, добѣжавъ до водопада, круто свернула къ нему и на нашихъ глазахъ ушла подъ пѣнящуюся поверхность воды.

— Да неужели же здѣсь переправа?

— Здѣсь... вотъ гребнемъ воды, ваше благородіе.

Жутко, даже очень жутко, но... что же подѣлаешь? Главное, надо помнить всегда, что колебанія въ такихъ случаяхъ очень опасны. Неувѣренность сѣдока живо передается и лошади, и тогда хоть возвращайся назадъ! Она будетъ трусить, а если и добьешься нагайкой до того, что она, наконецъ, ринется въ воду, то зашагаетъ такъ робко, что и не такая струя собьетъ ее въ камни...

Болѣе или менѣе благополучно мы проѣхали еще шесть такихъ переправъ, все въ томъ же родѣ. Двѣ изъ нихъ удалось обойти, черезъ остальныя придумали способъ перевести вьючныхъ лошадей и барановъ и, довольные своей поѣздкой, вернулись обратно.

— Завтра чѣмъ свѣтъ къ перевалу!

Приказаніе отдано, но мы не могли скрыть отъ себя, что идемъ на авось. Впрочемъ, мы имѣли свой планъ. За восьмой переправой мы отыскали прекрасное мѣсто для стойбища. Здѣсь остановимся на день, думали мы, изучимъ ущелье еще верстъ на десять выше, перетащимся, можетъ быть, и туда, а тамъ, вѣроятно, будетъ уже недалеко и до перевала...

Вечеромъ вторично явились къ намъ торгоуты.

— Ну что же, все-таки, ѣдете?

— Ѣдемъ...

— А далеко уѣзжали сегодня вверхъ по рѣкѣ?

— Да, до ключа, что впадаетъ въ Уланъ.

— Далеко... Должно быть, хорошія у васъ кони... а наши такой дороги не сдѣлаютъ... Ну, что-жъ, давай Богъ вамъ успѣха!...

Искренній тонъ послѣдняго пожеланія насъ очень встревожилъ: «Неужели же правда все то, что они говорили намъ о предстоящей дорогѣ?»

О томъ, какъ на слѣдующій день переправились мы черезъ Уланъ-усу, можно составить себѣ понятіе по слѣдующей картинѣ.

Глухой ревъ рѣки все покрывалъ... Слышенъ былъ только говоръ ближайшихъ, да изрѣдка доносился сюда громкій крикъ Глаголева, могучая, почти нагая фигура котораго отчетливо рисовалась на каменной глыбѣ, выше другихъ торчавшей надъ бурною поверхностью пѣнящагося потока:

— Лови!

И вслѣдъ затѣмъ взвивался арканъ, расходящеюся спиралью проносился надъ водопадомъ и попадалъ въ руки другого казака, который въ одной рубашкѣ безстрашно балансировалъ на стволѣ старой ели, сильно накренившейся надъ клокотавшей пучиной. Конецъ его привязывался къ вьюку, завьюченному чуть не къ самой спинѣ, раздавалась команда: «айда! пошолъ!»—и вслѣдъ затѣмъ юркій, худощавый Григорій, съ головы до ногъ уже мокрый, но въ лихо набокъ заломленномъ картузѣ, уже нѣсколько разъ погружавшійся вмѣстѣ съ своей лошадью въ воду, отводилъ на правый берегъ едва справлявшагося съ потокомъ вьючка.

Онъ ликовалъ, и вся его фигура, казалось, намъ говорила: «Каковъ, въ самомъ дѣлѣ, я молодецъ!». Да, и дѣйствительно молодецъ! Другіе по разу и по два проводили по гребню водопада вьюковъ, онъ же одинъ свелъ ихъ двѣнадцать... И мы хвалили его: «Ай да молодчина, Григорій!».

Но въ силу, вѣроятно, этихъ похвалъ онъ сталъ вскорѣ даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ посматривать какъ на тѣхъ, кто съ ногъ до головы не былъ столь же мокрымъ, какъ онъ, такъ и на тѣхъ, кто вертѣлся и съ дѣломъ, и безъ дѣла между вьюковъ. Въ особенности же доставалось отъ него Давыдкѣ-дунганину и переводчику Николаю.

— Ну, ты, кошма, подавай, что ли, вьюковъ! Ну, ты, орда, держи, что ли, лошадь!—сыпалъ онъ и вправо и влѣво, и ему и держали и подавали... Онъ нѣкоторымъ образомъ чувствовалъ себя на положеніи героя, а потому суетился, приказывалъ и вообще изо всѣхъ силъ старался держать персону свою на виду. Наконецъ, Ташбалтѣ онъ примелькался...

— Ты чего раскомандовался тутъ, какъ баринъ какой! Пошелъ вонъ, и безъ тебя здѣсь все обойдется!..

Ташбалта Ходжаевъ—ветеранъ всѣхъ моихъ путешествій; подобная переправа ему, разумѣется, вовсе не новость, но онъ смотритъ на нее, какъ на серьезное дѣло, а не ищетъ въ ней только забавы или, тѣмъ болѣе, предлога выказать свое молодечество. Какъ и всѣ остальные, онъ терпѣть не можетъ Григорія, парня пустого и вороватаго, и радъ при случаѣ его осадить...

Николай и Давидъ тотчасъ же примкнули къ Ходжаеву...

Чтобы помирить враждовавшихъ, я отправилъ Григорія къ тому мѣсту, гдѣ переправляли барановъ. Онъ пригорюнился было сначала, но, взглянувъ впередъ, просіялъ. Дѣйствительно, я посылалъ его на забавное дѣло! Тамъ вязали поперекъ тѣла барановъ и, несмотря на отчаянное сопротивленіе съ ихъ стороны, подтаскивали къ водѣ и съ розмаха бросали въ пѣну потока... Теченіе тотчасъ же, разумѣется, уносило несчастныхъ впередъ, но благодаря аркану, они всякій разъ неизмѣнно добирались до камней противоположнаго берега, гдѣ уже ихъ и встрѣчали двѣ спасительныя руки человѣка... Картина обычная, но доставившая Григорію необычное наслажденіе. Роль зрителя онъ тотчасъ же перемѣнилъ на роль главнаго дѣйствующаго лица, и ни одинъ баранъ уже не могъ миновать его рукъ...

Жалкій, искалѣченный воспитаніемъ, человѣкъ! Сынъ офицера, но выросшій безъ призора и образованія, онъ влачилъ трудное существованіе, когда вдругъ на его горизонтѣ мелькнуло нѣчто, за что уцѣпившись, онъ могъ бы, пожалуй, изъ себя что нибудь выработать... Какъ помнитъ читатель, мы въ Вѣрномъ набирали людей. Онъ заручился рекомендаціей и явился къ намъ наниматься. Знакомые офицеры пріодѣли его, а мы, не зная его прошлаго, включили въ составъ экспедиціи. Но онъ очень скоро выказалъ себя съ такой худой стороны, что уже изъ Турфана мы были вынуждены отправить его обратно въ Россію.

Когда всѣ лошади стояли уже на правомъ берегу Гинь-джа-хо, я съ казакомъ Глаголевымъ уѣхалъ впередъ, а братъ остался съ вьюками, взявъ на себя присмотръ и руководство дальнѣйшимъ движеніемъ каравана вверхъ по рѣкѣ. За третьимъ бродомъ мы, въ свою очередь, съ Глаголевымъ раздѣлились: я еще разъ переправился черезъ потокъ, а онъ остался на мѣстѣ, потому что каждому изъ насъ приходилось расчищать и исправлять свой участокъ дороги.

Не мало, должно быть, прошло уже времени, сажень десять-двадцать просѣки ширилось уже у меня за спиной, а нашихъ вьюковъ все еще не видать... Что бы такое?! И я направился къ берегу...

Каково же было мое изумленіе, когда на противоположной сторонѣ я засталъ такую картину.

Повидимому, уже весь караванъ тамъ столпился. Бѣгали, суетились, одни почему-то крупными фестонами развѣшивали по ближнимъ деревьямъ штуки пестрыхъ ситцевъ и кумача [1]), другіе несли въ чащу лѣса сундуки и мѣшки или уводили туда же уже развьюченныхъ лошадей... Два казака прибѣжали, схватили арканы и опять убѣжали. И оттуда, куда убѣжали, раздался вдругъ выстрѣлъ, гулко отозвавшійся среди скалъ...

— Что тамъ такое?

Но меня не слыхали... Я бросился къ лошади и тутъ только замѣтилъ впервые, что сталось съ рѣкой...

Нѣсколько часовъ тому назадъ совершенно прозрачныя воды «Красной рѣки» окрасились теперь дѣйствительно въ этотъ цвѣтъ, но одновременно съ этимъ и поднялись на столько значительно, что залили даже всѣ камни, служившіе намъ раньше указателемъ брода.

---

[1]) Везлись нами для подарковъ и на случай выгоднаго обмѣна на барановъ.

Положеніе становилось опаснымъ, и медлить было нельзя... Я въѣхалъ въ дико ревущій потокъ... Что было со мной вслѣдъ затѣмъ, описать трудно. Я испыталъ чувство, которое долженъ былъ бы, какъ мнѣ кажется, испытать человѣкъ, низвергнутый въ пропасть, съ тою, впрочемъ, существенной разницей, что одновременно я принималъ и холодный душъ. Когда я очнулся отъ неожиданности, я увидѣлъ себя среди клокочущей пѣны и торчащихъ отовсюду каменныхъ глыбъ. Мнѣ казалось, что я нахожусь на вершинѣ наклонной плоскости, съ которой съ черезмѣрной быстротой и несусь куда-то внизъ, въ какую-то черную щель, гдѣ опять-таки ничего, кромѣ бѣлой пѣны и черныхъ вершинъ валуновъ, не видать... И странно! Въ этотъ серьезный моментъ я не ощущалъ ничего: ни испуга, ни стремленія выбраться такъ или иначе изъ опаснаго положенія... Еще помню одинъ только моментъ: меня точно метнуло вокругъ черной скалы, и тутъ же я какъ-то сразу и понялъ, что нахожусь уже внѣ всякой опасности: лошадь ощутила подъ ногами твердую почву и однимъ прыжкомъ выскочила на камни... Еще одно усиліе и мы оба были на берегу... но, къ сожалѣнію, не на томъ, гдѣ находились наши вьюки...

Все разсказанное длилось одинъ только мигъ, вотъ почему и люди наши, хотя и видѣли мое приключеніе, но не успѣли сообразить даже, чѣмъ и какъ мнѣ помочь. Они на всѣ лады махали руками, указывали на что-то и силились перекричать ревъ потока, но, увы! совершенно напрасно, такъ какъ до меня едва доносились безсмысленные: укъ! укъ!...

Выбравшись на тропинку, я еще разъ попробовалъ переправиться, взялъ много выше и съ грѣхомъ пополамъ добрался-таки до своихъ...

— Слава тебѣ, Господи! А мы уже думали...

— Да у васъ-то тутъ что?! Братъ гдѣ?..

— И у насъ-то не вовсе, чтобъ ладно... Трое лошадей въ воду свалилось... едва спасли, а ужъ вещи всѣ подмокли. Это что сталось съ папиросами барина, да и съ прочими всѣми вещами, хоть не разсказывай!.. А одну лошадь, Чуркинова гнѣдка, пристрѣлили... Должно, ногой попалъ въ камни и толи вывихнулъ ее, толи сломалъ, а только ужъ тронуться съ мѣста не могъ... Его благородіе, должно, и по сей поры еще тамъ...

Такъ закончился первый переходъ нашъ вверхъ по рѣкѣ Гинь-джа-хо — предсказанія торгоутовъ сбывались...

Вечеромъ пошелъ дождь, и мы, забравшись въ казачью юрту, сообща обсуждали вопросъ: продолжать ли движеніе наше вверхъ по рѣкѣ или, пока не поздно, вернуться назадъ?

Рѣшили, несмотря ни на что, идти къ перевалу, но прежде всего обстоятельно изучить ущелье еще на нѣсколько верстъ впереди. Съ этою цѣлью я, Григорій и три казака должны были на завтра чуть свѣтъ тронуться въ путь.

Проѣхавъ нѣсколько переправъ, мы достигли, наконецъ, того мѣста, гдѣ рѣка каскадомъ выбивается изъ щели. Комаровъ сунулся было въ рѣку, но водой его тотчасъ же сбило съ сѣдла, и оба, казакъ и лошадь, едва выбрались затѣмъ на берегъ.

— Надо искать, ребята, обхода... Съ вьюками здѣсь все равно не пройти...

— Гдѣ ужъ съ вьюками...

Поручивъ лошадей нашихъ Григорію, вдвоемъ съ казакомъ Чуркинымъ мы полѣзли на сосѣднюю гору. Лиственный лѣсъ кончился, и мы уперлись въ скалу. Здѣсь было сыро, росли бурьянъ и крапива. Еще выше—мохъ, а тамъ обрывъ скалы и площадка...

— Ну, здѣсь также съ вьюками не проберешься!

Однако, все же мы полѣзли впередъ, такъ какъ я хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, познакомиться съ характеромъ горъ и засѣчь нѣкоторыя изъ выдающихся вершинъ этихъ послѣднихъ.

Камень обнажился повсюду. Гольцы были донельзя крутые, и мы вынуждены были пользоваться самыми ничтожными выступами камня, чтобы хоть нѣсколько подвигаться впередъ. Въ концѣ концовъ мы все же, однако, выбрались на вершину отрога, съ котораго хотя и раскрывалась широкая панорама горъ, но, къ сожалѣнію, только на западъ, а востокъ попрежнему все еще оставался скрытымъ за сосѣднимъ отрогомъ. Подозрѣвай я тогда, какія громадныя скопленія снѣга маскируетъ онъ, я, безъ сомнѣнія, не пожалѣлъ бы трудовъ, спустился бы въ падь и поднялся бы на противоположную гору, но теперь я почелъ это излишнимъ. И безъ того мы употребили на подъемъ больше часа, вышли за верхній горизонтъ ельниковъ и достигли зоны ползучаго можжевельника. Рѣка казалась отсюда узкой бѣлѣющей ленточкой, замкнутой въ скалистыхъ черныхъ щекахъ, выше которыхъ, куда ни взгляни, торчалъ ельникъ, который сплошнымъ лѣсомъ одѣвалъ всѣ сопки вплоть до горизонта гольцовъ. Изумрудными змѣйками луговинъ, устилающихъ пади, дѣлился этотъ лѣсъ на участки, и каждый участокъ представлялъ изъ себя ощетинившійся конусъ, тѣсно прижавшійся къ каменному валу, сложенному, по всему видно, изъ такихъ же метаморфическихъ породъ [1]), какъ и всѣ окрестныя горы. Версты съ двѣ впереди рѣка Гинь-джа-хо круто поворачивала на юго-востокъ и ея долины намъ отсюда было уже вовсе не видно; зато былъ хорошо виденъ ея главный притокъ, который сбѣгалъ съ снѣговыхъ полей, подпертыхъ, точно барьеромъ морены, узкимъ поясомъ крупныхъ осыпей, среди которыхъ то тамъ, то здѣсь струились ручьи.

Думая сколько нибудь выгадать при спускѣ, мы взяли правѣе, но вскорѣ раскаялись. На первыхъ порахъ все еще шло хорошо. Кое-какъ мы даже спустились съ отвѣсной скалы, но затѣмъ уже выбрались на такую площадку, откуда не было выхода. Впереди пропасть, позади и съ обѣихъ сторонъ—каменные откосы, по которымъ спуститься еще была хоть какая-нибудь возможность, но взобраться на которые—никакой. Чуркину, впрочемъ, какъ то еще удалось, буквально обхвативъ руками и ногами каменную глыбу, проползти на сосѣдній выступъ скалы, но я чувствовалъ, что подобный экспериментъ будетъ мнѣ не по силамъ, что я оборвусь непремѣнно, и колебался... Но другого выхода не было, и я, что дѣлать, рѣшился...

— Сюда, сюда ногу, правѣй, правѣй!..

Конвульсивно ухватившись руками за какой-то выступъ скалы, я повисъ надъ бездной, тщетно пытаясь найти на гладкой поверхности камня хоть какой-нибудь упоръ для ноги. Наконецъ, послѣдній нашелся, но зато правая нога такъ и осталась у меня на вѣсу... Я распластался на камнѣ и не имѣлъ силы перекинуть руки впередъ. .

— Теперь хватайтесь за кустъ!

Я видѣлъ этотъ кустъ, жалкій и почти высохшій можжевельникъ, торчащій изъ ближайшей щели, но не могъ до него дотянуться!.. Но вотъ и это кое-какъ удалось... Довѣрившись крѣпости деревца, я опять повисъ въ воздухѣ, дѣлая тщетныя усилія отыскать ногами новый выступъ скалы.

— Правѣй, правѣй!.. Ради Бога, скорѣе!.. Смотрите, кустъ!..

Кустъ, дѣйствительно, медленно вылѣзалъ изъ щели. Очевидно, его корни не могли выдержать моей тяжести... Я этого не видѣлъ, а чувствовалъ... И при одномъ этомъ сознанiи у меня потемнѣло въ глазахъ. Я выпустилъ кустъ изъ лѣвой руки и сталъ ею машинально хвататься за всевозможныя выпуклости скалы; я ухватился за что-то колючее и, несмотря на острую боль, сжалъ это нѣчто въ рукѣ. Затѣмъ еще нѣсколько усилiй ногами, и я уже былъ внѣ опасности...

---

[1]) Отрогъ, на который я взобрался, представлялъ, впрочемъ, какъ теперь припоминаю, выходъ какой-то плутонической породы; но обращикъ ея на обратномъ пути былъ мною утерянъ, въ дневникѣ же у себя соотвѣтствующей записи я не нашелъ.

— Уфъ! Чуть было не сорвался!..

Оглядѣвшись на новой площадкѣ, мы поняли, что изъ огня да попали въ пòлымя: послѣдняя также кончалась обрывомъ, а сзади упиралась въ скалу. На наше счастiе, однако, на скалу навалилась старая ель, съ которой время не только успѣло уже содрать всю кору, но и окрасить ее въ густой сѣрый цвѣтъ... Довѣрившись вполнѣ ея крѣпости, мы спустились по ней и вскорѣ очутились снова въ еловомъ лѣсу, путь по которому уже не представлялъ никакихъ затрудненiй.

Григорiя мы застали внизу одного, казаки же, насъ не дождавшись, переправились гдѣ-то ниже и уѣхали на перевалъ.

Они вернулись тоже не съ радостными вѣстями: «Лѣзли мы, лѣзли, бросили, наконецъ, лошадей и, прыгая съ камня на камень, прошли эдакъ съ версту, но все же до перевала не добрались и вернулись»...

Рѣшенiе наше выбраться на южные склоны Тянь-Шаня, такимъ образомъ, оказалось неосуществимымъ, и мы повернули назадъ...

11 iюля мы прибыли на мѣсто первой своей стоянки въ устьѣ ущелья р. Гинь-джа-хо, а 12 и вовсе разстались съ этой послѣдней, свернувъ у стойбища маньчжурскихъ солдатъ, пасшихъ здѣсь казенный табунъ, опять на востокъ. Здѣсь мы снова вступили въ холмистую мѣстность, поросшую луговыми травами и среди нихъ сплошными насажденiями клубники (Fragaria collina) и земляники (Fr. vesca)—фактъ интересный въ томъ отношенiи, что указываетъ на вѣроятное отступленiе лѣсовъ въ этой части Тянь-Шаня. На одномъ изъ пригорковъ мы вдругъ увидали силуэтъ рослаго каракуйрюка. Кара-куйрюкъ и здѣсь — столь высокò въ горахъ! какое необычное въ самомъ дѣлѣ явленiе! Конечно, попытка свалить его изъ винтовки на разстоянiи многихъ сотенъ шаговъ окончилась неудачей; но эпизодъ этотъ, тѣмъ не менѣе, возбудилъ столь оживленные толки, что мы не замѣтили даже, какъ добрались, обогнувъ глубокую и широкую падь, въ которой еще разъ натолкнулись на

маньчжурскій табунъ, до полей, засѣянныхъ макомъ. Прошли еще нѣсколько шаговъ и остановились у фанзы.

— Эге, джангуда! гдѣ тутъ дорога вонъ за эти бѣлки?

— Здѣсь двѣ дороги: одна ведетъ въ горы, къ калмыкамъ, другая въ селеніе Ши—чандза. Другихъ дорогъ я не знаю.

— А далеко ли тутъ до калмыковъ?

— Нѣтъ, близехонько... Ли пять да и тѣхъ нѣтъ, пожалуй...

Мы свернули въ указанномъ направленіи и, дѣйствительно, очень скоро, вдоль рѣчки Фы-хо, добрались до нижняго предѣла ельниковъ (5952 ф. надъ ур. м.), гдѣ и остановились. Юрты калмыковъ были менѣе чѣмъ въ полуверстѣ отъ нашего бивуака. Оказалось, что это были семьи охотниковъ на мараловъ, перебравшіяся сюда еще ранней весной изъ-за Тянь-Шаня, съ Юлдусовъ и изъ окрестностей Карашара.

Не смотря на систематическое избіеніе мараловъ самцовъ ради пантовъ [1]), ихъ еще очень много въ этихъ лѣсахъ. Чуть не изъ-подъ Урумчи до Хоргоса сѣверные склоны горъ, въ предѣлахъ лѣсной зоны, почти вовсе не заселены; вѣроятно только это пока и спасаетъ ихъ здѣсь отъ совершеннаго истребленія, какому они подверглись уже въ Хамійскихъ горахъ и къ западу отсюда, за Кійтыномъ и Джиргалты.

Самимъ намъ не удалось однако здѣсь хорошо поохотиться. Незнакомство-ли съ обычаями оленя, неумѣлость-ли нашихъ охотниковъ, но только они каждый разъ возвращались съ пустыми руками... «Такъ его не убьешь, говорили они, развѣ что подкараулишь у водопоя...» И, можетъ быть, они были правы. Густой кустарникъ [2]), высокая трава [3]), лѣса въ полной листвѣ—не легко найти тутъ марала, еще мудренѣе къ нему подойти...

Воспользовавшись тѣмъ, что торгоуты повадились къ намъ ходить, мы сдѣлали попытку сговорить кого-либо изъ нихъ поступить къ намъ за хорошую плату въ проводники; но они на отрѣзъ отказались: «китайцевъ боимся,» говорили они...

Въ виду этого пришлось ѣхать къ китайскому старшинѣ въ упомянутый выше поселокъ Ши-чандза. Вопреки торгоутскимъ разсказамъ, старшина этотъ оказался добродушнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ очень сердечно отнесся ко всѣмъ нашимъ нуждамъ, помогъ заказать четыре сотни китайскихъ паровыхъ хлѣбцевъ (мянь-тау) и отыскать проводника черезъ Манасъ. Совершенно успокоенные за дальнѣйшую судьбу нашего движенія на востокъ, вернулись мы на нашу стоянку и на слѣдующій же день выступили по направленію къ упомянутой выше рѣкѣ.

---

[1]) Панты стоятъ здѣсь отъ 40 до 60 р. за пару. Цѣнятся, какъ и вездѣ въ Китаѣ, по числу отростковъ и вѣсу, а также по тщательности приготовленія.

[2]) Кустарникъ въ этихъ горахъ очень разнообразенъ; между прочимъ росли здѣсь также малина и смородина.

[3]) Среди которой преобладали луговые злаки, зонтичныя, мѣстами конскій щавель (Rumex hydrolapathum?) и другія широколиственныя травы. Только въ высшихъ горизонтахъ травы мельчали и появлялись такія растенія, какъ: Sedum Kirilowi, Geranium collinum, Dianthus, Malva, Fragaria и мн. др.

Дорога сначала щла внизъ по рѣчкѣ Фы-хо. Безчисленныя извилины этой послѣдней, мягкая мурава ея береговъ, группы тополей, кустарникъ и сѣрыя глыбы камней, отдѣлившіяся отъ высокихъ стѣнъ, кое-гдѣ съужающихъ долину этой рѣчки, все это мѣстами представляло такое красивое сочетаніе между собою, что мѣстность эту по всей справедливости слѣдуетъ отнести къ числу живописнѣйшихъ въ Восточномъ Тянь-Шанѣ. Долина Фы-хо очень оживлена, благодаря каменноугольнымъ ломкамъ, находящимся верстахъ въ двухъ выше поселка Ши-чандзы. Каменный уголь выступаетъ здѣсь жилами мощностью до 5 футовъ среди углисто-известковистыхъ сланцевъ и желѣзисто-кварцевыхъ конгломератовъ, прорванныхъ кварцитомъ. Однако почти вертикальное простираніе этихъ жилъ крайне затрудняетъ работу китайцамъ.

Селеніе Ши-чандза не велико, очень разбросано и окружено значительною площадью культурныхъ земель. Базаръ въ немъ небольшой и убогій, но онъ такъ живописно пріютился подъ сѣнью громадныхъ деревьевъ и среди быстро-текущихъ ручейковъ прозрачной воды, что невольно забываешь здѣсь невзрачность окрестныхъ построекъ и готовъ, кажется, нѣсколько часовъ оставаться въ обществѣ скучныхъ китайцевъ, лишь бы не покидать столь симпатичнаго уголка. Но пора! Заказанные со вчера хлѣбцы сосчитаны и запрятаны въ куржумы, серебро отвѣшено 1), всѣ распросы покон-

---

1) Какъ извѣстно, въ Китаѣ иной правительственной монеты, кромѣ мѣдной, не существуетъ; но такъ какъ она неудобна по своей громоздкости, то ее замѣняютъ серебромъ, какъ обмѣннымъ товаромъ; торгуются на ланы (сары), цены (мискалы) и фыны, какъ дробныя части джина, равнаго почти полуторамъ русскимъ фунтамъ. Цѣна лана серебра колеблется не только отъ міроваго курса на серебро, но и отъ совершенно мѣстныхъ причинъ, напримѣръ отъ количества имѣющейся въ обращеніи правительственной мѣдной монеты; такъ въ бытность нашу въ Китаѣ ланъ серебра цѣнился различно даже въ такихъ сосѣднихъ между собою округахъ, какъ Юй-мынъ и Ань-си. Въ Юй-мынѣ на ланъ выдавали 1450 чоховъ или ермаковъ, а въ Ань-си уже 1300. Въ Хами послѣдніе цѣнились еще дороже, въ Урумчи же пекинскіе чохи вовсе не шли и взамѣнъ ихъ чеканились крупные ермаки красной мѣди, которыхъ шло на ценъ, не помню хорошо, либо 20, либо 30, т. е. отъ 200 до 300 на ланъ серебра. Отсутствіемъ въ обращеніи мѣдной мелкой монеты объясняется также значительное количество русской мѣди, проникшей въ Джунгарію. До Шихо ходятъ, впрочемъ, также русскіе кредитные рубли и серебро.

чены... Вьюки должны быть теперь уже далеко! И вотъ мы рысью выѣхали изъ селенія и, для сокращенія пути, межами выбрались на дорогу, которая, не доходя Ши-чандзы, оставила долину Фы-хо и свернула къ горамъ. Мы догнали свой караванъ, впрочемъ, нескоро, хотя увидѣли его при первомъ же подъемѣ его на невысокій увалъ, служащій восточною гранью до нельзя расширившейся здѣсь долинѣ Фы-хо. Со слѣдующаго увала, на югѣ, совершенно неожиданно открылся видъ на гигантскую группу снѣжныхъ колоссовъ, которую калмыки назвали намъ Досъ-Мёгенъ-ора. Это было величественное, рѣдкое зрѣлище! Ничего, кромѣ зеленыхъ горъ и долинъ, которыя далеко уходили въ даль, сливаясь тамъ въ одно зеленое поле, и непосредственно надъ ними шесть снѣжныхъ гигантовъ, отчетливо рисовавшихся на темно-голубомъ фонѣ яснаго неба! Но намъ некогда было долго любоваться этой картиной: слѣдовало спѣшить, чтобы гдѣ-нибудь не сбиться съ пути, такъ какъ тропинки въ этой холмистой мѣстности разбѣгались во всѣхъ направленіяхъ. Спустившись подъ гору, мы миновали поле, засѣянное картофелемъ [1]), плантацію мака и фанзу; затѣмъ дорога повела насъ изъ лога въ логъ, пока не вывела, наконецъ, къ ключику горько-соленой воды, струившемуся въ оврагѣ, обросшемъ лозой, шиповникомъ и другими кустарниками. Вдоль этого ключика, по отвратительной тропинкѣ, едва намѣченной на спекшихся глинисто-песчаныхъ откосахъ ущелья, мы и спустились къ Манасу.

Глухой гулъ извѣстилъ насъ о близости громаднаго потока воды; но гулъ этотъ шелъ точно изъ подъ земли, и, только подъѣхавъ уже къ обрыву второй террасы и заглянувъ въ него, мы увидѣли наконецъ, глубоко внизу, въ узкомъ каньонѣ, съ шумомъ, отъ котораго, казалось, содрагались и сосѣднія скалы, катящіеся валы вспѣненной сѣрой воды. Это и была Хуста (Хосутай), въ низовьяхъ—Манасъ.

Полковникъ Галкинъ, совершившій весьма трудное путешествіе по горамъ Восточнаго Тянъ-Шаня и посѣтившій истоки Хусты, даетъ живую характеристику этой мѣстности [2]). Сравнивая ее съ тѣмъ, что сообщалось мною объ этой, вѣроятно, самой дикой и недоступной части Небесныхъ горъ въ письмѣ изъ Хами [3]), не трудно подмѣтить почти полное тождество этихъ двухъ описаній, хотя, конечно, отчета полковника Галкина я въ то время еще вовсе не зналъ. Это даетъ мнѣ смѣлость предполагать, что собранныя нами свѣдѣнія о Досъ-Мёгенъ и прилегающей горной странѣ заслуживаютъ довѣрія.

---

[1]) Картофель—рѣдкая овощь въ китайскомъ Притяньшанѣ. Намъ довелось встрѣтить ее еще одинъ только разъ—на огородѣ при кумирнѣ, расположенной у озера Богдо-Ола.

[2]) «Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріяловъ по Азіи» 1888, вып. XXXV.

[3]) Помѣщено въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», т. XXVI (1890), стр. 272.

Прилагаемая здѣсь карта въ точности воспроизводитъ сѣверные склоны Тянь-Шаня въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ихъ братъ. Но въ той ихъ части, которая вычерчивалась имъ на основаніи распросныхъ данныхъ и немногихъ засѣчекъ, а именно, въ горахъ верховій Хусты, можетъ быть, вкралась ошибка, которую я и не считаю себя вправѣ обойти совершеннымъ молчаніемъ.

Съ окрайнихъ холмовъ долины Фы-хо, какъ уже знаетъ читатель, мы видѣли непосредственно надъ зеленымъ нагорьемъ подымавшуюся горную группу изъ пяти колоссальныхъ пиковъ. Эту горную группу намъ назвали Досъ-Мёгенъ-ора. Чѣмъ дальше, однако, подвигались мы на востокъ, тѣмъ длиннѣе и длиннѣе становилась цѣпь снѣговыхъ пиковъ, пока, наконецъ, мы совершенно не потеряли изъ виду Досъ-Мёгенъ, какъ бы затерявшуюся въ морѣ ослѣпительно блиставшаго снѣга, вѣнчавшаго всѣ горы на южной сторонѣ горизонта. Изъ этого я заключаю, что вся масса горъ верховій Хусты представляетъ рѣдкое по своей высотѣ и въ системѣ Тянь-Шаня поднятіе, можетъ быть, короткій кряжъ, высшія точки котораго приходятся однако на ту его часть, которую впервые увидали мы еще изъ долины Фы-хо. По нашему опредѣленію такія точки находятся къ западу отъ прорыва этого кряжа рѣкой Хосутаемъ, иными словами, послѣдняя какъ бы омываетъ подошву этого колоссальнаго вздутія—фактъ тѣмъ болѣе возможный, что подобныхъ же примѣровъ Памирское и Тянь-Шаньское нагорья представляютъ не мало. Укажу хотя бы на рѣку Оби-Равнау [1]), разсѣкающую хребетъ Пиріохъ-тау (хр. Петра Великаго) у подошвы высочайшихъ изъ его пиковъ. Между тѣмъ полковникъ Галкинъ пишетъ, что высшія точки того вздутія, на которомъ зарождается упомянутая выше рѣка, находятся верстахъ въ тридцати къ сѣверу отъ перевала Одонъ-курё (Адункаръ нашихъ картъ). А такъ какъ Досъ-Мёгенъ и въ изображеніи калмыковъ представляется горой, съ южныхъ склоновъ которой берутъ начало Кашъ и Хуста, то, казалось бы, нѣтъ причинъ сомнѣваться въ нашей ошибкѣ съ одной стороны и въ точности орографической картины, изображаемой полковникомъ Галкинымъ, съ другой. И однако она едва ли вѣрна и вотъ почему. Тѣ же калмыки, которые сообщали намъ столь отчетливыя свѣдѣнія о верховьяхъ Хусты, между прочимъ въ такихъ выраженіяхъ характеризовали Досъ-Мёгенъ: это величайшая изъ калмыцкихъ горъ, съ которой къ сѣверу текутъ рѣки: Хоргосъ, Уланъ-усу и Хунунь-сала—лѣвый, наибольшій притокъ Манасской рѣки. Изъ этого слѣдуетъ, что Досъ-Мёгенъ въ представленіи калмыковъ является кряжемъ, который тянется отъ истоковъ Каша до прорыва черезъ горы Хусты и, неся массы снѣга, въ то же время имѣетъ значительное пониженіе въ истокахъ Уланъ-усу, гдѣ черезъ него и пролегаетъ единственный перевалъ къ сѣверу изъ котловины верхней Хусты. Что же касается до вопроса, гдѣ находятся наивысшія точки этого вздутія, то и въ этомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что полковникъ Галкинъ могъ легко ошибиться въ опредѣленіи относительной высоты снѣговыхъ исполиновъ именно потому, что путь его непосредственно пролегалъ вдоль подошвы послѣднихъ.

---

[1]) Правый притокъ Оби-Хингоба, въ Дарвазѣ.

Сводя же все вышесказанное, я думаю, что долины верхняго Каша и верхней Хусты изображаются на нашихъ картахъ не совсѣмъ вѣрно; онѣ должны быть нѣсколько съужены отнесеніемъ восточнаго конца Ирянъ-Харбута къ югу и въ зависимости отъ этого выпрямленіемъ Досъ-Мёгенъ-ора.

Полковнику Галкину не осталось вполнѣ безъизвѣстнымъ названіе Досъ-Мёгенъ; только онъ пріурочиваетъ его къ горной странѣ, лежащей на востокъ отъ долины Хусты, между Абдуръ-Чолономъ и урочищемъ Хотукъ-бій, что видно изъ нижеслѣдующаго: «Къ возвышенностямъ Абдуръ-Чолонъ, пишетъ этотъ отважный путешественникъ, примыкаютъ на востокѣ возвышенности *Дошъ*, принадлежащія уже къ Богдосскимъ горамъ [1]). Въ урочищѣ Хотукъ-бій Богдосскія горы нѣсколько понижаются, рѣзкіе контуры сглаживаются, долины расширяются и обращаются въ роскошные альпійскіе луга, которые привлекаютъ въ лѣтніе мѣсяцы значительное число торгоутовъ съ ихъ многочисленными стадами. Къ западу отъ Хотукъ-бій горы снова становятся болѣе разорванными, альпійскіе луга замѣняются мало по малу каменистыми розсыпями, которыя особенно развиваются въ горахъ Дошъ, лежащихъ въ верховьяхъ Балгинтая и примыкающихъ къ описаннымъ уже Абдуръ-Чолонскимъ возвышенностямъ»[1]). Я затрудняюсь помирить это противорѣчіе.

---

[1]) Такъ, по увѣренію полковника Галкина, торгоуты называютъ ту цѣпь горъ, которая тянется на востокъ отъ Хусты. Мы названія такого не слышали, хотя уже Риттеръ употребляетъ его въ своемъ «Землевѣдѣніи Азіи» (т. II, стр. 26). Едва-ли, однако, названіе это можетъ удержаться въ географической литературѣ въ виду того, что на востокъ отъ Урумчи тянется другая цѣпь горъ съ тѣмъ же названіемъ. Къ тому же Риттеръ слѣлалъ здѣсь крупную, хотя въ его время и совершенно понятную ошибку, соединивъ подъ общимъ названіемъ цѣлый рядъ совершенно самостоятельныхъ звеньевъ Тянь-Шаня.

Хуста беретъ начало съ фирновыхъ полей[2]), сползающихъ съ южнаго склона Досъ-Мёгенъ-ора. Сперва она течетъ на востокъ, затѣмъ круто поворачиваетъ на сѣверъ, прорывая хребетъ по ущелью, отвѣсныя стѣны котораго имѣютъ превышенія до 3000 ф. надъ долиной рѣки[3]). Выше этого грандіознаго прорыва долина Хусты, согласно съ описаніемъ торгоутовъ, представляетъ каменный ящикъ, замкнутый отовсюду высочайшими скалами, черезъ которыя всѣ извѣстные перевалы, за исключеніемъ Кельдынскаго (Дунде-Кельде) на югѣ и Уланъ-усу на сѣверѣ, высоки и очень мало доступны. Узкая полоска луговъ тянется здѣсь кое-гдѣ только возлѣ воды; за симъ корма имѣются только мѣстами въ побочныхъ ущельяхъ— все же остальное пространство сплошь покрыто осыпями, крупными обломками скалъ, снѣгомъ и льдомъ; дожди и снѣгъ здѣсь очень часты; вообще же, по словамъ торгоутовъ, вся долина имѣетъ дикій и угрюмый характеръ, почему и посѣщается въ исключительныхъ только случаяхъ, да и то преимущественно одними охотниками.

Независимо отъ того, ошибочно или нѣтъ помѣщаемъ мы горную группу Досъ-Мёгенъ столь близко къ мѣсту поворота Хусты и подъ этимъ-ли или другимъ именемъ станутъ въ будущемъ извѣстны горы ея верховій, теперь уже для меня несомнѣнно, что съ переходомъ черезъ Уланъ-усу въ бассейнъ Манасской рѣки, мы оставили за собой Ирянъ-Харбутъ и вступили въ предгорія другого столь же самостоятельнаго звена Небесныхъ горъ; а потому вполнѣ своевременнымъ будетъ тутъ же бросить ретроспективный взглядъ на пройденное пространство и въ коротенькомъ очеркѣ объединить все вышесказанное объ этихъ горахъ.

При короткости обоихъ своихъ заложеній хребетъ Ирянъ-Харбутъ—Боро-Хоро очень высокъ; а это и обусловливаетъ всѣ дальнѣйшія особенности этихъ горъ.

Хотя и рѣдко, но выдаются деньки, когда съ Бей-лу Ирянъ-Харбутъ виденъ прекрасно. Его безчисленные остроконечные пики и ослѣпительно между ними блестящія снѣговыя долины, чередуясь до безконечности, занимаютъ тогда весь югъ горизонта и на окраинахъ его мало по малу сливаются съ фіолетовыми тонами необъятной дали. На громадномъ протяженіи онъ совершенно однообразенъ, и гребень его, выходя всѣми своими точками за предѣлы вѣчнаго снѣга, нигдѣ не представляетъ ни особенно выдающихся пиковъ, ни особенно значительныхъ сѣдловинъ. Это однообразіе въ очертаніи гребня нарушается только на крайнемъ востокѣ, въ верховьяхъ Кійтына, гдѣ зубчатость хребта наиболѣе глубока, и на меридіанѣ Ачала, гдѣ кряжъ расплывается, понижаясь въ то же время довольно значительно.

---

[1]) L. c., стр. 53 и 55.

[2]) Торгоуты говорили намъ, что Хуста беретъ начало изъ подъ льда («мöсöнъ»); но, судя по ихъ описанію, этотъ ледъ никакъ нельзя принять за ледникъ.

[3]) Галкинъ, l. c., стр. 54

Такой внѣшній видъ хребта уже достаточно опредѣляетъ его малодоступность, столь полно сказавшуюся и при неоднократныхъ нашихъ попыткахъ добраться до гребня.

Вообще, какъ горы Боро-Хоро, такъ и дальнѣйшее восточное его продолженіе—Ирянъ-Харбутъ, представляютъ сочетаніе высочайшихъ скалъ и глубокихъ ущелій, по дну которыхъ не имѣется почти вовсе путей: такъ узки они и такъ полно загромождены всевозможными обломками скалъ; поэтому всѣ тропинки лѣпятся здѣсь вдоль гребней отроговъ и часто сбѣгаютъ книзу, на сѣверъ, къ подошвѣ предгорій, обходя тѣмъ глубокую щель, въ которую спускъ невозможенъ. Я не знаю, конечно, что мѣшало торгоутамъ указать намъ перевалы черезъ Боро-Хоро, но думаю, что одной изъ причинъ была малая доступность послѣднихъ. Впослѣдствіи, отъ одного илійскаго уроженца, хорошо, по его словамъ, знакомаго съ долиной Каша, намъ довелось слышать, что самымъ восточнымъ изъ доступныхъ вьючному движенію переваловъ черезъ Боро-Хоро слѣдуетъ считать Мынгэтэ ¹); далѣе же къ востоку имѣются только охотничьи тропы, по которымъ сообщеніе въ разгаръ лѣта совсѣмъ прекращается. Такъ-ли это въ дѣйствительности, конечно, я утверждать не берусь; припоминаю, однако, разсказъ торгоута, увѣрявшаго насъ, что карашарскіе охотники на мараловъ потому и перебираются на сѣверные склоны Боро-Хоро со своими семьями, что только осенью получаютъ возможность вернуться въ свои родныя кочевья на рѣкѣ Хайду-голъ.

Неприступности Боро-Хоро не мало способствуютъ также стекающія съ него рѣки и покрывающіе его ельники.

---

¹) На нашихъ картахъ обозначаютъ два перевала Мынгэтэ (Мунгаты, Мэнгэтэ): одинъ въ верховьяхъ Хоргоса, другой, западный, въ верховьяхъ Эптэ; въ дѣйствительности же перевалъ съ этимъ названіемъ, какъ кажется, находится въ истокахъ р. Джиргалты.

Рѣчныхъ долинъ въ этой горной цѣпи вовсе не существуетъ; въ верховьяхъ онѣ замѣняются щелями, недоступными даже и пѣшему, въ среднемъ теченіи каньонами, стѣны которыхъ, какъ мы уже видѣли, слагаются изъ рыхлыхъ диллювіальныхъ конгломератовъ. И не смотря на то, что неразвитыя предгорія Боро-Хоро не позволяютъ образоваться здѣсь значительнымъ рѣкамъ, каждая изъ нихъ тѣмъ не менѣе только въ рѣдкихъ случаяхъ имѣетъ удобные броды. Высокое паденіе воды обращаетъ ихъ въ стремительные потоки, бурлящіе на всѣхъ переборахъ или несущіеся пѣнистымъ каскадомъ среди ими же навороченныхъ каменныхъ глыбъ и бурелома, а это и дѣлаетъ переправу черезъ нихъ всегда почти затруднительной, если только не вполнѣ невозможной.

Изборожденный ущельями, чрезвычайно крутой гребень Боро-Хоро даже много ниже линіи вѣчнаго снѣга лишенъ еще сплошного растительнаго покрова; замѣчательно также отсутствіе здѣсь сплошныхъ осыпей, хотя щебень и крупные обломки нерѣдко на значительныя протяженія покрываютъ щеки и днища ущелій, по которымъ капля по каплѣ струится снѣговая вода. Благодаря крутизнѣ стѣнъ, тутъ еще негдѣ укорениться растительности; зато тѣмъ пышнѣе развивается она ниже, на предгорьяхъ и болѣе покатыхъ склонахъ хребта, которые какъ бы подпираютъ осевой скалистый массивъ. Послѣдній исчезаетъ подъ лугомъ только къ западу отъ рѣки Джиргалты, то есть въ мѣстахъ наибольшаго пониженія хребта [1]). Гдѣ только образовалась площадка или не слишкомъ крутой склонъ, тамъ появилась и ель. Ель сплошными лѣсами одѣваетъ Боро-Хоро въ предѣлахъ отъ 9.000 до 6.000 футовъ и вмѣстѣ съ лугами [2]) составляетъ господствующую здѣсь формацію. По отсутствію подлѣска, по сухости лѣсной почвы еловые лѣса эти всего ближе напоминаютъ ростущіе по суходоламъ боровые ельники средней Россіи; вмѣстѣ съ тѣмъ однако они представляютъ и нѣкоторыя отличія, вызванныя болѣе сухимъ климатомъ нагорной Азіи: ягодники, папоротники и грибы здѣсь совершенно отсутствуютъ, мохъ же покрываетъ почву только въ рѣдкихъ, самыхъ тѣнистыхъ и влажныхъ мѣстахъ и притомъ исключительно обращенныхъ на сѣверъ. Всего больше моховыхъ пространствъ мы встрѣтили въ верхней части ущелья рѣки Гинь-джа-хо (Уланъ-усу). Тянь-Шаньская ель вообще рѣдко спускается въ лога и на дно ущелій, гдѣ зато пышно разростаются разнообразный кустарникъ и травы, такъ что въ горахъ Боро-Хоро вовсе не рѣдки ландшафты, вся оригинальность коихъ заключается въ длинной цѣпи обросшихъ елью конусообразныхъ возвышенностей, опоясанныхъ узкою лентой изумрудныхъ луговъ.

---

[1]) Впрочемъ даже и здѣсь гольцы подымаются какъ на главномъ хребтѣ, такъ и на боковыхъ отрогахъ его.

[2]) Луга эти Красновъ называется «кислыми».

Лѣсовъ лиственныхъ породъ въ горахъ Боро-Хоро мы не встрѣтили. Смѣшанно же съ елью тополь, ива, береза, рябина, карагачъ (Ulmus campestris) и крушина ростутъ почти повсемѣстно въ ущельяхъ. Ниже однако предѣльнаго распространенія ели въ долинахъ рѣкъ всего чаще попадается тополь, который нерѣдко и образуетъ тѣнистыя рощи, далѣе къ низу переходящія въ урему. На востокъ отъ рѣки Манаса, какъ мы ниже увидимъ, всѣ долины рѣкъ до выхода ихъ изъ предгорій густо поросли лиственнымъ лѣсомъ; здѣсь же подобные случаи рѣдки. Вообще въ горахъ Боро-Хоро наблюдается постепенное вертикальное поднятіе предѣла формаціи полынной степи отъ востока на западъ, т. е. на встрѣчу наиболѣе влажнымъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ—фактъ, конечно, не лишенный значенія и объясняющійся, какъ кажется, орографіей этой части Джунгаріи. Въ горахъ Богдо-Ола, къ востоку отъ Урумчи, мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе: луговой поясь, очень широкій на западѣ, постепенно все болѣе и болѣе съуживается къ Хамійскимъ горамъ. Такимъ образомъ изгибъ, образуемый Тянь-Шанемъ у Урумчи, служитъ какъ бы главнымъ пріемникомъ осадковъ, приносимыхъ въ Джунгарію сѣверо-западными вѣтрами. Степной характеръ растительности и даже до нѣкоторой степени пустынность западной части горъ Боро-Хоро объясняется также близостью высокаго Джунгарскаго Ала-тау, заслоняющаго ее отъ вліянія упомянутыхъ выше вѣтровъ въ такой мѣрѣ, что, судя по флорѣ, она стоитъ ближе къ горамъ сѣверныхъ уступовъ Памира, чѣмъ къ болѣе восточной части того же хребта 1). Вообще съ формаціей полынной степи мы очень рѣдко встрѣчаемся въ этихъ горахъ; небольшими клочками встрѣчается она на южныхъ склонахъ боковыхъ отроговъ, да ниже пяти тысячъ футовъ представители ея рѣдкими насажденіями покрываютъ долины рѣкъ и прибрежные холмы. Альпійскіе луга занимаютъ также лишь небольшія площадки

---

1) Здѣсь мы встрѣтили мелкощебневыя осыпи съ характеризующими ихъ растеніями: Draba, Oxytropis, Potentilla fruticosa, Blitum virgatum, Saussurea и др.; а также рослой Caragana n. sp. (C. jubatae prox.), о которой я выше упоминалъ. Здѣсь же летали открытыя мною новыя формы: Melitaea saxatilis infernalis и Colias cocandica Maja.

Подобныхъ осыпей восточнѣе Юдна-гола мы не встрѣчали.

въ этихъ горахъ, что объясняется тѣмъ, что гольцы весьма часто подымаются здѣсь непосредственно изъ зоны еловаго лѣса. Такимъ образомъ эта часть Тянь-Шаня отличается прежде всего крайнимъ однообразіемъ своей флоры, не остающейся безъ вліянія и на составъ фауны, крайне бѣдной видами и къ тому же малооригинальной.

Полковникъ Галкинъ пишетъ, что въ верховьяхъ Каша Боро-Хоро слагаютъ граниты и глинистые сланцы [1]), профессоръ Мушкетовъ также упоминаетъ о выходахъ красныхъ слоистыхъ гранито-сіенитовъ въ ущельи рѣчки Талки [2]). Наконецъ, по ущелью Боро-богосунъ мы всюду находили скалы фельзитоваго порфира, мѣстами сильно разрушеннаго. Все это заставляетъ предполагать, что южные склоны этого хребта, въ противоположность сѣвернымъ, очень богаты выходами массивныхъ породъ, къ которымъ, кромѣ вышеупомянутыхъ, слѣдуетъ также присоединить діоритовыя и миндалекаменныя породы [3]).

На сѣверныхъ склонахъ Боро-Хоро, кромѣ упомянутаго выше одного только сомнительнаго случая нахожденія кристаллической породы въ долинѣ рѣки Гинь-джа-хо, мы не встрѣчали массивныхъ породъ; здѣсь преобладали каменноугольные известняки [4]), филлиты и метаморфическіе сланцы [5]), которые слагали всюду, гдѣ онъ только былъ намъ доступенъ, гребень хребта и при этомъ обнаруживали сильно выраженную складчатость. Такимъ образомъ характеристика Мушкетова: «Боро-Хоро (Эрень Хабирга) преимущественно хребетъ метаморфическій [6])»—вполнѣ подтвердилась и нашими здѣсь изслѣдованіями.

Южный склонъ Боро-Хоро короче сѣвернаго; связывая это обстоятельство съ обнажающимися на нихъ повсемѣстно массивными породами, слѣдуетъ думать, что налегавшія на нихъ нѣкогда осадочныя породы частью смыты водами Каша.

Какъ съ юга, такъ и съ сѣвера на этотъ основной массивъ налегаютъ мѣстами сильно размытыя отложенія юрской и третичной формацій [7]), которыя только однажды сложились въ средней высоты горы, а именно вдоль рѣчки Фы-хо, гдѣ, вопреки общаго правила, юрскіе желѣзисто-кварцевые конгломераты и углисто-известковистые сланцы съ прослойками каменнаго угля обнаруживаютъ крутое паденіе.

---

[1]) L. c., стр. 51.

[2]) «Записки Минералогическаго Общества» 1877, XII, стр. 212.

[3]) Мушкетовъ, l. c., стр. 140.

[4]) На перевалѣ Шалуаръ бѣловатые известняки прослаивались почти желтыми песчаниками.

[5]) Въ долинѣ Юдна-голъ (сухое русло, выходящее на эту рѣку) выступали кварциты.

[6]) L. c., стр. 140.

[7]) За отложенія третичной формаціи (пліоценъ) я принимаю гривы и холмы, окаймляющіе Боро-Хоро съ сѣвера и сложенные изъ конгломератовъ, несогласно напластованныхъ съ конгломератными толщами, образующими пустынный поясъ вдоль обоихъ склоновъ Восточнаго Тянь-Шаня.

Къ нимъ всюду примыкаютъ новѣйшія отложенія — лессъ и конгломератъ, обнаруживающій въ сѣченіяхъ его рѣками горизонтальное напластованіе.

Все, что намъ удалось узнать о минеральныхъ богатствахъ Боро-Хоро, изложено уже въ своемъ мѣстѣ; мнѣ остается только добавить, что въ горахъ, образующихъ лѣвую окраину долины рѣки Гинь-джа-хо, когда-то добывалось китайцами серебро; нынѣ рудникъ этотъ заброшенъ, и проводника къ нему найти мы уже не могли.

ГЛАВА V.

От рѣки Манаса до Урумчи.

Спустившись съ двухъ террасъ, крутыми ярами обрывавшихся къ руслу рѣки, мы очутились на небольшой и узкой скалистой площадкѣ, возвышавшейся футовъ на сорокъ надъ Манасомъ. Съ этой площадки перекинутъ былъ мостъ черезъ рѣку [1]), но до такой степени узкій и къ тому же столь нелѣпо упиравшійся въ противоположный выступъ скалы, что съ навьюченной лошадью, которой пришлось бы сдѣлать прыжокъ, чтобы выбраться на тропинку, намъ казалось немыслимымъ его перейти. Вотъ почему мы и заночевали здѣсь, отложивъ до утра переноску на противоположный берегъ своего багажа [2]).

Пока мы развьючивались, солнце успѣло уже закатиться за окрестныя высокія скалы. Стало быстро темнѣть, а вмѣстѣ съ наступавшей темнотой все явственнѣе обозначалась и необычность окружающей насъ обстановки. Въ самомъ дѣлѣ дикое и оригинальное мѣсто! Отвѣсныя стѣны стѣснили насъ въ узкомъ корридорѣ, среди котораго, точно въ бездонномъ провалѣ, съ ревомъ несутся валы бѣлой пѣны. Еще оглушительнѣе въ ночную пору доносится сюда этотъ ревъ, еще таинственнѣе кажется щель, всѣ детали которой теперь уже изчезли въ окружающей мглѣ. Жутко... И засыпая на скалистомъ карнизѣ, какъ-то инстинктивно подбираешь подъ себя ноги, подальше отъ зіяющей бездны, на днѣ которой зловѣще блеститъ и волнуется бѣлая грива яростно бьющагося о стѣны потока.

---

[1]) Мостъ этотъ построенъ по общему типу всѣхъ подобныхъ сооруженій въ горахъ Средней Азіи: четыре жердины, закрѣпленныя въ концахъ тяжестью наваленныхъ на нихъ валуновъ, образуютъ основу его; полотномъ же служатъ валежникъ, земля, рѣдко—доски, плоскіе камни; перилъ они не имѣютъ.

Ширина Манасскаго моста не превышала полутора аршинъ; длина трехъ—трехъ съ половиною аршинъ.

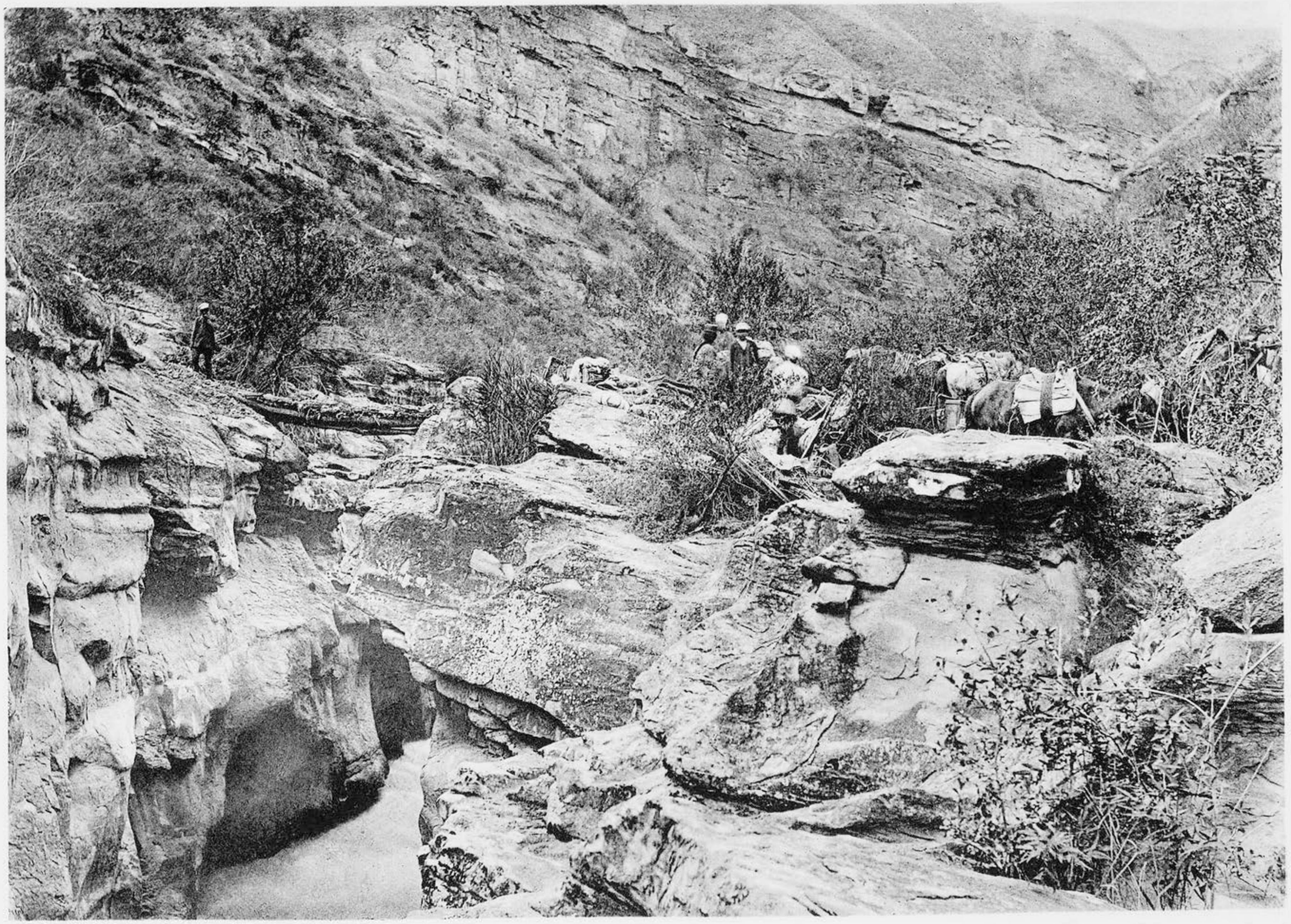
[2]) Конечно на карнизѣ рѣки мы могли размѣстить только свои пожитки; лошадей же и барановъ пришлось угнать назадъ и пасти въ верстѣ отъ бивуака.

Переходъ по мосту черезъ Манасъ мы совершали такъ: переносили вьюкъ, переводили вслѣдъ затѣмъ лошадь и, завьючивъ ее, уводили по крутой и узкой тропѣ на широкую площадку праваго берега. При всемъ томъ не обошлось безъ несчастнаго случая. Одна изъ нашихъ лошадей, только что завьюченная кухней и мягкою рухлядью, не дождалась своей очереди быть уведенной наверхъ и, испугавшись подходившаго къ ней китайца, рванулась въ сторону, сорвалась съ тропинки и упала въ потокъ съ высоты чуть ли не пятнадцати саженей! Общій крикъ и безпорядочная бѣготня вдоль берега — вотъ первыя наши движенія; а затѣмъ намъ оставалось только смотрѣть на отчаянныя усилія несчастнаго животнаго выбраться на берегъ. Впрочемъ мы были свидѣтелями этой агоніи одно только мгновеніе. Лошадь почти тотчасъ же скрылась за поворотомъ рѣки; когда же мы взбѣжали на бугоръ, съ котораго рѣка открывалась саженей на двѣсти впередъ, то на поверхности Манаса уже ничего, кромѣ клокотавшей пѣны, не было видно.

За исключеніемъ Или и, можетъ быть, Чу [1]) Хуста самая большая изъ рѣкъ, сбѣгающихъ съ сѣверныхъ склоновъ Тянь-Шаня; разливаясь у города Манаса на нѣсколько многоводныхъ рукавовъ, изъ коихъ одинъ вовсе непроходимъ въ бродъ, Хуста здѣсь несется одной трубой и при этомъ въ каньонѣ, вымытомъ въ коренной породѣ и имѣющемъ въ поперечникѣ не болѣе трехъ саженей. Сила ея теченія здѣсь такова, что полупудовый камень, брошенный съ высоты шести саженей, дѣлаетъ нѣсколько рикошетовъ прежде чѣмъ погрузиться на дно; мѣдный котелъ, слетѣвшій вмѣстѣ съ лошадью въ рѣку, долгое время мелькалъ въ пѣнѣ потока, не погружаясь въ него. Въ связи съ неприступностью береговъ такая стремительность воды исключала, конечно, возможность спасенія даже въ томъ случаѣ, если бы лошадь и не получила при паденіи никакихъ поврежденій. Тѣмъ не менѣе, въ надеждѣ на случай, казаки спускались по водомоинамъ, думая найти если не ее, то часть погибшихъ вещей

---

[1]) У Пишпека Чу меньше, чѣмъ Хуста у Манаса.



Ущелье р. Манаса.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин № 7-2.

гдѣ-нибудь среди скалъ; поиски эти, однако, не привели ни къ чему: лошадь и все, что было на ней, изчезло безслѣдно [1]).

Отъ моста тропинка крутыми зигзагами вывела насъ на террасу, расположенную футовъ на пятьсотъ выше современнаго уровня Манаса. Съ нея рѣки уже не было видно, да и шумъ послѣдней доносился сюда только изрѣдка, въ мѣстахъ прорыва ея водостоками.

Въ воздухѣ была тишь, солнце палило. Ни деревца, ни кустарника, въ тѣни котораго хотя бы на минуту можно было укрыться. Совершенно оголенныя глинисто-песчаныя горы, стоявшія у насъ вправо, отражали свѣтъ съ такой силой, что на нихъ было больно смотрѣть. И при этомъ ни одной струйки воды, ни одной сочной травки, которая хотя бы нѣсколько могла утолить жажду нашихъ вьючныхъ животныхъ. Бараны изнемогали, лошади еле плелись, и даже нашъ черный понтеръ «Васька», уроженецъ города Асхабада, и тотъ отказывался дальше идти, улегшись въ тѣни торчавшей изъ подъ земли плоской глыбы песчаника. Его пришлось взять на сѣдло.

Минуты тянулись по прежнему долго. Вотъ уже и цѣлыхъ два часа мы въ дорогѣ... Въ караванѣ уныло и тихо... Вдругъ позади послышался выстрѣлъ, гулко пронесшійся по долинѣ. Осмотрѣлись: наши были всѣ на лицо. Пріостановились и стали озираться назадъ; туда же, забывъ свою жажду, понесся и Васька. Нашему недоумѣнію положенъ былъ, впрочемъ, скоро конецъ. Изъ оврага показались почти тотчасъ же два всадника, которые крупной рысью направились въ нашу сторону. Это были торгоутскіе охотники изъ Фы-хо, догонявшіе насъ съ тѣмъ, чтобы наняться въ проводники, и теперь, больше ради забавы, стрѣлявшіе по встрѣченнымъ ими кара-куйрюкамъ. Приключеніе это насъ нѣсколько оживило. Къ тому же и тропинка вдругъ свернула къ горамъ, по ту сторону коихъ долженъ былъ пробѣгать ручей Луцо-гу. Дѣйствительно, едва поднялись мы на перевалъ, какъ впереди увидѣли широкую полосу луга и камыши, а дальше—тополевую рощу, юрты, табуны лошадей, стада барановъ и людей въ ослѣпительно бѣлыхъ одеждахъ.

«Это русскіе... сарты... татары...» пронеслось у насъ въ караванѣ.

И мы не ошиблись—это были сергіопольскіе купцы, оптовые торговцы скотомъ.

До 1889 года въ Урумчискомъ округѣ монополія торговли скотомъ принадлежала русскимъ купцамъ; но съ этого года мѣстная администрація издала нѣсколько постановленій, направленныхъ въ ущербъ русской торговлѣ скотомъ въ Южной Джунгаріи. Постановленія эти состояли:

---

[1]) Всего тяжелѣе была для насъ утрата всѣхъ штуцерныхъ патроновъ, благодаря чему одинъ изъ двухъ штуцеровъ нашихъ становился совершенно безполезной игрушкой.

1) въ воспрещеніи сдавать въ аренду русскимъ торговцамъ пастбища въ горахъ Богдо; и

2) въ разрѣшеніи кочевникамъ пригонять скотъ на Урумчискіе рынки.

Торговая политика китайцевъ въ Внѣстѣнномъ Китаѣ безусловно враждебна русской торговлѣ. Такой она была впрочемъ всегда, даже тогда, когда, вынужденное обстоятельствами, Китайское правительство подписывало договоръ, дающій русскимъ торговцамъ право безпошлиннаго ввоза товаровъ въ предѣлы Монголіи и Восточнаго Туркестана. И если въ полученныхъ при этомъ русской торговлей въ Китаѣ значительныхъ преимуществахъ склонны прежде всего видѣть побѣду отечественной дипломатіи надъ косностью китайцевъ, то съ другой стороны не слѣдуетъ упускать также изъ вида, что и интересы китайцевъ требовали этой побѣды!

При тяжелыхъ обстоятельствахъ заключались пекинскимъ правительствомъ Пекинскій (2 ноября 1860 г.) и Петербургскій (12 февраля 1881 г.) трактаты. Небесная Имперія только что пережила одинъ изъ тѣхъ острыхъ кризисовъ, которые всегда завершались въ ней перемѣной династіи. И хотя на этотъ разъ Дайцинскій домъ и удержался на пекинскомъ престолѣ, но страна, выдержавшая борьбу съ англо-французскимъ союзомъ и два послѣдовательныхъ возстанія—тайпин'овъ и дунганъ, была совершенно разорена и обезсилена. Особенно же печальную картину, по свидѣтельству путешественниковъ, представляли въ то время провинціи Шень-си, Ганьсу и Синь-цзянъ, выдержавшія на себѣ неистовства дунганъ и разорительный постой китайскихъ солдатъ. Широкой полосой вдоль Тянь-Шаня, Нань-Шаня, Цзунъ-линя и Инь-Шаня, отъ предѣловъ Россіи до Пекина, тянулись обезлюженныя и разоренныя земли, по которымъ продолжали еще бродить шайки дунганъ и всякаго сброда, разобщая и безъ того имѣющія мало общаго между собою сѣверныя и южныя части Имперіи—Монголію и Южный Китай.

Какъ извѣстно, Монголія, населенная почти исключительно кочевниками, всегда служила надежнымъ рынкомъ сбыта китайскихъ издѣлій. Дунгане въ значительной степени и на долго порвали торговую связь, и монголамъ приходилось волей-неволей обращать свои взоры на сѣверъ. Тогда-то возникла и быстро развилась Кобдинская торговля бійскихъ купцовъ, достигшая уже къ 1870 г. милліоннаго оборота.

Едва замиривъ край, не имѣя еще прочныхъ точекъ опоры, даже въ Кульчжѣ прокармливая своихъ солдатъ русской мукой, Китайское правительство не могло не предоставить русскимъ купцамъ безпошлиннаго ввоза товаровъ, въ которыхъ, за неимѣніемъ въ то время въ краѣ китайскихъ купцовъ, оно само нуждалось не менѣе, чѣмъ коренное населеніе края. Къ тому же допущеніе въ свои предѣлы русскихъ торговцевъ устраняло необходимость въ поѣздкахъ монголовъ въ пограничные русскіе города, чего какъ прежде боялись, такъ и теперь еще не перестали бояться китайцы и что, какъ мнѣ кажется, и послужило главной причиной сговорчивости послѣднихъ.

Но прошли года. Широкой волной хлынули въ новый край китайскіе поселенцы, а слѣдомъ за ними явились сюда и купцы. Китай наводнялъ своими отбросами Западный край, и мѣстные мандарины, видя себя опять подъ защитою заново отстроенныхъ стѣнъ и въ китайской средѣ, отчетливо поняли, что пора всякихъ страховъ наконецъ миновала и что поэтому наступила пора во вновь занятой ими области вести внутреннюю политику согласно принципамъ, выработаннымъ въ Китаѣ вѣками. Привиллегированное положеніе русскихъ торговцевъ, въ значительной степени подымающее престижъ Бѣлаго Царя въ глазахъ азіатовъ, являлось диссонансомъ въ этой политикѣ, и нынѣ синь-цзянская администрація употребляетъ не мало усилій къ тому, чтобы, если не парализовать окончательно, то ослабить въ возможно большей степени значеніе упомянутыхъ привиллегій. И это имъ, къ сожалѣнію, вполнѣ удается; такъ что нынѣ въ Джунгаріи наберется не мало русскихъ торговцевъ (прасоловъ изъ семирѣченскихъ и семипалатинскихъ татаръ и сартовъ), которые были вынуждены не только отказаться отъ привиллегіи торговать безпошлинно, но и временно принять китайское подданство.

О затрудненіяхъ, испытываемыхъ русской торговлей въ краѣ, я буду имѣть еще случай говорить ниже; здѣсь же упомяну объ одной мѣрѣ, не оставшейся безъ вліянія на положеніе русской торговли въ Внѣстѣнномъ Китаѣ.

Я говорю о ли-цзинѣ.

Провозъ мануфактурнаго товара отъ Ирбити до Хами, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, обходится въ 5 р. 40 к.—5 р. 50 к. за пудъ по слѣдующему расчету:

отъ Ирбити до Бійска	1 р. 80 к.
» Бійска до Онгудая (220 верстъ)	— » 30 »
» Онгудая до Кошъ-агача	— » 90 »
» Кошъ-агача до Кобдо	— » 90 »
» Кобдо до Хами	1 » 20 »
всего	5 р. 10 к.
накладные расходы отъ	— » 30 » до 40 к.
всего	5 р. 40 к.—5 р. 50 к.

До Урумчи черезъ Семипалатинскъ, Чугучакъ и Куръ-кара-усу стоимость провоза 1 пуда мануфактуры обходится едва-ли дешевле. Если же къ этимъ 5 р. 50 к. мы присоединимъ еще и стоимость провоза пуда сказаннаго товара отъ Москвы до Ирбити со всѣми относящимися сюда накладными расходами, то можно съ увѣренностью сказать, что, при крайней дешевизнѣ морскаго фрахта отъ Лондона до Шанхая и рѣчнаго отъ Шанхая до Хань-коу, доставка 1 пуда того же товара изъ Лондона до Хами черезъ Хань-коу, Си-ань-фу, Лянь-чжоу и Су-чжоу обойдется не на много дороже доставки его изъ Москвы черезъ Ирбить, а это, при значительной разницѣ цѣнъ между англійской и русской мануфактурой на мѣстѣ ея производства, грозило бы совершеннымъ вытѣсненіемъ послѣдней съ рынковъ пограничной намъ Китайской провинціи, если бы не «ли-цзинъ», т. е. пошлина, взимаемая на внутреннихъ заставахъ, значительно увеличивающая сумму накладныхъ расходовъ, выпадающихъ на долю англійскихъ товаровъ 1).

Съ прекращеніемъ въ прошломъ году взиманія ли-цзина въ Синь-цзянской провинціи 2), шансы на водвореніе сюда англійскихъ

---

1) «Ли-цзинъ» въ общей сложности значительно превышаетъ ввозную пошлину.

2) Вотъ подлинный текстъ указа о семъ губернатора Синь-цзянской провинціи:

«Прежде на произведенія всѣхъ мѣстностей Синь-цзянской провинціи, къ югу и сѣверу на товары, привозимые купцами изъ Внутренняго Китая, и на товары русскіе и англійскіе была установлена пошлина «ли-чжинъ-джу» и постановлены таможенные надзиратели. Я, Бу-юнъ, усмотрѣвъ, что собираемая пошлина не составляетъ значительной суммы, испросилъ соизволеніе Богдыхана на уничтоженіе въ настоящее время пошлины «ли-чжинъ-джу»; послѣ, когда населеніе соберется съ силами, можно было-бы ввести ее вновь, сообразуясь съ благосостояніемъ страны. Нынѣ я уничтожилъ эту пошлину и упразднилъ всѣхъ таможенныхъ надзирателей. Что же касается сбора со скота, то онъ попрежнему будетъ взыскиваться мѣстнымъ начальникомъ. Пошлину на опій я тоже назначилъ въ распоряженіе мѣстнаго начальника, который будетъ ее впередъ взыскивать, согласно даннымъ ему указаніямъ. Объявляю объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе; вы—купцы и населеніе—сообразуйтесь съ этимъ приказаніемъ. Если послѣ обнародованія настоящаго объявленія таможенные надзиратели и купцы, зазнавшись, самовольно дерзнутъ собирать пошлину скрытымъ образомъ, то я позволяю вамъ донести о нихъ мѣстному начальнику, который назначитъ имъ должное наказаніе безъ всякаго снисхожденія. Объявляя объ этомъ, приказываю, чтобы узнавшіе содержаніе этого объявленія сообщили оное незнающимъ и чтобы товаровъ, проводниками коихъ всюду въ Китаѣ являются сами китайцы, значительно увеличились. И дѣйствительно, по донесеніямъ нашихъ консуловъ въ Кульчжѣ и Чугучакѣ, они успѣли уже проникнуть въ эти города, съ успѣхомъ выдерживая здѣсь конкурренцію русскихъ товаровъ.

Послѣ этого необходимаго отступленія возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Гуртовщики встрѣтили насъ очень радушно. Они не замедлили принести намъ два ведра кумыса, и мы этотъ день, оставившій по себѣ столь грустныя воспоминанія, закончили въ интересной бесѣдѣ съ бывалыми въ Китаѣ людьми.

Между прочимъ они намъ сообщили, что верховья ручья Луцо-гу пользуются у охотниковъ хорошею славою, и мой братъ рѣшился на слѣдующій же день, пользуясь дневкой, попытать тамъ свое счастье. Но онъ вернулся ни съ чѣмъ, хотя не только видѣлъ медвѣжьи лежанки и во множествѣ маральи слѣды, но и стрѣлялъ по маралу. Къ сожалѣнію, раненаго звѣря ни онъ, ни его товарищи по охотѣ — казаки Колотовкинъ и Иванъ Комаровъ, настичь не могли: лѣсъ былъ густой, а собаки они съ собой почему-то не взяли.

расклеенные экземпляры объявленія никто не смѣлъ срывать. Объявлено въ 11 лунѣ 18 года правленія Гуянь-Сюя» (Извлечено изъ донесенія Императорскаго Россійскаго консула въ Кашгарѣ).

Изъ Застѣннаго Китая русскихъ товаровъ въ Восточный Туркестанъ, Монголію и Джунгарію не привозятъ; слѣдовательно, ни русскіе товары, ни русскіе торговцы отъ указанной мѣры Китайскаго правительства никакой прямой выгоды для себя не получаютъ, косвенно же мѣра эта какъ для нашей торговли, такъ и для товаровъ и торговцевъ является невыгодною.

Дѣйствительно, китайскіе подданные торговцы, привозящіе въ Восточный Туркестанъ изъ русскихъ владѣній русскіе товары, а также иностранные торговцы, кромѣ русскихъ (авганцы, кашмирцы, индійцы и др.), привозящіе индійскіе и другіе товары изъ Малаго Тибета, платили до сего времени значительную за эти товары таможенную пошлину и этою пошлиною уравнивались съ нашими торговцами, которые, хотя и торгуютъ безпошлинно, но въ русскихъ предѣлахъ за право торговли въ Монголіи и Синь-цзянской провинціи обязаны выбирать гильдейскія свидѣтельства. Нынѣ китайскіе подданные, а также и помянутые иностранные торговцы никакихъ таможенныхъ и торговыхъ пошлинъ китайской казнѣ платить не будутъ. Такимъ образомъ помянутая льгота не только переноситъ на торговцевъ китайскихъ и иностранныхъ всѣ торговыя выгоды, но и, косвенно, невыгодно вліяетъ на нашихъ торговцевъ. Китайскій подданный торговецъ (чань-тоу), привезя изъ русскихъ владѣній на родину, торговыя условія которой онъ, конечно, знаетъ лучше торговца русскаго и въ которой имѣетъ гораздо болѣе, чѣмъ этотъ послѣдній, связей и знакомствъ, можетъ продавать свои товары дешевле, чѣмъ нашъ торговецъ, потому что, какъ сказано выше, товаръ его не несетъ на себѣ пошлины ни въ пользу казны русской, ни китайской. Возраженіе, которое можетъ быть представлено противъ этого разсужденія, а именно, что для нашей торговли безразлично, русскій или китайскій подданный будетъ привозить въ Восточный Туркестанъ русскіе товары, лишь бы эти послѣдніе находили сбытъ, едва ли будетъ справедливымъ: въ политическомъ отношеніи наши торговцы вносятъ въ Внѣстѣнный Китай наше вліяніе, а въ торговомъ—поддерживаютъ связи съ центрами нашей промышленности; ни того, ни другаго китайскіе подданные дать намъ не могутъ (Петровскій, ib.). Съ этимъ мнѣніемъ нашего консула, конечно, нельзя не согласиться вполнѣ.

12 іюля мы покинули нашу прекрасную стоянку на берегу р. Луцо-гу и всю станцію шли горами. Съ первыхъ же шаговъ намъ пришлось взбираться на высокій отрогъ, служившій водораздѣломъ вышеупомянутому ручью Луцо-гу и Та-біанъ-гу—красивой рѣченкѣ, текущей карагачевымъ и тополевымъ лѣсомъ въ глубокой долинѣ. Подъемъ на противоположный склонъ этой долины былъ также въ высшей степени крутъ, но горы казались здѣсь уже не столь оголенными и красная глинистая ихъ почва красиво гармонировала съ свѣжей зеленью различныхъ кустарниковъ и травъ полынной формаціи.

Слѣдующая, параллельная предъидущимъ, лѣсная долина принадлежитъ рѣкѣ Сю-біанъ-гу. Пройдя внизъ по теченію этой послѣдней верстъ около двухъ, мы снова наткнулись на «кошъ» [1]) зайсанскихъ татаръ. Напившись здѣсь кумысу, мы поднялись на высоты ея праваго берега и верстъ около двадцати шли холмистою мѣстностью, встрѣчая на пути прелестныя луговины и горныя покатости, поросшія сочной травой. Остановились на берегу значительной рѣчки Шинъ-ча-хо, въ тополевомъ лѣсу, у устья того водостока, по которому спустились въ долину этой рѣки.

Шинъ-ча-хо, принявъ въ себя Та-біанъ-гу и Сю-біанъ-гу, впадаетъ справа въ Манасъ. Долина ея нѣкогда пользовалась извѣстностью, благодаря богатымъ золотымъ пріискамъ, находившимся на правомъ ея берегу; нынѣ же пріиски эти заброшены, мосты развалились и дороги, нѣкогда торныя, превратились въ узкія тропы.

На слѣдующій день мы продолжали свой путь. Сначала шли вверхъ по рѣкѣ Шинъ-ча-хо, затѣмъ оставили ее вправо и выбрались на крутой горный отрогъ, справа окаймляющій долину рѣки. Съ него мы спустились въ высшей степени оригинальную солончаковую котловину, окруженную высокими и крутыми обрывами цвѣтныхъ глинъ [2]). Миновавъ и ее, мы за ближайшимъ уваломъ увидали китайскій поселокъ Гоанга. Закупивъ здѣсь весь имѣвшійся въ наличности хлѣбъ (мянь-тоу), мы тронулись далѣе и, пройдя верстъ пять плантаціями мака и хлѣбными полями, очутились на краю глубочайшаго обрыва въ долину рѣки Санъ-до-хо или Да-шэ-хо, поросшую сплошнымъ лѣсомъ вѣковыхъ тополей, карагачей, березъ, ивъ и рябинъ съ подлѣскомъ изъ всевозможныхъ кустарниковъ. Рѣка Санъ-до-хо многоводнѣе Шинъ-ча-хо, но впадаетъ ли она, какъ послѣдняя, въ Манасскую рѣку или расходится по полямъ — осталось намъ неизвѣстнымъ. Послѣднее однако всего вѣроятнѣе, такъ какъ низовья этой рѣки, какъ намъ говорили, очень густо заселены, да и въ среднемъ ея теченіи отъ нея то и дѣло отходятъ арыки. Пройдя внизъ по рѣкѣ Санъ-до-хо около десяти верстъ, мы остановились на красивой лужайкѣ, въ тѣни высокихъ деревьевъ, среди которыхъ, разбившись на рукава, громыхала рѣка. Любоваться мѣстностью однако совсѣмъ не пришлось: налетѣвшія съ запада тучи разразились дождемъ, который вскорѣ и затянулъ бѣлесоватой пеленой всѣ окрестности.

---

[1]) «Кошъ»—войлочная палатка; но иногда такъ называется и становище, бивуакъ, независимо отъ того изъ какихъ временныхъ жилищъ онъ составленъ.

[2]) Глины, эти съ большимъ впрочемъ содержаніемъ песка. Размѣры котловины не велики: сажень сто—полтораста въ длину и гораздо менѣе въ ширину; тѣмъ труднѣе объяснить себѣ ея происхожденіе. Въ центрѣ котловинки мы нашли лужицу, окруженную вязкой глиной, густо унизанной кристалами соли.

Утро слѣдующаго дня наступило столь же дождливое. Подъ дождемъ стали и вьючиться. Къ этой непріятности вскорѣ присоединилась другая: проводникъ — калмыкъ отказался насъ дальше вести. «Торгоуту — охотнику нѣтъ мѣста среди поселеній китайцевъ», говорилъ онъ намъ между прочимъ: «тамъ я столь же чужой, какъ и вы, а потому и полезенъ вамъ быть едва-ли могу».

И такъ мы снова безъ проводника и на сей разъ ужь на долго.

Санъ-до-хо въ это время года оказалась непроходимою въ бродъ, а потому намъ пришлось вернуться къ мосту, остававшемуся у насъ въ двухъ верстахъ позади.

Долина ея живописна, но густой туманъ, заволакивавшій окрестности, значительно скрадывалъ ея прелесть; впрочемъ намъ было не до ландшафтовъ. Глинистая дорога вслѣдствіе проливного дождя совершенно размякла; къ тому же, пройдя мостъ, мы очутились среди китайскихъ пашенъ [1]), которыя мѣстами съуживали дорогу до такой степени, что мы то-и-дѣло сбивались съ нея на межникъ. Подобное блужданіе изъ стороны въ сторону и при этомъ нерѣдко по вязкой цѣлинѣ казалось намъ теперь тѣмъ болѣе утомительнымъ, что на сегодня все обѣщало намъ большой переходъ. Дѣйствительно, въ узкой долинѣ праваго берега рѣки Санъ-до-хо негдѣ было остановиться: вся она была перепахана или занята подъ постройки различнаго назначенія. На неоднократные наши вопросы, обращенные къ мѣстнымъ жителямъ по этому поводу, тѣ также видимо затруднялись отвѣтомъ и, пожимая плечами, посылали насъ дальше: «здѣсь же, сами видите, негдѣ остановиться!» И мы шли впередъ, шли часами, но картина мѣстности продолжала оставаться все той же. Наконецъ, пологій увалъ преградилъ намъ дорогу. Переваливъ черезъ него и при этомъ обогнувъ глубокую рытвину, мы вышли на каменистую степь. Здѣсь дорога развѣтвлялась: лѣвая вѣтвь шла внизъ по рѣкѣ, правая немного сворачивала къ востоку. Мы выбрали послѣдній путь, но вскорѣ раскаялись. Каменистая степь, довольно густо поросшая въ началѣ растеніями полынной формаціи, мало по малу пріобрѣтала все болѣе и болѣе пустынный характеръ. Жилья не предвидѣлось, а между тѣмъ становилось ужъ поздно: востокъ замѣтно темнѣлъ. До заката не долго... а впереди все еще ничего... Мы колебались: не повернуть-ли назадъ? вода есть, лошадей можно стреножить...

---

[1]) На лѣвомъ берегу Санъ-до-хо мы встрѣчали преимущественно плантаціи мака; здѣсь же произрастали: горохъ, ленъ (высѣвается ради сѣмянъ), кукуруза, пшеница и просо.

— Да ѣсть-то что будутъ?...

— Да и тутъ многимъ не поживишься...

Но на наше счастье на темномъ фонѣ ночи вдругъ отчетливо обрисовались темныя массы какихъ-то построекъ. Мы входили въ селеніе Ту-ху-лу.

Едва мы, поужинавъ, улеглись въ наскоро постланныя постели, какъ на порогѣ юрты появился дежурный казакъ, съ тревогой въ голосѣ заявившій: «у насъ несчастье—не досчитываемся трехъ лошадей...»

Сна, конечно, какъ не бывало. Накинувъ на себя, что подвернулось, мы тотчасъ же выскочили на улицу, гдѣ нашли въ сборѣ всѣхъ нашихъ людей. Двое изъ нихъ садились ужъ на коней съ намѣреніемъ объѣхать окрестность. Мы выслали еще трехъ, но, конечно, искавшіе вернулись ни съ чѣмъ...

— Экая темень! ворамъ самое сподручное время...

Это восклицаніе дало толчекъ нашимъ мыслямъ. Намъ какъ-то сразу стало всѣмъ ясно, что виновниками переполоха могли быть только китайцы ближайшихъ фанзъ—народъ грубый, вороватый и пользующійся вообще столь же дурной репутаціей, какъ и все прочее населеніе китайскихъ деревень по Бэй-лу. Но на этотъ разъ подозрѣнія наши не оправдались: двѣ изъ пропавшихъ у насъ лошадей на слѣдующее же утро были отысканы въ долинѣ р. Санъ-до-хо, гдѣ онѣ мирно паслись, разгуливая по хлѣбнымъ полямъ; что же касается третьей, то она такъ и не отыскалась. Очевидно однако, что если намъ и приходилось теперь винить кого-либо въ этой утратѣ, то только самихъ себя за свое непозволительное довѣріе къ лошади: «свыклись... теперь не отобьются отъ табуна!» говорилось часто у насъ, а на повѣрку и вышло иначе...

20 іюля мы продолжали двигаться по направленію къ Урумчи Это была утомительная дорога. Николай увѣрилъ насъ въ томъ, что изъ распросовъ онъ ознакомился настолько съ предстоящимъ путемъ, что уже не боится сбиться съ него. Но, какъ и слѣдовало ожидать, на первомъ же перекресткѣ онъ ошибся во взятомъ имъ направленіи. Къ счастью попались китайцы, которые тотчасъ-же указали намъ нашу ошибку. Мы свернули на цѣлину и, согласно ихъ указанію, вскорѣ дѣйствительно вышли на арбяную дорогу, которая и довела насъ до ручья Тугурикъ, по китайски—Тухулу, въ рамкахъ долины котораго мы имѣли случай еще разъ полюбоваться громадой снѣговыхъ горъ, примыкающихъ съ востока къ описанной выше горной группѣ Досъ-Мёгенъ.

У рѣчки Тухулу мы вышли на еще болѣе торный путь, сворачивавшій въ ущелье. Пройдя имъ нѣсколько сотъ саженей, мы вышли на новое перепутье. Направившись по той изъ дорогъ, которая шла вдоль линіи окрайнихъ холмовъ, мы мало по малу втянулись въ эти послѣдніе. Становилось очевиднымъ, что мы снова шли не туда. Николай рысью взъѣхалъ на одинъ изъ пригорковъ и вскорѣ сталъ усиленно махать оттуда руками. Свернули къ нему и очутились на какой-то еле намѣчавшейся тропкѣ, которая то и дѣло сбивалась на нѣтъ. Бѣдный Николай чесалъ затылокъ [1]), но упрямо ѣхалъ впередъ, совершенно правильно расчитавъ, что гдѣ-нибудь, а должны же мы, наконецъ, выбраться къ рѣкѣ Хотуби!

Мы ѣхали безотрадною мѣстностью. Всхолмленная, оголенная и усыпанная черною галькою (глинистый сланецъ и филлитъ) глинисто-песчаная почва, поросшая рѣдкими кустиками полыни, Eurotia ceratoides и нѣкоторыми солянками, неглубокія, но широкія и крутоярыя рытвины, глинистыя площади—днища высохшихъ лужъ, теперь растрескавшіяся на неправильные многоугольники, изрѣдка рыхлые солонцы и всюду сѣровато-бѣлые выцвѣты соли—вотъ какія неприглядныя картины, одна за другой, смѣнялись непрерывно предъ нами. И при этомъ зной нестерпимый, лучи солнца, прожигавшіе тѣло вплоть до костей...

Но за всѣмъ тѣмъ мѣстность эта далеко не казалась безжизненной. Хуланы ¹) и антилопы кара-куйрюки ходили тутъ многочисленными стадами, ящерицы (двухъ родовъ: Phrynocephalus и Eremias) шныряли поминутно, степныя куропатки (Pterocles arenarius) то и дѣло срывались изъ-подъ ногъ и стрѣлой уносились на сѣверъ, а жаворонокъ заливался надъ головой, точно радуясь случаю выкупаться въ золотыхъ лучахъ палящаго солнца; даже въ бабочкахъ весной здѣсь не могло быть недостатка, теперь же, конечно, намъ оставалось собирать только едва опредѣлимые остатки различныхъ представителей рода Satyrus...

---

[1]) Николай заимствовалъ этотъ обычай у русскихъ, среди коихъ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ; онъ даже женатъ былъ на русской бабѣ; монголы же подобнаго обыкновенія не имѣютъ.

Пройдя вышеописанной мѣстностью верстъ около тридцати, мы совершенно неожиданно для себя вышли снова на степь, по которой въ сѣверномъ направленіи проходила большая арбяная дорога. Идя по ней, мы вскорѣ увидали массу зелени впереди. Встрѣтившіеся намъ тутъ китайцы объявили, что это и было селеніе Хотуби (Хотукъ-бай или бій).

Хотуби, какъ кажется, впервые упоминается въ описаніи путешествія армянскаго царя Гайтона (1254 г.), которое переиначиваетъ названіе этого древняго поселенія въ Хутайай (Khutaiyai) ²). Затѣмъ оно же встрѣчается на картѣ сѣверо-западныхъ и западныхъ владѣній монголовъ, изданной въ 1331 году (Гутаба, Gu-t'a-ba) ³). Но ни монахъ Чанъ-Чунь, ни другіе китайскіе источники о немъ не уцоминаютъ, изъ чего, какъ мнѣ кажется, слѣдуетъ заключить, что Хотуби никогда не игралъ видной роли въ исторіи этого края.

Арбяная дорога довела насъ до высокаго яра, омываемаго рѣкой Хотубіемъ, но тутъ, въ поискахъ болѣе удобнаго спуска, свернула на сѣверо-западъ и, вытянувшись вдоль берега, терялась въ безконечной дали. Намъ не хотѣлось дѣлать столь значительнаго обхода и мы спустились на широкій плесъ Хотубія по пѣшеходной тропѣ.

Верховья рѣки Хотуби намъ неизвѣстны. На основаніи однако распросныхъ данныхъ полковникъ Галкинъ описываетъ ихъ намъ въ такихъ выраженіяхъ ⁴).

---

¹) Пржевальскій («Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки», стр. 39) пишетъ, что въ Джунгаріи водятся два вида дикихъ ословъ—Asinus hemionus и Asinus onager. Привезенныя нами шкуры принадлежатъ первому виду; но, кажется, здѣсь намъ попадались As. onager.

²) Бретшнейдеръ—«Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources», II, стр. 32.

³) Карта эта приложена къ упомянутому выше труду доктора Бретшнейдера и къ IV тому трудовъ членовъ русской духовной миссіи въ Пекинѣ.

⁴) «Очеркъ состоянія вооруженныхъ силъ Китая въ сопредѣльныхъ съ Россіею областяхъ Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана». Стр. 54—55.

Отъ грандіозной горной цѣпи, извѣстной у торгоутовъ подъ именемъ Богдо, отдѣляются по всѣмъ направленіямъ высокіе хребты, переходящіе на большомъ протяженіи своими вершинами за линію вѣчнаго снѣга. Наибольшее поднятіе обнаруживается между урочищемъ Хотуби (Хутукъ-би), лежащемъ въ верховьяхъ рѣки съ тѣмъ же именемъ и урочищемъ Кара-узень, изъ котораго вытекаетъ рѣка Убрюгюнъ-голъ, принадлежащая бассейну Алгоя. Въ урочищѣ Хотуби горы понижаются, рѣзкіе контуры нѣсколько сглаживаются, долины расширяются и обращаются въ роскошные альпійскіе луга, которые привлекаютъ въ лѣтніе мѣсяцы значительное число торгоутовъ съ ихъ многочисленными стадами.

Что въ верховьяхъ Хотуби высятся грандіозные пики, это мы видѣли даже отсюда; но ближайшимъ образомъ опредѣлить ихъ высоту, хотя бы по отношенію къ окрестнымъ горамъ, намъ вовсе не удалось, такъ какъ только что нами пройденная холмистая мѣстность заслоняла собой Богдосскій массивъ.

Рѣка Хотуби при быстромъ теченіи несла здѣсь столько воды, что, разбившись даже на 8 — 10 протоковъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ все еще имѣла глубину свыше аршина; впрочемъ, благодаря плоскимъ берегамъ этихъ протоковъ и твердому и ровному грунту ихъ дна, переправа черезъ рѣку не представила здѣсь никакихъ затрудненій.

Пройдя рѣку и не заходя въ селеніе, оставшееся у насъ въ двухъ верстахъ ниже, мы расположились на одномъ изъ арыковъ, выведенномъ изъ Хотуби, подъ сѣнью двухъ старыхъ ивъ.

На слѣдующій день мы наконецъ выбрались на Бэй-лу.

Бэй-лу еще и въ 1889 году продолжала хранить слѣды долголѣтняго запустѣнія, на которое обрекло ее возстаніе притяньшаньскихъ дунганъ: камыши разрослись тамъ, гдѣ прежде были арыки, отъ когда-то хорошо выстроенныхъ мостовъ теперь оставались одни только козлы или, въ лучшемъ случаѣ, полотно безъ перилъ и съ ямой посрединѣ, отъ многочисленныхъ караулокъ—развалины или груды безформенной глины. Полотно грунтовой дороги, когда-то приподнятое въ топкихъ и низкихъ мѣстахъ, теперь расползлось, и глубокія выбитыя въ немъ колеи въ связи съ многочисленными объѣздами по камышамъ и топкимъ солончакамъ ясно свидѣтельствовали, съ какими трудностями приходится здѣсь нынѣ бороться китайской арбѣ [1]) Но для нашего каравана, конечно, подобныхъ трудностей вовсе не существовало и мы съ удовольствіемъ привѣтствовали эту дорогу, какъ временной роздыхъ отъ утомительныхъ блужданій на авось по каменистой пустынѣ.

---

[1]) И въ 1890 г. состояніе этой дороги не измѣнилось къ лучшему. Впрочемъ, въ этомъ году китайская администрація кое-гдѣ уже приступила къ ремонту Бэй-лу; такъ, напримѣръ

Миновавъ небольшое селеньице, расположенное у заброшеннаго импаня Ю-фу-го и населенное, какъ кажется, только дунганами, мы вышли на хрящеватое плоскогорье [1]), скудно поросшее тамарискомъ и служащее водораздѣломъ двухъ параллельныхъ бассейновъ—Хотуби и Са-ту-хо, или Локлона [2]). Спускаясь съ него (уклонъ здѣсь до того слабъ, что еле замѣтенъ), мы увидѣли впереди массивныя стѣны, вскорѣ оказавшіяся развалинами какого-то древняго «калмыцкаго» города, почему-то извѣстнаго у китайцевъ подъ именемъ «Янъ-чандза».

Развалины ли это джунгарскаго городка или, быть можетъ, еще болѣе древняго—уйгурскаго, къ сожалѣнію, осталось не выясненнымъ. Китайцы отговаривались незнаніемъ, мѣстные же чань-тоу [3]), незнакомые съ наименованіями «уйгуръ» и «джунгаръ» и постоянно смѣшивающіе между собой эти народности, не могли дать намъ ближайшаго указанія.

Слѣдующія соображенія заставляютъ однако предполагать въ этихъ стѣнахъ развалины уйгурскаго городка.

На картѣ шведа Рената не обозначено ни одного городка, построеннаго джунгарами [4]). Изъ дошедшихъ до насъ источниковъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи джунгарскаго народа, также не усматривается ни одного указанія на строительную дѣятельность джунгаровъ. Съ другой же стороны извѣстно, что уйгуры, утвердившіеся сначала въ Турфанѣ и Баркульской долинѣ и распространившіе оттуда власть свою и на остальную Джунгарію, хотя и продолжали вести въ этой послѣдней полукочевой образъ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ строили и города; точнѣе, ихъ правители возводили себѣ здѣсь резиденціи, которыя, какъ таковыя, хотя и отличались небольшими размѣрами, но были всегда окружены

на востокъ отъ Фукана. Въ этомъ же году, какъ сообщалось нами и выше, были произведены капитальныя работы по проложенію колесной дороги черезъ ур. Ачалъ (см. глава 2, стр. 29). Надо думать поэтому, что не далеко уже то время, когда и весь Сѣверный, такъ называемый Императорскій путь будетъ вновь приведенъ въ надлежащій порядокъ.

[1]) Точнѣе было бы выразиться: плоскій увалъ, поверхность коего либо покрыта дресвой, либо представляетъ обнаженія коренной породы.

[2]) Названія этой рѣки приводятся согласно съ указаніемъ полковника Галкина; лично же намъ не удалось ихъ провѣрить.

[3]) Подъ этимъ названіемъ у китайцевъ извѣстны тюрки Восточнаго Туркестана.

[4]) Приложена къ XI тому Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

массивными стѣнами. Это были скорѣе импани, чѣмъ города, и въ этомъ, безъ сомнѣнія, сказалось вліяніе на уйгуровъ сосѣднихъ китайцевъ; отъ древнихъ же жителей Турфана уйгуры, какъ кажется, заимствовали любовь къ сводчатымъ сооруженіямъ [1]). Впрочемъ, встрѣченныя нами здѣсь развалины оригинальностью своей архитектуры не отличались.

«Проѣхавъ Лунъ-тай [2]) и еще два городка, сообщаетъ намъ даосскій монахъ Чанъ-Чунь [3]), 9-ой луны 9-го числа мы достигли города Чанъ-бала (Чжанъ-бали) [4]), принадлежащаго хой-хэ [5]). Владѣтель здѣшній Уй-вуръ, въ сопровожденіи своихъ родичей, вышелъ къ намъ на встрѣчу». Армянскій царь Гайтонъ, на своемъ пути отъ Каракорума въ Западную Азію (1254 г.), прошелъ также черезъ городокъ Джамбалекъ, расположенный на западъ отъ Бишбалыка [6]). Не о современныхъ-ли развалинахъ Янъ-чандза здѣсь идетъ рѣчь?

Внутри стѣнъ Янъ-чандза не сохранилось уже никакихъ слѣдовъ прежнихъ построекъ. На ихъ мѣстѣ по безформеннымъ кучамъ глины нынѣ разросся бурьянъ, да стоитъ одинокая фанза, хозяинъ которой, пользуясь водой тутъ-же пробѣгающаго арыка, развелъ бахчи арбузовъ и дынь.

Миновавъ эти развалины и пройдя съ десятокъ арыковъ, выведенныхъ изъ рѣки Сату-хо, мы остановились на небольшой полянкѣ, среди обширныхъ зарослей карагача, которыя, какъ кажется, почти непрерывной и широкой полосой тянутся сюда изъ-подъ Фукана.

---

[1]) Объ уйгурскихъ постройкахъ будетъ сказано ниже подробнѣе.

[2]) Городъ Лунъ-тай находился въ четырехъ дняхъ пути или въ 300 ли къ западу отъ Бѣ-сы-ма, т. е. Бишбалыка.

[3]) «Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 302.

[4]) Иными словами городъ Чанъ-бала долженъ былъ находиться въ четырехъ дняхъ пути къ западу отъ Лунъ-тая и въ восьми отъ «Бѣ-сы-ма», т. е. Бишбалыка. Въ древности существовала прямая дорога, отвѣтвлявшаяся отъ современной Бэй-лу восточнѣе Фукана и выходившая на нее снова гдѣ-то между Санджи и Хотубіемъ, можетъ быть, именно у современныхъ развалинъ Янъ-чандза. По этому пути, которымъ и нынѣ еще изрѣдка пользуются (преимущественно зимой, когда топкія мѣста замерзаютъ), отъ Лунъ-тая (развалины Ло-тай, въ 7 верстахъ къ западу отъ Санъ-тэя?), дѣйствительно, не болѣе четырехъ переходовъ до Янъ-чандза. О развалинахъ Ло-тай и Бишбалыкѣ см. ниже.

[5]) Комментаторъ Чанъ-Чуня, архимандритъ Палладій, говоритъ, что такъ называлъ этотъ даосскій монахъ безразлично какъ туркестанцевъ, такъ и уйгуровъ, что не совсѣмъ ясно; другой его комментаторъ, Бретшнейдеръ («Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources», I, стр. 28 примѣч. 49, и 63, примѣч. 149) пишетъ, что подъ этимъ именемъ слѣдуетъ понимать всѣхъ вообще мусульманъ, хотя первоначально китайцы называли такъ только уйгуровъ.

[6]) Бишбалыкъ принято, какъ мы ниже увидимъ, отождествлять съ современнымъ Урумчи. Читатель далѣе увидитъ, что подобный взглядъ не совсѣмъ точенъ.

24 іюля—день нашего прибытія въ Урумчи.

Отъ мѣста нашей стоянки на одномъ изъ протоковъ рѣки Сату-хо до резиденціи синь-цзянскаго губернатора считается около сорока пяти верстъ. Въ предположеніи добраться туда засвѣтло, мы поднялись вскорѣ послѣ полуночи, вьючили лошадей въ сумеркахъ и къ разсвѣту были готовы.

Нѣсколько верстъ мы шли лѣсомъ, по дорогѣ, обсаженной вѣковыми карагачами; когда же, наконецъ, выбрались на плесъ р. Сату-хо, то были поражены единственнымъ въ мірѣ зрѣлищемъ: мы увидали Богдо!

Нѣчто подобное довелось мнѣ видѣть на Памирѣ изъ долины Рянгъ-куля. Громады Мусъ-тагъ-ата и Чаркумъ, отчетливо обрисовавшись на темносинемъ безоблачномъ небѣ, подымались изъ-за невысокой окрайней гряды куполами сплошного снѣга въ необъятную высь. Но тамъ суровая природа окружающей мѣстности, главное же—отсутствіе далекой перспективы придавали особый отпечатокъ этой величественной картинѣ...

Богдо-Ола предстала предъ нами въ совершенно иной обстановкѣ. На первомъ планѣ темная масса карагачеваго лѣса; за нимъ фіолетовая дымка тумана, въ которомъ сгладились и потонули очертанія далекихъ горъ, и, наконецъ, надо всѣмъ этимъ колоссальный Богдо, который отсюда, сливъ свои три вершины, кажется громадной трапеціей—престоломъ, прикрытымъ серебристымъ снѣжнымъ покровомъ... [1]).

Плесъ рѣки Сату-хо довольно широкъ и покрытъ сѣткой небольшихъ протоковъ, текущихъ въ плоскихъ берегахъ, сложенныхъ изъ мелкой гальки, гравія и песка сѣраго цвѣта; только въ рѣдкихъ случаяхъ протоки собираются вмѣстѣ и, сдѣлавъ излучину, подмываютъ какой-либо изъ береговъ, поросшихъ здѣсь лознякомъ, облѣпихой (Hippophaë rhamnoides) и другими кустарниками.

За рѣкой Сату-хо мы снова шли мѣстностью богато орошенной какъ рукавами этой рѣки, такъ и многочисленными мелкими арыками, выведенными изъ нихъ. Обиліе лѣса, причудливая игра свѣта и тѣни, развалины пикетовъ и фанзъ, живописно когда-то ютившихся подъ сѣнью старыхъ карагачей,—все это выглядѣло настолько красиво, что мы не замѣтили, какъ прошли слѣдующія три версты, отдѣляющія Сату-хо отъ города Санджи.

---

[1]) Такимъ представляется онъ и изъ многихъ другихъ мѣстъ на Бэй-лу, что и подало, какъ кажется, поводъ считать его за потухшій вулканъ. Между тѣмъ, по моимъ изслѣдованіямъ оказалось, что въ сложеніи его принимаютъ участіе исключительно породы метаморфическія, преимущественно же кремнистый сланецъ съ выдѣленіями роговика и кварцита.

Городъ Санджи невеликъ и окруженъ стѣнами, которыя мѣстами уже значительно обвалились; но предмѣстье его довольно обширно, имѣетъ восемь постоялыхъ дворовъ (таней) и торговые ряды изъ нѣсколькихъ десятковъ лавченокъ и лавокъ. Къ этому предмѣстью, не представляющему въ остальномъ ничего замѣчательнаго и населенному, какъ и городъ, преимущественно китайцами, примыкаютъ развалины, занимающія вдоль дороги большое пространство. Развалины эти обязаны своимъ происхожденіемъ событіямъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и теперь, какъ кажется, уже мѣстами возстановляются; по крайней мѣрѣ мы встрѣтили здѣсь два-три семейства чань-тоу, приспособившихъ для жилья нѣсколько наименѣе потерпѣвшихъ мазанокъ.

За городомъ Санджи рощицы карагача попадаются рѣже, а восемь верстъ дальше и совсѣмъ пропадаютъ; вообще дорога хотя и продолжаетъ идти еще культурнымъ райономъ, но окружающая мѣстность пріобрѣтаетъ уже все болѣе и болѣе пустынный характеръ. За глубокимъ яромъ рѣки Катунъ-хо [1]), пересѣкающимъ дорогу на седьмой верстѣ отъ Санджи, пашни изчезаютъ и только еще изрѣдка попадающіеся здѣсь арыки напоминаютъ путнику, что онъ идетъ по странѣ, когда-то бывшей болѣе населенной; теперь же это глинисто-песчаная, почти лишенная растительности пустыня, по которой бродятъ небольшія стада кара-куйрюковъ.

На правомъ очень высокомъ берегу рѣки Катунъ-хо расположился таранчинскій поселокъ Тау, а верстъ 14 дальше китайскій постъ (импань) Да-ди-во-пу и при немъ постоялый дворъ (тань), харчевня и лавка; не доходя послѣдняго, вправо отъ дороги, виднѣются развалины другого селенія; наконецъ, между упомянутыми селеніями, на пятой верстѣ отъ р. Катунъ-хо, стоитъ заброшенный нынѣ сторожевой пикетъ; но это и все, что можно отмѣтить на этомъ пути.

Въ Да-ди-во-пу мы встрѣтили сборище: китайскія арбы, множество лошадей и людей. Это былъ китайскій эскортъ, версты на четыре отставшій отъ мандарина, который въ сопровожденіи только трехъ офицеровъ уѣхалъ впередъ. Появленіе наше не произвело на солдатъ особаго впечатлѣнія, хотя и не прошло незамѣченнымъ, что мы заключили изъ неоднократно долетавшихъ до насъ словъ: «русскіе съ рѣки Или-хо!».

---

[1]) У Галкина рѣка эта носитъ названіе Тоу-ту-хо.

За Да-ди-во-пу мѣстность продолжала хранить все тотъ-же характеръ глинисто-песчаной степи; но послѣдняя не убѣгала уже за края горизонта, а постепенно вдвигалась въ рамки, которыми служили на западѣ скалистыя гряды горъ, а на востокѣ зеленая полоса лѣса, намѣчавшая теченіе Урумчиской рѣки Уланъ-бэ или Архоту. На 36 верстѣ отъ города Санджи упомянутая гряда очень близко подступаетъ къ дорогѣ, образуя здѣсь скалистыя стѣны ущелья р. Уланъ-бэ. Стѣны эти, прикрытыя коркой изъ спекшейся глины, казались совершенно безплодными, если не считать тощихъ кустиковъ золотарника (Caragana sp.) и полыни, ютящихся кое-гдѣ по рытвинамъ и въ тѣнистыхъ мѣстахъ. Такое безплодіе въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ довольно крупной рѣкой, сопровождаемой къ тому же густыми и сплошными древесными насажденіями (тополь, талъ и карагачъ), можно встрѣтить только во Внутренней Азіи, этой классической странѣ всякихъ контрастовъ. Здѣсь, впрочемъ, контрастъ этотъ обусловливался глинистой почвой окраинъ долины и значительнымъ паденіемъ ея склоновъ, способствующихъ быстрому скатыванію дождевыхъ водъ.

Между тѣмъ близость крупнаго центра осѣдлости становилась уже ясно замѣтной: пашни стали сплошными, пѣшіе, конные, арбы и ишакчи попадались ежеминутно. Встрѣчные, на обращенные къ нимъ вопросы: «далеко-ли до Урумчи?» уже не отвѣчали опредѣленіемъ того или иного количества «ли» или «іоловъ» [1]), а только махали головой и отдѣлывались короткимъ: «близко!» Дѣйствительно, вскорѣ появились глиняныя мазанки, затѣмъ болѣе крупныя постройки, образовавшія улицу, и наконецъ мы увидали передъ собой пригорокъ съ красной кумирней (хунъ-мяо) на немъ. Послѣдній скрывалъ за собой Урумчи.

Передъ большимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ рѣку [2]), насъ встрѣтилъ аксакалъ [3]) и представители русскаго купечества въ

---

[1]) «Іолъ»—туркестанская мѣра длины, приблизительно соотвѣтствующая китайской «ли»; впрочемъ, не вездѣ: такъ въ Турфанѣ она равняется только трети версты.

[2]) Мостъ этотъ выстроенъ на быкахъ и имѣетъ пять пролетовъ, по четыре сажени каждый. Ширина его совершенно достаточна для разъѣзда двухъ китайскихъ арбъ. Перила высоки и солидны.

[3]) Т. е. купеческій старшина, утверждаемый въ этой должности Чугучакскимъ консуломъ. Правительственное жалованье его равняется 300 рублямъ; но доходы его, конечно, этимъ не ограничиваются, такъ какъ онъ получаетъ не мало доброхотныхъ даяній отъ мѣстныхъ купцовъ.

Урумчи 1), которые и проводили насъ до луговины на лѣвомъ берегу Уланъ-бэ—единственнаго мѣста въ окрестностяхъ города, гдѣ мы могли, не стѣсняясь пространствомъ, раскинуть свой бивуакъ. При этомъ намъ еще разъ пришлось перейти черезъ рѣку, но уже въ бродъ. Въ Уланъ-бэ оказалось воды не болѣе, какъ на аршинъ; зато она разливалась здѣсь на нѣсколько рукавовъ.

---

1) Преимущественно зайсанскіе и сергіопольскіе татары и сарты. Изъ русскихъ мы застали въ Урумчи только фотографа и часовыхъ дѣлъ мастера. Оба покинули городъ въ томъ же году за неимѣніемъ достаточно обезпечивающей работы.

ГЛАВА VI.

Урумчи.

Обѣ древнѣйшія азіатскія культуры, китайская и иранская, давно уже стали клониться къ упадку. Этимъ народамъ-старцамъ въ настоящее время уже не подъ силу выдѣлить изъ среды своей что-нибудь геніальное или создать грандіозное. Роль ихъ сыграна безвозвратно: старый строй жизни не поддается уже измѣненіямъ и, какъ высохшій организмъ, онъ легче сломается, чѣмъ изогнется въ желаемомъ направленіи. Но страны, служившія нѣкогда колыбелью этимъ культурамъ, и до сихъ поръ еще хранятъ столько памятниковъ былого, что уже по этимъ реликвіямъ легко было бы составить себѣ понятіе о каждой изъ нихъ. Вся Передняя Азія наполнена развалинами, отмѣченными геніемъ строившихъ ихъ народовъ, и такая же масса развалинъ, хотя и позднѣйшаго происхожденія, переполняетъ Китай на востокъ отъ устья Вэй-хо. А въ промежуткѣ на тысячи верстъ нѣтъ ничего, что можно было бы поставить на ряду съ этими величавыми памятниками сѣдой старины. Здѣсь, въ буквальномъ значеніи этого слова, распростерлась пустыня, но не столько въ смыслѣ безплодныхъ пространствъ, уже самою природой предназначенныхъ какъ бы на жизнь некультурному человѣку, сколько по полному отсутствію въ нихъ именно такихъ слѣдовъ былой творческой жизни народовъ.

Правда, сюда, на востокъ отъ Памира, нѣкогда проникали иранцы; были времена, когда сюда же добирались съ востока китайцы, но, здѣсь осѣдая, ни тѣ, ни другіе ничего прочнаго, ничего могущественнаго образовать не могли.

Участь такихъ колонистовъ всегда была очень печальна, а исторія мелкихъ общинъ или даже государствъ, задолго до нашей эры уже организовавшихся на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня и вдоль Куень-Люня, полна безконечныхъ войнъ и варварскихъ опустошеній. Можетъ быть, незадолго до Р. Хр., Восточный Туркестанъ и былъ блестящимъ собраніемъ городовъ, въ миніатюрѣ—древняя Бактрія, можетъ быть, онъ полонъ былъ самыхъ замѣчательныхъ сооруженій, но, увы! отъ этихъ временъ уже ничего не осталось... Все погибло, все снесено было съ лица земли тѣми лавинами дикихъ номадовъ, которые, со временъ хунновъ, то и дѣло наводняли эту страну.

Но если такъ мало сохранилъ намъ Восточный Туркестанъ, то еще меньшаго должны ожидать мы въ Джунгаріи, въ этой классической странѣ самыхъ непредвидѣнныхъ нашествій и непрестанной борьбы различныхъ племенъ и народовъ. И, дѣйствительно, во всей Джунгаріи не найдется теперь ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго памятника древняго зодчества, ни одного пункта, съ которымъ связывались бы легенды народа.

Значитъ ли это, что сооруженій, оригинальныхъ по замыслу и грандіозныхъ по выполненію, здѣсь вовсе не существовало или что въ свое время они были настолько разрушены, что отъ нихъ ужь и слѣда не осталось?

Первое всего вѣроятнѣе.

Хотя за два столѣтія до Р. Хр. мы застаемъ уже въ Южной Джунгаріи нѣсколько владѣній, то жившихъ самостоятельной жизнью, то попадавшихъ въ зависимость къ воинственнымъ чешысцамъ [1]); хотя и это крошечное владѣніе, въ свою очередь, просуществовало здѣсь вплоть до VII столѣтія нашей эры, ведя въ теченіе восьмисотъ лѣтъ до смѣшного неравную борьбу съ могущественнымъ въ то время Китаемъ и безчисленными ордами кочевниковъ; хотя послѣ этого мы застаемъ уже здѣсь военныя поселенія китайцевъ, уничтоженныя, впрочемъ, очень скоро дулгасцами [2]), и хотя съ паденіемъ могущества дулгаскаго дома Южная Джунгарія вошла въ составъ вновь народившейся Уйгурской державы, окончательно павшей только подъ ударами Джагатаидовъ; однако, за весь этотъ долгій періодъ исторіи Южной Джунгаріи нѣтъ въ ней такихъ моментовъ, которые характеризовались бы особымъ подъемомъ творческихъ силъ хотя бы одного изъ обитавшихъ въ ней народовъ.

---

[1]) О чешысцахъ я буду имѣть случай говорить ниже.

[2]) По Іакинфу—монгольское племя; западные же оріенталисты съ Klaproth'омъ во главѣ считаютъ ихъ тюрками.

Правда, гдѣ-то въ восточной половинѣ Южной Джунгаріи находилась вторая столица Уйгуріи, о которой съ восторгомъ вспоминаетъ Ванъ-янъ-дэ, можетъ быть, тождественная съ знаменитымъ «Кушаномъ» магометанскихъ писателей, но въ настоящее время нѣтъ уже никакой возможности указать хотя бы только приблизительно точно на былое мѣстонахожденіе этого города.

Впрочемъ, были сдѣланы попытки пріурочить Бишбалыкъ къ современному Урумчи, но только такой увлекающійся географъ, какъ Риттеръ, могъ серьезно отнестись къ подобнымъ попыткамъ. Въ самомъ дѣлѣ въ распоряженіи оріенталистовъ Klaproth'а и Ab. Remusat были только два указанія, которыя хотя нѣсколько проливали свѣтъ на мѣстоположеніе этого загадочнаго центра, одно время служившаго средоточіемъ трехъ міровыхъ вѣроученій: христіанскаго ¹), буддійскаго и магометанскаго. Это—маршрутъ хана Гулагу и описаніе китайскаго чиновника Ванъ-янъ-дэ. Но на какіе смѣлые комментаріи къ этимъ указаніямъ рѣшились вышеупомянутые оріенталисты!

Какой-то офицеръ изъ отряда хана Гулагу пишетъ ²), что на югъ отъ р. Урунгу въ пятистахъ ли ³) разстоянія находится Бишбалыкъ, т. е. Пятиградіе. Это краткое извѣстіе пылкіе оріенталисты дополняютъ слѣдующими соображеніями: р. Урунгу впадаетъ въ озеро Кизыль-башъ (современное Улюнгуръ) подъ 46°35′ с. ш. ⁴); предполагая, что монгольское войско перешло эту рѣку подъ 45°30′ с. ш. ⁵), можно опредѣлить и положеніе Бишбалыка, который, стало быть, будетъ лежать на 500 ли или два градуса южнѣе; «а такое положеніе и совпадаетъ вполнѣ съ положеніемъ Урумчи или нынѣшняго Ди-хуа-чжоу, лежащаго подъ 43°60′ с. ш. и 87°1′ в. д. отъ Парижа» (sic!). Эта аргументація до такой степени мало-научна и произвольна, что не заслуживаетъ опроверженій; что же касается до описанія Ванъ-янъ-дэ, то оно совершенно категорично отвергаетъ всякую возможность пріурочивать «Сѣверную столицу»—

---

¹) Несторіанская секта, распространившаяся изъ Персіи на земли обоихъ Туркестановъ и сѣвернаго Китая.

²) Ср. Риттеръ «Землевѣдѣніе Азіи» т. II, стр. 74—75.

³) Древняя Китайская «ли» была больше нынѣшней.

⁴) Всѣ данныя, относящіяся къ теченію р. Урунгу, у Риттера не вѣрны; въ данномъ случаѣ ошибка простирается почти на цѣлый градусъ.

⁵) Оно уже потому не могло перейти Урунгу на этой широтѣ, что послѣдняя бѣжитъ сѣвернѣе, только одной своей излучиной касаясь 46 параллели.

Бэй-тинъ или Бишбалыкъ [1] къ Урумчи [2]. Здѣсь не мѣсто вступать въ разборъ этого интереснаго документа [3], а потому я ограничусь только однимъ замѣчаніемъ: выѣхавъ изъ Турфана въ Бэй-тинъ, Ванъ-янъ-дэ проѣзжалъ поперекъ хребта, покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ, а такихъ горъ между Урумчи и Турфаномъ, какъ извѣстно теперь, вовсе не существуетъ.

Какъ бы то ни было, но отъ всѣхъ этихъ городовъ въ настоящее время уже ничего не осталось, и не осталось всего вѣроятнѣе потому, что и въ то отдаленное время всѣ зданія въ Джунгаріи строились не изъ жженаго кирпича, а сбивались изъ глины. По крайней мѣрѣ въ тѣхъ городищахъ, которыя еще уцѣлѣли въ Джунгаріи, почти не встрѣчается слѣдовъ этого матеріала; поэтому, если за весь чуть не двухъ-тысячный періодъ своей исторической жизни Джунгарія и произвела, дѣйствительно, въ архитектурномъ отношеніи нѣчто самобытное, то это нѣчто должно было скорѣе всего отмѣчаться неуклюжестью и массивностью своихъ формъ, а не смѣлостью и изяществомъ стиля...

Итакъ, былое Урумчи намъ неизвѣстно; исторія же его становится достовѣрной только съ половины XVIII столѣтія [4], когда китайцы, вырѣзавъ всѣхъ джунгаръ, что-то около милліона душъ обоего пола [5], рѣшились заселить такимъ образомъ обезлюженную страну различными элементами, выведенными частью изъ городовъ Восточнаго Туркестана, частью же изъ Внутренняго Китая. Всего больше явилось сюда дунганъ, этого никому невѣдомаго и давно уже окитаившагося, хотя и исповѣдующаго исламъ, монгольскаго племени [6]. Они тотчасъ же заняли всю долину рѣки Уланъ-бэ, гдѣ незадолго до того, при «мысѣ Красной горы» (Хунъ-шань-цзуй) успѣли уже вырости города: военный съ населеніемъ изъ маньчжуръ (Ганъ-гу) и торговый, за которымъ собственно и удержалось джунгарское (?) [1]) названіе Урумчи [2]). Въ 1775 г. послѣдній уже переименованъ былъ въ Ди-хуа-чжоу, т. е. сталъ окружнымъ. Правительство выстроило въ немъ два капища, одно высшее и одно среднее училище; выросли торговые ряды и, какъ это заведено повсемѣстно въ Китаѣ, перешагнули за высокую стѣну и разлились по предмѣстью.

---

[1] Говоря о Бишбалыкѣ, монахъ Чанъ-Чунь пишетъ, что мѣстные жители ему сообщили, что «здѣшнее мѣсто во времена династіи Танъ было Бэйтинское». («Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 300).

[2] Подобное же сомнѣніе выражаетъ и Бретшнейдеръ: «Perhaps its site is to be sought in one of the more elevated valleys of the Bogdo-Ola». (Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources», II, стр. 30, прим. 801). Но если Бишбалыкъ расположенъ былъ въ одной изъ возвышенныхъ долинъ Богдо-Ола, то черезъ него не могла пролегать и большая дорога изъ Каракорума въ Или?

[3] Вопросъ о мѣстоположеніи Бишбалыка будетъ разобранъ ниже.

[4] Хотя уже въ китайскомъ историко-географическомъ обзорѣ Притяньшанья, помѣченномъ 1717 годомъ, встрѣчается названіе Ву-лу-му-тчи, т. е. Урумчи. Но на картѣ Рената мы названія этого не находимъ.

[5] Всего 24 улуса.

[6] См. гл. I, стр. 5.

О внутренней жизни этого города намъ, разумѣется, ничего неизвѣстно. Носились слухи, что онъ велъ обширную торговлю, былъ богатъ и имѣлъ громадное населеніе, но слухи эти ни на чемъ не основаны. Отъ Россіи Китай отдѣлялся въ то время обширными пространствами едва заселенныхъ земель; города Восточнаго Туркестана были истощены борьбой съ китайцами, борьбой между собой; орды кочевниковъ и въ то тяжелое время были въ Джунгаріи пожалуй не многочисленнѣе теперешнихъ; что же касается до осѣдлаго населенія сѣверо-тяньшаньскихъ земель, то въ началѣ даже XIX столѣтія оно не могло еще отличаться ни особенной густотой, ни тѣмъ паче зажиточностью. Откуда же въ такомъ случаѣ взяться было богатству и на какой почвѣ могла здѣсь развиться сколько-нибудь значительная торговля?

Но года проходили и долгій миръ не могъ, разумѣется, не отразиться самымъ благодѣтельнымъ образомъ на жителяхъ Урумчи: богатства постепенно въ немъ накоплялись, окрестныя селенія росли, какъ грибы; хотя и не крупная, но правильно поставленная и обезпеченная отъ внезапныхъ перерывовъ торговля приносила свои барыши, и городъ разросся и охватилъ своими предмѣстьями громадную площадь. Впрочемъ, мы не должны забывать, что мы въ Средней Азіи, гдѣ на все существуетъ свой особый масштабъ. Городъ съ тридцатью-тысячнымъ населеніемъ уже считается тамъ громаднѣйшимъ городомъ, и, вѣроятно, Урумчи въ началѣ 60-хъ годовъ имѣлъ не бо̀льшее населеніе, состоявшее къ тому же почти исключительно изъ дунганъ. Дунгане имѣли тамъ свои улицы, базаръ и мечети; въ ихъ рукахъ находилась почти вся торговля; изъ нихъ набирались тогда гарнизоны не только для городовъ цѣлаго округа, но даже и для городовъ Восточнаго Туркестана.

Маньчжуры заснули и опустились, сидя на даровыхъ хлѣбахъ и замкнувшись въ своихъ городахъ и импаняхъ [3]); привиллегированные китайцы, составляя здѣсь сословіе управляющихъ, сравнительно благоденствовали и наживали взятками состоянія, а бѣднота, «черный народъ» или, какъ китайцы ихъ называютъ, «голодный народъ» [1]), еле перебивавшійся на своей родинѣ, жилъ не при лучшихъ условіяхъ и въ этой суровой странѣ, которая послѣ Китая ужь, конечно, не могла ему не казаться злой мачихой.

---

[1]) Бретшнейдеръ, цит. соч., т. II, стр. 28, прим. 800.

[2]) Онъ расположенъ былъ не на правомъ берегу р. Уланъ-бэ, а на лѣвомъ. Нынѣ на этомъ мѣстѣ разстилается пустошь, покрытая безформенными массами глины.

[3]) Маньчжуры, расселенные по всему пространству необъятной имперіи, суть прежде всего

Такимъ образомъ къ шестидесятымъ годамъ единственными и въ то же время настоящими хозяевами этой страны были дунгане, которые и не замедлили въ роковой для китайцевъ моментъ какъ нельзя лучше воспользоваться всѣми выгодами своего положенія.

Эмиссары Шао-вана [2]) явились въ Урумчи въ концѣ 1862 года. Имъ стоило уже небольшого труда во имя ислама поднять противъ китайцевъ жителей этого города, такъ какъ народъ къ этому движенію давно уже былъ подготовленъ всевозможными слухами, какъ о поголовномъ возстаніи ихъ гансуйскихъ сородичей, такъ и о первыхъ успѣхахъ послѣдняго. Они ждали только сигнала къ возстанію, и такимъ сигналомъ явилось чтеніе въ мечетяхъ зажигательныхъ писемъ, присланныхъ изъ Салара [3]).

Изъ мечетей дунгане, вооружившись чѣмъ попало, бросились на ничего не ожидавшихъ китайцевъ и пощадили изъ нихъ только тѣхъ, кто тутъ же изъявилъ готовность принять мусульманство... Изъ «китайскаго», т. е. правильнѣе, «торговаго» города они бросились затѣмъ въ маньчжурскую цитадель, которой и овладѣли безъ всякаго сопротивленія со стороны гарнизона. «При этомъ штурмѣ» (?), какъ пишетъ, на основаніи оффиціальныхъ китайскихъ документовъ, нашъ извѣстный синологъ Захаровъ, «погибло до ста тридцати тысячъ маньчжуровъ!» Но цифра эта, безъ сомнѣнія, столь же фантастична, какъ и другая, опредѣлявшая общую численность населенія Урумчи въ два милліона (sic!) человѣческихъ

«цижени», своего рода азіатское дворянство, ничего не дѣлающее, но которому правительство обязано выдавать жалованье («Русск. Вѣст.», 1872 г. V, стр. 159).

[1]) Собственно «питающійся хлѣбомъ» (чи-мянь-ди), въ отличіе отъ «питающагося мясомъ» (чи-шоу-ди).

[2]) Въ литературѣ, посвященной послѣдней мусульманской инсуррекціи въ Китаѣ, встрѣчается имя Савуна, князя (вана), стоявшаго во главѣ движенія, но затѣмъ будто-бы вскорѣ умершаго. Безъ сомнѣнія, «Савунъ» есть искаженное «Шао-ванъ».

Какой-то Шао-ванъ бралъ, однако, Хами, участвовалъ въ сраженіи при Урумчи и вообще игралъ выдающуюся роль въ возстаніи тяньшаньскихъ дунганъ; но бывшій ли это глава Саларской общины—мнѣ неизвѣстно.

[3]) Мѣстность на правомъ берегу Желтой рѣки ниже Гуй-дуя (провинція Гань-су).

душъ! Въ дѣйствительности же, какъ намъ здѣсь говорили, погибло въ этотъ памятный день едва-ли больше десяти тысячъ людей, изъ коихъ маньчжуры составляли къ тому же далеко не крупное большинство... Какъ бы то ни было, но полный успѣхъ урумчискихъ дунганъ вызвалъ въ городахъ Восточнаго Туркестана и Южной Джунгарiи цѣлый рядъ подобныхъ же возмущенiй, приведшихъ къ паденiю китайскаго могущества на всемъ протяженiи нынѣшней Синь-цзянской провинцiи [1]. Власть ихъ удержалась только въ Шихо и Баркулѣ, но это случайное обстоятельство, въ связи съ дружественнымъ нейтралитетомъ Россiи, имѣло неизмѣримо важное значенiе для правительства Небесной имперiи, позволивъ послѣднему совершенно безпрепятственно сосредоточить на обоихъ флангахъ непрiятеля по значительному отряду войскъ, состоявшихъ изъ вновь тогда [2] организованныхъ лянзъ «юновъ», т. е. «храбрѣйшихъ».

Но на выполненiе этого плана китайцамъ понадобилось чуть не десятилѣтiе, въ теченiе коего притяньшаньскiя земли испытывали всѣ ужасы междоусобной войны. Случайные союзники—дунгане и туркестанцы, не успѣвъ даже соединенными силами одолѣть повсемѣстно китайцевъ, уже вступили здѣсь, какъ и въ Илiйской долинѣ, въ безсмысленную и несчастную борьбу между собою и вели ее, несмотря на взаимное истощенiе, до тѣхъ поръ, пока ихъ наконецъ снова не поглотили китайцы.

Среди народовъ, населяющихъ Среднюю Азiю, дунгане славятся своей храбростью; они необузданы, физически-сильны и въ бояхъ очень стойки; но на бѣду свою они не имѣли способныхъ вождей. Знаменитый ихъ партизанъ Шанъ-ши-па, прозванный за свою безумную храбрость и кровожадность «лютымъ, большимъ тигромъ» (Баянъ-ху, Да-ху) [3], не умѣлъ руководить массами, а прочiе дунганскiе полководцы: Лао-тай-ханъ (Даутъ-Хельпэ) [4], Шао-ванъ [5], Си-анъ-шай [6], Хи-анъ-шай [7] и другiе не отличались военными дарованiями.

---

[1] Первымъ изъ возставшихъ городовъ былъ городъ Куча. Кучинецъ Айдынъ-ходжа, союзникъ дунганъ, доходилъ даже до Баркульской долины, но города взять не могъ, благодаря враждебному образу дѣйствiй хамiйскихъ «тагчей» (т. е. горцевъ).

[2] Во время возстанiя тайпин'овъ.

[3] О Баянъ-хурѣ см. мою замѣтку въ «Историческомъ Вѣстникѣ», 1891 г., VI.

[4] Послѣ взятiя Урумчи Якубъ-бекомъ, окончилъ свою жизнь самоубiйствомъ; его семья отправлена была на жительство въ Кашгаръ, но что сталось съ нею впослѣдствiи — неизвѣстно.

[5] Его конецъ неизвѣстенъ.

[6] При осадѣ Манаса измѣннически захваченъ китайцами и звѣрски казненъ Цзо-цзунътаномъ: его выпотрошили живого и сердце отправили въ Пекинъ.

[7] Погибъ при взятiи Манаса; зарѣзавъ сначала свою дочь, онъ убилъ затѣмъ и себя.

А между тѣмъ противъ себя они имѣли хитраго и испытаннаго въ бояхъ андиджанца [1]), прозваннаго [2]) за свои удачи—«счастливцемъ» (бадаулетъ). И они передъ нимъ отступали, очищая поочередно Кучу, Карашаръ и Турфанъ...

Казалось бы, Якубъ-беку въ его быстромъ движенiи на востокъ слѣдовало остановиться именно здѣсь и ни въ какомъ случаѣ не переходить за Тянь-Шань; но, увлеченный успѣхомъ, а можетъ быть и чувствуя необходимость разъ на-всегда покончить съ дунганами, онъ проникъ въ Джунгарiю и подступилъ въ Урумчи.

Противъ туркестанцевъ дунгане, подъ предводительствомъ старика Лао-тай-хана, выставили всѣ свои наличныя силы, но проиграли сраженiе: изъ 9.500 человѣкъ, вышедшихъ въ поле, гораздо менѣе трети вернулось подъ прикрытiе стѣнъ Урумчи; остальные же (7.385) погибли геройскою смертью, съ честью отстаивая свою слабую позицiю отъ превосходныхъ силъ непрiятеля. Послѣднiй ударъ нанесла имъ конница кипчака Садыкъ-бая-датхи [3]), ворвавшаяся въ дунганское каре на плечахъ конниковъ Баянъ-хура. Послѣднiй разбилъ пѣхотинцевъ Байбачи [4]), но, увлекщись преслѣдованiемъ, вскорѣ очутился между отборной андиджанской дружиной [5]) и кара-киргизами Садыкъ-бая. Видя малочисленность баянъхуровскаго отряда, кара-киргизы ударили ему во флангъ съ такой силой, что дотолѣ непобѣдимый партизанскiй отрядъ дрогнулъ и минуту спустя обратился въ постыдное бѣгство. Не бѣжалъ только одинъ Баянъ-хуръ, и на этотъ разъ оправдавшiй себя: онъ прорубилъ широкую брешь въ рядахъ непрiятеля и съ двумя-тремя товарищами ушелъ по направленiю къ Урумчи [6]).

Объ этомъ трагическомъ эпизодѣ разсказываютъ такъ: когда измѣнникъ Мада-лойя (въ 1890 г. онъ былъ еще живъ и командовалъ гарнизономъ въ Юй-мынѣ) предалъ въ руки Цзо-гунъ-бао дунганина Си и въ раскрытыя ворота города уже ворвались китайскiе солдаты, дочь Хи бросилась въ ноги отцу, умоляя его покончить съ нею ранѣе, чѣмъ она станетъ игрушкой китайскихъ солдатъ. Хи-анъ-шай внялъ мольбамъ дочери, но, убивъ дочь, тутъ-же покончилъ и съ собой.

[1]) Въ Восточномъ Туркестанѣ всѣхъ выходцевъ Западнаго зовутъ «андиджанцами».

[2]) Вѣрнѣе онъ самъ приказалъ величать себя такъ.

[3]) Впослѣдствiи былъ четвертованъ китайцами. Семья его, захваченная въ Кашгарѣ, и до настоящаго времени продолжаетъ еще томиться въ тюрьмахъ Внутренняго Китая.

[4]) Старшаго сына Якубъ-бека.

[5]) Судьба, постигшая эту дружину, очень печальна: большинство было вырѣзано китайцами, а остатки ея препровождены въ различные города Ганьсуйской провинцiи, гдѣ и заключены въ тюрьмы пожизненно.

[6]) Послѣ взятiя Урумчи Якубъ-бекомъ, Баянъ-хуръ жилъ въ Иллыыкѣ; призванный на защиту Манаса, онъ, послѣ взятiя этого города, удалился въ сел. Артышъ, къ сѣверу отъ Кашгара, но прожилъ тутъ недолго. Узнавъ о бѣгствѣ Бай-бачи въ Фергану и о вступленiи китайскихъ войскъ въ предѣлы Кашгарскаго округа, онъ бѣжалъ въ Семирѣчье и умеръ въ Пишпекѣ.

Послѣдствіемъ этого разгрома было паденіе Дунганскаго ханства и присоединеніе городовъ Южной Джунгаріи къ владѣніямъ Якубъ-бека. А нѣсколько лѣтъ спустя въ ту же Джунгарію уже вступила армія Цзо-цзунъ-тана, потоками крови и заревомъ пожаровъ отмѣчая дешевые успѣхи свои...

Въ 1885 году [1]) Урумчи обращенъ былъ въ резиденцію главнозавѣдующаго Новою Линіею, сановника Лю-цзинь-тана, и съ этого важнаго для него момента зажилъ новою жизнью, къ обозрѣнію коей мы и переходимъ теперь.

Урумчи окруженъ почти отовсюду горами. Онѣ заполонили весь югъ и высятся до вѣчноснѣговыхъ куполовъ и гребней... Всѣхъ ближе Линъ-шань—священный Богдо—гора «счастія, долголѣтія и всякихъ чудесъ». Своей массой онъ подавляетъ окрестность и «льды его и снѣга на подобіе кристалловъ отражаютъ свѣтъ солнечный» [2]). Въ сравненіи съ нимъ все представляется здѣсь ничтожнымъ: и эти гривы холмовъ, морщинами избораздившихъ всю мѣстность, и рѣчушки, бѣгущія тутъ, и наконецъ зеленыя пятна селеній, ютящихся между ними.

За одной изъ этихъ морщинъ расположился и Урумчи, по-китайски—Ди-хуа-фу, но какъ безсмысленно и нелѣпо, если принять во вниманіе, что мы имѣемъ здѣсь, передъ глазами, не только торговый и административный центръ, но и китайскую «первоклассную крѣпость!»

Фортификаціонное дѣло стоитъ у китайцевъ вообще на такомъ низкомъ уровнѣ, что всѣ подобнаго рода сооруженія ихъ съ европейской точки зрѣнія не заслуживаютъ вниманія. Но нигдѣ, кажется, китайскій трудъ и китайскія деньги не затрачивались такъ безцѣльно, какъ именно въ Урумчи.

Длина стѣнъ этого города равняется $9^1/_2$ ли [3]); онѣ вытянуты въ видѣ неправильнаго шестиугольника, одна изъ короткихъ сторонъ котораго обращена къ рѣкѣ Уланъ-бэ. Эта часть стѣны отдѣлана съ особенной тщательностью. Здѣсь главныя ворота, надъ которыми, согласно обычаю, возвышается крылатая, затѣйливой архитектуры, трехъярусная башня, крытая черепицей; но зато здѣсь же и вся масса предмѣстья, которое въ значительной степени умаляетъ значеніе такихъ средствъ защиты, какъ высокія стѣны, увѣнчанныя зубцами, и широкій ровъ, облицованный въ верхнихъ своихъ горизонтахъ сырцомъ [1]). Вообще со стороны рѣки открывается казовая сторона этой стѣны, которая дальше, тамъ, гдѣ щеки лощины сжимаютъ городъ съ обѣихъ сторонъ, перестаетъ уже импонировать своей относительной высотой. Сверху, съ гребней кряжей, откуда весь городъ, какъ на ладони, онѣ кажутся даже не болѣе, какъ ничтожной оградой, да такую роль, безъ сомнѣнія, онѣ и будутъ играть въ томъ случаѣ, если подступающій непріятель будетъ имѣть ружья, бьющія хотя бы на триста шаговъ.

---

[1]) По Галкину (ib, стр. 66) въ 1883 году.

[2]) О. Іакинфъ. «Описаніе Чжунгаріи и восточнаго Туркестана». 1829 г., стр. 101.

[3]) Четыре версты по Галкину (ib, стр. 67).

Постройка городскихъ стѣнъ въ Китаѣ очень своеобразна. На глинобитное основаніе, высотой фута въ два или три, накладывается хворостъ, который тщательно уравнивается и съ наружной стороны придавливается бревномъ, кнутри затесаннымъ въ доску; на этотъ хворостъ наваливается мѣсиво изъ глины и рубленой сосомы, которое при уминкѣ приводится въ уровень съ верхнимъ горизонтомъ бревна, послѣ чего послѣднее снимается и перекладывается на слѣдующій ярусъ хвороста. Когда стѣна доведена до желаемой высоты, ее оштукатуриваютъ снаружи, причемъ комли хворостинъ служатъ прекрасной опорой для этой послѣдней.

Безъ постояннаго ремонта подобное сооруженіе продержаться долго не можетъ. Глина ссыхается и слеживается, появляются продольныя трещины, которыя размываются дождями и выдуваются вѣтромъ; острые края сглаживаются, углы обваливаются, и подобный процессъ разрушенія идетъ, прогрессивно увеличиваясь, до тѣхъ уже поръ, пока вся постройка не обратится въ совершенную развалину.

Но стѣны Урумчи только-что выстроены; онѣ еще не успѣли осѣсть, и китайцы, указывая на нихъ, не безъ гордости замѣчаютъ: «Такихъ стѣнъ и русскіе не возьмутъ!» [2]).

Ворота китайскихъ городовъ, какъ бы ничтожны сами по себѣ послѣдніе ни были, неизмѣнно запираются къ восьми часамъ вечера [3]). Этотъ традиціонный обычай вызвалъ необходимость располагать заѣзжіе дома и гостинницы внѣ городскихъ стѣнъ и тутъ же строить базары, кузни, кабаки и трактиры. Но и помимо этого надо помнить, что ростъ каждаго китайскаго города имѣетъ свои ужь разъ и на-всегда строго узаконенные предѣлы: если это «фу», то окружность его никогда не превыситъ $9^1/_2$ ли [1]; если это «чжоу», то $7^3/_4$ ли и т. д.; потому все, что онъ не можетъ вмѣстить, располагается внѣ городскихъ стѣнъ и со всѣми вышеупомянутыми торговыми и промышленными заведеніями слагаетъ то, что называютъ китайскимъ предмѣстьемъ. Въ Синь-цзянской провинціи, гдѣ ни дунганамъ, ни инымъ туземцамъ не разрѣшается жить внутри городскихъ стѣнъ, къ вышеупомянутымъ двумъ элементамъ, образующимъ пригородъ, присоединяется еще и этотъ послѣдній, настолько, однако, въ количественномъ отношеніи значительный, что, пожалуй, только ему одному города Притяньшанья и обязаны своимъ необычныхъ характеромъ: внѣ стѣнъ—шумъ, толпа и движеніе, а внутри—безмолвіе и пустыри, среди коихъ то тамъ, то здѣсь мелькаютъ жилыя строенія, ряды лавокъ, кумирни, казенныя зданія... [2].

---

[1]) Такъ называютъ въ Туркестанѣ кирпичъ, высушенный на солнцѣ.

[2]) Общая высота стѣнъ Урумчи 10—11 арш.; ширина вальганга около 2½ арш., ширина основанія стѣны около 6—9 арш.; ширина бермы мѣстами 3, мѣстами 4 арш.; ровъ, вырытый въ формѣ кюветки, при глубинѣ въ 4 арш., имѣетъ по дну 3½ арш., въ верхнемъ горизонтѣ 4½ арш.

[3]) Исключеніе дѣлается только въ канунъ новаго года.

Урумчи не представляетъ исключенія изъ этого правила, и если общую численность его населенія опредѣлить въ тридцать тысячъ, то двѣ трети послѣдняго, безъ сомнѣнія, придутся на пригородъ, который однако далеко еще не окончилъ своего роста: выгодное географическое положеніе города сдѣлало его торговымъ центромъ всего Хэнти [3] и складочнымъ мѣстомъ для русскихъ товаровъ, расходящихся отсюда чуть не по всему Притяньшанью...

Жизнь такого города, какъ Урумчи, своеобразна и интересна. Конечно, многое отъ меня, какъ путешественника, могло ускользнуть, многое въ ней осталось неяснымъ, но за всѣмъ тѣмъ я все же считаю не лишнимъ свести въ связное цѣлое все то, что мнѣ удалось въ ней подмѣтить.

Ночь. На востокѣ чуть брезжитъ. Урумчи еще спитъ, но предмѣстье проснулось. На широкомъ дворѣ китайскаго таня [4] блуждаютъ огни. Оттуда слышатся уже голоса, доносится скрипъ журавля [5], призывное ржанье коней. Для привычнаго уха въ этомъ шумѣ все ясно: такъ сбирается караванъ. И дѣйствительно, немного спустя фургоны точно срываются съ мѣста и съ шумомъ и грохотомъ выкатываются на улицу...

---

[1] Такъ какъ «ли» нѣсколько менѣе полуверсты, то, стало быть, четырехъ верстъ.

[2] Какъ строятся китайскіе города, всѣмъ извѣстно: намѣчается для этого пунктъ, указомъ императора утверждается его рангъ, послѣ чего возводятся уже его стѣны и строятся внутри казенныя зданія. Заселится ли городъ, останутся ли внутри его пустыри или нѣтъ, это уже рѣшительно никого не заботитъ. Такое канцелярское отношеніе къ посторойкѣ городовъ сказывается повсюду. Одни города несоразмѣрно малы, напримѣръ—Су-чжоу; другіе, наоборотъ, велики, напримѣръ—Хами (Лао-чѣнъ), Булунджи, Гань-чжоу и др.

[3] Въ составъ области Хэнти входятъ округа: Турфанскій, Баркульскій и Урумчискій.

[4] Постоялый дворъ. Нѣкоторые болѣе богатые тани исполняютъ роль нашихъ гостинницъ.

[5] Кое-гдѣ, и между прочимъ въ Урумчи, я встрѣчалъ колодцы, устроенные совершенно такъ, какъ они устраиваются повсемѣстно и у насъ на Руси.

Громко стучатъ о твердую землю колеса, содрагается весь корпусъ китайскихъ телѣгъ и стономъ несется на улицу.... Тишина ночи нарушена: чувствуется, что начинается день...

И стоитъ только двинуться въ путь одному каравану — это точно сигналъ, подымающій всѣхъ— десятокъ воротъ выпускаютъ такіе же караваны телѣгъ или громоздко завьюченныхъ лошадей... Все это грохочетъ и звенитъ бубенцами, а рѣзкіе удары длинныхъ бичей и неумолкаемые китайскіе «цо, цо!... цо, цо, ухъ!..» и тюркскіе «тыръ, тыръ...» придаютъ какой-то своеобразный оттѣнокъ этому ночному движенію среди темныхъ силуэтовъ домовъ и навѣсовъ...

Но вотъ ужь кое-гдѣ задымились и отдушины топокъ [1]), сразу разнесшія по всему пригороду ѣдкій дымъ каменнаго угля и сжигаемаго полусырымъ назема и всякихъ отбросовъ; впослѣдствіи къ дыму присоединился и чадъ—неминуемый спутникъ всякой китайской стряпни, и улица мало-по-малу стала пріобрѣтать ту отвратительную атмосферу, которая такъ характеризуетъ каждое мѣстечко, въ которомъ пріютился нечистоплотный сынъ Небесной Имперіи...

Очевидно, что многочисленныя харчевни уже начали свою раннюю дѣятельность: тамъ варятъ лапшу и изготовляютъ «мянь-тоу», необходимые элементы утренняго завтрака простого народа, который обыкновенно чуть свѣтъ высыпаетъ на улицу.

Разсвѣло... Потягиваясь, выползли изъ своихъ норъ сидѣльцы и мелкіе торгаши, открыли лари и заняли свои обычныя мѣста у разложенныхъ рядомъ кучекъ товара. Кашгарецъ-мясникъ (касабъ) повѣсилъ на крюкъ тушу только-что зарѣзаннаго барана и горкой на особомъ столикѣ уложилъ легкія, сердце, печенку и внутренній жиръ. Пробѣжалъ мальчуганъ съ корзиной на головѣ и, крича во все горло: «иссыкъ! иссыкъ!...» [1]), скрылся въ переулокъ, ведущій на главный рынокъ «Киндыкъ». Въ бѣлыхъ мато̀выхъ рубашкахъ (куйпэкъ) и куцыхъ «джаймэкахъ» [2]) прошла толпа турфанлыковъ, гоня передъ собой партію ишаковъ съ корзинками, нагруженными каменнымъ углемъ [3]). На сытой лошадкѣ, гремя навѣшенными на нее бубенцами, проѣхалъ не спѣша куда-то дунганинъ. Прошли еще какія-то личности... И народъ, все прибывая, наполнилъ улицы пригорода... Наконецъ, три пушечные выстрѣла извѣщаютъ его, что городскія ворота открыты и что оффиціальный день начался...

---

[1]) О печахъ китайцы понятія не имѣютъ. Помѣщеніе согрѣвается двоякимъ путемъ: или приносится жаровня съ углями или подтапливаются канжины, т. е. глиняные выступы стѣнъ; но тяга такихъ топокъ всегда очень плоха, такъ какъ трубъ онѣ не имѣютъ (послѣднія встрѣчены были мною только въ тюркскихъ домахъ Хами и Турфана), и дымовое отверстіе ихъ открывается обыкновенно непосредственно надъ поверхностью почвы. Трубы устраиваются, да и то далеко не вездѣ, только въ кухняхъ трактировъ; но даже и въ этихъ случаяхъ дымъ всегда свободно валитъ въ помѣщеніе и уходитъ или черезъ дверь, или черезъ отверстіе въ потолкѣ. Въ постоялыхъ же дворахъ для приготовленія пищи костеръ раскладывается непосредственно въ помѣщеніи.

Въ первые часы дня обыкновенно всего люднѣе конный базаръ. Богъ знаетъ, какого народа здѣсь только нѣтъ! Площадь небольшая, примыкающая къ лѣснымъ рядамъ, всегда чуть не наполовину занятая возами съ соломой и сѣномъ [4]), а толпится здѣсь своего и пришлаго люда такъ много, что продавцамъ рѣшительно негдѣ выказать достоинства приведенныхъ сюда лошадей.

Вотъ жмется къ сторонкѣ кучка карашарскихъ калмыковъ. Они здѣсь рѣдкіе гости и, можетъ быть, на этомъ базарѣ появились впервые [5]). Ихъ понимаютъ плохо, а они и того хуже, но это вовсе не помѣшало толпѣ оборванцевъ всевозможныхъ національностей окружить ихъ сплошнымъ кольцомъ страстно жестикулирующихъ и о чемъ-то неистово галдящихъ фигуръ. Это — добровольные маклера, безъ вмѣшательства которыхъ не совершается здѣсь ни одна купля или продажа...

Карашарка, прямой потомокъ знаменитыхъ нѣкогда баркульскихъ лошадокъ, пользуется и поднесь еще вполнѣ ею заслуженной славой; вотъ почему пригонъ ихъ на любой изъ базаровъ Хэнти составляетъ уже событіе дня и собираетъ сюда богачей и любителей чуть-ли не со всѣхъ концовъ города. Цѣны на нихъ стоятъ обыкновенно очень высокія, а такъ какъ торгоуты [6]) въ городахъ спускаютъ съ себя свою обычную суровость и надменность и являются именно тѣми баранами, которыхъ всего легче остричь, то мѣстные маклера (далялы), въ надеждѣ на порядочный магарычъ (черинка), изловчаются всячески, чтобы не выпустить изъ рукъ выгодную продажу. Завязываются ссоры, подчасъ потасовки, болѣе ловкіе врываются между торгующимися, убѣждаютъ ихъ придти скорѣе къ соглашенію, шумятъ и ругаются, если торгъ почему-либо затягивается, десятки разъ поочередно запускаютъ руки въ рукава продавца и покупателя [1]) и потомъ дерутъ черинка съ того и другого. Иногда старанія даляла не приводятъ ни къ чему именно потому только, что его же болѣе ловкій коллега мѣшается въ сдѣлку, нахально залѣзаетъ своей рукой въ рукавъ продавца и, узнавъ заявленную цѣну, внушительно замѣчаетъ: «такъ продешевить лошадь нельзя; я знаю покупателя, который дастъ тебѣ за нее много дороже...» Одураченный торгоутъ прекращаетъ торгъ, а разочарованные далялъ и покупатель неистово набрасываются на смутьяна, который, разумѣется, готовъ на все и даетъ ловкій отпоръ...

---

[1]) «Иссыкъ» (тюрк. сл.) значитъ «горячій», но въ этомъ окрикѣ всякій узнаетъ продавца свѣжихъ лепешекъ.

[2]) Верхняя часть одежды въ родѣ кофты; шьется обыкновенно изъ цвѣтной матеріи и подбивается ватой.

[3]) Послѣдній добывается верстахъ въ двѣнадцати къ западу отъ Урумчи.

[4]) Въ качествѣ послѣдняго, какъ и вездѣ почти въ Средней Азіи, фигурируетъ преимущественно люцерна.

[5]) До 1890 г., какъ помнитъ читатель, калмыкамъ запрещенъ былъ въѣздъ въ Урумчи.

[6]) Первоначально Карашаръ населяли исключительно туркестанцы; но при водвореніи заволжскихъ калмыковъ на Юлдуссахъ (въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII ст.) часть ихъ поселена была какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ ближайшихъ его окрестностяхъ. Изъ калмыкскихъ племенъ по Карашарской рѣкѣ (Хайду-голъ) всего больше живетъ торгоутовъ.

Шумъ и гамъ конскихъ базаровъ, впрочемъ, хорошо извѣстны каждому, кто хоть разъ посѣтилъ города Средней Азіи. Говорятъ, обычай маклерства вызванъ исламомъ:

> «Если между вами будутъ какія-либо торговыя сдѣлки, то на васъ не ляжетъ вина въ томъ случаѣ, если вы не дадите росписокъ. Поставьте только свидѣтелей, когда дѣлаете условія между собой...»
>
> Коранъ. Гл. 2, ст. 282.

но это едва-ли вѣрно: маклерство въ ходу и въ Китаѣ и, какъ кажется, вовсе не чуждо монголамъ. Но откуда бы ни пришелъ этотъ обычай, онъ во всякомъ случаѣ не сулитъ ни продавцу, ни покупателю ничего добраго, такъ какъ является не пособникомъ, а всего скорѣе тормазомъ сдѣлки: или продешевишь, или не досмотришь и купишь вовсе не то, въ чемъ нуждаешься.

Но вотъ, наконецъ, торгъ состоялся. Въ городахъ Русскаго Туркестана для того, чтобы оформить его, достаточно одного заявленія базарному аксакалу; въ Китаѣ же отправляются для этого въ ямынь [2]), гдѣ и уплачиваютъ за каждое удостовѣреніе по два цена [1]). Но далялъ тутъ, очевидно, болѣе ужь не нуженъ: онъ получилъ свою «черинка», давно ужь юркнулъ въ толпу и, вѣроятно, взглядомъ хищника высматриваетъ теперь въ толпѣ новую жертву...

---

[1]) При торговлѣ цѣна вслухъ никогда не произносится. Переговариваются пальцами, различное сложеніе и комбинація которыхъ выражаютъ и различныя цифры. Обычай этотъ повсемѣстенъ въ Средней Азіи.

[2]) Ямынь—присутственное мѣсто.

Къ полудню конный базаръ обыкновенно пустѣетъ [2]). Толпа мало-по-малу отливаетъ въ «Киндыкъ» и разбредается по безчисленнымъ здѣсь трактирамъ, въ которыхъ, согласно съ китайскимъ обычаемъ, и заканчиваетъ всевозможныя сдѣлки.

Китайскій трактиръ — открытое помѣщеніе подъ навѣсомъ (пэнъ). Оно не блеститъ ни чистотой, ни комфортомъ: квадратные, а иногда, какъ у дунганъ, и длинные, насквозь промасленные столы, такіе же скамейки и табуреты, вотъ и вся его утварь; смрадъ и ѣдкій чадъ—обычная въ немъ атмосфера; копоть на всемъ и повсюду; если что-нибудь подаютъ, то подаютъ до отвращенія грязно... Да какъ-же о чистотѣ тутъ и думать, когда съ улицы несетъ сюда безпрепятственно пыль, а въ непогоду, когда «Киндыкъ» обращается въ сплошную клоаку вонючей грязи, каждый проѣзжій обдаетъ посѣтителя дождемъ брызгъ и комьями грязи?

Да, китайскій народъ прежде всего—грязный народъ! Не даромъ же его ученые утверждаютъ, что китайцы—потомки свиней! (sic). И если припомнить, что даже интеллигентный китаецъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ или сожалѣніемъ смотритъ на того, кто не воспитываетъ на себѣ достаточнаго количества паразитовъ [3]), то станетъ, вѣроятно, понятнымъ, почему и публика этихъ трактировъ относится такъ безучастно къ окружающей ихъ грязи.

А публика эта въ высшей степени разнообразная; всего же болѣе—голытьбы. Есть завсегдатаи, которые, кажется, на то только и существуютъ, чтобы украшать собой такіе чертоги. И Боже! какая иногда коллекція рожъ группируется вокругъ иного изъ такъ называемыхъ столовъ «восьми мудрецовъ»! Обладатели ихъ явились сюда съ улицы, разумѣется; но тамъ такого подбора пожалуй не сыщешь: они непремѣнно утонутъ въ толпѣ, тогда какъ здѣсь они на подмосткахъ!..

---

[1]) Т. е. около 40 коп. За ишаковъ и барановъ, конечно, меньше. Какой процентъ кромѣ того взимается въ пользу казны въ городѣ Урумчи, мнѣ неизвѣстно (данныя, имѣющіяся въ моемъ распоряженіи, относятся къ гор. Гучену). Казенная пошлина по тюркски называется «баджъ».

[2]) Конный базаръ занимаетъ часть базара «Шу-му», въ коемъ сосредоточена торговля лѣсомъ и издѣліями изъ него, желѣзомъ, экипажами и тому подобными предметами.

[3]) «Нѣтъ ни одного, ни мужчины, ни женщины, положительно во всѣхъ сословіяхъ этой нечистоплотной націи, котораго тѣло было бы свободно отъ этой гадины (вшей). По понятіямъ китайцевъ, отсутствіе ея означаетъ, что кровь человѣка испорчена, что ему прожить на свѣтѣ недолго или же, что онъ постоянно голодаетъ или безнадежно боленъ». («Вѣстникъ Европы», 1883 г., статья К. А. Скачкова, стр. 75).

Среди этихъ субъектовъ, какъ свѣжая и яркая заплата на просаленномъ полотнѣ, виднѣются иногда и довольно прилично одѣтые господа... Но таковъ ужь обычай! Ѣда — это своего рода культъ для китайцевъ: какъ подъ кровомъ христіанскаго храма стушевываются всѣ различія между людьми, такъ и подъ кровомъ трактира въ Китаѣ послѣднія исчезаютъ, и еще на его порогѣ — слуга, становится уже здѣсь лицомъ вполнѣ равноправнымъ со своимъ господиномъ!

«Сытый уменъ, а голодный — дуракъ», разсуждаютъ китайцы [1]). И эгоистическое воззрѣніе это находитъ себѣ полное оправданіе въ ихъ взглядѣ на природу живого существа, для котораго утроба, какъ вмѣстилище всего разумнаго, составляетъ главнѣйшую функцію.

Воззрѣніе это сложилось еще въ древнѣйшія времена, рядъ же послѣдующихъ медицинскихъ и философскихъ трактатовъ только закрѣпилъ за нимъ репутацію истины. Еще бы! не достаточно ли хорошо всѣмъ извѣстно, что только тотъ, кто сытъ, тотъ и мыслитъ? И поэтому не очевидно ли каждому, что именно только утроба и можетъ быть тѣмъ источникомъ, въ которомъ черпаетъ свои силы человѣческій умъ? Если же считать это доказаннымъ, то не ясно ли, что животъ каждаго человѣка есть лучшее зеркало его умственныхъ силъ: чѣмъ чреватѣе человѣкъ, тѣмъ умнѣе, и наоборотъ... чѣмъ болѣе вмѣщаетъ, тѣмъ выше и совершеннѣе его мысли!?...

И китайское изображеніе Будды-Шакьямуни есть олицетвореніе этой идеи: отвислый животъ, безобразная тучность и оплывшее отъ жира лицо, по которому блуждаетъ какое-то скотски-самодовольное выраженіе, — вотъ характерныя и главныя черты этого божества и тотъ идеалъ, къ которому такъ пламенно стремятся китайцы!

Чуть не открыто похваляясь обжорствомъ, они совершенно счастливы, когда про нихъ говорятъ: «этотъ человѣкъ умѣетъ поѣсть!» что̀ одновременно значитъ и то, что «человѣкъ этотъ уменъ». И для того, чтобы выдѣлиться изъ толпы и заслужить подобную похвалу, они не погнушаются залѣзть въ кучу простонародья или, не удовольствовавшись даже и этимъ, потребовать себѣ чего-нибудь чрезвычайнаго и со своей чашкой выйти на улицу... И это даже считается своего рода шикомъ среди горожанъ...

---

[1]) Скачковъ. «Китайская кухня». («Вѣстникъ Европы», 1883 г., VII, стр. 70).

Туркестанцы трактировъ не держатъ; что же касается до дунганъ, то харчевни послѣднихъ внѣшнимъ видомъ своимъ почти вовсе не отличаются отъ китайскихъ; зато подаютъ тамъ много опрятнѣе, да и кухня у нихъ совершенно другая.

Китайцы, какъ извѣстно, циники въ пищѣ: они ѣдятъ рѣшительно все, начиная съ ужей и саранчи[1] и кончая ослятиной и мясомъ собаки; зато не выносятъ ничего молочнаго[2] и не любятъ говядины[3]. Дунгане, наоборотъ, хотя въ способахъ приготовленія пищи и подражаютъ китайцамъ, но ѣдятъ только то, что не запрещено мусульманскимъ закономъ. Вотъ почему за дунганскимъ обѣдомъ вы найдете ту же смѣну блюдъ, что̀ и за китайскимъ: то-же обиліе проквашенныхъ овощей (сянь-цай), тѣ-же въ высшей степени разнообразные соусы и рисъ напослѣдокъ, но все это исключительно изъ баранины, говядины или птицы.

Много времени удѣляетъ китаецъ трактиру, но еще больше базару и улицѣ. Оттого на послѣднихъ всегда такое движеніе и такая масса снующаго люда... Это многолюдство производитъ ошеломляющее впечатлѣніе на иностранца, который, видя себя въ подобіи муравейника, получаетъ зачастую совершенно ложное представленіе о населенности города...

Домашняя обстановка китайца вовсе не приноровлена къ тихой жизни въ семейномъ кругу. Въ самомъ дѣлѣ, въ Китаѣ наблюдается то же, что̀ и въ другихъ государствахъ, гдѣ соціальныя условія принижаютъ женщину до степени рабы и наложницы[4]: рознь въ интересахъ супруговъ и отсутствіе нравственныхъ узъ между ними.

---

[1] «Китайцы крайне неразборчивы въ пищѣ: цикады, сверчки, саранча, земляные черви употребляются какъ съѣдобные продукты; нѣкоторыя породы кошекъ (?) и собакъ считаются на югѣ лакомымъ блюдомъ». («Очерки китайской жизни» въ «Военн. Сборникѣ», 1892 г., VII, стр. 161).

[2] «Отвращеніе къ молочнымъ продуктамъ животныхъ поразительно противорѣчитъ съ влеченіемъ китайцевъ къ молоку женщины. Нѣжные родители, имѣющіе средства, оставляютъ своихъ дѣтей при грудяхъ кормилицы до 7—9-ти-лѣтняго возраста. И взрослые уже, въ зрѣлыхъ годахъ, и старики иногда охотно кормятся груднымъ молокомъ, для чего держатъ при себѣ кормилицъ». Скачковъ. «Національная китайская кухня» («Вѣстникъ Европы», 1883 г., VII, стр. 72).

[3] Скачковъ (ib.); Путята «Очерки китайской жизни» («Военн. Сб.», 1892 г., VII, стр. 160); Іакинфъ («Китай», etc., 1840 г., стр. 376).

[4] «Въ 1878 г. наемъ телѣгъ въ провинціи Чжили былъ крайне затруднителенъ, такъ какъ всѣ перевозочныя средства въ деревняхъ были заподряжены для отправки на югъ транспортовъ женщинъ. Южныя провинціи нуждались въ женскомъ населеніи, между тѣмъ, въ

Вся дѣятельность мужской его половины вращается обыкновенно внѣ сферы домашняго очага... Чуть свѣтъ—и китаецъ уже толкается гдѣ-нибудь на базарѣ или работаетъ тутъ же, въ какой-нибудь каморѣ, которая для него одновременно рѣшительно все, что хотите: и пріемная, и лавка, и мастерская, одинаково доступная всѣмъ, за исключеніемъ, впрочемъ, той, которая, по нашимъ понятіямъ, должна была бы стоять всего ближе къ ея обладателю...

Вотъ почему китайскіе базары такъ шумны, а прилегающія къ нимъ улицы людны!

Но пройдите одинъ-два квартала, и васъ невольно поразитъ господствующая кругомъ тишина и какъ будто даже пустынность: на улицѣ ни души, и только изъ-за оградъ доносятся изрѣдка сюда голоса, свидѣтельствующіе, что не все еще умерло здѣсь по сосѣдству...

И такими контрастами съ окрестностями отмѣчены въ Китаѣ не однѣ только базарныя улицы городовъ, но и всѣ магистральные и второстепенные, водяные и сухопутные пути сообщенія: на нихъ вереницы людей и животныхъ, а на десятки верстъ въ стороны ни души... [1]).

И я думаю, что это потому происходитъ, что въ Китаѣ рукъ много, а трудъ и время ставятся тамъ ни во что̀. Китаецъ въ постоянномъ движеніи и подчасъ ради такихъ минимальныхъ выгодъ, которыя показались бы просто смѣшными въ Европѣ. Пусть находятся чудаки, въ родѣ нѣкоего сановника Ченъ-ки-туна, вычисляющіе, что средній достатокъ китайской семьи простирается до 60.000 рублей (sic!), мы все же не иначе можемъ смотрѣть на Китай, какъ на обширное царство пролетаріевъ. Въ массѣ своей—земледѣльцы, они выдѣляютъ все же громадный процентъ неимущихъ, которые въ поискахъ заработка направляются прежде всего на большіе пути... Масса народа: сельчане, не знающіе, на что̀ убить свой досугъ [2]), прасолы и торговцы, нищіе и солдаты, по-

---

Чжили хотя и не было избытка въ представительницахъ прекраснаго пола, но вслѣдствіе крайней голодовки ихъ *продавали за безцѣнокъ*»... (Д. Путята. «Очерки китайской жизни». «Военн. Сборн.», 1892 г., VI, стр. 426).

«Взглядъ на женщину, какъ *на товаръ*»... (ib.).

[1]) Хотя я посѣтилъ только Западный Китай, но думаю, что нисколько не ошибусь, распространивъ подобное замѣчаніе и на весь остальной Китай.

[2]) Китайцевъ принято считать народомъ крайне трудолюбивымъ. Но такъ ли это?

Клочекъ въ пять десятинъ на семью въ Китаѣ ужь большое богатство. Вѣками промывается и расчищается этотъ участокъ, и что же мудренаго въ томъ, что на немъ вы уже болѣе не найдете ни камня, ни сорной травы? А перепахалъ китаецъ свое поле въ ладонь, засѣялъ гонщики муловъ, извозчики наконецъ, со своими безконечными вереницами лошадей и фургоновъ,—все это сливается въ одну общую струю вѣчныхъ странниковъ и всей своей совокупностью производитъ впечатлѣніе громаднаго муравейника... Вотъ почему, путешествуя только по главнымъ дорогамъ Китая, невольно проникаешься вѣрой въ возможность существованія въ немъ 400 милліоновъ человѣческихъ душъ... 1).

Киндыкскій базаръ въ Урумчи представляетъ отличную иллюстрацію ко всему вышесказанному: это труба нетолченая всякаго люда, который, просто уму непостижимо, откуда сюда набрался...

Но я не люблю китайскихъ базаровъ.

На всемъ Востокѣ, у тюркскихъ племенъ, базаръ самое красивое мѣсто: здѣсь тоже бездна народа, но каждый туркестанецъ одѣтъ по возможности во все лучшее; здѣсь тоже повсюду проглядываютъ и грязь, и убожество, но все это какъ-то остается прикрытымъ халатами туркестанцевъ... Вы даже на первыхъ порахъ положительно потеряетесь среди этой пестроты и яркости красокъ, въ этомъ разнообразіи лицъ и костюмовъ...

Ничего подобнаго въ Китаѣ вы не увидите; если и встрѣчаются здѣсь шикарные магазины, то они еще рѣзче оттѣняютъ безобразіе сосѣднихъ лавчонокъ. Монотонность во всемъ: синія громадныя мато̀выя 2) вывѣски, синіе экипажи, синія одежды на богачахъ и на нищихъ... А затѣмъ эта ужасная вонь, эта ужасная грязь, эта лоснящаяся отъ сала оборванная толпа! Да, именно толпа, составляющая украшеніе всякаго торжища, здѣсь просто ужасна! Какія-то женоподобныя, но злыя, плоскія лица, грубыя ухватки, нахальные взгляды, отвратительная привычка то и дѣло икать.

его двумя горстями пшеницы и сидитъ, ждетъ у моря погоды... Каналъ подъ рукой, воды много, урожай такой, о какомъ и не слыхивали въ Россіи... Чего же ему еще нужно? И китаецъ-земледѣлецъ, дѣйствительно, кромѣ, кажется, изготовленія грубой оберточной бумаги, ни за какую иную работу больше и не берется...

Для того, однако, чтобы вполнѣ оцѣнить китайскаго земледѣльца, надо посмотрѣть на его дѣятельность въ новыхъ мѣстахъ, напримѣръ, хотя бы здѣсь, въ Южной Джунгаріи.

Земли—сколько хочешь, но китаецъ довольствуется только убогимъ участкомъ, ибо при его способахъ обработки полей большаго количества земли ему и совсѣмъ не поднять, да и этотъ-то участокъ какъ обработанъ! Что ужь тутъ камни!..

Китайцевъ стали было селить одно время въ Турфанѣ, но трудъ турфанца оказался имъ здѣсь уже вовсе не по плечу, и они ушли въ Кульчжу, въ Урумчи. Но и въ Урумчи они бѣдствуютъ тамъ, гдѣ дунгане находили возможность не только жить, но и наживать капиталы.

1) Между тѣмъ это совершенно невѣроятно, такъ какъ при такой цифрѣ населенія оказалось бы, что Китай населенъ гуще Германіи и много гуще Франціи, Австріи, Даніи и другихъ государствъ Европы.

2) «Мата̀»—очень грубая мѣстная бумажная матерія, напоминающая русскую бязь.

Какъ хотите, но ко всему этому невозможно привыкнуть! Къ тому же среди этой грязной толпы, этого обезьяноподобнаго общества и освоиться невозможно: ни одного добродушнаго взгляда, ни одного добродушнаго лица вы тутъ не увидите; любезнаго отношенія къ себѣ и не ждите: васъ даже не удостоятъ отвѣтомъ, зато найдутся нахалы, которые самымъ безцеремоннымъ образомъ рыгая на васъ, примутся за изслѣдованіе всего того, что увидятъ на васъ, причемъ не оставятъ въ покоѣ ни бороды, ни усовъ... и все это подъ акомпаниментъ самыхъ отборныхъ ругательствъ и смѣха, этого дикаго и идіотскаго смѣха!..

Въ центрѣ Киндыка высятся тріумфальныя ворота обыкновенной китайской архитектуры. Но кто и ради чего вздумалъ поставить здѣсь эти ворота—осталось намъ неизвѣстнымъ.

У этихъ воротъ извощичья биржа 1) и главное сборище торгашей овощами. Тутъ же расположены и трактиры. Нѣсколько дальше, справа—посудная 2) лавка, слѣва—китайской обуви, готоваго платья и мелочей; еще дальше—лавка съ краснымъ товаромъ и рядомъ съ ней бакалейный и гастрономическій магазинъ, въ которомъ непремѣнно найдутся: лянъ-чжоускіе окорока, низшій сортъ сахара (хэй-танъ), пекинскія варенья, печенье, средніе и низшіе сорта чая, соленая овощь, поддѣльныя ласточкины гнѣзда и другіе, тому подобные предметы десерта и кухни; нѣсколько шаговъ дальше—кузница, лавка съ сартовскимъ товаромъ 3), опять трактиръ, кабакъ 4) и громадная мастерская гробовъ... За ней лавка съ мелочнымъ товаромъ и лубочными картинами 5), желѣзная лавка, богатый магазинъ шелковой мануфактуры 6), тутъ же серебряныя, яшмовыя, агатовыя и рѣже нефритовыя издѣлія, лабазъ, красильня, какой-то закоулокъ съ бакалейнымъ товаромъ, фабрика

---

1) Китайскіе извощичьи экипажи—тѣ же арбы, но только меньшихъ размѣровъ и съ верхомъ изъ вдвойнѣ сложенной синей, очень грубой маты.

2) Преимущественно фарфоръ фабрики Кузнецова. Китайская посуда, привозимая въ Урумчи, и дорога и плохого качества.

3) Подъ этимъ именемъ слѣдуетъ главнѣйшимъ образомъ понимать: кокандскія и маргеланскія шелковыя матеріи, сапоги, тюбетейки, сѣдла, уздечки и тому подобныя издѣлія Русскаго Туркестана.

4) Кабаки въ Китаѣ весьма приличны: это обыкновенно крохотныя помѣщенія, въ которыхъ рѣшительно негдѣ засиживаться,—выпилъ и ступай себѣ съ Богомъ!

5) Китайскія лубочныя картины, помимо боговъ, полубоговъ и героевъ, изображаютъ и различные жизненные эпизоды выдающихся дѣятелей прежнихъ эпохъ. Соединенныя въ сері-подобныя картины въ высшей степени интересны и заслуживаютъ, безъ сомнѣнія, особеннаго, нашего вниманія, которое мы не теперь, но когда-нибудь послѣ и постараемся имъ удѣлить.

6) Принадлежащій, не припомню теперь, какой именно калганской фирмѣ.

вермишели и макаронъ, касса ссудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣняльная лавка, и такъ—до воротъ, при въѣздѣ въ которыя съ одной стороны выстроена небольшая кумирня [1]), съ другой помѣщеніе для караула, роль котораго очевидно выполняютъ только намалеванныя чудовища, такъ какъ хотя здѣсь и торчатъ ряды пикъ и поломанныхъ алебардъ, но солдатъ вовсе не видно...

Впереди этого ряда лавокъ и магазиновъ другой рядъ—лотковъ и корзинъ, въ которыхъ виднѣется всякая овощь, но главнѣйшимъ образомъ красный перецъ, черные бобы «критъ», лукъ и чеснокъ, всякіе лепешки и пирожки, наконецъ такіе предметы, которые я не знаю, какъ и назвать, но которые очевидно также предназначены для ѣды.

Но, вѣроятно, толпѣ и этой всей снѣди еще недостаточно, потому что вы всюду здѣсь видите шмыгающихъ разнощиковъ, которые изъ послѣднихъ силъ надрываются для того, чтобы покрыть общій гулъ толпы и выхвалить необыкновенныя качества предлагаемаго товара, какихъ-нибудь жареныхъ въ кунжутномъ [2]) маслѣ бобовъ или уже почти простывшихъ пельменей—«пьянчи».

А на улицѣ между тѣмъ чуть не столпотвореніе вавилонское.

Кое-гдѣ, нагруженные углемъ, вязанками хвороста, снопами клевера [3]), всякой всячиной, толпятся ослы; шныряютъ одноконные извощичьи экипажи; вереницами тянутся верховые; тяжело переваливается китайскій фургонъ, съ трудомъ прокладывая себѣ достаточно широкій путь для проѣзда; щелкаетъ бичъ и, попадая далеко не всегда по назначенію, вызываетъ самую отборную ругань: «черепаха!»... «гнилое черепашье яйцо!»... а затѣмъ, какъ водится—поминанье родителей... По временамъ, то тамъ, то здѣсь слышится звукъ цѣпей... Это—колодники: у одного къ желѣзному ошейнику и сзади — къ ногѣ цѣпями прикована тяжелая, обитая желѣзомъ, дубина [4]), не позволяющая ему ни сѣсть, ни нагнуться, другой сгибается подъ тяжестью такъ называемаго «сельхеня»... [5]).

---

[1]) Всѣхъ кумиренъ въ Урумчи около сорока; изъ нихъ большихъ 12. Главная кумирня, носящая названіе Лянгху-хэй-гуань, посвящена божеству Юванъ-кхумъ. Изъ небольшихъ пагодъ самой важной считается «Тизачуань». Она выстроена на высокой скалѣ къ сѣверо-западу отъ города и выкрашена въ красный цвѣтъ. По ней и весь городъ носитъ названіе «города красной кумирни» (Хумёзъ, Ху-мяо-цзы).

[2]) Кунжутъ—стручковое растеніе «Sesamum indicum».

[3]) Такъ называютъ въ Русскомъ Туркестанѣ люцерну.

[4]) Въ Гао-таѣ мы встрѣтили партію ссыльныхъ, изъ коихъ двое шли въ такихъ кандалахъ.

[5]) «Сельхень» введенъ императорами нынѣ царствующей въ Китаѣ династіи. И самое слово это манчьжурское, обозначающее, какъ кажется, «шейная складная колодка». Это съ про-

Къ нимъ здѣсь однако давно ужъ привыкли и они своимъ появленіемъ не возбуждаютъ ничьего любопытства... Но вотъ слышится мелкій дребезжащій звукъ бубенцовъ: ѣдетъ на сытомъ каширѣ 1) какой-то важный чиновникъ, предшествуемый другимъ съ бѣлой фарфоровой шишкой... Его появленіе производитъ сенсацію: многіе ему присѣдаютъ, другіе, видя, что продѣлка ихъ пройдетъ незамѣченной, презрительно вамъ заявляютъ: «дюхошенъ!» 2) и очень дерзко поворачиваютъ ему свою спину... Еле проталкиваются сквозь толпу два спѣшащіе куда-то солдата, и тутъ же, но только робко, сторонкой, пробирается компанія «дивана», туркестанскихъ юродивыхъ—нищихъ, нѣчто въ родѣ россійскихъ гусляровъ былыхъ, до-петровскихъ, временъ: они здѣсь совершенно случайно и теперь стараются выбраться незамѣченными въ туркестанскій кварталъ...

Но поздно... Часы показываютъ четыре... Разошлись крестьяне окрестныхъ селеній, потянулись домой продавцы сѣна, хвороста; овощи распродались, разнощики куда-то исчезли, и Киндыкъ сталъ пустѣть...

Торговый день въ самомъ дѣлѣ уже на исходѣ. Въ 6 часовъ запираются кое-гдѣ магазины, а за часъ до «вань-фань», т.-е. ужина, все спѣшитъ уже по домамъ... Въ сумерки Киндыкъ даже мраченъ: темные силуэты всевозможныхъ пристроекъ выглядятъ странно, а раздуваемыя вѣтромъ матовыя вывѣски кажутся распластавшимися надъ головами чудовищами. Прохожіе очень рѣдки: всѣ они вооружены громадными бумажными фонарями и въ своей мягкой обуви плывутъ точно какія-то привидѣнія. Единственный рѣзкій здѣсь звукъ—трещетки караульныхъ китайцевъ, но и онѣ съ полуночи перестаютъ уже нарушать тишину ночи...

Задолго, однако, до того момента, когда окончательно замираетъ жизнь на Киндыкѣ, оживаетъ она на улицѣ другого базара—«Думу».

Это пріютъ кутежа и разврата.

рѣзомъ для шеи складная доска, имѣющая въ длину полтора аршина, въ ширину 1 арш. 9 вершковъ. Вѣсъ ея различенъ, но не менѣе 25 джиновъ. На доскѣ наклеивается плакатъ съ точнымъ обозначеніемъ вины и предѣльнаго срока наказанія. Принимая въ соображеніе, что въ подобной, колодкѣ преступникъ не имѣетъ возможности ни самостоятельно ѣсть или пить, ни спать лежа, ни, наконецъ, чѣмъ-нибуть заниматься, и что вообще сроки подобнаго наказанія сравнительно очень значительны (отъ 20 дней до 3-хъ мѣсяцевъ), мы поймемъ и весь ужасъ этой утонченной пытки, къ которой присуждаются люди даже за мелкія кражи или иные еще болѣе незначительные проступки.

1) Каширъ тюрк. сл. и значитъ мулъ.

2) Урумчискій уѣздный начальникъ.

И хотя и эта сторона жизни вполнѣ чуждаго намъ народа не можетъ не возбудить въ насъ живѣйшаго интереса, однако, я рѣшительно уклоняюсь отъ непріятной обязанности писать на подобную тему.

Нравственныя качества китайцевъ стоятъ вообще на такой низкой ступени, въ своихъ оргіяхъ они заходятъ часто такъ далеко, что даже въ общихъ чертахъ невозможно печатно изложить хотя бы и половину того, что приходилось намъ въ этомъ отношеніи выслушать. Не даромъ же Іакинфъ Бичуринъ, этотъ убѣжденный защитникъ Китая, называетъ китайца не иначе, какъ сладострастникомъ безумнымъ и необузданнымъ 1)...

И что особенно мерзко въ Китаѣ: все то, что принято у европейцевъ скрывать, выставляется тамъ, не шокируя никого, напоказъ. Достаточно, напримѣръ, полюбоваться хотя бы на выставленныя на базарахъ лубочныя порнографическія картины для того, чтобы придти въ ужасъ отъ цинизма китайцевъ. И, подумаешь, на такихъ-то картинахъ, въ которыхъ умъ человѣческій изощрился до полнаго извращенія половыхъ отношеній, воспитывается въ Китаѣ чуть не поголовно все растущее поколѣніе!

Въ доказательство же того, что я не сгущаю преднамѣренно красокъ, привожу изъ китайскаго законодательства нижеслѣдующія постановленія, коими имѣлось въ виду поднять нравственный уровень китаянки:

1) Если вдова сохранитъ цѣломудріе съ 30-го до 50-го года или умретъ, не доживъ до 50-ти лѣтъ, а во вдовствѣ проведетъ около 15 лѣтъ, то удостоивается табели съ похвальною надписью.

2) Ежели жена не возвратившагося съ войны мужа сохранитъ цѣломудріе въ продолженіе узаконенныхъ лѣтъ, то удостоивается табели съ похвальною надписью.

3) Ежели дѣвица, до выхода въ замужество, сохранитъ дѣвство въ продолженіе узаконенныхъ лѣтъ 2) то удостоивается табели съ похвальною надписью.

---

1) «Даже при законномъ дозволеніи, кромѣ жены, имѣть наложницъ — удовлетвореніе сладострастью, противное природѣ (содомскій грѣхъ), столь распространено въ Китаѣ», что считаютъ уже совершенно безполезнымъ примѣнять къ провинившимся даже то легкое наказаніе которое за него полагалось (Іакинфъ. «Китай», etc., стр. 383).

2) Что это не Богъ знаетъ какъ трудно, слѣдуетъ изъ того, что китаянки выходятъ замужъ 14 лѣтъ и рѣдко засиживаются въ старыхъ дѣвахъ уже потому, что ихъ принято сговаривать еще дѣвочками.

«Въ Китаѣ старый холостякъ и старая дѣва считаются феноменами». пишетъ и Ченъ-китунъ (Ticheng-Ki-tong «Les chinois peints par eux mêmes». Paris. 1884).

4) Ежели дѣвица, оставшись въ домѣ жениха, умершаго до совершенія брака, сохранитъ дѣвство до истеченія узаконеннаго времени, то удостоивается табели съ похвальною надписью.

5) Ежели женихъ и невѣста, разлученные обстоятельствами до совершенія брака, пребывая другъ-другу вѣрными, соединяются уже въ старости, то удостоиваются сооруженія въ ихъ честь тріумфальныхъ воротъ.

6) Ежели женщина или дѣвица, при нашествіи непріятеля, погибнетъ за сохраненіе цѣломудрія, то табель съ ея именемъ вывѣшивается въ храмѣ Славы, а надъ могилой ея за счетъ казны сооружаются торжественныя врата.

7) Ежели женщина или дѣвица приметъ смерть, защищаясь отъ насилованія, или сама себя предастъ смерти отъ стыда, то удостоивается сооруженія тріумфальныхъ воротъ.

8) Ежели мужъ будетъ принуждать жену къ распутству и она, сопротивляясь ему, сама себя предастъ смерти; или если дѣвица, приневоливаемая женихомъ къ нарушенію цѣломудрія до брака, приметъ смерть, то таковыя удостоиваются сооруженія тріумфальныхъ воротъ передъ домами ихъ родителей [1]).

Какъ низко, однако, должна была пасть общественная нравственность въ Китаѣ, если такими высокими преміями понадобилось награждать цѣломудріе! И это въ добавокъ въ странѣ, гдѣ свобода женщинъ столько же ограничена условіями гаремнаго быта, сколько и безобразнымъ обычаемъ уродовать ноги!..

Но, повидимому, даже и эти посулы не привели ни къ чему, такъ какъ въ 1850 г. былъ всенародно объявленъ императорскій указъ, воспрещавшій, женщинамъ посѣщеніе пагодъ, въ которыхъ-де и происходятъ, на соблазнъ нравственности, сближенія между полами [2]).

Впрочемъ, въ Урумчи необузданности китайцевъ положенъ строгій предѣлъ. Организація притоновъ разврата въ томъ видѣ, какъ она будетъ мною ниже изложена, не допускаетъ никакихъ чрезвычайныхъ излишествъ. Да и мѣстныя проститутки (джалэпъ), вербуемыя исключительно въ Восточномъ Туркестанѣ, сохраняютъ здѣсь человѣческое достоинство долѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Но даже и «Думу» къ полуночи затихаетъ. Ночь. «Ночь, говорятъ китайцы, создана для того, чтобы спать». И правило это въ точности соблюдается во всей Небесной имперіи.

---

[1]) Іакинфъ «Китай» etc., стр. 391.

[2]) «Русск. Вѣстн.» 1875, I, стр. 38. (Статья Скачкова).

Въ началѣ XIX вѣка, пишетъ Риттеръ, Урумчи славился своими богатѣйшими фабриками 1)

Но это извѣстіе совокупно съ другимъ: «Урумчи представляетъ изъ себя первоклассную крѣпость»—независимо отъ того, откуда оно могло быть заимствовано, приходится считать вымысломъ.

Въ самомъ дѣлѣ въ Восточномъ Туркестанѣ процвѣтаютъ теперь, процвѣтали, конечно, и раньше только двѣ отрасли кустарной промышленности: шелковое производство и хлопчато-бумажное дѣло.

Но нигдѣ въ настоящее время въ окрестностяхъ Урумчи тутъ не растетъ 2), да и въ Туфанѣ, какъ мы ниже увидимъ, шелководства вовсе не существуетъ; а потому не могло оно процвѣтать и гдѣ-нибудь по сосѣдству, хотя бы въ Южной Джунгаріи, напримѣръ. Еще труднѣе допустить существованіе тамъ полвѣка назадъ хлопчато-бумажныхъ промышленныхъ заведеній: въ окрестностяхъ Урумчи хлопокъ совсѣмъ не родится, а на привозномъ сырьѣ изъ Курли или Турфана не могло быть расчета работать. Даже обыкновенныхъ хлѣбовъ, не говоря уже о рисѣ и фруктахъ, частью вслѣдствіе топографическихъ условій мѣстности, главнѣйшимъ же образомъ благодаря отсутствію пригодныхъ земель, ближайшія окрестности Урумчи почти вовсе не производятъ; они доставляются сюда издалека, а именно—изъ Манаса, Фукана, Лянь-сана и даже Токсуна; и все, чѣмъ можетъ онъ похвалиться въ настоящее время, это—огородныя овощи, люцерна и яблоки.

Нѣтъ, значеніе Урумчи имѣлъ и всегда будетъ имѣть вовсе не потому, что представляетъ какія-нибудь особенно счастливыя данныя для развитія промышленности фабричной или иной 3), а вслѣдствіе счастливаго своего положенія на мѣстѣ пересѣченія многихъ путей.

Пока въ Джунгаріи господствовали кочевники, подобную роль

---

1) «Землевѣдѣніе Азіи», т. II, 1859, стр. 73.

2) Предположить, что насажденія тута были вырублены въ періодъ дунганскаго возстанія, нѣтъ никакихъ основаній, потому что и китайцы и дунгане вовсе не такіе ужь варвары, чтобы уничтожать древесныя насажденія. Живой примѣръ—Турфанъ и столь полно раззоренный дунганами Хамійскій оазисъ, гдѣ старые сады существуютъ понынѣ.

3) Хотя, конечно, сдѣлайся когда-либо Урумчи городомъ русскимъ, здѣсь могла бы развиться фабрично-заводская промышленность, такъ какъ окрестности города богаты горючими ископаемыми (каменный уголь, нефть) и металлами (мѣдь въ 60 верстахъ къ востоку отъ Урумчи, на южныхъ склонахъ Богдо-Ола). Въ настоящее-же время въ Урумчи обставлено сносно только гончарное дѣло. Затѣмъ можно упомянуть только о крошечномъ заводѣ, перерабатывающемъ съ грѣхомъ пополамъ старый чугунъ, и о другомъ, въ которомъ гонится водка. Кромѣ того здѣсь имѣются казенные: монетный дворъ и оружейныя мастерскія.

попеременно играли города «Южной дороги» (Нань-лу) 1)), но, съ паденіемъ Калмыкскаго царства и присоединеніемъ къ Китаю обширной территоріи къ сѣверу отъ Тянь-Шаня, маньчжурскимъ императорамъ пришлось искать иной пунктъ для управленія всѣми землями, лежащими между Алтаемъ съ одной стороны и Куень-Люнемъ съ другой. Выборъ ихъ палъ на Ди-хуа-чжоу и не безъ основаній, потому что это единственный пунктъ въ предѣлахъ Синь-цзянской провинціи, изъ котораго съ одинаковымъ удобствомъ можно управлять и югомъ и сѣверомъ.

Таково стратегическое значеніе Урумчи.

Нѣсколько меньшую роль играетъ онъ въ настоящее время въ политическомъ отношеніи. Съ улучшеніемъ, однако, путей сообщенія и съ проведеніемъ сюда телеграфа изъ окраинныхъ городовъ: Чугучака, Кульджи и Кашгара, гдѣ въ настоящее время по необходимости приходится содержать лицъ, облеченныхъ обширными полномочіями, власть губернатора должна будетъ возрасти, а съ ней вмѣстѣ выраститъ, безъ сомнѣнія, и значеніе этого города.

Наконецъ, достаточно одного взгляда на карту Западнаго Китая, чтобы оцѣнить его значеніе въ торговомъ отношеніи. Дѣйствительно, онъ не только занимаетъ центральное положеніе среди городовъ китайскаго Притяньшанья, но и лежитъ на пересѣченіи главныхъ путей, по которымъ какъ расходятся, такъ и притекаютъ товары изъ двухъ странъ, непосредственно поставляющихъ ихъ на Урумчискій рынокъ — Россіи и Внутренняго Китая. Столь выгодное географическое его положеніе въ связи съ тѣмъ, какое занялъ онъ послѣ того, какъ Лю-цзинь-танъ объявилъ его своей резиденціей, сдѣлали изъ него главный складочный пунктъ товаровъ русскихъ, китайскихъ и европейскихъ 2)).

---

2) Т. е. той дороги, которая проходитъ вдоль южныхъ склоновъ Тянь-Шаня.

1) Проводниками европейскихъ, преимущественно англійскихъ товаровъ, являются въ Западномъ Китаѣ шаньсійцы. Въ Урумчи мы встрѣтили англійскую бумажную мануфактуру (ширтинги и въ меньшемъ количествѣ ситцы), бредфортскія цвѣтныя сукна (шли очень плохо), различныя стальныя издѣлія и бездѣлушки, а также часы и лампочки для куренія опія.

ГЛАВА VII.

Богдо-Ола.

Синь-цзянскій губернаторъ (сюнь-фу) Лю-цзинь-танъ былъ въ отсутствіи. Его обязанности исправлялъ предсѣдатель казенной палаты (фантэй) Вэй-гуань-дао [1]) Но этотъ сановникъ, на выраженное нами желаніе видѣть его, отвѣчалъ, что онъ, къ сожалѣнію, боленъ и принять насъ не можетъ. Тогда поспѣшили объявить себя больными и остальные чины, военные и гражданскіе, которымъ мы почли нужнымъ послать свои карточки: «ньэтэй» (предсѣдатель уголовной палаты?), «даотай» (областной начальникъ), «чинтэй» (комендантъ Урумчи и главный начальникъ расположенныхъ въ его округѣ войскъ), «бодзядзюй» (полицiймейстеръ) и другіе, ни ранговъ, ни обязанностей коихъ намъ сколько-нибудь точно опредѣлить не могли.

Отозвался желаніемъ насъ повидать только нѣкій Гуй-жунъ, секретарь и драгоманъ, состоящій при губернаторѣ. Господинъ этотъ, долго жившій въ Россіи и, кажется, читавшій даже лекціи китайскаго языка въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, написалъ намъ длиннѣйшее письмо, въ которомъ, на хорошемъ русскомъ языкѣ, излагалъ свое горячее желаніе видѣть насъ у себя.

Но свиданію этому не суждено было осуществиться. Въ воротахъ города китайскіе солдаты напали съ дубинами на сопровождавшаго насъ аксакала, и только своевременное вмѣшательство наше помогло ему ускользнуть изъ ихъ рукъ, отдѣлавшись незначительными царапинами и потерей часовъ, которые одинъ изъ негодяевъ успѣлъ таки у него выхватить. Конечно, мы вернулись назадъ, а полъ-часа спустя у насъ въ лагерѣ было уже настоящее столпотвореніе вавилонское: вѣсть о побояхъ, нанесенныхъ аксакалу, съ изумительной быстротой распространилась по городу и сюда стеклось теперь почти все русское населеніе города [1]).

---

[1]) Предсѣдатель казенной палаты—особа III класса 1-й степени и имѣетъ или красный коралловый или синій прозрачный шарикъ на форменной шляпѣ; шитье на груди — золотой павлинъ. Пользуется правомъ ѣздить въ зеленыхъ генеральскихъ носилкахъ, въ сопровожденіи свиты, имѣющей тотъ же комплектъ, какъ и губернаторская, но состоящей изъ меньшаго числа образующихъ ее лицъ.

За что? какъ? въ чемъ же, наконецъ, дѣло?!

Объясненіе дикой выходки солдатъ, конечно, не сразу нашлось. Но, наконецъ, нѣкоторые дунгане, успѣвшіе уже повидаться съ солдатами караула, принесли намъ извѣстіе, что аксакалу ставилось въ вину то обстоятельство, что онъ допустилъ русскихъ съ оружіемъ (сопровождавшіе насъ казаки были при шашкахъ) вступить въ городскія ворота. Этой же причиной объяснили скандалъ и посланные Гуй-жуна. Тогда мы предложили послѣднему, буде, если онъ дѣйствительно искренно желаетъ насъ повидать, побывать у насъ, когда вздумаетъ, запросто; но китаецъ къ намъ не поѣхалъ.

Такимъ образомъ въ Урумчи намъ не пришлось свидѣться ни съ однимъ изъ такъ называемыхъ «рукъ и ногъ» государства, если въ числѣ послѣднихъ не считать дюхошена—уѣзднаго начальника, съ которымъ мы бесѣдовали очень долго и который взялся доложить фантэю о творимыхъ намъ всюду затрудненіяхъ. Онъ даже явился къ намъ съ нѣкоторой помпой, въ синихъ носилкахъ, несомыхъ четырьмя солдатами, и въ сопровожденіи свиты, предшествуемой большимъ краснымъ зонтомъ.

Результатомъ этого визита было полученное нами разрѣшеніе посѣтить священную гору Богдо. Закупивъ поэтому все, въ чемъ нуждались, мы выступили изъ Урумчи по направленію къ этой послѣдней 29-го іюля. Встали съ разсвѣтомъ, но провозились такъ долго съ укладкой вещей, что когда первый эшелонъ нашихъ вьюковъ тронулся наконецъ съ мѣста стоянки, по улицамъ города уже вовсе не стало проѣзда: съ трудомъ миновавъ предмѣстье, мы еле-еле пробились къ восточнымъ воротамъ...

Вотъ послѣдній арыкъ «Чимпанъ», выведенный изъ Урумчиской рѣки, а вотъ и горный увалъ, съ котораго весь городъ, какъ на ладони. Впереди, верстъ, можетъ быть, на пятнадцать, потянулось плато, глинисто-песчаное и пустынное, а на горизонтѣ выросли первыя складки предгорій гигантской горы...

---

[1]) Въ наше время число русскихъ, точнѣе русско-подданныхъ, въ Урумчи было не особенно велико, всего, ремесленниковъ и торговцевъ, около 60 человѣкъ.

Всегда безлюдное, плато это оживлено было теперь необычной картиной. Выстроившись въ ряды, стояли здѣсь расцвѣченные фонарями и флагами балаганы, въ которыхъ торжественно возсѣдали кумиры...

Ихъ было молили о дождѣ; когда же никакія просьбы и жертвы не помогли, съ гикомъ и свистомъ выволокли вонъ изъ тѣнистыхъ и прохладныхъ кумиренъ на самое пекло... «Вы зазнались, господа боги!... Въ кумирняхъ вамъ хорошо и свѣжо, такъ побудьте-же здѣсь и на себѣ испытайте, каково намъ въ эту жару быть безъ дождя!». Но и это энергичное распоряженіе не помогло: драконъ (Лунь-вань) со всей своей свитой рѣшительно отказался повиноваться китайскимъ властямъ, и дождя попрежнему не было... Тогда съ ними затѣяли двойную игру: обратно въ кумирни ихъ не ввезли, а выстроили для нихъ балаганы, въ которыхъ тѣ и продолжали уже отбывать свое наказаніе...

Мы приблизились къ этимъ постройкамъ. Изъ нихъ самая большая оказалась театромъ: какъ и всюду въ Китаѣ — открытая сцена безъ всякихъ претензій на украшенія. Но въ эту жару даже и театръ былъ пустъ. У временныхъ кумиренъ тоже не было никого: очевидно, «хошани» [1]) отдыхали теперь въ разбитой тутъ же палаткѣ... Они выскочили, когда заслышали голоса. Пошептавшись съ сопровождавшимъ насъ аксакаломъ, они взяли свои инструменты—треугольникъ, бубны и «іерихонскія» трубы и, ставъ въ рядъ передъ безобразно размалеванной куклой въ шелковыхъ одѣяніяхъ, заиграли свой дикій гимнъ во славу Лунь-ваня... Странное зрѣлище! Китайскіе жрецы, хотя въ поношенныхъ, но за то національныхъ черныхъ костюмахъ [2]) и съ распущенными по плечамъ волосами, странные и съ непривычки дикіе звуки не менѣе странныхъ трубъ, разодѣтый въ шелка истуканъ, курящійся передъ нимъ ѳиміамъ и кругомъ пустыня и, кромѣ насъ, никого...

Мы подали ближайшему изъ жрецовъ небольшой кусокъ серебра и крупною рысью пошли догонять далеко уже впередъ ушедшіе вьюки.

---

[1]) То-есть жрецы, «бонзы» европейскихъ писателей и японцевъ.

[2]) Современный китайскій костюмъ навязанъ имъ ихъ побѣдителями-маньчжурами; національный же сохранился только у жрецовъ и на подмосткахъ театра; разрѣшается также его надѣвать и при совершеніи нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ.

Зной нестерпимый. По сторонамъ скучный, желтосѣрый ландшафтъ. Изрѣдка кое-гдѣ торчатъ либо полузасохшіе стебли какихъ-то никому неизвѣстныхъ растеній, либо обглоданный чій (Lasiogrostis splendens). Единственный звукъ на этомъ плато — стрекотъ безчисленныхъ прямокрылыхъ, которыя при каждомъ шагѣ, какъ брызги, разлетаются отъ васъ во всѣ стороны... Но горизонтъ здѣсь все-таки не широкъ: отовсюду подымаются горы, которыя уже заслонили гиганта. И до нихъ, повидимому, вовсе недалеко... Но мы цѣлыхъ два часа ужъ въ дорогѣ, и эти два часа успѣли показаться намъ вѣчностью...

И вотъ, наконецъ, мы пришли... Мы взобрались на пологій увалъ и съ него увидали точно иную страну.

Это «Дунсанъ»—подошва Богдо.

Безконечная панорама горъ и лощинъ, поросшихъ сочной, прекрасной травой, множество рѣчекъ и родниковъ, рощицы осины [1]), ели и тополя, съ подсадой изъ разнообразныхъ кустарниковъ, и надъ всѣмъ этимъ одѣтый снѣгомъ, величественный, трехглавый Богдо—вотъ что такое «Дунсанъ». Обиліе во всемъ, безконечныя пастбища и воздухъ, напоенный ароматомъ цвѣтовъ... Какой въ самомъ дѣлѣ контрастъ съ только что пройденной пустошью, которая такой грустной гранью легла между твореніемъ Божьимъ во всемъ его необыкновенномъ величіи и дѣвственной прелести и этимъ жалкимъ и грязнымъ муравейникомъ — твореніемъ рукъ гордаго человѣка!...

Нашъ проводникъ свернулъ вправо, и мы стали подыматься лощиной, по дну которой струился ручей Лоуса-гу; сперва кое-гдѣ виднѣлись еще плантаціи мака, но затѣмъ и эти слѣды культуры исчезли, и мы стали нырять изъ одной пади въ другую. Наконецъ, на одиннадцатой верстѣ, спустившись въ долину другого ручья—Кичанъ-гу, узнали, что пришли на ночлегъ и остановились въ густомъ карагачевомъ лѣсу, за которымъ виднѣлась одинокая фанза, окруженная плантаціями мака.

На слѣдующій день мы продолжали идти все такой же изрѣзанной лѣсными долинами мѣстностью. Мы втянулись даже въ какую-то щель, стѣны которой сложены были изъ отшлифованныхъ плитъ метаморфическихъ сланцевъ — совершенно дикое мѣсто! — какъ вдругъ при выходѣ на лужайку насъ неожиданно поразилъ отчаянный лай нѣсколькихъ псовъ, понесшихся къ намъ навстрѣчу... Вглядѣлись — дымокъ... Но изъ-за тутъ же росшихъ кустовъ жимолости и крушины ничего пока еще не было видно...

---

[1]) Нигдѣ, ни раньше, ни послѣ мы въ Восточномъ Тянь-Шанѣ осины не встрѣтили; здѣсь же она являлась преобладающей древесной породой.

— Что тутъ такое?

— Кошъ зайсанскихъ киргизъ... да вотъ и они!

Русскіе киргизы — здѣсь? какими судьбами?!

— Аманъ кельды?!... аманъ, таксыръ [1])...

Знакомыя рѣчи и точно знакомыя лица... Были ли они рады насъ видѣть — не знаю, но мы имъ непритворно обрадовались... Едва развьючились, какъ тотчасъ же завязалась самая пріятельская бесѣда. Это были торговцы-гуртовщики, давно уже промышляющіе въ Джунгаріи и то и дѣло кочующіе съ Иртыша на Бэй-лу и отсюда обратно. Шибко зашибаютъ деньгу.

— Китайцы — они вѣдь странный народъ: своихъ боятся, а къ русскимъ питаютъ довѣріе. Ни калмыковъ, ни киргизовъ и близко къ Урумчи не пускаютъ, а русскіе — торгуй въ немъ, чѣмъ хочешь [2]). Съ гурта тысячу, а не то и больше рублей наживаемъ... А лошади — съ тѣхъ-то, пожалуй, и по пяти рублей на голову мало считать... Да теперь, впрочемъ, что! Раньше развѣ такъ торговали? Были деньги — солдаты стояли [3]). А нынче норовятъ уже больше въ кредитъ... Оскудѣлъ народъ, нѣтъ вовсе серебра въ краѣ, а натурой отсюда что увезешь? Страна неустроенная, все тутъ — привозное, ничего своего...

И въ этихъ немногихъ словахъ сказался ясный взглядъ этихъ полудикарей на бѣдственное положеніе Южной Джунгаріи и на ея матеріальную зависимость отъ сосѣдей. Дѣйствительно, единственно, чѣмъ можетъ еще въ настоящее время гордиться эта страна, — это производствомъ высшихъ сортовъ опія. Но, увы, она же является и первой потребительницей его [4]), такъ что даже ежегодный ввозъ

---

[1]) Здравыми ли прибыли?!... Здравствуй, господинъ...

[2]) Надо помнить, что это говорилось въ 1889 г.; годомъ позже, какъ уже извѣстно читателю, условія русской торговли скотомъ измѣнились значительно и при этомъ въ худую сторону.

[3]) Во время занятія китайцами Джунгаріи и позже, до 1887 года, когда китайское правительство стало наконецъ сокращать число войскъ, расположенныхъ въ Синь-цзянской провинціи.

[4]) Въ Джунгаріи курятъ опій даже малыя дѣти. Ужасно!

Въ «Asiatic Quarterly Review» (1892) врачъ Найтингаль высказывается въ пользу куренія опіума. Онъ говоритъ, что практиковалъ съ годъ въ Іогорѣ среди китайцевъ и имѣлъ возможность наблюдать тысячи паціентовъ въ тамошнемъ госпиталѣ. Онъ того мнѣнія, что куреніе опіума сюда гансуйскаго опія едва ли съ годами можетъ много уменьшиться.

— Ну, а что, много отъ васъ перепадаетъ китайскимъ властямъ?

— Нѣтъ, пока что — Богъ милуетъ. Мы круглый годъ вѣдь въ горахъ, не живемъ у нихъ на глазахъ. Ну, а если ужъ дѣло какое, тогда безъ этого какъ же и быть?!

На этомъ бесѣда оборвалась. Гдѣ-то по близости послышался выстрѣлъ, необыкновенно гулко пронесшійся по ущелью, покатился откуда-то щебень, и минуту спустя изъ-за сосѣдней скалы появилось сіяющее лицо Комарова.

— Орлятъ подстрѣлилъ, ваше благородіе, еще трепыхаются.

Оказались — оперившимися птенцами Nisaëtus minutus, Brehm. Занявшись птицами, мы и не замѣтили, какъ киргизы одинъ по одному разбрелись, кто куда.

Между тѣмъ, едва пообѣдали, стало темнѣть. До заката, разумѣется, еще далеко, но въ ущельѣ ужъ сумерки. Тѣни выросли и на противоположныхъ скалахъ, все выше и выше, сталъ подыматься золотой поясъ свѣта... Засвѣтились наконецъ одни только шпили, но и они вскорѣ погасли. Въ нашей ямѣ стало вдругъ и сыро, и какъ-то совсѣмъ неуютно. Засвѣтились огни и вблизи нихъ мракъ точно еще больше сгустился.

— Ташбалта, Григорій, собирайтесь—пора!...

И вотъ, съ фонаремъ и сѣтками, втроемъ, направились мы на обычный ночной ловъ внизъ по ущелью. Холодно, однако, и къ тому же роса: въ густой травѣ сапоги живо намокли...

— Нѣтъ, тутъ ничего не поймаемъ; идемъ къ осыпямъ.

И хоть ничего не было видно, но мы кое-какъ все-жъ таки продрались сквозь кусты, по камнямъ перебрались черезъ ручеекъ Ганьгу и полѣзли на осыпь. Но и тамъ — ничего. Раза два пролетала надъ головами какая-то бабочка и уже болѣе не попадала въ полосу свѣта. А между тѣмъ совсѣмъ ужь стемнѣло. У насъ подъ ногами разстилалась теперь уже одна сплошная черная щель, въ глубинѣ которой не было возможности ничего разобрать; даже

не только не зло, но въ большинствѣ случаевъ даже благодѣяніе (sic!), ибо оно прекращаетъ и ослабляетъ приступы лихорадки. Потребленіе опіума даетъ возможность китайцамъ переносить тяжкую работу при 66°R градусахъ пекла Кто куритъ очень много, а это случается рѣдко, тотъ хорошо спитъ и просыпается бодрымъ.

Вотъ выводъ, съ которымъ никакъ нельзя помириться тѣмъ, кто видѣлъ несчастныхъ, подверженныхъ этой ужасной привычкѣ.

и та луговина, на которой стояли мы бивуакомъ, слилась теперь въ нѣчто неопредѣленное и безформенное съ окружающими ее лѣсомъ и скалами... Огни на ней тоже погасли. Стало быть, поздно... Пора!

Мы стали спускаться. Подошли и къ ручью.

— Да посвѣти же, Ташбалта!

— Сюда, сюда, хозя'нъ!..

Онъ указалъ мнѣ, вѣроятно, на камень, но я промахнулся и попалъ въ воду. Ташбалта сдѣлалъ какое-то неловкое движенiе, и фонарь погасъ.

— Спичка, хозя'нъ, баръ?

Но спичекъ не оказалось, и мы уже ощупью продолжали свой путь. Когда проходили среди табуна, лошади фыркнули и шарахнулись въ сторону. Но собаки узнали и стали шумно выражать свою радость. Еще нѣсколько шаговъ, и мы чуть не наткнулись на юрты. У насъ еще свѣтился огонь: братъ заканчивалъ нанесенiе съемки, а Матвѣй увертывалъ препарированныхъ птицъ.

— Билетики бы, ваше благородiе, къ птичкамъ.

Я написалъ, и Матвѣй удалился.

— Ну, что, какъ твои бабочки?

— Да опять ничего. Были на осыпяхъ...

— Видѣлъ...

Минутъ пять спустя, нашъ бивуакъ уже спалъ, и только дежурный казакъ мурлыкалъ про себя какую-то пѣсенку въ ожиданiи скорой смѣны...

На слѣдующiй день мы тронулись очень рано.

Сейчасъ же съ мѣста нашей стоянки дорога пошла густымъ лѣсомъ: ель и осина. Густой подлѣсокъ и буреломъ совершенно загораживали мѣстами дорогу, и намъ не мало пришлось повозиться, прежде чѣмъ выбраться опять на луга. Зато, переправившись на правый берегъ Ганьгу, мы вздохнули свободнѣе: мы очутились на разработанной китайцами вьючной тропѣ... Всюду лежалъ здѣсь, сложенный въ клѣтки и стѣнки, сырцовый кирпичъ. Куда везутъ и почему онъ здѣсь сложенъ?

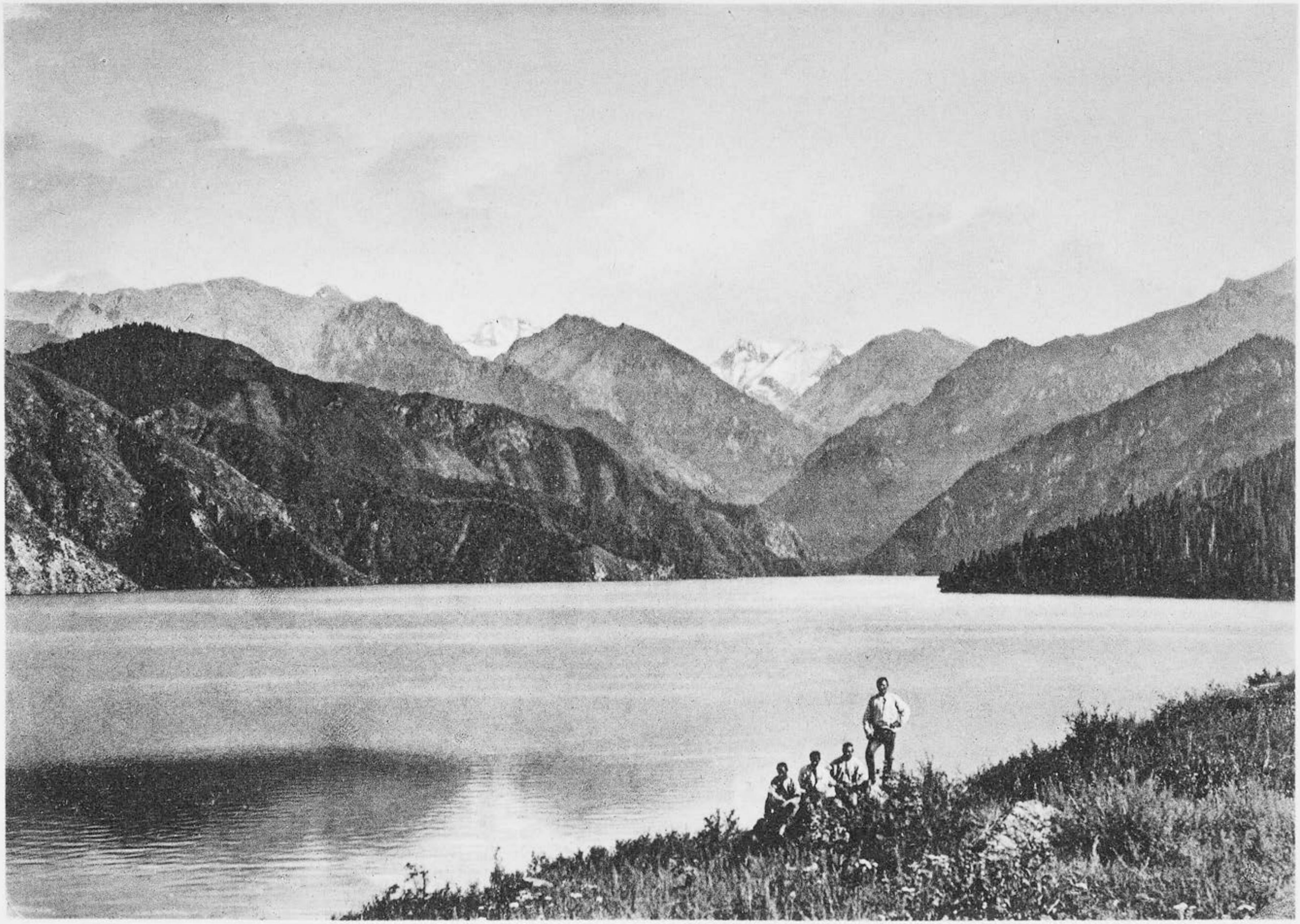
— Кумирни богамъ своимъ строятъ, вотъ и везутъ... А старыя, которыя и были, всѣ разорили дунгане...

Однако, подъемъ все круче и круче. Роскошнѣйшiй лугъ внизу, осыпи сверху и по краю послѣднихъ вьется тропа.

Въ камняхъ послышался клохтъ улларовъ (Tetraogallus himalayensis, Gray). Вотъ, кабы ихъ подстрѣлить!.. И наши охотники

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ I.



Моренное озеро въ горахъ Богдо-Ола съ сѣверной стороны.

Фототипія В. Клисенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

съ разныхъ сторонъ полѣзли на осыпь, но полчаса спустя уже вернулись и, разумѣется, съ пустыми руками.

— А что же ваши уллары?

— Были бы наши, да улетѣли...

А между тѣмъ мы уже успѣли подняться на перевалъ и спуститься въ широкую и поэтическую долину рѣки Ши-ма-гу. Подъ могучими столѣтними тополями, среди которыхъ по каменистому ложу разбросалась отдѣльными рукавами рѣка, стоялъ опять кошъ.

— Киргизы?

— Да, киреи.

Здѣсь мы застали только подростка, который поспѣшилъ предложить намъ по чашкѣ айрана 1). Я, однако, не останавливался: было не до разспросовъ.

Все величественнѣе становились горы, и чѣмъ дальше, тѣмъ живописнѣе мѣстность. Съ каждаго холма рисовалась новая панорама, каждый поворотъ обѣщалъ иное сочетаніе скалъ, луговъ и еловаго лѣса, которые чередовались съ такимъ разнообразіемъ, представляли такія чудныя комбинаціи красокъ и формъ, что положительно я не зналъ, куда смотрѣть, чѣмъ любоваться. И въ то же время меня неудержимо что-то тянуло впередъ, точно сердце предчувствовало, что нѣчто лучшее еще впереди и что это подножіе «Божьяго трона», дѣйствительно, дивный калейдоскопъ чудныхъ перспективъ и ландшафтовъ.

Мы миновали долину, днище и противоположные скаты которой покрыты были на корню высохшимъ лѣсомъ. Какія причины вызвали образованіе такихъ громадныхъ площадей сухостоя? Неужели пожаръ, и если да, то давно ли? Но спросить было не у кого. Взбираемся все выше и выше. И вотъ, наконецъ, перевалъ...

Внизу, на страшной глубинѣ, озеро дивнаго бирюзоваго цвѣта. Гигантскія скалы кругомъ. Надъ ними—трехглавый Богдо.

Такъ вотъ оно гдѣ, это священное озеро, воды котораго нѣкогда покрыли останки ста тысячъ святыхъ! Такъ вотъ почему китайцы даютъ такое поэтическое названіе этимъ горамъ 2), а воображеніе всѣхъ окрестныхъ народовъ населило ихъ своими богами!.. 3).

Вся Средняя Азія не имѣетъ уголка болѣе живописнаго и

---

1) «Айранъ»—квашеное молоко.

2) Они ихъ называютъ «Линъ-шань» — «чудотворными горами» и «Фу-шеу-шань» — «горами счастія и долголѣтія» (Іакинѳъ, «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 101).

3) Тюркское названіе Богдо-ола—«Топатаръ ауліэ», то-есть горы «многихъ святыхъ».

вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе таинственнаго и величаваго. Гигантская гора, «подпирающая, по китайскому выраженію, облака и заслоняющая собою луну и солнце [1])» и видная изъ пяти городовъ, но всего лучше изъ Центральной Джунгаріи, откуда она, дѣйствительно, кажется «трономъ» или, если хотите, усѣченнымъ конусомъ, совершенно неестественно-высоко приподнявшимся изъ-за громады снѣговыхъ горъ, вся она теперь тутъ, передъ нами, не заслоненная вовсе предгоріями... Подошву ея омываютъ воды озера бирюзоваго цвѣта, берега котораго—дикія скалы, поросшія лѣсомъ, и выше нихъ, съ нашей стороны, изумрудныя поляны и еловыя рощи, напротивъ — осыпи пестраго камня. И все это, наконецъ, въ узкихъ рамкахъ торчащихъ кругомъ горныхъ вершинъ, которыя только на сѣверѣ разсѣкаются одною дикою и узкою щелью рѣки Хайдаджана. Какое таинственное и дивное мѣсто! И это гдѣ же? Въ сердцѣ Гобійской пустыни, которая двумя широкими рукавами охватила этотъ, еще невѣдомый европейцамъ, «Парнасъ» тюркскихъ и монгольскихъ народовъ...

Дорожка бѣжитъ высоко надъ западнымъ берегомъ озера. Мы, то и дѣло, то круто взбираемся на откосъ, то спускаемся въ логъ. Чудные луга, залитые моремъ цвѣтовъ (Ziziphora, Sedum, Geranium и др.), еловыя рощи, скалы, разбросанныя по сторонамъ, то полуразрушенныя, то строящіяся кумирни, караваны муловъ, везущихъ либо кирпичъ, либо лѣсъ, либо, наконецъ, громадные глиняные кувшины съ водой, китайцы—рабочіе и монахи—все это, то и дѣло, мелькаетъ и вправо и влѣво отъ насъ. На насъ смотрятъ съ удивленіемъ, мы тоже озираемся по сторонамъ и все боимся чего-нибудь не пропустить, чего-нибудь не досмотрѣть въ этомъ чудномъ уголкѣ Божьяго міра...

— Вотъ гдѣ постоять бы!

— Да, да, разумѣется... Надо только выбрать получше мѣстечко.

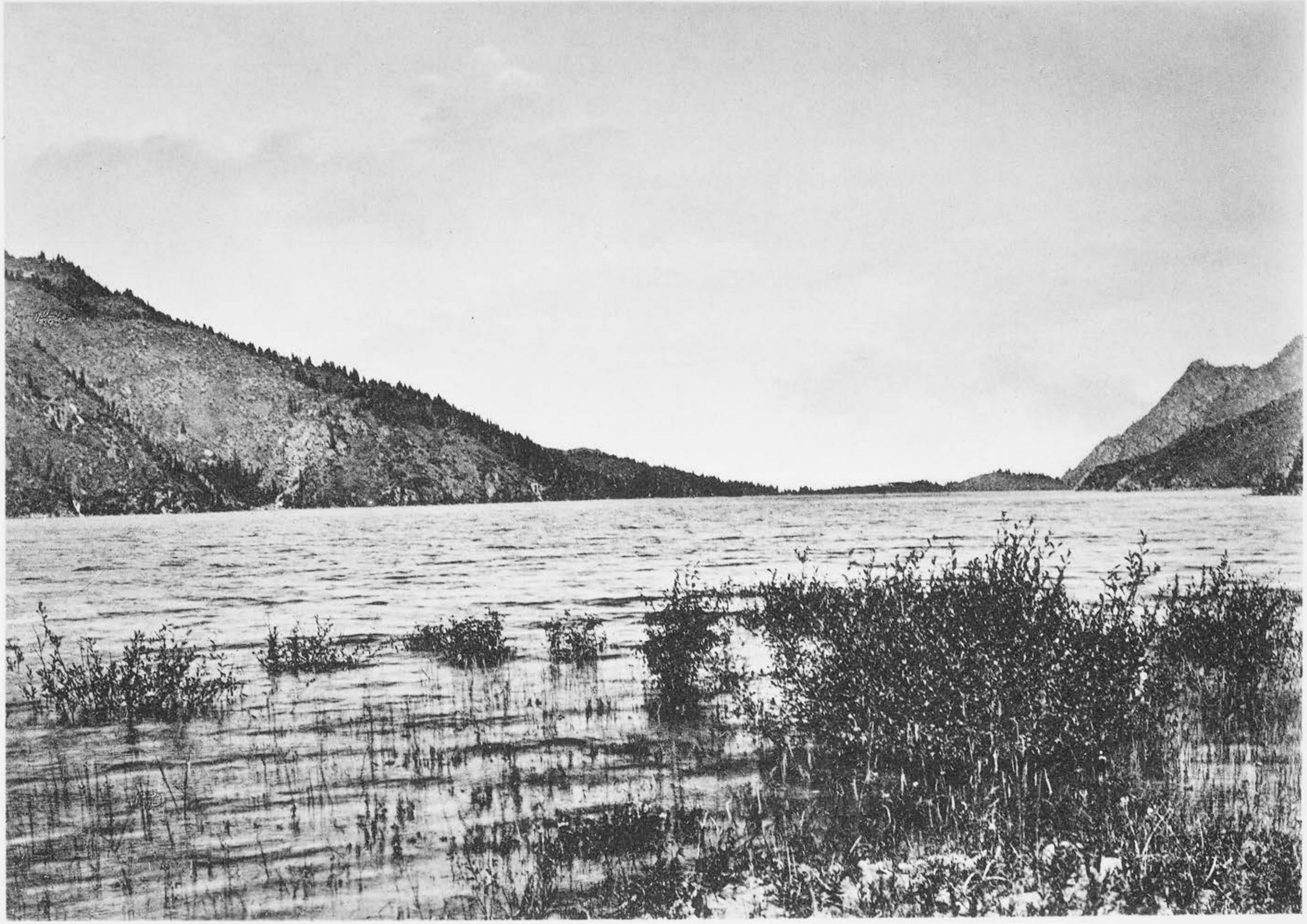
— Да чего выбирать! Здѣсь вездѣ хорошо... вотъ, хоть у озера!

Но озеро все еще далеко отъ насъ, а дорожка юлитъ по отрогамъ и то спустится внизъ, то взбѣжитъ снова наверхъ. Наконецъ, вынырнувъ въ послѣдній разъ изъ еловаго перелѣска, дѣлаетъ крутой поворотъ и еще круче спускается книзу... Озеро!

Едва развьючились, къ намъ явилась депутація отъ монаховъ.

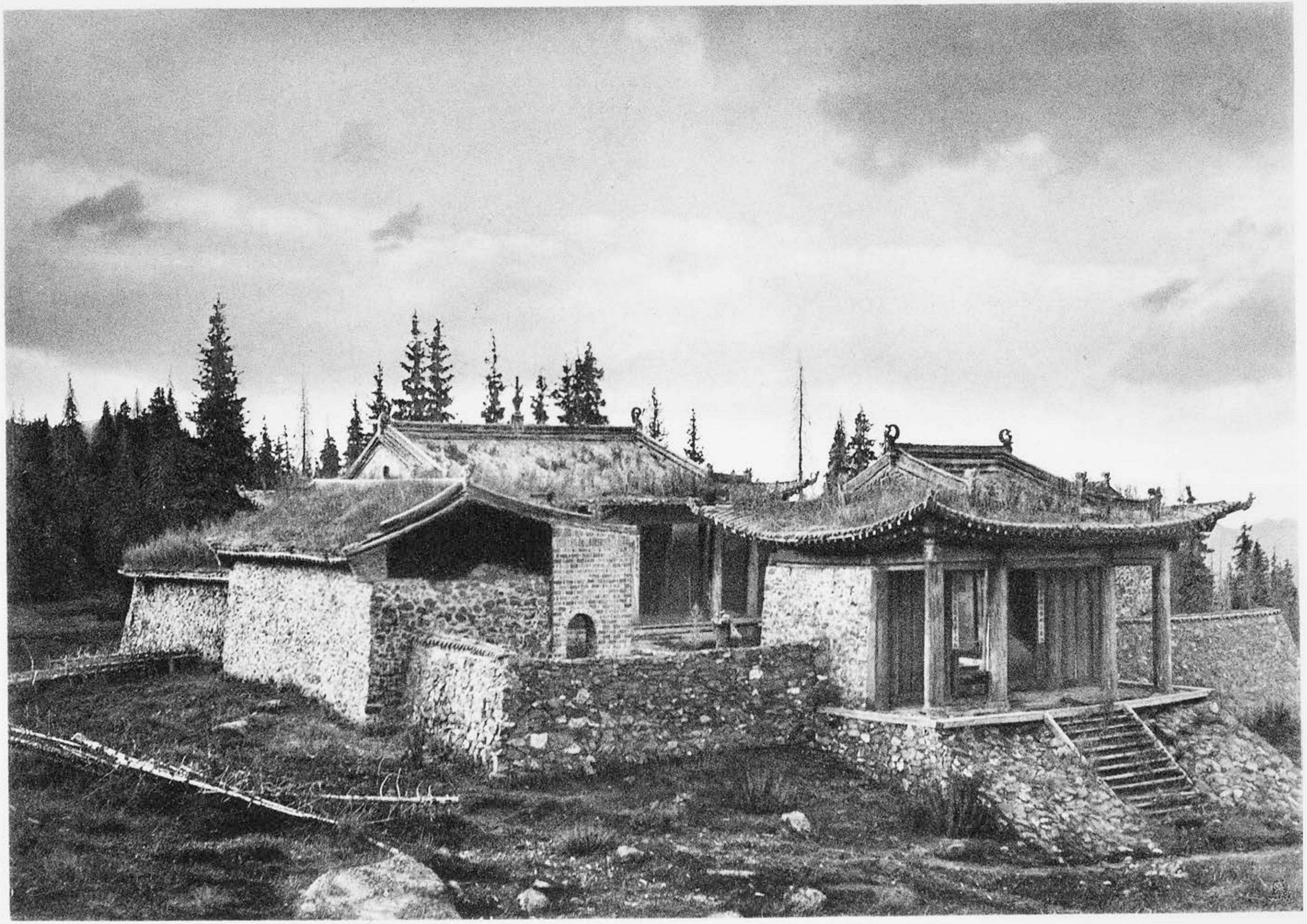
---

[1]) Іакинѳъ, ibid., стр. 92.



Моренное озеро въ горахъ Богдо-Ола съ южной стороны.

Фототипія В. Классонъ. С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.



Кумирня на берегу озера въ горахъ Богдо-Ола.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

— Здѣсь нельзя стоять!

— Почему нельзя?

— Озеро это священное... Богъ Та-мо-фу, что обыкновенно сидитъ въ ледяныхъ чертогахъ своихъ, сходитъ иногда сюда покататься, и тогда все озеро сверкаетъ огнями...

— Любопытно... и вы видѣли эти огни?

— Видѣли ихъ святые люди — подвижники, постники; а изъ насъ ихъ никто не видалъ.

— И мы, вѣроятно, ихъ не увидимъ.

Такой оборотъ рѣчи, очевидно, не понравился почтеннымъ служителямъ Та-мо-фу. Они начинали сердиться...

— Здѣсь, слышите ли, нельзя пасти скотъ, нельзя охотиться, нельзя рубить лѣсъ. Мѣсто это священное; всѣ твари, населяющія его, принадлежатъ Та-мо-фу. Онъ разсердится, если ихъ станутъ избивать, ихъ луга топтать, ихъ лѣса рубить. Выстрѣлы изъ ружья и ударъ топора нарушатъ покой, который здѣсь царствуетъ искони. Онѣ призовутъ на васъ божій гнѣвъ, и тогда вы погибли...

— А кому же принадлежатъ мулы, разгуливающіе вонъ тамъ, на лугу?

— Фантэ'ю [1]).

— Почему же вы ихъ отсюда не гоните? Они вѣдь топчутъ луга.

— Мы не смѣемъ.

— А какъ же вы смѣете рубить здѣсь лѣса?... Мы встрѣчали всюду порубки.

— Это не мы, а солдаты.

— А ихъ отчего вы не гоните?

— А какъ же ихъ гнать?

— А такъ же, какъ теперь вы гоните насъ.

— Но вѣдь они не по своей охотѣ... лѣсъ нуженъ для строящихся кумиренъ?..

— Вотъ сказали! да развѣ его нельзя привезти изъ-за горъ? Кирпичъ вѣдь везете...

Монахи переглянулись.

— Мы еще разъ повторяемъ свое требованіе: уходите отсюда!

— А если мы не уйдемъ?..

— Мы въ васъ прикажемъ стрѣлять...

---

[1]) Съ вѣдома этого сановника, какъ уже извѣстно читателю, мы и посѣтили горную группу Богдо-ола.

— А, если такъ, то вотъ что, монахи! Мы здѣсь останемся, а для того, чтобы обезпечить себя отъ случайностей... казаки! Комаровъ, Глаголевъ! скрутить этому господину руки за спину, да и пусть посидитъ у насъ подольше въ гостяхъ!..

Это подѣйствовало: монахи бѣжали, главарь ихъ смирился и потомъ за все наше двухнедѣльное здѣсь пребыванiе былъ даже нашимъ лучшимъ прiятелемъ. Его товарищи натащили картофеля, редиски, луку и другихъ овощей; мы одарили ихъ всѣхъ нѣсколькими аршинами синей китайки, и миръ съ ними былъ заключенъ навсегда. Они даже впослѣдствiи пренаивно сознались, что надѣялись сорвать съ насъ приличный кушъ въ пользу кумирни: «вѣдь бѣдняга Та-мо-фу не имѣетъ пока даже приличной одежды!»...

Но если китайцы и отнеслись къ намъ добродушно, то богъ Та-мо-фу отнесся иначе: нарушителямъ его покоя, онъ не посылалъ намъ удачи ни въ чемъ и вскорѣ достигъ таки своего—выжилъ насъ изъ своей прекрасной обители!

Начну по порядку.

Монахи, между прочимъ, намъ говорили, что еще въ древности богъ Та-мо-фу, спустившись съ престола, начерталъ на одной изъ скалъ, съ юго-востока окаймляющихъ озеро, такiя слова: «Люди! молитесь мнѣ здѣсь, ибо мѣсто это, какъ ближайшее къ небу, избрано мною». Но никто не могъ прочесть этой надписи, пока не выискался, наконецъ, одинъ почтенный старикъ... Существуетъ ли и поднесь эта надпись, неизвѣстно: лодокъ здѣсь нѣтъ, а берегомъ до скалы не добраться...

Но мы попытались. Въ самомъ дѣлѣ это могъ быть любопытный документъ — остатокъ хотя бы того «варварскаго» письма, о которомъ говорятъ китайскiя лѣтописи V вѣка [1]). Къ тому же все равно намъ предстояло посѣтить южный берегъ этого озера: я хотѣлъ отыскать болѣе или менѣе ясные слѣды ледниковъ, брату необходимо было ставить вѣху для того, чтобы тригонометрически опредѣлить относительную высоту хотя бы крайняго и изъ трехъ самаго невысокаго пика Богдо. Два дня мы употребили на поиски, исходили весь южный берегъ, осмотрѣли всѣ скалы, а надписи не нашли!

Это была первая неудача. Затѣмъ дальше. Мы ежедневно охотились, но всегда какъ-то несчастливо... Подстрѣлишь птицу, упадетъ, не отыщешь въ травѣ или кустахъ, а найдешь какъ нарочно такую, которой весь зарядъ угодилъ въ голову или вышибъ много пера... Неоднократно слышали ревъ мараловъ, видѣли нерѣдко косуль (Cervus capreolus), стрѣляли и не убили. Предпринимали спеціально охоту на улларовъ и тоже безъ результатовъ. Въ мірѣ насѣкомыхъ опять таки ничего новаго и интереснаго, а какъ надѣялись здѣсь что нибудь встрѣтить! Думали наконецъ: вотъ постоимъ, лошадей выправимъ. Но надежды и тутъ не осуществились: запретный кормъ не въ прокъ, видно, пошелъ нашимъ животнымъ! Къ тому же одна изъ нихъ обезножила, напоровшись копытомъ на низко срубленный ргай (Cotoneaster), у другой спинной наминъ разыгрался въ серьезную рану. Но самымъ памятнымъ событіемъ было вынужденное бѣгство наше съ гребня одного изъ главныхъ отроговъ Богдо. Еще хорошо, что все обошлось совершенно благополучно, и что мы отдѣлались только тѣмъ, что измокли да выпачкались въ грязи... Вотъ какъ происходило все дѣло.

---

[1]) Iакинѳъ, «Собранiе свѣдѣнiй о народахъ Средней Азiи». III. (Гаочанъ); В. Григорьевъ, «Восточный или Китайскiй Туркестанъ», 1873 г. стр. 100—101, 345.

Надо было опредѣлить высоту снѣговой линіи, собрать образчики горныхъ породъ, слагающихъ горную группу, и образцы флоры и фауны, снять фотографіи, однимъ словомъ хотя бы въ общихъ чертахъ познакомиться съ альпійской зоной хребта. День былъ прекрасный, небо безоблачное. Съ одной вьючной лошадью мы всемеромъ живо добрались до перевала въ долину рѣки Шима-гу, но тутъ тропинка оборвалась и началось карабканье по гребню одного изъ отроговъ хребта.

Надо отдать полную справедливость Та-мо-фу: умѣло выбралъ онъ свое сѣдалище и крѣпко защитилъ снѣговые чертоги свои отъ любопытныхъ взоровъ людей.

— Гассанъ-бай [1]), да, вѣдь, это развѣ дорога? Не понимаешь?.. Шайтанъ, шайтанъ-іолъ! Чертова лѣстница, а не дорога!..

— Ага, шайтанъ-іолъ!..—глуповато разсмѣялся Гассанъ и полѣзъ дальше.

Мы уже давно спѣшились и волокли за собой лошадей, которыя, прыжками взбираясь на камни, то и дѣло грозили сбить насъ головой или грудью съ обрыва. Круча невѣроятная. Каменныя плиты, скользкія и гладкія, на которыхъ не знаешь какъ и держаться. Или и хуже того—карнизы столь узкіе, что мы не переставали все время трепетать за нашего гнѣдка, завьюченнаго поверхъ кошемъ мѣшками съ провизіей и кое-какими вещами. Отдыхали только въ тѣхъ мѣстахъ гребня, куда добѣгалъ ельникъ; но и тутъ съ лошадьми была бѣда: вывороченныя каряги, низко ростущія вѣтви, каменныя глыбы—все это были такія препятствія, которыя не легко обходились.

---

[1]) Бай—значитъ «богачъ». Мы такъ въ шутку называли оборванца Гассана, новаго слугу нашего, взятаго въ Урумчи. Титуловали его также «ахуномъ». Онъ сдѣлалъ съ нами всю экспедицію и оказался предостойнѣйшимъ человѣкомъ.

Озеро, которое виднѣлось однимъ своимъ южнымъ концомъ, казалось намъ на недосягаемой глубинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже поднялись надъ его уровнемъ на высоту 3.500 футъ, цѣлой версты по вертикалу! Въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, въ которыхъ оно было заключено, оно представлялось отсюда лазуревой каплей на днѣ глубочайшаго каменнаго сосуда. Странное, единственное въ своемъ родѣ, зрѣлище! Гигантскія прибрежныя скалы казались намъ отсюда ничтожными валунами и частью настолько теряли свои очертанія, что сливались съ болѣе высокимъ ярусомъ горъ; еловые лѣса мелькали на нихъ темными пятнами, отдѣльные же предметы совсѣмъ исчезали въ той полупрозрачной мглѣ, которая сѣроватой дымкой охватывала низы... И поверхъ всего этого громадный голубой куполъ неба, и на всемъ снопы лучей, рѣзкіе контрасты свѣта и тѣни!

Но намъ было некогда останавливаться на этихъ подробностяхъ эффектной картины: мы спѣшили впередъ... Кое-какъ вскарабкавшись на барьеръ, сложенный изъ вертикально торчащихъ сланцевыхъ плитъ, мы очутились по ту сторону гребня и сразу совершенно въ иной обстановкѣ: о пропастяхъ и карнизахъ нѣтъ и помина, впереди только луговыя покатости, перерѣзанныя глубокими ложбинами, и обычный альпійскій ландшафтъ съ его островками оголенной топкой земли—«плѣшинами», какъ обыкновенно ихъ называютъ, съ его безчисленными тропами, опоясывающими холмы и бугры и уму непостижимо кѣмъ здѣсь проложенными, рѣдкими цвѣтами и все заполонившимъ кипцомъ. Здѣсь мы уже снова сѣли на лошадей и рысью погнали впередъ.

Нѣсколько верстъ такой мѣстности, послѣ всего нами видѣннаго, показались намъ монотонными, и мы оживились только тогда, когда впереди показались снова утесы, глубокія пади, лѣса и далекая панорама горъ и долинъ, по которымъ тонкими струйками неслись рѣчки—притоки вышеупоминавшейся Ши-ма-гу. Проѣхавъ еще нѣсколько верстъ и то спускаясь въ глубокіе лога, то подымаясь на гребни, мы достигли, наконецъ, какого-то бурнаго ручейка, на берегу котораго, по предложенію Гассана, и разбили свой бивуакъ, вѣрнѣе сказать, разостлали кошму и разложили на ней тѣ немногія вещи, что̀ захватили съ собой. День окончили: братъ за препарировкой птицъ для коллекціи (Fringilla montifringilla, L., Accentor altaicus, Brdt. и Tetraogallus himalayensis, Gray), я за укладкой чешуекрылыхъ, наловленныхъ днемъ, и за ловлей ночницъ. [1])

Ночь провели скверно: мелкій дождь, туманъ и сырость, а надъ нами одинъ только покровъ—хмурое небо! Проснувшись рано и согрѣвшись за чаемъ, мы стали сбираться въ дорогу.

Кто былъ въ горахъ, кто поднимался поясомъ осыпей до линіи вѣчнаго снѣга, тотъ, безъ сомнѣнія, уже знаетъ, что за адская дорога намъ предстояла. Всего лучше, разумѣется, было бы намъ подыматься пѣшкомъ. Но подобное предпріятіе въ данномъ случаѣ было невыполнимо уже потому, что по приблизительному расчету въ оба конца не могло быть менѣе двадцати верстъ; къ тому же пришлось бы нагрузить себя всевозможными вещами, начиная съ гипсометра и бусоли и кончая ружьями и фотографіей; да и ходьба на абсолютной высотѣ въ 11.000—12.000 футовъ сама по себѣ уже не легка... И вотъ мы верхомъ и снова въ пути.

Долина шириной саженъ въ сто-полтораста. Крутые скаты по направленію къ серединѣ, гдѣ среди валуновъ пѣнится бурный потокъ. То мокрый лугъ, на которомъ лошадь вязнетъ на каждомъ шагу, то осыпь, подъ которою журчитъ незримый ручей. Бурые осколки метаморфическихъ сланцевъ навалены грудами; наступишь на одинъ, и всѣ сосѣди приходятъ въ движеніе, грозя вамъ своимъ зловѣщимъ шуршаніемъ. Лошадь пугается, изощряется однимъ махомъ перескочить черезъ подобный барьеръ, но, сдерживаемая уздой, горячится и безъ толку топчется на одномъ мѣстѣ, рискуя ежеминутно сломать себѣ ногу. Тягостная ѣзда!

Впечатлѣніе, производимое такими барьерами — точно это морены. Но, нѣтъ, вы можете прослѣдить эти гряды обломковъ до самыхъ гребней; ясно, что атмосферные агенты дѣйствовали здѣсь болѣе энергично, чѣмъ въ другихъ участкахъ тѣхъ же сланцевыхъ скалъ, и образовали эти странныя осыпи. Чѣмъ дальше, однако, тѣмъ осыпей больше, и, наконецъ, онѣ выростаютъ въ такія высокія гряды, что нечего и думать перелѣзать черезъ нихъ съ лошадьми... Но и у ихъ подошвы оставить лошадей совершенно нельзя: здѣсь какая-то топь—глинистая, рыхлая почва, еле прикрытая кое-какими растеніями, отовсюду струящаяся вода... И вотъ мы раздѣлились: съ братомъ и казакомъ Колотовкинымъ мы отправились дальше, а остальныхъ послали на низъ.

---

[1] Изъ коихъ одна—Luperina (huj. gen?) malitiosa—оказалась новой.

Перешагнувъ черезъ каменный валъ, мы очутились въ настоящемъ царствѣ смерти и разрушенія: кое-гдѣ среди камней виднѣлись еще лишаи, но, кромѣ нихъ, ничего. Даже уллары клохтали гдѣ-то ниже и въ сторонѣ... Представьте же себѣ изумленіе наше, когда вдругъ Колотовкинъ воскликнулъ:

— Капуста!

— Какая капуста? Въ умѣ ли ты, Колотовкинъ?

Смѣется.

— Такъ точно! только вотъ достать не могу...

Что за диво? И какъ ни трудно было среди громадныхъ каменныхъ глыбъ добираться до Колотовкина, но добрались и въ расщелинѣ между камней увидали если и не капусту, то нѣчто дѣйствительно странное: громадное растеніе, ростущее на подобіе этой послѣдней. Ничего сколько нибудь схожаго съ нимъ мы никогда и нигдѣ не встрѣчали...

— Какъ бы достать?!..

— Я и то думалъ, какъ бы достать... да неспособно. Ишь щебень какой—крутизна!

Стали осматриваться и увидали такую же капусту и выше, и ниже въ камняхъ. Добравшись до первой, еще болѣе изумились: на цвѣткѣ, забравшись между громадными наружными желтовато-бѣлыми лепестками и крупнымъ, колючимъ темно-лиловымъ соцвѣтіемъ, сидѣла ночница, очевидно, нѣчто новое, замѣчательное [1])...

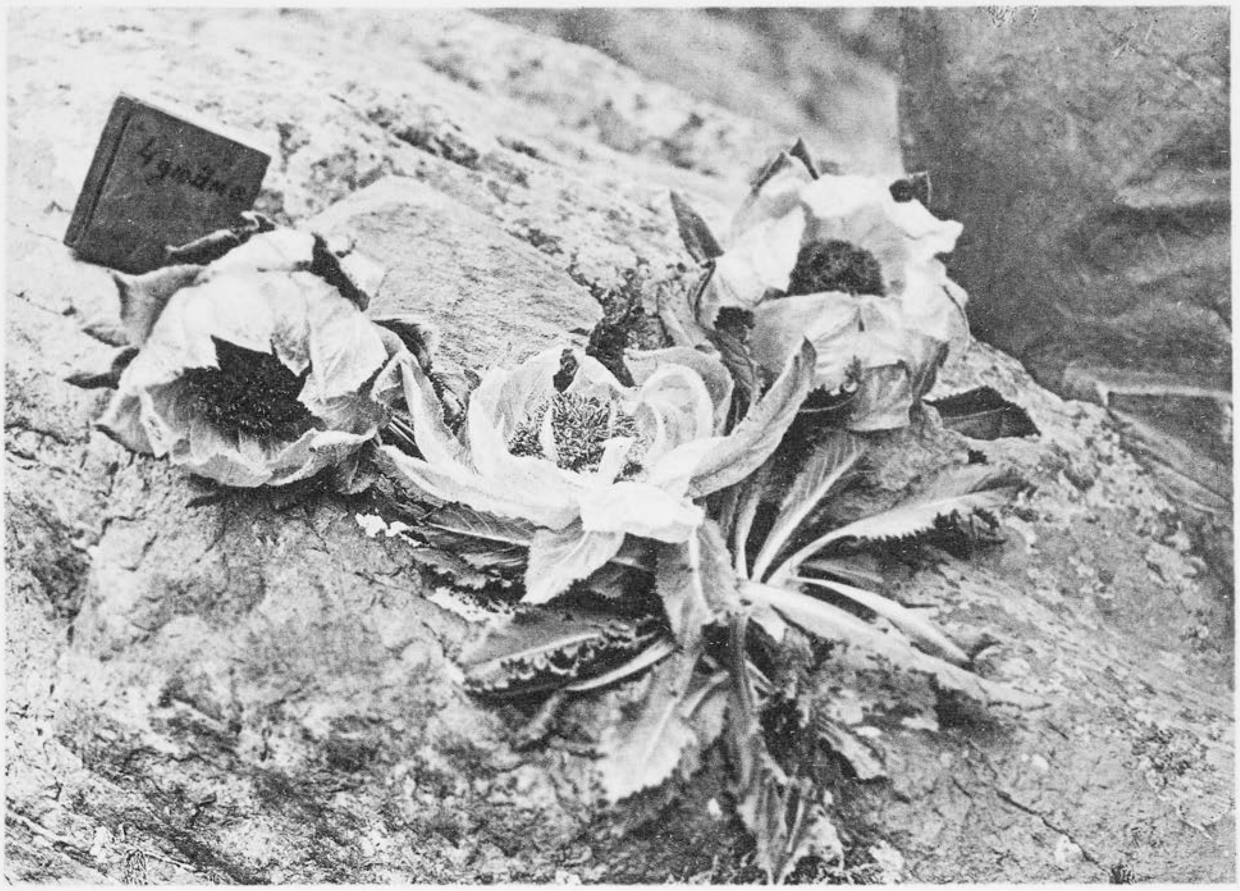
Собравъ съ цвѣтовъ еще нѣсколько экземпляровъ этой ночницы, мы полѣзли впередъ. Подобное лазанье по осыпямъ не представляетъ рѣшительно ничего соблазнительнаго: это тяжелый и рискованный трудъ, на который побудить можетъ только необходимость. Выше насъ крупный щебень и громадныя глыбы въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, по сторонамъ и ниже все то же. И конца, кажется, нѣтъ такому подъему... Къ тому же большинство этихъ глыбъ еле держится и только и ждетъ какого-нибудь толчка, чтобы съ грохотомъ скатиться на низъ и увлечь васъ за собой. И вотъ вы въ постоянномъ страхѣ, что дадите этотъ толчекъ. Вы шагаете неувѣренно и при каждомъ шагѣ, прежде чѣмъ утвердить ногу, стараетесь ощупать подъ собою почву. Но все зыбко, все движется,

---

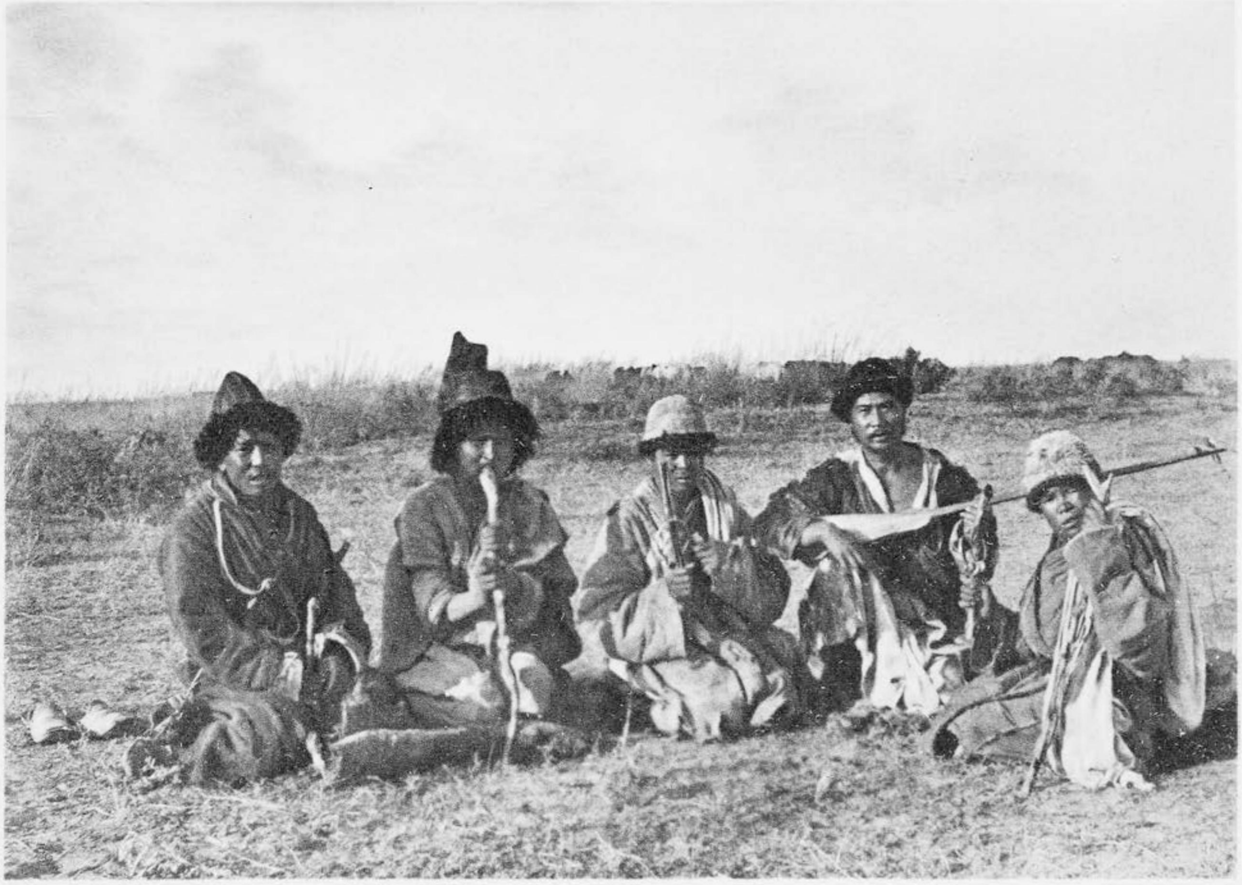
[1]) Она, дѣйствительно, оказалась новымъ видомъ весьма характернаго, свойственнаго только Средней Азіи, рода—Isochlora. Описана С. Н. Алфераки подъ именемъ Isochlora arctomys.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ I.



Растеніе, встрѣченное въ горахъ Богдо-Ола.

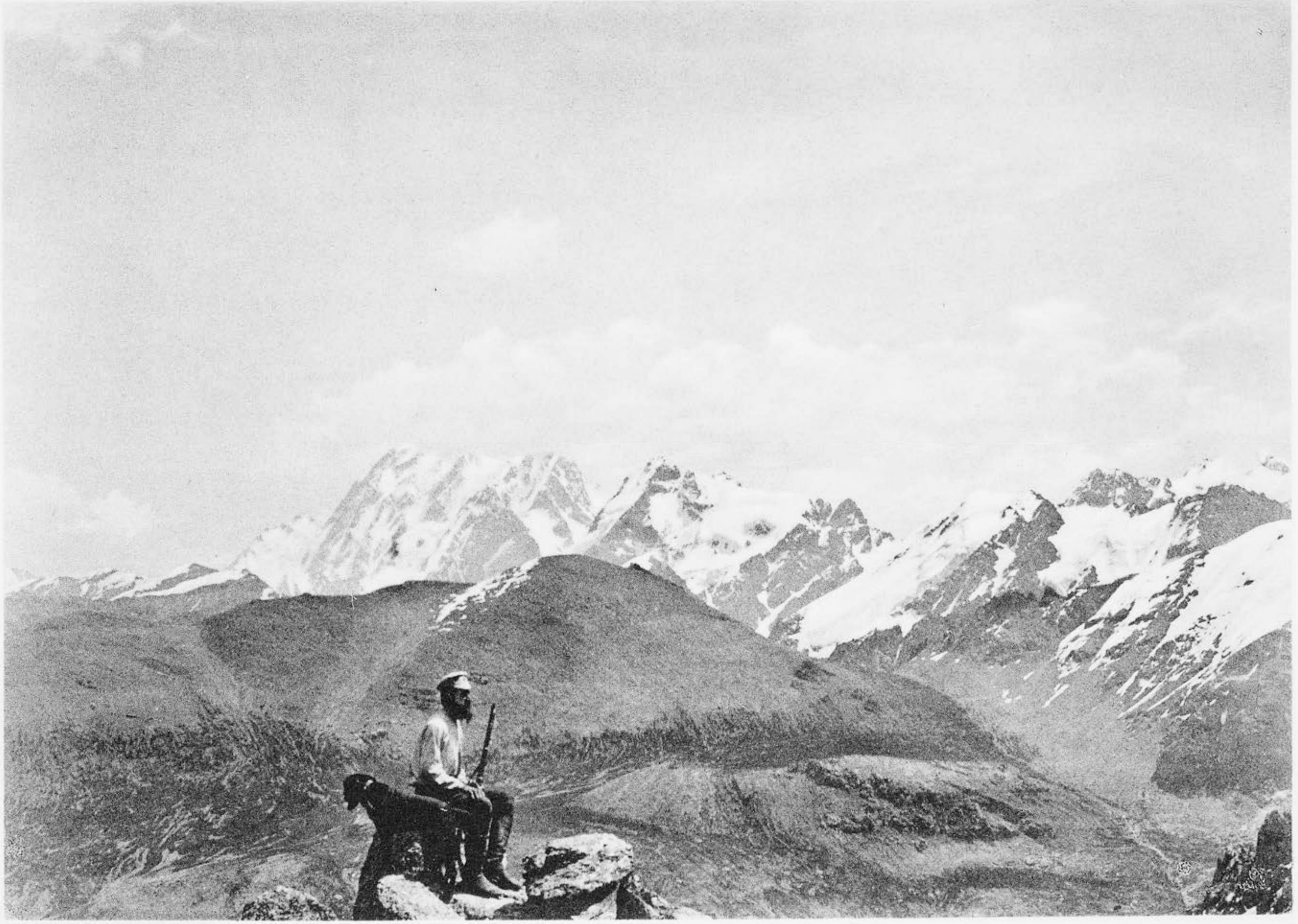


Нищіе (диваны) встрѣченные у Гучена
(урож. Кашгара и Аксу).

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ. Кадетская лин. № 7-2.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ I.



Вершина Богдо-Ола.

Фототипія В. Класенъ. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

все точно живетъ у васъ подъ ногами... Непріятно. А тутъ вдобавокъ еще и руки заняты всякой всячиной, и, между прочимъ, также и этой капустой.

Но вотъ, наконецъ, гребень! Дальше некуда лѣзть: площадка и снѣгъ.

Но отыскать слѣды стараго, слоистаго снѣга оказалось вовсе не такъ-то легко. Когда же на немъ стали мы кипятить воду, то оказалось, что мы стоимъ на высотѣ, равной 12.080 футамъ надъ уровнемъ моря.

Еще нѣсколько шаговъ, и предъ нами предсталъ трехглавый Богдо.

Мы были разочарованы: мы увидали передъ собой три занесенные снѣгомъ конуса, не поразившихъ нашего воображенія ни своими размѣрами, ни относительной высотой... Величавый образъ горнаго колосса исчезъ, и на его мѣстѣ мы увидали ничѣмъ особенно не выдающуюся горную группу. Странное противорѣчіе съ тѣмъ, что мы видѣли снизу, изъ Южной Джунгаріи...

Размышленія наши внезапно прерваны были возгласомъ Колотовкина:

— Ваши благородія, надо спѣшить... Смотрите, какая туча съ запада лѣзетъ.

Оглянулись и, не теряя минуты, стали спускаться. Внизу насъ уже поджидали казаки, которыхъ тоже не мало безпокоило небо. Но, слава Богу, дождемъ только вспрыснуло, и мы добрались уже до нашей стоянки, когда солнце снова выкатилось изъ-за тучъ на синій просторъ...

Пора спать. Но едва я закутался въ одѣяло, какъ на подушку упала первая капля дождя. Я и на подушку натянулъ одѣяло. Но дождь усиливался, и, наконецъ, разразилась гроза. Я вскочилъ въ одномъ бѣльѣ, живо накинулъ на себя полушубокъ и досталъ запасный войлокъ, изъ котораго и устроилъ родъ шатра надъ собой. Но сравнительно благоденствовалъ очень недолго. Вдругъ вспомнилъ: а бусоль, а фотографическій аппаратъ, а папка съ растеніями? Вѣдь всѣ эти вещи и были накрыты кошмой! Полѣзъ за ними, забралъ къ себѣ все, за исключеніемъ папки, которой, какъ ни искалъ, не нашелъ... А между тѣмъ я уже вымокъ, подъ постель стала также набираться вода. Дождь не переставалъ. Раскаты грома и молніи чуть не ежесекундно... Ахъ, чортъ! Я хотѣлъ было вытянуть ногу, но попалъ въ какую-то лужу: оказалось, что мой шатеръ не покрывалъ постель цѣликомъ, и теперь вся вода съ него собралась въ складкахъ подстилки и одѣяла. Наконецъ я надумалъ. Съ грѣхомъ пополамъ надѣлъ на себя чембары [1]) и шведскую куртку, натянулъ сапоги, свернулъ свою постель, укутавъ въ нее предварительно инструменты, накрылъ все это войлокомъ, самъ же побрелъ къ казакамъ, которые еще наканунѣ изъ сучьевъ лозы и своихъ шинелей устроили себѣ балаганъ. Но въ немъ было тѣсно. Вдобавокъ не хотѣлось будить людей, и я пристроился кое-какъ на корточкахъ въ уголку.

Но, Боже, какъ долго тянется ночь! Сколько ни выглядывай— темно и темно! И дождь не перестаетъ...

Какъ и слѣдовало ожидать, всѣ поднялись, едва забрезжилось утро.

— Стоимъ, что ли, здѣсь или ѣхать?

— Разумѣется, ѣхать!

— А какъ насчетъ чая, грѣть прикажете, что ли?

Но предложившій вопросъ посмотрѣлъ на всѣхъ насъ, на себя, на нашу лужайку, превратившуюся чуть не въ болото, и на сумрачное небо, не перестававшее поливать насъ дождемъ, и сконфузился.

— А коли такъ, такъ и безъ чая доберемся до озера!

— Да, доберемся! Но каково теперь добираться! Луга, очевидно, обратились чуть не въ трясину, камни стали теперь болѣе скользки, глина размякла...

— Ну, посмотримъ... А тутъ тоже что за радость стоять?

Мы поѣхали. Мы скользили, падали, вымокли до послѣдней нитки, вымарались въ грязи до послѣдней степени, но, наконецъ, все же благополучно добрались до перевала на озеро... А дома, наѣвшись и обсушившись и вспоминая пережитое, много смѣялись надъ различными, теперь уже только забавными, эпизодами какъ этой ночи, такъ и нашего поспѣшнаго бѣгства съ «Чудотворной горы». Объ одномъ искренно сожалѣли: «капуста» пропала [2])...

Въ заключеніе нѣсколько словъ какъ о самомъ озерѣ, такъ и объ его окрестностяхъ. Озеро лежитъ на абсолютной высотѣ, равной 6.516 футамъ, и принадлежитъ къ типу моренныхъ озеръ. Глубина его, вѣроятно, очень значительна, берега круты. Оно доступно только на югѣ, гдѣ принимаетъ въ себя рѣченку, выбѣгающую изъ-подъ снѣговъ Богдо-ола, и на сѣверѣ, гдѣ ограждающая его древняя морена незначительно подымается надъ его уровнемъ. Рыбы въ немъ нѣтъ. Водяная птица тоже не держится. Убили только, вѣроятно, совершенно случайно сюда залетѣвшихъ Querquedula circia, L. и Tringoides hypoleucus, L.

---

[1]) Такъ въ Туркестанѣ называютъ штаны изъ козловой или бараньей дубленки.

[2]) У насъ сохранилась, однако, прекрасная фотографія этого удивительнаго растенія.

Морена сложена изъ громадныхъ валуновъ и въ настоящее время представляетъ изъ себя громадный каменный валъ, заросшій кустарникомъ и прекрасными травами. Озерная вода, вѣроятно, просачивается гдѣ-нибудь между камней, потому что съ полверсты дальше, непосредственно подъ мореной, выбивается нѣсколько значительныхъ ключей, которые, сливаясь, и образуютъ рѣку Хайдаджанъ. Рядомъ съ этимъ озеромъ есть еще два, но эти совершенно ничтожны. Какихъ-нибудь иныхъ слѣдовъ существованія здѣсь въ давнопрошедшія времена ледниковъ я не нашелъ.

Что же касается до геогностическаго строенія горъ, то въ общихъ чертахъ оно таково. Главный массивъ Богдо-Ола состоитъ изъ древнихъ метаморфическихъ сланцевъ, изъ коихъ преобладаетъ кремнистый съ выдѣленіемъ роговика и кварцита; у озера выступаютъ глинистые сланцы (метаморфическіе), которые ниже становятся преобладающими; къ нимъ прислоняются красныя глины, образуя боковые уступы поперечныхъ Хайдаджану долинъ: но затѣмъ онѣ пропадаютъ и смѣняются желтымъ глинистымъ песчаникомъ, и дальше темными, почти даже черными филлитами, отъ которыхъ очень контрастно отдѣляются своими рѣзкими и яркими (желтыми и кирпично-красными) цвѣтами глинистые сланцы. Здѣсь горы уже замѣтно понижаются. Ель вполнѣ исчезаетъ, появляется чій. Конгломераты и примазки новѣйшихъ образованій совершенно маскируютъ основныя породы, и только недалеко отъ выхода рѣчки въ пустыню вновь попадаются плотные песчаники, въ которыхъ вода въ свое время успѣла выдолбить прекрасно отполированныя гнѣзда и трубы. Затѣмъ ничего, кромѣ диллювіальныхъ наносовъ, мы уже не встрѣчали.

ГЛАВА VIII.

Опять на Бэй-Лу.

Нашу стоянку у озера мы покинули 12 августа. Мы круто спустились съ морены и втянулись въ ущелье, въ которомъ шумно бросался изъ стороны въ сторону Хайдаджанъ.

Хайдаджанъ слагается изъ двухъ рѣчекъ.

Древняя морена, ограничивающая озеро съ сѣвера, имѣетъ поверхность крайне неровную и ближе къ восточному концу разсѣкается глубокимъ логомъ, едва на 20 футовъ превышающимъ уровень озера [1]). Логъ этотъ оканчивается обрывомъ и далѣе тянется глубокимъ рвомъ, стѣны коего представляютъ осыпи зеленоватой гальки и песка такого же цвѣта [2]). Здѣсь-то и выбиваются (на разномъ уровнѣ) многочисленные ключи, образующіе правую вершину р. Хайдаджана. Лѣвый же истокъ его беретъ начало въ верхнемъ изъ двухъ маленькихъ озерковъ, упоминавшихся въ предъидущей главѣ, послѣ чего постепенно, хотя и очень скоро, пропадаетъ въ камняхъ и только уже ниже втораго озерка становится снова довольно замѣтной рѣченкой. Ниже соединенія своихъ двухъ истоковъ Хайдаджанъ пробивается сквозь узкую щель и хотя затѣмъ все еще продолжаетъ течь очень стремительно, но переборовъ уже не имѣетъ. Мѣсто прорыва Хайдаджана—самая дикая часть ущелья, и не будь здѣсь искусно проложеннаго пути—еще вопросъ, удалось ли бы намъ благополучно спуститься съ морены!

---

[1]) Уровень этого озера, впрочемъ, очень непостояненъ; послѣ дождя, выпавшаго въ ночь на 5 августа, уровень его поднялся на 10 вершковъ, а затѣмъ спадалъ настолько постепенно что къ концу пятаго дня все же показывалъ превышенія 8 вершковъ.

[2]) Галька эта была слабо окатана и состояла изъ обломковъ кремнистаго сланца.

Ниже морены ель перестала встрѣчаться, и далѣе по ущелью росли уже только лиственныя породы: тополь, ива и карагачъ съ подлѣскомъ изъ разнообразныхъ кустарниковъ, въ которыхъ многочисленными выводками держались щеглята (Carduelis caniceps, Vig.). Здѣсь же намъ попались: Falco subbuteo, Linn., Cerchneis tinnunculus, Linn., орѣховка (Nucifraga caryocatactes, Linn.), дрозды (Merula maxima, Seeb., Turdus viscivorus Hodgsoni, Jerd.), трехпалый дятелъ (Picoides tridactylus, Linn.) и двѣ Motacilla: Mot. personata, Gould. и Mot. melanope, Pall., водившіяся также и на берегахъ озера.

Миновавъ небольшую полянку, на которой въ мазанкахъ ютилось нѣсколько человѣкъ китайскихъ рабочихъ, изготовлявшихъ кирпичи для строющейся кумирни, мы прошли этимъ ущельемъ еще верстъ пятнадцать и остановились на краю саза 1), подъ купами старыхъ карагачей, по всему видно, не разъ уже служившихъ пристанищемъ каравановъ. Было еще рано, но идти далѣе мы не рѣшились, такъ какъ здѣсь уже всюду росъ чій (Lasiogrostis splendens)—этотъ первый предвѣстникъ пустыни.

Дѣйствительно, на слѣдующій день мы вышли въ нее, хотя и не сразу, такъ какъ первыя три-четыре версты по выходѣ изъ ущелья намъ пришлось брести среди фанзъ селенія Духанъ-джанъ и окружающихъ его полей гуляна 2), кузё (Panicum italicum erythrospermum), гречихи 3) и обыкновеннаго проса 4); сперва это была каменистая степь, т. е. «гоби», по выраженію мѣстныхъ жителей, поросшая тощей растительностью, преимущественно солянками (Horaninovia ulicina, Salsola sclerantha и др.), но затѣмъ эта «гоби» смѣнилась солончакомъ и глинистыми пространствами, поросшими чіемъ. Чѣмъ дальше, однако, мы подвигались по большой дорогѣ, на которую незадолго предъ тѣмъ выбрались, тѣмъ гуще и гуще становились заросли чія 5), пока, наконецъ, мы не очутились среди словно вол-

---

1) «Сазъ» слово киргизское, означающее мокрое мѣсто, обыкновенно вдоль проточной воды, поросшее различными осоковыми, лютиками, Hippuris vulgaris и тому подобными травами, носящими у киргизъ одно собирательное названіе «сазлау». Сарты такія мѣста называютъ «шивà».

2) Разновидность сорго, которую туркестанцы въ отличіе отъ акъ-кунака («джугара»—Sorghum cernuum) называютъ кара-кунакъ, т. е. черный кунакъ. Онъ менѣе прихотливъ, но хуже джугары.

3) Изъ нихъ собаки наши подняли какихъ-то большихъ птицъ, которыхъ мы приняли за дрофъ (Otis tarda).

4) По китайски—«джоми»; у туркестанцевъ извѣстна подъ именемъ «кара-бидда». Въ сѣвооборотѣ встрѣчается рѣдко и то только на сѣверныхъ склонахъ Тянь-Шаня.

5) Пшеницу ужь сжали и теперь молотили.

нующагося моря метелокъ этого характернаго злака, залившаго всѣ окрестности и уходившаго въ даль, за края горизонта. А потомъ чій смѣнился такими же зарослями жесткаго низкорослаго камыша, среди котораго, впрочемъ, кое-гдѣ виднѣлись уже отдѣльныя группы карагачей. Нѣсколько верстъ дальше эти карагачи слились въ сплошной поясъ густой зелени, скрывавшей, какъ намъ говорили, селенія оазиса Ырдо-хоза [1]).

Карагачевый лѣсъ въ рыхломъ солонцѣ—явленіе не совсѣмъ обычное и для Внутренней Азіи; и къ тому же лѣсъ рослый, очевидно чувствующій себя какъ нельзя лучше на столь несвойственной ему почвѣ. И какимъ путемъ онъ здѣсь народился? Остатки ли это былой культуры или человѣкъ здѣсь не при чемъ? Въ данномъ случаѣ я склоненъ предполагать первое [2]), хотя, вообще, считаю не лишнимъ отмѣтить тотъ фактъ, что карагачъ самое обычное дерево въ Южной Джунгаріи. Заросли его, какъ намъ говорили, начинаясь къ западу отъ Фукана, почти непрерывной полосой, на многіе десятки верстъ, тянутся вдоль Бэй-лу, доходя здѣсь почти до Кійтына. И несомнѣнно, что именно карагачевый лѣсъ, а не саксаульный или тугpаковый (Populus diversifolia), рисовалъ Ренатъ на своей картѣ [3]). Впрочемъ, упомянутый случай встрѣчи карагачеваго лѣса въ пустынѣ—не единственный въ Средней Азіи. Такъ въ «Си-ю-цзи», напримѣръ, мы читаемъ: «Потомъ мы вступили въ огромную полосу песку, въ низменныхъ мѣстахъ коей росли ильмовыя низкорослыя деревья; изъ нихъ большія толщиною въ обхватъ» [4]). На что, съ своей стороны, архимандритъ Палладій замѣчаетъ: «ильмовыя деревья и нынѣ изрѣдка ростутъ въ самой пустынной части степей» [5]). Подобныя же указанія мы находимъ, наконецъ, и у новѣйшихъ путешественниковъ по Средней Азіи—Тимковскаго, Пржевальскаго и другихъ.

Къ сожалѣнію эти природныя лѣсныя богатства Южной Джунгаріи въ настоящее время безпощадно уничтожаются китайскими углепромышленниками [1]), которые находятъ свой легкій промыселъ тѣмъ болѣе выгоднымъ, что цѣны на древесный уголь стоятъ въ городахъ Притяньшанья всегда очень высокія.

---

[1]) Другое его названіе Джимы-санза. Какое изъ нихъ правильнѣе—не знаю, но думаю, что оба названія относятся къ двумъ различнымъ поселкамъ одного и того же околодка. На обратномъ пути то же мѣсто называли намъ Джанъ-чинза.

[2]) Потому собственно, что въ распланировкѣ деревьевъ наблюдается извѣстная правильность: они ростутъ здѣсь довольно правильными рядами и къ тому же вдоль выемокъ, которыя всего скорѣе можно принять за остатки древнихъ арыковъ.

[3]) «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», XI, 1888. Лѣсъ этотъ онъ называетъ «Carangoi». Что означаетъ это слово—угадать трудно; но я склоненъ въ немъ видѣть испорченное карагачъ. По-монгольски вязъ—халасу.

[4]) «Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 285.

[5]) Ib., стр. 398.

Вышеописанной мѣстностью мы ѣхали долго [2]). Наконецъ, мы пересѣкли первый арыкъ: онъ былъ сухъ, поросъ камышомъ и, очевидно, былъ уже запущенъ давно. Однако, онъ все же могъ предвѣщать намъ скорый конецъ нашего чуть не сорокаверстнаго перехода. И дѣйствительно, вскорѣ мы увидали развалины какого-то зданія, за ними поля съ колосившимся просомъ и, наконецъ, широкій арыкъ съ быстро въ немъ бѣжавшей мутной водой. Здѣсь мы рѣшили остановиться, хотя окрестности — безотрадный солонецъ, поросшій тамарискомъ и саксауломъ (Haloxylon ammodendron), и не представлялъ рѣшительно ничего привлекательнаго. Но и то сказать — развѣ мы могли надѣяться найти нѣчто лучшее въ Южной Джунгаріи, да къ тому же въ августѣ мѣсяцѣ? Къ сожалѣнію, намъ пришлось здѣсь дневать [3]), такъ какъ новая пропажа трехъ лошадей, на этотъ разъ, дѣйствительно уведенныхъ у насъ, вынудила насъ провести въ безплодныхъ поискахъ чуть не двое сутокъ. Я даже ѣздилъ къ чиновнику, управлявшему оазисомъ Ырдо-хоза, для предъявленія ему данныхъ для обвиненія въ конокрадствѣ одного изъ мѣстныхъ поселянъ, на дворѣ у котораго мы нашли ясные отпечатки русскихъ подковъ; но это не повело ни къ чему: чиновникъ не согласился даже принять нашу жалобу къ свѣдѣнію, предоставивъ намъ раздѣлываться съ похитителемъ по своему вкусу и усмотрѣнію! Не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что Джунгарія, съ самаго момента присоединенія своего къ обширной территоріи Китайской имперіи, служитъ мѣстомъ ссылки какъ для провинившихся или подвергшихся опалѣ чиновниковъ, такъ и для обыкновенныхъ преступниковъ, а потому случаи, подобные нашему, считаются здѣсь явленіемъ настолько заурядным, что уже не обращаютъ на себя ничьего вниманія.

---

[1]) Китайцы, оберегающіе искусственныя древесныя насажденія, въ то же время самымъ безсмысленнымъ образомъ уничтожаютъ природные лѣса. Такъ, когда-то богатый лѣсомъ Инь-Шань нынѣ окончательно обезлѣсенъ; то же грозитъ Нянь-Шаню и Хамійскимъ горамъ, гдѣ въ особенности страдаютъ лиственные лѣса; наконецъ, въ Бэй-Шанѣ, въ уроч. Та-джоза, сожжены на уголь саксауловые лѣса, а близъ станціи Отунъ-коза, на большой дорогѣ, соединяющей Турфанъ и Хами, тураковые. Такихъ примѣровъ въ Средней Азіи можно подыскать сколько угодно.

[2]) На протяженіи тридцати верстъ мы не встрѣтили здѣсь вовсе воды, если не считать плохого колодца въ небольшомъ логу, у котораго, въ 12 верстахъ на западъ отъ Ырдо-хоза, выстроенъ былъ постоялый дворъ, содержимый дунганиномъ. Впрочемъ, намъ указывали и на другой колодецъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ дороги, но мы его не нашли.

[3]) Два дня, проведенные здѣсь, не прошли, впрочемъ, совершенно безслѣдно для нашихъ коллекцій, въ которыя, кромѣ значительнаго числа собранныхъ здѣсь жуковъ, поступили также и птицы: Circus cineraceus, Mont., Falco subbuteo, Linn., Cerchneis tinnunculus, Linn., чили (Perdix barbata, Verr et des Murs) и фазаны (Phasianus mongolicus semitorquatus, Sew.). Кстати замѣчу, что на возвратномъ пути брату удалось подстрѣлить здѣсь Uragus sibiricus, Pall.

Положеніе, въ которомъ мы очутились, оказалось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что въ селеніи Джанъ-чинза мы нашли одну только продажную лошадь, и вотъ, волей-неволей, для подъема нашего багажа намъ пришлось прихватить трехъ быковъ, которые сопутствовали намъ вплоть до Гучена.

По милости этихъ быковъ 16 августа мы прошли всего только двѣнадцать верстъ и, миновавъ селеніе Джанъ-чинза, остановились близъ небольшого пруда, на восточной окраинѣ оазиса Ырдо-хоза.

Селеніе Джанъ-чинза имѣетъ крошечный и жалкій базаръ. Улицы его тѣсны и грязны, домишки убоги. Гарнизонъ, состоящій изъ 20 конныхъ солдатъ, мѣстится въ какихъ-то жалкихъ мазанкахъ. Столь-же мизерно и помѣщеніе ихъ офицера. Зато тани здѣсь довольно опрятны и помѣстительны. Воду для питья селеніе получаетъ изъ колодцевъ; для орошенія же полей пользуется водой изъ арыковъ, которые въ большомъ числѣ выведены изъ протекающей къ западу отъ селенія рѣчки, вслѣдствіе чего послѣдняя совершенно истощена и вода въ ней еле-еле сочится. Кромѣ китайцевъ, въ Джанъ-чинза живетъ и нѣсколько семействъ туркестанцевъ, какъ кажется, выходцевъ изъ Турфана.

17 августа, покинувъ оазисъ, мы вступили въ каменистую степь. Картина—давно намъ знакомая: ни деревца, ни былинки... камень и камень... На нѣсколько верстъ впереди виднѣется широкая желтая лента пыльной дороги и на ней ни души. Точно вымерла степь! Даже обычныхъ обитателей подобной пустыни — вертлявыхъ ящерицъ—и тѣхъ не видать! Душно...

Но вотъ мы приблизились къ глинисто-песчанымъ нагорьямъ, и мѣстность нѣсколько оживилась. Появились: въ кучи сложенный камень—указатель пути во время снѣжной метели, тощіе пучки чія, кустики Eurotia ceratoides. Еще дальше показались развалины какихъ-то построекъ, среди которыхъ одна оказалась даже приспособленной подъ кабакъ и харчевню; но, видно, пустыня эта не оправдала ожиданій предпріимчиваго китайца, такъ какъ на возвратномъ пути мы уже не нашли здѣсь шеста съ красной тряпицей—обычной вывѣски такихъ заведеній. Наконецъ, впереди показались ряды и отдѣльныя группы деревьевъ, а вслѣдъ затѣмъ мелькнула и полоса луга. Мы прибыли на рѣчку Ло-тай, долина которой, извѣстная своими каменноугольными копями, оказалась изрытой норками песчанки (Gerbillus opimus, Licht.), самаго распространеннаго и обыкновеннаго въ Южной Джунгаріи грызуна.

Рѣчкой Ло-тай начиналась съ запада цѣпь оазисовъ, въ административномъ отношеніи подчиненныхъ ци-тай'скому уѣздному начальнику[1]) и разграниченныхъ небольшими пустошами, тоже когда-то бывшими подъ культурой, но теперь почему-то оставленными. Впрочемъ на востокъ отъ Гучена степь снова начинаетъ преобладать, такъ что уже за селеніемъ Моро-хо китайскія поселенія встрѣчаются не иначе, какъ отдѣльными хуторами, да и то раздѣленными обширными пространствами волнистой степи. Наиболѣе богатыми и плодородными участками этой части Бэй-лу слѣдуетъ считать западные оазисы—Джимысаръ и Сантэй, хорошо орошенные и густо поросшіе лѣсомъ. Въ особенности богатъ лѣсомъ оазисъ Сантэй, который, какъ кажется, орошается арыками, выведенными изъ цѣлаго ряда рѣчекъ[2]), сбѣгающихъ сюда съ Тянь-Шаньскаго гребня; изъ нихъ рѣчка Ло-тай крайняя съ запада, а Со-ца-хо съ востока.

Въ верстѣ отъ рѣчки Ло-тай мы натолкнулись на развалины не то города, не то буддійскаго монастыря, которыя я, мало въ то время знакомый съ исторіей этого края, осмотрѣлъ, къ сожалѣнію, очень поверхностно.

Всего сильнѣе поразили меня въ этихъ развалинахъ скученность и малые размѣры построекъ и затѣмъ отсутствіе стѣнъ — этой необходимой принадлежности каждаго среднеазіатскаго города или монастыря. Лучше другихъ зданій этого городища сохранилась миньятюрная кумирня, сложенная изъ сырцоваго кирпича[3]) и прочно оштукатуренная внутри; во внутреннемъ ея дворикѣ, когда-то тоже выложенномъ кирпичомъ, сохранился даже жертвенникъ куреній; но, вообще, въ архитектурномъ отношеніи кумирня эта должна была представлять много отличнаго отъ современныхъ намъ буддійскихъ кумиренъ какъ тибетскаго, такъ и китайскаго типовъ.

Объ этихъ развалинахъ мы не могли собрать какихъ-либо свѣдѣній. Только одинъ чань-тоу сообщилъ намъ, что городъ этотъ въ старину назывался Цинходжанъ и что народъ, его населявшій, были язычники, имѣвшіе обыкновеніе сожигать трупы своихъ мертвецовъ (т. е. буддисты?)

---

[1]) Ци-тай'скій уѣздный начальникъ съ 1887 г. избралъ своимъ мѣстопребываніемъ городъ Гученъ. Въ 1889—1890 гг. постъ этотъ занималъ нѣкій Лю-чэнъ-цинь.

[2]) По крайней мѣрѣ намъ пришлось пересѣчь здѣсь нѣсколько саевъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно сухихъ.

[3]) Это единственный для Южной Джунгаріи случай нахожденія кирпича въ древнихъ постройкахъ.

Цинходжанъ—названіе ничего намъ не объясняющее, и если бы случайно не удержалось здѣсь другого названія — Ло-тай, мы были бы въ затрудненіи опредѣлить эпоху существованія этого городка.

Ло-тай, конечно, испорченное тюрками слово Лунъ-тай, о которомъ упоминали въ своихъ запискахъ какъ Чанъ-чунь [1]), такъ и извѣстный монгольскій сановникъ Ѣлюй-Чуцай [2]).

На югъ отъ него высится трехглавый Богдо, который въ такихъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ описывается Чанъ-чунемъ.

«Три пика вмѣстѣ вонзаются въ холода облаковъ! Окруженные падями и уступами, четыре отвѣса высятся рядомъ! Снѣговой хребетъ сопредѣленъ здѣсь небу, и никогда не достигнетъ его человѣкъ! Тамъ озеро есть: въ его ледяной (зеркальной?) поверхности отражается только солнце, простымъ же смертнымъ оно почти недоступно. (О немъ есть повѣрье: если смотрѣться въ него, то лишишься разсудка). Тамъ утесъ есть, неприступный и крѣпкій: никогда гибельный мечъ не обрушится на того, кто съумѣетъ укрѣпиться на немъ. Тамъ скопленіе водъ: водой выступающихъ ниже источниковъ орошаются яровыя поля. Да, эта славная твердыня есть первая въ Сѣверныхъ странахъ, и нѣтъ человѣка, который съумѣлъ-бы изобразить ее на картинѣ!»

Не правда-ли, какъ это поэтическое описаніе Богдо-Ола оправдывается всѣмъ тѣмъ, что намъ уже извѣстно объ этой горѣ? А тогда, имѣемъ-ли мы еще основанія сомнѣваться и въ томъ, что расположенныя къ сѣверу отъ нея [3]) развалины Цинходжана представляютъ остатки Лунъ-тая [4])? Но если Цинходжанъ — древній Лунъ-тай, то Бэй-тинъ или Бишбалыкъ придется искать на востокъ отъ него — выводъ, къ которому мы придемъ и при обозрѣніи другихъ китайскихъ источниковъ.

---

[1]) «Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 301. Бретшнейдеръ (op. cit., I, стр. 66).

[2]) Бретшнейдеръ (op. cit., I, стр. 66, примѣч. 159).

[3]) У Чанъ-чуня сказано: «На югъ отъ Лунъ-тая, въ Иньшаньскомъ хребтѣ, воздымались три пика, упираясь въ небо».

[4]) Ставлю этотъ вопросъ въ виду слѣдующаго замѣчанія д-ра Бретшнейдера: «This author (Ye-lu Ch'u t'sai), as well as the diarist of Ch'ang ch'un's travels, place it north of the T'ien shan. As has been observed in note 12, it would seem that the Lun t'ai, of the Han dynasty must be looked for south of thase mountains». (op. cit., I, стр. 66, прим. 159). Въ примѣчаніи 12 говорится, что Лунъ-тай временъ династіи Хань есть современный Бугуръ, что справедливо.

Долину Ло-тай мы покинули 19 августа. За городищемъ Цинходжанъ потянулись уже болѣе современныя развалины фанзъ и пикетовъ, обязанныя своимъ происхожденіемъ возстанію мусульманъ. Онѣ тѣсно примыкали къ маленькому, но чистенькому базарному мѣстечку Санъ-тэй, населенному китайцами и таранчами. За Санъ-тэемъ потянулись сады, настоящія аллеи изъ мощныхъ карагачей и изрѣдка ивъ, но затѣмъ мѣстность стала пріобрѣтать болѣе пустынный характеръ, человѣческое жилье снова смѣнилось развалинами, и мы, наконецъ, вышли въ глинистую степь съ чахлой и пыльной растительностью. Ею шли долго, пока на горизонтѣ не вырисовались массивныя стѣны стараго Джимысара. Намъ слѣдовало обогнуть эти стѣны, чтобы добраться до высокихъ стѣнъ новаго Джимысара, городка, не имѣющаго нынѣ ни торговаго, ни стратегическаго значенія и возстановленнаго изъ развалинъ, всего вѣроятнѣе, по традиціи.

Предмѣстье Джимысара (по китайски-Джимса)—узкая улица, тѣсно застроенная заѣзжими танями, лавками и ларями — кишѣло оборваннымъ людомъ, какого, конечно, не мало въ каждомъ хоть сколько-нибудь значительномъ городкѣ; но здѣсь его было что-то особенно много. Что за народъ? Оказалось, что это были солдаты, возвращаемые на родину. Съ трудомъ и не безъ обоюдныхъ препирательствъ выбравшись на просторъ, мы, не доходя до рѣки Даланъ-гу, свернули нѣсколько въ сторону и остановились на берегу крошечнаго ручья, поразившаго насъ громаднымъ количествомъ бывшей въ немъ рыбы [1]).

Въ Джимысарѣ намъ сообщили, что изъ него имѣется прямая дорога въ урочище Гашунъ. Но извѣстіе это оказалось ложнымъ. По крайней мѣрѣ китаецъ, объявившій объ этомъ и взявшійся насъ туда проводить, оказался обманщикомъ [2]). Тѣмъ не менѣе мы остались ему благодарны, такъ какъ это отступленіе въ сторону отъ большого тракта дало намъ возможность посѣтить любопытную мѣстность.

---

[1]) Принадлежавшей къ одному виду — Phoxinus laevis, Agass. var. nova. Покойный Герценштейнъ считалъ находку эту крайне важной и интересной. До сихъ поръ гальянъ не былъ еще найденъ въ Средней Азіи (см. «Описаніе Амурской Области», стр. 347, гдѣ мною указано географическое распространеніе этой рыбы). Другой видъ гальяна — Phoxinus nova species—найденъ былъ нами въ карысныхъ водахъ Лукчина и Чиктыма.

[2]) Онъ болталъ очень много объ окрестностяхъ Джимысара; но мы давали уже мало вѣры этимъ разсказамъ. Между прочимъ, онъ упоминалъ также о развалинахъ буддійскаго монастыря съ сохранившейся въ немъ громадной статуей Будды въ горахъ, къ югу отъ города. Я не припомню теперь, что помѣшало намъ съѣздить и провѣрить этотъ разсказъ.

Изъ Джимысара мы направились по пути къ заштатному городку Хобу-цзы, о которомъ намъ говорили, какъ о древнѣйшемъ изъ городовъ Южной Джунгаріи. Дорога шла туда среди порослей карагача, тала и тополя. Самый городокъ оказался почти пустымъ и все его населеніе состояло изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ, которые съ грѣхомъ пополамъ ютились въ кое-гдѣ еще уцѣлѣвшихъ лачужкахъ; впрочемъ, его ворота были исправлены и, кажется, по традиціи запирались на ночь. За городомъ находится прудъ, образованный довольно широкой плотиной, перегораживающей ключевой логъ [1]); съ краевъ онъ поросъ камышомъ, въ которомъ держится множество водяной птицы: утокъ, куликовъ, Rallus aquaticus и Vanellus cristatus; стрѣлять въ нихъ, однако, мы не рѣшились, такъ какъ вмѣстѣ съ дикой плавала здѣсь и домашняя птица. За плотиной мы очутились въ прекрасной аллеѣ старыхъ карагачей, которая и повела насъ среди пашенъ и хуторовъ (фанзъ). Дорогой мы то и дѣло пересѣкали арыки, переполненные мутной водой; но откуда была выведена послѣдняя, такъ и осталось загадкой. «Далангу, Шалангу»—путались мѣстные жители, при чемъ оказывалось, что Далангу то восточная, то западная изъ двухъ рѣкъ близнецовъ, орошающихъ Джимысарскій оазисъ. Верстъ пять шли мы воздѣланными полями, съ которыхъ весь почти хлѣбъ былъ уже собранъ; затѣмъ попали въ обширныя заросли высокаго камыша [2]), которыя шли еще верстъ на двѣнадцать и кончались въ песчаной степи, поросшей тамарискомъ и саксауломъ. Здѣсь колесная дорога кончалась, разбившись на вѣерообразно расходящіяся колеи, пропадавшія въ саксаульникахъ: очевидно, что сюда ѣздили только за лѣсомъ, что, впрочемъ, подтвердили и попавшіеся намъ навстрѣчу китайцы. И такъ, приходилось возвращаться назадъ къ Хобу-цзы [3]).

Отъ Хобу-цзы мы шли старой, давно заброшенной, дорогой въ Гученъ. Послѣдняя пробѣгала безграничной степью, густо поросшей высокой травой—явленіе рѣдкое въ Средней Азіи и замѣчательное для Южной Джунгаріи. Конечно, въ эту позднюю пору поверхъ всего въ этой степи высились вначалѣ чій, а затѣмъ камыши, но среди нихъ мелькали и другія растенія: полынь, еще бывшая въ цвѣту Statice Gmelini, Cynanchum acutum и др. Кое-гдѣ эту степь пересѣкали лога и старыя русла изчезнувшихъ рѣчекъ; въ особенности хорошо сохранилось русло рѣки, направлявшейся къ Хобу-цзы, но куда дѣлась вода этой послѣдней—изсякла-ли, перехвачена-ли выше арыками—осталось намъ неизвѣстнымъ. На 15-й верстѣ мы замѣтили въ сторонѣ, на краю ключевого лога, развалины какихъ-то построекъ, на 20-й, на берегу ключевой рѣчки Шотунъ, фанзу, отъ которой ясно стали видны и стѣны маньчжурскаго города; мы находились, однако, все еще въ трехъ верстахъ отъ Гучена.

---

[1]) Кромѣ ключевой, въ этомъ логѣ собирается и арычная вода.

[2]) Пространство, занятое этими камышами, изображается на нашихъ картахъ водной поверхностью—озеромъ Олонъ-норъ.

[3]) Дорогой въ коллекцію нашу попали: Falco subbuteo, L., Cerchneis tinnunculus, L., Motacilla borealis, Sund., Lanius leucopterus, Sew., Phasianus mongolicus semitorquatus, Sew., Perdix qarbata Verr. et des Murs., Vanellus cristatus, Meyer и Rallus aquaticus, L.

Не доходя до ключевого лога, черезъ который къ городу выстроенъ мостъ, мы остановились въ верстѣ отъ послѣдняго, въ мѣстности, указанной намъ нашимъ проводникомъ, но оказавшейся въ высшей степени несимпатичной: объѣденный чій, поломанный бурьянъ, загаженная конскимъ пометомъ земля, кочкарникъ и болотистыя пространства кругомъ... Но по эту сторону города мы, дѣйствительно, ничего лучшаго найти не могли, за крѣпостью же намъ сулили еще худшую обстановку.

«Въ правленіе императора Юнъ-Чженъ, пишутъ китайцы[1]), въ восьми переходахъ отъ Баркуля на западъ, для связи съ прочими городами, основанъ былъ постъ Гу-ченъ, въ которомъ и оставленъ генералъ съ одной тысячью семейныхъ маньчжуровъ».

Такъ какъ событіе это относится къ началу сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія, то давность существованія этого города, если, конечно, мы отбросимъ всякую мысль о тождествѣ уйгурскаго Кушана съ современнымъ Гученомъ[2]), окажется незначительной. Тѣмъ не менѣе площадь окружающихъ его развалинъ, въ совокупности съ вновь отстроенными городами: маньчжурскимъ, китайскимъ и торговымъ, въ общемъ довольно обширна.

Развалины, окружающія Гученъ, относятся во-первыхъ, ко времени дунганскаго возстанія, во-вторыхъ, къ такому періоду, о которомъ у современныхъ жителей не сохранилось преданій. Это по преимуществу тѣ остатки стѣнъ и зданій, въ большинствѣ же случаевъ безформенныя массы глины, которыя виднѣются къ сѣверу отъ дороги. Къ новѣйшимъ развалинамъ слѣдуетъ отнести

---

[1]) Іакинфъ. «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. 98.

[2]) Гученъ стоитъ на ключахъ, воды которыхъ искуственно собраны и выведены въ арыки. Если бы раньше здѣсь поселенія не было, то странно было бы со стороны китайцевъ избрать именно этотъ пунктъ для города и военнаго поселенія, когда и къ востоку, и къ западу отъ него проточной воды сколько угодно.

«Старый городъ» (Ло-чинъ) и маньчжурскій импань, взятый и разрушенный кучасцемъ Айдынъ-ходжею.

Изъ этихъ развалинъ частью возстановленъ только Ло-чинъ, въ которомъ въ настоящее время главнѣйшимъ образомъ селятся таранчи, какъ мѣстные аборигены, такъ и новѣйшіе выходцы изъ Турфана. Эта-то возстановленная часть Ло-чина, примыкающая къ большой дорогѣ и представляющая два ряда ларей и лавокъ, и составляетъ предмѣстье города, по преимуществу его торговую часть. Стѣны, окружающія его, совершенно разрушены, ворота еле держатся, тѣмъ не менѣе они аккуратно запираются къ 9 часамъ вечера—обстоятельство, заставившее мѣстное населеніе проложить себѣ объѣздной путь въ это предмѣстье, поперекъ разрушенныхъ стѣнъ и развалинъ.

Съ восточной стороны въ это предмѣстье упирается китайскій городъ, заново отстроенный въ 1884 году; но стѣны его выстроены были такъ плохо, что въ наше время успѣли уже дать глубокія трещины, мѣстами даже осыпались и вообще производили впечатлѣніе старой постройки. Онѣ не особенно высоки и по формѣ представляютъ вытянутый прямоугольникъ съ двумя воротами на западномъ и восточномъ концахъ. Главная его улица занята китайскими лавками, среди которыхъ богатыхъ нѣтъ вовсе; между тѣмъ мнѣ говорили, что именно въ Гученѣ сосредоточены важнѣйшіе склады китайскихъ товаровъ. На эту улицу выходитъ и такъ называемый «конскій базаръ», хотя, кромѣ лошадей, сюда на продажу ведутъ не только ишаковъ и кашировъ, но и крупный и мелкій рогатый скотъ и, наконецъ, какъ исключеніе—верблюдовъ. Впрочемъ, не смотря на то, что Гученъ ведетъ весьма обширную торговлю скотомъ [1]), гуртовщики рѣдко появляются на этомъ базарѣ. И это понятно, если принять въ расчетъ поборы, взимаемые городомъ и казной (баджъ) съ торговли скотомъ.

Вотъ нѣкоторыя цифры такихъ сборовъ:

	городскіе [2])	баджъ.			Въ пользу маклера.
лошадь	1 ценъ	6%	съ продажной	цѣны	1 ценъ
каширъ	»	»	»	»	»
быкъ	»	»	»	»	»
верблюдъ	»	»	»	»	»
оселъ	»	9%	»	»	»

---

[1]) Скотъ и лошади пригоняются по преимуществу киргизами съ Алтая и изъ окрестностей Булунъ-тохоя. Главный пригонъ въ началѣ сентября.

[2]) Городской сборъ взимается независимо отъ того, будетъ ли проданъ скотъ или нѣтъ. при этомъ его приходится выплачивать столько разъ, сколько разъ скотъ выгоняется на базаръ;

баранъ, коза	3 фына	1 ценъ	съ каждой головы	маклеръ получаетъ только при оптовой продажѣ [1]).
ягненокъ	—	5 фыновъ	»	—

Величина этихъ поборовъ получаетъ тѣмъ большее значенiе, что цѣны на животныхъ на Гученскомъ рынкѣ вообще не особенно велики. Такъ въ наше, напримѣръ, время продавались: лошади молодыя и крѣпкiя, имѣющiя среднiй аллюръ, по 25—30 р., верблюды по 35—40 р.; волы по 30—35 р., бараны киргизской породы, отборные по 3—4 р., среднiе по 2—3 р. и т. д.

Кромѣ базаровъ, этотъ городъ вмѣщаетъ еще: ямынь, помѣщенiе и канцелярiю уѣзднаго начальника, казарму полицейскихъ чиновъ, казармы, расчитанныя на лянзу юновъ, нынѣ пустующiя, и, наконецъ, самую большую въ Гученѣ кумирню.

Бокъ-о-бокъ съ Ло-чиномъ выстроенъ и маньчжурскiй импань. Стѣны послѣдняго имѣютъ двойную защиту, четверо укрѣпленныхъ воротъ и двѣнадцать фланкирующихъ башенъ; кромѣ того онъ окруженъ рвомъ, шириной въ сажень, глубиной въ 4 аршина. И тѣмъ не менѣе, не смотря на значительную толщину своихъ стѣнъ, даже въ борьбѣ съ азiатскимъ противникомъ, укрѣпленiе это представитъ весьма ненадежную защиту для осажденныхъ. Причина — неумѣлое его расположенiе, при которомъ стѣны его втиснуты въ цѣлое море развалинъ, мѣстами въ свою очередь огражденныхъ стѣнами, до такой степени господствующими надъ импанемъ, что съ нихъ совершенно свободно обстрѣливается не только междустѣнная галлерея, но кое-гдѣ и вальгангъ противоположной стѣны. Орудiй въ импанѣ не имѣется, да они были бы здѣсь и безполезны, такъ какъ сѣверный и восточный его фасы не имѣютъ наружной эспланады.

Этотъ импань расчитанъ на четыре тысячи человѣкъ гарнизона, въ дѣйствительности же въ 1889 г. въ немъ содержалось:

240 чел. легкой кавалерiи, вооруженной холоднымъ оружiемъ (преимущественно бамбуковыми пиками),

и 128 чел. тяжелой кавалерiи, вооруженной старыми нѣмецкими пѣхотными пистонными ружьями съ трехгранными штыками при нихъ.

---

[1]) Кромѣ сбора со скота, въ Гученѣ практикуется также сборъ съ различныхъ предметовъ сельскаго хозяйства, охоты, скотоводства и обработывающей промышленности; такъ напримѣръ, за бараньи шкуры взимается казеннаго сбора по 1/2 фына со штуки, за кошмы по 3 фына со штуки, съ ваты 6% съ продажной цѣны, за маральи рога по 6 фыновъ съ каждаго лана роговъ, за провѣрку на казенныхъ вѣсахъ и казенной мѣрой зерна и др. предметовъ 3 фына съ каждыхъ дадана и тысячи джиновъ и т. д.

Пѣхотныхъ частей не имѣется вовсе въ Гученѣ, если не считать 120 человѣкъ полиціи, подчиненной уѣздному начальнику, набранной изъ лицъ различныхъ національностей и вооруженной очень плохими клинками (шашками). Впрочемъ, какъ насъ здѣсь увѣряли, въ гученскомъ цейхгаузѣ хранится значительный запасъ ружей, сложенныхъ кучами на полу. На него сильно расчитываютъ въ случаѣ какихъ либо замѣшательствъ въ Южной Джунгаріи, но едва-ли основательно, такъ какъ кучи эти давно уже успѣли перержавѣть и придти въ негодность.

Въ маньчжурскомъ импанѣ (мань-чен'ѣ, т. е. въ маньчжурскомъ городѣ), кромѣ казармъ, заново отстроены три кумирни, крошечный базаръ съ двумя-тремя китайскими лавками, большой домъ начальника маньчжурскаго гарнизона 1), конюшни и нѣсколько фанзъ семейныхъ маньчжуровъ.

Кромѣ ло-чинскаго предмѣстья, Гученъ имѣетъ еще и другое, не обнесенное стѣнами, такъ называемый мусульманскій кварталъ, расположенный въ треугольникѣ между китайскимъ городомъ, Ло-чиномъ и арыкомъ. Оно очень людно, постройки въ немъ тѣсны и скучены. Одна изъ нихъ—домъ ходжентскаго выходца, давно переселившагося въ Китай, служитъ пріютомъ всѣхъ русско-подданныхъ торговцевъ, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ пріѣзжающихъ въ этотъ городъ 2). На возвратномъ пути и мы воспользовались радушно намъ здѣсь предложеннымъ помѣщеніемъ.

Изъ этого краткаго описанія Гучена читатель легко можетъ представить себѣ, что городъ этотъ обширенъ и въ общемъ имѣетъ немалое населеніе. Въ дѣйствительности, однако, это вовсе не такъ. Еще разъ напомню, что мы въ Средней Азіи, гдѣ на все свой особый масштабъ и гдѣ наши термины: городъ, крѣпость и проч.

---

1) Гученскіе маньчжуры не потомки маньчжуровъ, поселенныхъ здѣсь въ XVIII вѣкѣ, а всякій сбродъ, уцѣлѣвшій во время дунганскаго возстанія.

2) До 1889 г. здѣсь жили постоянные торговцы—сергіопольскіе татары; но въ этомъ году они распродали свои товары и покинули Джунгарію, какъ кажется, навсегда. «Торговля чуть не въ убытокъ, жаловались они: «вывозить нечего, серебра тоже нѣтъ... Да и съ нимъ куда теперь дѣнешься? Сперва его скупали для отправки на Кяхту, а нынче и этого нѣтъ... Бѣда! Какой-то, вонъ, нѣмецъ вздумалъ скупать здѣсь бараньи кишки... Говорятъ, дѣла дѣлаетъ... А мы развѣ знаемъ, на что понадобились ему эти кишки? Пожалуй, накупишь ихъ, а потомъ не будешь знать, куда и дѣвать...» Я объяснилъ имъ, на что идутъ бараньи кишки, и что скупка ихъ въ такой странѣ, какъ Джунгарія, при умѣньи приготовлять ихъ, дѣйствительно сулитъ барыши; но, конечно, они были правы, отвѣтивъ: «а все-таки это дѣло не наше... мы должны забирать ходкій товаръ, а не тотъ, что можно спустить въ однѣ только руки»...

Нынѣ въ Гученъ наѣзжаютъ купцы изъ Урумчи; но въ 1889 г. сюда пріѣзжали русско-подданные торговцы и изъ Турфана.

прилагаются только условно. Такъ и тутъ: всѣ три вышеупомянутыя части Гучена, вмѣстѣ съ только что описаннымъ предмѣстьемъ, едва насчитываютъ постоянныхъ пять тысячъ жителей, которые по національностямъ, включая солдатъ, распредѣляются такъ: тысяча маньчжуровъ, около двухъ тысячъ таранчей и столько же совокупно дунганъ и китайцевъ. Осенью, однако, Гученъ производитъ впечатлѣніе болѣе многолюднаго города, но причиной этому служитъ временный приливъ сюда пришлаго люда—барышниковъ и торговцевъ—со всего восточнаго Притяньшанья, собирающихся сюда для расторжки бараньихъ гуртовъ, пригоняемыхъ изъ-за Урунгу кызаями и киреями.

Окрестности Гучена очень печальны: нѣсколько тополей вдоль главнаго арыка у городскаго выѣзда, два-три карагача въ хуторахъ къ сѣверо-западу отъ развалинъ стараго города, и это, пожалуй, и все по части древесной растительности. Пашенъ мало; зато всюду тянутся глинистыя пространства, поросшія чіемъ, или болота, образуемыя множествомъ ключей, не имѣющихъ стока. Ключевыхъ балокъ здѣсь также не мало, но днища ихъ давно загажены и вытоптаны скотомъ, а самые ключи до такой степени загрязнены и забиты, что еле-еле сочатся, превращая ближайшіе участки земли въ липкія и отвратительныя, зловонныя массы грязи.

Гученская рѣчка [1]) и арыки, проходящіе по предмѣстью, выведены изъ ключей, еще болѣе обильныхъ водой и находящихся верстахъ въ трехъ къ югу отъ города. Говорятъ, тамъ попадаются обширныя займища камышей, но видѣть ихъ намъ не пришлось. Еще далѣе къ югу тянется, будто-бы, гоби, которая и упирается въ предгорья снѣгового хребта. А къ сѣверу отъ Гучена опять камыши, потомъ чій и, наконецъ, барханы песковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Хаджи-нельсинъ или Гурбунъ-тунгутъ [2]).

Черезъ эти-то пески мы и рѣшились идти изъ Гучена за дикими лошадьми, какъ кладъ не дававшимися нашему знаменитому здѣсь предшественнику, Н. М. Пржевальскому.

* * *

Мы доживали послѣдніе лѣтніе дни, а потому, прежде чѣмъ приступить къ описанію свыше чѣмъ полумѣсячной экскурсіи нашей въ глубь Джунгарской пустыни, постараемся сгруппировать всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи ланныя для характеристики джунгарскаго лѣта.

---

[1]) Выше города на этой рѣчкѣ стоитъ, какъ намъ говорили, водяная мельница.

[2]) Нѣкогда ихъ называли: Или и Хунъ-цо-ху.

Въ ночь на 24 августа термометръ впервые показалъ ниже 0° — вѣрный признакъ наступающей осени. Но приближеніе послѣдней сказывалось давно, отражаясь особенно рѣзко въ мірѣ растительномъ и животномъ.

Пожелтѣла степь, потемнѣли листья деревьевъ и мѣстами уже переливали въ желтый и бурый оттѣнки, и только берега рѣчекъ, сазы и солонцы продолжали еще зеленѣть, хотя уже и здѣсь цвѣтущія растенія попадались не часто. Въ мірѣ животномъ приближеніе ея всего яснѣе сказывалось въ подмѣчавшемся изо дня въ день обѣднѣніи фауны видами. Правда, среди позвоночныхъ, въ Джунгаріи вообще не особенно богатыхъ своими представителями, однообразіе это сказывалось не столь замѣтно, какъ среди, напримѣръ, насѣкомыхъ, тѣмъ не менѣе отъ нашего вниманія не могло ускользнуть быстрое уменьшеніе хищныхъ птицъ напримѣръ, могущее, какъ кажется, быть поставленнымъ въ связь съ болѣе скрытымъ образомъ жизни, которую стали вести въ эту позднюю пору песчанки 1), обиліе коихъ вдоль Бэй-лу и вызываетъ громадное здѣсь скопленіе хищниковъ. Изъ міра же насѣкомыхъ всего сильнѣе сказывалось приближеніе осени на дневныхъ бабочкахъ и жукахъ. Послѣднихъ, конечно, мы продолжали еще набирать во множествѣ, но эти сборы относились уже только къ весьма немногимъ видамъ. Такъ, на обширномъ протяженіи, мы находили все тѣхъ же Scarites salinus, Dej., Calosoma sericeum, F., Neodorcadion nova species, Aphodius nova species, Chrysochus aeneus, Ball., Chrysochares asiaticus, Pall., Deracanthus spec?, Cymindis picta, Pall. и немногихъ другихъ.

И такъ, теплая пора проходила и наступала осень, слишкомъ

---

1) Кстати объ этихъ песчанкахъ (Gerbillus opimus, Licht).

Со словъ Н. М. Пржевальскаго Е. А. Бихнеръ въ «Научныхъ результатахъ путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азіи». Т. 1., вып. 2, стр. 78, сообщаетъ въ общемъ довольно вѣрно подмѣченныя черты изъ жизни этого юркаго звѣрька. Къ нимъ мнѣ остается добавить, что Gerbillus opimus, Licht. питается не исключительно саксауломъ, какъ это думаетъ Н. М. Пржевальскій, но и другими растеніями; мы находили песчанокъ на глинистыхъ буграхъ среди культурныхъ земель, нерѣдко по берегамъ рѣчекъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ коими не только не росъ саксаулъ, но не было даже и мелкихъ солянокъ; такъ, у рѣчки Ло-тай мы нашли цѣлую колонію этихъ песчанокъ на глинистомъ, совершенно голомъ бугрѣ, окруженномъ мокрымъ лугомъ. G. opimus роетъ себѣ норы преимущественно въ глинистыхъ почвахъ, рѣже въ песчаныхъ (барханы между Гученомъ и Гашуномъ). Замѣчательно, что Пржевальскій почти въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ мы находили только Gerbillus opimus, Licht., находилъ исключительно однѣхъ Gerbillus giganteus, Büchner. (Ср. цитиров. выше сочиненіе).

короткая для того, чтобы представить постепенный переходъ отъ знойнаго лѣта къ продолжительной и суровой джунгарской зимѣ.

Въ іюнѣ и іюлѣ, какъ припомнитъ читатель, мы находились въ постоянномъ движеніи, то спускаясь въ знойный культурный поясъ Джунгаріи, то взбираясь въ субъальпійскую зону Боро-Хоро; въ августѣ, первые десять дней мы провели въ горахъ Богдо-Ола, другіе десять дней на Бэй-лу. Въ зависимости отъ этого есть разница въ моихъ метеорологическихъ наблюденіяхъ за сказанный промежутокъ времени: для августа они болѣе полны и поучительны.

Для читателя должны быть ясны причины, вызвавшія такое различіе.

Цѣнность термометрическихъ, какъ и всякихъ другихъ, подобныхъ же, наблюденій для даннаго мѣста возростаетъ съ ихъ числомъ въ теченіе дня, съ ихъ правильностью и продолжительностью ихъ срока. Поэтому летучія наблюденія путешественниковъ, не удовлетворяющія ни одному изъ этихъ условій, не могутъ служить базой для какихъ-нибудь точныхъ выводовъ метеорологіи и имѣютъ значеніе преимущественно въ качествѣ иллюстрацій къ описанію климатическихъ особенностей страны, составленному на основаніи общихъ соображеній, отрывочныхъ данныхъ и тому подобнаго, мало надежнаго, матеріала. Конечно, такое описаніе мало научно, но не безцѣльно однако, такъ какъ все-же знакомитъ насъ съ общими, хотя бы самыми рѣзкими проявленіями климата описываемой страны. Но въ качествѣ иллюстрацій наблюденія эти имѣютъ въ томъ только случаѣ цѣну, если относятся хотя бы въ теченіе сутокъ къ одному пункту. Но что сказать о наблюденіяхъ, веденныхъ въ такихъ условіяхъ: утро въ знойной Джунгаріи, вечеръ на высотѣ 9,000 ф. абсолютнаго поднятія; или еще: утро на высотѣ 5,000 — 6,000 ф., полдень въ культурной полосѣ, вечеръ и ночь опять въ субъалпійской зонѣ? А именно въ такихъ-то условіяхъ мы и провели почти весь іюнь и іюль мѣсяцы.

Низшая температура, которую намъ пришлось наблюдать до 23 августа, была 4^{0}С. (въ 4 час. утра 15 іюня въ ур. Богусъ-Зуслунъ, на абс. выс. 9,390$'$, и въ 4-же час. утра 23 августа въ Гученѣ); высшая 30^0,5 (въ 1 часъ поп. 27 іюля въ Урумчи) 1). Наи-

---

1) Урумчи лежитъ на абс. выс. равной 3,071 ф.; далѣе внутрь Джунгаріи температура лѣтнихъ мѣсяцевъ должна быть много выше, но намъ не пришлось ее наблюдать.

Всѣ показанія относятся здѣсь къ градусамъ Цельсія; термометръ вывѣшивался всегда въ тѣни и при этомъ въ условіяхъ, по возможности устраняющихъ вредное дѣйствіе воздушныхъ токовъ и другихъ причинъ, вліяющихъ на его показанія.

высшая ночная температура, наблюдавшаяся нами, равнялась 23^0 (12 час. ночи 9 іюня въ ур. Тольё), наивысшая утренняя $19^0,5$ (4 ч. ут. 10 іюня въ ур. Тольё и въ 3 ч. ут. 26 іюля въ г. Урумчи); низшая полуденная вообще ни разу не спускалась ниже $19^0 - 20^0$, зато эта послѣдняя цифра наблюдалась неоднократно.

При сравненіи, за тѣ же часы, температуры культурнаго пояса на Бэй-лу съ температурой въ горахъ, на высотѣ большей 7,000 ф., оказывается разница въ $8^0 - 10^0$ въ пользу низинъ; конечно, выводъ этотъ лишь приблизительный, такъ какъ въ основаніе его легли неодновременныя наблюденія. На размѣръ суточныхъ амплитудъ вліяетъ, конечно, состояніе неба: при большой облачности — амплитуды короче, при ясномъ небѣ — длиннѣе. Самую большую амплитуду наблюдали мы въ концѣ августа въ урочищѣ Гашунъ ($30^0,5$).

Въ горахъ, на высотѣ большей 5,000 футовъ, безоблачные дни наблюдались, какъ рѣдкость 1); ясныхъ до $25^0/_0$, облачныхъ до $40^0/_0$ и дождливыхъ до $30^0/_0$; изъ нихъ четыре раза моросило въ теченіе цѣлыхъ сутокъ и 11 дождь шелъ въ теченіе неполныхъ сутокъ, иногда всего только часъ или даже и того менѣе. Гроза была дважды, градъ выпадалъ также два только раза, снѣгъ въ надъальпійской зонѣ выпадалъ три раза.

Ниже 5,000 ф., изъ 29 дней только четыре было дождливыхъ, причемъ не лишне замѣтить, что количество выпадавшей при этомъ влаги было совершенно ничтожно 2). Гроза наблюдалась всего одинъ разъ.

Сильныхъ и притомъ продолжительныхъ вѣтровъ мы не наблюдали; сильные же порывы вѣтра, иногда, какъ ураганъ, налетавшіе на нашъ бивуакъ 3), случались не разъ. Изъ вѣтровъ преобладали вѣтры западные, хотя въ горахъ и не всегда возможно было уловить ихъ направленіе; зачастую казалось, что со всѣхъ сторонъ дуетъ, и въ такихъ случаяхъ какъ, бывало, ни расположишь юрту, все окажется она дверьми противъ вѣтра.

Суммируя все вышесказанное, казалось бы, джунгарскому лѣту можно дать слѣдующую характеристику.

Въ джунгарской равнинѣ — зной, безконечный горизонтъ 4),

---

1) Въ августѣ, въ горахъ Богдо-Ола.

2) Всѣ четыре въ іюнѣ; дождь, выпавшій 13 іюня, вызвалъ пониженіе температуры съ 30° до 18°; затѣмъ температура къ 4 часамъ еще упала на 4°, къ 5 же час. поп. вновь поднялась до 15°, послѣ чего безъ перемѣны оставалась до 7 час. веч.

3) Однажды съ дождемъ. См. выше, стр. 54.

4) Пыльная атмосфера въ Южной Джунгаріи, повидимому, явленіе исключительное. Этимъ,

ясное небо и тишь; только по утрамъ и послѣ заката слабо дуютъ періодическіе вѣтры отъ горъ и къ горамъ (бризы). Иногда тучи налетаютъ съ бурей и тогда температура воздуха вдругъ понижается на десятокъ и болѣе градусовъ; но, вообще, дождь — явленіе рѣдкое въ Южной Джунгаріи; къ тому же онъ выпадаетъ всегда въ ничтожномъ количествѣ; выглянетъ солнце и опять все сухо кругомъ. Часты лишь пыльные вихри, свободно разгуливающіе по всему необъятному простору Джунгарской пустыни. Положеніе Южной Джунгаріи въ центрѣ Азіатскаго материка и широта, соотвѣтствующая широтѣ Крыма, казалось бы, должны были вызвать въ ней самыя рѣзкія колебанія температуры дня и ночи; между тѣмъ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ этого здѣсь вовсе не замѣчалось, и только уже въ концѣ августа стали обнаруживаться скачки отъ 30^0 дневнаго тепла къ ночнымъ морозамъ.

Въ горахъ, выше 6,000 ф., дождей больше; безоблачнаго неба почти не бываетъ; вѣтры сильнѣе и хотя и дуютъ по всѣмъ румбамъ, но западные все-же замѣтно преобладаютъ. Въ солнечные дни дневная температура не подымается выше 25^0C. въ тѣни, ночи холодныя; выше 7,000′—рòсы становятся обычнымъ явленіемъ.

Вообще въ горахъ холодно и мы не разъ вынуждены были прибѣгать къ своимъ полушубкамъ.

вѣроятно, объясняется отсутствіе лёссовыхъ толщъ, вообще, типическаго лёсса въ Джунгаріи, гдѣ преимущественнымъ распространеніемъ пользуются каменистыя степи и гдѣ глинисто-песчаный и глинисто-солончаковый поясъ занимаютъ лишь неширокую полосу вдоль Бэй-лу.

ГЛАВА IX.

Въ Центральную Джунгарію за дикими лошадьми.

Н. М. Пржевальскому не суждено было познакомиться съ дикою лошадью (Equus Przewalskii, Poljakow), этимъ интереснѣйшимъ изъ животныхъ Средней Азіи. Сообщаемыя имъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ повадкахъ ея[1]), не вполнѣ, какъ это мы ниже увидимъ, согласныя съ тѣмъ, что намъ самимъ пришлось наблюдать, даютъ даже поводъ думать—не хулановъ-ли онъ принялъ за лошадей?

Что это не невозможно и что это ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поставлено въ упрекъ знаменитому изслѣдователю Средней Азіи, явствуетъ уже изъ того, что даже мѣстные охотники—киргизы и турфанлыки—на дальнемъ разстояніи не берутся различить этихъ животныхъ. Мало того, Equus Przewalskii всей фигурой своей, мастью и ростомъ такъ напоминаетъ хулана, что даже на близкомъ разстояніи ее легко принять за послѣдняго; да китайцы, а вмѣстѣ съ ними, какъ кажется, и киргизы, вообще же весь пришлый въ Джунгарію элементъ ея населенія, и въ дѣйствительности не различаютъ ихъ между собой.

Пржевальскій замѣчаетъ: «киргизы называютъ дикую лошадь кёртагомъ (а не кэртагомъ); суртагомъ же зовутъ джигетая (Asinus hemionus, Pall.)». Это не совсѣмъ такъ.

Слова «кёръ» и «суръ» названія мастей. «Кёръ» значитъ мухортая, подвласая, иначе каурая[2]), съ большими бѣловатыми подпалинами. Когда масть темнѣе, когда нависъ изчерна-сѣрый и станъ издали кажется мышасто-пѣгимъ[1]), киргизы зовутъ ее «суръ». Такимъ образомъ и суръ-тагомъ, и кёръ-тагомъ могутъ быть какъ виды Asinus, такъ и дикая лошадь; хотя, дѣйствительно, Asinus onager и Equus Przewalskii—преимущественно кёръ-таги, а Asinus hemionus—суръ-таги[2]).

---

[1]) «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки», стр. 41.

[2]) У Equus Przewalskii грива, хвостъ и ноги ниже бабокъ черные, иначе сказать, что мась ея не чисто «каурая». Во всякомъ случаѣ «каурая»—самое подходящее опредѣленіе масти дикой лошади, такъ-какъ «буланая»—для нея слишкомъ желта и свѣтла.

---

[1]) «Замѣчательно, пишетъ Пржевальскій, что въ упомянутомъ стадѣ два экземпляра были какіе-то пѣгіе—хорошенько нельзя было разсмотрѣть» (ib., стр. 42).

[2]) Не лишнимъ считаю по этому поводу привести названія лошадиныхъ мастей—киргизскія, туркестанскія и монгольскія:

	Киргизскія.	*Туркестанскія.*	*Монгольскія.*
Вороная	қара.	қара.	хара.
Чагравая, бусая, смурая	қара-қоқъ.	қара-қоқъ.	хара-боръ.
Сѣро-желѣзовая	темиръ-қоқъ.	темиръ-қоқъ.	
Сиво-желѣзовая, сивая съ едва замѣтною красниною	қизылъ-қоқъ.	қизылъ-қоқъ.	
Сиво-чалая, съ бо́льшею красниною, чѣмъ сиво-желѣзовая, иногда переходяшая въ буро-чубарую, буро-чалую, всегда съ сѣдыми хвостомъ и гривой.	джигда-қизылъ.	қизылъ-зерды. (хам.)	уланъ-зерды.
Сѣрая, сплошная смѣсь бѣлой и черной шерсти;	бӧзъ-қоқъ.	бӧзъ-қоқъ.	цаганъ-боръ.
» подъ старость бѣлѣетъ и тогда называется	бӧзъ.	бӧзъ.	цаганъ.
Каряя и қарақовая	қарагеръ.	қаръ-туруқъ.	хара-херъ.
» съ бѣлымъ қонцомъ морды, рѣже свѣтлой гривой			халтыръ.
Гнѣдая, независимо отъ оттѣнқовъ.	торе.	торго.	херъ.
Рыжая	джирень.	джарды.	зерды.
Игреняя, рыжая, нависъ бѣлесоватый	чабдаръ.		цабдыръ.
Каурая съ подпалинами, мухортая	қёръ.		
Саврасая, рыжая впрожелть, ремень и иногда нависъ черные	қула.	қулъ.	хулу.
Соловая, желтая, нависъ бѣлесоватый, грива и хвостъ бѣлесоватые.	саръ.	шарга.	
Буланая, независимо отъ оттѣнқовъ, съ ремнемъ, иногда съ черными ногами, грива и хвостъ—черные	қалунь.	қары-ялъ-қулэ.	халю.
Мышастая, рѣдко совершенно голубая, чаще съ оттѣнқами и подпалинами.	суръ.	серэ-қулэ.	сарлъ.
Мышастая съ замѣтной желтизной, грива, хвостъ, ремень и ноги черные.	қалунь-суръ.		
Мышастая съ желтизной, нависъ бѣлесоватый, грива и хвостъ такіе же.	ақъ-суръ.		
Саврасо-мышастая	буртё.		
Бурая	крюнъ.	крюнъ.	хринъ.
Чалая (сѣдая).	бурль.	бурль.	буралъ, бурлъ.
Чубарая, барсовая	чубаръ.	чубаръ.	цохоръ.
Пѣгая.	ала.	ала.	алақъ.

Китайцы всѣхъ Asinus и Equus Przewalskii безразлично называютъ «іе-ма» или «я-ма», что значитъ—дикая лошадь; турфанцы Equus Przewalskii называютъ «яуватъ» или «такы», но какъ называютъ они дикихъ ословъ — осталось мнѣ неизвѣстнымъ [1]); наконецъ, монголы, называющіе Asinus onager—хуланъ, имѣютъ особое названіе и для дикой лошади—«такы гурасынъ». Такимъ образомъ изъ всѣхъ народовъ Средней Азіи едва-ли не у однихъ только западныхъ монголовъ (торгоутовъ) и нѣкоторыхъ алтайскихъ племенъ [2]) существуютъ различныя наименованія для этихъ животныхъ. Не доказываетъ-ли это, что дикая лошадь уже въ историческій періодъ не заходила за предѣлы современнаго своего распространенія и что изъ всѣхъ кочевниковъ Средней Азіи только западныхъ монголовъ (олётовъ) можно было бы отнести къ кореннымъ обитателямъ Джунгаріи? Отсюда же явствуетъ, что и всѣ лѣтописныя сказанія о сӯществованіи дикихъ лошадей въ Да-цзи и остальной Гоби относятся не къ нимъ, а къ дикимъ осламъ, населяющимъ и нынѣ всѣ эти мѣстности.

Какъ бы то ни было, все же намъ первымъ изъ европейцевъ пришлось въ дѣйствительности наблюдать, охотиться и бить этихъ животныхъ. Описаніе этой охоты, живо написанное моимъ братомъ [3]), читатель найдетъ ниже; теперь же, я предпосылаю ему короткій обзоръ пройденнаго пути, въ особенности песковъ, широкой полосой залегающихъ къ сѣверу отъ Гучена.

Въ Гученѣ отъ гуртовщиковъ-киргизовъ мы получили точныя указанія мѣстности, гдѣ имѣютъ обыкновеніе осенью держаться дикія лошади [4]): «Отъ Ачикъ-су (ур. Гашунъ) на востокъ до Сыджира—вотъ, гдѣ вамъ слѣдуетъ ихъ искать», говорили они [5]). И мы

---

[1]) Турфанское «яуватъ» есть, вѣроятно, испорченное уйгурское «яунатъ» (younad), что значитъ—лошадь. (Ср. Klaproth «Mémoires relatifs à l'Asie», II, page 309).

[2]) Встрѣтившійся намъ въ Урумчи алтайскій уроженецъ (урянхаецъ), разсказывая о дикой лошади, говорилъ, что у алтайцевъ она извѣстна подъ именемъ «эмдекъ-атъ».

[3]) «Дикая лошадь» въ «Нивѣ» за 1892 г. № 17.

[4]) Разсказы киргизовъ въ значительной степени совпадаютъ съ тѣмъ, что писалъ по поводу дикихъ ословъ М. В. Пѣвцовъ («Записки Зап.-Сиб. Отд. Императ. Русскаго Геогр. Общ.», 1879, кн. I, прилож. IV, стр. 6). Я подозрѣваю, не дикихъ ли лошадей описывалъ извѣстный нашъ путешественникъ подъ именемъ джигетаевъ (Asinus hemionus, Pall.)?

[5]) Разсказывая о Джунгаріи, они, между прочимъ, намъ сообщили:

Отъ Ачикъ-су къ сѣверу, іоловъ этакъ, можетъ быть, съ триста, находится, какъ плѣшь голая, усыпанная черной галькой, площадка, посреди которой, на подобіе лежащаго верблюда, возвышается глыба чего — сказать не можемъ, но думаемъ — серебра. За нѣсколько десятковъ іоловъ виденъ блескъ этой скалы; твердость же ея такова, что топоръ ломается, а молотъ отскакиваетъ какъ отъ наковальни... Въ народѣ ходитъ молва, что кто отломаетъ отъ верблюда хотя бы малый кусокъ, тотъ погибнетъ тотчасъ же. И долго скала эта стояла бы нетроне замедлили воспользоваться ихъ указаніями; по ихъ же совѣту мы пригласили въ проводники Сарымсака, илійскаго уроженца, вдоль и поперекъ исходившаго Джунгарію и восточное Притяньшанье и хорошо знакомаго съ гашунской дорогой. Кромѣ Сарымсака, къ намъ присоединился и нѣкій мулла [1] — записной охотникъ и хорошій стрѣлокъ, прельщенный высокой преміей, обѣщанной нами за каждую убитую имъ дикую лошадь.

Отъ Гучена до Гашуна, по нашимъ соображеніямъ, было всего около 60 верстъ. Пройти это пространство съ вьюкомъ въ одинъ пріемъ было трудно; а потому было рѣшено: днемъ подойти къ пескамъ, гдѣ было небольшое китайское поселенье—Питу-чау [2]), тутъ покормить лошадей, сварить обѣдъ и, выступивши около 7 часовъ вечера, пройти пески ночью.

Сдавъ на храненіе гученскому аксакалу бо́льшую часть нашего багажа, мы 23 августа тронулись въ путь налегкѣ и, пройдя городъ, за бугромъ, у котораго дорога раздѣляется на-двое, вышли на степь. Передъ нами развернулась выжженная солнцемъ равнина, уходившая въ безконечную даль и мѣстами поросшая низкорослымъ камышомъ и чіемъ, высокіе кусты котораго, раскинувшіе на подобіе дикобраза свои твердыя, какъ проволока, соломины, мелькали съ обѣихъ сторонъ отъ дороги. Этою степью до селенія Питу-чау было не болѣе двадцати верстъ. Питу-чау состоитъ изъ десятка дворовъ, имѣетъ въ центрѣ крошечную кумирню и окружено пашнями и садами, получающими воду изъ сосѣднихъ ключей. Монголы называютъ его Бутунь-цоджи.

Хотя въ дальнѣйшій путь мы стали сбираться и за-свѣтло, но, пока вьючились, успѣло уже настолько стемнѣть, что только опытный глазъ Сарымсака могъ еще различить дорогу; онъ и повелъ насъ какими-то, ему одному вѣдомыми, зигзагами, сперва среди камышей, безпокойно шелестѣвшихъ отъ засвѣжѣвшаго вечерняго вѣтерка, а затѣмъ среди высокихъ холмовъ, довольно густо оброс-

---

нутой, охраняемая народнымъ повѣрьемъ, если бы не нашелся, наконецъ, человѣкъ, рѣшившійся обогатиться на счетъ скрытыхъ въ пустынѣ богатствъ. Онъ снарядилъ караванъ и, запасшись порохомъ и водой, въ сопровожденіи нѣсколькихъ человѣкъ, направился къ скалѣ-верблюду. Но назадъ онъ уже не вернулся. Когда же родственники его, обезпокоенные его долгимъ отсутствіемъ, направились ему вслѣдъ, то, взъѣхавъ на площадку, увидали такую картину: часть скалы была оторвана, вокругъ же этого обломка въ безпорядкѣ валялись кости людей и животныхъ. Съ тѣхъ поръ тропа къ верблюду забыта и народъ всячески избѣгаетъ появляться въ этомъ таинственномъ мѣстѣ.

[1] Такъ называютъ тюрки Восточнаго Туркестана каждаго грамотнаго человѣка.

[2] Пѣвцовъ приводитъ другое китайское названіе этого селенія—Бэй-дао-цао. Его мы не слышали.

шихъ темными массами какихъ-то кустарниковъ. Это были барханы песку, поросшіе здѣсь, какъ мы это замѣтили на обратномъ пути, гребенщикомъ (Tamarix), саксауломъ (Haloxylon ammodendron), терескеномъ (Eurotia ceratoides) и нѣкоторыми солянками 1), а въ падяхъ—пустыннымъ тополемъ (Populus diversifolia) и камышомъ.

До насъ этой дорогой проходилъ М. В. Пѣвцовъ, и то, что онъ сообщаетъ объ этихъ пескахъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Песчаные, продолговатые бугры пустыни Гурбунъ-тунгутъ, говоритъ онъ, имѣютъ видъ кряжей, направляющихся преимущественно съ сѣверо-запада на юго-востокъ и часто сочленяющихся между собой второстепенными вѣтвями, образуя такимъ образомъ почти вездѣ по дорогѣ полу-элипсоидальной формы котловины, обращенныя своими вершинами къ сѣверо-западу. Происхожденіе этихъ песчаныхъ кряжей слѣдуетъ, какъ кажется, приписать вывѣтрившимся тутъ же на мѣстѣ невысокимъ гранитнымъ кряжамъ, такъ какъ въ котловинахъ изрѣдка встрѣчаются плитообразныя обнаженія желтаго гранита. Эти обнаженія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простираются до 10 кв. саженъ, представляя собою плоскія каменныя твердыни, о которыя звонко ударялись подковы лошадей, производя ночью искры. Весьма вѣроятно, что остовомъ наиболѣе высокихъ бархановъ съ столь правильнымъ простираніемъ, служатъ остатки вывѣтрившихся гранитныхъ хребтовъ, покрытыхъ прежде всего хрящемъ, потомъ дресвою и, наконецъ, сыпучимъ чистымъ кварцевымъ пескомъ, отъ нихъ же происшедшимъ и послужившимъ впослѣдствіи могилою этимъ уже отжившимъ свое время остаткамъ 2).

Несомнѣнно, что мѣстность между Питу-чау и Гашуномъ представляетъ занесенную песками гряду, имѣющую то-же простираніе, что и остальные хребты этой части Джунгаріи. Но едва-ли существуетъ достаточно основаній считать эти пески за результатъ вывѣтриванія подстилающихъ ихъ гранитовъ. Въ самомъ дѣлѣ, условія ихъ образованія, казалось, должны были бы быть совершенно одинаковы какъ здѣсь, такъ и въ горахъ Намейчю, въ сложеніи коихъ, по словамъ того же путешественника, принимаетъ столь видное участіе сходный съ гурбунъ-тунгутскимъ желтый гранитъ, и однако, сколько-нибудь значительныхъ скопленій песка тамъ не было обнаружено.

---

1) Назову: шуру (Salsola carinata, C. A. Mey), камъ-какъ или лу-какъ (Horaninovia ulicina, Fisch, Mey), ичичаръ (Salsola kali, L.) и др. Приведенныя здѣсь названія—киргизскія.

2) Op. cit, стр. 44—45.

Сводя все то, что намъ извѣстно объ орографическомъ и геологическомъ строеніи внутренней Джунгаріи[1]), нельзя не придти къ тому заключенію, что въ третичную эпоху она не представляла одного обширнаго воднаго бассейна, а распадалась на рядъ внутреннихъ морей, соединенныхъ протоками. Западное и, въ то-же время, самое обширное изъ этихъ морей, остаткомъ коего служитъ въ настоящее время Эби-Норъ, заканчивалось къ востоку двумя узкими заливами, раздѣленными Гурбунъ-тунгутской грядой. Южный изъ этихъ заливовъ омывалъ Баркульское плоскогорье[2]), сѣверный же (Бортень-гоби) неширокимъ протокомъ соединялся съ восточнымъ моремъ, точнѣе, съ заливомъ послѣдняго, если только обѣ водныя поверхности существовали одновременно, въ чемъ, однако, нельзя не выразить нѣкоторыхъ сомнѣній въ виду нижеслѣдующихъ соображеній.

Къ востоку отъ меридіана Баркуля распространены красныя, такъ называемыя[3]), хань-хайскія отложенія[4]), непосредственно выступающія на поверхность, къ западу же отъ Гучена подобныхъ отложеній обнаружено не было ни мною, ни другими изслѣдователями Джунгаріи. Правда, къ сѣверу отъ Гашуна тянется, по словамъ М. В. Пѣвцова, плоская возвышенность, состоящая изъ слоистой желтовато-розовой глины съ прослойками и желваками пепельно-голубой глины[5]), но глины эти ни въ какомъ случаѣ нельзя отождествить съ хань-хайскими отложеніями; а потому, если послѣднія гдѣ и существуютъ въ Эби-Норской впадинѣ, то остаются скрытыми подъ наносами позднѣйшей эпохи.

Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно: Гурбунъ-тунгутская гряда узкимъ мысомъ вдавалась нѣкогда въ самую мелкую часть Западно-Джунгарскаго моря, а потому, очень вѣроятно, служила и мѣстомъ отложенія дюнныхъ песковъ. Что именно таково происхожденіе Гурбунъ-тунгутскихъ песковъ, явствуетъ уже изъ того обстоятельства, что въ составѣ его принимаютъ участіе, кромѣ кварца и полевого шпата, и другія горныя породы, главнѣйшимъ же образомъ: кремній, кремнистый сланецъ, зеленый филлитъ, хлоритовый діабазъ, плотные песчаники и другія, которыя къ тому же попадаются не только въ видѣ зеренъ, но зачастую и въ формѣ окатанной гальки.

---

[1]) Джунгарію пересѣкали три извѣстнѣйшихъ русскихъ путешественника: Н. М. Пржевальскій, М. В. Пѣвцовъ и Г. Н. Потанинъ; но только въ трудахъ послѣднихъ двухъ изслѣдователей китайской Азіи мы находимъ цѣнныя данныя по интересующему насъ вопросу.

[2]) О немъ ниже.

[3]) Подробное описаніе этихъ отложеній читатель можетъ найти въ очеркахъ и отчетахъ В. А. Обручева, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» за 1893 и 1894 года.

[4]) «Очерки Сѣверо-Западной Монголіи», I, стр. 114 и слѣд.

[5]) Op. cit., стр. 42. Эти отложенія (угленосныя), какъ кажется, относятся къ юрской формаціи.

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, я перехожу теперь къ прерванному разсказу, придерживаясь, по возможности, текста моего брата.

Вскорѣ взошла луна и своимъ слабымъ свѣтомъ освѣтила окрестность. На тропинкѣ, по которой мы шли, песокъ былъ не глубокъ: нога тонула всего вершка на полтора, тѣмъ не менѣе идти было трудно, и лошади утомлялись.

Флора песковъ оставалась все та же: по высокимъ барханамъ виднѣлись густыя поросли гребенщика (Tamarix sp?) и саксаула, въ падяхъ же попрежнему росли камышъ и солянки. Мѣстность все повышалась, песокъ становился крупнѣе, попадались площадки, на которыхъ лошади стучали такъ, точно шли по городской мостовой. Но вотъ часы показываютъ безъ пяти девять.

«Вьюки, стой!»

Предупрежденные люди спѣшатъ развьючить двухъ лошадей, на которыхъ идутъ ягтаны ¹) съ хронометрами. Черезъ 5—6 минутъ хронометры заведены, и мы снова двигаемся въ путь.

Подулъ свѣжій вѣтерокъ, люди одѣлись въ шинели. Къ полуночи холодъ настолько усилился, что казаки одинъ за другимъ стали слѣзать съ лошадей, чтобы пройтись пѣшкомъ и разогрѣть закоченѣвшія ноги.

Ночные переходы всегда тяжелы, но теперешній казался особенно утомительнымъ: ни люди, ни лошади не успѣли порядкомъ отдохнуть отъ дневного перехода по жарѣ въ 30° слишкомъ; а тутъ приходилось дѣлать второй переходъ по крайне тяжелой дорогѣ, къ тому же при холодномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, понизившемъ температуру до 0°. Люди стали кутаться крѣпче, надѣли полушубки и нерѣдко поклевывали носами.

Прошло еще часа два. Наше намѣреніе было—пройти до половины дороги (это расчитывали мы сдѣлать въ 5—6 часовъ), тутъ, у колодца Гурбанъ-Кудукъ, покормить лошадей и, отдохнувъ часа четыре, двинуться далѣе. Но вотъ уже четвертый часъ ночи, а проводникъ все ведетъ и ведетъ впередъ караванъ. По

---

¹) Такъ принято называть въ русскомъ Туркестанѣ вьючные сундуки.

всей вѣроятности, въ темнотѣ онъ пропустилъ колодецъ, такъ какъ половина пути, по расчету, должна была уже быть давно пройдена.

Поговоривъ съ братомъ, мы рѣшили остановиться на отдыхъ. Да и пора было: караванъ какъ-то замеръ въ своемъ движенiи, лошади машинально передвигали ногами, а люди спали въ сѣдлахъ. Приказа остановиться, казалось, только и ждали; въ одно мгновенiе вьюки были развьючены и брошены какъ попало; лошади сведены въ кучу. Воды не было: проводникъ не зналъ, въ какой сторонѣ остался колодецъ. Каждый выбралъ себѣ мѣсто по вкусу и улегся отдыхать, стараясь укрыться отъ вѣтра.

Но сонъ былъ не дологъ.

При свѣтѣ зари оказалось, что мы ночевали далеко пройдя колодецъ и находились на высшей точкѣ песчаной возвышенности. Гряда, на которой мы стояли теперь, значительно возвышалась и надъ Гученомъ, и надъ Гашуномъ; роскошный видъ открывался съ нея на сѣверъ и югъ. Сквозь дымку зари блестѣли снѣговыя вершины Тянь-Шаня, облитыя золотымъ пурпуромъ восходящаго солнца, подошвы же этихъ великановъ тонули въ волнахъ утренняго тумана. Далеко-далеко на сѣверѣ смутно вырисовывались неясныя очертанiя Алтая, затѣмъ выступали гладкiя, точно облитыя водою, вершины Байтыкъ-Богдо, а ближе къ намъ, на огромномъ пространствѣ, зеленѣли камыши урочища Гашунъ.

Растительность стала и гуще, и разнообразнѣе, чѣмъ въ первой половинѣ пути: появился чiй, встрѣчались мѣста, густо заросшiя камышомъ, въ ямкахъ же густо росли солянковыя растенiя. Бугры были сплошь изрыты грызунами, которыя при нашемъ приближенiи издавали пискъ и быстро скрывались въ норкахъ. Намъ удалось однако подкараулить и убить изъ нихъ нѣсколько штукъ, которыя и оказались уже попадавшимися намъ раньше песчанками (Gerbillus opimus).

Съ восходомъ солнца засуетилось и пернатое царство: выскочилъ откуда-то чекканъ (Saxicola isabellina, Cretzsch и S. deserti, Temm.), чирикнулъ пустынный воробей (Passer Stoliczkae, Hume?), и какой-то хищникъ быстро пронесся, не давъ даже времени вскинуть ружье. Но вотъ раздалось знакомое карканье, кончавшееся трелью «ррр...» и со свистомъ пронесся на водопой большой табунъ пустынныхъ куропатокъ (Syrrhaptes paradoxus), за нимъ второй, третiй, спѣша туда же, куда спѣшили и мы, т. е. къ ключамъ Гашуна.

Окодо полудня мы вышли на поляну у пикета Хазэ, въ которомъ содержалось нѣсколько китайскихъ солдатъ для прогона на верблюдахъ казенныхъ пакетовъ; тутъ мы напились довольно скверной соленой воды. Пройдя еще три версты, нашъ караванъ остановился у солонцоватыхъ озеръ Ачикъ-су [1]), среди зеленой лужайки, какъ разъ въ углу, гдѣ водяной стокъ круто заворачиваетъ съ востока на сѣверъ. Разставивъ юрты, напившись чаю и отдохнувъ, мы тотчасъ же взялись за приготовленія къ охотѣ, и переговоры о способѣ веденія ея, которые велись подъ руководствомъ муллы, а также необходимый осмотръ окрестностей, заняли у насъ все время до вечера.

Въ общемъ, мѣстность представляла слѣдующую картину. Около главнаго лога, тянувшагося съ востока, мѣстность была довольно ровная и къ югу, до самыхъ песковъ, покрыта кормовою травою; на этомъ пространствѣ въ двухъ мѣстахъ находились ключи, которые орошали вышеуказанное пространство. Далѣе къ востоку, въ верстѣ отъ нашей стоянки, виднѣлось озерко весьма хорошей воды. Это была послѣдняя вода: еще далѣе версты на три, логъ былъ сухъ и блестѣлъ кристаллами соли. Солончаковое русло, изогнувшись немного къ югу, снова поворачивало на востокъ и входило въ долину, шириною около трехъ верстъ; почва ея была до крайности слаба, такъ что нога, пробивъ верхнюю тонкую кору, проваливалась до щиколотки въ глинистую порошкообразную массу. Края долины представляли нѣсколько волнистую и твердую поверхность, покрытую крупной галькой, а мѣстами и надутымъ пескомъ; верстахъ въ 15—18 эти края смыкались и, подымаясь, уходили къ юго-востоку. Къ сѣверу отъ нашей стоянки долина была узка, русло образовывало около 15 озерковъ, вытянутыхъ въ одну линію; тутъ, въ густо поросшихъ камышомъ лужахъ, находила себѣ пріютъ и всевозможная водяная птица [2]). За исключеніемъ мѣстъ, прилегающихъ къ ключамъ, все пространство было удобопроходимо; покрытое порослями тамариска, камышомъ, а мѣстами и туграками (Populus diversifolia), оно представляло довольно ровную степь, раскинувшуюся приблизительно на 60 кв. верстъ. Степь эту мы изъѣздили во время поисковъ лошадей и вдоль, и поперекъ. Особенность степи, которая рѣзко бросалась въ глаза, заключалась въ томъ, что вся мѣстность была изрѣзана тропинками, пробитыми животными. Въ промежуткахъ и по краямъ тропинокъ слѣдовъ не было замѣтно; мѣстами онѣ уширялись и образовывали какъ бы площадку, посреди которой лежала обыкновенно масса помета, будто нарочно собраннаго въ пирамидальную кучу. По слѣдамъ на тропинкахъ мы не могли опредѣлить положительно, принадлежатъ-ли они куланамъ или лошадямъ, а равно трудно было сказать, откуда приходятъ животныя. Поэтому мулла посовѣтовалъ намъ занять линію между крайнимъ восточнымъ и сѣвернымъ озерами.

---

[1]) У монголовъ—Гашунъ, у китайцевъ—Ханъ-шуи.

[2]) Гуси, утки и кулики.

Задолго до восхода солнца, пишетъ мой братъ далѣе, часовъ около двухъ ночи, мы, въ числѣ десяти человѣкъ, вышли изъ лагеря и безъ шума пробрались къ заранѣе выбраннымъ мѣстамъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ вглядывался я вдаль, прислушиваясь къ малѣйшему шороху; но все было спокойно. Изрѣдка только раздавался пискъ какого-то мышенка или свистъ пустыннаго зайца (Lepus tolai). Сидѣть было холодно, а мертвая тишина природы и слабое лунное освѣщеніе располагали къ дремотѣ; мысли путались; чувствовалось, что засыпаешь.

На востокѣ заалѣла заря. Что-то стукнуло невдалекѣ... это шла антилопа кара-куйрюкъ; за ней, осторожно ступая, вышла изъ-за куста вторая, тамъ третья. Граціозныя животныя скользили какъ тѣни, чутко ко всему прислушиваясь. Онѣ остановились не далеко, всего шагахъ въ 80-ти, но стрѣлять было нельзя: по словамъ муллы, лошади боязливы и при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ уносятся съ быстротою вѣтра, возвращаясь снова на водопой не ранѣе двухъ-трехъ дней. Почти то-же писалъ о лошадяхъ и Н. М. Пржевальскій. Поэтому всѣмъ было воспрещено стрѣлять по чему бы то ни было, за исключеніемъ лошадей; мнѣ тоже поневолѣ оставалось только любоваться милыми антилопами, которыя на ходу пощипывали травку. Маленькій козликъ рѣзвился около матери: то становился на дыбки и прыгалъ вверхъ, то, разбѣжавшись, выгибалъ шею и ударялъ безрогою головкой въ грудь матери. Ружье, лежавшее у меня на колѣняхъ, скользнуло и ударило въ стволъ куста, за которымъ я сидѣлъ. Вѣтеръ былъ на меня; поэтому животныя не почуяли, но все же, недовѣрчиво озираясь, побѣжали рысцой по направленію къ ключамъ, скрываясь въ туманной дали.

Солнце взошло—было шесть часовъ утра; охотники стали одинъ за другимъ подниматься изъ-за кустовъ, расправляя замлѣвшіе члены. Мы собрались. Никто не видалъ лошадей. Только одинъ казакъ сталъ насъ увѣрять, что видѣлъ какого-то страннаго звѣря, ни на что не похожаго.

Трудно было составить себѣ понятіе по этому разсказу, что̀ за звѣря видѣлъ нашъ молодецъ. Ясно было только, что за туманомъ онъ не разобралъ его толкомъ. Такъ животное это и осталось бы для насъ загадкой. Однако, дней черезъ шесть выяснилось, что то была антилопа сайга, или, по-мѣстному—бургакъ. Казаки встрѣтили ее въ одну изъ дневныхъ поѣздокъ за лошадьми — верстахъ въ двадцати отъ лагеря. Оригинальное сложеніе этого животнаго, до сихъ поръ никѣмъ изъ нашихъ людей не виданнаго, даже и днемъ навело сомнѣніе на казаковъ. Большинство предположило, что это долженъ быть больной волкъ; другіе же, что отставшій захудалый баранъ. Во всякомъ случаѣ люди рѣшили, что по такой падали стрѣлять не стоитъ, и упустили звѣря.

На слѣдующую ночь охота возобновилась. Охотники разошлись группами по озерамъ, но и эта ночь была неудачна. Однако, мы не унывали. Осматривая днемъ водопои и тропинки, мы убѣдились, что лошади приходили на водопой уже послѣ того, какъ были покинуты нами засадки. Подошли онѣ съ подвѣтренной стороны, откуда мы ихъ и не ждали. Это открытіе такъ порадовало насъ, что мы еле дождались третьей ночи. Я съ Иваномъ Комаровымъ и Андреемъ Глаголевымъ заняли мѣсто около крайняго восточнаго озера, другіе же усѣлись группами у сѣверныхъ озеръ. Въ девять часовъ вечера всѣ были на мѣстахъ. Выбравъ себѣ засадку спиною къ озеру передъ большими зарослями, я вырѣзалъ всѣ лишнія вѣтки, мѣшавшія движеніямъ и стрѣльбѣ. Съ трехъ сторонъ меня окружалъ высокій кустарникъ, и только слѣва была широкая долина лога, вся блестѣвшая отъ кристалловъ соли; съ этой стороны я ожидалъ лошадей. Вечеръ былъ теплый и ясный, то и дѣло прилетали къ водѣ какія-то пташки; слышно было, какъ онѣ шлепались въ воду озерка... Пищали болотные кулики... но по мѣрѣ сгущенія сумерекъ все затихало. Гдѣ-то недалеко пролетѣлъ громадный сычъ, оглашая воздухъ своимъ замогильнымъ крикомъ, послѣднимъ среди засыпавшей природы. Но вотъ послышался шорохъ, и по тѣни, скользнувшей по бѣлой пеленѣ лога, я узналъ тихо кравшагося къ водѣ волка.

Луна поднималась все выше и выше. Жутко было сидѣть одному среди потонувшихъ во мракѣ зарослей: въ кустахъ я не могъ ничего разсмотрѣть, не помогли и расчищенныя между ними пространства. Вдругъ почти надъ ухомъ позади меня раздался какой-то храпъ, похожій на хрюканье кабана. Морозъ побѣжалъ по кожѣ, и я, сжавъ въ рукахъ штуцеръ, сталъ тихо поворачиваться въ сторону слышаннаго звука, стараясь разглядѣть сквозь кусты тамариска нарушившаго ночной покой. Напрасно! все было покойно, ни одна вершинка кустовъ, рѣзко выдѣлявшихся на фонѣ чистаго неба, не колебалась. Прошло минутъ пятнадцать — такой же храпъ, но подальше, раздался со стороны, откуда я только что отвернулся. Звукъ былъ на столько страненъ, что я терялся въ догадкахъ.

Такъ продолжалось около часу; хрюканье слышно было то ближе, то дальше. Вдругъ гдѣ-то далеко-далеко раздалось давно желанное конское ржаніе. Сердце радостно забилось.

«Вѣрно пройдутъ мимо моей засадки», и я усѣлся получше.

Но время шло, ноги совсѣмъ одеревенѣли; а лошадей нѣтъ, какъ нѣтъ, и ни шороха, ни звука. Прошло не менѣе часа томительнаго ожиданія... Рѣзко щелкнулъ на озерѣ выстрѣлъ, и жалобный звукъ летѣвшей пули донесся до меня.

«Экая мерзость—промахнулся!» чуть не вслухъ проговорилъ я.

Но вотъ второй, третій удаляющіеся выстрѣлы.

«Надо спѣшить: вѣрно ранилъ и преслѣдуетъ».

Я выскочилъ изъ засадки, бросился къ озеру и тутъ же наткнулся на двухъ казаковъ.

— Въ кого стрѣляли?

— Да вотъ, ваше благородіе, въ лошадей.

— Ну, а сейчасъ?

— Да въ нихъ же, вотъ онѣ стоятъ.

Дѣйствительно, въ трехстахъ шагахъ въ указанномъ направленіи, вытянувшись въ линію, стояло семь лошадей. При свѣтѣ луны онѣ казались, какъ снѣгъ, бѣлыми и стояли, не шевелясь.

— Надо къ нимъ красться, а стрѣлять тутъ далеко.

— Да, ваше благородіе, мы и то пробовали, да жеребецъ ихъ уводитъ. Онъ прячется вотъ тутъ за кустомъ и за нами смотритъ; чуть двинемся, онъ сейчасъ начнетъ чертить кругомъ и уведетъ табунъ.

— Стойте здѣсь, а я попробую.

И съ этими словами я опустился на колѣни и на четверенькахъ поползъ къ табуну. Не успѣлъ я отползти шестидесяти шаговъ, какъ съ фырканьемъ и храпомъ вылетѣлъ изъ кустовъ жеребецъ. Казалось, это сказочная лошадь—такъ хорошъ былъ дикарь! Описавъ крутую дугу около меня, онъ поднялся на дыбы, какъ бы желая своимъ свирѣпымъ видомъ и храпомъ испугать врага. Клубы пара валили изъ его ноздрей. Вѣроятно, вѣтеръ былъ неблагопріятный, и онъ меня не почуялъ, потому что, вдругъ опустившись на всѣ четыре ноги, онъ снова пронесся карьеромъ мимо меня и остановился съ подвѣтренной стороны. Тутъ, поднявшись на дыбы, онъ съ силой втянулъ воздухъ и, фыркнувъ, какъ-то визгливо заржалъ. Табунъ, стоявшій цугомъ, мордами къ намъ, какъ по командѣ, повернулся кругомъ (при чемъ лошадь, бывшая въ головѣ, снова перебѣжала впередъ) и рысью помчался отъ озера. Жеребецъ, давъ отбѣжать табуну шаговъ на двѣсти, послѣдовалъ за нимъ, то и дѣло описывая направо и налѣво дуги, становясь на дыбы и фыркая.

Разспросивъ казаковъ, какъ подошелъ къ озеру табунъ, я узналъ слѣдующее. Около одиннадцати часовъ вечера люди услышали шорохъ между мной и ихъ засадками, потомъ раздался храпъ. Вѣтеръ былъ отъ меня къ нимъ, поэтому они ясно слышали, что̀ происходило въ моей сторонѣ. Жеребецъ, почуявъ опасность, обходилъ мою засадку то съ одной, то съ другой стороны. Точно опредѣливъ мое положеніе, онъ тихо удалился въ сторону песковъ, гдѣ и раздалось, вѣроятно, призывное его ржаніе. Далеко къ востоку обойдя меня и наше озеро, табунъ тихо приближался къ нему съ сѣвера. Когда казаки замѣтили лошадей, жеребецъ шелъ впереди, а за нимъ шагахъ въ ста табунъ. Почти безъ шума подошелъ жеребецъ къ водѣ и сталъ пить. Онъ стоялъ не далѣе сорока шаговъ отъ Комарова и пилъ, оборотясь мордой къ нему. Слабый стукъ взведенной пружины заставилъ лошадь приподнять голову. Казакъ цѣлилъ въ лобъ, но, при всемъ желаніи, въ темнотѣ не могъ найти мушку, хотя около нея и была привязана полоска бумаги. Послѣдовалъ промахъ. Жеребецъ бросился къ табуну и, отогнавъ его шаговъ на триста, сталъ шагахъ въ ста отъ засадки казака. По немъ-то и продолжали стрѣлять безъ успѣха Комаровъ и Глаголевъ.

Наши ночныя сидѣнія на озерахъ продолжались еще дня три, но безъ удачи. Лошади подходили шаговъ на двѣсти, но болѣе приближаться не рѣшались. Бѣдныя животныя, лишившись необходимаго питья, выбивали ногами въ сырыхъ мѣстахъ ямки и пили накоплявшуюся тамъ воду.

Пришлось намъ увидѣть и днемъ этихъ жителей пустыни. На шестой день нашего пребыванія въ Гашунѣ, прибѣжалъ дежурный казакъ изъ нашего табуна и сообщилъ, что верстахъ въ трехъ ходятъ дикія лошади. Мы рѣшили объѣхать табунъ со стороны песковъ. Показавшись тамъ лошадямъ, этимъ заставить ихъ войти въ восточный рукавъ, гдѣ на тропахъ и должны были поджидать табунъ пѣшіе охотники. Сказано, сдѣлано. Поднявшись на маленькій холмикъ, я увидалъ лошадей, которыя спокойно паслись около песковъ. Оріентировавшись, я съ двумя охотниками отправился къ узкому мѣсту восточнаго рукава, а остальные, сѣвъ на лошадей, стали объѣзжать табунъ, забирая сильно на западъ.

Не успѣли мы занять нашей позиціи, какъ услыхали выстрѣлъ. Очевидно, нашъ планъ былъ разрушенъ. Дѣйствительно, табунчикъ былъ обойденъ легко, но когда люди вышли къ нему, то лошади стали двигаться параллельно цѣпи, стараясь прорвать ее, и налетѣли на казака Петра Колотовкина. Неожиданность такъ озадачила его, что нашъ перворазрядный стрѣлокъ далъ промахъ въ тридцати шагахъ. Къ довершенію неудачи за мчавшимся табуномъ поскакала и его лошадь. Бывшіе близко люди погнались за бѣглянкой и поймали ее только потому, что она не могла поспѣть за табуномъ.

Интересно было видѣть при этомъ поведеніе жеребца. Почуявъ что-то недоброе, онъ фырканьемъ далъ знать табуну; лошади мгновенно выстроились гуськомъ, имѣя впереди молодого жеребца, а жеребятъ посрединѣ, между кобылъ. Пока табунъ шелъ, имѣя сбоку охотниковъ, жеребецъ держался съ той же стороны, направляя табунъ то голосомъ, то ударами копытъ на избранный имъ путь. Когда лошади прошли сквозь цѣпь охотниковъ, и за ними слѣдомъ помчались люди, стараясь отбить сѣрка, увязавшагося за табуномъ, жеребецъ сталъ въ арьергардѣ. Забавно было, какъ онъ понукалъ маленькаго жеребенка, который не могъ поспѣть за всѣми на своихъ слабыхъ ножкахъ. Сперва, когда жеребенокъ началъ отставать, кобыла старалась его подбодрить тихимъ ржаніемъ, но видя, что ничего не помогаетъ, она отдѣлилась отъ табуна, не желая, повидимому, бросать своего дѣтища. Однако, жеребецъ не допустилъ подобнаго безпорядка: сильно лягнувъ кобылу два раза, онъ заставилъ ее догнать табунъ, а самъ принялъ попеченіе о жеребенкѣ. Онъ то подталкивалъ его мордой, то тащилъ, ухвативши за холку, то старался подбодрить, налетая и брыкаясь въ воздухъ.

Поймавъ сѣрка, казаки вернулись въ лагерь. Всѣмъ было досадно. И лошадей-то видѣли недалеко, и совсѣмъ онѣ не такія недоступныя, какъ о томъ намъ разсказывали, а все неудачи. Причина ихъ очевидно заключалась въ томъ, что люди не освоились еще съ охотой и терялись, когда приходилось стрѣлять. Мы себѣ составили совершенно превратное понятіе объ осторожности дикихъ лошадей. Это обстоятельство на три четверти уменьшало успѣхъ охоты. Мы оказывались то черезчуръ осторожными, когда этого вовсе не требовалось, то наоборотъ[1]). Насколько дикія лошади осторожны ночью, настолько онѣ сравнительно безпечны днемъ; но за то днемъ лошади такъ хорошо маскируются, что нерѣдко, преслѣдуя табунъ въ 300—400 шагахъ, мы совершенно теряли его изъ виду и находили только по слѣду.

Хорошая до того времени погода вдругъ измѣнилась: шелъ даже дождь. Съ наступленіемъ непогоды перестали появляться около озера и лошади. Это обстоятельство взволновало насъ. Явился вопросъ — совершенно-ли покинулъ табунъ, напуганный нашимъ постояннымъ присутствіемъ, это урочище или только временно? Вѣдь лошадямъ вслѣдствіе дождливой погоды не было необходимости приходить къ постоянному водопою: теперь вездѣ была вода! Прошло два дня, небо прояснѣло. Мы рѣшились перекочевать далѣе на востокѣ, къ сосѣднимъ ключамъ, гдѣ была еще надежда встрѣтиться съ дикими лошадьми. Къ тому же намъ говорили, что тамъ вода лучше, гашунская же оказывалась крайне вредной для нашихъ караванныхъ животныхъ.

И вотъ, часовъ въ семь вечера, я съ двумя казаками и проводникомъ покинулъ лагерь. Не успѣли мы проѣхать и двѣнадцати верстъ, какъ впереди насъ раздался храпъ. Оказалось, мы встрѣтились какъ разъ съ табуномъ, который шелъ на водопой по той же тропинкѣ, но съ противоположной стороны. Почуявъ насъ, вожакъ храпомъ извѣстилъ лошадей; тѣ мигомъ повернули назадъ и, отбѣжавъ шаговъ на триста, стали. Казаки спѣшились и стали пробираться къ табуну, гдѣ ползкомъ, гдѣ прикрываясь кустами; я остался наблюдать и держалъ лошадей. Жеребецъ то уходилъ въ кусты, то снова появлялся, мечась изъ стороны въ сторону. Наконецъ, сообразивъ опасность, онъ перебѣжалъ на тропинку, параллельную нашей и находившуюся шагахъ въ четырехстахъ, и ржаніемъ позвалъ къ себѣ табунъ. Лошади мигомъ перебѣжали къ нему и крупною рысью направились мимо насъ къ Гашуну. Казаки возвратились, ругая бдительность жеребца, и мы повернули домой. На общемъ совѣтѣ рѣшено было—впередъ ключей на ночь не занимать, а стараться подойти къ табуну днемъ, а также дать лошадямъ день отдыха, чтобы усыпить ихъ бдительность.

---

[1]) На четвертый день пребыванія нашего въ Гашунѣ, мы разрѣшили себѣ стрѣлять и по птицѣ. Въ коллекцію поступили: Sturnus vulgaris Menzbieri, Sharpe, Alauda pispoletta Seebohmi, Sharpe, Calamophilus biarmicus sibiricus, Bp., Lanius excubitor, L., Saxicola isabellina, Cretzschm., S. deserti, Temm., Syrrhaptes paradoxus, Pall., Anser cinereus, Meyer, Charadrius fulvus Gm., Tringa alpina, L. и Tr. Temminckii, Leisl. Кстати замѣчу, что мы находили здѣсь еще насѣкомыхъ и въ особенности много ночницъ; изъ нихъ одинъ видъ—Pseudohadena pugnax, Alph. — оказался даже новымъ. Изъ жуковъ преобладали Chrysochares asiaticus, Pall., Chrysochus æneus, Pall., Leptosonyx nova species и Hispa sp?

Наконецъ, наши старанія увѣнчались успѣхомъ! Это было 1 сентября—день, который навсегда врѣзался у меня въ памяти. Въ четыре часа утра дежурный казакъ разбудилъ насъ и сообщилъ, что табунъ опять гуляетъ на прежнемъ мѣстѣ около песковъ. Зная, что лошади около пяти часовъ начинаютъ двигаться съ пастбища въ пустыню, мы живо собрались, и не прошло и получаса, какъ всѣ были на коняхъ. Двое казаковъ были назначены въ обходъ табуну, остальные должны были вытянуть цѣпь и загородить проходъ въ восточный рукавъ. До мѣста мы ѣхали рысью, казаки изрѣдка останавливались и, ставъ на сѣдла, высматривали, на мѣстѣ-ли табунъ. Сойдя съ лошадей и спутавъ ихъ, мы осторожно вытянулись линіей, занявъ пространство около двухъ верстъ, и каждый по своему усмотрѣнію сталъ красться къ табуну. Каково же было наше удивленіе, когда, подойдя къ кустамъ, около которыхъ должны были быть лошади, мы увидѣли, что ихъ и слѣдъ простылъ.

Вглядываясь въ даль, мы замѣтили тихо двигавшійся табунъ уже на первыхъ грядахъ песчаной полосы, верстахъ въ двухъ отъ насъ. Очевидно, лошадей мы не испугали, иначе слышали бы ихъ тревожное фырканье; способность ихъ ассимилироваться съ окружающей природой дала имъ возможность пройти мимо насъ незамѣченными. Неудача и этой охоты произвела на меня крайне тягостное впечатлѣніе. Не расчитывая, чтобы погода оставалась и на завтра ясною, я рѣшился одинъ попробовать счастья; а именно, отыскавъ слѣдъ табуна, увязаться за нимъ и нагнать его на отдыхѣ.

Предоставивъ людямъ продолжать охоту по своему усмотрѣнію, я повернулъ прямо въ восточный рукавъ въ томъ предположеніи, что ушедшій въ пески табунъ сдѣлаетъ дугу и пересѣчетъ мною избранное направленіе. Отъѣхавъ версты три, я услышалъ за собою шумъ; оглядываюсь—вижу брата.

Очевидно, нами руководила одна и та же мысль, и оба мы одинаково досадовали на неудачи.

Я тщательно всматривался въ слѣды по краямъ тропинки, пробитой дикими лошадьми, какъ вдругъ увидалъ маленькій слѣдокъ жеребенка, который шелъ одиноко, пересѣкая нашу тропу. Я слѣзъ съ лошади и, ощупавъ слѣдъ, нашелъ, что онъ совершенно свѣжъ. Ощупываніе слѣда утромъ въ пескахъ гораздо надежнѣе, чѣмъ одно разсматриваніе: на глазъ всякій слѣдъ, болѣе одного вершка глубиною, кажется совершенно свѣжимъ, на ощупь же—сыроватые свѣжіе слѣды имѣютъ боковыя стѣнки сухія, а сухіе свѣжіе слѣды—боковыя стѣнки не слипшіяся, что бываетъ у старыхъ сухихъ слѣдовъ, вслѣдствіе смачиванія ихъ водою.

И такъ, слѣдъ табуна былъ найденъ. Очевидно, лошади шли спокойно и вразсыпную. По слѣду мы скоро выбрались изъ трухлявой почвы рукава на сѣверный твердый берегъ. Тутъ къ маленькому слѣду присоединился большой, вѣроятно, принадлежавшій маткѣ. Мѣстами попадая на твердую почву, слѣдъ исчезалъ совершенно; тогда братъ останавливался на послѣднемъ слѣдѣ; я же, описывая кругъ, отыскивалъ выходной изъ круга слѣдъ и, удостовѣрившись въ его вѣрности, двигался съ братомъ дальше. Шли мы очень быстро и такъ были увлечены, что трудно сказать, сколько часовъ продолжалось выслѣживаніе; но по нѣкоторымъ признакамъ видно было, что мы уже отъ табуна недалеко и нагоняемъ его. Передавъ лошадь брату и выйдя впередъ шаговъ на 300—400, я уже сталъ съ большою осторожностью подыматься на бугры. Наконецъ, съ одного изъ нихъ, шагахъ въ 800, я увидалъ табунъ въ восемь лошадей, въ числѣ ихъ былъ и жеребчикъ.

Лошади не шли гурьбой, а придерживались одной линіи. Своими движеніями и видомъ онѣ точь-въ-точь напоминали нашихъ домашнихъ лошадей, когда тѣ въ жаркій день тянутся одна за другой въ лѣсокъ или на водопой, или съ заходомъ солнца идутъ по деревнѣ, направляясь къ своимъ дворамъ. Лѣниво покачиваясь, помахивая хвостами и пощипывая попадавшійся камышъ, онѣ тихо брели. Тутъ ужь приходилось быть насторожѣ.

Я снялъ сапоги, перестегнулъ патронташъ и, улегшись, слѣдилъ, когда послѣдняя лошадь перевалитъ за впереди лежавшій бугорокъ. Осторожно перебравшись ползкомъ черезъ гребень бугра, я поднялся на ноги, бѣгомъ добрался до слѣдующаго холма и всползъ на него. Много разъ я повторялъ этотъ маневръ и два раза, благодаря удобному расположенію бугровъ, я подходилъ сзади къ табуну шаговъ на 100—120. Но я видѣлъ только крупы лошадей, поэтому стрѣлять не рѣшался.

Въ одинъ изъ такихъ моментовъ меня чуть не открылъ жеребецъ; хотя онъ не былъ такъ бдителенъ, какъ ночью, но сохранялъ ту же привычку оставаться спрятавшимся въ кустахъ и пропускать табунъ шаговъ на 200—300 впередъ или выходить самому на то же разстояніе передъ табуномъ. Выползая на гребень, я такъ и вздрогнулъ, услыхавъ шагахъ въ тридцати зловѣщее фырканье, которое, къ счастью, раздалось по другую сторону гребня. Скорчившись, какъ возможно было, я припалъ къ землѣ, боясь вздохнуть.

«Неужели всѣ старанія даромъ?» мелькнуло въ головѣ.

Я тихонько сталъ всматриваться въ кусты, чтобы разсмотрѣть жеребца; о немъ я могъ судить только по легкому шороху, слышавшемуся спереди. Обойдя обѣ стороны и не почуявъ опасности, онъ успокоился и пустился догонять табунъ.

Пролежавъ еще минутъ пять, я покинулъ холмъ и вернулся къ брату. Мы условились, что онъ не будетъ двигаться впередъ, пока не услышитъ выстрѣла; затѣмъ прискачетъ ко мнѣ возможно скорѣе, чтобы дать лошадь, если придется догонять раненое животное.

Когда я снова вернулся на холмъ, то лошади были уже шагахъ въ пятистахъ. Опять приходилось ползти; я уже сильно усталъ. Отправляясь на охоту, я не пилъ даже чаю и впопыхахъ не взялъ папиросъ, но страсть охотничья превозмогла все. Было далеко за полдень. Догнавъ табунъ еще разъ, я сталъ искать глазами какого-нибудь холмика, къ которому можно было бы незамѣтно подползти и, опередивши, сбоку встрѣтить лошадей. Шагахъ въ 600 впереди я увидѣлъ гряду, тянувшуюся параллельно движенію табуна, длиною около ста саженъ. Это была послѣдняя возвышенность: впереди виднѣлось ровное пространство, покрытое саксауломъ, тамариксомъ и мѣстами рѣдкимъ и высокимъ камышемъ. Надо было спѣшить. Мысленно опредѣливъ тотъ кругъ, который я долженъ былъ обползти, я спустился съ холма, закинулъ штуцерный ремень за плечи и поползъ, что былъ силъ, въ обходъ. Жара и духота вблизи земли были ужасныя, на мнѣ не было сухой нитки, а колѣни и руки ныли отъ врѣзавшейся гальки. Наконецъ, я вползъ на вершину гряды. Оказалось, лошади прошли шагахъ въ восьмидесяти отъ гряды и въ эту минуту были далеко впереди. «Попробуемъ еще разъ погоняться съ ними», подумалъ я и снова поползъ. Достигнувъ гребня, я увидѣлъ, наконецъ, лошадь въ профиль. Это была вторая съ конца. Безъ звука поднялъ я курки штуцера Hædge'а, даннаго мнѣ при отправленіи въ Китай Высокимъ покровителемъ нашей экспедиціи, Его Императорскимъ

Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ, и, ставъ на колѣно, сталъ выдвигаться изъ-за маленькаго куста саксаула, прикрывавшаго меня. Лошадь стояла, спокойно обрывая листики камыша. Медленно поднявъ ружье, я приложился. Но утомленіе сказалось тутъ во всей своей силѣ: я съ трудомъ держалъ ружье, а отъ волненія и усталости руки и ноги дрожали какъ въ лихорадкѣ. Я чувствовалъ, что стрѣлять не могу. Опустивъ штуцеръ, я припалъ къ землѣ.

Прошло не болѣе полминуты; досада на слабость и усталость просто душила меня. Я поднялъ голову. У камыша стояла уже послѣдняя лошадь. «Или сейчасъ, или больше сегодня не удастся», подумалъ я. Собравъ всѣ силы, я быстро поднялся на одно колѣно и приложился. Штуцеръ не дрожалъ въ рукахъ. «Лѣвѣе, лѣвѣе... ниже, ниже...»

Грянулъ выстрѣлъ и отъ страху, что промахъ, у меня волосы стали дыбомъ. «Нѣтъ, вотъ красное пятно подъ самой лапаткой—попалъ... что же не падаешь?» мелькало въ головѣ. Вдругъ лошадь рванулась и, сдѣлавъ дугу, стала другимъ бокомъ. Безсознательно я снова приложился и выстрѣлилъ. Лошадь упала на колѣни, но, быстро вскочивъ, ринулась впередъ, то падая, то снова подымаясь. «Скорѣе, скорѣе стрѣлять!» и я судорожно вталкивалъ новые патроны въ ружье. Между тѣмъ табунъ круто повернулъ назадъ. Думая, что выстрѣлъ былъ спереди, онъ сначала рысью, а потомъ карьеромъ пронесся мимо меня. Боясь потерять уже раненое животное и помня крѣпкоранность травоядныхъ, я уже не обращалъ вниманія на лошадей, а то не одно бы животное осталось на мѣстѣ. Я выскочилъ изъ куста и бросился къ моей жертвѣ. Всѣ ея старанія уйти были напрасны: обѣ лопатки были пробиты пулями, и хотя лошадь двигалась, но очень медленно. Двѣ новыхъ пули, изъ которыхъ одна перебила хребетъ, покончили дѣло. Лошадь упала на бокъ и осталась неподвижной. Не могу выразить того чувства радости, которое охватило меня. Наконецъ-то мы добыли то, что̀ еще въ Петербургѣ было темой безконечныхъ разговоровъ: удалось убить животное, которое такъ старательно искалъ и не нашелъ знаменитый охотникъ и стрѣлокъ Пржевальскій! Минутъ черезъ десятъ подъѣхалъ братъ.

Мы подошли къ убитой лошади.

— Кто съ тобой стрѣлялъ?

— Да я одинъ.

— Удивительно быстро слѣдовалъ выстрѣлъ за выстрѣломъ;

я думалъ, не встрѣтилъ-ли ты кого изъ людей. По правдѣ сказать, слыша такую канонаду, я сталъ сомнѣваться въ успѣхѣ, предполагая, что вы просто стараетесь хоть подшибить какую-нибудь лошадь изъ убѣгающаго табуна, говорилъ онъ, разглядывая лошадь.—Какъ это ты такъ быстро заряжалъ ружье?

Разсматривая раны, причиненныя пулями животному, я сталъ сожалѣть, что упустилъ случай и не воспользовался моментомъ, когда выстрѣлъ озадачилъ табунъ, и онъ стоялъ секунды двѣ-три, не шевелясь. Но мое волненіе находило оправданіе въ томъ, что предметъ охоты уже черезчуръ былъ рѣдокъ и чрезвычайной важности.

Полюбовавшись на красивое животное, мы рѣшили, что я останусь снимать шкуру, а братъ поѣдетъ въ лагерь и приведетъ людей, чтобы помочь мнѣ справиться съ работой. Было уже четыре часа. Я вооружился перочиннымъ ножомъ, который ужь не разъ исполнялъ должность препараторскаго скальпеля, и энергично принялся за дѣло. Работа шла быстро, я хотѣлъ поспѣть къ пріѣзду людей, даже не воображая, что отъ мѣста, гдѣ была убита лошадь, до лагеря было около двѣнадцати верстъ!

Я уже вьючилъ шкуру и черепъ на свою лошадь, когда услышалъ почти одновременно четыре выстрѣла. Думая, что эти выстрѣлы—призывные, я отвѣтилъ изъ штуцера тѣмъ же. Черезъ нѣкоторое время я увидѣлъ вдали препаратора артиллериста Жиляева, который быстро ѣхалъ ко мнѣ.

— Ваше благородіе,—закричалъ онъ, увидѣвъ меня,—казаки сейчасъ еще жеребца убили!

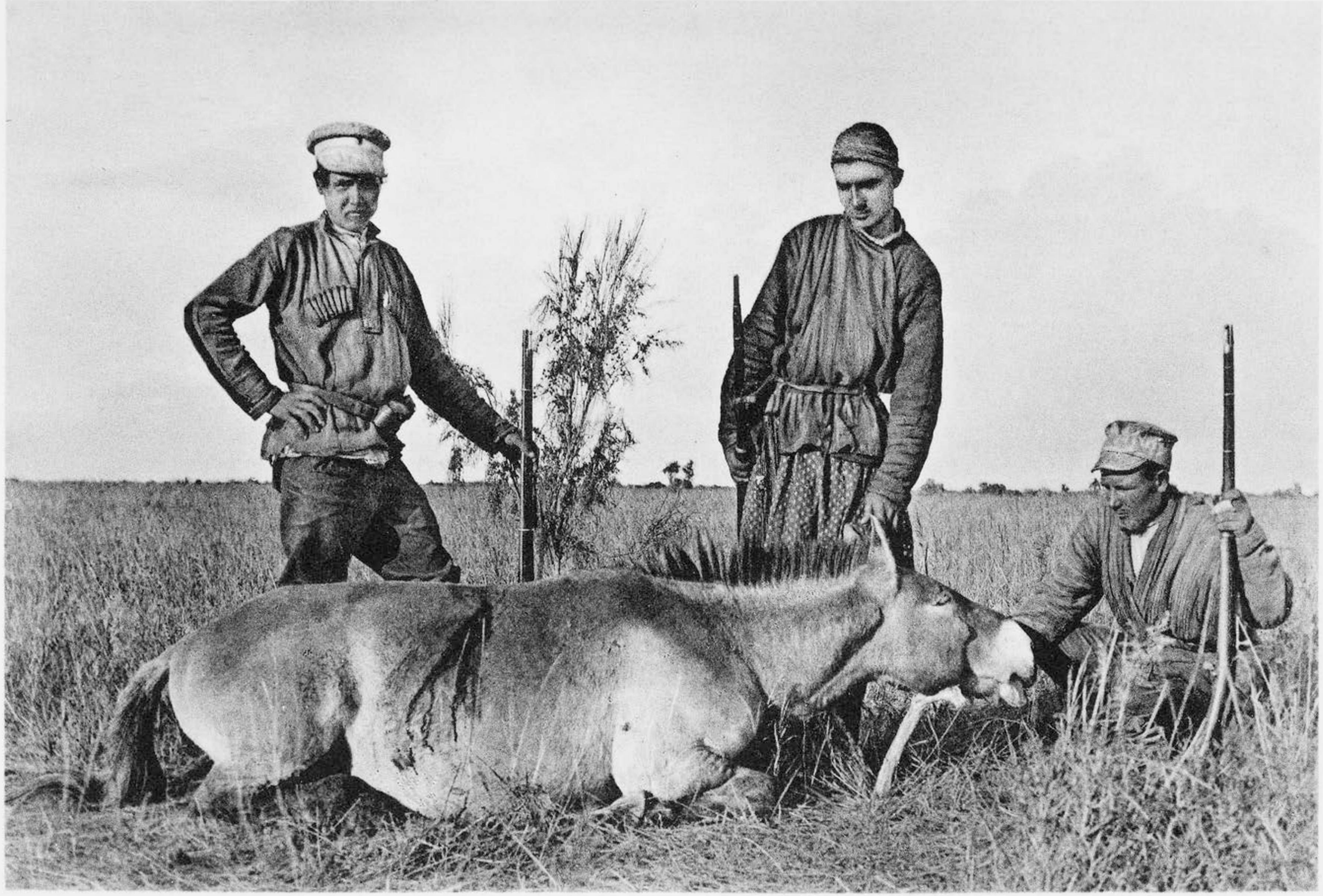
Надо было видѣть его радостное лицо при этомъ возгласѣ, чтобы понять, какъ отражались всякія наши удачи и неудачи на людяхъ. Полная отчужденность отъ родины связала насъ почти родственными узами, и интересы личные становились общими.

По пріѣздѣ брата въ лагерь извѣстіе, что лошадь, наконецъ, мною убита, вызвало общій восторгъ. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть и поздравить съ удачей; люди даже пріодѣлись почище, чтобы праздничнымъ видомъ ознаменовать этотъ день. Кто-то даже флагъ сдѣлалъ изъ лоскутка и воткнулъ около нашей юрты. Въ сопровожденіи трехъ казаковъ и препаратора, братъ нашимъ слѣдомъ пѣшкомъ добирался ко мнѣ. И вотъ, не доходя двухъ верстъ, одинъ изъ казаковъ увидѣлъ табунъ, стоявшій въ кустахъ; нѣкоторыя лошади лежали, другія стояли. Люди тотчасъ же спѣшились, и двое, послѣдовавъ моему примѣру—снявъ сапоги и все лишнее,—поползли къ табуну. Залпъ изъ двухъ винтовокъ положилъ на мѣстѣ красавца-жеребца: одна пуля попала въ високъ, другая перебила шейный позвонокъ. Тѣмъ не менѣе люди, перерядивъ винтовки, дали второй залпъ уже по лежавшему животному.

Собравъ охотничьи принадлежности, закуривъ, наконецъ, папиросу и выпивъ воды, я поѣхалъ посмотрѣть второй экземпляръ добычи нашей охоты.

Убитый жеребецъ, судя по зубамъ, былъ около десяти лѣтъ. По строенію тѣла онъ имѣлъ статьи, отличающія нашихъ алтайскихъ лошадей, карабаховъ и финскихъ лошадокъ, т.-е. при сравнительно небольшомъ ростѣ—два аршина съ вершкомъ—лошадь отличалась шириною груди и крупа, широкой, массивной и короткой шеей, тонкими и изящными, какъ у скаковыхъ лошадей, ногами и широкимъ, круглымъ копытомъ. Голова казалась нѣсколько тяжелою сравнительно съ корпусомъ и имѣла широкій, красивый лобъ; линія вдоль лба къ ноздрямъ—прямая; верхняя полная губа нѣсколько заходила (нависала) надъ нижней, уши для такой массивной головы—слишкомъ малы. Хвостъ, хотя и не былъ покрытъ отъ самой сурѣпицы волосами, какъ у нашей лошади, тѣмъ не менѣе былъ длиннѣе, чѣмъ у хулана. Цвѣтъ его близъ сурѣпицы былъ одинаковъ съ шерстью, покрывавшей весь корпусъ животнаго, конецъ же былъ — черный. Лошадь не имѣла чолки, но грива ея начиналась нѣсколько впереди ушей и шла до холки; длинные волосы приходились на середину гривы. Вообще, по бѣдности волосъ на гривѣ, хвостѣ и щеткахъ, дикая лошадь напоминала текинскую. Оригинальной особенностью этого животнаго являлись жесткія, доходившія до вершка бакенбарды, шедшія по ребру нижней челюсти, начинавшіяся немного ниже ушей и соединявшіяся подъ мордой, не доходя до подбородка. Масть лошадей каурая лѣтомъ и свѣтлогнѣдая зимой—въ обоихъ случаяхъ съ почти бѣлыми подпалинами. Волосы на щекахъ и на лбу нѣсколько темнѣе, чѣмъ на остальномъ тѣлѣ; конецъ морды бѣловатъ. Спинной ремень очень слабо выраженъ и у лошадей въ зимнемъ уборѣ совершенно пропадаетъ. Ноги до бабокъ, а равно и грива—черныя. Грива свѣшивается на лѣвую сторону. Вообще шерсть короткая и гладкая, но у молодыхъ она курчавая. На всѣхъ четырехъ ногахъ мозоли.

Показавъ линіи разрѣзовъ кожи жеребца, я съ братомъ поѣхалъ домой, оставивъ казаковъ и препаратора доканчивать сниманіе шкуры. По пріѣздѣ въ лагерь, поздравленія посыпались со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ приказано было готовить ужинъ, и



Дикая лошадь.

Фототипія В. Кларинъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

мы устроили праздникъ, конечно убогій по внѣшности, но отличавшійся удивительнымъ весельемъ. Да какъ было и не радоваться, когда ради дикой лошади мы и предприняли рискованную и не по нашему нищенскому бюджету дорогую поѣздку въ пески и солонцы центральной Джунгаріи! Къ тому же эта удача съ внѣшней стороны много могла способствовать успѣху экспедиціи, такъ какъ всякое дѣло оцѣнивается не по количеству труда и здоровья, затраченныхъ на него, но прежде всего по его результатамъ.

Дня черезъ три, при помощи облавы, убили еще жеребца, вѣроятно по старости отбившагося отъ табуна и бродившаго отдѣльно. Съэтого то 18-ти лѣтняго экземпляра и была снята фотографія вмѣстѣ съ охотниками, на которыхъ набѣжалъ несчастливецъ. Кромѣ того сопровождавшимъ насъ охотникомъ турфанлыкомъ была убита кобыла, шкура которой и дополнила нашу коллекцію

Между тѣмъ, несмотря на удачу нашей охоты, мы должны были, какъ можно скорѣе, покинуть урочище Гашунъ, такъ какъ горько-соленая вода губительно дѣйствовала на лошадей. Мы выступили 6 сентября, взявъ съ собой фуражъ для корма лошадей. Лошади съ трудомъ перешли пески; одну изъ нихъ пришлось даже бросить, а нѣкоторыхъ уже безъ вьюковъ мы еле-еле дотащили до селенія Питу-чау.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ глубь Центральной Азіи, намъ приходилось постоянно встрѣчать кулановъ и джигетаевъ. Сравнивая дикую лошадь съ двумя послѣдними, мы видимъ слѣдующее существенное различіе въ повадкахъ тѣхъ и другихъ.

Дикая лошадь — житель равнинной пустыни и выходитъ на пастьбу и водопой ночью; съ наступленіемъ-же дня возвращается въ пустыню, гдѣ и остается отдыхать до полнаго захода солнца. Весною, когда въ табунѣ есть жеребята, она отдыхаетъ всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Это свидѣтельствуется тѣмъ, что мною была найдена площадка около сорока квадратныхъ саженъ, сплошь покрытая толстымъ слоемъ жеребячьяго навоза. Почти полное отсутствіе крупнаго помета заставляетъ предполагать, что мѣсто отдыха табуна измѣняется, когда жеребята подростаютъ, и остается постояннымъ во время ихъ малолѣтства.

Дикіе же ослы—жители подгорныхъ странъ по преимуществу. Съ восходомъ солнца стадо ихъ выходитъ изъ горъ на пастбище и водопой, къ заходу-же солнца возвращается обратно въ горы, гдѣ и ночуетъ. Они предпочитаютъ горы, покрытыя степною растительностью, вообще, такъ называемые «сырты»; но водятся также и на пустынныхъ плоскогорьяхъ. Мы встрѣчали кулановъ и джигетаевъ массами, но мѣстъ ихъ постоянныхъ кочевокъ найти не могли.

Дикія лошади ходятъ большею частью гуськомъ, особенно, когда уходятъ отъ опасности; куланы-же и джигетаи, будучи испуганы, всегда толпятся и убѣгаютъ въ безпорядкѣ. Вслѣдствіе привычки лошадей ходить гуськомъ, по всей мѣстности Гашуна идутъ глубоко проторенныя тропинки; между тѣмъ тамъ, гдѣ водятся куланы и джигетаи, мы этого не встрѣчали, за исключеніемъ долины верховій Ганьчжоуской рѣки (Хый-хо) въ Нянъ-Шанѣ. Однимъ изъ самыхъ отличительныхъ признаковъ присутствія въ данномъ мѣстѣ дикихъ лошадей служатъ громадныя кучи помета близъ тропъ; на эту особенность указалъ намъ мулла, который тотчасъ-же, по прибытіи нашемъ въ Гашунъ, по этому признаку опредѣлилъ, что лошади были на водопоѣ наканунѣ. Въ случаѣ опасности жеребецъ дикой лошади убѣгаетъ впереди въ тѣхъ только случаяхъ, когда въ табунѣ нѣтъ жеребятъ; да и тогда часто отбѣгаетъ въ сторону и всѣми движеніями своими выражаетъ крайнее безпокойство; хуланъ же болѣе эгоистъ и мало заботится объ опасности, угрожающей его гарему и подростающему поколѣнію.

Куланъ и джигетай не ржатъ, а кричатъ, да и то весьма рѣдко. Дикая лошадь, наоборотъ, ржетъ звонко, и ржанье это совершенно схоже съ ржаньемъ домашней лошади; точно также, когда дикая лошадь сильно испугана, то ея храпъ и фырканье напоминаютъ нашихъ лошадей.

Неоднократно приходилось слышать, что, кромѣ каурыхъ бываютъ еще голубыя и пѣгія лошади. Голубыхъ мы совсѣмъ не видали. Пѣгихъ лошадей, намъ казалось, что мы видѣли, когда разсматривали табунъ съ двухъ или трехверстной дистанціи; съ приближеніемъ-же къ лошадямъ эта пѣгая окраска пропадала. Это можно объяснить, какъ мнѣ кажется, свѣтовыми эффектами. Немного взъерошенная отъ валянья шерсть или потемнѣвшій отъ омертвѣнія при линяніи волосъ не отражаютъ свѣта такъ-же сильно, какъ гладкая шерсть и живой волосъ. Поэтому такія мѣста кажутся темными пятнами. Отъ свойства освѣщенія зависитъ, вѣроятно, и кажущаяся голубая окраска лошадей. Напримѣръ, намъ, при лунномъ освѣщеніи, лошади казались совершенно бѣлыми.

Монголами дѣлались неоднократныя попытки приручать дикихъ лошадей, но всѣ онѣ не имѣли успѣха; дикая лошадь не поддается вліянію человѣка, дичится его и не позволяетъ себя утилизировать. Ловятъ монголы лошадей весьма просто. Ко времени, когда матки жеребятся, калмыки о двуконь отправляются въ пустыню; найдя табунъ, они начинаютъ его преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока не набравшіеся еще силъ жеребята, обезсилѣвъ, не падаютъ. Ихъ тогда забираютъ и пускаютъ въ табунъ домашнихъ лошадей.

Разсказываютъ, что жеребцы дикихъ лошадей иногда уводятъ домашнихъ матокъ съ собою въ пустыню, но это едва-ли вѣрно. Очень сомнительно, чтобы нашихъ домашнихъ животныхъ могли удовлетворить плохой кормъ и соленая вода, которыми вполнѣ довольствуются дикія лошади.

Въ дополненіе ко всему сказанному моимъ братомъ о дикой лошади, я считаю излишнимъ писать объ ея отличіяхъ, внѣшнихъ и остеологическихъ, побудившихъ Полякова [1]) и Черскаго [2]) выдѣлить это животное въ подродъ Equus и такимъ образомъ генетически отдѣлить отъ полуословъ (Hemioni), съ которыми однако у Equus Przewalskii такъ много внѣшняго сходства, что даже на ближайшемъ разстояніи ихъ различить невозможно [3]); я позволю себѣ однако привести нижеслѣдующія слова Черскаго, которыми и заключаю настоящую главу: «особенности черепа Equus Przewalskii въ сравненіи съ другими, описанными до сихъ поръ породами лошадей, обличаютъ въ немъ *вполнѣ самостоятельную расу широколобой лошади»* [4]), иначе—лошади «восточнаго типа» [5]), къ которому нынѣ относятся, между прочимъ, нижеслѣдующія породы: арабская, персидская, сирійская, англійская скаковая (the Race-Horse), киргизская, монгольская, калмыцкая, башкирская, донская, карабахская, финляндская, литовская и русская (орловскіе рысаки).

---

[1]) «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1881, вып. I.

[2]) «Описаніе коллекціи послѣтретичныхъ млекопитающихъ животныхъ, собранныхъ Ново-Сибирской экспедиціей 1885—1886 г.» стр. 397 и слѣд.

[3]) Конечно можно сказать, что Equus Przewalskii имѣетъ болѣе лошадиный складъ, нежели дикій оселъ, но этотъ признакъ вообще настолько неопредѣленъ, что даже наши казаки и киргизы на первыхъ порахъ его не улавливали; только вглядѣвшись ближе, можно замѣтить нѣкоторыя отличія въ окраскѣ, строеніи головы, размѣрѣ ушей, которыя меньше у E. Przewaskii чѣмъ у дикихъ ословъ, въ формѣ копытъ, которыя у представителей рода Asinus съуженныя и полныя, со слабо развитой стрѣлкой, а у дикой лошади, наоборотъ, круглыя, съ хорошо развитой стрѣлкой и, большею частью, весьма глубокія, такъ что, вслѣдствіе отростанія роговой оболочки, слѣдъ этихъ животныхъ достигаетъ иногда $9^{1}/_{2}$ дюймовъ длины и $6^{1}/_{2}$ дюймовъ ширины (благодаря такому отростанію большинство лошадей имѣетъ обломанныя копыта) и т. под.

[4]) Op. cit., стр. 411.

[5]) Op cit., стр. 372.

ГЛАВА X.

Городъ Ци-тай и связанное съ нимъ прошлое Джунгаріи.

Изъ Гучена мы выступили 12 сентября и направились большой дорогой въ Чи-тэй или, правильнѣе, Ци-тай. Сперва мы шли мѣстностью, поросшею чіемъ и камышомъ; затѣмъ вступили въ каменистую степь, поросшую хотя и скудной, но довольно разнообразной растительностью: Horaninovia ulicina, Salsola sp?, «койкыльчой» (Ephedra sp?) съ созрѣвшими уже красными ягодами, «джусой» (Artemisia sp?), «терескеномъ» (Eurotia ceratoides), «абдрасманомъ» (Peganum harmala) 1) и другими растеніями, свойственными наиболѣе отраднымъ уголкамъ подобной степи. Мѣстность въ общемъ ровная, пустынная, съ блеклыми тонами и въ высшей степени однообразная.

Разстояніе между Гученомъ и Ци-таемъ свыше тридцати верстъ, показавшихся намъ безконечными. Ни одного встрѣчнаго путника, ни одного предмета, который могъ бы остановить на себѣ наше вниманіе, если не считать быстрыхъ лемминговъ (Eremiomys luteus, Eversm. и Er. lagurus, Pall.), за которыми дѣятельно и не всегда безуспѣшно охотился Васька (читатель, конечно, помнитъ, что такъ звался нашъ понтеръ). Но вотъ, наконецъ, впереди ясно обозначилась желтоватая полоса, не то — освѣщенный солн-

---

1) «Абдрасманъ» у киргизовъ, «сырыкъ» у туркестанцевъ, «ёрбунъ» у торгоутовъ—растеніе, играющее видную роль въ семейномъ быту этихъ народовъ. Потанинъ («Очерки Сѣверо-Западной Монголіи», II, стр. 133) говоритъ, что киргизы кладутъ растеніе это въ люльку новорожденнаго; это не совсѣмъ такъ. Мать новорожденнаго, какъ только достаточно оправится, самолично окуриваетъ этимъ растеніемъ зыбку младенца для огражденія его отъ вліянія злыхъ духовъ.

цемъ край оврага, не то — лессовый выступъ степи, въ которой мы тотчасъ же признали стѣны Ци-тая; еще одна-двѣ версты и путь былъ оконченъ. Убогимъ предмѣстьемъ, вдоль развалившихся стѣнъ, спустились мы въ узкую долину рѣчки Гангу, на берегу которой и остановились.

Ци-тай-сянь еще недавно былъ окружнымъ; но теперь онъ заброшенъ и представляетъ грустное зрѣлище полнаго запустѣнія. Впрочемъ, какъ кажется, онъ потерялъ свое значеніе не теперь. Обширное кладбище, съ юга примыкающее къ предмѣстью и представляющее безконечное множество тѣснящихся другъ къ другу надмогильныхъ насыпей, о происхожденіи коихъ современное населеніе Ци-тая едва-ли что знаетъ ¹), наводитъ на мысль, что нѣкогда на мѣстѣ современнаго Ци-тая стоялъ городъ съ значительнымъ населеніемъ. Но что это былъ за городъ?

Исторія Джунгаріи, вообще, мало извѣстна; но и то немногое, что дошло до насъ, не получило еще систематической разработки. Я далекъ отъ желанія восполнить этотъ пробѣлъ, но въ то-же время, въ качествѣ географа, не могъ отрѣшиться и отъ мысли заглянуть въ прошлое этой страны, дабы, при помощи историческихъ справокъ, полнѣе оттѣнить то глубокое значеніе, какое пріобрѣтаетъ для насъ именно географическое изученіе этой послѣдней. Извѣстно, напримѣръ, какую видную роль играло восточное Притяньшанье въ эпоху переселенія народовъ. Если не здѣсь, то въ пустынныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ его отовсюду, возникали тѣ толчки, которые, приводя въ движеніе народныя массы, заставляли ихъ устремляться въ сторону наименьшаго сопротивленія—на западъ, т. е. по пути, занятому кочевыми народами. Извѣстно также, что здѣсь возникали и рушились эфемерныя царства и что именно здѣсь искалъ всегда могущественный Китай оплота противъ натиска кочевыхъ ордъ. Но не менѣе извѣстно и то, что нигдѣ, можетъ быть, историческія событія не находились въ бо́льшей зависимости отъ географическихъ особенностей страны, какъ именно въ этой части Внутренней Азіи. Вотъ почему я ставлю себѣ задачей—въ дальнѣйшемъ, на ряду съ географическимъ описаніемъ современной Джунгаріи, останавливаться и на тѣхъ вопросахъ, которые намъ предлагаетъ историческая географія этой страны. Несомнѣнно, что самымъ запутаннымъ изъ такихъ

---

¹) Спрошенные нами затруднились отвѣтомъ. Они утверждали, однако, что какъ самый городъ, такъ и кладбище происхожденія очень древняго.

вопросовъ является вопросъ о быломъ мѣстоположеніи Бэй-тиня, впослѣдствіи Бишбалыка; а такъ какъ Ци-тай является самымъ восточнымъ изъ пунктовъ, къ которымъ имѣются основанія пріурочивать это древнѣйшее изъ поселеній Южной Джунгаріи, то я и почелъ наиболѣе умѣстнымъ именно въ этой главѣ остановиться на его изученіи; попутно же я счелъ нелишнимъ познакомить читателя и съ до-Чингисхановскимъ періодомъ Джунгарской исторіи, въ теченіе коего городъ этотъ игралъ очень видную роль.

Въ то время, какъ Западная Джунгарія служила искони пріютомъ для кочевыхъ ордъ, въ Восточной уже за два столѣтія до нашей эры жили полуосѣдлыя племена, составлявшія едва зависимыя отъ хунновъ владѣнія. Резиденціей одного изъ такихъ владѣній — Сѣвернаго Чешы — и былъ городъ Ци-тай [1]). Кто же были эти чешысцы? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ мы не имѣемъ прямого отвѣта. Одно вѣроятно: это были иранцы, смѣшавшіеся съ народомъ тюрскаго племени. Во всякомъ случаѣ, тѣ элементы гражданственности, которые нашли у нихъ первые китайскіе путешественники, заимствованы были ими не съ востока, а съ запада, изъ столь знаменитой нѣкогда Бактріи [2]). При этомъ въ образѣ жизни чешысцевъ южныхъ и сѣверныхъ уже и тогда замѣчалось различіе: первые жили преимущественно въ селеніяхъ и городахъ, вторые все еще продолжали вести полукочевой образъ жизни — зимой въ городахъ, лѣтомъ въ горахъ, точь въ точь какъ и современные намъ жители Баркульской долины.

Начиная съ 120 г. до Р. Х., китайцы стали завязывать торговыя и политическія сношенія съ государствами, лежавшими къ западу отъ Памира. Караваны ходили черезъ земли Леулянъ и Гуши, т. е. обоихъ Чешы. Чешысцы нападали и грабили эти караваны, а китайцы отвѣчали на эти грабежи репрессаліями; такъ, напримѣръ, извѣстно, что уже въ 108 г. до Р. Хр. китайцы вторглись въ предѣлы Чешы и нанесли здѣсь полное пораженіе владѣтелю турфанскаго округа. Но еще бо́льшее вліяніе на «Западный Край» (Ань-си) пріобрѣли китайцы послѣ безпримѣрнаго похода Ли-гуань-ли на Давань, т. е. Фергану (104—100 до Р. Хр.), ближайшимъ результатомъ коего явилось назначеніе двухъ китайскихъ приставовъ: одного въ Кюйли (Курля), другого въ Бугуръ; на послѣдняго возложена была обязанность вѣдать военныя поселенія, которыя уже въ это отдаленное время стали повсемѣстно заводиться китайцами. Въ 59 г., послѣ того, какъ и сосѣдній князь хунновъ подчинился китайцамъ, правительство Небесной Имперіи рѣшило образовать изъ земель «Западнаго края» (Си-юй) намѣстничество—«ду-хо». Что въ зависимости отъ этого намѣстника находились и владѣтели Южной Джунгаріи, видно, между прочимъ, уже изъ того, что въ 48 г. онъ переселяетъ жителей Восточнаго Пулэя [1]) на западъ, въ Утанъ-цыли [2]); ближайшія причины этого переселенія, однако, намъ неизвѣстны. Тотъ же намѣстникъ принималъ значительное участіе и во внутреннихъ дѣлахъ уссуней [3]), которыхъ китайскому правительству, слѣдуя принципу — divide et impera, удалось втянуть въ продолжительную и для нихъ весьма пагубную борьбу съ могущественными хуннами. Политикой этой достигалась двоякая цѣль: съ одной стороны ослаблялись хунны, которымъ приходилось теперь вести борьбу на два фронта, съ другой—устанавливалась опека и надъ уссунями, которые не были настолько сильны, чтобы однимъ выдерживать натискъ хунновъ. Послѣдніе не долго оставались спокойными зрителями быстро возроставшаго вліянія китайцевъ на дѣла Притяньшанья. Сознавая стратегическое значеніе территорій обоихъ Чешы [4]), они не разъ пытались вновь овладѣть этими княжествами. Борьба велась съ перемѣннымъ успѣхомъ, при чемъ чешысцамъ приходилось постоянно лавировать между двумя могущественными соперниками на ихъ земли. Китайцы впрочемъ рѣдко посылали свои собственныя войска въ эти отдаленныя страны, стараясь преимущественно лестью и подарками порождать междоусобія среди хуннскихъ князей и такимъ путемъ силами самихъ хунновъ бороться за обладаніе Притяньшаньемъ. Такъ было, напримѣръ, еще въ 99 году до Р. Хр., когда хуннскій князь Гайко встрѣтился съ войсками хуннскаго шаню Цзю-ди-хэу на земляхъ чешысцевъ; такъ было и послѣ, напримѣръ, въ 88 г., когда съ помощью хуннскаго же князя была отвоевана китайцами южная часть чешыскихъ земель. Владѣніе это отнято было хуннами въ 86 г. Въ 73, однако, году хунны снова потеряли Чешы. Очевидно однако, чешысцы тяготились своей зависимостью отъ Китая, потому что не прошло и пяти лѣтъ, какъ чешыскій князь Угуй вновь сблизился съ хуннами. Въ томъ же 68 г. китайцы выгнали его изъ Турфана, а въ слѣдующемъ перевалили вслѣдъ за нимъ и Тянь-Шань. Преслѣдуемый по пятамъ, Угуй обратился за помощью къ хуннамъ, но, встрѣтивъ отказъ, измѣнилъ тактику. Онъ обрушился на Пулэй, разбилъ здѣсь хунновъ и, тѣмъ самымъ снискавъ себѣ прощеніе у китайцевъ, получилъ разрѣшеніе возвратиться въ свои земли. Но вслѣдъ затѣмъ, не надѣясь на своевременную помощь китайцевъ и справедливо страшась мести хунновъ, онъ принялъ отчаянное рѣшеніе—передаться уссунямъ. Рѣшеніе это имѣло однако самыя пагубныя послѣдствія какъ для него самого, такъ и для населенія обоихъ Чешы. Китайцы, пользуясь его отсутствіемъ, тотчасъ же укрѣпились въ Чешы и завели военное поселеніе въ мѣстности Чжоха-хото [1]); хунны же, пылая столько же местью, сколько и желаніемъ выгнать изъ Турфана китайцевъ, дважды вторгались и опустошали страну. Они достигли своей цѣли, но китайцы, покидая страну, не оставили въ ней камня на камнѣ, жителей же увели за собою въ Кюйли. Событіе это слѣдуетъ отнести къ 63 г. до Р. Хр.

---

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ о. Іакинфъ («Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», стр. XXVII).

[2]) Объ этомъ подробнѣе изложено будетъ ниже.

---

[1]) Восточный Пулэй принято пріурочивать къ современному Баркулю.

[2]) Утанъ-цыли лежало къ западу отъ Чешы и занимало земли современныхъ Урумчискаго и Фуканскаго округовъ.

[3]) Кочевого народа, жившаго въ Центральномъ Тянь-Шанѣ и распространявшаго свою власть на земли отъ Куръ-кара-усу на югъ до Памира.

[4]) Въ то время дорога изъ Китая, оставляя далеко въ сторонѣ Хами, выводила прямо въ Турфанъ.

Съ образованіемъ намѣстничества китайцы довольно прочно утвердились въ странѣ, что, главнѣйшимъ образомъ, подверждается тѣмъ, что въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 62 лѣтъ ни одно изъ владѣній Восточнаго Туркестана и Южной Джунгаріи не сдѣлало попытокъ къ возстанію.

Тѣмъ временемъ, однако, Чешы вновь заселилось и въ началѣ нашей эры оказалось уже настолько могущественнымъ, что правители его рѣшили вступить въ открытую борьбу съ китайскимъ намѣстникомъ. Поводомъ послужило желаніе послѣдняго лично осмотрѣть вновь тогда открытый путь изъ Юй-мынь-гуаня черезъ Хами въ города Притяньшанья [2]). При тогдашнихъ порядкахъ подобное путешествіе грозило совершеннымъ разореніемъ подданнымъ чешыскаго князя, а потому рѣшено было ему помѣшать. Но князь не успѣлъ своевременно собрать ополченія, былъ схваченъ и преданъ суду. Ему удалось, однако, подкупить сторожей; онъ бѣжалъ и скрылся у хунновъ. Тѣ его приняли, но вслѣдъ затѣмъ, боясь отвѣтственности, выдали китайскимъ властямъ. Тогда намѣстникъ созвалъ князей со всего Восточнаго Туркестана и въ ихъ присутствіи казнилъ своенравнаго князя. Подобная же участь постигла въ слѣдующемъ году (10 г. по Р. Хр.) и князя Сѣвернаго Чешы [1]). Тогда народъ возмутился и въ числѣ 2.000 человѣкъ, со всѣмъ имуществомъ своимъ и скотомъ, бѣжалъ на востокъ и передался хуннамъ.

---

[1]) Нынѣ селеніе Бауръ, къ сѣверу отъ Турфана.

[2]) Вѣроятно, это та дорога, которой мы слѣдовали на обратномъ пути изъ Су-чжоу.

Это дало поводъ хуннамъ вновь вмѣшаться въ дѣла восточнаго Притяньшанья. Сильный отрядъ ихъ, имѣя во главѣ чешысцевъ, вторгся въ Турфанъ и, разграбивъ земли китайскаго сторонника, хэ-чжоу'скаго князя [2]), нанесъ рѣшительное пораженіе и расположенному тамъ китайскому гарнизону. Одновременно возмутились и всѣ другіе князья Восточнаго Туркестана. Это поставило намѣстника въ безвыходное положеніе; боясь отвѣтственности за свою нераспорядительность, онъ бѣжалъ къ хуннамъ; но хунны поступили съ нимъ такъ-же, какъ съ княземъ Сѣвернаго Чешы: за приличную цѣну они выдали его китайскому посланцу, который поспѣшилъ доставить его въ Чанъ-ань, гдѣ онъ и былъ сожженъ на кострѣ.

Вскорѣ затѣмъ китайцы снарядили новую экспедицію въ Западный Край, но ее постигла полная неудача. Тогда притяньшанскіе князья объявили себя независимыми владѣльцами, а китайское правительство вынуждено было издать «плачевный манифестъ». Событіе это относится къ 20 г.

Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ 130 лѣтъ китайцы три раза:— въ 74, 91 и 127 годахъ — возстановляли свою власть въ Южной Джунгаріи. Въ промежуткахъ же этихъ событій она становилась добычею хунновъ. Впрочемъ, иго послѣднихъ сносилось, повидимому, легко, такъ какъ въ исторической литературѣ нѣтъ указаній, чтобы даже такой безпокойный народъ, какъ чешысцы, искалъ случая освободиться изъ подъ этой опеки; скорѣе даже наоборотъ. Такъ, китайскіе лѣтописцы свидѣтельствуютъ, что чешысцы не только призывали не разъ къ себѣ хунновъ, но и всячески помогали имъ въ ихъ борьбѣ какъ съ уссунями, такъ и съ китайскими императорами. Вообще, изъ всѣхъ притяньшанскихъ народовъ чешысцы, повидимому, отличались наибольшей энергіей и подвижностью. Они всегда готовы были вступить въ неравную борьбу и хотя и терпѣли неудачи, но никогда не падали духомъ, а, собравшись съ новыми силами, вновь начинали непріязненныя дѣйствія. Два раза существованіе этого крохотнаго владѣньица висѣло на волоскѣ, и оба раза оно не только вполнѣ оправлялось, но и, немного спустя, опять заставляло китайцевъ принимать чрезвычайныя мѣры для огражденія своей власти и значенія въ «Западномъ краѣ». Такъ, непосредственно вслѣдъ за событіями двадцатыхъ годовъ, чешысцы настолько усилились, что овладѣли Дань-хуанью [1]), Утанъ-цыли, Халга-аманью [2]) и Хуху [3]), иными словами—распространили свою власть на всѣ земли отъ Баркуля до Карашара; а въ 66 году простерли дерзость свою до того, что въ сообществѣ съ хуннами вторглись даже въ предѣлы Внутренняго Китая (пров. Хэси)! Но уже въ 74 году они снова лишились части своей территоріи.

---

[1]) Іакинфъ Бичуринъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», стр. 92—98.

[2]) Это, кажется, первое литературное извѣстіе о городѣ, существовавшемъ нѣкогда на рѣкѣ Караходжа, къ востоку отъ современнаго Турфана.

Дальнѣйшія свѣдѣнія наши о событіяхъ этого періода ограничиваются слѣдующимъ. Въ 77 г. чешысцы въ союзѣ съ хуннами изгнали изъ края китайцевъ, которые вернулись сюда лишь въ 90 г. Въ 91 г. они положили даже основаніе двумъ военнымъ постамъ: Гаочану и Хой-чэну; но уже въ 105 г. новое поголовное возстаніе городовъ Притяньшанья вынудило китайцевъ покинуть Западный край. Вслѣдъ за симъ, опираясь на хунновъ, чешысцы, въ періодъ съ 105 по 112 годъ, нѣсколько разъ опустошали западную часть провинціи Хэ-си (Дунъ-хуанъ), что и вынудило китайцевъ еще разъ перейти въ наступленіе. На первыхъ порахъ дѣйствія ихъ были очень удачны: они овладѣли Хами, Шань-Шанью [4]) и Южнымъ Чешы; но тутъ ихъ встрѣтило ополченіе сѣверныхъ чешысцевъ и хунновъ, которое въ рѣшительномъ бою нанесло имъ жестокое пораженіе. Китайцы бѣжали сначала въ Хами, а потомъ и въ Хэ-си, куда вслѣдъ за ними ворвались и побѣдители...

Отплатить за это пораженіе китайцы собрались только въ 123 году; однако, занятіе края окончено было ими не ранѣе 127 года. Послѣдствіемъ этого похода хотя и было возстановленіе китайскаго господства надъ «Западнымъ краемъ», но оно отличалось крайней непрочностью. Съ каждымъ годомъ престижъ ихъ замѣтно падалъ, и, наконецъ, они вынуждены были очистить страну, уступивъ свое мѣсто сѣвернымъ чешысцамъ (153 г.), которые и не замедлили утвердиться на обоихъ склонахъ Тянь-Шаня отъ современнаго Бая (въ древности—Шиманэ; Цзюйми китайцевъ?) на востокѣ, до Карашара на западѣ.

---

[1]) Дань-хуань небольшое владѣньице, находившееся къ востоку отъ Утанъ-цыли.

[2]) Владѣньице, находившееся къ западу отъ Токсуна. Впрочемъ, это не болѣе какъ предположеніе.

[3]) Токсунъ?

[4]) Владѣніе, занимавшее пустынную горную страну Чоль-тагъ, (западную часть Бэй-Шаня), и граничившее на сѣверѣ съ Хами и Турфаномъ, а на югѣ примыкавшее къ Лобъ-нору и Алтынъ-тагу.

Съ паденіемъ владычества хунновъ въ началѣ V вѣка, въ Южной Джунгаріи появились новые завоеватели — «жеу-жани», которые и овладѣли страною чешысцѣвъ. Столѣтіемъ позже, а именно въ 521 году, Южной Джунгаріей овладѣли гаогюйскія поколѣнія [1]). Впрочемъ, гаогюйцы нахлынули сюда задолго до появленія въ ней помянутыхъ выше жеу-жаней [2]), и, можетъ быть, они-то и подготовили паденіе Сѣвернаго Чешы. Такъ, китайскія лѣтописи упоминаютъ о гао-гюйскихъ родахъ уже въ половинѣ IV вѣка, да и при описаніи Гаочана говорится, между прочимъ, что на сѣверѣ это владѣніе, зародившееся на развалинахъ Южнаго Чешыскаго княжества, граничило межа въ межу съ землями «чилэ», иначе — «гао-гюй». Независимо отъ сего, изъ гаочанской исторіи видно, что уже въ 482 г. гаогюйцы распоряжались престолонаслѣдіемъ въ этомъ владѣніи, въ концѣ же столѣтія переселили послѣднихъ чешысцевъ изъ Чжоха-хото въ Карашаръ.

Эти противорѣчивыя свѣдѣнія мы можемъ помирить лишь въ томъ случаѣ, если допустимъ, что и гао-гюйцы, и жеу-жани жили одновременно и бокъ-о-бокъ въ Джунгаріи; при чемъ въ зависимости отъ временного успѣха въ борьбѣ за преобладаніе, распространялась и власть ихъ на болѣе или менѣе широкій районъ культурныхъ земель Притяньшанья.

---

[1]) «Гао-гюй» означаетъ «высокія телѣги». В. Григорьевъ (Примѣч. CCCLXVI къ «Восточному или Китайскому Туркестану» Риттера) по этому поводу пишетъ: «Риттеръ усвоиваетъ себѣ мнѣніе, выраженное еще Klaproth'омъ, что «гао-гюй», «гао-че» есть прозваніе, данное уйгурамъ вслѣдствіе того, что у нихъ колеса ихъ телѣгъ были выше, чѣмъ у другихъ тюркскихъ колѣнъ. На это можно замѣтить, что гао-че есть позднѣйшая форма имени гао-гюй, а это послѣднее представляется ничѣмъ инымъ, какъ транскрипціею имени уйгуръ, которое китайцы пробовали также писать «вуй», и «угэ», и «уху», и «юаньгэ», и «вейгэ» и, наконецъ, «хойху». А такъ какъ «гао-гюй», случайно или намѣренно (?), оказалось значущимъ по-китайски — «высокая телѣга», то китайцы и стали впослѣдствіи толковать, будто именно по причинѣ употреблявшихся уйгурами телѣгъ на высокихъ колесахъ и получили они прозваніе гаогюйцевъ».

Не будучи оріенталистомъ, я лишенъ возможности провѣрить проф. Григорьева; я обращу, однако, вниманіе читателя на нижеслѣдующія строчки «Си-ю-цзи»: «по всѣмъ сторонамъ вдали виднѣлись людскія обиталища, состоявшія изъ черныхъ телѣгъ и бѣлыхъ юртъ»; и на примѣчаніе къ нимъ арх. Палладія: «нынѣ въ Монголіи такихъ телѣгъ вовсе не видно, но сказанія о нихъ многочисленны» («Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ» IV, стр. 286).

[2]) У Іакинфа читаемъ: «Шелунь (ханъ жеу-жаньскій) удалился на сѣверъ, напаль на гаогюйцевъ и далеко прошелъ ихъ землями. («Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», II, стр. 208).

Въ періодъ Юань-вэй (386—558) гаогюйцы господствовали въ земляхъ Восточнаго и Западнаго Пулэй. (Іакинфъ, «Собр. свѣд. о народ. Ср. Аз.». IV, стр. 56).

Съ 521 года гаогюйцы явились господствующимъ народомъ въ Южной Джунгаріи, но не надолго. Уже въ 536 г. въ Джунгарію спустились съ Алтая тукіесцы, разбили въ рѣшительномъ сраженіи гаогюйцевъ, усилились ими и, двинувшись отсюда на востокъ, въ одинъ удачный походъ сломили могущество жеужаней (552 г.). Нѣсколько же лѣтъ спустя, тукіесцы владѣли всѣми землями отъ Кореи до Аральскаго моря, отъ Нянъ-Шаня до Сибирской тайги. Наибольшаго могущества достигли они при Тобо-ханѣ (572—581), но уже при слѣдующемъ ханѣ, Нѣту, Тукіеская держава распалась на двѣ части — восточную и западную. Далобянь, ханъ Западной орды, подчинилъ себѣ весь народъ гаогюйскій и весь Западный край (590 г.), самъ же своими кочевьями занималъ земли, принадлежавшія когда-то уссунямъ. Къ 605 году гао-гюйцы усилились до такой степени, что рѣшились вступить въ борьбу съ Чуло-ханомъ тукіескимъ и нанесли ему рѣшительное пораженіе; но уже въ слѣдующемъ году Чуло-хану удалось не только снова одержать верхъ надъ соединенными силами всѣхъ поколѣній чилэ, но и наказать ихъ, предательски казнивъ нѣсколько сотъ ихъ старѣйшинъ и наложивъ на народъ тяжелую контрибуцію. Тогда гао-гюйцы бѣжали на востокъ, провозгласивъ ханомъ своимъ нѣкоего Шыгянъ-Сыгиня.

Изъ послѣдующихъ событій извѣстны два факта: въ 619 г. тукіескому Тунъ-Шеху-хану удалось, повидимому, снова подчинить себѣ гаогюйцевъ и ихъ силами, по выраженію китайцевъ, геройствовать на западѣ ¹); и—уйгуру Яоши, сыну Шыгяна, въ 628 г., нанести при горѣ Ихе-Маджинъ-сянь ²) рѣшительное пораженіе въ двадцать разъ его сильнѣйшему Хѣли-хану восточныхъ тукіесцевъ.

Въ 638 году Западное Тукіеское ханство въ свою очередь распалось на двѣ половины: восточную и западную. Вся Джунгарія вошла въ удѣлъ восточныхъ хановъ, кочевавшихъ на сѣверныхъ склонахъ Боро-Хоро; на югѣ же имъ принадлежали всѣ населенные пункты на западъ отъ Гаочана. Но уже три года спустя единодержавіе было вновь возстановлено Дулу-ханомъ, который,

---

[1] Во время побѣдоноснаго похода въ Персію и Гибинь.

[2] Гора эта находится въ центральной части Бэй-Шаня, на меридіанѣ Юй-мына.

расширяя предѣлы своихъ владѣній, вторгся и въ округъ Хами. Но здѣсь онъ встрѣтилъ отпоръ и, преслѣдуемый китайцами, долженъ былъ отступить въ глубь Джунгаріи.

Въ 648 году часть тукіескихъ родовъ передалась Китаю. При его поддержкѣ новые вассалы богдохана очень скоро справились съ остальными поколѣніями тукіесцевъ; усилившись же послѣдними, Ашина Хэлу Шабало-ханъ двинулся и противъ Китая (651 г.). Тогда китайцы призвали на помощь ойхоровъ и въ союзѣ съ ними вторглись въ Джунгарію. Здѣсь они тотчасъ же построили городокъ Гинь-мань-сянь [1]). Такой энергичный образъ дѣйствій китайцевъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ послѣдующихъ событій въ этой части Средней Азіи. Многіе тукіескіе князья поспѣшили тотчасъ же передаться китайцамъ; ханъ же Хэлу, покинутый всѣми, вынужденъ былъ бѣжать на западъ, въ Илійскія степи. Но и тамъ не оставили его въ покоѣ китайцы и нанесли ему въ теченіе 656 г. рядъ пораженій.

Въ 678 г. въ союзѣ съ тибетцами тукіескій ханъ Дуджы рѣшился напасть на Кучу [2]), но уже въ слѣдующемъ году китайцы обманомъ захватили въ плѣнъ какъ его самого, такъ и владѣтелей тѣхъ десяти аймаковъ, которые входили въ составъ владѣній Дуджы. Въ 695 г. въ союзѣ съ тѣми же тибетцами тукіесцы вторично вторглись въ земли Восточнаго Туркестана, но и на этотъ разъ безуспѣшно. Тогда для обузданія кочевниковъ китайское правительство рѣшилось прочно утвердиться въ Южной Джунгаріи, съ каковою цѣлью и выдѣлило ее въ особое намѣстничество (702 г.). Главнымъ городомъ этой новой китайской провиціи назначенъ былъ городокъ, служившій нѣкогда резиденціей сѣвернымъ чешискимъ князьямъ и съ этого времени получившій оффиціальное названіе Бэй-тинь-ду-хо-фу [3]).

«Бѣ-сы-ма (Бишбалыкъ), пишетъ Чанъ-чунь, во времена династіи Танъ было Бэй-тинь-дуань-фу» [4]). Тоже подтверждаетъ и сравнительный китайскій географическій словарь «Си-ю-тунъ-венъ-чи» [1]).

---

[1]) Событіе это относится къ 653 г. Точное мѣстоположеніе Гинь-мань-сяня въ настоящее врема указать затруднительно; извѣстпо только, что городъ находился въ Урумчиской долинѣ.

[2]) Въ то время Ань-си-ду-хо-фу—резиденція намѣстника, управлявшаго Западнымъ Краемъ до границъ Персіи.

[3]) Мы уже знаемъ, что это, по мнѣнію о. Іакинфа, Ци-тай. Къ сожалѣнію онъ не упоминаетъ источника, откуда заимствовалъ это указаніе. Еще въ 640 г. городъ этотъ возведенъ былъ китайскимъ правительствомъ на степень города 2-го разряда. (Ср. Риттеръ «Землевладѣніе Азіи», т. II, стр. 38).

[4]) «Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ», IV, стр. 300. Или, можетъ быть, слѣдуетъ такъ понимать, что управлялось изъ Бэй-тинь-дуань-фу?

А если такъ, то тѣмъ бо́льшій интересъ получаетъ точное опредѣленіе мѣстоположенія этого древнѣйшаго и значительнѣйшаго изъ городовъ Южной Джунгаріи.

Хотя въ шестой главѣ и сообщались уже историческія извѣстія, произвольное толкованіе коихъ привело Klaproth'a и Ab. Remusat, а вслѣдъ затѣмъ Риттера и другихъ географовъ къ пріурочиванію Бэй-тинь--Бишбалыка къ Урумчи, тѣмъ не менѣе будетъ не безполезно еще разъ остановиться на нихъ.

Авторъ сочиненія «Су-хунъ-цянъ-лу» такимъ образомъ выражается о мѣстоположеніи Бишбалыка: онъ лежитъ въ 500 ли къ югу отъ рѣки Рунгу (нынѣ—Урунгу), впадающей въ озеро Кизылъ-башъ (нынѣ—Улюнгуръ). Рѣка Урунгу впадаетъ въ озеро Улюнгуръ подъ 47°9′, иными словами въ дѣйствительности устье ея оказалось на 34′ сѣвернѣе, чѣмъ это допускалъ Риттеръ [2]). Эта рѣка только одной излучиной своей касается 46 параллели, изъ чего слѣдуетъ, что отрядъ хана Гулагу не могъ переправиться черезъ нее подъ 45°30′ с. ш., какъ это предположили Клапротъ и Риттеръ [3]). Наконецъ, любой изъ пунктовъ на р. Урунгу лежитъ отъ г. Урумчи въ разстояніи не меньшемъ 350 верстъ по прямой линіи и 450 верстъ по извѣстнымъ нынѣ путямъ.

Какъ ни кратко описаніе маршрута хана Гулагу, тѣмъ не менѣе въ общемъ оно довольно ясно указываетъ на тотъ путь, какимъ прошло черезъ Джунгарію монгольское войско. Къ рѣкѣ Урунгу оно вышло съ сѣверо-востока; слѣдуя ея теченіемъ, достигдо оз. Улюнгуръ, а отсюда свернуло къ городку Ѣ-манъ (Эмиль) на рѣкѣ того же имени. Всего вѣроятнѣе, что черезъ Алтай оно шло путемъ, разработаннымъ незадолго передъ тѣмъ Огэдаемъ, и вышло къ р. Урунгу у подошвы горы Чукуртай [4]). Отсюда, дѣйствительно, имѣется прямой путь черезъ Бортень-гоби на югъ, но путь этотъ выводитъ не къ Урумчи, а къ Гучену или Ци-таю. По даннымъ Пѣвцова отъ Урунгу до Гучена 265 верстъ [1]), что, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало бы китайскому указанію. Изъ всего сказаннаго нельзя такимъ образомъ не вывести заключенія, что цитированное выше мѣсто сочиненія «Су-хунъ-цянь-лу» въ связи съ плохой китайской картой, находившейся въ распоряженіи Klaproth'а, привела его къ ложному выводу относительно мѣстоположенія Бишбалыка.

---

[1]) Klaproth—«Mémoires relatifs à l'Asie», vol. II, page 361.

[2]) «Землевѣдѣніе Азіи», т. II, стр. 75.

[3]) Риттеръ, ib.; Klaproth—«Mèmoires relatifs à l'Asie», vol. II, page 336.

[4]) Если однако предположить, какъ это дѣлаетъ Бретшнейдеръ («Mediaeval researches from Eastern Asiatic sources, I, стр. 124), что рѣка Хоенъ-Мурень не Джабганъ, а Черный Иртышъ, и что, стало быть, «возвышенная горная страна Ханъ-хай, покрытая поросшими хвойнымъ лѣсомъ горами», не Хангай, а Алтай, то, конечно, изложенный маршрутъ окажется не вѣрнымъ. Не имѣя возможности выяснить вопросъ этотъ съ достаточной полнотой, я тѣмъ не менѣе не могу не замѣтить Бретшнейдеру, что разстояніе между Чернымъ Иртышемъ и р. Урунгу вовсе не настолько значительно, чтобы на этотъ переходъ войску Гулагу потребовалось бѣ нѣсколько дней.

Не останавливаясь затѣмъ на указаніяхъ «Си-ю-тунъ-венъ-чи», точный текстъ коихъ къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстенъ [2]), я перехожу къ разбору другихъ литературныхъ источниковъ, могущихъ до нѣкоторой степени разъяснить намъ этотъ темный вопросъ.

Это маршруты упомянутыхъ выше—китайскаго посла Ванъ-янь-дэ и старца Чанъ-чуня, посѣтившихъ Бишбалыкъ: одинъ въ концѣ X, другой въ XIII вѣкѣ.

Переваливъ черезъ Алтай (Цзинь-Шань), Чанъ-чунь вышелъ къ р. Урунгу ниже прорыва послѣдней южнаго безъимяннаго отрога Алтая (Сары-герь?). Это доказывается даваемымъ имъ описаніемъ пройденнаго пути: На пространствѣ четырехъ переходовъ проѣхавъ три хребта, изъ коихъ только средній и въ то же время самый высокій одѣтъ хвойнымъ лѣсомъ [3]), мы спустились на югъ и остановились на берегу значительнаго потока, говоритъ онъ.

Сопоставляемъ это съ нижеслѣдующей выпиской изъ отчета Пѣвцова [4]).

Пройдя около 200 верстъ вверхъ по р. Урунгу, мы съ высокаго лѣваго берега ея долины различили въ Алтаѣ три параллельныя горныя цѣпи; въ средней изъ нихъ, вѣроятно самой высокой, отчетливо выдѣлялась снѣжная группа.

---

[1]) L. с., Прибавл. V, стр. 4.

[2]) «Mémoires relatifs à l'Asie», II, стр. 361—362. Такъ, я сомнѣваюсь, чтобы нижеслѣдующія строки, поставленныя Klaproth'омъ въ скобки, представляли буквальный переводъ съ китайскаго «Du temps des Sung cet eudroit (Ouroumtsi) était Pe-thing ou la Cour septentrionale du royaume ***de Kao-tchhang ou d'Ouigour.*** Sous les Youan ou Mongols il fut appelė Ou-tching des ***Hoeihou ou ou Ouigour*** (!?).

[3]) У Костенко («Очеркъ Чжунгаріи» въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матерьяловъ по Азіи», вып. XXVIII) читаемъ: «Съ того мѣста, гдѣ Алтай раздѣляется на три вѣтви, двѣ южныя отличаются совершеннымъ отсутствіемъ растительности». (стр. 21).

Это не вѣрно. У того же Костенко мы находимъ описаніе средней гряды Алтая (маршрутъ Васенева, стр. 236), рисующее ее обильной лиственичнымъ лѣсомъ (Larix sibirica).

[4]) Op. с., стр. 32.

Отъ переправы черезъ Урунгу Чанъ-чунь шелъ пустыней до песковъ Гурбунъ-тунгутъ, съ которыми мы уже познакомились въ предъидущей главѣ. Путь этотъ вѣроятно тотъ же, которымъ шелъ и Пѣвцовъ: сперва — пустынныя горы [1]), сложенныя изъ пестрыхъ камней, затѣмъ отдѣльныя «красныя» сопки (у Пѣвцова — гранитъ), а наконецъ и равнинная гоби, усыпанная блестящею черною галькой и представляющая совершенно безплодную и безводную степь, раскинувшуюся болѣе чѣмъ на 200 ли (у Пѣвцова — 72 версты) [2]) въ ширину. Ее принято проходить въ два пріема: поднявшись вечеромъ, въ теченіе ночи дѣлаютъ первую половину дороги, отдыхаютъ здѣсь часъ-другой, а затѣмъ къ полудню слѣдующаго дня добираются уже и до сѣверной окраины песчаной полосы, гдѣ много воды и травы [3]). Это Гашунъ, но можетъ быть и урочища Сы-джиръ и Чи-чанза, лежащія отъ него къ востоку, черезъ которыя отъ ключа Чюйже ведутъ дороги въ города Цитай и Моро-хо [4]).

Прибывъ къ сѣверной окраинѣ песковъ, спутники Чанъ-чуня замѣтили на югѣ «какъ будто серебристую зарю». Это были Тянь-Шаньскія горы, видъ коихъ привелъ старца въ поэтическій экстазъ. «Издали, восклицаетъ онъ, выглядите вы, точно солнечные лучи пронзаютъ серебристыя облака; простираясь по воздушному пространству прямой линіей на тысячу ли, вы спокойно взираете оттуда на рядъ городовъ и селеній, расположенныхъ у вашей подошвы. Вы несокрушимы во вѣки! Я воспѣваю васъ въ стихахъ, смотря на югъ, прямо на васъ».

Отсюда, говорится далѣе, «мы проѣхали болѣе ста песчаныхъ холмовъ, точно плыли въ ладьѣ по огромнымъ волнамъ»; и только къ девяти часамъ утра слѣдующаго дня достигли наконецъ перваго селенія, населеннаго «хой-хэ». Отъ старшины этого селенія мы узнали, что въ 300 ли къ югу, по ту сторону горъ Инь-Шань лежитъ городъ Хэ-чжоу (Кара-ходжа) [5]).

Конечно этимъ селеніемъ могло быть и Битунъ-цоджи (Питу-чау), но я скорѣе склоненъ отнести его далѣе на востокъ, на меридіанъ Ци-тая или даже Моро-хо, и вотъ на какомъ основаніи: отсюда на западъ, въ городъ Бишбалыкъ (Бѣ-сы-ма), Чанъ-чунь нѣкоторое время шелъ подлѣ рѣчки, а такой рѣчкой могли быть только или Ци-тай'ская Гангу или Моро-хэ, въ низовьяхъ которыхъ и нынѣ еще виднѣются слѣды поселеній.

---

[1]) Указаніе это крайне важно. Оно доказываетъ, что Чанъ-чунь переправлялся черезъ Урунгу не ниже меридіана Гучена.

[2]) Op. c., прилож. V, стр. 5.

[3]) Ср. описаніе перехода черезъ Джунгарію у Пѣвцова, ib., стр. 36—43.

[4]) Нынѣ дороги эти заброшены; но что нѣкогда имъ отдавалось предпочтеніе передъ Гученской, видно уже изъ того, что послѣдняя, судя по съемкѣ Пѣвцова, дѣлаетъ значительный изгибъ въ ихъ направленіи по пустынѣ.

[5]) Ѣлюй-Чуцай опредѣляетъ разстояніе это болѣе точно въ 500 м. (Бретшнейдеръ, op. c. I, стр. 16).

Покинувъ на слѣдующій день это селеніе и проѣхавъ еще два городка, Чанъ-чунь прибылъ наконецъ въ Бишбалыкъ.

Это не ясно. Не ясно же потому, что остается неизвѣстнымъ, въ одинъ ли переходъ достигъ онъ Бишбалыка или употребилъ на эту часть своего пути нѣсколько дней? Наконецъ, легко можетъ статься, что послѣдняя его станція передъ Бишбалыкомъ была переѣздомъ всего въ нѣсколько верстъ по культурной полосѣ, примыкавшей непосредственно къ городу. «Повсюду были жители, пишетъ онъ; пшеница только что поспѣла; всѣ поля орошаются водою источниковъ, ибо дожди здѣсь рѣдки». Ясно, что мѣстность была густо населена и что земледѣльцы, виднѣвшіеся на поляхъ, были изъ помянутыхъ двухъ городковъ или селеній, расположенныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ другъ къ другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ городу Бишбалыку.

Впрочемъ, въ томъ же путевомъ журналѣ Чанъ-чуня мы находимъ еще одно указаніе, дающее намъ возможность точнѣе установить мѣстоположеніе этого города. Это—его разстояніе отъ Лунъ-тая [1]), которое, по Чань-чуню, равняется 300, Ѣлюй-Чуцаемъ же опредѣляется въ 200 ли [2]), иначе въ 85—90 верстъ. Такое разстояніе всего болѣе соотвѣтствовало бы Ци-таю, отстоящему отъ развалинъ Лунъ-тая въ 97 верстахъ.

Перейдемъ теперь къ реляціи Ванъ-янъ-дэ [3]).

Черезъ два дня по выѣздѣ своемъ изъ Гаочана посолъ прибылъ въ Хань-цзя-чай (Хань-ду?), а черезъ пять дней потомъ поднялся и на самый Цзинъ-линь. На перевалѣ (это было лѣтомъ) онъ захваченъ былъ ливнями и буранами. На самой вершинѣ перевала имѣлась высѣченная на камнѣ надпись: «Малая Снѣговая Гора» (Сяо-сюѣ-шань). По всему перевалу лежали густые пласты снѣгу. Проходятъ ими путешественники лишь закутавшись въ шерстяную одежду. Черезъ день затѣмъ посолъ прибылъ въ Бэй-тинь.

---

[1]) О Лунъ-таѣ см. выше, стр. 175 и слѣд.

[2]) Бретшнейдеръ, op. c.. I, стр. 16.

[3]) Реляціей этой, въ извлеченіи Visdelou, пользовался Риттеръ («Землевѣдѣніе Азіи», I. стр. 37). Первая ея половина, касающаяся Си-джеу, помѣщена у Klaproth'а («Tableaux historiques de l'Asie», стр. 124). Полнѣе переведена она St. Julien'омъ. Мы пользовались переводомъ на русскій языкъ, сдѣланнымъ съ французскаго В. Григорьевымъ («Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 267 и слѣд.).

Еще недавно Восточный Тянь-Шань былъ настолько мало изслѣдованъ, что Костенко въ своемъ очеркѣ Джунгаріи, изданномъ въ 1887 году, могъ посвятить ему лишь нѣсколько строкъ; тѣмъ извинительнѣе было Риттеру и St. Julien'у, введеннымъ въ заблужденіе Klaproth'омъ, заставить пропутешествовать Ванъ-янь-дэ изъ Турфана въ Урумчи [1]), а профессору Григорьеву изъ того же Турфана въ г. Баркуль, на мѣстѣ коего, какъ полагалъ этотъ ученый, и долженъ былъ находиться Бэй-тинь. Съ тѣхъ поръ, однако, Восточный Тянь-Шань намъ сталъ лучше извѣстенъ. Д-ръ Регель, прошедшій изъ Турфана въ Урумчи [2]), впервые удостовѣрилъ, что къ югу отъ Урумчи нѣтъ вовсе снѣговыхъ горъ, что дорога идетъ здѣсь по солончаковому плоскогорію, довольно круто падающему на югъ, но имѣющему ничтожное превышеніе надъ долиной рѣки Архоту. Съ другой стороны наши изслѣдованія показали, что нѣтъ такихъ горъ и по всѣмъ путямъ, соединяющимъ Турфанъ съ Баркульской долиной. Несомнѣнно, что Ванъ-янь-дэ изъ Гаочана ѣхалъ прямо на сѣверъ и перевалилъ хребетъ, почему-то на нашихъ картахъ носящій названіе Эдемэкъ-даба, въ самой высокой его части, а именно, къ западу отъ пройденнаго мною перевала Буйлукъ. Такихъ переваловъ, какъ намъ говорили, имѣется два: одинъ на меридіанѣ Гучена (Джуванъ-терекъ), другой восточнѣе. Первый— снѣжный, при чемъ снѣгомъ приходится идти около двухъ верстъ, второй хотя и освобождается отъ него на короткое время, но только на южныхъ склонахъ, на сѣверныхъ же снѣгъ часто залеживается въ лощинахъ.

Въ разсказѣ Ванъ-янь-дэ нѣкоторое сомнѣніе возбуждало количество показанныхъ имъ дней для восхожденія на перевалъ и спуска съ него; но въ этихъ показаніяхъ я не вижу вовсе несоотвѣтствія. Въ самомъ дѣлѣ отъ Кара-ходжа до перевала Буйлукъ мною насчитано было 140 верстъ, отъ Буйлука же до большой дороги около 35. Если принять въ соображеніе лѣтній зной въ Турфанской долинѣ, не позволяющій дѣлать большихъ переходовъ, крутизну подъема на перевалъ, а также, что уже на седьмой день Ванъ-янь-дэ не только прошелъ этотъ послѣдній, но и спустился съ него, то ужъ конечно, нельзя назвать переходы китайскаго посла очень короткими.

---

[1]) Въ новѣйшее время только Бретшнейдеръ высказалъ нѣкоторое сомнѣніе въ правильности отождествленія Бэй-тиня съ современнымъ Урумчи. (Ор. с., II, стр. 30, прим. 801).

[2]) «Peterm. Geograph. Mittheil», 1880, стр. 207.

Въ реляціи Ванъ-янь-дэ мы находимъ и краткое описаніе города и его окрестностей.

У туземцевъ Бэй-тинь носитъ названіе Илолу (Ирлу) [1]; въ немъ довольно многоэтажныхъ домовъ [2]), бесѣдокъ и садовъ. Народъ понятливъ, прямодушенъ и честенъ. Ловкостью обладаютъ удивительною и превосходно выдѣлываютъ посуду и утварь изъ золота, серебра, желѣза и мѣди. Умѣютъ и камень «юй» обрабатывать.

Равнина Бэй-тиньская тянется въ длину и ширину на многія тысячи ли. Въ ней витаетъ тьма коршуновъ, ястребовъ, соколовъ и другихъ хищныхъ птицъ.

Въ горѣ къ сѣверу отъ Бэй-тиня добываютъ нашатырь. Изъ горы этой постоянно подымаются клубы дыма, а по вечерамъ появляются на вершинѣ ея яркіе огни, какъ бы отъ факеловъ. Для сбора нашатыря жители надѣваютъ туфли на деревянныхъ подошвахъ: кожанныя тотчасъ прогорѣли бы.

Близь города есть озеро. Посолъ прогуливался по немъ въ лодкѣ съ государевымъ семействомъ. Вокругъ озера раздавалась музыка.

Въ странѣ этой много лошадей. Государь, государыня, наслѣдникъ престола,—всѣ имѣютъ свои табуны, которые и посылаютъ пастись въ обширную долину, протяженіемъ до 100 ли.

Всѣ эти данныя о Бэй-тинѣ очень цѣнны.

«Равнина Бэй-тиньская тянется въ длину и ширину на многія тысячи ли». Къ этому переводъ Visdelou добавляетъ: «равнина эта растилается въ три стороны отъ города». Ясно, что городомъ этимъ не могъ быть Урумчи, расположенный въ лощинѣ и съ трехъ сторонъ замкнутый горами. Это былъ городъ, лежавшій у сѣверныхъ подножій Эдемэкъ-даба, и ближе всего — Ци-тай, выстроенный у подошвы послѣдняго уступа предгорій Тянь-Шаня.

«Въ ней витаетъ тьма коршуновъ, ястребовъ, соколовъ и другихъ хищныхъ птицъ». Какъ это вѣрно для Южной Джунгаріи къ востоку отъ рѣчки Ло-тая. Привлеченные легкой добычей —

---

[1]) Это указаніе пропущено въ переводѣ St. Julien'a.

[2]) St. Julien переводитъ это мѣсто иначе и слова «многоэтажный домъ» замѣняетъ словомъ «башня».

леммингами и песчанками — хищники собираются здѣсь во множествѣ, что составляетъ нынѣ, какъ составляло оно и тысячу лѣтъ назадъ, такую особенность мѣстнаго ландшафта, которая не укрылась и отъ любознательнаго китайца.

«Въ горѣ къ сѣверу отъ Бэй-тиня добываютъ нашатырь; гора эта дымитъ и почва ея настолько накалена, что при хотьбѣ по ней кожанныя подошвы прогораютъ»...

Конечно, здѣсь идетъ рѣчь о той плоской возвышенности, которая съ сѣвера ограничиваетъ Гашунскую впадину. Ур. Чичандза, къ сѣверу отъ Ци-тая, является единственнымъ мѣстомъ въ Южной Джунгаріи, гдѣ, на ряду съ каменнымъ углемъ, и по настоящее время добываются амміачные квасцы. У Пѣвцова мы находимъ слѣдующее описаніе той части этой горной гряды, которая лежитъ къ сѣверо-востоку отъ ур. Гашунъ [1]). «Къ востоку отъ кумирни [2]) простирается плоская возвышенность, поднимающаяся надъ равниной футовъ на 150 и ниспадающая къ ней крутымъ обрывомъ. Она имѣетъ около 15 верстъ ширины и на востокъ простирается на неопредѣленное разстояніе. Эта возвышенность представляетъ рѣдкое и вмѣстѣ съ тѣмъ загадочное явленіе: она состоитъ изъ слоистой желтовато-розовой глины, подвергавшейся дѣйствію весьма высокой температуры, раскалившей ее до такой степени, что она стала необыкновенно звонкой и твердой. Около обрыва лежатъ во множествѣ шлаковидные, пузырчатые куски прокаленной глины, образующіе у его подошвы на всемъ протяженіи какъ бы розсыпь, но ни слѣдовъ каменноугольнаго пожара, никакихъ другихъ признаковъ, которые указывали бы на причины этого любопытнаго явленія, мы не замѣтили». Если пожаръ каменноугольныхъ пластовъ имѣлъ мѣсто девять столѣтій назадъ, то конечно, никакихъ другихъ наружныхъ его слѣдовъ, кромѣ прокаленной глины, и сохраниться здѣсь не могло.

«Близь города есть озеро»...

Надо думать, что рѣчь идетъ здѣсь не объ озерѣ, а о прудѣ [3]). Назначеніе такихъ прудовъ въ подгорныхъ мѣстностяхъ китайской Азіи—служить водоемами на случай обмеленія питающихъ ихъ рѣчекъ. Я упоминалъ уже о прудѣ близь селенія Хобу-цзы. Другой подобнаго же назначенія находится съ восточной стороны города Ци-тая. Въ настоящее время онъ не великъ, но во время Ванъ-янь-дэ онъ могъ имѣть и другіе размѣры. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что мы должны смотрѣть на такія удовольствія, какъ прогулка по озеру, глазами китайца. Въ Хами мы видѣли, напримѣръ, громадную неуклюжую джонку Лю-цзинь-тана, которая съ трудомъ поворачивалась въ миніатюрномъ прудѣ. Сюда, какъ намъ говорили, не разъ съѣзжались приглашенные этого китайскаго сановника для того, чтобы поѣсть и попить подъ звуки оркестра, располагавшагося въ этихъ случаяхъ въ бесѣдкѣ, спеціаально для этой цѣли выстроенной на берегу—точь въ точь какъ описано это и у китайскаго посла Ванъ-янь-дэ.

---

[1] Op. cit., стр. 42.

[2] Кумирня эта обозначена на прилагаемой картѣ.

[3] Всѣ естественные водоемы Джунгаріи принадлежатъ къ типу солончаковыхъ озеръ.

Изъ всего вышесказаннаго нельзя, какъ мнѣ кажется, не вывести заключенія, что древній Бэй-тинь находился если не на мѣстѣ современнаго Ци-тая, то въ ближайшихъ окрестностяхъ этого города [1]). Исчерпавъ же все то, что мы могли сказать о мѣстоположеніи этого города, мы переходимъ къ дальнѣйшей его исторіи въ связи съ исторіей остальной Джунгаріи.

Съ 765 г. прямое сообщеніе Бэй-тиня съ Китаемъ прервано было тибетцами, овладѣвшими западной половиной Ганьсу, Баркулемъ, Хами и Турфаномъ [2]). Въ 794 г. палъ наконецъ и гор. Бэй-тинь, послѣ чего—тибетцы увели за собой кочевавшихъ въ его окрестностяхъ тукіесцевъ «шато» [3]), которыхъ и разселили въ Хэ-си [4]). Но владычество ихъ въ этомъ краѣ не отличалось особенной прочностью. Уже въ слѣдующемъ году ихъ на голову разбили ойхоры (т. е. уйгуры), а затѣмъ отняли у нихъ и Бэй-тинь. Еще раньше (758 г.) уйгуры подчинили себѣ хагасовъ; затѣмъ громили турковъ; наконецъ, въ періодъ смутъ, охватившихъ Китай (754—764), до такой степени усилились, что стали грозить и этой державѣ. Ихъ владѣнія распространялись тогда на всю Среднюю Азію отъ Байкаля до Балхаша и отъ южныхъ границъ Ордоса до Сибирской тайги. Но, какъ справедливо замѣчаетъ китайская лѣтопись, хотя Серединное государство и истощилось для роскоши кочевыхъ, однако, и нравы кочевыхъ не менѣе того повредились».

---

[1]) Черезъ Бишбалыкъ проходилъ и армянскій царь Гайтонъ; но его мемуары не сообщаютъ ничего новаго объ этой странѣ. (См. Бретшнейдеръ, op. cit., I, стр. 168). Тоже слѣдуетъ сказать и о «странствіяхъ Ѣлюй-Хиліана» по Цантральной Азіи (ib., стр. 160).

[2]) Тѣмъ болѣе, что вслѣдъ засимъ они овладѣли и областью Гуань-Лунь, т. е. восточной половиной современной Гань-су и почти всею Шань-си.

[3]) Іакянфъ относитъ событіе это къ болѣе позднему времени («Собраніе свѣдѣній о наодахъ Средней Азіи», I, стр. 455). Шатоскій аймакъ состоялъ изъ 30.000 юртъ.

[4]) Такъ называлась часть современной Гань-су на западъ отъ Хуанъ-хэ.

Роскошь, растлѣніе нравовъ и, какъ слѣдствіе всего этого, интриги, убійства и междоусобія до такой степени расшатали могущество уйгуровъ, что достаточно было одного неблагопріятнаго въ климатическомъ отношеніи года (суровая многоснѣжная зима), чтобы рѣшилась судьба этого ханства. Хагасы (киргизы) возмутились, вторглись въ ихъ земли, взяли и сожгли Хара-хоринь (Кара-корумъ), убили хана и разсѣяли уйгурскіе роды, половина которыхъ бѣжала на западъ, за Тарбагатай, къ тюркамъ гэлолу, а другая къ Бэй-тиню и за Тянь-Шань. Здѣсь собралось ихъ до ста тысячъ семействъ, которыя подъ предводительствомъ нѣкоего Угэ-Делэ перешли черезъ пустынный Бэй-Шань, дорогой разбили киданей и заняли область Хэ-си. Но это послѣднее обстоятельство привело ихъ къ несчастной для нихъ войнѣ съ Серединной Имперіей (840 г.). Въ тоже время хагасы вторично напали на нихъ, разбили ихъ въ нѣсколькихъ схваткахъ и увели за собой множество плѣнныхъ (847 г.).

Между тѣмъ нашедшій убѣжище у гэлолу старшина Пань-Делэ съумѣлъ не только объединить бѣжавшихъ сюда послѣ погрома уйгуровъ, но и вновь, съ ихъ помощью, овладѣть частью своихъ прежнихъ кочевій (846 г.), а затѣмъ и областью Хэ-си. Множество уйгуровъ, разрозненно блуждавшихъ по всей Гоби и въ прилежащихъ горахъ тотчасъ же присоединилось къ нему и въ значительной мѣрѣ способствовало образованію новаго ханства на развалинахъ стараго. Лѣтъ же двадцать спустя уйгуры оправились ужъ настолько, что одному изъ ихъ младшихъ князей Вугу-Цзуну удалось даже выйти побѣдителемъ изъ борьбы съ тибетцами, которые въ то время снова обладали всѣмъ Притяньшаньемъ, выгнать ихъ изъ восточной части послѣдняго и навсегда укрѣпиться въ Хэнти. Этимъ положено было основаніе (874 г.) столь знаменитой впослѣдствіи Уйгурской державѣ.

Къ этому времени вся Средняя Азія отъ западныхъ границъ Китая до Арабскаго халифата распадалась на нѣсколько небольшихъ княжествъ и ханствъ, среди которыхъ Уйгурія заняла вскорѣ первенствующее положеніе. Впрочемъ, исторія ея намъ мало извѣстна. Въ періодъ, извѣстный въ исторіи китайской имперіи подъ именемъ Ву-дай (907—960), почти всякое сообщеніе между Западнымъ краемъ и Серединной имперіей прекратилось; прекратились поэтому и записки о немъ. Въ слѣдующій періодъ, когда на югѣ утвердилась династія Сунъ, на сѣверѣ же и западѣ господствовали сперва кидане (домъ Ляо), а потомъ тунгусы (домъ Гинь) и тангуты (домъ Ся), извѣстія оттуда доходили до Китая только урывками. Еще менѣе свѣдѣній объ этой странѣ почерпаемъ мы изъ арабскихъ источниковъ. Тѣмъ большее поэтому значеніе пріобрѣтаетъ для насъ реляція о пребываніи въ Уйгуріи китайскаго посла Ванъ-янь-дэ. Мы впрочемъ уже воспользовались той ея частью, которая имѣла отношеніе къ Южной Джунгаріи, а потому здѣсь нѣтъ болѣе причинъ на ней останавливаться; къ тому же, рисуя внутреннее состояніе государства, она почти не касается политическихъ событій этой эпохи.

Событія, повлекшія за собой паденіе уйгурской державы, были нижеслѣдующія.

Въ 1120-хъ годахъ въ Южной Джунгаріи появился Ѣлюй-Даши во главѣ остатковъ киданьскаго племени 1)). Уйгурскій идикотъ не рѣшился вступить съ нимъ въ борьбу, зато употребилъ не мало стараній къ тому, чтобы поскорѣе выпроводить его изъ своихъ владѣній. И это ему вполнѣ удалось. Ѣлюй-Даши двинулся отъ него сперва на сѣверо-востокъ, къ киргизамъ, но, не успѣвъ ихъ покорить, повернулъ на западъ, въ долину рѣчки Эмиль. Только окончательно здѣсь укрѣпившись и усилившись различными тюркскими родами, кочевавшими пососѣдству, предпринялъ онъ рядъ блестящихъ походовъ, закончившихся подчиненіемъ всей Западной Джунгаріи, Восточнаго Туркестана, всего бассейна Балхаша и земель между Сыръ и Аму-дарьей. Но такимъ образомъ основанная Кара-Киданьская имперія просуществовала только до 1221 г., когда сначала отдѣлился отъ нея Мавераннагръ (1209 г.), а затѣмъ и всѣ остальныя, входившія въ ея составъ, земли были захвачены найманскимъ ханомъ Кучлукомъ. Однако, и Кучлукъ въ свихъ владѣніяхъ удержался не долго: въ 1218 году всю Среднюю Азію отъ Алтяя до южныхъ предѣловъ Хоразма прошли побѣдоносныя полчища Чингисъ-хана 2)).

---

1) О. Іакинфъ утверждаетъ, что Ѣлюй-Даши бѣжалъ со своимъ народомъ въ Пичанъ; но это совершенно невѣроятно: Пичанъ не въ состояніи прокормить большой массы людей, тѣмъ болѣе кочевниковъ съ ихъ стадами.

2) Въ этомъ походѣ, какъ кажется, дѣятельное участіе принималъ и уйгурскій идикотъ Баурчакъ, который, провидя въ Чингасъ-ханѣ восходящее свѣтило, уже въ 1211 году поспѣшилъ объявить себя его васаломъ. Вотъ какъ описывается это событіе въ «Юань-чао-ми-ши», т. е. въ «секретной исторіи Монгольской династіи»: Владѣтель рода Уйу, идуутъ, прислалъ пословъ къ Чингисъ-хану съ такими словами: «Слыша о славѣ твоей, царь! мы возрадовались, какъ-бы узрѣли солнце по разсѣяніи облаковъ или воду послѣ разстаянія льда. Если я удостоюсь твоей милости, то желаю быть твоимъ пятымъ сыномъ и усердно служить тебѣ». Чингисъ отвѣчалъ: «Приходи и дочь дамъ тебѣ и сдѣлаю тебя пятымъ сыномъ своимъ». Тогда идуутъ, взявъ съ собой золота, серебра, жемчугу и тканей, пришелъ поклониться Чингису. Чингисъ отдалъ за него дочь по имени Альчальтунь. («Труды членовъ россійской духовной миссіи въ Пекинѣ». IV, стр. 131).

Въ 1251 году Западная Джунгарія вошла въ составъ Джагатаева улуса, Уйгурія же осталась попрежнему въ вассальной зависимости отъ великихъ хагановъ и управлялась династіею своихъ прежнихъ владѣтелей, хотя и подъ надзоромъ монгольскаго темника. Съ паденіемъ же Юаньской династіи она должна была войти въ составъ земель Могулистана и съ тѣхъ поръ какъ отдѣльное владѣніе перестала существовать. Съ начала XV вѣка первенствующую роль въ исторіи Джунгаріи стали играть западные монголы, извѣстные подъ именемъ ойратовъ; но въ слишкомъ чѣмъ двухсотъ-лѣтней исторіи этого народа мы уже болѣе не встрѣчаемся съ названіемъ Бишбалыкъ *).

---

*) Хотя на картѣ Рената и показанъ, какъ кажется, на его мѣстѣ городокъ съ испорченнымъ названіемъ «Börbensin».

ГЛАВА XI.

Послѣдніе дни на сѣверныхъ склонахъ Тянь-Шаня.

Между Ци-таемъ и селеніемъ Моро-хо насчитывается около 40 верстъ. Разстояніе это мы рѣшились пройти въ два пріема, почему 13 сентября и остановились на рѣчкѣ Шима-гу, служащей восточной окраиной цитайскому оазису. Все пройденное пространство, нѣсколько болѣе 12 верстъ, было сплошь обработано и изрѣзано арыками, въ большинствѣ случаевъ до краевъ переполненными водой. На поляхъ не сжатымъ оставался только кунакъ (Panicum italicum erythrospermum); но его было мало; все же остальное пространство представляло невзрачную картину сжатаго поля.

Отъ Шима-гу до развалинъ селенія Дунъ-чинъ дорога идетъ глинисто-песчаной степью, только въ рѣдкихъ мѣстахъ усыпанной галькой. Это, какъ всегда, самые безплодные участки пустыни; развѣ гдѣ зеленымъ пятномъ мелькнетъ кустикъ эфедры или встрѣтятся площадки, поросшія красноватой солянкой «камъ-какъ».

Селеніе Дунъ-чинъ, расположенное на краю плоской ключевой впадины, поросшей различными злаками, представляя нынѣ однѣ только развалины, съ тыла примыкаетъ къ плоской глинисто-песчаной грядѣ, прорванной въ этомъ мѣстѣ сухимъ логомъ, заваленнымъ галькой. По этому-то логу и идетъ далѣе дорога на Моро-хо.

Довольно обширное селеніе Моро-хо, къ которому отовсюду примыкаютъ развалины отдѣльныхъ фанзъ и поселеній, расположено на правомъ берегу значительной рѣчки, протекающей здѣсь въ глубокой и широкой долинѣ, изъ которой открывался чудный видъ на покрытыя уже въ эту пору снѣгами вершины главнаго кряжа, утопавшаго въ сизой дали; тѣмъ рѣзче, поэтому, впереди его рядами кулисъ выступали предгорія, образовавшія своими крутыми уступами красивую рамку общей картинѣ. Преобладающій элементъ населенія Моро-хо — таранчи, выходцы изъ Турфана. Селеніе грязно и бѣдно. Главная улица обстроена танями, лавками и ларями и переполнена всякимъ людомъ, среди котораго солдаты мѣстнаго гарнизона составляютъ все же преобладающій элементъ. Селеніе мы миновали и, поднявшись вверхъ по правому протоку р. Моро-хо, остановились на прекрасной лужайкѣ, ниже рощицы тополей.

Прельщенные прекрасной стоянкой, мы здѣсь дневали. День этотъ не прошелъ, однако, безслѣдно, и мы пріобрѣли для коллекцій: Buteo ferox, Acanthis cannabina fringillirostris, Petronia petronia, Emberiza leucocephala (Gm.), Phylloscopus Humei (Brooks), Saxicola isabellina, Sax. deserti (Temm.) и другихъ птицъ, два большихъ экземпляра Trigonocephalus intermedius, Strauch, и порядочное количество жуковъ, изъ коихъ отмѣчу: Neodorcadion n. sp., Aphodius n. sp., Cymindis picta, Pall., Deracanthus sp.?, Scarites salinus, Dej. и Adesmia sp.?.

Абсолютная высота Гучена, по опредѣленію Пѣвцова [1]), равняется 2417 футамъ; высота Моро-хо, по нашему опредѣленію, равняется 4357 футамъ. Эти двѣ цифры въ достаточной мѣрѣ указываютъ на быстрый подъемъ Джунгарской равнины по направленію къ востоку. Особенно рѣзко выражается этотъ подъемъ у Дунъ-чина, за которымъ дорога вступаетъ уже въ далеко здѣсь на сѣверъ расплывшіяся предгорія Тянь-Шаня. Предгорія эти не имѣютъ, впрочемъ, грядоваго характера; наоборотъ, здѣсь скорѣе наблюдается массовое поднятіе — плато съ насаженными на него отдѣльными сопками. Объ этомъ плато, которое я называю Восточно-Джунгарскимъ плоскогорьемъ, подробнѣе будетъ сказано ниже; теперь же я упоминаю о немъ, чтобы познакомить читателя съ общимъ характеромъ мѣстности, по которой пролегалъ нашъ дальнѣйшій маршрутъ.

Въ Моро-хо [2]) мы оставили большую дорогу и съ мѣста нашей стоянки, 16 сентября, направились прямымъ, такъ называемымъ вьючнымъ—турфанскимъ, путемъ къ перевалу черезъ Тянь-Шань.

---

[1]) L. c., приложеніе III, стр. 11. По нашимъ опредѣленіямъ (гипсотермометръ) — 2710. Цифру Пѣвцова, какъ выведенную изъ пяти наблюденій барометромъ Паррота, надо, однако, считать болѣе точной.

[2]) Кстати замѣчу, что, не смотря на позднее время, вода рѣчки имѣла еще довольно высокую температуру, а именно 12°,5 С.

Волнистый характеръ мѣстности измѣнился. Долины стали глубже, отдѣльные холмы пріобрѣли рѣзкія очертанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ кое-гдѣ стали обнажаться и коренныя породы: глинистый сланецъ, кремень и кремнистый песчаникъ. Но растительность попрежнему сохраняла свой совершенно степной характеръ [1]), и только въ распадкахъ холмовъ кое-гдѣ сталъ попадаться кустарникъ (таволга, Cotoneaster, шиповникъ и др.) и луговая трава. На 15 верстѣ отъ Моро-хо мы вышли въ долину рѣчки Инычке-су или Баянъ-хо, берущей начало съ перевала Буйлукъ, и, слѣдуя вверхъ по ея теченію, достигли урочища, служащаго обычнымъ мѣстомъ остановки для каравановъ, идущихъ въ Турфанъ этимъ путемъ. Красота урочища, обиліе топлива и корма и близость селенія Баянъ-хо, въ которомъ мы могли достать нужное намъ количество фуража, побудило и насъ избрать его мѣстомъ для нашей стоянки, обѣщавшей быть продолжительной. Въ самомъ дѣлѣ, отсюда моему брату предстояло совершить поѣздку къ урочищу Джанъ-булакъ, гдѣ мѣстные жители сулили намъ богатую охоту на бургаковъ (Colus saiga, Pall.), джигетаевъ (Asinus hemionus, Pall), архаровъ (Ovis poli, Blyth) и красныхъ волковъ (Canis alpinus, Pall.). На эту охоту снаряжена была цѣлая экспедиція, состоявшая, кромѣ брата, изъ четырехъ лицъ: казаковъ—Ивана Комарова и Колотовкина, моего джигита Ташбалты и проводника Сарымсака. Остальные же люди, въ ожиданіи ея возвращенія, должны были заняться ремонтомъ предметовъ вьючнаго снаряженія и охотой на птицъ, при чемъ въ первый же день были убиты: Sturnus Menzbieri, Sharpe, Carpodacus rhodochlamys, Brdt. Emberiza leucocephala, Gmel., Merula maxima, Seeb. и M. atrigularis, Temm. Но уже послѣ полудня погода, до того времени ясная, вдругъ измѣнилась къ худшему. Небо стало заволакивать тучами. Порывистый вѣтеръ усиливался и, наконецъ, перешелъ въ настоящую бурю, чуть не сорвавшую наши юрты. Для того, чтобы спасти ихъ, пришлось спустить войлоки, съ страшной силой полоскавшіе въ воздухѣ. Въ 5 часовъ пополудни повалилъ снѣгъ, который шелъ, при температурѣ 0°, не переставая, въ теченіе 10 часовъ кряду. Но затѣмъ небо расчистилось окончательно, потеплѣло, и къ полудню снѣгъ лежалъ уже только въ тѣневыхъ мѣстахъ и глубокихъ падяхъ.

---

[1]) Не смотря на позднее время, намъ еще попадались изрѣдка цвѣтущія растенія, напримѣръ, фіолетовый Aster (alpinus?).

19 сентября вернулся братъ съ Сарымсакомъ. По мнѣнію послѣдняго, послѣ выпавшаго въ горахъ глубокаго снѣга дальнѣйшая стоянка наша въ ур. Баянъ-хо становилась безцѣльной, такъ какъ перевалъ Буйлукъ для караваннаго движенія былъ теперь уже, конечно, закрытъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи, для переѣзда черезъ Тянь-Шань, оставался еще одинъ только перевалъ — Улангъ-су-басъ, къ подошвѣ котораго, въ ур. Джанъ-булакъ, мы и рѣшились перебраться на слѣдующій же день.

Намъ предстоялъ 20 сентября утомительный переходъ, что-то около сорока верстъ, а между тѣмъ погода этому вовсе не благопріятствовала: небо затянуло сѣро-свинцовой пеленой, было холодно и вѣтеръ, дувшій то съ сѣвера, то съ запада, все усиливался...

Мы встали съ разсвѣтомъ, но выступили только въ 9-мъ часу, задержанные китайцами, не успѣвшими доставить намъ во-время закупленный у нихъ еще наканунѣ фуражъ.

За селеніемъ Баянъ-хо, переваливъ невысокій увалъ, мы вступили въ лабиринтъ логовъ и ущелій, стѣны которыхъ сложены были преимущественно изъ крупно- и мелкозернистыхъ кремнистыхъ песчаниковъ. На сколько возможно было судить о флорѣ этихъ ущелій по сохранившимся въ нихъ остаткамъ растеній, она не отличалась ни особымъ разнообразіемъ, ни богатствомъ: полынь, одинъ либо два вида Allium, Statice sp., нѣсколько видовъ солянокъ, ковыль [1]), чій, Peganum harmala и изъ кустарниковъ—низкорослый шиповникъ, таволга и карагана—вотъ, кажется, и все, что попалось намъ здѣсь на глаза. На девятой верстѣ мы выбрались, наконецъ, на просторъ. Это была пустынная, каменистая равнина, только въ рѣдкихъ мѣстахъ поросшая чіемъ. Впрочемъ, за ручейкомъ Соохъ-лэ, на берегу котораго мы нашли пашни и одинокую китайскую фанзу, мѣстность получила болѣе плодородный характеръ. Дорога приблизилась здѣсь къ передовымъ контрфорсамъ хребта и, неоднократно пересѣкая ключевые лога, побѣжала по мѣстности, поросшей кормовыми травами, среди которыхъ кипецъ, чій и ковыль занимали, конечно, не послѣднее мѣсто. Тутъ намъ то и дѣло попадались джигетаи, которые косяками въ 20—30 головъ безбоязненно паслись у самой дороги. Спѣшные выстрѣлы наши отгоняли ихъ не далѣе, какъ на версту, послѣ чего они останавливались и зорко слѣдили за движеніемъ каравана. Конечно, стрѣльба наша могла имѣть и лучшіе результаты, имѣй мы возможность остановить караванъ или, по крайней мѣрѣ, выдѣлить изъ него людей для спокойной и правильной охоты на нихъ; но, къ сожалѣнію, намъ приходилось спѣшить, чтобы засвѣтло добраться до ур. Джанъ-булакъ. День шелъ уже къ концу, а мы все еще не добрались до колесной дороги въ Турфанъ!

---

[1]) По-киргизски «акъ-чопъ», «акъ-отъ».

Но вотъ, наконецъ, и учъ-тепэ — три холма, набросанные изъ валуновъ, «обо» [1]) калмыцкихъ племенъ, жившихъ нѣкогда въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь сходятся обѣ дороги, и тутъ же мягкія очертанія сосѣднихъ возвышенностей смѣняются дикими скалами, служащими подножіемъ основному массиву хребта. Породы, слагающія ихъ, довольно однообразны. Преобладающей является бурый кварцитъ, мѣстами прорванный хлоритовымъ діабазомъ; за симъ отдѣльными, частью разрушенными скалами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже подстилая кварцитъ, выступалъ темнозеленый кремнистый сланецъ; еще далѣе, наконецъ, въ двухъ-трехъ мѣстахъ мною замѣчены были выходы древнихъ песчаниковъ и бѣлаго кристаллическаго известняка. Затѣмъ такъ стемнѣло, что особенности геогностическаго строенія горъ стали сглаживаться. Вся масса горъ получила однообразную фіолетово-сѣрую окраску, которая постепенно темнѣла, пока, наконецъ, въ сумеркахъ наступавшей ночи, скалы не превратились въ безобразные черные массивы безъ опредѣленныхъ очертаній и формъ. Дорога, повидимому, дѣлала повороты, обходила скалы, спускалась въ поперечныя долины и снова подымалась полого изъ нихъ. Дулъ сильный, холодный сѣверный вѣтеръ. Нестерпимо хотѣлось скорѣе остановиться, скорѣе добраться до пристанища и напиться горячаго чая... Наконецъ, впереди блеснулъ огонекъ... Слышался какой-то шумъ, знакомые голоса...

— Колотовкинъ, ты?

— Такъ точно... А мы ужь васъ заждались...

---

[1]) Начиная съ лазариста Гюка, всѣ путешественники по Средней Азіи описывали «обо». На всѣхъ почти перевалахъ Средней Азіи, въ ущельяхъ, извѣстныхъ буранами и вѣтрами, насыпаны такіе «обо». Обыкновенно это груда камней. Но кромѣ камней, не рѣдкость встрѣтить въ этихъ кучахъ кости, рога и даже цѣлые черепа различныхъ животныхъ, куски дерева, палки, иногда даже цѣлыя жердины (сѣв. склоны Нянъ-Шаня) съ привязанными къ нимъ лоскутками, и тому подобные предметы. Каждый прохожій считаетъ своей обязанностью что-нибудь положить въ эту кучу, дабы умилостивить или отблагодарить горнаго духа за счастливый переходъ опаснаго мѣста. Замѣчательно, что суевѣріе это удержалось и у мусульманъ азіатскаго востока. Я даже нигдѣ не встрѣчалъ столь величественныхъ «обо», какъ у киргизъ. Въ нагорьяхъ у Чатыръ-куля и на Памирѣ нѣкоторые «обо» («мазаръ» у киргизовъ) сложены даже исключительно изъ череповъ и роговъ дикихъ козъ и аркаровъ, и все это увѣнчано палкой съ болтающимся на ней кутасовымъ хвостомъ.

— Да куда же здѣсь?

— А вотъ сюда, сюда...

Мнѣ показалось, что я спустился въ какую-то яму. Но это была нижняя терраса теперь ключевого ручья, а нѣкогда, вѣроятно, значительнаго потока Уланъ-усу (Улангъ-су).

— Ну, что, какъ охота?

— Да потрафилось... двухъ джигетаевъ убили.

И Колотовкинъ съ жаромъ завзятаго охотника сталъ, перебивая самого себя, разсказывать о всѣхъ перипетіяхъ этой охоты. Ему удалось положить шаговъ съ 700 одного, а другого убили Ташбалта и Иванъ Комаровъ.

Когда, на слѣдующій день, мы осмотрѣлись, то оказалось, что мы стоимъ бивуакомъ въ широкомъ ключевомъ логѣ, поросшемъ кое-гдѣ чіемъ, камышомъ, осокой и нѣкоторыми солянками. Въ этомъ логу, въ двухъ шагахъ отъ нашей стоянки, расположенъ былъ постоялый дворъ и при немъ небольшой прудъ, на которомъ, къ нашему удивленію, держались дикія утки — Anas boscas, L. и Dafila acuta, L. Весь югъ заполоненъ былъ горами. Отроги ихъ съ обѣихъ сторонъ опоясывали урочище Джанъ-булакъ и явственно выраженными террасами спускались въ долину. Каменистая почва этихъ террасъ еще скуднѣе была одѣта растительностью, чѣмъ солончаковая почва низинъ, но зато дальше на сѣверъ, гдѣ эти береговыя террасы смѣнялись песчано-глинистыми откосами, травы росли гуще и, при нуждѣ, могли служить сноснымъ пастбищемъ для нашихъ животныхъ.

Въ уроч. Джанъ-булакъ (абс. выс. 5.204 ф.) мы простояли до октября, разъѣзжая по окрестностямъ и проводя всѣ дни на охотѣ.

Здѣсь намъ приходилось охотиться [1]) на антилопу-сайгу, горныхъ барановъ (архаровъ) и джигетаевъ; всѣхъ этихъ животныхъ мы встрѣчали во множествѣ, и нѣкоторыя наблюденія наши надъ ихъ нравами и жизнью, а также нѣкоторые эпизоды изъ охоты на нихъ, я считаю не безполезнымъ передать тутъ же.

Я начну съ бургака.

Бургакъ мѣстное, таранчинское, названіе антилопы-сайги; киргизы называютъ ее — «букёнъ». Молодого сайгака таранчи называютъ «уллакъ»; у киргизъ же нѣтъ особаго названія для молодого животнаго.

---

[1]) Птицъ, сравнительно, было добыто немного; поступили въ коллекцію: Gypaëtus barbatus, L., Carpodacus rhodochlamys Brdt., Otocorys Elwesi, Blanf. и нѣсколько другихъ, ранѣе упомянутыхъ.

Въ доисторическое время животное это пользовалось огромнымъ распространеніемъ. Отъ береговъ Чернаго моря и лѣсной полосы Литвы и южной Россіи слѣды его пребыванія проходятъ черезъ всю Россію и Сибирь, достигая на крайнемъ сѣверо-востокѣ послѣдней устьевъ р. Лены (73° с. ш.) [1]. Еще сравнительно недавно эта антилопа встрѣчалась повсемѣстно въ южной Россіи [2]; но съ тѣхъ поръ районъ распространенія ея значительно съузился, и мы находимъ ее нынѣ только въ степяхъ Заволжья, въ Ставропольской губерніи и, наконецъ, въ далекой Джунгаріи. Здѣсь она держится еще большими стадами [3], хотя и истребляется мѣстными жителями безпощадно [4].

Нравъ антилопы сайги изучить было не трудно [5]; она водилась здѣсь въ такомъ множествѣ, что почти ежедневно мы наталкивались то на отдѣльныхъ особей, то на стада головъ въ пятьдесятъ. Это оригинальное животное съ вѣчно опущенной головой имѣетъ сангвиническій, неспокойный характеръ. Оно—въ постоянномъ движеніи. Шагъ, повидимому, ему совсѣмъ незнакомъ, и даже во время пастьбы оно находится въ покоѣ только мгновеніями. Каждый звукъ, каждое движеніе въ степи возбуждаетъ уже въ немъ подозрѣніе; оно дѣлаетъ тогда нѣсколько прыжковъ въ сторону, встаетъ на дыбки и съ безпокойствомъ озирается по сторонамъ; но и убѣдившись, повидимому, въ отсутствіи всякихъ поводовъ къ тревогѣ, оно тѣмъ не менѣе не скоро успокоивается, что и проявляетъ ляганьемъ въ воздухѣ и различными порывистыми прыжками. Если же подозрѣнія оправдались, оно уносится впередъ съ невѣроятной быстротой, пренебрегая всякими естественными препятствіями, будь то рытвины, розсыпи щебня и валуновъ или заросли кустарниковъ. При всемъ томъ, не смотря на крайнюю легкость бѣга и быстроту движеній, въ нихъ замѣчается какая-то угловатость: точно имѣешь передъ глазами субъекта, такъ или иначе подшибленнаго или же раненнаго въ лопатку.

---

[1] Черскій, ibid, стр. 264.

[2] Грумъ-Гржимайло,—«Описаніе Амурской области», стр. 322. Заимствовано у Миддендорфа—«Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири».

[3] Пѣвцовъ пишетъ: «Близъ сѣвернаго подножія Тянь-Шаня, верстахъ въ 20 южнѣе Гучена, мы встрѣтили 16 іюля, по крайней мѣрѣ, штукъ 500 этихъ антилопъ, пасшихся попарно и стадами на каменистой равнинѣ близъ зарослей чія». Такихъ стадъ видѣть намъ не пришлось

[4] Главнѣйшимъ образомъ эта антилопа истребляется изъ за рогъ, которые въ китайской фармакологіи играютъ, какъ говорятъ, видную роль. Ихъ скупаютъ на мѣстѣ по 2 сера (4 р. мет.) за пару. За очень старые рога платятъ дороже.

[5] Наблюденія эти принадлежатъ моему брату.

Антилопа сайга — жительница степи. Въ Джунгаріи она держится преимущественно въ Зайсанской долинѣ, вдоль рѣкъ Чернаго Иртыша и Урунгу и наконецъ въ южной Джунгаріи, на востокъ отъ Гучена, т. е. въ мѣстностяхъ съ обильнымъ травянистымъ покровомъ. Отсюда она забѣгаетъ въ пустыню, такъ, напримѣръ, мы встрѣтили ее въ богатомъ ключами ур. Гашунъ, и въ скалистыя горы, но какъ тамъ, такъ и здѣсь, она, какъ кажется, рѣдкая гостья. Пѣвцовъ утверждаетъ, что онъ встрѣчалъ ее на пустынныхъ плоскогорьяхъ рѣки Урунгу [1]). Это указаніе очень цѣнно. Оно вполнѣ подтверждаетъ наши наблюденія въ горахъ восточной Джунгаріи. На ночь сайга поднимается здѣсь въ высшіе горизонты горъ, гдѣ находитъ въ изобиліи кормъ и воду; на день же, между 8 и 10 часами утра, перебирается въ низины, лѣниво пощипывая по дорогѣ траву. На этихъ то ежедневныхъ перекочевкахъ сайги и основана вся система охоты мѣстныхъ жителей на это цѣнное животное. Его поджидаютъ подъ какимъ либо прикрытіемъ и бьютъ тогда ужъ навѣрняка. Весь неуспѣхъ охоты зависитъ отъ неудачно выбраннаго мѣста, а это случается нерѣдко даже съ опытными охотниками, потому что сайга, на свое счастье, не имѣетъ обыкновенія придерживаться разъ избраннаго пути.

Мясо сайги китайцами цѣнится, но намъ, благодаря своему странному привкусу, оно не особенно нравилось.

Аркаръ—тюркское названіе самки каменнаго барана, въ Русскомъ Туркестанѣ ставшее нарицательнымъ для всѣхъ видовъ рода Ovis, независимо отъ ихъ пола. Самецъ по тюркски—кульчжа; монголы произносятъ слова эти нѣсколько иначе—аргали, кульцза.

Привезенный нами отсюда видъ каменнаго барана оказался Ovis Poli Bluth [2]). Такимъ образомъ Ovis Poli является характернѣйшимъ животнымъ горъ Тянь-Шаньской системы, будучи распространенъ отъ Гиндукуша и Памировъ до крайней восточной оконечности Хамійскихъ горъ.

На аркаровъ мы охотились почти ежедневно. Въ поискахъ за ними приходилось забираться очень далеко въ горы, при чемъ случалось не разъ, что охотники наши, усталые и голодные, возвращались на бивуакъ только къ ночи. Одна изъ такихъ дальнихъ экскурсій привела брата къ открытію джунгарской колесной дороги черезъ Тянь-Шань, нѣкогда соединявшей Хами и Ци-тай, но нынѣ заброшенной [1]). Вотъ, что онъ, въ связи съ охотничьими приключеніями этого дня, разсказываетъ о ней.

---

[1]) Ibid., приложеніе 4, стр. 6.

[2]) Самые крупные изъ видѣнныхъ нами здѣсь экземпляровъ этого вида едва-ли достигали средняго роста памирскихъ Ovis Poli. Впрочемъ, и крупные юлдусскіе экземпляры, принадлежащіе музею Императорской Академіи Наукъ (отъ С. Н. Алфераки), на мой взглядъ, въ величинѣ уступаютъ памирскимъ животнымъ.

Рано поутру, 27 сентября, въ сопровожденіи казака Комарова и Сарымсака, я переѣхалъ долину ручья Улангъ-су и направился къ горамъ, виднѣвшимся на востокѣ. Пересѣкши первый отрогъ и пройдя около пяти верстъ, мы подошли къ подножію гряды меридіанальнаго направленія. Тутъ къ югу открывалась долина, по которой пробѣгалъ извилистый ключъ Кичи-Улангъ-су, съуженная въ устьѣ и расширяющаяся до 250 саженъ полторы версты выше. Глинистая почва этой долины испещрена была выцвѣтами соли и мѣстами довольно густо поросла осокой и камышомъ. Окаймляющія ее горы имѣли мягкіе склоны, особенно западный, который кое-гдѣ представлялъ хорошія пастбищныя мѣста. Травянистая растительность долины была вообще довольно богата и, не смотря на позднее время, казалась еще достаточно свѣжей; только вдоль подножій щебневыхъ осыпей она успѣла уже пожелтѣть и поблекнуть, обнаживъ при этомъ плѣшины спекшейся глины. Выше циркообразнаго расширенія долины скалистый массивъ раздѣлилъ ее на два рукава, изъ коихъ лѣвый былъ коротокъ и обставленъ отвѣсными скалами, а правый сохранялъ, какъ общее направленіе долины, такъ и свойственный ей характеръ. Относительная высота заключающихъ ее горъ становилась, однако, все меньшей и меньшей, рельефъ ихъ постепенно терялъ свою выразительность, и, при дальнѣйшемъ движеніи, казалось уже, что горы исчезли и что дорога пролегаетъ среди невысокаго ряда холмовъ. Здѣсь растительность прекратилась; попадались въ распадкахъ холмовъ только отдѣльные экземпляры Brachanthemum fruticulosum, D. C., Cotyledon thyrsiflora D. C., Zizyphora clinopodioides media, Benth. и Allium sp? Вмѣстѣ съ тѣмъ появились здѣсь и памятники былого, относимые Сарымсакомъ къ джунгарскому времени. Это были могильныя насыпи въ видѣ квадратовъ, сложенныхъ изъ обросшихъ уже лишаями камней (кэрэксуры); ихъ было нѣсколько десятковъ, и нѣкоторыя изъ нихъ отличались особой величиной.

---

[1]) Пользуясь, вѣроятно, этимъ путемъ, Цеванъ-Рабтанъ дважды, въ 1712 и 1713 гг., разбивалъ китайскія арміи, безпечно шедшія, подъ прикрытіемъ стѣнъ Тянь-Шаня, по большой дорогѣ изъ Хами въ Турфанъ.

Тутъ же попадались и прислоненныя къ скаламъ полукруглыя, выложенныя изъ камня, ограды, аршина въ полтора высотой—современныя постройки—прiютъ, зимующихъ здѣсь со своими стадами барановъ, таранчей и киргизовъ.

Нѣсколько далѣе долину, имѣвшую дотолѣ меридiанальное направленiе, преградила гряда, отклонившая ее на востокъ. Опять появились скалистыя горы, но характеръ ихъ тутъ измѣнился. Вмѣсто скалъ какой-то плотной породы (фельзитъ?), появились метаморфическiе сланцы — глинистый и кремнистый. Мѣстами сланцы эти распадались на весьма тонкiя пластинки, которыя, въ свою очередь, при малѣйшемъ усилiи, разсыпались въ порошокъ. Долина постепенно съузилась, и дно ея, будучи по краямъ красиво убрано кустарниковой и травянистой растительностью, точно нарочно выровненное и покрытое дресвой, казалось искусственно созданнымъ шоссе, живописно извивавшимся среди скалъ. Тогда какъ сѣверный ея бокъ представлялъ сплошную скалистую стѣну, на югѣ зачастую гряда прерывалась, и тогда взору представлялись мягкаго очертанiя холмики, густо поросшiе кипцомъ, съ извивающимися между ними дорожками-водостоками, усыпанными желтоватымъ щебнемъ. Это и былъ, какъ мы ниже увидимъ, гребень значительно здѣсь понизившагося осеваго Тянь-Шаня.

Не проѣхали мы и трехъ верстъ отъ послѣдняго поворота долины, какъ опять появились отдѣлявшiеся отъ нея въ стороны рукава. Одновременно горы понизились, а долина покрылась густо росшей травой, доходившей мѣстами намъ до колѣнъ. Тутъ, наконецъ, мы увидали аркаровъ, но, къ сожалѣнiю, они замѣтили насъ также и скрылись раньше, чѣмъ мы успѣли спѣшиться и подойти къ нимъ на прямой выстрѣлъ. Но я и не подумалъ о ихъ преслѣдованiи! Все, до сихъ поръ видѣнное, поразило меня въ такой мѣрѣ своей неожиданностью, что на изученiи мѣстности я сосредоточилъ теперь все свое вниманiе.

При видѣ разстилавшихся къ югу низкихъ холмовъ, являлся невольный вопросъ: куда же, наконецъ, дѣлся сопровождавшiй насъ до сихъ поръ могучiй Богдо-Олинскiй хребетъ (Эдэмэкъдаба), еще къ западу отъ Моро-хо сверкавшiй своими безчисленными снѣговыми вершинами? Его здѣсь не оказывалось; разъясненiя же Сарымсака еще болѣе смущали и волновали мой умъ. По его словамъ, дорога, по которой мы теперь ѣхали, въ калмыцкiя (джунгарскiя) времена была большой арбяной дорогой, соединявшей Нань-лу и Бэй-лу. Дѣйствительно, присмотрѣвшись, я ясно сталъ различать на ней слѣды старыхъ колей. Влекомый интересомъ дальнѣйшихъ открытій, я ѣхалъ все дальше и дальше, пока не достигъ, наконецъ, точки, откуда ясно намѣчался спускъ внизъ, къ дорогѣ, соединяющей Хами и Турфанъ [1]). И тутъ къ югу хребта не было видно, и тогда какъ къ сѣверу возвышались отдѣльными массивами скалистыя группы (гольцы), здѣсь невысокими грядами тянулись только холмы.

Чтобы разсмотрѣть общую картину всей окрестной горной страны, я рѣшился подняться на одну изъ скалистыхъ вершинъ, значительно поднимавшуюся надъ дномъ долины; подъемъ былъ не легокъ, мѣстами камень обледенѣлъ и нога съ трудомъ удерживалась на скользкой поверхности, но когда, наконецъ, я достигъ своей цѣли, то открывшаяся взору картина вполнѣ вознаградила за трудъ. Все пространство, верстъ на сорокъ къ востоку, было какъ на ладони и производило эфектъ панорамы. Пониженіе мѣстности въ эту сторону оказалось весьма значительнымъ и оцѣнивалось на глазъ, примѣрно, въ четыре тысячи футовъ; сѣверные и южные склоны этого пониженія образовывали какъ-бы бока воронки, центръ которой приходился на разстояніи 25 верстъ впереди противъ меня, при чемъ сѣверное заложеніе отлогости было раза въ четыре длиннѣе южнаго. По всей покатости ползли небольшія грядки восточнаго простиранія съ малымъ уклономъ западнаго конца къ сѣверу. Не въ значительномъ разстояніи отъ наиболѣе низкой точки котловины, закрывая горизонтъ на востокъ и сѣверо-востокъ, поднимался кряжъ скалистыхъ утесовъ, казавшійся мрачнымъ исполиномъ въ сравненіи съ ничтожными горками, пересѣкавшими котловину. Отъ этого горнаго массива тянулись и исчезали въ туманной дали двѣ гряды горъ: одна—восточнаго простиранія, съ блиставшими на ея вершинахъ бѣлыми пятнами снѣга—это Карлыкъ-тагъ хамійцевъ; другая—менѣе высокая, вытянувшаяся на сѣверо-сѣверо-западъ, но неясно отдѣлявшаяся отъ торчавшихъ изъ-за нея остроконечныхъ вершинъ другого хребта, еще болѣе отклоненнаго къ сѣверу и уже кое-гдѣ покрытаго пятнами снѣга; это — Баркульскія горы, съ запада ограничивающія долину Баркуля [2]). Мѣстность къ сѣверу маскировалась скалистыми отрогами, а къ югу — безплоднымъ, заиндевѣвшимъ и усыпаннымъ мелкимъ щебнемъ, обширнымъ (свыше 15 кв. верстъ) полемъ плоской вершины, изъ-за которой не высовывалось ни одного пика или другой какой-либо вершины. Зато весь юго-востокъ былъ открытъ, и только въ эту сторону котловина имѣла выходъ, и въ этомъ направленіи далекій горизонтъ мѣшался съ фіолетовыми тонами дали. Изъ сопоставленія всего вышесказаннаго нельзя было не вывести заключенія, что я находился на одной изъ выдающихся точекъ *восточнаго конца* Богдо-Олинскаго хребта.

---

[1]) По увѣренію того же Сарымсака, спускъ столь же пологъ, какъ и подъемъ. Онъ выводитъ на большую дорогу между Хами и Турфаномъ у пикета Отунъ-коза. Въ справедливости сказаннаго мы имѣли случай убѣдиться впослѣдствіи, когда намъ лично пришлось слѣдовать послѣднимъ путемъ.

[2]) На прилагаемой картѣ имъ придано болѣе западное простираніе, въ виду уже существующихъ съемокъ этихъ горъ. Узелъ, отъ котораго въ обѣ стороны, къ востоку и западу,

Вечерѣло, однако. Косые лучи заходящаго солнца уже начинали золотить далекія вершины Хамійскаго Карлыкъ-тага. До сумерекъ было ужь близко, а мнѣ хотѣлось осмотрѣть еще мѣстность къ сѣверу отъ вершины, на которой я теперь находился. Слѣдовало спѣшить. И вотъ я, еще разъ осмотрѣвшись и взявъ нѣсколько азимутовъ, почти бѣгомъ спустился къ ожидавшимъ меня внизу лошадямъ. Отсюда мы съ трудомъ вскарабкались на противоположный скалистый кряжъ и, спустившись, очутились въ узкомъ ущельѣ, которое, часа черезъ два скорой ѣзды, и вывело насъ на колесную дорогу изъ Пичана черезъ перев. Улангъ-су въ Баркуль. На бивуакъ мы прибыли къ 8 часамъ вечера.

Этой поѣздкѣ предшествовала охота на аркаровъ, хотя также не увѣнчавшаяся желаннымъ успѣхомъ, но интересная въ томъ отношеніи, что брату удалось вблизи наблюдать интереснаго и рѣдкаго въ Тянь-Шанѣ звѣря — краснаго или альпійскаго волка (Canis alpinus, Pall.) [1]).

Вотъ, какъ онъ описываетъ эту охоту.

Это было въ одномъ изъ боковыхъ ущелій, открывающихся въ долину Кичи-Улангъ-су. Аркары спокойно паслись или лежали на пологомъ склонѣ горы, и мы, замѣтивъ ихъ, готовы были уже

расходятся Баркульскія и Хамійскія горы, пришлось намъ, однако, видѣть неоднократно; и хотя Баркульскія высоты маскировались скалистыми массами восточнаго простиранія, тѣмъ не менѣе, это не помѣшало намъ замѣтить, что обѣ названныя цѣпи не образуютъ одной оси поднятія, но сходятся подъ угломъ, примѣрно, градусовъ въ 130, между собой.

[1]) Я не знаю, существуетъ ли у киргизовъ и монголовъ отдѣльное названіе для краснаго волка, но у турфанцевъ оно есть. Въ отличіе отъ «буре»—сѣраго волка, они его называютъ—«чикбуре». Замѣчательно, что всѣ тѣ туземцы, съ которыми мнѣ приходилось говорить о красномъ волкѣ, и это по всему Тянь-Шаню (а на Памирахъ его нѣтъ), считаютъ его за ублюдка между лисомъ и волчихой. Одинъ охотникъ увѣрялъ меня даже, будто онъ однажды набрелъ на яму, въ которой среди сѣрыхъ волчатъ нашелъ и одного краснаго. Но тѣ же охотники разсказывали мнѣ также, что красный волкъ иногда ходитъ стаями, что онъ держится всегда особнякомъ отъ сѣраго волка и что вообще послѣдній никогда не осмѣливается заходить туда, гдѣ завелся красный волкъ. Послѣдній превосходитъ его если не силой, то дерзостью, хитростью и ловкостью. «Красный волкъ и человѣку опасенъ», говорили они.

приняться за ихъ обходъ со стороны горъ, когда вдругъ вниманіе наше привлечено было страннымъ животнымъ, очевидно, тоже охотившимся на нихъ. Разстояніе между нимъ и нами не превышало и 300 шаговъ, что̀ давало намъ полную возможность слѣдить за нимъ, не упуская изъ виду ни одного изъ его движеній. Конечно, я призналъ въ немъ тотчасъ же краснаго волка (Canis alpinus, Pall.). Мы засѣли за щебень [1]) и выжидали. Три аркара, подогнувъ подъ себя ноги и вытянувъ впередъ шеи, не чуя близкой опасности, спокойно дремали на небольшомъ уступѣ скалы, круто обрывавшемся въ нашу сторону стѣной до 4 аршинъ высотой; покатый склонъ сбѣгалъ съ него слѣва и въ видѣ аппарели круто загибался подъ стѣнку. Этой-то покатостью и рѣшился воспользоваться четвероногій охотникъ для того, чтобы, прикрываясь стѣнкой, незамѣтно подкрасться къ дремавшимъ аркарамъ. Вытянувшись во всю длину своего тѣла, съ прижатой къ землѣ мордой и вытянутымъ хвостомъ, онъ показался намъ очень крупнымъ животнымъ. Цвѣтъ его шерсти былъ однотонный-красный [2]), только въ пахахъ шерсть казалась немного свѣтлѣе; вообще же, въ лежачемъ положеніи, это была огромная лиса съ окраской темныхъ лисицъ, какихъ, сказать кстати, здѣсь не встрѣчается [3]). Повернувъ голову въ сторону аркаровъ, то и дѣло прислушиваясь, волкъ мѣрно подползалъ къ своей жертвѣ. Ему оставалось уже не болѣе какихъ-нибудь двухъ саженей, и мы, нервно сжимая винтовки, готовились вотъ-вотъ вмѣшаться въ рѣдкую схватку, дабы захватить двойную добычу, какъ вдругъ... сзади послышался шумъ и топотъ вскачь несущихся лошадей... И все было разомъ потеряно! Въ одно мгновеніе аркары были уже на ногахъ и въ десяти саженяхъ отъ края площадки... волкъ огромнымъ прыжкомъ вскочилъ на уступъ...

— По волку!.. прицѣлъ четыреста!..

Раздалась безпорядочная стрѣльба, пули ложились около звѣря, но, какъ и всегда при нервной, спѣшной стрѣльбѣ, одинъ промахъ смѣнялся другимъ, и звѣрь убѣжалъ...

---

[1]) Щебнемъ казаки называютъ всякій обломокъ скалы, независимо отъ его величины.

[2]) Лѣтній мѣхъ альпійскаго волка свѣтлѣе, желтовато-красный.

[3]) Въ восточномъ Тянь-Шанѣ водится почти исключительно свѣтлая разность лисицы (Canis vulpes melanotis), часто съ почти чернымъ брюхомъ и подпалинами свѣтло-сѣраго цвѣта. Совершенно черныя лисицы и черныя съ сѣдиной (Vulpes nigro-argentea), а также сиводушки здѣсь не рѣдкость. Въ особенности часто попадаются онѣ въ горахъ Илійскаго бассейна. Въ Джаркентѣ прекрасныя черныя лисьи шкурки предлагались по 25 р. Называю ихъ черными, а не черно-бурыми, потому что подшерстокъ у нихъ сѣроватый, а не красноватый, какъ у черной разности красной лисицы.

Лошади, надѣлавшія такого переполоха, конечно, были наши. Чѣмъ-то напуганныя, онѣ бросились вверхъ по ущелью и, только завидя насъ, пришли, наконецъ, въ себя и остановились.

День былъ, очевидно, испорченъ. Тѣмъ не менѣе, мы, т. е. я и казаки—Колотовкинъ и Иванъ Комаровъ, рѣшили разойтись въ разныя стороны и еще разъ попытать свое счастье—не съ пустыми же руками возвращаться на бивуакъ!

Но всѣ мои лазанья по горамъ не привели ни къ чему—аркаровъ нигдѣ уже не оказывалось! Вернувшись къ лошадямъ, я засталъ тамъ одного Колотовкина. Подождали, пока смерклось. Зажгли огни. Стали давать сигнальные выстрѣлы, стократнымъ эхомъ отдававшіеся въ горахъ... Подождали еще. Но Комарова все не было. Очевидно, онъ зашелъ далеко, но пѣшкомъ, на-легкѣ, безъ теплой одежды... А между тѣмъ было холодно. Дулъ сильный сѣверный вѣтеръ, предвѣщавшій намъ непогоду. Какъ быть? Оставлять ему лошадь—было опасно. Волковъ бродило здѣсь пропасть, и она могла сдѣлаться ихъ легкой добычей... Ждать еще? Но наступившая темнота сгладила уже давно всѣ особенности рельефа и, если Комаровъ заблудился, то лишила его всякой возможности выбраться на условное мѣсто... Мы вскочили на лошадей и знакомой дорогой вернулись на бивуакъ. Отсюда мы выслали тотчасъ же разъѣздъ, которому и удалось, наконецъ, при помощи сигнальныхъ выстрѣловъ, отыскать Комарова. Ему посчастливилось встрѣтить аркаровъ. Онъ увязался за ними и забрелъ въ такія горныя дебри, откуда еле-еле выбрался въ долину Кичи-Улангъ-су, которую призналъ по догоравшему тамъ костру. А тутъ и разъѣздъ подоспѣлъ... Такъ окончился этотъ день, вначалѣ посулившій такъ много!

Братъ разсказываетъ еще одинъ случай охоты на аркаровъ.

Солнце не золотило еще верхушекъ горъ, когда я, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, выѣхалъ на охоту. Иней, устлавшій низины, и сумерки утра, скрадывавшіе всѣ мелкія особенности рельефа, придавали монотонный видъ ландшафту, къ которому мы, впрочемъ, давно уже приглядѣлись. Было морозно, и утренній вѣтерокъ, забираясь въ рукава полушубка, обдавалъ спину такимъ холодомъ, что поневолѣ приходилось ежиться. Мы ѣхали по давно и намъ и лошадямъ знакомой тропинкѣ, по направленію къ уроч. Кичи-Улангъ-су, и, опустивъ поводья, подремывали, съежившись, какъ могли, и далеко запрятавъ руки въ рукава полушубка. Прошелъ часъ. Звѣзды стали меркнуть. Все яснѣе и яснѣе рисовались на востокѣ контуры горъ, и вдругъ тамъ зажглась сперва одна, а потомъ и цѣлая группа остроконечныхъ верхушекъ. День наставалъ. Мы прибавили ходу и стали усиленно всматриваться по направленію виднѣвшихся впереди грядовыхъ скалъ. Вдругъ на одной изъ нихъ мы ясно замѣтили точно покосившійся на сторону крестикъ. Приглядѣвшись, мы узнали въ немъ сторожевого архара. Это сразу опредѣлило мѣсто нашей охоты.

Мы уже проѣхали версты полторы къ намѣченной цѣли, когда вдругъ, у подошвы гряды, съ которой намъ предстояло спуститься, мы замѣтили большой табунъ джигетаевъ. Посовѣтовавшись, мы рѣшили брать лучше синицу, чѣмъ гоняться за журавлемъ, и, оставивъ на пригоркѣ своихъ лошадей, стали то ползкомъ, то согнувшись добираться до табуна. Къ сожалѣнію, путь, избранный мной, оказался слишкомъ открытымъ, и мнѣ пришлось только издали наблюдать движенія какъ джигетаевъ, такъ и моихъ товарищей по охотѣ.

Въ табунѣ царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ. Жеребцы, кобылы и жеребята шли, пощипывая рѣдкую травку, гдѣ кто хотѣлъ, и весь табунъ занималъ площадь чуть не въ 500 квадратныхъ саженъ. Для предупрежденія опасности не было принято, повидимому, никакихъ мѣръ, и казаки, гдѣ ползкомъ, гдѣ только пригнувшись къ землѣ, успѣли, не возбудивъ подозрѣнія въ табунѣ, подкрасться къ нему шаговъ на двѣсти. Взвились два бѣлыхъ дымка надъ камнями, табунъ дрогнулъ, шарахнулся въ сторону и въ безпорядкѣ понесся впередъ, гдѣ вскорѣ затѣмъ и исчезъ въ утренней мглѣ. На покинутомъ имъ мѣстѣ убитыхъ джигетаевъ нигдѣ не было видно.

— Какъ, неужели промахъ?

— Не можетъ этого быть... выцѣлилъ ладно!

И казакъ былъ правъ. Не прошли мы и трехсотъ шаговъ, какъ наткнулись на убитаго джигетая, завалившагося между камней. Это была кобыла въ прекрасной осенней шерсти.

Поручивъ Жиляеву, за которымъ «сбѣгалъ» ¹) Колотовкинъ, снять шкуру съ джигетая, я съ казаками направился далѣе въ горы.

Черезъ узкую расщелину мы выбрались вскорѣ въ котловинообразную долину, имѣвшую видъ огромнаго амфитеатра. Справа возвышались крутыя скалы, декорированныя кустарникомъ, слѣва—

---

¹) На казачьемъ языкѣ выраженіе это означаетъ—съѣздить за кѣмъ-нибудь спѣшно.

пологіе склоны, покрытые дресвой и только мѣстами поросшіе тощей травой. Проѣхавъ нѣкоторое время этой долиной, по руслу временного потока, мы завидѣли впереди болѣе плодородный горный участокъ. Тутъ росъ кипецъ.

Обрадовавшись возможности оставить лошадей въ кормномъ мѣстѣ, мы продолжали дальнѣйшій путь нашъ пѣшкомъ. Впрочемъ, подъемъ былъ здѣсь уже на столько крутъ, что лошадей все равно пришлось бы вести въ поводу. Мы лѣзли къ скаламъ, на которыхъ, часа три назадъ, видѣли сторожевого аркара и, какъ всегда бываетъ на трудныхъ подъемахъ, очень скоро разошлись довольно далеко другъ отъ друга. Закинувъ штуцеръ за плечи, я уже рѣшился было обогнуть большую скалу, чтобы достичь вершины горы, какъ вдругъ, шагахъ въ пятнадцати отъ себя, замѣтилъ громадные рога, поднимавшіеся изъ за куста караганы. Они были загнуты почти въ полтора оборота и имѣли между концами не менѣе полутора аршина. Аркаръ былъ огромный, въ сѣрой шерсти,— онъ успѣлъ уже, стало быть, смѣнять свой лѣтній темно-бурый нарядъ на зимній, болѣе принаровленный къ общей окраскѣ мѣстности въ это позднее время года. Все это я разсмотрѣлъ въ тотъ моментъ, когда присѣдалъ за первый же попавшійся на глаза выступъ скалы. Но отсюда я и самъ переставалъ уже видѣть аркара. Мѣсто было неудачно выбрано, и я полѣзъ было впередъ, когда услыхалъ позади шаги безпечно между собою болтавшихъ казаковъ. Терять времени было нечего... Я приподнялся изъ-за камня и увидалъ шагахъ уже въ 70 отъ себя тихо спускавшагося аркара. Шумъ на верху заставилъ его круто повернуть голову въ нашу сторону. Этимъ моментомъ я и воспользовался, чтобы приложиться и выстрѣлить. Я не промахнулся—кровь доказывала это—но, очевидно, попалъ не въ «убойное мѣсто», кажется, въ шею, и аркаръ ушелъ для того, чтобы, можетъ быть, черезъ нѣсколько же часовъ сдѣлаться добычей волковъ.

Въ надеждѣ гдѣ-нибудь отыскать раненное животное, я сталъ спускаться съ горы. Въ это время я услыхалъ странные звуки, похожіе на стройные аккорды арфы, то усиливавшіеся, то замиравшіе и лившіеся точно изъ заоблачныхъ сферъ. Сперва я подумалъ, не обманъ ли это слуха и не вводитъ ли меня въ заблужденіе жужжаніе какого-нибудь, летающаго кругомъ, насѣкомаго ¹). Но

---

¹) Не смотря на позднее время и не разъ выпадавшій снѣгъ, насѣкомыя еще водились на этихъ высотахъ; такъ, между прочимъ, здѣсь былъ даже найденъ новый видъ жука изъ группы Tenebrionidae (подсем. Pimeliidae)—Amara (Harpalodema) Grumi, Tschitsch.

нѣтъ, звуки усиливались, хотя и теряли въ своей благозвучности отъ присоединившагося къ нимъ свиста и неподдающагося опредѣленію шума. Я терялся въ догадкахъ, когда вдругъ промелькнувшая надо мною тѣнь объяснила мнѣ ихъ причину. Звуки эти, при быстромъ полетѣ противъ вѣтра, производилъ своими крыльями бородачъ (Gypaëtus barbatus, Linn.), съ такой поспѣшностью несшійся, конечно, къ трупу убитаго нами джигетая.

Дѣйствительно, на возвратномъ пути мы застали ихъ тамъ цѣлое общество. Уже наѣвшись, они сановито сидѣли на близъ торчавшихъ камняхъ въ то время, какъ болѣе подвижное воронье (Corvus corax, Linn.) самодовольно расхаживало вокругъ кровянаго пятна или съ оглушительнымъ карканьемъ оспаривало другъ у друга послѣдніе куски славной трапезы.

Въ бородачей можно было стрѣлять какъ въ мишень, и Колотовкинъ лихо сразилъ одного изъ нихъ выстрѣломъ свыше чѣмъ на полтораста шаговъ. Эта громадная птица была послѣдней добычей этого дня [1]).

Гдѣ-бы ни водились горные бараны, они всюду избираютъ тѣ же мѣста — возвышенныя плоскогорья съ покрывающими ихъ невысокими скалистыми грядами. Оттого-то, будучи столь многочисленными на Памирахъ, они уже не встрѣчаются въ западныхъ частяхъ Рошана и Шугнана. Нѣтъ ихъ и во всей горной Бухарѣ, характеризующейся глубокими долинами и скалистыми, относительно высокими и неприступными горными кряжами. Въ Тянь-Шанѣ они также имѣютъ свои излюбленныя мѣста. Это — горы Кара-тау, сырты Чатыръ-куля и Атъ-баши, Юлдуссы и Восточно-Джунгарское плоскогорье [2]). Въ Алтаѣ и Сибирскихъ горахъ и ближе къ Тянь-Шаню — въ Бэй-Шанѣ, Западномъ Нянъ-Шанѣ и Алтынъ-тагѣ—онъ водится въ тождественныхъ условіяхъ.

Возвышенныя и сухія, а потому покрытыя рѣдкими степными травами, часто совершенно безплодныя, съ растительностью только на сазахъ, широкія долины, ограниченныя невысокими, но скалистыми кряжами горъ, вотъ—ихъ излюбленныя мѣста.

Горные бараны ночуютъ обыкновенно въ горахъ, откуда въ долины, на пастбище, спускаются съ восходомъ солнца. Если ихъ тамъ никто не тревожитъ, они не возвращаются въ горы ранѣе сумерекъ. Это крайне осторожныя животныя, но, при всемъ томъ, въ нихъ замѣтна и извѣстная разсудительность: они не бросятся въ бѣгство по первой тревогѣ, а постараются раньше взвѣсить и оцѣнить замѣченную опасность. Эта вдумчивость свидѣтельствуетъ, конечно, о слабо у нихъ развитыхъ стадныхъ началахъ. И дѣйствительно, они живутъ въ большинствѣ случаевъ небольшими товариществами, а въ зрѣлыхъ годахъ предпочитаютъ даже жизнь бобыля. Сказанное относится, впрочемъ, только къ самцамъ; самки же никогда не отдѣляются отъ стада, можетъ быть, инстинктивно сознавая, что при стадѣ ихъ ягнята, къ которымъ онѣ чувствуютъ большую привязанность, будутъ сохраннѣе.

---

[1]) Другая партія охотниковъ (Матвѣй Комаровъ и Ташбалта) убила въ этотъ день молодого аркара.

[2]) Какъ мы ниже увидимъ, я встрѣтилъ аркаровъ и на турфанской сторонѣ Тянь-Шаня. Впрочемъ, можетъ быть, это были дикіе козлы (Capra sibirica); мы натолкнулись на нихъ поздно и въ темнотѣ могли ошибиться.

Въ противность изложенному, мнѣ не разъ доводилось читать [1]), что аркаровъ встрѣчали тысячными стадами; но мнѣ всегда казалось, что въ подобныхъ сообщеніяхъ кроется какая-либо неточность наблюденій. Такъ, не принималось-ли за одно стадо случайное скопленіе нѣсколькихъ товариществъ въ какой-нибудь уединенной, богатой подножнымъ кормомъ, долинѣ? Киргизы не разъ говаривали мнѣ, напримѣръ: вамъ слѣдуетъ съѣздить въ такую-то долину, куда нерѣдко сходятся аркары изъ всѣхъ окрестныхъ ущелій. Не значитъ ли это, что я могъ натолкнуться тамъ и на случайное сборище аркаровъ въ нѣсколько сотенъ головъ? Но правильно-ли было-бы назвать такое сборище стадомъ?

О времени течки ничего положительнаго мнѣ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ оно должно наступать не ранѣе второй половины октября.

Аркары, какъ кажется, подвержены частымъ болѣзнямъ и, притомъ, нерѣдко повальнымъ: такъ, напримѣръ, въ зиму съ 1886 на 1887 годъ, на Памирахъ они погибали въ большомъ числѣ; но какими симптомами выражалась эта, повидимому, инфекціонная болѣзнь, мѣстные киргизы сообщить мнѣ не могли. Замѣчательно также, что въ Хами намъ доставленъ былъ экземпляръ аркара, добытаго изъ горъ къ юго-востоку отъ Шинь-ченя, съ отмороженными ушами [2]).

О джигетаяхъ (Asinus hemionus, Pall.) намъ сообщить почти нечего.

Въ Джунгаріи они держатся иногда значительными табунами, которые, какъ мы это имѣли уже случай замѣтить, менѣе дисциплинированы, чѣмъ табуны дикихъ лошадей. Характеромъ они беззаботны и вѣтренны. Ничто не заставляетъ ихъ быть осторожными и, полагаясь на быстроту своихъ ногъ, они, повидимому, вовсе не несутъ сторожевой службы. Живутъ въ подгорныхъ долинахъ, гдѣ и бродятъ, какъ кажется, безъ опредѣленнаго плана. Ночуютъ, вѣроятно, тамъ, гдѣ застанутъ ихъ сумерки.

---

[1] Горный инженеръ Ивановъ и Громбчевскій въ своихъ отчетахъ Географическому Обществу; С. Н. Алфераки («Кульджа и Тянь-Шань», стр. 144) и др.

[2] Зима 1889 г. была особенно холодна въ Тянь-Шанѣ. Даже въ Турфанской котловинѣ морозы переходили не разъ за 20^0; на Восточно-Джунгарскомъ же плоскогорьи и у Шинь-ченя они, вѣроятно, достигали 40^0 С.

Урочище Джанъ-булакъ было нашей послѣдней стоянкой на сѣверныхъ склонахъ Тянь-Шаня. Вотъ почему я считаю умѣстнымъ сказать здѣсь же нѣсколько словъ о короткой джунгарской осени.

Читатель помнитъ, конечно, что изъ Гучена, направляясь на востокъ, мы подымались все выше и выше; такъ:

абсолютная высота г. Гучена равнялась. . . . . . . 2.420 ф.
селенія Моро-хо уже. . . . . 4.357 »
ур. Баянъ-хо вѣроятно нѣсколько менѣе 5.000 »[1]).
и, наконецъ, ур. Джанъ-булакъ . . . . 5.204 »

Изъ равнины мы попали на плоскогорье и мало по малу втянулись въ горы, гдѣ климатъ долженъ былъ отличаться, конечно, большей суровостью. Что разница между климатическими условіями Гучена и Восточно-Джунгарскаго плоскогорья дѣйствительно велика, видно изъ слѣдующихъ показаній термометра, записанныхъ мною въ обратный путь по Джунгаріи, совершеный въ октябрѣ 1890 г.

		2 ч. поп.	3 ч. поп.	5 ч. поп.	8 ч. веч.	1 ч. ноч.	4 ч. у.	5 ч. у.	6 ч. у.
8 окт. ст. Туфигуа	абс. в. 5059 ф.	—	$7^0,5$	5^0	3^0	0^0	-1^0	0^0	—
9 « « Да-шиту	» 4597 »	$6^0,5$	5^05	2^0	2^0	—	0^0	—	-1^0
10 « Сангы-чанза	» 4534 »	(въ теченіе всего дня на 0^0)				-4^0	—	—	-6^0
11 « сел. Морс-хо	» 4357 »	10^0	10^0	$6^0,5$	3^0	0^0	20	—	—
13 « гор. Гученъ	» 2420 »	—	15^0	13^0	5^0	1^0	1^0	—	4^0
14 « (тамъ же)		16^0	$14^0,5$	$12^0,5$	6^0	$1,^05$	0^0	—	5^0

Число наблюдавшихся нами осеннихъ дней равняется 42. Изъ нихъ 22 дня мы провели въ пескахъ Гурбунъ-тунгутъ и Гученской равнинѣ, остальные на восточно-джунгарскомъ плоскогоріи, западной границей коего я считаю Дунчинскую гряду плоскихъ возвышенностей.

Всего за этотъ періодъ времени совершенно безоблачныхъ дней или съ легкими перистыми облаками на краю горизонта насчитывалось 9; ясныхъ—15 и облачныхъ—18; изъ числа послѣднихъ 4 съ дождемъ и 3 со снѣгомъ. Въ теченіе всего дня, да и то съ большими интервалами, снѣгъ шелъ только однажды, а именно 21 сентября, когда всѣ окрестности заволокло туманомъ до такой степени, что даже ближайшія горы перестали быть видными; вообще же осень отличалась чрезмѣрной сухостью и ничтожнымъ количествомъ выпадавшихъ осадковъ.

---

[1]) Высота этого уроч. была мною взята нѣсколько выше мѣста нашей стоянки.

Высшая температура, наблюдавшаяся нами за тотъ же промежутокъ времени, равнялась 30° въ тѣни и 43° на солнцѣ (28 августа, въ ур. Гашунъ); низшая—11,°5 (въ 5 час. утра, 23 сентября, въ ур. Джанъ-булакъ) и—12° (въ 8 час. веч., 1 октября, тамъ же); наибольшая суточная амплитуда 30°,5 (въ ур. Гашунъ, 28 августа, при безоблачномъ небѣ), наименьшая—3° (въ ур. Джанъ-булакъ, 21 сентября, при облачномъ небѣ).

Продолжительныхъ и въ то же время сильныхъ вѣтровъ вовсе не наблюдалось; вѣтренныхъ же дней мы насчитали 15. Въ большинствѣ случаевъ вѣтеръ дулъ съ сѣвера съ отклоненіями то къ западу, то къ востоку, часто съ интервалами. Только однажды, а именно 17 сентября, достигъ онъ значительной силы и, налетая вихрями съ запада, чуть не опрокинулъ нашихъ юртъ.

Всего сказаннаго достаточно для того, чтобы, подтверждая слова Пржевальскаго, дать такую характеристику джунгарской осени: сухая, умѣренно-теплая и безвѣтренная, осень въ Джунгаріи, какъ и во всей остальной Средней Азіи, самое пріятное время въ году. Нѣтъ крайностей, бури и сильные вѣтры очень рѣдки, осадки (дождь въ равнинѣ, снѣгъ на возвышенностяхъ) ничтожны; облачные дни, составляющіе обычное явленіе въ подгорной полосѣ, въ равнинѣ явленіе исключительное; наоборотъ, тамъ всегда ясно, тихо, тепло. Холодные дни, какъ и слѣдовало ожидать, перепадаютъ чаще въ подгорной полосѣ Джунгаріи, но тамъ же, на высотахъ, и зима наступаетъ, по нашимъ наблюденіямъ, дней на двадцать раньше, чѣмъ на Бэй-лу, къ западу отъ Моро-хо. Впрочемъ, о времени наступленія зимы на Бэй-лу я буду имѣть еще случай говорить во II томѣ настоящаго труда.

ГЛАВА XII.

Изъ Джунгаріи въ Турфанъ.

30 сентября мы раздѣлились. Братъ со всѣмъ отрядомъ остался въ урочищѣ Джанъ-булакъ продолжать охоту на горныхъ барановъ, а я, черезъ упомянутый выше перевалъ Буйлукъ, выѣхалъ въ Турфанскую область.

Стрѣлка часовъ приближалась къ пяти. Было морозно. Иней покрывалъ еще и оголенную землю, и войлочныя стѣны нашихъ кибитокъ. Туманъ не туманъ, а словно какая-то пелена скрывала отдаленныя очертанія горъ и только на крайнемъ юго-востокѣ уже ярко свѣтилась какая-то сопка. Но сюда, въ наше ущелье, солнце еще не заглядывало,—вотъ почему здѣсь царствовалъ полумракъ въ то самое время, когда гребень Тянь-Шаня горѣлъ всѣми огнями разсвѣта...

— Ну, нечего медлить, ребята, пора!

Намъ подвели лошадей.

— Счастливо!

— Въ Турфанѣ, главное дѣло, Глаголевъ, бумаги-то не забудь!.. да и табакъ вотъ еще... Коли не найдешь настоящей листовки, такъ хоть какого ни на есть, а вези... Безъ курева настоящаго вѣдь ужь вонъ сколько сидимъ!

Все это мы слышали ужь въ догонку, въ то время, какъ лошади наши весело и легко вносили насъ на сосѣднюю кручу, по которой уходила дорога на западъ. Ею мы и поѣхали дальше, но, отъѣхавъ съ версту, оглянулись... Ущелье все еще тонуло въ туманѣ, и тамъ, гдѣ мы разсчитывали увидѣть свой лагерь, ничего уже, кромѣ чернаго пятна талой земли, не осталось, да и то еле-еле виднѣлось...

Впрочемъ, Глаголеву показалось, что онъ видитъ не только юрты, но и табунъ лошадей... но Глаголевъ любилъ прихвастнуть остротой своего зрѣнія, и, говоря откровенно, на этотъ разъ мы ему не повѣрили.

И такъ, мы одни: я, казакъ Глаголевъ и проводникъ Сарымсакъ. Мы покинули лагерь надолго: дней на десять, на пятнадцать и опять встрѣтимся со своими уже не иначе, какъ гдѣ-нибудь на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня... Что, кажется, значатъ въ Россіи, на родинѣ, эти нѣсколько дней? А тамъ, на чужбинѣ, среди чуждой природы и чуждыхъ людей, когда каждый день сулитъ нѣчто и непредвидѣнное, и непріятное, полъ-мѣсяца—цѣлая вѣчность!.. Одинъ, два дня—еще ничего... Но природа, несмотря на все ея разнообразіе, въ особенности въ горахъ, въ концѣ концовъ все же однообразна... Одиночество начинаетъ томить, а неизвѣстность тревожить. И вотъ уже съ третьяго дня тоска забирается въ сердце и мало-по-малу устроивается тамъ полной хозяйкой...

Но пока что, а мы поѣхали бодро. Къ тому же и день обѣщалъ быть прекраснымъ и теплымъ. И точно: не успѣли мы даже въѣхать въ яркую полосу свѣта, выбивавшагося изъ-за Тянь-Шаня, какъ уже намъ пришлось снимать свои полушубки. Тѣмъ не менѣе, осень сказывалась теперь въ полной силѣ въ Джунгаріи: таволга (Spirea) и карагана (Caragana tragacanthoides) стояли уже всюду безъ листьевъ, трава въ степи пожелтѣла и только сазы переливали еще во всѣ оттѣнки зеленаго. Гдѣ солнце, тамъ и тепло, а гдѣ тѣнь, тамъ и иней, тамъ и ледяная кора на водѣ...

Природа, видимо, умирала. Смерть успѣла уже овладѣть высшими горизонтами горъ, прикрыла ихъ бѣлымъ саваномъ и теперь тихо, но неуклонно, спускалась внизъ по каждой щели и лощинѣ, воровски, впрочемъ, прячась покуда и отъ тепла, и отъ свѣта въ тѣни темныхъ откосовъ и скалъ, точно изъ опасенія, что рѣшительный бой между жизнью и ею все еще невполнѣ ей обезпеченъ.

Но мы, цари земли, привыкли созерцать эту титаническую борьбу двухъ стихій, столь же вѣчную, какъ міръ, и, какъ міръ, неизмѣнную, безъ особенныхъ треволненій, относясь къ ней подчасъ даже совсѣмъ апатично; въ особенности, если сидимъ гдѣ-нибудь въ тиши кабинета, у жарко натопленнаго камина. Но здѣсь, на лонѣ природы, лицомъ къ лицу съ этимъ неумолимымъ врагомъ всего живущаго на землѣ, мы чувствовали себя далеко не царями ея и, несмотря на нѣкоторую увѣренность въ себѣ, все же съ сильнымъ замираніемъ сердца посматривали на это море бѣлоснѣжныхъ пиковъ и куполовъ, черезъ которые намъ предстоитъ не далѣе, какъ завтра, перешагнуть...

— Такъ гдѣ же, ты говоришь, Сарымсакъ, находится нашъ перевалъ?

— Теперь его еще намъ не видно... его заслоняетъ вонъ та гора.

— А какъ ты думаешь, снѣгу много на немъ?

— На перевалѣ—едва-ли... Онъ крутъ, и вѣтеръ не позволитъ ему на немъ залежаться... Ну, а подъ нимъ, что Богъ дастъ! Ужь больно позднее время! Теперь развѣ только самый отчаянный сунется черезъ Буйлукъ...

И, приравнявъ насъ къ самымъ отчаяннымъ, онъ вдругъ безъ дальнихъ церемоній сунулъ мнѣ въ руку поводъ двухъ заводныхъ лошадей, взмахнулъ нагайкой, выхватилъ на-скаку изъ чехла порученный ему бердановскій штуцеръ и черезъ мгновеніе уже крался водомоиной къ широкой лужайкѣ, виднѣвшейся между двухъ невысокихъ холмовъ. Глаголевъ изо всѣхъ силъ устремился туда же. Черезъ минуту оба скрылись изъ вида, и оттуда, гдѣ скрылись, тотчасъ же послышались выстрѣлы...

— Ну, зачастили!.. бьютъ въ догонку, стало быть, промахнулись.

Такъ оно и оказалось на дѣлѣ. Охотники вернулись, не солоно похлебавши и, какъ водится, сваливая вину неуспѣха одинъ на другого... Стрѣляли въ бургаковъ (Colus saiga), ранили, будто бы, нѣсколькихъ, но ни одного не убили—странное, но тоже, какъ міръ вѣчное, утѣшеніе неудачниковъ!

Мы тронулись далѣе. Увалъ за уваломъ, долина—одна, какъ другая, все картины хорошо намъ извѣстныя, столь однообразящія сѣверные, степные склоны восточной части Тянь-Шаня... Но вотъ, наконецъ, мы подошли и поближе къ горамъ, при закатѣ солнца миновали крошечное таранчинское поселеніе Бостонъ ¹) и мало-по-малу втянулись въ ущелье, которое должно было вывести насъ къ мѣсту ночлега.

---

¹) Здѣсь мы оставили дорогу, по которой шли въ передній путь къ ур. Джанъ-булакъ, и уклонились на югъ, въ предгорія Тянь-Шаня, которыми и вышли къ р. Баянъ-хо, верстахъ въ трехъ выше нашей первой стоянки на этой рѣчкѣ.

— Еще одна гора, господинъ (таксыръ), и мы будемъ уже въ гостяхъ у дорги [1]).

И вотъ, наконецъ, мы дѣйствительно на этой, столь давно желанной, горѣ, и подъ ногами у насъ глубокая долина рѣки Баянъ-хо...

Здѣсь рубежъ. Позади ширится волнистая степь, изрѣзанная логами и однообразная на всемъ своемъ протяженіи; впереди же кулисами уходятъ дикія скалы, служа подножіемъ величественнымъ скопленіямъ снѣга, изъ которыхъ смерть давно уже сложила блестящіе чертоги свои и откуда и теперь доносилось до насъ ея леденящее и губящее все живое дыханіе.

И такъ, туда, туда, стало быть, въ эти чертоги, въ это бѣлое царство вѣчнаго покоя и смерти?!

Мы стали быстро спускаться, а черная щель, раскрывъ теперь свой широкій зѣвъ, тотчасъ же и поглотила насъ въ своемъ сумракѣ. Черные скелеты деревьевъ, черный кустарникъ, точно щетина торчавшій и справа и слѣва, черныя глыбы камней, неизвѣстно съ чего перегораживавшія вдругъ нашу дорогу,—все это, при невѣрномъ освѣщеніи полумрака, принимало теперь такія фантастическія очертанія, что, будь у насъ посильнѣе воображеніе, мы легко могли бы представить себѣ, что спускаемся въ преисподнюю. Въ довершеніе всего снизу послышался сперва глухой шумъ, очевидно, рѣки, а затѣмъ блеснулъ и самый потокъ, съ дикими воплями рвавшійся въ какую-то черную даль.

«Баянъ-хо!»

Въ самомъ дѣлѣ, мы уже стояли на берегу этой рѣченки и съ удивленіемъ озирались по сторонамъ: дорога упиралась въ рѣку и никуда дальше не шла. Между тѣмъ стало и сыро, и холодно. Шелъ сухой снѣгъ. Со свистомъ врывался въ ущелье ледяной вѣтеръ, приводилъ въ трепетъ верхушки деревьевъ и, нашумѣвъ между скалъ, уносился впередъ. Темень сгущалась такая, что даже на шагъ впереди рѣшительно ничего не было видно. И въ то же время потокъ гудѣлъ подъ ногами и, чудилось, напѣвалъ какую-то зловѣщую пѣсню.

Темнота ночи скрывала отъ насъ его глубину, а потому послѣдняя и казалась намъ чрезвычайной. Но Сарымсакъ зналъ дорогу. Онъ если и остановился на берегу потока, то совершенно случайно, соображая, куда ему теперь ѣхать: внизъ или вверхъ по рѣкѣ. И, не сообразивъ ничего, ринулся въ воду и былъ уже на томъ берегу, когда мы рѣшились не отставать отъ него. Прошу представить себѣ изумленіе наше: Баянъ-хо оказалась и узкой, и мелкой настолько, что вода не достигала даже стремянъ. Таковъ всегда и вездѣ эффектъ темноты: самое пустое кажется страшнымъ и самое обыкновенное—чрезвычайнымъ!

---

[1]) Такъ въ Турфанѣ титулуютъ волостныхъ старшинъ.

На томъ берегу Сарымсакъ сдѣлалъ попытку и крикнулъ:

— Эй, люди дорги!

И не успѣлъ еще замереть этотъ окрикъ въ пространствѣ, какъ совершилось настоящее чудо: отчаянно и на всѣ голоса завыли собаки, и справа, и слѣва послышалась тюркская рѣчь, и коегдѣ блеснули огоньки, изъ коихъ нѣкоторые тотчасъ же потухли.

Мы, сами того не подозрѣвая, очутились среди становища монголовъ-магометанъ, жалкихъ остатковъ давно вымершаго народа «дöрбутъ», простиравшаго нѣкогда свою власть на всѣ степи южной Джунгаріи 1). Вся ихъ молодежь говоритъ нынѣ по-тюркски. Въ одеждѣ своей они не сохранили ничего характернаго, въ пищѣ и утвари тоже. Ихъ сложеніе и обликъ лица напоминаютъ калмыковъ, но бритыя головы и большія, какъ смоль черныя, бороды на первыхъ порахъ затрудняютъ такое сближеніе. Ихъ женщины тоже скорѣе уроженки любого изъ городовъ Восточнаго Туркестана, чѣмъ какія-нибудь монголки или калмычки. Самая ихъ подчиненность турфанскому вану 2) служитъ загадкой, которой не съумѣли мнѣ разъяснить и сами дöрбуты. На сѣверныхъ склонахъ Тянь-Шаня, между рр. Даланъ-гу и Баянъ-хо, ихъ кочуетъ нынѣ три волости.

Сарымсакъ въ этомъ кругу людей былъ свой человѣкъ.

— Сарымсакэ?.. Сарымсакъ-бай?!. Калай, якши-ма, яманъ-ма?.. 3).

— Хошъ кельды! Аманъ кельды?.. 4).

Тысяча возгласовъ, множество голосовъ, шумъ, гамъ, но ни одного лица, и совершенно не знаешь, что̀ съ собою дѣлать и куда направляться. Становилось неловко.

— Да что же, наконецъ, думаетъ Сарымсакъ? Гдѣ онъ? И какъ смѣетъ онъ насъ бросать среди этихъ потемокъ?

---

1) Такъ они сами о себѣ говорятъ. Но въ исторіи мы не могли найти подтверждающихъ фактовъ, такъ какъ о народѣ «дöрбутъ» она совсѣмъ не упоминаетъ. Имѣютъ ли они какое-нибудь отношеніе къ калмыкамъ-дурботамъ—осталось тоже невыясненнымъ.

2) Т. е. князю.

3) «Какъ поживаешь, худо ли, хорошо ли?»

4) «Добро пожаловать! Здоровымъ-ли пріѣхалъ?»

Но Сарымсакъ зналъ, что ему дѣлать. Я былъ здѣсь гостемъ почетнымъ. Меня долженъ былъ встрѣтить не какой-нибудь оборванецъ, а самъ старшина. И этотъ старшина теперь наряжался.

Наконецъ, Сарымсакъ и съ нимъ какой-то плотный бородачъ точно выросли рядомъ со мною. Я не сошелъ, меня приняли съ лошади и съ поклонами ввели въ просторную юрту, гдѣ уже суетились двѣ молодухи, разстилая новыя кошмы, іотканъ [1]) и ястыки [2]) и раздувая огонь, тлѣвшій по серединѣ. Въ углу торчала китайская свѣчка и тускло освѣщала жилище, показавшееся мнѣ верхомъ изящества и комфорта послѣ цѣлаго дня скорой и, скажу откровенно, до-нельзя меня утомившей ѣзды.

Черезъ часъ мы уже спали, плотно поужинавши лапшей и холодной дичиной и запивши все это двумя добрыми чашками кирпичнаго чая.

Дорога на перевалъ Буйлукъ шла вверхъ по рѣчкѣ Баянъ-хо. Галька и щебень, стоячій лѣсъ и буреломъ, обломки скалъ и сугробы рыхлаго снѣга,—все это въ такомъ нелѣпомъ безпорядкѣ загромождало ущелье рѣки, что едва-ли можно было придумать что-нибудь болѣе непріятное, какъ быстрая ѣзда по извилистой тропинкѣ среди всего этого хаоса. Вдобавокъ, изъ стана монголовъ мы выѣхали еще глубокою ночью: насъ торопили, такъ какъ предстоящій путь былъ великъ, и кто опредѣлялъ намъ его верстъ въ шестьдесятъ, а кто такъ и во сто. Такъ что теперь, хотя я и ѣхалъ въ хвостѣ, но все же принужденъ былъ огораживаться правой рукой: впереди только топотъ, но ни зги не видать, и я ежеминутно рисковалъ расшибить себѣ лобъ о какой-нибудь низко накренившійся стволъ или о слишкомъ выдавшійся выступъ скалы. Какъ при этихъ условіяхъ Сарымсакъ подвигался впередъ—понять было трудно: но онъ увѣрялъ, что различаетъ дорогу. Это былъ совершеннѣйшій вздоръ: онъ зналъ приблизительно ея направленіе и велъ насъ, безъ сомнѣнія, наугадъ, въ чемъ я и убѣждался не разъ, когда мы сталкивались грудь съ грудью съ какимъ-нибудь чернымъ утесомъ. Тогда чиркались спички, осматривалась дорога, и оказывалось, что мы заѣхали Богъ знаетъ куда.

— Какъ же ты, Сарымсакъ, увѣряешь, что видишь дорогу? Смотри, куда мы снова заѣхали!..

— Такъ мы сюда, можетъ быть, и днемъ бы заѣхали... Развѣ, хозя'нъ въ этой трущобѣ можетъ существовать какая-нибудь дорога?... Рѣка бѣжитъ—вотъ дорога, и гдѣ почище, тамъ—тоже дорога...

---

[1]) Средней величины ватное одѣяло.

[2]) Плоскія и длинныя подушки.

Резонно, подумалъ я; но мнѣ сейчасъ же стало понятно, почему мы то и дѣло натыкаемся то на скалы, то на буреломъ, то на сплошныя заросли ели... Мы, очевидно, шли не дорогой, а русломъ потока, гдѣ до насъ, вѣроятно, ходили только самые первобытные обитатели этихъ горъ, какіе-нибудь дикіе гаогюйцы или тукіесцы, оставившіе, какъ мы ниже увидимъ, несомнѣнные слѣды своего здѣсь пребыванія.

Между тѣмъ стало свѣтать, и по мѣрѣ того, какъ все явственнѣе и явственнѣе становились предметы, морозъ крѣпчалъ и вѣтеръ усиливался. Но мы почувствовали себя все же лучше, въ особенности, когда Сарымсакъ торжественно объявилъ, что самая худшая часть дороги осталась у насъ позади... Я думаю! Теперь мы и сами ужь видимъ, что ущелье р. Баянъ-хо совсѣмъ не такая трущоба, какой она намъ казалась сначала: ущелье, какъ всякое лѣсное ущелье. И поѣзжай мы тропинкой, а не сбейся съ пути въ самую глушь, вѣроятно, наши бока и бока нашихъ лошадей потерпѣли бы меньше.

Сарымсакъ ликовалъ: въ самомъ дѣлѣ, съ наступленіемъ разсвѣта его трудная роль вожака значительно упрощалась. Онъ выѣхалъ на тропинку и, несмотря на непогоду, затянулъ свою красивую хамійскую пѣсню:

Цвѣтокъ надъ цвѣткомъ наклоняется,
Его своею росою поитъ...
А я, отца первый баловень,
Только любуюсь на красотку свою, да тоскую по ней!.. и т. д.

Я не знаю, какое впечатлѣніе здѣсь, въ Петербургѣ, произвела бы на меня эта пѣсня, но тамъ, въ Азіи, мы всѣ слушали ее съ удовольствіемъ! Кстати замѣчу, что таранчи, въ особенности уроженцы Хами и Турфана, поютъ свои пѣсни иначе, чѣмъ на всемъ остальномъ мусульманскомъ Востокѣ. Это, хотя и своеобразная, но все-таки пѣсня, а не завываніе безъ ритма и смысла; къ тому же надо помнить, что и слушается она среди совершенно иной обстановки, чѣмъ здѣсь. А не правда ли, въ какой-нибудь безпредѣльной монотонной каменной пустынѣ, среди мѣрно шагающихъ верблюдовъ, наша залихватская пѣсня, если и не прозвучала бы окончательно дико, то все-же оказалась бы вполнѣ неумѣстной?.. И это совершенно понятно. Она явилась бы диссонансомъ въ пустынѣ, гдѣ все налажено на созерцательный образъ мыслей и гдѣ нѣтъ мѣста ни живой рѣчи, ни рѣзкимъ движеніямъ. И, пожалуй, наоборотъ, монотонная пѣсня пустыни показалась бы здѣсь и однообразной, и скучной, да, вѣроятно, и дикой... Вѣдь давно всѣмъ извѣстно, что всѣ понятія въ этомъ совершеннѣйшемъ изъ міровъ относительны, и, безъ сомнѣнія, небесныя сферы музыки не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія!

Итакъ, мы еще увлекались сарымсаковой пѣсней, когда нашъ слухъ неожиданно поразили иные и совершенно для этихъ мѣстъ странные звуки, сперва слышавшіеся издали, потомъ все ближе и ближе...

Точно благовѣстъ?!.

— Сарымсакъ-бай, ты слышишь?.. Что̀ бы это было такое?!

— Ишакчи! [1]).

Мы были сконфужены. Сколько разъ, въ продолженіе частыхъ странствій своихъ по дорогамъ Внутренней Азіи, мнѣ приходилось прислушиваться къ этому «благовѣсту въ пустынѣ», и теперь я его вдругъ не узналъ! Но, странное дѣло, мнѣ почему-то казалось совершенно нелѣпою мысль, что «нашей дорогой», можетъ идти карованъ... а, между тѣмъ, онъ дѣйствительно шелъ, и вскорѣ мы даже поравнялись съ турфанцами, подгонявшими длинную вереницу ословъ, очень послушно несшихъ свою громоздкую кладу. Но какъ уныло гудѣли ихъ несоразмѣрно большіе колокола, и какъ безпомощно выглядѣли теперь и эти милыя твари, то и дѣло тонувшія въ рыхломъ снѣгу, и сами турфанцы, одѣтые въ рубище и совершенно изнемогавшіе отъ трудностей пройденнаго пути!

Что же станется съ ними на перевалѣ?.. И мы съ сожалѣніемъ всматривались въ эти изможденныя лица и отъ всего сердца привѣтствовали ихъ мусульманскимъ «аманъ».

— Аманъ, аманъ, таксыръ! дружно отвѣчали намъ и погонщики, точно обрадовавшись, что не они одни попали въ разрядъ «самыхъ отчаянныхъ».

Бѣдные! они еще не предчувствовали тогда, какую страшную участь одному изъ нихъ готовитъ судьба... А мы, мы тоже въ то время не думали, что въ ихъ лицѣ та же судьба шлетъ намъ своихъ избавителей!

Лѣсъ кончился; впереди—царство снѣга и скалъ, но какъ далеко въ настоящее время ширятся предѣлы его—никому неизвѣстно.

Сарымсакъ провелъ буйную молодость: онъ былъ воинъ и барантачъ. Былъ случай—онъ неожиданно разбогатѣлъ и поселился въ Хами. Родственникъ старшей жены Баширъ-хана, онъ пользовался тамъ чрезвычайнымъ почетомъ, но праздная жизнь была ему не по сердцу. Прельстившись ролью странствующаго купца, онъ снарядилъ свой караванъ и сталъ разъѣзжать по поселкамъ и городамъ; однако скоро замѣтилъ, что и эта роль ему не къ лицу. Онъ бросилъ торговлю, роздалъ вырученныя деньги въ долги и бѣжалъ на Алтай къ киргизамъ-киреямъ. Много лѣтъ прожилъ онъ ихъ вольною жизнью, не разъ гонялъ ихъ стада на продажу въ Гученъ, въ качествѣ главнаго пастуха зимовалъ въ глухихъ ущельяхъ Тянь-Шаня, но въ концѣ концовъ бросилъ киргизъ, перебрался снова въ Гученъ и тутъ жилъ въ качествѣ простого джигита у богатаго ходжентскаго выходца, когда, вдругъ, узналъ, что въ окрестности города прибыли русскіе. Сарымсакъ угадалъ въ насъ именно тѣхъ людей, какимъ и онъ былъ всю свою жизнь—вѣчныхъ странниковъ! и тотчасъ же рѣшился... Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ нашего каравана и служилъ намъ вѣрой и правдой. Такъ вотъ, что за человѣлъ былъ Сарымсакъ!

---

[1]) Погонщики ословъ.

Но и онъ озирался теперь съ удивленіемъ и безпокойствомъ при видѣ необъятныхъ массъ снѣга кругомъ. Его безпокойство передалось тотчасъ же и намъ.

— А что, Сарымсакъ, никакъ ты сбился съ дороги?

— Н-нѣтъ... но я не могу найти каменныхъ исписанныхъ плитъ, о которыхъ я тебѣ, таксыръ, только-что говорилъ... А! вотъ онѣ! Поѣзжай вонъ на тотъ бугоръ, а мы съ Глаголевымъ пока потихоньку станемъ взбираться на перевалъ...—Онъ что-то добавилъ еще, но послѣднихъ его словъ я уже не слыхалъ. Я лѣзъ на указанный мнѣ бугоръ и внимательно осматривалъ каждый встрѣчный мнѣ камень. Наконецъ, я наткнулся на два, стоймя поставленныхъ, крупныхъ осколка филлита, которымъ искусственно придана была сверху округлая форма. На нихъ были отчетливо выбиты усатыя лица монголовъ.

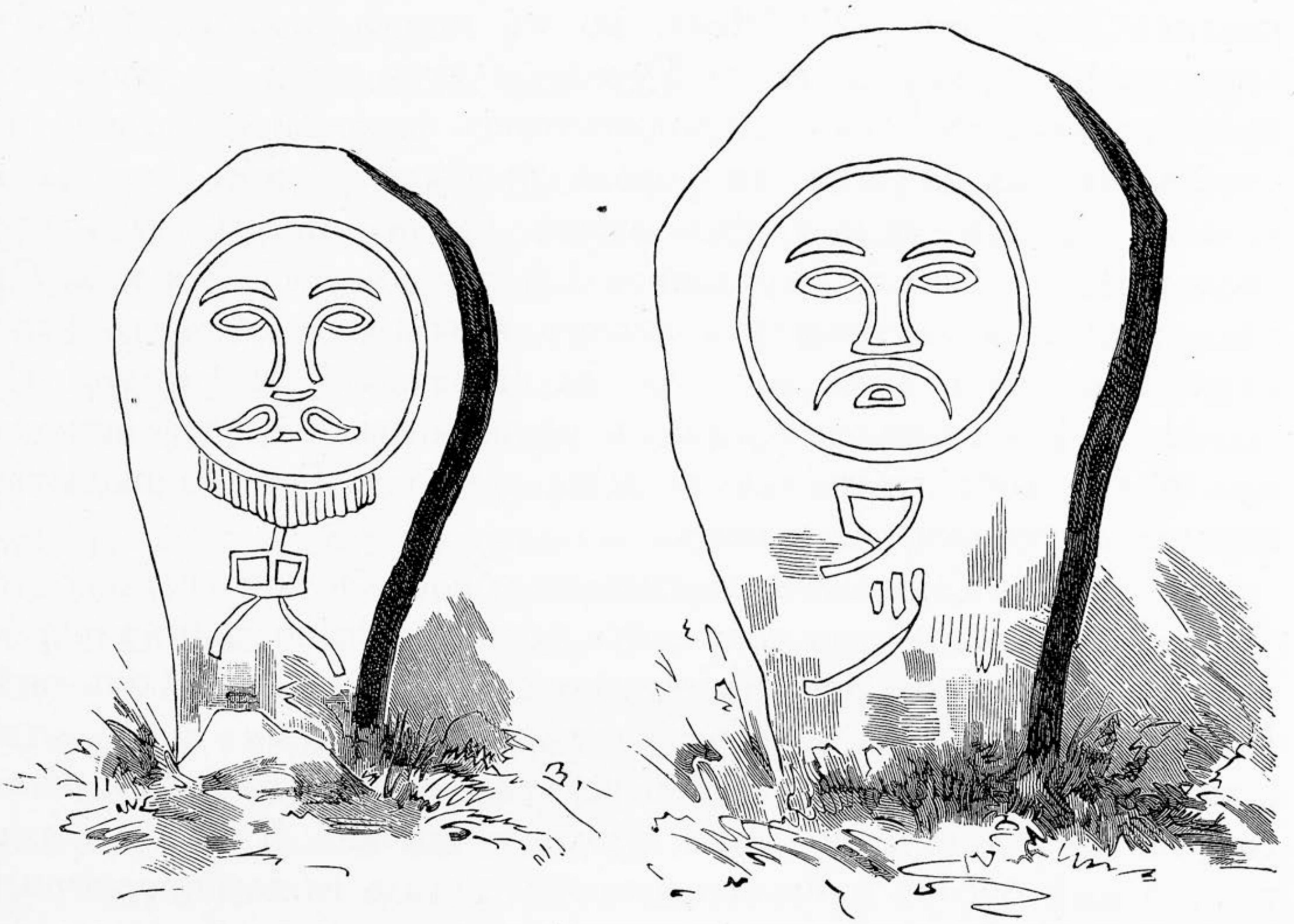
Это были знаменитыя «бабы», какихъ не мало разбросано на всемъ обширномъ пространствѣ юга Россіи, отъ границъ Старой Польши до предѣловъ Саянъ и Алтая ¹); такъ далеко на юго-востокѣ ихъ, однако, еще вовсе не находили, и въ этомъ мы должны, безъ сомнѣнія, видѣть весь интересъ нашей находки.

---

¹) Въ китайскихъ лѣтописяхъ мы находимъ указаніе, что тукіесцы, при погребеніи своихъ именитыхъ людей, имѣли въ обычаѣ ставить ихъ же собственныя изображенія надъ еще свѣжей могилой (см. о. Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи» 1, 2, стр. 270).

Кромѣ каменныхъ бабъ, никакихъ, «исписанныхъ непонятными буквами», плитъ я не видалъ: все прикрылъ здѣсь предательскій снѣгъ! И точно его еще мало навалило кругомъ! Онъ снова пошелъ, и на этотъ разъ точно сговорившійся съ нимъ заранѣе вѣтеръ подхватывалъ массы его и несъ намъ прямо на встрѣчу... Начинался настоящій буранъ...

Я быстро скатился съ бугра, но нигдѣ—ни впереди, ни внизу—спутниковъ своихъ уже не нашелъ. Я пробовалъ крикнуть, но что въ такое время могъ значить крикъ человѣка? Къ счастью, я набрелъ на ихъ слѣдъ, который не успѣло еще вполнѣ замести. Изъ всѣхъ силъ устремился я по этому слѣду, хватаясь за него, какъ, вѣроятно, только утопающій хватается за соломенку. Рыхлый снѣгъ, въ которомъ я утопалъ то и дѣло, до крайности измучилъ меня, когда, вдругъ, впереди я увидалъ нѣчто черное... «Не они ли?» мелькнуло въ умѣ... Но я тотчасъ же рѣшилъ, что ошибся. Дѣйствительно, это былъ пологій выступъ скалы, прикрытый мерзлой землей и черною, мелкою галькой. Здѣсь проходила тропинка, на которой явственно отпечатались свѣжіе слѣды лошадей. Я вскочилъ на свою и, нѣсколько мгновеній спустя, находился уже снова рядомъ съ Глаголевымъ и Сарымсакомъ.



Мы начали свой трудный подъемъ на Буйлукъ.

Не во̀-время налетѣвшая туча прошла. Небо очистилось и солнце ослѣпительно заблистало на бѣлой поверхности горъ. И въ природѣ, и у насъ на душѣ стало вдругъ какъ-то радостно: чувствовалось, что бѣда миновала. Мы стали даже шутить и тутъ только уже спохватились, что сильно продрогли. Я на ходу посмотрѣлъ на термометръ—11° ниже 0°!

— До перевала еще далеко?

— Нѣтъ, близехонько...

Но мы шли еще цѣлый часъ. Снѣгу здѣсь уже не было. Гора смерзшейся желтой и черной гальки, прорванной только въ двухъ-трехъ мѣстахъ выходами метаморфическихъ сланцевъ—вотъ что такое Буйлукъ [1]).

Съ перевала хотя и открывается обширнѣйшій горизонтъ, но смотрѣть было рѣшительно не на что: въ непосредственной близи только снѣгъ, да изъ-подъ него торчащія скалы, а на краяхъ горизонта фіолетовые гребни хребтовъ и отроговъ.

Спускаться было легко. Мы и не замѣтили, какъ вышли въ узкую котловину, обставленную всюду горами, кольцо которыхъ прерывалось только въ одномъ мѣстѣ рѣкой. Сперва мы было и направились въ эту сторону, но, вдругъ, Сарымсакъ спохватился:

— Нѣтъ, не сюда...

Мы повернули назадъ, завернули за какую-то щель и остановились: громадныя массы снѣга загораживали дорогу.

Сарымсакъ сдалъ заводныхъ лошадей казаку и поскакалъ назадъ въ котловину. Полъ-часа спустя мы замѣтили его на скалѣ: онъ усиленно махалъ намъ руками.

— Вотъ что, таксыръ, говорилъ онъ, силясь казаться покойнымъ,—сколько разъ ни ходилъ я этой дорогой, но такого снѣга въ боковыхъ ущельяхъ совсѣмъ не припомню. А между тѣмъ своротъ на Кичикъ-даванъ приходится именно на одно изъ этихъ ущелій... Разсмотрите же ихъ: всѣ, какъ одинъ! Снѣгъ не только замелъ всѣ слѣды нашей дороги, но и скрылъ всѣ примѣты, по которымъ только и возможно было угадать направленіе...

— И ты рѣшительно отказываешься вести насъ впередъ?

— Я боюсь ошибиться...

— Тогда надо назадъ...

Но Сарымсакъ указалъ мнѣ на небо: солнце успѣло уже сдѣлать болѣе половины своего дневного пути и теперь ежеминутно готовилось погрузиться въ надвигавшіяся съ запада густыя черныя тучи.

---

[1]) Его высота оказалась, впрочемъ, менѣе значительной, чѣмъ я ожидалъ, всего 10.400 фут.

— Поздно!.. буранъ...

— Да, но вѣдь и эта яма насъ отъ бурана не спасетъ, а тамъ, на перевалѣ, все-таки снѣга поменьше... Если же доберемся до Баянъ-хо, то тамъ хоть въ лѣсу пріютимся!..

Съ этимъ послѣднимъ доводомъ спутники мои согласились, и мы повернули назадъ своихъ лошадей.

— Чу?!... благовѣстъ! Неужели ишакчи?

— Ишакчи! ишакчи!...

Мы обрадовались имъ, какъ своимъ избавителямъ. Сразу воскресла надежда и не напрасно: турфанцы указали намъ Кичикъ-даванскую щель.

— Аманъ! аманъ! Мы разстались вторично и, какъ намъ теперь думалось,—на-всегда. Но судьба сулила иначе. Три недѣли спустя ишакчи насъ розыскали и просили помочь умиравшему ихъ товарищу. Но ему могла теперь помочь одна только смерть... Это былъ почти уже трупъ съ совершенно обезображенными конечностями...

— Что это?! что случилось? какъ дошелъ онъ до такого ужаснаго состоянія?

— А ты помнишь, господинъ, какъ мы тогда съ вами разстались? Его оселъ не пошелъ... онъ остался тамъ ночевать и замерзъ...

. . . .

Опять снѣга. Опять буранъ. Опять подъемъ и, наконецъ, спускъ въ ущелье, которое должно было вывести насъ сначала въ долину рѣки Керичинъ, а потомъ и къ турфанскому поселку Кокъ-яръ.

Солнце садилось. Но, къ счастью, мы успѣли далеко за собой оставить снѣга, а тутъ уже насъ гостепріимно привѣтствовалъ теплый воздухъ низинъ. Мы вздохнули свободнѣе...

— А далеко ли, Сарымсакъ, до Кокъ-яра?

— Да верстъ тридцать осталось...

— Какъ тридцать верстъ? Да, вѣдь, солнце уже закатилось!

— Закатилось...

Положеніе наше становилось трагическимъ.

— Послушай, Сарымсакъ! да нельзя ли гдѣ-нибудь остановиться поближе... Вѣдь мы часовъ пятнадцать не ѣли...

— А что будемъ ѣсть?

Я вспомнилъ, что съ нами, дѣйствительно, не было рѣшительно ничего, кромѣ чая и сахара, такъ какъ расчитывали ночевать не въ степи, а въ селеніи.

— Ну, чай вскипятимъ, по куску хлѣба найдется, а лошади, по крайней мѣрѣ, отдохнутъ и пощиплютъ травы.

— Здѣсь—Харюза [1]). И травы, годной для корма скота, не ростетъ. Здѣсь все сѣянное, все покупное. Первое же селеніе и будетъ Кокъ-яръ...

Мы спускались все ниже. [2]). Ночь. На небѣ ни облачка и луна прекрасно освѣщаетъ нашъ путь. Густыя тѣни; невѣрное, фантастическое освѣщеніе скалъ, непомѣрно высокими и зубчатыми стѣнами стоящихъ по обѣ стороны отъ дороги, наконецъ, мягкій грунтъ этой дороги и, главное, необыкновенная тишь въ воздухѣ,— все это на время миритъ насъ съ перспективой еще тридцативерстной ѣзды... Желая, однако, сократить время, мы гонимъ лошадей рысью и то ныряемъ въ густую тѣнь, то снова выскакиваемъ на освѣщенную луною площадку. Ущелье становится уже. Мы объѣзжаемъ какой-то каменный валъ. «Морена!» мелькнуло у меня въ головѣ, но Сарымсакъ сообщаетъ, что это остатки китайскаго укрѣпленія. Мы минуемъ его. Ущелье снова расширяется и горы мельчаютъ. Впереди ясно обозначилась необъятная даль. Но мы почему-то сворачиваемъ на западъ...

— Это куда?

— Къ Керичину.

Но Керичинъ не показывается. Ущелье опять то ширится, то снова съуживается, и такъ безъ конца.

— Сарымсакъ, далеко ли еще?

— Не далеко.

Еще прибавили ходу, но впереди все тѣ же картины...

— Далеко ли?

— Не знаю...

Наконецъ, мы въѣхали, какъ намъ показалось, въ ворота. Это точно природный туннель. Совершенная темень... И вдругъ въ этой темени мелькнули огни, послышались голоса, зашумѣла вода...

— Кокъ-яръ?

---

[1]) Подъ этимъ названіемъ извѣстна въ Турфанѣ каменистая пустыня, разстилающаяся между Тянь-Шанемъ и грядой Тузъ-тау.

[2]) Уже передъ солнечнымъ закатомъ мы натолкнулись въ ущельи на двухъ аркаровъ (или кіисковъ? см. выше, стр, 249.), но Глаголевъ пропустилъ удобное время, а потомъ на дальнемъ разстояніи промахнулся.

— Керичинъ...

— А кто эти люди?

— Такіе же проѣзжіе, какъ и мы.

Сарымсакъ подъѣхалъ къ этимъ проѣзжимъ.

— У нихъ, таксыръ, съ собой нѣтъ ничего: ни хлѣба, ни фуража. Надо ѣхать впередъ. Кокъ-яръ уже близко. Нѣтъ пяти верстъ.

Мы переѣхали рѣку, миновали рощу туграковъ (Populus sp.) и полѣзли на какую-то гору.

— Сарымсакъ, куда же мы лѣземъ?

— Кокъ-яръ за этой горой.

Луна свѣтитъ по-прежнему. Легко догадаться, что мы ѣдемъ грядой, отличной отъ осевого Тянь-Шаня, но ему параллельной: тамъ первозданныя и метаморфическія породы, здѣсь же глина, конгломераты, песчаники; но, какъ и тамъ, такъ и здѣсь, совершенное безплодіе, даже больше. Тамъ хоть изрѣдка мелькала полынь, чій, кусты караганы, можетъ быть, другія растенія, здѣсь же, кромѣ Eurotia ceratoides,—ничего. Лошади тянулись къ этому полукустарнику, но потомъ отворачивались гадливо. Становилось ихъ до невозможности жаль...

Но за чѣмъ-нибудь горы эти да посѣщались людьми, и, вѣроятно, вовсе нерѣдко, судя по значительному количеству колесныхъ путей и конныхъ тропинокъ. Сарымсакъ вспомнилъ, что встрѣчалъ здѣсь не разъ ишакчей, везшихъ каменный уголь. Но теперь намъ было рѣшительно не до угля. Мы уже сбились съ дороги и мѣняемъ одну тропу на другую...

Мы спустились съ горы: передъ нами безграничная каменистая степь—Харюза... Мы твердо вѣримъ, что стоитъ намъ ею проѣхать всего какихъ-нибудь версты двѣ, и передъ нами блеснутъ въ оврагѣ воды Кокъ-яра. Но взамѣнъ оврага мы наткнулись на горы...

— Мы взяли слишкомъ направо, надо лѣвѣе... Эта гора примыкаетъ къ Кокъ-яру...

. . . .

— Слышите, ваше благородіе, никакъ это пѣтухъ?..

И Глаголевъ, въ полномъ убѣжденіи, что не ослышался, взбирается на сосѣдній бугоръ... Горы, горы и горы... Такъ на западѣ, а на югѣ безграничная каменистая степь... И на всемъ этомъ пространствѣ никакого слѣда жилья человѣческаго.

Сарымсакъ опустилъ голову:

— Я заблудился!..

Былъ первый часъ ночи. Почти цѣлыя сутки и мы, и лошади были совсѣмъ безъ ѣды. Но ѣсть не хотѣлось. Всѣхъ мучила теперь только жажда... воды! Но гдѣ было взять эту воду?..

Мы связали своихъ лошадей и усѣлись на берегу сухой водомоины дожидаться утра...

А при первыхъ проблескахъ свѣта Сарымсакъ подвелъ мнѣ коня и, указывая на западъ, сказалъ съ какою-то особенною грустью въ голосѣ:

— Посмотри, господинъ, вонъ башня. Это «Бадаулетъ-курганъ», подъ нимъ поселокъ Кокъ-яръ-аягэ. Мы не заблудились, но не доѣхали... ¹).

И потомъ вдругъ добавилъ:

— Да, старъ становлюсь! пора уже думать мнѣ и о Богѣ...

Когда я осмотрѣлся, то мнѣ представилась такая картина.

Далеко впередъ, въ безконечную даль, уходила каменистая пустыня, изрѣзанная кое-гдѣ обросшими хвойникомъ, неглубокими и плоскими водомоинами, имѣвшими общее направленіе на юго-востокъ. Тамъ общій характеръ мѣстности измѣнялся: виднѣлся яръ р. Керичина и большія массы зелени—поля акъ-джугары (Sorghum cernuum), принадлежащія поселку Чиктымъ. На западѣ мѣстность выглядѣла пустыннѣе, и только одна желтая масса Бадаулетъ-кургана подсказывала намъ близость человѣческаго жилья.

Обрывъ р. Кокъ-яръ сталъ обозначаться на пятой верстѣ, но мы ѣхали еще цѣлый часъ, прежде чѣмъ добрались до выселка Кокъ-яръ-аягэ, расположеннаго на днѣ глубокой и широкой долины этой рѣки. Выселокъ состоялъ изъ трехъ-четырехъ хозяйствъ, неизвѣстно чѣмъ здѣсь существующихъ, такъ какъ галечная почва рѣчнаго русла была мало пригодна для земледѣлія. На убогихъ клочкахъ, по сосѣдству, впрочемъ, все же высѣвалась пшеница и разводились бахчи, но какого громаднаго труда должны онѣ были стоить поселившимся тутъ земледѣльцамъ!

За часъ до полудня мы распростились со старикомъ-турфанцемъ, суетливо хлопотавшимъ около насъ, переѣхали широкій, поросшій карагачевымъ кустарникомъ, сай Кокъ-яра, съ трудомъ взобрались на правый, крутой его берегъ, осмотрѣли развалины Ба-

---

¹) Это было не совсѣмъ такъ. Мы обманулись въ направленіи и сильно уклонились къ востоку, выйдя чуть не въ Чиктыму; но мы не хотѣли такими соображеніями огорчать и безъ того уже опечаленнаго старика.

даулетъ-кургана [1]), выслушали разсказъ о чрезвычайной глубинѣ находящагося тамъ колодца и снова пустились въ дорогу.

Передъ нами опять Харюза [2])—каменистая степь, покрытая черной галькой, которая нестерпимо отсвѣчиваетъ солнечные лучи. Ни одной былинки, куда ни взгляни! Даже Ephedra здѣсь не ростетъ [3])...

Мы въ пустынѣ, но горизонтъ нашъ съуженъ миражемъ, который стелется впереди либо гладкой поверхностью озера, либо волнующимся туманомъ, принимающимъ самыя чудныя очертанія. Чѣмъ ниже опускается солнце, чѣмъ рѣзче становится разница въ температурѣ и плотности между различными слоями атмосферы, тѣмъ ближе и ближе надвигается и на насъ этотъ туманъ. Наконецъ, намъ самимъ уже начинаетъ казаться, что мы точно взвѣшены въ воздухѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ уголкомъ степи, по которому бѣгутъ наши кони, плаваемъ въ волнахъ эфира... Странное впечатлѣніе! Временами изъ этого оптическаго тумана выплываютъ какія-то гигантскія фигуры людей, которыя въ слѣдующее мгновеніе оказываются проѣзжими турфанлыками. «Аманъ, аманъ!» привѣтствуемъ мы другъ друга и, разминовавшись, продолжаемъ свой путь въ томъ же туманѣ.

Но вотъ, наконецъ, мы распрощались съ каменистой пустыней! Мы съѣхали въ какую-то впадину, туманъ передъ нами разсѣялся, и впереди во всю свою ширь раскинулся богатѣйшій оазисъ Ханду.

Ханду окруженъ съ сѣвера концентрически сходящимися рядами круглыхъ насыпей съ четвероугольными, обдѣланными деревомъ, отверстіями по серединѣ. Это—карыси, колодцы, вѣрнѣе—системы колодцевъ, соединенныхъ между собой трубами, по которымъ подпочвенная вода и выводится на свѣтъ Божій. Объ этихъ замѣчательныхъ гидротехническихъ сооруженіяхъ я буду имѣть еще случай говорить ниже; здѣсь же замѣчу, что такъ какъ карыси обезпечиваютъ существованіе оазисовъ Турфана, то мѣстное населеніе относится съ особеннымъ уваженіемъ къ лицамъ, знакомымъ съ сооруженіемъ сихъ послѣднихъ; въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ, когда ремонтъ или сооруженіе такихъ карысей обходится не безъ человѣческой жертвы, то погибшихъ хоронятъ на общественный счетъ и къ могиламъ ихъ относятся съ такимъ же почтеніемъ, какъ къ могиламъ святыхъ.

---

[1]) Т. е. сторожевого поста, выстроеннаго Якубъ-бекомъ-бадаулетомъ. Такъ какъ рытье колодца стоило громадныхъ усилій, то и цѣль постройки въ такомъ мѣстѣ караульнаго поста остается необъяснимой, тѣмъ болѣе, что въ пяти верстахъ выше отсюда, расположено селеніе Кокъ-яръ, занимающее въ стратегическомъ отношеніи болѣе важное положеніе.

[2]) На прилагаемой картѣ отроги Тянь-Шаня ошибочно вытянуты такъ далеко на юг Бадаулетъ-курганъ выстроенъ на краю обрыва къ руслу Кокъ-яра, а не въ горахъ.

[3]) Мы видѣли здѣсь, однако, кара-куйрюковъ (Ant. subgutturosa).

Послѣ столькихъ верстъ безплодной пустыни, Ханду своими садами, тѣнистыми аллеями и по всѣмъ направленіямъ струящимися ручьями прозрачной воды производитъ чарующее впечатлѣніе. Впрочемъ, и при другихъ условіяхъ онъ не можетъ не произвести подобнаго же впечатлѣнія на заѣзжаго человѣка. Это настоящая «жемчужина» среди оазисовъ Востока и, по своему благоустройству и богатству, не имѣетъ соперниковъ въ Средней Азіи. Побывавъ въ Ханду, невольно уносишь оттуда такое впечатлѣніе, что въ немъ нѣтъ бѣдныхъ и что вся община, какъ одинъ человѣкъ, посвящаетъ всѣ свободныя силы свои заботамъ о красотѣ общаго обиталища.

Только центръ оазиса застроенъ сплошнымъ рядомъ домовъ; но даже и тутъ, впереди и позади ихъ, подымаютъ свои вершины вѣковые туты, ясени (Fraxinus sogdiana, Bnge., «чарынъ» по туземному), айланты (чулюкъ) и карагачи, которые въ теченіе всего почти дня удерживаютъ на улицѣ тѣнь. А отъ этой улицы, сходящейся съ нѣсколькими другими у центральнаго пруда, черезъ который перекинутъ красивый, китайской архитектуры, мостъ, во всѣ стороны идетъ сплошной лѣсъ, въ которомъ персики, абрикосы, «нашпута» [1]), айва (джуджиль), гранаты (анаръ) и груши (альмурудъ) тѣснятся подъ тѣнь такихъ гигантовъ, какъ волошская орѣшина, карагачъ, платанъ и серебристый тополь. Вдобавокъ и жилища, и глинобитныя стѣны оградъ мѣстами густо оплетены здѣсь «сарыготомъ» (Clematis sp?) или красиво убраны виноградомъ. Но не сады, не мѣстныя опрятныя постройки и не всюду бѣгущіе ручейки привлекаютъ здѣсь главное вниманіе путника, а поля, которыя распланированы въ Ханду съ замѣчательнымъ искусствомъ и содержатся такъ, какъ, вѣроятно, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; а между тѣмъ они ничѣмъ не ограждены и только линіи тутовыхъ [2]) посадокъ разбиваютъ ихъ на участки. Всѣ улицы въ Ханду также обсажены тутомъ, карагачемъ или пирамидальнымъ тополемъ и отличаются поразительной чистотой, чему въ значительной мѣрѣ содѣйствуютъ какъ сухость климата, такъ и обычай утилизировать всякіе отбросы, которые въ другихъ мѣстечкахъ и городахъ выбрасываются на улицу: часть идетъ на топливо, а часть на изготовленіе компостовъ.

---

[1]) Испорченное афганское «нашпати», что значитъ—груша. «Нашпута»—мелкая, но очень вкусная груша, какъ кажется, неизвѣстная въ Русскомъ Туркестанѣ.

[2]) Тутъ—сартовское названіе шелковицы. Въ Турфанѣ ее называютъ—«ужма» и «джуджанъ-дарахъ».

Мы прибыли въ Ханду вечеромъ, когда уже на улицахъ толпился народъ, возвратившійся съ пашенъ, и среди этой толпы мы не замѣтили ни одного оборванца: чисто вымытая рубашка (куйпэкъ) виднѣлась на богатомъ и бѣдномъ, которые если и различались между собой, то только большею или меньшею цѣнностью своего головного убора—допы или матеріей на джаймэкѣ: у большинства джаймэкъ былъ крытъ мѣстной цвѣтной бязью, а у богатеевъ и мѣстныхъ франтовъ—русскимъ тикомъ. Хотя несомнѣнно, что Ханду въ гостяхъ у себя видѣлъ европейцевъ впервые, но толпа, при нашемъ появленіи, не обнаружила не малѣйшаго любопытства. Она даже, какъ будто, насъ сторонилась и безучастно отнеслась къ нашимъ разспросамъ: гдѣ бы мы могли пристроиться на ночь? Намъ указывали то на одинъ домъ, то на другой, но тамъ или не оказывалось хозяина, или хозяинъ безцеремонно насъ выпроваживалъ, заявляя, что принять насъ у себя онъ не можетъ изъ боязни китайскихъ властей, которыя, придравшись къ случаю, выжмутъ изъ него послѣдніе соки. «Если бы, добавлялъ онъ, турфанскій амбань увѣдомилъ нашего доргу о вашемъ прибытіи, то любой домъ могъ бы служить вамъ пристанищемъ; а теперь, помимо дорги [1]), едва-ли кто рѣшится васъ принять у себя».

— «Ну, въ такомъ случаѣ, покажите намъ дорогу къ доргѣ!»

Дорга сказался отсутствующимъ. Но его замѣститель оказался любезнѣе и тотчасъ же отвелъ намъ приличное помѣщеніе. «Видители, говорилъ онъ дорогой, если бы вы ближе знали, въ какой кабалѣ насъ держатъ китайцы, то не стали бы сѣтовать и на наше негостепріимство—своя шкура, конечно, каждому ближе».

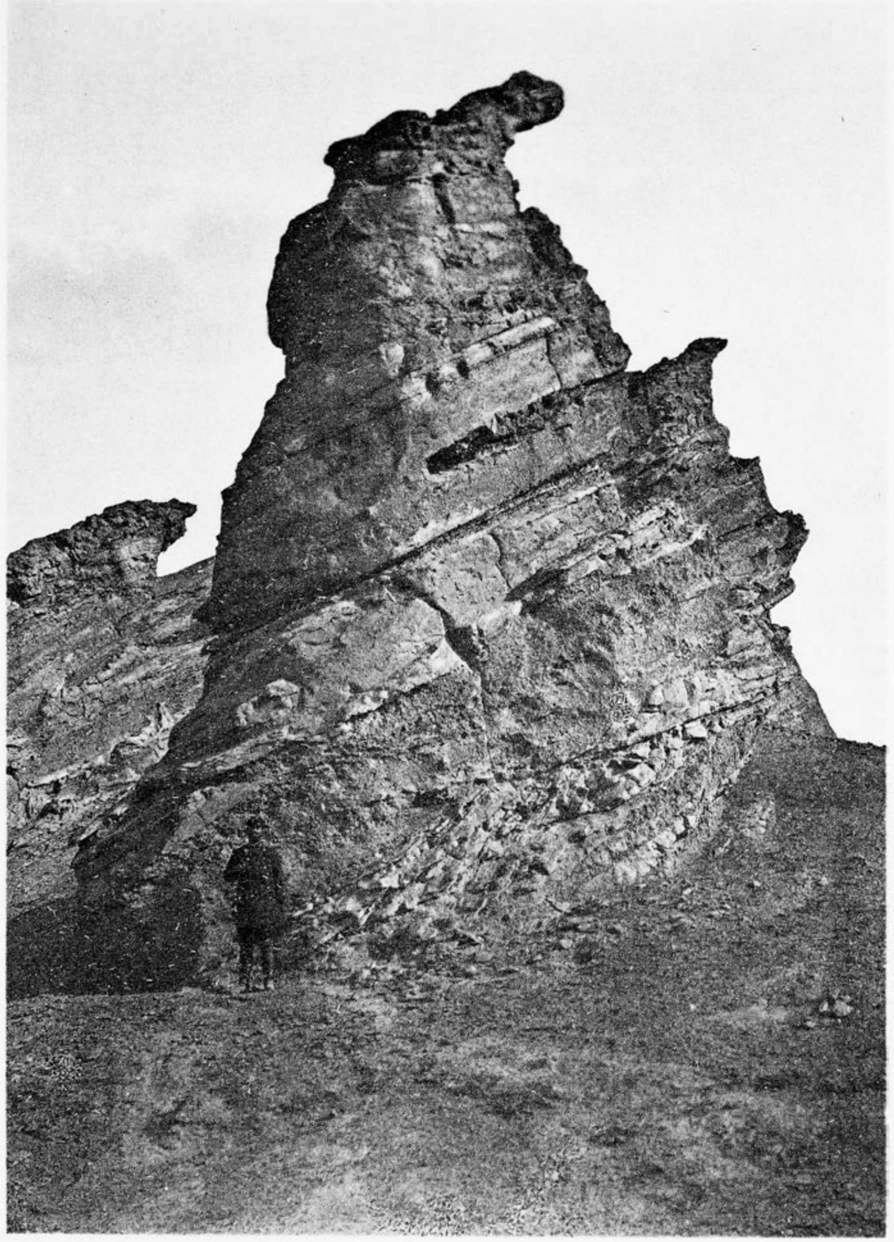
— Да, вѣдь, вотъ нашлось же у тебя для насъ помѣщеніе...

— Нашлось потому, что мы не знаемъ, что вы за люди. Боимся пересолить. А вдругъ какъ окажется, что вы съ китайскаго вѣдома здѣсь разъѣзжаете? Тогда опять вѣдь бѣда!

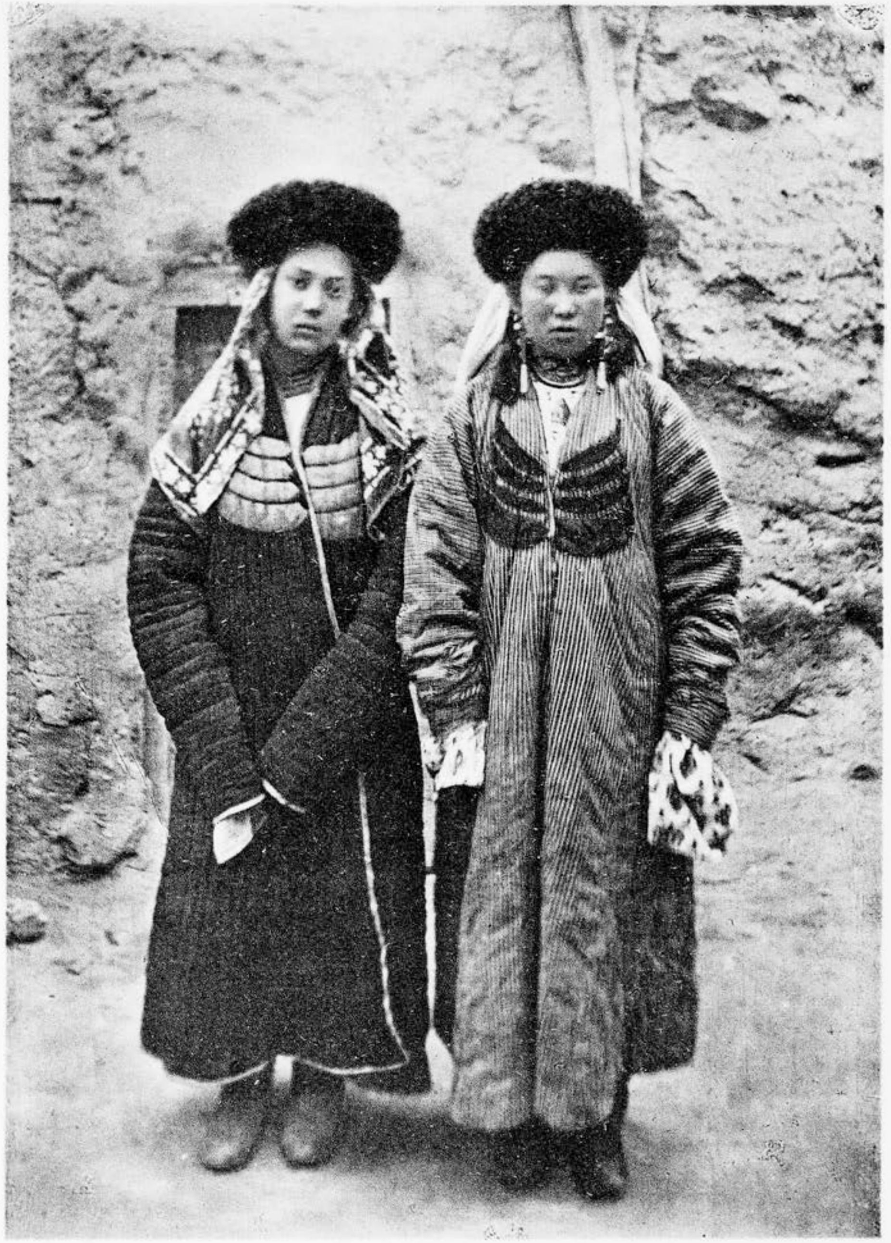
Въ удостовѣреніе того, что такъ оно и есть въ дѣйствительности, я показалъ аксакалу нашъ паспортъ. Этого было достаточно, чтобы сразу же расположить въ нашу пользу туземныя власти. Хандуйцы насъ тотчасъ же окружили, и въ болтовнѣ съ ними мы незамѣтно провели время до ужина.

---

[1]) Дорга—званіе, соотвѣтствующее минъ-баши, т. е. волостному управителю.



Глыбы вывѣтр. песчаника,
вѣнчающія Тузъ-тау (Ïеты-кызъ).



Уроженки деревни Астына въ
Хамійскомъ оазисѣ.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Еще подъѣзжая къ Ханду, мы замѣтили на югѣ невысокую гряду горъ; но только на слѣдующій день, при выѣздѣ изъ помянутаго оазиса, намъ удалось разглядѣть ее подробнѣе. Ее намъ называли различно: Тузъ-тау и горой Іеты-кызъ. Послѣднее названіе, означающее «Семь дѣвъ», пріурочивалось, впрочемъ, какъ кажется, къ тому только участку гряды, который возвышался на югъ отъ Лемджина 1). Страннымъ названіемъ этимъ гряда обязана семи глыбамъ вывѣтрившагося песчаника, вѣнчающимъ вершину горы и имѣющимъ, если смотрѣть на нихъ изъ долины, дѣйствительно нѣкоторое сходство съ человѣческими фигурами. Мѣстное населеніе чтитъ эту гору, связавъ съ ней одно изъ многочисленныхъ преданій своихъ; но надо имѣть, дѣйствительно, не въ мѣру пылкое воображеніе, чтобы въ изображенныхъ на прилагаемой фототипіи глыбахъ песчаника видѣть окаменѣлыхъ по волѣ Аллаха дѣвицъ. Впрочемъ, какъ истые мусульмане, турфанцы и не приближаются никогда къ этимъ причудливымъ скаламъ, будучи твердо убѣждены, что смѣльчаку, который рискнулъ бы на это, грозитъ половое безсиліе. И ужь на что Сарымсакъ или мой джигитъ Ташбалта, но и тѣ отказались сопровождать насъ съ братомъ на эту гору, когда мы снова, недѣлю спустя, съѣхались съ нашимъ отрядомъ въ Лемджинѣ. Если не считать этихъ вершинъ, то гряда Тузъ-тау съ сѣвера представляется высокимъ валомъ, поражающимъ монотонностью въ окраскѣ и однообразіемъ въ контурахъ. Иною представляется она въ поперечныхъ долинахъ своихъ, но объ этомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Ханду отдѣляется отъ Лемджина неширокой полоской глинистой пустыни, частью лишенной вовсе растительности, частью поросшей верблюжьей колючкой (Alhagi kirghisorum), солодкой (Glycyrrhiza asperrima), Lycium ruthenicum и нѣкоторыми солянками. Это обычное мѣсто остановки верблюжьихъ каравановъ, идущихъ изъ Лянъ-чжоу-фу въ Карашаръ и далѣе въ города Джиттышара. Одинъ изъ такихъ каравановъ располагался здѣсь и сегодня въ тотъ самый моментъ, когда мы съ разсвѣтомъ покидали Ханду.

Лемджинъ занимаетъ обширную площадь, вытянутую версты на четыре вдоль подошвы Тузъ-тау; благодаря, однако, широкимъ рукавамъ гальки 2), разбивающимъ ее на участки, въ ней сравни-

---

1) Собственно на югъ отъ небольшаго лемджинскаго выселка, носящаго названіе Чуванкыръ.

2) Нѣкогда протекала здѣсь рѣка Утынъ-аузы; нынѣ она сюда никогда не доходитъ, пропадая въ камняхъ верстахъ въ десяти выше Лемджина. Обмеленіе р. Утынъ-аузы, какъ и всѣхъ другихъ рѣкъ Турфанской области, слѣдуетъ, конечно, поставить въ связь съ общимъ явленіемъ усы-

тельно немного земли, годной подъ обработку. Зато ключи [1]) и карыси даютъ здѣсь столько воды, что ея хватаетъ даже на рисовыя поля [2]). Центръ Лемджина составляетъ базаръ—нѣсколько чистенькихъ китайскихъ и дунганскихъ лавчонокъ, пріютившихся подъ сѣнью громадныхъ деревьевъ. Здѣсь проходитъ главный трактъ и сюда же сходятся всѣ дорожки и тропы, ведущія къ отдѣльнымъ группамъ домовъ и хозяйствъ, на которыя естественно распадается Лемджинская община. Но съ большой дороги этихъ хозяйствъ въ большинствѣ случаевъ вовсе не видно,—такъ густы здѣсь повсемѣстно древесныя насажденія!

Западная окраина Лемджина, называемая Лемджинъ-кыръ, нынѣ заброшена: постройки развалились, бывшія поля заросли верблюжьей колючкой (джантакъ) и другими сорными травами. Мѣстные карыси здѣсь изсякли вслѣдствіе выборки подпочвенной воды слишкомъ развившимися сосѣдними карысными системами Су-баши и Лемджина.

За Лемджинъ-кыромъ разстилается пологая, глинистая, совершенно безплодная впадина, сохранившая всѣ слѣды бывшаго озера [3]). Нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги здѣсь производятъ ломку соли. Слегка горьковатую, съ значительными цвѣтными примѣсями, соль выбираютъ на глубинѣ двухъ-трехъ футовъ изъ подпочвенныхъ пустотъ, которыя она и выстилаетъ друзами довольно крупныхъ кристалловъ.

Слѣдующее селеніе, расположенное въ 7 верстахъ отъ Лемджинъ-кыра и насчитывающее не менѣе 50 дворовъ, было Су-баши, названное такъ потому, что ключи его и обширная карысная система питаютъ значительный оазисъ Туӧкъ, расположенный по южную сторону кряжа Тузъ-тау [4]). Су-баши въ настоящее время слился съ Сынгымомъ, обширнымъ оазисомъ, насчитывающимъ до 450 дворовъ. Онъ такъ же, какъ и Лемджинъ, тянется узкой по-

---

ханія водныхъ бассейновъ въ Средней Азіи, начавшимся, по всѣмъ даннымъ, задолго до начала здѣсь исторической жизни.

[1]) Въ этихъ ключахъ нами добыты крайне интересныя рыбы, а именно—новый видъ Nemachilus'a (Diplophysa).

[2]) Во всей Турфанской области рисъ не воздѣлывается, и въ этомъ отношеніи Лемджинъ составляетъ исключеніе.

[3]) Легко можетъ быть, что пологая котловина эта служила только временнымъ пріемникомъ карысной воды; напримѣръ, въ то время, когда еще существовало поселеніе Лемджинъ-кыръ.

[4]) Кряжъ Тузъ-тау въ пяти мѣстахъ разсѣкается поперечными ущельями: близъ Пичана, у Лемджина, у Су-баши, Сынгыма и, наконецъ, на меридіанѣ Турфана (ущелье рѣчки Булурюкъ-бауръ).

лоской вдоль горъ и на западѣ ограничивается крутымъ обрывомъ отрога Тузъ-тау, подъ которымъ струится ключикъ Упрангъ.

Спускаясь внизъ по текущей среди высокихъ камышей [1]) рѣчкѣ Упрангъ, мы втянулись въ ущелье, разсѣкающее горы Тузъ-тау, и вскорѣ затѣмъ вышли на болѣе многоводную рѣчку Мултукъ, истоки которой находятся въ ключахъ и карысяхъ выше довольно значительнаго селенія съ тѣмъ же названіемъ, расположеннаго по сѣверную сторону Тузъ-тау и западнѣе вышеупомянутаго отрога.

Долина рѣки Мултукъ, поросшая облѣпихой и лознякомъ, замѣчательна тѣми остатками старины, которые сохранились здѣсь еще съ уйгурскихъ временъ: въ долинѣ замѣтны слѣды укрѣпленія, въ горахъ лѣваго берега выбиты капища и монастырскія кельи, въ которыхъ превосходно разрисованная штукатурка до сихъ поръ еще не осыпалась и сохранила необыкновенную яркость красокъ; по выходѣ же изъ горъ, гдѣ рѣчка получаетъ названіе Кара-Ходжа, вдоль нея всюду виднѣются развалины городовъ, надгробные памятники и глинобитныя постройки менѣе опредѣленнаго типа [2]).

При выходѣ рѣчки Кара-Ходжа изъ горъ расположенъ небольшой выселокъ Сынгымъ-аузы или, какъ здѣсь говорятъ, Сынгмаузы. Дорога здѣсь развѣтвляется: юго-восточная вѣтвь сворачиваетъ въ селеніе Кара-Ходжа, юго-западная, прямо черезъ каменистую пустыню, поросшую въ изобиліи Capparis spinosa («каппа»), Alhagi kirghisorum и Zollikoferia acanthoides, идетъ на Турфанъ. Мы свернули на эту послѣднюю, но проѣхали ею не болѣе двухъ верстъ. Было ужь поздно; къ тому же, сдѣлавъ сегодня не менѣе 40 верстъ, мы имѣли право подумать объ отдыхѣ. Съ этою цѣлью мы оставили большую дорогу и прямикомъ направились къ выселку Ауатъ, въ которомъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, намъ наконецъ и отвели приличное помѣщеніе.

О печальной участи, постигшей Аутъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, будетъ разсказано ниже; теперь же достаточно замѣтить, что это—небольшой, полузасыпанный песками и весьма бѣдный поселокъ, въ которомъ мы еле-еле могли собрать достаточное количество фуража для лошадей и кое-какой провизіи для себя: несчастные ауатцы, безъ разрѣшенія своихъ господъ [3]), лишены были

---

1) Камыши достигали здѣсь высоты двухъ саженъ.

2) Спѣша добраться поскорѣй до ночлега, я, къ сожалѣнію, не успѣлъ осмотрѣть ихъ въ подробностяхъ.

3) Ауатцы находились въ кабалѣ у одного туркестанца и трехъ китайцевъ.

права продавать что бы то ни было въ постороннія руки! И то, по просьбѣ продавцевъ, мы должны были розыграть роль какихъ то бандитовъ, силой отымавшихъ все то, въ чемъ нуждались...

Проснувшись чуть свѣтъ, мы тронулись мимо развалинъ, приписываемыхъ Абдулла-беку, потомку турфанскихъ князей, полузасыпанныхъ также песками. Пески эти мѣстнаго происхожденія. Нѣкогда вся мѣстность между Кара-Ходжа и Турфаномъ была покрыта тростниковыми займищами, питавшимися отчасти подпочвенной водой, а отчасти и водой карысей и ключей, спускавшейся сюда въ осеннее и зимнее время. Съ развитіемъ, однако, подземнаго дренажа и образованіемъ цѣлаго ряда выселковъ на линіи Чильбулакъ — Кара-ходжа-карысь, камыши изчезли. Тогда турфанцы набросились на выкорчевываніе тростниковыхъ корневищъ—«чаткала», служащаго имъ и понынѣ топливомъ. Безпощадный кетмень [1]) разрыхлилъ и безъ того уже безмѣрно сухую и песчаную почву турфанской долины, а вѣтеръ собралъ ее въ длинныя, темносѣрыя гривы, загоняя ихъ все дальше и дальше на западъ, къ Турфану, гдѣ пески уже засыпали немало культурной земли.

Дорога по этимъ пескамъ утомительна. Воды нѣтъ, не смотря на то, что мы цѣлыя версты ѣдемъ надъ подземными трубами съ проточной водой, растительности никакой, изъ животныхъ—однѣ только ящерицы, принадлежащія къ распространеннымъ въ Средней Азіи родамъ — Eremias и Phrynocephalus, зной до такой степени сильный, что въ лѣтнее время сообщеніе по этой дорогѣ прекращается, и путники направляются изъ Турфана въ Лукчунъ кружнымъ путемъ черезъ Турфанъ-кeрэ, Кошъ-карысь, Спюль-аксакалъ-карысь, Чаткалъ и Ходжа-Абдулла-бекъ-карысь.

При сходѣ ауатской и сынгимской дорогъ выстроена харчевня. [2]). Здѣсь же проходитъ и граница Турфанскаго оазиса,—на восточной окраинѣ пустыннаго, лишеннаго почти вовсе древесныхъ насажденій, но зато интереснаго своими развалинами, относимыми къ уйгурскому времени. Такъ, между рукавами рѣчки Булурюкъ-бауръ, изъ коихъ восточный пробѣгаетъ въ шести верстахъ къ западу отъ схода дорогъ, находятся развалины уйгурскаго укрѣпленія, поражающаго не размѣрами, но необычайной толщиной своихъ стѣнъ. Стѣны эти выведены почти въ квадратъ, снабжены фланкирующими башнями по угламъ и внутри не содержатъ ничего, кромѣ безобразныхъ грудъ муссора и безформенныхъ возвышеній. Бывшее укрѣпленіе это даетъ нынѣ пріютъ одному только бѣдному турфанскому семейству, члены коего пробили себѣ въ старыхъ стѣнахъ рядъ келій и умудрились провести сюда небольшой рукавъ изъ ближняго арыка для орошенія бахчей и огорода, разведенныхъ среди помянутыхъ выше мусорныхъ кучъ.

---

[1]) Кетмень то же, что южнорусская сапа или цапа.

[2]) На полпути между Ауатомъ и этой харчевней (тань) находятся развалины селенія Тобеджуинъ-туру.

Проѣхавъ мимо обширнаго кладбища и красивой мечети, передѣланной, по словамъ мѣстныхъ жителей, изъ христіанскаго (несторіянскаго) храма, мы увидали, наконецъ, впереди Гуанъ-аньченъ—китайскій Турфанъ. Города этого мнѣ не пришлось посѣтить, но, по словамъ туземцевъ, внутренняя его распланировка, а затѣмъ и архитектура частныхъ и казенныхъ зданій имѣютъ вполнѣ шаблонный характеръ. Китайскій базаръ его бѣденъ, хотя и занимаетъ всю главную улицу отъ западныхъ къ восточнымъ воротамъ; послѣднія остаются постоянно закрытыми. Онъ выстроенъ въ видѣ прямоугольника, вытянутаго вдоль большой дороги, обнесенъ новыми 1), высокими стѣнами съ двойной защитой и башнями по угламъ и имѣетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ главныхъ воротъ, еще ворота на югъ, гдѣ одной длинной и частью крытой улицей расположилось городское предмѣстье, населенное дунганами, китайцами и таранчами. Черезъ это предмѣстье, огибая городскую стѣну, и проходитъ арбяная дорога изъ Лукчуна въ Турфанъ. Здѣзь же находится и та таможня, на обязанности коей лежитъ взиманіе ли-цзин'наго сбора 2); она тотчасъ же бросается въ глаза своей окраской—кирпично-красными кругами на бѣломъ фонѣ простѣнковъ 3).

Противъ китайскаго города, въ верстѣ разстоянія, расположенъ старый тарачинскій Турфанъ, называемый иногда, въ отличіе отъ Учъ-Турфана, Куня-Турфаномъ. Широкая грунтовая дорога, ведущая къ нему, окаймлена арыками, за которыми, по обѣ ея стороны, виднѣются пашни, засѣянныя акъ-джугарой и кунджутомъ (Sesamum indicum). Самый городъ не великъ и окруженъ тонкими, отъ времени

---

1) Китайскій Турфанъ былъ выстроенъ три года назадъ, т. е. въ 1886 году. Казармы его расчитаны на 750 человѣкъ, но нынѣ тамъ имѣется не болѣ 250 человѣкъ.

2) Нынѣ какъ мы это уже знаемъ, ли-цзинныя заставы уничтожены. См. выше, стр. 112.

3) Таможенное учрежденіе подобнаго рода представляетъ обыкновенно небольшой домикъ, по наружному фасаду котораго имѣется два рѣшетчатыхъ окна и одна дверь. Онъ состоитъ изъ одной только комнаты съ двумя канжинами, на которыхъ спятъ, ѣдятъ и курятъ свой опіумъ непритязательные надсмотрщикъ и его замѣститель—слуга. Болѣе значительныя постройки подобнаго же назначенія встрѣчаются рѣдко. У пикета осматриваютъ только отдѣльныхъ проѣзжихъ; досмотръ же каравановъ производится въ таняхъ.

совершенно растрескавшимися, зубчатыми стѣнами. Зато онъ полонъ жизни, и внутри, благодаря пестрой толпѣ, производитъ пріятное впечатлѣніе. Вдоль главной улицы, идущей отъ воротъ до воротъ. т. е. отъ востока къ западу, тянутся ряды ларей и лавокъ; это— главный базаръ, центральное мѣсто котораго занято высокой и красиво выстроенной китайской кумирней. Близъ нея начинаются ряды съ русскимъ товаромъ: мануфактурой, желѣзными издѣліями, писчебумажными принадлежностями, сахаромъ, свѣчами, спичками и т. под. предметами; тутъ же находится и обширный караванъ-сарай русскихъ купцовъ, которые встрѣтили насъ съ почетомъ и отвели прекрасное помѣщеніе.

Турфанская область славится своей зеленой коринкой, хлопчато-бумажными грубыми тканями (даба) 1), фруктами и дынями, которые и служатъ главнѣйшими статьями вывоза въ сосѣднія области, а частью и далѣе—въ Застѣнный Китай. Но этимъ экспортомъ не занимаются турфанлыки. Они точно боятся значительныхъ операцій и давно уже передали всю оптовую, а частью и розничную, торговлю въ постороннія руки. Оттого-то Турфанъ и пестритъ самыми разнообразными лицами и костюмами, въ которыхъ турфанскій національный джаймэкъ играетъ весьма малозамѣтную роль. И дѣйствительно, въ Турфанѣ считается постоянныхъ жителей всего около 5 тысячъ душъ: изъ нихъ 10% выпадаетъ на долю китайцевъ, 20% на долю дунганъ и 20% на долю выходцевъ изъ другихъ округовъ Восточнаго Туркестана; пришлыхъ же, въ особенности въ осеннее время, такъ много, что какія-нибудь полторы—двѣ тысячи взрослыхъ турфанцевъ совершенно изчезаютъ въ этой толпѣ, которая къ тому же, какъ наиболѣе дѣятельная часть населенія, всегда на виду: на базарѣ или на большой дорогѣ въ окрестные города 2).

Турфанъ, какъ городъ, ничѣмъ не замѣчателенъ. Онъ выстроенъ по типу всѣхъ остальныхъ крупныхъ городовъ Туркестана и, за исключеніемъ упомянутой выше кумирни, не имѣетъ красивыхъ построекъ.

О времени его основанія намъ ничего неизвѣстно; въ исторіи же имя это впервые упоминается въ 1377 году 3). Къ половинѣ

---

1) Первосортная бязь, служащая предметомъ вывоза, носитъ названіе «торт-багъ».

2) Большинство ремесленниковъ Турфана также выходцы изъ другихъ городовъ Восточнаго Туркестана; такъ, напримѣръ, красильное дѣло находится въ рукахъ кашгарцевъ. Только ткацкое ремесло и гончарное дѣло удержались еще въ рукахъ турфанцевъ, которые всему остальному предпочитаютъ земледѣліе.

3) Д. Покотиловъ—«Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр 97.

XV вѣка Турфанъ, пользуясь слабостью смежныхъ владѣній— Могулистана (Бѣшибалыка) и Хотана, сталъ усиливаться и, овладѣвъ Лукчуномъ и Кара-ходжа (Хо-чжоу), пріобрѣлъ первенствующее положеніе среди мелкихъ владѣній, на которыя въ то время распадались земли Восточнаго Туркестана. Съ 1469 г. княжество это стало называться султанствомъ; нѣсколько же лѣтъ спустя уже владѣло Хами, власть надъ которымъ упрочилась однако вполнѣ не ранѣе 1513 года. Съ усиленіемъ въ сосѣдней Джунгаріи союза Ойратскихъ родовъ значеніе Турфана стало падать, и уже въ 1646 г. турфанскій владѣтель вынужденъ былъ искать покровительства маньчжурскаго дома, что не спасло, однако, его владѣній отъ калмыцкаго ига: къ исходу XVII столѣтія, послѣ того, какъ Куку-норъ и Тибетъ уже давно находились въ ихъ власти, калмыки овладѣли не только Турфаномъ, но и всѣми остальными землями Восточнаго Туркестана. Съ тѣмъ вмѣстѣ существованіе этого княжества, какъ самостоятельнаго владѣнія, прекратилось¹).

---

¹) Григорьевъ—«Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 353. Историческія судьбы Турфана всего полнѣе разработаны въ вышеупомянутомъ прекрасномъ трудѣ Д. Покотилова, стр. 97—98, 125—141.

ГЛАВА XIII.

По Турфанской области.

Сдѣлавъ всѣ необходимыя закупки, мы, 6 октября, выступили въ обратный путь на Лукчунъ и Пичанъ, гдѣ должны были, наконецъ, вновь соединиться со своимъ караваномъ. Это былъ пренепріятный день, и для Турфана крайне рѣдкое, почти случайное, явленіе: въ теченіе почти цѣлаго дня шелъ мелкій дождь, а къ ночи термометръ показывалъ уже ниже 0°.

До послѣдняго рукава рѣчки Булурюкъ-бауръ мы ѣхали прежней дорогой, здѣсь же свернули вправо и, минуя пески, направились нѣсколько болѣе кружной, лѣтней, дорогой въ Кара-Ходжа, черезъ селенія и выселки: Турфанъ-керэ 1), Кошъ-карысь, Спюль-аксакалъ-карысь, Чаткалъ, Кара-ходжа-карысь, Ходжа-Абдулла-бекъ-карысь, Чиль-булакъ, Туру-карысь и множество другихъ, оставшихся къ югу отъ насъ и составляющихъ одинъ сплошной поясъ богатѣйшей растительности, протянувшійся отсюда далеко на востокъ 2). Отъ поселка Абдулла-бекъ-карыся мы свернули на Ауатъ и, миновавъ его, остановились въ базарномъ селеніи Астына, занимающемъ центральное положеніе въ общинѣ Кара-Ходжа. Ночевали въ двухъ-этажномъ домѣ 3), отданномъ за ничтожную

---

1) Названіе этой мѣстности вполнѣ соотвѣтствовало бы нѣсколько искаженному въ иностранной передачѣ Туруфану-хара (См. Покотиловъ—«Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр. 81); случаевъ, что кочевники-противники вступали въ борьбу далеко отъ мѣстъ своихъ постоянныхъ кочевій, исторія Востока представляетъ не мало.

2) Онъ съ юга опоясываетъ и всю степь между Кара-ходжа и Лукчуномъ.

3) Двухъ-этажныя постройки — рѣдкость и въ Турфанской области, какъ во всей остальной Средней Азіи. О внутреннемъ устройствѣ жилыхъ помѣщеній въ Турфанѣ будетъ сказано ниже.

плату въ наемъ двумъ выходцамъ изъ Русскаго Туркестана, торгующимъ русской мануфактурой и другими издѣліями вотъ уже свыше 6 лѣтъ въ одной только этой общинѣ. Купцы уже были предупреждены о нашемъ прибытіи и теперь поджидали насъ съ дастарханомъ, состоявшемъ изъ нѣсколькихъ подносовъ съ лепешками и сухими фруктами, подноса съ тонкими лепестками нарѣзанной дыни, изъ плова и чая.

Едва, на слѣдующій день, выѣхали мы изъ селенія, окруженнаго, какъ и всѣ почти остальныя селенія Турфанскаго округа, широкимъ поясомъ садовъ, какъ уже завидѣли впереди развалины знаменитой резиденціи идикотовъ Уйгуріи, т.-е. древняго Хо-чжеу [1]). Сводчатыя, изнутри оштукатуренныя постройки, мощныя стѣны, въ которыхъ, какъ въ скалахъ, мѣстные жители высѣкли себѣ сакли, круглыя башни, въ одномъ фасѣ трое воротъ, защищенныхъ выдвинутыми впередъ стѣнками,—все это носило въ себѣ не только отпечатокъ сѣдой старины, но и характеръ, чуждый современной туркестанской или китайской архитектурѣ.

У Хо-чжеу [2]) дорога развѣтвляется; оставивъ туőкскую вѣтвь влѣво, мы обогнули помянутыя развалины и вышли на глинистую степь, только въ началѣ поросшую Alhagi kirghisorum, дальше же совершенно пустынную и мѣстами усыпанную черной галькой. Но какъ разъ здѣсь стали мелькать передъ нами однѣ развалины за другими, что, конечно, свидѣтельствуетъ, что нѣкогда и тутъ царствовало оживленіе, что и сюда проводилась вода... Прежде всего, къ сѣверу отъ дороги, мы увидали остатки стѣнъ недостроенной крѣпости временъ Якубъ-бека и тутъ-же еще одно древнее укрѣпленіе [3]). Затѣмъ, почти до полуразрушеннаго дунганскаго поселка Янъ-хэ, передъ нами постоянно мелькали и справа и слѣва остатки стѣнъ, древнія кладбища, отдѣльно стоящіе пирамидообразные массивные надгробные памятники (ступы?) и кучи красноватой глины и кирпича, успѣвшія принять уже совершенно безформенныя очертанія. Верстахъ въ 15 мы встрѣтили развалины кишлака, четыре же версты дальше прибыли въ селеніе Янъ-хэ-шаръ, давшее названіе цѣлой общинѣ, цвѣтущія поселенія коей виднѣлись на югъ отъ дороги.

---

[1]) Первыя извѣстія объ этомъ городѣ относятся къ 913 г.

[2]) Хо-чжеу не болѣе какъ китайское «литературное» имя этого города; изъ китайскихъ книгъ оно перешло и въ европейскую историко-географическую литературу. (Хо-чжеу—«Огненный городъ»).

[3]) Не развалины-ли Гаочана? (Ср. Бретшнейдера op. cit., II, стр. 187: «East of Huo-chou there are the ruins of an ancient city, the remains of the capital of ancient Kao-ch'ang.»).

Янъ-хэ-шаръ представляетъ странное впечатлѣніе.

Это довольно узкая улица, обставленная аккуратно выстроенными и прекрасно оштукатуренными домиками, окруженная отовсюду поясомъ каменистой пустыни; ни былинки кругомъ, ни былинки внутри,—пусто и мертво. Янъ-хэ-шаръ былъ покинутъ дунганами послѣ того, какъ, со взятіемъ Турфана, Якубъ-бекъ овладѣлъ всей областью. Изъ прежнихъ его жителей, пережившихъ событія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, остались всего 1—2 семьи, да и тѣ непонятно чѣмъ поддерживаютъ здѣсь свое существованіе. Насъ встрѣтили здѣсь два дунганина и апатично проводили глазами.

— Да откуда берутъ они воду?

— Изъ колодцевъ.

— А чѣмъ живутъ?

— Дунганинъ съ голоду не помретъ...

Но отвѣтъ этотъ, конечно, не разъяснилъ намъ ничего.

Между Янъ-хэ и Лукчуномъ дорога пересѣкаетъ совершенно безплодную пустыню, которую прерываетъ одинъ только поселокъ Ланге; взамѣнъ того, и справа и слѣва виднѣется непрерывный поясъ зелени, который обозначаетъ собою оазисы: на югѣ Янъ-хэ-карысь, на сѣверѣ — упоминавшійся выше Туёкъ.

Лукчунскій оазисъ съ запада не начинается, какъ большинство другихъ мѣстъ осѣдлости въ Турфанской области, густѣйшими насажденіями, а группой, частью заброшенныхъ, хозяйствъ съ жидкой древесной растительностью, среди которой бросаются въ особенности въ глаза джигда (Eleagnus hortensis) и айлантъ. Этой бѣднѣйшей частью оазиса, получающей воду изъ особой системы карысей, мы ѣхали, впрочемъ, недолго и съ версту дальше были уже въ виду невысокихъ стѣнъ города.

Лукчунъ окруженъ старой, полуразвалившейся, скорѣе оградой, чѣмъ крѣпостной стѣной, безъ валганга и башенъ [1]); ворота, сколоченныя изъ довольно толстыхъ досокъ, не имѣютъ защиты. Вообще же, городъ этотъ едва-ли можетъ оказать какое-либо сопротивленіе даже партизанскому отряду, не говоря уже о сколько-нибудь организованномъ врагѣ. Внутри онъ тѣсенъ и грязенъ и всѣ постройки его, его базаръ и постоялые дворы носятъ слѣды крайней бѣдности. Впрочемъ, я видѣлъ теперь только ту его часть, которая населена черные — ремесленниками, торговцами, извощиками и тому подобнымъ людомъ; знать же, дворянство («акъсуёкъ» — бѣлокостные) и служилое сословіе тѣснятся въ другомъ его концѣ, ближе къ дворцу князя, и тутъ, дѣйствительно, городъ выглядитъ наряднѣе, хотя въ этомъ отношеніи онъ и значительно уступаетъ предмѣстью, правильнѣе, остальной части оазиса, поражающей богатствомъ своей растительности, скрашивающей убожество крестьянскихъ построекъ и оттѣняющей азіатское, конечно, великолѣпіе княжескихъ и дворянскихъ загородныхъ домовъ.

---

[1]) Лукчунъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Нань-лу, существовавшій уже во времена Ханей. При Таняхъ онъ былъ причисленъ къ третьеклассным городамъ подъ именемъ Люгжунъ-сянь (Григорьевъ—«Восточный Туркестанъ», стр. 343).

Въ Лукчунѣ мы не могли отыскать себѣ помѣщенія. Постоялый дворъ, указанный намъ, былъ положительно невозможенъ по своей грязи; частныя же лица, подобно хандуйцамъ, изъ боязни передъ своими властями, отказывали намъ въ пріютѣ. Не зная какъ быть, мы выбрались изъ города и направились по большой дорогѣ, ведшей мимо обширнаго княжескаго сада. Близъ воротъ этого сада, выстроенныхъ въ китайскомъ стилѣ, мы повстрѣчали двухъ старцевъ, къ которымъ и обратились съ просьбой помочь намъ указаніемъ — гдѣ искать помѣщенія для ночлега. Узнавъ, что мы русскіе и что я — чиновникъ, одинъ изъ двухъ стариковъ, оказавшійся Богры-алямъ-ахуномъ [1]), воскликнулъ: «Такъ, такъ! таковы наши порядки въ Лукчунѣ! негоднѣйшаго китайца принимаютъ тамъ съ почетомъ, русскому же чиновнику не находится хотя-бы только сноснаго помѣщенія! Ну, да пожалуйте ко мнѣ — мнѣ китайскіе прихвостни не страшны»... И старецъ повелъ насъ на обширный дворъ, обставленный яслями, а оттуда, черезъ ворота съ нишами для прислуги, на внутренній маленькій дворикъ, упирающійся въ высокое двухъ-этажное зданіе.

«Здѣсь вы развьючите лошадей, а вещи сложите вотъ въ эту кладовку», и онъ открылъ одну изъ дверей флигеля, который съ трехъ сторонъ окружалъ дворикъ; «а вы, обратился онъ ко мнѣ, пожалуйте за мной».

Черезъ небольшую дверь мы вступили въ громадной высоты залъ, съ окнами, находившимися на высотѣ четырехъ саженъ отъ земли, отъ чего въ немъ всегда царствовалъ полумракъ; стѣны этого зала не были выбѣлены, полъ былъ глиняный и неровный, мебели никакой... Пройдя залъ, мы приблизились къ ступенямъ лѣстницы, сбитой изъ глины и прислоненной къ стѣнѣ. Поднявшись по ней, мы очутились въ роскошномъ павильонѣ съ окнами, выходившими въ запущенный садъ. Окна эти, высокія и забранныя узорчатой рѣшеткой, запирались изнутри ставнями. Стѣны, оштукатуренныя и раскрашенныя пестрымъ съ позолотой рисункомъ; цвѣтной потолокъ, набранный изъ тонкихъ и ровныхъ жердей и палочекъ, наконецъ, палацы и кошмы, разостланныя по глинобитному полу, дополняли внѣшній видъ и убранство этого покоя, напомнившаго мнѣ лучшія пріемныя комнаты богатыхъ горожанъ Русскаго Туркестана и Бухары.

---

[1]) Богры — имя, Алямъ-ахунъ — званіе, точнѣе — должность. Богры-алямъ-ахунъ — глава турфанскаго духовенства и главный наставникъ и ректоръ медрессе — личность чрезвычайно популярная въ Турфанской области. О немъ сказано будетъ ниже.

«Вотъ здѣсь вы можете устроиться. Сюда вамъ сейчасъ принесутъ фрукты и чай, а я посѣщу васъ вечеромъ; теперь же, простите, мнѣ недосугъ». Съ этими словами почтенный старикъ удалился.

Домъ, въ которомъ мы теперь находились, былъ выстроенъ покойнымъ ваномъ: павильонъ служилъ ему пріемной, мрачная зала внизу—комнатой для просителей; наконецъ, цѣлый рядъ комнатъ, находящихся подъ павильономъ съ окнами и дверьми въ садъ—внутренними покоями. Нынѣ здѣсь помѣщается медрессе. Но зданіе къ нему не приспособлено, и алямъ-ахунъ справедливо жаловался на скупость лукчунскихъ властей, не желающихъ дѣлать грошевыхъ затратъ на необходимыя передѣлки. Нынѣ покои жены вана служатъ для храненія грушъ, павильонъ пустуетъ, громадный залъ настолько мраченъ, что заниматься въ немъ можно только въ рѣдкіе часы дня, и вотъ—ученики поневолѣ слоняются кое-гдѣ, по прежнимъ службамъ и кладовымъ.

Вечеръ мы провели въ бесѣдѣ съ муллами, которые вели ее въ сдержанномъ тонѣ и обходя вопросы, непосредственно касавшіеся внутренней жизни Лукчуна. «Наша жизнь», сказалъ мнѣ въ заключеніе Богры-алямъ-ахунъ, «вамъ непонятна, и то, что мы могли бы вамъ сказать о ней, не удовлетворило бы вашего любопытства. Хорошаго, конечно, въ ней мало, хвастаться нечѣмъ; но не пристало и жаловаться чужестранцамъ. А поживете—и сами узнаете, что здѣсь творится».

Еще подъѣзжая къ Лукчуну, мы встрѣтили таранчей, объявившихъ намъ, что какіе-то русскіе стоятъ подъ Пичаномъ; поэтому рѣшено было, вмѣсто того, чтобы повернуть на Лемджинъ, ѣхать въ Пичанъ.

Мы ѣхали самой лучшей частью Лукчунскаго оазиса. Громадныя деревья погружали въ глубокую тѣнь дорогу и во всѣхъ направленіяхъ струившіеся ручьи свѣжей прозрачной воды [1]). Кое-гдѣ виднѣлись жилыя постройки, но большая часть земли все же отведена была подъ сады, принадлежавшіе «бѣлокостнымъ» фамиліямъ. За высокимъ двухъ-этажнымъ зданіемъ—колоссальной сушильней винограда—древесныя насажденія стали рѣже, появились поля джугары, которыя и составили восточную окраину оазиса. Переѣхавъ окрайній арыкъ съ построенной на немъ мельницей, мы, наконецъ, оставили его позади и очутились въ каменистой пустынѣ, которая вдавалась острымъ клиномъ между горами Кумъ и Тузъ-тау.

Пески Кумъ-тау представляютъ явленіе замѣчательное. Они совершенно безплодны и одновременно неподвижны. Мѣстные жители не запомнятъ, чтобы пески эти, передвигаясь когда-нибудь, поглощали клочки культурной земли; они даже не замѣчаютъ, чтобы гребень Кумъ-тау измѣнялся замѣтно за послѣднія десять лѣтъ. И хотя послѣднее сомнительно, тѣмъ не менѣе фактъ общей неподвижности песчаныхъ грядъ неоспоримое явленіе. Было время, однако, когда Кумъ-тау не вдавался такъ далеко въ долину Лукчуна: Пичанская рѣка, изчезающая нынѣ подъ горою песку, когда-то свободно бѣжала между Янъ-буланомъ и Дга [2]) и впадала въ другую, повидимому, еще болѣе крупную, но тоже давно уже пересохшую рѣку Асса. Относительная высота Кумъ-тау очень значительна и на глазъ опредѣляется въ 450—500 футовъ. Эта громадная масса песку на крайнемъ сѣверо-востокѣ перекидывается черезъ Тузъ-тау, а на юго-западѣ упирается въ горы Чоль-тау, составляющія южную окраину Турфанской котловины. Какъ далеко пески эти идутъ на востокъ, въ глубь страны, никому неизвѣстно, но, считая ихъ древними дюнами Турфанскаго озера-моря, можно думать, что полоса ихъ, вообще говоря, не особенно широка.

Не доходя до того мѣста, гдѣ помянутая выше Пичанская рѣчка скрывается подъ песками Кумъ-тау, мы встрѣтили развалины хутора Иски-Лянгэ. Здѣсь дорога подходитъ къ Тузъ-тау, каменистая почва пустыни смѣняется глинистой и появляются первые признаки жалкой растительности: какая-то колючая трава [3]), Nitraria Schoberi (по мѣстному «бөртекенъ»), Karelinia caspia и Zollikoferia acanthoides.

---

[1]) Въ Лукчунѣ выловлена была замѣчательная рыбка—новый видъ Phoxinus; та же рыбка попалась намъ и въ Чиктымѣ.

[2]) Объ этихъ селеніяхъ будетъ сказано ниже.

[3]) Растеніе это настолько было уже сухо, что хорошо сохранить его было трудно. Если не ошибаюсь, это Agriophyllum gobicum.

Отъ Иски-Лянгэ виднѣлась уже впереди сплошная масса садовъ, но до нихъ все же оставалось еще не менѣе пяти верстъ. Дорога еще тѣснѣе приблизилась къ подошвѣ Тузъ-тау и стала пересѣкать одну за другой вымоины, образованныя временными потоками. Наконецъ, впереди показалась и первая струйка воды—окрайній арыкъ небольшаго поселка Лянгэ или Шуга, расположеннаго при устьѣ ущелья Пичанской рѣки. Это ущелье настолько просторно, что сады [1]) и поля не прерывались и въ немъ, а затѣмъ мы проѣхали и цѣлый рядъ хуторовъ, которые, вмѣстѣ со своими пашнями и садами, подымаясь террасами надъ широкимъ и усыпаннымъ галькой плесомъ рѣки, занимали всю западную половину ущелья. Это—селеніе Икиришты-хана, иначе Ёргунъ. Въ то же время противоположный скатъ ущелья представлялъ высокіе наметы песку: это гряда Тузъ-тау, занесенная съ востока песками—въ своемъ родѣ единственная и въ высшей степени оригинальная картина! Почти при сѣверномъ устьѣ ущелья дорога пересѣкаетъ Пичанскую рѣку и, идя среди садовъ и хуторовъ лѣваго ея берега, выводитъ на, относительно, довольно значительное плато, въ центрѣ котораго мы наконецъ и увидали невысокія и почти уже совсѣмъ развалившіяся стѣны Пичана.

Пичанъ—городъ старый [2]), небольшой и въ высшей степени грязный; населеніе его смѣшанное и въ общемъ не превышаетъ двухъ тысячъ душъ обоего пола; базаръ невеликъ и убогъ. Управляется городъ китайскимъ чиновникомъ V класса, совмѣстно съ аксакаломъ изъ коренныхъ пичанцевъ. Гарнизонъ состоитъ изъ двухъ десятковъ солдатъ, обязанныхъ нести одновременно и полицейскую службу.

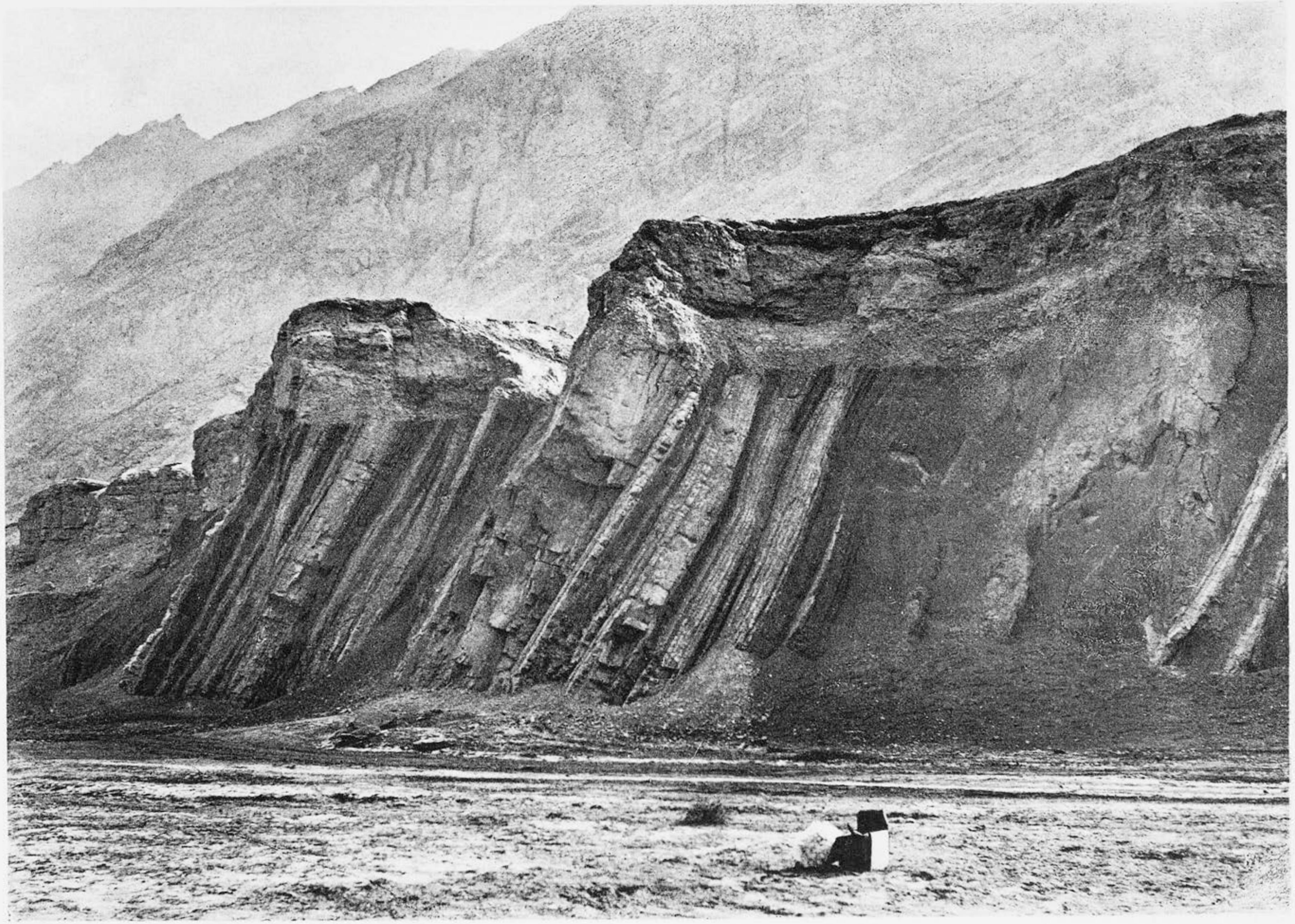
Въ Пичанѣ своего каравана мы не застали. Братъ, не дождавшись насъ въ этомъ городѣ, ушелъ въ Лемджинъ съ тѣмъ, чтобы поджидать насъ тамъ или въ Лукчунѣ. И такъ, намъ ничего другого не оставалось, какъ, переночевавъ въ Пичанѣ, возвращаться назадъ въ Лукчунъ или, можетъ быть, даже въ Лемджинъ.

Уже вчера, когда мы собирались въ путь изъ Лукчуна, мы были непріятно поражены холоднымъ утренникомъ: лужи покрылись ледяной корой, кое-гдѣ, на болѣе сырыхъ мѣстахъ, виднѣлся пятнами иней. Но здѣсь, въ Пичанѣ, хватилъ уже настоящій мо-

---

[1]) Самымъ распространеннымъ въ этихъ садахъ деревцомъ была джигда—Eleagnus hortensis.

[2]) Какъ кажется, впервые имя этого города встрѣчается въ реляціи Ванъ-янъ-дэ (981 г.).



Обнаженіе глинистыхъ цвѣтныхъ песчаниковъ въ ущельи
Лукчунской рѣки (гора Тузъ-тау).

Фототипія В. Классенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

розъ—13° Цельсія! Всѣ арыки и широкіе разливы рѣчки замерзли, листья потемнѣли и вся мѣстность получила зимнюю физіономію. Пришлось изъ тюковъ вынуть шубы и снарядиться совершенно по зимнему.

Не доѣзжая лукчунской мельницы, мы узнали, что караванъ нашъ дожидается насъ въ Лемджинѣ; поэтому здѣсь мы свернули вправо и, миновавъ тузъ-тау'скія каменноугольныя копи [1]), въѣхали въ ущелье Лемджинской рѣки. Ущелье это, въ общемъ, сильно напоминаетъ параллельное ему Сынгимское (Кара-ходжа), но замѣчательно тѣмъ, что мѣстами стѣны его сложены изъ пестрыхъ, вѣроятно, юрскихъ глинистыхъ песчаниковъ—бурыхъ, красно-бурыхъ и голубыхъ, которые, чередуясь между собою, образуютъ необыкновенно красивыя ленты [2]). Другая достопримѣчательность этой щели—встрѣчающіяся вдоль дороги глыбы песчаника съ высѣченными на нихъ медальонами. Рельефъ этихъ медальоновъ въ настоящее время до такой степени уже стерся, что о содержаніи ихъ трудно составить себѣ ясное представленіе; всего вѣроятнѣе, что нѣкоторые изъ этихъ барельефовъ служили изображеніями группъ буддійскихъ святыхъ.

Горы Тузъ-тау, которыя я пересѣкалъ уже въ третій разъ, имѣютъ направленіе, совершенно параллельное главной оси Тянь-Шаня. Наибольшей ширины Тузъ-тау достигаетъ къ западу отъ р. Кара-ходжа, но этотъ участокъ горъ нами изслѣдованъ не былъ, а докторъ Регель сообщаетъ о немъ слишкомъ мало (онъ пересѣкъ горы Тузъ-тау къ сѣверу отъ Турфана) [3]). Такимъ образомъ западная оконечность Тузъ-тау намъ почти совсѣмъ неизвѣстна. Еще менѣе знаемъ мы о восточномъ концѣ этихъ горъ. За Пичанской рѣкой гряда исчезаетъ подъ песками Кумъ-тау, но какъ далеко идетъ она въ сказанномъ направленіи—сказать трудно. Такой же загадкой остается отношеніе къ ней и горъ, подымающихся къ востоку отъ Пичанъ-Чиктымской дороги. Такимъ образомъ, о грядѣ Тузъ-тау мы можемъ получить нѣкоторое представленіе только по тому сравнительно, вѣроятно, очень незначительному участку, который находится между турфанскимъ и пичанскимъ меридіанами. На этомъ протяженіи Тузъ-тау разсѣкается пятью поперечными щелями. Пичанской, Лемджинской, Туӧкской, Сынгимской и Булурюкъ-баурской. Имѣя въ виду, что рѣчки, пробѣгающія нынѣ по этимъ ущельямъ, получаютъ свое начало въ карысяхъ и ключахъ, мы должны отнести прорывъ горы Тузъ-тау къ той отдаленной эпохѣ, когда стекающія съ Тянь-Шаня рѣки еще не пропадали въ камняхъ, а несли свои воды въ Лукчунскую впадину. Въ настоящее время мы можемъ еще прослѣдить русла трехъ рѣкъ, сбѣгавшихъ къ Тузъ-тау. Это—Керичинъ, Кокъ-яръ и Утынъ-аузы. Русло Керичина, проходящее къ югу отъ Чиктыма, нынѣ почти заметено уже песками; русломъ Кокъ-яра, сухимъ на протяженіи многихъ верстъ, пичанцы воспользовались для отвода своихъ карысныхъ водъ; также поступили и лемджинцы съ русломъ Утынъ-аузы. Связь Туёкской рѣки, прорывающей Тузъ-тау и собирающей свои воды, какъ это было уже выше объяснено, на сѣверныхъ склонахъ этой горы, въ многочисленныхъ здѣсь карысяхъ и ключахъ, съ какой-либо рѣкой Тянь-Шаня мнѣ не удалось прослѣдить. Что же касается до рѣкъ Кара-ходжа и Булурюкъ-бауръ, то вершины ихъ намъ еще мало извѣстны.

---

[1]) Онѣ не особенно богаты и расположены на относительной высотѣ десяти саженей. Другія каменноугольныя копи находятся близъ Турфана.

[2]) Эти глинистыя песчаники изображены на прилагаемой здѣсь фототипіи.

[3]) Petermann's Geograph. Mittheilungen, 1880, XXVI, стр. 205.

Лучшій разрѣзъ Тузъ-тау я наблюдалъ именно здѣсь, въ Лемджинской щели. Я упоминалъ уже о пестрыхъ глинахъ, какъ бы скомканныхъ въ середину, къ оси хребта. На нихъ несогласно-напластованно налегаютъ глинистые песчаники красноватаго цвѣта съ прослойками гипса и рыхлые конгломераты, состоящіе изъ сѣрой и черной гальки, кварцитовъ и кремнистыхъ сланцевъ, сцементированныхъ красной глиной. Мѣстами каменныя глыбы Тузъ-тау покрыты выцвѣтомъ соли, и всего вѣроятнѣе, что именно этому послѣднему обстоятельству гора эта обязана своимъ названіемъ ¹).

Кряжъ Тузъ-тау совершенно оголенъ. Растительность встрѣчается только вдоль руселъ вышеупомянутыхъ рѣчекъ, да и то она не отличается ни особеннымъ разнообразіемъ, ни пышнымъ развитіемъ формъ. Исключеніе представляютъ только камыши р. Упрангъ, достигающіе значительной высоты.

Дорога по Лемджинскому ущелью бѣжитъ то правымъ, то лѣвымъ берегомъ рѣчки и не разъ взбирается на крутизну. Впрочемъ, даже для колеснаго движенія она не представила бы существенныхъ затрудненій. Хуже всего участокъ дороги, примыкающій къ сѣверному устью ущелья. Здѣсь всюду сады, пашни и жилыя постройки, заставляющіе дорогу дѣлать крутые изгибы и часто

---

¹) «Тузъ-тау» значитъ «Соляная гора». Соляные выцвѣты всего сильнѣе выступаютъ на южномъ склонѣ восточнаго участка этой горы.

оттѣсняющіе ее чуть-ли не въ самое ложе рѣки. Но по выходѣ на просторъ она опять расширяется и уже безъ всякихъ зигзаговъ идетъ прямо къ центру Лемджина—его крошечному базару.

Въ верстѣ отсюда стоялъ бивуакомъ мой братъ. Послѣ десяти дней отсутствія, въ теченіе коихъ я проѣхалъ около 350 верстъ, мы, наконецъ, свидѣлись... Какая радостная минута! Сколько впечатлѣній для передачи, сколько разспросовъ!...

Съ мѣста нашей стоянки въ урочищѣ Джанъ-булакъ братъ выступилъ 2 октября и вотъ какъ онъ описываетъ свой путь черезъ Тянь-Шаньское нагорье въ Пичанъ и Лемджинъ.

Первый переходъ нашъ былъ коротокъ, всего верстъ шестнадцать. Мы шли вдоль ручья, среди невысокихъ холмовъ, усыпанныхъ щебнемъ и скрывавшихъ отъ насъ горныя массы на западѣ; на югѣ же и востокѣ особенно выдающихся вершинъ не было. Только уже на восьмой верстѣ стали показываться впереди остроконечныя сопки. Здѣсь же арбяная дорога пересѣкла ручеекъ и пошла по откосамъ праваго его берега вплоть до развалинъ постоялаго двора или пикета, близъ которыхъ мы и рѣшились дневать. Торопиться намъ было некуда; между тѣмъ ближе ознакомиться съ этой частью Тянь-Шаньскихъ горъ казалось мнѣ дѣломъ вовсе нелишнимъ.

Къ югу отъ мѣста нашей стоянки возвышались ряды горныхъ складокъ, имѣвшихъ простираніе съ запада на востокъ. Туда-то на слѣдующій день я и направился. Я поднялся по пологимъ склонамъ сперва на одинъ хребтикъ, потомъ на другой. Отсюда горизонтъ былъ уже довольно обширенъ, но все же я увидѣлъ здѣсь совершенно не то, что хотѣлъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ мнѣ думалось, что именно отсюда я долженъ буду увидѣть если не трехглавый Богдо-Ола, то другую значительную вершину—Джуванъ-Терекъ-башъ, что дало бы мнѣ не только возможность вывѣрить свою съемку, но и помогло бы вычерчиванію горнаго рельефа этой части Тянь-Шаня. Между тѣмъ отсюда открылся видъ на обширую группу снѣговыхъ пиковъ, среди которыхъ не было никакой возможности различить упомянутыя выше вершины. Въ то же время прямо на югѣ, у меня подъ ногами, торчали высокія скалы слюдяного и хлоритово-слюдяного сланца съ такими крутыми боками, что онѣ казались иглами; между ними виднѣлись узкія щели, имѣвшія крутой наклонъ къ югу и дно, усыпанное мелкой галькой и щебнемъ. На востокѣ уходила въ даль низкая плоская возвышенность съ мягкими склонами; это поднятіе я видѣлъ уже и съ «калмыцкой» дороги. Взобравшись на слѣдующую гряду, я очутился на краю глубокой долины, отдѣлявшей меня отъ остроконечныхъ сланцевыхъ скалъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на водораздѣлѣ бассейновъ—Турфанскаго и Джунгарскаго. Гряда эта, однако, не служитъ продолженіемъ оси Тянь-Шаня; послѣдняя, какъ кажется, проходитъ южнѣе. По крайней мѣрѣ туда перемѣстилась вся масса хребта и тамъ же находятся всѣ высшія точки этой части Тянь-Шаня.

Вся мѣстность на югъ отличалась совершеннымъ безплодіемъ; только лишаи кое-гдѣ прикрывали плоскіе выступы скалъ, да изъ разсѣлинъ между ними торчали тощія растеньица (Artemisia sp.) и уже поблекшія травки; наоборотъ, на сѣверныхъ склонахъ можно было встрѣтить даже пастбищныя мѣста; тамъ же, не смотря на позднее время, намъ удалось добыть нѣсколько экземпляровъ Mus Wagneri, Eversm. и M. arianus, Blanf.

Утромъ термометръ показывалъ 10° мороза; къ полудню на солнцѣ было даже жарко, въ тѣни же не болѣе 4° выше 0°, а къ ночи опять засвѣжѣло и при—3° подулъ довольно сильный вѣтеръ съ сѣверо-востока. Тепломъ мы воспользовались для того, чтобы подковать нѣсколько, наканунѣ расковавшихся, лошадей.

4 октября мы выступили дальше. За отсутствіемъ проводника не имѣя никакого понятія о длинѣ предстоявшаго намъ перехода, мы рѣшились идти до первой воды и травы. Но увы! травы мы вовсе не нашли на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня, а вода встрѣтилась намъ нескоро...

Отъ мѣста нашей стоянки дорога пошла открытой долиной съ едва примѣтнымъ подъемомъ; онъ сталъ, однако, нѣсколько круче подъ самымъ переваломъ, высота котораго, опредѣленная гипсотермометромъ, оказалась равной 7.582 футамъ. На перевалѣ, который представляетъ изъ себя неглубокую сѣдловину, выстроена маленькая китайская кумирня. Отсюда дорога спускается круто и вскорѣ втягивается въ узкое, глубокое и дикое ущелье, которымъ и бѣжитъ съ версту. Восточный склонъ этого ущелья представляетъ сплошную скалистую стѣну, наоборотъ—западный, при большей относительной высотѣ, изрѣзанъ глубокими расщелинами, придающими ему подчасъ самыя дикія и странныя очертанія.

Въ верстѣ отъ перевала восточная стѣна обрывается и передъ путникомъ развертывается картина безбрежной каменистой пустыни съ торчащими тамъ и сямъ вершинками, усыпанными чернымъ щебнемъ, блестѣвшимъ на солнцѣ какъ-то особенно, точно кучи его облиты были жиромъ или нефтянымъ дождемъ. Въ то же время на западѣ все выше и выше подымали свои остроконечныя вершины отвѣсныя слюдяно-сланцевыя скалы, служа разительнымъ контрастомъ уходящей на востокъ плоской пустынѣ съ повсюду обнажающимися послѣдними остатками когда-то бывшихъ здѣсь горъ. Оригинальное мѣсто, подобнаго которому намъ не приходилось уже встрѣчать въ Средней Азіи!

Верстъ на пять гигантской щеткой растянулись эти скалы, а тамъ и онѣ отошли въ сторону, смѣнившись холмами съ болѣе мягкими очертаніями. Но и эти холмы тянулись недолго. Наклонъ дороги пересталъ ощущаться, почва стала вязкой, и мы мало-помалу выбрались на просторъ. Передъ нами была Харюза, уже описанная въ предъидущей главѣ.

Здѣсь отъ нашей дороги отдѣлилась колея, уходившая на востокъ (какъ мы потомъ убѣдились, къ станціи Янчи Хами-Турфанской дороги); здѣсь же впервые появилась и кое-какая растительность—эфедра и Horaninovia ulicina.

Впрочемъ, мы не совсѣмъ еще вышли изъ горъ: отдѣльные холмики и гривы еще долго продолжали вставать въ сторонѣ отъ дороги ¹); но, наконецъ, и эти послѣдніе отпрыски горъ остались у насъ позади, и мы, съ востока обогнувъ скалистый массивъ, вышли въ равнину, изборожденную только неглубокими водостоками и возвышенностями, сложенными изъ рыхлыхъ породъ.

Солнце садилось. Мы прошли уже около 30 верстъ и теперь съ чувствомъ безпредѣльнаго безпокойства озирались кругомъ. Но нѣтъ! впереди, уже окутанная сумракомъ ночи, виднѣлась все та же безбрежная степь безъ всякихъ признаковъ какого-либо пристанища человѣческаго. А между тѣмъ намъ еще въ урочищѣ Джанъ-булакъ говорили о ключѣ на южной сторонѣ перевала. Что же, миновали мы его, не замѣтя, или еще не дошли до него?

Прошло еще томительныхъ полъ-часа... Наконецъ, впереди мы замѣтили двухъ турфанцевъ, вьючившихъ нѣсколькихъ ословъ, какъ оказалось потомъ, мѣшками съ пшеницей. Тутъ и было урочище Ташъ-булакъ—небольшой ключикъ, сочившійся среди зеленой лужайки въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, уже давно вытравленной и загаженной скотомъ.

— Далеко-ли до Чиктыма?

— Іоловъ восемьдесятъ, а то и больше.

---

¹) Холмики эти преимущественно представляли обнаженія метаморфическихъ (глинистыхъ) сланцевъ и кристаллическаго известняка; попадался гнейсъ и разрушенный сіенитъ.

На нашу мѣру это составляло около 35 верстъ. И хотя у Ташъ-булака кормить лошадей было нечѣмъ, но мы рѣшились, закупивъ у турфанцевъ пшеницы, остановиться здѣсь на нѣсколько часовъ съ тѣмъ, чтобы послѣ полуночи выступить дальше къ Чиктыму. Сваривъ скромный ужинъ (при большихъ переходахъ намъ рѣдко приходилось обѣдать) и напившись чаю, мы улеглись кто куда, согрѣваемые теплымъ дыханіемъ турфанской ночи... Спать пришлось, однако, недолго. Ровно въ двѣнадцать я поднялъ людей, и мы, на-скоро закусивъ, при слабомъ свѣтѣ луны стали вьючиться. Еле-еле различали предметы...

— А какъ идти будемъ? колея-то чуть видна...

— Правь вонъ на эту звѣзду...

— Это что правѣе Челпана 1)? Ладно.

И вьюки тронулись, а я остался позади съ Матвѣемъ Жиляевымъ, на обязанности коего лежало освѣщать буссоль при съемкѣ. Съемка ночью крайне затруднительна, и при слабомъ освѣщеніи приходится зачастую вести ее, руководствуясь звѣздами, что, однако, требуетъ и большаго вниманія и возможной неподвижности инструмента; послѣднее достигалось при помощи палки, на которую устанавливалась буссоль. Въ моментъ, когда бралось направленіе, Матвѣй зажигалъ спичку, и я прочитывалъ азимутъ.

Утренній холодокъ давалъ себя чувствовать. Люди кутались въ полушубки, а лошади по собственному почину ускорили шагъ. Къ тому же дорога была ровная и хотя и мало замѣтно, но все же спускалась на югъ 2). Съ восходомъ солнца мы увидали впереди золотистую полоску, въ которой опытный глазъ казака тотчасъ же призналъ камыши.

— Чиктымъ!

Дѣйствительно, намъ оставалось не болѣе восьми верстъ до этого поселенія. Вотъ показались линіи карысей 3), а вотъ, наконецъ, и дунганскія фанзы. Наконецъ-то мы снова среди людей и въ мѣстности, гдѣ покупка фуража для нашихъ, не въ мѣру отощавшихъ, животныхъ не можетъ представить никакихъ затрудненій!

Чиктымскій оазисъ занимаетъ довольно обширную площадь,

---

1) Такъ таранчи называютъ Венеру. Кстати замѣчу, что созвѣздіе Большой Медвѣдицы таранчи и киргизы называютъ «Іеты каракчи»—семь воровъ, т. к. въ темныя ночи созвѣздіе это является союзникомъ барантачей въ ихъ воровскихъ набѣгахъ.

2) Высота перевала 7.582 ф.; высота Чиктыма 1.772 ф.

3) Чиктымъ, находясь на перепутьи дорогъ, ведущихъ въ Турфанъ изъ Хами и Джунгаріи, имѣетъ важное стратегическое значеніе. Вотъ почему китайцы, думая впослѣдствіи образовать китайское поселеніе, руками турфанцевъ усиленно роютъ тутъ карыси.

на которой разбросанно расположено до 35 дунганскихъ и 5 чанъту'скихъ хозяйствъ. Повидимому, воды ключевой и карысной здѣсь очень много. Подъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ на восточной окраинѣ оазиса, находится даже значительное пространство стоячей воды, собирающейся изъ тутъ же бьющихъ ключей 1). А такое обиліе воды, конечно, не могло не вызвать увеличенія запашекъ, которыя здѣсь, дѣйствительно, болѣе значительны, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ другомъ мѣстѣ Турфанской области. Въ Чиктымѣ воздѣлываютъ тѣ же хлѣба, что и во всей странѣ, но хлопокъ и и Sesamum indicum высѣваются въ маломъ количествѣ, хотя, казалось бы, послѣднее растеніе и должно было бы давать здѣсь завидные урожаи.

Въ Чиктымѣ мой братъ дневалъ 2), затѣмъ выступилъ въ Пичанъ по дорогѣ, описаніе коей помѣщено будетъ ниже. Не дождавшись меня въ этомъ городѣ 3), онъ двинулся мнѣ на встрѣчу и, не заходя въ Ханду, оставшееся у него вправо, 8 октября прибылъ въ Лемджинъ. Послѣднюю станцію онъ прошелъ безъ всякихъ приключеній по мѣстности, которая не представляла никакихъ достопримѣчательностей: дорога шла каменистой пустыней, упиравшейся въ Тузъ-тау и на всемъ этомъ протяженіи почти лишенной растительности.

13 октября мы выступили изъ Лемджина по направленію къ Лукчуну, въ ближайшихъ окрестностяхъ котораго и рѣшились остановиться на поправку нашихъ лошадей. Мы прошли населеннѣйшую часть Лукчуна, послѣ чего вышли на каменистую плѣшь, съ трехъ сторонъ окруженную садами, а на востокѣ примыкавшую къ песчанымъ барханамъ Кумъ-тау. Впереди рисовалась длинная цѣпь горъ, на западѣ терявшаяся въ дали. Еще раньше видѣлъ я эти горы, но теперь онѣ выступали яснѣе. Это Чолъ-тагъ, что значитъ «пустынныя горы», сѣверный уступъ обширнаго вздутія, горной страны, протянувшейся отъ изгиба Тарима къ Ала-Шаню и восточнѣе Хами связавшей три горныя системы: Алтай, Тянь-

---

1) Подробности, касающіяся этой ключевой впадины, читатель найдетъ ниже. Здѣсь мы замѣтимъ только, что въ этихъ ключахъ былъ пойманъ новый видъ гальяна — Phoxinus Grumi, Herz. in litt.

2) По дорогѣ въ Чиктымъ и въ садахъ послѣдняго были встрѣчены нижеслѣдующіе виды птицъ: Podoces Hendersoni, Hume, Alaudula pispoletta Seebohmi, Sharpe, Parus cyanus tianschanicus, Menzb., Lanius leucopterus, Sew., Lan. Homeyeri, Cab., Saxicola deserti, Temm. и Ruticilla erythronota, Ev. Независимо отъ сего, на колючемъ растеніи рода Carduus, во множествѣ найдены были наколотыми летучія мыши (Plecotus auritus, L); не продѣлка ли это сорокопутовъ?

3) Караванъ стоялъ лагеремъ въ ключевой (сазистой) мѣстности къ сѣверу отъ Пичана

Шань и Нянъ-Шань. Черезъ эти горы, какъ намъ говорили теперь, проходитъ торный путь къ Лобъ-Нору, которымъ пользуются преимущественно китайскіе гонцы и торговцы, вымѣнивающіе тамъ всевозможный товаръ на бараньи гурты [1]). По этому же пути много развалинъ, въ которыхъ и до настоящаго времени отыскиваютъ различныя издѣлія изъ мѣди и золота и роговые и глиняные футляры съ исписанными непонятными буквами бумажными свертками [2]). Но и помимо этого пути Чолъ-тагъ изрѣзанъ тропинками, хорошо извѣстными мѣстнымъ охотникамъ. Тамъ встрѣчаются высокія горы, дикія ущелья, лѣса, обширныя тростниковыя займища и водится всякій звѣрь: медвѣди [3]), волки, лисицы, дикія кошки (малунь), кабаны, дикіе верблюды [4]), аркары, антилопы кара-куйрюки (джераны) и, наконецъ, зайцы.

Если читатель взглянетъ на лучшія карты, изданныя до девятидесятаго года, и познакомится съ тѣмъ, что писалось о странѣ, расположенной между Нань-лу и Алтынъ-тагомъ, то легко пойметъ тотъ живой интересъ, съ которымъ мы внимали всѣмъ подобнаго рода разсказамъ о ней [5]). Очевидно, намъ описывали страну, нѣкогда составлявшую владѣніе Леулянь или Шаньшань, гдѣ одно время [6]) сходились главнѣйшіе пути изъ Китая въ Индію, Бактрію и Туркестанъ.

Всѣ эти подробности о Чолъ-тагѣ мы узнали въ селеніи Янъбулакъ, сады котораго ограничивали съ юга помянутую выше пустынную площадку съ частью глинистой, частью галечной почвой. Намъ хотѣли даже представить гонца, только что прибывшаго съ

---

[1]) Между Лобъ-Норомъ и Турфаномъ существуютъ самыя тѣсныя торговыя сношенія. Наибольшіе обороты въ этой торговлѣ совершаетъ выходецъ изъ Русскаго Туркестана (изъ гор. Ходжента).

[2]) Замѣчательно, что желѣзныхъ издѣлій тамъ до сихъ поръ еще не было найдено; равнымъ образомъ издѣлій изъ серебра.

[3]) «Аю», «аикъ», о которомъ разсказываютъ, что онъ кормится ягодами и муравьями: оближетъ лапу, засунетъ въ кучу и, когда она облипнетъ муравьями, ихъ слизываетъ. Но я сомнѣваюсь, чтобы медвѣди гдѣ бы то ни было жили въ Бэй-Шанѣ, а къ тому же еще и въ сообществѣ съ муравьями. Принимая въ соображеніе, что туфанцы говорили мнѣ, что въ горахъ Чолъ-тагъ водятся дикіе яки, а также козы съ прямыми рогами (вѣроятно — оронго-Pantholops Hodgsoni), я думаю, что съ Чолъ-таг'скимъ нагорьемъ они смѣшивали и нагорье Сѣвернаго Тибета. Но откуда фантазія ихъ могла занести въ Бэй-Шань медвѣдя, да вдобавокъ еще муравейника—сказать, конечно, труднѣе.

[4]) Всего больше дикихъ верблюдовъ въ горахъ, примыкающихъ къ Баграчъ-кулю.

[5]) Страну эту намъ рисовали всегда совершенно безводной, недоступной и дикой, заполненной сыпучими песками и лишенной органической жизни; впрочемъ, въ китайскихъ лѣтописяхъ встрѣчались уже указанія на существованіе тамъ пустынныхъ горныхъ кряжей.

[6]) Прямая дорога изъ Юй-мынъ-гуаня въ Хами и Турфанъ, помимо Шаньшани, открыта была лишь въ 3 г. по Р. Хр.

Лобъ-Нора, но, какъ впослѣдствіи оказалось, его задержали въ Лукчунѣ.

И такъ передъ нами лежала теперь новая площадь изслѣдованія—горы Чолъ-тагъ. Но лошади, выведенныя нами изъ Семирѣчья, для подобной поѣздки уже не годились, и мы рѣшились взять туда свѣжихъ, только что приведенныхъ мной изъ Турфана. Во всякомъ случаѣ подобная экскурсія могла затянуться на двѣ, даже на три недѣли. Вотъ почему рѣшено было покинуть Янъ-булакъ и перебраться на четыре версты къ западу, въ уроч. Лукчунъ-кыръ, гдѣ хотя травы были и скудныя, но все же ихъ было достаточно для прокорма нашихъ барановъ.

14 октября я отправился въ Дга, окрайнее къ Чолъ-тагу селеніе, гдѣ мы могли подыскать проводника и разузнать подробнѣе объ условіяхъ путешествія въ этихъ горахъ. Путь туда шелъ сначала среди полей, засѣянныхъ акъ-джугарой, кунжутомъ и хлопкомъ, а затѣмъ по глинисто-песчаной мѣстности, изрытой глубокими промоинами и поросшей джантакомъ и камышемъ; кое-гдѣ попадались карыси и виднѣлись хутора, окруженные садами и пашнями и носившіе въ большинствѣ случаевъ имена своихъ владѣльцевъ. На пятнадцатой верстѣ отъ Лукчунъ-кыра дорога вступила въ пески, постелью которымъ мѣстами служилъ кремень, на столько уже выбитый пескомъ, что онъ получилъ видъ скорѣе пористой, чѣмъ плотной горной породы; пески эти имѣли болѣе темную окраску, чѣмъ барханы Кумъ-тау, къ которымъ мы теперь замѣтно приблизились, и поросли тамарискомъ, Karelinia caspia, Less., джантакомъ, Zollikoferia acanthoides, Boiss. (еще бывшей въ цвѣту), Salsola kali, L. и другими солянками. На двадцатой верстѣ мелькнули, наконецъ, впереди темно-зеленыя массы садовъ, а четверть часа спустя мы уже въѣзжали въ небольшое селеніе Дга, въ которомъ насъ хотя и приняли очень радушно, но въ проводникѣ отказали, ссылаясь на отсутствіе какихъ либо на сей счетъ распоряженій со стороны лукчунскихъ властей. Это вызвало мою поѣздку въ Лукчунъ на свиданіе съ таджіями [1]), въ отсутствіе вана управлявшими княжествомъ.

Свиданіе это могло состояться не ближе 18 числа. Меня приняли въ большой пріемной княжескаго дворца, внутреннее убранство коей было китайское. Да и внѣшній видъ двухъ-этажнаго зданія, а также обширнаго двора, съ присущими всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ въ Китаѣ, парадными воротами—«да-танъ», по серединѣ, представлялъ смѣшеніе стиля китайскаго съ туркестанскимъ. У этихъ воротъ я сошелъ съ коня и тотчасъ же былъ окруженъ бородачами въ китайскихъ костюмахъ, которые и ввели меня въ упомянутую пріемную, гдѣ былъ уже сервированъ чай и обычный дессертъ: сахаръ, печеніе, свѣжіе и сухіе плоды. Едва я заикнулся о причинѣ, приведшей меня въ Лукчунъ, какъ тотчасъ же получилъ разрѣшеніе брать проводниковъ, куда хочу и сколько хочу. Добившись такимъ образомъ главнаго, я, ради приличія, пробылъ еще минутъ съ пять, послѣ чего, поблагодаривъ за радушный пріемъ, удалился тѣмъ же порядкомъ, какъ прибылъ. На этотъ разъ, впрочемъ, нѣсколько таджи верхомъ проводили меня до городского предмѣстья.

---

[1]) Слово это объяснено будетъ ниже.

На слѣдующій день все уже было готово, и братъ, въ сопровожденіи Ташбалты и Ивана Комарова, имѣя одну запасную лошадь и верблюда, нагруженнаго необходимѣйшей утварью и запасами провіанта и фуража, выступилъ въ Дга, а оттуда въ пустынное нагорье Чолъ-тагъ.

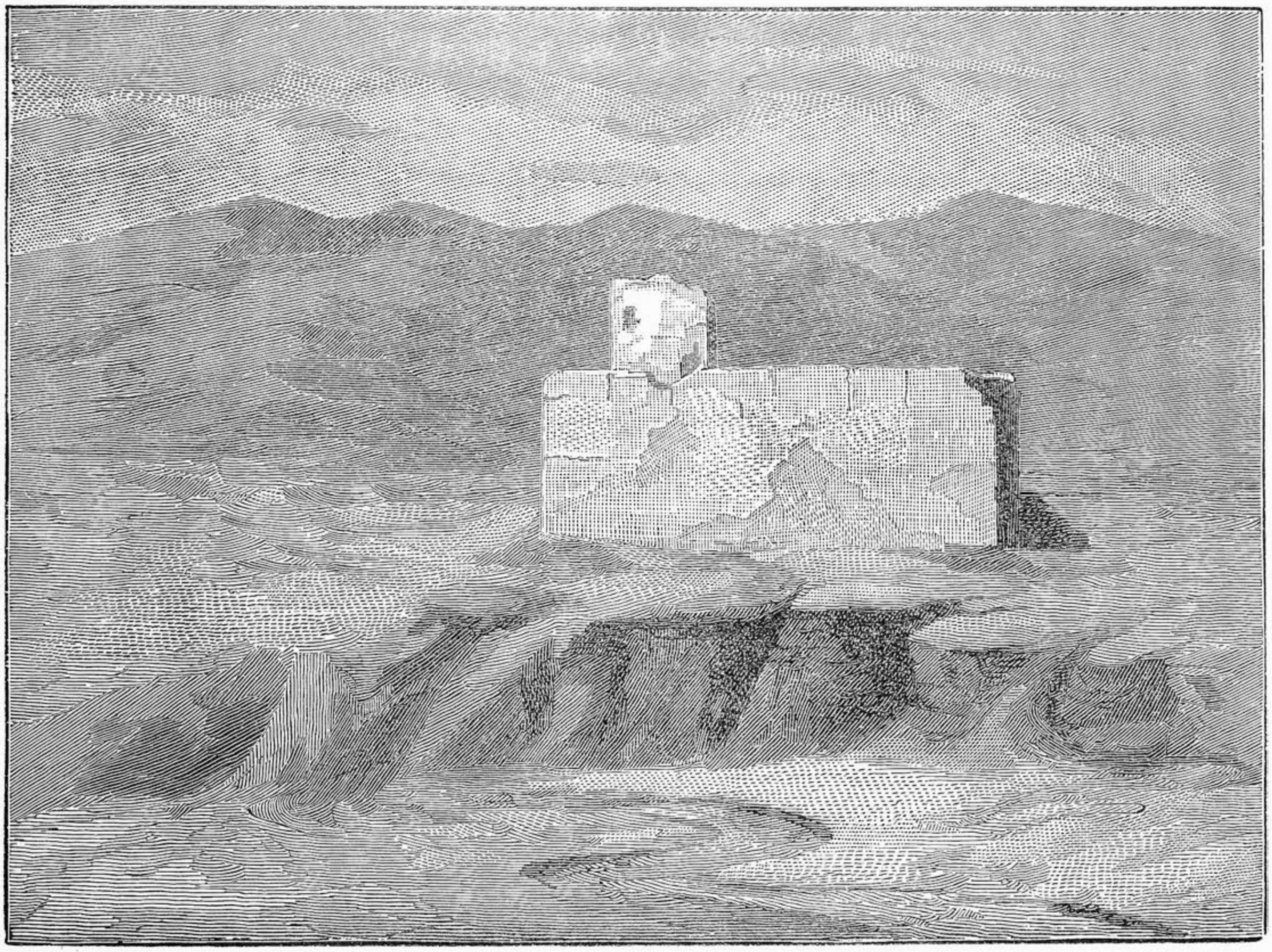
Мы распрощались на долго, можетъ быть, на двѣ, на три недѣли, въ теченіе коихъ на мою долю выпадала мало благодарная и въ то же время сравнительно мало интересная работа—собраніе по возможности разнообразныхъ свѣдѣній о населеніи Турфанской области. Свѣдѣнія эти я помѣщаю ниже; здѣсь же считаю умѣстнымъ, изложивъ описаніе своей поѣздки къ развалинамъ Асса-шара, сказать нѣсколько словъ, какъ о фаунѣ позвоночныхъ Турфана, такъ и объ его климатическихъ особенностяхъ за октябрь и ноябрь мѣсяцы, чѣмъ и закончить настоящую главу.

Это было уже въ ноябрѣ. Холода стояли большіе, и мы не особенно охотно предпринимали какія-либо поѣздки въ окрестности. Но тутъ я случайно узналъ о существованіи верстахъ въ пятнадцати отъ нашего бивуака развалинъ «города» Асса-шаръ и рѣшился съѣздить ихъ осмотрѣть.

Слово «шаръ» ввело меня въ заблужденіе. Предполагая встрѣтить здѣсь нѣчто подобное развалинамъ, какихъ такъ много въ Турфанской области, я не захватилъ съ собой фотографическаго аппарата, и хотя этотъ промахъ я и постарался впослѣдствіи загладить изготовленіемъ приложенныхъ здѣсь рисунковъ, но, конечно, послѣдніе не могутъ претендовать на особую точность и полноту.

Изъ Лукчунъ-кыра я направился къ югу и, проѣхавъ первыя пять верстъ культурной полосой, за селеніемъ Чонъ-бостонъ вступилъ въ область бугристыхъ песковъ, поросшихъ гребенщикомъ, бöртекеномъ (Nitraria Schoberi), джантакомъ, чамекомъ (Zollikoferia acanthoides), шапомъ (Salsola spissa) и другими солянками. На одиннадцатой верстѣ мы наткнулись на небольшую постройку, отъ которой остались однѣ только стѣны, а вскорѣ затѣмъ я увидѣлъ и высокую башню Асса-шара.

Асса-шаръ расположенъ на берегу сухого русла значительной рѣчки и нынѣ уже на половину засыпанъ песками [1]). Высокія и



Общій видъ на развалины Асса—шаръ съ сѣвера.

толстыя стѣны его не имѣютъ бойницъ и съ внѣшней стороны не представляютъ ничего замѣчательнаго; за то изнутри въ нихъ продѣланы ниши, расположенныя въ два яруса. Ниши эти неодинаковой величины, но всѣ тщательно оштукатурены алебастромъ и выкрашены въ блѣдно-розовый цвѣтъ; наименьшая изъ нихъ все же могла бы служить спальней одному или даже двумъ человѣкамъ. Потолокъ въ нихъ выведенъ сводомъ, при чемъ только по серединѣ такого помѣщенія человѣкъ средняго роста могъ бы стоять, не касаясь потолка головой. Наибольшая изъ этихъ нишъ находится въ южной стѣнѣ и имѣетъ узкій круговой ходъ; безъ сомнѣнія, это была небольшая кумирня, къ которой придѣлана была и лѣстница—единственная лѣстница на всемъ обширномъ дворѣ Асса-шара, если не считать другой такой же лѣстницы, ведшей въ центральное зданіе. Послѣднее значительно возвышается надъ стѣной и, вѣроятно, въ свое время имѣло нѣсколько этажей. Верхній кончался куполомъ, отъ котораго теперь остались только слѣды. Башня должна была быть довольно мрачной внутри, такъ какъ освѣщалась при помощи всего только шести небольшихъ оконъ, по три на верхній и средній этажъ. Впрочемъ, я не увѣренъ, существовалъ ли еще и нижній этажъ: въ серединѣ все зданіе завалено было мусоромъ, снаружи къ нему примыкали высокія кучи песку и обломковъ [1]). Внутреннія стѣны башни были оштукатурены алебастромъ, который мѣстами сохранилъ еще замѣчательную бѣлизну; никакихъ красокъ здѣсь не было видно, и единственнымъ архитектурнымъ украшеніемъ верхняго этажа былъ красивый карнизъ, отъ котораго теперь остались одни только куски. Въ эту залу проникали снаружи черезъ высокую и узкую дверь. Отъ лѣстницы уцѣлѣло всего нѣсколько ступеней, но и по нимъ не трудно составить себѣ понятіе о былой ея неуклюжести. Внутри двора не существовало, повидимому, никакихъ построекъ; только въ юго-западномъ углу его стоялъ жертвенникъ куреній съ сохранившимся на немъ пепломъ курительныхъ свѣчей, да тутъ же помѣщалась кузница, въ которой мы докопались до обломковъ чугуна и желѣзной накипи [2]). Въ Асса-шаръ вели одни только ворота, выведенныя сводомъ и расположенныя близъ башни; они могли пропустить двѣ телѣги рядомъ.

---

[1]) Пески эти, какъ кажется, одного состава съ барханами Кумъ-тау, а потому происхожденія болѣе древняго, чѣмъ пески Турфана или окрестностей Дга.

По типу постройка Асса-шара не имѣетъ себѣ подобныхъ во всемъ Туркестанѣ; всего же больше напоминаетъ развалины Ташъ-рабатъ, находящіяся въ горахъ къ сѣверу отъ озера Чатыръ-куля, у подошвы перевала съ тѣмъ же названіемъ Ташъ-рабатъ.

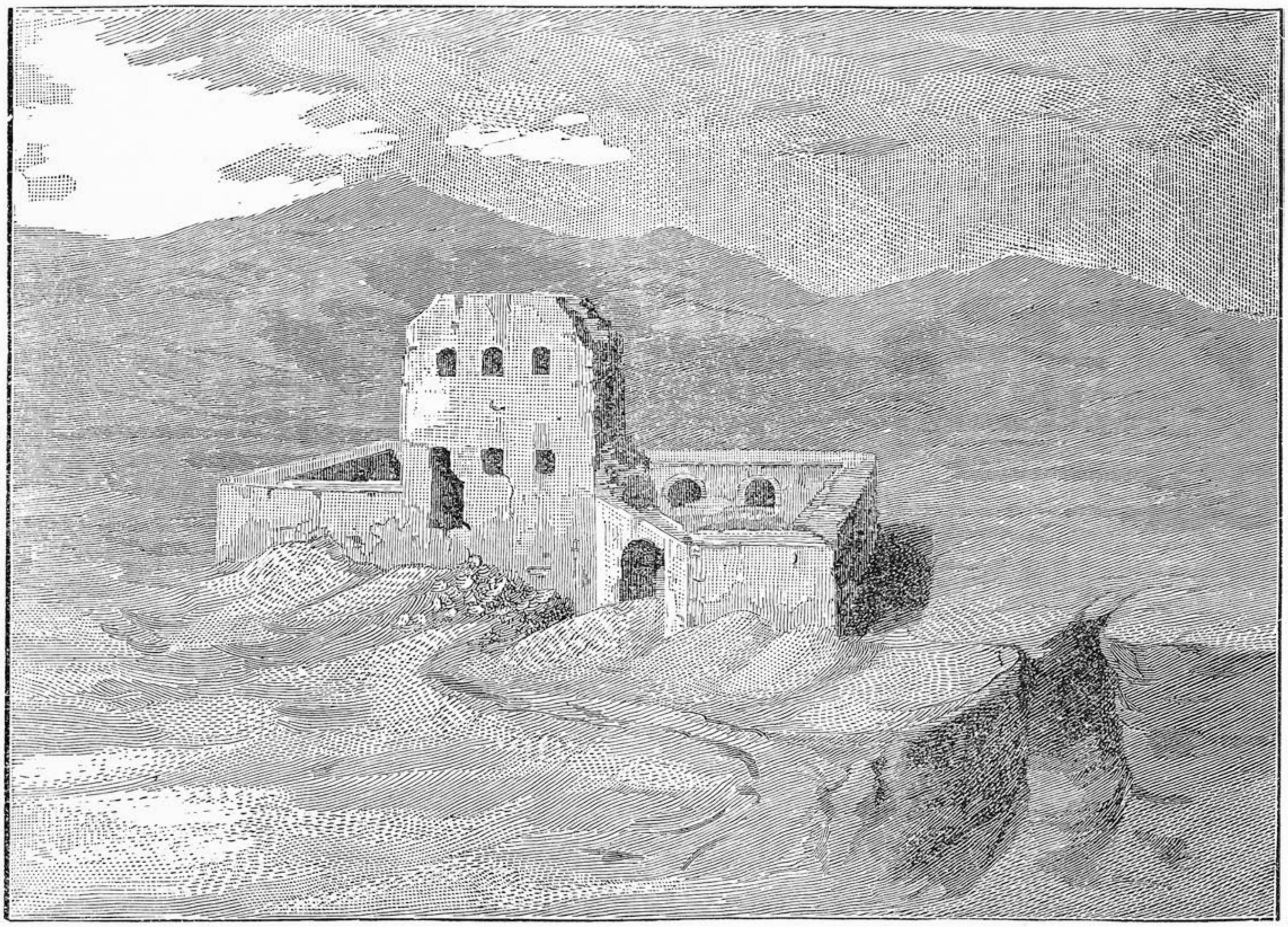
Изъ крупныхъ млекопитающихъ въ Турфанской области водятся: кабанъ (въ камышевыхъ заросляхъ къ западу отъ Асса-шара) [1]), кара-куйрюкъ, по мѣстному джеранъ (въ пескахъ вдоль Чолъ-тага и въ пустынѣ Харюза), дикая кошка—малунь (Felis manul?) [2]), лисицы и волки; зайцы попадаются очень рѣдко. Что же касается до мелкихъ животныхъ, то изъ нихъ намъ удалось добыть только нижеслѣдующіе виды: Plecotus auritus, L. (шапарюкъ), Gerbillus collium, Sew. (ильмен-тагтагъ), Gerb. meridianus, Pall., Mus Wagneri, Ev. и Eremiomys lagurus, Pall.

---

[1]) Къ тому же, можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ хорами, т. е. круговыми верхними галлереями, а не этажами?

[2]) Кромѣ того, въ кучахъ мусора мы находили еще осколки цвѣтнаго (синяго) стекла и глиняные черепки; намъ говорили, что когда-то въ Асса-шарѣ находили множество мѣдныхъ и золотыхъ издѣлій, теперь же попадаются только глиняные сосуды круглой формы, заключающіе зерна пшеницы и свертки, исписанные на непонятномъ алфавитѣ.

Птицъ, зимующихъ въ области, оказалось немного; намъ удалось замѣтить или добыть въ коллекцію нижеслѣдующіе виды: Circus cyaneus, L. [3]), Accipiter nisus, Linn. [4]), Buteo ferox, Gm. [5]), Falco babylonicus, Gurn., Falco regulus, Pall., Cerchneis tinnunculus, L. [6]), Asio otus, L. [7]), Carine bactriana, Hutt., Corvus corax, L., Colaeus monedula



Развалины Асса-шаръ съ востока.

---

[1]) По киргизски—тонгусъ, по турфански—херсъ.

[2]) Встрѣченная братомъ въ горахъ Чолъ-тагъ кошка несомнѣнно была Felis manul; но мнѣ говорили также о пятнистой кошкѣ; конечно, это другой видъ.

[3]) Кажется, эту птицу турфанцы и киргизы называютъ «лачинъ» (лечинъ).

[4]) Киргизы называютъ этого ястреба «карчега», турфанцы—«качега».

[5]) Эту птицу киргизы называютъ «гез-куйрюкъ», турфанцы—«санкара». B. leucocephalus —«токсаръ».

[6]) Пустельга, какъ кажется, у киргизъ извѣстна подъ именемъ «кюкентай», у турфанцевъ подъ именемъ «кокёнекъ»; сѣрыхъ же копчиковъ и тѣ и другіе называютъ «турумтай».

[7]) По киргизски—«укё», по турфански—«сюмкушъ». Такъ называютъ также Bubo turcomanus.

collaris, Drumm., Col. dauricus, Pall., Col. neglectus, Schleg., Corone corone, L., Pica caudata, Ray, Podoces Hendersoni, Hume 1)), Passer montanus, L., Alaudula pispoletta Seebohmi, Sharpe, Tichodroma muraria, L. (въ горахъ Тузъ-тау), Parus cyanus tianschanicus, Menzb., Lanius sphenocercus, Cab., Lan. leucopterus, Sew., Lan. Homeyeri, Cab. 2)), Saxicola deserti, Temm., Ruticilla rufiventris, Vieill., Rut. erythronota, Ev., Merula maxima, Seeb., Mer. atrigularis, Temm., Cinclus leucogaster, Bp., Syrrhaptes paradoxus, Pall. 3)), Pterocles arenarius, Pall. и Dafila acuta, L.

Нѣтъ другого болѣе знойнаго уголка въ Средней Азіи, какъ Турфанская область; зависитъ же это отъ орографическихъ особенностей этой страны. Турфанъ находится въ котловинѣ, глубочайшая часть которой лежитъ на сотни футъ ниже уровня океана 4)). Въ Притяньшаньѣ господствуютъ два вѣтра: сѣверо-западный, дующій преимущественно весной и лѣтомъ и сѣверо-восточный— осенью и зимой. Отъ перваго Турфанъ защищенъ снѣговымъ массивомъ Богдо-Ола, второй перекатывается свободно черезъ пониженную часть Тянь-Шаня 5)). Оттого климатъ Турфана очень сухъ и зимой, сравнительно, очень суровъ, а лѣтомъ очень зноенъ. Крайности континентальнаго климата здѣсь увеличиваются. Солнечные лучи всей своей силой накаляютъ горы Тузъ и Кумъ-тау, безплодныя каменистыя пространства Харюзы и того пояса пустыни, который тянется вдоль южныхъ склоновъ Тузъ-тау, и, отражаясь, значительно возвышаютъ лѣтнюю температуру, которая и безъ того высока, благодаря вѣчно безоблачному небу, чрезвычайной сухости воздуха и отрицательной высотѣ мѣста.

Изъ вышесказаннаго ясно, что осень въ Турфанѣ, въ смыслѣ быстрыхъ и частыхъ переходовъ отъ зноя къ холоду и обратно, не можетъ быть постоянной. Дѣйствительно, стоитъ только подуть восточному вѣтру, и теплые дни смѣняются въ Турфанѣ тотчасъ-же сильной стужей, которая только до нѣкоторой степени

---

1)) Тарачинцы зовутъ ее «кул-юрга», потому что, когда бѣжитъ, то переваливаетъ тѣло подобно иноходцу (юрга—иноходь), или «чол-саузганъ»—птица пустыни.

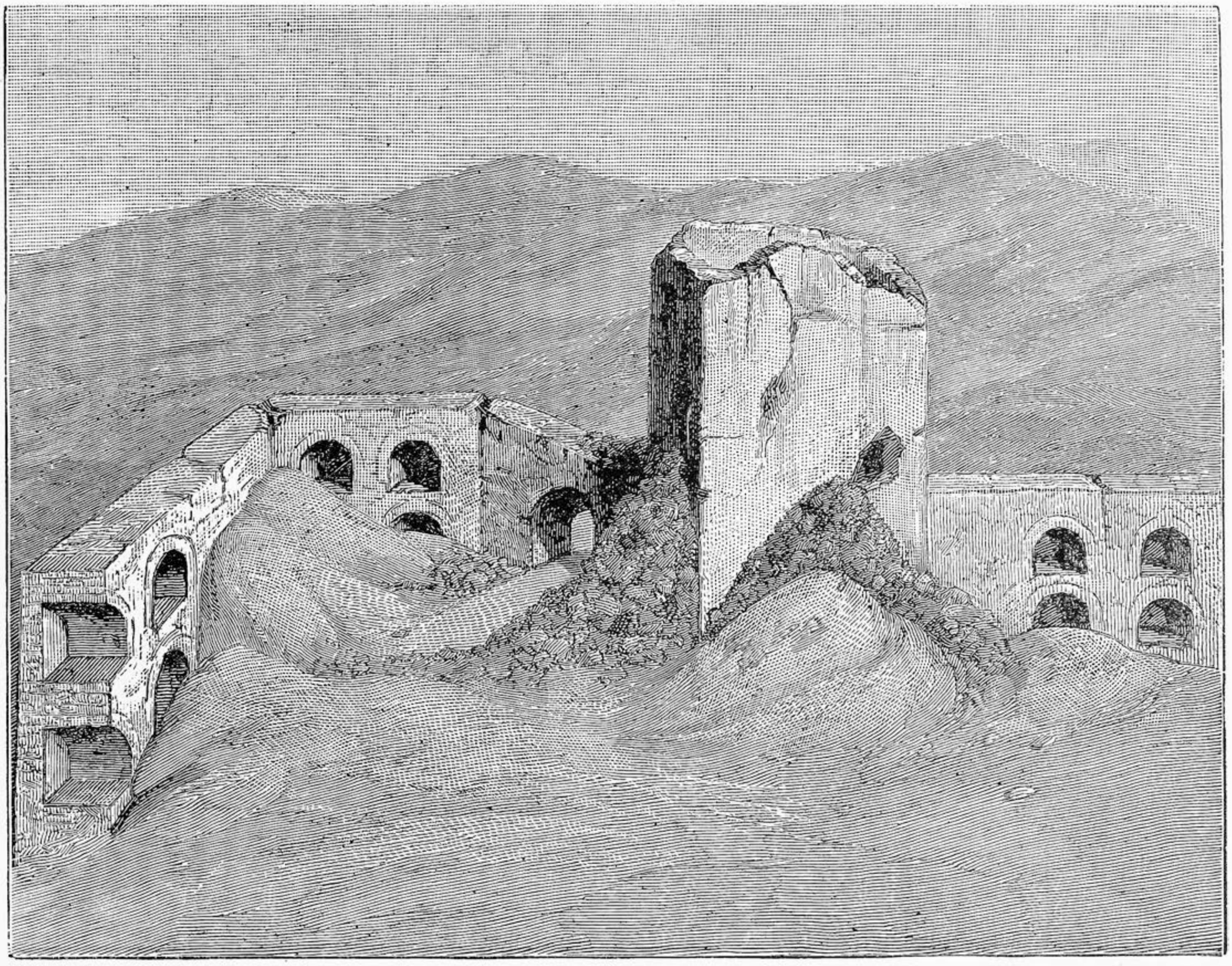
2)) Сорокопутовъ киргизы называютъ «кук-алдай», таранчи (и турфанцы)—«уралдай», къ чему, по цвѣту птицы, прибавляютъ—«сары», «алыкъ» и др.

3)) Киргизы зовутъ ее—«бульдрюкъ», турфанцы—«бабыртагъ».

4)) По нашему опредѣленію Лукчунъ-кыръ находится на абсолютной высотѣ—164 ф. По сообщенію Роборовскаго, въ прошломъ году (1894) посѣтившаго Турфанскую область, ему удалось достичь мѣстности, лежащей на нѣсколько сотъ футовъ ниже Лукчунъ-кыра. Эта отрицательная низменность представляетъ одно изъ интереснѣйшихъ географическихъ открытій послѣдняго времени, къ которому мы еще будемъ имѣть случай вернуться.

5)) Косвеннымъ доказательствомъ преобладанія въ Турфанской котловинѣ восточныхъ вѣтровъ служатъ пески, надвигающіеся съ востока на Турфанскій оазисъ.

умѣряется яркими солнечными лучами. Вѣтеръ стихаетъ—и тотчасъ-же возстановляется прежнее тепло, которое и продолжается до перваго восточнаго вѣтра. Такая быстрая смѣна холода и тепла замѣчается и зимой. Снѣжный покровъ здѣсь отсутствуетъ, почва нагрѣвается быстро и, при безвѣтріи, столь же быстро нагрѣваетъ и воздухъ; такъ, въ ноябрѣ, напримѣръ, послѣ сильныхъ морозовъ наступили вдругъ такіе теплые дни, что термометръ даже по утрамъ не опускался ниже 0°. Это да отсутствіе снѣжнаго покрова вліяетъ здѣсь и на значительность суточныхъ амплитудъ, нерѣдко достигающихъ 25°[1]).



Развалины Асса-шаръ восточная часть двора.

Въ частности, климатъ октября и ноября, проведенныхъ нами въ Турфанской области, отличался нижеслѣдующими особенностями.

Изъ 56 дней наблюденія: безоблачныхъ и ясныхъ насчитывался 41 день (73%), облачныхъ или подернутыхъ какъ-бы вуалью—12 (21%), пасмурныхъ 3 (5%), изъ коихъ дождливыхъ дней—1 (6 октября), со снѣгомъ и вѣтромъ тоже 1 (12 ноября); безвѣтренныхъ или съ очень слабымъ вѣтромъ 45, вѣтренныхъ 7, съ сильнымъ вѣтромъ, не переходившимъ, однако, въ бурю—4; сѣверо-восточный вѣтеръ наблюдался 8 разъ, сѣверный 2 и сѣверо-западный 1 разъ.

---

[1]) Онѣ были бы еще значительнѣе, если бы днемъ температура наблюдалась не въ тѣни, а на солнцѣ.

Едва спустившись съ Тянь-Шаня, мнѣ пришлось уже наблюдать температуру ниже 0°, а именно — 3°; но затѣмъ, въ теченіе 5 дней термометръ ниже +2°,5 не опускался, при чемъ 5-го числа минимумъ его показаній равнялся 9°; 6 октября задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, пронесшій надъ Турфаномъ тучи, которыя, можетъ быть, скопились надъ Тянь-Шанемъ, благодаря сѣверо-западнымъ вѣтрамъ; за симъ, начиная съ 7 числа до 17 наблюдались ежедневные холодные утренники; ночью термометръ нерѣдко показывалъ 13° мороза, съ восходомъ же солнца лучи его быстро вновь нагрѣвали почву, и термометръ подымался къ полудню до 12°—18° въ тѣни и 20°—25° на солнцѣ. Съ 17 по 21 октября чувствовалось въ воздухѣ особенное тепло: термометръ даже по утрамъ не опускался ниже 0°, за исключеніемъ 18 октября, когда температура понизилась до—2,°5. 21-го подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, температура снова понизилась, а съ 26-го наступили такіе морозы, которые указали на конецъ осени и наступленіе зимняго сезона. Съ конца октября температура уже ни разу не подымалась выше 12°,5 въ тѣни (11 ноября), за то опускалась неоднократно до—16°—20° (23 ноября даже до—20°,5). Впрочемъ, и тутъ выпадали еще теплые дни; такъ, 12 ноября, благодаря пасмурному небу, ночь была особенно теплой и термометръ не опустился ниже 0°.

ГЛАВА XIV.

Турфанъ.

Въ Центральной Азіи, безъ сомнѣнія, очень много земель, богато одаренныхъ природой, но весьма мало такихъ, которыя возбуждали бы столь значительный интересъ, какъ Турфанъ. Уже издавна [1]) писалось, что владѣніе это обладаетъ климатомъ настолько благопріятнымъ для земледѣлія, что въ немъ собираютъ двѣ жатвы, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣто въ немъ до крайности знойное [2]), зима совершенно безснѣжная, а почва по преимуществу каменистая и песчаная; что песокъ этотъ на его восточныхъ окраинахъ занимаетъ даже обширное пространство земли, по которому то пересыпается подобно зыби морской, то остается неподвижно приподнятымъ въ видѣ волнъ расходившагося было, а затѣмъ вдругъ замиреннаго океана: это Ханъ-хай, т. е. Сухое море китайцевъ [3]); что, служа для каждаго земледѣльца въ высшей степени заманчивымъ уголкомъ [4]), производя лучшіе въ мірѣ дыни и виноградъ [5]), оно вмѣстѣ съ тѣмъ остается доступнымъ только для тѣхъ, кто не боится ни сильнѣйшаго вѣтра [6]), ни безводья, ни наконецъ, проѣзда по страшной «долинѣ бѣсовъ» [7]).

---

[1]) Въ первые вѣка нашей эры.

[2]) «Небо дышетъ пламенемъ». Риттеръ. «Землевѣдѣніе». Вост. Туркестанъ, 1869 г., стр. 157.

[3]) Риттеръ (l. c.) стр. 7. Bretschneider (op. cit.) II, стр. 191.

[4]) «Почва тучная и плодородная», l. c. стр. 158.

[5]) Тамъ же.

[6]) Телѣги опрокидываетъ даже въ томъ случаѣ, если онѣ тяжело нагружены; людей же уноситъ такъ далеко, что нѣтъ возможности ихъ найти, l. c., стр. 155.

[7]) В. В. Григорьевъ. «Восточный или Китайскій Туркестанъ», 1873, стр. 266.

Но страхи эти, дѣйствительные для единичныхъ людей, не могли остановить, разумѣется, правительствъ сосѣднихъ могущественныхъ народовъ. Неудержимой волной хлынули сюда всевозможные завоеватели и, оспаривая Турфанъ другъ у друга, разоряли его, уводили жителей въ плѣнъ или заселяли ими сосѣднія земли. Сколько кровавыхъ событій, сколько перемѣнъ различныхъ владычествъ вынесло на себѣ населеніе этой страны въ первые вѣка исторической своей жизни, и сосчитать невозможно! И китайцы и хунны, и различныя гаогюйскія поколѣнія, а затѣмъ жеужани, тукіесцы, тибетцы и, наконецъ, ойхоры—какая громадная смѣсь племенъ, языковъ, обычаевъ и культуръ! И всѣ они не только оросили своею кровью турфанскія земли, но и влили ее въ жилы кореннаго населенія этой страны—древнихъ чешысцевъ! Но таково ужь было и осталось свойство этой земли—никто изъ самыхъ сильныхъ завоевателей ея не посмѣлъ измѣнить разъ въ ней заведенной культуры, которая и сохранилась здѣсь неизмѣнно до нашихъ временъ.

Земли Турфана, какъ мы это уже видѣли, дѣйствительно представляютъ изъ себя не болѣе, какъ песчано-глинистую или даже каменистую степь, на которой внѣ воды вовсе нѣтъ жизни; а воды здѣсь немного: всего какихъ-нибудь три, много ужь если четыре убогихъ ручья, и это — на громадную площадь, равную чуть не 10 тыс. кв. верстамъ! Есть отъ чего придти въ уныніе и невзыскательному номаду! А между тѣмъ именно здѣсь, въ этой пустынѣ, жило и живетъ немалое населеніе и стояли нѣкогда цвѣтущіе города—ядро столь впослѣдствіи знаменитой богатствомъ своимъ Уйгурской державы. Достаточно вспомнить хотя бы тотъ фактъ, что, «когда монгольскіе императоры нуждались въ деньгахъ, то уйгуры имъ служили банкирами; такъ, напримѣръ, при одномъ Угэдэѣ заплачено было имъ въ счетъ долга 76 тысячъ серебряныхъ слитковъ; равнымъ образомъ, когда князья крови и вообще сильные люди той эпохи нуждались въ жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ, въ Уйгурію же посылали они людей своихъ за всѣмъ этимъ, какъ въ другія мѣста за соколами и кречетами» [1]...

Въ чемъ же кроется здѣсь секретъ и кто тѣ чародѣи, поборовшіе природу и съумѣвшіе обратить пустыню, при посредствѣ сооруженій, не хитрыхъ по выполненію, но геніальныхъ по замыслу, въ цвѣтущій оазисъ? Увы, мы ихъ вовсе не знаемъ! Исторія застаетъ здѣсь какихъ-то чешысцевъ, безъ сомнѣнія—испорченное китайцами названіе намъ вовсе невѣдомаго народа...

---

[1] О. Іакинфъ. «Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова», 1829, стр. 282 и 301.

Многіе оріенталисты считаютъ ихъ за одно изъ отдѣленій уйгуровъ, очень рано обратившееся къ культурѣ земли; должны замѣтить, что гипотеза эта не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ покоятся доводы этихъ ученыхъ? Птоломей упоминаетъ о народѣ ойхардахъ, китаецъ Фасянь, подъѣзжая къ Карашару, пишетъ, что прибылъ въ землю «Уй». Но вѣдь Фа-сянь былъ въ Карашарѣ въ 399 г., а китайскія лѣтописи упоминаютъ о гаогюйскихъ поколѣніяхъ (уйгурахъ), жившихъ въ Тянь-шанѣ, къ сѣверу отъ Карашара, уже въ началѣ IV вѣка; въ фа-сянево же время (между 399 и 402) совершилъ свой набѣгъ на Восточный Туркестанъ и жеу-жаньскій ханъ Шелунь, причемъ встрѣтилъ уже тамъ гаогюйцевъ и «далеко прошелъ ихъ землями» [1]). И такъ, уйгуры дѣйствительно жили въ IV вѣкѣ въ земляхъ Восточнаго Туркестана, могли жить тамъ, разумѣется, и раньше, напримѣръ, хотя бы въ то же птоломеево время. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? и что общаго между чешысцами—осѣдлымъ народомъ, и сказанными кочевниками? Если допустить даже, что послѣдніе дѣйствительно перешли къ земледѣлію, то какое же основаніе имѣемъ мы утверждать, что они сразу перешли къ такому сложному полевому хозяйству, какое мы уже здѣсь застаемъ (а иного здѣсь никогда и быть не могло), и одновременно додумались до такихъ удивительныхъ гидротехническихъ сооруженій, которыми, безъ сомнѣнія, могли бы гордиться и современныя намъ европейскія націи?

Въ настоящее время, кромѣ Турфана, подпочвенныя воды (если вообще почвой можно называть конгломератныя толщи, мощностью до 250 и много болѣе футовъ) утилизируются для орошенія полей еще только въ Иранѣ и въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ послѣднему съ сѣвера [2]), причемъ для вывода воды на поверхность земли примѣняется повсемѣстно совершенно одинаковое устройство сѣти подземныхъ каналовъ. И что же, неужели эти кочевники, «ранняя отрасль уйгуровъ», додумались до подобнаго рода сооруженій независимо отъ древнихъ иранцевъ?

Такимъ образомъ, съ первыхъ же шаговъ нашего знакомства съ Турфаномъ, мы наталкиваемся на цѣлый рядъ фактовъ громаднаго интереса. Этотъ интересъ поддерживается и другими свѣдѣніями, которыя мы почерпаемъ изъ китайскихъ сообщеній объ этой странѣ.

---

[1]) О. Іакинфъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, стр. 208.

[2]) Напр., въ Закаспійской обл., въ Закавказьи и т. д.

Въ Гаочанѣ[1]), пишутъ они, есть область и городъ Хо-чжеу что значитъ «огненный городъ»; названъ же онъ такъ потому, что дождей въ его окрестностяхъ никогда не бываетъ, воздухъ сухъ и горячъ, а камни, слагающіе здѣсь ближнія горы, огненно-краснаго цвѣта[2])... Къ тому же, накаленныя солнцемъ, послѣднія дѣлаются совсѣмъ нестерпимы для глазъ, что, въ свою очередь оправдываетъ данное имъ названіе «огненныхъ горъ» (Хо-янь-шань)[3]).

Еще болѣе удивительная гора подымается къ сѣверо-западу отъ Турфана; она называется «Линь» и представляетъ совершенное чудо: нѣтъ на ней ни растеній, ни деревьевъ, ни птицъ или звѣрей, и все ограничивается здѣсь группою самыхъ красивыхъ пестрыхъ скалъ, на вершинѣ которыхъ находится озеро съ темно-фіолетовымъ пикомъ по серединѣ и съ сокрытыми въ водахъ его волосами цѣлой сотни тысячъ лохaней; нѣкогда грѣшники, они, подвизаясь на поприщѣ добродѣтели, возвысились здѣсь до безсмертія!..[4]) Камни, твердые, какъ кость, и прозрачные, какъ нефритъ покрываютъ всѣ склоны слѣдующей горы и почитаются за кости этихъ святыхъ; другіе такіе же камни, торчащіе изъ горъ въ видѣ рукъ и ногъ, считаются уже останками самого Будды, который равнымъ образомъ здѣсь сталъ безсмертнымъ![5])

Кромѣ этихъ горъ, есть еще не менѣе удивительная гора, называемая Чешы, съ чудной формы красными глыбами, вѣнчающими вершину ея[6]), и другая—Тань-хань-шань, покрытая уже вѣчными снѣгами и льдами...

Нельзя сказать, чтобы эти и имъ подобныя извѣстія о Турфанѣ отличались особенной ясностью, но то, что понаписали по поводу всѣхъ этихъ разсказовъ европейскіе ихъ комментаторы, отличается еще большей фантастичностью.

---

[1]) Древнее наименованіе Турфанской области.

[2]) Риттеръ. «Землевѣдѣніе», II, 1859, стр. 31.

[3]) Риттеръ «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 157. «Здѣсь солнечные лучи палятъ нестерпимо, почему сіи горы называютъ «Огненными». Іакинфъ «Опис. Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 113.

[4]) Намъ кажется, что это—открытое нами озеро въ горахъ Богдо-Ола. Слѣдуетъ, однако, сознаться, что вышеприведенное описаніе не вполнѣ отвѣчаетъ тому, что мы нашли въ окрестностяхъ послѣдняго. Но если предположеніе наше неправдоподобно, то гдѣ же искать гору Линь?

[5]) Риттеръ «Землевѣдѣніе», II, стр. 43.

[6]) Idid. У Іакинфа Чи-ми-шань—гора изъ голаго камня.

Неправильно истолкованныя китайскія описанія эти побудили Гумбольдта включить и Турфанъ въ имъ столь излюбленную, но существовавшую только въ воображеніи ея автора, средне-азіатскую вулканическую область, а Риттеръ, нисколько не подозрѣвая «классической», какъ выражается проф. Мушкетовъ[1]), ошибки геніальнаго ученаго, поспѣшилъ возвѣстить образованному міру, что все то, что̀ «было прежде лишь компиляцiей китайскихъ источниковъ и гипотезой (?), возвысилось нынѣ до истины, благодаря великому изслѣдователю Кордильеровъ, и сдѣлалось предметомъ важныхъ соображенiй и новыхъ будущихъ изслѣдованiй»..., которыя, сказать кстати, шагъ за шагомъ опровергали эту «истину», подтверждая въ то же время неясныя только по своей краткости описанія китайскихъ географовъ... Какъ бы то ни было, но европейскіе ученые сдѣлали все съ своей стороны, чтобы еще сильнѣе заинтересовать Турфаномъ пытливый умъ человѣка, и Реклю былъ совершенно правъ, сѣтуя на отсутствіе изслѣдованiй въ этой «странѣ различныхъ чудесъ» съ ея «огненнымъ округомъ» (Хочжеу) или (?) «горой съ огненнымъ жерломъ» (Хо-янь-шань), извергавшимъ нѣкогда лаву, пепелъ и клубы дыма[2]), съ ея замѣчательнымъ пикомъ, поднимающимся уступами, состоящими (?!) изъ агатовыхъ галекъ, и другими естественными ея достопримѣчательностями...

Реклю писалъ эти слова уже послѣ появленія отчета Регеля объ его путешествіи въ Турфанъ[3]), путешествіи, сопряженномъ съ такими затрудненіями для послѣдняго, какихъ не приходилось испытывать ни раньше, ни послѣ ни одному изъ русскихъ изслѣдователей при-тянь-шаньскихъ земель; вотъ почему мы должны быть въ высшей степени благодарны этому отважному натуралисту и за то немногое, что сообщилъ онъ намъ объ этой странѣ. Но и это немногое такъ интересно, что способно возбудить любопытство въ самомъ безстрастномъ читателѣ, и это хотя бы уже потому, что Регель говоритъ намъ не объ удивительныхъ природныхъ явленіяхъ, которымъ въ настоящее время уже мало кто вѣритъ, а о памятникахъ сѣдой старины, о городахъ, выстроенныхъ до начала христіанскаго лѣтосчисленія, о мечетяхъ, передѣланныхъ изъ церквей, о сводчатыхъ постройкахъ какого-то, давно забытаго въ Средней Азіи, стиля... Подобныя развалины способны всего болѣе, разумѣется, поддержать въ народѣ память о былыхъ временахъ, и, повидимому, дѣйствительно, легенды о великомъ прошломъ этой страны здѣсь еще многочисленны... Надо только умѣть ихъ собрать, и тогда, можетъ быть, многое темное въ этомъ прошломъ получило бы хотя бы слабое освѣщеніе...

---

[1]) «Туркестанъ», т. I, стр. 133.

[2]) «Земля и люди», VII, стр. 129. Откуда, однако, Реклю заимствовалъ свои свѣдѣнія объ огненномъ жерлѣ, о лавѣ и меплѣ? У Риттера мы читаемъ: «въ описаніи Хо-чжеу говорится не о расплавленныхъ потокахъ лавы, но о безпрерывномъ дымѣ, свѣтящемся ночью, какъ факелъ». Ужь не спуталъ ли французскій географъ съ «вулканомъ Хо-чжеу» тоже не менѣе знаменитый вулканъ «Бэй-шань»?

[3]) Совершено въ 1879 г. См. Извѣстія Имп. Русск. Геогр. Общ., 1881 г., вып. IV, а болѣе обстоятельный обзоръ Турфанской обл. въ Petermann's «Geogr. Mittheilungen», 1880, XXVI, стр. 205

Если исключить чрезвычайно ограниченныя историческія свѣдѣнія о Турфанѣ, заключающіяся въ китайскихъ лѣтописяхъ и географіяхъ, и ничего незначущія извѣстія, въ родѣ, напримѣръ, такихъ, что «нравы лукчунцевъ простые» [1]), то вышеизложеннымъ мы, кажется, можемъ вполнѣ ограничить весь тотъ запасъ знаній, съ какимъ мы въ октябрѣ 1889 г. вступали въ эту страну. Запасъ небольшой, но въ общемъ, совершенно достаточный для того, чтобы побудить насъ возможно шире изслѣдовать эту сказочную область, въ теченіе двухъ тысячелѣтій жившую уже историческою жизнью и временами игравшую весьма выдающуюся роль среди государствъ Внутренней Азіи. Къ сожалѣнію, три причины: незнаніе мѣстнаго языка, скудныя средства и враждебное отношеніе къ экспедиціи китайскихъ властей очень скоро указали намъ тѣ границы, въ предѣлахъ коихъ мы могли еще надѣяться что-нибудь сдѣлать... fecimus quod potuimus—faciant meliora potentes!

Громадныя снѣговыя массы вѣнчаютъ хребетъ, съ сѣвера ограничивающій Турфанскую низменность; но и этотъ хребетъ служитъ только пьедесталомъ величественному трехглавому пику, всегда игравшему роль священной горы и божьяго трона въ воображеніи народовъ, когда-либо жившихъ у подножія его.

«Та-мо-фу (Будда) избралъ эту гору своимъ постояннымъ жилищемъ», говорили намъ бонзы [2]), «и это потому, что съ нея очень близко до неба»...

Абсолютная высота ея, однако, менѣе значительна, чѣмъ, напримѣръ, Ханъ-Тэнгри, Мустагъ-ата, Досъ-Мегенъ-ора и другихъ Памирскихъ и Тянь-шаньскихъ колоссовъ; за то относительная—до такой степени чрезмѣрна, что не можетъ не произвести подавляющаго впечатлѣнія на человѣка; и не даромъ же монголы называютъ ее «Богдо-Ола», тюрки «Топатаръ-ауліе», а китайцы «Чудотворной горой» (Линъ-шань) или «горой счастья и долголѣтія» (Фу-шэу-шань).

---

[1]) В. Григорьевъ. «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 343.

[2]) Т. е. хошани, китайскіе жрецы.

«Снѣга и льды этой дивной горы сіяютъ подобно кристалламъ, а сама она столь высока, что заслоняетъ собою и солнце и мѣсяцъ!» такъ восклицаетъ китаецъ [1]), и восторгъ его намъ совершенно понятенъ... Стоитъ только представить себѣ печальныя картины, характеризующія вообще природу тѣхъ странъ, которыя пустыннымъ кольцомъ окружаютъ колоссальный и необыкновенно круто уходящій здѣсь въ небо горный массивъ, всю эту необъятную площадь въ высшей степени однообразно смѣняющихъ другъ друга, совершенно безплодныхъ, средне-азіатскихъ горъ и долинъ для того, чтобы понять и тѣ чувства, какія долженъ былъ испытать человѣкъ при созерцаніи дивной панорамы дикихъ скалъ, лѣсовъ и альпійскихъ озеръ, которая вдругъ открывалась передъ нимъ у подножія этого недосягаемаго гиганта! «Эта гора—жилище боговъ!» такъ подумалъ номадъ, и богъ Та-мо-фу поспѣшилъ подтвердить это собственноручною надписью на одной изъ выдающихся въ озеро скалъ: «люди, молитесь мнѣ здѣсь, ибо мѣсто это избрано мною!» И съ тѣхъ поръ гора эта, дѣйствительно, чтится людьми и со всѣмъ, что̀ на ней, считается достояніемъ божіимъ... Впрочемъ, не всѣ мѣста на ней равно священны, такъ какъ обыкновенно только высочайшій изъ пиковъ служитъ Та-мо-фу достойнымъ престоломъ. «Въ своихъ льдистыхъ чертогахъ онъ, однако, не всегда пребываетъ и, соскучившись, иногда спускается внизъ для того, чтобы покататься на озерѣ... и тогда многое необыкновенное совершается въ этихъ горахъ, а все озеро блеститъ огоньками... Но только одни великіе постники удостоиваются видѣть во всей его полнотѣ такое проявленіе могущества божія!»... Мы были не только не великіе постники, но даже люди чуждой религіи, а потому, какъ уже извѣстно читателю [2]), несмотря на самые тщательные поиски, никакихъ надписей на скалѣ не нашли и путешествующаго Будду не видѣли... Впрочемъ, это отнюдь не помѣшало намъ заняться всестороннимъ, по возможности, изученіемъ этой чудной горной группы.

Такъ какъ читателю извѣстны уже результаты пребыванія нашего въ горахъ Богдо-Ола, то съ крайняго запада мы поспѣшимъ перенестись на востокъ, къ крутому пониженію главнаго массива Тянь-шаня. Ничего особо величественнаго мы здѣсь не увидимъ, но за то много оригинальнаго и совсѣмъ неожиданнаго. Вчитываясь въ исторію древняго Чешыскаго владѣнія, переименованнаго впослѣдствіи въ Гаочанъ, легко замѣтить, что хунны, жеу-жани и гаогюйцы во всякое время и безъ всякихъ, повидимому, затрудненій переваливали изъ джунгарскихъ степей въ нынѣшнюю Турфанскую область, и также легко въ свою очередь сообщались между собой оба владѣнія—Южное и Сѣверное Чешы. Между тѣмъ все, что писалось до сихъ поръ о Восточномъ Тянь-шанѣ, рисовало послѣдній вѣчно-снѣжнымъ, совершенно недоступнымъ хребтомъ! Сказать, что оба эти факта взаимно исключали другъ друга, разумѣется, было нельзя; тѣмъ не менѣе, можно было думать, что географы, слѣдуя Риттеру и Гумбольдту, изображали не совсѣмъ точно Восточный Тянь-шань. И подобнаго рода апріорныя заключенія, какъ мы уже видѣли, получили самое полное подтвержденіе послѣ нашихъ изслѣдованій этой части хребта.

---

[1]) О. Іакинфъ «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», 1829., стр. 92.

[2]) См. главу VII.

На меридіанѣ Пичана широкая колесная дорога пролегаетъ черезъ Небесныя горы; къ западу отъ нея высятся въ видѣ гигантской щетки сланцевыя скалы, образующія здѣсь совершенно невѣроятный по своей крутизнѣ обрывъ главной массы хребта, на востокѣ же разстилается площадь, всхолмленная выходами гнейсовъ, кристаллическихъ известняковъ, сіенитовъ и глинистыхъ метаморфическихъ сланцевъ, которые то торчатъ отдѣльными невысокими сопками, то собираются въ гряды съ преобладающимъ направленіемъ къ сѣверо-востоку. Это область самаго сложнаго геологическаго строенія и большаго какъ политическаго, такъ и историкогеографическаго значенія. Пониженная въ долинахъ своихъ до высоты нѣсколько большей 5 тысячъ футовъ, она представляетъ не мало удобныхъ проходовъ съ юга на сѣверъ, а потому, служа въ настоящее время торговымъ цѣлямъ, нѣкогда играла роль именно тѣхъ воротъ, черезъ которыя дикія орды кочевниковъ вторгались въ богатые культурные округа Восточнаго Туркестана.

Между этими двумя крайними точками: колоссальнымъ Богдо-Ола и вышеописаннымъ крутымъ пониженіемъ Тянь-шаня, послѣдній очень высокъ и, переходя своимъ гребнемъ за линію вѣчнаго снѣга [1]), вообще говоря—трудно доступенъ. Южные его склоны положе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пустыннѣе сѣверныхъ. Множество дикихъ и безплодныхъ ущелій ведутъ въ эти горы, но всѣ они кончаются глухо. Рѣчки, стекающія по нимъ, хотя и выносятъ свои воды въ равнину, но пробѣгаютъ ею недолго и почти тутъ же, у путника на глазахъ, уходятъ подъ землю; къ тому же въ равнинѣ онѣ текутъ въ узкихъ и глубокихъ долинахъ, въ каньонахъ, вырытыхъ въ дилювіальныхъ конгломератахъ, вслѣдствіе чего мало вообще способствуютъ оживленію той каменистой пустыни, которая широкимъ поясомъ окружаетъ Богдо. Это—въ полномъ смыслѣ этого слова—мертвая степь, въ которой кое-гдѣ только хвойникъ (Ephedra sp.?) да Eurotia ceratoides находятъ еще возможность существовать. Нѣтъ въ природѣ ничего печальнѣе этой страны, нѣтъ мѣстности, въ которой въ лѣтній зной наблюдалось бы такое полное отсутствіе жизни, какъ здѣсь...

---

[1]) Абс. высота снѣговой линіи на сѣв. склонахъ Тянь-шаня (Богдо-Ола) опредѣлена нами въ 12.080 ф., Пѣвцовымъ—въ 12.100 ф., на южныхъ она, вѣроятно, повышается до 13.200—13.500 ф.

«Даже птицы», пишетъ Ванъ-янъ-дэ¹), «собираются тогда стаями по берегамъ рѣкъ, а если которая-нибудь изъ нихъ и вздумаетъ полетѣть, то, какъ-бы обожженная солнцемъ, тотчасъ же падаетъ снова на землю»...

Ширина этой мертвой полосы около сорока верстъ. На югѣ она упирается въ горную гряду Тузъ-тау, раздѣленную поперечными долинами на участки, изъ коихъ средній представляетъ значительный интересъ, благодаря тѣмъ оригинальнымъ глыбамъ—замѣчательный образчикъ вывѣтрившагося песчаника—которыя вѣнчаютъ гребень горы. Мѣстное ея названіе «Іеты кызъ», что значитъ—семь дѣвицъ, связанное же съ нею преданіе гласитъ приблизительно слѣдующее:

Когда калмыки²) разбили войска древняго владѣтеля этой страны, они плѣнили и семерыхъ его дочерей; но послѣднія не захотѣли сдѣлаться женами язычниковъ, а потому, улучивъ минуту, бѣжали изъ плѣна; когда погоня ихъ уже настигала, онѣ бросили внизу лошадей, взбѣжали на гребень горы и взмолились Аллаху о помощи, прося обратить ихъ лучше въ каменья, чѣмъ предать снова въ руки презрѣнныхъ язычниковъ. Аллахъ исполнилъ ихъ просьбу, и съ тѣхъ поръ гора эта совсѣмъ опустѣла, травы повысохли, звѣри и птицы перевелись, люди же, и прежде ее избѣгавшіе, теперь вовсе перестали ее посѣщать.

Но объ этихъ каменныхъ глыбахъ, какъ мы видѣли выше, ки-

---

¹) В. Григорьевъ. «Восточный или Китайскій Туркестанъ», 1873, стр. 267.

²) Тюрки всѣхъ монголовъ называютъ «қалмақами», откуда происходитъ уже и наше слово қалмықъ, данное впервые торгоутамъ заволжскимъ.

тайцы знали уже въ первые вѣка нашей эры; уже тогда называли они этотъ кряжъ Чешы и удивлялись его «чуднымъ вершинамъ»; а потому слѣдуетъ думать, что происхожденіе этой легенды, приспособленной нынѣ къ воззрѣніямъ мусульманскаго міра, должно относиться ко времени появленія первыхъ осѣдлостей въ этой землѣ, т. е. къ такому періоду, о которомъ не дошло до насъ ни малѣйшихъ извѣстій.

Гряда Тузъ-тау, протянувшаяся отъ запада на востокъ совершенно параллельно Тянь-шаню, раздѣляетъ Турфанскую низину на двѣ половины, изъ коихъ южная, включающая глубочайшую впадину всей Внутренней Азіи, въ общемъ почти на 1.200 ф. ниже сѣверной; она-то и представляетъ изъ себя тотъ «огненный округъ», который приводилъ въ такое смущеніе всѣхъ географовъ, начиная съ Гумбольдта и кончая цитированнымъ выше Реклю.

«Дождей въ этой странѣ», пишутъ китайцы, «совсѣмъ не бываетъ, воздухъ же до такой степени сухъ и горячъ, что, кажется, и небо дышетъ тамъ пламенемъ... вотъ почему ее называютъ Хочжеу, что значитъ—огненный округъ.»

Изъ европейцевъ никто не посѣтилъ Турфана въ лѣтніе мѣсяцы, а потому о степени достовѣрности подобныхъ разсказовъ мы можемъ судить только изъ разспросовъ туземцевъ, которые, впрочемъ, вполнѣ подтвердили китайское описаніе климата этой страны. Въ Турфанѣ существуетъ даже особое выраженіе: «маныга кюнъ баши чушты», что значитъ буквально — «мнѣ солнце ударило въ голову»; въ переносномъ же соотвѣтствуетъ восклицанію—«надо мной бѣда стряслась!» потому что въ этой «огненной» области палящіе лучи солнца, дѣйствительно, должны представлять тѣмъ болѣе ужасное бѣдствіе, что укрыться отъ нихъ далеко не всегда и вездѣ есть возможность 1).

Но Abel Remusat къ этимъ свѣдѣніямъ о Тузъ-тау присоединяетъ еще и другія. Онъ распространяется очень подробно о добычѣ нашатыря и говоритъ о «постоянномъ, будто бы, дымѣ, выходящемъ изъ нѣдръ этой горы и свѣтящемся ночью, какъ фа-

---

1) Если воръ пойманъ съ поличнымъ, если у кого-нибудь падетъ лошадь, умретъ дорогой человѣкъ или, вообще, случится какая-нибудь бѣда, то турфанецъ непремѣнно скажетъ свое «маныга кюн баши чушты»! Такимъ же образомъ и стихъ пѣсни:

Кыз башига кюн чушты
Абкаш-кэлэ ӧрбамо? etc.

долженъ переводиться:

Найдется ли и для дѣвушки «горемычной»
Такой человѣкъ, что захочетъ ее увезти (т. е. жениться на ней)?

келъ»[1]). Если здѣсь нѣтъ ошибки въ географическомъ опредѣленіи мѣста[2]), то извѣстіе это надо считать безусловно невѣрнымъ, такъ какъ въ Турфанскомъ округѣ нашатырь совсѣмъ неизвѣстенъ; тѣмъ не менѣе оно дало Гумбольдту поводъ писать о проявленіяхъ въ Турфанѣ вулканической дѣятельности въ сравнительно еще очень недавнее время[3]).

«Огненный округъ» въ общемъ столь же безотрадная, столь же безжизненная и безплодная степь, какъ и сѣверная половина Турфана. Сперва каменистая пустыня, дальше же на югъ глинисто-песчаная степь, прикрытая невысокими грядами передвижного песка, страна эта на всемъ своемъ протяженіи производитъ совершенно одинаково гнетущее впечатлѣніе; и только на самомъ крайнемъ югѣ, у подошвы «Чолъ-тага» или «пустынныхъ горъ», мѣстность нѣсколько оживляется площадками камыша, за которыми виднѣются снова пески, но уже закрѣпленные свойственными только послѣднимъ растеніями: тамариксомъ, верблюжьей колючкой, Peganum harmala, Salsola spissa, о которой нѣсколько словъ будетъ сказано ниже, и множествомъ имъ подобныхъ представителей флоры песчаныхъ пустынь.

Пески эти, занимающіе всю отрицательную впадину Асса, получили столь же громкую, но и столь же незаслуженную извѣстность, какъ и горы Тузъ-тау.

«Почва здѣсь суха и песчана, пишетъ китаецъ, въ травѣ же и водѣ ощущается столь большой недостатокъ, что быки и лошади гибнутъ, если не запастись въ достаточномъ количествѣ тѣмъ и другимъ; песчаныя бури зачастую заживо погребаютъ здѣсь людей и животныхъ, а злые духи цѣлый день издѣваются надъ несчастными путниками; поперекъ этой пустыни протекаетъ большая рѣка, направляющаяся на западъ и теряющаяся въ сыпучемъ пескѣ;

---

[1]) Цитата заимствована изъ Риттера, «Землевѣдѣніе», т. II, стр. 31.

[2]) Смѣшать Турфанскій Хо-чжоу съ мѣстностью Хэу-тинь-сянь, находившеюся къ сѣверу отъ Богдо-ола, и которая въ иной транскрипціи можетъ писаться и Хо-тинь или Хо-чжоу (чжоу и тинь, какъ административные термины, часто переходятъ другъ въ друга), было для Аб. Ремюза несравненно простительнѣе, чѣмъ Ритгеру, смѣшавшему тотъ же Хо-чжоу съ Гань-суйскимъ городомъ этого имени (l. c., стр. 58); или Хамійскій хр. Бай-шань, «Бѣлый хребетъ», съ вулканомъ или, правильнѣе, пикомъ Бай-шань или Бей-шань, къ сѣверу отъ Кучи; къ тому же эта и подобныя ей ошибки встрѣчаются у комментаторовъ китайскихъ историко-географическихъ книгъ и географовъ чуть не на каждомъ шагу.

[3]) Что горы Тузъ-тау сложены изъ осадочныхъ породъ, упоминалось ужь выше (песчаники, а также глины и узкія прослойки конгломератовъ); другія горы также не несутъ ни малѣйшихъ слѣдовъ вулканическихъ образованій, какъ не несутъ ихъ и горы Богдо-ола; поэтому слѣдуетъ совершенно отбросить мысль о когда-либо здѣсь бывшихъ вулканахъ.

цѣпь невысокихъ, какъ кажется, нанесенныхъ сюда вѣтрами, песчаныхъ холмовъ сопровождаетъ также и русло этой рѣки, къ сѣверу отъ которой виднѣется Хо-янь-шань, гора красноватаго цвѣта; мѣстность эту называютъ Ханъ-хай».

Клапротъ «Ханъ-хай» переводитъ словами—«Сухое море»; но словомъ «хай», какъ извѣстно, китайцы обозначаютъ не только море, но и вообще всякій водный бассейнъ, независимо отъ его характера и величины; таковы, напримѣръ, Си-хай (Аральское море), Жо-хай (Иссыкъ-куль), Ши-я-хай (Баграчъ-куль), Цинъ-хай (Кукуноръ), Ли-хай (Лобъ-норъ) и даже Бо-хай и Юй-хай, крошечныя солончаковыя озера, а, можетъ быть, и просто болота къ западу отъ Ала-шаня. Поэтому, если слова «Ханъ-хай» мы станемъ переводить черезъ сухое или, еще лучше, высохшее озеро, то китайское извѣстіе получитъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который былъ ему навязанъ пылкимъ оріенталистомъ. Въ самомъ дѣлѣ впадина Асса могла еще въ историческое время быть если не озеромъ [1]), то значительнымъ тростниковымъ болотомъ, о чемъ наглядно намъ повѣствуетъ и одна старинная турфанская пѣсня, начинающаяся словами:

«Ауаттыке джонгляда», что значитъ—«Ауатскіе большіе камыши»...

Выше мы видѣли, что по Ханъ-хаю съ востока на западъ нѣкогда протекала значительная рѣка. Нынѣ рѣки этой нѣтъ, зато сохранилось русло ея, цѣлы и развалины буддійскихъ монастырей, стоявшихъ когда-то на ея берегу.

Что же это была за рѣка и гдѣ должны мы искать истоковъ ея?

На эти вопросы очень трудно, къ сожалѣнію, дать сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ. И это происходитъ главнѣйшимъ образомъ потому, что намъ не удалось прослѣдить древнее ея русло далѣе выхода послѣдняго изъ горъ Чолъ-тагъ, съ юга и востока ограничивающихъ турфанскую котловину.

Въ пятистахъ верстахъ отсюда по прямой линіи на востокъ мы пересѣкли сухое русло большой рѣки, собиравшей нѣкогда свои воды съ высотъ Тянь-Шаня и Бэй-шанскихъ горъ; еще и теперь не малое число рѣчекъ направляетъ сюда свои воды, но послѣднія или не добѣгаютъ до главнаго русла, или же образуютъ здѣсь болѣе или менѣе обширныя болота. Вторично мы пересѣкли то же русло у станціи Янъ-дунъ, верстахъ въ 70 ниже ея вѣроятныхъ истоковъ, и паденіе въ этомъ участкѣ выразилось цыфрой въ 1.500 ф. Если-бы мы допустили тождественность рѣки котловины Асса съ Янъ-дунской рѣкой, то въ гипсометрическомъ отношеніи гипотеза эта не встрѣтила бы препятствій, такъ какъ на остальныя 430 верстъ ея протяженія пришлось бы не менѣе 2.700 фут. паденія. Замѣчу также, что дальше на западъ, уже за Лодуномъ, мы пересѣкли не мало сухихъ руслъ, очевидно, бывшихъ притоковъ этой рѣки, и еще, что на югъ отъ большой дороги, между Хами и Пичаномъ, можно было установить цѣлый рядъ тростниковыхъ займищъ, повидимому, находящихся въ нѣкоторой связи между собою. Еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе совокупность всѣхъ особенностей топографическаго рельефа этой страны: именно на параллели Асса-Янъ-дунъ наблюдается наибольшее пониженіе мѣстности, можетъ быть, геологическая долина, между горами Бэй-шаня и Небеснымъ хребтомъ. Съ высотъ Чоглучай намъ удалось видѣть на югѣ громадныя массы горъ, раздѣленныхъ, повидимому, параллельными между собою долинами; одна изъ нихъ могла быть той горной тѣсниной, которую китайцы описывали подъ именемъ «долины бѣсовъ», другая, болѣе южная, Янъ-дунскимъ протокомъ. Но всѣ эти сопоставленія, хотя и заставляютъ предполагать нѣкогда существовавшую связь между отрицательной низменностью Асса и верховьями Янъ-дунской рѣки, все же не болѣе, какъ догадка...[1]). А Центральная Азія—вѣдь это классическая страна всевозможныхъ неожиданностей, и весь характеръ ея рельефа таковъ, что широкія обобщенія здѣсь станутъ только тогда возможны, когда топографически и геологически вся эта обширная страна детально будетъ извѣстна; до тѣхъ же поръ каждую гипотезу можетъ постичь та же участь, какая постигла и всѣ разсужденія о характерныхъ особенностяхъ природы послѣдней, начиная съ гипотезы Гумбольдта и кончая рихтгофенской. Если же я позволилъ себѣ обратить вниманіе читателя на это загадочное русло, то сдѣлалъ это въ виду того первостепеннаго значенія, какое получила бы эта рѣка въ случаѣ рѣшенія въ положительномъ смыслѣ вопроса о времени ея существованія. Хорошо сохранившіеся слѣды ея теченія, прекрасно выраженныя береговыя террасы, развалины монастырскаго города Асса на ея берегу, не говоря уже о многихъ отдѣльныхъ постройкахъ, полузасыпанныхъ нынѣ песками,—все это какъ бы свидѣтельствуетъ о ея недавнемъ существованіи. Но какія же въ такомъ случаѣ причины способствовали не только ея обмелѣнію, но и совершенному усыханію—общія или частныя? Связаны ли онѣ съ общимъ для всей Средней Азіи оскудѣніемъ водныхъ бассейновъ или послѣднее обстоятельство не имѣло существеннаго вліянія на быстрое усыханіе истоковъ этой рѣки? Все это, безъ сомнѣнія, вопросы громаднаго значенія, кото-

---

[1]) Слова эти были уже написаны, когда получено было извѣстіе отъ Роборовскаго, что здѣсь, дѣйствительно, найдено небольшое озеро.

---

[1]) Эти строки написаны были въ 1892 г. (См. «Русскій Вѣстникъ», IX, 1892). Онѣ нашли полное подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ Обручева, который писалъ: впадина, отдѣляющая Бэй-Шань отъ Тянь-Шаня, «достигаетъ 50—60 верстъ ширины (?) и къ западу отъ меридіана Хами становится отрицательной (?), достигая въ среднемъ около 200 футовъ ниже уровня океана (?); западную ея часть составляетъ Лукчунско-Токсунская котловина» («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», XXX, 1894). Справедливость требуетъ, однако замѣтить, что еще изъ Кульчжи, въ письмѣ отъ 20 ноября 1890 г., помѣщенномъ въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», XXVII, 1891, стр. 64—65, я писалъ объ этой впадинѣ нижеслѣдующее: «Орографическій очеркъ Бэй-Шаня будетъ неполонъ, если я не упомяну о сухихъ руслахъ нѣкогда значительныхъ рѣкъ, сбѣгавшихъ съ Бэй-Шаньскихъ высотъ. Самое замѣчательное изъ такихъ руслъ—Яндунское. Плесъ бывшей рѣки у Яндуна очень широкъ, и берега его состоятъ изъ глины, въ порахъ которой откристаллизовалась соль; нѣсколько далѣе выступаютъ причудливо подымающіяся, сверху совершенно плоскія, столообразныя возвышенія, состоящія изъ красной глины съ прослойками гальки. Такія возвышенія идутъ къ востоку отъ Отунъ-коза вплоть до грядъ, сложенныхъ изъ гранитовъ и плотныхъ конгломератовъ, на югъ же по меридіану Яндуна верстъ на 15. Какъ далеко на западъ тянутся, какъ русло былой рѣки, такъ и эти оригинальныя возвышенія—мнѣ неизвѣстно. Однако полагаю, что Яндунское русло находится въ связи не только съ котловиной озера Шана-Нора, но

и съ Лукчунской впадиной. *Если будущія изслѣдованія подтвердятъ сказанное предположеніе*, то можно будетъ нарисовать себѣ слѣдующую картину бывшихъ здѣсь явленій.

Можетъ быть, въ началѣ третичной эпохи, между гранитнымъ Карлыкъ-тагомъ и гранитными же сѣверными грядами Бэй-Шаня разстилалось длинное, но не особенно широкое водное пространство, глубочайшее мѣсто коего, повидимому, приходилось на мѣстѣ современнаго Хамійскаго оазиса. Въ послѣдующую эпоху началось поднятіе Тянь-Шаня. Это грандіозное геологическое явленіе, какъ мы ниже увидимъ, довольно сильно отразилось и на всей площади къ западу и востоку отъ меридіана Хами. Площадь Хамійскаго оазиса приподнялась, послѣдствіемъ чего было поднятіе уровня озера, прорытіе узкаго протока среди Бэй-Шаньскихъ горъ на меридіанѣ Иванъ-Чанзы, а затѣмъ и осушеніе всей котловины при посредствѣ этого протока. Воды озера стекли въ Лукчунскую котловину, находящуюся въ настоящую эпоху ниже Хамійской, приблизительно, на 2500′. Вслѣдъ за осушеніемъ озера началось прорытіе рѣчнаго русла въ мѣстѣ излома площади дна, обусловленнаго, какъ сказано выше, поднятіемъ Хамійскихъ горъ, и образованіе Яндунскаго рѣчного бассейна, слѣды коего сохранились совершенно ясно и до сихъ поръ. Эта рѣка, собиравшая свои воды съ горъ Карлыкъ-тагскихъ и Бэй-Шаньскихъ (Гинва-сянь, Фо-чинза и др.), протекала Яндунскимъ русломъ на западъ (гипсометрическая линія), гдѣ и отдавала свои воды Лукчунскому водному бассейну. Одновременно началось разрушеніе поверхности дна южной части бывшаго озера, которое и выразилось современной оригинальной физіономіей этой части сѣвернаго Бэй-Шаня. Изъ притоковъ бывшей Яндунской рѣки сохранилъ свое существованіе только одинъ, а именно рѣчка Хо-или, доносящая свои воды и до сей поры до Яндунскаго русла, гдѣ образуетъ своимъ разливомъ обширныя камышевыя болота (ур. Торе-аркынъ).

Такимъ образомъ горный инженеръ Обручевъ только подтвердилъ открытое нами продолженіе Лукчунской впадины вдоль Тянь-Шаня до меридіана Отунъ-каза и далѣе на востокъ.

рые, однако, при настоящемъ уровнѣ нашихъ знаній природы Средней Азіи кажутся намъ неразрѣшимыми. Къ тому же нельзя умолчать и о томъ, что множество фактовъ противорѣчатъ самымъ положительнымъ образомъ существованію по крайней мѣрѣ въ историческое время этой рѣки. Достаточно вспомнить, что, кромѣ цитированнаго выше весьма неопредѣленнаго китайскаго указанія, ни одинъ изъ намъ извѣстныхъ дорожниковъ не упоминаетъ объ этой рѣкѣ, которая, еслибы въ то время существовала, могла бы, безъ сомнѣнія, служить самымъ выгоднымъ соединительнымъ путемъ между Хами и Турфаномъ. Но что же это, въ такомъ случаѣ, за рѣка, текущая на западъ? Единственная рѣка, которая можетъ соотвѣтствовать китайскому описанію—Пичанская, но, во 1), она течетъ съ сѣвера на югъ, во 2), она незначительна, въ 3), по ея берегамъ мы нигдѣ не видимъ «невысокихъ, наметанныхъ вѣтромъ, песчаныхъ бугровъ» и въ 4), наконецъ, она бѣжитъ поперекъ «Огненныхъ горъ», а потому эти послѣднія никоимъ образомъ не могутъ находиться къ сѣверу отъ нея.

Какъ бы то ни было, но обзоръ имѣвшейся въ нашемъ распоряженіи литературы долженъ былъ насъ привести къ слѣдующему выводу: Турфанская область такъ безотрадно безплодна и при этомъ обладаетъ такимъ убійственнымъ климатомъ, что, безъ сомнѣнія, ни одному номаду не могла когда-либо придти въ голову мысль навсегда здѣсь поселиться.

Даже въ томъ случаѣ, еслибы мы рѣшились допустить, что котловина Асса, дѣйствительно, нѣкогда представляла изъ себя обширное, если не озеро, то тростниковое займище, все же мѣстность эта была бы для кочевника столь же мало пригодной, какъ и теперь: миріады насѣкомыхъ и горячія испаренія выгнали бы отсюда очень скоро весь скотъ, и тогда послѣдній нашелъ бы себѣ вѣрную гибель въ каменистыхъ степяхъ Харюзы или же въ совершенно пустынныхъ горахъ южныхъ склоновъ Тянь-Шаня. Еще менѣе вниманія заслуживаетъ предположеніе, что нѣкогда существовали перекочевки изъ Южной Джунгаріи въ низину Асса, такъ какъ первая изъ названныхъ областей изобилуетъ прекрасными зимними пастбищами; не для чего, поэтому, было и предпринимать номадамъ столь отдаленныя перекочевки на югъ.

Такимъ образомъ, съ нѣкоторой долей вѣроятія мы должны допустить, что первые поселенцы Турфана были людьми, явившимися сюда во всеоружіи знаній; они знали уже, какъ вызвать къ жизни пустыню, и осѣли здѣсь въ полной надеждѣ, что невѣроятный трудъ ихъ сторицей окупится громадною урожайностью почвы. И они не ошиблись... Но кто они были? Откуда явились съ запада или востока? Первое вѣроятнѣе, такъ какъ китайцы вовсе незнакомы съ устройствомъ подземной сѣти каналовъ.

И такъ, все заставляетъ думать, что первые жители Турфана были иранцы, которые впослѣдствіи, благодаря наплыву съ востока различныхъ народностей тюркскаго корня, были частью оттѣснены послѣдними къ западу, частью же съ ними настолько смѣшались, что утратили языкъ и свои расовыя отличія. Подобное поглощеніе тюрками древнихъ иранцевъ, начавшееся, какъ кажется, задолго до появленія на исторической сценѣ хунновъ или, какъ думаетъ Радловъ [1]), «он-уйгуровъ», не закончилось и до нынѣ. Оно шло медленно, всего сильнѣе, конечно, выразилось на востокѣ и сѣверѣ и вовсе не коснулось еще таджикскаго населенія притоковъ Пянджа и верхняго Зеравшана. Но даже и на крайнемъ востокѣ, въ Хами и Турфанѣ, не смотря на сотню смѣнившихся затѣмъ поколѣній, иранская кровь все еще сказывается въ типѣ народномъ; а это, конечно, не можетъ не служить доказательствомъ, что и эта часть Притяньшанья когда-то также населена была таджиками.

Какъ кажется, уже чешисцы были народомъ смѣшаннаго племени. Въ концѣ V вѣка чешисцы турфанскіе оттѣснены были гаогюйцами къ западу, въ Карашаръ, и южное Чеши, какъ отдѣльное владѣніе, перестало существовать. Одновременно въ нынѣшней Турфанской области возвысилось другое владѣніе—Гаочанъ, населеніе котораго, повидимому, было смѣшаннаго характера, но въ составъ котораго несомнѣнно вошли и чешисцы. Послѣ различныхъ превратностей, испытанныхъ Гаочанскимъ владѣніемъ (съ 640 г. китайская провинція Си-чжоу), оно, въ исходѣ IX вѣка, занято было, наконецъ, уйгурами (токус-уйгурами), которые и смѣшались здѣсь съ кореннымъ населеніемъ, образовавъ могущественное Уйгурское государство. Какъ отдѣльное владѣніе послѣднее перестало существовать вслѣдъ за изгнаніемъ монголовъ изъ Китая, а затѣмъ, къ началу XV столѣтія уйгуры уже далеко не составляли преобладающаго элемента населенія Хами и Турфана [2]): ихъ успѣли уже оттѣснить на второй планъ пришлые съ запада тюрки, явившіеся въ этотъ край проводниками ислама [1]). Съ теченіемъ времени исламъ восторжествовалъ, и къ концу XVII вѣка во всемъ восточномъ Притяньшанѣ уже не оставалось буддистовъ [2]), а съ тѣмъ вмѣстѣ уйгуровъ, о которыхъ мѣстное населеніе хранитъ еще воспоминаніе, что это былъ отличный отъ нихъ народъ.

---

[1]) «Къ вопросу объ уйгурахъ» (Приложеніе къ LXXII тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ, № 2, стр. 126).

[2]) Въ китайскихъ лѣтописяхъ, относящихся къ началу XV вѣка, мы находимъ указанія на совмѣстное существованіе въ Хами трехъ враждебно настроенныхъ другъ противъ друга народовъ: хой-хой, вэй-уръ и хара-хой (Успенскій «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» въ «Извѣстіяхъ Импер. Русск. Геогр. Общества», 1873, № 1, стр. 4) или та-та (Григорьевъ, «Восточный или Китайскій Туркестанъ», 1873, стр. 342), т. е. монголовъ; и что такое же раздѣле-

Не смотря на то, что пришлые тюрки должны были оказать нивелирующее вліяніе на обычаи и языкъ, послѣдній въ Турфанѣ сохранилъ еще нѣкоторыя особенности, дѣлающія его мало понятнымъ киргизамъ и сартамъ Русскаго Туркестана [3]).

Впрочемъ, отличія эти быстро сглаживаются и, по собственному сознанію мѣстныхъ жителей, «старыхъ» словъ остается у нихъ все меньше и меньше.

ніе по національностямъ наблюдалось и въ Турфанѣ, гдѣ рядомъ съ уйгурами жили хой-хои, рѣзко отличавшіеся отъ первыхъ религіей и костюмомъ. (Ср. также Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 178).

[1]) «Населеніе города Хуй-чена (Хами) состоитъ исключительно изъ мусульманъ, которые вмѣстѣ съ другими единовѣрцами, живущими въ остальныхъ частяхъ Хамійскаго оазиса, считаютъ себя потомками выходцевъ изъ Бухары и Алтышара» (Матусовскій въ «Очеркахъ Сѣв.-Зап. Монголіи» Потанина, вып. I, стр. 166).

[2]) Къ 36 г. правленія Кань-си всѣ различія, бывшія между отдѣльными народностями, жившими въ Хами, слились, и Хамійцы стали принадлежать къ одному отдѣлу бѣлошапочниковъ... (Успенскій, op. cit, стр. 8).

[3]) Насколько турфанскій языкъ отличенъ отъ киргизскаго, можно судить по нижеслѣдующему примѣру:

Когда турфанецъ приглашаетъ дѣвушку на танецъ, онъ ей поетъ подъ акомпаниментъ дутара:

Бах, бах, бере бах,	Смотри же, смотри: на меня посмотри!
Сарги храман, бере бах!	Не на сторону смотри, а на меня посмотри!
Ханным багыда эчэлган	Ты, разцвѣтшая подобно цвѣтку
Гуля запэр, бере бах!	Въ царскомъ саду, на меня посмотри!

въ переводѣ же на киргизскій языкъ пѣсня эта должна пѣться такъ:

Кара, кара, маган кара,
Сен озюн, терес ка́рама, маган кара!
Патчаным багыда ашилган
Гуль сіяхты, маган кара!

Турфанецъ вообще употребляетъ множество словъ, совершенно незнакомыхъ другимъ тюркамъ; при этомъ надо замѣтить, что слова эти—самыя употребительныя въ общежитіи. Я приведу нѣсколько примѣровъ:

Я ѣлъ	ѣда́ (тюрхское «ашъ» здѣсь также употребляется)				
		по тюркски			*по тюркски*
быкъ	бука (буха, *монг.*)	огусъ	кость	устуханъ	суякъ
			Morus	ужма, джуджанъ дарахъ.	тутъ
волъ	уй	»			
корова	инэкъ	сіиръ	шелкъ сырецъ	пиль интеракъ	джибэкъ
человѣкъ	быда́нъ	адамъ, ксё	ель	качура	карагай

Населеніе Турфана исключительно земледѣльческое; оттого-то здѣсь такъ много селеній и такъ мало городовъ. Впрочемъ, еще и другая причина препятствуетъ образованію въ этой странѣ крупныхъ центровъ осѣдлости. Эта причина — отсутствіе значитель-

---

		по тюркски
жена	мазӧм-киши	хатынъ
дѣвочка	ауакъ	кызъ
мальчикъ	ауакъ	огулъ, улъ
мѣховая шапка	бӧкъ	бурюкъ, тумакъ
« шапка, крытая матеріей	коробӧкъ	моуутъ
мѣховая безъ наушниковъ	кокметъ	тельпэкъ
шуба баранья	джуга	тонъ, постунъ
халатъ	пирэзэ	чапанъ, тонъ
рубашка	чамча	куйлюкъ, ягтакъ
кушакъ	пута (путы)	бильбау.
головной платокъ	личагъ	уромалъ
топоръ	кэкэ	тиша (чапа-чотъ)
кувшинъ для воды	ивригъ	обтоуа
мѣшокъ, сума	сальма	хуржунъ
сало	джакъ	май
кожа (шкура)	ширэ, ширя	терэ
зерно	юрянъ	токумъ
старикъ	боуá	чалъ
старуха	момá	кемперъ
гвоздь	кендырь	чигэ, мэхъ
сдобный хлѣбъ	чальпэкъ	нанъ май'га писергенъ
большой	чонъ	улькунъ, катта, зоръ
высокій	егизъ	беикъ, балатъ
силачъ, богатырь	зоръ	палуанъ, куштё
кирпичъ	кэсэкъ	рышъ
постоялый дворъ	данъ (*кит.*)	караванъ-сарай
огурецъ	хангаръ (*кит.*)	бадринъ
тыква съѣдобная	кауа	ашъ-кабакъ
бязь	бӧзъ	мата
бабочка	япулакъ	капелякъ
летучая мышь	тушканъ-япулакъ (т. е. заяцъ-бабочка)	джарганакъ
Panic. italicum	джинджинъ	кунакъ (кизылъ)
бубны	дапъ	чермень
струнный инструментъ	дутаръ	думбра

		по тюркски
камен. плёсъ	голъ	сай
топотъ	югурт-турдэ	думбуръ
дыня	мизганъ	каунъ
намогильный памятникъ	курё	беитъ
соха	сапанъ	косъ, букуса
вилы	чапчи	санекъ, аиръ, аша
яма	трень	чункуръ
кислый	беттамъ	ашикъ
глина солончаков. и лессовая	кэсэкъ	топракъ (чалма у *кашг.*)
глиняная миска	гыдыръ (гыдычъ)	ташъ-аякъ
голенище	рахъ	кунчъ
одѣяло	іотканъ	курпё
старшая сестра	молокё	абкэ, эгаче
младшая »	сыннымъ	карандасъ
младшая зоветъ старшую	айлямъ	сынлы, хала.
вязъ	седэ	карагачъ
кабанъ	херсъ	тунгусъ
холмъ, отдѣльная вершина	дӧмъ	тюбэ
теленокъ	мозай	бузау
молодой оселъ	тагай	особ. назв. нѣтъ.
охотникъ	палуанъ	мергень
проститутка	бузукъ	джалэпъ
коверъ	зыльче	гилямъ, глемъ
малый коверъ, подстилаемый при совершеніи намаза	марузе	особ. назв. нѣтъ.
льянъ	ханза	чилимъ
юрта	кар-у	уй
юртовая основа	терма	кирягэ
лента, стягивающая основу юрты	кушам-пута	кур-бильбау
вчера	тунагунъ	кеча
(у сартовъ тунагунъ—4-5 дней назадъ)		
жерновъ-катокъ	тулукъ	чан-ташъ
чадъ, дымъ	ысъ	тутукъ, тытынъ
заяцъ	тошканъ	куянъ
коробочка отъ хлопка	кӧвасъ	хуза, (хӧза)

ныхъ массъ проточной воды. Самыя крупныя изъ рѣчекъ Турфана это—Булурюкъ-Бауръ 1), Кара-ходжа, Лемджинская и Пичанская. На ихъ берегахъ издавна существовали значительнѣйшие города древности, да и теперь Турфанъ, Лукчунъ и Пичанъ не перестали еще играть роли главныхъ административныхъ и торговыхъ центровъ страны.

Развалины древнихъ резиденцій турфанскихъ правителей поражаютъ массивностью своихъ сводовъ и стѣнъ, но въ общемъ раз-

---

		по тюркски
борзая	таганъ	тазы
карманъ	янчукъ	чонтакъ, джанъ-кальта
вечеръ	окшамъ	кешъ
сито	агилекъ	илекъ
мал. корыто	таньнё	астау, тегана
скатерть	супра̀	дастарханъ
широкогорлый кувшинъ	кунчугунъ	укага̀
крышка отъ котелка (казана)	угакъ	кактагъ
воръ, разбойникъ	канту	уру, каракъ
треска (тресокъ), т. е. шкура нестриженнаго барана	баркы	сенсэ, тохлы
мерлушка	копё	ильтере, барра̀
высокій камышъ	джангля	камышъ
Syrrchaptes paradoxus	бабыртагъ	бульдрукъ
платокъ	ягхлыкъ	чаарсэ, уромалъ
поваренка	саплыкъ	оджау, чумичъ
спичка	янхо (*кит*).	чичакъ-пакъ, гугутъ
хлопковыя сѣмена	чигитъ	пахта—токхумъ
Colus saiga	бургакъ	букёнъ, сайга

		по тюркски
пѣсня	хазалъ	кошикъ, олямъ
разскажи	паран салы беръ	сузля беръ
разскажу	паран салы береманъ	гапер беремсъ
дуй	пюля	урля
спой пѣсню	ельэтемесъ	олям-айтамсъ
волосяная веревка	аргамчи	арканъ
лошадь	яуватъ	атъ
мочежина	шива	сазъ
нѣтъ	таунъ	іокъ
мѣдный подносъ	чай-панза	мысъ-тоуакъ
айлантъ	чулюкъ	ирянъ
рѣдиска бѣлая	чамгуръ	шолгамъ
» розовая	ахтурма	
послѣ-завтрв	огулюкэ	бырсугунь
	и т. д.	

Независимо отъ сего, разнится и произношеніе многихъ словъ, напримѣръ:

верблюдъ	тюге	тюйя
треножникъ подъ казанъ	очагъ	ошагъ, таганъ
каблукъ	тапанъ	тоуанъ, окче
пашня	іер-ахта	джир-айда кош-айда
сдѣлай	клыпестля	клыперь
мѣшокъ	тагеръ	тагаръ, капъ
копыто	туакъ	тюякъ
гребенщикъ	юлгунъ	джингилъ
	и т. д.	

Множество словъ имѣютъ здѣсь другое нежели у киргизовъ и сартовъ, значеніе, напримѣръ: «чинэ» у турфанцевъ значитъ большая фарфоровая чашка, у другихъ тюрковъ—маленькая, глиняная; «шабъ» у турфанцевъ кривая шашка, у киргизовъ и сартовъ—прямая; «пайпакъ» у турфанцевъ—сапоги изъ кожи (ичиги), у сартовъ и киргизовъ—войлочные чулки и т. д.

Наконецъ, турфанцы къ нѣкоторымъ словамъ приставляютъ тѣ или другія окончанія, намѣръ: собака—«итъ» произносится здѣсь «итлыкъ» и т. д.; или для обозначенія одного и того же употребляютъ иныя сочетанія словъ, напримѣръ: вмѣсто «ак-сакалъ» говорятъ—«карысакалъ» и т. д. или еще: у нѣкоторыхъ словъ отбрасываютъ окончаніе, напримѣръ, вмѣсто «уй (домъ) говорятъ «у» и т. д.

1) У Регеля Булукъ.

мѣры ихъ незначительны. Это были скорѣе замки, чѣмъ города. Всего болѣе такихъ развалинъ по р. Кара-ходжа, собирающей, какъ сообщалось выше, свои воды частью изъ ключей, частью изъ карысей въ окрестностяхъ значительнаго селенія Мултукъ, и затѣмъ протекающей довольно широкимъ ущельемъ поперекъ гряды Тузъ-тау, т. е. древняго Хо-янь-шаня. Въ этомъ ущельѣ мѣстами еще сохранились интересныя развалины буддійскихъ кумиренъ и монастыря [1]), кельи котораго цѣликомъ высѣчены въ отвѣсныхъ скалахъ красныхъ песчаниковъ; живопись, замѣчательная необыкновенной яркостью и свѣжестью своихъ красокъ, алебастровая штукатурка и даже деревянный переплетъ, служившій для послѣдней основой,—все это сохранилось здѣсь такъ хорошо, точно еще недавно въ монастырѣ кипѣла жизнь и отправлялось богослуженіе! Говорятъ, что развалины эти всего болѣе пострадали въ 60-хъ годахъ, когда овладѣвшіе Турфаномъ дунгане разрушили здѣсь множество келій, въ дребезги разбили изваянія идоловъ и сорвали со стѣнъ барельефы; но и до сихъ поръ мѣстное населеніе не перестаетъ удивляться искусной живописи жившаго здѣсь прежде народа—«уюлгуръ-калмаковъ», какъ они ихъ называютъ.

Противъ этого монастыря, на противоположномъ берегу рѣки, виднѣются развалины какого-то замка, а дальше, къ югу, остатки не то башенъ, не то надгробныхъ памятниковъ и другихъ сооруженій весьма древней архитектуры. Наконецъ, по южную сторону горъ, среди обширнаго селенія Кара-ходжа и рядомъ съ развалинами недостроенной Якубъ-бековской крѣпости путникъ наталкивается на высокія стѣны съ фланкирующими башнями, сводчатыми постройками, въ которыхъ кое-гдѣ видна еще штукатурка, обвалившимися подземельями и громадными грудами мусора и всякаго отброса внутри. Пораженный не только массивностью всѣхъ этихъ построекъ, но и архитектурнымъ ихъ стилемъ, Регель пишетъ [2]), что онъ невольно вообразилъ себя среди развалинъ какихъ-то древне-греческихъ или римскихъ сооруженій, но такъ какъ, прибавляетъ онъ, «ни греки, ни римляне никогда не распространяли своей власти такъ далеко на востокъ, то всего естественнѣе предположить, что постройки эти относятся ко времени, предшествовавшему вторженію сюда уйгуровъ».

Мѣстныя легенды приписываютъ постройку этого города какому-то миѳическому царю Дакэ-Янусу. Но кто такой былъ этотъ

---

[1]) См. выше, главу XII.

[2]) Petermann's «Geographische Mittheilungen», 1880, XXVI, стр. 207.

Дакэ-Янусъ, этого тѣ же легенды не разъясняютъ; не разъясняютъ сего и китайскія извѣстія объ этой странѣ... [1]). Такимъ образомъ, хотя мы и имѣемъ нѣкоторое основаніе приравнять эти развалины къ древнему Хо-чжеу (огненный городъ), но нѣтъ никакой возможности возстановить сколько-нибудь подробно исторію этого города.

У Риттера мы читаемъ слѣдующее: «разрушенный нынѣ Хо-чжеу лежалъ между упомянутымъ древнимъ Ляу-чуномъ (Лукчунъ) на востокѣ и Турфаномъ на западѣ, въ 70 ли отъ одного и въ 30 отъ другаго [2]) и назывался иначе Хара-хото» [3]). Извѣстіе это вѣрно, но безусловно невѣрно все то, что̀ пишется имъ далѣе объ этомъ Хо-чжеу. Совершенно довѣрившись Клапроту, Риттеръ повторяетъ ошибку послѣдняго и, смѣшавши названія Гао-чанъ [4]) съ Гао-че и Гаю-гюй, волей-неволей идетъ далѣе въ своихъ обобщеніяхъ и приравниваетъ Хо-чжеу къ столицѣ не только настоящихъ уйгуровъ, но и тѣхъ, что создала фантазія упомянутаго выше оріенталиста. Благодаря этому, Хо-чжеу является у него тождественнымъ съ Гао-чаномъ, Гяо-хэ-ченомъ и, наконецъ, даже съ Си-чжоу. Между тѣмъ, Гяо-хэ-ченомъ, или «городомъ, охваченнымъ рукавами рѣки», китайцы называли столицу Чешыскаго владѣнія, переименованную сперва, какъ предполагаетъ Іакинфъ, въ Гаочанъ и только впослѣдствіи, съ паденіемъ самостоятельности Гаочанскаго владѣнія (640 г.), въ Си-чжоу. Но Си-чжоу, съ водвореніемъ въ Восточномъ Тянь-Шанѣ уйгуровъ, въ свою очередь переименованъ былъ въ Чжоха-хото; это же монгольское имя удержалось за нимъ вплоть до конца XVIII вѣка, когда его замѣнило современное намъ—Бауръ.

Такимъ образомъ, если вѣрно отождествленіе Гяо-хэ-чена съ Чжоха-хото [5]), то слѣдуетъ думать, что въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія центръ администраціи края находился въ окрестностяхъ нынѣшняго Турфана, гдѣ мы и находимъ, дѣйствительно, не мало весьма древнихъ развалинъ какъ стѣнъ городовъ, такъ и отдѣльныхъ сооруженій.

---

[1]) Юль, комментируя Марко-Поло, замѣчаетъ, что по всей магометанской Азіи разбросаны древніе городки, съ которыми легенды связываютъ имя Дакіануса или императора Деціуса (?) (Bretschneider, op. c., II, стр. 188).

[2]) Не 30 ли, а 100 ли, какъ это и сказано у Клапрота (Abhandlungen über die Uiguren. S. 46).

[3]) Риттеръ «Землевѣдѣніе» 11, стр. 36—37.

[4]) «Сія страна имѣетъ высокое и открытое мѣстоположеніе и большое народонаселеніе, почему и названа Гао-чанъ. Еще говорятъ, что во времена старшаго дома Хань было въ сей странѣ укрѣпленное военное поселеніе, названное Гао-чанъ-лэй, почему сіе названіе и принято названіемъ государству». Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», Ш, стр. 149. Такимъ образомъ китайская транскрипція ойхоровъ (уйгуровъ) — гао-гюй и гао-че не имѣетъ никаыого отношенія къ государству Гао-чанъ.

[5]) «Въ 20 ли отъ Турфана есть мѣстечко съ сотнею семей, называемое Иньӧль-чжанъ; это, по всей вѣроятности, древній Гяо-хэ-ченъ (Kia-ho-hien)»—слова китайскаго оффиціальнаго

Первое извѣстіе, которое мы имѣемъ о перемѣщеніи резиденціи на востокъ отъ Турфана въ Хара-хото или китайскій Хо-чжеу, относится къ началу X вѣка (913 г.); нѣтъ, однако, никакого сомнѣнія въ томъ, что это событіе должно было состояться нѣсколько раньше, а именно, согласно съ легендой, въ правленіе идикота (идыкота), носившаго имя, если не тождественное, то сходное съ Дакэ-Янусомъ или Такіанусомъ, какъ называетъ его Регель.

Какъ бы то ни было, но время основанія Хара-хото могло имѣть мѣсто только въ короткій промежутокъ времени между 874 [1]) и 913 годами, когда лѣтописи Киданьскаго дома впервые стали упоминать о Хо-чжеу'скихъ уйгурахъ. Гораздо труднѣе рѣшить вопросъ, какія обстоятельства вызвали паденіе этого города.

Хара-хото существовалъ еще при императорахъ Минской династіи, но уже въ это время на ряду съ нимъ все чаще и чаще начинаетъ упоминаться имя другого, тогда только-что возникавшаго города—Турфана, которому вскорѣ суждено было играть столь важную роль въ исторіи области. Цѣлый рядъ оборонительныхъ войнъ, веденныхъ государями Хара-хото противъ Джагатаидовъ, стремившихся силой оружія ввести мусульманство въ странѣ, повидимому, были главнѣйшей причиной ослабленія, а вслѣдъ затѣмъ и паденія Хо-чжеу. Съ распространеніемъ въ странѣ ислама, городъ этотъ, служившій сильнымъ оплотомъ буддизму, долженъ былъ потерять долю своего политическаго значенія, населявшіе же его уйгуры частью слиться съ явившимися сюда съ запада тюрками, частью удалиться къ востоку, туда, куда не могъ достигнуть не только мусульманскій фанатизмъ, но и прозелитизмъ. Такимъ образомъ Хо-чжеу, повидимому, угасалъ постепенно [2]), а не прекратилъ своего существованія вдругъ, какъ многіе другіе города Восточнаго Туркестана; въ этомъ, можетъ быть, и слѣдуетъ искать главнѣй-

---

донесенія, относящіяся къ 1415 году (см. В. Григорьева «Восточный или Китайскій Туркестанъ», стр. 33). Другой источникъ указываетъ однако, какъ мы это уже видѣли въ XIII главѣ (см. стр. 279), на развалины къ востоку отъ Хо-чжеу какъ на остатки Гао-чана. (См. Bretschneider, op. c., II, стр. 187).

[1]) Въ этомъ году ойхорскій ханъ Пугу-Цзунъ отнялъ Турфанъ у тибетцевъ и основалъ здѣсь новое Уйгурское государство.

[2]) Только въ началѣ XV вѣка онъ былъ окончательно присоединенъ къ владѣніямъ Турфана (Покотиловъ «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр. 98).

шую причину сравнительной цѣлости его стѣнъ и прекраснаго состоянія развалинъ описаннаго выше монастыря 1).

Къ востоку отъ Хо-чжеу, кромѣ развалинъ небольшаго укрѣпленія, виднѣются также развалины башенъ и, такъ здѣсь называемыхъ, «калмакъ мазаровъ» 2), т. е. уйгурскихъ ступъ. Такія же башни можно встрѣтить въ окрестностяхъ Пичана и нѣкоторыхъ другихъ селеній Турфанской области; но особенно замѣчательны развалины монастыря Асса-шаръ, о которомъ мы уже упоминали выше не разъ; его башня, стѣны и ряды въ два этажа расположенныхъ келій до такой степени еще хорошо сохранились, что могутъ служить прекрасными образцами давно здѣсь забытаго архитектурнаго стиля.

Въ сравненіи со всѣми этими величественными постройками, то, что мы видимъ теперь въ городахъ Турфанской области, представляется и жалкимъ и бѣднымъ. Искусство выводить своды и купола—утеряно, ваяніе и художество—пали, умѣнья изготовлять прочную штукатурку болѣе не существуетъ. Современное турфанское зодчество не имѣетъ уже ничего оригинальнаго, а всѣ стѣны и зданія выводятся по общепринятому шаблону:—китайскому или обще-туркестанскому. Таковъ регрессъ искусства въ этой странѣ и, къ сожалѣнію, онъ далеко не единственный!..

Нѣкогда, какъ извѣстно, Турфанъ славился не только своимъ военнымъ могуществомъ 3), но и богатствомъ 4); искусство турфанскихъ ремесленниковъ приводило въ восторгъ даже прихотливыхъ китайцевъ; библіотеки были обширны, науки и грамотность процвѣтали, внѣшняя же торговля имѣла такое развитіе, какого никогда не достигала торговля въ прочихъ промышленныхъ округахъ Восточнаго Туркестана.

Нынѣ отъ всего этого болѣе уже ничего не осталось. Мало

---

1) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что всѣ вообще буддійскія постройки въ Восточномъ Туркестанѣ отличаются не только своей солидностью, но и необыкновенною прочностью употребленныхъ на нихъ матерьяловъ; самымъ западнымъ памятникомъ буддійскаго строительнаго искусства служитъ упомянутый выше «Ташъ-рабатъ», замѣчательное зданіе, находящееся по сѣверную сторону перевала того же имени въ горахъ Акъ-байталъ, къ сѣверу отъ озера Чатыръ-куля (около 12.000 ф. абсолютной высоты).

2) Достойно замѣчанія, что современное населеніе Турфанскаго оазиса считаетъ уйгуровъ—калмыками, т. е. монголами. Древніе города уйгуровъ носили также монгольскія названія. Объяснить это я затрудняюсь, такъ какъ принадлежность уйгуровъ къ тюркскому племени не подвергается нынѣ сомнѣнію. (См. Радловъ «Къ вопросу объ уйгурахъ»).

3) Царство Токусгуровъ восточныхъ писателей.

4) Въ XIII и XIV столѣтіяхъ.

сказать, что торговля здѣсь пала—ея здѣсь вовсе не существуетъ. Народъ обнищалъ и погрузился въ ничтожество.

Какія же причины подготовили это, сравнительно быстрое, паденіе какъ благосостоянія матеріальнаго, такъ и умственнаго уровня въ цѣломъ народѣ? Причинъ такихъ было много, но всѣ онѣ имѣютъ характеръ болѣе внѣшній, чѣмъ внутренній. Во-первыхъ, политическія невзгоды: усиленіе Джагатаидовъ на западѣ, стремленіе ихъ подчинить себѣ Турфанскую область и силой привить здѣсь мусульманство, а затѣмъ—джунгарскій разгромъ, самая полная эксплоатація кунтайшами средствъ этой страны, эксплоатація, вынудившая въ концѣ концовъ большую часть населенія бросить родину и бѣжать на востокъ, въ предѣлы Западнаго Китая; во-вторыхъ, замѣна уйгурскаго элемента пришлымъ — узбекскимъ, а буддійской религіи—мусульманствомъ; наконецъ, событія нашихъ дней: дунганское возстаніе, хищническое управленіе китайскихъ администраторовъ и ихъ достойныхъ сподвижникоэъ и воспитанниковъ—вановъ Лукчунскихъ, непомѣрныя подати и, какъ косвенная причина, общее обѣднѣніе всѣхъ народовъ, населяющихъ Центральную Азію.

ГЛАВА XV.

Турфанъ.

(Продолженіе).

Почва Турфана издавна славилась своимъ плодородіемъ; китайцы, описывая эту страну, сообщали, что земли въ ней тучныя [1]) и «производятъ всѣ пять родовъ хлѣба» [2]), что «просо и пшеница даютъ тамъ два урожая» [3]) и что всевозможные плоды и самая разнообразная овощь не только родятся тамъ въ изобиліи, но и отличаются превосходнѣйшимъ вкусомъ. Одновременно сообщались, однако, и такіе факты, которые, повидимому, находились во взаимномъ противорѣчіи. Такъ, изображая климатъ Турфана до крайности сухимъ и знойнымъ, а почву страны бѣдною естественными водами и притомъ на всемъ своемъ протяженіи каменистою и песчаною, они описывали ее въ то же время густонаселенною [4]) и настолько многолюдною, что, напримѣръ, даже Гаочанскій владѣтель былъ въ состояніи одновременно выставить въ поле не менѣе десяти тысячъ регулярнаго войска!

Если извѣстія эти въ свое время были вѣрны, если къ тому же и площадь посѣва соотвѣтствовала густотѣ населенія, то невольно рождался вопросъ: изъ какихъ же источниковъ добывалась вода, нужная какъ для орошенія полей, такъ и для прочихъ потребностей жителей? Очевидно, что расходъ ея здѣсь былъ громаденъ, а средства на его покрытіе совершенно ничтожны.

---

[1]) Іакинфъ, «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», III, стр. 209.

[2]) Григорьевъ, «Восточный или Китайскій Туркестанъ», 1873, стр. 267.

[3]) Іакинфъ, l. c., стр. 150.

[4]) Іакинфъ, l. c., стр. 149.

Первымъ [1]) европейскимъ путешественникомъ, посѣтившимъ Турфанъ, былъ Регель. Онъ обратилъ вниманіе на оригинальный способъ орошенія турфанскихъ полей при посредствѣ сѣти подземныхъ каналовъ, но, не понявши устройства ихъ, далъ намъ не вполнѣ правильное о нихъ представленіе [2]).

Всѣ рѣчки, сбѣгающія съ южныхъ склоновъ Тянь-Шаня, пропадаютъ, какъ мы уже видѣли выше, у подошвы послѣдняго; но дальше къ югу воды ихъ снова выступаютъ на свѣтъ Божій въ видѣ цѣлаго ряда ничтожныхъ ключей, слагающихъ пять вышеупомянутыхъ ручьевъ: Булурюкъ, Кара-ходжа, Туйокъ, Лемджинскую рѣчку и Ёргунъ (Пичанскую рѣчку); они пересѣкаютъ гряду Тузъ-тау по пяти соотвѣтственнымъ долинамъ и выбѣгаютъ въ отрицательную низменность Асса, на сѣверной окраинѣ которой и разбиваются на арыки. Но вόды этихъ ручьевъ въ общей сложности такъ ничтожны, что ими могла бы воспользоваться едва двадцатая часть населенія цѣлой страны. Вотъ почему всю остальную, потребную послѣднему, массу воды пришлось издавна добывать при помощи замѣчательныхъ гидротехническихъ сооруженій, извѣстныхъ въ Турфанѣ подъ персидскимъ названіемъ «карызей». Цѣлые оазисы, какъ, напримѣръ, Ханду (древнее Ханъ-хоро), Кара-ходжа-карысь, Сынгимъ (древнее Билу?) и другіе, своимъ существованіемъ обязаны даже исключительно водѣ этихъ карысей; другіе оазисы, какъ Турфанскій, Пичанскій, Туйокъ, Кара-ходжа, Лукчунъ и Мултукъ только частью получаютъ свою воду изъ упомянутыхъ выше ручьевъ, главнѣйшимъ же образомъ заимствуютъ ее изъ карысей, устья коихъ выведены или въ ключевые центры или же непосредственно въ предѣлы культурнаго округа.

Устройство карысей очень простое.

Въ мѣстности, извѣстной населенію неглубокимъ сравнительно залеганіемъ водосодержащихъ слоевъ, роется головная «дудка», т. е. узкій и глубокій колодезь, который заканчивается въ этихъ слояхъ; отступя сажени четыре, много, если уже пять, роется вторая такая же дудка, потомъ третья, четвертая, сотая, до тѣхъ поръ, пока ихъ глубина не дойдетъ до сажени; тогда эти дудки, начиная съ послѣдней, отъ которой уже ведется арыкъ, соединяются между собою каналомъ, прорѣзающимъ такимъ образомъ во всю ихъ длину водосодержащія почвы. Ясное дѣло, что тогда въ такую трубу устремляется вся вода этихъ послѣднихъ, но, разумѣется, въ предѣлахъ, строго ограниченныхъ ея всасывающею способностью. Для того, чтобы увеличить струю карысной воды, въ магистральный каналъ проводятся вѣтви, если же нѣтъ для этого подходящихъ условій, то или нѣсколько параллельныхъ между собою карысей соединяютъ въ одинъ, или удлинняютъ его еще новыми дудками. Но послѣдній случай встрѣчается сравнительно рѣдко, такъ какъ съ удаленіемъ отъ устья карыся глубина колодцевъ увеличивается постепенно и наконецъ достигаетъ того максимума, который слѣдуетъ считать почти что предѣльнымъ; такъ, напримѣръ, головныя дудки Ханду'скихъ карысей достигаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ глубины бо́льшей сорока саженъ! Но на такой глубинѣ и поддержка карыся становится уже трудной. Ремонтъ послѣдняго выполняется при помощи все тѣхъ же дудокъ, которыя раньше служили для проложенія канала; потому, въ свою очередь, онѣ тщательно поддерживаются и зачастую укрѣпляются деревянными рамами; тѣмъ не менѣе обвалы въ нихъ бываютъ не рѣдки, а ремонтъ карысей не прекращается никогда.

---

[1]) Если не принимать въ расчетъ миссіонера Goes'а (начал. XVII в.) и іезуитовъ прошлаго вѣка, хотя и посѣтившихъ Турфанъ, но не оставившихъ намъ сколько-нибудь обстоятельныхъ описаній или даже замѣтокъ о немъ.

[2]) Petermann's, «Geograph. Mittheilungen», 1880, XXVI, стр. 205.

Всѣ жители Турфана въ большей или меньшей степени знакомы съ устройствомъ карысей, но только бѣднѣйшимъ его жителямъ приходится работать надъ исправленіемъ этихъ послѣднихъ, такъ какъ работа эта справедливо считается здѣсь столь же опасной, сколько и трудной. Зато жертвы катастрофы хоронятся всегда на общественный счетъ, а могилы ихъ чтятся народомъ.

Если посмотрѣть на Турфанскую область съ высоты птичьяго полета, то большая часть поверхности ея покажется намъ точно изрытой какими-то гигантскими землеройками съ тѣмъ, впрочемъ, отличіемъ, что значительныя кучи земли не разбросаны здѣсь въ безпорядкѣ, а вытянуты стройными линіями. Это и есть карыси.

Въ общей сложности карыси—сооруженіе, столь же изумительное по своей громадности, сколько и по смѣлости замысла. Оно все внизу, на глубинѣ десятковъ саженей, а потому и не импонируетъ на путешественника ¹); между тѣмъ, если подсчитать сумму труда, употребленнаго турфанцами не только на прорытіе всей этой сѣти подземныхъ каналовъ, обезпечивающихъ существованіе

---

¹) Въ послѣднее время Турфанъ посѣтили англичане Бель (Colonel Mark. S. Bell. Proceedings of the Royal Geographical Society. February, 1890) и Кэри (A. D. Carey. Proceedings R., G. S. December, 1887). Оба проѣзжали Турфанъ въ 1887 г. Бель ничего не говоритъ, а Кэри только вскользь упоминаетъ о карысяхъ.

многихъ сотенъ семей, но и на постоянную поддержку послѣднихъ, то удивленію нашему не будетъ границъ.

Достаточно сказать, что для орошенія площади въ 160 мо, т. е. 8 десятинъ, въ оазисѣ Ханду, напримѣръ, требуется вода съ одного карыся при наименьшей длинѣ послѣдняго въ три версты. При такой величинѣ карыся, головной колодезь послѣдняго можетъ имѣть глубины минимумъ 300 футовъ (50 кулачей); принимая же въ соображеніе, что на одну версту приходится отъ 100 до 120 дудокъ, а на все протяженіе отъ 300 до 360, при средней глубинѣ въ 150 футовъ и площади сѣченія въ 6,25 квадр. футовъ, получимъ, что для вырытія дудокъ потребно было выкинуть земли и гальки въ круглой цыфрѣ не менѣе 280 тысячъ кубическихъ футовъ; если же присоединить сюда и подземный каналъ длиною въ три версты, то вся масса выкинутаго матерьяла значительно превыситъ 300 тысячъ куб. ф., изъ коихъ не одинъ десятокъ тысячъ пришелся на глубину въ 35 саженей!

Въ оазисѣ Ханду до двухъ сотъ карысей, во всей же сѣверной части Турфанской области (Харюза) ихъ такъ много, что опредѣлить въ точности количество ихъ невозможно; во всякомъ случаѣ число ихъ существенно увеличено быть не можетъ, такъ какъ, повидимому, уже въ настоящее время почти весь запасъ подпочвенной влаги высасывается карысями сполна. Мѣстные жители подмѣтили даже, что увеличеніе числа боковыхъ колодцевъ уже не увеличиваетъ въ желанной мѣрѣ количества воды въ магистральныхъ каналахъ, а также и то, что вновь проведенный карысь или уменьшаетъ количество воды въ сосѣднихъ, или же вовсе ихъ осушаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣчено было также и періодическое колебаніе уровня въ этихъ колодцахъ; лѣтомъ оно выше, чѣмъ въ зимніе мѣсяцы; это явленіе, весьма важное для земледѣльца, находится, повидимому, въ прямой зависимости отъ лѣтняго таянія снѣговъ въ горахъ Богдо-ола.

Когда среди безплоднѣйшихъ каменистыхъ степей Харюзы мы вдругъ увидали оазисъ Ханду, то, какъ помнитъ читатель, были поражены его красотой, оживленностью и богатствомъ. Даже лучшія мѣста въ долинѣ Зеравшана, этой издавна прославленной «жемчужинѣ Востока», не въ состояніи выдержать сравненія съ тѣмъ, что мы здѣсь увидали.

Это, въ буквальномъ смыслѣ слова, роскошнѣйшій садъ, какое-то въ высшей степени благоустроенное помѣстье, гдѣ все дышетъ необычайнымъ порядкомъ и даже довольствомъ. Террасовидно-подымающіяся поля, засѣянныя кунжутомъ (Sesamum indicum indivisum), акъ-джугарой (Sorghum cernuum), хлопкомъ и всевозможными иными культурными растеніями и огороженныя только линіями древесныхъ посадокъ—айлантовъ и тутовъ, производятъ чрезвычайное впечатлѣніе отсутствіемъ какихъ бы то ни было слѣдовъ потравы на нихъ; непроницаемая тѣнь громадныхъ вязовъ и тутовъ, среди которыхъ вы ѣдете, ирригаціонныя канавы, по которымъ несутся струи холодной и чистой воды, наконецъ, даже дорога, изумительная своей необыкновенной опрятностью,—вотъ первыя впечатлѣнія при въѣздѣ въ оазисъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ поражаешься все болѣе и болѣе; впереди, наконецъ, и селеніе... но это даже и не селеніе, а ряды фермъ, утонувшихъ въ густой зелени тутовыхъ, абрикосовыхъ и персиковыхъ деревьевъ, яблонь и грушъ; виноградники и плющъ (Clematis sp.) дополняютъ очарованіе... Среди селенія вы объѣзжаете прудъ съ перекинутымъ черезъ него легкимъ, слегка дугообразно-изогнутымъ, мостикомъ китайской архитектуры; повидимому, прудъ этотъ только въ рѣдкихъ случаяхъ видитъ солнце,—до такой степени мощны деревья, засаженныя вдоль его береговъ... Прудъ среди каменистой пустыни, самой безжизненной изъ средне-азіатскихъ пустынь! Не чудо ли это? И если вспомнить, что вся масса воды въ Ханду'скомъ оазисѣ извлечена съ глубины въ 200 или даже болѣе футовъ, то не правы ли мы остановиться въ изумленіи передъ земледѣльцемъ Турфана, осилившимъ и пересоздавшимъ природу?

Когда видишь все это, то невольно приходятъ на память легенды о великомъ прошломъ Восточнаго Туркестана. Когда-то существовало въ немъ одновременно до 60 отдѣльныхъ владѣній ¹), теперь же не наберется здѣсь того же числа городовъ и мѣстечекъ. Множество послѣднихъ исчезло безъ всякихъ слѣдовъ былаго существованія, и тамъ, гдѣ нѣкогда они были, тянется теперь такая же безотрадная пустошь, какъ и турфанская Харюза...

Всѣ путешественники утверждаютъ, что мѣстность на востокъ отъ Хотана изобилуетъ значительными запасами подпочвенной влаги: «стóитъ здѣсь только копнуть, говорятъ они, чтобы показалась вода»... Турфанъ представляетъ несравненно худшія условія водоснабженія, и между тѣмъ мы застаемъ здѣсь всюду такіе цвѣтущіе оазисы, камъ Ханду. Что же мѣшаетъ намъ думать,

---

¹) До начала христіанской эры въ одномъ Турфанѣ было нѣсколько владѣній: Чешы (Турфанъ), Кіо или Гэ и Цыэ въ верховьяхъ р. Булурюкъ и р. Мултукъ, Билу (Сынгимъ), Юйлиши (Лемчжинъ), Ханъ-хоро (Ханду) и др.

что и на сѣверныхъ склонахъ Куень-люня существовали и могутъ существовать города, обязанные своею жизнью исключительно водѣ карысей?

Но устройство карысей дѣло капризное, требующее неусыпнаго вниманія и постояннаго ремонта, а потому и значительныхъ расходовъ, незнакомыхъ другимъ земледѣльцамъ. Разъ, однако, платежная сила народа почему-нибудь ослабѣла, ему неминуемо должна грозить гибель. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, мы и должны искать главнѣйшую причину полнаго опустѣнія городовъ и селеній, развалины коихъ полузасыпаны нынѣ пескомъ. Причины же чрезмѣрнаго обѣднѣнія этихъ послѣднихъ искать долго нечего: намъ достаточно хорошо извѣстна кровавая исторія городовъ Восточнаго Туркестана 1).

Только въ Турфанской области сохранился еще вполнѣ этотъ способъ орошенія почвы, и это, можетъ быть, потому, что Турфанъ, какъ кажется, до 60-хъ годовъ текущаго вѣка все еще умѣлъ сохранить проблески своей прежней самостоятельности. Къ тому же настоящая хищническая эксплоатація этого богатаго края китайцами началась только лѣтъ двадцать назадъ, а потому и не успѣла еще въ корень подорвать благосостоянія его жителей.

Ниже мы увидимъ, какъ безпощадна и многообразна эта эксплоатація, готовящая Турфану страшныя бѣдствія, а теперь постараемся познакомиться и съ самымъ предметомъ этой эксплоатаціи — уроженцемъ Турфана.

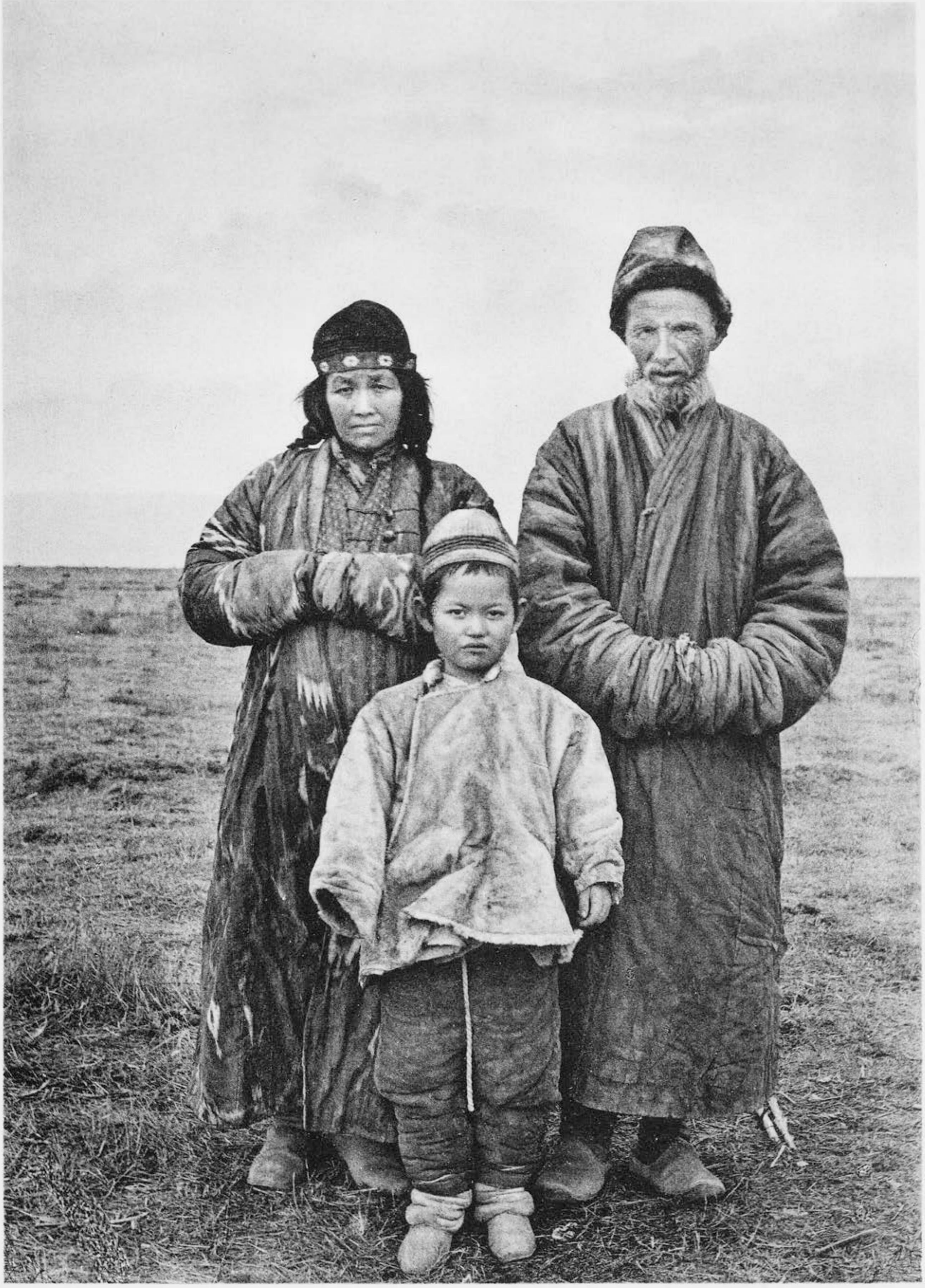
Вотъ и онъ передъ нами. Въ среднемъ типѣ не столь красивый и статный, какъ сартъ Русскаго Туркестана, онъ, однако, не менѣе послѣдняго живъ и подвиженъ. Скулы его выдаются сильнѣе впередъ, глаза уже, но всегда выразительны, растительность на лицѣ очень рѣдкая. Въ общемъ, тѣлосложеніе его сухопарое, ростъ средній, грудь часто впалая. Производя впечатлѣніе физически слабаго человѣка, онъ, однако, чрезвычайно выносливъ, дѣятеленъ и неутомимъ. Мнѣ кажется, что вся организація его приспособлена къ тому именно, чтобы быть сытымъ при самомъ ничтожномъ количествѣ пищи; и дѣйствительно, трудно даже представить

---

1) Впрочемъ, исчезновеніе нѣкоторыхъ оазисовъ могли вызвать и иныя, естественныя, причины; напримѣръ, развитіе овраговъ и связанное съ ними пониженіе уровня водосодержащихъ слоевъ. На сѣверныхъ склонахъ Заалайскихъ горъ я видѣлъ рѣчку Тузъ-дару, ничтожную въ верховьяхъ, но быстро увеличивающуюся въ среднемъ теченіи, и не столько на счетъ притоковъ, сколько ключей, непосредственно бьющихъ изъ-подъ земли и дѣлающихъ берега рѣки очень топкими; очевидно, послѣдняя настолько уже углубила свое ложе, что обнажила подземный дренажъ.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ I.



Турфанское семейство.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

себѣ, какъ мало онъ ѣстъ! И въ этомъ, можетъ быть, и слѣдуетъ видѣть тотъ именно якорь, который спасаетъ турфанскій народъ отъ повальнаго разоренія. Насколько онъ скроменъ въ ѣдѣ, настолько же онъ скроменъ и во всемъ остальномъ. Когда-то въ Турфанѣ выдѣлывались прекрасныя вина, приводившія китайцевъ въ непомѣрный восторгъ; съ введеніемъ мусульманства искусство это было свершенно забыто, и нынѣ турфанцы спиртныхъ напитковъ, какъ кажется, почти вовсе не пьютъ. Одѣвается онъ также замѣчательно просто, но въ то же время и очень опрятно. Одежда эта состоитъ изъ нижеслѣдующихъ частей:

длинной рубашки (куйпэкъ), сшитой изъ мѣстной хлопчатобумажной матеріи — бѣлой бязи (бӧзъ), и такихъ же
штановъ (дамбалъ), заправляемыхъ въ
сапоги (пайпакъ) лошадиной кожи; изъ
ватной кофты (джаймэкъ), застегивающейся на лѣвомъ боку и настолько широкой, что ее приходится подпоясывать
кушакомъ (путё), для котораго берется обыкновенно или кусокъ бязи, или 9 аршинъ (гезь) ситцу, и, наконецъ, изъ
тюбетейки (допа), или же
шапки съ мѣховымъ околышемъ (коробӧкъ) [1]) обще-туркестанскаго типа.

Болѣе состоятельные замѣняютъ джаймэкъ халатомъ, но послѣдній входитъ въ употребленіе только по городамъ, да и то преимущественно только среди людей пожилыхъ и почтенныхъ.

Насколько намъ удалось опредѣлить характеръ турфанца — скромность составляетъ его удѣлъ; я думаю, что у нѣкоторыхъ она переходитъ даже въ забитость. Турфанецъ терпѣливо выноситъ тиранію китайской администраціи и своего природнаго князя, но, можетъ быть, это только временно бездѣйствующій вулканъ? Во всякомъ случаѣ онъ мало напоминаетъ прежняго жителя этой страны, непокойнаго и вѣчно съ кѣмъ-нибудь да воевавшаго чешысца... Онъ предпочитаетъ, повидимому, миръ да покой, а потому, хотя и ропщетъ, но все же лѣзетъ въ ярмо, добровольно обращаясь въ батрака каждаго, кому не лѣнь наживаться на счетъ этого добродушнаго человѣка; поэтому, мнѣ кажется, нѣтъ страны, гдѣ бы ростовщичество было такъ распространено, какъ именно здѣсь.

«Когда-то», говорили намъ старики, «мы переживали лучшія времена; тогда и народъ былъ честнѣе... Воровство и обманъ строго наказывались, а теперь этихъ наказаній никто уже не боится»...

---

[1]) У богатыхъ изъ выдры, у бѣдныхъ изъ подкрашеннаго сурка.

Можно легко этому вѣрить... У насъ есть пословица: «бѣдность не порокъ, но хуже порока»... Сама судьба заставляетъ человѣка, попавшаго въ лапы ростовщика, изворачиваться, затѣмъ унижаться и, наконецъ, даже прибѣгать къ недозволеннымъ закономъ и совѣстью дѣйствіямъ. Подобное движеніе по наклонной плоскости внизъ такъ хорошо всѣмъ извѣстно, что о немъ и распространяться долго не стоитъ. Къ тому же народъ, управляемый не законами, а произволомъ, проходитъ здѣсь очень плохую школу нравственности; про Турфанъ же мы скорѣе, чѣмъ про какую-нибудь другую страну Востока, имѣемъ право сказать, что законъ существуетъ здѣсь только для тѣхъ, кто богатъ.

При всемъ томъ, благодаря своей аккуратности, трудолюбію и умѣнью довольствоваться самымъ малымъ, турфанецъ еще сводитъ кое-какъ концы съ концами; при поверхностномъ взглядѣ онъ производитъ впечатлѣніе даже человѣка зажиточнаго: такъ всегда онъ опрятно одѣтъ и въ такомъ порядкѣ находится его крошечный дворикъ и прилѣпившіеся на краю послѣдняго жилые покои.

Обо всѣхъ туркестанцахъ приходится зачастую выслушивать мнѣніе, что это народъ давно изолгавшійся и вполнѣ лицемѣрный, что вѣроломство составляетъ столь же врожденное у нихъ качество, какъ и себялюбіе или жестокость. Мы, однако, совершенно не раздѣляемъ такого крайняго взгляда и желали бы дать туркестанцу иную характеристику; вотъ почему мы и къ турфанцамъ рѣшаемся отнести тѣ слова, которыя писались почтеннымъ академикомъ Миддендорфомъ о сартахъ Русскаго Туркестана [1]):

«Если мы съ безпристрастіемъ отнесемся къ кореннымъ чертамъ характера сартовъ, которыхъ частенько и жестоко ругали, то вскорѣ убѣдимся, что, кромѣ прекрасныхъ наклонностей къ добру и немалыхъ дарованій, сартъ безспорно отличается поэтической мягкостью души. Я вовсе не хочу отрицать большихъ недостатковъ ихъ и пороковъ; но они обращаются въ нѣчто очень малое, если обратить вниманіе на то, при какихъ условіяхъ выработалось то здоровое ядро, которое сохранилось въ нихъ и понынѣ»...

Намъ именно кажется, что основаніемъ для неблагопріятныхъ сужденій о туркестанцахъ служитъ ихъ крайнее легкомысліе, которое въ связи съ ихъ воспріимчивостью, крайнею общительностью и болтливостью, дѣлаетъ изъ нихъ людей весьма мало надежныхъ; имъ, дѣйствительно, не во всѣхъ случаяхъ можно вѣрить, но источникомъ ихъ лжи не всегда служитъ злой умыселъ, а скорѣе всего увлеченіе собственной фантазіей.

---

[1]) «Очерки Ферганской долины», 1882, стр. 363.

«Народъ этотъ, — продолжаетъ далѣе Миддендорфъ, — съ мягкимъ характеромъ и, несмотря на всю прозу его повседневныхъ занятій, съ поэтическимъ настроеніемъ. Только небесныя сферы музыки ему все еще совсѣмъ недоступны. Правда, у него есть потребность пѣнія, правда, сартъ затягиваетъ пѣсню при каждомъ удобномъ случаѣ, — но человѣкъ да не искушаетъ боговъ!»

Послѣдняго, однако, про уроженцевъ Турфана сказать вовсе нельзя, такъ какъ среди всѣхъ народовъ Центральной Азіи — турфанцы и хамійцы безспорно самый музыкальный народъ.

Женщинъ мы видѣли достаточно для того, чтобы и о нихъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Онѣ не скрываютъ своего лица подъ чимбетомъ [1]), а ходятъ совершенно открыто, и если при встрѣчѣ съ мужчиной и отворачиваются, то дѣлаютъ это скорѣе всего ради кокетства, но ужь никакъ не вслѣдствіе общепринятаго обычая. Вообще, уроженокъ Турфана, какъ кажется, можно обвинить скорѣе въ излишней вольности въ обращеніи, но ужь никакъ не въ избыткѣ стыдливости. И дѣйствительно, мѣстная молва характеризуетъ ихъ крайне вѣтренными, непостоянными, а подчасъ клеймитъ и развратными (бузукъ). И я думаю, что молва эта имѣетъ свои основанія.

Характеръ современной намъ женщины Турфана слагался вѣками, а припомнимъ хотя бы, напримѣръ, то, что о женщинахъ Комуля писалъ знаменитый венеціанецъ еще въ XIII вѣкѣ. Подъ Комулемъ же Марко Поло, какъ справедливо допускаетъ Григорьевъ [2]), понималъ не только современное Хами, но, вѣроятно, и всѣ земли отсюда на западъ, стало быть, и Турфанъ.

«Весельчакъ тамошній народъ! только и заботится о томъ, какъ бы музыкой заняться, попѣть, поплясать и всякое удовольствіе плоти своей доставить. Тамъ, сказываю я вамъ, хозяинъ радуется, когда въ домѣ у него остановится иностранецъ, и приказываетъ женѣ, чтобы она исполняла все, чего иностранцу захочется, а самъ уходитъ и возвращается назадъ не прежде, какъ по отъѣздѣ иностранца, такъ что послѣднiй можетъ забавляться съ женою хозяина какъ только ему вздумается, а женщины тамъ красивыя, и мужья ихъ не только не ставятъ себѣ этого въ позоръ, а еще за великую честь для себя почитаютъ»[1]).

---

[1]) Нѣчто въ родѣ густой черной вуали, сплетенной изъ конскихъ волосъ; чимбетъ во всеобщемъ употребленіи въ Русскомъ Туркестанѣ.

[2]) »Восточный или Китайскій Туркестанъ«, стр. 309.

«Предоставляя такимъ образомъ женщинъ (женъ, сестеръ, дочерей и всѣхъ прочихъ лицъ женскаго пола) всѣмъ случайнымъ путешественникамъ, имѣющимъ надъ ними всѣ права настоящихъ мужей, этотъ народъ думаетъ, что этимъ онъ возвышаетъ себя, такъ какъ гостепрiимство считается у нихъ дѣломъ, угоднымъ богамъ»[2]).

Это свидѣтельство Марко Поло, даже въ томъ случаѣ, если предположенiе наше о тождествѣ Комуля съ Турфаномъ окажется не вполнѣ вѣрнымъ, не теряетъ своего значенiя и для послѣдняго, потому что всякому, кто только изучалъ исторiю Восточнаго Туркестана, должно быть извѣстно, что начало самостоятельному существованiю Хами положено было не ранѣе 4-го года правленiя Минскаго императора Юнъ-ло, т. е. только въ 1406 г.; при Чингисханидахъ же Хамiйское владѣнiе все еще составляло область, вполнѣ подчиненную идикотамъ Хо-чжеу, а потому едва-ли можно сомнѣваться и въ томъ, что описанные выше обычаи, имѣвшiе, вѣроятно, своимъ источникомъ какiя-нибудь языческiя вѣрованiя, существуя въ одной части государства, своевременно не передались бы и другой ея половинѣ.

Показанiе Марко Поло не стоитъ одиноко. Еще за три столѣтiя до него арабскiй писатель Абу-Долефъ такъ описываетъ обычаи въ земляхъ харлуховъ[3]).

«Прелюбодѣянiе между ними — дѣло вполнѣ позволительное. Игроки они страстные: играютъ на женъ, сыновей, дочерей, матерей. Пока играющiе находятся на игорномъ сборищѣ, проигравшему предоставляется выкупить проигранное, но если онъ, не сдѣлавъ этого, уйдетъ, то выигравшiй считается владѣльцемъ проиграннаго и продаетъ его купцамъ, какъ полную свою собственность. Женщины ихъ славятся красотой и развратомъ, и мужчины не знаютъ, что такое ревность. Когда приходятъ караваны въ эту страну, то жены, дочери, сестры знатныхъ и иныхъ людей отправляются имъ на встрѣчу; и, если женщина понравится гостю, то ведетъ его въ свое жилище, помѣщаетъ тамъ, угождаетъ ему, а мужа своего, дѣтей, братьевъ заставляетъ исполнять всѣ его надобности. И пока гость въ домѣ, мужъ не подходитъ къ женѣ, развѣ по какому дѣлу, которое ему поручено. Затѣмъ жена и гость ѣдятъ, пьютъ и другимъ занимаются на глазахъ у мужа, а тотъ и не думаетъ ревновать или мѣшать» ¹).

---

[1]) Григорьевъ, l. c., стр. 308.

[2]) Марко Поло, «Путешествiе по Татарiи и другимъ странамъ Востока», 1873, стр. 55.

[3]) Григорьевъ, l. c., стр. 243.

Оріенталисты, какъ кажется, затрудняются въ этнографическомъ опредѣленіи народа харлуховъ. Большинство, основываясь на арабскихъ источникахъ, считаетъ ихъ тюрками. Извѣстно, однако, что для арабовъ тюрками были не только народы тюркскаго племени, но и всѣ тѣ, что вообще жили за предѣлами Ирана; такимъ образомъ, въ качествѣ тюрковъ фигурировали у арабовъ и тибетцы, и китайцы, и монголы, и тунгусы, и, наконецъ, даже славяне и финны (угры). Для насъ, какъ мнѣ кажется, важнѣе другое указаніе тѣхъ же арабовъ, а именно—что между всѣми тюрками харлухи были «самымъ статнымъ, самымъ рослымъ и самымъ красивымъ народомъ». Для арабовъ такимъ народомъ могли быть только коренные жители обоихъ Туркестановъ, но ужъ никакъ не тюркомонголы, «не имѣющіе носовъ, но дышащіе черезъ двѣ маленькія дырочки», какъ выразился о нихъ когда-то раввинъ Тудела. Къ тому же, въ противность другимъ тюркскимъ племенамъ, они и описываются вполнѣ осѣдлымъ народомъ. Кстати слѣдуетъ вспомнить, что и до настоящаго времени существуетъ въ Восточномъ Туркестанѣ городъ, сохранившій арабское названіе этого народа— Хорлу, это — Корля (Курля).

Значеніе, подобное вышеприведеннымъ разсказамъ, имѣетъ, какъ кажется, и персидская легенда о Рустемѣ, которая, какъ извѣстно, начинается разсказомъ о томъ, какъ «Рустемъ, Ирана богатырь», сѣлъ на коня и

.... не простившись дома
Ни съ кѣмъ, ни съ матерью, ни съ братомъ,
Поѣхалъ вь путь, оборотивъ
Глаза, какъ левъ, почуявшій добычу,

---

¹) Несмотря на всю его опредѣленность, разсказъ этотъ кажется намъ не совсѣмъ яснымъ, и это потому, что первая его половина какъ бы противорѣчитъ второй. То обстоятельство, что мужья проигрывали своихъ женъ, дочерей, сестеръ и матерей (?!), какъ-бы свидѣтельствуетъ о совершенно рабскомъ положеніи женщины въ краѣ; между тѣмъ тѣ же женщины пользовались самой широкой свободой въ общеніи съ посторонними и, какъ далѣе видно, заставляли даже мужей являться временными слугами лицъ, избранныхъ ими для мимолетнаго адюльтера.

Въ ту сторону, гдѣ за горами
Лежалъ Туранъ...

какъ вслѣдъ затѣмъ царь одного изъ туранскихъ владѣній, Семенгама, пригласилъ его къ себѣ, устроилъ въ честь его пиръ и въ довершеніе всего разрѣшилъ дочери своей, Теминѣ, столь же чистой и прекрасной, «какъ дѣва рая», провести ночь на одномъ ложѣ съ богатыремъ. Когда же «ночь краткая блаженства миновала» и «настало утро», то изъ объятій молодой супруги вырвался Рустемъ, она же отъ него пошла, слезами обливаясь,

.... и для нея, въ часъ брака овдовѣвшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало [1]).

Всѣ эти показанія настолько согласны между собою, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ давно-прошедшія времена женщина въ Туркестанѣ пользовалась положеніемъ совершенно исключительнымъ. Поэтому введеніе ислама въ этомъ краѣ было настоящей революціей не только въ области религіи, но и въ области соціальнаго строя. Однако, вліяніе этого вѣроученія въ Восточномъ Туркестанѣ оказалось слабѣе, чѣмъ въ Западномъ; вотъ почему еще и по настоящее время женщина пользуется здѣсь такой свободой, какъ нигдѣ въ прочихъ мѣстностяхъ, населенныхъ магометанами.

Какъ бы то ни было, но турфанскую женщину я положительно отказываюсь заклеймить названіемъ недостойной жены или матери. Если она и измѣняетъ своему мужу, то развѣ только по своему легкомыслію, а, можетъ быть, и тщеславію. Разъ, если ужь принято въ обществѣ цѣнить женщину по количеству бывшихъ у ней любовныхъ связей, то было бы совершенной несообразностью требовать отъ послѣдней воздержанія и цѣломудрія. Мусульманскій законъ и вѣяніе сѣдой старины въ настоящее время очевидно находятся здѣсь во взаимномъ противорѣчіи, и въ Турфанѣ это выражается такъ: молодежь рѣзвится и въ промежуткахъ между упорнымъ трудомъ развлекается любовными приключеніями, а старики замаливаютъ грѣхи и, вспоминая преступно проведенную молодость, твердятъ себѣ подъ носъ: «яй куда керимъ»!... что значитъ: «о, милосердый Боже!»

Надо видѣть, что такое турфанская женщина въ полѣ и у себя на дому, для того, чтобы, несмотря на всѣ ея проступки, вызванные скорѣе обычаемъ, чѣмъ дѣйствительной потребностью ея натуры, оцѣнить ее по достоинству.

---

[1]) Жуковскій, Собр. соч., т. IV.

Мать всегда и всюду была, безъ сомнѣнія, первой воспитательницей ребенка; и вотъ именно дѣти въ Турфанѣ служатъ самой надежной рекомендаціей для своихъ матерей.

Въ самомъ дѣлѣ, это совершенно своеобразныя дѣти. Сообразно со своимъ возрастомъ, они, разумѣется, и бѣгаютъ, и играютъ, и пожалуй даже — шалятъ; но всѣ шалости ихъ совершенно невиннаго свойства. Вы нигдѣ не увидите здѣсь мальчугана, лазящаго по деревьямъ, безцѣльно ломающаго сучья или кусты, портящаго молодые побѣги лозы ради свистулекъ или хлыстовъ; они не побѣгутъ вслѣдъ за вами, не швырнутъ въ васъ исподтишка камнемъ, зато проводятъ взглядами, полными любопытства и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то недѣтской серьезности. Подростки лѣтъ пяти-семи уже няньки грудныхъ младенцевъ и, добавлю, хорошія няньки; съ десяти—они уже настоящіе помощники своихъ матерей и отцовъ. Однимъ словомъ, это вполнѣ благонравныя дѣти. Особенно поражали насъ всегда ихъ стоицизмъ и какая-то въ ихъ возрастѣ совершенно для насъ непонятная сила воли. Напримѣръ, я, кажется, никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня однимъ мальчуганомъ лѣтъ семи или даже шести. По неосторожности, помогая матери въ приготовленіи хлѣба, онъ упалъ въ раскаленную печь [1]). Хотя его тотчасъ же и вытащили, но ожоги, имъ полученные, охватили всю грудь, руки и ноги; черезъ три дня все это обратилось въ сплошную, гнойную язву; тогда только испуганные родители рѣшились обратиться за помощью къ русскимъ. И надо было видѣть выраженіе лица малютки, когда принесшій его къ намъ отецъ сталъ сдирать присохшіе къ страшнымъ его ранамъ лохмотья!... Съ его стороны ни звука, а всѣ мы,—казаки и я—просто оцѣпенѣли отъ ужаса... «Боже! да что же это такое? да какъ же это лѣчить?!». Молчаніе ребенка, чрезвычайныя усилія воли, которыя онъ, видимо, употреблялъ для того, чтобы не расплакаться, тронули насъ до глубины души... Разумѣется, мы лѣчили его, какъ умѣли, и черезъ три недѣли имѣли удовольствіе видѣть его уже смѣющимся и играющимъ... Но сказать ли причину, заставлявшую ребенка молчать, несмотря на невыносимую боль, которую онъ очевидно испытывалъ? Его увѣрили, что русскіе не любятъ крикливыхъ ребятъ!... Удачный исходъ лѣченія привлекъ къ намъ множество паціентовъ, въ особенности много дѣтей. И всѣ они вели себя столь же мужественно, какъ и первый ребенокъ; но первыя впечатлѣнія всегда самыя сильныя; впослѣдствіи же мы ужь привыкли къ этимъ маленькимъ стоикамъ.

---

[1]) Объ устройствѣ этихъ печей будетъ сказано ниже.

Что взаимная любовь и постоянство и въ Турфанѣ цѣнятся высоко и даже, пожалуй, считаются краеугольнымъ камнемъ семейнаго благополучія, видно, какъ мнѣ кажется, изъ слѣдующей, прекрасной по содержанію своему, пѣсни, распѣваемой чуть ли не въ каждомъ семействѣ:

Уссуп-пелен Залиха
Боз а кыши, ярсенем
Яр, яр!...
Ашикъ отенэ уладен...
Сураса кешэ, ярсенем,
Уссуп-пелен Залиха
Карадляр шика отенэ
Алямга тередляр, ярсенем,
Яр. яр!

что переводится такъ:

Кабы намъ съ тобой, какъ Юсупъ [1]) съ Залихой,
Такъ же дружно жить, разлюбезная,
Милая, милая,
Сердце забилось бы радостью... [2]).
А и спросятъ если тебя, моя милая,
Что за люди тѣ—Залиха и Юсупъ?
Это тѣ—(отвѣчай)—что, состарѣвшись,
Свою любовь по бѣлу свѣту развѣяли...
Милая, милая!..

Уроженки Турфана скорѣе низкаго, чѣмъ средняго роста, тѣлосложенія въ большинствѣ случаевъ очень неправильнаго, что̀ обусловливается длиннымъ туловищемъ и развитыми тазовыми костями; впрочемъ, такъ какъ нѣтъ вообще правилъ безъ исключеній, то и тутъ попадаются женщины высокаго роста и пропорціональнаго тѣлосложенія. Большинство изъ нихъ предрасположено къ полнотѣ, но полныя чаще встрѣчаются на улицахъ городовъ, чѣмъ въ деревнѣ, гдѣ физическій трудъ и частое недоѣданіе не мало, разумѣется, мѣшаютъ ожиренію тѣла.

---

[1]) Юсупъ былъ сынъ знаменитаго мусульманскаго святого Якупай Гамбара, родомъ изъ Персіи.

[2]) Буквально: убѣжала бы горечь изъ сердца.

Идеалъ красоты турфанлыкъ видитъ въ женщинѣ персидскаго типа, и жительницы этой страны употребляютъ всяческія старанія къ тому, чтобы хоть сколько-нибудь на нихъ походить. Для того, чтобы казаться выше, онѣ носятъ непомѣрно высокіе каблуки; рѣсницы и брови подводятъ и тѣмъ достигаютъ одновременно двухъ цѣлей: во-первыхъ, скрадываютъ широкое разстояніе между глазъ, а во-вторыхъ, увеличиваютъ какъ размѣры послѣднихъ, такъ и длину бровей и рѣсницъ; низкій лобъ онѣ искусно прикрываютъ прической, а все лицо перестаетъ казаться круглымъ и плоскимъ, благодаря головному убору—«допа». Такимъ образомъ монгольскія черты лица онѣ стараются по мѣрѣ возможности сглаживать и на ихъ счетъ развивать особенности лица иранскаго—немаловажное доказательство въ пользу того, что первобытное населеніе этой страны было арійское, а не тюрко-монгольское! Какъ представительницы и всѣхъ другихъ расъ, населяющихъ Внутреннюю Азію, онѣ любятъ румяниться и бѣлиться, и надо отдать имъ полную справедливость—весьма часто злоупотребляютъ и тѣмъ и другимъ, точь въ точь какъ большинство китаянокъ, считающихъ, что появиться въ народѣ безъ достаточнаго количества бѣлилъ и румянъ на лицѣ—неприлично. Глаза у всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ мы видѣли, были каріе или даже темно-каріе и живые; волоса черные и жесткіе. Встрѣчаются ли между ними женщины съ болѣе свѣтлымъ оттѣнкомъ волосъ, въ точности мнѣ неизвѣстно; судя однако по мужчинамъ, нужно думать, что да, потому что въ Турфанѣ русоволосые люди вовсе не рѣдкость.

Одежда турфанокъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей:
изъ длинной, цвѣтной, ситцевой или кумачевой, рубашки (куйпэкъ) и такихъ же штановъ (дамбалъ);
изъ парадной шелковой (китайская фанза) рубашки (янзо-куйпэкъ), цвѣтныхъ, обыкновенно красныхъ,
гетровъ (чекмень-иттыкъ),
ичиговъ съ калошами (кебисъ-пайпакъ), а зимой
сапоговъ на высокихъ подборахъ (пайпакъ),
кофты, схожей покроемъ съ мужской (джаймекъ),
шелковаго халата (шаи-чапанъ),
тюбетейки (допа),
шапки, обложенной выдрой (тэльпэкъ),

большого краснаго платка (яхлыкъ) и, наконецъ, тоже цвѣтного, но меньшаго (личагъ).

Зимой, кромѣ того, носится шуба, подбитая мерлушкой (копё) и крытая какой-нибудь матеріей, обыкновенно крашениной или полушелковымъ кокандскимъ адрасомъ. Но, разумѣется, полный комплектъ вышепоименованнаго гардероба имѣется только у богатыхъ; бѣдныя же зачастую носятъ мужнину шубу, гетры замѣняютъ изъ цвѣтной шерсти вязанными чулками[1]), о шелковыхъ же халатахъ и янзо-куйпэкахъ только мечтаютъ.

Замужъ турфанки идутъ рано, нерѣдко четырнадцати и даже тринадцати лѣтъ, причемъ сватовствомъ заправляютъ всегда почти свахи, которыя и играютъ довольно видную роль во все время празднества и обрядовъ, сопровождающихъ помолвку и бракъ.

Къ свахамъ обыкновенно прибѣгаетъ женихова сторона. Когда невѣста намѣчена, то свахи, которыхъ обыкновенно двѣ, отправляются къ роднымъ послѣдней и завязываютъ разговоръ на желанную тему. Такъ какъ всѣ ужь догадываются, зачѣмъ явились послѣднія, то имъ и даютъ сейчасъ же отвѣтъ положительный или уклончивый. Въ первомъ случаѣ, дней черезъ пять или шесть, свахи снова возвращаются въ домъ родителей невѣсты, но на этотъ разъ уже приводятъ съ собой и барана, который тутъ же закалывается и съѣдается. За трапезой помолвленная дѣвушка объявляется невѣстой. По прошествіи такого же промежутка времени, т. е. опять таки дней черезъ пять или шесть, со стороны жениха въ домъ нареченной отправляются для сговоровъ относительно калыма нѣсколько старѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ общины; обыкновенно это аксакалъ, дорга и тому подобныя лица. Женихъ, какъ и всюду на Востокѣ, обязанъ сдѣлать приданое своей невѣстѣ; разговоръ поэтому идетъ только о качествѣ и количествѣ положенныхъ обычаемъ вещей. Родители невѣсты считаютъ своей обязанностью запросить какъ можно больше, давая этимъ понять— какъ высоко цѣнятъ они свою дочь. Съ своей стороны представители интересовъ жениха держатъ сторону послѣдняго, выставляютъ на видъ его небольшіе достатки и просятъ снисхожденія и всегда почти значительной сбавки. Соглашеніе обыкновенно наступаетъ не скоро, такъ какъ обѣ стороны крѣпко стоятъ на своемъ; но, наконецъ, оно достигнуто, въ домъ врываются любопытные и здѣсь узнаютъ отъ мнимо-огорченныхъ родителей, что тѣ продешевили невѣсту... «Да нельзя было и не уступить—вѣдь посредниками явились все такія лица, которымъ отказать и невыгодно и опасно»... Однако, тутъ же безбожно увеличиваютъ количество выторгованныхъ вещей; всѣ это знаютъ, но ко всему этому относятся добродушно—таковъ ужь обычай!

---

[1]) Подобными тѣмъ, какіе вяжутся въ мѣстностяхъ, населенныхъ таджиками (Каратегинѣ, Дарвазѣ и др.).

Жениху средняго достатка приходится обыкновенно дѣлать своей невѣстѣ нижеслѣдующіе предметы ея гардероба:

Повседневные:

1 или 2 кофты (джаймекъ),
1 или 2 кумачевыя рубашки (куйпэкъ) и
1 или 2 пары штановъ (дамбалъ), тоже ситцевыхъ или кумачевыхъ.

Праздничные:

1 шелковый халатъ изъ кокандскихъ матерій: шаи, дуруя или атласа,
1 янзо-куйпэкъ,
1 чекмень-иттыкъ и
1 яхлыкъ—большой, обыкновенно красный, платокъ.

Кромѣ того ичиги¹) съ калошами, а зимой — сапоги, тэльпэкъ и допъ. Цѣна тэльпэка отъ полутора серовъ ²) доходитъ до десяти, а такъ какъ головной этотъ уборъ составляетъ гордость каждой турфанской женщины, то совершенно понятно, что при сговорахъ онъ и возбуждаетъ наиболѣе толковъ.

На обязанности же жениха лежитъ и заготовленіе плоскихъ и длинныхъ подушекъ изъ ваты (ястыкъ), въ количествѣ отъ трехъ до пяти, и двухъ ватныхъ же одѣялъ (іотканъ), изъ коихъ одно, поменьше, играетъ обыкновенно роль подстилки или матраса, другое же исполняетъ совершенно то же назначеніе, что и у насъ; пользуются имъ, однако, только зимой, въ лѣтнее же время турфанецъ спитъ или нагой, или прикрывшись халатомъ.

Все это обходится жениху серовъ въ 30—35, т. е. въ такую сумму, которую рѣдкій сельчанинъ можетъ выплатить сразу, а потому зачастую случается такъ, что изготовленіе приданаго растягивается на мѣсяцы и даже на годы. Разумѣется, въ богатыхъ семьяхъ подобнаго рода задержекъ обыкновенно не происходитъ, тамъ даже заготовляютъ двойной и тройной комплектъ перечис-

---

¹) Сапоги на мягкой подошвѣ, безъ подборовъ.

²) Серъ или ланъ равенъ, приблизительно, двумъ серебрянымъ русск. рублямъ.

ленныхъ выше вещей, но все же и тутъ многое зависитъ отъ уговора, и случается такъ, что невѣста ко дню свадьбы получаетъ одно только чрезмѣрно необходимое.

Съ своей стороны и родители невѣсты изготовляютъ жениху нѣкоторыя части одежды, но какъ число ихъ, такъ и общая стоимость относительно совершенно ничтожны. Рубашка, опоясокъ и бязевые штаны составляютъ обыкновенно все то, что считаютъ необходимымъ передъ свадьбой вручить жениху; иногда, впрочемъ, къ этимъ предметамъ присоединяютъ еще сапоги и халатъ, но это уже не правило, а исключеніе.

Когда все это готово, а у бѣдняка—когда наступитъ условленный день, то въ домъ родителей невѣсты съ жениховой стороны посылается «ашъ» 1).

«Ашъ» у бѣдныхъ состоитъ изъ

5 барановъ
5—6 крю 2) пшеницы или пшеничной муки
1 крю риса
1 джина 3) чаю
2 джиновъ конoплянаго или льнянаго масла для освѣщенія
2 арбъ 4) дровъ.

У богатыхъ количество вышеприведенныхъ предметовъ увеличивается значительно, да кромѣ того посылаются сласти, въ качествѣ коихъ фигурируютъ: различные сорта изюма, различные сырые или сушеные фрукты, леденцы и орѣхи.

Изъ всего этого приготовляется угощеніе для гостей, которые собираются пировать въ домѣ невѣсты всегда спозаранку. Вся община принимаетъ обыкновенно участіе въ пирѣ; на богатыхъ же свадьбахъ не мало гостей прибываетъ и изъ сосѣднихъ селеній. Это какъ бы праздникъ для всѣхъ, и всѣ спѣшатъ повеселиться на славу. попѣть, поплясать, да кстати и пообѣдать на счетъ радушныхъ хозяевъ.

Въ Турфанѣ ни одна свадьба не обходится безъ музыкантовъ; къ тому же послѣдніе играютъ скорѣе ради угощенія, чѣмъ вознагражденія, которое, однако, всегда слагается изъ тѣхъ прино-

---

1) Собственно «обѣдъ», но въ данномъ случаѣ только провизія для угощенія гостей.

2) Крю равняется 0,1 дадана; послѣдній же, приблизительно, равенъ нашей четверти.

3) Джинъ нѣсколько менѣе 1,5 русск. фунтовъ.

4) Туземная двуколесная телѣга больше напоминаетъ хивинскую и персидскую, чѣмъ ферганскую.

шеній, которыя добровольно жертвуются не въ мѣру развеселившимися гостями. Для сбора послѣднихъ передъ музыкантами ставится столикъ, на который устанавливается подносъ съ тремя лепешками. Все, что жертвуется танцующими, кладется именно на эти лепешки и потомъ уже дѣлится поровну между играющими, при чемъ существуетъ даже такой нелѣпый обычай, что если, напримѣръ, играющихъ трое, а платокъ всего только одинъ, то его разрываютъ на части.

Оркестръ всего чаще составляется изъ нѣсколькихъ дутаровъ [1]) и даповъ [2]); очень рѣдко можно встрѣтить здѣсь музыканта, играющаго на сетарѣ [3]) и еще рѣже на гырджакѣ [4]), равабѣ [5]) и янчинѣ [6]), которые, однако, во всеобщемъ употребленіи у жителей Хами. Но каковъ бы ни былъ вообще составъ инструментовъ, единственное ихъ назначеніе—аккомпанировать голосамъ, которые только одни и выводятъ мелодію.

Обыкновенно пѣсню начинаетъ запѣвало, подчасъ очень искусно аккомпанирующій себѣ на дутарѣ то щипкомъ струны, то бойкимъ выбиваніемъ трели по кузову инструмента. Всѣ молчатъ въ это время, и только дутаристы поддерживаютъ пѣвца, да тихо, тихо гудитъ бубенъ... Но вотъ куплетъ конченъ, десятки голосовъ выкрикиваютъ: «яръ, яръ!», дутаристы усиленно бѣгаютъ пальцами по струнамъ своего инструмента, а бубенъ съ подвязанными къ нему мѣдными бляхами выдѣлываетъ какія-то странныя, точно конвульсивныя движенія по всѣмъ направленіямъ... — выходитъ чрезвычайно красиво и не менѣе лихо, чѣмъ у нашихъ цыганъ.

---

[1]) Струнный инструментъ, напоминающій балалайку, однако же и существенно отъ него отличный, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ двуструнный, во-вторыхъ же, тѣмъ, что кузовъ его круглый и глубокій, а грифъ очень длинный. Отъ киргизской думбры дутаръ отличается большимъ количествомъ ладовъ, колеблющимся между десятью и двѣнадцатью, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и болѣе длиннымъ грифомъ; а отъ таджикской—тѣмъ, что кузовъ его склейной, а не выдолбленный изъ цѣльнаго куска дерева, какъ у этой послѣдней.

[2]) Бубенъ, совершенно сходный съ европейскимъ.

[3]) Струнный инструментъ, сходный съ дутаромъ. Его отличіе — третья металлическая струна и еще болѣе длинный грифъ; играя на немъ, музыкантъ надѣваетъ на пальцы костяныя кольца.

[4]) Тоже струнный инструментъ, но болѣе сложнаго устройства, чѣмъ предъидущіе два. Кузовъ — деревянный цилиндръ; грифъ очень длинный и продѣтъ сквозь цилиндръ непосредственно подъ верхнею декою; выходной конецъ его служитъ для прикрѣпленія семи, частью кишечныхъ, частью металлическихъ струнъ, которыя и расходятся затѣмъ радіально по пазамъ подставки, находящейся близъ противоположнаго края деки; отсюда струны направляются такъ, что три изъ нихъ наматываются на горизонтальные колышки грифа, а остальныя четыре на вертикальные, находящіеся позади горизонтальныхъ, и вообще настолько высокіе, что крайнія струны, въ силу этого послѣдняго обстоятельства, образуютъ между собою вторичный и довольно при этомъ значительный уголъ; приблизительно въ $^2/_3$ разстоянія отъ кузова эти четыре струны продернуты черезъ металлическое кольцо, ремешками почти подтянутое къ грифу. Играютъ на гырджакѣ смычкомъ изъ конскихъ волосъ, натянутыхъ на сильно изогнутомъ лучкѣ, причемъ слѣдуетъ, однако, замѣтить, что тетива этого смычка продѣта между двумя крайними и средними струнами и въ участкѣ между кольцомъ и подставкой, вслѣдствіе чего движенія послѣдняго чрезвычайно стѣснены, но не настолько, однако, чтобы не пользоваться всѣми семью струнами.

[5]) Значительныхъ размѣровъ струнный инструментъ того же, что и предъидущіе, типа Большой, грушевидно-вытянутый кузовъ и сравнительно короткій грифъ составляютъ отличительныя особенности раваба. Струнъ четыре, изъ нихъ двѣ металлическія; ладовъ десять.

[6]) Инструментъ, напоминающій цимбалы; всѣ видѣнные нами здѣсь янчины отличались чрезвычайно тщательной отдѣлкой и цѣнились весьма высоко.

Кромѣ вышеупомянутыхъ инструментовъ, намъ говорили еще объ одномъ, «калунѣ», но видѣть послѣдній не удалось.

Всѣ плясовые мотивы турфанцевъ звучатъ нѣсколько дико, но имъ никакъ нельзя отказать въ легкости и красотѣ. Это совсѣмъ не то, что музыка китайцевъ: наборъ дикихъ звуковъ безъ всякаго ритма, или, въ большинствѣ случаевъ, совсѣмъ для насъ непонятный ревъ духовыхъ инструментовъ бухарскихъ оркестровъ. Эта музыка намъ ясна: она, дѣйствительно, подмываетъ человѣка вскочить съ мѣста и броситься въ плясовую...

Вызовомъ къ началу танцевъ служитъ обыкновенно нижеслѣдующее четверостишіе, приглашающее и женщинъ принять участіе въ танцахъ:

Бах, бах, бере бах,
Сарги храман, бере бах,
Ханнымъ багыда ечелган
Гуля запер, бере бах! ¹)

Едва раздаются первыя слова этой, всѣмъ такъ хорошо знакомой, пѣсни, какъ изъ группы молодежи выдѣляется уже первый танцоръ; быстро подбѣгаетъ онъ къ оркестру, бросаетъ на столикъ деньги или торопливо выхваченный изъ-за пазухи платокъ, круто поворачиваетъ затѣмъ въ ту сторону, гдѣ столпились дѣвицы и молодухи, короткимъ жестомъ приглашаетъ одну изъ нихъ и становится съ нею по срединѣ свободной отъ народа площади. Танецъ начинается плавными движеніями и на первыхъ порахъ весьма напоминаетъ «русскую» на мотивъ: «по улицѣ мостовой»...; но вскорѣ затѣмъ темпъ учащается, движенія становятся нервными и быстрыми, зрители наэлектризовываются, начинаютъ подтягивать хору, бьютъ въ ладоши, подтопываютъ ногами, и, наконецъ, все заканчивается чуть ли не французскимъ канканомъ.

Смыслъ этого танца совершенно ясенъ: въ немъ олицетворяется цѣлая эпопея любви. Дѣвушка то привлекаетъ къ себѣ

---

¹) Переводъ см. выше, главу XIV.

своего поклонника, то отстраняетъ его и смѣется ему тогда прямо въ глаза; подобное заигрываніе чрезвычайно возбуждаетъ молодого ухаживателя; возбужденіе его передается, наконецъ, и дѣвицѣ, которая спасаетъ себя тогда только тѣмъ, что платкомъ закрываетъ себѣ лицо всякій разъ, когда ее возлюбленный устремляется съ намѣреніемъ запечатлѣть на ея устахъ поцѣлуй...

... Дейя-кылган иштіяк,
Иштіякны татытата!
Мендэ имнан кàльмаде,
Ротшивиндек сагрыб,
Учача дарман кàльмаде!..
Ротшивын боз-кешэ!
Канат ясап усткеше
Дунинэ тот-чугулэп
Öз, яренэ, табса кше (кыши)!

Любовь по тебѣ меня въ скелетъ обратила,
А ты и надъ скелетомъ все еще издѣваешься!
Вся душа изстрадалась во мнѣ
И всѣ мысли давно уже изсякли —
Видно, по свѣту летать имъ болѣе ужь силы не стало!..
Эхъ, кабы и мнѣ такъ летать, какъ мысли летаютъ!
Придѣлалъ бы я крылья себѣ и леталъ
Въ поискахъ по бѣлу свѣту за красавицей
На тебя похожей, моя ясынька!

(Отрывокъ изъ кашгарскаго біита).

...Но, очевидно, защита эта весьма ненадежная.... Еще моментъ, и, безъ сомнѣнія, дѣвушка принуждена будетъ уступить настойчивымъ домогательствамъ избранника своего сердца... Но музыка здѣсь вдругъ круто срывается, и возбужденные пляской танцоры расходятся въ разныя стороны. Большинство женщинъ исполняетъ свою роль граціозно и мило; отъ мужчинъ же танецъ требуетъ слишкомъ многаго; вотъ почему далеко не каждый и въ состояніи выполнить его безупречно: живости много, но легкости въ движеніяхъ ни малѣйшей, а это чрезвычайно вредитъ общему впечатлѣнію.

Но вотъ и танцамъ конецъ. Гости тѣснятся къ выходу и разбиваются на кучки въ ожиданіи готовящагося угощенія. Домашніе въ суетѣ: надо устроить столъ хотя бы почетнымъ гостямъ, а остальные будутъ, безъ сомнѣнія, не такъ ужь взыскательны, такъ какъ вѣдь всякій же хорошо понимаетъ, что стѣнъ по произволу никакъ не раздвинешь... а потому было бы только что ѣсть, а объ остальномъ сами гости ужь позаботятся!

Ловкими и быстрыми движеніями хозяйка возстановляетъ нарушенный было на канжинѣ [1]) порядокъ: вдоль стѣнъ снова уложены одѣяла (іотканъ), по серединѣ разостлана скатерть (супра̀), и на ней появляются одна за другой деревянныя миски съ лапшой, пирожками, начиненными тыквой (кауа), съ варенымъ мясомъ, рисомъ и съ прочей стряпней; подносы (панза) съ лепешками прѣсными и сдобными (чальпэкъ), изюмомъ, орѣхами, сухими фруктами, гранатами (анаръ) и зимними сортами дынь (мизганъ), а если пиршество происходитъ въ лѣтнее или осеннее время, то и съ горами винограда, грушъ, «нашъ-пута» и прочихъ фруктовъ, которыми такъ богата Турфанская область. Когда все готово, вокругъ супры усаживаются старики и прочіе почетные гости; хозяинъ подаетъ «ивригъ» [2]), и послѣ церемоніи омовенія рукъ всѣ принимаются за ѣду.

Окончивъ трапезу, почетные гости расходятся, а молодежь разбивается на двѣ группы. Молодые люди уводятъ съ собой жениха, и кто на чемъ гораздъ—верхомъ на лошадяхъ или ослахъ, часто по-двое на одномъ, уносятся на край селенія, иногда въ усадьбу одного изъ болѣе зажиточныхъ односельчанъ, часто версты за три и болѣе, гдѣ и предаются на свободѣ различнымъ юношескимъ забавамъ и играмъ. Также поступаютъ по отношенію къ невѣстѣ и ближайшія подруги ея.

Тѣмъ временемъ въ домѣ родителей жениха все изготовляется къ пріему новобрачныхъ. Если есть особая горница—устроиваютъ ее, если нѣтъ—въ общей спальнѣ отгораживаютъ какими-нибудь занавѣсками одинъ изъ угловъ. Тутъ же раскладывается на показъ и все приданое, заготовленное невѣстѣ.

Молодежь съѣзжается сюда только вечеромъ. Къ кортежу невѣсты присоединяются и всѣ ея родственники, какъ болѣе близкіе, такъ и дальніе, которые сообща и образуютъ обыкновенно шумную и многочисленную толпу. Считается вообще очень приличнымъ, если невѣста упирается и дѣлаетъ чрезвычайныя усилія для того, что не перешагнуть черезъ порогъ женихова дома. Ее уговариваютъ и утѣшаютъ пѣснями въ родѣ слѣдующей:

---

[1]) Въ турфанскихъ домахъ канжинъ обыкновенно и пріемная, и спальня, и столовая въ то же время; ни одна жилая комната не дѣлается безъ канжина.

[2]) То же, что у сартовъ носитъ названіе «обтоуа»—рукомойникъ, состоящій изъ кувшина и таза.

Гай, гай, ӧлинь, ай ӧлинь!
Гуль кайда бар,
яр, яр,
Быр якши-га, быр яман,
Арьѐрды бар,
яр, яр!

Гай, гай, пѣсня! начинайся, пѣсня!
Гдѣ только ни ростутъ цвѣты,
дорогая, дорогая...
Одинъ изъ нихъ всегда ужь лучше будетъ, чѣмъ другой,
Потому что и цвѣты вѣдь разные бываютъ...
дорогая, дорогая...

Совершенно такъ-же, какъ люди, а потому будь же довольна и тѣмъ, кто отнынѣ становится твоимъ мужемъ...

Когда же уговоры не помогаютъ (а обыкновенно они не помогаютъ), то ее сперва начинаютъ подталкивать сзади, потомъ подхватываютъ подъ мышки и, наконецъ, берутъ даже на руки, послѣ чего уже ни брыкаться, ни сопротивляться не принято; не принято также при этомъ и плакать, но иногда невѣста дѣйствительно и искренно плачетъ, особенно, если была баловнемъ своей матери. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ хоръ всегда старается заглушить всхлипыванія невѣсты нижеслѣдующей пѣсней:

Абтау-да су койсам или майдо,
Кыз башига кюн чушты іеглы майдо?

Что за кувшинъ, въ которомъ вода вовсе не грѣется?
Что за дѣвка, коли въ горѣ слезами не заливается?

По прибытіи жениха и невѣсты мулла прочитываетъ имъ вслухъ двѣ-три молитвы, чѣмъ одновременно и заключаетъ, и благословляетъ ихъ брачный союзъ. Затѣмъ молодая подходитъ къ мужу, снимаетъ съ него шейный платокъ[1]) и всенародно цѣлуетъ его въ губы. Этотъ поцѣлуй—знакъ гостямъ расходиться. Въ горницѣ остаются только двѣ свахи, на обязанности коихъ лежитъ, во-первыхъ, разостлавъ малое одѣяло, накрыть его чистымъ бѣлымъ платкомъ, а во вторыхъ, стеречь молодыхъ цѣлую ночь... Когда моло-

---

[2]) Значенія этого обычая турфанцы пояснить не умѣли

дые остаются одни, то дѣло жены (мазöм-киши)—раздѣть мужа. А на утро мужъ забираетъ съ собой платокъ и передаетъ его свахамъ, которыя уже и несутъ его для освидѣтельствованія къ свекрови. Отъ результата этого осмотра зависитъ степень награды свахъ, которыя въ благопріятномъ случаѣ получаютъ обѣдъ, по большому платку и по шкурѣ барана.

Но на всемъ этомъ свадебное торжество далеко еще не кончается, такъ какъ веселятся вслѣдъ затѣмъ еще цѣлыхъ три дня, причемъ сперва принимаютъ гостей молодые, обязанные выставить «ашъ» въ томъ же количествѣ, какое наканунѣ подавалось въ домѣ родителей новобрачной, а затѣмъ снова послѣдніе; въ концѣ же концовъ опять молодые. Впрочемъ, въ этихъ двухъ случаяхъ количество «аша» уже значительно уменьшается, а на вечеринки зовутся исключительно только люди близкіе или родные.

Описанныя празднества сопровождаютъ вступленіе въ бракъ только дѣвицы; если же выходитъ замужъ разводка или вдова, то на устроиваемую вечеринку приглашаются исключительно только самые близкіе родственники и знакомые, въ зависимости отъ чего уменьшается и количество «аша» до пяти джиновъ мяса и одной крю муки. Приданое хотя и дѣлается, но количество вещей гардероба невѣсты сокращается обыкновенно до минимума. Обычай вмѣняетъ въ обязанность жениху заготовить только слѣдующіе четыре предмета: допу, шаи-чапанъ, джаймекъ и куйпэкъ. Что же касается до штановъ, обуви, подушекъ и одѣялъ, то изготовленіе ихъ лежитъ уже всецѣло на обязанности невѣсты.

Разводъ въ Турфанѣ совершается часто и не обставленъ никакими особенными формальностями; требуется только санкція какого-нибудь ахуна.

Не получая за это никакого вознагражденія и будучи, между тѣмъ, заваленъ такими дѣлами, въ исходѣ которыхъ онъ матеріально заинтересованъ, ахунъ весьма рѣдко имѣетъ возможность отнестись съ должнымъ вниманіемъ ко всѣмъ обстоятельствамъ дѣла, а потому разводитъ всѣхъ желающихъ развестись при первомъ только о томъ заявленіи. Самое главное затрудненіе представляетъ всегда вопросъ о приданомъ, но и онъ очень быстро улаживается, такъ какъ зачастую обѣ стороны относятся другъ къ другу весьма добродушно; къ тому же нерѣдко недовольная своимъ супругомъ жена находитъ себѣ замѣстительницу при мужѣ, и тогда имущественный вопросъ этотъ разрѣшается полюбовнымъ соглашеніемъ между обѣими женщинами.

Если пожелавшіе разойтись имѣютъ дѣтей, то дѣло рѣшается не по шаріату, а по обычаю. Мужъ одинъ въ правѣ распологать судьбой своихъ дѣтей. Онъ или оставляетъ ихъ у себя, или отдаетъ ихъ женѣ, и при этомъ въ томъ даже числѣ, въ какомъ ему это заблагоразсудится. Однако, и въ послѣднемъ случаѣ онъ все же обязанъ ихъ содержать, выдавая въ мѣсяцъ на каждаго по 1 крю пшеницы и 2 крю кунака[1]). Такая выдача прекращается или со вступленіемъ его бывшей жены во вторичный бракъ, или же тогда, когда дѣти его возмужаютъ настолько, что въ состояніи сами себя прокормить. Но примѣры столь полнаго разрыва не часты. Обыкновенно дѣти, да и ближайшіе родственники побуждаютъ разошедшихся снова сойтись, и тогда уже совмѣстную жизнь такихъ парочекъ рѣдко посѣщаетъ вздорное желаніе вновь разойтись послѣ какой-нибудь пустой перебранки.

Рожденія ребенка въ Турфанѣ не празднуютъ. Зато, когда его первый разъ кладутъ въ зыбку (бешикъ), то событіе это стараются отпраздновать по возможности пышно[2]). Созываются знакомые и родные, которымъ приготовляется соотвѣтствующее торжеству угощеніе: чай, сдобный хлѣбъ (чальпэкъ), вареное мясо и сласти. Съ своей стороны и гости несутъ родильницѣ, кому что по силамъ: живность, муку, рисъ, куски бязи, платки, а когда такъ и деньги.

У мусульманъ Бухары и Русскаго Туркестана существуетъ обычай праздновать шестимѣсячный срокъ родильницѣ; въ Турфанѣ такого праздника нѣтъ. Равнымъ образомъ, «сундетъ», т. е. обрядъ обрѣзанія, хотя и празднуется въ Турфанѣ, но далеко не такъ торжественно, какъ у нашихъ киргизовъ, напримѣръ[3]). Впрочемъ, и здѣсь собирается чуть ли не весь околодокъ, рѣжется баранъ, пекутся лепешки, а затѣмъ, нерѣдко, затѣваются даже пляски и игры, въ которыхъ самое дѣятельное участіе принимаютъ всегда какъ сверстники мальчугана, такъ и самъ виновникъ этого торжества.

Въ Русскомъ Туркестанѣ каждая жилая постройка дѣлится на двѣ половины: мужскую—«ташкари» и женскую—«ичкари»[4]). Въ

---

[1]) То же, что акъ-джугара—Sorghum cernuum.

[2]) Въ зыбку кладутъ впервые ребенка на шестой или седьмой день отъ рожденія.

[3]) Этой неизбѣжной операціи подвергаются здѣсь мальчуганы по восьмому или даже десятому году.

[4]) В. Наливкинъ и М. Наливкина—«Очерки быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы», 1886, стр. 74.

Турфанѣ такого раздѣленія не существуетъ. Даже у людей средняго достатка женщины, мущины и дѣти спятъ въ одной горницѣ, которая въ то-же время служитъ семьѣ и кладовой, и пріемной. Это — въ холодное время года, лѣтомъ же рѣдко кто спитъ въ закрытомъ помѣщеніи; большинство предпочитаетъ мѣститься подъ навѣсами, которые придѣлываются всюду, гдѣ только позволяетъ расположеніе прочихъ построекъ.

Отсутствіе женской половины въ домахъ Турфана является исключительной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, древнѣйшей особенностью какъ этой страны, такъ и сосѣдней съ нею—Хамійской. Ничего подобнаго мы не видимъ ни въ одномъ изъ мусульманскихъ владѣній Внутренней Азіи, а равнымъ образомъ и въ Китаѣ, гдѣ господствующая религія вовсе не вызываетъ женскаго затворничества, но гдѣ послѣднее, тѣмъ не менѣе, считается краеугольнымъ камнемъ прочнаго семейнаго строя.

Подтверждаю свои наблюденія выписками изъ старѣйшихъ описателей Китая, которыхъ нельзя упрекнуть въ нерасположеніи къ послѣднему.

«Въ домахъ видѣть женъ и дочерей ихъ не можно, ибо онѣ у нихъ находятся въ отдѣленныхъ внутреннихъ комнатахъ и, занимаясь въ домахъ между собою своими увеселеніями, живутъ какъ невольницы; и входъ къ женатымъ людямъ не только постороннимъ, но и роднымъ, живущимъ въ одномъ съ ними домѣ, мущинамъ запрещается. Почему даже отецъ къ женатымъ сыновьямъ и старшій братъ къ младшимъ входить права не имѣетъ» [1]).

«Прекрасному полу принимать участіе въ собраніи мущинъ предосудительнымъ считается. Скрывать женскій полъ отъ постороннихъ есть обыкновеніе, общее и чиновникамъ и разночинцамъ» [2]).

Наконецъ, подтвержденіемъ вышеприведенныхъ цитатъ могутъ служить и выписки изъ статьи о Китаѣ Цзенгъ-Ки-туна (Tcheng-Ki-tong) [3]), котораго меньше всего можемъ мы заподозрить въ желаніи повредить репутаціи своего народа, такъ какъ всѣ статьи его и написаны были именно съ тою цѣлью, чтобы возвысить свою родину въ глазахъ европейцевъ. Къ сожалѣнію, въ своей слѣпой и часто безтактной защитѣ всего китайскаго, онъ переходитъ гра-

---

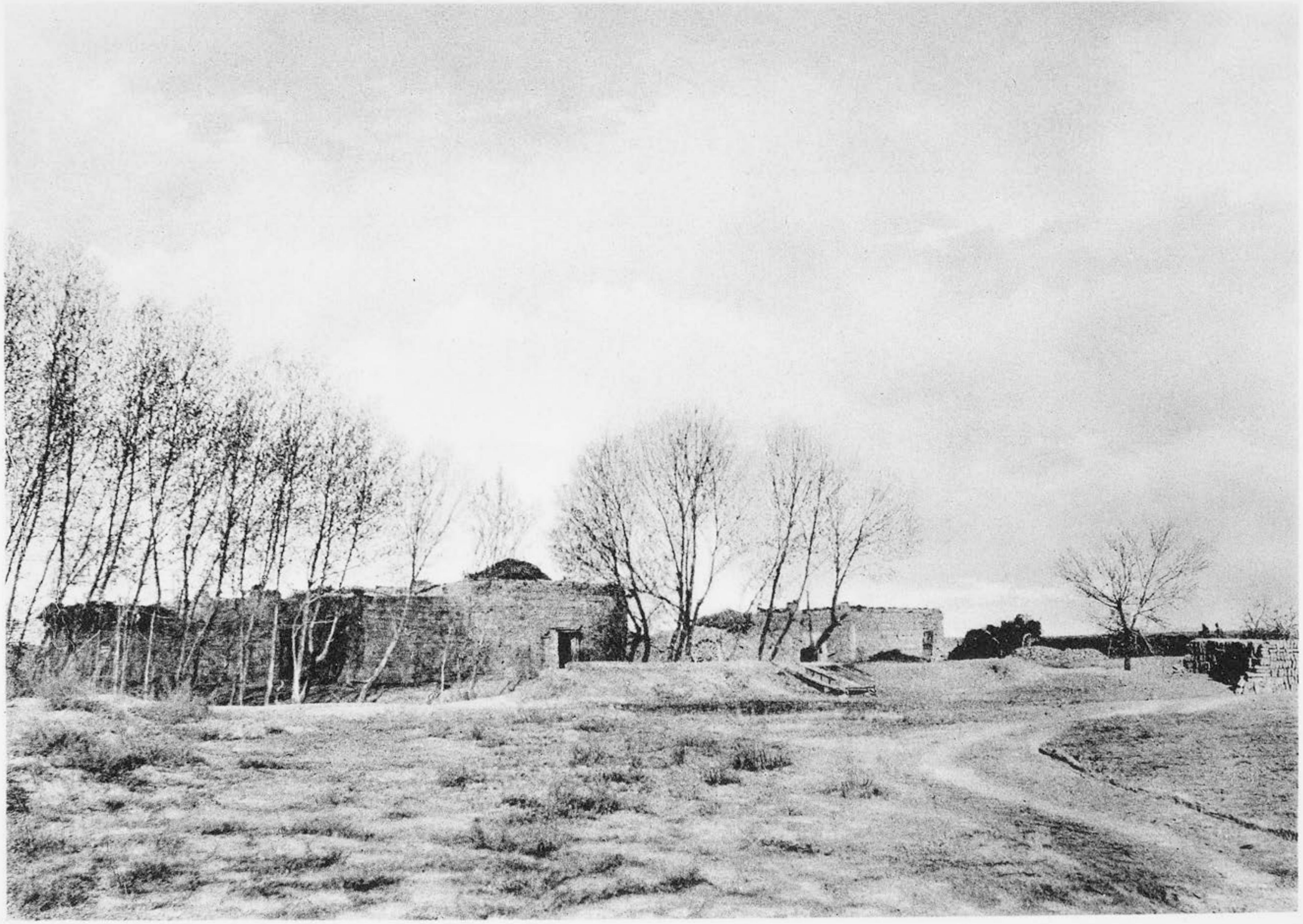
[1]) И. Орловъ. «Историко-географическое описаніе Китайской имперіи», Ч. I, стр. 190—191 (1820 г.).

[2]) О. Іакинфъ. «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе», 1840, стр. 382.

[3]) «Les Chinois peints par eux-mêmes» въ «Revue des deux Mondes» Мы пользовались выдержками, напечатанными въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», XIV.

Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ I.



Усадьба турфанца.

Фототипія В. Классенъ. С. Петербургъ. Кадетская лин. № 7–2.

ницы, подсказываемыя благоразуміемъ, и тѣмъ, разумѣется, въ значительной степени умаляетъ достоинство своихъ замѣтокъ, эпиграфомъ коихъ можетъ служить латинское изреченіе — credere quia absurdum [1].

«Единственная цѣль заключенія брака—увеличеніе семьи, такъ какъ процвѣтаніе послѣдней всецѣло зависитъ отъ ея многочисленности; отсюда предоставленіе выбора въ брачныхъ союзахъ родителямъ, какъ представителямъ начала власти».

«Женщины не участвуютъ въ собраніи мущинъ; такъ установлено обычаемъ въ видахъ устраненія поводовъ къ соблазну».

«Брачные обычаи Китая совершенно исключаютъ періодъ ухаживанія, такъ какъ обыкновенно дѣвушка впервые знакомится съ своимъ будущимъ мужемъ только въ моментъ заключенія брачнаго обряда».

«Воспитаніе мужчины и женщины совершенно различно, потому что мужъ, по понятіямъ китайскаго народа, есть солнце, дающее свѣтъ, а жена—луна, не имѣющая своего свѣта, но заимствующая его отъ солнца» [2].

Въ виду всего вышесказаннаго [3], какъ-то странно слышать изъ устъ лицъ, посвятившихъ себя спеціально изученію Востока, утвержденія, подобныя тому, напримѣръ, что «китайцы своихъ женщинъ не запираютъ...» [4].

Эта вѣра въ свободу и равноправность китайскихъ женщинъ такое же заблужденіе, какъ и многое другое изъ числа того, что пишется о Серединномъ Государствѣ людьми или близорукими по природѣ, или наблюдавшими китайскую жизнь только изъ оконъ домовъ европейскихъ посольствъ и факторій.

Какъ бы то ни было, но мы не безъ основанія можемъ, какъ кажется, утверждать, что современныя взаимныя отношенія обоихъ половъ въ земляхъ Восточнаго Тянь-шаня сложились во всякомъ случаѣ не подъ китайскимъ вліяніемъ [1]), что въ основаніи ихъ лежитъ общественный строй эпохи болѣе древней, чѣмъ эпоха первыхъ сюда вторженій китайцевъ, что, вѣроятно, свобода, а съ нею, быть можетъ, и равноправность женщины составляли нѣкогда даже настолько существенную особенность общественной жизни въ Турфанѣ, что послѣдняя почти всецѣло здѣсь и до сихъ поръ еще удержалась, съумѣвъ побороть какъ всемогущее вліяніе ислама, такъ и примѣръ сосѣднихъ народовъ; и этой безкровной побѣдѣ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени содѣйствовалъ консерватизмъ народа въ возведеніи своихъ жилыхъ помѣщеній.

---

[1] До какой степени мало убѣдительно, если не сказать больше, большинство доводовъ этого патріота, видно изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ: «Нищета въ Китаѣ, — пишетъ онъ,— вовсе не столь велика, какъ объ этомъ думаютъ; къ тому же дѣти нищихъ всегда могутъ найти пріютъ въ благотворительныхъ заведеніяхъ, основанныхъ миссіонерами» (!). Желая оправдать явленіе узаконеннаго наложничества, онъ ссылается на ветхозавѣтное преданіе объ Агари, данной Аврааму законной женой его Сарой (sic!). Говоря, наконецъ, о китайской культурѣ, онъ утверждаетъ, вполнѣ голословно однако, что Западъ весьма многое заимствовалъ изъ Китая, Китай же въ свою очередь—ничего, чѣмъ и доказываетъ свое невѣжество и незнакомство съ исторіей собственнаго своего государства.

[2] Сомнѣваемся, чтобы не только народу, но и первѣйшимъ ученымъ Небесной имперіи извѣстно было, что луна заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца, развѣ только послѣдніе не узнали этого отъ отцовъ іезуитовъ.

[3] Кое-что въ пользу высказаннаго воззрѣнія можно почерпнуть и въ интересной книгѣ доктора Пясецкаго «Путешествіе по Китаю», 2 части.

[4] Григорьевъ. «Восточный или китайскій Туркестанъ», 1873, стр. 434.

Какъ бы ни былъ бѣденъ житель Турфана, но домъ его непремѣнно слагается изъ слѣдующихъ четырехъ главныхъ частей:

теплой горницы съ обширнымъ, подтапливаемымъ снизу канжиномъ, занимающимъ обыкновенно чуть ли не все помѣщеніе и имѣющимъ съ края круглое отверстіе для котла; въ благоустроенныхъ домахъ для того, чтобы усилить тягу, снаружи стѣны выводится высокая дымовая труба,—опять особенность, до которой далеко еще не всякій въ Китаѣ додумался; канжинъ этотъ обыкновенно устилается толстымъ войлокомъ и вдоль стѣнъ уставляется сундуками и различными иными предметами домашняго обихода. Освѣщается эта горница, какъ, впрочемъ, и всѣ остальныя, квадратнымъ отверстіемъ, продѣланнымъ въ потолкѣ и закрывающимся снаружи доской;

лѣтняго помѣщенія, обыкновенно болѣе обширной комнаты, чѣмъ предъидущая, съ однимъ или двумя окнами, многочисленными нишами и каминомъ;

внутренняго дворика съ яслями, кладовками и всевозможными иными удобствами; и, наконецъ, наружнаго двора, на который выходитъ одна или нѣсколько открытыхъ площадокъ съ навѣсомъ надъ ними.

Все это обносится такъ же, какъ и въ домахъ русскихъ сартовъ, одной общей глинобитной стѣной, благодаря чему и все селеніе, въ общемъ, совершенно напоминаетъ селенія Туркестана, да и архитектура построекъ здѣсь та же; всѣ же различія, какія и замѣчаются, сводятся на детали.

---

[1] Уже Конфуцій ратовалъ противъ женщинъ, высказываясь въ томъ смыслѣ, что вино и женщины—двѣ пагубы человѣка, почему послѣднему и не слѣдуетъ допускать въ свое общество особъ прекраснаго пола

Упоминавшуюся уже выше хлѣбную печь дѣлаютъ или на этомъ дворѣ, или близь тока, который постоянно расчищается, внѣ ограды усадьбы, хотя весьма рѣдко гдѣ-нибудь въ полѣ, всего же чаще въ какихъ-нибудь двухъ или трехъ шагахъ отъ воротъ. Печь устроивается очень просто: выкапывается въ полтора аршина глубиной круглая яма, которая и вымазывается изнутри тонкимъ слоемъ глины; края ея окружаются плоскимъ, глинянымъ же, валикомъ, одновременно исполняющимъ два назначенія: стола и ограды, высота которой обыкновенно не превышаетъ аршина. Въ такимъ образомъ построенную печь складываютъ сначала дрова или хворостъ и жгутъ ихъ до тѣхъ поръ, пока стѣнки послѣдней не накалятся вполнѣ. Тогда изъ кислаго тѣста раскатываютъ лепешки, смачиваютъ водой и лѣпятъ на накаленныя стѣны; черезъ минуту такой хлѣбъ ужь готовъ и рѣдко оказывается вполнѣ неудачнымъ.

ГЛАВА XVI.

Турфанъ.

(Продолженіе).

Чѣмъ беднѣе селеніе, тѣмъ шире раскидывается оно, тѣмъ обширнѣе площадь, занятая каждой усадьбой. Очевидно, земли здѣсь избытокъ и ея не жалѣютъ. И причина всему этому совершенно ясна, потому что главное богатство каждаго земледѣльца—вода или, точнѣе сказать, — количество орошенной водою земли; пустыри же рѣшительно никого не прельщаютъ и никому не нужны, а потому занимай подъ свою усадьбу хоть всю Харюзу, никто на это слова не скажетъ!

Для того, чтобы разобраться въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ приходится здѣсь жить земледѣльцу, мы остановимся на такой общинѣ, которая по достаткамъ своимъ занимаетъ среднее мѣсто. Такой общиной и будетъ Янъ-булакъ, разбитая на десятокъ небольшихъ селеній и отдѣльныхъ хозяйствъ вдоль сѣверо-восточной окраины отрицательной низменности Асса, на югъ отъ Лукчуна.

Количество семействъ этой общины мнѣ называли различно, но въ среднемъ можно считать, что на ста карысяхъ живетъ ихъ здѣсь никакъ не меньше трехъ-сотъ. Янъ-булакскіе карыси обильны водой и въ общемъ въ состояніи оросить каждый отъ 100 до 200 мо земли; принимая же за среднюю норму цифру въ 150 мо, получимъ, что общее количество орошенной земли будетъ равно 15.000 мо или 750 десятинамъ. Въ дѣйствительности же оно должно быть нѣсколько больше, такъ какъ въ промежуткахъ между потребностью воды на поля открывается всегда возможность спускать ее на бахчи, въ сады, виноградники и даже на табачныя плантаціи. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе значительную урожайность турфанскихъ земель и двойной урожай главныхъ хлѣбовъ: пшеницы и джугары, можно было бы съ увѣренностью сказать, что жители Янъ-булака обставлены въ матеріальномъ отношеніи сравнительно превосходно; совсѣмъ не то видимъ мы, однако, въ дѣйствительности.

Каждая семья въ Янъ-булакѣ ежегодно выплачиваетъ въ китайское казначейство по 15 серовъ серебра, что̀ на наши деньги составитъ до 30 рублей металлическихъ; вся же община 4.500 серовъ или 9.000 руб. мет. Но сборъ этотъ далеко не единственный. Янъ-булакъ, какъ и всѣ другія общины Турфана, выплачиваетъ еще особый налогъ, такъ-называемый «ашъ», идущій всецѣло на «прокормленіе» турфанскаго абманя и другихъ чиновниковъ округа. Въ переводѣ на китайскій языкъ, сборъ этотъ называется «янь-тянь», т.-е. «поощреніе безкорыстія».

Оклады жалованья китайскихъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновниковъ являются настолько ничтожными, что считаются не болѣе какъ номинальнымъ вознагражденіемъ; истиннымъ же слѣдуетъ считать тѣ побочные и давно уже узаконенные доходы каждой должности, которые называются оффиціально «янь-тянь». Такимъ «поощреніемъ безкорыстія» является, напримѣръ, сумма въ 20 тысячъ лановъ, взимаемая въ пользу особы гансуйскаго генералъ-губернатора (Шень-гань-цзунъ-ду), въ добавокъ къ двумъ стамъ ланамъ годоваго казеннаго его содержанія; «янь-тянь» Сучжоу'скаго даотая оффиціально опредѣленъ въ 5.400 лановъ, не считая «янь-тяня», положеннаго ему по должности главнаго военнаго казначея (инъ-у-чу), и т. д. Такимъ образомъ, громадный чиновничій персоналъ каждой провинціи, каждаго округа, поглощаетъ чудовищныя суммы, которыя въ Турфанѣ взимаются въ размѣрахъ весьма разнообразныхъ съ каждаго карыся; такъ, напримѣръ, въ Янъ-булакѣ, гдѣ карыси многоводны, каждый изъ нихъ обложенъ 4 даданами пшеницы и 6 даданами джугары, а въ Лукчунъ-кырѣ, бѣдномъ водою, 1 даданомъ пшеницы и 2—джугары. Но кромѣ этой подати натурою турфанцы выплачиваютъ «ашъ» еще и деньгами по 15 фыновъ [1]) съ каждаго сдаточнаго дадана.

Что же можетъ еще остаться послѣ всѣхъ этихъ поборовъ въ рукахъ земледѣльца?

---

[1]) Ланъ (серъ) = 10 ценамъ (мискаламъ) = 100 фынамъ (пунамъ) = 2 металл. рублямъ.

На каждую мо земли высѣвется одинъ шинъ[1] пшеницы, что̀ составитъ для всей площади янь-булакскихъ земель 15.000 шиновъ или 150 даданов зерна; среднiй урожай опредѣляется въ Турфанѣ въ самъ-десять; итого со всей земли собирается 1.500 дадановъ пшеницы. По уборкѣ пшеницы, земля перепахивается снова и засѣвается вторично уже джугарой въ количествѣ двухъ шиновъ на мо; при среднемъ урожаѣ тоже въ самъ-десять, получается 3.000 дад. зерна джугары; за вычетомъ же посѣвнаго зерна, всего

1.350 дад. пшеницы и
2.700 » джугары.

Изъ этого количества зерна слѣдуетъ, однако, еще исключить

400 дад. пшеницы и
600 » джугары, предназначаемыхъ для «поощренiя безкорыстiя» китайскихъ чиновниковъ. Итого, въ наличности у населенiя остается 950 дад. пшеницы и 2.100 дад. джугары, что̀, при переводѣ зерна на деньги, даетъ до 6.000 серовъ по слѣдующему расчету:

950	по 3	сера за дад. . . .	2.850
2.100	» 1,5	» » » . . .	3.150
			6.000

Какъ было уже выше замѣчено, правительственный налогъ на Янбулакскую общину простирается до 4.500 серовъ серебра[2], если же присоединить сюда и дополнительный сборъ «аша», оцѣниваемый въ 150 лановъ, то въ остаткѣ получится ничтожная сумма въ 1.350 лановъ серебра или 4,5 лана на семью, которая и выражаетъ собою годовой достатокъ всей общины.

Несмотря на всю его значительность[3], «янь-тянь» не оправдываетъ ожиданiй правительства; наоборотъ, онъ приводитъ даже къ совершенно инымъ результатамъ, давая оружiе въ руки корыстолюбивыхъ и безнравственныхъ чиновниковъ, которые подъ покровомъ закона совершаютъ подчасъ неслыханныя дѣянiя, выжимая изъ народа все, что возможно. Впрочемъ, чего же и ожидать отъ людей, купившихъ свои чины и мѣста? Такъ какъ хорошо вѣдь извѣстно, что для покрытiя дефицита правительство богдыхана прибѣгаетъ къ экстраординарной продажѣ должностей и чиновъ иногда сразу на сумму до 20 милліоновъ рублей мет. ¹)!

---

[1] Даданъ = 10 крю = 100 шинамъ.

[2] Для сбора этихъ денегъ посылается обыкновенно особый чиновникъ, который на туземномъ языкѣ называется «газначи».

[3] Со всего Турфана свыше 70 тысячъ лановъ.

Чрезвычайные поборы, взимаемые съ земледѣльческаго населенія Турфана, еще усугубляются лихоимствомъ администраціи ²), какъ китайской, такъ и туземной, содержаніе коей къ тому же всецѣло ложится на тотъ же классъ населенія.

Въ примѣрахъ самыхъ неслыханныхъ поборовъ и самаго безшабашнаго произвола здѣсь, разумѣется, нѣтъ недостатка. Укажу же на нѣкоторые изъ нихъ.

Первый примѣръ:

Подъѣзжаемъ къ Ледмжину. Октябрь. Утренники, переходящіе за 12° мороза по Цельсію. На поляхъ все еще стоятъ не снятыми кунжутъ, хлопокъ и джугара. Листья кунжута (Sesamum indicum) и хлопка совсѣмъ почернѣли, стручья и коробочки полураскрылись, джугара осыпается...

— Отчего не снимаете вы всего этого съ поля?

— Китайцы не позволяютъ. Мы вѣдь ежегодно покупаемъ право снимать хлѣбъ съ поля, но нынче съ насъ тянутъ такъ много, что мы совершенно не знаемъ, откуда и денегъ достать...

— Отчего же вы не пожалуетесь? вѣдь у васъ все погибнетъ!

— И гибнетъ, а жаловаться все-таки некому. Года три назадъ ѣздилъ было Сеидъ-Ніязъ-дорга ³) къ самому Лю-цзинъ-

---

[1] Въ 1836 г., напримѣръ. (Williams. The Middle Kingdom. 1883. Я пользовался переводомъ нѣкоторыхъ главъ, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ матеріаловъ по Азіи», XII, стр. 217).

[2] «Можетъ быть, нигдѣ въ мірѣ лихоимство и хищенія не развиты въ такой сильной степени, какъ зъ Китаѣ. Корыстолюбіе чиновниковъ не знаетъ предѣловъ, и высшія должностныя лица, посредствомъ своихъ подчиненныхъ, выжимаютъ изъ народа все, что возможно»... (Williams. l. c., стр. 220).

«Сія часть (злоупотребленія) приведена въ такую извѣстность, что находятся подробныя росписанія, сколько каждая должность въ губерніи приноситъ положительнаго дохода въ годъ, и по сему росписанію положено, сколько получившій должность долженъ предварительно заплатить служащимъ въ «палатѣ чиновъ». Для сего въ Пекинѣ находятся страховыя (?!) общества, которыя новоопредѣленныхъ чиновниковъ снабжаютъ деньгами»... (Іакинфъ. «Китай», etc., 1840, стр. 385).

[3] Популярнѣйшая личность въ Турфанѣ. Лѣтъ двадцать назадъ, предвидя паденіе Бекъкулы-бека и желая избавить Турфанъ отъ страшной участи Манаса и другихъ городовъ на Бэй-лу, онъ сталъ во главѣ заговора, прогналъ Хакима-хана-тюрю и явился съ повинной къ Цзо-Цзунъ-тану. Ванъ и другіе таджи его ненавидятъ, какъ человѣка прямого и готоваго всегда уличить ихъ во всякой неправдѣ; китайцы же, какъ кажется, боятся и не довѣряютъ ему. Прогнать Хакима-хана-тюрю было Сеиду-Ніязу тѣмъ легче, что турфанцы съ неудовольствіемъ сносили господство Якубъ-бека и его приверженцевъ и даже радовались ихъ паденію и пораженію Наглядно выражено это въ нижеслѣдующей пѣснѣ:

Анджենликтым балары,
Тонгуз-дер калам дыйде,
Беджины Кытай чиксы,
Хуй-хуйне дадам дыйде!..

таню [1]), истратилъ не мало общественныхъ денегъ, а что изъ всего этого вышло?..

Другой примѣръ:

Самая крупная рѣчка, стекающая съ Тянь-шаня на югъ — Утынъ-аузы. Воды ея, однако, пропадаютъ совершенно безслѣдно въ камняхъ, всего только нѣсколько верстъ не дойдя до Лемджина. И вотъ, одному изъ лукчунскихъ таджіевъ [2]) пришла въ голову счастливая мысль перехватить ея воду нѣсколько выше и по каналу довести до ущелья Лукчунской рѣки. Грандіозное сооруженіе это оцѣнено было мѣстнымъ населеніемъ по достоинству; а такъ какъ оно въ будущемъ очень много сулило, то и рѣшено было вести работы общими силами и на средства двухъ, наиболѣе въ успѣхѣ предпріятія заинтересованныхъ, общинъ: Лемджинской и Лукчунской.

Но китайцы поняли, что постройка эта обѣщаетъ имъ громадные барыши, и принялись за работу, вопреки даже здравому смыслу и желанію мѣстнаго населенія. Разумѣется, выраженіе «при-

---

Анджeнлик касеп кетты,
Салесыны кын-гайтеп...
Беджинен Кытай чикты
Чишлерыны иджайтып...
Бек-батча узю чеккан,
Якши еллярын баккан,
Ханнын чиригге куреп,
Тагне ягалап кашкан...
etc., ete.

Андиджанскіе ребята (т. е. уроженцы Ферганы)
И свинью быкомъ зовутъ...
А пусть китайцы только выйдутъ изъ Пекина,
Такъ и дунгана будутъ звать отцомъ!..
Андиджанцы убѣжали,
Свернулись на бокъ ихъ чалмы —
Китайцы вышли изъ Пекина,
Оскалившись, какъ псы...
Самъ храбрецъ бекъ-батча (Бекъ-кулы-бекъ)
Отобралъ получше войско,
Но, едва завидѣвъ ханскія войска,
Ужь побѣжалъ горами...
etc., etc.

Замѣчанія къ турфанскому тексту: а) «дадам»,—слѣдуетъ думать—«атамъ?» б) «касепъ»,—правильнѣе—«качепъ?»

[1]) Губернаторъ Синъ-цзяньской провинціи. Во время мусульманской инсуррекціи командовалъ корпусомъ китайскихъ войскъ, занявшихъ Кашгарію. Нынѣ отозванъ.

[2]) Слово «таджи» можетъ быть произведено отъ двухъ словъ: отъ монгольскаго «тайцзи»—титула, дающагося ближайшимъ родственникамъ владѣтельныхъ князей, и китайскаго «тай-ши», чтò значитъ: канцлеръ, министръ. Первое словопроизводство вѣроятнѣе. Ср. Іакинфа—«Записки о Монголіи», т. I, стр. 163.

нялись» не совсѣмъ точно. На сооруженіе это они не затратили ни копѣйки; зато распоряжались общественными суммами совсѣмъ безконтрольно и въ концѣ концовъ погубили все дѣло, такъ какъ въ проведенный каналъ вода не пошла; а не пошла потому, что, несмотря на указанія мѣстныхъ жителей, они повели весь каналъ по мѣстности, уровень коей былъ выше долины рѣки.

Третій примѣръ:

Въ Турфанѣ шелководство до самаго послѣдняго времени было вполнѣ неизвѣстно. Какъ это ни странно 1), но это такъ. Заботясь о благоустройствѣ ввѣреннаго ему края, Лю-цзинъ-тань рѣшился завести въ Турфанѣ и эту отрасль промышленности, которая могла бы въ значительной степени поднять платежныя силы страны. Но всѣ благія начинанія китайцевъ обыкновенно кончаются только новымъ отягощеніемъ населенія Восточнаго Туркестана, и, разумѣется, данный случай не представилъ исключенія изъ этого общаго правила.

Изъ провинцій Внутренняго Китая была прислана въ Лукчунъ лучшая грена. Ее роздали населенію, разбивъ послѣднее на десятки, которые и подчинены были особымъ десятскимъ. Какъ только гусеницы завились въ коконы, послѣдніе отобраны были китайцами съ платою 3 тенегъ (30 коп.) за джинъ. Опытъ этотъ показался амбаню до такой степени прибыльнымъ, что на слѣдующій же годъ къ этой новой повинности привлечены были оазисы Ханду, Янъбулакъ и Лемджинъ, причемъ на воспитателей личинокъ возложены были и расходы по покупкѣ тутовыхъ листьевъ. Насильно привитое, занятіе это возбудило въ населеніи ропотъ, не перешедшій въ открытое возмущеніе только благодаря тому обстоятельству, что зачинщики своевременно были схвачены и посажены въ тюрьмы. Та же участь постигла и тѣхъ изъ турфанцевъ, которые вздумали сами заняться не только размоткой коконовъ, но и выдѣлкой шелковыхъ тканей.

Я думаю, что въ виду вышеприведенныхъ фактовъ, которые выбраны изъ массы другихъ, не менѣе того возмутительныхъ, слѣдуетъ призадуматься тѣмъ, кто съ легкимъ сердцемъ пишетъ о либерализмѣ китайскаго управленія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ не либерализмъ? Вотъ передъ вами группа лемджинскихъ дунганъ. Кромѣ «янь-тяня», они даже ничего китайцамъ не платятъ... Спросите

---

1) Китайская Географія эпохи Миновъ, перечисляя произведенія Турфана, Хо-чжеу и Лукчуна упоминаетъ и о шелковичномъ червѣ (См. Bretschneider, op. c., II, стр. 192).

однако, этихъ счастливцевъ, вполнѣ ли довольны они своимъ положеніемъ?

«Всѣ мы только и мечтаемъ о томъ, какъ-бы поскорѣе перебраться къ вамъ, въ Альматы[1]). Вѣдь здѣсь мы батраки... житья нѣтъ никакого. Китайцы изъ земледѣльцевъ превратили насъ чуть не въ извощиковъ... а на какія же деньги содержать намъ тутъ лошадей, если не хватаетъ времени даже на обработку полей?»

И куда здѣсь ни взгляни, кого ни спроси—всѣ одинаково ропщутъ, всѣ проклинаютъ китайцевъ и всѣ обращаютъ взоръ свой на Западъ, туда, къ этому всесильному Акъ-пашѣ, освободителю уже столькихъ сотенъ тысячъ безправныхъ рабовъ! И они вѣрятъ, что настанетъ чередъ и за ними, что и на ихъ горизонтѣ, наконецъ, появится солнце!... Не хотятъ этого солнца и страшатся его только ванъ и его прихлебатели, во всѣхъ отношеніяхъ достойные сателлиты своихъ презрѣнныхъ учителей...

Кромѣ вышеупомянутаго посемейнаго налога деньгами и «аша» турфанцы выплачиваютъ не мало и другихъ, какъ экстренныхъ, такъ и постоянныхъ налоговъ. Такъ, напримѣръ, въ пользу сборщиковъ податей, которые за свой трудъ жалованья не получаютъ, идетъ значительный «перемѣръ» зерна; насколько же значителенъ такой перемѣръ, видно хотя бы изъ того, что въ качествѣ такого сборщика хлѣба посылается обыкновенно лицо, которое было бы желательно какъ-нибудь наградить; если же такого лица въ виду не имѣется, то временная должность эта сдается съ торговъ...

Здѣсь не знаютъ, что такое отсрочка; и какъ «газначи», такъ и сборщики «аша» поступаютъ во всѣхъ случаяхъ совершенно одинаково неумолимо и безпощадно. Собственно говоря, они и не могутъ дѣйствовать иначе, такъ какъ подать, выплачиваемая населеніемъ, не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія къ урожаю. Вотъ почему въ годину какихъ-нибудь бѣдствій[2]) турфанскому земледѣльцу остается одинъ только выходъ — заемъ у ростовщика. Меня увѣряли, что въ Турфанѣ семья, которая никому ничего не должна, рѣдкое исключеніе, и что въ кабалѣ у ростовщиковъ находятся не только частныя лица, но и цѣлыя волости

---

[1]) Т. е. Вѣрненскій уѣздъ.

[2]) Наиболѣе вредное вліяніе оказываютъ здѣсь лѣтніе дожди: «дожди здѣсь совершенно не нужны; хотя ихъ здѣсь мало бываетъ, но если въ то время, какъ цвѣты и листья раскидываются, небольшой дождь покраплетъ на лепестки цвѣточные, то вянутъ и засыхаютъ; если же пройдетъ полосою, то деревья какъ будто масломъ обварены бываютъ и ни одного большого плода не останется». (Іакинфъ. «Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 195—196).

Тотъ же фактъ, въ бытность мою въ Кашгарѣ, подтвердилъ мнѣ и консулъ Петровскій.

(дорга); такъ, напримѣръ, три восточныя волости въ общей сложности должны ростовщикамъ Лукчуна и Пичана около 120 ямбъ серебра![1]).

Затѣмъ, на обязанности турфанца лежитъ еще даровой ремонтъ карысей, содержаніе ближайшей туземной администраціи и, наконецъ, цѣлый рядъ весьма разнообразныхъ, самыхъ тяжелыхъ и всегда безпокойныхъ натуральныхъ повинностей, къ которымъ относятся: перевозка казенныхъ транспортовъ отъ Турфана до Хами, Гучена, Урумчи и Карашара, нарядъ рабочихъ на казенныя постройки[2]) и казенные мѣдные рудники[3]) и т. д.

Но какъ ни тяжело само-по-себѣ положеніе населенія въ такихъ даже богатѣйшихъ округахъ, какъ Лукчунъ, Турфанъ, Пичанъ и Ханду[4]), но есть уголки, гдѣ положеніе земледѣльца еще того безотраднѣе. Къ такимъ уголкамъ принадлежитъ, напримѣръ, Ауатъ, запроданный чуть не съ публичныхъ торговъ въ частную собственность четырехъ лицъ—трехъ китайцевъ и одного туркестанца.

Ауатъ, судя по словамъ одной пѣсни, долженъ былъ когда-то играть нѣкоторую роль въ исторіи края[5]), да и въ началѣ 60-хъ годовъ онъ представлялъ еще крупное родовое помѣстье нѣкоего Абдулла-бека-ходжи, который былъ даже настолько смѣлъ и богатъ, что въ періодъ смутъ успѣлъ овладѣть не только Мултукомъ, Лемджиномъ и Сынгимомъ, но и всей страной къ сѣверу отъ Богдо-ола до селенія Моро-хо. Видя затѣмъ старанія, прилагавшіяся Якубъ-бекомъ для того, чтобы навсегда утвердиться въ Турфанѣ, онъ рѣшился по мѣрѣ силъ противодѣйствовать этому, сталъ во главѣ недовольныхъ, но ничѣмъ не успѣлъ проявить своей дѣятельности, такъ какъ былъ своевременно схваченъ, преданъ суду и, наконецъ, по приказанію Якубъ-бека, отправленъ въ Кашгаръ. Одновременно всѣ имѣнія его были конфискованы, сданы въ аренду, а вскорѣ затѣмъ и проданы выходцамъ Кара-ходжи и Лукчуна. Съ обратнымъ занятіемъ Турфана китайцами, послѣдніе въ свою очередь конфисковали имущество Якубъ-бека, а такъ какъ въ дѣлахъ послѣдняго не нашлось, будто-бы, запродажной записи Ауата, то и сочли этотъ клочекъ земли государственной собственностью. Протесты ауатцевъ не повели ни къ чему. Земли ихъ продали, а вмѣстѣ съ ними и всѣ постройки селенія. Тогда ауатцы рѣшились на массовое переселеніе, но и это имъ воспретили, дабы не вводить въ убытокъ купившихъ имѣніе. Оселъ, нагруженный деньгами, какъ это въ свое время сказалъ еще Филиппъ Македонскій, съумѣетъ пробиться и въ самую недоступную крѣпость; ну, а въ Китаѣ ему и пробиваться вовсе не нужно: его всюду встрѣтятъ съ радостью и почетомъ. Дѣйствительно, владѣтели Ауата съумѣли выхлопотать приказъ, прикрѣпившій на вѣки вѣчные бѣдныхъ ауатцевъ къ имъ уже не принадлежавшей землѣ!

---

[1]) Ямбой называется всякій вообще слитокъ серебра опредѣленной формы, но не вѣса. Если же ведется расчетъ на ямбы, то понимаются ямбы исключительно вѣса въ 50—53 лана, т. е. ямбы наивысшаго вѣса. Долгъ этотъ сложился въ періодъ постройки Утынъ-аузы'скаго канала.

[2]) Существуетъ, какъ кажется, у китайцевъ обычай разрушать тотчасъ всякое зданіе, если оно болѣе не нужно для тѣхъ цѣлей, для которыхъ построено; дѣлается это съ тѣмъ, чтобы доставить послѣднимъ жильцамъ небольшія деньги, вырученныя отъ продажи матерьяловъ. Казенныя зданія никогда не передаются изъ одного вѣдомства въ другое. Этотъ образъ дѣйствій сильно раздражаетъ тюрковъ, доставляющихъ строевой лѣсъ и кладущихъ массу труда и работы на возведеніе этихъ зданій». Кэри (Carey) «Сборникъ матерьяловъ по Азіи», XXX, стр. 84.

[3]) Находятся на южныхъ склонахъ Богдо-ола. Отъ казны полагается каждому рабочему въ мѣсяцъ нѣсколько ценовъ, по денегъ этихъ никто обыкновенно не видитъ.

[4]) Благодаря громадной урожайности Ханду'скихъ земель (джугара—самъ 30), населеніе здѣсь лучше обставлено, чѣмъ гдѣ бы то ни было, не исключая даже Лукчуна.

[5]) Вотъ эта пѣсня:

Ауаттыке джангляда...
По-зембрек тангбулды...
Джангыр-гожам гахтыда!
Хошма арляй хумбалды
Ашир-бек этын калды,
Данзыда хетын калды,
Темгене талашиб,
Беш балан іетым калды...

Установивъ подати съ семьи и съ карыся, китайцы вовсе не заботятся о томъ, чѣмъ засѣяны поля турфанцевъ; это логично во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ только благодаря этому обстоятельству населенію этой области и является кое-какая возможность сводить концы съ концами. Спеціальному обложенію подлежатъ только виноградники; но обложеніе это, по сравненію съ ихъ доходностью, должно быть признано совершенно ничтожнымъ [1]).

Колышатся Ауатскіе большіе камыши...
Ужь поровнялись съ ними и пушки и тайфуры...
Спѣшитъ сюда Джангиръ-ходжа!
Избито и уничтожено лучшее войско,
И померкла Аширъ-бекова слава!
И остались по немъ въ канцеляріи письмена только одни,
Да печать, изъ-за которой оба поссорились,
Да пятеро малыхъ ребятъ сиротинушекъ...

[1]) Каждая мо приноситъ валового дохода около 10 лановъ; взимается же съ каждыхъ 20 лозъ, т. е. съ той же мо виноградника, отъ 0,65 до 0,7 лана, и это въ томъ только случаѣ, если виноградъ не предназначается къ вызову изъ Турфана; въ противномъ же случаѣ сумма обложенія сокращается до 0,3. Я однако не знаю, чѣмъ руководствуется контроль.

Почва оазисовъ состоитъ или изъ лёссоподобной глины или изъ той же глины съ пескомъ, и только по окраинамъ котловины Асса попадаются участки, напоминающіе собой солонецъ. Что же касается до типическаго лёсса, то его, какъ кажется, здѣсь рѣшительно нигдѣ нѣтъ; по крайней мѣрѣ за таковой мы отказываемся принять даже тѣ толщи красновато-желтой глины, которыя составляютъ почву всей Булурюкской долины 1).

Хотя точныхъ гипсометрическихъ данныхъ мы и не имѣемъ, все же, какъ кажется, есть основаніе думать, что большинство современныхъ оазисовъ Турфана расположено ниже уровня окрестныхъ мѣстностей. Такимъ образомъ и почва ихъ, являющаяся какъ бы вкрапленной въ обширную площадь каменистыхъ степей (диллювіальный конгломератъ), можетъ быть принята едва-ли за что-нибудь иное, кромѣ какъ за озерныя отложенія. Пласты поваренной соли, залегающіе мѣстами на глубинѣ одного и двухъ футовъ отъ поверхности почвы, но всегда островками, не превышающими даже одной квадр. версты, подтверждаютъ повидимому вполнѣ это предположеніе 2).

Не будучи типическимъ лёссомъ по происхожденію, почва турфанскихъ оазисовъ обладаетъ однако, какъ кажется, всѣми достоинствами лучшаго желтозема; тѣмъ не менѣе мелкоземъ этотъ, залегая на конгломератахъ и песчаникахъ пластами незначительной мощности, все же не можетъ претендовать на такую же точно феноменальную неистощимость, какъ лёссовыя толщи бассейна р. Вей-хо, напримѣръ, или лёссы многихъ мѣстностей въ Ферганѣ. И это хорошо поняли мѣстные жители, практикующіе здѣсь одинъ изъ интереснѣйшихъ способовъ удобренія своихъ полей, вывозя на пахоту землю цѣлинъ иногда въ громадныхъ количествахъ 3).

---

1) Это писалось въ 1892 г. Два года спустя горный инженеръ Обручевъ вполнѣ подтвердилъ сказанное, отнеся эти красноватыя глины къ ханхайскимъ отложеніямъ.

2) Соль эта залегаетъ здѣсь, какъ мы это уже видѣли въ XII главѣ, гнѣздами. Каждое гнѣздо въ разрѣзѣ представляетъ нижеслѣдующую картину: полость между двухъ слоевъ глины высотой вершка въ четыре, шириной, максимумъ, въ два аршина; сводъ этой полости унизанъ кругами кристалловъ поваренной соли, загрязненными и къ тому же окрашенныmя въ красноватый цвѣтъ посторонними примѣсями; крупныхъ кристалловъ здѣсь нѣтъ, и весь сводъ представляется точно какой-то каменной щеткой; одинаковымъ образомъ и дно полости представляетъ изъ себя какую-то шероховатую корку. Гнѣзда эти часто соприкасаются между собою, а потому, пожалуй, я и былъ правъ, говоря о «пластахъ» турфанской каменной соли. Послѣдняя считается годной только для скота, люди же употребляютъ ее въ крайнемъ случаѣ, такъ какъ на вкусъ она непріятна (горька).

3) Подобный способъ удобренія практикуется кое-гдѣ въ Русскомъ Туркестанѣ (см. Миддендорфъ «Очерки Ферганы»), а также, какъ кажется, и повсемѣстно въ Китаѣ.

Количество это опредѣляется на глазъ, для каждаго земельнаго участка совершенно различно, а потому я и не считаю необходимымъ утомлять вниманіе читателей какими бы то ни было цифрами и сопоставленіями. Иное дѣло—наземъ.

Въ Россіи солома цѣнится мало, въ Турфанѣ совершенно наоборотъ. Вотъ почему турфанецъ и не станетъ никогда употреблять ее на подстилку скота. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго онъ держитъ немного, да и тотъ только на ночь запирается въ хлѣвъ, днемъ же чуть не круглый годъ бродитъ по пашнямъ и выгонамъ. Все это, разумѣется, служитъ не малой помѣхой для образованія крупныхъ запасовъ назема; однако турфанецъ и тутъ пріискалъ себѣ выходъ.

Прежде чѣмъ загонять скотъ свой во внутренній дворъ или въ иное какое-нибудь, предназначенное ему, помѣщеніе, онъ подкидываетъ туда смѣсь изъ рубленой соломы и разрыхленной земли; послѣдняя, благодаря значительному въ ней содержанію глинозема, превращается вскорѣ подъ ногами животныхъ въ липкую грязь, которая, по увѣренію мѣстныхъ жителей, и обладаетъ всѣми свойствами лучшаго тука. Земля, вбирающая въ себя всѣ животныя выдѣленія, а потому болѣе богатая амміачными солями, чѣмъ соломенная подстилка, мѣняется часто, такъ что къ началу февраля каждый домохозяинъ располагаетъ уже такимъ количествомъ удобренія, которое онъ можетъ считать достаточнымъ для своихъ нуждъ [1], хотя и свозитъ его никакъ не менѣе 50 возовъ на одну десятину [2]; надо имѣть однако въ виду, что почва готовится здѣсь не подъ одинъ, а послѣдовательно подъ два урожая, такъ какъ сперва засѣваютъ пшеницу, а затѣмъ джугару.

Но почва Турфана даже помимо прямаго человѣческаго содѣйствія постоянно обогащается солями въ пропорціяхъ, совершенно достаточныхъ для того, чтобы въ значительной мѣрѣ пополнить убыль послѣднихъ. Достигается это путемъ ирригаціи.

Большинство оросительныхъ каналовъ, по вычисленію проф. Шмидта для водъ бассейна Аму-Дарьи, успѣваютъ въ годъ отложить на десятину болѣе 4 пудовъ фосфорно-кислой извести и до 20 пудовъ кали; а это, какъ справедливо замѣчаетъ академикъ Миддендорфъ, уже настоящій возвратъ. Если мы примемъ въ соображеніе, что воды Аму-Дарьи собираются среди снѣговыхъ полей

---

[1] Лучшими туками считаются земли, взятыя изъ-подъ овецъ.

[2] Стоимость 50 возовъ въ Турфанѣ колеблется между 1,2 и 2 серами.

Памира, а турфанскія изъ нѣдръ земли, то, безъ сомнѣнія, должны будемъ признать цреимущество за послѣдними [1]).

Для того, чтобы совершенно покончить съ вопросомъ объ удобреніи полей, я долженъ еще замѣтить, что турфанцамъ прекрасно также знакомы свойства какъ зольнаго удобренія, такъ и гуано, для полученія котораго въ турфанскихъ селеніяхъ содержатся даже во множествѣ голуби (Columba aegyptiaca); первое свозятъ исключительно только на плантаціи табака, второе—на дынныя бахчи.

Такъ какъ птичій пометъ на всемъ пространствѣ Азіатскаго континента, какъ кажется, рѣшительно нигдѣ не утилизируется для хозяйственныхъ нуждъ, то нельзя ли предположить, что турфанцы сами-собой додумались до этого интенсивнаго удобрителя?

Въ Турфанѣ воздѣлываются нижеслѣдующіе хлѣба:

Озимая пшеница (кузлюкъ-будай). Высѣвается въ концѣ сентября или даже въ началѣ октября; при первыхъ же морозахъ на поля спускается вода, которая и покрываетъ ледяной коркой всю землю; одновременно, разумѣется, промерзаетъ и эта послѣдняя, чѣмъ закрѣпляются коренья пшеницы, зеленя коей вслѣдъ затѣмъ вытравляются домашнимъ скотомъ. Вызрѣваетъ въ концѣ іюня, а иногда и позже.

Яровая птеница (чигилэ-будай)—безостная, тогда какъ кузлюкъ-будай съ остью. Высѣвается въ февралѣ, собирается въ маѣ; послѣ своза пшеницы съ поля, послѣднее немедленно же перепахивается подъ джугару. Яровая пшеница высѣвается въ значительныхъ количествахъ, озимая очень рѣдко, да и то въ виду тѣхъ выгодъ, которыя представляетъ ея посѣвъ для бѣдныхъ водою хозяйствъ [2]).

Джугара (ак-кунакъ--Sorghum cernuum). Высѣвается въ началѣ іюня, поспѣваетъ въ сентябрѣ. Наивысшій урожай самъ 30 (Ханду, рѣже Пичанъ). Идетъ на кормъ скоту и въ умолотѣ—на изготовленіе хлѣба; въ послѣднемъ случаѣ муку джугары мѣшаютъ на половину съ пшеничной. Стебли джугары служатъ прекраснѣйшимъ кормомъ для скота и продаются здѣсь по рублю—возъ.

Ячмень (кылтырлыкъ-арпа—съ остью, яланачъ-арпа—безостный). Высѣвается въ ничтожныхъ количествахъ, потому что требуетъ много воды; за то въ Ханду и Лемджинѣ даетъ урожай самъ 60, а въ остальныхъ оазисахъ не менѣе 40, поспѣваетъ въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, высѣвается же одновременно съ яровой пшеницей.

---

[1]) Зимой, при средней температурѣ сутокъ, равной 9⁰ мороза, карысная вода при устьѣ канала все еще имѣла 11⁰ тепла.

[2]) Озимая пшеница требуетъ одного только полива ранней весной, который и производится вскорѣ послѣ наступленія первыхъ теплыхъ дней. Замѣчу также, что здѣсь удобряютъ поля подъ озимь не до посѣва зерна, а послѣ, ранней весной, раскидывая наземъ по ледяной поверхности этихъ послѣднихъ.

Перечисленнымъ, собственно говоря, и ограничивается разнообразіе здѣшнихъ хлѣбовъ, такъ какъ, если здѣсь и высѣвается *просо (джинджинъ—Panicum italicum erythrospermum)* и *рисъ,* то въ такихъ ничтожныхъ количествахъ [1]), которыя не заслуживаютъ никакого вниманія.

Но кромѣ хлѣба въ Турфанѣ воздѣлываютъ:

Хлопчатникъ. Хлопковыя плантаціи довольно обширны въ восточныхъ волостяхъ этой области. Почву подъ него не унавоживаютъ, воды пускаютъ немного. Засѣваютъ 1½ пуда сѣмянъ на десятину, получаютъ же съ нея чистой ваты около 300 фунтовъ [2]), что̀, по мѣстнымъ цѣнамъ, составитъ около 25 рублей метал. съ десятины; но, разумѣется, доходъ этимъ не ограничивается, такъ какъ въ распоряженіи земледѣльца остаются еще сѣмена, идущія на кормъ баранамъ и стоющія на мѣстѣ не менѣе 20 коп. за пудъ.

О достоинствахъ и характерѣ волоконъ турфанскаго хлопчатника, принадлежащаго, какъ и всѣ среднеазіатскіе сорта, къ виду Gossypium herbaceum, я не стану распространяться, такъ какъ это совершенно не входитъ въ планъ моего очерка Турфана, да къ тому же не можетъ имѣть и особой цѣны въ виду того, что мнѣ, какъ неспеціалисту, пришлось бы безъ всякой критики цитировать то, что уже писалось по этому поводу спеціалистами. Скажу только, что мѣстные жители считаютъ турфанскій хлопчатникъ лучшимъ послѣ кашгарскаго, но каковы положительныя достоинства этого послѣдняго, мнѣ неизвѣстно.

Табакъ. Благодаря значительному доходу, который приноситъ земледѣльцу посѣвъ табака, плантаціи послѣдняго составляютъ здѣсь удѣлъ даже самыхъ малыхъ хозяйствъ; къ сожалѣнію, значительный процентъ выгодъ табаководства переходитъ всецѣло въ карманъ Лукчунскаго вана, пользующагося правомъ исключительной монополіи въ торговлѣ этимъ продуктомъ.

---

[1]) Напримѣръ, рисъ высѣвается только въ Лемджинѣ, да и то въ количествѣ не болѣе 5 десятинъ (100 мо).

[2]) А. И. Вилькинсъ («Основы культуры американскаго хлопчатника въ Туркестанскомъ краѣ». 1889. Ташкентъ, стр. 103) пишетъ, что урожай туркестанскаго хлопчатника опредѣляется въ 12—14 пудовъ. На малую урожайность турфанскаго хлопчатника должна вліять сухость мѣстнаго климата; но, конечно, не безъ вліянія на общій итогъ остается и способъ очистки хузы (кӧвасъ), совершаемой здѣсь при помощи довольно примитивной машинки. Мнѣ говорили, что по вѣсу хуза заключаетъ не болѣе 25%—30% чистаго хлопка; остальное выпадаетъ на долю шелухи (около 20%) и сѣмянъ (50%—55%).

Табакъ требуетъ только незначительнаго удобренія, причемъ зольнымъ пользуются далеко не повсюду, и это потому, что здѣсь вообще распространено убѣжденіе, что между крѣпостью табака и количествомъ послѣдняго существуетъ прямая зависимость, весьма, кстати сказать, невыгодная для мѣстныхъ табаководовъ, такъ какъ лучшими сортами признаются здѣсь наиболѣе слабые табаки [1].

Кунжутъ (Sesamum indicum) высѣвается съ цѣлью полученія масличнаго сѣмени. Хорошо очищенное масло довольно пріятнаго вкуса, но въ томъ видѣ, въ какомъ его продаютъ въ городахъ Средней Азіи, оно издаетъ рѣзкій, непріятный запахъ, который при нагрѣваніи (стало быть, и при изготовленіи на немъ пищи) усиливается чрезмѣрно. При хорошемъ поливѣ стручковое растеніе это даетъ баснословный урожай, доходящій до самъ 200, при недостаткѣ же въ водѣ—едва самъ 7—8. Это-то обстоятельство и служитъ здѣсь главной причиной, почему его здѣсь такъ мало сѣютъ. Никакого спецiадьнаго удобренія растеніе это не требуетъ, благодаря чему и есть возможность высѣвать его послѣ яровой пшеницы, т. е. въ началѣ іюня.

Одинъ шинъ сѣмянъ продается въ Лукчунѣ по 4 фына; десять же шиновъ даютъ 13 джиновъ масла, стоимостью въ 6 ценовъ 5 фыновъ; цринимая даже въ соображеніе, что выжимка масла съ сказаннаго количества сѣмянъ обходится въ $1^{1}/_{2}$ цена, мы все же получимъ довольно высокую разницу въ одинъ ценъ на каждую крю сѣмянъ, не считая весьма цѣнныхъ жмыховъ, которая, очевидно, составляетъ тотъ барышъ, который берутъ себѣ мѣстные скупщики и торговцы [2].

Турфанъ знаменитъ своими фруктами и плодами. И груши, и яблоки его такъ хороши, какъ нигдѣ въ Туркестанѣ; но экономическое значеніе для края имѣютъ все же не они, а дыни и виноградъ, которые въ сухомъ видѣ наполняютъ рынки Джунгаріи, Китая и даже Восточнаго Туркестана, гдѣ такъ много своихъ дынь и винограда!

---

[1] Лучшими табаками считаются дгинскіе; они продаются по цену за джинъ, остальные—по 6 фыновъ за джинъ.

[2] Въ Турфанѣ, кромѣ вышеупомянутыхъ: хлопчатника, табака и кунжута, высѣваются еще кое-гдѣ люцерна и конопля (кендырь); послѣдняя попалась мнѣ только въ Пичанѣ; волокна ея идутъ на изготовленіе очень плохихъ веревокъ «чиге-аргамчи», чѣмъ занимаются преимущественно дунгане, сѣмя же—на приготовленіе масла; что же касается цриготовленія здѣсь изъ конопли одуряющаго вещества «анаши», то объ этомъ я не могъ собрать никакихъ данныхъ.

Въ Турфанѣ мнѣ разсказывали слѣдующую легенду о дыняхъ:

Дыни упали на землю изъ рая. Одну изъ нихъ успѣлъ схватить обѣими руками пророкъ Магометъ, и всѣ десять пальцевъ его тотчасъ же отпечатались на наружной кожицѣ дыни. Отъ этой-то дыни и пошли лучшіе въ мірѣ сорта.

Эта дыня—«ойма», зеленая дыня съ зеленою мякотью, сортъ, неизвѣстный ни въ Кашгарѣ, ни въ Ферганѣ, и совершенно исключительный по нѣжности, аромату и сахаристости. Однако, дыни этого сорта годны только для мѣстнаго употребленія: перевозки онѣ не выносятъ, засушенныя же теряютъ всю свою цѣну. Вотъ почему для сушенія идутъ здѣсь только зимніе сорта дынь съ оранжевой мякотью (мизганъ) и тканью, хотя болѣе грубой, но зато и болѣе прочной.

Изъ всѣхъ турфанскихъ сортовъ винограда экономическое значеніе имѣетъ только одинъ, извѣстный въ Самаркандѣ подъ именемъ «ханскаго»; онъ мелкій, вовсе безъ косточекъ и слаще другихъ.

Сушатъ его въ особо для этого приспособленныхъ зданіяхъ-сушильняхъ. Идея послѣднихъ хороша, а результатъ не оставляетъ желать ничего лучшаго. Турфанцы воспользовались особенностями своего воздуха — почти феноменальною сухостью и часто весьма высокой температурой — и заставляютъ его пробѣгать быстрой горячей струей надъ разложеннымъ въ ряды виноградомъ. Достигается же это помощью узкихъ, но небольшихъ отверстій, которыми съ верху до низу минированы всѣ четыре стѣны сушильни, сравнительно съ остальными постройками всегда довольно высокаго, двухъ и даже трехъ-этажнаго зданія. Въ такихъ сушильняхъ сушка винограда производится весьма постепенно и къ тому же въ тѣни, а не на солнцѣ—обстоятельство немаловажное, если желаютъ сохранить изюму его чудный зеленый цвѣтъ, сочность внутри и сухость наружной оболочки, а каждой ягодѣ его — естественную многогранную форму. Лукчунскій высшій сортъ изюма отличается необыкновенной чистотой и настолько сухъ на ощупь, что не оставляетъ на рукахъ слѣдовъ какой бы то ни было сахаристости. Но это только въ Лукчунѣ, на мѣстахъ своего приготовленія, а дальше, поступая въ руки торгашей, сдабривающихъ его низкими сортами того же изюма, водой ¹) и всяческимъ со-

---

¹) Въ этомъ случаѣ они поступаютъ совершенно такъ же, какъ китайцы со своимъ сахаромъ: держатъ надъ паромъ.

ромъ, очень быстро утрачиваетъ всѣ свои превосходныя качества, ставящія его внѣ конкурренціи съ какими бы то ни было сортами «коринки», какъ въ предѣлахъ всей Азіи, такъ и въ Европѣ.

Изюмъ, по общему убѣжденію, составляетъ главнѣйшую статью вывоза изъ Турфана, но подобное утвержденіе пока не болѣе, какъ голословное заявленіе, такъ какъ фактическихъ къ тому данныхъ вовсе не существуетъ. Китайцы и у себя на родинѣ враги всякой статистики, какая же имъ нужда заниматься ею здѣсь, въ Турфанѣ, въ покоренной ими странѣ и населенной къ тому же народомъ, къ которому они ничего вообще, кромѣ презрѣнія [1]), не чувствуютъ?

Изъ дикорастущихъ растеній турфанецъ утилизируетъ для своихъ нуждъ, главнѣйшимъ образомъ, только «шапъ» и «джантакъ»: первое служитъ ему для полученія мыла, со втораго собираетъ онъ сахаристое вещество — отличный, по его мнѣнію, суррогатъ китайскаго сахара.

«Шапъ» (Salsola spissa, MB) въ изобиліи ростетъ на югъ отъ Лукчуна. Съ него собираютъ только цвѣты, которые и укладываются горкой надъ двумя, крестообразно пересѣкающимися, жолобками, вырубленными въ глинистой почвѣ. Когда цвѣты такъ уложены, ихъ зажигаютъ. Подъ золой въ жолобкахъ скопляется послѣ этого быстро твердѣющая на воздухѣ смолистая масса — «шахаръ», которую очищаютъ отъ грязи кипяченіемъ въ водѣ: она расплывается и осаждаетъ постороннюю примѣсь. Очищенный этимъ путемъ «шахаръ» сливаютъ въ котелъ, прибавляютъ туда нѣкоторое количество топленаго козьяго сала и щепотку гашеной извести, затѣмъ еще разъ кипятятъ всю эту смѣсь и держатъ послѣднюю на большомъ огнѣ до тѣхъ поръ, пока вода не испарится совершенно; тогда остающуюся на днѣ сосуда бѣлую массу переливаютъ въ отдѣльныя формочки, въ которыхъ она уже и затвердѣваетъ вполнѣ. Эта масса и есть мыло, которое каждый хозяинъ готовитъ себѣ по мѣрѣ нужды.

---

[1]) «Природная гордость китайцевъ производитъ даже и въ подломъ народѣ презрѣніе ко всѣмъ прочимъ націямъ»... «Ко всѣмъ вообще иностраннымъ народамъ, которыхъ они противъ себя почитаютъ невѣждами, имѣютъ великое презрѣніе и говорятъ о себѣ, что они только одни имѣютъ два глаза, а сосѣди ихъ совсѣмъ слѣпы». Орловъ («Историко-географическое описаніе Китайской имперіи», 1820, Москва, стр. 189).

«Китаецъ въ пріемахъ обращенія всегда старается удержать первенство передъ иностранцемъ»... «Но китайскіе чиновники нерѣдко выказываютъ свое преимущество передъ иностранцемъ въ самомъ оскорбительномъ презрѣніи къ послѣднимъ, а простолюдинъ иногда то же обнаруживаетъ, но въ дерзкихъ и наглыхъ поступкахъ. Эта дурная черта происходитъ отъ самомечтательности». Іакинфъ, «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвѣщеніе», стр. 388.

«Джантакъ» (Alhagi camelorum, Fisch., верблюжья колючка) ростетъ повсемѣстно, но только въ котловинѣ Асса онъ обладаетъ способностью выдѣлять въ значительныхъ количествахъ особую, бѣлую, сахаристую камедь «таранджебель» [1], собираемую крупинка по крупинкѣ и сбиваемую затѣмъ въ весьма непривлекательные, по своей внѣшности, комья, продающіеся здѣсь по баснословно-высокой цѣнѣ—2 цена за джинъ!

Джантакъ, кромѣ того, идетъ турфанцу и на топливо; впрочемъ, въ качествѣ таковаго, употребляется здѣсь рѣшительно все, что только попадается подъ руку и имѣетъ хотя какую-нибудь способность горѣть [2]; между прочимъ, напримѣръ, даже «чаткалъ»—старыя корневища камышей, росшихъ когда-то подъ Ауатомъ. Выкорчевываніе послѣднихъ ведется здѣсь въ громадныхъ размѣрахъ и, вѣроятно, ему обязанъ своимъ происхожденіемъ тотъ песокъ, барханы коего надвинулись въ послѣднее время на земли восточнаго предмѣстья Турфана [3].

Насколько турфанецъ хорошій земледѣлецъ и садоводъ, настолько же плохой онъ ремесленникъ и торговецъ.

Скотоводство въ Турфанѣ не развито по отсутствію выгоновъ; ремесла и торговля находятся въ рукахъ пришлыхъ дунганъ, китайцевъ, андиджанцевъ и выходцевъ изъ Кашгара, Яркента и другихъ городовъ Восточнаго Туркестана. Но нѣкоторыя отрасли производства онъ и до сихъ поръ не выпустилъ еще изъ своихъ рукъ и въ нихъ достигъ даже возможнаго совершенства; такъ, напримѣръ, хлопчато-бумажныя его ткани (бöзъ) пользуются заслуженной славой и по добротности своей уступятъ развѣ только лучшимъ кашгарскимъ сортамъ; въ особенности же хороши здѣсь сорта, извѣстные подъ именемъ «тöртбагъ» и ткущіеся изъ нитокъ, крученыхъ изъ предварительно обваренной ваты: они носятся долго, очень мягки и тонки. Затѣмъ, очень еще хороша турфанская армячина и всевозможныя издѣлія изъ хлопка и шерсти. Но, безъ сомнѣнія, самымъ любопытнымъ турфанскимъ издѣліемъ слѣдуетъ считать корзины, плетеныя изъ тонкихъ ивовыхъ прутьевъ: окрашенныя ниже борта фуксиномъ, онѣ казались намъ совершеннымъ двойникомъ лучшихъ эстляндскихъ корзинъ. Я именно говорю — любопытнымъ, потому что нигдѣ въ Средней Азіи, за исключеніемъ развѣ только нѣкоторыхъ провинцій Внутренняго Китая, ивовыхъ корзинъ не плетутъ, да и тамъ общій характеръ этого типа работъ совершенно иной. Если разсмотрѣть столярный инструментъ, находящій въ распоряженіи какого-нибудь турфанца [1]), то нельзя отказать послѣднему и въ извѣстной долѣ искусства въ издѣліи хотя бы такого рода предметовъ, какъ, напримѣръ, музыкальный инструментъ. Однако, все же, несмотря на все это, Турфанъ сдѣлалъ значительный шагъ назадъ противъ того, чѣмъ была эта страна въ XIII, XIV и даже еще въ XVI вѣкѣ, когда вся торговля Монголіи находилась въ рукахъ ея предпріимчивыхъ жителей [2]).

---

[1] Уже въ V вѣкѣ, при описаніи Гаочана, китайцы упоминаютъ объ этомъ таранджебелѣ. «Есть трава, называемая янъ-цы. На сей травѣ родится медъ (?) весьма пріятнаго вкуса». Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», III, стр. 150. У Bretschneider'a (op. c., II, стр. 193) читаемъ: «Hanbury in his excellent «Pharmacographia», p. 371, states: ***Turanjabin*** or Alhagi Manna is afforded by Alhagi camelorum, a small spiny plant of the ord. Leguminosae, found in Persia, Afghanistan and Beludjistan. It is a substance in little roundish, hard, dry globules, of agreable saccharine taste and senna-like smell. Alhagi Manna is collected near Kandahar and Herat, where it is found on the plants at the time of flowering. The wellknown traveller, Professor Vambery states from his own observation («Skizzen aus Mittelasien», 190), that in Turkestan the turanjabin appears in autumn suddenly in one night and is collected early in the morning while it is still coll. This product is eaten by the people in its rough state, or they manufacture syrup of it».

[2] Даже такія солянки, какъ Halostachys caspia, Pall, Salsola kali, L., Salsola carinata, C. A. Mey, Horaninovia ulicina, Fisch, Mey и др.

[3] Китайская географія среди произведеній Турфана упоминаетъ также о растеніи «а-вей» (a-wei). Судя по описанію, это Scorodosma foetidum Bgc. Но я не нашелъ здѣсь этого крупнаго зонтичнаго растенія, столь распространеннаго въ Русскомъ Туркестанѣ (Ср. Бретшнейдеръ, op. cit., II, стр. 192—193).

Валихановъ, описывая впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ своей замѣчательной поѣздки въ Кашгарію въ 1859 году, говоритъ, между прочимъ: «Страна эта, въ которой, несмотря на господство ислама, развилась свобода женщинъ, вѣротерпимость, безразличіе народностей и муниципальныя начала, обнищала теперь и одичала подъ гнетомъ китайской цензуры и военныхъ мандариновъ» [3]).

Но этотъ приговоръ китайскому управленію дѣйствительно несчастнымъ краемъ показался проф. В. В. Григорьеву настолько суровымъ и къ тому же несправедливымъ, что онъ рѣшился характеризовать его «пустой, хотя и громкой фразой молодого писателя начала шестидесятыхъ годовъ» [4]), и пустой потому, добавляетъ онъ [5]), что подъ китайскимъ управленіемъ не только отнюдь не могли пострадать всѣ эти: свобода женщинъ, вѣротерпимость, безразличіе народностей и муниципальныя начала, которыми такъ восхищается (sic!) Валихановъ, но совершенно наоборотъ, именно они-то и должны были сохраниться тамъ во всей своей цѣлости и неприкосновенности, «такъ какъ китайцы сами отличаются величайшей вѣротерпимостью, женщинъ не запираютъ и не занавѣшиваютъ [1]), ко всѣмъ иностранцамъ относятся одинаково, и того устройства администраціи и суда, которое застали въ странѣ, ни въ чемъ не измѣнили». Но, разсуждая такъ, правъ ли съ своей стороны профессоръ?

---

[1]) Онъ очень грубъ и далеко не разнообразенъ; пила, напримѣръ, ничто иное, какъ желѣзная грубо-зазубренная полоска безъ необходимаго развода зубьевъ и т. д.

[2]) Іакинфъ. «Записки о Монголіи», 1828, ч. II, стр. 173.

[3]) «Очерки Джунгаріи». Записки Импер. Русск. Геогр. Общ., кн. I, стр. 186.

[4]) «Китайскій или Восточный Туркестанъ», 1878, стр. 433.

[5]) Ib., стр. 434.

«Величайшая вѣротерпимость китайцевъ!..»

Въ чемъ же, однако, выразилась она? И не потому ли китайцы относятся индифферентно къ исламу, что чувствуютъ себя безсильными его вытѣснить? По крайней мѣрѣ, какъ же иначе объяснить эти подневольныя поѣздки лицъ туземной администраціи въ китайскія капища тамъ, гдѣ подобное насиліе не могло встрѣтить дѣйствительнаго отпора?

«Свобода женщинъ...»

«У туркестанцевъ при женитьбѣ и замужествѣ требуется согласіе съ обѣихъ сторонъ», пишутъ китайцы [2]); у китайцевъ же, какъ извѣстно, женщинъ не спрашиваютъ... Но, разумѣется, безправное положеніе китаянки не могло имѣть существеннаго вліянія на измѣненіе положенія женщины въ Туркестанѣ; если что̀ и имѣло такое вліяніе, такъ это исламъ, и не столько даже исламъ, сколько ходжи, такъ долго управлявшіе Джиттышаромъ.

Но зато китайцы, безъ сомнѣнія, много способствовали усиленію разврата въ этой странѣ. И мнѣ кажется, что я даже буду очень близокъ къ истинѣ, если всецѣло взвалю на плечи послѣднихъ отвѣтственность за распутство, которое наблюдается теперь во всѣхъ городахъ Восточнаго Туркестана.

Всѣ прежніе путешественники единогласно повѣствуютъ о болѣе чѣмъ странной свободѣ женщины въ этой странѣ, но никто изъ нихъ не говоритъ о «продажности» этой послѣдней. А нынѣ это уже фактъ, достаточно общеизвѣстный.

---

[1] Будто? А вотъ, между прочимъ, что пишетъ Орловъ: «Они женъ своихъ держатъ въ домахъ подобно, какъ въ заперти, не позволяя имъ со двора сходить и ѣздить, а буде по необходимости какой хотя и случилось бы имъ куда ѣхать со двора, что, однакоже, бываетъ въ годъ не болѣе двухъ или трехъ разъ, да и то по ихъ обыкновенію или для свиданія въ постановленное для того время съ родителями, или какого-либо поклоненія, то знатные отпускаютъ ихъ въ нарочно сдѣланныхъ для того, на подобіе маленькой одномѣстной кареты, съ маленькими же по бокамъ для свѣта, да и то за флеромъ, стеклышками, носилкахъ или, лучше сказать, портшезахъ; а прочія въ подобныхъ тому телѣжкахъ, такъ, чтобы онѣ никого и ихъ никто не видалъ», (l. c., стр. 189—190).

[2] Іакинфъ «Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 203.

Легко-доступная женщина мало-по-малу переработалась въ проститутку!

«Китайцы отъ природы весьма къ женскому полу любострастны и по тому любострастью своему, кромѣ настоящей одной, законной жены, имѣютъ они не только по нѣсколько наложницъ, но сверхъ того еще и содомское сообщеніе съ младыми и благолѣпными юношами» ¹).

«Китайцы преданы сладострастію, можно сказать, необузданному, а законы на общую наклонность народа къ какому-либо пороку вообще смотрятъ сквозь пальцы» ²).

Вотъ какъ характеризуютъ китайцевъ Орловъ и Іакинфъ! И эти-то люди явились побѣдителями въ страну, гдѣ ни одна женщина не рѣшилась бы никогда добровольно стать наложницей ненавистнаго ей язычника (капыръ).

«Не выходите въ замужество за многобожниковъ, доколѣ не увѣруютъ они: вѣрующій рабъ лучше многобожника, хотя бы этотъ и нравился вамъ...»

Коранъ. Глава 2, ст. 220

И вотъ, первой заботой китайскихъ администраторовъ являлось всегда устройство домовъ терпимости для солдатъ и прочаго пришлаго сюда рабочаго люда ³).

Устройство подобныхъ домовъ, я понимаю это, вызывалось полнѣйшей необходимостью; не было, однако, ни малѣйшей нужды покровительствовать разврату въ той мѣрѣ, какъ ему покровительствуютъ нынѣ въ Синъ-цзяньской провинціи. Смотря на все это со стороны, кажется даже, будто всѣ заведенія этого рода являются любезнымъ дѣтищемъ китайскихъ чиновниковъ!

Китайскій законъ запрещаетъ устройство домовъ, служащихъ притономъ разврату, даже въ предмѣстьяхъ, тѣмъ болѣе внутри городскихъ стѣнъ ⁴), и однако, въ резиденціи губернатора — Урумчи существуетъ цѣлый кварталъ «думу», отведенный подъ подобнаго сорта дома! Мужья проститутокъ (джалэпъ—сарт., бузукъ турф.) ⁵)

---

¹) Орловъ, l. c. стр. 191.

²) Іакинфъ «Китай», etc., стр. 383.

³) Переселенцами въ Западный край (Си-юй) является главнымъ образомъ голытьба. Идутъ пѣшкомъ, а при такомъ способѣ передвиженія ихъ, разумѣется, не могутъ сопровождать ни жены, ни дѣти. Впрочемъ, даже высшіе чиновники живутъ здѣсь иногда на холостомъ положеніи.

⁴) Іакинфъ «Китай», etc., стр. 383.

⁵) Дома терпимости возникаютъ здѣсь такимъ образомъ: какой-нибудь негодяй, чаще всего на китайскія деньги, обзаводится тремя женами и гостепріимно затѣмъ открываетъ двери своего заведенія каждому, кто того пожелаетъ.

въ послѣднее время были освобождены отъ всякихъ повинностей и податей, сами же онѣ пользуются такимъ вниманіемъ со стороны китайскихъ властей, точно послѣднія и въ самомъ дѣлѣ вмѣнили себѣ въ обязанность сдѣлать этого рода промыселъ почтеннымъ въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Надо думать, что не о поддержкѣ же китайцами такого рода свободы жанщины хотѣлъ говорить почтенный профессоръ?!

«Ко всѣмъ иностранцамъ относятся одинаково...»

Но какъ? совершенно одинаково ихъ презирая... Да, наконецъ, подданные китайскаго императора какіе же «иностранцы» для китайскихъ чиновниковъ? Въ томъ-то и разгадка той ненависти, которую питаютъ къ китайцамъ безразлично всѣ инородцы, игрою судьбы поставленные въ необходимость сносить иго послѣднихъ, что для нихъ они, дѣйствительно, только иностранцы, и притомъ иностранцы, которыхъ есть полная возможность эксплоатировать безъ конца, безстыдно и безпощадно!

Въ Небесной имперіи не существовало, не существуетъ и, вѣроятно, никогда не будетъ существовать либеральнаго управленія, ибо деспотизмъ уже въ характерѣ самого народа; деспотизмъ самый непреклонный и въ семьѣ, и въ управленіи, и рѣшительно во всемъ строѣ ихъ государственной жизни! Развѣ существуютъ люди въ Китаѣ въ томъ, разумѣется, смыслѣ, какъ ихъ понимаютъ въ Европѣ? Развѣ не должны они одѣваться, жить, даже кланяться, ѣсть, пить, спать и думать такъ, какъ это уже разъ навсегда имъ было опредѣлено? Гдѣ, въ какой иной странѣ или государствѣ, обезличеніе народа могло зайти такъ далеко? Китай!?... Да, это вотъ что такое: это громадная страна манекеновъ, гдѣ передъ вами будутъ падать ницъ, когда это будетъ почему-либо приказано свыше, или поносить васъ, если въ движеніе приведутъ другую веревочку; говорю все это по опыту, потому что сами мы все это на себѣ испытали, рѣзко, разительно!

Единственно, чего центральное управленіе не въ силахъ заставить сдѣлать народъ, это — броситься на штыки... Но и само оно никогда не бросится на штыки, потому что оно есть кость отъ кости и плоть отъ плоти народной. Не даромъ же одинъ китайскій мудрецъ сказалъ, а за нимъ весь его народъ повторяетъ: «изъ хорошаго желѣза не куютъ гвоздей, изъ хорошихъ людей не дѣлаютъ воиновъ!»

Китайцы всегда проводятъ рѣзкую грань между собой и побѣжденнымъ народомъ, а это не только мѣшаетъ всегда обоюдному ихъ сліянію, но и усиливаетъ въ значительной степени антагонизмъ между ними. Гдѣ же тутъ думать о безразличномъ отношеніи китайскихъ властей ко всѣмъ членамъ этой громадной, но и слабо сплоченной семьи, составляющей такъ называемое «великое непорочное государство»—Дай-цинь-гурунь?

«Китайцы ни въ чемъ не измѣнили того устройства администраціи и суда, которое застали въ странѣ»...

Но пусть же на это отвѣчаютъ сами китайцы.

«До вступленія въ подданство Китайской державы [1]), пишутъ они, въ первый день новаго года, по окончаніи молитвы, ахуны судили о добродѣтеляхъ и порокахъ хакимъ-бека; если находили его добродѣтельнымъ, то оставляли, а если открывали какія противозаконныя дѣла, то ахуны съ народомъ отмѣняли его и предавали смерти» [2]).

То ли видимъ мы въ настоящее время? Въ какомъ же изъ городовъ Восточнаго Туркестана можно найти еще и теперь ставленниковъ народа, отдающихъ послѣднему отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ? И не являются ли злой насмѣшкой надъ сѣдой стариной всѣ эти современныя намъ туземныя власти — жалкая креатура китайскихъ администраторовъ?

Для того, чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, достаточно привести относящіяся къ нимъ слова одного китайскаго писателя прошлаго вѣка: «они знаютъ соблюдать только свои личныя выгоды, но не знаютъ бѣдности своихъ подчиненныхъ: обижаютъ низшихъ, угнетаютъ слабыхъ» [3]), и, добавимъ мы отъ себя, преклоняются передъ высшими, съ затаенною завистью посматривая въ то же время на тѣхъ, кого почему-нибудь считаютъ богатыми.

Это—одновременно и краткая, и общая характеристика всѣхъ вообще представителей высшей туземной администраціи въ Восточномъ Туркестанѣ и ей вполнѣ отвѣчаютъ какъ высшія, такъ и низшія власти въ Турфанской области.

Во главѣ послѣднихъ находится въ настоящее время ванъ, т.-е. князь, Магометъ-Султанъ, человѣкъ еще молодой, но уже въ высшей степени негодяй. Происхожденіе его темное. Говорятъ, что онъ незаконный сынъ Апридынъ-вана, со смертью котораго, собственно говоря, и должна была прекратиться династія князей, правившихъ Турфаномъ непрерывно въ теченіе 160 лѣтъ. Вотъ почему родные Апридынъ-вана и уговорили вдову послѣдняго усыновить Султанъ-Магомета. Главными его воспитателями были китайцы. Въ чемъ выразилось вліяніе ихъ на характеръ молодого князя, сказать, безъ сомнѣнія, трудно, но въ настоящее время это не болѣе, какъ развратный до мозга костей тунеядецъ. Управленіе своимъ удѣломъ онъ всецѣло поручилъ нѣкоторымъ изъ окружающихъ его лицъ, самъ же отдался самому необузданному разврату. Оргіи свои онъ справляетъ поочередно въ домахъ своихъ соправителей, гдѣ къ его услугамъ является все: вино, опіумъ, женщины, карты... Отуманенный винными парами, онъ иногда приказываетъ хватать съ улицы молодыхъ дѣвушекъ, чуть не дѣтей, и, опозоривъ, отпускаетъ назадъ. Всѣ жалобы на него китайскимъ властямъ, какъ и слѣдовало ожидать, заминались; не даромъ же въ Китаѣ существуетъ пословица: «безъ денегъ не ходи въ судъ!» [1]). Но весь этотъ разгулъ, безъ сомнѣнія, поглощаетъ громадныя суммы; не мало расходится ихъ и по широкимъ карманамъ его прихвостней и китайскихъ чиновниковъ, которымъ рѣшительно нѣтъ никакого расчета прекращать его безобразія. Что же, въ такомъ случаѣ, удивительнаго въ томъ, что его громаднаго содержанія [2]) ему не хватаетъ и что онъ очень часто вынужденъ прибѣгать къ услугамъ ростовщиковъ? Говорятъ, что долги его настолько значительны, что встрѣчаются иногда затрудненія выплачивать по нимъ даже текущій процентъ. И нельзя этому не повѣрить, если принять во вниманіе то вліяніе, какое ростовщики пріобрѣли съ нѣкоторыхъ поръ на дѣла по управленію княжествомъ. Въ качествѣ иллюстраціи сообщу нижеслѣдующій фактъ:

---

[1]) Послѣ паденія Джунгарскаго царства (1756).

[2]) Іакинфъ «Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 199.

[3]) Іакинфъ ib., стр. 235.

Въ 1889 году ванъ долженъ былъ выѣхать въ Пекинъ. Такія поѣздки сопряжены всегда съ значительными расходами какъ путевыми, такъ и на взятки дворцовымъ чиновникамъ. Между тѣмъ казна вана, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась совершенно

---

[1]) Іакинфъ, «Китай», etc., стр. 386.

[2]) Ванъ получаетъ въ годъ:

жалованья	1.200	лановъ	
податныхъ.	2.800	»	(съ 350 семействъ по 8 лановъ; семьи эти живутъ разбросанно по оазисамъ: Янъ-булакъ Лукчунъ, Ханду и др.).
дохода съ земель	500	»	
итого	4.500	лановъ, или 9.000 руб. металлич.	

Кромѣ того, на содержаніе старшей жены—1.200 лановъ и ей же «на румяна» 50 лановъ въ годъ.

пустой. Все, что на этотъ разъ рѣшились удѣлить сообща ростовщики Лукчуна и Турфана, не хватало и на половину пути. И вотъ, уже скрѣпя сердце, рѣшено было прибѣгнуть къ новымъ налогамъ на населенiе. Но налоги эти взимались до такой степени безсмысленно и безпощадно, что вызвали не одно кровавое столкновенiе между населенiемъ и приближенными вана. Выведенные изъ терпѣнiя кара-ходжинцы и астынцы рѣшились, наконецъ, послать коллективную жалобу въ Пекинъ; но на бѣду ихъ не нашлось человѣка, который взялся бы написать ее съ соблюденiемъ всѣхъ нужныхъ формальностей. Тогда кара-ходжинцы приняли такое рѣшенiе. Въ десяткахъ экземпляровъ изготовили они громадное объявленiе, въ которомъ выписаны были всѣ преступленiя вана, и однажды ночью расклеили его по городамъ и селенiямъ цѣлой области. Эффектъ этихъ объявленiй былъ чрезвычайный. Приближенные вана бросились было ихъ срывать, но населенiе воспротивилось; тогда Султанъ-Магометъ лично отправился въ Гуань-ань-чень [1]), но и тамъ на первыхъ порахъ его встрѣтили злыми насмѣшками, и только уже на четвертый день, да и то за громадную сумму, ему удалось, наконецъ, купить себѣ право сорвать эти позорящiе его имя листки.

Тѣмъ временемъ и главные зачинщики всего этого переполоха были розысканы — ихъ выдалъ какой-то китаецъ, къ которому четверо кара-ходжинцевъ обращались было съ предложенiемъ написать прошенiе богдохану. Султанъ-Магометъ, горя жаждой мести, рѣшился было тотчасъ же расправиться съ ними, но дунганскiе ростовщики наложили свое veto на это рѣшенiе. Они потребовали или освобожденiя заключенныхъ или немедленной уплаты по просроченнымъ векселямъ. Разумѣется, дунгане дѣйствовали не изъ чувства человѣколюбiя, но изъ прямаго расчета. Они видѣли возбужденiе народа, чувствовали надвигавшiйся ураганъ, и такъ какъ имъ лично онъ ничего хорошаго не сулилъ, то и сдѣлали все, чтобы не дать ему разразиться. Каковы бы, однако, ни были побудительныя причины ростовщиковъ, все же, благодаря энергичному ихъ вмѣшательству, дѣло кара-ходжинцевъ приняло вскорѣ весьма благопрiятный для нихъ оборотъ: двое были тотчасъ же освобождены безъ всякихъ условiй, двое другихъ ждали подобнаго же освобожденiя.

Всѣ высшiя административныя должности въ княжествѣ распредѣлены или между таджiями, т. е. болѣе или менѣе близкими родственниками лукчунскаго князя, или между людьми «бѣлой кости» (акъ-суӧкъ). Но и тѣ, и другіе во всякомъ случаѣ подобраны съ такимъ мастерствомъ, что трудно опасаться, чтобы который-нибудь изъ нихъ запѣлъ въ диссонансъ съ остальными.

---

[1]) Т. е. китайскiй Турфанъ.

Все турфанское приставство [1]) раздѣлено на шесть участковъ, ввѣренныхъ управленію шестерыхъ таджи: трое изъ нихъ живутъ въ Лукчунѣ, одинъ — Асудулла-бекъ, пользующійся наилучшей репутаціей, въ Турфанѣ и двое остальныхъ въ Токсунѣ. Жалованья они не получаютъ, зато и не платятъ никакихъ податей и повинностей, что́ не маловажно, такъ какъ всѣ они одновременно и крупные собственники.

Численность населенія въ этихъ шести участкахъ опредѣляли мнѣ такъ:

въ трехъ восточныхъ участкахъ—6.810 семействъ по слѣдующему расчету:

въ Лукчунѣ, его предмѣстьяхъ и Янъ-булакѣ	1.750	семействъ.
» Пичанѣ, Шуга (Ланге) и Икиришты (Ёргунъ).	1.000	»
» Хан̈ду	700	»
» Лемджинѣ	350	»
» Су-баши	50	»
» Сынгимѣ	450	»
» Туӧкѣ	450	»
» Кара-ходжа, Кара-ходжа-карысь	750	»
» Астынѣ, Ауатѣ	550	»
» Мултукѣ	225	»
» Янхэ	450	»
» Чиктымѣ и окрестностяхъ	35	»
» мелкихъ поселкахъ (Кокъ-ярѣ, Утынъ-аузы и др.) около	50	»
	6.810	

въ турфанскомъ участкѣ (между Юванъ-тура и Юванъ-терекъ) 3.000 семействъ по слѣдующему расчету:

въ селеніяхъ (Бауръ, Турфанъ-карысь, Кошъ-карысь, Чиль-булакъ, Чаткалъ и др.). до	2.000	семействъ.
» Турфанѣ [2])	1.000	»
	3.000	

---

[1]) Такъ переводитъ Матусовскій («Географическое обозрѣніе Китайской имперіи», 1888 г., стр. 19) китайское «тинъ».

[2]) Турфанъ не подчиненъ таджи Асудулла-беку. Онъ управляется китайскимъ чиновникомъ, въ помощь коему назначается миршабъ изъ туземцевъ.

въ двухъ западныхъ участкахъ — 2.100, изъ коихъ въ Токсунѣ 750 [1]).

Всего же во всемъ приставствѣ 11.910, семействъ, изъ коихъ главную массу составляютъ туземцы (11.300 дворовъ); дунганъ насчитываютъ здѣсь около 550 семействъ, китайцевъ около 25 (Лемджинъ, Ханду и др.) и выходцевъ изъ Хами и другихъ городовъ не болѣе 30—35 сем. Всѣ эти три послѣднія категоріи поселенцевъ не подчинены таджи и управляются своими выборными старшинами, обязанными отчетомъ передъ амбанемъ (тинъ-тунъ-чжи) Турфана.

Каждый участокъ распадается на волости (дорга), волости на старшинства (аксакалъ). Распредѣленіемъ карысной воды завѣдуютъ миршабы; въ небольшихъ же общинахъ часто случается что обѣ послѣднія обязанности: аксакала и миршаба, возлагаются на одно и то же лицо. Дѣлается это въ видахъ облегченія населенія, обязаннаго своему аксакалу отвести земельный участокъ, половина урожая котораго и служитъ вознагражденіемъ за трудъ сказанному лицу; миршабъ тоже даромъ не служитъ и получаетъ свою долю зерна съ подобнаго же участка земли; ясное дѣло, что гдѣ воды мало, тамъ такая щедрая дача земель была бы дѣломъ далеко не посильнымъ для мѣстнаго населенія.

Высшая духовная власть сосредоточена въ рукахъ алямъ-ахуна, назначаемаго Турфанскимъ амбанемъ. Во время нашего посѣщенія Турфана должность эта оставалась вакантной, такъ какъ Богры-алямъ-ахунъ, занимавшій ее еще мѣсяца три тому назадъ, былъ смѣщенъ за свое постоянное вмѣшательство въ пользу туземнаго населенія. Особенно ненавистенъ онъ вану и соправителямъ, которыхъ не переставалъ и послѣ постигшей его отставки публично уличать во всевозможныхъ проступкахъ и беззаконіяхъ.

Взамѣнъ содержанія, алямъ-ахуну положенъ доходъ съ 300 мо общественной земли. Кромѣ того онъ получаетъ отъ 5 ценовъ до лана за каждое приложеніе «мюра», т. е. печати, къ такимъ актамъ, какъ запродажная запись, духовное завѣщаніе и т. д.; а также болѣе или менѣе крупное вознагражденіе за прочтеніе свадебныхъ молитвъ и сундетъ; за похороны же денегъ обыкновенно не платятъ, но передаютъ всю одежду покойнаго; такъ какъ алямъ-ахунъ приглашается на похороны только именитыхъ людей, то доходъ этотъ по всей справедливости считается однимъ изъ самыхъ значительныхъ [1]).

---

[1]) Бель (Bell) число жителей въ Токсунѣ опредѣляетъ меньшей цифрой, а именно—онъ считаетъ, что населеніе этого городка состоитъ изъ 400 сем. турфанцевъ, 200 сем. дунгановъ и 15 сем. китайцевъ («Сборникъ географ., etc., матерьяловъ по Азіи», 1890, вып. XLII). Впрочемъ, можетъ быть, онъ не принимаетъ въ расчетъ населенія подгородныхъ деревень?

Помощниками алямъ-ахуна являются муфти-ахунъ, раисъ-ахунъ и казіи. Ни доходовъ съ общественныхъ земель, ни казеннаго содержанія они не получаютъ, а довольствуются вознагражденіемъ за духовныя требы и рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ.

«Люди съ лихостью, а Богъ съ милостью!»

Такъ думаютъ и турфанцы и въ ожиданіи лучшихъ минутъ коротаютъ свободные отъ работы часы въ пляскахъ и играхъ и съ веселою пѣсней:

Ай чекканда—айне курдым
Кунь чекканда—паренэ!..
Ай-де стен, иль-де таптым,
Баръ ашендак яренэ!

Луна взошла, ее увидалъ,
Солнце взошло—лучи увидалъ!
Тебя же, моя раскрасавица,
Мѣсяцъ думалъ искать, а только въ годъ нашелъ!

расходятся по домамъ... [2]).

---

[1]) Алямъ-ахунъ вмѣстѣ съ тѣмъ и главный преподаватель въ медрессе, которое одно (Лукчунъ) на все приставство.

[2]) Кромѣ вышеприведенныхъ пѣсенъ и біитовъ мнѣ удалось записать еще нижеслѣдующія три:

Тагдан чушкен ла су... Сузюп ишкен öрбамо?	Съ горъ бѣжитъ грязный потокъ... Найдется-ли человѣкъ, который пожелалъ-бы его водой утолить свою жажду?
Кыз башига кюн чушты Абкаш-келе öрбамо?	Такъ и я горемычная— Найдется-ли человѣкъ, который не погнушался бы жениться на мнѣ?
* * *	* * *
Тагдан чушкен іеты атлык, Іеты оляла боз-атлык... Іеты ляным арасыда Менем іерым сумбатлык!	Съ горъ спустилось семь вершниковъ, Всѣ семеро на бѣлыхъ коняхъ... А и между всѣми семью Самый красивый мой суженый!
Бах, бах, еткен бабыртаг...	Полощется въ пескѣ бабыртагъ (Syrrh. paradoxus)...
Бараинды сем іол ирак, Ирак-текэ туканден... Янда хошнын якширак.	Знать, собирается въ путь-дороженьку, На свою-ли далекую родину... Собирается не одинъ, со други-товарищи
Айдак джамалык Куӧротка салып каиб Недȧ хіалым	Красивѣйшая изъ красавицъ! Какъ огонь по тебѣ мое сердце горитъ! Неужели это еще не ясно тебѣ?

ГЛАВА XVII.

Три недѣли въ горахъ Чолъ-тагъ.

Вотъ какъ разсказываетъ мой братъ свою экскурсію въ горы Чолъ-тагъ.

На пути въ Дга [1]) мы случайно попали на свадьбу. Въ одномъ изъ попутныхъ карысей (такъ называются здѣсь отдѣльные хутора) мы застали празднично разодѣтую толпу, нѣсколько арбъ и множество верховыхъ животныхъ. Съѣздъ этотъ обозначалъ, конечно, какое-нибудь необыкновенное событіе, и намъ тотчасъже объяснили, что дѣйствительно, хозяинъ карыся празднуетъ свадьбу своей дочери. Мы уже собирались было продолжать нашъ путь далѣе, какъ вдругъ насъ обступила толпа, настоятельно просившая насъ своимъ присутствіемъ осчастливить ихъ праздникъ. Дѣлать было нечего—пришлось спѣшиться и вмѣшаться въ толпу. Такъ какъ было тепло, то угощеніе выставлено было на открытомъ воздухѣ. Тутъ же помѣщались и музыканты — балалайка (дутаръ) и бубенъ (дапъ). Когда насъ усадили на почетномъ мѣстѣ и придвинули къ намъ всевозможныя яства, изъ толпы выступила молодая женщина, прекрасно исполнившая нѣсколько пѣсенъ подъ аккомпаниментъ инструментовъ и при поддержкѣ хора, составившагося изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ всей толпы. Пѣніе это продолжалось довольно долго. Наконецъ, репертуаръ пѣвицы былъ, очевидно, исчерпанъ: она взяла подносъ, накрыла его платкомъ и пошла обходить съ нимъ всѣхъ присутствующихъ. Когда очередь дошла до меня, я вынулъ и положилъ на него кусокъ серебра, вѣсомъ въ 5 ценовъ. Это произвело сенсацію, чѣмъ я и поспѣшилъ воспользоваться, чтобы распроститься съ радушными хозяевами.

---

[1]) См. выше, стр. 293.

Въ Дга меня уже ждали. Небольшая комнатка, примыкавшая къ мечети и служившая уже однажды пріютомъ моему брату, была чисто прибрана и устлана кошмами. Толпа, высыпавшая намъ на встрѣчу, помогла намъ внести сюда наши вещи и устроиться въ ней съ возможнымъ комфортомъ. Явился и дастарханъ: дыни, изюмъ, сдобныя лепешки и чай. Мы спросили о проводникѣ. Тогда изъ толпы выступилъ высокій, опрятно одѣтый мужчина и представился: «Рахметъ-ула, къ вашимъ услугамъ!»

Рахметъ-ула — сухощавый брюнетъ, лѣтъ 45, славился какъ первый охотникъ въ округѣ. Продолговатое, съ слабо-развитыми скулами лицо его, съ тонкимъ, немного горбатымъ носомъ, красиво очерченными губами и небольшими ушами, носило печать мужества и благородства. Происхожденіемъ онъ былъ не турфанецъ. Предки его были выходцами изъ-за Лобъ-нора, а самъ онъ нѣкоторое время аксакальствовалъ въ одномъ изъ селеній Сынгима [1]), гдѣ и до сихъ поръ еще продолжалъ жить его братъ.

Такъ какъ цѣль моей поѣздки въ горы Чолъ-тагъ я могъ объяснить не иначе, какъ желаніемъ поохотиться на дикихъ верблюдовъ, то очевидно, что при обсужденіи маршрута предстоящаго путешествія были приняты въ расчетъ преимущественно тѣ мѣстности, гдѣ имѣли обыкновеніе держаться эти животныя. Мнѣ называли различныя урочища, многіе спорили о выгодахъ того или иного пути, но, наконецъ, на чемъ-то всѣ сообща согласились, и Рахметъ-ула объявилъ мнѣ, что наша поѣздка можетъ продолжиться дней 10 либо 12. Въ зависимости отъ этого былъ назначенъ и гонораръ: 5 серовъ за проводы и по 10 серовъ за каждаго убитаго верблюда. Слѣдующій вопросъ, который предстояло намъ обсудить, возбудилъ еще болѣе споровъ. Расчитавъ общій вѣсъ жизненныхъ припасовъ, фуража и запасной воды, которую намъ предстояло захватить съ собой изъ селенія, мы рѣшили, въ подмогу нашимъ вьючнымъ животнымъ, нанять одного или двухъ ишаковъ; но въ этомъ-то и встрѣтилось затрудненіе: никто не хотѣлъ отдавать своего ишака изъ боязни, конечно, его совсѣмъ потерять. Намъ, нашей добросовѣстности, очевидно, не довѣряли: опасались, что мы, облегчая своихъ животныхъ, станемъ перегружать наемнаго ишака и тѣмъ надорвемъ его силы... Тогда мы предложили продать намъ ишака съ тѣмъ условіемъ, что если онъ вернется обратно здравъ и невредимъ, то деньги, уплаченныя за него, намъ будутъ возвращены, за вычетомъ, разумѣется, тѣхъ тридцати тенегъ [1]), которыя, по уговору, слѣдуютъ за двухъ-недѣльное его пользованіе. На такую комбинацію согласились.

---

[1]) Ур. Сынгимъ не то же ли самое, что Сангыръ Пѣвцова?

Этотъ день мы закончили обычнымъ въ Турфанѣ порядкомъ: явились музыканты, нашлись солисты; болѣе состоятельные или тароватые нанесли дынь, и началось настоящее гульбище. Въ свою очередь я угощалъ чаемъ и сахаромъ, а затѣмъ спѣлъ нѣсколько пѣсенъ подъ аккомпаниментъ небольшой гармоники, которая случайно оказалась при насъ. Пѣніе слушали со вниманіемъ, при чемъ съ крайнимъ любопытствомъ слѣдили за движеніемъ моихъ пальцевъ по клавишамъ совершенно имъ незнакомаго инструмента. Разошлись по домамъ только во второмъ часу ночи; а когда мы ложились, Комаровъ выразилъ общее резюме вынесенныхъ имъ изъ сегоднешняго дня впечатлѣній въ такихъ выраженіяхъ: «Славный народъ эти турфанцы! Съ ними такъ-же легко ладить, какъ съ киргизами у насъ, въ Семирѣчьи. Куда китайцамъ до нихъ...»

Въ Дга мы дневали. Задержка случилась совсѣмъ непредвидѣнная. Въ одной изъ ведерныхъ жестянокъ, предназначенныхъ для запасной воды, оказалась сильная течь... Какъ быть? Съ этимъ вопросомъ пришлось обратиться къ собравшимся провожать насъ нашимъ новымъ пріятелямъ.

— У насъ есть здѣсь мастеръ (уста)... Оружейникъ! Онъ вамъ это живо исправитъ...

Это былъ счастливый выходъ изъ затрудненія. Оружейникъ явился, и хотя онъ, дѣйствительно, оказался мастеромъ своего дѣла [2]), но съ нашей жестянкой все же провозился до десяти часовъ слѣдующаго утра.

Для того, чтобы убить какъ-нибудь время, я отправился въ гости къ Рахмету.

Домикъ его, какъ и всѣ почти постройки въ Дга, снаружи не былъ оштукатуренъ. Дворъ былъ небольшой и приходился среди цѣлаго ряда пристроекъ, составлявшихъ его естественную ограду. Пріотворивъ дверь, я очутился въ небольшой горницѣ, въ родѣ передней, откуда другая дверь вела уже въ жилое помѣщеніе, обширную, но неособенно высокую комнату, двѣ трети которой занималъ невысокій канжинъ. Онъ былъ устланъ цыновкой и войлокомъ. Вдоль лѣвой его стѣны стояли кованные сундуки и ларцы [1]) съ хозяйскимъ добромъ, а поверхъ ихъ сложены были подушки и одѣяла. Это была чистая часть комнаты; остальное же помѣщеніе отведено было подъ кухню: здѣсь находилась домашняя утварь, горлачъ (кӧза) съ водой и дрова. Въ стѣнѣ справа былъ сдѣланъ каминъ, а напротивъ вбиты колышки, на которыхъ висѣло носильное платье. Наконецъ, по всѣмъ стѣнамъ имѣлись ниши, служившія для складыванія всевозможной мелочи и посуды. Комната освѣщалась сверху, при помощи задвижнаго окна; но кромѣ того здѣсь имѣлось и другое окно, продѣланное въ стѣнѣ, противоположной двери, и заклеенное бумагой.

---

[1]) Туземная монета, ходящая по всему Восточному Туркестану и приравниваемая къ 5 фынамъ, т. е., на наши деньги, къ 10 копѣйкамъ.

[2]) Стволъ его работы, видѣнный мною, имѣлъ около 20 вершковъ длины и, при 5-линейномъ діаметрѣ, былъ очень хорошо высверленъ.

Рахмета не было дома; онъ только что отлучился куда-то. Но я былъ принятъ его женой, которая тотчасъ же и пригласила меня занять мѣсто на канжинѣ. Пока она распоряжалась посылкой за мужемъ и сборомъ дастархана, я осмотрѣлся кругомъ, при чемъ вниманіе мое привлекъ хлопокъ почти желтаго цвѣта, который, не очищенный еще отъ коробочекъ и сѣмянъ, цѣлой горой лежалъ вдоль одной изъ стѣнъ помѣщенія. Оказалось, что это былъ худшій сортъ воздѣлываемаго въ Турфанѣ хлопка, шедшій при пряжѣ въ основу ткани или же на подвачиванье одѣялъ и теплаго носильнаго платья. Кстати замѣчу, что хлопокъ въ Дга высѣвается сравнительно въ большомъ количествѣ и что поселокъ этотъ славится выдѣлкой очень тонкой и прочной маты (тӧрт-багъ).

Рахметъ принесъ съ собой дыни. Сѣмена лучшей изъ нихъ рѣшено было сохранить для посѣва, при чемъ поступлено было такъ: обернувъ сердцевину сѣменами внутрь и распластавъ ее на ладони, её однимъ взмахомъ прилѣпили къ стѣнѣ; сѣмена остались при этомъ снаружи и, какъ мнѣ объяснили, присохнувъ къ мякоти, будутъ храниться такъ до весны.

Отъ шурпы, т. е. мясного супа, я отказался и, выпивъ чашку очень хорошаго молока, распрощался съ гостепріимнымъ хозяиномъ.

Въ 12-мъ часу 20-го октября мы, наконецъ, покинули Дга. Нашъ караванъ состоялъ изъ пяти человѣкъ, пяти лошадей, верблюда и двухъ ишаковъ, на одномъ изъ коихъ ѣхалъ сынъ Рахмета-улы. Запасы состояли изъ пуда баранины, 50 лепешекъ, 6 крю кунака, 30 дынь и 90 фунтовъ воды.

---

[1]) Какъ и вездѣ въ Восточномъ Туркестанѣ, сундуки эти были происхожденіемъ изъ Россіи.

Изъ Дга ведутъ три дороги въ горы Чолъ-тагъ: восточная, черезъ перевалъ Ташъ-уа (каменный знакъ) на ключъ Палуанъ-булакъ (Охотничій ключъ), западная, черезъ тѣснину Урульша-аузе на ключъ Ильтырганъ 1), и средняя, по которой мы и направились, на тотъ же ключъ Ильтырганъ, черезъ ущелье Ильтырганъ или Ильтыргучъ-аузе.

Едва мы вышли изъ Дга, какъ очутились въ совершенно безплодной, полого подымавшейся къ горамъ Чолъ-тагъ, пустынѣ, рыхлая глинисто-песчаная почва которой усыпана была галькой и мѣстами покрыта была выцвѣтами соли. Нога уходила по щиколотку, но слѣда почти не оставляла, чему причиной являлась крайняя сухость почвы: слѣдъ затягивался мелкоземомъ, ссыпавшимся съ его краевъ.

Въ трехъ верстахъ отъ селенія мы пересѣкли широкое и глубокое русло былой рѣки, выносившей нѣкогда воды съ нагорья Чолъ-тагъ въ котловину Асса. О ней уже говорилось выше неоднократно, а потому здѣсь мы ограничимся указаніемъ, что далеко-видимое направленіе его оказалось юго-восточнымъ и что на днѣ его, такъ-же какъ и близъ Асса-шара, были ясно намѣчены слѣды водяныхъ струй. Послѣдній фактъ крайне интересенъ. Очевидно, что если не ежегодно, то временами здѣсь все еще продолжаютъ течь снѣговыя воды, стекающія съ какихъ-нибудь большихъ высотъ Чолъ-таг'скаго нагорья, подымающихся гдѣ-нибудь не вдалекѣ отъ Лукчунской котловины 2).

За описаннымъ русломъ общій характеръ мѣстности не измѣнился; только уже въ непосредственной близости отъ Ильтырганъ-аузе я замѣтилъ въ сторонѣ отъ дороги первые выходы коренныхъ породъ, издали казавшіеся ярко-красными, желтыми, бѣлыми и зелеными мазками на общемъ сѣромъ фонѣ пустыни. Это были выходы кварца, кремня, сердолика, роговика и глинистаго

---

1) Ильтырганъ, ильтыргучъ, у илійскихъ таранчей — ельтерганъ, вѣроятно, испорченное монгольское слово «зультур-гунъ»—названіе растенія, произростающаго на солонцахъ, очень любимаго верблюдами и у киргизъ извѣстнаго подъ названіемъ «изанъ». Намъ не удалось узнать его ботаническаго названія.

2) Выше (см. стр. 313) уже упоминалось о томъ, что брату съ одного изъ Чоглу-чайскихъ пригорковъ удалось увидать на югѣ значительной высоты горы. Равнымъ образомъ и мнѣ, при моемъ движеніи на югъ, къ горамъ Тюге-тау, приходилось неоднократно пересѣкать долины, имѣвшія наклонъ къ западу, что, въ свою очередь, указываетъ на существованіе общаго поднятія нагорья восточнѣе меридіана Пичана.

сланца, распавшіеся снаружи въ дресву. Пройдя версты три среди этихъ, мелькавшихъ то справа, то слѣва, обнаженій, мы спустились, наконецъ, въ русло водостока--устье Ильтырганскаго ущелья, общее направленіе котораго было съ юга на сѣверъ. Первыя гривки, встрѣченныя нами на этомъ пути, слагались изъ глинистаго сланца, но затѣмъ его смѣнилъ песчаникъ, который то выступалъ отвѣсными стѣнами, то пологими, мягкими склонами падалъ въ ущелье, имѣвшее здѣсь мало-замѣтный подъемъ. Это было печальное ущелье, въ которомъ ничего, кромѣ песка и сѣроватаго или желтоватаго камня, не было видно... Однообразіе въ смѣнѣ однѣхъ скалъ другими стало надоѣдать, къ тому же подулъ встрѣчный вѣтеръ, въ воздухѣ засвѣжѣло, аппетитъ разгорался, и мы съ нетерпѣніемъ стали всматриваться впередъ, ища мѣста гдѣ-бы остановиться. Но такихъ мѣстъ не оказывалось... Наконецъ, когда совершенно стемнѣло, и сонъ и усталость стали одолѣвать, мы какъ-то сразу рѣшили остановиться на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ то мгновеніе находились. Но что это была за грустная стоянка! Не смотря на усиленные поиски, мы не смогли найти матерьяла для топлива и легли спать безъ чая и теплаго ужина; лошади наши также получили мизерную дачу, такъ какъ сытнѣе кормить ихъ, при отсутствіи воды, было опасно... Къ счастью, хотя и было холодно, но заправскіе морозы еще не наступили, и мы, укрывшись кошмами, смогли заснуть, согрѣтые собственной теплотой.

Проснулись, впрочемъ, до свѣта и, закусивъ кускомъ лепешки и ломтикомъ дыни, тронулись дальше. Вскорѣ, а именно, на 36-й верстѣ отъ Дга, мы поровнялись съ песчанымъ бугромъ, когда-то поросшимъ тамариксомъ; нынѣ послѣдній уже уничтоженъ, благодаря порубкамъ, производившимся здѣсь охотниками на верблюдовъ. Безводное урочище это носитъ названіе «Ходжа-юлгунъ» (юлгунъ— Tamarix).

Выше урочища Ходжа-юлгунъ ущелье раздвинулось; песчаникъ смѣнился видоизмѣненными плотными глинами, въ одномъ мѣстѣ выступилъ даже слоистый гранитъ, а затѣмъ, еще дальше на югъ, стали попадаться кварцитовыя обнаженія. Но всѣ сказанныя породы уже не представляли сплошныхъ поверхностей; наоборотъ, онѣ выступали только спорадически, все же остальное пространство между ними заполнено было различными продуктами разрушенія этихъ породъ. Одновременно горы принимали все болѣе и болѣе мягкія очертанія, а относительная ихъ высота уменьшалась; наконецъ, дорога вышла изъ ущелья, и мы очутились на плоской вершинѣ хребта, только кое-гдѣ всхолмленной пригорками. Пробѣгая среди послѣднихъ, дорога круто взбѣжала на невысокій увалъ, который и оказался гребнемъ Чолътага. Абсолютная его высота въ этомъ мѣстѣ равнялась 2958 футамъ.

Характеръ мѣстности по обѣ стороны отъ перевала былъ совершенно различенъ. Тогда какъ къ сѣверу сбѣгалъ сай, все болѣе и болѣе стѣсняемый крутыми утесами, причемъ весь ландшафтъ имѣлъ дикій, горный характеръ и поражалъ своимъ крайнимъ безплодіемъ, на югъ открывался видъ на обширную солончаковую долину, казавшуюся теперь, при косыхъ лучахъ утренняго солнца, и отсюда, съ высоты перевала, зеркальною поверхностью обширнаго водоема, образованнаго тремя, сюда сходящимися, протоками: двумя съ востока и однимъ съ запада; иллюзію довершалъ чій, разросшійся по окраинамъ солонца. Противоположный склонъ этой долины, далеко уходившей на западо-сѣверозападъ, образованъ былъ невысокимъ уваломъ, за которымъ вставалъ цѣлый рядъ такихъ же невысокихъ кряжей, собиравшихся въ одинъ значительной высоты узелъ, скалистой массой подымавшійся верстахъ въ сорока къ западу отъ дороги.

Спускъ съ перевала былъ круче подъема, такъ что мы очень скоро добрались до солончака, на сѣверной окраинѣ котораго и находится урочище Ачикъ-су или Катаръ-холгунъ (2667 ф.), отмѣченное зарослями убогаго тамарикса, камыша и солянокъ, среди которыхъ перепархивали воробьи (Passer Stoliczkae, Hume) и камышевки (Calamophilus biarmicus sibiricus, Bp?) Вода оказалась здѣсь настолько горько-соленой и затхлой, что для питья не годилась. Впрочемъ, можетъ быть, при расчисткѣ крохотнаго резервуара, въ которомъ она скоплялась, она могла бы быть и болѣе пригодной для употребленія.

Обрадовавшись возможности согрѣть чайникъ и закусить, мы тотчасъ же принялись за работу — выламыванье изъ смерзшейся солончаковой глины толстыхъ корней гребенщика. Затѣмъ, давъ нашимъ животнымъ по небольшой порціи запасной воды и задавъ имъ кормъ, сами усѣлись за трапезу.

На ключѣ Ачикъ-су мы не расчитывали ночевать, а потому уже вскорѣ послѣ полудня тронулись въ дальнѣйшій путь.

Намъ пришлось идти поперекъ солонца, по отвратительной дорогѣ, представлявшей сплошной кочкарникъ. Мѣстами мы огибали солончаковыя топи, то, что киргизы называютъ «баптакъ», доказывающія какъ существованіе въ этой долинѣ множества ключей, такъ и то, что подпочвой долинѣ Катаръ-холгунъ служатъ водонепроницаемыя породы [1]), мѣстами же выбирались и на болѣе сухія площадки. Не смотря на сравнительную короткость его, мы крайне утомились переходомъ черезъ Катаръ-холгунскую долину и были несказанно обрадованы, когда, наконецъ, наша тропа стала огибать группу скалистыхъ холмовъ, представлявшихъ выходы кремнистаго сланца. Тутъ мы свернули въ устье Шальдранскаго ущелья, въ низовьяхъ своихъ представлявшаго солончакъ, подобный только что пройденному. Въ этомъ устьѣ мы снова нашли ярко-красные выходы сердолика, казавшіеся издали кровавымъ пятномъ на грязно-бѣломъ фонѣ солончака; а затѣмъ не могли не остановиться въ изумленіи передъ оригинальными порослями гребенщика. Мы увидали колоннаду или, точнѣе, ряды столообразныхъ возвышеній изъ мелкозема (песчаной пыли и глины), достигающихъ въ среднемъ саженной высоты и увѣнчанныхъ чахлыми и невысокими кустиками Tamarix'а; но насколько были ничтожны наружныя части этого кустарника, настолько же велики и массивны были его подземныя части: со всѣхъ сторонъ этихъ колоннъ торчали корни, иногда, въ обнаженныхъ участкахъ, при толщинѣ въ 2—3 вершка, имѣвшіе длину, равную, по крайней мѣрѣ, двумъ саженямъ. Существованіе этихъ колоннъ не легко себѣ объяснить, особенно въ виду невозможности происхожденіе ихъ отнести всецѣло къ процессу выдуванія... Урочище это носитъ названіе Шальдранъ. Здѣсь мы ночевали, давъ лошадямъ по нѣсколько глотковъ запасной воды и пустивъ ихъ спутанными въ камыши, росшіе по сосѣдству.

Ур. Шальдранъ мы покинули до разсвѣта и, пройдя по солончаковой ложбинѣ, имѣвшей трухлявую почву, нѣсколько болѣе полу-версты, вышли, наконецъ, на твердый, хрящеватый грунтъ пологаго склона окрайней съ юга гряды. Здѣсь нашу тропу пересѣкъ слѣдъ трехъ верблюдовъ, уходившій на западъ, по мнѣнію проводника—плохое предзнаменованіе, такъ какъ обыкновенно въ это время верблюды еще продолжаютъ держаться въ этихъ мѣстахъ. Оставалось надѣяться, что это—случайное передвиженіе нѣсколькихъ экземпляровъ, не имѣющее отношенія къ валовой перекочевкѣ верблюдовъ къ озеру Баграчъ-кулю, которая, по словамъ Рахмета, происходитъ только къ веснѣ.

---

[1]) По всѣмъ видимостямъ, подпочвой Катаръ-холгунскимъ солончакамъ служитъ кремнистый сланецъ.

Мѣстность, по которой мы теперь шли, выглядѣла крайне своеобразно; на громадномъ протяженіи виднѣлись здѣсь пятна различныхъ цвѣтовъ, точно какая-то исполинская кисть, обмокнутая поочередно въ различныя краски, капризно разгуливала по сѣрому полю пустыни. Это были выходы сердолика, кварца, гранита, кристаллическаго известняка, зеленаго филлита, слюдистаго и кремнистаго сланцевъ, до такой степени разрушенные съ поверхности, что для того, чтобы добраться до куска, годнаго въ коллекцію, приходилось нерѣдко сбрасывать дресвы вершка на два и болѣе. Съ каждымъ шагомъ впередъ страна принимала все болѣе и болѣе волнистый характеръ; вскорѣ появились гряды и отдѣльные холмы, сложенные преимущественно изъ слюдистаго сланца и вытянутые въ цѣпи западнаго простиранія, при чемъ долины между ними отличались такимъ-же безплодіемъ, какъ и самыя горы; развѣ гдѣ мелькнетъ солянка «лу-какъ» или кустикъ «джусы» (Artemisia sp.?)... Тропинки здѣсь не было, но Рахметъ-ула, лавируя въ этомъ мелкосопочникѣ, гдѣ одинъ холмъ былъ какъ другой, шелъ не оглядываясь и, повидимому, даже не соображая дороги, точно его вела впередъ какая-то невидимая рука. Это было нѣчто по истинѣ изумительное! Впослѣдствіи, однако, дѣло объяснилось очень просто. При своемъ движеніи впередъ Рахметъ-ула руководствовался особыми придорожными знаками—кое-гдѣ стоймя разставленнымъ щебнемъ; долженъ, однако, замѣтить, что разсмотрѣть такой камень издали очень трудно и по силамъ развѣ только человѣку, имѣющему при необыкновенной зоркости и большой навыкъ къ пустынѣ.

Съемку въ такой мѣстности вести очень трудно; поэтому я обратился къ проводнику съ просьбой указать мнѣ впереди, буде это, конечно, возможно, тотъ именно пунктъ, на который мы должны будемъ выйти. Рахметъ-ула оглянулся и, выбравъ холмикъ повыше, полѣзъ на него. Когда я, вслѣдъ за нимъ, взобрался туда же, то взору моему открылся съ него обширнѣйшій горизонтъ.

Казалось, что мы находились среди взволновавшагося, но вслѣдъ затѣмъ и окаменѣвшаго моря—такъ однообразно-ровны были возвышенности, уходившія на востокѣ и западѣ за край горизонта; къ сѣверу этотъ грядовой мелкосопочникъ тянулся верстъ на десять, къ югу верстъ на пять, послѣ чего его смѣняла полого-подымающаяся на югъ, но все-же нѣсколько взволнованная равнина, ограниченная съ востока и запада двумя сходящимися хребтами; между послѣдними, верстахъ въ 35 отъ нашего холмика, ясно намѣчался просвѣтъ—долина меридіанальнаго направленія, на которую и поспѣшилъ указать мнѣ Рахметъ, какъ на мѣсто нашей будущей остановки. Но этимъ картина общаго расположенія горъ и долинъ вовсе не ограничивалась. Далеко-далеко на югѣ, можетъ быть, отъ насъ въ ста верстахъ, виднѣлся громадный хребетъ, среди котораго особенно явственно выдавалась группа изъ четырехъ пиковъ. Это былъ Тюге-тау, съ которымъ намъ пришлось познакомиться скорѣе, чѣмъ я могъ это въ то время предполагать.

Пройдя отъ урочища Шальдрана верстъ тридцать, мы завидѣли у подножія одного изъ пригорковъ небольшую и еще зеленую лужайку, по которой спокойно разгуливали три антилопы-джерана (G. subgutturosa). Завидѣвъ насъ, онѣ, однако, метнулись въ сторону и черезъ мгновеніе скрылись.

На этой лужайкѣ рѣшено было сдѣлать привалъ. Въ ожиданіи завтрака, приготовлявшагося при помощи дровъ, захваченныхъ изъ Шальдрана, я отправился бродить по окрестностямъ. Здѣсь я видѣлъ норки мелкихъ грызуновъ и нашелъ уже мертвый и поломанный экземпляръ какой-то пимеліи.

Давъ лошадямъ немного воды и позавтракавъ, мы тронулись далѣе. Нѣкоторое еще время мы шли волнистой мѣстностью; затѣмъ, спустившись съ пологаго увала, очутились въ виду амфитеатромъ сходившихся горъ, не вдалекѣ отъ сухаго и глубокаго русла рѣки, которая, вырвавшись изъ ущелья широкимъ протокомъ (до 150 саж. шириной), омывала нѣкогда стѣснявшій ее съ запада скалистый массивъ и, принявъ затѣмъ сначала западное, а потомъ сѣверо-западное направленіе, терялась въ дали. Спустившись подъ яръ и подымаясь этимъ протокомъ, мы втянулись въ сквозное ущелье, которое оказалось очень короткимъ ¹) и вскорѣ вывело насъ на обширное плато или, точнѣе, широкую продольную долину юго-восточнаго простиранія. Здѣсь мы на первыхъ же порахъ натолкнулись на небольшую площадку, поросшую камышомъ (не смотря на позднее время, мѣстами еще зеленѣвшимъ), среди котораго въ берегахъ, бѣлыхъ отъ соли, протекалъ небольшой ручеекъ, который тутъ же и уходилъ въ землю. Вода въ немъ оказалась также соленой, а потому мы, не останавливая тутъ своего каравана, направились далѣе. Вскорѣ впереди, среди совершенно плоской рав-

---

¹) Его слагалъ мелкозернистый и сильно вывѣтрившійся гранитъ.

нины, мы завидѣли небольшое возвышенiе, поросшее тамариксомъ. Оно представляло невысокiе наметы песку и было отовсюду окружено частью солонцомъ съ трухлявой почвой («соръ»), частью солонцеватымъ кочкарникомъ. Это возвышенiе и было урочище Ильтырганъ (3970′).

Здѣсь заранѣе рѣшено было дневать: но, придя сюда и оглядѣвшись, Рахметъ-ула заявилъ, что дневать здѣсь не стоитъ, такъ какъ передъ нами тутъ жили охотники, которые, конечно, и распугали звѣрье. Но мы все же хотѣли попытать счастья, а потому я отдалъ приказъ устроиваться на дневку; пока же люди возились на бивуакѣ, я, про всякiй случай вскинувъ двустволку на плечи, направился къ сосѣднему песчаному бугру, съ котораго всего легче было зачертить окрестную мѣстность.

Вотъ, что я съ него увидалъ:

Ильтырганъ занималъ площадь едва-ли большую 3/4 кв. версты. Съ краевъ они густо поросли гребенщикомъ, къ серединѣ же урочища, гдѣ и были выкопаны колодцы [1]), кустарникъ замѣтно рѣдѣлъ и смѣнялся травянистой растительностью: камышомъ, солянками, ильтерганомъ и нѣкоторыми другими травами, которыя настолько ужь высохли, что не годились въ гербарiй. Оазисъ этотъ находился въ равнинѣ, которая отъ запада къ востоку имѣла верстъ восемь и на югѣ, тамъ, гдѣ кончался солонецъ и къ пескамъ примѣшивались щебень и галька, поросла рѣдкимъ кустарникомъ, который я принялъ за Atraphaxis. На югѣ возвышался хребетъ, который къ востоку виднѣлся верстъ на шесть. Тамъ онъ маскировался массовымъ поднятiемъ всей площади долины съ насаженными на нее невысокими холмиками и гривами Это же массовое поднятiе служило восточной окраиной описываемой равнины, которая въ эту сторону была затянута почти безплодными песками. Къ западу же послѣдняя не простиралась такъ далеко. Здѣсь, уже въ двухъ верстахъ отъ Ильтыргана, подымались горы, представлявшiя, какъ кажется, распавшiйся отрогъ хребта или горнаго узла, возвышающагося на параллели Шальдрана.

Урочище Ильтырганъ оказалось не столь безжизненными, какъ пройденныя нами до сихъ поръ мѣстности и урочища. Кромѣ розовыхъ воробьевъ (Passer Stoliczkae) и бѣгавшихъ по пескамъ пустынныхъ соекъ (Podoces Hendersoni), я замѣтилъ здѣсь въ сумеркахъ и другихъ пташекъ, которыхъ добыть для коллекціи мнѣ, однако, не удалось; изъ млекопитающихъ мы видѣли здѣсь зайцевъ (Lepus tolai) и во множествѣ лисицъ, которыя турфанцами почему-то мало преслѣдуются. Благодаря одной изъ нихъ, намъ довелось даже сегодня очень вкусно поужинать... Вотъ, какъ было дѣло.

---

[1]) Ихъ счетомъ было три. Они имѣли глубину свыше аршина. Вода въ нихъ была нѣсколько солоновата на вкусъ, а притокъ ея незначителенъ.

Въ то время какъ я осматривалъ окрестности Ильтыргана, я со своего бугра, шагахъ въ восьмидесяти, замѣтилъ лисицу, которая сначала рылась въ пескѣ, а затѣмъ какъ будто силилась вытащить изъ него нѣчто... Это меня сильно заинтриговало, но едва я сдѣлалъ въ ея сторону нѣсколько шаговъ, какъ она, испуганная шумомъ, уже бросилась со всѣхъ ногъ въ сторону; тогда я пошелъ посмотрѣть, надъ чѣмъ трудилась лиса. И представьте, читатель, мое изумленіе: я увидалъ торчащую изъ песковъ ногу джерана! Это былъ, безъ сомнѣнія, охотничій кладъ, состоявшій даже, какъ оказалось впослѣдствіи, изъ нѣсколькихъ тушъ, сложенныхъ, вѣроятно, очень недавно.

Когда я позвалъ своихъ спутниковъ, сынъ Рахмета, не говоря ни слова, вытащилъ ножъ и въ одно мгновеніе отсвѣжевалъ заднюю ногу одного изъ джерановъ. Я запротестовалъ...

— Э, таксыръ,—замѣтилъ тогда Рахметъ,—разъ лисица пронюхала кладъ, его уже не обережешь отъ нея. Все равно вернувшіеся охотники не найдутъ здѣсь ничего, кромѣ костей...

Тѣмъ не менѣе я настоялъ на томъ, чтобы закопать кладъ получше, но послужилъ-ли къ чему нибудь нашъ трудъ—не знаю.

Какъ и предвидѣлъ Рахметъ-ула, охота слѣдующаго дня была неудачной — мы всѣ вернулись съ пустыми руками. Зато чуть не случилось несчастье, которое въ лучшемъ случаѣ могло окончиться потерей дня и безполезнымъ изнуреніемъ лошадей. Когда я вернулся на бивуакъ, я не нашелъ нигдѣ верблюда. Я обѣжалъ весь оазисъ, излазилъ всѣ выдающіеся по своей высотѣ бугры, но нѣтъ— его не было! Очевидно, онъ убѣжалъ изъ оазиса... Я далъ нѣсколько тревожныхъ выстрѣловъ и бросился къ лошади... Я отыскалъ выходной слѣдъ верблюда —онъ шелъ на сѣверъ, къ Ильтырганскому ущелью, и мнѣ не оставалось ничего другого, какъ ѣхать туда же... Но въ это время я увидалъ виновника переполоха, который торжественно выступалъ вслѣдъ за Рахметомъ... Оказалось, что верблюдъ и Рахметъ повстрѣчались; первый тотчасъ же бросился на утекъ, но имѣлъ неосторожность наступить на свой поводъ и остановился, чѣмъ и воспользовался турфанецъ.

24 октября мы покинули Ильтырганъ. Пройдя описанной выше долиной верстъ шесть въ юго-юго-западномъ направленіи, мы достигли невысокой скалистой гряды, у подошвы которой, въ глубокой промоинѣ, протекалъ небольшой ключъ. Здѣсь мы замѣтили натянутую между двумя жердинками веревку съ навязанными на нее лоскутками. «Это нарочно сдѣлано охотниками, чтобы отпугивать джерановъ отъ водопоя», пояснилъ намъ Рахметъ. Здѣсь, за исключеніемъ рѣдкаго камыша и нѣсколькихъ кустовъ гребенщика, ютившихся въ глубинѣ промоины, ничего не росло; вообще же все урочище, носившее названіе Іетынъ-булакъ, имѣло крайне пустынный характеръ.

Обогнувъ эту гряду, мы впереди увидали другую. Между обѣими простиралась широкая (около шести верстъ) долина, хотя и усыпанная галькой, но съ настолько мягкимъ грунтомъ, что нога уходила въ него. Неожиданно для себя, мы вдругъ очутились на краю глубокаго яра [1]), имѣвшаго ширину не меньшую тридцати саженъ и поросшаго высокимъ и густымъ камышомъ, среди котораго виднѣлись кусты тамарикса и чингиля (Halimodendron argenteum). Огибая его для того, чтобы спуститься къ водѣ, которая, какъ оказалось впослѣдствіи, заключалась здѣсь въ нѣсколькихъ глубокихъ ямахъ и имѣла слабо-солоноватый вкусъ, я вдругъ замѣтилъ внизу, въ заросляхъ камыша, огромный экземпляръ кошки, которую, вслѣдствіе однообразной ея окраски, я считаю за молуня (Felis manul) [2]). Къ сожалѣнію, пока я соскакивалъ съ лошади и вытаскивалъ винтовку изъ чехла, звѣрь ушелъ уже далеко, и хотя я и пустилъ ему пулю въ догонку, но, очевидно, только ранилъ его, а не убилъ наповалъ: молунь высоко подпрыгнулъ и тутъ же скрылся въ заросляхъ гребенщика. Досадная неудача! къ тому же я имѣлъ полное основаніе винить въ ней Ташбалту, который зазѣвался, и вмѣсто того, чтобы сунуть мнѣ въ руки винтовку, бывшую на всякій случай всегда на-готовѣ при немъ, бросился ловить мою лошадь, дѣйствительно, отбѣжавшую было на нѣсколько шаговъ въ сторону...

За оврагомъ, который къ сѣверо-западу тянулся менѣе чѣмъ на версту (урочище это называлось Мыль-токсунъ), мѣстность пріобрѣла волнистый характеръ, а грунтъ сталъ покрѣпче. Впереди показалась желтая полоска песковъ, которая довольно отчетвило выдѣлялась на темносизомъ фонѣ подымавшагося сзади хребта. Это была неширокая (около 150 саженъ) гряда сыпучихъ песковъ, нагнанныхъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, общая длина которой не превышала четырехъ верстъ. Юго-восточный конецъ ея высокимъ взметомъ упирался въ хребетъ, засыпавъ его до высоты, не меньшей 500 футовъ, благодаря чему казалось, что песокъ сползаетъ съ горъ и острымъ языкомъ, обращеннымъ къ сѣверо-западу, прорѣзываетъ долину. При ближайшемъ осмотрѣ этой гряды оказалось, что она уже поросла мѣстами саксауломъ 1), шурой и другими растеніями.

---

[1]) Не доходя до него, нѣсколько къ востоку, по словамъ Рахмета, находится ключъ, извѣстный подъ именемъ «Башъ—тауракъ» (или торакъ?)

[2]) Смущаетъ меня при этомъ только ея величина. Длина ея была не меньше аршина, причемъ поразительно велика была голова—примѣрно, по лбу, 4 вершка! Эта кошка могла бы быть рысью, но туземцы увѣряютъ, что «селюсюнъ» здѣсь не встрѣчается.

За полосой песковъ мы спустились въ логъ, направлявшійся отсюда на сѣверо-западъ. Онъ составлялъ естественное продолженіе тѣснины, глубокою щелью, всего саженъ въ 5 — 6 шириной, прорѣзывавшей хребетъ, устье котораго сложено было изъ метаморфическаго глинистаго сланца, прорѣзаннаго жилами и прожилками кварца. По дну его бѣжалъ ручеекъ, который, впрочемъ, тутъ же, у насъ на глазахъ, зарывался въ песокъ.

Чрезвычайной сыростью пахнуло на насъ изъ этой щели и одновременно донесся шумъ и грохотъ горной рѣченки. Да, вода бѣжала здѣсь не еле-еле сочащейся струйкой, а настоящей рѣчкой, бурлившей на перекатахъ и взбивавшейся въ пѣну среди встрѣчныхъ камней!

Появился камышъ, который росъ тутъ такъ густо, что мы съ трудомъ черезъ него пробирались; вскорѣ, однако, ущелье раздвинулось и на лѣвомъ берегу ручья открылась лужайка, поросшая тополемъ, прямые какъ сосна стволы котораго достигали здѣсь по крайней мѣрѣ 70—80 футовъ высоты, т. е. имѣли такой исполинскій ростъ, какого рѣдко достигаютъ даже осокори (Populus nigra) въ Средней и Южной Россіи! Лужайка покрыта была травою, свойственною всѣмъ вообще среднеазіатскимъ «тугаямъ» 2), и между прочимъ: кендыремъ (Apocynum sp?), тарло̀ (Festuca sp?), еджирикомъ 3) и изаномъ

Когда мы взъѣхали на эту лужайку, то взорамъ нашимъ представилась такая картина. На террасовидной площадкѣ, усыпанной мелкой галькой и гравіемъ, пылалъ огонекъ, у котораго помѣща-

---

1) У таранчей саксаулъ извѣстенъ подъ монгольскимъ именемъ «закъ».

2) «Тугаемъ» въ Средней Азіи зовется часть рѣчной долины съ илистымъ грунтомъ, поросшая травой и кустарникомъ; иногда «тугай» тянется узкой лентой вдоль русла рѣки, иногда является въ видѣ небольшой площадки на ея берегу, иногда же, въ особенности въ низовьяхъ рѣкъ, обнимаетъ даже обширныя площади земли.

3) Ростетъ обыкновенно на сазахъ; по киргизски—«чирикъ».

лись три человѣческія фигуры—очевидно, тѣ охотники, которымъ мы были обязаны вкуснымъ ужиномъ въ урочищѣ Ильтырганъ; ружья на сошкахъ и различная утварь разставлена была тутъ же, а трофеи ихъ охоты—туши джерановъ, аркара и шкурки лисицъ развѣшены и распялены ниже, между деревьями; тутъ же на землѣ валялись рога, шкуры и кости; наконецъ, на заднемъ планѣ, подъ навѣсомъ скалы, виднѣлись лежанки и сложенныя въ кучки другія принадлежности вьючнаго снаряженія. И весь этотъ лагерь съ его хаотическимъ безпорядкомъ, причудливыя скалы, высокоствольный лѣсъ, мурава и обрамленная высокимъ камышомъ рѣчка — все это въ совокупности представляло столько своеобразной прелести, въ особенности послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ нами среди монотонныхъ ландшафтовъ пустыни, и было настолько ново и неожиданно, что мы не могли не пріостановить на мгновеніе лошадей, дабы полнѣе насладиться созерцаніемъ этого дивнаго уголка, такъ далеко заброшеннаго въ пустыню...

Едва охотники насъ завидѣли, какъ съ обычнымъ: аман, аман! хош курдук! хош курдук! [1]) бросились къ намъ на встрѣчу. Тотчасъ же у костра появилась кошма, а затѣмъ разостлана была здѣсь довольно-таки засаленная супра, на которой и поставлены были мясо въ деревянномъ корытцѣ и дымящаяся шурпа [2])... Намъ радушно предложено было отвѣдать горячаго варева, котораго, по увѣренію нашихъ радушныхъ хозяевъ, должно было хватить съ избыткомъ на всѣхъ. Это было очень кстати, потому что мы очень проголодались... Къ началу нашей трапезы подоспѣли еще трое охотниковъ... Ѣли молча, но за чаемъ разговорились, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, темой для разговора послужилъ нашъ пріѣздъ въ эти горы и охота на мѣстнаго звѣря. Дикихъ верблюдовъ въ окрестностяхъ нигдѣ не оказывалось, зато вблизи нашей стоянки водились аркары (Ovis Poli, Blyth?), во множествѣ джераны и дикіе кабаны, а изъ хищниковъ—лисица и дикая кошка. Особенно заманчивой показалась намъ охота на аркаровъ, почему и рѣшено было остаться на день въ этомъ урочищѣ, которое носило названіе Туракъ-булакъ [3]).

Вставши до солнца [4]), мы на-скоро напились чаю и разбрелись во всѣ стороны. Я съ Комаровымъ избрали сначала путь вверхъ по ручью, при чемъ мѣстами намъ приходилось продираться среди двухъ-саженнаго камыша и гигантскихъ кустовъ пустыннаго шиповника (Rosa elasmacantha, Trautv.), затѣмъ свернули въ одно изъ восточныхъ боковыхъ ущелій, которымъ и поднялись на площадку, усыпанную галькой и гравіемъ. Площадка эта къ югу постепенно возвышалась и переходила въ холмистыя предгорія грандіознаго хребта Тюге-тау; на сѣверѣ же она круто обрывалась въ сторону Мыль-токсунскаго яра, о которомъ выше упоминалось. Съ этой стороны до гребня площадки подымались пески, которые, не образуя значительныхъ наметовъ на ней, проносились далѣе и засыпали постепенно Торакъ-булакскую щель [1]). Здѣсь, да и ниже въ пескахъ, мы замѣтили обычную для такихъ мѣстностей растительность: саксаулъ, хвойникъ, джантакъ, Lycium, солянки и чій. Солнце встало и своими косыми лучами золотило теперь пески и стебли этихъ растеній, среди которыхъ послышалось чириканье пустыннаго воробья и мелодичный голосъ сойки Хендерсона. Кругомъ все проснулось — день наступилъ!

---

[1]) Что значитъ: милости просимъ, добро пожаловать!

[2]) «Шурпа»—это супъ, отваръ изъ мяса, въ который ничего, кромѣ соли, не кладется.

[3]) Абсолютная высота этого урочища—4603 фута. Монгольское его названіе—«Турунгу-булукъ».

[4]) Замѣчательное явленіе для этой въ высшей степени сухой страны—когда я проснулся, бурка и вся моя одежда были покрыты росой.

Когда я осмотрѣлся, мнѣ представилось, что я стою на береговой террасѣ нѣкогда существовавшаго къ сѣверу значительнаго воднаго бассейна, но какъ давно это было?..

Съ восходомъ солнца аркары покидаютъ горныя вершины и, пасясь мѣстами, мало-по-малу спускаются къ водѣ, послѣ чего имѣютъ обыкновеніе отдыхать подъ какимъ-либо прикрытіемъ. Это самое удобное время для того, чтобы подойти къ выслѣженному животному; однако, при этомъ требуется еще большая осторожность, чѣмъ во всякое другое время, потому что аркаръ, потревоженный во время сна, пугливо уносится впередъ и вскорѣ оказывается потеряннымъ для охотника... Зная всѣ привычки горнаго барана, охотиться на него тѣмъ не менѣе не легко: требуется въ особенности много терпѣнія, а затѣмъ вниманіе и неутомимость. Конечно, и здѣсь, какъ всегда, немаловажную роль играютъ удача и случай...

Едва мы осмотрѣлись, выбравшись на описанную выше площадку, какъ тотчасъ же запримѣтили вдали подымавшагося на пригорокъ аркара. Мы припали къ камнямъ и стали выжидать его дальнѣйшихъ движеній; но онъ продержалъ насъ въ такомъ положеніи очень долго, примѣрно, около часу. Стоя на возвышеніи, онъ точно всматривался въ даль и, можетъ быть, не довѣряя покою пустыни, выжидалъ признаковъ, по которымъ могъ бы угадать направленіе, откуда всего скорѣе ему грозила опасность; наконецъ, онъ, очевидно, на что-то рѣшился и сталъ медленно спускаться съ бугра на юго-юго-западъ, къ Торакъ-булакской щели. Было—пора. Мы вскочили на ноги и, условившись въ сигналахъ на случай нужды другъ въ другѣ, разошлись: Комаровъ пошелъ на юго-востокъ, а я взялъ ближе къ краю ущелья и вскорѣ очутился среди пологихъ холмовъ, покрытыхъ мѣстами дресвой, мѣстами мелкой галькой и пескомъ. Растительность была здѣсь очень скудная, и къ тому же въ большинствѣ случаевъ попадались экземпляры травъ, либо совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ, либо въ такомъ состояніи, что опредѣлить ихъ не представлялось возможнымъ. Переходя съ холма на холмъ, я уже часа четыре провелъ въ высматриваніи окрестностей, каждую минуту ожидая встрѣтиться съ звѣремъ, когда вдругъ далеко впереди послышались выстрѣлы—одинъ и другой... Чтобы увидать хотя бы дымокъ, я живо полѣзъ на ближайшій бугоръ и въ то же время услыхалъ впереди шорохъ осыпавшагося мелкаго щебня—очевидно, что шелъ нѣкто мнѣ прямо навстрѣчу... Я остановился какъ вкопанный... И тутъ явственно донеслось до меня прерывистое дыханіе тяжело шагавшаго звѣря... Не аркаръ, подумалось мнѣ, но кто же тогда? Опредѣливъ примѣрно путь, избранный незнакомцемъ, я рѣшился идти ему на перерѣзъ... Но напрасно я употреблялъ всѣ старанія, чтобы не быть услышаннымъ: предательскій щебень меня выдалъ тотчасъ же. Тогда я, для сокращенія пути и для того, чтобы занять господствующее положеніе, полѣзъ на утесъ, составлявшій вершину пригорка. Когда я былъ уже на верху его, меня поразила наступившая вдругъ кругомъ тишина. Я подумалъ, что звѣрь стоитъ въ нерѣшительности, а потому, взведя курки штуцера, сталъ осторожно выдвигаться изъ-за прикрытія. Но каково же было мое удивленіе, когда ни въ логу, ни на противоположномъ склонѣ горы я не увидалъ виновника шума. Озираясь кругомъ, я невольно поднялъ голову и тутъ только, шагахъ въ двухстахъ отъ себя, на гребнѣ противоположной гряды, замѣтилъ настоящее чудище—громаднаго кабана, который пристально слѣдилъ за всѣми моими движеніями. Неожиданная встрѣча эта меня положительно ошеломила. Какъ! кабанъ здѣсь, въ пустынныхъ горахъ? да что онъ здѣсь дѣлаетъ? Не теряя впрочемъ ни минуты на размышленіе, я пустился слѣдомъ за нимъ, сокращая, гдѣ возможно, дорогу. Но, увы! я скоро утомился, а кабанъ все шелъ спокойно впередъ и, наконецъ, скрылся изъ глазъ. Я попытался было идти его слѣдомъ, но и слѣдъ вскорѣ исчезъ... Въ самомъ непріятномъ настроеніи духа, усталый и голодный, я уже въ сумерки вернулся домой, гдѣ и засталъ въ сборѣ все наше общество... Неудача была общей, и вся наша надежда была теперь на Комарова, который, какъ оказалось, не возвращался.

---

[1]) Мы встрѣтили тамъ пески въ вершинахъ правыхъ боковыхъ ущелій.

Мы отобѣдали. Окончательно смерклось. Часы показывали восемь... а казака все еще не было. Зная Комарова за охотника страстнаго и въ этихъ случаяхъ неосмотрительнаго, я сталъ безпокоиться не на шутку...

— Ташбалта, иди на гору и дай условные выстрѣлы...

Гулко пронеслись они по ущелью и отдались стократнымъ эхомъ въ горахъ, а потомъ опять все замерло въ окрестностяхъ бивуака... только рѣчка тихо журчала, да нѣтъ-нѣтъ порывъ вѣтра вдругъ зашумитъ въ вѣтвяхъ высокихъ деревьевъ... Прошелъ еще часъ... Я приказалъ снести на гору поболѣе хвороста и, разложивъ тамъ сигнальный костеръ, отпустилъ людей спать. Я остался одинъ на горѣ... Часу въ одиннадцатомъ, наконецъ, точно выросъ возлѣ меня Комаровъ. За спиной у него болталась голова большого аркара. Этимъ все объяснялось...

Появленіе Комарова разбудило, конечно, весь лагерь. Мигомъ разложенъ былъ снова костеръ и нагрѣтъ чайникъ; а за чаемъ вотъ что разсказалъ намъ Комаровъ о своихъ похожденіяхъ.

Миновавъ бугоръ, на которомъ мы впервые увидали аркара, онъ столкнулся съ послѣднимъ въ первой же затѣмъ лощинѣ; но на этотъ разъ животное ускользнуло и скрылось. Вторично онъ встрѣтился съ нимъ совершенно случайно, послѣ почти-что двухъчасовой ходьбы. Аркаръ стоялъ на пригоркѣ и при этомъ такъ близко, что Комаровъ рѣшился стрѣлять съ постояннымъ прицѣломъ. Однако, чистота атмосферы и ровная сѣрая поверхность пологой долины обманули охотника, и пуля, направленная подъ лопатку, ударила въ животное значительно ниже колѣна и раздробила ему кости пястья. Аркаръ отпрянулъ и пересталъ подпускать къ себѣ близко охотника. Преслѣдованіе длилось часами. Аркаръ, однако, видимо изнемогалъ, и это придавало энергіи казаку... Тѣмъ не менѣе надо было что-нибудь предпринять: солнце близилось къ закату, а съ наступленіемъ темноты дѣло могло быть проиграно. И вотъ Комаровъ рѣшился: для того, чтобы облегчить себѣ бѣгъ, онъ скинулъ съ себя все лишнее; затѣмъ, поставивъ прицѣлъ на пятьсотъ шаговъ, онъ быстро направился къ раненому животному. Аркаръ стоялъ на пригоркѣ и слѣдилъ за всѣми его движеніями. Съ пятисотъ шаговъ Комаровъ выстрѣлилъ, и животное рухнуло, дѣлая тщетныя попытки подняться... Въ концѣ концовъ это таки ему удалось... Но Комаровъ былъ уже близко: двѣ пули, посланныя въ догонку, докончили дѣло...

Почти въ темнотѣ Комаровъ снималъ шкуру—самую драгоцѣнную часть добычи. Отъ мяса пришлось отказаться—аркаръ былъ не менѣе пяти пудовъ вѣсомъ. Захвативъ только заднюю ногу, онъ остальную часть туши завалилъ каменьями и поверхъ ихъ, въ расчетѣ предохранить мясо отъ лисицъ и волковъ, растянулъ свою охотничью хламиду... Костеръ онъ замѣтилъ за двѣ версты и былъ очень благодаренъ этому путеводному знаку...

Въ награду за свои труды онъ тутъ же получилъ отъ меня десять рублей.

На слѣдующій день я направился съ Рахметомъ верхомъ вверхъ по ущелью Торакъ-булакъ. Вода, которая такъ обильно текла около нашей стоянки, уже въ ста саженяхъ отъ послѣдней исчезала вовсе. Здѣсь находилась подернутая толстымъ слоемъ льда лужа, изъ которой и выбѣгалъ ручеекъ. Выше, однако, Торакъ-булакское русло не прерывалось. Усыпанное гравіемъ, галькой и валунами, оно въ то же время загромождено было мѣстами съ корнемъ вымытыми кустами, вѣтвями и другими обломками, полузарытыми водою въ песокъ. Ясно было, что временами здѣсь яростно бушуетъ потокъ, порожденный, конечно, дружнымъ таяніемъ снѣга [1]). Берега этого русла густо поросли камышомъ, древесной и кустарниковой растительностью. Къ сожалѣнію, составъ этихъ порослей полностью опредѣлить было трудно; я, однако, замѣтилъ здѣсь: «ргай» (Cotoneaster sp.?), шиповникъ двухъ видовъ (Rosa elasmacantha и другой, не столь характерный, видъ), облѣпиху (Hippophaë rhamnoides), джигду (Eleagnus angustifolia), низкорослый карагачъ, «ушкитъ» (Lonicera съ красными ягодами) и рябину (?). Что касается травянистой растительности, то она обиловала зонтичными и злаками, нѣкоторые стебли коихъ, а также ближайшіе кустарники, обвиты были жигунцомъ (Clematis sp.?); наконецъ, припоминаю теперь, что я видѣлъ здѣсь и невысокіе кустики съ кожистыми небольшими листочками—не одинъ ли это изъ многочисленныхъ въ Средней Азіи видовъ рододендра?

---

[1]) Рахметъ увѣрялъ меня, что снѣгъ лежитъ здѣсь неглубокій, всего вершка въ два. Но весной ему не доводилось здѣсь быть, а снѣга въ этой части Средней Азіи выпадаютъ всего обильнѣе въ февралѣ.

Полторы версты выше нашей стоянки русло стало вѣтвиться. Слѣдуя главнымъ протокомъ, мы свернули на востокъ и мало помалу поднялись на плато, которое далѣе, на востокъ же, принимало волнистыя очертанія и въ пяти верстахъ переходило въ нагорье, изрѣзанное глубокими и узкими водостоками, обрывавшимися въ другое ущелье меридіанальнаго направленія. Не доѣзжая нѣсколько до него, Рахметъ вдругъ соскочилъ съ лошади и, передавая мнѣ ея поводья, коротко замѣтилъ: аркаръ! послѣ чего спѣшно развязалъ тряпку, прикрывавшую полку ружья, подсыпалъ пороху, расправилъ фитиль и, двигаясь чуть слышно, скрылся за ближайшимъ бугромъ. Вскорѣ изъ лощины послышался выстрѣлъ, и я увидѣлъ аркара съ перешибленной задней ногой, огибавшаго сосѣднюю гору... Въ то же время показался Рахметъ, имѣвшій очень сконфуженный видъ.

— Рахметъ, да вѣдь ты ранилъ аркара!...

— Нѣтъ... и онъ отрицательно покачалъ головой...

— Какъ нѣтъ?!... И такъ какъ старикъ стоялъ на своемъ, то я повелъ его на то мѣсто, гдѣ видѣлъ раненое животное. При видѣ кроваваго пятна, онъ просіялъ и тотчасъ же рѣшилъ идти за аркаромъ.

Къ сожалѣнію, взобравшись на плоскогорье, мы не могли спуститься по страшной кручѣ въ ущелье и должны были нѣсколько вернуться назадъ, чтобы въ обходъ проникнуть въ него. Ущелье это оказалось копіей Торакъ-булакской щели и имѣло общее направленіе, параллельное этой послѣдней. Здѣсь я снова остался при лошадяхъ, а Рахметъ отправился на поиски раненаго аркара.

Не менѣе какъ черезъ часъ донесся до меня, наконецъ, отзвукъ далекаго выстрѣла. Спѣша на него, я вскорѣ столкнулся съ шедшимъ мнѣ на встрѣчу Рахметомъ, радостное лицо котораго возвѣщало успѣхъ. Дѣйствительно, ему удалось уложить аркара съ одного выстрѣла. Это была старая самка, которую мы, предварительно ободравъ, съ трудомъ сволокли къ лошадямъ.

Ущелье, въ которомъ мы находились, шло параллельно Торакъ-булакскому и имѣло въ длину около 9 верстъ. Спускаясь имъ къ сѣверу, мы съ восточной его стороны вскорѣ встрѣтили песчаный наметъ, который подымался до уровня его стѣнъ. Мнѣ хотѣлось лучше познакомиться съ общимъ характеромъ окрестной горной страны, а потому, оставивъ Рахмета при лошадяхъ, я воспользовался наметомъ и пѣшкомъ выбрался изъ тѣснины. Но и отсюда я увидалъ не болѣе того, что съ окраины Торакъ-булакской щели.

Я увидѣлъ себя на томъ же плоскогоріи, круто падающемъ на сѣверъ, въ сторону Мыль-токсунской впадины. Къ востоку оно съуживалось и мало-по-малу терялось на склонахъ хребта Тюге-тау, который къ юго-западу отъ меня имѣлъ скалистый характеръ и былъ увѣнчанъ значительной высоты пиками и куполами. Тамъ же, на востокѣ, верстахъ въ тридцати, я замѣтилъ желтую полосу, ярко блестѣвшую на солнцѣ. Это были барханы неподвижныхъ песковъ, съ которыми я впослѣдствіи познакомлю читателя.

Спустившись внизъ, я рѣшилъ, что пора возвращаться домой, и мы рысью поѣхали къ выходу въ Мыль-токсунскую долину. Небольшой ручеекъ, которымъ мы слѣдовали, въ устьѣ тѣснины образовалъ розливъ, поросшій чуть не двухъ-саженными камышами. Влажная и черная, какъ черноземъ, почва оказалась здѣсь изрытой кабанами и испещренной слѣдами дикихъ животныхъ. Къ сожалѣнію, кабановъ въ это время дня здѣсь не оказалось, и мы только напрасно переволновались отъ ожиданія—вотъ-вотъ натолкнемся на этого звѣря.

За камышами мы нашли гору песку, который, перенесясь черезъ утесъ, маскировавшій на подобіе кувръ-фаса ущелье, совершенно завалилъ выходъ изъ послѣдняго. Съ трудомъ переѣхавъ черезъ песчаную гору, мы свернули къ западу и, слѣдуя краемъ обрыва Тюге-таускаго плоскогорья, вернулись на бивуакъ.

Здѣсь мы нашли все наше маленькое общество въ сборѣ. Охотники, передъ своимъ выступленіемъ въ Дга, дѣлили добычу. Вѣсами служило имъ коромысло, подвѣшенное къ сучку: къ одному концу его привязанъ былъ камень, къ другому, при помощи петли изъ полотенца, подвѣшивалось мясо убитыхъ животныхъ.

26 октября мы, наконецъ, распрощались: охотники направились къ сѣверу, а мы къ югу, вверхъ по Торакъ-булакской тѣснинѣ¹). Выйдя изъ послѣдней, мы нѣкоторое время шли мелкосопочникомъ по направленію къ восточному концу осевой скалистой части хребта Тюге-тау, но, не дойдя до него, круто свернули на востокъ, потомъ на сѣверъ, и остановились въ урочищѣ Торакъ-булакъ (во-

---

¹) Изъ ущелья Торакъ-булакъ имѣется прямая дорога въ упомянутый выше Сынгимъ. Рахметъ-ула предлагалъ мнѣ отсюда же проѣхать въ это урочище, которое, по его словамъ, чрезвычайно богато водой и пажитями, но я, имѣя въ виду прежде всего добраться до южной окраины Чолъ-тагскаго нагорья, къ сожалѣнію, долженъ былъ отказаться отъ этого заманчиваго предложенія; тѣмъ болѣе, что тогда я все еще надѣялся посѣтить это урочище изъ Лукчуна. Если этого не удалось сдѣлать, то главнѣйшей тому причиной была наше безденежье. Мы должны были уже тогда расчитывать каждый грошъ и такъ распоряжаться серебромъ, чтобы его хватило по крайней мѣрѣ еще на одинъ годъ.

сточномъ)[1]), расположенномъ въ вершинѣ безъимяннаго ущелья, которымъ еще вчера я проѣхалъ съ Рахметомъ. Въ этомъ урочищѣ мы также встрѣтили тополь, шиповникъ, Tamarix[2]) и довольно богатую травянистую растительность. Его абсолютная высота оказалась равной 4.954 футамъ[3]).

Едва на слѣдующій день мы выбрались изъ ложбины, въ которую запряталось урочище Восточный Торакъ-булакъ, какъ глазамъ нашимъ открылся широкій горизонтъ, на юго-восточной окраинѣ котораго возвышался гранитный Тюге-тау[4]). Хребетъ этотъ имѣлъ совершенно дикій характеръ и значительно возвышался надъ плоскогоріемъ, при чемъ нѣкоторыя вершины его, можетъ быть, имѣли даже около 4.000—5.000 футъ относительной высоты! Ниже я буду имѣть еще случай говорить объ отношеніи этого кряжа къ сосѣднимъ возвышенностямъ, теперь же замѣчу только, что Тюге-тау—самый высокій и въ то же время самый недоступный изъ хребтовъ Чолъ-таг'скаго нагорья. Его ущелья, повидимому, безплодны и, какъ кажется, рѣдко гдѣ доступны. Впрочемъ хребетъ этотъ мало извѣстенъ даже турфанцамъ, и все, что я могъ узнать отъ нихъ, это—что гдѣ-то близъ его восточнаго конца имѣется ключъ, доступъ къ которому, однако, труденъ и возможенъ только для пѣшаго. Мѣстность, простиравшаяся между нами, массивомъ Тюге-тау и низкой холмистой грядой, потянувшейся отъ него на востокъ, представляла слегка волнистую равнину, усыпанную галькой и, какъ кажется, совершенно безплодную. Впрочемъ, скоро мы перестали видѣть даже ближайшія окрестности: подулъ рѣзкій сѣверный вѣтеръ, небо затянулось сѣрой пеленой и пошелъ дождь пополамъ со снѣгомъ. Къ счастью, станція была небольшая, и мы, переваливъ черезъ невысокій увалъ, служащій здѣсь продолженіемъ хребта Тюге-тау, и втянувшись въ долину меридіанальнаго направленія, вскорѣ достигли ключика, не имѣвшаго еще никакого имени, а потому и названнаго Рахметомъ Урусъ-кіикъ-урды-булакъ, что значитъ—ключъ, на которомъ русскіе были кіиковъ, т.-е. джерановъ [1]). Мотивомъ къ такому названію послужило нижеслѣдующее обстоятельство.

---

[1]) Я называлъ его также вторымъ.

[2]) Кромѣ того, въ вершинѣ того лога, въ которомъ находится это урочище, я встрѣтилъ группу деревьевъ, ботаническое названіе коихъ мнѣ неизвѣстно. Стволъ и листья ихъ напоминали ольху, а кора, сорванная мною мѣстами, вскорѣ окрашивалась въ красный цвѣтъ.

[3]) Здѣсь я встрѣтилъ красноклювую ворону (Fregilus graculus)—рѣдкую птицу въ Восточномъ Тянь-Шанѣ, грачей и черныхъ дроздовъ.

[4]) Весь огромный массивъ Тюге-тау, насколько можно судить по взятымъ образчикамъ, цѣликомъ состоитъ изъ хлоритоваго гранита.

Не успѣли мы еще порядкомъ устроиться на мѣстѣ, избранномъ нами для бивуака, какъ Комаровъ замѣтилъ пробирающееся къ водѣ стадо джерановъ. Послѣдовалъ выстрѣлъ, и одинъ изъ послѣднихъ палъ жертвой своей излишней довѣрчивости къ человѣку, а вечеромъ и мнѣ удалось убить здѣсь второго самца антилопы.

Ключъ Урусъ-кіикъ-урды-булакъ отстоитъ отъ вершины безъимяннаго ущелья верстъ на двѣнадцать. Онъ не великъ, протекаетъ не болѣе 20 саженъ, имѣетъ вполнѣ годную для питья воду и оброcъ камышомъ. Кое-гдѣ, впрочемъ, росли здѣсь и другіе виды злаковъ [2]), а на болѣе сухихъ мѣстахъ хвойникъ (Ephedra sp.) и гребенщикъ. Его абсолютная высота равнялась 4.793 футамъ.

Къ ночи выпалъ снѣгъ, а затѣмъ грянулъ морозъ въ 25°. Я проснулся отъ холода, при чемъ чуть не отморозилъ себѣ всего праваго бока. Случилось это вотъ какъ: въ то время, какъ другіе разостлали свои подстилки прямо на землю, я забрался въ заросли, намялъ травы и на ней разложилъ свою кошму. Но я жестоко прогадалъ. Кошма, благодаря крайне упругой растительности, вовсе не прикасалась къ землѣ, а потому и теплота, отдаваемая ей моимъ тѣломъ, легко выносилась струями холоднаго воздуха, свободно циркулировавшаго подъ ней. Догадавшись въ чемъ дѣло, я тогда же перебрался съ своей постелью на снѣгъ.

Здѣсь мы дневали. Рахметъ хотѣлъ объѣхать окрестности съ тѣмъ, чтобы розыскать верблюдовъ, мы же остались поохотиться на джерановъ.

Свою засадку я устроилъ на берегу ручейка, заслонившись отъ послѣдняго изгородью изъ хвойника. Снявши полушубокъ и улегшись на немъ, я сталъ терпѣливо поджидать антилопъ, которыя имѣютъ обыкновеніе два раза въ сутки приходить на водопой: сейчасъ послѣ восхода солнца и передъ его закатомъ. А такъ какъ оно уже показалось изъ-за горизонта, то, стало быть, я могъ ожидать ихъ появленія ежеминутно. Но прошло не мало времени, пока раздался первый шорохъ; на этотъ разъ, однако, позади меня. Я оглянулся и увидалъ кеклика (каменную куропатку—Caccabis huckar, Gray)—тоже рѣдкую птицу въ Восточномъ Тянь-Шанѣ [1]). То и дѣло вытягивая шею впередъ и осматриваясь по сторонамъ, эта красивая птица осторожно приближалась къ ручью. Не видя, очевидно, ничего подозрительнаго, она взмахнула крыльями и издала крикъ: кекели, кекели... И точно въ отвѣтъ на этотъ крикъ, выглянула изъ камышей еще одна головка, затѣмъ другая, пока, наконецъ, не собралось ихъ здѣсь штукъ до двѣнадцати. Послѣднія шли гораздо смѣлѣе и даже отваживались пробѣгать небольшія пространства... Когда кеклики напились, они открыли на прибрежномъ пескѣ настоящее гулянье и игры. Они бѣгали, гонялись взапуски одна за другой, полоскались въ пескѣ, чистились сами и очищали другъ друга; затѣмъ, наигравшись, они успокоились, нахохлились и, подвернувъ головки подъ крылышки, стали грѣться на солнцѣ. Въ такихъ наблюденіяхъ я провелъ добрый часъ времени... Я сталъ уже отчаяваться въ успѣхѣ нашей охоты, когда вдругъ увидѣлъ впереди приближающихся къ засадкѣ джерановъ: они точно не шли, а плыли, такъ беззвучна была ихъ походка!

---

[1]) Впрочемъ, впослѣдствіи мы узнали, что этотъ ключъ имѣлъ уже туземное названіе, а именно—«Заатё».

[2]) «Коодё» («акъ-чопъ?», Stipa sp?), «тарлб» (Festuca sp?) и другіе, еще менѣе мнѣ извѣстные виды.

Шагахъ въ пятнадцати отъ меня они остановились, нервно помахивая своими короткими черными хвостиками и съ безпокойствомъ озираясь кругомъ. Простоявъ такъ нѣсколько мгновеній, они рѣшились сдѣлать еще шага два-три въ нашу сторону и снова остановились. Очевидно, они были въ страшной нерѣшительности... Но тишина ихъ обманула. Приблизившись къ ручью, старый самецъ ударилъ ногою по льду,—и ударялъ ею до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ трещинахъ льда не показалась вода. Тогда вся масса джерановъ бросилась къ этому мѣсту; сильные тѣснили слабыхъ. Такой безпорядокъ не понравился старику. Онъ отогналъ возмужалыхъ самцовъ и подпустилъ къ водѣ только подростковъ и самокъ, которыя пили воду съ остановками и облизывая въ промежуткахъ то себя, то телятъ. Тѣмъ временемъ остальные джераны играли и рѣзвились на берегу. Казалось даже, что они вовсе забыли про воду, въ особенности тѣ, что, столкнувшись лбами, стояли точно изваянные. Наконецъ, сперва одинъ, потомъ другой, а тамъ и цѣлой гурьбой они кинулись къ ручейку. Но и это было не болѣе какъ проявленіе шалости. Джераны пили мало: сдѣлаютъ два-три глотка и отбѣгутъ въ сторону... Вообще, вслѣдствіе ли морозной погоды, вслѣдствіе ли иныхъ какихъ-либо причинъ, но антилопы пили очень мало,—едва ли каждый больше стакана.

---

[1]) Да едва ли она, вообще, водится хотя бы, напримѣръ, въ горахъ Богдо-Ола. Мы встрѣтили ее снова только въ Хамійскихъ горахъ.

Наконецъ, когда я достаточно насладился картинкой изъ жизни этихъ милыхъ животныхъ, я просунулъ штуцеръ сквозь вѣтви хвойника и выстрѣлилъ; почти одновременно раздались еще два выстрѣла—то стрѣляли изъ своихъ засадокъ Комаровъ и джигитъ Ташбалта. Въ первое мгновеніе все стадо сбилось въ кучу, и только старый самецъ остался поодаль отъ другихъ. Затѣмъ они шарахнулись въ сторону и какъ вѣтеръ понеслись къ сосѣднимъ пригоркамъ, оставивъ на мѣстѣ двухъ убитыхъ товарищей и одного сильно раненнаго, который дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы подняться и убѣжать за стадомъ. Но это ему не удалось, и онъ, наравнѣ съ двумя другими, поступилъ къ нашу коллекцію.

Рахметъ, вернувшійся въ сумерки изъ своей поѣздки, объявилъ намъ, что въ Заатё слѣдуетъ остаться на дневку, такъ какъ въ окрестностяхъ онъ видѣлъ недавніе слѣды верблюдовъ, уходившихъ на югъ; можно было поэтому думать, что намъ еще попадется партія такихъ эмигрантовъ... Но увы! день прошелъ въ безплодномъ выжиданіи по засадкамъ, и только уже подъ вечеръ, когда была потеряна надежда увидѣть въ этотъ день верблюдовъ, я позволилъ себѣ сдѣлать выстрѣлъ по антилопѣ. Она ушла настолько тяжело раненной, что вызвала меня на преслѣдованіе... Сверхъ ожиданія, мнѣ пришлось за ней гнаться версты четыре, такъ что я уже думалъ было бросить преслѣдованіе, когда вдругъ вниманіе мое привлекли три лисицы, выбѣжавшія изъ-за пригорка. Свернувъ туда, я увидалъ своего джерана еще живымъ и въ то же время уже жестоко искусаннымъ лисицами.

31 октября мы двинулись далѣе на югъ. Дорога шла саемъ, среди зеленовато-сѣрыхъ холмовъ, состоящихъ изъ плотнаго діабаза; мѣстами, однако, попадались здѣсь выходы и другихъ породъ, а именно: кремня, гранита и мраморовиднаго известняка, съ поверхности сильно разрушенныхъ и прикрытыхъ толстымъ слоемъ дресвы (до фута и болѣе). Вообще, мнѣ казалось, что мы идемъ мѣстностью, особенно сильно подвергавшейся—вслѣдствіе ли свойства слагающихъ ее горныхъ породъ, вслѣдствіе ли другихъ причинъ — дѣйствію вліяній, разрушающихъ съ поверхности горныя массы.

Въ пяти верстахъ отъ урочища Заатё мы пересѣкли невысокую грядку, южнѣе которой увидали громадный (до тысячи футовъ относительной высоты) утесъ болѣе темной окраски, чѣмъ окрестныя возвышенности, одиноко поднимавшійся среди каменистой равнины. Обрываясь на всѣ стороны почти отвѣсными стѣнами, на востокъ онъ спускался довольно полого, переходя тамъ въ низкую грядку, которая вскорѣ и терялась среди высокихъ скалъ, заполняющихъ здѣсь всю восточную часть горизонта. Какъ кажется, его также слагалъ діабазъ. Въ четырнадцати верстахъ, мы встрѣтили новый невысокій кряжъ, который, на нашемъ пути образовавъ сѣдловину, уходилъ затѣмъ на востокъ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ скалистыхъ утесовъ, а на западъ расплывался въ увалъ съ мягкими склонами. За нимъ мѣстность приняла волнистый характеръ, съ слабо-выраженными гривками почти западо-восточнаго простиранія. Наконецъ, уже на двадцатой верстѣ мы подошли къ болѣе значительному хребтику, съ вершины котораго открылся видъ на громадную продольную долину, окаймленную съ юга невысокимъ, но массивнымъ и, повидимому, широкимъ хребтомъ, который составляетъ здѣсь южную окраину Чолъ-таг'скаго нагорья и, можетъ быть, тождественъ съ тѣмъ, который на нашихъ картахъ носитъ названіе Курукъ-тага. «Дальше на югъ,—говорилъ мнѣ Рахметъ,—нѣтъ уже горъ: тамъ тянется равнина Лобъ, обильно, мѣстами, поросшая травами». На западъ хребетъ этотъ виднѣлся верстъ на сорокъ, становясь чѣмъ дальше, тѣмъ выше и скалистѣе; наоборотъ, сѣверный хребетъ, т. е. тотъ, на которомъ я находился, еще болѣе тамъ понижался и, разсыпавшись мелкосопочникомъ, съ одной стороны добѣгалъ до южнаго хребта, замыкая тѣмъ долину ¹), а съ другой упирался въ какой-то другой, высокій и утесистый, кряжъ. На востокъ кругозоръ былъ короче; все же, однако, и тамъ, верстахъ въ 25, можно было разглядѣть какъ расширеніе долины, такъ и изломъ хребта, который условно мы назвали Курукъ-тагомъ, сперва къ югу, а потомъ, тотчасъ же, къ сѣверу; что же касается до сѣвернаго хребта, то онъ примыкалъ тамъ къ какимъ-то скалистымъ высотамъ, составляя, можетъ быть, только ихъ западное, болѣе низкое продолженіе.

Спустившись въ долину, я догналъ своихъ спутниковъ уже только въ урочищѣ Бурупту (3.500 ф.). Оазисъ занималъ площадь около двухъ десятинъ и имѣлъ два ключа: сѣверный съ солоноватой водой и южный съ прѣсной. Здѣсь росъ чій, окрестности же сѣвернаго, представлявшія солончаковую впадину, поросли преимущественно камышомъ и тамариксомъ. Послѣдній былъ высокъ,

---

¹) Впрочемъ, можетъ быть, и не совсѣмъ такъ. Долина могла здѣсь поворачивать на сѣверъ, но этотъ возможный ея поворотъ въ данномъ случаѣ маскировался разорванными массами сѣвернаго хребта.

раскидистъ и достигалъ въ нѣкоторыхъ экземплярахъ вершковъ трехъ въ діаметрѣ.

Еще подъѣзжая къ Бурупту, мы замѣтили слѣдъ верблюда, который, минуя урочище, направлялся на западъ, къ другому, сосѣднему, ключу. Выслѣдить его тотчасъ же взялись Ташбалта и Рахметъ, которые, не дожидаясь обѣда, и направились въ сказанномъ направленіи. Они вернулись въ сумерки на взмыленныхъ лошадяхъ, крайне недовольные своей поѣздкой: слѣдъ оказался старымъ, другихъ же признаковъ недавняго пребыванія здѣсь верблюдовъ они не нашли [1]).

Поѣздка эта, оставшаяся безъ результатовъ для цѣлей экспедиціи, имѣла, однако, для насъ крайне тяжелыя послѣдствія. Рахметъ не остерегся, и лошадь его, напившись, какъ была—въ поту, студеной воды, опасно простудилась и къ утру издохла. Эта потеря повліяла на наши планы изслѣдованія страны, развивавшіеся по мѣрѣ движенія нашего на югъ, и побудила, скрѣпя сердце, значительно ихъ сократить. Впрочемъ, этому была и другая причина: запасы наши приходили къ концу, а въ хлѣбѣ мы уже и теперь ощущали большой недостатокъ.

2 ноября мы покинули Бурупту и направились по долинѣ къ востоку. Въ этомъ направленіи она, казалось, слегка повышалась; на 15 же верстѣ ее пересѣкъ пологій увалъ—отрогъ сѣвернаго хребта, который, впрочемъ, не достигалъ Курукъ-тага. Съ него намъ открылся оригинальный видъ на развернувшуюся передъ нами картину расположенія горныхъ кряжей и долинъ.

Сѣверный «безъимянный» хребетъ разсѣкался здѣсь въ меридіанальномъ направленіи широкимъ (до полу-версты шириной) ущельемъ, восточная стѣна котораго отличалась особенной высотой. Ущелье это служило русломъ протоку, который, начинаясь на сѣверныхъ склонахъ восточной части Безъимяннаго хребта, пересѣкалъ затѣмъ долину и направлялся въ прорывъ южнаго хребта, образовавшаго въ этомъ мѣстѣ ту характерную излучину, *изломъ*, о которомъ я выше имѣлъ уже случай упомянуть. Къ востоку отъ русла долина, которой мы шли, уклонялась нѣсколько къ сѣверу, Безъимянный же кряжъ, при значительной своей высотѣ, получалъ такую своеобразную конфигурацію, что на немъ я считаю не лишнимъ остановиться. Онъ казался двойнымъ. *Южный*, и въ то же время болѣе низкій, представлялъ гряду кроваво-краснаго цвѣта: это были жирныя глины, подостланныя гранитомъ и, если я не перепуталъ образчиковъ [1]), прорванныя выходами краснаго же кристаллическаго известняка. *Сѣверный*, отличавшійся значительной относительной высотой, подымался на плоскогорьи, которое, при значительномъ наклонѣ къ югу, упиралось въ красную гряду. Такимъ образомъ, между послѣдней и осевой частью всего поднятія, представлявшей мощные выходы кремня, разстилалась долина, уровень коей значительно превышалъ уровень той, которая залегала между описываемымъ Безъимяннымъ хребтомъ и Курукъ-тагомъ, т. е. южнымъ хребтомъ. Поверхность этой долины, какъ оказалось впослѣдствіи, представляла выходы почти перпендикулярно-поставленныхъ сланцевъ и песчаниковъ, которые, распадаясь на тончайшія пластинки, превратили ее, выражаясь фигурально,—въ скребницу гигантскихъ размѣровъ. Наконецъ, въ довершеніе этого описанія, мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о растительности, покрывавшей эту мѣстность въ предѣлахъ моего кругозора. Прежде всего, конечно, бросались въ глаза желтыя полосы, сопровождавшія русло меридіанальнаго протока; это были заросли чія, камыша и какихъ-то кустарниковъ, нѣсколько рѣдѣвшія по мѣрѣ приближенія къ прорыву въ южныхъ горахъ. Зато тамъ виднѣлись два совершенно самостоятельныхъ желтыхъ пятна, изъ коихъ одно, ближе къ протоку, носило названіе Тешекъ-булакъ (копанный ключъ), другое же было безъ имени. У подошвы красной гряды также имѣлся оазисъ, хотя пока и скрытый отъ насъ въ складкахъ этой послѣдней—Уланъ-таманта [2]), заросшій шиповникомъ и различными злаками. Но и помимо названныхъ урочищъ, гдѣ, такъ сказать, концентрировалась растительность, послѣдняя виднѣлась всюду въ сѣверныхъ горахъ, рѣдкими насажденіями одѣвая ихъ склоны и спускаясь даже въ долины.

---

[1]) Они доѣзжали до соленаго ключа, находившагося верстахъ въ 10—12 отъ Бурунту и, повидимому, расположеннаго въ устьѣ сквозного ущелья, прорывающаго южный хребетъ.

Пройдя меридіанальное русло, мы нѣкоторое время шли вдоль красной гряды, затѣмъ пересѣкли ее по сѣдловинѣ и взобрались на вышеописанную долину, составляющую южное подгорье, точнѣе, террасовидный уступъ Безъимяннаго кряжа. Параллельные оси хребта, отвѣсные слои песчаниковъ и кремнистыхъ сланцевъ обнажались здѣсь въ видѣ щетки и трещали и ломались подъ ногами у лошадей; вообще же поверхность этой долины, довольно однообразная по составу выступающихъ здѣсь породъ, отличалась чрезвычайной пестротой окраски, которая стушевывалась только тамъ, гдѣ гуще разросталъся травянистый покровъ. Къ сожалѣнію, ни одно изъ этихъ растеній не годилось въ гербарій и теперь названо быть не можетъ. Сбѣгающіе съ хребта временные потоки не успѣли образовать здѣсь значительныхъ промоинъ; въ большинствѣ случаевъ намъ встрѣчались только ничтожныя канавки, имѣвшія фута два ширины и не болѣе фута глубины; подобный фактъ не покажется страннымъ, если мы примемъ въ соображеніе, что водѣ приходилось здѣсь имѣть дѣло съ твердой породой (кремень), залегающей къ тому же пластами, спайность коихъ перпендикулярна ея теченію.

---

[1]) Что очень возможно, такъ какъ бумага, въ которую я ихъ завертывалъ, перетерлась дорогой, и нѣкоторые образцы выпали. Эти образцы впрочемъ большею частью пропали для дѣла, потому что я не рѣшался, руководствуясь одной только памятью, ссылаться на нихъ.

[2]) Уже выше замѣчено было братомъ, что древнѣйшія названія урочищъ въ Турфанской области преимущественно монгольскія; нагорье Чолъ-тагъ вполнѣ подтверждаетъ сказанное: тюркскія названія еще не успѣли вытѣснить здѣсь монгольскихъ. Уланъ-таманта значитъ «красное помѣщеніе», названіе, обусловленное скрытымъ его положеніемъ среди хотя и невысокихъ, но крутыхъ стѣнокъ нагорья.

По мѣрѣ движенія нашего на востокъ, долина все болѣе и болѣе подымалась, благодаря чему и подъемъ на перевалъ черезъ Безъимянный хребетъ оказался мало замѣтнымъ. Впрочемъ, мы перешли его по глубокой сѣдловинѣ, обставленной живописно торчащими скалами. Съ перевала мы увидали впереди обширный оазисъ, носившій названіе Курукъ-тауракъ или, по монгольски, Хюра-таурумъ, что, какъ намъ говорили, означаетъ въ переводѣ — «сухое мѣсто» (3875 ф.). Къ нему вело сухое песчаное русло, обросшее лозой (?) и гребенщикомъ, громадные, до 7 вершковъ въ діаметрѣ, отмершіе корни котораго, полузамытые въ песокъ, торчали то тамъ, то сямъ въ этомъ руслѣ. Мы выбрали для бивуака прекрасное мѣстечко среди густѣйшихъ кустарныхъ зарослей и близъ ручья, протекавшаго тутъ обильной струей прѣсной воды.

Не доходя до красной гряды, въ продольной долинѣ, мы коегдѣ видѣли слѣды верблюдовъ; поэтому тогда же рѣшено было — со станціи Курукъ-тауракъ вернуться назадъ и попытать еще разъ счастья въ поискахъ верблюдовъ.

Рахметъ съ сыномъ остались при лошадяхъ, а я съ Комаровымъ и Ташбалтой, вставъ въ 2 часа ночи, отправились на экскурсію. Луна ярко освѣщала нашъ путь, но въ то же время и придавала фантастическій характеръ знакомой намъ мѣстности. При рѣзкихъ переходахъ отъ свѣта къ тѣни каждый утесъ принималъ самыя дикія очертанія, каждая впадина казалась бездонной пропастью. Но привычка къ ночнымъ передвиженіямъ помогла намъ счастливо добраться до спуска въ долину съ красной гряды, а тамъ стало свѣтать, и мы уже безъ труда розыскали урочище Уланъ-таманта, скрытое между холмами.

Въ этомъ урочищѣ остался Ташбалта съ лошадьми. Я же съ Комаровымъ направились поперекъ долины, къ прорыву въ южномъ хребтѣ (Курукъ-тагѣ). Вскорѣ мы въ свою очередь раздѣлились: Комаровъ направился къ безъимянному урочищу, замѣченному нами у подошвы Курукъ-тага, я же взялъ лѣвѣе, на урочище Тешекъ-булакъ. Пройдя глинистую площадку, примыкавшую къ красной грядѣ, я достигъ сая, который и повелъ меня далѣе къ желтому пятну, виднѣвшемуся, пожалуй, еще верстахъ въ семи-восьми отъ меня. Подойдя къ одинокой скалѣ, торчавшей среди русла временного протока, я сталъ ясно различать впереди, въ чіевыхъ заросляхъ, какое-то подозрительное движеніе. Я тотчасъ же принялъ всѣ необходимыя предосторожности и осторожно полѣзъ на утесъ. Подъ его прикрытіемъ я почувствовалъ себя свободнѣе, а потому, не торопясь, въ бинокль осмотрѣлъ предстоящую арену охоты во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ. Ничего, достойнаго описанія, я тамъ не замѣтилъ. Урочище имѣло бугристый характеръ, окружено было солонцомъ и поросло чіемъ, среди котораго виднѣлся какой-то кустарникъ, какъ оказалось потомъ — гребенщикъ. Въ этихъ поросляхъ разгуливали джераны. Это не означало еще, что тамъ не могло быть и верблюдовъ. Они, можетъ быть, утѣшалъ я себя, лежатъ гдѣ-нибудь среди бугровъ и, пожалуй, отсюда кажутся такими же буграми... Поэтому я не уменьшалъ осторожности и, гдѣ пригнувшись къ землѣ, гдѣ чуть не ползкомъ, прошелъ разстояніе, отдѣлявшее меня отъ пригорка возвышавшагося на самомъ краю Тешекъ-булак'скаго оазиса. Съ него я еще разъ осмотрѣлъ мѣстность и на этотъ уже разъ окончательно убѣдился, что въ урочищѣ верблюдовъ не было; на моихъ глазахъ паслись только три джерана, стрѣлять по которымъ я и не подумалъ изъ боязни напугать верблюдовъ, которые каждую минуту могли еще явиться сюда... Но, увы! они не явились...

Было уже два часа пополудни, когда я рѣшилъ покинуть свою абсерваторію. Джераны были еще тутъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня... Я успѣлъ дать по нимъ три выстрѣла: двухъ убилъ наповалъ, третій ушелъ раненый и, конечно, сталъ вскорѣ добычей лисицъ, которыя, въ числѣ двухъ, неизвѣстно откуда здѣсь взявшись, распустивъ свои хвосты, тотчасъ же помчались за нимъ...

На выстрѣлы явился ко мнѣ Комаровъ, и мы уже вдвоемъ, снявъ предварительно шкурки и нагрузившись мясомъ, побрели обратно въ ур. Уланъ-таманта.

Наступили сумерки, когда мы прибыли къ помянутому ключу, а черезъ часъ мы уже садились на лошадей, чтобы къ ночи добраться до бивуака.

Дувшій въ теченіе дня южный вѣтеръ почти что стихъ совершенно. Солнце закатилось, и наступившая ночь непроницаемой мглою окутала всѣ окрестности. Съ грѣхомъ пополамъ мы выбрались къ перевалу и расчитывали уже, что вотъ-вотъ увидимъ впереди привѣтливый огонекъ, предусмотрительно разложенный Рахметомъ, какъ вдругъ оказалось, что мы на ложной дорогѣ: скалы смѣнялись одна другой, и мы мало по малу втягивались въ незнакомое намъ ущелье... Но Ташбалта упорно стоялъ на своемъ... «Сейчасъ, хозя'нъ, пріѣдемъ», утѣшалъ онъ насъ то и дѣло. Дѣйствительно, ущелье оказалось сквознымъ; мы выбрались на сѣверную сторону горъ и поѣхали саемъ, обросшимъ съ краевъ какимъ-то кустарникомъ... Но тутъ уже и Ташбалта понялъ, что мы заблудились...

— Хозя'нъ, надо взять немного правѣе...

Поѣхали вправо и сразу же очутились среди какого-то лабиринта скалъ, изъ котораго, казалось, не было выхода. Въ надеждѣ что насъ могутъ услышать на бивуакѣ, мы стали давать сигнальные выстрѣлы, но, увы! отвѣта на нихъ не послѣдовало... Тогда мы повернули назадъ, но вновь добраться хотя бы до сая, уже не могли. Было ясно, что съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ мы все далѣе и далѣе забираемся въ горныя дебри...

— Постойте, такъ идти дальше нельзя! Надо выждать восхода луны, а пока постараемся хотя бы выйти обратно въ долину къ Уланъ-таманта...

И я, справившись съ небомъ, повелъ своихъ спутниковъ на югъ, поперекъ горъ. Но это было трудное восхожденіе и еще болѣе трудный спускъ: высокія крутыя скалы смѣнялись глубокими рытвинами, пока, наконецъ, мы не замѣтили впереди желтой полоски... Это и была желанная долина. Но въ какой сторонѣ приходилось искать теперь перевалъ: на западѣ или востокѣ? Строить какія-либо предположенія было излишне, а потому мы и рѣшились ожидать здѣсь разсвѣта...

Когда же солнце взошло, то оказалось, что мы блуждали вокругъ да около перевала и провели ночь въ какихъ нибудь двухъ-трехъ верстахъ къ востоку отъ него...

Вверхъ по долинѣ, южнѣе Безъимяннаго хребта, имѣлась прямая дорога на Палуанъ-булакъ, находящійся отсюда всего въ двухъ переходахъ къ востоку [1]). Еще ночью, раздумывая о дальнѣйшемъ пути, я рѣшился воспользоваться ею для того, чтобы въ Дга выйти по Асса-шарскому руслу и тѣмъ въ значительной степени пополнить собранныя мною данныя о Чолъ-таг'скомъ нагорьѣ; но когда я сообщилъ этотъ планъ Рахмету, то встрѣтилъ съ его стороны самый рѣзкій протестъ. «Помилуйте, говорилъ онъ, мы расчитали наши припасы на десять, много если на двѣнадцать дней, а, между тѣмъ, сегодня пошелъ уже восемнадцатый, какъ мы покинули Дга. Лошади изморены, всѣ наши запасы прикончились: мы уже остались безъ соли, а хлѣба у насъ не болѣе какъ на одинъ переходъ... Всего не осмотришь и не изъѣздишь... Тутъ, въ сторонѣ, вѣдь еще осталось много ключей, на которыхъ мы могли-бы столкнуться съ дикими верблюдами... Ѣхать же на Палуанъ-булакъ—значитъ дать крюку дней, можетъ быть, на пять...»

Возразить на это было нечего, и я, скрѣпя сердце и досадуя на необходимость беречь деньги даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ беречь вовсе не слѣдовало, отдалъ приказъ готовиться къ выступленію на Ильтырганъ [2]). Впрочемъ, мы успѣли здѣсь еще славно поохотиться, при чемъ Ташбалтѣ и Комарову удалось убить пять джерановъ.

Когда я проснулся, Венера, предвѣстница близкой зари, уже ярко горѣла на небосклонѣ, по которому плавно неслись рѣдкія облака. Въ воздухѣ было необыкновенно тепло...

— Эй, Ташбалта, Рахметъ-ула, турынгыз! Челпан чикды!.. [3])

Лагерь проснулся, и, такъ какъ сборы наши были не сложны, то уже въ исходѣ второго часа ночи мы были готовы. Еще съ вечера мною взяты были необходимые азимуты, а потому теперь, до поры до времени, я могъ ѣхать покойно, отдаваясь всецѣло веселой болтовнѣ со своими спутниками, у которыхъ все еще не выходила изъ головы удача вчерашней охоты.

Выбравшись изъ сая, мы ѣхали по равнинѣ, усыпанной мелкой галькой; по сторонамъ отъ дороги виднѣлись изрѣдка невысокія вершины пологихъ холмовъ, да подъ ногами у лошадей шуршали кустики шуры и камъ-кака. На шестой верстѣ мы достигли гряды, на которую взято было направленіе. Пройдя ее, мы вышли въ обширную котловину, имѣвшую крестообразную форму. Окружающія ее горы въ общемъ были не высоки, хотя много выше на западѣ, чѣмъ на востокѣ; и только на сѣверѣ возвышался довольно значительный кряжъ, который мы перешли по глубокой сѣдловинѣ. Повидимому, онъ составлялъ непосредственное продолженіе хребта, возвышавшагося на югъ отъ Урусъ-кіикъ-урды-булака.

---

[1]) Въ 110 и отъ Дга въ 170 верстахъ.

[2]) Здѣсь обнаружилась досадная пропажа. Я потерялъ, а всего вѣрнѣе забылъ на Бурупту, мѣшочекъ съ частью породъ, взятыхъ между Тюге-тау и Бурупту, въ которомъ находились также друзы кристалловъ горнаго хрусталя, взятыя изъ окрестностей урочища Шальдранъ.

[3]) Э, Ташбалта, Рахметъ-ула, вставайте! Венера взошла!..

Крестообразная котловина имѣла твердый грунтъ и представляла плоскость, усыпанную галькой и кое-гдѣ поросшую хвойникомъ и гребенщикомъ; въ западномъ ея углу имѣлся небольшой ключикъ, названіе котораго не было извѣстно Рахмету.

Солнце взошло, когда мы переваливали черезъ сѣверный кряжъ, гребень котораго отстоялъ въ 17 верстахъ отъ урочища Курукъ-тауракъ. Здѣсь передъ нами вновь развернулась широкая (до 5 верстъ шириной) долина, на западѣ и востокѣ терявшаяся въ дали, на сѣверѣ же ограниченная хотя и невысокимъ, но скалистымъ хребтомъ [1]), который мы также перевалили по глубокой въ немъ сѣдловинѣ. Хребетъ этотъ былъ продолженіемъ Тюге-тау, встрѣченные же нами по сѣверную его сторону пески тѣми песками, которые я видѣлъ съ нагорья, обрывающагося въ ущелье восточнаго Торакъ-булака. Они были закрѣплены гребенщикомъ, какимъ-то злакомъ («кемперъ-чашъ» — старушечій волосъ), кажется, Eurotia ceratoides, лукакомъ и другими солянками и оказались наметенными на скалистые холмики, мѣстами еще торчавшіе изъ подъ нихъ. Въ десяти верстахъ отъ Тюге-тау песокъ этотъ становился болѣе подвижнымъ; онъ скоплялся здѣсь въ значительныхъ массахъ и мѣстами почти засыпалъ невысокій кряжикъ сѣверо-западнаго простиранія, служащій, сѣверной границей ихъ распространенія.

Съ переходомъ на сѣверную сторону горъ Тюге-тау природа страны измѣнилась довольно рѣзко. Растительность попадалась все рѣже и рѣже, скалы все чаще и чаще стали смѣняться пологими, сильно разрушенными съ поверхности грядами и холмами, и вся мѣстность получила особый, какой-то мертвенный, отпечатокъ.

Спустившись съ помянутаго хребтика въ водостокъ, кое-гдѣ поросшій рѣдкими кустиками солянокъ и носившій ясные слѣды протекающей въ немъ временами воды, мы очутились какъ бы въ безконечномъ корридорѣ, стѣны котораго, образованныя коренной породой, скрывали отъ насъ особенности рельефа окрестной страны. Корридоромъ этимъ мы шли вплоть до сумерокъ. Было невыносимо тоскливо на душѣ. Мы устали и страшно проголодались. Считая уже не часы, а минуты, мы то и дѣло подгоняли своихъ лошадей въ надеждѣ вотъ-вотъ увидать столь желанный конецъ до-нельзя раздражавшаго насъ своей монотонностью водостока... И вдругъ страшный ударъ грома потрясъ всю окрестность... Грохотъ слышался потомъ еще секундъ 30 и шелъ съ сѣверо-востока. Я взглянулъ на небо: оно было ясно, и въ этой части горизонта не пробѣгало ни одного облачка... Я догадался въ чемъ дѣло. Это былъ финалъ многовѣковаго акта, въ которомъ ареной дѣйствія была какая-нибудь скалистая громада, а дѣятелями—атмосферныя вліянія, медленно, но неустанно работавшія, чтобы въ концѣ концовъ сокрушить эту громаду... И вотъ они достигли теперь своей цѣли... Но, вѣроятно, это далеко было отъ насъ. Сотрясенія почвы мы не почувствовали, да къ тому же на сѣверо-востокѣ, въ предѣлахъ нашего кругозора, мы не видали скалистыхъ высотъ...

---

[1]) Долина эта мѣстами поросла травой, которую, къ сожалѣнію, мнѣ не удалось опредѣлить. Она въ значительной степени напоминала осоку—рянгъ (не обычная ли это въ подобныхъ пустыняхъ Carex physodes?)

Изъ корридора въ Ильтырганскую долину мы выбрались послѣ солнечнаго заката; когда же, версты четыре дальше, я подходилъ къ колодцамъ, часы показывали 5 [1]). Такимъ образомъ въ пути мы были 14 часовъ, въ теченіе коихъ было пройдено почти 60 верстъ.

Напоивъ въ послѣдній разъ своихъ лошадей, мы выступили изъ Ильтыргана въ 3 часа по полуночи. Было холодно, хотя сѣверовосточный вѣтеръ, дувшій въ теченіе предшедшаго дня, и стихъ къ этому времени. Во второмъ часу дня мы прибыли въ урочище Шальдранъ, сдѣлавъ въ теченіи 10 часовъ около 42 верстъ, и, отдохнувъ здѣсь около часа, прошли и остальныя десять верстъ, остававшіяся намъ до урочища Катаръ-холгунъ. Здѣсь отдыхали (выраженіе — ночевали было-бы неподходящимъ) и уже въ часъ ночи выступили въ дальнѣйшій путь. Ощупью взобрались на Чолъ-таг'скій перевалъ, но отсюда, вмѣсто того, чтобы спускаться ущельемъ Ильтырганъ-аузе, пошли плоскогоріемъ, забирая все далѣе и далѣе влѣво. Впереди ѣхалъ Рахметъ, а потому сначала я не обратилъ на это особаго вниманія, но, проѣхавъ такъ около часа, рѣшилъ, наконецъ, вызвать его на объясненіе.

— Рахметъ, а Рахметъ! окликнулъ я нашего вожака... Но онъ не откликнулся. Старикъ спалъ, какъ могутъ спать только одни жители степей, гдѣ нѣтъ другихъ способовъ сообщенія, какъ только верхомъ,—сидя въ сѣдлѣ и держа голову совершенно прямо. Этимъ все объяснилось.

---

[1]) Долженъ оговориться: наши часы должны были значительно отставать, но ввести соотвѣтствующую поправку въ эти показанія времени я теперь затрудняюсь.

Безъ дальнѣйшихъ приключеній мы добрались до Асса-шарскаго русла, а тамъ, наконецъ, завидѣли и деревья, указывавшія намъ издали на мѣстоположеніе Дга. Былъ второй часъ дня (разстояніе отъ Катаръ-холгуна до Дга вычислено было мною въ 65 верстъ). Солнце ярко блистало на небѣ и привѣтливо освѣщало показавшіяся впереди постройки селенія; на душѣ было не мѣнѣе свѣтло и какъ то особенно радостно отъ сознанія выполненной мною съ успѣхомъ задачи... Въ самомъ дѣлѣ обширная территорія между Турфаномъ и Лобомъ не представляла уже теперь «terra incognita», нѣтъ, съ этого любопытнаго уголка Средней Азіи спала скрывавшая ее дотолѣ завѣса и онъ предсталъ предъ нами совсѣмъ не такимъ, какимъ рисовала его намъ наша фантазія подъ вліяніемъ дотолѣ прочитаннаго. Загадочная «Гашунская гоби» или «Илхума», какъ безбрежная равнина, частью каменистая, частью песчаная, перестали существовать, и на ея мѣстѣ выросло нагорье — западный участокъ обширной горной страны, названной братомъ, въ его письмѣ изъ Су-чжоу, Бэй-Шанемъ. Этотъ Бэй-Шань, въ его полномъ объемѣ, составляетъ всецѣло наше открытіе и впослѣдствіи, во второмъ томѣ настоящаго труда, его описанію отведено будетъ соотвѣтственное мѣсто; теперь же я брошу ретроспективный взглядъ на изслѣдованный мною участокъ этой горной страны.

Конечный пунктъ моего изслѣдованія на югъ, считая по меридіану, долженъ отстоять, вѣроятно, на величину бо́льшую 185 верстъ; думаю такъ потому, что я принималъ среднюю скорость движенія, за вычетомъ остановокъ, равной 4½ верстамъ; между тѣмъ эта величина, равная среднему ходу лошади подъ вьюкомъ, едва-ли въ точности соотвѣтствовала быстротѣ нашего хода и, конечно, скорѣе меньше, чѣмъ равна дѣйствительной. Округляя вышеприведенную цифру до 200 верстъ и полагая, что предѣльная полоса, видѣнная мною на югѣ, лежитъ на разстояніи 225 верстъ отъ Дга, я думаю, что послѣдняя лежитъ всего только въ ста верстахъ къ сѣверу отъ Лобъ-нора. Въ самомъ дѣлѣ, широта Лобъ-нора у селенія Абдала опредѣляется Пржевальскимъ въ 39° 31′ 12″, а сѣверная граница разлива въ 39° 57′; широта же селенія Ямъ-булака опредѣлена мною въ 42° 52′ 36″, а такъ какъ селеніе Дга находится 13 верстъ южнѣе послѣдняго, то урочище Тешекъ-булакъ можетъ лежать только на градусъ сѣвернѣе разлива Лобъ-нора.

На пути, пройденномъ мною, высочайшія точки нагорья лежатъ въ хребтѣ Тюге-тау. Горныя массы подымаются здѣсь до относительной высоты, равной, по крайней мѣрѣ, 4,000 ф., и абсолютной— 9,000 ф. Правда, это высшія точки нагорья; но не слѣдуетъ забывать, что я имѣлъ возможность изслѣдовать только очень узкій районъ и что существуетъ не мало указаній въ пользу того, что нагорье это довольно значительно подымается на востокъ; по крайней мѣрѣ, всѣ безъ исключенія долины имѣли на нашемъ пути паденіе къ западу, да туда же сбѣгали и сухія русла временно текущихъ здѣсь водъ. Хребетъ Тюге-тау служитъ водораздѣломъ. Отъ него къ югу и сѣверу тянутся ряды кряжей, имѣющихъ, какъ и Тюге-тау, преимущественно западо-сѣверо-западное простираніе и раздѣляющихъ все нагорье на соотвѣтствующее количество продольныхъ и параллельныхъ между собою долинъ, террасовидно-спускающихся въ обѣ стороны, т. е. къ Лобъ-нору и Лукчунской впадинѣ. Самыми типичными и въ то же время обширными изъ этихъ долинъ являются долины — Катаръ-холгунская и расположенная между Курукъ-тагомъ и Безъимяннымъ хребтомъ. Нерѣдко такія долины пересѣкаются горными перемычками, въ видѣ, преимущественно, массовыхъ поднятій дна долинъ; въ такихъ случаяхъ, къ востоку отъ послѣднихъ образуются иногда котловино-образныя углубленія, нѣкогда служившія дномъ озеръ, а нынѣ представляющія изъ себя солончакъ (напримѣръ, Ильтырганская долина). Эти же неровности дна долинъ обусловливаютъ гидрографическія особенности Чолъ-таг'скаго нагорья. Большинство главнѣйшихъ изъ протекавшихъ здѣсь въ былыя времена рѣкъ бѣгутъ не вдоль долинъ, а поперекъ послѣднихъ, пересѣкаютъ на своемъ пути одинъ или нѣсколько кряжей и уже послѣ того сбѣгаютъ на западъ. Въ своемъ мѣстѣ я упоминалъ уже о такихъ водостокахъ. Это, во первыхъ, *Тешекъ-булакскій протокъ*. Нарождаясь на сѣверныхъ склонахъ Безъимянныхъ горъ, онъ разсѣкаетъ ихъ меридіанальнымъ ущельемъ, пробѣгаетъ поперекъ слѣдующую затѣмъ продольную долину и, соединившись здѣсь съ русломъ, идущимъ *вдоль этой послѣдней* съ востока, пересѣкаетъ еще одинъ хребетъ—Курукъ-тагъ, послѣ чего и выходитъ уже въ равнину Лобъ. Во вторыхъ, *Торакъ-булакскіе протоки*. Нарождаясь на сѣверныхъ склонахъ хребта Тюге-тау, они не бѣгутъ вдоль подошвы послѣдняго, но срываются съ террасовиднаго нагорья и уже отсюда бѣгутъ по долинѣ на западъ. Въ третьихъ, наконецъ, *Ильтырганскій протокъ*. Нарождаясь, равнымъ образомъ, на сѣверныхъ склонахъ Тюге-тау, онъ бѣжитъ отсюда на сѣверо-западъ, вливается въ Ильтырганскую котловину, затѣмъ прорываетъ еще одинъ хребетъ и только тогда уходитъ на западъ.

Въ отношеніи внѣшняго характера горъ можно вообще замѣтить, что чѣмъ горы выше, тѣмъ онѣ болѣе скалисты; относительно же невысокія горы въ то же время и самыя пологія. Впрочемъ, среди послѣднихъ подымаются иногда отдѣльные утесы, въ видѣ значительной высоты массивовъ, являющихся въ такомъ случаѣ всегда монолитами. О геогностическомъ строеніи Чолъ-таг'скихъ горъ, конечно, сказать многаго я не могу. Одно вѣрно: всѣ привезенные мной образчики горныхъ породъ съ несомнѣнностью доказываютъ ихъ давнее происхожденіе; новѣйшихъ же образованій я вовсе не встрѣтилъ на своемъ пути. Впрочемъ, подробнѣе вопросъ этотъ разработанъ будетъ братомъ во второмъ томѣ настоящаго труда; здѣсь же я ограничусь указаніемъ, что такъ называемыхъ «ханхайскихъ» отложеній я въ этой части Чолъ-таг'скаго нагорья вовсе не встрѣтилъ, изъ чего не можетъ не явствовать, что въ третичную эпоху это нагорье на всемъ своемъ протяженіи должно было представлять материкъ.

За симъ я приступаю къ прерванному разсказу.

Въ Дга мы встрѣтили очень радушный пріемъ. Здѣсь распространилось, неизвѣстно откуда почерпнутое, извѣстіе о нашей погибели, и теперь дгинцы радовались, видя насъ, въ особенности же Рахмета, возвратившимися въ добромъ здоровьѣ. Одновременно съ нами возвратились въ Дга и охотники, уходившіе на Палуанъ-булакъ. Они убили тамъ верблюда, но, не подозрѣвая, что мнѣ нужна шкура, а не мясо, бросили послѣднюю у ключа. Вотъ, что они разсказали мнѣ про охоту на дикаго верблюда.

Дикій верблюдъ очень чутокъ, но главнымъ образомъ обладаетъ острымъ зрѣніемъ. Къ нему слѣдуетъ подходить только въ тѣ промежутки, когда онъ наклоняетъ голову къ корму, и останавливаться безъ движенія, когда онъ, пережевывая послѣдній, подымаетъ ее. Раненный верблюдъ рѣдко уходитъ; самое же выгодное—попасть ему въ ногу: тогда онъ не трогается съ мѣста и только кричитъ. Нападаютъ на человѣка однѣ самки, защищая своихъ верблюжатъ. О возможности же прирученія этихъ животныхъ дгинцы сообщить мнѣ ничего не могли, такъ какъ на ихъ памяти подобныхъ случаевъ не было.

Въ Дга мы ночевали, а 8 ноября, къ полудню, прибыли въ Лукчунъ-кыръ.

ГЛАВА XVIII.

Переходъ черезъ пустыню въ Хами.

18 ноября—день выступленія нашего изъ Лукчунъ-кыра. Было пасмурно и холодно, дулъ слабый сѣверо-восточный вѣтеръ. Вьючились при 12° мороза и, какъ всегда бываетъ послѣ долгихъ стоянокъ, дѣло это не спорилось. То то, то другое оказывалось неуложеннымъ; арканы, когда-то запрятанные въ куржуны 1), теперь не отыскивались, чимбуровъ 2) не хватало. А тутъ еще и лукчунцы со своими приношеніями...

«Іоллукъ 3), таксыръ»...

Приходилось отрываться отъ дѣла, вызывать переводчика и благодарить за подносимые на прощанье плоды (гранаты и груши), сдобный хлѣбъ, изюмъ и сушеныя дыни... Пріѣхалъ прощаться и Сеидъ-Ніязъ-дорга... 4). Но, наконецъ, все было готово, и при шумныхъ пожеланіяхъ провожавшей толпы мы покинули нашъ бивуакъ.

Проѣхавъ знакомой дорогой, среди пустошей и полей съ остатками блеклой растительности—*Lycium ruthenicum* 5), различныхъ злаковъ, солянокъ и лебеды, до предмѣстья Лукчуна, мы

---

1) Такъ называются въ Туркестанѣ переметныя сумы.

2) Въ «толковомъ словарѣ» В. Даля сказано: «чумбуръ»—чрезсѣдельникъ. Это не вѣрно. «Чимбуръ»—поводъ, служащій для связыванія между собой вьючныхъ лошадей или для привязыванія верховыхъ во время остановокъ. Онъ ременный, но чаще изъ волосяной веревки и прикрѣпляется къ кольцу уздечки или недоуздка.

3) Отъ слова «іолъ»—дорога, а потому—дорожникъ, дорожный запасъ.

4) Объ этомъ лицѣ мнѣ приходилось говорить выше.

5) По турфански—«акъ-текенекъ»—бѣлая колючка. Ягоды этого растенія, извѣстныя подъ именемъ «карамукъ», служатъ для изготовленія темно-фіолетовой краски.

шли имъ около восьми верстъ и, миновавъ послѣдніе ряды древесныхъ насажденій, остановились на окрайнемъ арыкѣ, отъ котораго до Пичана насчитывалось еще 28 верстъ—разстояніе слишкомъ значительное, чтобы успѣть пройти его въ тотъ же день. Поэтому туда мы прибыли только 19-го и, подойдя къ городу, остановились противъ его восточныхъ воротъ, на току, только что передъ тѣмъ очищенномъ отъ зерна и соломы.

Здѣсь мы дневали по двумъ причинамъ: во первыхъ, брату нужно было взять широту [1]), во вторыхъ, намъ слѣдовало, передъ переходомъ пустыней въ Хами, озаботиться ремонтомъ и обновленіемъ теплой одежды. Все время насъ увѣряли, что въ Турфанской области морозы нынѣшняго года явленіе совершенно случайное, что они должны будутъ не сегодня-завтра ослабнуть, и мы, утѣшаясь подобной перспективой, очень мало заботились о состояніи нашихъ валеныхъ сапоговъ и полушубковъ, уже замѣтно поизносившихся, а кое-гдѣ и разошедшихся по швамъ. Но теперь, съ переходомъ на сѣверную сторону Тузъ-тау, стало еще холоднѣе. Къ тому же сѣверо-восточный вѣтеръ крѣпчалъ, предвѣщая еще большее пониженіе температуры. Откладывать далѣе ремонтъ—значило рисковать очень многимъ, и вотъ мы бросились на пичанскій базаръ—закупать войлочные чулки (пайпаки) и тресковыя бараньи шкурки для шитья изъ нихъ рукавицъ и наложенія заплатъ на худыя мѣста полушубковъ. Нашъ лагерь оживился. Нашлись тотчасъ же закройщики, другіе взялись за иглу. Только Колотовкинъ не принялъ участія въ обуявшей всѣхъ лихорадочной дѣятельности: охотничья страсть превозмогла въ немъ заботу о будущемъ, и онъ, захвативъ дробовикъ, направился въ сосѣдніе сады, гдѣ убилъ: Cerchneis tinnunculus, Parus cyanus tianschanicus, Merula maxima и Mer. atrigularis; кромѣ того онъ подшибъ аляпку (Cinclus leucogaster), но она забилась подъ крутой берегъ арыка и такимъ образомъ ускользнула изъ его рукъ.

22 ноября мы сняли свой бивуакъ подъ Пичаномъ. Перейдя по мосту рѣчку и миновавъ довольно значительную дунганскую слободу, мы еще верстъ шесть шли пашнями и садами. Затѣмъ вступили въ каменистую степь Харюзу, имѣющую здѣсь волнистый характеръ; справа даже высились какія-то скалы, слагавшіяся въ невысокія гривы, слѣва же подымался совершенно плоскій увалъ съ точно обрубленными краями [2]); за нимъ, въ отдаленіи,

---

[1]) Высота города Пичана—1037 ф.

[2]) Вѣроятно, нѣкогда тутъ пробѣгала рѣка?

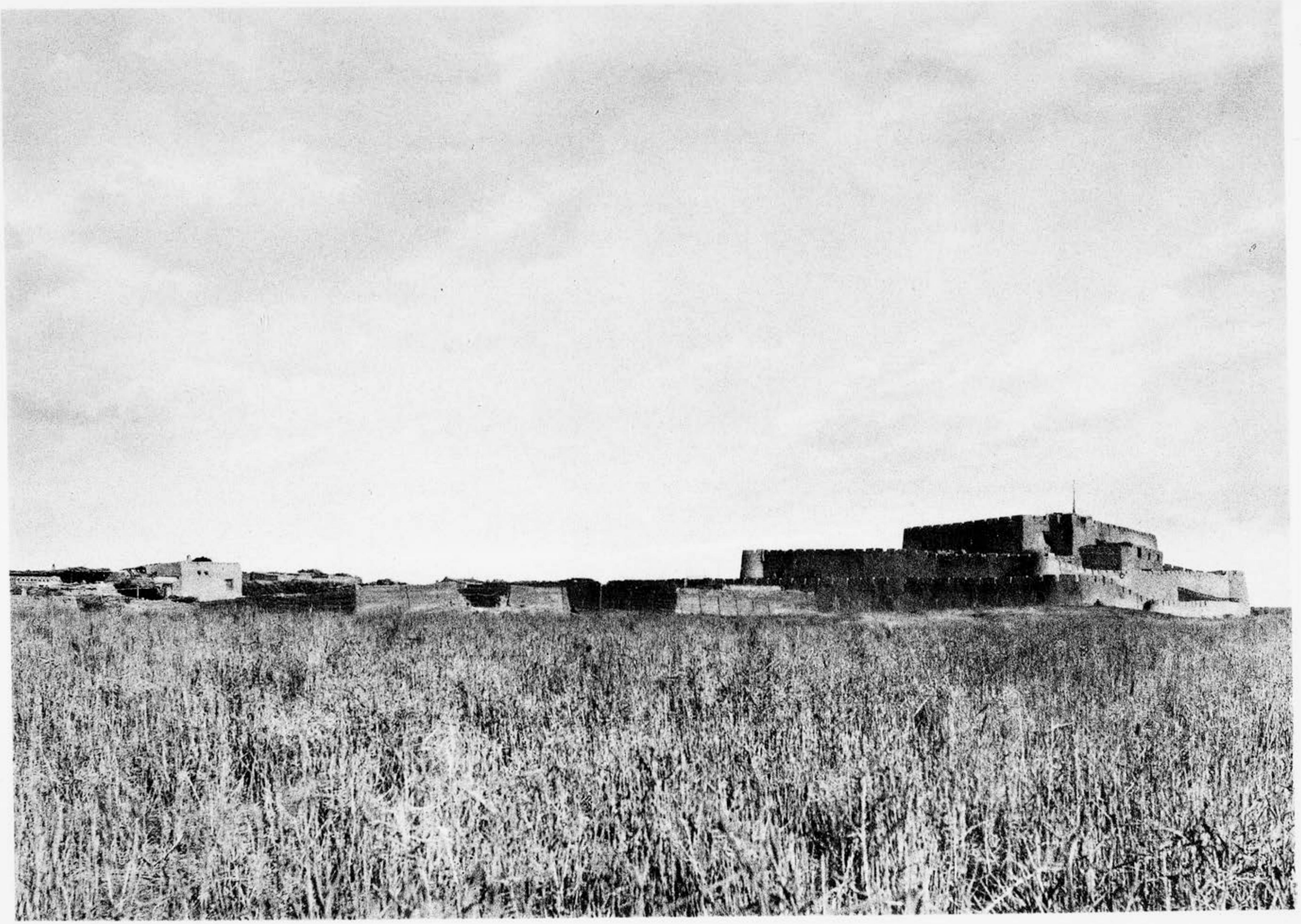
высокой стѣной подымался Тянь-Шань, всѣ ущелья котораго, безплодныя и безснѣжныя, виднѣлись отсюда какъ на ладони. Десять верстъ мы шли этой пустыней, сдѣлавъ пересѣченіе нѣсколькихъ старыхъ и, вѣроятно, нѣкогда часто мѣнявшихся плесовъ какой-то рѣки (Керичина?). Наконецъ, переваливъ черезъ невысокую грядку, сложенную изъ рыхлыхъ породъ, мы вышли къ широкому логу, который, начинаясь выше Чиктыма, тянется оттуда сначала на юго-западъ, а затѣмъ, въ мѣстѣ пересѣченія его нашей дорогой, круто поворачиваетъ на юго-востокъ и скрывается среди горъ, примыкающихъ къ Кумъ-и Тузъ-тау. Въ верховьяхъ своихъ, богатыхъ ключами, онъ поросъ преимущественно камышомъ и Турһа («куга», близъ Чиктымскихъ ключей); ниже же, т. е. уже за Чиктымскимъ укрѣпленіемъ, камыши эти рѣдѣютъ, появляется чій, цѣлая свита солянковыхъ растеній — Halostachys caspia, Pall. 1), Salsola kali, L., Sals. sclerantha, C. A. Mej и др., джантакъ, тамариксъ 2), золотарникъ и даже разнолистый тополь. Еще ниже, въ 14 верстахъ отъ помянутаго укрѣпленія, логъ раздѣланъ подъ пашни. Здѣсь, на второй группѣ ключей, находится небольшое дунганское поселеніе Эко-шаръ или Таса. Миновавъ его, мы шли еще часа два то логомъ, то прибрежнымъ краемъ каменистой пустыни, пока не достигли богатаго водою таранчинскаго поселка Бурё-булакъ (Волчій ключъ), въ которомъ, за позднимъ временемъ, и остановились. Поселеній съ названіемъ Бурё-булакъ—два: нижнее, расположенное при дорогѣ, и верхнее въ четырехъ верстахъ по ключу выше. Оба лежатъ въ балкѣ, составляющей, какъ кажется, одну изъ вѣтвей Эко-шаръ-Чиктымскаго лога, среди невысокихъ холмовъ, образующихъ сѣверо-западную окраину того нагорья, которое съ востока ограничиваетъ Турфанскую низменность.

Было очень холодно. Въ 5 часовъ дня термометръ показывалъ уже 15^0 мороза, а къ 9 вечера ртуть упала до -19^0! Часомъ позже она опустилась еще на градусъ ниже, а къ утру морозъ достигъ наибольшаго напряженія, какое намъ приходилось испытывать въ Турфанской области, а именно—20°,5. Не свыкшись еще съ такими холодами, мы мерзли даже подъ кошмами, а потому, едва забрезжило утро—весь персоналъ нашей экспедиціи былъ уже у костра, торопя дежурнаго чаемъ. До Чиктымскаго укрѣпленія было

---

1) «Кургунъ» по киргизски, «куйрюкъ» по таранчински, «суха» по торгоутски, «хунъ-тёза» по китайски.

2) «Джулгунъ» по киргизски, «джингиль» по таранчински, «бурдусунъ» по торгоутски, хунъ-со» по китайски.



Укрѣпленіе Чиктымъ.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

близко, всего какихъ-нибудь четыре версты, такъ что мы прибыли туда спозаранку, кажется, даже въ то время, когда еще не открывались ворота импаня. Путь къ нему шелъ черезъ невысокую, плоскую горную грядку, сложенную изъ рыхлыхъ породъ.

Мы остановились, не доходя до импаня, на берегу болотины, обильной прѣсными и настолько теплыми ключами, что въ нихъ, не смотря на двадцати-градусные морозы, продолжали еще жить лягушки и водяные клопы (Nepa cinerea). Одновременно мы нашли въ нихъ и рыбокъ — Phoxinus Grumi, Herz. in litt. Большинство этихъ ключей окружено вязкой почвой, даже зимой не вездѣ проходимой 1) и точно инеемъ усыпанной кристаллами соли. Эта болотина поросла кугой, а на своихъ окраинахъ, представляющихъ сплошной солонецъ, — мѣстами камышомъ, мѣстами же чіемъ, солянками и тамариксомъ.

Водою этихъ ключей до настоящаго времени не пользуются; послѣдніе бьютъ хотя и въ головной части Чиктымъ-Эко-шар'скаго лога, но въ естественной впадинѣ, откуда безъ довольно серьезныхъ канализаціонныхъ работъ вывести ихъ невозможно.

Чиктымское укрѣпленіе, изображенное на прилагаемой здѣсь фототипіи, расположено на бугрѣ, что дало возможность китайцамъ обнести его тройной защитой. Въ настоящее время гарнизонную службу несетъ въ немъ конная лянза (ма-дуй), не досчитывающая до полнаго своего комплекта (125 чел.) половины людей; и, не смотря на это, послѣдніе размѣщены въ немъ очень тѣсно; плохо и лошадямъ, коновязи которыхъ находятся внѣ стѣнъ укрѣпленія. Къ нему примыкаетъ нѣсколько частныхъ построекъ: три таня и нѣсколько лавокъ, въ которыхъ можно достать фуражъ, муку и кое-какіе другіе припасы, да и то не всегда: передъ выступленіемъ въ пустыню намъ нужно было запастись нѣсколькими даданами акъ-джугары; но этого количества въ наличности тамъ не оказалось, и вотъ мы цѣлые два дня употребили на то, чтобы собрать по сосѣднимъ хуторамъ 2) требовавшееся намъ количество фуража!

Мы покинули Чиктымъ 26 ноября. Первый переходъ до постоялаго двора Кыркъ-ортунъ (абс. выс. 1893 ф.) былъ коротокъ,

---

1) Мы чуть не потеряли здѣсь лошадь, которая у насъ на глазахъ погрузилась въ грязь по брюхо (и это при 20^0 мороза!); еле-еле, усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, которые, чтобы держаться на поверхности, разостлали кошмы, удалось ее выручить. Такія соленыя грязи, называющіяся киргизами «баптакъ», въ Восточномъ Туркестанѣ составляютъ рѣдкое явленіе.

2) О хуторахъ, лежащихъ къ западу отъ Чиктымскаго укрѣпленія, писалось выше См. стр. 290.

всего 40 іоловъ, а по нашему расчету нѣсколько болѣе 13 верстъ. Къ тому же сперва мы шли логомъ, среди густыхъ камышей, и только вторую половину пути сдѣлали по монотонной и почти совершенно безплодной мѣстности — по каменистой пустынѣ, составляющей преобладающій ландшафтъ на всемъ пути до первыхъ поселеній Хамійскаго округа.

Въ Кыркъ-ортунѣ, расположенномъ близъ небогатаго водою ключа, сходятся два пути изъ Хами: колесный—кружный и вьючный—прямой. Послѣднимъ ѣздятъ иногда и телѣги, но случаи эти рѣдки. О немъ, еще въ Лукчунъ-кырѣ, разсказывали мнѣ слѣдующее:

«Въ то время, когда въ Кыркъ-ортунѣ только едва ощущается слабый вѣтеръ съ востока, тамъ, *въ ущельяхъ, которыми бѣжитъ эта дорога* [1]), свирѣпствуетъ уже настоящая буря. И никто не въ силахъ удержаться тогда на ногахъ, даже арбы опрокидываетъ и уноситъ на десятки шаговъ! Главная опасность этого пути заключается, однако, не въ этомъ: уложилъ ишаковъ и верблюдовъ, укрылся какъ-нибудь самъ среди багажа, а стихла погода—опять продолжай себѣ путь! Она грозитъ сверху, со стороны *горъ, съ которыхъ* вѣтеръ срываетъ и несетъ щебень иногда въ такихъ массахъ, что кажется, точно идетъ каменный дождь! Тогда шумъ и грохотъ заглушаютъ ревъ верблюдовъ и крикъ человѣка и наводятъ ужасъ даже на бывалыхъ людей!»

Хассанъ-бай, родомъ кашгарецъ, взятый нами, какъ помнитъ читатель, изъ Урумчи, ходилъ однажды этимъ путемъ и вотъ что разсказалъ онъ намъ по этому поводу:

«Я шелъ этой дорогой еще мальчикомъ, лѣтъ пятнадцать назадъ, а потому названія станцій перезабылъ [2]); однако помню, что уже въ концѣ первой станціи съ южной стороны стали показываться горы, а со слѣдующей мы шли уже въ узкомъ ущельи. Здѣсь, не смотря на то, что былъ конецъ лѣта, т. е. самое благопріятное время въ году, мы должны были перенести страшную бурю. Мы пролежали цѣлые сутки, а потомъ вышли къ селенію Лапчукъ».

Такимъ образомъ, разсказы современниковъ мало чѣмъ отличаются отъ того, что писали про эту дорогу китайцы много столѣтій назадъ. Ее въ то время называли «долиной бѣсовъ» и, какъ видитъ читатель, не безъ основаній къ тому [1]).

---

[1]) Я съ намѣреніемъ подчеркиваю это свидѣтельство о существованіи непрерывной горной связи между Тянь-Шанемъ и нагорьемъ Чолъ-тагъ или западной частью Бэй-Шаня. Впослѣдствіи я буду имѣть еще случай вернуться къ нему.

[2]) Вообще, изъ разспросовъ мнѣ не удалось опредѣлить ни числа переходовъ, ни общей длины этой дороги. Въ названіяхъ станцій также путались—явное доказательство, какъ рѣдко ходятъ нынѣ этимъ путемъ.

Первымъ путемъ въ 1887 г. прошелъ англичанинъ Кэри; второй былъ совершенно не изслѣдованъ и представлялъ несомнѣнный интересъ въ томъ отношеніи, что, судя по описанію, пролегалъ по тѣснинѣ, подобной, напримѣръ, Каптагайской. Тѣмъ не менѣе намъ пришлось отказаться отъ первоначальнаго намѣренія идти этой дорогой. Помимо вышеприведенныхъ разсказовъ, конечно, нѣсколько преувеличивавшихъ непріятности сказаннаго пути, насъ останавливали и другія соображенія: отсутствіе топлива и корма на станціяхъ, а также недовѣріе къ познаніямъ Хассана, который, по его собственному признанію, прошелъ только однажды этой дорогой; другихъ же проводниковъ мы розыскать не могли. Независимо отъ сего, намъ казалось, что наша съемка Нань-лу отъ Чиктыма до границъ Хамійскаго оазиса, въ связи съ ея описаніемъ, должна будетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ очерку Кэри, который, въ своемъ предварительномъ отчетѣ, ни пол-словомъ не обмолвился объ общемъ характерѣ мѣстности вдоль этой дороги. Всѣ эти обстоятельства побудили насъ изъ Кыркъ-ортуна свернуть на Янчи.

---

[1]) Въ реляціи Ванъ-янъ-дэ читаемъ: «Въ степи, тянущейся на сѣверъ отъ Юй-мынъ-гуаня, первый городокъ, встрѣченный посольствомъ, былъ На-чжи. Послѣ трехъ дней пути отсюда имѣли роздыхъ при входѣ въ *«долину бѣсовъ»*. Черезъ 8 дней прибыли къ монастырю И-тянь-сы. Затѣмъ проѣзжали страною Пичанъ (Пао-чанъ), потомъ другою, по имени Лукчунъ (Лучжунъ), а послѣ того прибыли и въ Гаочанъ, иначе Си-чжеу».

Григорьевъ («Восточный или китайскій Туркестанъ», стр. 266, прим. 36) полагаетъ, что монастырь И-тянь-сы находился въ предѣлахъ Хамійскаго оазиса, изъ чего слѣдуетъ, что и «долину бѣсовъ» онъ помѣщаетъ гдѣ-нибудь между Хами и Юй-мынъ-гуанемъ. Это невѣрно. Въ очеркѣ «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» Успенскаго («Извѣстія Импер. Русск. Геогр. Общ.» IX, 1873, стр. 2) мы читаемъ: «Въ вѣдѣніи округа И-чжоу (т. е. Хами) были три уѣзда: И-у-сянь, На-чжи-сянь и Жоу-юань-сянь, на положеніе коихъ есть подробныя указанія въ китайской географіи.... На-чжи-сянь (къ которому вышелъ посолъ Ванъ-янъ-дэ) находился въ 120 ли (т. е. верстахъ въ 50) на юго-западъ отъ И-чжоу.» Это указаніе вполнѣ точно опредѣляетъ намъ и положеніе «долины бѣсовъ», которая могла находиться только между Хами и Турфаномъ.

Іакинфъ приводитъ слѣдующее китайское описаніе ураrановъ въ мѣстности, лежащей на востокъ отъ Пичана:

На восточной сторонѣ Пичана, Сань-цзянь-фанъ, Ши-сянь-цзянь-фанъ и Буиньтай (названіе станцій?) сутъ мѣста ураrановъ. Вѣтеръ поднимается всегда съ *сѣверо-западной стороны*. Передъ самымъ вѣтромъ слышенъ бываетъ *глухой шумъ*, подобно какъ передъ землетресеніемъ. Черезъ мгновеніе настаетъ вѣтеръ, который срываетъ кровли съ домовъ (съ станціонныхъ строеній?), *напомняетъ воздухъ каменьями*, въ яйцо величиною, опрокидываетъ самыя тяжелыя телѣги и, развѣявъ разсыпавшіяся вещи, наконецъ уноситъ и телѣгу. Людей и скотъ, застигнутыхъ въ дорогѣ, *заноситъ* весьма далеко, такъ что и слѣдовъ примѣтить невозможно, Таковые вѣтры наиболѣе *весною* и *лѣтомъ случаются*, а *осенью* и *зимою весьма рѣдко*. Въ горахъ зеленые плоско-продолговатые каменья (эпидозитъ, хлоритовый діабазъ?), похожіе на яшму, движимые вѣтромъ, издаютъ звукъ, подобный металлическому. Песчаные каменья (зеленый песчаникъ?), ураганомъ занесенные на горы, всегда лежатъ безпорядочными кучами въ странныхъ видахъ (?), а никогда не составляютъ холмовъ. Въ которое утро надъ *южными* и *сѣверными* горами (очевидно, рѣчь идетъ здѣсь объ ущельи) ясно и чисто, въ тотъ день не бываетъ вѣтра; а если мрачный туманъ мало по малу скроетъ оныя, въ тотъ день непремѣнно будетъ сильный вѣтеръ, и не должно пускаться въ дорогу». («Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 229).

Нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣстность и есть «долина бѣсовъ» Ванъ-янъ-дэ.

До этой станціи туземцы насчитываютъ 140 іоловъ—громадное разстояніе для вьючнаго каравана! Треть этого пути рѣшено было пройти до разсвѣта, съ каковою цѣлью мы и выступили со станціи Кыркъ-ортунъ уже вскорѣ послѣ полуночи.

Первыя десять верстъ мы шли щебневой пустыней, встрѣтивъ только однажды развалины какой-то постройки, но затѣмъ мѣстность стала принимать все болѣе и болѣе волнистый характеръ, а когда солнце выкатилось наконецъ на край горизонта, мы увидали, что подходимъ къ горамъ. Первые увалы, какъ и всюду въ Восточномъ Тянь-Шанѣ, сложены были изъ рыхлыхъ породъ (преимущественно изъ гальки, сцементированной глиной), но уже на 31 верстѣ мы пересѣкли гривку, образованную выходомъ коренной породы, а именно — кремнистаго сланца; а затѣмъ, мало по малу, мы втянулись и въ узкое ущелье, стѣны котораго образованы были тѣми же сланцами.

Въ пустынѣ намъ попадались только по росточамъ рѣдкіе кустики акъ-отуна [1]), въ ущельи же, въ особенности на сѣверныхъ его склонахъ, встрѣтились и другія растенія—«іермень» (Artemisia sp.), различныя, плохо сохранившіяся, солянки, «адрасманъ» (Peganum harmala var.) и вдоль дороги рѣдкій камышъ. Версты за три до станціи мы пересѣкли солончаковую котловину, поросшую камышомъ, а тамъ увидали впереди и первыя строенія — пока только жалкіе остатки покинутыхъ зданій, но и на нихъ мы кидали уже жадные взоры, до крайности утомленные длиннымъ путемъ. А вотъ, наконецъ, и Янчи передъ нами!

Я оглянулся кругомъ. Горы, въ которыя мы сегодня втянулись, захватывали всѣ стороны горизонта и сплошнымъ кольцомъ совершенно оголенныхъ скалъ окружали солончаковую площадь, съ края которой пріютилась Янчи. Было совершенно ясно. Заходившее солнце еще врывалось по ущельямъ въ долину [2]); но тѣни росли очень замѣтно и въ совершенно неестественныхъ очертаніяхъ налѣзали на горы противоположнаго края. Морозъ крѣпчалъ, вѣтеръ съ сѣверо-востока усилился. Но теперь это насъ уже мало заботило — мы были у пристани.

---

[1]) По всѣмъ видимостямъ — Atraphaxis sp.

[2]) Мы пришли въ Янчи въ третьемъ часу, но высокія скалы, подымавшіяся на юго-западѣ, совершенно заслоняли намъ эту часть горизонта.

Живо развьючены лошади, очередной казакъ кипятитъ уже чайники, а Иванъ Комаровъ, Сарымсакъ и старикъ Николай посреди двора бранятся съ китайцемъ-хозяиномъ [1]). Какъ водится, тотъ за фуражъ и постой заломилъ непомѣрную цѣну, на которой настаивать будетъ упорно и долго, но съ которой въ концѣ концовъ все-таки значительно сбавитъ... Мы все это напередъ уже знаемъ, а потому если и горячимся чрезмѣрно, то, я думаю, это происходитъ оттого только, что другого объекта для вымещенія своего раздраженія у насъ не находится. А мы пришли сюда раздраженными. Безконечная каменистая пустыня передъ глазами, долгій путь, усталость и голодъ, а главное морозъ и вѣтеръ, отъ котораго негдѣ укрыться,—все это въ совокупности напрягло наши нервы... Лошадямъ нашимъ тоже не по себѣ. Бѣдныя животныя сильно подобрались; непомѣрная усталость видна во всей ихъ фигурѣ, но, очевидно, ихъ еще хватаетъ на то, чтобы по своему придираться за каждую малость другъ къ другу — ихъ мало успокоиваютъ даже окрики дежурнаго казака!.. И только собаки, растянувшіяся на разбросанныхъ войлокахъ, ласково виляютъ хвостомъ при нашемъ проходѣ...

Всѣ мы ужасно торопимся покончить наши дѣла, потому что на завтра предстоитъ столь же большой переходъ — не успѣемъ заснуть, какъ придется снова вставать!

— Готовъ ли обѣдъ?

— Какой готовъ, дрова не горятъ...

Дѣйствительно, сырые прутья караганы только дымятъ—даже согрѣться у костра невозможно! Тѣмъ не менѣе огонекъ всѣхъ привлекаетъ къ себѣ, и мы, мало по малу, образуемъ вокругъ него кольцо. Наша обыкновенная поза — сидѣть на корточкахъ съ впередъ вытянутыми руками: весь передъ въ теплѣ, спина же, какъ часть тѣла, менѣе доступная холоду, предоставляется на произволъ вѣтрамъ и морозу. Съ наступленіемъ холодовъ какъ-то само собой сдѣлалось, что кухня обратилась въ нашъ клубъ. Здѣсь мы толковали о всемъ видѣнномъ и испытанномъ въ теченіе дня; здѣсь же отдавались и приказы дежурнымъ.

---

[1]) Станціи на Хами-Турфанской дорогѣ выстроены правительствомъ. На нихъ всегда имѣется запасъ сѣна и фуража для курьеровъ. Но помимо казеннаго запаса, смотритель таня держитъ запасы того и другого и для частныхъ лицъ, проѣзжающихъ этой дорогой; съ нихъ же въ свою пользу взимаетъ онъ плату и за постой: по фыну съ лошади и осла и по два съ человѣка. Впрочемъ, съ насъ запрашивали и по десяти фыновъ съ души.

Сегодня идетъ бесѣда о завтрашнемъ днѣ. Общее резюме: если буря не стихнетъ, то лошади едва ли дотянутся до слѣдующаго пикета. Между тѣмъ лошади теперь единственная наша надежда, а потому и единственная наша забота. Кругомъ насъ на многiе десятки верстъ ширится совершенно необитаемая пустыня, и только онѣ однѣ обезпечиваютъ намъ благополучный черезъ нее переходъ... И вотъ, къ вящшему ихъ удовольствiю, мы рѣшаемся увеличить имъ дачу. А онѣ, повидимому, уже поняли смыслъ нашей бесѣды и нетерпѣливымъ призывнымъ ржаньемъ стараются побудить насъ къ скорѣйшему приведенiю въ исполненiе принятаго рѣшенiя...

Но вотъ готовъ, наконецъ, и обѣдъ... Приведены въ порядокъ съемки, съ грѣхомъ пополамъ записано все, что нужно, въ дневникъ, наступило и время завода хронометровъ. А черезъ минуту все уже спитъ, спѣша насладиться пятичасовымъ отдыхомъ... И только одинъ изъ насъ — дежурный казакъ — бродитъ еще нѣкоторое время среди мирно жующихъ свой фуражъ лошадей. А небо, попрежнему, ясно. Луна узкимъ серпомъ медленно пробѣжала изъ края въ край по темному своду и только что скрылась. Не смотря на множество звѣздъ, совершенно темно. Горы рисуются теперь какими-то фантастическими громадами, готовыми ежеминутно рухнуть на васъ, и отъ этой ихъ близости на душѣ становится какъ-то томительно-жутко... Вѣтеръ крѣпчаетъ и одинъ нарушаетъ тишину ночи, гулко проносясь по ущельямъ, точно въ погонѣ за кѣмъ-то... Мороза градусовъ пятнадцать, и дышать становится трудно...

Послѣ полуночи на дворѣ все пришло ужь въ движенiе. Гулко по мерзлой землѣ разнесся топотъ рысью на водопой убѣгавшаго табуна [1]). Слѣдомъ слышатся какiе-то крики и скрипъ отворяемыхъ настежъ воротъ... Но вотъ несутъ чай, зажигается свѣчка...

— Ваше благородiе, ваше благородiе!.. Чай... вставайте!... будитъ брата Жиляевъ.

Я давно ужь не сплю. Я ужасно прозябъ, и всѣ мои попытки согрѣться не повели ни къ чему... А все же жаль вылѣзать изъподъ одѣяла для того, чтобы приниматься за чай. Но онъ выпитъ, и мы выходимъ на дворъ.

— Вьючить, ребята!

— Да мы и такъ уже вьючимъ! доносится издали.

---

[1]) Янчи получаетъ воду изъ колодцевъ; они обдѣланы камнемъ, очень обильны водой и находятся въ сотнѣ шаговъ отъ станцiи.

Совершенно темно. Глазъ долженъ привыкнуть для того, чтобы различать темные силуэты.

— Кто здѣсь?!.. держите, что-ли, савраску... А на соловка что сегодня вьючить-то будемъ?.. Отпусти арканъ-то!.. ну, тяни... у прокл...

Конецъ фразы не слышенъ. Вдругъ налетѣвшій порывъ поднялъ тучу песку, съ силой ударилъ имъ по лицу говорившаго и понесся дальше...

Работали дружно. Черезъ часъ-полтора традцать вьючныхъ животныхъ уже были готовы и первый ихъ эшелонъ потянулся къ воротамъ.

Янчи [1]) одна изъ самыхъ большихъ станцій на большой Хами-Турфанской дорогѣ [2]). Дворъ ея обширенъ и со всѣхъ сторонъ обставленъ кельями для проѣзжихъ. Какъ и всюду въ Китаѣ, обстановка этихъ келій вполнѣ расчитана на неприхотливость проѣзжаго люда. Глинобитныя стѣны, такой же канжинъ, прорѣзъ для двери, иногда для окна, въ которыя свободно врывается вѣтеръ — вотъ общій видъ той грустной обители, которая имѣетъ претензію называться танемъ и служитъ пріютомъ для человѣка [3]). Янчи, впрочемъ, опрятнѣе другихъ подобныхъ же станцій и представляетъ ту особенность, что имѣетъ, по азіатскимъ понятіямъ, вполнѣ приличное помѣщеніе для именитыхъ гостей. Это совершенно отдѣльное зданіе, расположенное въ глубинѣ двора, противъ воротъ. Оно состоитъ изъ трехъ высокихъ и большихъ комнатъ, съ дверьми и окнами, забранными деревяннымъ переплетомъ и оклеенными бумагой. Снаружи къ нему пристроено нѣчто въ родѣ крытой террасы, съ которой уже двѣ ступени и выводятъ на дворъ. Другая особенность Янчи — это небольшой караульный домъ (пикетъ), прислоненный съ внѣшней стороны къ станціонной оградѣ; въ немъ содержится шесть человѣкъ конныхъ солдатъ, на обязанности коихъ лежитъ развозить казенную почту. Но какъ ни жалка сама по себѣ подобная станція, все же она представляетъ довольно надежную защиту отъ вѣтра. За воротами ея мы это тотчасъ же и испытали.

Это было нѣчто совершенно невообразимое! Вся природа теперь взбунтовалась... И мнѣ какъ-то невольно представилось, что возмущенный тысячевѣковой неподвижностью Тянь-Шаня, непостоянный Борей вдругъ пришелъ въ безсмысленное на него озлобленіе и силится теперь приподнять и разметать всю эту громаду горъ и утесовъ... Но усилія его тщетны, и вмѣсто скалъ и каменныхъ глыбъ вѣтеръ гонитъ только тучи песку и мелкихъ камней и съ ревомъ и грохотомъ проноситъ ихъ внизъ по ущельямъ...

---

[1]) Іакинфъ («Опис. Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 237) пишетъ Янь-чи. Приводимыя пмъ разстоянія тѣ же, что и сообщенныя намъ: до Чиктыма 180 ли, до Отунъ-коза 120. По нашему опредѣленію оказалось: до перваго 52 версты, до второй почти 39 верстъ.

[2]) У Янчи отъ этой дороги отдѣляется вѣтвь на перевалъ Уланъ-усу.

[3]) Нѣкоторыя изъ этихъ келій, расположенныя вдоль южной ограды Янчи, оказались полузасыпанными пескомъ.

Мы страшно мерзли. Идти—задыхаешься, верхомъ—коченѣешь. А впереди около сорока верстъ пути, которыя всѣ укладываются въ безконечныхъ зигзагахъ горной дороги. Къ нашему счастью, подъемы были пологи, а мѣстность живописна повсюду — обстоятельство крайне важное для поддержанія въ человѣкѣ бодрости духа. Дѣйствительно, не смотря на невзгоды пути, какъ-то невольно любуешься всей этой дикой картиной, въ которой и передній планъ и фонъ сложены изъ одного матерьяла—почти зеленаго или зеленовато-чернаго камня (эпидозитъ и хлоритовый діабазъ), отовсюду выступающаго на поверхность земли и въ самыхъ иногда причудливыхъ формахъ. Да, куда ни взгляни—одинъ только камень, да надъ головой всегда почти чистая лазурь небосклона, по которой совершенно одиноко быстро проносится бѣлое облачко. Ни воды, ни сколько нибудь замѣтной растительности въ горахъ... Настоящая пустыня кругомъ!

За Янчи потянулся солончакъ, поросшій камышомъ (можетъ быть, дно здѣсь еще въ историческое время существовавшаго озера); но онъ скоро былъ пройденъ; котловина вытянулась въ долину, которая, постепенно подымаясь, и вывела насъ, наконецъ, къ перевалу черезъ невысокій кряжъ, сложенный изъ хлоритоваго діабаза и имѣющій сѣверо-западное простираніе [1]). Спускъ съ него былъ столь же пологъ, но болѣе извилистъ и къ тому же шелъ русломъ временного потока, усыпаннымъ крупными голышами. Горы здѣсь сблизились и образовали вскорѣ ущелье, только кое-гдѣ поросшее рѣдкими кустиками Atraphaxis'а и караганы. Въ этомъ ущельи мы на 18 верстѣ натолкнулись на полустанокъ Курамъ-ташъ, состоящій изъ двухъ крошечныхъ сарайчиковъ съ лежанками для людей и небольшого навѣса съ яслями для животныхъ. За нимъ горы раздвинулись, и вскорѣ мы вышли въ обширную котловину, обставленную повсюду горами и поросшую самой разнообразной растительностью пустыни.

---

[1]) Здѣсь мы видѣли парочку Carpodacus rhodochlamys, Brdt., но убить не могли.

Вотъ уже нѣсколько часовъ мы въ дорогѣ. Солнце встало и успѣло пройти болѣе четверти небосклона. Въ башлыкѣ стало душно, но теперь уже нѣтъ возможности отдѣлаться отъ него. Иней и ледъ, сковавъ мнѣ ротъ, вплотную притянулъ къ сукну бороду и усы—обстоятельство, при каждомъ движенiи головы вызывающее чесотку и нестерпимую острую боль. Къ тому же оставаться безъ башлыка было совершенно немыслимо, такъ какъ если съ одной стороны лица солнце и грѣло, то съ другой его стороны термометръ все еще показывалъ градусовъ 16 мороза. Вообще, мы всѣ должны были выглядѣть странно, служа вѣшалкой овчинамъ и войлокамъ, но, кажется, я никогда не забуду комичной фигуры нашего понтера, закутаннаго башлыкомъ и одѣтаго въ шубу, изъ которой выступали только его маленькiя черныя лапки: онъ былъ настолько потѣшенъ въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, что невольно вызывалъ улыбку даже на суровомъ лицѣ переводчика Николая. И тѣмъ не менѣе бѣдный песъ поплатился сегодня: онъ отморозилъ себѣ лѣвое ухо.

Съ наступленiемъ дня вѣтеръ не стихъ и крайне затруднялъ наше движенiе. И, однако, мы шли сегодня какъ-то особенно скоро и уже вскорѣ послѣ полудня увидали невдалекѣ отъ себя стѣны пикета Отунъ-коза. Хотя промерзшие и уставшие страшно, мы не могли не вздохнуть съ облегченiемъ—два трудныхъ перехода остались у насъ позади!

Едва мы развьючились, какъ ушедшiй было за водой Колотовкинъ бѣгомъ вернулся назадъ.

— Ты чего?

— У ключа, тутъ, сейчасъ за воротами, джераны табуномъ ходятъ...

Всѣ казаки бросились-было за нимъ, но тотчасъ же и вернулись...

— Убѣгли!..

Этотъ эпизодъ былъ единственнымъ въ этотъ день. Мы рано управились и рано улеглись спать, такъ какъ и на завтра намъ предстоялъ большой переходъ.

Ночью въ воздухѣ наступило затишье, но зато къ утру термометръ показывалъ уже 25° мороза. Передъ восходомъ солнца, при слабомъ сѣверномъ вѣтрѣ, стало еще холоднѣе, но уже въ это время мы были въ движенiи и наблюденiй не производилось.

Къ разсвѣту мы прибыли къ полустанку Чиге-чинза, мѣсту схода колесныхъ дорогъ въ Гученъ [1]) и Турфанъ и вьючнаго пути въ Баркуль, и отсюда продолжали идти все тою же котловиной Отунъ-коза [2]), поросшей когда-то туграковымъ (Populus diversifolia) лѣсомъ, а нынѣ представляющей обширное порубище, на которомъ только изрѣдка попадались отдѣльные экземпляры этого тополя, чахлые и дуплистые; зато тѣмъ пышнѣе разрослись здѣсь обычные представители флоры пустынь: гребенщикъ, Lycium, Halimodendron argenteum, Caragana pygmaea arenaria, Tragopyrum sp?, джантакъ [3]), камышъ и рѣже попадавшіяся солянки, а затѣмъ какія-то Statice, Anabasis и другія, еще менѣе въ эту пору опредѣлимыя, растенія.

На 21 верстѣ отъ станціи Отунъ-коза солонцевато-глинистая почва котловины смѣнилась толщами галечника, представлявшими замѣтный подъемъ къ востоку. Нѣсколько верстъ такого подъема вывело насъ на террасовидно-поднимающееся плато, изрѣзанное балками, направляющимися въ сторону ущелья, которое прорываетъ южную горную ограду котловины. Очевидно, что если на котловину Отунъ-коза смотрѣть какъ на дно озера, высохшаго въ недавнюю геологическую эпоху, то помянутое плато слѣдуетъ разсматривать не иначе, какъ берегомъ этого озера, сперва крутыми скачками, а затѣмъ довольно постепенно отъ него отступавшимъ.

Плато это совершенно безплодно. Я не замѣтилъ на немъ остатковъ даже такихъ непритязательныхъ растеній, какъ нѣкоторыя Statice, терескенъ (Eurotia ceratoides), солянка камъ-какъ (Horaninovia ulicina) и Atraphaxis. На востокѣ оно упирается въ крупный отрогъ Тянь-Шаня, имѣющій юго-восточное простираніе и по своему геогностическому составу представляющій выдающійся интересъ. Мы шли сперва безплоднымъ ущельемъ, среди зеленыхъ плотныхъ мелкозернистыхъ песчаниковъ, а затѣмъ, продолжая все подыматься, очутились среди стѣнъ, сложенныхъ изъ красныхъ конгломератовъ (пуддинговъ), имѣющихъ издали сходство съ гранитами и мѣстами дающихъ выцвѣты цвѣта сурика [4]). Среди этихъ конгломератовъ, образующихъ гребень гряды, и расположена станція Чоглу-чай.

---

[1]) Дорога эта описана будетъ во второмъ томѣ настоящаго труда.

[2]) Котловина эта имѣетъ склонъ на юго-западъ, гдѣ *ясно виденъ прорывъ среди горъ*. Ст. Отунъ-коза лежитъ на высотѣ 2.388 ф., а отстоящая отъ нея въ 13 верстахъ къ востоку ст. Чиге-чинза на высотѣ, равной—3.095 ф.

[3]) Туземцы различали здѣсь два вида Alhagi: «акъ-джантакъ» и просто «джантакъ». Акъ-джантакъ отличался бѣлымъ налетомъ на листьяхъ.

[4]) Среди составныхъ частей этого конгломерата я различилъ: мясно-красный полевой шпатъ, кварцъ, роговую обманку, эпидотъ и другіе минералы. Замѣчательно, что этотъ пуддингъ имѣетъ способность раскалываться на почти правильные кубы.

Здѣсь абсолютная высота достигаетъ уже 4.600 футовъ (относительная же противъ высшей точки котловины—1.500 ф.), но дальше мѣстность не понижается, и сквозное ущелье Чоглу-чай'ской гряды выводитъ на плоскогорье, всхолмленное выходами мелафировыхъ порфиритовъ и кварцевыхъ и фельзитовыхъ порфировъ, подстилающихъ цвѣтные песчаники, которые образуютъ здѣсь гривы того же юго-восточнаго простиранія, примыкающія къ осевому гранитному массиву Тянь-Шаня. Вся мѣстность, находящаяся на востокъ отъ Чоглу-чай'ской гряды, изобилуетъ гранитнымъ щебнемъ, что, на первыхъ порахъ, заставило меня подозрѣвать существованіе здѣсь гранитныхъ обнаженій; на повѣрку оказалось, однако, что щебень этотъ вынесенъ изъ ущелій Тянь-Шаня.

Кромѣ казеннаго, въ Чоглу-чаѣ имѣется и частный тань; но оба такъ скверны, какъ только могутъ быть скверны тани въ Китаѣ. Мы еле-еле размѣстились въ одномъ изъ нихъ, при чемъ намъ самимъ пришлось устроиться на ночлегъ въ какой-то полутемной норѣ, сложенной изъ обломковъ чоглу-чайскаго конгломерата, едва смазанныхъ розоватой замазкой.

Когда мы уже засыпали, послышался шумъ на дворѣ. Оказалось, что хозяинъ таня впустилъ во дворъ три китайскихъ фургона, владѣльцы коихъ не знали теперь, гдѣ ихъ уставить и куда пристроить своихъ лошадей. Протестовать было излишне, такъ какъ съѣздъ былъ великъ и оба таня были уже переполнены проѣзжающими. Къ тому же въ нашемъ было еще сравнительно болѣе простора, чѣмъ въ сосѣднемъ, казенномъ.

Въ 12 часовъ ночи мы были уже снова всѣ на ногахъ. На сегодня намъ предстоялъ переходъ, который опредѣляли въ 140—180 ли, т. е., приблизительно, въ 60 верстъ! Но зато это былъ послѣдній переходъ по пустынѣ, такъ какъ съ приходомъ въ Лодунъ, какъ намъ говорили [1]), мы вступали уже въ предѣлы культурныхъ земель, и эта мысль въ значительной степени поддерживала въ насъ энергію, подвергавшуюся въ теченіе послѣдняго времени не разъ тяжкому испытанію. Развѣ, напримѣръ, можно назвать отдыхомъ трехъ-часовой сонъ на морозѣ градусовъ въ двадцать, когда, для того, чтобы хоть сколько-нибудь обогрѣться, приходилось поверхъ полушубка и одѣялъ накрываться тяжелымъ войлокомъ и сверхъ того ноги, обутыя въ валенки и пайпаки, окутывать еще особо ковромъ! Лежишь, бывало, такъ и не смѣешь пошевелиться, ибо при этомъ неуклюжая и на морозѣ оледенѣлая войлочная попона неминуемо должна будетъ свалиться куда-нибудь на сторону, и тогда прощай снова тепло! Неловко, тяжело, душно подъ войлокомъ, пропитаннымъ лошадинымъ потомъ и грязью, члены нѣмѣютъ... Но мы такъ уставали, что и такой сонъ уже считали блаженствомъ!

---

[1]) Какъ мы ниже увидимъ, это не совсѣмъ такъ: между Лодуномъ и Турачи разстилается такая же пустыня, какъ и между другими станціями этой дороги.

Изъ Чоглу-чая мы выступили, когда было еще совершенно темно. Мы едва различали дорогу и сосѣднія скалы, которыя мрачными силуэтами рисовались на почти черномъ фонѣ звѣзднаго неба. Но вотъ мы окончательно вышли изъ горъ, и передъ нами открылась слегка волнистая каменистая пустыня, границы которой терялись въ темнотѣ ночи. Здѣсь стало свѣтлѣе, но въ то же время и значительно холоднѣе [1]). Дулъ слабый сѣверный вѣтеръ.

Мы шли молча, внимательно присматриваясь къ дорогѣ, чтобы не сбиться съ пути. Вдругъ впереди блеснулъ и замигалъ огонекъ, который то разгорался въ громадное пламя, то снова еле-еле мерцалъ. Должно быть, проѣзжіе, подумалось намъ, и мы направились къ огоньку, передъ которымъ вскорѣ замѣтили скорченную и какъ будто даже знакомую человѣческую фигуру.

— Да вѣдь это, господа, Николай! Николай, что ты тутъ дѣлаешь?..

— Смерзъ... не могу...

— А бараны гдѣ? (Николай ушелъ часомъ раньше, погнавъ впередъ нашихъ барановъ).

— А тутъ...

Но «тутъ» ихъ не оказывалось. Мы нагнали ихъ уже въ двухъ верстахъ отсюда: стадо шло большой дорогой, предводительствуемое джаркентцемъ, побывавшимъ съ нами за Хуанъ-хэ и совершившимъ вслѣдъ затѣмъ весь обратный нашъ путь, когда мы шли ускореннымъ маршемъ, дѣлая безъ дневокъ переходы въ 500—700 верстъ. Онъ заслуживаетъ того, чтобы посвятить ему нѣсколько строкъ. Это былъ удивительный баранъ, отличавшійся выносливостью и умомъ. Когда вьючился караванъ, онъ вставалъ и уводилъ за собой стадо на дорогу, по которой и шелъ всегда впереди со скоростью лошадинаго хода. Онъ зналъ насъ въ лицо, узнавалъ по голосу и, подбѣжавъ къ верховому, въ ожиданіи подачки, подымался на заднія ноги. Онъ былъ нашимъ общимъ любимцемъ и сослужилъ намъ неоцѣнимую службу, въ особенности въ тангутскихъ горахъ, гдѣ бараны отличались особенной дикостью.

---

[1]) Термометръ опускался до 23° ниже 0°.

Послѣ этого эпизода мы еще довольно долго шли въ темнотѣ. Мы спустились въ глубокій яръ, а затѣмъ нѣкоторое время огибали отдѣльные холмы и невысокія гряды, сложенные изъ пестрыхъ песчаниковъ. Когда разсвѣло, мы были уже на высшей точкѣ, до которой подымается здѣсь дорога, откуда и увидали полустанокъ Иванъ-чанза. Такимъ образомъ за ночь мы успѣли пройти 60 ли. Окрестности Иванъ-чанза представляютъ пустыню, всхолмленную выходами фельзитоваго порфира и усыпанную галькой и крупными голышами. Наносы эти не отличаются, однако, значительной мощностью, такъ какъ на днѣ даже неглубокихъ ложбинъ и росточей, то и дѣло пересѣкающихъ здѣсь дорогу, мѣстами уже выступаетъ коренная порода, а именно—помянутые выше фельзитовые порфиры. Какъ и всюду на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня растительность здѣсь убогая: бросается въ глаза только Nitraria Schoberi.

У станціи Иванъ-чанза, гдѣ мѣстность достигаетъ абсолютной высоты, равной, примѣрно, 4900 футамъ, мы подошли всего ближе къ Тянь-Шаню; затѣмъ круто отклонились на югъ и, имѣя и вправо и влѣво отъ себя скалистыя горы, двѣнадцать верстъ шли дорогой, усыпанной крупной галькой. Здѣсь дорога оставила горы, лежавшія отъ насъ вправо, и, повернувъ на востокъ, пошла по мѣстности, въ которой галька чередовалась съ глинистыми пространствами, изрѣзанными глубокими оврагами, поросшими гребенщикомъ, караганой, шиповникомъ (Rosa elasmacantha, Trautv.), джантакомъ, въ особенности же камышомъ, достигавшимъ мѣстами значительной высоты. Здѣсь намъ попалась Podoces Hendersoni и ушла раненой одиноко бродившая антилопа кара-куйрюкъ.

Описанной мѣстностью мы прошли еще 14 верстъ. Глина успѣла уже окончательно вытѣснить гальку и одна слагала плоскіе увалы, раздѣлявшіе здѣсь лога. Съ одного изъ нихъ мы, наконецъ, увидали Лодунъ. Еще двѣ-три [1]) версты—и путь былъ оконченъ, пустыня осталась у насъ позади, и мы могли поздравить себя съ благополучнымъ окончаніемъ тяжелаго перехода.

Лодунъ—мѣстечко, состоящее изъ импаня и прилегающей къ нему китайской слободки,—составляетъ крайній западный пунктъ Хамійскаго приставства. Съ солдатами въ немъ едва-ли наберется и 50 душъ, существующихъ по милости и ради проходящаго черезъ него тракта. Впрочемъ, земледѣліе во сколько нибудь значительныхъ размѣрахъ въ его окрестностяхъ не могло бы развиться за отсутствіемъ здѣсь достаточнаго количества пригодной земли. Къ тому же, какъ кажется, и лодунскіе ключи не особенно обильны водой.

---

[1]) Всего въ этотъ день пройдено было 47 верстъ.

Необходимость дать отдыхъ животнымъ побудила насъ въ Лодунѣ дневать. Къ тому же у насъ накопилось много спѣшной работы: съемку, дневники и коллекціи слѣдовало привести въ должный порядокъ, расковавшихся лошадей — подковать, кое-какую сбрую—исправить; а затѣмъ, мы хотѣли пополнить наши коллекціи охотой въ окрестныхъ балкахъ, въ которыхъ надѣялись встрѣтить не мало зимующей птицы. Но надежды наши не оправдались: кромѣ нѣсколькихъ экземпляровъ Podoces Hendersoni, мы здѣсь ничего не нашли 1).

Въ ночь на 3 декабря мы, наконецъ, покинули убогое помѣщеніе наше въ Лодунѣ, и, миновавъ замерзшій небольшой прудъ, тутъ-же, непосредственно за послѣдними постройками слободы, вступили въ каменистую пустыню, представлявшую мѣстами обширныя розсыпи крупной гальки и валуновъ. Дорога была отвратительной. Голыши, среди которыхъ проложена была колея, смерзлись съ подстилавшей ихъ глиной и образовали подобіе каменнаго кочкарника, заставлявшаго на каждомъ шагу спотыкаться то насъ, то животныхъ. Особенно плохо приходилось здѣсь верблюду, который пошелъ очень медленно и вскорѣ отсталъ значительно отъ каравана. Пустыня эта оказалась не столь безплодной, какъ участки ея къ западу отъ Лодуна: гребенщикъ росъ здѣсь повсюду, мелькали кусты пустыннаго шиповника съ замѣчательными по величинѣ бѣлыми плоскими шипами (Rosa elasmacantha) 2), Caragana pygmaea и множество другихъ кустарныхъ и травянистыхъ растеній, которыя трудно было различить въ темнотѣ.

Къ разсвѣту общій характеръ мѣстности не измѣнился. Мы увидали себя все въ той же каменистой пустынѣ, которая широкимъ поясомъ охватываетъ съ юга Тянь-Шань. Желтая лента дороги то сбѣгала въ ложбины и водостоки, то, извиваясь среди кучами навороченныхъ валуновъ, уходила въ даль по крупному га-

---

1) Изъ млекопитающихъ было убито нѣсколько зайцевъ (Lepus. tolai, Pall.) и кара-куйрюковъ; послѣдніе держались стадами головъ въ 20. Ихъ преслѣдуютъ здѣсь, однако, не только люди (чанъ-тоу, продающіе тушу по цѣнѣ не свыше рубля), но и волки, водящіеся въ окрестностяхъ Лодуна въ большомъ числѣ.

2) Всякій шиповникъ киргизы и таранчи называютъ «итъ—мурунъ»—собачья морда; для Rosa elasmacantha существуетъ, однако, особое названіе, а именно—«азганъ».

лечнику, среди котораго то тамъ, то сямъ виднѣлись жалкіе остатки какихъ то растеній и тощій камышъ. Но иногда встрѣчались логи съ хорошей растительностью и кое-какими слѣдами культуры; это были или остатки стѣнъ и развалины хуторовъ, или слѣды давно заброшенныхъ карысей; раза два попадались даже ключи. На одномъ изъ нихъ, подъ высокимъ пирамидальнымъ тополемъ, расположенъ былъ когда-то китайскій пикетъ; нынѣ отъ него сохранились однѣ только стѣны, выбѣленныя известкой [1]). У другого ключа, подъ тѣнью развѣсистыхъ ивъ, виднѣлся одинокій домикъ и при немъ слѣды небольшаго хозяйства; но домикъ оказался пустымъ, а единственное живое существо, найденное въ окрестностяхъ, былъ розовый дубоносъ (Carpodacus rhodochlamys, Brdt.), перепархивавшій съ одного куста разросшагося здѣсь шиповника на другой. Близъ упомянутаго пикета дорога раздѣлилась: одна ея вѣтвь пошла къ Турачи, другая въ поселокъ Джигда. Такъ какъ послѣдній расположенъ былъ въ сторонѣ отъ большой дороги и къ тому же находился ближе къ горамъ, у подошвы которыхъ, въ кустарныхъ поросляхъ, мы надѣялись найти зимующихъ птицъ [2]), то мы и избрали его для нашей стоянки. Въ Джигду мы прибыли вскорѣ послѣ полудня, пройдя отъ Лодуна почти 38 верстъ, и остановились бивуакомъ на площади между мечетью и домомъ мѣстнаго аксакала, который, какъ и всѣ остальные джигдинцы, оказался потомкомъ выходцевъ изъ Курли.

Изъ Джигды я совершилъ поѣздку на турачинскія каменноугольныя копи, находящіяся отъ нея всего въ семи верстахъ къ юго-западу.

Если ѣхать большой дорогой изъ Лодуна въ селеніе Турачи, то приходится огибать, заканчивающійся къ сѣверу мысомъ, плоскій скалистый выступъ почти кирпично-краснаго цвѣта. Это кварцевый порфиръ (витрофиръ), который, повидимому, подстилаетъ группу холмовъ, сложенныхъ преимущественно изъ кварцеваго песчаника и глинистыхъ сланцевъ блѣдныхъ цвѣтовъ: сѣраго, голубоватаго и желтоватаго, кое-гдѣ съ мазками кирпично-краснаго цвѣта, происходящими отъ окраски породы желѣзными окислами [3]). Въ этихъ то холмахъ и добывается каменный уголь.

---

[1]) Абсолютная высота мѣстности у этого пикета равняется 4.150 футамъ.

[2]) Дѣйствительно, мы встрѣтили здѣсь: Carine bactriana, Hutt., Podoces Hendersoni, Hume, Carpodacus rhodochlamys, Brdt., красивую Ampelis garrulus, L., Merula atrigularis, Temm., Cinclus leucogaster, Bp., Anorthura pallida, Hume, и куропатокъ—чилей (Perdix barbata, V. et M.).

[3]) Попадающіеся здѣсь желваки бураго желѣзняка, иногда въ кулакъ величиной, по мѣст-

Каменный уголь мѣстами обнажается уже на поверхности, мѣстами разработывается на глубинѣ нѣсколькихъ саженей, но не шахтами, а снятіемъ настилающихъ ихъ песчаниковъ. Мощность угольнаго пласта опредѣлить было трудно—нижній горизонтъ громадной выемки, изъ которой его здѣсь добывали, былъ въ мое время уже залитъ водой; судя, однако, по разсказамъ мѣстнаго смотрителя, толщина пласта не превышала кулача [1]). Въ настоящее время копь эта брошена, такъ какъ въ мое отсутствіе (т. е. въ лѣто 1890 г.) вода успѣла уже окончательно залить выемку.

Съ этой водой хамійскій ванъ боролся давно, но всѣ его попытки выкачать воду не имѣли успѣха. При мнѣ ее выбирали ведрами съ помощью большого колеса, приводившагося въ движеніе двумя рабочими; но подобный способъ выкачиванія даже турачинцами признавался неудовлетворительнымъ [2]).

Турачинскіе холмы расположены цирками. Самый обширный изъ такихъ цирковъ находится въ трехъ съ половиною верстахъ къ западу отъ вановскихъ копей и носитъ названіе «Ташъ-кэсэ», т. е. каменной чаши. Каменноугольныя копи Ташъ-кэсэ считаются лучшими и богатѣйшими въ округѣ [3]) и принадлежатъ китайскому правительству. Оно же эксплоатируетъ и жерновой камень, ломки котораго находятся по сосѣдству, всего въ какихъ-нибудь пяти ли разстоянія.

На пути между вановскими копями и селеніемъ Джигда я видѣлъ одинъ только поселокъ. Онъ также носитъ названіе Турачи и состоитъ изъ нѣсколькихъ хозяйствъ, еле перебивающихся на небольшомъ клочкѣ вановской земли, въ уплату за которую турачинцы обязаны работой на каменноугольныхъ копяхъ. Къ подобной же повинности привлечены и жители селенія Джигды [4]).

Изъ послѣдняго [5]) мы выступили въ ночь на шестое число.

ному—«докуса», остаются у хамійцевъ безъ употребленія; киргизы же пользуются ими какъ краской.

[1]) Кулачъ—мѣра длины, равная размаху рукъ, т. е. почти сажени.

[2]) Одинъ изъ хамійскихъ уроженцевъ, побывавшій въ Сергіополѣ и видѣвшій тамъ работу пожарной водокачки, предложилъ вану устроить нѣчто подобное и для турачинскихъ копей; но, конечно, это ему не удалось, хотя ванъ не жалѣлъ денегъ на покупку матерьяловъ. Осенью 1890 г. братъ изъ жести смастерилъ модель водокачки и показалъ ея работу хамійцамъ. Ванъ и его приближенные были въ восторгѣ, но было-ли что-нибудь сдѣлано по этой модели—остается намъ неизвѣстнымъ.

[3]) Въ Хами каменный уголь продается по 10 коп. за пудъ.

[4]) Повинность эта считается очень тяжелой, такъ какъ турачинцы и нѣкоторые изъ жителей Джигды обязаны на своихъ подводахъ доставлять уголь въ Хами, тамъ продавать его и вырученныя отъ продажи деньги по особой накладной сдавать въ вановское казначейство.

[5]) Изъ Джигды имѣется прямой вьючный путь на Баркуль.

Пройдя чей-то садъ, заросшій ирисами 1) и тюльпанами (?) 2), мы вышли въ довольно густо поросшую какимъ-то мелкимъ полукустарникомъ каменистую степь, которою и шли десять верстъ. Здѣсь галька изчезла, смѣнившая же ее глинисто-песчаная почва мало по малу превратилась въ то, что принято называть сухимъ солонцомъ. Одѣвавшая его растительность состояла изъ тростника, джантака 3), джузгуна (Calligonum sp?), Lycium sp? (L. turcomannicum?), различныхъ солянокъ (Salicornia, Salsola) и тому подобныхъ растеній, надъ которыми вызвышались кусты шиповника (Rosa elasmacantha), гребенщика и рѣдкіе экземпляры пустыннаго тополя (Populus diversifolia). На 13-ой верстѣ отъ Джигды мы встрѣтили первые слѣды культуры — одинокій, полуразвалившійся хуторъ, а вслѣдъ затѣмъ вступили и въ селеніе Деваджинъ оказавшееся также въ развалинахъ и чуть не на двѣ трети пустымъ. За этимъ селеніемъ мы вышли на большую дорогу, ведущую черезъ Турачи на Лодунъ, въ томъ ея мѣстѣ, гдѣ отъ нея отходятъ вѣтви на Кара-тюбе и въ «долину бѣсовъ» 4). Не вдалекѣ отсюда уже виднѣлись развалины городка Токучи, у китайцевъ и дунганъ—Санъфу, Санъ-пули 5). Отъ него уцѣлѣли однѣ только стѣны; что же касается до остальныхъ построекъ, то, со временъ Баянъ-ху, онѣ все еще оставались въ развалинахъ. Впрочемъ, въ послѣднее время здѣсь уже стали селиться китайцы и дунгане, которые и отстроили за-ново нѣсколько лавокъ и таней. Къ юго-востоку отъ Токучи мѣстность должна была быть нѣкогда густо населенной; теперь же здѣсь царило совершенное запустѣніе. И только уже на окраинѣ обширной долины, вообще довольно богатой проточной водой, мы встрѣтили нѣсколько хуторовъ, пашни, сады и арыкъ, выве-

---

1) По таранчински—чигирт-макъ.

2) Въ отличіе отъ ириса, таранчи называютъ его сассык-чигирт-макъ.

3) Въ Хами джантакъ называется «тегень», «тегенекъ», что значитъ—колючка.

4) Не могу не высказать кстати нижеслѣдующаго соображенія. «Долиной бѣсовъ» ѣхалъ китайскій посолъ Ванъ-янъ-дэ. Несомнѣнно, что если бы въ то время былъ извѣстенъ болѣе сѣверный путь, черезъ Лодунъ и Отунъ-коза, то посла повезли бы этимъ путемъ; изъ этого слѣдуетъ, что послѣдній былъ открытъ не ранѣе X вѣка. Еще позднѣе, и едва-ли не въ XVIII вѣкѣ, открытъ былъ прямой путь черезъ Тянь-Шань (черезъ Лодунъ, Чиге-чинза, Туфи-гуа, Да-шиту, Сангы-чанза и Моро-хо) въ Гученъ. Это доказываетъ, какъ медленно знакомилось мѣстное населеніе съ такой, въ общемъ, несложной горной страной, какъ восточная оконечность Тянь-Шаня—выводъ крайне интересный, свидѣтельствующій какъ о малонаселенности этого края въ ту отдаленную эпоху, такъ и объ его обособленности въ теченіе всего многовѣкового періода его исторической жизни.

5) Городъ этотъ упоминается въ «Си-юй-вынь-цзянь-лу»; Іакинфъ называетъ его «Акуци» («Описаніе Чжунгаріи и Вост. Туркестана», стр. 97), Успенскій болѣе правильно—«Тохоци» («Нѣсколько словъ объ округѣ Хами», стр. 7).

денный изъ ручья Ябешэ. Дорога покидала тутъ долину Ябешэ и круто подымалась на, мѣстами всхолмленное, глинистое плато, пологого спускавшееся къ востоку. Сверхъ ожиданія мы нашли на немъ пашни и проточную родниковую воду. Проѣхавъ еще два такихъ же ключа, мы спустились съ плато и снова увидали себя на пыльной дорогѣ, среди рыхлыхъ солончаковъ (соръ), поросшихъ обычной растительностью, преимущественно же тростникомъ[1]). До Астына оставалось всего нѣсколько верстъ. Мы прибавили ходу и черезъ часъ уже подходили къ этому нѣкогда обширному селенію, насчитывающему нынѣ едва 40 домовъ.

Въ Астынѣ[2]) мы дневали въ ожиданіи, пока Сарымсакъ съѣздитъ въ Хами и пріищетъ намъ тамъ приличное помѣщеніе.

Мы остановились въ домѣ мѣстаго старшины, который поспѣшилъ отвести намъ свою лучшую комнату, расположенную въ глубинѣ зданія и въ то же время нѣсколько выше сѣней, изъ которыхъ въ нее уже и вела лѣстница. Такое расположеніе горницъ объясняется тѣмъ, что домъ этотъ былъ выстроенъ на косогорѣ, при чемъ одна часть его пришлась выше другой. Внутреннее убранство нашей комнаты, освѣщавшейся сверху, было обычнымъ: вдоль стѣнъ сложены были подушки и одѣяла; тутъ же стояли въ рядъ кованные макарьевскіе сундуки и ларцы; по стѣнамъ, на деревянныхъ гвоздяхъ, висѣло носильное платье, въ нишахъ разставлена была посуда и утварь. Полъ канжина, занимавшаго двѣ трети помѣщенія, устланъ былъ войлокомъ; остальная треть занята была кухней. Здѣсь находились: очагъ съ дымовымъ ходомъ, проходящимъ подъ канжиномъ, и круглымъ отверстіемъ на верху, пригнаннымъ по величинѣ казана, горлачъ съ водой, дрова, метла, деревянныя миски и блюда, разставленныя въ нишахъ, и прочіе предметы домашняго хозяйства. Однимъ словомъ убранство было шаблоннымъ, да другимъ, конечно, оно и быть не могло, принимая въ соображеніе казовую, а, можетъ быть, и дѣйствительную бѣдность мѣстнаго населенія[3]).

---

[1]) Здѣсь снѣгъ встрѣчался въ большемъ количествѣ, чѣмъ къ западу отъ Токучи, но всегда только на галечникѣ или вдоль подошвы глинисто-песчаныхъ возвышеній.

[2]) Упоминается въ «Си-юй-вынь-цзянь-лу». Нѣкогда въ немъ насчитывалось до семисотъ семействъ. Астына значитъ «находящійся ниже»; въ объясненіе этого названія намъ говорили, что въ былыя времена выше по рѣкѣ были другія селенія. У дунганъ мѣстечко это извѣстно подъ именемъ Ёръ-пули.

[3]) Намъ говорили: „Бѣднаго отъ богатаго въ Хами не отличишь“. Ванъ зорко слѣдитъ за своими подданными, и чуть только замѣчаетъ у кого-либо достатокъ, тотчасъ же придирается къ нему, таскаетъ по судамъ и норовитъ сорвать съ него что-либо въ свою пользу. Не столько обѣднѣлъ Комуль отъ Баянъ-хур'овскаго разгрома, сколько отъ вановскаго управленія. „При

Едва мы устроились, въ нашу горницу набилось пропасть народа. Всѣ спѣшили познакомиться съ нами и поздравить съ счастливымъ пріѣздомъ. Когда же стемнѣло, къ намъ явились и дутаристы. Составился хоръ, и мы закончили этотъ день обычнымъ въ Хами и Турфанѣ порядкомъ—въ пѣсняхъ и пляскахъ. Между прочимъ намъ спѣли нижеслѣдующую пѣсню [1]):

(Мужской хоръ)
Какъ яблочко по водѣ плыветъ, съ боку на бокъ поворачиваясь,
Такъ и любезная моя идетъ, съ боку на бокъ переваливаясь...
О тоскѣ, что сердце гложетъ молодца,
Дорогая не догадывается...

(Мужской и женскій хоръ)
Милая, милая!

(Мужской хоръ)
Одинъ цвѣтокъ надъ другимъ наклоняется,
Его своею росою поитъ...
А мнѣ, единственному сыну родного отца,
Смотрѣть издали да тосковать по любезной только приходится...

(Мужской и женскій хоръ)
Милая, милая!

(Мужской хоръ)
Стану-жь я вино пить,
Во хмѣлю свое горе топить... [2])

прежнихъ порядкахъ мы могли бы оправиться, теперь же мы въ конецъ разорены ваномъ и таджіями".

[1]) Вотъ подлинныя слова этой пѣсни:

Су-да аққан альмадэн,
Урлюнь іерым, чурлюнь іерым..
Бизгэ-ма халлар чшупту,
Еныма булюнь іерым...
Яр, яр!
Гультубій да отурса,
Гульдун суё гульгё тамур...
Арзулюктун арзысэ,
Айринэ қургендэ қанур...
Яр, яр!
Арақ иса учқулюқ,
Хашиқлередын қешқулюқ!..

Хашиқлеры унумыса!
Джиглабъ джурюп агашқулюқ!
Яр, яр!

Ақ сарай-дан чиқты іерым,
Чимпія тон бырқунöп...
Аркседен мен чукурмен!
Тал чубукте талгонуп,
Тал чубуқ таларга ятсе!
Неқлай уй-ляр іирeқ...
Уй іираqе балса-болсун,—
Кон'уль іираqе бульмасен!
Еқи м'зным арасыда.
Увода іалган бульмасен,
Вады сиха турмаган,
Аслэ мусульман бульмасен!
Яр, яр!

[2]) Собственно: я забудусь, забуду свою любовь.

Въ давнія времена послѣ этого куплета дѣйствительно выпивалось вино; нынѣ обычай этотъ вывелся... Пока же мужчины пили, женскій хоръ продолжалъ:

Не отпущу отъ себя молодца!
А и уйдетъ, его слезами къ себѣ съумѣю вернуть!

Тутъ уже оба хора сливались и сообща доканчивали пѣсню:

Милая, милая!
Вотъ изъ дома богатаго молодица идетъ,
Шубку, парчей крытую, на плечи накинувши...
Съ глазъ своихъ ее я не выпущу!
Ивовымъ прутомъ согнусь, да за ней пойду,
Какъ ивовый прутъ, до земли пригнусь!
Мнѣ дѣла нѣтъ, что мой домъ уже далеко...
Пусть остается онъ себѣ далеко,
Лишь бы сердце ея было ближе ко мнѣ!
Межъ нами
Заключено теперь условіе непреложное,
А если нарушитъ изъ насъ кто его,
Тотъ не зовись мусульманиномъ!
Милая, милая!

Мнѣ удалось записать здѣсь еще нижеслѣдующія двѣ пѣсни:

I Сангы соттум бу конгульны,
Емдэ-недейсын манга?
От каласам илимайды—
Бу меним мейлим санга!
Бу меним мейлимчи боса,
Чикмасам яр качшидан,
Еки алям болмаса,
Парганы босам башиден.

Что въ переводѣ значитъ:

Если ты разлюбила меня,
То скажи, что служитъ причиной тому?
Даже огнемъ не согрѣть тебѣ теперь моего сердца—
Вотъ мое тебѣ послѣднее слово!
Былъ бы ты мнѣ по прежнему любъ,
Не убѣгала бы я на улицу отъ тебя,
А вдали отъ глазъ постороннихъ людей,
Какъ мотылекъ увивалась бы вкругъ тебя!

2 Коллары алтын чöкуштек,
Бойляры талдай, ярым!
Шуньча хаклар арасыда
Сыстулум айдай, ярым!

Что переводится такъ:

Ручки твои не толще золотыхъ китайскихъ вилочекъ,
А сама ты какъ тополь стройна, моя милая!
Изъ толпы же другихъ женщинъ
Ты выдѣляешься какъ полный мѣсяцъ на небѣ, моя милая!

8 декабря мы, наконецъ, прибыли въ Хами. Дорога на этомъ участкѣ не представляетъ ничего замѣчательнаго: солончакъ, пыль, кое-гдѣ въ рытвинахъ снѣгъ, два-три почти пересохшихъ ручья, жалкая растительность всюду; слѣва горы и что-то тусклое, не то туманъ, не то пыль на всѣхъ другихъ краяхъ горизонта ¹)...

Верстахъ въ семи отъ Астына мы встрѣтили поселокъ То-пули или Сумкаго ²), тоже, какъ и всѣ остальныя хамійскія селенія къ западу отъ Комуля, полуразрушенный и пустой. Когда-то здѣсь была обширная казенная станція и пикетъ, но до 1890 г. они оставались не возстановленными. Не возстановленными изъ развалинъ оставались также и хутора, изрѣдко виднѣвшіеся по обѣ стороны отъ дороги. Даже подъѣзжая къ Хами, мы влѣво увидали обширное поле развалинъ... Но эти развалины были уже сравнительно болѣе поздняго происхожденія. Назывались онѣ «Люзену» и были остатками временного городка, служившаго въ семидесятыхъ годахъ лагеремъ окупаціонному отряду Лю-цзинь-таня.

Немного не доѣзжая Хами, насъ встрѣтилъ Сарымсакъ и стар-

---

¹) Въ Хами и Турфанѣ небо и горизонтъ завуаливаются только въ томъ случаѣ, если дуютъ сѣверные вѣтры. Обстоятельство это, какъ мнѣ кажется, можетъ быть объяснено такимъ образомъ: холодныя струи сѣвернаго, преимущественно же сѣверо-восточнаго, вѣтра, охлаждая въ значительной мѣрѣ воздухъ на южныхъ склонахъ Тянь-Шаня, вмѣстѣ съ тѣмъ доводятъ предѣлъ его насыщенія водяными парами до того момента, когда изъ него еще не осѣдаетъ иней, но когда въ немъ уже образуются микроскопическіе ледяные кристаллы, которые и носятся надъ землей, образуя надъ ней нѣчто сходное съ мглою. Это объясненіе находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что въ мглистые дни стѣны покрываются здѣсь бѣлымъ порошкообразнымъ налетомъ, въ которомъ только при помощи лупы можно разсмотрѣть кристаллики льда.

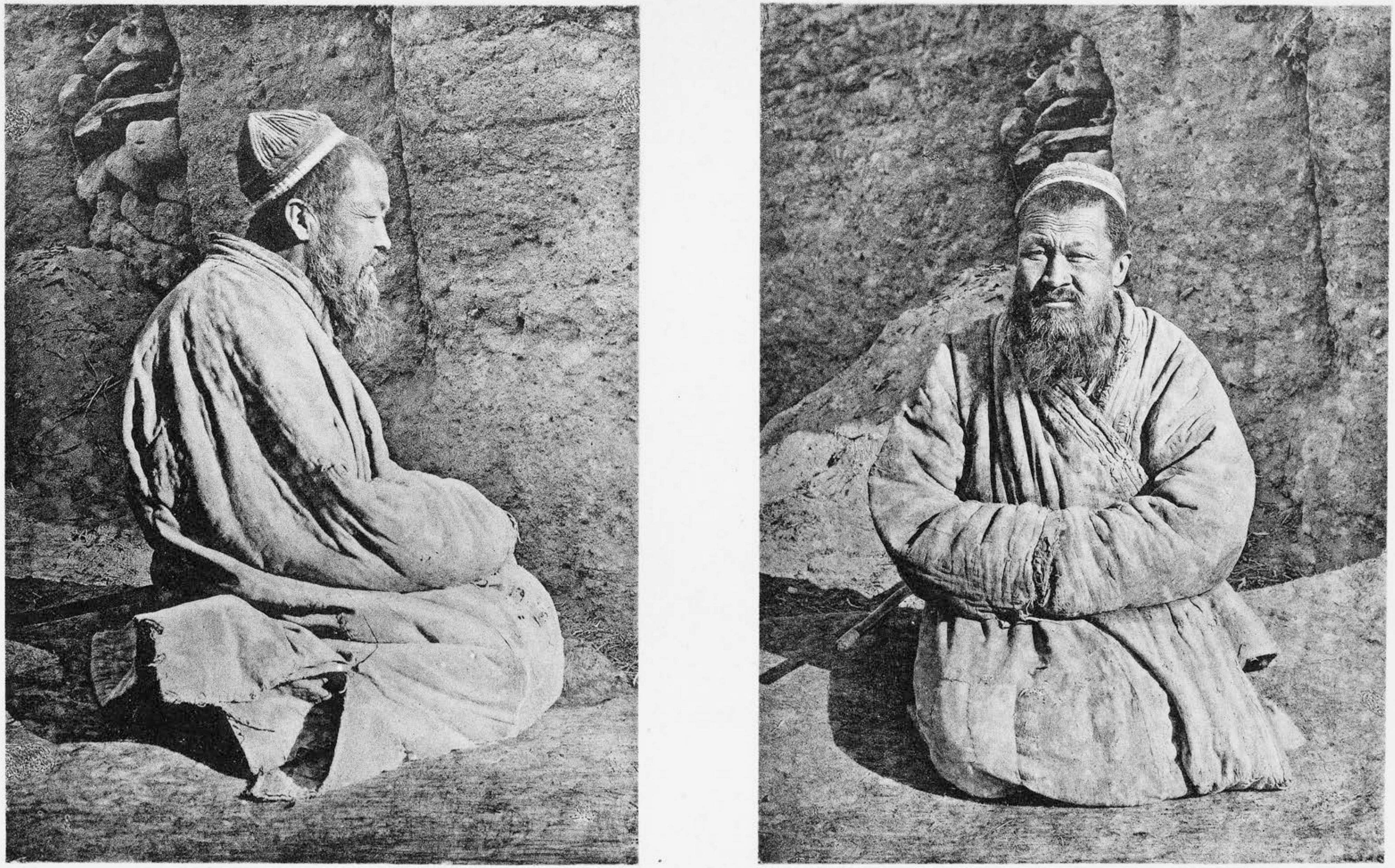
²) Вѣроятно, испорченное Сумынь-хархай.

шій прикащикъ Котельникова, А. П. Соболевъ [1]), съ которымъ мы уже были знакомы по прекраснымъ отзывамъ, неоднократно слышаннымъ нами о немъ сначала въ Гученѣ, а затѣмъ на всемъ пути отъ Турфана къ Хами.

Отъ него мы узнали, что для насъ сговоренъ тань въ Синъченѣ и что тамъ все ужь готово къ пріему рѣдкихъ гостей.

---

[1]) Съ отѣздомъ Соболева на родину, во всемъ китайскомъ Притяньшанѣ не осталось ни одного русскаго купца; не безвыгодность торговли гнала ихъ отсюда, а полная беззащитность въ этомъ отдаленномъ краю русскаго человѣка. Поэтому мы не можемъ не привѣтствовать здѣсь рѣшенія русскаго правительства учредить, наконецъ, консульства въ Су-чжоу и Турфанѣ какъ мѣру, долженствующую благопріятно повліятъ на развитіе русской торговли въ Западномъ Китаѣ.



Уроженецъ города Хами.

Фототипія В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

ГЛАВА XIX.

Хами.

«По своему положенію Хамійскій оазисъ весьма важенъ, какъ въ военномъ, такъ и въ торговомъ отношеніяхъ. Черезъ него пролегаетъ главный и единственный путь сообщенія изъ Западнаго Китая на города Су-чжоу и Ань-си, въ Восточный Туркестанъ и Чжунгарію. Другихъ путей въ этомъ направленіи нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ пустыня пересѣкается проложенною дорогою въ самомъ узкомъ мѣстѣ на протяженіи 380 верстъ отъ Ань-си до Хами, да и здѣсь путь весьма труденъ по совершенному почти безплодію мѣстности. Справа же и слѣва отъ него разстилаются самыя дикія части Гоби: къ востоку песчаная пустыня уходитъ черезъ Ала-Шань до Желтой рѣки, къ западу та-же недоступная пустыня потянулась черезъ Лобъ-норъ до верховьевъ Тарима.

«Такимъ образомъ Хами составляетъ съ востока, т. е. со стороны Китая, ключъ ко всему Восточному Туркестану и землямъ Притяньшаньскимъ. Разъ этотъ пунктъ будетъ занятъ непріятелемъ—вся китайская армія, находящаяся къ западу, будетъ отрѣзана отъ источниковъ своего снабженія, т. е. собственнаго Китая. Для нея останется только весьма кружный путь черезъ городъ Уляссутай, но и тотъ, конечно, будетъ занятъ непріятелемъ, наступающимъ съ сѣвера.

«Не менѣе важно значеніе оазиса Хами и въ торговомъ отношеніи. Черезъ него направляются товары, слѣдующіе изъ Западнаго Китая въ Восточный Туркестанъ и Чжунгарію, а также идущіе отсюда въ Западный Китай. Этотъ транзитъ еще болѣе усилится, если только упрочится и разовьется, согласно съ недавно заключеннымъ трактатомъ, наша торговля въ застѣнныхъ владѣніяхъ Китая» [1]).

Таково значеніе Хами по словамъ Пржевальскаго. Но взглядъ этотъ вовсе не новый. Впервые, какъ кажется, его высказалъ еще Риттеръ, а затѣмъ его повторяли всѣ тѣ, кто въ своихъ описаніяхъ такъ или иначе касался Хами. Такимъ образомъ нашъ извѣстный путешественникъ только подкрѣпилъ его своимъ авторитетнымъ словомъ, устранивъ въ то же время и всякія сомнѣнія въ его непреложности.

Между тѣмъ исторія этого оазиса далеко не оправдываетъ подобнаго взгляда на международное значеніе Хами, основаннаго, какъ кажется, на не совсѣмъ точномъ представленіи о природѣ и пластикѣ окрестной страны.

Риттеръ пишетъ [2]), что Хами въ одинъ изъ цвѣтущихъ періодовъ своего существованія «достигъ столь большого благосостоянія, что уподобился даже столицѣ (?!)». Но я не знаю такого періода. Скажу даже болѣе. Если просмотрѣть исторію Хами за все время его долговременнаго существованія, то какъ торговое, такъ и политическое ничтожество этой страны выступитъ особенно рѣзко и во всякомъ случаѣ настолько опредѣленно, что въ читателѣ уже, конечно, не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что роль, которую будто-бы «игралъ издавна этотъ оазисъ, благодаря географическому своему положенію среди обширной степи» [3]), была далеко не столь замѣтной, какъ это вообще принято думать. Нѣкоторое значеніе этотъ городъ пріобрѣтаетъ только послѣ замиренія Монголіи, постройки Баркульскаго укрѣпленія и паденія Джунгарскаго царства (17 5 г.). До XVIII же вѣка, пока Баркульская долина и остальная Джунгарія находились въ рукахъ различныхъ кочевыхъ ордъ, Хами хотя иногда и управлялся самостоятельно, но всегда не надолго. Даже въ правленіе Кань-си Хами не могъ себя отстоять и былъ совершенно разрушенъ джунгарами, которые обрушились сюда изъ сосѣдней Баркульской долины [4]).

Пржевальскій, останавливаясь передъ вопросомъ: почему притяньшаньскіе мусульмане, освободившись въ началѣ шестидесятыхъ годовъ отъ китайскаго владычества, не напрягли всѣхъ своихъ силъ для того, чтобы утвердиться въ Хами?—объясняетъ его отсутствіемъ въ средѣ дунганскихъ вождей лицъ, обладавшихъ въ достаточной мѣрѣ стратегическими способностями. Но это не совсѣмъ такъ. Дунгане, овладѣвшіе было Хами, но дважды отбитые отъ Баркуля, не посмѣли въ немъ оставаться единственно изъ боязни быть отрѣзанными отъ Урумчи арміей Цзо-цзунъ-тана, которая наступала вовсе не колесной Ань-си-Куфи-Хамійской дорогой, какъ это думалъ Пржевальскій [1]), а такъ называемымъ китайскимъ военнымъ путемъ, соединяющимъ съ Баркулемъ Су-чжоу и Лянь-чжоу.

---

[1]) Н. М. Пржевальскій. «Третье путешествіе въ Центральной Азіи». 1883, стр. 72.

[2]) Риттеръ «Землевѣдѣніе Азіи». т. II, 1859, стр. 47.

[3]) Матусовскій. (См. Потанинъ «Очерки сѣверо-западной Монголіи», вып. I, стр. 168).

[4]) «Чжунгары, надѣясь на свое могущество, съ неистовствомъ прошедши Комуль, устремились далѣе на Востокъ». О. Іакинфъ «Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана», 1829, II, стр. 95.

Важное стратегическое значеніе Баркуля вполнѣ оцѣнилъ еще императоръ Цзянь-Лунь, выстроившій здѣсь не только сильное укрѣпленіе, но и оставившій въ немъ гарнизонъ изъ маньчжурскихъ солдатъ [2]). Если же оно ускользнуло отъ вниманія Пржевальскаго, то причиной тому могло быть неполное знакомство послѣдняго съ природой страны, лежащей на юго-востокъ отъ Хами.

Нѣтъ, кажется, въ Центральной Азіи другой мѣстности, которая пользовалась бы столь дурной репутаціей, какъ именно эта часть Гобійской пустыни; а между тѣмъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій она служила именно той ареной, гдѣ преимущественно сталкивались несмѣтныя полчища жуновъ, юечжи, хунновъ, сяньбійцевъ, жеу-жаней, цяновъ (тибетцевъ), шатосцевъ, тукіесцевъ и, наконецъ, уйгуровъ, которые въ безпрестанной борьбѣ между собой и съ Китаемъ не разъ орошали потоками своей крови ея долины и горные склоны. Если бы эта часть Гоби въ дѣйствительности была столь «страшной своимъ совершеннымъ безплодіемъ» и «ужасающей своей дикостью», какъ ее нерѣдко описывали, то какимъ же образомъ можно было бы согласовать съ такой характеристикой этой страны цѣлый рядъ извѣстій о передвиженіяхъ по ней громадныхъ армій въ сто и даже триста тысячъ конныхъ людей?! [3]). Разумѣется, далеко не всегда есть возможность приравнять древніе китайскіе географическіе термины къ существующимъ въ ней и нынѣ, тѣмъ болѣе, что большая часть страны между Ала-Шанемъ и Таримомъ все еще остается намъ мало извѣстной, тѣмъ не менѣе иногда это вполнѣ удается. Укажу хотя бы на слѣдующіе примѣры.

---

[1]) Этой дорогой шла только нѣкоторая часть обоза и перебирался чиновничій персоналъ.

[2]) «Баркюль по удобности его для войны наступательной и оборонительной почитается *важнымъ пунктомъ для дорогъ, южной и сѣверной,* почему поставленъ здѣсь сильный гарнизонъ, состоящій изъ тысячи человѣкъ маньчжурскихъ солдатъ съ семействами подъ начальствомъ генерала и трехъ тысячъ китайскаго войска подъ начальствомъ своего генерала. Китайскихъ поселенцевъ переведено сюда также очень довольно». Си-юй-вынь-цзянь-лу въ переводѣ о. Іакинфа (ib., стр. 98). Хамійскій гарнизонъ и по нынѣ подчиненъ еще генералу въ Баркулѣ.

[3]) Охотно допускаемъ, что цифры эти сильно преувеличены; все же, однако, слѣдуетъ думать, что численность передвигавшихся черезъ пустыню въ этихъ случаяхъ войскъ не могла быть ничтожной.

«Жеу-жанцы ушли, но были догнаны въ великой дресвовой степи 1) у горы *Нань-чуань-шань* 2) и совершенно разбиты. Цѣлая половина аймака отведена въ плѣнъ. Пиху-ба и Уцзы, предводители аймака, собрали оставшіяся юрты и ушли. Въ погоню за ними посланы были полководцы Чань-сунь Сунъ и Чань-сунь Фэй. Чань-сунь Сунъ по переходѣ черезъ «великую дресвовую степь» дошелъ до *Пинь-ванъ-чуань* 3), совершенно разбилъ Уцзы, отрубилъ ему голову и вывѣсилъ на показъ» 4).

«Ойхоръ Яоши (Пуса) исподволь усилился и, соединившись съ сѣянто 5), напалъ на сѣверные предѣлы тукіесцевъ. Хѣли-ханъ для усмиренія ихъ, послалъ Юйгу-ше съ 100 тысячами конницы. Пуса съ пятью тысячами конницы разбилъ его при горѣ *Ма-цзунь-шань*, преслѣдовалъ до Небесныхъ горъ и великое множество людей взялъ въ плѣнъ» 6).

Хребетъ Ма-цзунь-шань носитъ и по настоящее время то же названіе. Онъ имѣетъ не мало пастбищныхъ ущелій, въ одномъ изъ коихъ собираетъ даже свои воды рѣчка Ма-цзунь-шань-голъ, впадающая затѣмъ въ Эрцзинъ-голъ. Вдоль этой-то рѣчки и проходитъ «китайская военная дорога», соединяющая Лянь-чжоу, Гань-чжоу и Су-чжоу съ Баркулемъ и хорошо извѣстная уже со временъ первыхъ столкновеній китайцевъ съ хуннами.

«Князь Манъ-тунъ», повѣствуетъ исторія старшаго дома Хань 7) «выступилъ изъ *Цзю-цюань* 8) съ 40.000 конницы и дошелъ до *Небесныхъ горъ*. Янькой и Хучжи—князья восточный и западный

---

1) «Да-цзи» о. Іакинфъ вездѣ переводитъ черезъ «великая песчаная степь», но это ошибка, что видно хотя бы изъ его замѣчанія («Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи, IV, стр. 104), что «Да-цзи» въ переводѣ будетъ великая *дресвяная, т. е. песчаная* степь».

2) Гора эта находится въ 120 верстахъ къ западу отъ Эрцзинъ-гола; у ея подошвы находится ключъ Нань-чуань.

3) Вѣроятно ключъ Ванъ-чуань, находящійса въ мѣстѣ схода дорогъ изъ Су-чжоу и Юймынь-сяна на сѣверъ.

4) Іакинфъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», I, 2, стр. 206.

5) Сѣянто названіе одного изъ поколѣній уйгуровъ.

6) Іакинфъ. «Op. cit.», I. 2, стр. 374. Событіе это относится къ 628 году нашей эры.

7) Іакинфъ. «Op. cit.», I. 1, стр. 52 и 53.

8) Цзю-цюань отнятъ у хунновъ вь 121 г. до Р. Хр., а въ 581 г. по Р. Хр. переименованъ въ Су-чжоу.

(хунны) посланы съ 20.000 конницы остановить китайское войско; но Янькой, увидѣвъ его многочисленность, ушелъ»...

«Въ слѣдующемъ году (т. е. въ 99 до Р. Хр.) китайскій дворъ отправилъ Эршыскаго полководца Гуанъ-ли въ походъ съ 30.000 конницы. Онъ выступилъ изъ *Цзю-цюань*, напалъ на западнаго Чжуки—князя у *Небесныхъ горъ*, взялъ до 10 тысячъ въ плѣнъ и пошелъ обратно. Хунны въ большихъ силахъ окружили Эршыскаго и онъ едва спасся, потерявъ до 7 тысячъ убитыми» ¹).

Въ 1528 г. турфанцы въ союзѣ съ олӧтами напали на Су-чжоу, при чемъ черезъ пустыню они прошли по большой дорогѣ, пролегавшей черезъ мѣстность Ся-бо-янъ-линь къ сѣверо-западу отъ Су-чжоу въ 190 ли ²).

О мѣстности Ся-бо-янъ-линь я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній; несомнѣнно, однако же, что здѣсь идетъ рѣчь о большой военной дорогѣ китайцевъ, дѣйствительно проходящей въ 200 ли къ сѣверу отъ Су-чжоу (черезъ городъ Мо-минъ или, какъ мнѣ его называли—Мо-ченъ).

Очевидно, что такія передвиженія крупныхъ военныхъ отрядовъ возможны были только въ странѣ, къ которой только съ извѣстными оговорками слѣдуетъ примѣнять терминъ *пустыня*. Не лишне также припомнить, что «Да-цзи» или «Великая дресвяная степь», т. е. та часть Гоби, которая тянется на западъ отъ меридіана Гань-чжоу, со временъ глубочайшей древности служила мѣстомъ кочевій и колыбелью многихъ номадовъ и въ томъ числѣ такого сильнаго племени, какъ жеу-жане; что во времена Сюань-Цзаня (629 г.) отъ Юй-мынь-гуаня была протянута сюда цѣпь пикетовъ; что до дунганскаго возстанія существовало здѣсь не только китайское укрѣпленіе Меншуй, въ окрестностяхъ котораго, на золотыхъ пріискахъ, работало постоянно до двухъ тысячъ китайцевъ, но что и въ горахъ Ма-джинь-сянь'скихъ паслись императорскіе табуны подъ прикрытіемъ цѣлой лянзы китайскихъ же конныхъ солдатъ; и что, наконецъ, въ настоящее время здѣсь кочуетъ не мало торгоутовъ и халхаскихъ монголовъ.

Сказаннымъ, само собою разумѣется, не исчерпывается затронутый нами вопросъ; приведенныхъ примѣровъ, однако, вполнѣ достаточно для того, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что такъ

---

¹) Іакинфъ, ib., стр. 49.

²) Успенскій. «Страна Кукэ-норъ или Цинъ-хай». («Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Этногр., VI, II, стр. 156).

называемая Хамійская пустыня никогда не представляла неодолимыхъ препятствій для передвиженія не только сотенныхъ, но даже и тысячныхъ отрядовъ людей; и Цзо-цзунъ-танъ, перебросившій черезъ нее въ одинъ пріемъ значительный корпусъ китайцевъ и цѣлую дивизію вспомогательнаго монгольскаго войска, доказалъ, конечно, что подобныхъ препятствій она не представляетъ и въ настоящее время.

Если съ юго-востока хамійскій оазисъ ограниченъ мѣстностью, представляющею хотя и не завидныя, но все же еще возможныя условія для существованія человѣка, то дальше на западъ, съ пониженіемъ абсолютной высоты мѣстности, Гоби уже пріобрѣтаетъ, дѣйствительно, на большихъ пространствахъ характеръ настоящей пустыни. Даже склоны горъ, подымающихся здѣсь во всѣхъ направленіяхъ, лишены всякой растительности. Палящіе лучи солнца согнали всю ее внизъ, въ лога и ущелья, да и тамъ гнѣздится она еще далеко не вездѣ. Это по преимуществу чіевыя или тростниковыя заросли, среди коихъ можно встрѣтить джантакъ, различныя солянки, а иногда и кустарники: Lycium, Nitraria, Calligonum и Tamarix; изрѣдко небольшія пространства заняты здѣсь сплошными насажденіями Iris'овъ, въ другихъ мѣстахъ попадается полынь (Artemisia dracunculus, Art. fasciculata, Art. commutata, Art. fragrans и другіе виды) и нѣкоторыя другія травы, но въ общемъ все же растительный покровъ этой части нагорья очень бѣденъ какъ видами, такъ и числомъ особей каждаго изъ послѣднихъ.

Впрочемъ, эта часть Бэй-Шаня ¹) намъ еще менѣе извѣстна, чѣмъ восточная его половина, а потому сколько-нибудь подробно останавливаться на ней мы не будемъ. Скажемъ только, что южные склоны Тянь-Шаня, такъ тѣсно связанные въ участкѣ между Хами и Турфаномъ съ горами пустыни, столь же безплодны, какъ и эти послѣднія, что и понятно, такъ какъ Тянь-Шань достигаетъ здѣсь обсолютной высоты, меньшей не только многихъ хребтовъ Бэй-Шаня, но даже и долинъ между ними.

А на сѣверъ отсюда, въ Баркульской долинѣ и Южной Джунгаріи, откуда доступъ на югъ во всякое время возможенъ и не затрудненъ никакими естественными препятствіями, разстилаются прекрасныя пастбища, постоянная приманка для кочевавшихъ здѣсь нѣкогда безчисленныхъ ордъ дикихъ номадовъ.

---

¹) Бэй-Шань—современное китайское названіе для горъ, лежащихъ на сѣверъ отъ большой Лянь-чжоу-Аньсійской дороги. Я распространилъ это названіе на всю горную площадь отъ поворота р. Тарима на югъ до долины р. Эрцзинъ-гола.

Хамійскіе князья никогда не были въ силахъ укрѣпиться въ Джунгаріи или Баркулѣ, а потому никогда владѣнія ихъ и не были обезпечены отъ вторженія кочевниковъ. При такомъ же совершенно необезпеченномъ положеніи границъ это маленькое владѣніе, даже не смотря на всѣ выгоды географическаго своего положенія, никогда не могло достичь той высокой степени процвѣтанія, какое навязываетъ ему, вѣроятно à priori, Риттеръ, а за нимъ и другіе. Оно всегда искало защиты и опоры у сильныхъ сосѣдей, и не было въ его исторіи такого момента, когда оно пользовалось бы совершенной самостоятельностью. Въ этомъ отношеніи судьбы его сходны съ Турфаномъ, который и окрѣпъ и обогатился только подъ властью уйгуровъ, владѣвшихъ помимо того и всей Джунгаріей отъ Баркуля до Урумчи.

Такимъ образомъ оазисъ этотъ, совершенно необезпеченный съ сѣвера, отрѣзанный отъ Турфана безплодной страной и лежащій въ сторонѣ отъ проторенной вѣками военной китайской дороги, ни въ какое время своей исторической жизни не могъ претендовать на названіе «ключа» къ Восточному Туркестану; скудное же его орошеніе въ совокупности съ невыгодными климатическими условіями заранѣе обрекало большинство его жителей на такое существованіе, при которомъ далеко не всегда есть возможность свести концы съ концами. Въ совокупности всѣ земли Хами производятъ хлѣба очень немного; бывали даже періоды, что Хами еле-еле могъ себя прокормить; а потому слѣдуетъ совершенно отбросить всякую мысль о сколько-нибудь значительномъ вывозѣ послѣдняго за предѣлы оазиса; скотоводство хотя и процвѣтало въ немъ нѣкогда, но занималась имъ не масса народа, а нѣкоторыя привиллегированныя семейства и во главѣ этихъ послѣднихъ самъ князь, владѣвшій въ горахъ обширными пастбищами; ремеслъ, могущихъ поддержать полевое хозяйство хамійцевъ, здѣсь, какъ кажется, никогда не существовало, не существуетъ ихъ и въ настоящее время; наконецъ, транзитный провозъ товаровъ хотя и доставляетъ извѣстныя выгоды мѣстному населенію, но выгоды эти едва-ли въ состояніи покрыть тотъ матеріальный ущербъ, который приноситъ этому краю его отдаленность отъ всѣхъ производительныхъ центровъ Внутренней Азіи.

Такимъ образомъ, и прошедшее Хами не блестяще, да и въ будущемъ нѣтъ основаній ожидать для него чего-нибудь чрезвычайнаго, чего-нибудь такого, что сразу подняло бы благосостояніе жителей этой страны. Развѣ, если только когда-нибудь въ своемъ естественномъ ростѣ Россійская Имперія, раздвигая свои предѣлы, не обратитъ его въ свой пограничный уѣздъ...

Въ подтвержденіе сказаннаго бросимъ ретроспективный взглядъ на прошлое этой страны.

«Древнѣйшимъ источникомъ, упоминающимъ о Хами», читаемъ мы у Григорьева, «является Іоаннъ Плано-Карпинскій, посолъ Иннокентія IV» [1]).

Но это невѣрно. Францисканскій монахъ писалъ не о Хами, а о городкѣ Эмилѣ, стоявшемъ нѣкогда на рѣкѣ того же имени, въ Западной Джунгаріи.

Въ дѣйствительности же впервые о Хами или Комулѣ мы слышимъ отъ Марко Поло, а нѣсколько десятилѣтій спустя въ искаженномъ видѣ это названіе попадаетъ уже и въ китайскую государственную географію.

Подъ другими, однако, названіями оазисъ Хами былъ извѣстенъ задолго до Р. Хр. Такъ, напримѣръ, въ китайскомъ землеописаніи Юань-хо-чжи сообщается, что уже въ доисторическія времена страной этой подъ названіемъ Гунь-ву владѣли западные жуны (си-жунъ), т.-е. тангуты. Но должно быть коренное населеніе оазиса съ неудовольствіемъ сносило ихъ иго, потому что, когда Му-ванъ, пятый князь династіи Чжеу [2]), рѣшился объявить имъ войну, то жители Гунь-ву преподнесли ему «красный (?) мечъ» [3]).

Въ 177 г. до Р. Хр. страной Гунь-ву или, какъ теперь уже называли ее—Ю-ву овладѣлъ Модэ, хуннскій шаню [4]). Въ теченіе почти двухъ съ половиной столѣтій хунны владѣли этой страной непрерывно, и даже такому талантливому китайскому полководцу, какимъ былъ Ли-гуанъ-ли, князь Эршыскій, ни въ 102 г. до Р. Хр., когда онъ прошелъ весь Восточный Туркестанъ до Давани (т.-е. до Ферганской области), ни въ 99 г., когда онъ доходилъ до Небесныхъ горъ, а, можетъ быть, и до Хами, не удалось присоединить этого владѣнія къ Китайской Имперіи. Китайцы утвердились въ немъ впервые только въ 65 г. до Р. Хр. [5]), когда и самое владѣніе это носило уже названіе Иву-лу [1]). Расчитывая въ немъ укрѣпиться, китайцы построили здѣсь городъ, поставили гарнизонъ и основали колонію военныхъ землепашцевъ (И-хэ-ду-вэй). Но сѣверные хунны ихъ трижды въ теченіе послѣдующихъ двадцати лѣтъ изгоняли отсюда, пока, наконецъ, въ 93 году сами не пали въ неравной борьбѣ съ соединенными силами сяньбійцевъ, динлиновъ, южныхъ хунновъ и китайцевъ. Съ паденіемъ же сѣверныхъ хунновъ Иву-лу овладѣли сяньбійцы.

---

[1]) «Восточный или китайскій Туркестанъ». 1873, стр. 306.

[2]) Му-ванъ царствовалъ съ 1002 до 947 до Р. Х.

[3]) Іакинфъ «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи». IV, стр. 76.

[4]) Ib., I., етр. 23.

[5]) Успенскій („Нѣсколько словъ объ округѣ Хами“ въ Извѣстіяхъ „Импер. Русск. Географ. Общ.“, 1875. № 1.) относитъ это событіе къ 73 г. по Р. Хр; но это было уже вторичное завоеваніе Хами, когда четыре китайскихъ корпуса съ разныхъ сторонъ напали въ Халхѣ на сѣверныхъ хунновъ. Въ этотъ разъ они продержались въ Хами до 77 г.

Сяньбійцы вскорѣ однако распались на отдѣльные аймаки, чѣмъ и поспѣшили воспользоваться китайцы, которые уже въ 131 году укрѣпились снова въ Хами [2]).

Въ этотъ промежутокъ времени многія событія волновали остальныя владѣнія Восточнаго Туркестана, но Хами они не касались, такъ какъ въ то отдаленное время черезъ него еще не пролегала большая дорога въ «западный край» [3]).

Около 150 г. одинъ изъ сяньбійскихъ родовичей, по имени Таньшихай, «мужъ, одаренный отличною силою, храбростью и умомъ» [4]), успѣлъ объединить родовые аймаки и съ ихъ помощью овладѣлъ всей страной отъ Или до Маньчжуріи, отъ Томска до Ордоса; вслѣдствіе чего Иву-лу, въ числѣ прочихъ владѣній Восточнаго Туркестана, снова вошелъ въ составъ земель этой вновь народившейся сильной державы [5]), существованіе коей, впрочемъ, было непродолжительно.

Уже въ 235 году, послѣ того какъ послѣдній сяньбійскій шанью палъ отъ руки наемнаго убійцы, подосланнаго китайскимъ правительствомъ, «сяньбійскій домъ какъ бы исчезъ, ибо имя его замѣнилось другими—Мужунь и Тоба» ¹).

---

[1]) Іакинфъ, op. cit., IV, стр. 77.

[2]) Китайцы посылали свои войска въ оазисъ И-ву и въ 112 году, но послѣднія были разбиты чешысцами и сѣверными хуннами (сяньбійцами?).

[3]) «Отъ Гаочана (Турфана) до Дунь-хуана 13 дней пути большею частью по песчанымъ степямъ, гдѣ и тропинокъ не видно. Путешественники ищутъ человѣческихъ и скотскихъ костей и по ихъ направленію идутъ. Въ дорогѣ иногда слышны пѣніе и плачъ и путешественники, направляясь на голосъ, нерѣдко сбиваются съ пути. Поэтому купцы, ѣдущіе въ Гаочанъ, по большей части берутъ дорогу на Иву». В. В. Григорьевъ («Восточный Туркестанъ», 1873, стр. 102.).

[4]) О. Іакинфъ. «Записки о Монголіи», II, стр. 53.

[5]) Китайцы, вытѣсненные изъ Хами, пишетъ Успенскій (l. c.), перешли вслѣдъ затѣмъ на югъ и основали на южной окраинѣ песчаной и холмистой степи, отдѣляющей ихъ отъ враговъ, къ сѣверу отъ Ань-си, округъ И-ву, который при Вэйской династіи считался уѣздомъ, а при Цзиньской—военнымъ управленіемъ.

При всей своей важности извѣстіе это, въ ряду извѣстныхъ намъ фактовъ, стоитъ совсѣмъ одиноко и во всякомъ случаѣ не можетъ не возбудить нѣкоторыхъ сомнѣній, тѣмъ болѣе возможныхъ, что, присматриваясь къ картѣ Бэй-Шаня, мы рѣшительно нигдѣ «къ сѣверу отъ Ань-си» не можемъ найти пункта, сколько-нибудь подходящаго для устройства военнаго поселенія.

Съ этого времени центръ тяжести интересовъ какъ Китая, такъ и кочевыхъ племенъ, перемѣстился на востокъ; западъ же пересталъ приковывать ихъ исключительное вниманіе, и записки о событіяхъ въ этомъ послѣднемъ перестали вестись съ должной послѣдовательностью.

А между тѣмъ именно здѣсь наростала уже новая сила—жеу-жани.

Къ какому племени принадлежали жеу-жани—въ точности неизвѣстно ²). Существуетъ только преданіе, что вмѣстѣ съ нѣкоторыми тэлэскими поколѣніями жеу-жани первоначально кочевали къ сѣверу отъ великой стѣны, отъ Ала-Шаня на западъ. Тоба-гуй ³) покорилъ ихъ въ 391 году и насильно переселилъ въ Датунь-фу. Десять лѣтъ, однако, спустя жеу-жаньскій ханъ Шелунь вмѣшался въ борьбу дома Вэй съ царствомъ Цинъ ⁴), но не успѣлъ своевременно придти на помощь союзнику и въ свою очередь былъ разбитъ на-голову сяньбійцами (въ 401 г.). Оставленный цинами на произволъ судьбы, онъ долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, перешелъ Бэй-Шань съ юга на сѣверъ, проникъ въ Халху, Джунгарію и Тарбагатай, овладѣлъ всѣми этими странами и основалъ сильное жеу-жаньское царство на развалинахъ гаогюйскаго. Впрочемъ, гаогюйцы жили тогда еще совершенно разрозненно и хотя владѣли уже всей страной отъ Халхи до Карашара, но могущественнаго государства все же не составляли.

Въ 424 году жеу-жаньскій ханъ Датанъ Гешенгай вторгнулся въ Сѣверный Китай, но неудачно. Императоръ Тоба-гуй (Ши-цзу) разбилъ его и, если не преслѣдовалъ по пятамъ, то только потому, что и самъ въ это время готовился къ войнѣ со своими сосѣдями на западѣ и на югѣ; но въ 429 году онъ въ свою очередь вторгнулся въ земли, подвластныя жеу-жанямъ, и, опустошивъ Халху, доходилъ до Тарбагатая. Не удовольствовавшись, однако, этимъ походомъ, воинственный императоръ этотъ въ 447 г. снова повелъ войска свои противъ жеу-жаней и на этотъ разъ не

---

¹) О. Іокинфъ. l. c., стр. 55. «Тоба» въ 318 году на короткое время овладѣли Джунгаріей и, вѣроятно, Хами. l. c. стр. 73.

²) Іакинфъ полагаетъ, что это были монголы, Клапротъ же видитъ въ нихъ отрасль тунгусовъ.

³) Тоба-гуй, сяньбіецъ, въ 397 году отнялъ у императора Мужунь-бао (дин. Янь) сѣверный Китай и основалъ новую династію Вэй.

⁴) Т.-е. тангутскимъ царствомъ.

только завоевалъ весь Восточный Туркестанъ, но и «произвелъ такое опустошеніе въ жеу-жаньскихъ земляхъ, что жители ихъ долго еще послѣ того не могли помышлять о набѣгахъ на сѣверные предѣлы его владѣній» [1]).

Но и торжество китайцевъ было непродолжительнымъ, такъ какъ уже въ 460 году Турфанъ, а нѣсколько лѣтъ спустя, и всѣ остальныя владѣнія Восточнаго Туркестана должны были снова покориться жеу-жанямъ. Исключеніе составила только страна Ивулу, въ которой съумѣли таки на этотъ разъ удержаться китайцы [2]).

Въ серединѣ VI вѣка въ Монголіи появились новые завоеватели—тукіесцы, спустившіеся съ Алтайскихъ горъ и прежде всего обрушившіеся на гаогюйцевъ. Разбивши ихъ и усилившись ими, они обратили свое оружіе противъ жеу-жаней, которымъ и нанесли два послѣдовательныхъ и настолько рѣшительныхъ пораженія, сперва въ 552 году, а затѣмъ въ 556, что вслѣдъ затѣмъ и самое имя этого народа совершенно исчезаетъ со страницъ исторіи народовъ Востока. Результатомъ тѣхъ же побѣдъ было объединеніе всѣхъ земель отъ Желтаго моря до Балхаша, отъ р. Хуанъ-хэ до Сибири подъ властью тукіескихъ хановъ.

Въ 585 году это обширное ханство распалось на двѣ половины—западную и восточную, причемъ весь Восточный Туркестанъ вошелъ въ составъ земель первой изъ нихъ.

Въ 628 году [3]) два сильныхъ тэлэскихъ поколѣнія—хойхоръ и сѣянто возмутились противъ восточно-тукіескаго хана Хѣли и разбили высланныя противъ нихъ войска. Совершенно неожиданный успѣхъ этотъ подалъ сигналъ ко всеобщему возстанію различныхъ тюркскихъ племенъ, которыя, провозгласивъ ханомъ своимъ сѣянтоскаго князя Иианя, двинулись общими силами противъ хана Хѣли. Послѣдній, отчаяваясь въ возможности собственными средствами остановить грознаго непріятеля, обратился за помощью къ китайцамъ; но вмѣсто помощи китайцы въ свою очередь двинули противъ него громадную армію, на долю которой и выпало счастье совершенно уничтожить войска Хѣли-хана и тѣмъ положить конецъ самостоятельному существованію восточно-тукіескаго ханства.

---

[1]) О. Іакинфъ. l. с., стр. 83.

[2]) Заключаемъ же мы это изъ слѣдующихъ фактовъ:

Въ 497 году владѣтель гаочанскій отправилъ къ китайскому двору посольство съ докладомъ и данью, а также съ просьбой прислать отрядъ войскъ съ тѣмъ, «чтобы принять его со всѣмъ народомъ и переселить въ другую страну». Согласіе было дано и китайское правительство послало военачальника Хань-ань-бао съ 1.000 человѣкъ конницы, а «для переселенія гаочанцевъ отвело 500 ли земли въ Иву-лу». (О. Іакинфъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи». Ш, стр. 151).

«Въ 500 году владѣтель Гя отправилъ къ китайскому двору племянника своего Сы-шу съ просьбой переселить его во внутреннія провинціи Китая и для принятія и содѣйствія прислать отрядъ войскъ. И такъ, посланъ военачальникъ Мынь-вэй съ 3.000 войска изъ Лянь-чжоу, чтобы принять и привести въ И-ву; но онъ пришелъ послѣ условленнаго срока и принужденъ былъ возвратиться» (l. с., стр. 152).

Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, могущество жеу-жаней настолько уже пошатнулось, что они были даже не въ силахъ держать въ повиновеніи гаогюйскія поколѣнія, которыя, пользуясь этимъ, то и дѣло предпринимали опустошительные набѣги на югъ, за Тянь-Шань, чѣмъ и довели турфанцевъ до такой крайности, что вынудили ихъ подумывать о переселеніи на востокъ.

[3]) Успенскій (l. с.) утрерждаетъ, что китайцы хотя и не надолго, но все же успѣли утвердиться въ Хами еще въ 610 году. Но въ исторіи тукіескаго дома мы не находимъ свѣдѣній, сколько нибудь согласныхъ съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ.

Такой разгромъ восточныхъ тукіесцевъ не могъ не отразиться и на могуществѣ хановъ западной орды [1]); временной же ихъ слабостью не замедлилъ воспользоваться ивускій владѣтель. Думая что-нибудь выиграть въ это смутное время, когда кочевыя племена Средней Азіи пришли въ движеніе и страсти народныя разыгрались, онъ перешелъ на сторону императора Чжень-гуань [2]) въ надеждѣ пріобрѣсти въ послѣднемъ мощнаго защитника своего крошечнаго владѣнія, испытывавшаго на себѣ въ то время всѣ невыгоды двойной зависимости отъ Тунъ-Шеху-хана тукіескаго и гаочанскихъ князей [3]). Но расчетъ его оказался невѣрнымъ. Правда, китайцы не замедлили переименовать И-ву-лу въ округъ Си-и-чжеу или, короче, И-чжеу, но не сдѣлали ничего для того, чтобы защитить послѣдній отъ вторженія раздраженныхъ измѣной тукіесцевъ и гаочанцевъ, которые и заняли его вновь своими войсками. Впрочемъ, торжество послѣднихъ было непродолжительнымъ, такъ какъ уже въ 640 г. китайскія войска проникли въ Турфанъ, безъ труда овладѣли имъ, а шесть лѣтъ спустя, перейдя Тянь-Шань, укрѣпились и въ Южной Джунгаріи. Почти одновременно, по обоюдному уговору между тукіескимъ ханомъ Иби-шегуемъ и китайскимъ дворомъ, и всѣ остальныя владѣнія Восточнаго Туркестана записаны были въ число вассальныхъ земель государей Танской династіи. Съ этихъ поръ, въ теченіе 30 лѣтъ, И-чжеу пользовался совершеннымъ покоемъ. Но въ 670 г. въ Восточномъ Туркестанѣ явились новые завоеватели—тибетцы, очень скоро покорившие не только всѣ города «Нань-лу», но и съумѣвшие утвердиться въ Джунгаріи. Повидимому, однако, владычество ихъ здѣсь не отличалось особою прочностью, такъ какъ мы видимъ, напримѣръ, что китайскія войска не только достигали въ это время (682) Или и Тарбагатая, но и распоряжались въ остальной Джунгаріи съ такимъ апломбомъ, точно находились гдѣ-нибудь у себя на родинѣ, подъ защитой великой стѣны! Наконецъ, въ 692 г. тибетцы совершенно изгнаны были изъ края.

---

[1]) «При паденіи восточно-дулгаскаго дома и западное ханство претерпѣло внутреннее потрясеніе» (О. Іокинфъ. «Записки о Монголіи», II, стр. 127.).

[2]) Чжень-гуань—основатель Танской династіи.

[3]) Это можно заключить изъ мемуаровъ Сюань-Цзаня, посѣтившаго эту страну въ 629 г.

Историческія судьбы Хами въ теченіе послѣдующаго столѣтія намъ совсѣмъ почти неизвѣстны. Можно только предполагать, что въ немъ продолжали безсмѣнно господствовать китайцы, что видно уже хотя бы изъ того, что за этотъ промежутокъ времени онъ дважды переименовывался: въ 742 году въ область И-ву-гюнъ, а въ 759 году снова въ округъ И-чже, причемъ его сочли нужнымъ раздѣлить даже на три уѣзда: И-ву, Жеу-юань и На-чжи.

Въ 790 г. тибетцы, уже владѣвшие съ 755 г. двумя провинціями Западнаго Китая—Хэ-си и Лунъ-ю, разбили китайскихъ союзниковъ хой-хэ [1]) и вторично овладѣли почти всѣми городами Восточнаго Туркестана и Южной Джунгаріи. Но завоеваніе это имѣло характеръ только временного захвата: занятые упорной борьбой на востокѣ, а потомъ и внутренними неурядицами, тибетцы не могли прочно укрѣпиться въ завоеванныхъ областяхъ. И послѣдствія такого положенія дѣлъ не замедлили сказаться тотчасъ же: въ 791 г. хой-хэ разбили тибетцевъ при Линь-чжеу, вскорѣ затѣмъ вторично нанесли имъ пораженіе въ Южной Джунгаріи и, наконецъ, въ 808 г. овладѣли Лянъ-чжоу. Впрочемъ, всѣ эти побѣды нисколько не поколебали могущества тибетцевъ въ Западномъ Краѣ; а вскорѣ затѣмъ (около 820 г.) они лишили даже китайцевъ послѣдняго ихъ оплота на западъ отъ Хуанъ-хэ—Дунь-хуана, павшаго послѣ одиннадцатилѣтней осады!..

Около половины IX вѣка среди тибетцевъ возникли крупныя распри и междоусобія. Въ 850 г. военный губернаторъ Шанъ-биби, побѣжденный узурпаторомъ Кунжо, отступилъ черезъ Бэй-Шань въ земли Восточнаго Тянь-Шаня, но Кунжо его преслѣдовалъ по пятамъ и «по сей причинѣ учинилъ великія грабительства» на всемъ пространствѣ отъ устья Сининской рѣки до Хами и Турфана, гдѣ и «обнажилъ совершенно землю», какъ картинно выражается китайская лѣтопись [1]).

---

[1]) «Хой-хэ»—китайская транскрипція монгольскаго «хойхоръ», короче—«ойхоръ», точно такъ же какъ «вэй-ге», «вэй-уръ» тюркскаго «уйгуръ».

Но уже въ слѣдующемъ году нѣкто Чжанъ-и-чао, тибетскій военачальникъ, измѣннически сдалъ Китаю одиннадцать ввѣренныхъ его управленію областей, въ томъ числѣ Турфанъ и Хами, а десять лѣтъ спустя Пугу-Цзунъ, уйгурскій ханъ, поразилъ Кунжо окончательно. Вслѣдъ затѣмъ (въ 874 г.) онъ отнялъ у него Хами, Турфанъ и Бугуръ [2]), овладѣлъ всей Джунгаріей отъ Баркуля до Тарбагатая и основалъ новое царство, столь впослѣдствіи знаменитую «Великую Уйгурію» съ резиденціей въ Хара-хото [3]).

Съ этихъ поръ судьбы И-чжеу настолько тѣсно сливаются съ историческими судьбами Турфана, что даже самое имя этого оазиса [4]) совершенно и надолго исчезаетъ со страницъ историкогеографической литературы Средней Азіи, и только четыре уже вѣка спустя венеціанецъ Марко Поло снова упоминаетъ о немъ подъ именемъ государства Комуль.

Въ своемъ очеркѣ «Нѣсколько словъ объ округѣ Хами» Успенскій между прочимъ замѣчаетъ, что «уйгуры, завоевавъ этотъ оазисъ, преобразились въ землевладѣльцевъ (земледѣльцевъ?)», и что отъ нихъ до сего времени сохранились еще остатки плотинъ для отвода воды по полямъ. Остатки эти находятся у ключа Цзини-цюань (Бай-янъ-хэ), въ мѣстности суровой, гдѣ въ 6 и 7 лунѣ падаетъ снѣгъ (?); плотины по большей части развалились, поросли травой и представляютъ въ настоящее время памятникъ трудовъ и усилій, съ коими преобразившіеся кочевники доставляли себѣ насущный хлѣбъ въ мѣстности настолько негостепріимной, что къ ея обработкѣ не рѣшаются приступить даже трудолюбивые китайцы».

Что это такое? точный-ли переводъ китайскаго подлинника или болѣе или менѣе свободное пользованіе источникомъ? Кому принадлежитъ увѣреніе, что именно кочевники-уйгуры явились насадителями культуры въ странѣ, настолько суровой, что «даже трудолюбивые китайцы» не отваживались тамъ поселиться,—китайцамъ или почтенному комментатору этого источника? Къ сожалѣнію, этого ничѣмъ не оговариваетъ Успенскій, а безъ такой ого-

---

[1]) О. Іакинфъ—«Исторія Тибета и Куку-Нора», I, стр. 230.

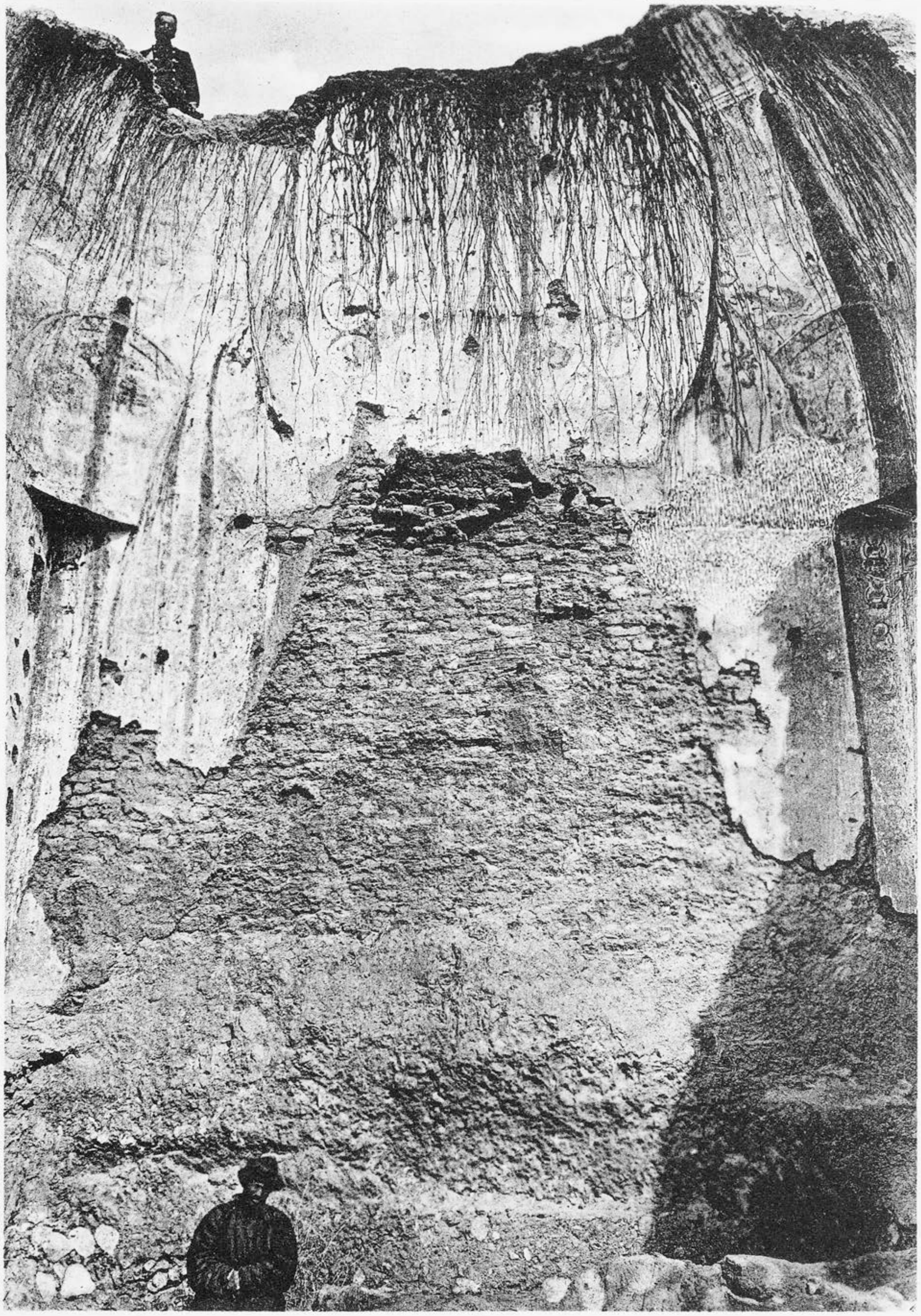
[2]) Изъ чего можно заключить, что передача этихъ городовъ китайцамъ была номинальной.

[3]) См. выше, стр. 322.

[4]) Во времена уйгурскаго владычества Хами носилъ уже названіе Ху-лу-цзы (Успенскій, I с.).

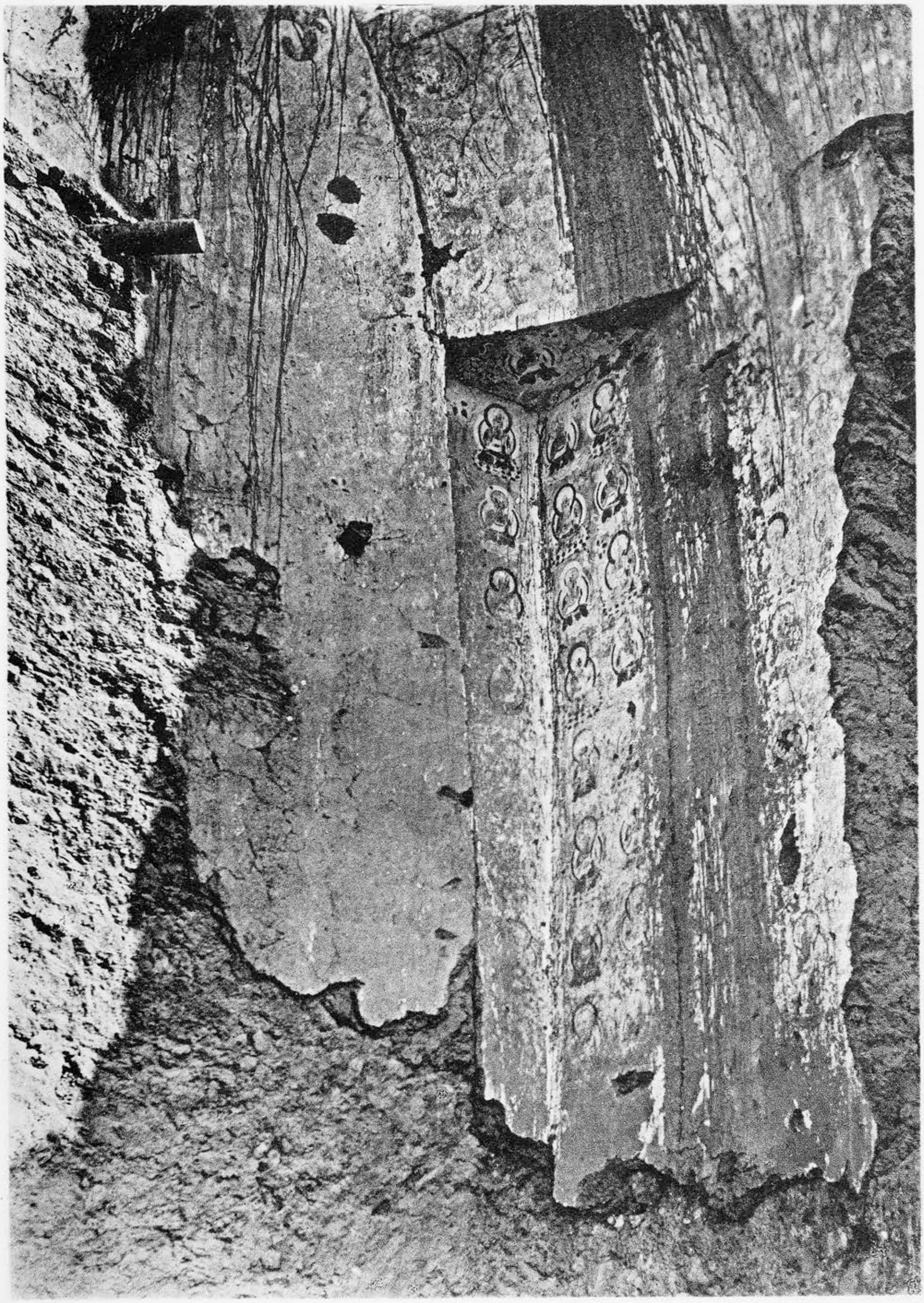
Г. Е. Грумъ-Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ I.



Развалины уйгурскаго монастыря.

Фототипія Б. Классена, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7/2.

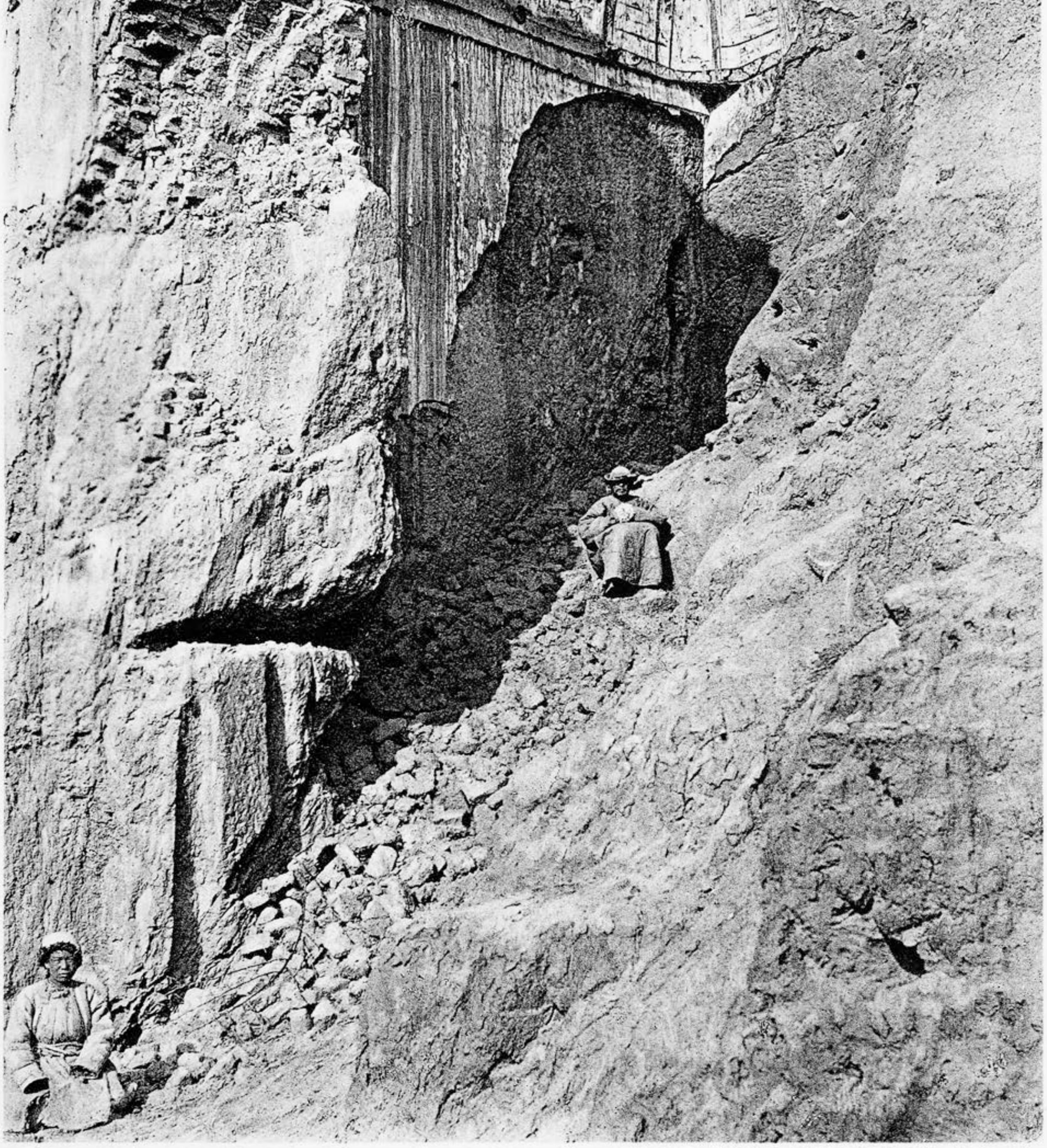


Развалины уйгурскаго монастыря.

Фототипія Ѳ. Клясенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Г. Е. Грумъ Гржимайло.

Путешествіе въ Западный Китай, Томъ I.



Развалины уйгурскаго монастыря.

Фототипія В. Классенъ. С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

ворки важное извѣстіе это теряетъ въ нашихъ глазахъ почти всю свою цѣну.

И вотъ почему. Просматривая параллельно обѣ исторіи—Хами и Турфана, мы находимъ существенное сходство въ судьбахъ того и другого: оба владѣнія до завоеванія ихъ уйгурами влачили жалкое существованіе, переходя изъ однѣхъ рукъ въ другія. И только съ начала X вѣка судьба Турфана значительно измѣняется: подъ именемъ Уйгуріи онъ начинаетъ пользоваться чрезвычайнымъ могуществомъ и богатствомъ. Хами составлялъ въ это время часть этой Уйгуріи, и хотя мы не имѣемъ данныхъ для того, чтобы судить о ростѣ благосостоянія его жителей, тѣмъ не менѣе едва-ли существуютъ какія бы то ни было основанія къ сомнѣнію въ томъ, что нѣкоторая часть тѣхъ выгодъ, которыя давала турфанцамъ ихъ громадная торговля, перепадала и на долю хамийцевъ. Такимъ образомъ, казалось бы, только уйгуры создали славу этихъ земель, только они одни подняли производительность почвы и явились здѣсь насадителями культуры, которая въ свое время приводила въ изумленіе даже китайцевъ. И этотъ взглядъ усвоенъ былъ, какъ кажется, весьма многими оріенталистами. Вотъ почему невольно навертывается вопросъ, не подъ вліяніемъ-ли подобныхъ воззрѣній писалъ и Успенскій вышеприведенныя строки?

А между тѣмъ эти воззрѣнія совершенно ошибочны. Достаточно вспомнить, что Турфанская область всецѣло существованіемъ своимъ обязана человѣку и что поэтому первые люди, здѣсь поселившіеся, могли быть только носителями высшей культуры земли, къ знаніямъ коихъ ничего не могли прибавить кочевники, ставшіе вдругъ ихъ господами. А если такъ, если турфанцы обязаны не уйгурамъ, а самимъ себѣ своимъ благосостояніемъ, то почему же оно не явилось къ нимъ раньше? Вотъ вопросъ, на который совершенно удовлетворительно отвѣтитъ намъ кровавая исторія этой страны. Надо помнить, что Хами и Турфанъ, не смотря на значительную ихъ территорію, въ общемъ представляютъ пустыню, въ безпредѣльныхъ пространствахъ которой совершенно теряются тѣ клочки зелени, на которыхъ культурный человѣкъ издавна сталъ ютиться, да и то съ грѣхомъ пополамъ. И какъ бы вообще густо ни были заселены эти клочки, все же общая цифра населенія этихъ оазисовъ никогда не могла быть настолько значительной, чтобы владѣтели ихъ въ состояніи были собственными силами отражать грабительскіе набѣги сосѣднихъ кочевниковъ, для которыхъ какъ Турфанъ, такъ и Хами издавна служили приманкой. Къ тому же, какъ помнитъ читатель, именно здѣсь Тянь-Шаньскій хребетъ уже настолько пониженъ, что не представляетъ никакихъ препятствій для массовыхъ вторженій врага. Такимъ образомъ сама судьба отдавала беззащитныхъ обитателей Хами и Турфана въ руки жадныхъ и вѣроломныхъ хищниковъ, и, если китайцы могли когда-то писать, что «Серединное государство совершенно истощилось для роскоши кочевыхъ» 1), то еще съ большимъ правомъ могли сказать это турфанскіе государи. Не даромъ же нѣкоторые изъ нихъ дѣлали попытки къ переселенію со всѣмъ своимъ народомъ на юго-востокъ, въ предѣлы Внутренняго Китая 2)!

Пугу-цзунъ, завоевавъ при-тянь-шаньскія земли, самъ сталъ въ нихъ государемъ. Онъ слилъ свои интересы съ интересами культурнаго населенія своихъ новыхъ владѣній, построилъ городъ по сосѣдству съ селеніемъ Хара-хото и, предоставивъ для кочевій уйгурамъ привольныя страны по сѣвернымъ склонамъ Тянь-Шаня, умѣлъ оградить производительные центры отъ случайностей борьбы, грабежа и насилій. И послѣдніе разрослись, разбогатѣли и въ свою очередь положили основаніе могуществу и богатству тянь-шаньскихъ уйгуровъ.

Вотъ, по нашему мнѣнію, главныя причины той метаморфозы, которая съ начала X вѣка совершенно измѣнила политическое значеніе округовъ, лежащихъ на югъ отъ Тянь-Шаня.

Народное преданіе, кромѣ упомянутыхъ выше плотинъ 3), о которыхъ, сказать кстати, мы лично ничего не слыхали, приписываетъ постройкѣ уйгуровъ и буддійское капище, развалины котораго находятся на сѣверо-востокъ отъ Хами, при выходѣ рѣчки Гаибъ изъ ущелья Карлыкъ-тагскихъ горъ.

Рѣчку эту китайцы называютъ Вэй-уръ, т. е. уйгурской рѣчкой, а мѣстное населеніе добавляетъ, что уйгуры держались здѣсь еще долго послѣ того, какъ были изгнаны изъ Хами, однако никто не могъ намъ съ точностью сообщить, куда же переселились

---

1) О. Іакинфъ. «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи». I, 2, стран. 404.

2) См. выше, стр. 453 и ниже стр. 463.

Не безъинтересно также замѣтить, что и гораздо позднѣе, когда Уйгурія уже раздѣлилась и въ Джунгаріи образовалось отдѣльное Бишбалыкское княжество, изъ послѣдняго предпринимались частые и бурные набѣги въ Турфанъ. (Покотиловъ. «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ». стр. 97—98). То же повторилось и съ образованіемъ въ Джунгаріи Ойратскаго царства.

3) Имѣя въ виду, что плотины эти находятся въ мѣстности, гдѣ даже въ маѣ и іюнѣ падаетъ снѣгъ, стало-быть въ наиболѣе возвышенныхъ долинахъ Карлыкъ-тага, гдѣ никакое полеводство невозможно, я рѣшаюсь высказать предположеніе, что здѣсь идетъ рѣчь о моренахъ, принятыхъ за искуственныя сооруженія.

отсюда уйгуры и къ какому приблизительно времени слѣдуетъ отнести это событіе. Все, что мы вообще могли здѣсь узнать, это—что капище разрушено было не столько временемъ, сколько дунганами.

Когда, слѣдуя рѣчкой Гаибъ, подъѣзжаешь къ передовой гранитной грядѣ Карлыкъ-тага, то вскорѣ передъ глазами путника выростаетъ другая гряда болѣе яркая, но и менѣе высокая, восточный конецъ которой совершенно замаскированъ лѣсомъ высокихъ тополей, карагачей и волошской орѣшины. Эта мнимая гряда и есть обширная развалина буддійскаго храма, представлявшаго нѣкогда рядъ высокихъ и круглыхъ залъ, вытянутыхъ въ одну линію и обращенныхъ дверьми на югъ. Сложенныя изъ сырцоваго кирпича, они были оштукатурены алебастромъ внутри и по этой штукатуркѣ разрисованы самыми яркими красками. Главные идолы, высотой аршинъ до 12, стояли противъ входовъ и головы ихъ безъ сомнѣнія терялись въ сумракѣ куполовъ, которые, повидимому, не имѣли отверстій. Архитектурный стиль всей этой постройки совершенно не тотъ, что мы видѣли въ Асса-шарѣ, и ближе всего подходитъ къ монастырю на р. Кара-ходжа, о которомъ намъ приходилось уже говорить въ нашемъ обзорѣ памятниковъ старины въ Турфанскомъ оазисѣ [1]); даже кельи монаховъ не примыкали здѣсь непосредственно къ монастырю, а были выбиты въ отвѣсныхъ скалахъ сосѣдней гранитной гряды. Кромѣ этого монастыря, въ предѣлахъ Хамійскаго оазиса намъ не приходилось наталкиваться на памятники сѣдой старины, если не считать гранитной плиты, найденной мною въ Карлыкъ-тагскихъ горахъ, на которой по тибетски и монгольски выбито было извѣстное буддійское изрѣченіе: ом-мани-пад-ме-хум.

Уйгурскіе государи держались умной, но себялюбивой политики. Они не мѣшались въ событія, волновавшія остальные города Восточнаго Туркестана, но постоянно обращали взоры свои на востокъ, гдѣ тѣмъ временемъ происходили громадные перевороты, быстро организовались, но зато такъ-же быстро и падали цѣлыя государства. Оберегая свои владѣнія, идикоты умѣли жертвовать своимъ самолюбіемъ и, добровольно иногда признавая себя вассалами могущественныхъ завоевателей, тѣмъ самымъ спасали границы своего государства отъ вторженій безчисленныхъ ордъ, находившихся въ распоряженіи этихъ послѣднихъ.

Съ 913 года они считались вассалами киданей. Въ 1125 году, когда киданьская монархія пала подъ ударами чжурчженей, они поспѣшили склониться передъ этой новой силой, вступивъ въ то же время въ вассальныя отношенія и къ Елюй-Даши, основателю Кара-киданьскаго царства. Когда же, къ началу XIII вѣка, стало клониться къ упадку могущество Западныхъ Ляо, а на востокѣ взошла и засіяла небывалымъ блескомъ новая звѣзда — Чингисъ-ханъ, уйгуры схватили и казнили въ Хара-хото кара-киданьскаго намѣстника Шаукэма и поспѣшили явиться на поклонъ къ величайшему изъ монгольскихъ завоевателей. Это спасло страну отъ разгрома. И въ то время, когда все кругомъ рушилось, одна Уйгурія съумѣла оградить себя отъ совершеннаго разоренія и сохранить за собой если не политическую самостоятельность, то во всей его неприкосновенности внутреннее самоуправленіе.

---

[1]) Къ этимъ развалинамъ мы будемъ имѣть еще случай вернуться въ слѣдующей главѣ.

Послѣдовавшій затѣмъ періодъ былъ самымъ блестящимъ въ исторіи восточно-тянь-шаньскихъ земель. Почти вся торговля Монголіи перешла въ руки уйгуровъ. Страна быстро обогатилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ она стала и разсадникомъ просвѣщенія. Уйгурскій алфавитъ былъ оффиціально принятъ въ имперіи Чингисъ-хана, и уйгуры въ качествѣ учителей и чиновниковъ канцелярій разсѣялись чуть не по всѣмъ городамъ обширной монархіи. Алфавитъ этотъ надолго удержался въ предѣлахъ Джагатаева улуса[1]), гдѣ монгольскій элементъ вскорѣ успѣлъ до такой уже степени затеряться среди обширной семьи тюркскихъ народностей, что даже названіе «джагатайскій языкъ» стало синонимомъ языка тюркскаго.

Въ 1260 году Хубилай самовольно вступилъ на престолъ, и это обстоятельство послужило главной причиной раздробленія обширной монгольской монархіи: западные ханы объявили себя независимыми и перестали сноситься со своимъ родичемъ, перенесшимъ столицу въ Пекинъ (1264 г.). Но Уйгурія осталась вѣрна своей традиціонной политикѣ и не измѣнила императору Хубилаю[2]). Такимъ образомъ, какъ замѣчаетъ В. В. Григорьевъ, въ судьбахъ Уйгуріи за весь послѣдующій періодъ обнаруживается такая же точно отдѣльность отъ жизни прочихъ частей Восточнаго Туркестана, какую замѣтили мы уже и въ предшествовавшемъ періодѣ. Въ то время, какъ эти части страны все болѣе и болѣе подчинялись общему складу мусульманской жизни и давленію переворотовъ, совершающихся въ Западной Азіи, Уйгурія все еще продолжала оставаться подъ зависимостью прежнихъ связей своихъ съ восточно-азіатскимъ міромъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ ¹).

---

[1]) На востокѣ онъ былъ замѣненъ въ 1268 г. такъ называемымъ монгольскимъ письмомъ.

[2]) Въ 1275 году Джагатаидъ Дава-ханъ хотѣлъ привлечь идикота Уйгуріи къ союзу противъ Хубилая, но послѣдній не измѣнилъ императору (d'Ohsson — «Histoire des Mongols», II, 451).

Въ 1368 году монголы были изгнаны изъ Китая, а въ слѣдующемъ году Хызръ-ходжа уже присоединилъ Бишбалыкъ и западную половину Турфана къ наслѣдственнымъ землямъ джагатаева улуса, чѣмъ и положилъ конецъ существованію Уйгуріи, какъ самостоятельнаго владѣнія.

Повидимому, Хамійскій округъ сталъ тогда же въ вассальныя отношенія къ Китаю ²), что видно, между прочимъ, хотя бы изъ того обстоятельства, что уже въ 1377 г. китайцами предпринимался походъ противъ Турфана ³), но Успенскій, на основаніи китайскихъ же источниковъ, утверждаетъ, что событіе это должно быть отнесено ко второму году правленія Юнъ-ло, т. е. къ 1404 г. Какъ бы то ни было, но уже въ 1406 году оазисъ этотъ былъ преобразованъ въ китайскій военный округъ и ему присвоено было имя Хами ⁴). Мѣстный князь Анкэ-Тимуръ, монголъ по происхожденію и братъ хамійскаго князя На-ху-ли, правившаго страной съ титуломъ су-вана, былъ въ то же время переименованъ въ чжунъ-шунь-вана и пожалованъ золотою печатью, а всѣ мѣстные старшины, сообразно съ занимаемой ими должностью, получили болѣе или менѣе значительные чины.

При преемникахъ Анкэ-Тимура ⁵) оазисъ пользовался нѣкоторымъ покоемъ, а городъ Хами получилъ названіе «главнаго въ Западномъ Краѣ», причемъ изданъ былъ и указъ, чтобы всѣ посольства, направляющіяся въ Китай, слѣдовали черезъ него ⁶). Но уже въ сороковыхъ годахъ XV вѣка на Хами обрушивается новое бѣдствіе—его дважды разоряетъ ойратскій тайши Эсень. Впрочемъ, эти погромы, на нѣкоторое время поставившіе хамійское княжество въ зависимость отъ ойратовъ, не прервали вассальныхъ отношеній его къ Минской имперіи. Въ подобныхъ же вассальныхъ отноше-

---

[1] «Восточный или Китайскій Туркестанъ», 1873, стр. 299—300.

[2] В. Григорьевъ. «Восточный Туркестанъ», стр. 330. Покотиловъ. «Исторія восточныхъ монголовъ въ періодъ династіи Минъ», стр. 43.

[3] Покотиловъ, op. c., стр. 97.

[4] Покотиловъ (l. c.), какъ кажется относитъ это событіе къ нѣсколько позднѣйшему времени.

[5] Подробнѣе см. у Покотилова, ib., стр. 43—46, 53—60, 91—94.

[6] Важное указаніе, свидѣтельствующее, что въ эту эпоху посольства, а потому, вѣроятно, и торговые караваны избѣгали захода въ Хами.

ніяхъ къ Минамъ находилось и сосѣднее княжество — Турфанъ, государи коего, уже начиная съ 1408 г., шлютъ безпрестанныя посольства въ Пекинъ. Къ 1470 г. Турфанъ, однако, настолько усиливается, что княжившій тамъ въ это время Али рѣшается даже пренебречь дружбой китайскаго правительства и, пользуясь неурядицами въ Хами, присоединяетъ къ своимъ владѣніямъ какъ этотъ оазисъ, такъ и нѣкоторую часть ойратскихъ кочевій. Въ теченіе послѣдующихъ сорока лѣтъ Хами переживалъ очень смутное время, то временно освобождаясь, то снова переходя во власть турфанскихъ султановъ, пока, наконецъ, въ 1513 году онъ окончательно не былъ присоединенъ къ Турфану внукомъ Али—султаномъ Мансуромъ.

Въ началѣ XVII вѣка [1]) Кашгарію (regnum Cascar) посѣтилъ іезуитъ, патеръ Гоэсъ (Goës). Въ его время всѣ города Восточнаго Туркестана все еще составляли одно государство, вѣроятно, одинъ изъ полунезависимыхъ удѣловъ Могулистана. Но затѣмъ политическое положеніе дѣлъ здѣсь вдругъ измѣнилось.

Въ Джунгаріи выросъ грозный союзъ ойратскихъ племенъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ калмыковъ. Эти калмыки вскорѣ стали угрожать и Восточному Туркестану, который чувствовалъ себя совершенно безсильнымъ въ борьбѣ съ мелкими партіями грабителей, то и дѣло врывавшихся изъ-за Тянь-Шаня въ южные культурные округа. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этихъ печальныхъ событій правитель Турфана и рѣшился въ 1646 году снестись съ Дай-циньскимъ дворомъ, дабы цѣной добровольнаго подчиненія вызвать императора Шунь-джи на защиту своихъ владѣній отъ дерзкихъ и неугомонныхъ кочевниковъ. Но этотъ шагъ не спасъ Турфана отъ порабощенія калмыкамъ, такъ какъ уже къ концу 70 годовъ мы видимъ послѣднихъ обладателями не только Тибета, но и городовъ бывшей Уйгуріи и бассейна Тарима. Впрочемъ, господство ихъ надъ городами восточной части Нань-лу было непродолжительнымъ. Князья Хами и Турфана, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Галдана Бошокту, уже въ 1696 году передались вторично маньчжурамъ. Однако, они недостаточно взвѣсили шансы борьбы и вскорѣ жестоко поплатились за это. Въ 1712 году, гдѣ-то между Хами и Турфаномъ [2]), джунгары совершенно уничтожили китайскую армію, послѣ чего разорили Турфанъ и до основанія разрушили городъ Хами; но затѣмъ, за отсутствіемъ подножныхъ кормовъ, должны были отступить обратно въ Джунгарію, чѣмъ и поспѣшилъ воспользоваться императоръ Кань-си, тотчасъ же занявшій покинутые города китайскими гарнизонами. Но, должно быть, и эти гарнизоны чувствовали себя не совсѣмъ на мѣстѣ въ Турфанѣ, потому что въ концѣ концовъ не только оставили на произволъ судьбы эту страну, но и выселили отсюда значительную часть населенія съ княземъ Эминъ-ходжей во главѣ (1732 г.). Послѣдніе поселились въ окрестностяхъ Ань-си и Ша-чжоу (Са-чжоу) и хотя впослѣдствіи (1755 г.) и вернулись снова на родину, но въ такомъ нищенскомъ видѣ, что даже китайцы почли безчеловѣчнымъ взимать съ нихъ обыкновенныя подати въ пользу имперской казны. Такъ рушилось благосостояніе этого столь нѣкогда знаменитаго богатствомъ своимъ государства!

---

[1]) Въ 1603—1605 годахъ.

[2]) Не въ котловинѣ ли Отунъ-коза, куда изъ Южной Джунгаріи ведутъ три пути: съ перевала Уланъ-усу, такъ называемое «калмыцкое ущелье» и колесный путь на Гученъ?

А Хами, еще въ 1714 году возстановленный изъ развалинъ, продолжалъ между тѣмъ влачить свое зависимое существованіе. Впрочемъ, въ разгаръ борьбы ойратовъ съ маньчжурами онъ получилъ крупное стратегическое значеніе. Въ 1727 году былъ даже выстроенъ бокъ-о-бокъ со «старымъ» городомъ—«Лао-ченомъ»—«новый» китайскій городъ—«Синъ-ченъ», въ которомъ оставленъ былъ гарнизонъ и сложены были запасы оружія и провіанта. Но что это были въ то время за города, видно изъ слѣдующаго китайскаго ихъ описанія: «Хами въ окружности имѣетъ 4 ли [1]), и двое воротъ. Жителей считается нѣсколько сотъ семействъ и живутъ они въ землянкахъ» [2]).

Хами сталъ богатѣть и населяться только съ 1731 года, когда китайцы догадались, наконецъ, утвердиться въ Баркульской долинѣ и построить тамъ крѣпость. Сознаніе безопасности привлекло сюда сначала разбѣжавшихся жителей, а вслѣдъ затѣмъ и купцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно прибывающіе сюда транспорты военныхъ припасовъ и торговые караваны внесли чрезвычайное оживленіе въ окрестности этого городка, который временами не могъ даже вмѣщать всѣхъ проѣзжающихъ. Это заставляло караваны торговцевъ останавливаться около западныхъ воротъ [3]), причемъ зачастую стеченіе людей, товаровъ и караванныхъ животныхъ было здѣсь настолько значительнымъ, что небывалому человѣку могло даже казаться, что онъ подъѣзжаетъ къ какой-либо «резиденціи» [1]).

---

[1]) Т. е. менѣе двухъ верстъ.

[2]) О. Іакинфъ—«Описаніе Чжунгаріи и Восточнаго Туркестана». Стр. XXXVIII.

[3]) Теперь верблюжьи караваны останавливаются на востокъ отъ «новаго» города.

Я подозрѣваю, что Риттеръ именно эти строчки Си-юй-вынь-цзянь-лу принялъ за исходную точку своихъ разсужденій на тему о быломъ торговомъ значеніи и богатствѣ Хами, уподоблявшемъ будто-бы этотъ городъ столицѣ. Что въ дѣйствительности это было не такъ, что торговое оживленіе этого городка было только временнымъ и случайнымъ, видно уже изъ того, что въ томъ же описаніи Западнаго Края сообщается далѣе слѣдующее: «число жителей въ городахъ этой области не выше двухъ тысячъ семействъ и всѣ они такъ бѣдны, что сами себя не въ состояніи прокормить» [2]), почему съ нихъ, какъ кажется, даже не взыскивалось сборовъ въ пользу китайской казны [3]).

Успенскій пишетъ, что «при существующихъ путяхъ сообщенія Хами представляетъ единственный пунктъ, черезъ который идетъ торговля Китая съ западными владѣніями». На это со своей стороны я не могу не замѣтить, что такими же пунктами на пути изъ Внутренняго Китая въ Восточный Туркестанъ вправѣ считаться и всѣ остальные города на западъ отъ Лань-чжоу-фу, а именно Лянь-чжоу, Гань-чжоу и Су-чжоу, которые играютъ, однако, совершенно пассивную роль въ этой торговлѣ, заработывая на ней не болѣе того, что выпадаетъ на ихъ долю какъ кратковременныхъ станцій для проходящихъ черезъ нихъ каравановъ. Но не такую-ли точно роль по отношенію къ помянутой выше торговлѣ игралъ до настоящаго времени и Хами?

«Въ теченіе года изъ одной Гань-су выдано было до 140 свидѣтельствъ купцамъ, отправлявшимся въ городъ Хами»... «въ 1758 же году отправлено было въ Турфанъ изъ этого города 78 тысячъ ящиковъ чая и 300 кусковъ какой-то матеріи *бу*»... а это, по мнѣнію Успенскаго, вполнѣ, будто-бы, подтверждаетъ существованіе не только огромныхъ складовъ въ Хами, но и свидѣтельствуетъ объ обширной торговлѣ этого города.

Стоитъ, однако, хоть разъ проѣхаться по дорогѣ, ведущей изъ Хами въ предѣлы Внутренняго Китая, для того, чтобы придти къ заключенію совершенно обратному. Здѣсь, правда, встрѣчаются иногда небольшія партіи ишакчей; но везутъ они въ Хами почти исключительно громоздкій, а не цѣнный товаръ: гаотайскій рисъ, ань-сійскій горохъ, кожи кутасовъ 1), овечью шерсть и другое сырье. Въ Китаѣ своеобразные порядки не только для внѣшней, но и для внутренней торговли: пошлину (ли-цзинъ) приходится платить чуть ли не въ каждомъ попутномъ городкѣ, да чуть-ли не въ каждомъ же крупномъ административномъ центрѣ выправлять и свидѣтельства для безпрепятственнаго слѣдованія до слѣдующаго такого-же центра. Что же удивительнаго, что при такихъ порядкахъ въ провинціи Гань-су могли выдать въ годъ 140 торговыхъ свидѣтельствъ! Къ тому же развѣ всѣ тѣ, кто бралъ свидѣтельства въ городахъ Гань-су и ѣхалъ по дорогѣ въ Хами, непремѣнно должны были быть уроженцами этого города? И не выражаютъ ли въ такомъ случаѣ эти 140 свидѣтельствъ всего торговаго оборота Внутренняго Китая съ городами Восточнаго Туркестана? Вѣдь прошли же транзитомъ черезъ Хами 78 тысячъ ящиковъ чая и вмѣстѣ съ ними какая-то ткань, прошли одновременно, конечно, и другіе товары и произведенія Внутренняго Китая, а всѣ такіе транспорты, безъ сомнѣнія, должны были сопровождать десятки документовъ...

---

[1]) О. Іакинфъ. l. c., стр. 97.

[2]) ibid.

[3]) В. Григорьевъ—«Восточный Туркестанъ», 1873., стр. 399.

Исторія показываетъ, что Хами оживлялся въ одномъ только случаѣ: когда замѣшательства на западѣ вызывали значительное скопленіе китайскихъ военныхъ силъ въ этомъ городѣ. Тогда везлись сюда не только предметы военнаго снаряженія, но и товары мануфактурные и гастрономическіе 2) и даже въ значительныхъ количествахъ рисъ 3) и фуражъ, такъ какъ мѣстныхъ произведеній въ такихъ случаяхъ обыкновенно здѣсь не хватало. Но уходили войска, разъѣзжались купцы, и Хами принималъ снова свою прежнюю физіономію небогатаго среднеазіатскаго городка...

Болѣе столѣтія Хами пользовался мирнымъ существованіемъ. Мало по малу онъ заселился. Мѣстами населеніе скучилось даже въ такой степени, что пахотной земли ему уже переставало хватать 4)... И если оно все же жило небогато, то причиной тому служили чрезвычайные поборы туземныхъ властей. Зато ваны ихъ благоденствовали и, какъ мы ниже увидимъ, были даже настолько

---

1) Кутасами тюрки называютъ яковъ домашнихъ и дикихъ.

2) Преимущественно изъ Пекина; изъ Лань-чжоу везутъ въ Западный Край только печенія, свиные копченые окорока, свиное же копченое сало и т. п. предметы.

3) Вопреки имѣющимся въ литературѣ даннымъ Хами риса не производитъ.

4) «Число жителей этой области простиралось до 30 тысячъ семействъ», пишетъ Матусовскій въ своемъ «Географическомъ обозрѣніи Китайской Имперіи», 1888, стр. 229., но цыфра эта кажется намъ вполнѣ фантастической.

богаты, что имѣли возможность временно содержать на свое иждивенiе китайскiй и маньчжурскiй гарнизоны въ Баркулѣ!

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго вѣка весь Западный Китай, какъ уже знаетъ читатель, былъ потрясенъ возставшими дунганами. Первый сигналъ къ возстанiю подали въ 1861 году жители Хо-чжеу, крупнаго мусульманскаго центра въ Гань-су. Вскорѣ затѣмъ оно охватило всѣ округа, населенные дунганами, изъ Гань-су перешло на западъ, было подхвачено въ Джунгарiи, а, наконецъ, передалось и въ города Восточнаго Туркестана, жители коихъ очень быстро и безпощадно расправились со своими пароботителями и исконными врагами—китайцами.

Исключенiе составляли только хамiйцы.

Когда въ 1863 году Айдынъ-ходжа, правитель Кучи, подкрѣпленный дунганами, двинулся по направленiю къ Баркулю, хамiйскiй ванъ Магометъ-Баширъ-ханъ быстро сформировалъ отрядъ изъ тагчей [1]) и двинулъ его подъ командой таджи Нiязъбека на выручку этого города. Айдынъ-ходжа отступилъ къ Гучену, но эта измѣна мусульманскому дѣлу дорого обошлась Баширъ-хану.

Извѣстный дунганскiй партизанъ Баянъ-ху, о которомъ выше упоминалось не разъ, ворвался въ хамiйскiй оазисъ и какъ ураганъ пронесся по цѣлой странѣ... Но на этотъ разъ Баширъ-ханъ съумѣлъ отсидѣться за стѣнами своего городка и по уходѣ дунганъ попрежнему сталъ дѣйствовать во вредъ инсургентамъ.

Баркульскiй гарнизонъ, совершенно отрѣзанный отъ войскъ Цзо-цзунъ-тана, терпѣлъ страшную нужду и въ хлѣбѣ, и въ предметахъ первой необходимости. И вотъ Баширъ-ханъ изъ собственныхъ своихъ средствъ рѣшилъ содержать доблестныхъ защитниковъ этого важнаго пункта. Но такой поступокъ Баширъ-хана еще болѣе обострилъ взаимныя отношенiя дунганъ и хамiйцевъ. Баянъ-ху въ сообществѣ съ Шаованомъ вторично явился подъ стѣнами Хами, штурмовалъ этотъ городъ, разграбилъ его и, захвативъ всю вановскую семью, Баширъ-хана отправилъ въ Урумчи, а его младшую жену, родомъ дунганку, казнилъ [2]).

---

[1]) Отъ слова „тагъ“—гора; поэтому „тагчи“—горцы.

[2]) Послѣдняя казнена за то, что, не смотря па свое происхожденiе, постоянно возбуждала своего мужа противъ дунганъ и въ частности противъ Баянъ-ху. Впрочемъ, весьма можетъ статься, что это былъ только навѣтъ со стороны таджи Супуго-Казы-бека, передавшагося дунганамъ и впослѣдствiи за такую измѣну четвертованнаго китайцами.

Нѣсколько лѣтъ спустя дунганскія скопища были разсѣяны, а Баянъ-ху бѣжалъ въ Россію и умеръ въ Пишпекѣ; но слѣды кратковременнаго его пребыванія въ этой странѣ и до сихъ поръ еще не изгладились совершенно...

Хамійскій оазисъ и теперь бѣденъ, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ представлялъ повсемѣстно однѣ только груды развалинъ, среди которыхъ, впрочемъ, уже начиналъ копошиться народъ...

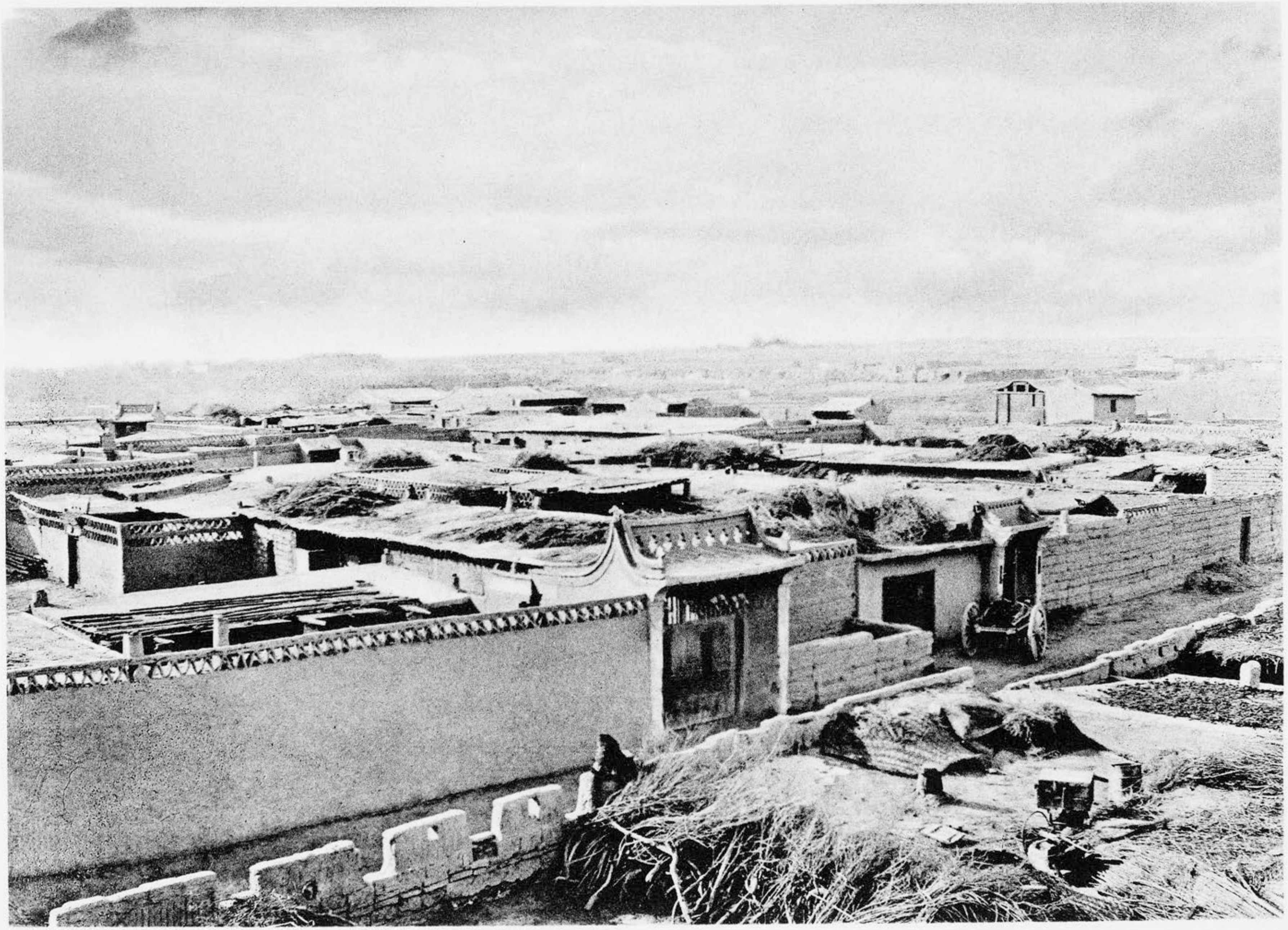
Эти же слова слѣдуетъ всецѣло отнести и къ главному городу оазиса, т. е. Комулю. Китайскіе же города—Лао-ченъ и Синъ-ченъ, расположенные бокъ-о-бокъ съ мусульманскимъ городомъ, переживали въ то же время счастливый моментъ своей жизни: въ нихъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, квартировали избалованныя войска Лю-цзинь-таня, молодого генерала, стяжавшаго себѣ очень быстро, но нельзя сказать, чтобы совершенно заслуженно, репутацію прекраснаго военачальника и администратора. Въ городахъ этихъ мѣстились, впрочемъ, только высшіе офицеры и съѣхавшіеся сюда же чиновники—правители будущихъ, пока еще не завоеванныхъ, округовъ [1]); солдаты же, при помощи туземнаго населенія, выстроили себѣ временной городъ, обширныя развалины коего бросаются въ глаза каждому, кто только въѣзжаетъ западной дорогой въ Хами.

Громадное скопленіе серебра въ такомъ крошечномъ городкѣ, какимъ былъ китайскій Хами до вступленія туда войскъ Лю-цзинь-таня, совершенно пересоздало и этотъ городъ и всю окрестную мѣстность. Здѣсь появились обширные заѣзжіе тани, безчисленные трактиры, дотолѣ невиданныя богатѣйшія китайскія лавки, выросъ даже цѣлый пригородъ и въ довершеніе всего, влекомые жаждой наживы, появились здѣсь русскіе люди—прикащики бійскихъ купцовъ... На западъ отъ города мѣстность украсилась паркомъ, разведеннымъ по приказанію Лю-цзинь-таня, далѣе—здѣсь же былъ выкопанъ прудъ, и, о диво! для него специально сколочена была лодка, на палубѣ которой любившій таки кутнуть генералъ задавалъ пиры своимъ подчиненнымъ... Мы застали уже только остовъ этой ладьи, но все же немало подивились ея ни съ чѣмъ несоразмѣрной величинѣ, придававшей характеръ совершенной нелѣпости всей этой странной затѣѣ...

Но ушли войска Лю-цзинь-таня, разъѣхались кто-куда и купцы, а съ ними вмѣстѣ исчезли и капиталы, безъ которыхъ совершенно незачѣмъ стало такому бѣдному городу, какъ Хами, содержать столько заѣзжихъ домовъ, гостинницъ и лавокъ, отдѣланныхъ на китайскій ладъ и съ китайскимъ великолѣпіемъ. И какъ быстро изъ глины, бумаги и крашеныхъ щепокъ нѣкогда сооружались всѣ эти зданія, такъ же быстро теперь они развалились, наполнивъ улицы своими обломками...

---

[1]) Обычай назначать штаты чиновниковъ въ страны, еще не завоеванныя китайскимъ оружіемъ, очень древній и долженъ быть отнесенъ къ эпохѣ до Р. Хр.



Предмѣстье города Хами.

Фототипія В. Класенъ. С. Петербургъ, Кадетская лин. № 72.

ГЛАВА XX.

По восточной части Хамійскаго княжества.

Тань, въ которомъ мы остановились, находился въ сѣверномъ пригородѣ сѣвернаго города (Бэй-чена). Пригородъ этотъ не великъ и на своихъ окраинахъ—сѣверной и восточной—состоитъ изъ лачужекъ, населенныхъ, какъ кажется, исключительно китайцами и монголами; на послѣднихъ, впрочемъ, нельзя смотрѣть, какъ на постоянный элементъ хамійскаго населенія; они тутъ случайно, и если избираютъ эту часть предмѣстья для своего временного пребыванія, то только въ силу установившейся привычки: коли монголъ, такъ и ступай туда, гдѣ всѣ твои сородичи останавливаются! Къ тому же только тутъ и имѣется заѣзжій домъ для верблюжьихъ каравановъ. Дунгане избрали болѣе центральную часть этого пригорода. Какъ и вездѣ въ Восточномъ Туркестанѣ, это народъ по преимуществу денежный—ремесленники, торговцы, трактирщики, булочники, знахари и ростовщики, которымъ, конечно, очень важно жить ближе къ центру, т. е. базару. Послѣдній здѣсь не великъ и служитъ непосредственнымъ продолженіемъ базара новаго города.

Вся торговля Хами сосредоточена въ Синъ-ченѣ. Длинная, частью крытая улица, застроена здѣсь сплошь лавками, ларями и магазинами, изъ коихъ нѣкоторые, по своей внѣшней отдѣлкѣ, совершенно не соотвѣтствуютъ тому хламу, который въ нихъ теперь продается. Но не для него они были и выстроены. Синъ-ченъ помнитъ лучшее время, когда серебро широкой волной приливало въ Хами и расплывалось затѣмъ по его лавкамъ и магазинамъ, когда въ немъ все было дорого за исключеніемъ денегъ, когда за какую-нибудь убогую каморку въ самомъ плохомъ танѣ платили не менѣе восьми рублей въ мѣсяцъ. Это время—конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ, когда Хами превращенъ былъ въ обширный лагерь китайской челяди и солдатъ. За солдатами Лю-цзинь-таня явились сюда сначала мелкіе торгаши, а потомъ и болѣе значительные комерсанты—представители богатѣйшихъ фирмъ Гуй-хуа-чена, Калгана, Лань-чжоу-фу и другихъ городовъ, расчитывавшіе срывать здѣсь огромные барыши. Но они обманулись въ расчетѣ. Въ 1883 году послѣднія лянзы ушли на Бэй-лу, чиновный людъ поразъѣхался, и магазины, щеголявшіе своей отдѣлкой и переполненные цѣнными товарами, остались безъ покупателей. Товаръ этотъ, какъ говорятъ, съ выгодой удалось впослѣдствіи сбыть въ Урумчи, но затѣйливые магазины остались, и теперь тамъ, гдѣ нѣкогда продавались шелковыя ткани, торгуютъ по преимуществу сальными свѣчами, невысокаго качества гастрономическимъ товаромъ и бакалеей.

Только подъ новый годъ мы видали на синъ-ченскомъ базарѣ оживленіе и толпу; въ остальное же время онъ поражалъ царившими въ немъ безмолвіемъ и пустотой. Подобное же безмолвіе и пустота замѣчались и въ остальной части Синъ-чена, гдѣ жилыхъ построекъ оставалось въ наше время немного. Даже присутственныя мѣста оказывались здѣсь въ развалинахъ, а кумирни, еще блиставшія позолотой и яркими красками, носили явные слѣды запустѣнія.

Между Синъ-ченомъ и помянутымъ выше пригородомъ находится такъ называемый «сѣверный» городъ—Бэй-ченъ. Онъ занимаетъ небольшую площадь, обнесенъ полуразвалившейся стѣной и какъ отъ сѣвернаго предмѣстья, такъ и отъ Синъ-чена отдѣляется рвами, изъ коихъ южный давно уже сгладился и нынѣ исполняетъ роль улицы. Внутри онъ заполненъ развалинами, среди которыхъ ютится только нѣсколько китайскихъ семействъ.

Съ противоположной, т. е. южной, стороны, въ западномъ углу, къ Синъ-чену примыкаетъ небольшихъ размѣровъ импань; онъ также въ настоящее время необитаемъ и потребовалъ бы для своего возстановленія значительнаго ремонта. У импаня большая дорога въ Турфанъ развѣтвляется: одна вѣтвь ведетъ въ западныя ворота новаго города, другая, и въ то же время главная, проходитъ сначала между нимъ и Лао-ченомъ, а затѣмъ вступаетъ въ небольшое южное его предмѣстье, которымъ и идетъ между лавокъ до его южныхъ воротъ, точнѣе, до того мѣста, гдѣ когда-то, можетъ быть, были эти ворота. Вообще, здѣсь не лишне замѣтить, что въ

Синъ-ченѣ въ настоящее время воротъ не имѣется; такъ что большая дорога въ указанномъ мѣстѣ непосредственно переходитъ въ базарную улицу, которая и оканчивается въ сѣверномъ пригородѣ.

Къ югу отъ описанныхъ двухъ городовъ съ окружающими ихъ отовсюду предмѣстьями и нѣсколько наискось къ нимъ расположенъ старый городъ—Лао-ченъ. При Лю-цзинь-танѣ онъ былъ заново обнесенъ стѣною, которая размѣрами своими значительно превышаетъ прежнюю. Ея общая длина равняется примѣрно двумъ тысячамъ шаговъ, высота—девяти аршинамъ; она имѣетъ трое воротъ, снабжена двойной защитой и окружена рвомъ, шириной въ семь и глубиной въ пять аршинъ.

Лао-ченъ внутри такъ же безлюденъ¹) и пустъ, какъ Синъ-ченъ; обширныя пространства остаются въ немъ до сихъ поръ не застроенными, и даже такія правительственныя зданія, какъ ямынь пристава (хами-тина), поражаютъ здѣсь своимъ убожествомъ и ничтожными размѣрами.

Матусовскій въ своемъ «Географическомъ Обозрѣніи Китайской Имперіи», стр. 229, упоминаетъ, между прочимъ, объ основанномъ, будто бы, здѣсь въ послѣднее время ²) оружейномъ заводѣ, на которомъ, подъ руководствомъ европейскихъ техниковъ, изготовляются даже ружья новѣйшихъ системъ для снабженія ими войскъ, расположенныхъ въ западныхъ округахъ провинціи. Извѣстіе это, однако, какъ кажется, лишено основанія; по крайней мѣрѣ въ наше время ничего подобнаго здѣсь уже не было ³).

Мусульманскій городъ—Комуль, по китайски—Хой-ченъ, расположенъ на юго-западъ отъ Лао-чена и на югъ отъ турфанскаго тракта. Онъ не великъ, окруженъ старыми, потрескавшимися и кое-гдѣ уже обвалившимися стѣнами и переполненъ строеніями, раздѣленными узкими переулками. Матусовскій въ помянутомъ выше трудѣ говоритъ, что городъ этотъ «весь наполненъ садами, среди которыхъ и ютятся низкіе глиняные дома съ плоскими крышами». Я не сказалъ-бы того же. Правда, въ Комулѣ попадаются кое-гдѣ деревья, имѣются и сады, но въ общемъ онъ все же не производитъ приписываемаго ему впечатлѣнія.

Вановская «урда» (дворецъ) помѣщается у сѣверныхъ воротъ города. Это—двухъ-этажное зданіе, одной стороной прислоненное

---

¹) Мнѣ говорили, что въ Лао-ченѣ содержится въ настоящее время не болѣе 150 человѣкъ гарнизона.

²) Книга эта вышла въ 1888 году.

³) Если-бы извѣстіе это не было напечатано у Матусовскаго, то я не считалъ-бы себя даже обязаннымъ сдѣлать на него ссылку—до того оно мнѣ кажется невѣроятнымъ.

къ городской стѣнѣ, надъ которой и возвышается нѣсколько, а другими выходящее на небольшой внутренній дворъ, обстроенный флигелями, въ которыхъ помѣщаются: ямынь, службы, соколиная охота [1]) и, кажется, различныя кладовыя. Въ рядъ съ послѣдними выстроены здѣсь и парадныя ворота—«да-тань», выходящія на передній дворъ, вымощенный булыжникомъ, обсаженный тутовыми деревьями и настолько узкій, что напоминаетъ скорѣе улицу, чѣмъ дворъ. Въ общемъ дворецъ этотъ представляетъ, однако, помѣщеніе далеко не роскошное. Открытая лѣстница, по которой намъ пришлось подыматься во второй этажъ, сложенная изъ косыхъ и высокихъ ступеней, выглядѣла крайне неуклюже; слѣдующая затѣмъ комната—съ кирпичнымъ поломъ, голыми небѣлеными стѣнами, безъ всякой мебели, полутемная и въ то же время грязная, производила даже прямо непріятное впечатлѣніе; и только уже за ней мы вступили въ прилично отдѣланную горницу, служащую князю пріемной. Убранная въ китайскомъ вкусѣ, съ картинами по стѣнамъ и ковромъ на полу, она выглядѣла довольно нарядно и, что рѣдко замѣчается на востокѣ, казалась уютной. Впрочемъ, она служила пріемной только зимой. Въ остальное же время почетныхъ гостей принимали въ садовомъ павильонѣ, выстроенномъ въ китайскомъ стилѣ и состоящемъ изъ нѣсколькихъ комнатъ. Лѣтомъ здѣсь должно быть очень хорошо, хотя садъ невеликъ и разбитъ, какъ и всѣ вообще сады туркестанцевъ, безъ всякаго плана.

Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о личности вана.

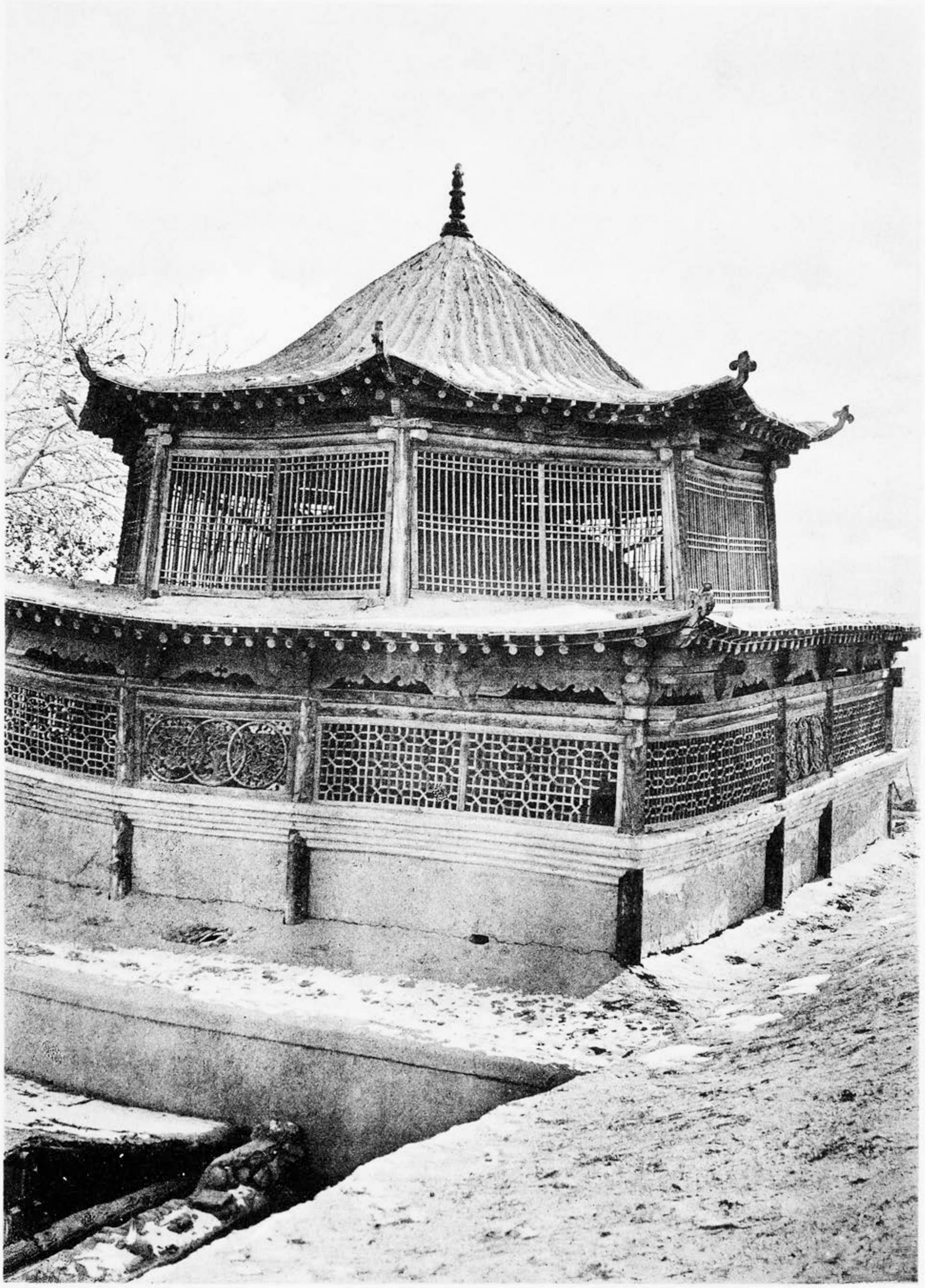
Въ его судьбѣ много опереточнаго. Онъ родился въ бѣдной семьѣ и въ молодости былъ пастухомъ; затѣмъ его женили на княжнѣ, усыновили, и вотъ онъ владѣтельный князь, высасывающій послѣдніе соки изъ несчастныхъ, отданныхъ ему въ кабалу.

Вотъ, что я узналъ объ этомъ знаменательномъ случаѣ въ его жизни.

Баширъ-ханъ оставилъ послѣ себя болѣзненнаго, слабоумнаго сына и дочь, которая, освободившись изъ подъ суровой опеки отца, повела разгульную жизнь. Когда она готовилась уже сдѣлаться матерью, ее выдали замужъ за Шаа-Махсута—человѣка хотя и бѣднаго, но, что было важнѣе всего, принадлежавшаго къ родовитой семьѣ (акъ-суёкъ—бѣлокостной) и притомъ—холостого.

---

[1]) Я выразился неправильно. Кречетовъ, вообще большихъ соколовъ, я въ этой охотѣ не видѣлъ. Мнѣ выносили только ястребовъ (Astur palumbarius и Accipiter nisus и беркутовъ (Aquila fulva). Въ особенности дорожили беркутами, съ которыми охотятся здѣсь на джерановъ и лисицъ. Лисицъ добываютъ также и при помощи Astur palumbarius (?). Впрочемъ, ванъ Шаа-Махсутъ, какъ кажется, не особенный любитель соколиной охоты.



Усыпальница одного изъ Хамійскихъ вановъ.

Фототипія В. Классена. С. Петербургъ. Кадетская лин. № 7-2

Немного спустя, слабоумный князь умеръ, не оставивъ потомства, а такъ какъ по закону сестра не могла наслѣдовать брату, то княжеское достоинство должно было перейти въ боковую линію. Такъ бы и случилось, если бы вдова Баширъ-хана не пожертвовала частью своего состоянія для подкупа китайскихъ властей. Она усыновила Шаа-Махсута, а затѣмъ послала его самого въ Пекинъ для поклоновъ и раздачи кому слѣдуетъ крупныхъ суммъ. Шаа-Махсутъ оправдалъ довѣріе ваньши и вскорѣ, дѣйствительно, добился того, что пекинское правительство утвердило за нимъ и его потомствомъ владѣтельныя права на хамійское княжество.

При всемъ томъ Шаа-Махсутъ—личность ничтожная. Это скупой, безсердечный и безнравственный тиранъ, котораго въ Хами ненавидятъ и презираютъ. На него даже жаловались, но безуспѣшно, такъ какъ, благодаря подкупу, ему своевременно удалось потушить дѣло, которое иначе грозило перейти въ крупный скандалъ. Дѣло въ томъ, что хамійцами подано было на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ выражалось желаніе перейти подъ непосредственное управленіе китайскихъ чиновниковъ. Зачинщиковъ было схватили и тайно отправили въ Номъ для заключенія въ подземныя тюрьмы [1]); но затѣмъ, по совѣту китайскихъ же властей, поспѣшно вернули назадъ, и, взявши съ нихъ слово молчать, одарили землей и деньгами. Сдѣлано это было съ цѣлью успокоить умы населенія, волненіе котораго приняло въ то время размѣры, равно опасные какъ для вана, такъ и для подкупленныхъ имъ чиновниковъ. Послѣ этого народъ, дѣйствительно, успокоился, но на долго-ли?

Къ западу отъ Комуля расположено фамильное кладбище хамійскихъ вановъ. Какъ на особую его достопримѣчательность указывали на усыпальницу, выстроенную Шаа-Махсутомъ надъ могилами Баширъ-хана и его сына. Это не особенно большое, облицованное зелеными изразцами, зданіе напомнило мнѣ, конечно въ миньятюрѣ, дѣйствительно грандіозное сооруженіе, возведенное въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кашгара, надъ могилами сеида Аппака-ходжи и его потомковъ, еще не такъ давно правившихъ Кашгаріей.

---

[1]) Судя по данному мнѣ описанію, подземныя тюрьмы Нома ничто иное, какъ хивинскіе клоповники. Это грушевидной формы глубокія ямы, въ которыя воздухъ и свѣтъ проникаютъ черезъ отверзтіе, настолько узкое, чтобы въ него могъ пролѣзть человѣкъ. Кстати замѣчу, что селеніе Номъ служитъ обыкновеннымъ мѣстомъ ссылки и заключенія хамійскихъ преступниковъ. Въ наше время, по слухамъ, тамъ томилось не мало лицъ, вся вина коихъ заключалась лишь въ томъ, что они не пожелали подѣлиться своимъ имуществомъ съ ваномъ.

Другая достопримѣчательность Хами—китайская кумирня, находящаяся въ одной верстѣ къ сѣверо-востоку отъ Синъ-чена. Это, дѣйствительно красивое, зданіе расположено среди стараго парка, на берегу пруда, въ которомъ во множествѣ водились дикія утки (Anus boscas и Dafila acuta).

Въ ожиданіи пекинскаго паспорта, который давалъ бы намъ право дальнѣйшаго движенія въ глубь Китая [1]), о чемъ мы телеграммой ходатайствовали еще изъ Кульчжи, мы простояли въ Хами семь недѣль, живя его тихой, спокойной жизнью: охотились [2]), писали [3]), въ часы же досуга сѣтовали на вынужденное бездѣйствіе [4]).

Только однажды Хами оживился. Это было наканунѣ китайскаго Новаго года.

Въ 1890 году китайскій Новый годъ пришелся на 10 января. Но уже за три дня, готовясь къ встрѣчѣ этого величайшаго китайскаго праздника, всѣ три города: Хой-чень, Лао-ченъ и Синъ-ченъ пришли въ необычайное имъ всѣмъ движеніе. И есть отъ чего. Въ жизни китайца Новый годъ составляетъ дѣйствительное событіе. Денежные расчеты, судопроизводство и даже крупныя торговыя сдѣлки прекращаются на долгое время; императоръ жалуетъ чины и награды; ради же новаго года милуются преступники, слуги получаютъ отпускъ, господа бросаютъ обычныя свои занятія и дѣла; однимъ словомъ, всѣ спѣшатъ въ эти дни повеселиться и отдохнуть и дѣйствительно веселятся на славу! Къ Новому же году оживляется и торговля. Базары переполняются различными картинами и картинками, изображающими либо цѣлыя сцены изъ жизни различныхъ героевъ, напримѣръ, какого-нибудь «Іо-фи» [1]) или «Шюа-жюн-гуи» [2]); онѣ раскупаются въ массахъ [3]) и расклеиваются на дверяхъ и во внутреннихъ помѣщеніяхъ; съ ними же одновременно раскупаются и расклеиваются, съ полной вѣрой въ значеніе ихъ, и красныя бумажки съ различными пожеланіями и изрѣченіями въ родѣ, напримѣръ: «вѣнецъ божій долженъ каждый хранить», или «хорошій человѣкъ похожъ на розу», или такими, которыя имѣютъ хотя какое нибудь отношеніе къ дѣятельности хозяина. Кромѣ картинъ, различныхъ цвѣтныхъ фонарей, фейерверковъ, хлопушекъ и тому подобныхъ вещей, появляются также на базарахъ въ обиліи различныя печенія, сласти, свиные окорока, различные предметы китайской кухни и обихода, среди которыхъ, къ нашему удивленію, не послѣднее мѣсто занимаютъ лекарства, мануфактура и такіе предметы, которые прямаго отношенія къ празднику никоимъ образомъ имѣть не могли, напримѣръ, вѣера.

---

[1]) Полученный нами въ Джаркентѣ паспортъ ограничивалъ районъ нашихъ изслѣдованій Тянь-Шанемъ и Лобъ-норомъ. И хотя раньше китайскія власти не желали видѣть въ немъ офиціальный документъ, но теперь хами-тинъ (приставъ), уже опираясь на него, отказывалъ намъ въ правѣ перехода пустыни. «Настаивая на такомъ рѣшеніи, говорилъ онъ намъ, вы превышаете свои полномочія, меня же безъ нужды подвергаете не малой отвѣтственности».

[2]) Въ хамійскихъ садахъ и паркахъ—молодомъ, къ западу отъ Синъ-чена, и старомъ, къ сѣверо-востоку отъ него, были убиты и поступили въ коллекцію: Circus cyaneus, Accipiter nisus, Falco babylonicus, Cerchneis tinnunculus, Bubo turcomanus, Asio otus, Carine bactriana, Colaeus dauricus, Fringilla montifringilla, Passer Stoliczkae, Emberiza schoeniclus, Otocorys Elwesi. Anthus spipoletta, Parus cyanus tianschanicus, Calamophilus biarmicus sibiricus, Lanius mollis, Ampelis garrulus, Ruticilla erythrogastra Sewerzowi, Merula atrigularis, Mer. ruficollis, Anorthura pallida, Gallinago scolopacinus, Gall. Solitaria, Podiceps minor phillipensis и Rallus aquaticus. Кромѣ того неоднократно видѣли: тетеревятника, бѣлохвостаго орлана (Haliaëtos albicilla), сирина бѣлаго (Nyctea nivea) и дикаго голубя.

[3]) Изъ Хами былъ посланъ въ Географическое Общество отчетъ, который и былъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» Общества за 1890 г.

[4]) Конечно, мы могли предпринимать отдѣльныя экскурсіи какъ въ сторону горъ, такъ и на югъ отъ Хами; но мы этого не дѣлали, разсуждая такъ: если наши надежды не оправдаются и паспорта мы не получимъ, то въ теченіе наступающаго года мы всегда успѣемъ побывать и въ Карлыкъ-тагскихъ горахъ и на озерѣ Шана-норъ; если же получимъ его, то было бы неблагоразумно изнурять лошадей разъѣздами наканунѣ труднаго, безкормнаго пути черезъ пустыню.

— Это же для чего?

— Да для подарковъ. Здѣсь мѣняются подарками точь въ точь, какъ и у насъ многіе на Рождествѣ, пояснялъ намъ сопровождавшій насъ Соболевъ.

И все это раскупается чуть не на расхватъ, потому что Новый годъ праздникъ столько же бѣдныхъ, какъ и богатыхъ: всѣ стремятся принарядиться, украсить свой кровъ и въ немъ приготовить пиръ для пріятелей. Послѣдній фынъ серебра ставится въ это время ребромъ, послѣдняя цѣнная вещь несется въ закладъ... а потому канунъ Новаго года золотое время для китайскихъ лавочниковъ и ростовщиковъ.

Весь день 9 января прошелъ въ удивительныхъ хлопотахъ; а вечеромъ все какъ бы замерло въ ожиданіи торжества...

Морозу градусовъ десять. Небо совершенно чисто, и, можетъ быть, только поэтому кажется, что и звѣзды сіяютъ сегодня какимъ-то точно не своимъ, а особеннымъ блескомъ; впрочемъ, можетъ быть также, что и торжественная тишина не мало содѣйствовала такому впечатлѣнію, которое находилось въ полнѣйшей гармоніи съ тѣмъ душевнымъ настроеніемъ, подъ вліяніемъ котораго мы теперь находились.

---

[1]) «Іо-фи» знаменитый сподвижникъ императора Сунь-ханъ-вана, основателя Суньской династіи (960 г. по Р. Х.).

[2]) «Шюа-жюн-гуи» знаменитый китайскій полководецъ, отличившійся въ войнѣ съ корейцами (въ началѣ VII вѣка).

[3]) Эти картины печатаются красками въ Пекинѣ.

Десять дней тому назадъ и мы встрѣчали свой Новый годъ; но всѣ старанія наши ознаменовать чѣмъ нибудь особеннымъ этотъ день не увѣнчались успѣхомъ. Мы затерялись въ громадной, совершенно тогда намъ чуждой, толпѣ, которая своимъ равнодушіемъ парализовала развитіе нашего праздничнаго веселья, наводя ежеминутно мысли наши на воспоминанія объ оставленной родинѣ и далекихъ теперь, но не забытыхъ и, можетъ быть, даже сильнѣе теперь любимыхъ, родныхъ и друзьяхъ. И вотъ мы всячески забавлялись, пили и ѣли; но продѣлывали все это безъ того оживленія и радостнаго чувства, которыя присущи веселящимся людямъ. Откуда же теперь это волненіе? И неужели въ свое время равнодушная къ намъ толпа увлекала насъ теперь за собой, сообщивъ и намъ свое настроеніе?...

На улицахъ тихо. Всюду зажженные огни еще болѣе сгущаютъ въ нихъ темноту. И хоть людей пока еще тутъ вовсе не видно, за то присутствіе ихъ ощущается какъ-то невольно. Нѣтъ, нѣтъ, да и услышишь гдѣ нибудь голосъ, а потомъ и опять тишина, которая минуту спустя хотя и нарушается снова, но уже гдѣ нибудь вдалекѣ. Томительно, между тѣмъ, бѣжитъ время къ полуночи... Совсѣмъ уже справившіеся китайцы мало-по-малу теряютъ терпѣніе и высыпаютъ на улицу, но царствующее здѣсь торжественное безмолвіе налагаетъ и на нихъ печать молчанія, и вотъ видишь только темныя движущіяся фигуры, но не узнаешь въ нихъ китайцевъ,—такъ мало въ нихъ теперь сходства съ тѣми горластыми, привыкшими къ самой энергичной жестикуляціи, крикунами, безъ которыхъ въ Китаѣ немыслимо ни одно собраніе, ни одна самая ничтожная сходка.

Но вотъ изъ Лао-чена раздались послѣдовательно три пушечныхъ выстрѣла...

— Скорѣе, назадъ теперь... въ тань! иначе раздавятъ...

Дѣйствительно, громадная толпа вдругъ захватила цѣлую улицу и, фантастически сверху освѣщенная безчисленными огнями, ракетами и замысловатыми фонарями, быстро двинулась къ намъ, издавая по временамъ такіе дикіе вопли, которые покрывали собою даже оглушительные залпы китайскихъ хлопушекъ.

Всю ночь напролетъ шумѣли и выли китайцы; гремѣли учащенные выстрѣлы китайскихъ хлопушекъ, взлетали ракеты и по временамъ откуда-то доносились до насъ отзвуки той адской какофоніи, которой почему-то присвоено названіе музыки; а на утро тѣ же китайцы, расфранченные во все лучшее, принимали и отдавали визиты.

Съ остальными же вмѣстѣ и мы стали невольными участниками великаго китайскаго торжества. Получивши визитныя карточки отъ вана Шаа-Махсута, хами-тина Шэнь-гуй-хуна, чинъ-тэя и другихъ наиболѣе важныхъ чиновниковъ города, мы не замедлили отвѣчать любезностью на любезность. Пока же происходилъ обмѣнъ этихъ скучныхъ привѣтствій, люди наши проводили свое время иначе: они получили торжественное приглашеніе на обѣдъ къ содержателю таня и, какъ намъ показалось потомъ, не только поѣли, но и выпили у него вовсе не мало во славу китайскаго Новаго года.

Три дня шло такое веселье. Странствующая труппа китайскихъ комедіантовъ успѣла уже обойти всѣ богатѣйшія китайскія семьи и распорядитель ея заходилъ даже къ намъ предлагать свои услуги 1). Три дня всѣ лавки и частныя зданія разукрашены были пестрыми флагами и фонарями, а люди сохраняли праздничный видъ и не принимались за повседневныя занятія и работы, а затѣмъ все пришло въ прежнее состояніе: сельскіе жители всѣ разъѣхались, улицы опустѣли, и Хами вошелъ въ свою обычную колею... Но послѣ недавняго шума еще рѣзче стала бросаться въ глаза современная его захудалость.

Наконецъ, наступилъ и для насъ радостный день: хами-тинъ явился къ намъ лично и вручилъ полученный имъ изъ Пекина пакетъ, въ которомъ препровождался охранный листъ, выданный намъ цзунъ-ли-ямынемъ. Томительное выжиданіе кончилось, и мы съ удвоенной энергіей взялись за свое снаряженіе въ дальнѣйшій путь черезъ пустыню.

Но тутъ намъ встрѣтилось непредвидѣнное препятствіе: въ Хами мы не могли достать сколько-нибудь порядочныхъ лошадей за сходную цѣну, т. е. рублей за 30—35. А такъ какъ мы нуждались по крайней мѣрѣ въ 7—8 лошадяхъ 2), то большая при-

---

1) Въ репертуаръ китайскаго театра не входятъ сцены изъ временъ современной Маньчжурской династіи. На немъ разыгрываются различные историческіе эпизоды изъ временъ Минской дин., Суньской и нѣкоторыхъ др. Удовольствіе видѣть цѣлый рядъ комедій у себя на дому обходится въ Китаѣ не дороже 25 рублей.

2) Въ Хами насъ постигло большое несчастье: наши лошади заразились сапомъ (мунка). Эту убыль въ лошадяхъ слѣдовало пополнить. Но и помимо того багажъ нашъ значительно увеличивался. Правда, мы оставляли въ Хами на попеченіе вана часть нашихъ коллекцій, но зато брали съ собой: 8 дадановъ кунаку (свыше 50 пудовъ), два пуда хлѣба, 3 пуда муки, пудъ рису и крупные запасы другихъ предметовъ нашего продовольствія, что въ общемъ должно было составить вьюкъ 10—12 лошадей.

плата за каждую могла составить сумму слишкомъ обременительную для нашего болѣе чѣмъ скромнаго бюджета.

Отсутствіе порядочныхъ лошадей въ Хами было тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что оазисъ этотъ издавна славился своимъ коневодствомъ. Существуетъ даже извѣстіе, что еще въ прошломъ столѣтіи онъ велъ обширный торгъ лошадьми [1]) и что тогда же баркульскіе клепера считались лучшими въ Притяньшанье [2]). Но, видно, съ тѣхъ поръ времена измѣнились значительно къ худшему, и нынѣ даже табуны вана не могутъ похвастаться однородностью составляющихъ ихъ элементовъ [3])

Верблюдовъ въ Хами также не оказалось [4]), и вотъ намъ, волей, неволей, а пришлось формировать караванъ изъ ословъ. На наше счастье, въ составѣ нашего экспедиціоннаго отряда оказался опытный погонщикъ и въ то же время знатокъ ихъ—Гассанъ-бай, который горячо взялся за дѣло и, спустя нѣсколько дней, уже успѣлъ собрать караванъ изъ 14 превосходныхъ животныхъ [5]).

26 января, въ сопровожденіи А. П. Соболева и нѣсколькихъ солдатъ, проводившихъ насъ за городъ, мы выступили, наконецъ, изъ Хами.

Первыя десять верстъ мы шли селеніями: Аяръ на р. Аяръ-голъ [6]),

---

[1]) Но всегда-ли своими? и притомъ—всегда-ли Хами принадлежала въ этой торговлѣ активная роль? У Успенскаго, напримѣръ, мы читаемъ: въ 22 г. правленія Цянь-луна изъ Хами отправлено было въ Турфанъ для *обмѣна на лошадей, барановъ и верблюдовъ* — 78,000 ящиковъ чая и 300 кусковъ холста «бу» (ib., стр. 14). Изъ чего не можетъ не слѣдовать, что Хами для своей торговли нуждался въ пригонѣ скота изъ Турфана, точнѣе—Джунгаріи; но не проще-ли тогда и вовсе откинуть въ этой мѣновой торговлѣ маклерское участіе Хами?

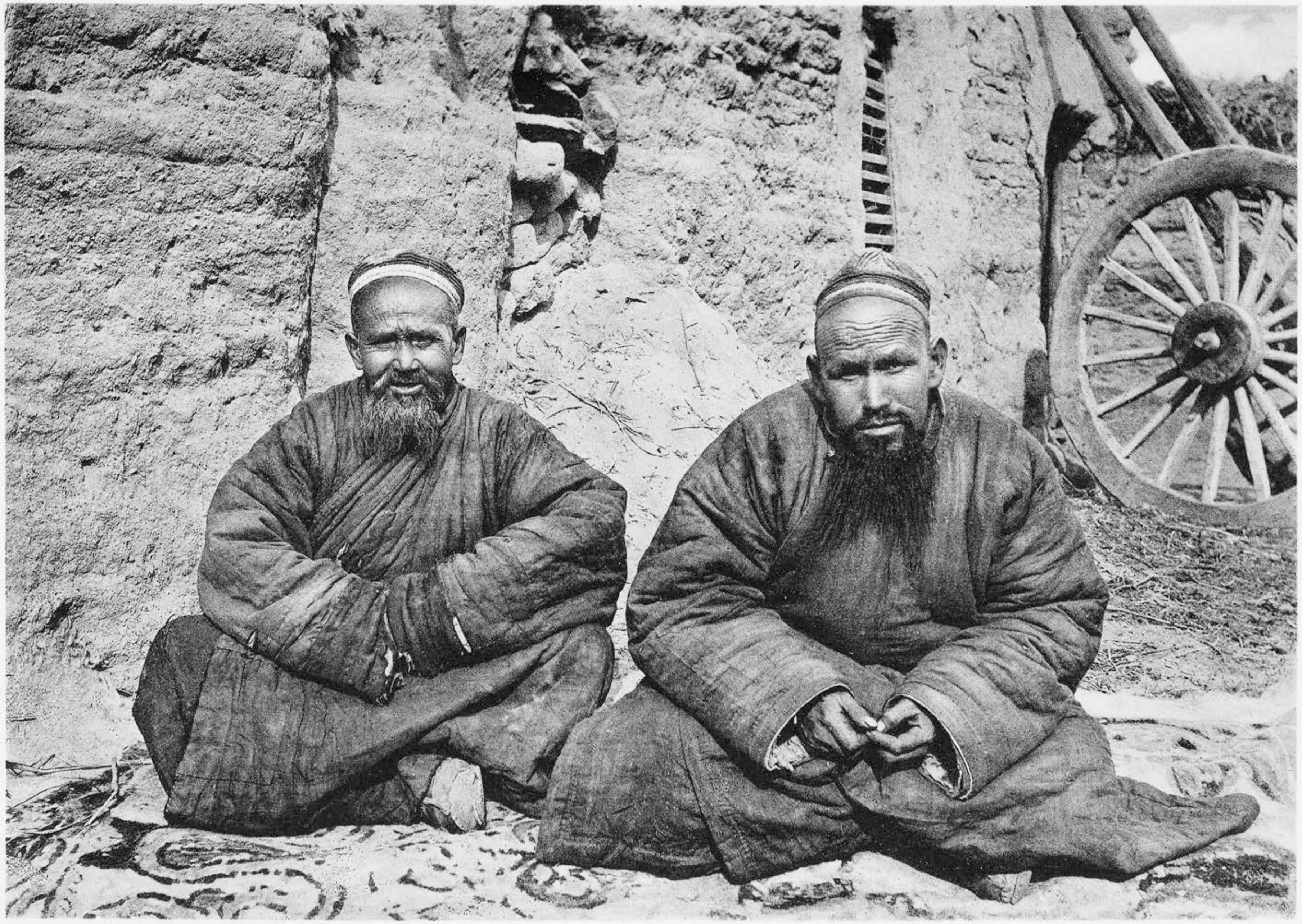
[2]) На столько лучшими, что для сохраненія и распространенія этой породы пекинское правительство отправило даже нѣсколько табуновъ этихъ лошадей на Юлдусы подъ присмотръ торгоутскаго вана. Впрочемъ, Успенскій объясняетъ этотъ фактъ проще: въ 1772 г. для торгоутовъ, обѣднѣвшихъ по возвращеніи изъ Россіи, куплено было въ Хами на счетъ правительства до 30.000 головъ лошадей, барановъ и верблюдовъ.

[3]) Намъ довелось видѣть только два табуна холостыхъ матокъ. Что особенно при обзорѣ этихъ табуновъ бросилось въ глаза, это—значительный процентъ пѣгихъ и почти полное отсутствіе вороныхъ лошадей.

[4]) Было, однако, время, когда Хами славилось столько же своими верблюдами, сколько и лошадьми.

[5]) Лучшими ослами въ Хами считались су-чжоускіе, иными словами—китайскіе.

[6]) Аяръ-голъ впадаетъ, какъ кажется, ниже Хами въ Хамійскую рѣку. Послѣдняя въ древности называлась Хара-усу (Хэй-шуй у китайцевъ). У Потанина мы читаемъ: «Три рѣчки протекаютъ вблизи города, направляясь съ востока (?) на западъ (?); одна изъ нихъ течетъ сѣвернѣе, другая подъ стѣнами города (Лао-чена ?), третья южнѣе города, не болѣе, какъ въ ста саженяхъ. Онѣ называются: Аяръ-голъ, Кагумъ-голъ и Мягашъ-голъ. Ниже города эти рѣчки соединяются и образуютъ рѣчку Чангу-эрикъ («Очерки сѣверо-западной Монголіи», I, стр. 160). Матусовскій въ своихъ очеркахъ Хами не переименовываетъ тѣхъ рѣчекъ, которыя, по его словамъ, орошаютъ окрестности города. Съ своей стороны, Пржевальскій нашелъ здѣсь всего только одну рѣчку, которую также не называетъ. Наконецъ, и намъ не удалось выяснить вопроса о томъ, сколько же рѣчекъ пробѣгаетъ въ ближайшихъ окрестностяхъ города? Ниже Комуля



Уроженцы деревни Ташаръ въ Хамійскомъ оазисѣ.

Фототипія В. Классенъ. С.Петербургъ. Кадетская лин. № 7-2.

Савашъ [1]) и Тюбеджинъ на р. Якка-булакѣ, Кизыль-юлгунъ или Ши-чанза на р. Едыра. Здѣсь проходила граница культурныхъ земель, здѣсь же находилась и таможня для сбора лицзина [2]). А дальше до самаго Ташара, т. е. верстъ на двадцать, потянулась каменистая пустыня, по всѣмъ видимостямъ столь же безплодная, какъ и всѣ подобнаго характера мѣстности.

Ташаръ [3]), въ которомъ мы остановились, представляетъ крайне скученное селеніе, расположенное на берегу рѣчки Гаибъ, бѣгущей здѣсь въ плоскихъ берегахъ, среди крупнаго галечника и валуновъ. Земли, годной подъ пашни, по обоимъ ея берегамъ очень мало, да и то это тощій песокъ съ очень небольшой примѣсью глины. Неудивительно поэтому, что урожаи здѣсь рѣдки и что, наоборотъ, зачастую ташарцамъ приходится испытывать тяжелыя послѣдствія недородовъ. При такихъ условіяхъ быта, конечно, они не могутъ похвалиться своими достатками; мало того, невозможно даже въ Хами отыскать селеніе, въ которомъ нужда сказывалась бы такъ явно, какъ здѣсь. И не смотря на это, ташарцы все же поразили насъ своей опрятностью, своей привѣтливостью и готовностью услужить. Мы провели въ Ташарѣ три дня и съ большимъ сожалѣніемъ покинули это селеніе, гдѣ насъ приняли съ рѣдкимъ даже у тюрковъ радушіемъ [4]).

Такая долгая остановка въ такомъ бѣдномъ селеніи вызвана была особыми обстоятельствами. Мы неожиданно очутились въ мѣстности глубокаго интереса. Рѣчка Гаибъ—это Вэй-уръ китайцевъ [5]). Названа она, вѣроятно, такъ потому, что на ея правомъ берегу находился нѣкогда буддійскій монастырь уйгуровъ, о раз-

---

(туземнаго города) рѣчка течетъ въ ясно выраженной долинѣ, но на параллели этого города и выше приходится пересѣкать множество арыковъ, среди которыхъ трудно доискаться до естественныхъ рѣчныхъ руслъ. Только объѣздъ мѣстности къ сѣверу отъ Хамійскаго оазиса могъ-бы разрѣшить этотъ темный вопросъ; изъ разспросовъ же намъ удалось выяснить только то, что по Хами пробѣгаютъ двѣ рѣчки: одна изъ нихъ съ запада опоясываетъ Синъ-ченъ и затѣмъ проходитъ между Лао-ченомъ и Комулемъ, другая же и есть помянутый Аяръ-голъ, ошибочно направляемый Потанинымъ съ востока на западъ и притомъ сѣвернѣе Хами.

[1]) Въ Савашѣ мы нашли развалины импаня.

[2]) Хотя восточная граница Хамійскаго приставства проходитъ и не здѣсь, а много верстъ дальше. Нѣкогда она отодвигалась даже до горъ Ма-цзунь-шань (въ переводѣ «конская грива»), которыя намъ называли Ма-джинъ-сянь. Ср. Bretschneider, op. c., II, стр. 178).

[3]) Другое его названіе—Моръ-голъ (у китайцевъ—Мяо-эръ-гоу).

Абсолютная высота Ташара 2946 ф. Тутъ воздѣлываютъ только пшеницу, ячмень и кизылъ-кунакъ (Pan. italicum).

[4]) Изъ своихъ многократныхъ путешествій по Средней Азіи я вынесъ впечатлѣніе, что наибольшимъ гостепріимствомъ отличаются тюркскія народности, наименьшимъ — таджики, въ особенности горные таджики.

[5]) См. Успенскій, ib, Bretschneider, op. cit., II, стр. 178.

валинахъ коего намъ уже доводилось говорить въ предшедшей главѣ. Но помимо этихъ развалинъ, долина рѣчки Гаибъ представляетъ интересъ и въ другомъ отношеніи. Здѣсь я нашелъ громадные валуны, цѣлыя скалы мелкозернистаго сѣраго гранита [1]), вынесенныя сюда, повидимому, издалека, такъ какъ ближайшіе къ Гаибу утесы (а я ихъ прослѣдилъ версты на три вверхъ по рѣкѣ) сложены изъ другого матеріала, а именно изъ краснаго крупнозернистаго гранита, разорваннаго выходами эпидотоваго діорита, черныя горизонтальныя жилы котораго очень рѣзко выдѣлялись на высотѣ двадцати саженей отъ поверхности почвы. Происхожденіе этихъ глыбъ, какъ кажется, возможно объяснить только предположеніемъ о существовавшемъ здѣсь нѣкогда ледникѣ. Въ такомъ случаѣ къ образованіямъ этого ледника я отнесь бы и рядъ высокихъ, справа сопровождающихъ долину, холмовъ, происхожденіе коихъ иначе было-бы крайне загадочнымъ. Противъ такого предположенія говоритъ, однако, малая абсолютная высота мѣстности (3.675 ф. при устьѣ ущелья) [2]).

Гаибъ-су беретъ начало двумя истоками: одинъ изъ нихъ стекаетъ съ осевой части Хамійскихъ горъ близъ Кошеты-дабана и течетъ затѣмъ по долинѣ почти восточнаго простиранія [3]), другой стекаетъ также съ центральнаго массива, но направляется прямо на югъ и при встрѣчѣ съ первымъ образуетъ довольно обширную котловино-образную долину, занятую княжеской усадьбой Бахдашъ (6.640 ф.) [4]), откуда рѣчка поворачиваетъ уже на юго-юго-западъ и, прорвавъ узкимъ ущельемъ южную гранитную гряду Карлыкъ-тага, выноситъ свои воды въ долину Ташара. На всемъ своемъ протяженіи въ горахъ она поросла крайне разнообразной древесной и кустарной растительностью, которая при устьѣ ущелья переходитъ въ сплошной лѣсъ волошской орѣшины и абрикосовыхъ деревьевъ, образующихъ знаменитый княжескій садъ при усадьбѣ Ортамъ. Садъ этотъ, а также кустарная поросль по рѣчкѣ

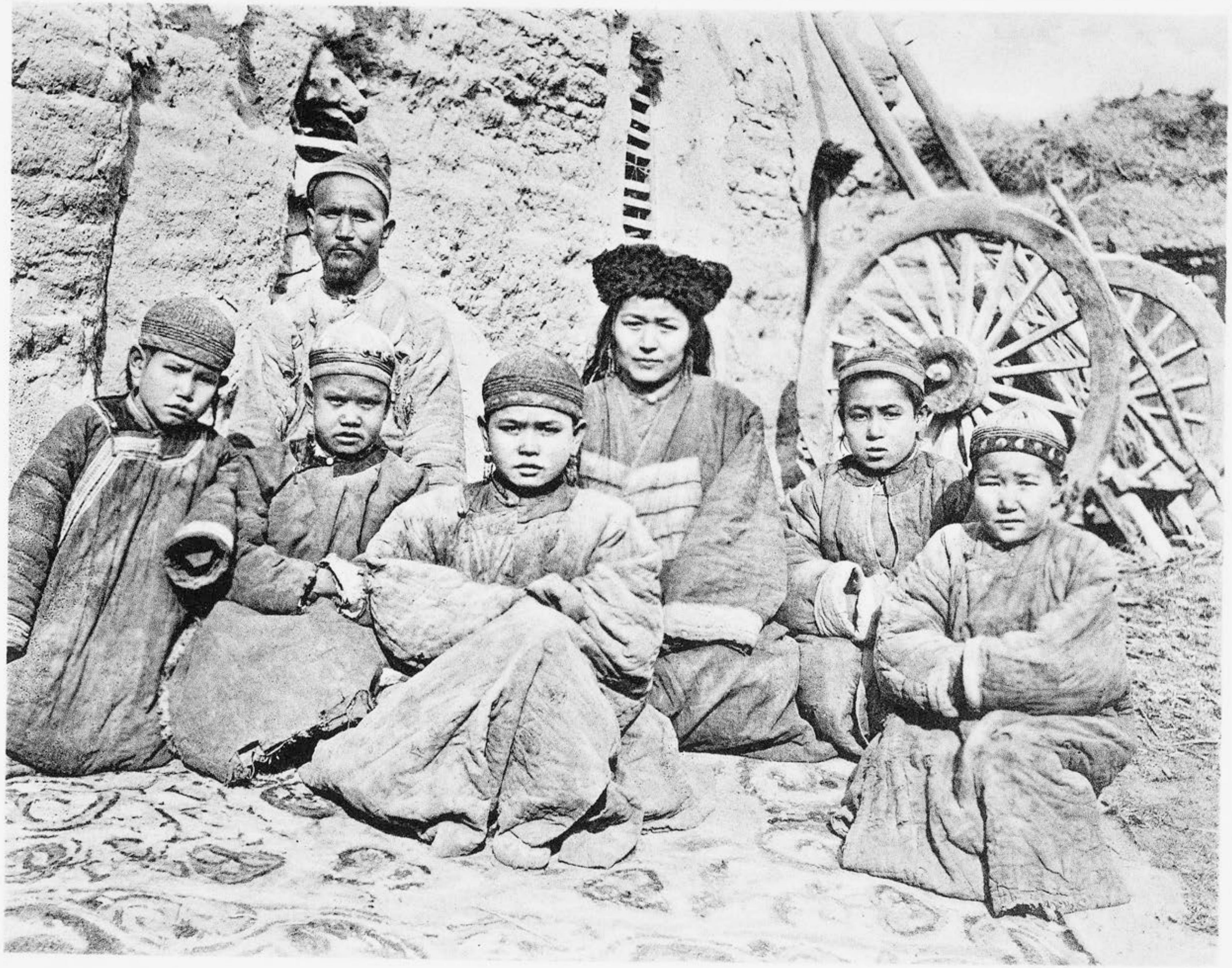
---

[1]) Нѣкоторыя изъ такихъ каменныхъ глыбъ имѣли до 40 шаговъ въ окружности, а одна даже 48 шаговъ, при высотѣ около 2—2$^{1}/_{2}$ саженъ. Какъ кажется, эти глыбы очень глубоко сидѣли въ пескѣ.

[2]) Другихъ слѣдовъ (если не считать толщъ мельчайшаго сѣраго песка) существованія здѣсь ледника я не нашелъ. Впрочемъ, Гаибскимъ ущельемъ мнѣ пришлось проѣзжать позднимъ вечеромъ, когда конфигурація скалъ уже не обрисовывалась съ потребною для сего ясностью.

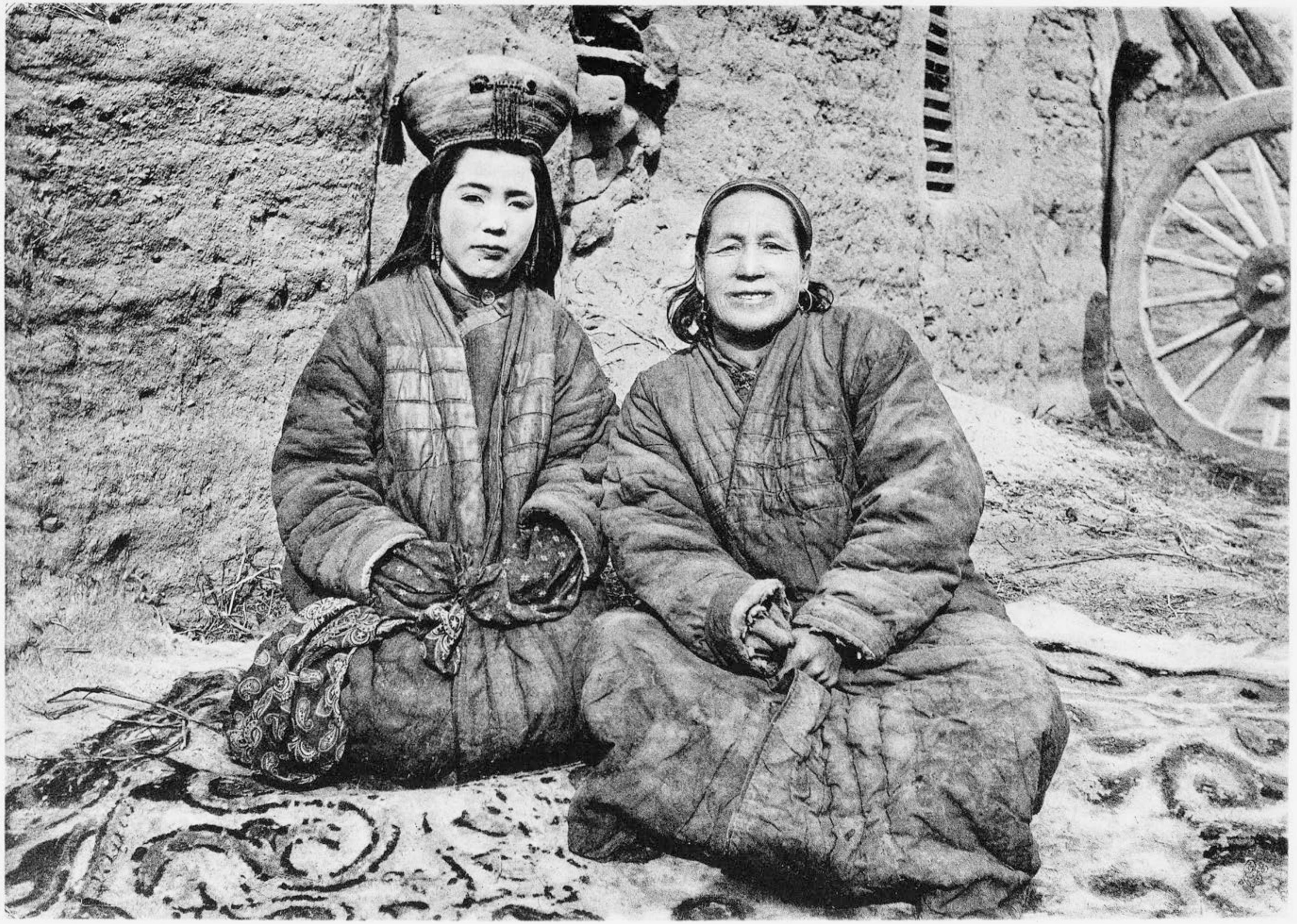
[3]) Въ этой долинѣ находятся селенія Адра и Кизылъ-яръ, первое въ 70, второе въ 50 ли разстоянія отъ Бахдаша.

[4]) Она будетъ описана во II томѣ настоящаго труда. Здѣсь же я ограничусь лишь указаніемъ, что Бахдашъ знаменитъ своими яблоками, которыя въ значительномъ количествѣ поступаютъ на рынки Хами и Баркуля.



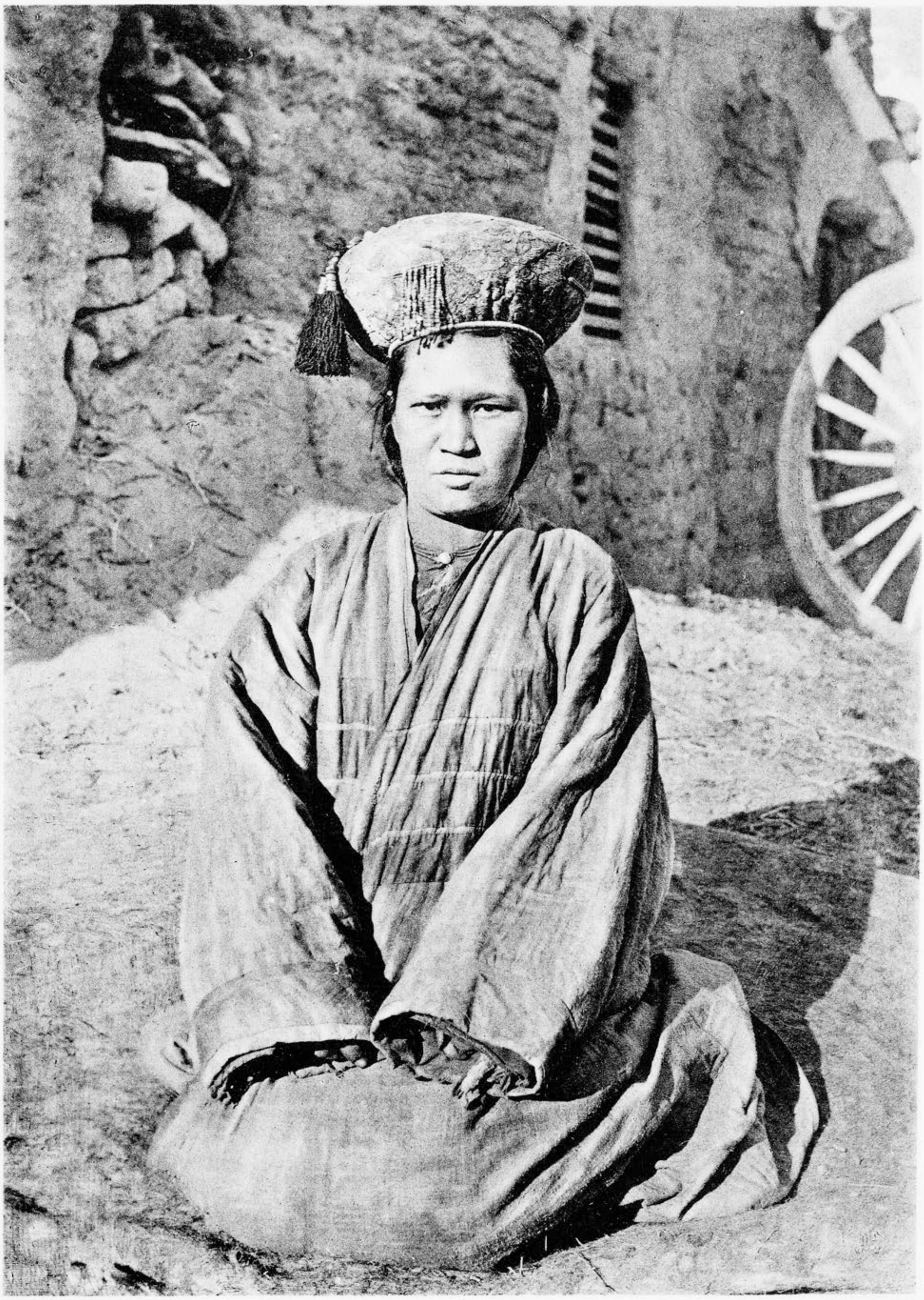
Жители деревни Ташаръ въ Хамійскомъ оазисѣ.

Фототипія В. Классенъ. С. Петербургъ. Кадетская лин. № 7-2



Уроженки деревни Ташаръ въ Хамійскомъ оазисѣ.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.



Уроженка деревни Ташаръ въ Хамійскомъ оазисѣ.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Гаибъ-су служитъ прекраснымъ убѣжищемъ зимующей птицѣ, которая и держится здѣсь въ большомъ числѣ, лакомясь ягодами барбариса, плодами шиповника и боярышника, а также сѣменами многихъ растеній, устилающихъ песчаную почву сада: Iris, Zygophyllum, Astragalus, различныхъ злаковъ и т. д. [1]). Ради охоты на этихъ птицъ мы и перебрались 30 января въ усадьбу Ортамъ.

По выходѣ изъ Ташара дорога бѣжитъ сюда сначала вдоль берега рѣчки, но затѣмъ все болѣе и болѣе отклоняется къ западу, избирая мѣста, гдѣ галька и валуны мельче. Не доходя до воротъ сада, мы замѣтили у дороги пирамидальную кучу камней, происхожденіе коей мѣстное населеніе считаетъ недавнимъ: «Это Баянъ-ху, покидая Ортамъ, велѣлъ каждому изъ своихъ воиновъ положить сюда камень»... повѣдалъ намъ аксакалъ. Ограда ортамскаго сада сложена изъ валуновъ, почва же представляетъ мелкій сѣрый песокъ безъ всякой примѣси гравія, хотя валуновъ въ немъ не мало. Садъ обширный, но крайне запущенный. Когда-то любимая резиденція Баширъ-хана, усадьба эта нынѣ совсѣмъ не поддерживается, и деревянный превосходный домъ пришелъ въ совершенную ветхость: балки покривились, штукатурка обвалилась, мелкій орнаментъ изъ дерева частью выломанъ, частью самъ обломался и лежитъ кучей въ громадномъ полутемномъ залѣ, красиво выкрашенномъ и орнаментированномъ. Въ общемъ зданіе это напоминаетъ садовый павильонъ Шаа-Махсута, хотя китайскій стиль и не выдержанъ здѣсь столь полно, какъ тамъ. Внутренніе его покои приходятся на западъ, гдѣ нѣкогда имѣлась и веранда и небольшой цвѣтникъ, пріемные же комнаты на востокъ, т. е. въ сторону обширнаго двора, окруженнаго высокой и еще хорошо сохранившейся оградой. Въ этомъ дворѣ имѣлись конюшни для княжескихъ лошадей, службы же помѣщались дальше, за вторымъ дворомъ, на востокъ, составляя совершенно отдѣльную слободу. Какъ на особую достопримѣчательность сада, намъ указали на виноградную лозу. До дунганскаго возстанія ихъ было здѣсь нѣсколько, но когда народъ отсюда бѣжалъ, онѣ остались безъ укрытія и зимою повымерзли.

Между Ортамскимъ садомъ и гранитной грядой возвышаются вышеописанныя [2]) развалины буддійскаго монастыря уйгуровъ или

---

[1]) Между прочимъ я встрѣтилъ здѣсь громадный экземпляръ Eremurus'а. До этого я не встрѣчалъ Eremurus'овъ въ Восточномъ Тянь-Шанѣ.

[2]) Глава XIX, стр. 459.

ургыевъ, какъ ихъ мнѣ называли въ Хами. Къ сказанному мнѣ остается добавить здѣсь очень немного.

Въ общемъ это было длинное и узкое зданіе, имѣвшее около семидесяти шаговъ по фасаду, обращенному къ югу. Оно раздѣлялось на пять капищъ, изъ коихъ центральное было и выше и шире другихъ. Такъ какъ передней половины и куполовъ не достаетъ этимъ кумирнямъ, то о размѣрахъ ихъ можно судить не иначе, какъ приблизительно: въ высоту, при ширинѣ въ три, наибольшая изъ нихъ могла имѣть около десяти саженъ. Такъ какъ, повидимому, купола были безъ оконъ, то и въ кумирняхъ, освѣщавшихся только при посредствѣ дверей, долженъ былъ царствовать таинственный полумракъ. Какъ разъ противъ несуществующихъ уже нынѣ дверей помѣщался, какъ уже говорилось, главный идолъ, головой уходившій подъ куполъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ до сихъ поръ еще сохранившаяся у задней стѣны кирпичная кладка, на которую онъ долженъ былъ упираться. Внутреннія стѣны кумиренъ были разрисованы по алебастру фресками и медальонами, въ которыхъ и до настоящаго времени живо сохранились еще изображенія ликовъ безчисленныхъ буддійскихъ святыхъ и боговъ [1]).

Какъ кажется, громадное зданіе это стояло особнякомъ, кельи же монаховъ и хозяйственныя постройки должны были располагаться кругомъ; мы видѣли безформенныя массы глины въ промежуткѣ между развалинами и гранитной грядой, рядъ помѣщеній, въ этой послѣдней и, наконецъ, остатки строеній на вершинѣ одного изъ упомянутыхъ выше холмовъ.

Въ Ортамскихъ садахъ мы добыли для коллекціи: Carine bactriana, Acanthis brevirostris, Montifringilla sordida, Carpodacus rhodochlamys, Emberiza schoeniclus, Emb. cia, Emb. Godlewskii, Parus cyanus tianschanicus, Leptopoecile Sophiae, Ampelis garrulus, Merula atrigularis, Mer. ruficollis, Tharrhaleus fulvescens и Tharrh. atrigularis. Кромѣ того казакомъ Комаровымъ былъ убитъ горностай (Mustela erminea, L.).

31 января неожиданно погода испортилась. Подулъ холодный сѣверный вѣтеръ, небо заволокло тучами, а затѣмъ повалилъ снѣгъ,

---

[1]) Краски, которыми пользовались уйгуры, и до настоящаго времени сохранили чрезвычайную яркость. Наиболѣе употребительными цвѣтами были изумрудно-зеленый, кобальтовый и коричневый (indian red) съ подмѣсью кармина или, пожалуй, sang de dracon съ такой же подмѣсью. Воздухъ изображался или жидкой кобальтовой краской, или изумрудно-зеленой; главныя линіи (контуръ) рисунка исполнялись коричневой краской; черной же краской обозначались только глаза.

который и накрылъ пушистымъ ковромъ всѣ окрестности. Это было тѣмъ менѣе кстати, что уже на слѣдующій день намъ приходилось разставаться съ гостепріимнымъ Ортамомъ, въ которомъ къ сожалѣнію для насъ не отыскалось ни сѣна, ни фуража.

Итакъ, не смотря на непогоду, мы выступили изъ княжеской усадьбы 1 февраля.

Пройдя по льду рѣчку Гаибъ, мы направились прямо на востокъ, вдоль гранитной гряды и по мѣстности, усыпанной крупными голышами, среди которыхъ торчали кусты эфедры и караганы. Это была тягостная дорога, тѣмъ болѣе, что тропинка уже давно изчезла подъ снѣгомъ, и мы шли цѣлиной, то и дѣло проваливаясь въ ямы или спотыкаясь о занесенные снѣгомъ каменья. Такимъ образомъ мы добрались до ручья Кырчумакъ, который бѣжалъ здѣсь двумя рукавами, обросшими лознякомъ, карагачемъ и шиповникомъ.

Кырчумакъ (или, можетъ быть, Карчумакъ?) значитъ—«вырывающійся изъ подъ снѣга». Въ періодъ таянія снѣговъ рѣчка эта обращается въ бурный потокъ, въ самый же разгаръ лѣта обыкновенно пересыхаетъ; поэтому въ ея низовьяхъ поселеній не имѣется, а заведены только пашни.

За Кырчумакомъ дорога измѣнилась къ лучшему. Валуны изчезли, а крупный булыжникъ смѣнился мелкой галькой. Одновременно мѣстность стала замѣтно возвышаться, и уже на 18 верстѣ отъ Ортама мы пересѣкли горную грядку, имѣвшую южное простираніе.

Грядка эта представляетъ любопытный образчикъ того, въ какой мѣрѣ атмосферныя вліянія могутъ дѣйствовать разрушительно на горныя массы. Она распалась на цѣпи или группы холмовъ почти одинаковой высоты, и только одинаковость ихъ состава и согласное простираніе позволяютъ еще видѣть въ нихъ разорванныя звенья одного цѣлаго. Поверхность этихъ холмовъ покрыта толстымъ слоемъ дресвы и щебня, изъ-подъ которыхъ только кое-гдѣ выступаетъ еще коренная порода—темнозеленый филлитъ и сильно разрушенный красный или желтый крупнозернистый гранитъ.

За этой грядой снѣга было больше. Къ тому же это былъ давно слежавшійся снѣгъ, по которому во всѣхъ направленіяхъ шли глубокія тропы; нѣкоторыя изъ нихъ успѣли уже подернуться льдомъ, другія были, очевидно, проложены очень недавно. Слѣдуя одной изъ послѣднихъ, мы вскорѣ выбрались на цѣлину, гдѣ снѣгъ оказался болѣе рыхлымъ и къ тому же на столько глубокимъ, что лошади уходили въ него чуть не по брюхо. Между тѣмъ мѣстность замѣтно понижалась, и вскорѣ мы очутились на берегу рѣчки Агликъ, которую перешли въ бродъ. Отсюда дорога, благодаря вязкому снѣгу, стала еще труднѣе, такъ что мы, не мало измучившись, уже только въ сумерки доплелись кое-какъ до селенія Хотунъ-тамъ, пройдя въ общемъ свыше сорока верстъ.

Въ древности Хотунъ-там'ская рѣчка была извѣстна у китайцевъ подъ именемъ Нянъ-цы-цюань. Къ этому извѣстію китайская географія добавляетъ, что у туземцевъ та же рѣчка носитъ названіе Хатунъ-булакъ (Khatun-bulak), что въ обоихъ случаяхъ означаетъ «ключъ женщины», иначе--«ключъ ханьши», такъ какъ нѣкогда, въ Танскія времена, здѣсь проживала-де ханьша уйгуровъ [1]). Такимъ образомъ, Хотунъ-тамъ [2]) оказывается поселеніемъ очень древнимъ и притомъ въ прежнія времена, можетъ быть, даже болѣе значительнымъ, чѣмъ теперь, такъ какъ, по свидѣтельству той же географіи, здѣсь еще при Минахъ виднѣлись развалины древняго города [3]).

Хотунъ-тамъ стоитъ на ключахъ; даже никогда не замерзающая (въ большіе морозы образуются только забереги) рѣчка Агликъ питается преимущественно ключами, бьющими высоко въ горахъ. Но имѣются-ли среди этихъ ключей и горячіе, о чемъ сообщаетъ помянутый выше китайскій источникъ, мнѣ неизвѣстно: отъ мѣстныхъ жителей мы о нихъ ничего не слыхали.

Современный Хотунъ-тамъ очень разбросанное селеніе. Только въ одномъ мѣстѣ дома скучиваются и образуютъ площадь и улицу; а, затѣмъ, отдѣльные хутора виднѣются всюду, даже вдоль рѣчки Агликъ. Въ настоящее время населеніе Хотунъ-тама, въ общемъ не превышающее 350 душъ обоего пола, подчиняется хамійскому вану, хотя когда-то управлялось своимъ наслѣдственнымъ бекомъ [4]). Послѣдній—теперь дряхлый старикъ, живущій тутъ какимъ-то анахоретомъ, безъ почета и власти. Онъ тоже явился къ намъ «повидать, какъ онъ самъ выразился, на склонѣ дней своихъ русскихъ, о которыхъ слышалъ, но видѣть которыхъ не довелось.» Онъ прошамкалъ затѣмъ еще что-то, но даже явившіеся къ намъ одновременно съ нимъ дорга, аксакалъ и другіе туземцы его не поняли, или, можетъ быть, сдѣлали только видъ, что его не поняли?.. Тогда вступилъ въ свои права нашъ полиглотъ Николай.

---

[1]) Bretschneider, op. cit, II, стр. 178. В. Григорьевъ, op. cit, стр. 343.

[2]) Пишу такъ, какъ здѣсь произносятъ это слово.

[3]) «Тамъ» въ переводѣ значитъ «палата»; можетъ быть, въ переносномъ смыслѣ, слѣдовало-бы сказать—«резиденція»? Какъ-бы то ни было, но развалинъ этого города (city) мы здѣсь не нашли.

[4]) Потанинъ («Очерки сѣверо-западной Монголіи», II, стр. 11) пишетъ: «Беки назначаются хамійскимъ ваномъ, а не выборные.» По отношенію къ хотунъ-тамскому беку утвержденіе это безусловно неточно; о существованіи же другихъ бековъ въ Хами я не слыхалъ, хотя въ качествѣ фамильнаго титула слово «бекъ» слышится часто; такъ, напримѣръ, два приближенныхъ вана были беки.

— Да по каковски же онъ говоритъ?..

— Это языкъ нашихъ дѣдовъ. Въ немъ больше словъ китайскихъ и монгольскихъ, чѣмъ тюркскихъ; но есть и такія, которыя никому непонятны...

Эти непонятныя слова я хотѣлъ записать, но дорга отказался выполнить это желаніе...

— Передъ вами старикъ, когда-то управлявшій всѣмъ этимъ краемъ. Теперь онъ лишенъ власти, но все же помнитъ ее и потому ко всему относится съ большимъ недовѣріемъ, чуя обиду даже тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Къ вамъ онъ относится уже съ предубѣжденіемъ: не вы, какъ бы слѣдовало, посѣтили его, а онъ васъ...

— Да мы даже и не подозрѣвали о его существованіи...

— Такъ-то такъ... Да ему отъ этого вѣдь не легче...

Хотунъ-тамскій уроженецъ отличается и рѣчью и складомъ лица отъ остальныхъ жителей Восточнаго Туркестана. Въ его жилахъ несомнѣнно въ значительной примѣси течетъ монгольская кровь, что врочемъ, и слѣдовало предвидѣть, такъ какъ всѣ дошедшіе до насъ историческіе документы согласно показываютъ о той видной роли, какую въ Хами, въ до-маньчжурскія времена, играли монголы [1]. Мы хотѣли снять съ нѣкоторыхъ изъ нихъ фотографіи. Но дорга и этому воспротивился.

---

[1] Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ рѣчь китайскаго сановника Мавэнь-шэна, сказанная имъ въ 1491 г. въ совѣтѣ государственныхъ чиновъ: «Въ Хами», говорилъ онъ, «съиздавна живутъ совмѣстно самые разнородные элементы; здѣсь есть мусульмане (т. е. пришлые съ запада тюрки), уйгуры; въ горахъ, къ сѣверу отъ Хами, живутъ еще сяо-лѣ-ту (?) и мѣ-кэ-ли (?) Всѣ эти народности постоянно притѣсняютъ другъ друга и никто изъ нихъ не имѣетъ достаточно силы, чтобы окончательно одержать верхъ надъ другими. *Одни монголы пользуются въ этихъ мѣстахъ несомнѣннымъ авторитетомъ и безъ ихъ помощи добиться тамъ порядка невозможно.* Вотъ почему нужно избрать какого-нибудь потомка монгольскихъ хановъ, котораго и слѣдуетъ поставить управителемъ Хами.» (Покотиловъ, op. c., стр. 133).

Потанинъ находитъ, что и въ одеждѣ хамійцы сохранили много монгольскаго. «Мужчины носятъ халатъ монгольскаго покроя», говоритъ онъ. Я не сказалъ бы того же. Всѣ нами видѣнные хамійцы носили халаты обыкновеннаго туркестанскаго покроя, и приложенныя тутъ фототипіи подтвердятъ сказанное. Гораздо интереснѣе «чапаны» хамійскихъ женщинъ. Оригинальность ихъ заключается въ грудныхъ квадратныхъ вставкахъ чаще всего зеленаго цвѣта. Головные уборы также крайне оригинальны, но они уже были описаны; не встрѣчая нужды повторять здѣсь сказанное другими путешественниками, я замѣчу только, что уборъ этотъ все болѣе и болѣе выходитъ изъ моды, и изъ мущинъ его уже рѣдко кто носитъ.

— Нѣтъ ужь, пожалуйста! Народъ нашъ темный, дикій... Будетъ говорить, что вы на нихъ бѣду накликаете...

Едва мы прибыли въ Хотунъ-тамъ, какъ насъ постигло большое разочарованіе. Долженъ оговориться: еще въ Хами рѣшено было идти въ Су-чжоу верблюжьей дорогой черезъ Меншуй. Теперь же китаецъ, нашъ проводникъ, вдругъ заявилъ намъ, что дальше на востокъ идти невозможно.

— Какъ? почему?

— Въ горахъ большой снѣгъ выпалъ.

— Какія горы и откуда взялся тамъ снѣгъ, когда мы до Су-чжоу должны идти песчаной пустыней?

— О, какія горы?—большія горы!.. всѣ скажутъ...

И когда «всѣ» поддержали китайца, то было отъ чего призадуматься. Ужь не восточнымъ-ли продолженіемъ Тянь-Шаня, о которомъ такъ много писали китайцы, придется идти? Или—не составляютъ-ли эти горы самостоятельнаго нагорья, подобнаго нагорью Чолъ-тагъ? Во всякомъ случаѣ, какой высокій географическій интересъ должна представлять эта мѣстность!

— Какъ же быть?

— Переждать въ Хотунъ-тамѣ. Авось потеплѣетъ и тогда...

Но, увы! случилось совершенно наоборотъ: морозъ крѣпчалъ съ каждымъ днемъ [1]), снѣгъ шелъ безпрестанно... Въ Хотунъ-тамѣ мы простояли девять сутокъ, и единственнымъ занятіемъ нашимъ въ это время была охота на птицъ.

Мы били ихъ преимущественно въ ущельи рѣчки Агликъ, куда добирались чаще всего прямымъ путемъ, слѣдуя поперекъ невысокихъ, но скалистыхъ предгорій хребта, сложенныхъ изъ хлоритоваго діабаза. На четвертой верстѣ мы достигали до гранитныхъ массъ Карлыкъ-тага и, повернувъ здѣсь на западъ, вступали въ ущелье помянутой рѣчки, которое, даже въ зимней обстановкѣ, при массахъ скопившагося въ немъ снѣга, отличалось поразительной красотой. Мы прослѣдили его верстъ на пять вверхъ, до того мѣста, гдѣ мелкозернистые сѣрые эпидотовые и хлоритовые граниты смѣняются крупнозернистыми красными и гдѣ уже выступаютъ ключи, образующіе рѣчку Агликъ. Температура водъ этихъ ключей не особенно высока, но все же достаточна для жизни въ нихъ водорослей, зеленая площадь которыхъ необыкновенно контрастно выступала теперь среди окружающихъ ее отовсюду снѣговъ. Главнымъ украшеніемъ этого ущелья служитъ лѣсъ высокихъ и прямыхъ тополей, по опушкамъ котораго, среди обломковъ скалъ, растетъ самый разнообразный кустарникъ. Я различилъ здѣсь барбарисъ (съ красными ягодами), шиповникъ, Spiraea, жимолость и лозу. Къ устью ущелья лѣсъ рѣдѣетъ, появляются площадки, поросшія чіемъ, съ одиноко стоящими среди нихъ карагачами [1]), барбарисъ исчезаетъ и смѣняется караганой. Одновременно появляются здѣсь и небольшія постройки, которымъ я не пріищу подходящаго названія; во всякомъ случаѣ это—жилье человѣческое, въ которомъ, при самой нищенской обстановкѣ, ютятся семьи бѣднѣйшихъ хотунъ-там'цевъ. Въ этомъ ущельи намъ попались слѣдующія птицы: Chrysomitris spinus, L., Montifringilla sordida, Stol., Serinus pusillus, Pall., Carpodacus rhodochlamys, Brdt., Uragus sibiricus, Pall., Emberiza Godlewckii, Tacz., Otocorys Elwesi, Blanf., Certhia familiaris, L., Parus cyanus tianschanicus, Menzb., Leptopoecile Sophiae, Sew., Ampelis garrulus, L., Ruticilla erythrogastra Sewerzowi, Lor. et Menzb., Merula atrigularis, Temm., Merula ruficollis, Pall., Cinclus leucogaster, Bp., Anorthura pallida, Hume, Tharraleus fulvescens, Sew., Tharr. atrigularis, Brdt., Perdix barbata, Verr. et des Murs., Caccabis hukar, Gray и Tetraogallus himalayensis, Gray.

---

[1]) Наименьшая температура, какую намъ приходилось здѣсь наблюдать, равнялась −21°.

Въ Хотунъ-тамѣ мы простояли девять дней. Запасы наши истощались, хлѣбъ былъ давно уже съѣденъ, да и мука приходила къ концу [2]). Намъ оставалось поэтому или возвращаться обратно въ Хами, или идти впередъ на авось. Мы рѣшились на послѣднее и, не смотря на протесты проводника, 11 февраля двумя партіями тронулись въ дальнѣйшій путь: братъ повелъ нашъ караванъ прямой дорогой въ Моръ-голъ, я же поѣхалъ туда кружной дорогой черезъ Чинъ-шень.

Когда мы выступали, небо было свинцовое. 16-ти градусный морозъ и сильный вѣтеръ, дувшій прямо съ востока, затрудняли дыханіе и вмѣстѣ съ тѣмъ леденили руки и ноги. Временами подымался снѣжный вихрь и, обдавъ насъ ледяными иглами, несся дальше, то замирая, то снова подымая въ воздухъ снѣжную пыль. Но уже къ 9 часамъ утра улеглась непогода: небо очистилось, вѣтеръ стихъ, потеплѣло и солнце заблистало съ особенной яркостью, при чемъ и свѣтовые и тепловые лучи его отражались съ чрезвычайною силою отъ безпредѣльнаго, какъ море, снѣгового покрова.

---

[1]) На этихъ карагачахъ, среди вѣтвей, сложены были запасы сѣна. Кстати замѣчу, что сѣно составляетъ видную статью въ доходахъ хотунъ-тамца. Онъ уплачиваетъ имъ подати и вывозитъ его на продажу въ Хами.

[2]) Въ Хотунъ-тамѣ мы могли собрать пшеничной муки не болѣе пуда.

На первыхъ порахъ мы чуть не потонули въ снѣжныхъ сугробахъ. Мы сбились съ дороги и ѣхали на прямикъ къ виднѣвшимся впереди развалинамъ какой-то постройки. Тутъ мы снова выбрались на тропинку и рысью погнали впередъ лошадей.

Первый встрѣтившійся намъ поселокъ, состоявшій всего изъ двухъ-трехъ хозяйствъ, носилъ полу-тюркское, полу-китайское названіе—Ши-ли-булакъ; здѣсь проходила граница между вановскими землями и мѣстностью, непосредственно подчиненной китайскимъ властямъ. На девятой верстѣ вы пересѣкли глубокую долину рѣки Улота (Уласта?), которая протекаетъ тутъ двумя рукавами, раздѣленными довольно высокимъ нагорьемъ. Рѣка эта беретъ начало въ вѣчныхъ снѣгахъ Карлыкъ-тага и течетъ по ущелью, которое, подобно Хотунъ-там'скому, поросло прекраснымъ тополевымъ лѣсомъ. У дороги, вдоль обоихъ ея руслъ, расположены китайскія поселенія съ однимъ общимъ именемъ Ардынъ. Еще далѣе на востокъ мы встрѣтили рѣчку Сузлюкъ-ардынъ, а затѣмъ дорога пошла довольно пресѣченною мѣстностью съ частыми крутоярыми логами, поросшими чіемъ, камышомъ и кустарникомъ, единственными растеніями, торчавшими поверхъ снѣга. Обогнувъ одиноко торчавшій утесъ, мы завидѣли, наконецъ, и цѣль нашей поѣздки — городъ Чинъ-шень, расположенный на рѣчкѣ Ташъ-булакъ, выбѣгающей изъ ущелья Нарынъ-колъ [1]). Городокъ этотъ не великъ, обнесенъ стѣной, скорѣе всего напоминающей ограду какого-либо загона, и состоитъ изъ двухъ-трехъ улицъ, обстроенныхъ жалкими домишками, въ которыхъ съ грѣхомъ пополамъ ютятся семейства дунганъ и китайцевъ. Его базаръ представляютъ счетомъ пять лавокъ, въ которыхъ можно найти лишь предметы первѣйшей необходимости; даже рису оказалось въ нихъ не болѣе 15 фунтовъ! Зато намъ сказали, что тутъ можно всегда имѣть въ изобиліи мясо аркаровъ...

— Да откуда же вы его получаете?

— Его привозятъ тагчи... Хотите проѣхаться къ нимъ?

И насъ проводили въ тань, въ которомъ мы, дѣйствительно, нашли нѣсколько бравыхъ молодцовъ, поспѣшившихъ вытащить намъ на показъ нѣсколько тушъ такихъ же точно аркаровъ, какихъ привезъ братъ изъ своей поѣздки въ Чолъ-тагъ.

— Гдѣ же вы бьете этихъ животныхъ?

— А вотъ тамъ...

---

[1]) Абсолютная его высота — 5607 ф. Такимъ образомъ противъ Хотунъ-тама (5650 ф.) мѣстность понизилась здѣсь очень мало.

И одинъ изъ тагчей указалъ мнѣ пальцемъ на *юго-востокъ.*

— *На востокъ здѣсь вездѣ горы. Отъ Шаманэ (Бая) до Меншуя* и дальше на югъ *нѣтъ мѣста гдѣ-бы не было горъ*, но аркары держатся преимущественно тамъ. И онъ опять указалъ на юго-востокъ.

— И далеко это отсюда?

— На хорошей лошади дня въ два, пожалуй, доѣдете...

Мы купили у нихъ двѣ туши и, приказавъ доставить ихъ вслѣдъ за нами въ Моръ-голъ, выѣхали туда-же.

Къ югу отъ Чинъ-шеня подымались горы. Мы направились къ нимъ и съ первыхъ же шаговъ въ этомъ направленіи почувствовали подъ собой крѣпкую почву. Дѣйствительно, снѣгъ лежалъ здѣсь тонкимъ слоемъ, и уже съ полъ-версты дальше изъ подъ него то тамъ, то сямъ сталъ обнажаться гранитъ. Дорога шла краемъ Ташъ-булакской долины, поросшей чіемъ и заваленной снѣгомъ. Впереди долина эта съуживалась и превращалась въ широкое ущелье, стѣны котораго падали очень круто. При устьѣ послѣдняго мы натолкнулись на ключъ, носившій названіе Мо-панъ-цзы. Отсюда мѣстность стала понижаться замѣтно, и такъ какъ въ ущельѣ снѣгъ лежалъ уже только мѣстами, то лошади пошли очень ходко, не забывая, однако, при этомъ срывать по пути колосья чія, который вмѣстѣ съ кустами гребенщика составлялъ преобладающую здѣсь растительность. Ущелье не оказалось совершенно безжизненнымъ. Намъ попалось въ немъ нѣсколько штукъ кара-куйрюковъ и зайцевъ, въ кустахъ то и дѣло шныряли пустынныя сойки (Podoces Hendersoni), а въ горахъ раздавались голоса кекликовъ (Caccabis hukar). Но намъ некогда было увлекаться охотой. Мы спѣшили засвѣтло добраться до поселка Моръ-голъ, а до него, повидимому, еще было не близко... Ущелье, по которому мы ѣхали, оказалось сквознымъ и стѣны его сложены изъ одного матерьяла— краснаго гранита, только въ одномъ мѣстѣ прорваннаго плотнымъ хлоритовымъ діабазомъ. При выходѣ изъ горъ сухое русло Ташъ-булака разбилось на множество росточей, а впереди, передъ нами, развернулась необъятная равнина, на противоположномъ концѣ которой и долженъ былъ находиться Моръ-голъ.

— О, да вѣдь это еще далеко!

— Да, іоловъ тридцать...

Мы прибавили ходу, и, по мѣрѣ того, какъ подвигались впередъ, горы стали показываться со всѣхъ краевъ горизонта. Вотъ онѣ узкой полоской поднялись передъ нами, вотъ впереди ихъ мы увидали деревья, а вотъ, наконецъ, и Моръ-голъ!

Нашъ караванъ пришелъ туда задолго до насъ. Онъ также на своемъ пути пересѣкъ горы, подвергшіяся уже сильному разрушенію и сложенныя изъ гранитовъ и сланцевъ. Но о нихъ до слѣдующаго тома, такъ какъ этой дорогой мнѣ самому пришлось возвращаться въ 1890 году. Поселковъ съ названіемъ Моръ-голъ два: сѣверный—таранчинскій и южный—китайскій. Оба стоятъ на ключахъ, изъ коихъ сѣверный, менѣе обильный водой, носитъ названіе Ходжамъ-булакъ.

Благодаря могилѣ самаркандскаго выходца Султана-Улеми-Рахмета, схороненнаго на вершинѣ Моръ-гол'ской гряды (Мазаръ-тага), мѣстность эта пользуется совершенно исключительной извѣстностью въ мусульманскомъ мірѣ. Улеми Рахметъ былъ первымъ просвѣтителемъ китайскаго востока, святымъ, стяжавшимъ себѣ громкую славу. Подъ старость онъ удалился въ пустыню и умеръ здѣсь, на границѣ ея, окруженный своими учениками. Кажется въ 1712 г., Моръ-голъ подвергся нападенію джунгаровъ, которые не оставили здѣсь камня на камнѣ; еще позднѣе онъ былъ приписанъ къ числу земель, отведенныхъ подъ китайскія поселенія въ Хами (къ этому времени относится основаніе китайскаго Моръ-гола); и наконецъ, выкупленный по дунганской иниціативѣ у китайскаго правительства, поступилъ уже въ вѣдѣніе хамійскихъ вановъ, которые, выстроивъ надъ могилой этого святого роскошный мазаръ, въ то же время поселили здѣсь и нѣсколько семействъ таранчей, обязанныхъ, взамѣнъ другихъ повинностей, охранять и ремонтировать это зданіе. Такимъ образомъ положено было основаніе современному таранчинскому поселенію [1]).

Одновременно съ нами въ Моръ-голъ прибылъ караванъ верблюдовъ изъ Су-чжоу.

— Ну, какъ?

— Вамъ не пройти... На первомъ переходѣ снѣгъ небольшой, но со второй уже станціи тропинка становится глубокой и узкой. Еще дальше она совсѣмъ исчезаетъ, и тутъ легко заблудиться. Къ тому же, чѣмъ вы будете кормить лошадей? Вѣдь всѣ пастбища теперь завалены снѣгомъ?

Мы составили совѣщаніе и по совѣту вожака каравана рѣшили повернуть на Янъ-дунъ и Куфи.

---

[1]) Высота Моръ-гола, опредѣленная въ передній путь—3.839 ф., въ обратный — 4.111 ф., въ среднемъ же—3.975 ф. Здѣсь, въ сквозномъ ущельѣ Моръ-гол'ской гряды, представляющей

На обратномъ пути намъ удалось сдѣлать еще одно, притомъ крайне интересное, пересѣченіе Тянь-Шаня между Хами и Турфаномъ и кромѣ того боковой экскурсіей въ Карлыкъ-таг'скія горы въ значительной мѣрѣ пополнить добытыя раньше свѣдѣнія объ этихъ горахъ. Въ виду этого я считалъ болѣе соотвѣтственнымъ общій очеркъ восточной оконечности Тянь-Шаня предложить читателю во второй части «Описанія» нашего путешествія въ Западный Китай, настоящій же томъ закончить обычнымъ краткимъ обзоромъ климатическихъ особенностей посѣщенной нами страны за истекшіе три зимніе мѣсяца. Но намѣренію этому помѣшало появленіе краткаго отчета горнаго инженера Обручева, озаглавленнаго «Орографія Центральной Азіи и ея юго-восточной окраины» [1]).

Прочитывая этотъ очеркъ, я нѣсколько разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Мнѣ казалось, что въ виду того выдающагося геологическаго интереса, который несомнѣнно представляютъ Восточный Тянь-Шань и Бэй-Шань, геологъ по спеціальности, въ программу котораго входило ихъ изслѣдованіе, долженъ былъ-бы сказать намъ о нихъ, хотя-бы и въ своемъ предварительномъ отчетѣ, нѣсколько болѣе того, что *пока* рѣшился повѣдать намъ г. Обручевъ. Мнѣ казалось также, что въ подобнаго рода работахъ слѣдовало-бы прежде всего излагать результаты своихъ изслѣдованій и всего менѣе отводить мѣста критикѣ чужихъ мнѣній и взглядовъ. Г. Обручевъ поступаетъ, однако, совершенно наоборотъ; и такъ какъ онъ удѣляетъ мнѣ слишкомъ много вниманія [2]), то съ своей стороны я не считаю возможнымъ оставить отчетъ этотъ безъ возраженій. Попутно же я выскажу и тѣ соображенія свои объ орографіи восточной оконечности Тянь-Шаня, которыя иначе, какъ замѣчено выше, вошли бы только во вторую часть настоящаго «Описанія».

Свой очеркъ Бэй-Шаня г. Обручевъ начинаетъ замѣчаніемъ по моему адресу: «Г. Е. Грумъ-Гржимайло, говоритъ онъ, неосновательно приписываетъ себѣ открытіе горной страны Бэй-Шань; она была уже извѣстна до него». И чтобы доказать, что она дѣйствительно была извѣстна до нашей экспедиціи 1889 — 1890 гг.,

---

выходъ плотнаго хлоритоваго діабаза, намъ попались слѣдующія птицы: Erythropus amurensis, Radde, Phylloscopus tristis, Blyth., Phyll. Humei Brooks., Merula atrigularis, Temm., Turdus pilaris, L.

[1]) См. «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» за 1895 годъ т. XXXI, стр. 253—344.

[2]) Г. Обручевъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи *только мои письма съ дороги*, на что я не могу не обратить вниманія читателей.

почтенный авторъ пишетъ историческую справку, которой и удѣляетъ двѣ странички изъ четырехъ, посвященныхъ обзору Бэй-Шаня. Эта справка впрочемъ не полна. Мною собранъ довольно значительный матерьялъ, имѣющій отношеніе къ прошлому Бэй-Шаня [1]), который и войдетъ отдѣльной главой въ слѣдующій томъ «Описанія». Изъ этой главы читатель убѣдится, что о горахъ, лежащихъ между Тянь-Шанемъ и Нань-Шанемъ, писалось уже въ теченіе двухъ тысячелѣтій. Да и могло-ли быть иначе? Здѣсь жили люди, проходили отдѣльные путешественники, проходили войска. Все это оставляло слѣдъ и въ исторіи, и въ географіи. Мало по малу нарождалось убѣжденіе, что поверхность Гоби на пути между Притяньшаньемъ и гародами Хэ-си представляетъ довольно сложный рельефъ. Но вотъ, что крайне интересно. Даже такой глубокій знатокъ Азіи, какъ Рихтгофенъ, и тотъ ничего не могъ создать изъ того смутнаго матерьяла, какой представляла изъ себя литература по Бэй-Шаню до 1877 г. Его Ханъ-хай, границы котораго ясно показаны на 2 таблицѣ, приложенной къ I тому столь прославленнаго сочиненія «China», еще въ третичную эпоху заливалъ все безпредѣльное пространство современнаго Бэй-Шаня, при чемъ, насколько помню, ученый этотъ даже не допускалъ мысли о существованіи какихъ-либо обширныхъ острововъ, тѣмъ болѣе перемычекъ, среди этой обширной водной поверхности.

Но г. Обручевъ указываетъ и на послѣдующихъ изслѣдователей этого центрально-азіатскаго вздутія, изъ коихъ одинъ не только описываетъ, но въ частяхъ даже и изображаетъ его. Это—Пржевальскій. Не въ упрекъ, однако, будь сказано покойному Николаю Михайловичу—знаменитый путешественникъ этотъ не придалъ должнаго значенія своему открытію; оттого-то описаніе его этой части Хамійской пустыни и страдаетъ такой неполнотой, что воспользоваться имъ для научныхъ выводовъ едва ли возможно. Правда, онъ говоритъ, что на пути своемъ онъ встрѣтилъ обширное вздутіе, покатое къ югу и сѣверу, но въ какихъ же выраженіяхъ описываетъ онъ поверхность этого вздутія? «По своему характеру горы Бэй-сянь, за небольшими исключеніями, говоритъ онъ [2]), представляютъ отдѣльные холмы или группы холмовъ, достигающихъ лишь незначительной (отъ 100 до 300 ф. и болѣе) относительной высоты и набросанныхъ въ безпорядкѣ на высокомъ (около 5.000 ф. абс. выс.) поднятіи этой части Хамійской пустыни. Опредѣленнаго гребня въ этихъ горахъ нѣтъ, хотя общее ихъ направленіе отъ запада къ востоку. Изъ горныхъ породъ здѣсь встрѣчается темно-сѣрый доломитъ, *но исключительно преобладаютъ наносныя толщи глины съ галькою»*. Что вправѣ заключить изъ этихъ словъ каждый, кто вздумалъ-бы, въ дополненіе къ труду Рихтгофена, прочесть книгу Пржевальскаго? А то, что *изслѣдованія этого путешественника вполнѣ подтверждаютъ гипотезу Рихтофена,* что хотя Пржевальскій и констатируетъ существованіе между Хами и Са-чжоу вздутія съ средней абсолютной высотой въ 5.000 ф., но что вздутіе это *несомнѣнно представляло въ свое время дно Ханъ-хай'скаго моря,* такъ какъ почва подымающихся тутъ холмовъ и долинъ между ними состоитъ исключительно изъ наносовъ глины и гальки. Даже найденный среди этихъ холмовъ доломитъ косвенно подтверждалъ ту же гипотезу; ибо эта горная порода, какъ извѣстно, встрѣчается во всѣхъ геологическихъ формаціяхъ, а потому не было основаній относить и бэй-сяньскій доломитъ къ образованіямъ болѣе древнимъ, чѣмъ остальныя отложенія ханхайской эпохи.

---

[1]) Нѣкоторыя выдержки изъ этого матерьяла уже помѣщены выше, въ XIX главѣ.

[2]) «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки», стр. 89.

И, кажется, именно съ этой точки зрѣнія отнесся къ сообщенію Пржевальскаго другой маститый изслѣдователь Средней Азіи— профессоръ Мушкетовъ. По крайней мѣрѣ въ его сочиненіи «Туркестанъ», появившемся въ 1886 году, мы не находимъ никакого указанія на иное толкованіе словъ покойнаго путешественника.

Изъ вышесказаннаго ясно, что до 1889 года, въ литературѣ, посвященной Средней Азіи, не возникало даже вопроса о существованіи какой-либо горной страны между Тянь-Шанемъ и Нань-Шанемъ, а потому мнѣ казалось, что я былъ вправѣ приписать открытіе ея нашей послѣдней экспедиціи въ предѣлы Китая.

Далѣе г. Обручевъ выражаетъ недоумѣніе по поводу моего удивленія, что «за Куфи я попалъ въ горную страну съ значительной абсолютной высотой всей площади и громаднымъ иногда относительнымъ поднятіемъ хребтовъ». Мало того, что онъ недоумѣваетъ, онъ рѣшается даже внушить недовѣріе къ точности моего описанія, которое-де не подтверждается опубликованными братьями Грумъ-Гржимайло гипсометрическими данными.

Удивился я потому, что до своего отправленія въ Среднюю Азію, я по своимъ прежнимъ работамъ былъ уже достаточно хорошо знакомъ съ литературой о Ханъ-хаѣ; что же касается до гипсометрическихъ данныхъ, не подтверждающихъ будто-бы моего описанія, то вѣдь они и не брались съ подобною цѣлью: мы измѣряли абсолютныя высоты *переваловъ*, а не *гребней* хребтовъ, что, конечно, даже въ такой *выровненной горной странѣ*, какъ Бэй-Шань, далеко не одно и то же.

Но оставимъ Бэй-Шань, къ которому мы вернемся позднѣе [1]), и перейдемъ къ Тянь-Шаню.

Если я хорошо понялъ г. Обручева, то онъ склоненъ считать Тянь-Шань, на востокъ отъ Урумчи, двурядными хребтомъ. За южную гряду онъ принимаетъ хребетъ Джаргёзъ, который къ главной, т. е. сѣверной, грядѣ Тянь-Шаня примыкаетъ восточнѣе горной группы Богдо-Ола и опять отвѣтвляется отъ нея уже только передъ 60-мъ меридіаномъ отъ Пулкова; изъ чего, конечно, слѣдуетъ, что горы, окаймляющія котловину Отунъ-коза съ юга, служатъ восточнымъ продолженіемъ Джаргёза. «Г. Е. Грумъ-Гржимайло, продожаетъ онъ далѣе, въ своемъ письмѣ изъ Кульчжи, стр. 68 и 69, почему-то, однако, считаетъ ихъ передовыми грядами Бэй-Шаня и поэтому находитъ здѣсь тѣсную связь между Тянь-Шанемъ и Бэй-Шанемъ, между тѣмъ нѣтъ никакихъ основаній, ни орографическихъ, ни геологическихъ, отдѣлять эти гряды отъ Тянь-Шаня и присоединять ихъ къ Бэй-Шаню, отъ котораго онъ отдѣлены *широкимъ* и глубокимъ промежуткомъ Притяньшаньской впадины».

Посмотримъ, однако, то-ли говорится въ этомъ письмѣ, что приписываетъ мнѣ г. Обручевъ.

«Карлыкъ-тагъ, писалъ я тогда, вытягиваясь подъ именемъ Хамійскихъ горъ на западъ, на меридіанѣ Иванъ-чанзы образуетъ крутой изгибъ и подъ именемъ Баркульскаго хребта уходитъ на с. с. з., ограничивая съ запада Баркульскую котловину. Сильное пониженіе хребта замѣчается уже на мер. Астына, за Иванъ же чанзой и въ Баркульскихъ горахъ хребетъ этотъ не выдѣляется изъ группы другихъ кряжей, выполняющихъ все пространство между Иванъ-чанзой, пер. Уланъ-усу и съ юга передовой Бэй-Шаньской цѣпью. Вообще здѣсь намѣчается тѣсная связь между Тянь-Шанемъ и Бэй-Шанемъ, связь, которая, благодаря тому обстоятельству, что въ передній нашъ путь мы здѣсь проходили ночью, совсѣмъ-было упущена была нами изъ вида. *Съ плоскогорія Иванъ-чанзы* ясно были замѣтны теперь *нѣсколько параллельныхъ цѣпей Бэй-Шаня,* изъ коихъ одна была увѣнчана гигантскимъ пикомъ, совершенно одиноко здѣсь подымающимся, *и та узкая*

---

[1]) Во второмъ томѣ настоящаго труда.

щель, которая отдѣляетъ передовую изъ этихъ цѣпей отъ Чоглучайскихъ высотъ. Засимъ, что касается до горъ, смыкающихъ хребты Богдо съ Карлыкъ-тагомъ, то онѣ, несмотря на свою короткость, заслуживаютъ тѣмъ не менѣе подробнаго геологическаго изслѣдованія. Къ сожалѣнію, обстоятельства и средства не дозволили мнѣ удѣлить имъ много времени, да къ тому же и подготовка моя въ этомъ отношеніи слишкомъ мала, такъ что весьма можетъ статься, что и собранные мною матерьялы окажутся недостаточными для рѣшенія интереснаго вопроса объ отношеніи горъ Богдо къ горамъ Хамійскимъ. Въ топографическомъ же отношеніи эти горы представляютъ слѣдующую картину. Если ѣхать изъ Баркуля въ Гученъ, то приходится, переваливъ черезъ Баркульскія горы, сразу попасть на довольно высокое плоскогорье, слегка всхолмленное скалистыми грядами, имѣющими приблизительно з. в. направленіе. Это плоскогорье тянется до перевала Уланъ-усу, но здѣсь долины уже являются глубже, а горы относительно выше. Высота этого плоскогорія въ сказанныхъ границахъ приблизительно одинакова, къ сѣверу же довольно замѣтно понижается и упирается тамъ въ гряду, имѣющую повидимому сѣверо-западное направленіе. Къ югу плоскогорье это обрывается круто и образуетъ здѣсь рядъ исковерканныхъ, частью разрушенныхъ въ своихъ вершинахъ, синклинальныхъ и антиклинальныхъ складокъ, которыя кажутся съ юга, отъ Чиге-чинзы, рядомъ довольно высокихъ гребней, имѣющихъ параллельное направленіе и идущихъ отъ Баркульскаго залома Хамійскаго хребта къ горамъ Богдо-ола, служа такимъ образомъ связью между Карлыкъ-тагомъ и горами системы Тянь-Шаня. Но высота этихъ складокъ весьма незначительна и во всякомъ случаѣ эти горы ниже не только Бэй-Шаньскихъ хребтовъ, *но и Янчинской гряды, съ запада ограничивающей котловину Отунъ-коза и идущей въ южномъ направленіи до встрѣчи съ горами Бэй-Шаня*".

Такимъ образомъ горъ, которыя съ юга опоясываютъ котловину Отунъ-коза (или котловину Чиге-чинза, Цзи-ге-тингзе, какъ ее называетъ Обручевъ), *я вовсе не относилъ къ горамъ Бэй-Шаня, такъ какъ считалъ ихъ всегда только частью Тянь-Шаня;* но я видѣлъ то, чего не видѣлъ Обручевъ, а именно, что южнѣе конца Чоглу-чай'ской гряды залегаетъ глубокая щель, тѣснина, можетъ быть, именно та знаменитая «Долина бѣсовъ», о которой выше повѣствовалось неоднократно [1]), по южную сторону коей уже и возвышаются, по моему мнѣнію, передовыя цѣпи Бэй-Шаня.

---

[1]) См. стр. 422, 423, 437.

Обручевъ предполагаетъ, что Тянь-Шань отъ Бэй-Шаня отдѣляется въ этомъ мѣстѣ *широкой* впадиной. Мнѣ же думается, что именно здѣсь Яндунскій протокъ, *проходящій южнѣе «Долины бѣсовъ»*, представляетъ *такую же тѣснину* [1]), какъ и эта послѣдняя, и что именно здѣсь наблюдается наиболѣе близкая связь между горами Тянь-Шаня и Бэй-Шаня; иными словами, я хочу думать, *что Яндунское русло пробивается черезъ гряды Бэй-Шаня,* т. е. что мы имѣемъ здѣсь совершенно такое-же явленіе, какъ и на югѣ, гдѣ р. Шу-лэй-хэ (Булунзиръ) западнѣе мѣстечка Шантопо, *пробивается* черезъ сильно разрушенную гранитную (сѣрые и красные граниты съ выдѣленіемъ кварца) гряду сѣверо-восточнаго простиранія, смыкающую горы Сань-сянь-цзы (можетъ быть, и Нань-Шань'скій отрогъ) съ горами Бо-сянь-цзы (Бэй-Шаньскія горы), но только, конечно, уже въ большемъ масштабѣ. Конечно, такое предположеніе мое нѣсколько подрываетъ довѣріе къ существованію Притяньшаньской и Принаньшаньской впадинъ въ томъ ихъ объемѣ, какой взятъ для нихъ г. Обручевымъ, но это только лишній разъ доказываетъ, съ какой осторожностью слѣдуетъ создавать теоріи, касающіяся рельефа Средней Азіи.

Что же касается до того, могутъ-ли горы, окаймляющія съ юга котловину Отунъ-коза, считаться продолженіемъ Джаргёза, то мнѣ кажется это просто невѣроятнымъ, въ силу нижеслѣдующихъ соображеній. Въ томъ пунктѣ, гдѣ Джаргёзъ отвѣтвляется отъ Богдо-Ола, имѣется обширное вздутіе; далѣе же къ востоку хребетъ понижается и идетъ уже однимъ только гребнемъ, въ чемъ мы имѣли возможность убѣдиться дважды, а именно—при переходѣ этихъ горъ черезъ перевалы Буйлукъ и Уланъ-усу. При этомъ никакихъ слѣдовъ, указывающихъ на сложный характеръ южныхъ склоновъ этой части Тянь-Шаня обнаружено не было; отсутствіе продольныхъ долинъ, правильность поперечныхъ ущелій, однообразіе геогностическаго состава отроговъ, все это, наоборотъ, указывало на крайнюю простоту въ строеніи этихъ горъ. У перевала Уланъ-усу магистральный хребетъ сразу понижается и переходитъ въ массивное плато, отроги котораго на сѣверѣ въ безпорядкѣ громоздятся на джунгарскомъ плоскогоріи, а на югѣ скалистыми гребнями уходятъ въ сторону Притяньшаньской впадины, хотя въ главныхъ своихъ цѣпяхъ и имѣютъ почти широтное простираніе. Одной изъ такихъ цѣпей и является помянутая выше—Янчинская, съ юго-запада окаймляющая котловину Отунъ-коза. При такомъ расположенiи горныхъ массъ, конечно, нѣтъ основанiй считать Янчинскую гряду прямымъ продолженiемъ Джаргёза.

---

[1]) Къ этому мы вернемся во II томѣ.

Но это не все. Обручевъ свою гипотезу о двурядности прилагаетъ и къ дальнѣйшей части Тянь-Шаня, между меридiанами Иванъ-чанза и Хами; а именно, онъ полагаетъ, хотя и съ оговоркой, что южную цѣпь его на всемъ этомъ протяженiи составляетъ примкнувшая къ нему Чоглу-чай'ская гряда. Согласиться съ этимъ трудно уже потому, что Чоглу-чай'ская гряда сложена изъ песчаниковъ, а въ сложенiи южныхъ склоновъ этой части Тянь-Шаня главное участiе принимаютъ метаморфическiе сланцы (главнѣйшимъ образомъ кремнистый) и, какъ мы это уже видѣли выше—гранитъ [1]).

Переходимъ за симъ къ Карлыкъ-тагу.

Обручевъ пишетъ: «Подошва хребта къ востоку отъ меридiана Хами отступаетъ нѣсколько на югъ и въ группѣ Карлыкъ-тага уже нельзя отличить тѣхъ двухъ параллельныхъ цѣпей, которыя видны (?) западнѣе этого меридiана».

Вотъ какъ, однако, описываетъ Потанинъ перевалъ Кошётыдаванъ [2]).

«Дорога подымается по скату колѣнами и выходитъ на гребень хребта. Съ вершины перевала былъ открытый видъ на восточную часть Баркульской долины, на сѣверной сторонѣ которой поднимается высокая Мэчинъ-ола; на югъ, напротивъ, видъ загораживается ближайшими горами и ограничивается только верхней частью ущелья, по которой спускается дорога. Верхняя часть ущелья, пологая и просторная, лежитъ между плоскими горами, но внизу ущелье съуживается и бока стекающей сюда рѣчки становятся утесистыми. Вершина перевала слагается изъ глинисто-хлоритоваго сланца, линiя паденiя котораго на сѣверо-западъ h. 10,0; ∟ 32^0; ниже она смѣняется серпентиномъ, а еще ниже крупно-зернистымъ гранитомъ».

Пржевальскiй говоритъ почти то же самое [3]).

«Подъемъ на перевалъ черезъ Тянь-Шань съ сѣверной стороны тянется около 5 верстъ и сравнительно очень удобенъ по своему природному характеру. Съ высшей точки перевала (8700 ф.) открывается отличный видъ на Баркульскую долину, но Хамійская пустыня заслонена горами. Южный склонъ втрое длиннѣе сѣвернаго; притомъ горы здѣсь еще болѣе дики, болѣе изборождены ущельями и, въ общемъ, безплоднѣе. Первыя 6—7 верстъ спускъ довольно пологій и мѣстность луговая. Затѣмъ начинается ущелье, очень узкое, съ боковъ же обставленное громадными скалами сначала зеленоватаго глинистаго сланца, затѣмъ кремнистаго глинистаго сланца, а въ нижней части крупно-зернистаго гранита».

---

[1]) См. стр. 431.

Кстати замѣчу, что черезъ эту часть Тянь-Шаня имѣется нѣсколько переваловъ въ Баркуль. Изъ нихъ наибольшей извѣстностью пользуются слѣдующiе три: Либачуанъ-дабанъ (изъ Чиге-чинзы), Джигдинскiй и Хулугу (изъ Хами). Крайнее селенiе къ западу въ этихъ горахъ носитъ названiе Саиръ-кира (нынѣ разрушенъ); оно лежитъ на востокъ отъ Джигды; еще далѣе на востокъ намъ были названы слѣдующiя селенiя: Урхуль (5 домовъ) Торятэ (30 дом.), Халгатъ (20 дом.), Хулугу (6 дом.) и Олонъ-булакъ (2 дома).

[2]) Op. cit. I, стр. 157.

[3]) Op. cit. стр. 65.

Къ этому я могу добавить слѣдующее.

Съ перевала Кошёты-даванъ (Кошауты, по мѣстному произношенію) на востокъ сбѣгаетъ рѣчка, которая затѣмъ течетъ долиной, правый склонъ которой состоитъ цѣликомъ изъ гранитовъ, а лѣвый изъ породъ, по преимуществу, осадочныхъ [1]). Эта рѣчка—Гаибъ, въ долинѣ которой расположены селенія Кошётынынъ-аузе и вышеупомянутыя два — Кизылъ-яръ и Адра [2]). Мнѣ говорили, что до селенія Кошётынынъ-аузе подъемъ довольно пологъ и только уже отсюда дорожка круто взбѣгаетъ на перевалъ. Отъ Бахдаша къ востоку раздѣленіе гранитныхъ массъ отъ породъ осадочныхъ не выступаетъ столь рѣзко, но все же его можно прослѣдить за Хотунъ-тамъ. Изъ вышесказаннаго, какъ кажется, не можетъ не явствовать, что если Тянь-Шань гдѣ и заслуживаетъ названія двуряднаго, то только въ своей восточной оконечности—въ горахъ Карлыкъ-тагъ.

За симъ, чтобы покончить съ Тянь-Шанемъ, мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о той мѣстности, которая съ запада примыкаетъ къ Хамійскимъ горамъ.

Если отъ перевала Уланъ-усу мысленно провести линію на сѣверо-востокъ до встрѣчи съ Баркульской грядой, то между этой грядой, имѣющей сѣверо-западное простираніе, и нашей линіей окажется треугольникъ, заполненный короткими, невысокими кряжиками широтнаго простиранія. Только въ непосредственной близи къ перевалу имѣются горы, направляющіяся своими опускающимися концами на сѣверъ; это—отроги того массивнаго плато, въ которое расплывается здѣсь пониженная часть магистральнаго Тянь-

---

[1]) Въ томъ общемъ спискѣ, который былъ мнѣ пока переданъ И. В. Мушкетовымъ, отдѣльно породы эти не названы. Но названія ихъ я приведу въ II томѣ настоящаго труда.

[2]) См. стр. 480. Существованіе въ этой долинѣ трехъ поселеній доказываетъ, что ширина ея должна быть значительной.

Шаня и которое съ востока ограничено долиной, служившей когда-то для колеснаго сообщенія между Джунгаріей и Хами (такъ называемая «калмыцкая дорога») [1]).

Плоскогоріе, на которомъ разбросаны эти горы, возвышается съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ. Равнодѣйствующая пройдетъ, такимъ образомъ, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, гдѣ мѣстность и достигаетъ абсолютнаго превышенія, равнаго, примѣрно, 5.500 футамъ. Точка эта будетъ соотвѣтствовать выходу колесной дороги, которая изъ котловины Отунъ-коза подымается тутъ на Восточно-Джунгарское плоскогоріе [2]). Если слѣдовать этой дорогой на югъ, то мы сразу спускаемся въ ущелье, сперва котловино-образно расширенное (котловина Туфи-гуа), а затѣмъ переходящее въ тѣснину съ высокими стѣнами, сложенными изъ глинистыхъ сланцевъ, обнаруживающихъ здѣсь очень сложную складчатость. Въ то время, какъ сланцы эти возвышаются надъ Восточно-Джунгарскимъ плоскогоріемъ лишь незначительно (едва на 100—300 футовъ), ихъ относительная высота надъ впадиной Отунъ-коза уже очень замѣтна и колеблется между 2000—2500 футовъ; а такъ какъ они въ то же время тѣсно примыкаютъ къ вышеупомянутому плато на западѣ и къ Хамійскимъ горамъ на востокѣ, то и *кажутся,* если смотрѣть на нихъ съ юга, *восточнымъ продолженіемъ магистральнаго Тянь-Шаня.*

Восточную окраину котловины Туфи-гуа образуютъ діабазы, которые съ одной стороны огромными куполами примыкаютъ къ Баркульскимъ горамъ, а съ другой, пересѣкая дорогу ниже станціи Туфи-гуа, внѣдряются между помянутыми глинистыми сланцами и эпидотовыми сланцами (съ жилами и прожилками кварца), слагающими какъ почву восточной части Восточно-Джунгарскаго плоскогорія, такъ и большинство покрывающихъ его гривъ и холмовъ. Еще дальше на западъ и сѣверъ опять появляются глинистые сланцы.

Если мы припомнимъ, что не вдалекѣ отсюда обширными площадями выступаютъ порфиры и мелафиры и что въ мѣстѣ излома Хамійскихъ горъ (Баркульскія высоты) къ нимъ примыкаетъ не только высокое вздутіе Восточно-Джунгарскаго плоскогорія, но и загадочная Чоглу-чай'ская гряда, сходящаяся съ Баркульскими горами почти подъ прямымъ угломъ, то мы поймемъ, сколь сложные тектоническіе процессы должны были нагромоздить здѣсь всю эту громаду горъ, которую до настоящаго времени принято считать за магистральный Тянь-Шань.

---

[1]) См. выше, стр. 241—244.

[2]) Или, какъ я его называлъ также—Баркульское.

Можно-ли, не смотря на все вышеизложенное, и впредь держаться того же взгляда, это скажетъ намъ въ недалекомъ будущемъ Обручевъ, который обѣщаетъ въ своемъ подробномъ отчетѣ критически разработать имѣющіеся уже матерьялы по геологіи и орографіи Восточнаго Тянь-Шаня. Искреннимъ пожеланіемъ полнаго успѣха въ этомъ дѣлѣ я и желалъ-бы закончить свой настоящій отвѣтъ помянутому изслѣдователю Средней Азіи.

Въ заключеніе я привожу нѣкоторыя климатическія данныя за періодъ времени съ 26 ноября по 13 февраля 18$^{89}/_{90}$ года.

Общее число дней наблюденія было—79. Изъ нихъ безоблачныхъ или подернутыхъ легкими облаками, вообще ясныхъ, насчитывалось 40 дней, облачныхъ же и пасмурныхъ—39 дней. Дней съ осадками (снѣгомъ) было всего 13, что составитъ на общее число облачныхъ дней 38,2%, а на общее число дней наблюденія 16,5% — результатъ неожиданный, если вспомнить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мѣстностью, лежащей чуть не въ центрѣ Азіатскаго материка. Впрочемъ, я долженъ оговориться. Снѣгъ выпадалъ преимущественно только въ подгорной полосѣ; южнѣе же Хами если и падалъ, то въ столь ничтожномъ количествѣ, что уже дня черезъ два, благодаря крайней сухости воздуха, испарялся безъ остатка.

Вѣтренныхъ дней было 21; изъ нихъ съ сильнымъ вѣтромъ, да и то дувшимъ порывами, насчитывалось не болѣе трехъ; такихъ же, когда вѣтеръ усиливался до степени бури, было всего только 2 (27 и 28 ноября) [1]. Въ Хами и къ западу отъ него преобладали сѣверные вѣтры (СВ. С. СЗ), при передвиженіи же нашемъ къ востоку южные и юго-западные вѣтры, которые, начинаясь около 10 ч. утра, дули до 3 ч. поп. и потомъ стихали. Я считаю ихъ за бризы. Обширныя скопленія снѣга, лежавшаго здѣсь, т. е. въ Карлыкъ-таг'скихъ горахъ, въ плоскости, перпендикулярной солнечнымъ лучамъ, отражали послѣдніе въ воздухъ, который сильно согрѣвался и восходящимъ столбомъ уносился въ сторону наименѣе нагрѣтыхъ частей континента, а именно безснѣжныхъ горъ Бэй-Шаня; взамѣнъ же оттуда приносились сюда болѣе холодные струи воздуха. Конечно, къ веснѣ явленіе должно было-бы здѣсь измѣниться въ обратномъ порядкѣ, но намъ не довелось уже быть свидѣтелями такой перемѣны.

---

[1] Вѣтеръ въ эти дни дулъ съ сѣвера и сѣверо-запада.

Не могу не обратить вниманія читателя еще на слѣдующую особенность дующихъ здѣсь вѣтровъ: тогда какъ въ Турфанѣ сѣверо-восточные вѣтры самые холодные, здѣсь, въ Хами, они всегда приносятъ за собой нѣкоторое повышеніе температуры. Я объясняю себѣ явленіе это разностью въ абсолютной высотѣ возвышающихся къ сѣверу отъ этихъ мѣстностей горъ.

На пути къ Хами сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ приходится перевалить черезъ вѣчно-снѣговую цѣпь Карлыкъ-тага, южные склоны которой почти на три тысячи футовъ превышаютъ относительную высоту сѣверныхъ; изъ чего уже слѣдуетъ, что сѣверо-восточный вѣтеръ, переваливъ Карлыкъ-тагъ, долженъ имѣть въ Хами температуру, нѣсколько бо́льшую чѣмъ въ Джунгаріи. Но это не все. Вѣтеръ этотъ, не смотря на его сухость, всетаки заключаетъ еще нѣкоторое количество водяныхъ паровъ, которые при огромномъ подъемѣ сгущаются и выдѣляютъ скрытую теплоту; такимъ образомъ, при подъемѣ на Карлыкъ-таг'скій хребетъ онъ охлаждается въ значительно меньшей степени, чѣмъ нагрѣвается при спускѣ съ него. Совсѣмъ иное мы видимъ въ Турфанѣ, на пути къ которому нѣтъ сколько нибудь значительныхъ горъ.

Наивысшая изъ температуръ, нами наблюдавшихся, равнялась +7°,5 (27 января, въ 1 ч. дня); при этомъ не лишне замѣтить, что термометръ нерѣдко подымался выше 0°, какъ до, такъ и послѣ этой высокой температуры. Впервые онъ перешелъ на плюсъ еще 20 декабря (+0,5 въ 1 ч. дня), но такой теплый день былъ единственнымъ въ декабрѣ; начиная же съ 11 января, мы видимъ, что термометръ почти постоянно подымается въ полдень и въ 1 ч. поп. до +1°, +2°, +3°, +4° и +5°; 5 градусовъ тепла мы наблюдали четыре раза въ теченіе января — 21, 22, 23 и 29 числа, и разъ въ теченіе февраля, а именно 12 числа, когда суточная амплитуда достигла своего максимума, а именно 22°.

Наименьшая изъ наблюдавшихся нами температуръ равнялась —25° (29 ноября, въ 5 ч. утра); но, вообще говоря, термометръ почти постоянно показывалъ минимумъ свыше 10°, такъ что зиму даже въ Хами, не говоря уже о подгорной части оазиса, ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать мягкой. Не разъ мы испытывали морозы, достигавшіе — 17°, — 18°, — 19° и даже — 21° (30 ноября, въ 2 ч. 30 м. ночи, 1 и 5 декабря въ 6 ч. утра, 5 и 9 февраля въ 6 — 6 ч. 30 м. утра).

Что же касается амплитудъ, то, кромѣ вышеупомянутой, наибольшія наблюдались 26 ноября (18°), 24 декабря (12°,5), 11 и 12 января (12°,5), 27 января (15°,5) и, наконецъ, 29 января (17°); но, вообще, онѣ колебались между 5° и 10°.

Конецъ перваго тома.

Приложение I.

АБСОЛЮТНЫЯ ВЫСОТЫ

опредѣленныя экспедиціей.

Обработалъ Ал. Тилло.

Для опредѣленія высотъ Гг. Грумъ-Гржимайло имѣли въ путешествіи 1889 и 1890 годовъ два прибора: 1) Гипсотермометръ № II и 2) анероидъ Готтингера.

До путешествія гипсотермометръ провѣренъ не былъ, а по возвращеніи былъ изслѣдованъ въ Главной Физической Обсерваторіи, при чемъ получилась слѣдующая таблица поправокъ.

Упругость паровъ по терм.	Поправка.	Упругость паровъ по терм.	Поправка	Упругость паровъ по терм.	Поправка.
760 . . .	+ 4.3	640 . . .	+ 14.2	520 . . .	+ 16.5
750 . . .	+ 5.4	630 . . .	+ 14.1	510 . . .	+ 17.4
740 . . .	+ 6.6	620 . . .	+ 14.0	500 . . .	+ 18.4
730 . . .	+ 7.7	610 . . .	+ 14.0	490 . . .	+ 19.6
720 . . .	+ 8.9	600 . . .	+ 14.2	480 . . .	+ 20.0
710 . . .	+ 10.2	590 . . .	+ 14.3	470 . . .	+ 20.3
700 . . .	+ 11.4	580 . . .	+ 14.2	460 . . .	+ 20.2
690 . . .	+ 12.4	570 . . .	+ 14.3	450 . . .	+ 20.0
680 . . .	+ 13.3	560 . . .	+ 14.6	440 . . .	+ 20.0
670 . . .	+ 13.5	550 . . .	+ 14.9	430 . . .	+ 20.0
660 . . .	+ 13.8	540 . . .	+ 15.2	420 . . .	+ 20.2
650 . . .	+ 14.0	530 . . .	+ 15.6		

Время провѣрки. Февраль 1891 г.

Поправки эти выведены изъ сличенія съ барометромъ, приведеннымъ къ Парижу.

Анероидъ системы Готтингера былъ похищенъ подъ конецъ экспедиціи въ Гученѣ въ октябрѣ 1890 г. и потому его поправки могутъ быть выведены только изъ одновременныхъ отсчетовъ по анероиду и по гипсотермометру во время самого путешествія. Крупныя дѣленія анероида были слѣдующія: 300, 500, 1000, 2000, 2500, 3000 и 3500. Поправки отъ компенсаціи не превышали ошибокъ наблюденій и пренебрежены.

Располагая одновременные отчеты анероида и гипсотермометра по убывающимъ температурамъ, получимъ слѣдующую таблицу.

	Гипсотермометръ.	Анероидъ.			Гипсотермометръ.	Анероидъ.	
1)	100.3	321	дѣленіе.	6)	93.75	1813	дѣленіе.
	99.9	430	„		93.4	1866	„
2)	98.2	794	„		93.4	1891	„
	97.5	987	„		93.3	1885	„
	97.3	1019	„	7)	92.9	1985	„
3)	96.95	1104	„		92.65	2050	„
	96.9	1131	„		92.6	2085	„
	96.7	1157	„		92.35	2060	„
	96.3	1261	„	8)	91.5	2237	„
	96.2	1283	„		90.5	2500	„
4)	95.7	1394	„		90.0	2297 [1]	„
	95.6	1456	„	9)	89.7	2631	„
	95.5	1498	„		89.4	2696	„
	95.2	1513	„	10)	88.5	2821	„
5)	94.9	1539	„		88.2	2884	„
	94.9	1607	„		88.1	2789	„
	94.6	1600	„	11)	87.4	3030	„
	94.55	1710	„		87.0	3080	„
	94.3	1694	„	12)	84.9	3363	„

Эти 39 сличеній соединены мною въ 12 группъ, дабы исключить случайныя погрѣшности, и въ слѣдующей таблицѣ, въ предпослѣднемъ столбцѣ, показаны истинныя давленія, соотвѣтствующія показаніямъ анероида.

---

[1] Это наблюденіе не принято во вниманіе, какъ сомнительное и противорѣчащее прочимъ.

Таблица А.

Группы	Гипсотермометръ.	Анероидъ.	Истинное давленіе въ мил.	△
1-я	100.1	375	767.0	
2-я	97.7	933	710.9	0.10
3-я	96.6	1187	685.5	0.10
4-я	95.5	1465	659.5	0.09
5-я	94.6	1630	638.4	0.13
6-я	93.5	1864	613.6	0.11
7-я	92.6	2045	593.8	0.11
8-я	91.0	2368	560.8	0.10
9-я	89.55	2663	533.4	0.09
10-я	88.3	2831	511.7	0.13
11-я	87.2	3055	492.2	0.09
12-я	84.9	3363	451.6	0.13

Для полученія миллиметровъ предпослѣдняго столбца приняты во вниманіе данныя выше поправки гипсотермометра въ 1891 году.

Дѣленія анероида, въ разныхъ мѣстахъ шкалы, соотвѣтствуютъ слѣдующимъ величинамъ давленія въ миллиметрахъ.

Таблица Б.

				Одному дѣленію анероида соотвѣтствуетъ:	
Отъ	375	до	933	0.101	миллим.
„	933	„	1187	0.100	„
„	1187	„	1465	0.094	„
„	1465	„	1630	0.128	„
„	1630	„	1864	0.106	„
„	1864	„	2045	0.109	„
„	2045	„	2368	0.102	„
„	2368	„	2663	0.090	„
„	2663	„	2831	0.129	„
„	2831	„	3055	0.087	„
„	3055	„	3363	0.132	„

Въ общемъ среднемъ видно, что одному дѣленію соотвѣтствуетъ приблизительно 0.1 миллиметра, т. е. каждое дѣленіе шкалы вообще соотвѣтствуетъ одному метру высоты.

Вышеприведенная таблица служила для полученія истиннаго давленія по анероиду въ 103 пунктахъ, гдѣ наблюденій по гипсотермометру не имѣется. При этомъ поступалось слѣдующимъ образомъ, какъ пояснимъ на примѣрѣ. На перевалѣ Нилки по анероиду отсчитано 2376. По таблицѣ А, отсчету анероида 2368 соотвѣтствуетъ истинное давленіе 560.8 миллиметра. Чтобы получить истинное давленіе при отсчетѣ 2376, беремъ изъ таблицы коэфиціентъ 0.09. Умножая его на 8, т. е. на разность между 2376—2368, получимъ 0.7 миллиметра. Вычитая изъ 560.8, найдемъ, что дѣленію 2376 соотвѣтствуетъ давленіе равное 560.1. Числа таблицы Б показаны подъ заголовкомъ △ въ предъидущей таблицѣ А, но лишь съ двумя десятичными знаками, достаточными для вычисленій.

Для вычисленія высотъ надъ уровнемъ моря, кромѣ наблюденныхъ въ соотвѣтствующихъ пунктахъ давленія воздуха по анероиду или по гипсотермометру и температуры воздуха, необходимо еще имѣть значенія давленія воздуха и температуры на уровнѣ самого моря. Съ этою цѣлью мы воспользовались слѣдующими трудами: 1) Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи и Азіатскаго материка на основаніи наблюденій съ 1836 по 1885 г. Изслѣдованіе А. Тилло. С.-Петербургъ. 1890. XXI т. Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Общей Географіи и 2) Atlas der Meteorologie von Julius Hann (Berghaus Physikalischer Atlas, zweite Ausgabe) Gotha. 1889. Данныя, такимъ образомъ полученныя, сведены въ таблицы, изъ которыхъ легко было на глазъ получить давленіе и температуру воздуха для требуемаго числа, по старому стилю. Слѣдуетъ добавить, что давленіе воздуха опредѣлено по моему атласу, а температура взята по атласу Ю. Ханна, для нѣкоторой средней точки всего пути, пройденнаго экспедиціей Гг. Грумъ-Гржимайло. Неточность, происходящая отъ принятія давленія середины всего пути вмѣсто давленія каждаго пункта, составляетъ ± 1.5 миллиметра.

Давленіе въ миллиметрахъ 700+.

Мѣсяцы.	I	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII	VIII.	IX	X.	XI	XII.
Числа.												
3	71.5	69.5	67.0	62.5	59.5	54.5	51.0	54.5	61.0	66.0	69.5	69.5
8	71.1	69.0	66.3	62.0	58.7	53.9	51.5	55.5	61.9	66.4	69.5	69.8
13	70.8	68.6	65.5	61.5	57.9	53.3	52.1	56.6	62.7	66.8	69.5	70.1
18	70.5	68.2	67.7	61.0	57.0	52.7	52.7	57.7	63.5	67.2	69.5	70.5
23	70.1	67.8	64.0	60.5	56.1	52.1	53.3	58.8	64.4	68.0	69.5	70.8
28	69.8	67.4	63.3	60.0	55.3	51.5	53.9	59.9	65.2	68.7	69.5	71.1

Температура въ градусахъ Ц.

Мѣсяцы.	I.	II.	III	IV.	V.	VI.	VII.	VIII	IX.	X.	XI.	XII.
Числа.												
3	—6	0	6	12	18	24	30	24	18	12	6	0
8	—5	1	7	13	19	25	29	23	17	11	5	—1
13	—4	2	8	14	20	26	28	22	16	10	4	—2
18	—3	3	9	15	21	27	27	21	15	9	3	—3
23	—2	4	10	16	22	28	26	20	14	8	2	—4
28	—1	5	11	17	23	29	25	19	13	7	1	—5

Окончательные результаты, для 148 пунктовъ, приведены въ метрахъ и въ футахъ въ особой таблицѣ B, въ концѣ настоящей статьи. Высоты вычислены при помощи таблицъ Фоглера 1) при давленіяхъ не ниже 540 мил., а для болѣе низкихъ взяты таблицы при сочиненіи H. Hartl, Praktische Anleitung zum Höhenmessen. Wien. 1884.

Что касается особенно интереснаго пункта въ Турфанской низменности, а именно Лукчунъ-кыра, то для него вычисленіе исполнено по двумъ различнымъ предположеніямъ.

I. Принимая давленіе для уровня океана въ этомъ мѣстѣ нормальное, соотвѣтствующее дню наблюденія, на основаніи моего Атласа распредѣленія давленія въ Россійской Имперіи и на Азіатскомъ материкѣ, а именно $^{15}/_{27}$ октября 767.0.

II. Пользуясь всѣми соотвѣтствующими наблюденіями.

На основаніи лѣтописей Главной Физической Обсерваторіи 1889 года и особенной выписки изъ архива той же Обсерваторіи, на Азіатскомъ материкѣ, въ полдень $^{15}/_{27}$ октября 1889 года, атмосферное давленіе было распредѣлено, какъ видно на прилагаемой изобарной картѣ, составленной на основаніи слѣдующей таблицы, въ которой давленіе, показанное для перечисленныхъ въ таблицѣ пунктовъ, приведено къ уровню моря и широтѣ 45°.

		милл.			милл.
1.	Красноярскъ	784.2	13.	Сургутъ	766.9
2.	Енисейскъ	787.7	14.	Коканъ	766.4
3.	Минусинскъ	781.1	15.	Кашгаръ	764.5
4.	Томскъ	774.4	16.	Урга	764.4
5.	Иркутскъ	774.2	17.	Омскъ	764.4
6.	Туруханскъ	773.9	18.	Вѣрное	762.2
7.	Барнаулъ	773.5	19.	Тобольскъ	761.3
8.	Каинскъ	771.6	20.	Пекинъ	760.6
9.	Якутскъ	770.9	21.	Чемульпо	759.6
10.	Зайсанскъ	770.1	22.	Уданъ	758.7
11.	Пржевальскъ	767.2	23.	Владивостокъ	755.0
12.	Нарынскъ	767.2	24.	Екатеринбургъ	755.0

По изобарной картѣ, для Лукчунъ-кыра давленіе въ полдень $^{15}/_{27}$ октября 1889 года было приблизительно такое же, какъ данное выше нормальное его значеніе для этого же дня, а именно 767.0 миллиметровъ.

Итакъ, чтобы опредѣлить абсолютную высоту Лукчунъ-кыра, мы имѣемъ слѣдующія данныя:

---

1) Graphische Barometertafeln von Ch. Vogler. Braunschweig. 1880.

Давленіе воздуха		наблюденное	771.7
„	„	на уровнѣ моря	767.0
Температ.	„	наблюденная	— 2° Ц.
„	„	на уровнѣ моря	+ 10 „
Средняя температура			+ 4 „

Таблицы Фоглера даютъ слѣдующій результатъ:

Лукчунъ-кыръ ниже уровня океана на 50 метровъ (164 фута). Этому результату слѣдуетъ приписать вѣроятную ошибку ± 25 метровъ (82 фута).

Важное географическое значеніе впадины, открытой въ самомъ центрѣ Азіатскаго материка, не требуетъ поясненія, и слѣдуетъ только нынѣ же указать на огромную пользу, которую можно будетъ ожидать отъ устройства въ низменности Турфана правильной метеорологической станціи для изученія въ теченіе цѣлаго годового оборота хода давленія воздуха и другихъ климатическихъ элементовъ. Весьма существенно было бы получить въ этой же мѣстности опредѣленіе силы тяжести, при помощи оборотнаго маятника Репсольда и опредѣлить геометрической нивеллировкою истинное превышеніе надъ уровнемъ моря.

Дабы дать сужденіе о точности наблюденій, можно привести слѣдующія сличенія:

Въ двухъ только точкахъ гг. Грумъ-Гржимайло дѣлали опредѣленія по два раза, а именно въ

1) Моръ-голѣ	въ	февралѣ 1890 г.	абс.	высота	3839	англ.	фут.
„	„	сентябрѣ	„	„ „	4111	„	„
2) Су-чжоу	„	мартѣ	„	„ „	4977	„	„
„	„	сентябрѣ	„	„ „	4994	„	„

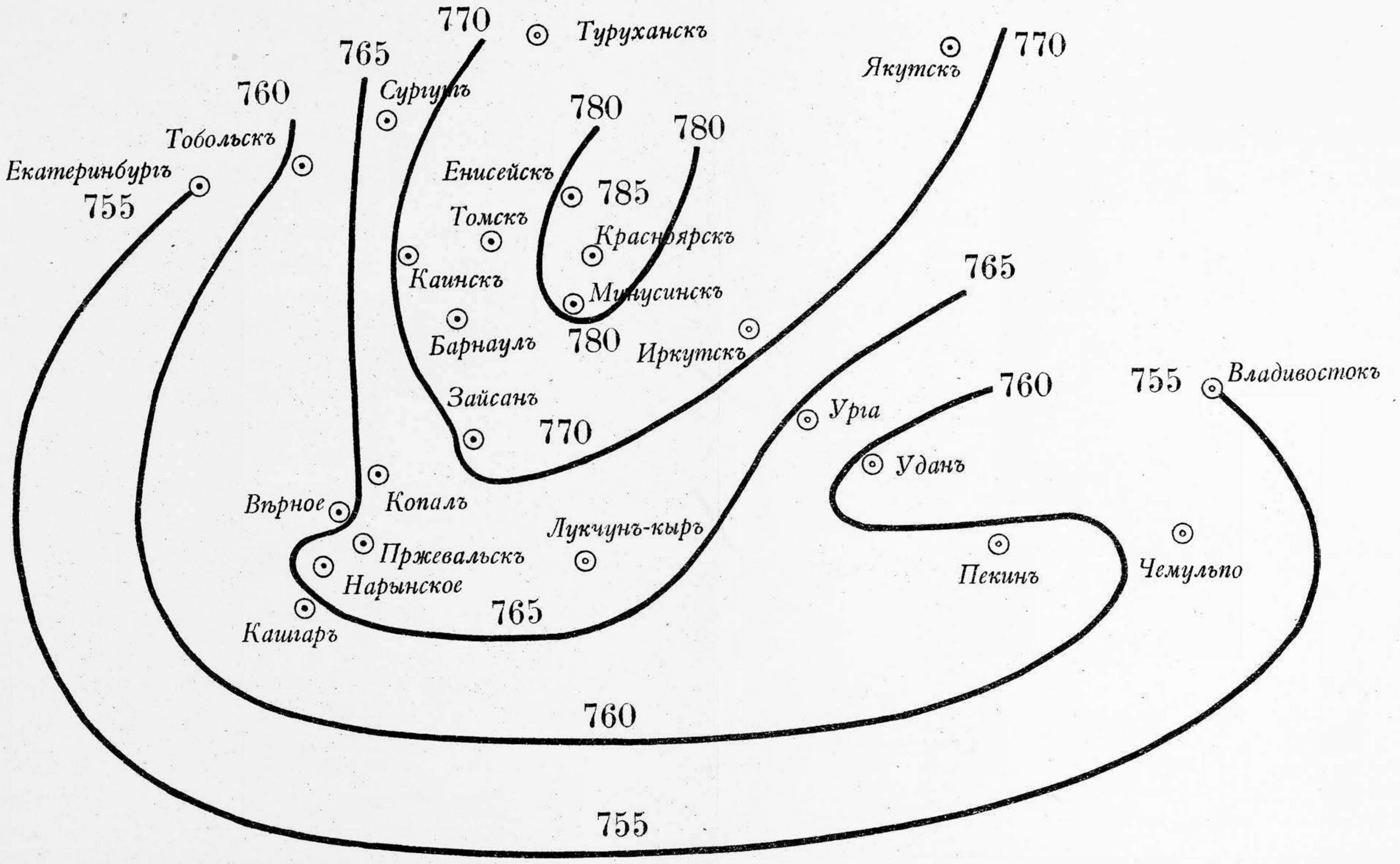
Въ слѣдуюшихъ шести точкахъ имѣлись уже прежде опредѣленія другихъ путешественниковъ. Вотъ сличенія данныхъ гг. Грумъ-Гржимайло съ прежде найденными высотами, въ англійскихъ футахъ:

	Грумъ Гржимайло.			
Гашунъ	2080		2100	По картѣ Азіатской Россіи В. Т. О. Главнаго Штаба въ масштабѣ 100 верстъ въ англ. дюймахъ.
Гученъ	2710		2300	
Хами	2762		2810	
Куфи	3379		3700	
Аньси	3310		4810 [1]	
Су-чжоу	4985	(среднее)	5540 [2]	

---

[1] Что опредѣленіе зто ошибочно, видно изъ цѣлаго ряда опредѣленій, сдѣланныхъ нами отъ Ань-си до Юй-мына, т. е. вверхъ по рѣкѣ Булунзиръ (Шулай-хэ). *Прим. автора.*

[2] По новѣйшимъ опредѣленіямъ другихъ путешественниковъ Су-чжоу лежитъ на абс. высотѣ 5032 ф. (1540 метровъ); разница съ нашимъ сентябрьскимъ опредѣленіемъ можетъ быть объяснена тѣмъ, что бивуакъ нашъ расположенъ былъ на болотистой лужайкѣ, въ полуверстѣ къ сѣверу отъ города, т. е. въ мѣстности болѣе низкой, чѣмъ та, на которой расположенъ городъ. *Прим. автора.*


770
Туруханскъ
765
Сургутъ
760
Тобольскъ
Екатеринбургъ
755
780
780
Енисейскъ
785
Томскъ
Красноярскъ
Каинскъ
Минусинскъ
Барнаулъ
780
Иркутскъ
Якутскъ
770
765
Зайсанъ
770
Урга
760
755
Владивостокъ
Уданъ
Вѣрное
Копалъ
Лукчунъ-кыръ
Пржевальскъ
Нарынское
Кашгаръ
765
Пекинъ
Чемульпо
760
755

ИЗОБАРЫ

АТМОСФЕРНАГО ДАВЛЕНІЯ НА АЗІАТСКОМЪ МАТЕРИКѢ

въ полдень 15 (27) Октября 1889 г.

для вычисленія обсолютной высоты Лукчунъ-кыра.

Составилъ Ал. Тилло.

Масштабъ 1:30.000.000.—Давленіе въ миллиметрахъ.

Таблица В.

Абсолютныя высоты.

(Числа по старому стилю).

Наименованіе пунктовъ.	Анер.	Вн. т.	Нар. т.	Гипсотерм.	Мѣсяцъ.	Число	Время.	Годъ.	Метр.	Англ. фут.
Джаркентъ	1019	27°	23°	97,°3	Май.	24	12 ч. дня.	1889	645	2116
Суйдунъ	1110	28,°5	30°		»	31	днемъ.	»	756	2480
Кульджа	1046	24°	30°		Іюнь.	2	12 ч. дня.	»	671	2201
Нижній предѣлъ березы на р. Боробогосунъ	1590	28°	24°	93,°4	»	5	10 » »	»	1390	4560
Уроч. Учъ-табанъ .	1866	20,°5	21°	93,°4	»	7	12 » »	»	1830	6004
Пер. Цитерты . . .	2376	20°	20°		»	8	около 12 ч.	»	2587	8488
Уроч. Толье	883	31°	32,°5		»	10	12 ч.	»	460	1509
Уроч. Богусъ - зуслунъ	2297	20°	17°	90°	»	15	12 »	»	2862	9390
Пер. Шалуаръ . . .	2789	12°	7°	88,°1	»	17	12 »	»	3350	1099
Уроч. Цзянъ-цзюньголъ	1797	27°	30°		»	28	7 ч. утра.	»	1707	5600
Луджанъ	2060	23°	20,°5	92,°35	Іюль.	4	12 ч.	»	2148	7047
Уроч. Фы-хо	1885	25°	23°	93,°3	»	12	12 »	»	1854	6083
Урумчи	1261	32°	30,°5	96,°3	»	26	12 »	»	936	3071
Озеро Богдо-ола . .	1985	18°	21°	92,°9	Августъ.	2	12 »	»	1986	6516
Линія вѣчнаго снѣга на Богдо-ола .				87,°3	»	4	около 12 ч.	»	3682	12080
Гашунъ	987	19°	22,°5	97,°5	»	29	12 ч.	»	634	2080
Гученъ	1131	27°	22°	96,°9	Сентябрь.	10	12 »	»	826	2710
Моро-хо	1513	21°	14,°5	95,°2	»	15	12 »	»	1328	4357
Уланъ-усу (Джанъ-Булакъ)	1694	11°	6,°5	94,°3	»	22	12 »	»	1586	5204
Перев. Уланъ-усу . .	»	»	2°	91,°9	Октябрь.	4	12 »	»	2311	7582
Перев. Буйлукъ . .	2798	— 3°	—11°		»	1	около 12 ч.	»	3165	10384
Баянъ-хо.	1709	2°	— 4°		»	1	4 ч. утра.	»	1592	5223
Чиктымъ, сел. въ 4 в. къ с.-з. отъ укр. Чиктымъ . .	»	»	3°	98°	»	6	12 ч.	»	540	1772
Лемджинъ	»	»	8°	98,°85	»	9	12 »	»	330	1082
Янъ-булакъ	430	11,°5	13°	99,°9	»	13	12 »	»	53	174
Лукчунъ-кыръ . . .	321	1°,25	— 2°	100,°3	»	15	12 »	»	—50	— 164
Дга	434	11,°5	14°		Ноябрь	8	7 ч. утра.	»	91	299
Перев. черезъ Чолъ-тагъ	1163	10°	6,°25		Октябрь.	20	около 8 ч. у.	»	902	2958
Уроч. Катаръ-холгунъ	1084	13°	11°		»	21	» 10 » »	»	813	2667
Долина безъ названія	1280	18°	12°		»	22	» 11 » »	»	1047	3435
Ильтырганъ	1420	12°	7,°25		»	24	7 ч. у.	»	1210	3970
Торакъ-булакъ зап.	1565	15°	0,°5		»	27	7 » »	»	1403	4603
» » вост.	1642	2,25	— 4°		»	28	послѣ полудня.	»	1510	4954
Урусъ-кіикъ-ульдыбулакъ	1615	— 7°	— 9°,5		»	30	5 ч. веч.	»	1461	4793
Бурупту	1309	11°	2°		»	31	8 » »	»	1067	3501
Курукъ-тауракъ . .	1400	7°	2°,25	98,°97	Ноябрь.	2	5 » »	»	1181	3875
Пичанъ	»	»	0°	98,°2	»	22	12 » дня.	»	316	1037
Укр. Чиктымъ . . .	794	0°	0°,5		»	24	12 » »	»	545	1788
Кыркъ-ортунъ . . .	881	8°,5	— 1,°5		»	26	около 7 ч веч.	»	577	1893
Янчи	1504	0°	— 4°		»	28	5 ч. утра.	»	1294	4245
Отунъ-коза	1036	—10°	—17,°5		»	29	» » »	»	728	2388
Чоглу-чай	1595	— 7°	—15°		»	30	» » »	»	1401	4597
Иванъ-чанза	1652	—12°	—13°,5		»	30	коло 12 ч. дня.	»	1490	4889
Лодунъ	1498	—11°,5	—13°,5	95,°5(—15,°5)	Декабрь.	2	12 ч. дня.	»	1206	3957
Постоялый дворъ (пикетъ)	1499	— 6°	—10°		»	3	8 » утра.	»	1265	4150

Наименованіе пунктовъ.	Анер.	Вн. т.	Нар. т.	Гипсотерм.	Мѣсяцъ.	Число.	Время.	Годъ.	Метр.	Англ. фут.
Джигда	1299	—11°	—11°		Декабрь.	5	5 ч. у.	1889	1027	3369
Тогучи	997	— 1°,5	— 6°,5		»	5	1 ч. пополуд.	»	701	2300
Астына	1065	—11°	—15°		»	7	7 ч. у.	»	764	2508
Хами	1104	0°	2°	96°,95	Январь.	3	12 ч.	1890	842	2762
Ташаръ	1157	— 0°,5	— 1°	96,°7	»	29	12 »	»	898	2946
Ортамъ	1369	— 3°	— 6°		»	31	7 ч. утра.	»	1120	3675
Хотунъ-тамъ	1813	— 2°,3	— 5°	93,°75	Февраль.	10	12 » дня.	»	1722	5650
Чинъ-шень	1800	— 9°	— 3°,5		»	11	10 » утра.	»	1709	5607
Моръ-голь	1394	1°	— 3°	95,°7 (3°)	»	12	12 » дня.	»	1170	3839
Моръ-голъ черезъ 8 мѣс., при обр. слѣд.	1456	18°	28°	95,°6 (17,°5)	Сентябрь.	25	около 12 ч. дн.	»	1253	4111
Янъ-дунъ	1062	9°	5°		Февраль	15	2 ч. поп.	»	778	2553
Куфи	1283	4°	— 1°	96,°2	»	16	12 ч. поп.	»	1030	3379
Са-чанза	1569	8°	4°		»	17	4 » дня.	»	1405	4610
Гранитная гряда А.	1620	1°	— 2°,5		»	18	9 » утра.	»	1466	4810
» » В.	1680	8°	0°		»	18	11 » »	»	1559	5115
Пер. чер. горы Табенъ-мёо	1920	7°	1°		»	18	1 ч. поп.	»	1896	6221
Шинь-шинь-ша	1891	1°,5	— 0°,5	93,°4	»	19	12 »	»	1837	6027
Маляджинза	1842	11°	6°		»	20	3 ч поп.	»	1792	5879
Тао-чуанъ	1851	10°	4°		»	21	3 » »	»	1806	5925
Хунъ-лю-янза	1860	16°	5°		»	22	4 » »	»	1821	5975
Питунза	1678	17°,5	15°,5		»	23	2 » »	»	1605	5266
Ань-си	1305	— 9°	—14°		»	27	7½ ч. утра.	»	1009	3310
Шао-ванъ	1507	—12°	—11,°5		»	28	7 ч. »	»	1266	4154
Перев. черезъ горы Санъ-сянь-цзы	1600	10°	6°		Мартъ.	3	около 10 ч. у.	»	1455	4774
Шанто-по	1535	12°	14°		»	3	2 ч. поп.	»	1372	4501
Булунджи	1339	12°,5	8°	94,°9	»	5	12 » »	»	1616	5351
Чидо-го	1503	16°	11°		»	8	2 » »	»	1306	4285
Сандо-го	1646	12°	10°		»	9	2 ч. поп.	»	1530	5020
Юй-мынъ	1671	9°	3°		»	12	7 ч. утра.	»	1550	5085
Чинъ-чинъ-ша	1708	12°	7°,5		»	12	5 ч. веч.	»	1614	5295
Шинь-шинъ-хо	1793	11°	6°		»	13	4 ч. веч.	»	1718	5637
Хуй-хуй-по	1897	16°	8,°5		»	14	5 » »	»	1880	6168
Дзя-юй-гуань	1832	18°	12°,5		»	15	2 ч. поп.	»	1786	5860
Су-чжоу	1600	19°	17°	94,°6	»	20	12 » »	»	1517	4977
» при обратн. слѣдов.	1710	24°	21°	94,°55	Сентябрь.	1	2 » »	»	1522	4994
Ингень-жа	1651	22°	18°		Мартъ.	28	2 » »	»	1538	5046
Чинъ-шуи-ченъ	1698	20°	12°		»	29	ок 2 ч. поп.	«	1593	5226
Хуа-ши-по	1948	22,°5	17°,5		»	30	» » » »	»	1967	6453
Гаөтай	1544	11°	11°		»	31	» 4 » »	»	1349	4426
Фу-и	1630	16°	21°,5		Апрѣль.	2	3 ч. поп.	»	1512	4961
Са-хэ	1720	28°	24°,5		»	4	9 ч утра.	»	1658	5440
Гань-чжоу	1645	10°	11°		»	6	2 ч. дня.	»	1512	4961
Пифунъ-ча	1765	32°	24°,5		»	8	1 » »	»	1680	5512
Нань-Гученъ	2205	22°,5	20°		»	9	12 » »	»	2359	7740
Кум. Матиссе	2500	5°	— 2°	90°,5	»	12	12 » »	»	2657	8717
Джанъ-манзей	2237	12°,5	1°		»	19	7 ч. утра.	»	2332	7651
Хунъ-фы-чинъ	2237	13°,5	8°	91°,5	»	20	7 » »	»	2403	7884
Ур. Шива-гу	2573	3°	4°		»	22	7 » »	»	2832	9291
Пер. Убо-линза	3054	15°	?		»	23	1 » поп.	»	3612	11851
Пер. Джи-нань-линь	3144	23°	12°		»	24	1 » »	»	3870	12697
Ю-нань-чень	2821	24°,5	16,°5	88°,5 (3°)	»	26	12 ч. дня.	»	3321	10896
Датунгъ	2631	26°,5	21,°75	89°,7	»	30	12 » »	»	3007	9866
Ур. Каза-хо	2586	17°,5	10°		Май.	3	10 ч. утра.	»	2880	9449
Пер. Са-дабанъ	3115		12°		»	3	12 ч. дня.	»	3810	12497
Мео Гумансы			16,°5	90,°1	»	9	12 час.	»	2863	9393
Шинъ-чень	2367		14°		»	10	1 ч. дня.	»	2569	8626
Ущ. Ласа-хо	2624	5°	3°		»	15	2 ч. »	»	2880	9449
Пер. Джуса	2910	9°	4°,5		»	17	9 ч. утра.	»	3385	11106
Мынъ-дынъ-ша	2696	24°5	21°,5	89°,4	Іюнь.	9	8 » »	»	3053	9748

Наименованіе пунктовъ.	Анер.	Вн. т.	Нар. т.	Гипсотерм.	Мѣсяцъ.	Число	Время.	Годъ.	Метр.	Англ. фут.
Пер. Лянжа-сянь	3125	7°	4°,5		Іюнь.	23	1 ч дня.	1890	3761	12339
Чанъ-ху-цзы	2737	12°	14°,5		»	30	7 ч. утра.	»	3123	10246
Станов. на р. Хуанъ-хэ	2275	29°	23°,5		»	30	5 ч. поп.	»	2434	7986
Пер. Хунъ-іоза	3121	19°,5	13°		Іюль.	17	9 ч. утра.	»	3816	12520
Пер. изъ Шала-хото на р. Ара-голъ	2975	20°,5	16°		»	18	8 » »	»	3552	11654
Юж. б. Куку-Нора. Р. Хара-мори	2884	22°.5	26°	88°,2	»	25	около 12 ч. д.	»	3416	11207
Граница осыпей у ур. Мури (перев.).	3262	22°,5	19°		Августъ.	6	12 ч. дня.	»	4203	13789
Р. Да-тунгъ	3000	»	10°		»	7	3 ч. »	»	3542	11618
Пер. Черикъ	3304	13°	10°,5		»	8	11 ч. утра.	»	4246	13931
» Лоху-ши	3363	6°	2°	84,°9	»	21	11 » »	»	4323	14183
» Шюа-дабанъ	3285	10°	3°		»	22	10 » »	»	4140	13583
» Шуба-чо	3080	18°	13°	87°	»	24	11 » »	»	3744	12284
Пер. Чинъ-шую-шань	3030	9°	23°	87,°4	»	23	10 » »	»	3603	11821
Морена у оз. Хэй-цзы	2980	16°	10°		»	24	1 ч. поп.	»	3551	11650
И-манъ-фу-цзы	1508	11°	14°		Сентябрь.	7	7 ч. утра.	»	1297	4255
Кол. Шидунъ	1607	22°,5	26°	94,°9	»	10	12 ч. дня.	»	1438	4718
Станов. на р. Юймынской, ея пов. на зап.	1600	10°	12°		»	11	7 ч. утра.	»	1449	4754
Кол. Улунъ-чуанъ	1802	5°	9°		»	13	6 » »	»	1727	5666
Кл. Луджаи-джинъ	2013	1°	3°		»	14	6 » »	»	2030	6660
Кл. Луцо-гу	2050	5°	2°	92,°65 (14°)	»	15	12 ч. дня.	»	2065	6775
Долина между Борю-бул. и Багамаджинъ-сяньск. горами	2060	8°	?		»	16	10 ч. утра.	»	2100	6890
Каменноугол. копи	2090	16°	?		»	16	11 » »	»	2145	7038
Гор. Нюнъ-сянь-гола	2120	21°	9°		»	16	2 ч. дня.	»	2212	7257
Пер. черезъ Багамаджинъ-сянь	2170	8°	13°		»	17	10 ч. утра.	»	2302	7553
Лю-джинза	2030	4°	4°		»	19	6 » »	»	2075	6791
Пер. черезъ горы, замык. котловину Лю-джинза	2080	2°	?		»	19	10 » »	»	2140	7021
Лоба-ченъ	2050	2°	4°		»	20	6 » »	»	2103	6900
Пер. черезъ гряду № 616	2070	12°	10°		»	20	9 » »	»	2146	7024
Подъемъ мѣстн. у кр. № 620	2105	12°	10°		»	20	10 » »	»	2201	7221
Пер. черезъ хр. Чиге-чинза	2145	12°	10°		»	20	12 ч. дня.	»	2261	7418
Р. Джидже-гу	2085	12°	10°	92,°6 (9°)	»	20	12 » »	»	2116	6942
Долина къ сѣв.	2065	5°	?		»	22	7 ч. утра.	»	2130	6988
Іошуй-дабанъ	2085	6°	5°		»	22	9 » »	»	2155	7070
Отунъ-тазы-чанъ	1945	—2°	—3°		»	23	5 » »	»	1862	6109
Язы-чанъ	1605	24°	20°		»	23	1 ч. поп.	»	1496	4908
Отунъ-коза	1450	1°	0°		»	24	3 ч. п. (гроза)	»	1201	3940
Пер. Тöшикъ-тагъ	2115	13°	?		»	27	9 ч. утра.	»	2188	7179
» Тагнэ-дабанъ	2185	12°,5	10°		»	27	10 » »	»	2319	7608
Ур. Бахдашъ	1980	20°			»	27	3 ч. поп.	»	2024	6640
Токучи	1030	8°	8°,5		Октябрь.	4	4 ч. утра.	»	736	2416
Турачи	1278	13°	10°		»	5	9 ч. »	»	1032	3386
Чиге-чинза	1200	4°	9°		»	7	6 » »	»	943	3095
Туфи-гуа	1656	4°	2°		»	8	6 » »	»	1542	5059
Пер. № 1	1735	6°,5	4°		»	8	8 » »	»	1653	5423
» № 2	1770	6°,5	4°		»	8	9 » »	»	1695	5561
Да-шиту	1570	3°	0°		»	9	7 » »	»	1401	4597
Сангы-чанза	1550	5°	0°		»	10	8 » »	»	1388	4554
Лао-ченъ (Куръ-кара-усу)	»	»	2°	98°	Ноябрь.	1	12 ч. дня.	»	563	1847

СПИСОКЪ ПТИЦЪ,

собранныхъ нами во время путешествія въ Западный Китай [1]).

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
ACCIPITRES.										
Falcones.										
Falkonidae.										
Accipitrinae.										
Circus.										
C. cyaneus, L	*		*							
„ cineraceus, Mont	*									
Astur.										
A. palumbarius, L.			*						*	
Accipiter.										
A. nisus, L			*							
„ virgatus, Temm.					*					Видъ этотъ другими русскими путешественниками не былъ найденъ въ Средней Азіи (Плеске).
Buteoninae.										
Buteo.										
B. ferox, Gm.	*		*							
„ leucocephalus, Hodgs. . .	*									
Aquilinae.										
Gypaëtus.										
G. barbatus, L		*								
Nisaëtus.										
N. minutus, Brehm		*								
Falco.										
F. babylonicus, Gurn. . . .			*							
„ subbuteo, L	*	*								
„ regulus, Pall.			*			*			*	
Cerchneis.										
C. tinnunculus, L	*	*	*	*		*	*		*	
Erythropus.										
E. amurensis, Radde					*					

---

[1]) Коллекція собранныхъ нами птицъ обработана академикомъ Ф. Д. Плеске („Die ornithologische Ausbeute der Expedition der Gebrüder G. u. M. Grum-Grzimailo nach Central Asien“ въ „Mélanges biologiques“, t. XIII, livr. 2, стр. 273—301).

Привожу здѣсь дословно его предисловіе къ этой работѣ.

Die letzte Expedition der Gebrüder G. und M. Grum-Grzimailo nach Central-Asien hat in allerhand wissenschaftlichen Organen so häufig Erwähnung gefunden, dass eine detaillirte Auseinandersetzung ihrer Zwecke und ihres Verlaufes an diesem Orte sich wohl kaum als nothwendig erweisen dürfte... Neben der geographischen Aufnahme des bereisten Landes, war es besonders die Entomologie, welcher die Gebrüder Grum-Grzimailo ihre besondere Aufmerksamkeit schenkten, und mögen die in dieser Hinsicht erzielten Resultate, namentlich in Hinsicht der Tagfalter (***Rhopalocera***), wohl ganz einzig dastehen. Nebenbei wurde aber auch eifrig an der Anlegung einer Sammlung centralasiatischer Wirbelthiere, die für das Zoologische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bestimmt war, gearbeitet. Diese Sammlung ist äusserst reichhaltig ausgefallen, da sie

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Striges.										
Bubonidae.										
Scops.										
S. giu, Scop	*									
Bubo.										
B. turcomanus, Ev.			*							
„ ignavus, Forst						*		*		
Asio.										
A. otus, L	*		*							
Striginae.										
Carine.										
C. bactriana, Hutt.			*			*	*		*	
PASSERIFORMES.										
Passeres.										
Corvidae.										
Corvus.										
C. corax, L	*	*	*		*				*	
Colaeus.										
C. monedula collaris, Drumm.	*		*						*	
„ dauricus, Pall			*							
„ neglectus, Schleg			*							
Corone.										
C. corone, L.			*							
Nucifraga.										
N. caryocatactes, L		*								

153 Säugethierfelle, 58 Schädel und 72 kleine Säuger in Weingeist, 1048 Vogelbälge, 120 Reptilien und 90 Fische und darunter eine Reihe Seltenheiten ersten Ranges, wie z. B. vier Felle, 3 Schädel und ein fast vollständiges Skelett des ***Equus Przewalskii***, enthält. Dazu haben die Gebrüder Grum-Grzimailo nur an wenigen Stellen die von Przewalski bereisten Gegenden berührt, so dass die Materialien der genannten Reisenden sich gegenseitig vortrefflich completiren. Um die ornithologische Ausbeute der Expedition richtig beurtheilen zu können, müssen wir bemerken, dass dieselbe an Wintervögeln verhältnissmässig reichhaltiger ist, wahrscheinlich weil in dieser Jahreszeit der Ornithologie grössere Aufmerksamkeit geschenkt werden konnte. Die Anzahl der gesammelten Arten ist nicht gerade gross zu nennen, doch dürfte dieser Umstand seinen Grund darin haben, dass ich Herrn G. Grum-Grzimailo bei seiner Abreise gebeten hatte, möglichst wenig ***Grallatores*** und ***Natatores*** zu sammeln, um das sehr beengte Museum der Akademie nicht mit solchem Material zu versehen, das wir bereits in Menge aus Central-Asien besitzen. Die interessantesten Stücke der ornithologischen Sammlung der Gebrüder Grum-Grzimailo sind: ein ***Accipiter virgatus***, ein Paar ***Falco babylonicus***, ein ***Erythropus amurensis*** und eine ***Loxia curvirostra himalayana***, die aus den, von der letzten Expedition berührten, Gegenden noch nicht bekannt waren; ferner Nester mit Eiern von ***Chloris sinica***, ***Carpodacus pulcherrimus***, ***Parus superciliosus*** und ***Herbivocula affinis***, Eier von ***Perdix sifanica*** und ***Phasianus Strauchii***, so wie Exemplare des ***Crossoptilon auritum*** im Jugendkleide und Dunenjunge von ***Ibidorhyncha Struthersii***. In zoogeographischer Hinsicht hat die Erforschung des Nordabhanges des Njan-schan das interessante Ergebniss geliefert, dass die Nordgrenze vieler central-chinesischer Arten, die bis jetzt nicht nördlicher als in dem Gebirgslande Amdo (centraler Theil von Ganssu) nachgewiesen worden waren, an den Nordabhang des Njan-schan versetzt werden muss. Endlich hat das reichhaltige Material an Fasanen aus den Umgebungen von Ssutschoû die Möglichkeit verschafft, die, noch von Przewalski als ***Phasianus satscheuensis*** bezeichnete, Form genauer zu begründen. Die Beschreibung und Abbildung einiger interessanter Stücke aus der Sammlung der Gebrüder Grum-Grzimailo gedenke ich bei Gelegenheit der Behandlung der betreffenden Arten in den „Wissenschaftlichen Resultaten der Reisen Przewalski's“ zu liefern, so wie auch an genannten Orte zu versuchen, auf Grund aller Sammlungen aus Central-Asien ein Gesammtbild über die Verbreitung der Vögel in Central-Asien zu entwerfen.

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Podoces.										
P. Hendersoni, Hume. . . .			*		*					
„ humilis, Hume						*		*		
Cyanopica.										
C. cyanea, Pall.						*				
Sturnidae										
Sturnus.										
S. vulgaris Menzbieri, Sharpe.	*	*								
Poliopsar.										
P. cineraceus, Temm						*	*			
Fringillidae.										
Coccothraustinae.										
Chloris.										
Chl. sinica, L.						*	*			При семъ одно гнѣздо съ 4 яйцами (10. VI. 1890).
Fringillinae.										
Fringilla.										
Fr. montifringilla, L		*	*							
Carduelis.										
C. carduelis major, Tacz. . .	*									
„ caniceps, Vig.		*								
Chrysomitris.										
Chr. spinus, L				*						
Acanthis.										
A. cannabina fringillirostris, Bp.	*									Отличительные признаки A. cannabina fringillirostris не выступаютъ явственно на этихъ экземплярахъ; тѣмъ не менѣе я хотѣлъ бы причислить ихъ къ названной формѣ въ виду того, что длина крыла достигаетъ у нихъ 81 mm. (Пл.).
„ brevirostris, Bp.				*		*	*			При семъ гнѣздо съ 1 яйцомъ (15. VI. 1890).
Montifringilla.										
M. alpicola, Pall.					*					
„ sordida, Stol.				*						
„ nemoricola, Hodgs. . . .						*	*			
„ haematopygia, Gould. . .						*				
„ Mandellii, Hume						*				
„ ruficollis, Blanf.						*	*			
Bucanetes.										
B. mongolicus, Swinh. . . .		*				*	*			
Petronia.										
P. petronia, L.	*	*								
Passer.										
P. montanus, L.	*	*	*	*					*	
„ Stoliczkae, Hume			*		*					
Serinus.										
S. pusillus, Pall.				*						
Carpodacus.										
C. erythrinus, Pall							*			

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
C. rubicilloides, Przew. . . .						*				
„ rhodochlamys, Brdt. . . .		*	*	*						
„ dubius, Przew.						*				
„ pulcherrimus, Hodgs. . .						*	*			При семъ гнѣздо съ 2 яйцами.
„ Stoliczkae, Hume							*			
Pyrrhospiza.										
P. longirostris, Przew . . .							*			
Uragus.										
U. sibiricus, Pall.	*			*						
Loxia.										
L. curvirostra himalayana, Hodgs.						*				Видъ этотъ другими русскими путешественниками не былъ найденъ въ Средней Азіи (Пл.).
Emberizinae.										
Pyrrhulorhyncha.										
P. pyrrhuloides, Pall.					*					
Emberiza										
E. schoeniclus, L			*	*					*	
„ Buchanani, Blyth.	*	*								
„ cia, L.		*	*	*						
„ cioides, Brandt				*						
„ Godlewskii, Tacz.				*		*	*			При семъ гнѣздо съ 3 яйцами.
„ leucocephala, Gmel . . .		*				*				
„ spodocephala, Pall. . . .						*				
Urocynchramus.										
Ur. Pylzowi, Przew.						*	*			
Alaudidae.										
Otocorys.										
Ot. Elwesi, Brandt.		*	*	*	*			*		
Melanocorypha.										
Mel. maxima, Gould								*		
Alauda.										
Al. arvensis cantarella, Bp. .		*								
„ „ liopus, Hodgs . .							*	*		При семъ гнѣздо.
Alaudula.										
Al. pispoletta Seebohmi, Sharpe.	*		*							
Motacillidae.										
Motacilla.										
M. alba baicalensis, Swinh. .									*	Перелетъ 23—28 марта.
„ personata, Gould		*								
„ lugens, Kittl.						*	*			
„ borealis, Sund	*									
„ citreola, Pall.						*				
„ citreoloides, Hodgs. . . .						*	*			
„ melanope, Pall.		*				*				
Anthus.										
Anth. striolatus, Blyth. . . .							*			
„ spipoletta, L.		*	*							Тяньшанскіе экземпляры принадлежатъ не къ азіятской разновидности (A. spipoletta Blackistoni), а къ типической европейской формѣ (Пл.).
„ rosaceus, Hodgs. . . .						*	*			При семъ гнѣздо, яйца и птенцы.

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Certhiidae										
Certhia.										
C familiaris, L.				*		*				
Tichodroma										
T. muraria, L			*			*	*		*	При семъ гнѣздо съ 3 яйцами.
Paridae.										
Parus.										
P superciliosus, Przew.						*	*			При семъ гнѣздо съ 5 яйцами.
„ cyanus tianschanicus, Menzb			*	*						
Poecile.										
P. affinis, Przew.						*				
Calamophilus.										
C. biarmicus sibiricus, Bp.	*		*							
Leptopoecile.										
L. Sophiae, Sew.				*		*			*	
Lophobasileus										
L. elegans, Przew.						*				
Regulidae										
Regulus.										
R. cristatus japonicus, Bp.						*				
Laniidae.										
Lanius										
L sphenocercus, Cab.			*							
„ mollis, Ev.			*							
„ borealis sibiricus, Bogd.									*	
„ leucopterus, Sew.	*		*							
„ Homeyeri, Cab.			*							
„ excubitor, L.	*									
„ tephronotus, Vig.						*	*			При семъ превосходно-сохранившееся гнѣздо съ 6 яйцами.
„ phoenicuroides Romanowi, Bogd.		*								
Ampelidae										
Ampelis.										
Amp. garrulus, L.	*		*	*	*				*	
Sylviidae.										
Dumeticola.										
D. thoracica, Blyth							*			
Sylvia.										
S. minuscula, Hume.		*			*		*			
„ nana, H. et Ehrb.		*								
Herbivocula.										
H. affinis, Tick						*	*			При семъ два прекрасно-сохранившихся гнѣзда съ яйцами.
Phylloscopus.										
Ph. tristis, Blyth.			*							
„ superciliosus Mandellii, Brooks						*				
„ Humei, Brooks	*		*							

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Turdidae.										
Saxicolinae.										
Pratincola.										
Pr. maura Przewalskii, Plsk. .						*	*			Всѣ экземпляры коллекціи принадлежатъ къ крупной формѣ и вполнѣ подтверждаютъ высказанный мною ранѣе взглядъ (см. Научн. результ. путешествій Пржевальскаго) на центральноазіатскихъ черноголовыхъ чекkановъ (Пл.). При семъ гнѣзда съ яйцами.
Saxicola.										
S. isabellina, Cretzchm. . . .	*					*			*	
„ deserti, Temm.	*		*						*	
„ montana, Gould.									*	
Grandala.										
Gr. coelicolor, Hodgs							*		*	При семъ птенцы.
Ruticillinae.										
Chaemorrhornis.										
Ch. leucocephala, Vig						*				
Ruticilla.										
R. frontalis, Vig						*	*			
„ atrata, Gmel.						*	*			
„ rufiventris, Vieill			*							Въ коллекціи имѣется одна только самка этого вида. Конечно, по самкѣ опредѣлить видъ съ увѣренностью трудно. Думаю, однако, что экземпляръ относится къ сѣверной формѣ азіатской горихвостки, такъ какъ я никогда еще не получалъ типическихъ R. atrata изъ мѣстностей, лежащихъ столь далеко къ сѣверу.
„ Hodgsoni, Moore.						*				
„ erythrogastra Sewerzowi, Lor. et Menzb.			*	*		*			*	
„ erythronota, Ev			*							
„ alaschanica, Przew						*				
„ coeruleocephala, Gould. .		*								
„ shisticeps, Hodgs.						*				
Calliope.										
C. kamtschatkensis, Gmel. . .							*			При семъ гнѣздо съ 5 яйцами.
„ pectoralis, Gould.		*								
„ Tschebaiewi, Przew. . . .						*				
Turdinae.										
Merula.										
M. maxima, Seeb		*	*							
„ Kessleri, Przew.						*	*			
„ atrigularis, Temm.		*	*	*	*				*	
„ ruficollis, Pall.			*		*	*			*	

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Turdus.										
T. viscivorus Hodgsoni, Jerd.		*								
„ pilaris, L.			*							
Monticola.										
M. saxatilis, L.							*			
Cinclidae.										
Cinclus.										
C. kashmiriensis, Gould						*				
„ leucogaster, Bp.				*						
Troglodytidae.										
Anorthura.										
A. pallida, Hume			*	*						
Accentoridae.										
Accentor.										
A. erythropygius, Swinh.							*			
„ altaicus, Brdt.		*								Одинъ экземпляръ линялъ (5 августа).
Tharraleus.										
Th. fulvescens, Sew.		*		*		*				
„ atrigularis, Brdt.				*						
„ rubeculoides, Hodgs.						*				
„ strophiatus, Hodgs						*				
Timeliidae.										
Trochalopterum.										
Tr. Elliotti, Verr.						*			*	
Pterorhinus.										
Pt. Davidi, Verr.						*	*			
Hirundinidae.										
Cotile.										
C. riparia, L.								*		
„ rupestris, Scop.						*				
Hirundo.										
H. daurica, L.							*			
SCANSORES.										
Picidae.										
Picinae.										
Dendrocopus.										
D. Cabanisi, Malh						*	*		*	
Picoides.										
P. tridactylus, L.		*								
Junginae.										
Iynx.										
I. torquilla, L.						*	*			
COCCYGES.										
Cuculidae.										
Cuculus.										
C. canorus, L.							*			

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
CORACIAE.										
Cypselidae.										
Cypselus.										
C. pacificus, Lath.							*	*		
COLUMBAE.										
Columbidae.										
Columba.										
C. rupestris, Bp.		*					*			При семъ яйцо.
„ fusca, Pall.					*					
„ leuconota, Vig.							*			
PTEROCLETFS.										
Pteroclidae.										
Syrrhaptes.										
S. paradoxus, Pall.	*				*					
Pterocles.										
Pt. arenarius, Pall.	*		*		*					
GALLINAE.										
Phasianidae.										
Phasianus.										
Ph. mongolicus semitorquatus, Sew.	*									Изъ серіи лежащихъ передо мною экземпляровъ я убѣдился, что покойный д-ръ Сѣверцовъ былъ вполнѣ правъ, отдѣливъ эту форму отъ сыръ-дарьинскихъ фазановъ (Пл.).
„ Strauchi, Przew.						*	*			При семъ пуховые птенцы и большое число яицъ.
„ satscheuensis, Przew.										Въ коллекціи бр. Грумъ-Гржимайло находится множество экземпляровъ всѣхъ возрастовъ этого вида, открытаго и названнаго Пржевальскимъ. Сравненіе съ Ph. torquatus изъ Амурской Области убѣждаетъ насъ въ томъ, что формы эти специфически различны между собой. Насколько я могу также судить, не имѣя къ тому необходимаго сравнительнаго матерьяла, птица эта не можетъ быть отнесена ни къ виду Ph. formosanus, Swinh., ни къ его разновидности изъ Шень-си, которую описали David и Oustalet (Ois. de Chine, p. 410) (Пл.).

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня	ПРИМѢЧАНІЯ
Crossoptilon.										
Cr. auritum, Pall.						*	*			При семъ нѣсколько птенцовъ. Перья этой птицы мы находили и на сѣверныхъ склонахъ Нань-Шаня.
Ithaginis.										
Ith. sinensis, David.						*				
Tetraonidae.										
Perdicinae.										
Perdix.										
P. barbata, Verr et des Murs.	*	*	*							
„ sifanica, Przew						*	*			Экземпляры всѣхъ возрастовъ; при нихъ нѣсколько кладокъ яицъ.
Tetraogallus.										
T. himalayensis, Gray			*	*						
Tetraoninae.										
Tetrastes.										
T. Sewerzowi, Przew.						*				
ANSERES.										
Anatidae.										
Anserinae.										
Anser.										
Ans. cinereus, Meyer.	*								*	
„ segetum Middengorffii, Sew.										
„ indicus, Lath.						*		*		
Anatinae.										
Anas.										
An. boscas, L.	*	*	*						*	
„ zonorhyncha, Swinh. . . .									*	
Querquedula.										
Qu. circia, L		*								
Dafila.										
D. acuta, L.	*	*							*	
Fuligula.										
F. cristata, L.									*	
Nyroca.										
N. ferruginea, Gmel.									*	
Merginae.										
Mergus.										
M. serrator, L.						*				
GAVIAE.										
Laridae.										
Sterninae.										
Sterna.										
St. hirundo tibetana, Saund. .						*				

ПЕРЕЧЕНЬ ПТИЦЪ.	Бэй-лу.	Тянь-Шань.	Нань-лу.	Карлыкъ-тагъ.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	Культурная полоса вдоль подошвы Нань-Шаня.	ПРИМѢЧАНІЯ.
LIMICOLAE.										
Charadriidae.										
Charadrius.										
Ch. fulvus, Gm.	*									
Aegialitis.										
Aeg. mongolicus, Pall						*				
Vanellus.										
V. cristatus, Meycr.	*									
Scolopacidae.										
Totanus.										
T. ochropus, L.						*				
Tringoides.										
Tr. hypoleucus, L.		*								
Tringa.										
Tr. alpina, L	*									
„ Temminckii, Leisl	*					*				
Gallinago.										
G. scolopacinus, Bp.			*							
„ solitaria, Hodgs			*							
Limosa.										
L. melanura, Leisl.									*	
Ibidorhyncha.										
Ib. Struthersi, Vigors.						*	*			Изъ семи экземпляровъ этой коллекціи 4 находятся въ пуховомъ нарядѣ, нигдѣ, насколько то мнѣ извѣстно, еще не описанномъ (Пл.).
FULICARIAE.										
Rallidae.										
Fulica.										
F. atra, L.									*	
Rallus.										
R. aquaticus, L.	*		*							
PYGOPODES.										
Podicipitidae.										
Podiceps.										
P. minor phillipensis, Bonn.			*							
„ nigricollis, Brehm.						*				
„ cristatus, L								*		

Приложеніе III.

СПИСОКЪ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ,

собранныхъ экспедиціей [1]).

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
RHOPALOCERA.							
Papilionidae.							
Papilio.							
P. podalirius, L.	*						
„ machaon, L.	*				*		
„ „ var asiatica, Mén.					*		
„ paris, L.					*		Одинъ очень плохой экземпляръ на рубежѣ Амдо и Куку-норской провинціи.
Parnassius.							
P. *mercurius*, nobis				*	*	*	
„ actius, Ev.	*						
„ discobolus var. minor, Stgr.	*						Отношу тянь-шанскіе P. discobolus къ этой формѣ, хотя экземпляры гораздо темнѣе и крупнѣе тарбагатайскихъ.
„ apollo var. sibirica, Nordm.	*						При семъ два гибрида съ P. discobolus.
„ nomion *var. nomius*, nobis				*	*	*	
„ delphius *var. acdestis*, nobis.					*		
„ *cephalus*, nobis.					*		Замѣчательный видъ этотъ леталъ по самымъ недоступнымъ осыпямъ Сининскихъ альпъ.
„ imperator *var. musageta*, nobis					*		Слѣдуетъ имѣть въ виду, что восточнѣе Синина форма эта уже смѣняется переходной къ типу.
„ Orléans *var. Groumi*, Oberth.					*		Экземпляры, привезенные мной, оказались свѣтлѣе сычуаньскихъ.
„ Szechenyii, Friv.					*	*	
„ Stubbendorfii, Mén.					*		Амдо'ская форма меньше амурскихъ, корейскихъ и алтайскихъ экземпляровъ моей коллекціи.
Pieridae.							
Mesapia.							
M. peloria, Hew.					*	*	
Aporia.							
Ap. crataegi, L.	*						
„ hippia *var thibetana*, nobis				*	*		Гусеницы въ маѣ на барбарисѣ.
„ Martineti var. Kreitneri, Friv.					*	*	Гусеницы въ іюнѣ на барбарисѣ.

---

[1]) Новыя формы *Rhopalocera*, *Sphinges* и *Bombyces* описаны мною въ „Horae Societ. Ent. Ross.,“ XXV („Lepidoptera nova in Asia Centrali novissime lecta et descripta a Gr. Grum-Grshimailo) XXVII и XXIX („Lepidoptera palaearctica nova“ № 1, 2, 3); новыя формы *Noctuae* и *Geometrae*— С. Н. Алфераки въ „Horae Soc. Ent. Ross.,“ XXVI („Lepidoptera nova a Gr. Grum-Grshimailo in Asia Centrali novissime lecta“) и въ „Iris“, VI, стр. 346. Курсивомъ обозначены новые виды и разновидности, открытые мною.

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Pieris.							
P. Davidis, Oberth. var?					*		Въ Сы-чуанѣ и странѣ Амдо видъ этотъ летаетъ въ нѣсколькихъ формахъ. Я еще не разобрался въ вопросѣ, заслуживаетъ-ли вывезенная мною разность особаго описанія или можетъ быть отнесена къ одной изъ уже описанныхъ формъ.
leucodice, Ev.	*						
napi, L. var.	*						Тянь-шаньскіе napi представляютъ переходъ къ P. Ochsenheimeri, Stgr.
„ „ *var. sifanica*, nobis				*			
„ rapae, L.	*	*	*	*	*	*	
„ brassicae, L.	*						
„ Butleri var. Potanini, Alph.				*	*	*	Въ отличіе отъ типическихъ самки Potanini желтовато-зеленыя.
„ callidice var. orientalis, Alph.	*				*		
„ daplidice, L.	*	*	*	*			
„ ger. I bellidice, O.			*	*			
„ chloridice, Hb.			*		*		
Anthocharis.							
Anth. cardamines, L.	*						
„ Bieti, Oberth.				*	*		
Colias.							
C. erate, Esp.	*	*					
„ „ ab. chrysodona, Boisd.	*						
„ poliographus, Motsch.			*	*	*	*	Въ горахъ Карлыкъ-тагъ летаетъ, повидимому, также эта Colias.
„ „ *ab. hera*, nobis.				*			
„ hyale, L.	*						
„ montium, Oberth.				*	*	*	
„ cocandica *var. maja*, nobis.	*						
„ *sifanica*, nobis.					*		
„ *lada*, nobis.					*		
„ „ *ab. oreas*, nobis					*		
„ eogene *var. arida*, Alph.				*	*	*	
„ „ *ab. wanda*, nobis					*	*	Въ Сининскихъ альпахъ какъ абер., въ Южно-Кукунорскихъ горахъ какъ разновидность.
„ thisoa var. aeolides, nobis.	*						
„ *Felderi*, nobis.					*		
„ *diva*, nobis					*		
„ Fieldii, Mén.				*	*	*	Въ пров. Ганьсу летаетъ только крупная и притомъ очень ярко-окрашенная форма.
Lycaenidae.							
Polyommatus.							
P. dispar var. auratus, Leech.					*		
„ splendens, Stgr.	*						Экземпляры изъ горъ Боро-хоро крупнѣе иссыкъ-кульскихъ и вообще центрально-тяньшаньскихъ.
„ *Slandfussi*, nobis					*		
„ phlaeas, L.	*	*					
Cigaritis.							
C. acamas, Klug.		*					
Lycaena.							
L. *ida*, nobis					*		

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
L. aegon, *var. aegina*, nobis . .	*						
„ argus *var. calmuca*, nobis . .	*						
„ „ *var. sifanica*, nobis. . .				*	*		
„ „ *var. ganssuensis*, nobis.				*	*		
„ *themis*, nobis.					*		
„ Christophi, Stgr.	*	*					
„ Lanti, Oberth.				*	*		
„ orion, Pallas	*						
„ „ *var. orithyia*, nobis . .				*	*		
„ Tengstroemi *var. iliensis*, nobis.	*						
„ „ *var. tangutica*, nobis.					*		
„ pheretes, Hb.					*		
„ pheretiades, Ev	*						
„ orbitulus *var. orbona*, nobis .					*		
„ *dis*, nobis.					*		
„ astrarche, Bgstr.	*	*					
„ myrmecias, Chr.		*					Эта рѣдкая Lycaena, къ сожалѣнію, попалась мнѣ лишь въ одномъ экземплярѣ.
„ eros var. amor, Stgr.	*						
„ „ *var. lama*, nobis.				*			Въ окрестностяхъ Су-чжоу мнѣ попалась Lycaena, которую я затрудняюсь отнести къ одной изъ этихъ двухъ разновидностей Eros.
„ venus *var. sinina*, nobis . .					*	*	
„ *napaea*, nobis.	*						
„ myrrha *var. helena*, nobis . .					*		
„ icarus var. kashgarensis, Moore.		*				*	Разновидность эту я отношу къ формѣ, описанной впервые изъ Восточнаго Туркестана, но затѣмъ найденной и въ Русскомъ Туркестанѣ. Близъ Куку-нора мнѣ попалась самка Icarus, которую я склоненъ также отнести къ этой формѣ.
„ eumedon, Esp.	*				*		
„ argiolus, L		*					
„ prosecusa, Ersch.		*					
„ minima, Fuessl.					*	*	
„ persephatta, Alph	*						
„ semiargus, Rott.	*						
„ arion var. cyanecula, Ev. . .					*		
Erycinidae.							
Polycaena.							
P. tamerlana, Stgr.	*						
„ *lua*, nobis					*		
„ princeps, Oberth. var.					*		Я не имѣю необходимаго сравнительнаго матерьяла для того, чтобы установить разницу между вывезенной мною формой и типомъ изъ Да-цзянъ-лу.
Apaturidae.							
Apatura.							
Ap. ilia var. serarum, Oberth. .				*			
Nymphalidae.							
Neptis.							
N. lucilla var. ludmilla, HS. . .	*						

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Vanessa.							
V. urticae, L.	*			*	*		
„ ladakensis, Moore.				*	*	*	
„ io, L.	*						
„ antiopa, L.	*			*			
Grapta.							
Gr. c album, L.	*			*			
Pyrameis.							
P. cardui, L.	*	*			*		
Melitaea.							
M. aurinia var. asiatica, Stgr	*						
„ arduinna var. rhodopensis Frr?	*						Хотя экземпляры M. arduinna очень ярки и темны, но я съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ рѣшаюсь отнести эту форму къ rhodopensis, Frr.
„ agar, Oberth.					*		
„ sibina *var. dshungarica*, nobis.		*					
„ *Romanovi*, nobis					*		Эта замѣчательная Melitaea была вскорѣ затѣмъ открыта въ горахъ Забайкалья.
„ didyma var. persea, Koll.		*					
„ „ var. ala, Stgr	*						
„ „ *var. latonia*, nobis					*		
„ saxatilis *var. infernalis*, nobis.	*						
„ arcesia *var. chuana*, nobis.					*		
„ asteroides, Stgr. var.	*						
„ parthenie var. alatauica, Stgr.	*						
Argynnis.							
Arg. hegemone, Stgr.	*						
„ pales *var. sifanica*, nobis				*	*	*	
„ „ var. generator, Stgr	*						
„ gong *var. eva*, nobis					*	*	
„ lathonia, L.	*						
„ eugenia *var. rhea*, nobis.				*	*	*	
„ clara, Blanch.				*	*	*	
„ aglaja, L.	*				*	*	
„ niobe var. eris, Meig	*						
„ adippe *var. xipe*, nobis					*		
„ paphia, L	*						
Satyridae.							
Melanargia.							
M. epimede, *var. ganymedes*, nobis.					*		
Erebia.							
Er. turanica var. laeta, Stgr	*						
„ „ *ab. tristis*, nobis.	*						Форма эта, въ горахъ Боро-хоро встрѣченная дважды, далѣе на юго-западъ, въ центральномъ Тянь-Шанѣ, летаетъ уже какъ постоянная разновидность.
„ mongolica, Ersch.	*						
„ calmucca Alph.	*						
„ *alcmena*, nobis.					*		
„ *herse*, nobis.					*		
Oeneis.							
Oen. hora, nobis	*						Форма, летающая въ горахъ Борохоро, нѣсколько отлична отъ той, которая описана мною съ Памира.

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Oen. *vacuna*, nobis				*			
„ *buddha*, nobis					*	*	
„ pumilus var. lama, Alph.					*	*	
Satyrus.							
S. sybillina *var. bianor*, nobis					*		
„ Heydenreichi, Ld.	*						
„ anthe var. enervata, Alph.	*						
„ autonoë, Esp.	*						
„ „ var. extrema, Alph.					*		
„ lehana var. turkestana, nobis.	*						
„ hippolyte, Esp.	*						
„ arethusa, Esp.	*						
„ dryas var. thibetana, Oberth.					*		
„ cordula var. bryce, Hb.	*						
„ „ *var. ganssuensis*, nobis.					*		
Pararge.							
P. deidamia, Ev.					*		
Epinephele.							
Ep. narica, Hb. var.		*	*				Къ сожалѣнію, мнѣ попались только два экземпляра этой формы (самки), по которымъ трудно установить разновидность.
„ kirghisa, Alph. var.	*	*					
„ *sifanica*, nobis.					*		
„ lycaon var. sibirica, Stgr.	*	*					
„ hyperantus var. Bieti, Oberth.					*		
Coenonympha.							
C. iphis var. mahometana, Alph.	*						
„ mongolica, Alph.	*						Въ пескахъ Илійской долины.
„ sinica, Alph.			*				
„ Semenovi, Alph.					*	*	
„ amaryllis, Cr. var.					*		Форма переходная къ evanescens, Alph.
„ sunbecca, Ev.	*						
Triphysa.							
Tr. Dohrnii, Z.				*	*		
Hesperidae.							
Carterocephalus.							
C. argyrostigma, Ev.				*	*		
„ *Christophi*, nobis.					*		
„ gemmatus, Leech.				*	*		
„ flavomaculatus, Oberth.					*		
„ pulchra, Leech (=*ops*, nobis).					*		
Pamphila.							
P. sylvanus, Esp.					*		
„ comma *var. lato*, nobis.					*		
Nisoniades.							
N. popovianus, Nordm.				*			
„ *erebus*, nobis.					*		
Pyrgus.							
P. maculatus, Brem.				*	*		
„ Bieti, Oberth.				*	*		
„ gigas *var. kuenlunus*, nobis.					*	*	
„ cribrellum, Ev.							
„ carthami var. Möschleri, HS.	*						
„ „ *var. sifanicus*, nobis.					*	*	

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
HETEROCERA.							
Sphinges.							
Sphingidae.							
Smerinthus.							
? Sm. populi, L.				*			Видъ опредѣленъ по гусеницамъ, которыхъ воспитать, однако, не удалось.
Macroglossa.							
M. stellatarum, L.	*						
„ *ganssuensis*, nobis.					*		
Zygaenidae.							
Ino.							
In. budensis *var. mollis*, nobis. .					*		
Syntomidae.							
Syntomis.							
S. ganssuensis, nobis.					*		
Bombyces.							
Lithosidae.							
Lithosia.							
L. lutarella, L.	*						
Arctiidae.							
Emydia.							
Em. funerea, Ev.					*		
„ striata, L.					*		
Nemeophila.							
N. plantaginis *var. sifanica*, nobis.					*		
Arctia.							
A. *Romanovi*, nobis.					*		
„ purpurata, L.	*						
„ *Sieversi*, nobis.					*		
„ glaphyra var. Mannii, Alph. .	*						
Spilosoma.							
Sp. fuliginosa, L. var.				*			Перезимовавшихъ гусеницъ я находилъ ранней весной подъ камнями. Изъ куколокъ выходили въ іюнѣ и іюлѣ.
„ roseiventris, Snell.					*		
Hepialidae.							
Hepialus.							
H. *luteus*, nobis.					*		
Cossidae.							
Cossus.							
C. *lucifer*, nobis.					*		
Liparidae.							
Orgyia.							
Org. *confinis*, nobis.					*		Отъ другого вида Orgyia удалось получить только самокъ.

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Dasychira (Dasorgyia).							
D. *Semenovi*, nobis					*		
„ *Alpherakii*, nobis					*		
Leucoma.							
L. salicis. L.				*			
Porthesia.							
P. *nyctea*, nobis					*		
Ocneria.							
Ocn. dispar, L.	*						
Bombycidae							
Bombyx.							
B. neustria, L.	*						
Lasiocampa.							
L. quercifolia.	*						
„ ilicifolia *var. sinina*, nobis.					*		
Saturnidae.							
Saturnia.							
S. Schenckii, Stgr.	*						
Drepanulidae.							
Spica.							
Sp. *parallelangula*, Alph.					*		
NOCTUAE.							
Simyra.							
S. splendida, Stgr.					*		
Acronycta.							
Acr. megacephala *var? Groumi*, Alph.	*						
Agrotis.							
Agr. degeniata *var. aucta*, Alph.					*		
„ „ *var. confinis*, Alph.				*			
„ conspicua, Hb.	*						
„ alpestris, B.					*		
„ plecta, L.					*		
„ *dulcis*, Alph.						*	
„ Ledereri, Ersch.	*						
„ xanthographa, F.				*			
„ islandica var. rossica, Stgr.	*						
„ cursoria, Hufn. var?	*						
„ *varia*, Alph.					*		
„ albivenata, Stgr.				*			Можетъ быть только Tritici var?
„ ononensis, Brem.	*						
„ *parvula*, Alph.					*		
„ corticea var. amurensis, Stgr.					*		
„ senescens var. senilis, Stgr.	*						Летала въ большомъ числѣ днемъ.
„ deserta, Stgr.	*						
„ occulta, L.	*						
Adelphagrotis.							
Ad. prasina, F.	*						

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Rhynchagrotis.							
Rh. chardinyi, B.					*		Летала днемъ по мочежинамъ на абсолютной высотѣ 10.000 ф.!
?Eicomorpha.							
Eic. *argillacea,* Alph.					*		
Spinipalpa (nov. gen).							
Sp. *maculata,* Alph.					*		
Neuronia.							
N. arschanica, Alph.	*						
Mamestra.							
M. altaica, Ld.	*						
„ nebulosa, Hufn. var.	*						
„ pisi, L.	*						
„ advena, F.					*		
„ furcula, Stgr.					*		
„ *texturata,* Alph.					*		
„ sociabilis, Grasl.	*						
„ *satanella,* Alph.					*		
Dianthoecia.							
D. *deliciosa,* Alph.					*		
„ *lurida,* Alph.					*		
„ orientalis, Alph.	*						
Polia.							
P. centralasiae, Stgr.	*						
Heliophobus.							
H. *Grumi,* Alph.						*	Летала днемъ надъ кустиками Acrocome janthina.
„ *anachoretoides,* Alph.						*	
Ulochlaena.							
Ul. *superba,* Alph.				*			
Luperina.							
L. *malitiosa,* Alph.	*						Алфераки съ нѣкоторой нерѣшительностью относитъ великолѣпный видъ этотъ къ роду Luperina.
„ ferrago, Ev.	*	*					
„ inops, Ld. ab.	*						
„ immunda, Ev.	*	*					
„ pexa, Stgr.	*			*			
Pseudohadena.							
Ps. *pugnax,* Alph.		*					
„ siri, Ersch.			*				
Hadena.							
H. lateritia, Hufn.	*						
Miana.							
M. literosa, Hw.					*		
„ bicolaria *var. semicretacea,* Alph.					*		
Trigonophora.							
Tr. *Grumi,* Alph.					*	*	
Hydroecia.							
H. osseola, Stgr.					*		Видъ этотъ былъ описанъ Алфераки какъ H. burkhana.
„ nictitans, Bkh.					*		
Tapinostola.							
T. elymi, Tr. var.	*						
Leucania.							
L. pallens var. melania, Stgr.					*		
„ velutina, Ev.	*						

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Rhizogramma.							
Rh. indica, Wlhr.					*		
Mythimna.							
M. *pectinata*, Alph.						*	
Caradrina.							
C. albina, Ev.		*					
„ vicina, *var. expansa*, Alph.		*					
„ lenta Tr.					*		
„ gluteosa, Tr.					*		
Raddea (nov. gen.).							
R. *digna*, Alph.					*		
Dasypolia.							
D. templi, Thub. var.	*						
„ *pagodae*, Alph.					*		
„ *gerbillus*, Alph.				*			
Cucullia.							
C. *umbristriga*, Alph.					*		
Plusia.							
Pl. bractea, F.	*						
„ chrysitis, L.	*						
„ dives, Ev.					*		
„ mandarina, Frr.		*					
„ Hochenwarthi, Hoch.	*						
„ „ var.					*		
Ala.							
A. *pretiosa*, Alph.				*			
Hypsophila.							
H. *Grumi*, Alph.						*	Летала во множествѣ днемъ надъ кустиками Acrocome janthina
Omorphina (nov. gen.).							
O. *aurantiaca*, Alph.					*		
Isochlora.							
Is. viridis, Stgr.	*						
„ *albivitta*, Alph.				*			
„ *Grumi*, Alph.				*			
„ *arctomys*, Alph.	*						Эта замѣчательная Isochlora найдена была мною въ поясѣ осыпей, на высотѣ 12.000 ф., въ горахъ Богдо-Ола.
Grumia (nov. gen).							
Gr. *flora*, Alph.					*		Эта красивая ночница летала днемъ на мочежинѣ (10.000).
Oxytripia.							
Ox. orbiculosa, Esp.		*					Поймана въ сентябрѣ въ окрестностяхъ Гучена.
Heliothis.							
H. scutosus, Schiff.					*		
„ ononis, F.					*		
Thalpochares.							
Th. arcuinna var. blandula, Rbr.					*		
Erastria.							
Er. deceptaria, Sc.					*		
Leucanitis.							
L. catocalis, Stgr.	*						
„ *scolopax*, Alph.				*	*		
Palpangula.							
P. cestis, Mén.			*				
Catocala.							
C. nupta L. var?				*			
„ elocata, Esp.		*					

ПЕРЕЧЕНЬ ЧАШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Toxocampa.							
T. lubrica, Frr.	*						
Eccrita.							
E. ludicra, Hb.					*		
Hypena.							
H. obesalis, Tr.					*		
GEOMETRAE.							
Phorodesma.							
Ph. smaragdaria, F.					*		
„ Jankowskiaria, Oberth					*		
Eucrostis.							
Euer. impararia, Gn.	*						
Acidalia.							
Ac. umbelaria, Hb.					*		
Stigma.							
St. kuldschaensis, Alph.	*						
Pellonia.							
P. vibicaria var. strigata, Stgr.	*						
„ ***Grumaria***, Alph.					*		
Urapteryx.							
Ur. sambucaria var. persica, Mén.	*						
Rumia.							
R. luteolaria, L.	*						
Hypoplectis.							
H. adspersaria, Hb. var.					*		
Macaria.							
M. ***normata***, Alph.					*		
„ ***anomalata***, Alph.					*		
Anisopteryx.							
An. ***chaoticaria***, Alph.				*			
Boarmia.							
B. ***conjungens***, Alph.					*		
„ bituminaria, Ld.					*		
„ repandata var. subrepandata, Stgr.	*						
„ „ var? maculata, Stgr.					*		
Gnophos.							
Gn. ***difficilis***, Alph.				*			
„ obscuraria var. canaria, Hb.	*						
Eremia.							
Er. teneraria, Stgr.	*						
Phasiane.							
Ph. clathrata, L.	*	*					
Eubolia.							
Eub. murinaria, F.	*						
„ ***cinigeraria***, Alph.					*		
„ ***flavescens***, Alph.					*		
Scodiona.							
Sc. belgaria, Hb.				*			
Scoria							
Sc. lineata, Sc.	*						
Aspilates.							
Asp. acuminaria, Ev.	*						
„ gilvaria var. orientaria Alph.					*		
„ „ ab. insignis, Alph.					*		
Loxaspilates.							
L. ***Fixseni***, Alph.					*		

ПЕРЕЧЕНЬ ЧЕШУЕКРЫЛЫХЪ.	Тянь-Шань.	Джунгарія.	Бэй-Шань.	Нань-Шань.	Амдо.	Куку-норъ.	ПРИМѢЧАНІЯ.
Lozogramma.							
L. petraria, Hb.					*		
Astrapephora (nov. gen.)							
Astr. *Romanovi*, Alph.				*	*		Этотъ великолѣпный видъ леталъ исключительно ночью, при томъ одни самцы; самки же найдены были днемъ и каждый разъ случайно на кустикахъ рододендра.
Ortholitha.							
Orth. ***sinensis***, Alph.					*		
„ ***Erschoffi***, Alph.					*		
Kuldscha.							
K. Staudingeri, Alph.	*						
„ ***Oberthüri***, Alph.					*		
Anaitis.							
A. lemitata, Sc.	*						
Triphosa.							
Tr. albiplaga, Ob.					*		
„ ***amdoensis***, Alph.					*		
Photoscotosia (Trichopleura).							
Ph. ***Leechi***, Alph.					*		
„ palaearctica, Stgr.	*						
Eucosmia.							
Euc. certata, Hb.					*		
Scotosia.							
Sc. ***pulchrata***, Alph.	*						
Stamnodes.							
St. pauperaria var? divitiaria, Stgr.					*		
„ Danilovi, Ersch.					*		
Cidaria.							
C. fulvata, F.				*			
„ ***viperata***, Alph.					*		
„ quadrifasciaria var. ***stupida***, Alph.				*	*		
„ suffumata, Hb.	*						
„ tianschanica, Alph.	*						
„ tauaria, Stgr.	*						
„ neurbouaria, Ob.					*		
„ sociata var. ***dubiosata***, Alph.						*	
„ funerata, Hb.	*				*		
„ ***Semenovi***, Alph.					*		
„ ***excentricata***, Alph.					*		
“ „ ab. *virginea*, Alph					*		
‹ silaceata var. deflavata, Stgr.					*		
„ ***interrogata***, Alph.					*		
„ tersata, Hb.				*	*		
Eupithecia.							
Eup. nobilitata, Stgr.	*						

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ 1).

Абдала, сел., 415.
Абдуръ-чолонъ, ур., 100.
Агликъ, р., 484, 486.
Адона-булукъ, ур., 71.
Адра, сел., 480, 498.
Адункаръ, пер., 99.
Азія, 228, 259, 369, 492.
Акуци, городъ, 437.
Акъ-байталъ, горы, 323.
Акъ-кентъ, сел., 3.
Ала-тау джунгарскій, хр., 4.
Ала-Шань, хр., 291, 312, 443, 446, 452.
Алгой, р., 119.
А-ли-ма, г., 26.
Алимату, кл., 26.
Алтай, горы, 151, 180, 195, 220, 222, 223, 231, 249, 261, 291, 453.
Алтынъ-голъ, р., 74.
Алтынъ-тагъ, хр., 218, 249, 292.
Алтышаръ, обл., 317.
Альмаликъ, др. г., 25, 26, 27, 28.
Альматы, г., 360.
Аму-дарья, р., 231, 364.
Ань-си, г., 97, 443, 463.
Ань-си, пров., 214.
Ань-си-ду-хо-фу, г., 221.
Аральское море, 220, 312.
Арабскій халифатъ, 230.
Артышъ, сел., 133.
Архоту, р., 124, 226.
Асса, отриц. низм., 311, 312, 315, 326, 354, 385.
Асса, сухое русло, 283, 313, 412, 415.
Асса-шаръ, разв., 294, 295, 296, 314, 323, 385, 459.
Астына, сел. турф., 278, 378.
Астына, сел. хам., 438, 494.
Атъ-баши, дол., 249.
Ауатъ, сел., 273, 278, 361, 362, 378.
Ачалъ, пер., 29, 34, 35, 102.
Ачалъ, ур., 35.
Ачикъ-су, ур. (Гашунъ), 190, 196.
Ачикъ-су, ур. (Чолъ-тагъ), 387.
Аяръ, сел., 478.
Аяръ-голъ, р., 478.
Бадаулетъ-курганъ, 267.
Баграчъ-куль, оз., 292, 312, 389.
Баинъ-голъ, ур. и руч., 67.
Бай, сел., 219, 484.
Байкалъ, оз., 229.
Байтыкъ-богдо, горы, 195.
Бай-шань, вулк. 305, 311.
Бай-шань, хам. горы, 311.
Бай-янъ-хэ, кл., 456.
Бактрія, 127, 214, 292.
Балгинтай, р., 101.
Балхашъ, оз. 229, 231, 453.
Баркуль, гор. и обл., 132, 179, 215, 218, 226, 229, 244, 430, 436, 444—446, 456, 466, 495.
Баркульская долина, 120, 132, 226, 243, 444, 448, 449, 494, 498.
Баркульскія горы, 243, 244, 494, 498.
Баркульское плоскогоріе (см. Восточно-джунгарское) 193.
Бауръ, сел., 216, 321, 378.
Бахдашъ, усадьба, 480, 498.
Башъ-тауракъ, ур., 391.
Баяндай, гор., 8, 9, 11, 14, 24.
Баянъ-гу, ур., 70.
Баянъ-хо, р., 44, 235, 251, 255, 257, 258, 259, 264.
Баянъ-хо, сел., 236.
Безъимянный хр., 407, 408, 409, 411, 416.
Бей-лу, см. Бэй-лу.
Билу, древн. влад.. 326, 329.
Билюке, сел., 30.
Бишбалыкъ, гор., 121, 128, 129, 176, 214, 221, 222, 223, 225, 229, 232, 277, 458, 461.
Бійскъ, гор., 112.
Богдо, см. Богдоскія горы.
Богдо, перев., 33.
Богдо-Ола, хреб. и верш., 44, 47, 63, 98, 104, 122, 129, 150, 152—169, 176, 185, 242, 244, 287, 298, 304, 307, 308, 311, 328, 361, 404, 494—496.
Богдоскія горы, 100, 119.
Богусъ-зуслукъ, ур., 44, 45, 185.
Bōrbensin, 232.
Боробогосунъ, р., 29, 31, 32, 105.

---

1) При транскрипціи китайскихъ именъ я держался мѣстнаго выговора, который отличенъ отъ пекинскаго. Случалось, что одно и то же названіе города или урочища мнѣ называли различно; въ такихъ случаяхъ я принималъ то, которое говорилось мѣстными жителями. Не всегда удавалось мнѣ, однако, избѣгать двойныхъ названій для одной и той же мѣстности; например, въ Хами городъ Чинъ-шень мнѣ называли Шинъ-ченъ; это названіе попало и въ текстъ. Такихъ недосмотровъ, впрочемъ, немного, и всѣ они исправлены въ настоящемъ указателѣ. Равнымъ образомъ не всегда удавалось въ китайскихъ названіяхъ извѣстнѣйшихъ мѣстностей удержать одинаковое правописаніе; такъ, напримѣръ, Лань-чжоу-фу я писалъ иногда Лянъ-чжоу-фу, Нань-Шань—Нянъ-Шань. Всѣ эти промахи, по возможности, здѣсь также исправлены.

Боростай, р., 29, 36, 72.
Боро-хоро, хреб., 4, 20, 23, 26, 31, 44, 49, 71, 76, 87, 101—105, 185, 220.
Бортень-гоби, пуст., 193, 222.
Бортунгэ, сел., 74, 76.
Бостонъ, сел., 255.
Бо-сянь-цзы, горы, 496.
Бо-хай, оз., 312.
Бугуръ, гор., 215, 456.
Буинь-тай, ст.?, 423.
Буйлукъ, перев., 63, 225, 226, 235, 253, 255, 258, 263, 496.
Булукъ р., 319.
Булунджи, гор., 136.
Булунзиръ, р., 496.
Булунъ-тохой, гор., 180.
Булурюкъ-бауръ, р., 272, 274, 278, 286, 319, 326, 329.
Бурё-булакъ, сел., 420.
Бурупту, кл., 406.
Бутунь-цоджи, сел., 191, 224.
Бухара, 249, 282, 317, 349.
Бэй-дао-цао, сел., 191.
Бэй-лу, сѣв. дор., 63, 101, 116, 119, 121, 122, 156, 170—187, 242, 252, 357, 470.
Бэй-сянь (см. Бэй-Шань), 492.
Бэй-тинъ, гор., 129, 176, 214, 221, 222, 226—230.
Бэй-ченъ, хам. предм., 469, 470.
Бэй-Шань, горн. страна, 173, 218, 220, 230, 249, 292, 312 — 314, 415, 422, 448, 452, 455, 491—496, 500.
Бэй-шань, вулк., см. Бай-шань.
Бѣ-сы-ма (см. Бишбалыкъ), 121, 221, 225.
Бѣшибалыкъ, см. Бишбалыкъ.

Ванъ-чуань кл. 446.
Внутренняя Азія, 124, 172, 213, 260, 339, 350.
Внутренній Китай, 129, 133, 151, 218, 359, 371, 458, 464, 465.
Восточная Джунгарія, 214.
Восточно-Джунгарское плоскогоріе, 193, 234, 249, 250, 251, 499.
Восточное Притяньшанье, 27, 213, 217.
Восточный Пулэй, древн. влад., 215, 219.
Восточный Туркестанъ, 129, 130, 132, 133, 149, 150, 216, 217, 221, 231, 257, 276, 277, 303, 308, 322, 323, 329, 330, 334 — 336, 359, 367, 372, 375, 383, 384, 443, 451, 453 — 455, 460, 462, 464—466, 469.
Восточный Тянь-Шань, 43, 48, 63, 97, 98, 105, 110, 113, 127, 155, 226, 308, 352, 404, 427, 455, 481, 491.
Ву-лу-му-тчи, гор. (Урумчи), 129.
Вэй-хо, р., 126, 363.
Вѣрное, 1.
Вэй-уръ, р., 458, 479.

Гаибъ, р., 458, 459, 479, 480, 481, 483, 497.
Гангу, р., 213, 225.
Ганъ-гу, гор., 129.
Гань-гу, руч., 157, 158.
Гань-су, пров., 5, 110, 131, 229, 464, 465, 466.
Гань-чжоу, гор., 136, 446, 464.
Гао-тай, гор., 146.
Гаочанъ, гор. и влад., 218, 219, 220, 225, 226, 279, 304, 308, 316, 321, 322, 423, 451.
Гашунская впадина, 228.
Гашунская Гоби, 415.
Гашунъ, ур., 177, 186, 190, 191, 195, 196, 200, 209, 210, 224, 228, 240, 252.
Гибинь, влад., 220.
Гинва-сянь, гора, 314.
Гиндукушъ, хр., 240.
Гинъ-джа-хо, р. (см. Уланъ-усу), 81—91, 103, 105.
Гинь-мань-сянь, гор., 221.
Гоанга, сел., 114.
Гоби, 160, 190, 230, 443, 445, 447, 448, 492.
Готульскія кам.-уг. копи, 23.
Гуанъ-ань-ченъ (кит. Турфанъ), 275, 377.
Гуань-лунь, пров., 229.
Гуй-дуй, гор., 131.
Гуй-хуа-ченъ, гор., 470.
Гульчжа (см. Кульчжа), 24.
Гумансы, кум., 44.
Гунь-ву (древн. назв. Хами), 450.
Гурбанъ-кудукъ, кол., 194.
Гурбанъ-тунгутъ, пески, 183, 192, 193, 224, 251.
Гутаба (см. Хотубій), 118.
Гученъ, гор., 64, 149, 174, 175, 178—184, 185, 190, 191, 195, 212, 223, 234, 240, 251, 261, 361, 430, 437, 462, 466, 495.
Гуши, влад., 214.
Гэ, влад., 329.
Гяо-хэ-ченъ, гор., 321.

Даванъ, страна, 214, 450.
Да-ди-во-пу, пик. Илійск., 8, 10.
Да-ди-во-пу, пик. Урумч., 123.
Дай-цинь-гурунь, (Китай), 375.
Даланъ-гу, р., 177, 178, 257.
Дань-хуань, страна, 218.
Дарвазъ, страна, 99, 340.
Да-тунгъ, гор., 44.
Да-тунь-фу, обл., 452.
Да-цзи, пустыня, 190, 446, 447.
Да-шиту, ст., 251, 437.
Дга, сел., 283, 293 — 295, 381—385, 401, 412, 415, 417.
Деваджинъ, сел., 437.
Джабганъ, р. 222.
Джамбалекъ, гор., 121.
Джанъ-булакъ, ур., 235 — 237, 251 — 253, 287, 289.
Джанъ-чинза, сел., 172, 174.
Джаргалы, р., 32.
Джаргёзъ, хр., 494, 496, 497.
Джаркентъ, гор., 1, 245.
Джигда, сел., 435, 436, 437, 497.
Джимы-санза, сел., 172.
Джимысаръ, гор., 175, 177.
Джинъ-хо, гор., 29, 39, 40, 41.
Джинъ-хо, р., 31, 39.
Джиргалты, р., 50, 54, 63, 65, 72, 96, 102, 103.
Джиргалты-цаганъ-сумэ, мон., 50, 53.
Джиттышаръ, страна, 271, 372.
Джуванъ-терекъ-басъ, пер., 226, 287.
Джунгарія, 29, 37, 69, 97, 104, 120, 129, 133, 156, 173, 182, 184, 185, 190, 191, 193, 209, 213, 220 — 222, 226, 228, 229, 239, 240, 251, 252, 254, 257, 277, 290, 367, 443, 444, 449, 452, 455, 456, 458, 462, 463, 466, 499, 501.
Джунгарскій Ала-тау, 4, 104.
Джюсъ-агачъ, ур., 42.
Ди-хуа-фу (Урумчи), 134,—чжоу, 128, 130.
Досъ-Мёгенъ-ора, гора, 98, 99, 101, 117, 306.
Дошъ, горн. стр., 100.
Думу, баз., 147—149.
Дунде-кельде, пер., 101.
Дунсанъ, предг. Богдо-Ола, 155.

Дунчинская гряда, 251.
Дунъ-чинъ, разв. сел., 233, 234.
Дунъ-хуанъ, обл., 218, 451, 455.
Дунь-шань, горы, 10.
Духанъ-джанъ, сел., 171.

Европа, 369, 374.
Едыра, р., 479.
Ергунъ, сел., 284, 378
Ергунъ, р., (см. Пичанская р.), 326.
Еръ-пули, сел., 438.

Желтая рѣка, 131, 443.
Желтое море, 453.
Желѣзныя ворота, 25.
Жо-хай, оз., 312.
Жоу-юань-сянь, городъ, 423, 455.

Заалайскія горы, 330.
Заатё, ур., 402, 405.
Заволжье, 239.
Зайсанская долина, 240.
Закавказье, 303.
Закаспійская область, 303.
Западная Джунгарія, 214, 231, 232.
Западная Монголія, 15.
Западный Китай, 143, 151, 324, 442, 443, 466.
Западный край, 15, 111, 214, 217, 218, 219, 220, 230, 451, 435, 461, 465.
Западный Пулэй, влад., 219.
Застѣнный Китай, 278.
Зеравшанъ, р., 316, 328.

Иванъ-чанза, ст., 314, 433, 494, 497.
И-ву, уѣздъ, 455.
И-ву-гюнъ (Хами), 455.
И-ву-лу (Хами), 451, 453.
Икиришты-хана, сел., 284, 378.
Иланъ-балыкъ, гор., 27.
Или, гор., 6.
Или, дол., 4, 5, 27, 129, 132, 221, 451, 455.
Или, пески, 183.
Или, рѣка, 25, 108.
Или-балыкъ, гор., 27.
Илійскій бассейнъ, 245.
Илійскій край, 15.
Илійскія кам.-уг. копи, 64.
Иллилыкъ, сел., 133.
Илолу, гор., 227.
Илхума, пуст., 415.
Ильтырганскій протокъ, 416.
Ильтырганъ, ур., 385, 391, 393, 395, 412, 414, 416, 417.
Ильтырганъ-аузе, прох., 385, 386, 414.
Ильтыргучъ, см. Ильтырганъ.
Индія, 292.
Инычке-су, р., 235.
Инь-динъ-сы, мон., 25.
Иньöль-чжанъ, мѣстн., 321.
Инь-Шань (хр. Вн. Китая), 110, 173.
Инь-Шань (Тянь-Шань), 26, 224.
Иранъ, 303, 335.
Ирбитъ, 80, 111.
Ирень-хабырга, хр., 71.
Ирлу, гор., 227.
Иронгатъ, (ущ. Талки), 25.
Иртышъ, р., 156.
Ирянъ-харбутъ, хр., 71, 73, 100, 101.
Иски-лянге, разв., 283, 284.
Иссыкъ-куль, оз., 312.
Итхана-Анчха, р., 71.
И-тянь-сы, мон. 423.
И-у-сянь, (Хами), 423.
И-хэ-ду-вэй, воен. лаг., 451.
Ихэ-Маджинъ-сянь, хр., 220.
И-чже, (Хами), 455.
И-чжеу, (Хами), 454, 456.
И-чжоу, (Хами), 423.

Іеты-кызъ, гора, 271, 309
Іетынъ-булакъ, ур., 393.

Кагунъ-голъ, р., 478.
Каза-хо, ур., 44.
Калганъ, гор., 470.
Каптагайская тѣснина, 423.
Кара-Киданьская Имперія, 28, 231.
Каракорумъ, гор., 121, 129, 230.
Кара-тау, горы, 249.
Каратегинъ, страна, 340.
Кара-тюбе, сел., 437.
Кара-узень, ур., 119.
Кара-ходжа, гор., 224.
Кара-ходжа, р., 217, 273, 274, 277, 319, 320, 459.
Кара-ходжа, сел. и община, 273, 278, 320, 362, 378.
Кара-ходжа-карысь, сел., 274, 278, 326, 378.
Карашаръ, гор., 96, 133, 138, 218, 219, 271, 303, 316, 361, 452.
Карлыкъ-тагъ, хр., 243, 244, 314, 458, 459, 480, 486, 488, 491, 494, 495, 497—499, 500, 501.
Катаръ-холгунъ, ур., 387, 388, 414, 415, 416
Катунъ-хо, р., 123.
Кашгарія, 358, 371, 462, 473.
Кашгаръ, гор., 362, 368, 370, 473.
Кашъ, р., 99, 102, 105.
Кельдынъ, пер., 101.
Керичинъ, р., 264, 265, 286, 420.
Кизылъ-башъ, оз. 128, 222.
Кизылъ-юлгунъ, сел., 479.
Кизылъ-яръ, сел., 480, 498.
Киндыкъ, часть Урумчи, 138, 140—147.
Китай, 126, 127, 139, 143, 144, 148, 151, 213, 215, 221, 229, 292, 294, 316, 350—352, 362, 367, 374, 427, 443, 465.
Кичанъ-гу, руч., 155.
Кичикъ-даванъ, пер., 263, 264.
Кичикъ-улангъ-су, р., 241, 244, 246.
Кійтынъ, пер., 56, 69.
Кійтынъ, р., 52, 69, 72, 96, 102, 172.
Кіо, влад., 329.
Кобдо, гор., 112.
Кокъ-яръ, р., 267, 286.
Кокъ-яръ, сел., 264, 265, 268, 378.
Кокъ-яръ-аягэ, сел., 267.
Комуль (Хами), 333, 334, 441, 450, 456, 467, 471, 473, 478.
Корея, 220.
Корля, см. Курля.
Кошеты-дабанъ, пер., 480, 497, 498.
Кошетынынъ-аузы, сел., 498.
Кошъ-агачъ, ур., 112.
Кошъ-карысь, сел., 274, 278, 378.
Крю, гор., 8
Куку-норъ, оз., 277, 312.
Кумъ-тау, пески, 283, 284, 285, 291, 295, 298, 420
Кульчжа, гор., 10, 15, 24, 25, 80, 111, 113, 251.

Кульчжа, обл., 4, 15, 144.
Куня-Турфанъ, 275.
Курамъ-ташъ, ст., 428.
Курля, гор., 150, 215, 335, 435.
Курукъ-тагъ, хр., 406, 408, 410, 416.
Курукъ-тауракъ, ур , 409, 413.
Куръ-карагай, р., 33.
Куръ-кара-усу, гор., 6, 70, 112, 215.
Куфи, ст., 490, 493.
Кушанъ, гор., 128, 179.
Куча, гор., 6, 132, 133, 221, 311, 466.
Куэнь-люнь, хр., 127, 151, 330.
Кыркъ-ортунъ, ст., 421, 422, 424.
Кырчумакъ, р., 483.
Кюйли, гор., 215, 216.
Кяхта, 182.

Ланге, сел., 280.
Лань-чжоу-фу, см. Лянъ-чжоу-фу.
Лао-ченъ, (Хами), 136, 463, 467, 470, 471, 474, 478, 479.
Лапчукъ, сел., 422.
Ласа-хо, ущ., 44.
Лемджинская рѣка, 319, 326.
Лемджинское ущелье, 285.
Лемджинъ, сел., 271, 272, 284, 285, 287, 291, 329, 357, 358, 359, 361, 366, 378, 379.
Лемджинъ-кыръ, сел., 272.
Лена, р., 239.
Леулянъ, влад., 214, 292.
Либа-чуанъ-дабанъ (Ли-па-чуанъ-дабанъ), пер., 497.
Линъ-шань, гора, 134, 159, 307.
Линь, гора, 304.
Линь-чжеу, гор., 455.
Литва, 239.
Ли-хай, оз., 312.
Лобъ, равнина, 406, 415, 416.
Лобъ-норъ, оз., 218, 292, 293, 312, 382, 415, 416, 443.
Лодунъ (Лао-дунъ), ст., 313, 431, 433, 434, 437.
Локлонъ, р., 120.
Ло-тай, р. и дол., 121, 174, 175, 176, 177, 227.
Лоуса-гу, руч., 151.
Ло-чинъ (Лао-ченъ, часть Гучена), 180.
Луджанъ, ур., 43, 73.
Лукчунская впадина (см. Асса), 286, 313, 314, 385, 416.
Лукчунская рѣка, см. Лемджинская.
Лукчунско-Токсунская котловина, см. Асса и Лукчунская впадина.
Лукчунъ-кыръ, сел., 293, 294, 298, 355, 417, 418, 422.
Лукчунъ, гор. и община, 274, 277, 278, 280—284. 291, 293, 294, 319, 326, 354, 358, 359, 361, 362, 368, 377, 378, 418, 423.
Лунъ-тай, гор., 121, 176, 225.
Луцо-гу, руч. и ур., 109, 113.
Лунъ-ю, пров., 455.
Люзену, разв., 441.
Лю-чжунъ-сянь, гор., 280, 423.
Лянгху-хэй-гуань, кум., 146.
Лянгэ, сел., 284
Лянъ-чжоу-фу, гор., 271, 455, 464, 465, 470.
Лянь-санъ, мѣстечко, 150.
Лянь-чжоу, гор., 112, 445, 446, 464.

Мавераннагръ, влад., 231.
Ма-джинъ-сянь, хр., 447, 479.
Мазаръ, сел., 12.
Мазаръ, р., 31.
Мазаръ-тагъ, гора, 490.
Манасъ, гор., 84, 108, 132, 150, 357.
Манасъ, р., 47, 87, 97, 98, 104, 107—109, 114.
Маньчжурія, 451.
Матиссё, кум., 44.
Ма-цзунь-шань, хр., 446, 479.
Меншуй, пик. и ст., 447, 486, 489.
Могулистанъ, влад., 232, 277, 462.
Мо-минъ, гор., 447.
Монголія, 110, 371, 444, 453, 460.
Мо-панъ-цзы, кл., 489.
Моро-хо, р., 234, 361, 437.
Моро-хо, сел., 64, 175, 224, 225, 233, 234, 235, 242, 257.
Моръ-голъ, (Ташаръ), 479.
Моръ-голъ, сел., 487, 489, 490.
Мо-ченъ, гор., 447.
Мултукъ, р., 273, 321.
Мултукъ, сел. и общ., 320, 326, 361, 378.
Мунгаты, пер., 102.
Мусъ-тагъ-ата, 306.
Муткымъ-бахъ, ур., 52.
Мыль-токсунъ, ур. и дол, 393, 396, 401.
Мынгэтэ, пер., 102.
Мэнгэтэ, пер., 102
Мэчинъ-ола, хр., 497,
Мягашъ-голъ, р., 478.
Мяо-эръ-гоу, (Ташаръ), 479.

Намейчю, горы, 192
Нань-лу, 64, 151, 242, 280, 292, 423, 455, 462.
Нань-чуань-шань, гора, 446.
Нань-Шань, горы, 44, 110, 173, 210, 220, 249, 292, 492, 493.
Нарынъ-колъ, ущ., 488.
На-чжи, гор., 423, 455.
Небесныя горы (Тянь-Шань), 98, 101, 110, 308, 313, 446. 447.
Небесная Имперія (Китай), 86, 132, 149, 215, 374.
Никанъ-хора, проп. постъ, 16.
Нилки, пер , 33.
Нилки, р., 36.
Нилха, пер., 33.
Нинъ-юанъ-ченъ, гор., 7.
Новая Кульчжа, 6, 10.
Номъ, сел., 473.
Ню-джанъ-цзы, сел., 81.
Нянъ-цы-цюань, р., 484.
Нянъ-Шань, см. Нань-Шань.

Оби-Равнау, р., 99.
Оби-Хингобъ, р., 99.
Огненныя горы, см. Хо-янь-шань.
Одонъ-курё, пер., 99.
Олонъ-булакъ, сел., 497.
Олонъ норъ, оз., 178.
Онгудай, ур., 112.
Ордосъ, страна, 229, 451.
Ортамъ, усадьба, 480, 481—483.
Отунъ-коза, ст. на Хам.-Турф. дор., 173, 243, 427, 429, 437.
Отунъ-коза, кл. къ вост. отъ Хами, 313, 314.
Отунъ-коза, котловина, 430, 462, 494—497, 499.

Палуанъ-булакъ, кл., 385, 412, 417.
Памиръ, 99, 104, 122, 126, 214, 215, 237, 240, 249, 250, 365.
Пао-чанъ (Пичанъ), 423.

Пекинъ, 110, 132, 376, 377, 462.
Передняя Азія, 126.
Персія, 220, 229.
Петра Великаго, хребетъ, 99.
Пиликчи, пер., 29.
Пинь-ванъ-чуань, кл?, 446.
Пиріохъ-тау, хр., 99.
Питу-чау, сел., 191, 209, 224.
Пичанская рѣка, 283, 284, 315, 319, 326.
Пичанъ, гор., 231, 244, 272, 278, 284, 287, 291, 308, 313, 319, 323, 361, 365, 367, 378, 419, 423.
Пичкана-Анчха, р., 72.
Пишпекъ, гор., 108, 133, 467.
Польша, 261.
Принаньшаньская впадина, 496.
Притяньшанье, 24, 27, 136, 151, 173, 182, 191, 213, 215, 216, 218, 220, 230, 298, 317, 442, 443, 478, 492.
Притяньшаньская впадина, 494, 496.
Пулэй, влад., 216.
Пянджъ, р., 316.

Россія, 110, 239, 261, 384.
Рошанъ, страна, 249.
Рунгу, р., 222.
Русскій Туркестанъ, 139, 145, 146, 240, 279, 282, 317, 330, 349, 363, 370.
Рянгъ-куль, оз., 122.

Сiвашъ, сел., 479.
Сайрамъ-норская пустыня, 40.
Сайрамъ-норъ, оз., 25.
Саиръ-кира, сел., 497.
Саларъ, мѣстн., 131.
Самаркандъ, гор., 368.
Сангыръ, оаз., 382.
Сангы-чанза, ст., 251, 437.
Санъ-до-хо, мѣстн., 6.
Санъ-до-хо, р., 114.
Санъ-пули, гор., 437.
Санъ-сянь-цзы, горы, 496.
Санъ-тэй, сел., 121, 175, 177.
Санъ-фу, гор., 437.
Сань-цзянь-фанъ, кл?, 423.
Сары-герь, горн. отр., 223.
Са-ту-хо (Локлонъ), р., 120, 121, 122.
Са-чжоу, оаз., 463.
Саяны, горы, 261.
Семипалатинскъ, гор., 112.
Семирѣчье, обл., 133, 293, 383.
Сергіополь, гор., 436.
Серединное государство, имперія (Китай), 229, 230, 351, 458.
Сибирская тайга, 229.
Сибирскія горы, 249.
Сибирь, 239, 453.
Си-ань-фу, гор., 112.
Си-и-чжеу, (Хами), 454.
Сининская рѣка, 455.
Сининскія альпы, 44.
Синъ-ченъ, (Хами), 442, 463, 467, 469 — 471, 474, 479.
Синь-цзянъ, пров., 17, 110, 132, 136, 151, 373.
Си-хай, оз., 312.
Си-чжеу, Си-чжоу, гор. и область, 225, 316, 321, 423.
Си-юй, пров., 215.
Соохъ-лэ, руч., 236.
Со-ца-хо, р., 175.
Спюль-аксакалъ-карысь, сел., 274, 278.
Средняя Азія, 19, 107, 132, 139, 159, 172, 173, 178, 182, 188, 190, 221, 229, 230, 231, 237, 252, 269, 272, 274, 278, 289, 298, 306, 314, 315, 367, 371, 399, 415, 454, 456, 492, 496.
Ставропольская губ., 239.
Су-баши, сел., 272, 378.
Сузлюкъ-ардынъ, р., 488.
Суйдинъ-ченъ (Суйдунъ), 9, 15, 20.
Суйдунъ, гор., 9, 20, 26.
Сумкаго, сел., 441.
Сумынь-хархай, сел., 441.
Су-чжоу, гор., 112, 136, 216, 443, 445, 446, 447, 464, 486, 490, 493.
Сы-джиръ, ур., 190, 224.
Сынгимское ущелье, 285.
Сынгимъ, сел., 272, 326, 329, 361, 378.
Сынгимъ, оазисъ въ Бэй-Шанѣ, 382, 401.
Сынгимъ-аузы, сел., 273.
Сынгмаузы, сел., 273.
Сыръ-дарья, р., 231.
Сѣверное Чешы, влад., 214, 217, 219, 308.
Сѣверный Тибетъ 292.
Сю-біанъ-гу, р., 114.
Ся-бо-янъ-линь, мѣст., 447.
Сяо-сюѣ-шань, гора, 225.

Табіанъ-гу, р., 114.
Тагуръ-су, р., 35.
Та-джоза, ур., 173.
Талда р., 31, 32.
Талки, гор., 26.
Талки, р., 105.
Талки, ущелье, 25.
Тань-хань-шань, горы, 304.
Тарбагатайскія горы, 73, 230, 452, 455, 456.
Тарджи, укр., 13, 18, 20.
Таримъ, р., 291, 443, 446, 448, 462.
Таса, сел., 420.
Татыръ-су, р., 35.
Тау, сел., 123.
Ташаръ, сел., 479, 480, 481.
Ташъ-булакъ, р., 488, 489.
Ташъ-булакъ, ур., 289, 290.
Ташъ-купрюкъ, ур., 30.
Ташъ-кэсэ, кам.-уг. копи, 436.
Ташъ-рабатъ, разв. 296, 322.
Ташъ-уа, проходъ, 385.
Тешекъ-булакскій протокъ, 416.
Тешекъ-булакъ, ур., 408, 410, 415.
Тибетъ, 277, 462.
Тизануанъ, кум., 146.
Тимуръ-калакъ, ущ., 25.
Тобеджуинъ-туру, разв., 274.
Тойли, ур., 39.
Токсунъ, гор., 150, 218, 378.
Токучи, гор., 437.
Тольё, ур., 39, 186.
Томскъ, гор., 451.
Топатаръ-ауліэ, (Богдо-Ола), 159, 307.
То-пули, ст., 441.
Торакъ-булакскій протокъ, 416.
Торакъ-булакъ, ур., 395, 399, 400, 401.
Торакъ-булакъ восточный, ур., 400, 401.
Торгоутъ-юлы, пер., 33.
Торе-аркынъ, ур. 314.
Торятэ, сел., 497.
Тосту-голъ, р., 69.
Тоу-ту-хо, р., 123.
Тохоци, гор., 437.
Тугурикъ, ручей, 117.

Ту-ду, пик., 49.
Тузъ-дара, р., 330.
Тузъ-тау, гора, 265, 271, 272, 273, 283—286, 291, 298, 309—311, 320, 326, 419, 420.
Туӧкская рѣчка, 286, 326.
Туӧкъ, сел., 272, 280, 378.
Турачи, сел. и кам.-уг. копи, 64, 431, 435—437.
Турачинскія кам.-уг. копи см. Турачи.
Туркестанъ, 5, 292, 296, 367.
Туру-карысь, сел., 278.
Турунгу-булукъ, ур. 395.
Туруфану-хара, мѣстн., 278.
Турфанская котловина, 298, 420.
Турфанъ, гор., 273—277, 280, 293, 319, 378.
Турфанъ, обл., 120, 121, 129, 133, 137, 144, 150, 173, 180, 182, 215 — 217, 226, 229, 234, 237, 243, 253, 256, 259, 268, 271, 278 — 380, 383, 384, 415, 419, 430, 448, 449, 453 — 457, 461, 462, 464, 491, 501.
Турфанъ-керэ, сел., 274, 278, 378.
Туфи-гуа, ст., 251, 437, 499.
Ту-ху-лу, сел., 116.
Тюбеджинъ, сел., 479.
Тюге-тау, хр., 385, 390, 396, 401, 402, 413, 415.
Тянь-Шань, хр., горн. сист., (см. также Небесныя горы), 95, 98, 99, 101, 108, 110, 127, 133, 151, 195, 216, 224, 227, 230, 234, 235, 241, 242, 244, 249, 250, 254, 255, 257, 261, 265, 266, 285—288, 298, 300, 308, 312 — 315, 420, 430, 431, 433, 437, 446 — 448, 454, 458, 486, 491—500.

Убрюгюнъ-голъ, р., 119.
Уйгурія, влад., 230—232, 279, 302, 316, 456, 457, 460—462.
Улангъ-су см. Уланъ-усу, ручей.
Улангъ-су-басъ, см. Уланъ-усу, перев.
Уланъ-бэ, (см. Архоту), р., 124, 129, 130, 134.
Уланъ дабанъ, р., 49.
Уланъ-таманта, ур., 408, 410, 411.
Уланъ-усу, перев., 101, 236, 244, 427, 462, 494, 496, 498.
Уланъ-усу, (Гинъ-джа-хо), р., 72, 84—89, 100.
Уланъ-усу, руч., 72, 238, 241.
Уласта, р., 72.
Улостай, р., 31.
Улота, р., 488.
Улюнгуръ, оз., 128, 222.
Уляссутай, гор., 443.
Умканъ-голъ, руч., уроч., 49, 50.
Упрангъ, р., 273, 286.
Уразъ-бай, сел., 31.
Урта, р., 26.
Урульша-аузе, проходъ, 385.
Урумчи, гор. и округъ, 6, 72, 96, 97, 112, 117, 121, 122, 124, 126 — 151, 153, 182, 185, 186, 190, 222, 226, 361, 445, 449, 466, 494.
Урумчиская долина, 221.
Урунгу, р., 128, 183, 222, 240.
Урусъ-кіикъ-урды булакъ, кл., 402, 403.
Урхуль, сел., 497.
Утанъ-цыли, влад., 215, 218.
Утынъ-аузы, р., 271, 286, 358.
Ухарликъ, гор., 26.
Учъ-табанъ, ур., 32.
Учъ-Турфанъ, гор., 275.

Фергана, обл. 133, 214, 368, 450.
Фо-чинза, горы, 314.
Фуканъ, гор., 120, 121, 150, 172.
Фу-шеу-шань, гора, 159, 307.
Фы хо, р. и ур., 44, 64, 96, 97.

Хаджи-нельсинъ, пески, 183.
Хазе, пикетъ, 196.
Хайдаджанъ, р., 44, 72, 160, 169, 170.
Хайду-голъ, р., 102, 138.
Хайнакъ. сел., 25.
Халга-амань, владѣніе, 218.
Халгатъ, сел, 497.
Халуалекъ, (Альмаликъ), 27.
Халха, страна, 450, 452.
Хами, гор. и область, 97, 111, 136, 137, 150, 173, 215, 216, 218, 221, 229, 241, 243, 250, 259, 277, 290, 292, 313, 317, 334, 343, 345, 361, 419, 422, 423, 433, 436 — 491, 493, 497, 499—501.
Хамійская пустыня, 448, 492, 493, 498.
Хамійскія горы, 44, 96, 104, 173, 240, 244, 314, 404, 480, 496, 499.
Хангай, горы, 222.
Ханду, сел., 268, 269, 271, 291, 326, 328, 329, 359, 361, 365, 366, 378, 379.
Ханъ-Тенгри, горн. группа, 306.
Ханъ-хай, горная область, 222.
Ханъ-хай, песч. пуст., 301, 312.
Ханъ-хай Рихтгофена, 492, 493.
Ханъ-хоро, влад., 326, 329.
Ханъ-шуи, ур., 196.
Ханьду, см. Ханду, 225.
Ханькоу, гор., 112.
Хань-цзя-чай, сел., 225.
Хара-усу, р., 478.
Хара-хоринь, гор., 230.
Хара-хото, (Кара-ходжа, Хо-чжеу), гор., 321, 322, 456, 458, 460.
Харюза, пуст., 265, 268, 289, 297, 298, 315, 328, 329, 354, 419.
Хатунъ-булакъ, р., 484.
Херцигтэ, р., 69.
Хиль, р., 25.
Хингобъ, р., 99.
Хобу-цзы, гор., 178, 228.
Ходжа-Абдулла бекъ карысь, сел., 274, 278.
Ходжа-юлгунъ, ур. 386.
Ходжамъ-булакъ, кл., 490
Хоенъ-муренъ, р., 222.
Хо-или, р., 314.
Хой ченъ, воен. постъ, 218.
Хой-ченъ, (Комуль), 471, 474.
Хой-юань-ченъ, (Или), 6, 27.
Хонтоху, сел., 52.
Хоразмская Имперія, 28.
Хоразмъ, 231.
Хоргосъ, гор., 11.
Хоргосъ, постъ, 3, 4.
Хоргосъ, р. (прит. Или), 3, 4, 16.
Хоргосъ, р. въ Джунг., 79, 96, 100, 102.
Хосутай, р., 98, 99.
Хотанъ, гор., 277, 329.
Хотуби, см. Хотубій.
Хотубій, р., 72, 117, 118.
Хотукъ-бій, ур., 100.
Хотунъ-тамъ, сел., 484—488, 498.
Хо-чжеу, гор. въ Ганьсу, 5, 466.
Хо-чжеу, гор. въ Турф., 277, 279, 304, 305, 310, 321—323, 338.
Хо-янь-шань, гора, 304, 305, 312, 320.
Хуанъ-хэ, (Желтая рѣка), 5, 229, 432, 453.

Хуанъ-цао-ху, оз., 8.
Хуй-ченъ, (см. Хой-ченъ), 317.
Хулугу, пер., 497.
Хулугу, сел., 497.
Ху-лу-цзы, (Хами), 456.
Хумеза, (Урумчи), 81, 146.
Ху-нинъ-ченъ, (Баяндай), 8, 9.
Хунунъ-сала, р., 100.
Хунъ-мяо-цзо, (Урумчи), 81, 146.
Хунъ-цо-ху, пески, 183.
Хунъ-шань-цзуй, холмъ, 129.
Хуста, р., 47, 87, 98, 108.
Хутайай, (Хотубій). гор., 118.
Хутукъ-би, гор., 119.
Хуху, влад., 218.
Хый-хо, р., 210.
Хэй-шуй, р., 478.
Хэнти, обл., 136, 230.
Хэси, пров., 218, 229, 230, 455, 492.
Хэу-тинь-сянь, мѣстн., 311.
Хэ-чжеу, (Хо-чжеу, Кара-ходжа, Хара-хото), 224.
Хюра-таурумъ, ур., 409.

Цаганъ-усу, (три рѣчки, прит. Или), 26.
Цаганъ усу, руч. и ур., 50, 54, 61.
Центральная Азія, 209, 229, 301, 324, 333, 445.
Центральная Джунгарія, 64, 160, 209.
Центральный Тянь-Шань, 43, 215.
Цзи-ге-тингзе, см. Чиге-чинза.
Цзи-ни-цюань, кл., 456.
Цзинъ-динъ-сы, кум., 7, 25.
Цзинъ-линь, (Тянь Шань), 225
Цзинь-шань, (Алтай), 223.
Цзунь-линь, хр., 110.
Цзюми, область, 219.
Цзю-моденъ, ур., 42.
Цзю-цюань, гор., 446, 447.
Цзянь-цзюнь-голъ, р. и ур., 68, 69.
Цинходжанъ, разв., 175—177.
Цинъ-хай, оз., (Куку-норъ), 312.
Ци-тай, гор., 212—232, 233, 241.
Цитерты, пер., 31, 33.
Цитерты, р., 34.
Цыэ, влад., 329.

Чангу-эрикъ, р. 478.
Чанъ-бала, гор., 121.
Чань-ань, гор., 217.
Чапчалъ, ур., 251.
Чаркумъ, пикъ, 122.
Чаткалъ, сел., 274, 278, 378.
Чатыръ-куль, оз., 237, 249, 296, 323.
Черное море, 239.
Черный Иртышъ, р., 222, 240.
Чешы, 214—216, 308, 329.
Чжанъ-бали, гор., 121.
Чжили, пров., 142.
Чжоха хото, гор., 216, 219, 321.
Чжунгарія см. Джунгарія.
Чиге-чинза, ст., 429, 437, 495, 497.
Чиктымъ, оаз., 267, 283, 286, 289, 290, 291, 378, 420.
Чиктымъ. укр., 421, 423.
Чиль-булакъ, сел., 274, 278, 378.
Чи-ми-шань, гора, 304.
Чимпандзе (Чимпанъ-цзы), гор., укр., 17.
Чимпанъ, арыкъ, 153.
Чинчаходзи (Чинъ-ча-хо-цзы), укр., 15, 16.
Чинъ-шень, гор., 250, 487—489.
Чинъ-шуй, рѣчка, 20.
Чи-тэй, см. Ци-тай, 212.
Чи-чанза, ур., 224, 228.
Чи чинза, ур., 64.
Чоглу чай, ст., 430—432.
Чоглу-чай'ская гряда, 313, 431, 495, 497, 499.
Чолъ-тагъ, хр. и нагорье, 218, 283, 291—294, 297, 311, 312, 381—417, 422, 486, 488.
Чоль-тау, см. Чолъ-тагъ.
Чонъ-бостонъ, сел., 294.
Чонъ-колъ, р., 32.
Чу, р., 108.
Чуванкыръ, сел., 271.
Чугучакъ, гор., 15, 80, 112, 113, 151.
Чукуртай, гора, 222.
Чюй же, кл., 224.

Шаланъ гу, р., 178.
Шалуаръ, верш., 46.
Шалуаръ, пер., 47, 48.
Шальдранъ, ур. 388, 391, 414.
Шаманэ (Бай), 219, 489.
Шана-норъ, оз., 313, 474.
Шангынъ-даванъ, р., 50.
Шантопо, сел., 496.
Шанхай, гор., 112.
Ша-чжоу (Са-чжоу), гор., 463.
Шань-дунъ-чжуань, сел., 10.
Шань си, пров., 229.
Шань-шань, влад., 218, 292.
Шень-си, пров., 5, 110.
Ши-ли-булакъ, руч., 488.
Ши-ма-гу, р. (Богдо Ола), 158, 163, 164.
Ши-ма-гу, ручей къ В. отъ Ци-тая, 233.
Шиманэ см. Шаманэ.
Шинъ-ча-хо, р., 114, 115.
Шинь ченъ см. Чинъ-шень.
Ши сянь цзянь-фанъ, мѣстн., 423.
Шихо, гор., 65, 97, 132.
Ши-чандза, сел. на р. Фы-хо, 96, 97.
Ши-чандза, сел. въ Хам. оаз., 479
Ши-я-хай, оз., 312.
Шотунъ, р., 179.
Шуга, сел., 284, 378.
Шугнанъ, страна, 249.
Шулэй-хэ, р., 496.
Шуму (Урумчи), 140.

Ырдо-хоза, оаз., 172—174.

Ѣ-манъ, гор., 222.

Эби норъ, оз., 37, 41, 45, 193.
Эби-нор'ская впадина, 193.
Эби-нор'ская пустыня, 40, 44, 48.
Эдемекъ-даба, хр., 225—227, 242.
Эко-шаръ, сел., 420.
Эмиль, гор., 222, 450.
Эмиль, р., 231.
Эптэ, р. 50, 52, 65, 72, 102.
Эрень-хабирга, хр., 105.
Эрцзинъ-голъ, р. 446, 448.

Юванъ-терекъ, сел., 378.
Юванъ-тура, разв., 378.
Юву, (Хами), 450.
Юдна-голъ, р., 51, 72, 104.
Южная Джунгарія, 69. 79, 81, 110, 127, 132, 144, 150, 172, 175, 178, 182, 187, 214—217, 219—222, 227, 228, 230, 315, 448, 454, 455, 462.

Южное Чешы, влад., 218, 219, 308, 316.
Южный Китай, 110
Юйлиши, влад., 329.
Юй-мынъ, гор. совр., 97, 133, 220.
Юй-мынъ-гуань, гор., 216, 292, 423, 447.
Юй-хай, оз., 312.
Юлдусъ, дол., 69, 96, 138, 249, 478.
Ю-фу-го, импань, 120.

Ябешэ, р. 438.
Якка-булакъ, руч., 479.
Янчи, ст., 289, 424, 427, 428.
Янчинская гряда, 495—497.
Янъ-булакъ, сел. и община 283 292 293 354, 355, 359, 415.
Янъ-дунскій протокъ, см. Асса прот., 313, 314, 496.
Янъ-дунъ, ст., 313, 490.
Янъ хэ-карысь, сел. и общ., 280, 378.
Янъ-хэ-шаръ, сел., 279, 280, 378.
Янъ-чандза, разв., 120, 121.
Янь-чи, см. Янчи.
Яркентъ, гор., 370.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ АВТОРОВЪ.

Abel Remusat, см. Ремюза.
Абу-Долефъ, 334.
Алфераки, 250.

Бель, 327, 379.
Бихнеръ, 184.
Бичуринъ, см. Іакинфъ.
Бретшнейдеръ, 6, 24, 25, 118, 121, 129, 222, 224—227, 279, 301, 316, 321, 322, 359, 370, 479, 484.

Валихановъ, 371.
Ванъ-янъ-дэ, 128, 129, 225, 226, 229, 231, 284, 309, 423, 437.
Васильевъ, 5.
Вилькинсъ, 366.
Williams, 357.
Visdelou, 225, 227.

Гайтонъ, 27, 118—121.
Галкинъ, 98—100, 105, 123, 134.
Гоэсъ, 326, 462.
Григорьевъ, 27, 162, 219, 225, 226, 277, 280, 301, 309, 316, 322, 325, 333, 334, 351, 371, 423, 450, 451, 460, 461, 464.
Громбчевскій, 250.
Гумбольдтъ, 305, 308, 310, 311, 314.
Гюкъ, 237.

Жюльенъ (St.-Julien). 225, 226.

Захаровъ, 27, 131.

Ивановъ, 250.

Іакинфъ, 24, 26, 27, 73, 134,142, 148, 149, 159, 160, 162, 179, 214, 217, 219, 221, 229, 231, 261, 302—304, 307, 321, 325, 350, 357, 358, 360, 369, 370 — 373, 375, 376, 423, 427, 437, 444—446, 450—454, 456, 458, 463, 464.

Катремэръ (Quatremère), 25.
Клапротъ (Klaproth), 128, 190, 219, 222, 223, 225, 226, 312, 321, 452.
Костенко, 73, 223, 226.
Кэри, 327, 361, 423, 424.

Ларіоновъ, 37.
Лю-цунь-хань, 5, 6, 9, 14, 15.

Макшеевъ, 25.
Марко-Поло, 321, 333, 334, 450, 456.
Матусовскій, 24, 317, 378, 444, 465, 471, 478.
Миддендорфъ, 232, 332, 333, 363, 364.
Мушкетовъ, 52, 64, 105, 305, 493.

Наливкинъ, 349.

Обручевъ, 193, 313, 314, 363, 491—500.
Орловъ, 350, 369, 372, 373.
Osson (d'), 25, 460.

Палладій, 25, 121, 172, 219.
Пантусовъ, 3, 16.
Петровскій. 113, 360.
Плано-Карпинскій, 450.
Позднѣевъ, 57, 60.
Покотиловъ, 276, 277, 322, 458, 461, 485.
Поляковъ, 211.
Потанинъ, 93, 212, 478, 484, 485, 497.
Пржевальскій, 2, 118, 172, 184, 188, 197, 252, 415, 444, 445, 478, 492, 493, 497.
Птоломей, 303.
Путята, 142.
Пѣвцовъ, 190, 191, 192, 223, 224, 228, 234, 239, 240, 308.
Пясецкій, 351.

Радловъ, 316, 323.
Регель, 27, 226, 285, 305, 320, 322, 326.
Реклю, 305, 310.
Ремюза (Ab. Remusat) 128, 222, 310, 311.
Ренатъ, 25, 120, 129, 172, 232.
Рихтгофенъ, 5, 492, 493.
Риттеръ, 27, 100, 128, 150, 219, 221, 222, 226, 230, 304, 305, 308, 311, 321, 444, 449, 464.
Роборовскій, 298, 312.
Романовскій, 52.

Семеновъ, 26, 27, 43, 46.
Скачковъ, 140, 141, 142, 149.
Суй-сунъ, 25.
Сюанъ-цзанъ, 454.

Тимковскій, 172.

Успенскій, 316, 317, 423, 437, 450, 451, 453, 456, 457, 464, 478, 479.

Фа-сянь, 303.

Цзенгъ-ки-тунъ, 143, 148, 350.

Чанъ-чунъ, 25, 118, 121, 129, 176, 221, 223, 225.
Ченъ-ки-тунъ см. Цзенгъ-ки-тунъ.
Черскій, 211, 239.

Шмидтъ, 364.

Ѣлюй-Хиліанъ, 229.
Ѣлюй-Чуцай, 26, 176, 224, 225.

Юль, 321.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.	*Стр.*	*Строка.*	*Слѣдуетъ читать.*
Мѣтахъ	3	21 сверху	мѣстахъ
Си-цзянской	6	6 снизу	Синь-цзянской
цзянь-цзянь	9	17 сверху	цзянь-цзюнь
Судинь-ченъ	9	21 »	Суйдинъ-ченъ
хитайскомъ	11	4 снизу	китайскомъ
Си-цзянской	14	9 сверху	Синь-цзянской
Синъ-цзана	18	1 »	Синь-цзяна
періоды	20	12 снизу	періодъ
тѣнистхъ	31	5 сверху	тѣнистыхъ
киргизъ	31	12 »	киргизовъ
Colia	33	9 снизу	Colias
Haogeton	42	27 сверху	Halogeton
отказалась	45	6 »	отказались
Джиргалты-цаганъ-суля	50	22 »	Джиргалты-цаганъ сумэ
subguturosa	52	8 »	subgutturosa
fostissimo	57	8 »	fortissimo
калмыкамъ," никто	64	22 »	калмыкамъ; никто
выпадавшія	73	22 »	выпадавшіе
ужъ	77	1 »	ужь
»	81	3 »	»
вскрикивать	82	21 »	выкрикивагь
ужъ	87	4 »	ужь
переправились	89	15 снизу	переправлялись
крикъ	89	12 »	окрикъ
называется	103	1 »	называетъ
саженей	108	11 »	саженъ
этой послѣдней	135	19 сверху	штукатурки
ху-мяо-цзы	146	6 снизу	хунъ-мяо-цзы
ужъ	157	17 сверху	ужь
при 66° R градусахъ	»	4 снизу	при 66° R.
онѣ	161	17 сверху	они
3)	171	5 снизу	5)
4)	»	3 »	3)
5)	»	1 »	4)
лиственные	173	12 »	лиственичные
мась	188	3 »	масть
Землевладѣніе Азіи	221	4 »	землевѣдѣніе Азіи
ou ou Ouigour	223	7 »	ou Ouigour
Вугу-Цзуну	230	16 »	Пугу-Цзуну
Алтяя	231	28 сверху	Алтая
Шинь-ченъ	250	9 снизу	Чинъ-шень
кіисковъ	265	2 »	кіиковъ
Янъ-буланомъ	283	20 сверху	Янъ-булакомъ
саженей	285	4 снизу	саженъ
тюрхское	317	7 »	тюркское
они густо поросли	391	16 сверху	бугры густо поросли
безжизненными	»	6 снизу	безжизненнымъ
была	401	3 »	было
были	402	9 »	били
врочемъ	485	23 сверху	впрочемъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.
Предисловіе . . . . VII—XII

ГЛАВА I.

Отъ границы до города Кульчжи . . . . 1—28

Изъ Вѣрнаго въ Джаркентъ. Почему мы остановились на лошади какъ вьючномъ жпвотномъ. Выступленіе къ границѣ. Хоргосъ. Взглядъ на прошлое Илійской долины. Возстаніе мусульманъ и занятіе Кульчжи русскими войсками. Путь до Суйдуна. Непріятное столкновеніе. Суйдунъ. Визитъ цзянь-цзюню. Путь до Кульчжи. Общее впечатлѣніе, производимое городомъ. Вѣроятное мѣстоположеніе древняго Альмалика и его прошлое.

ГЛАВА II.

Въ горахъ Боро-Хоро . . . . 29—52

Выступленіе изъ Кульчжи. Непріятный сюрпризъ на ночлегѣ въ ур. Ташъ-купрюкъ. Илійская долина между этимъ урочищемъ и р. Мазаромъ. Путь вверхъ по Боробогосуну. Ур. Учъ-табанъ. Перевалъ Цитерты. Трудный путь по ущелью р. Боростая. Выходъ въ пустыню. Движеніе ночью. Прибытіе на ночлегъ. Торгоутское становище. Непріятное пробужденіе. Печальная мѣстность. Нашъ путь до Джинъ-хо. Оазисъ и городъ. Каменистая пустыня, лежащая отъ него къ югу. Уроч. Джюсъ-агачъ. Опять въ горахъ. Уроч. Богусъ-зуслунъ. Встрѣча съ торгоутами. Перевалъ Шалуаръ. Остановка въ ур. Умканъ-голъ. Затрудненія съ проводниками. Мы вынуждены спуститься съ горъ. Окраиной каменистой пустыни. Переправа черезъ р. Эптэ. Ур. Мутқымъ-бахъ.

ГЛАВА III.

По торгоутскимъ кочевьямъ . . . . 53—75

Мѣстность на востокъ отъ Эптэ. Столкновеніе съ торгоутами. Ночлегъ на берегу р. Джиргалты. Становище торгоутскаго вана. У вана въ гостяхъ. Нѣсколько замѣчаній о духовномъ и свѣтскомъ пѣніи монголовъ. Неудовольствія изъ-за подарковъ. Нахальный образъ дѣйствій кэскю. Новое столкновеніе съ торгоутами. Мы идемъ безъ проводника. Экскурсія къ «горящей горѣ». Принятое нами рѣшеніе. Напрасная переправа. Извиненіе вана. Наказаніе виновнаго въ столкновеніи офицера. Прибытіе въ ставку Наина-бэйсэ. Путь до р. Кійтына. Общій характеръ ея долины. Опять въ горахъ. Общій характеръ сѣверныхъ склоновъ хр. Боро-Хоро; ихъ чрезвычайная живописность. Ур. Луджанъ.

ГЛАВА IV.

Въ поискахъ перевала черезъ Тянь-Шань . . . . 76—106

Наглость торгоутскаго старшины. Мы прогоняемъ проводниковъ. Селеніе Бортунгэ. Неизвѣстность дальнѣйшаго пути. Въ гостяхъ у китайскаго лавочника. Принятое рѣшеніе. Селеніе Нюджанъ-цзы. Мы на ложной дорогѣ. Встрѣча съ торгоутами. Плохія вѣсти. Стоянка на р. Гинъ-джа-хо. Китайскій разнощикъ. Торгоутская депутація. Мрачныя предсказанія начинаютъ оправдываться. Первая экскурсія вверхъ по рѣкѣ. Мы рѣшаемся идти къ перевалу всѣмъ караваномъ. Описаніе одной изъ переправъ черезъ р. Гинъ-джа-хо. Мое приключеніе. Несчастливо законченный переходъ. Вторая экскурсія вверхъ по рѣкѣ. Ищемъ обхода. Опасный спускъ. Рѣшеніе—вернуться. Ур. Фы-хо. Каменноугольныя копи. Досъ-Мёгенъ-ора. Мы подходимъ къ р. Манасу. Верховья этой рѣки. Характеристика хребта Ирянъ-Харбутъ—Боро-Хоро.

ГЛАВА V.

СТРАН.

Отъ рѣки Манаса ло Урумчи . . . . 107—125

Ночлегъ въ тѣснинѣ Манаса. Гибель вьючной лошади. Необыкновенный зной. Насъ нагоняютъ торгоуты, которыхъ мы и подряжаемъ въ проводники. Уроч. Луцо-гу. Встрѣча съ сергіопольскими татарами. Торговая политика китайцевъ въ Синь-цзянѣ. Дальнѣйшій путь. Долины рѣкъ—Шинъ-ча-хо и Санъ-до-хо. Мы снова остаемся безъ проводника. Путь по долинѣ р. Санъ-до-хо. Выходъ въ пустыню. Прибытіе въ селеніе Ту-ху-лу. Пропажа трехъ лошадей. Безотрадная мѣстность. Рѣка Хотукъ-бій. Бэй-лу. Развалины Янъ-чиндза. Путь отсюда до Урумчи. Прибытіе въ этотъ городъ.

ГЛАВА VI.

Урумчи . . . . 126—151

Средняя Азія отличается поразительной бѣдностью въ архитектурныхъ памятникахъ. Причины тому. Попытки оріенталистовъ отождествить Урумчи съ Бишбалыкомъ уйгуровъ. Прошлое Урумчи. Его роль въ періодъ мусульманской инсуррекціи. Современное Урумчи. Его жизнь: пробужденіе города, начало офиціальнаго дня, конскій базаръ, Киндыкъ, Думу. Значеніе Урумчи, торговое и политическое.

ГЛАВА VII.

Богдо-Ола . . . . 152—169

Насъ не принимаютъ урумчи'скія власти. Столкновеніе съ солдатами. Мы получаемъ разрѣшеніе посѣтить священную гору Богдо. Выступленіе. Выжженная солнцемъ долина. Странное зрѣлище. Нагорье Дунсанъ. Кошъ зайсанскихъ киргизовъ. Дальнѣйшій путь. Дивной красоты мѣстность. Озеро. Спускъ къ нему. Конфликтъ съ монахами. Наши работы въ окрестностяхъ озера. Къ границѣ вѣчнаго снѣга. Отвратительная дорога. Чудный видъ на озеро. Ночлегъ. Трудное восхожденіе. Необыкновенное растеніе. Впечатлѣніе, произведенное на насъ видомъ трехъ вершинъ Богдо-Ола. Непогода. Утомительная ночь. Возвращеніе на бивуакъ подъ дождемъ. Описаніе озера. Геогностическое строеніе горъ Богдо-Ола.

ГЛАВА VIII.

Опять на Бэй-лу . . . . 170—187

Рѣка Хайдаджанъ. Мы выходимъ изъ горъ. Оазисъ Ырдо-хоза. Пропажа трехъ лошадей. Мѣстность Ло-тай. Развалины древняго Лунь-тая. Санъ-тэй. Джимысаръ. Поѣздка къ городу Хобуцзы. Травянистая степь. Гученъ. Его окрестности. Характеристика джунгарскаго лѣта.

ГЛАВА IX.

Въ Центральную Джунгарію за дикими лошадьми . . . . . . 188—211

Нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Выступленіе. Селеніе Питу-чау. Пески Гурбунъ-тунгутъ Вопросъ о ихъ происхожденіи. Ночевка безъ воды. Пески утромъ. Прибытіе въ ур. Гашунъ. Окрестная мѣстность. Первая охота на дикихъ лошадей. Вторая охота. Встрѣча съ табуномъ дикихъ лошадей. Маневры жеребца. Неудачный исходъ ночныхъ охотъ. Мы днемъ преслѣдуемъ лошадей. Промахъ Колотовкина. Поведеніе жеребца при преслѣдованіи табуна. Непогода. Наше рѣшеніе перебраться къ востоку, на слѣдующіе ключи. Новая встрѣча съ табуномъ и возвращеніе разъѣзда на бивуакъ. Охота 1 сентября. Мы убиваемъ двухъ жеребцовъ. Описаніе дикой лошади. Еще одинъ жеребецъ становится нашей добычей. Турфанлыкъ убиваетъ кобылу. Возвращеніе въ Гученъ. Въ повадкахъ своихъ дикая лошадь отличается отъ хулановъ и джигетаевъ. Попытки прирученія дикихъ лошадей не увѣнчались успѣхомъ. Дикая лошадь представляетъ самостоятельную расу широколобой лошади.

ГЛАВА X.

Городъ Ци-тай и связанное съ нимъ прошлое Джунгаріи . . 212—232

Путь изъ Гучена въ Ци-тай. Развалины, окружающія этотъ городъ. Исторія Джунгаріи намъ мало извѣстна. Вопросъ о быломъ мѣстоположеніи Бэйтиня и Биш-

СТРАН.

балыка остается невыясненнымъ. Ци-тай—столица Сѣвернаго Чешы. Прошлое Джунгаріи съ 120 г. до Р. Хр. до паденія владычества въ ней хунновъ. Новые завоеватели проникаютъ въ нее: жеу-жани, гао-гюйцы и тукіесцы. Образованіе особаго китайскаго намѣстничества въ Южной Джунгаріи. Бэй-тинь. Имѣющіяся въ литературѣ указанія на его мѣстоположеніе. Дальнѣйшая исторія Джунгаріи (765—874). Основаніе Уйгурскаго царства. Событія, повлекшія за собой его паденіе.

ГЛАВА XI.

Послѣдніе дни на сѣверныхъ склонахъ Тянь-Шаня . . . . . . 233—252

Мѣстность между Ци-таемъ и Моро-хо. По Восточно-Джунгарскому плоскогорію. Стоянка на р. Баянъ-хо. Первый снѣгъ. Мы рѣшаемся перебраться въ ур. Джанъ-булакъ. Длинный переходъ. Джигетаи. Долгая остановка въ ур. Джанъ-булакъ. Антилопа сайга. Аркаръ. Заброшенный колесный путь черезъ Тянь-Шань. Описаніе мѣстности, по которой онъ пролегалъ. Охота на аркаровъ. Встрѣча съ краснымъ волкомъ. Обидная помѣха. Еще одна охота на аркаровъ. Мы попутно убиваемъ джигетая. Неудачный выстрѣлъ по аркару. Странный звукъ, производимый бородачемъ при быстромъ полетѣ. Нѣсколько словъ объ аркарахъ. Джигетай. Джунгарская осень.

ГЛАВА XII.

Изъ Джунгаріи въ Турфанъ . . . . 253—277

Раздѣленіе экспедиціоннаго отряда. Путь до р. Баянъ-хо. Загадочный народъ. Ночлегъ въ становищѣ дöрбутовъ. Ночью по лѣсному ущелью р. Баянъ-хо. Неожиданная встрѣча. Сарымсакъ. Каменныя бабы. Восхожденіе на Буйлукъ. Затруднительное положеніе. Насъ выручаютъ ишакчи. Безплоднымъ ущельемъ къ р. Керичину. Безконечный путь. Р. Керичинъ. Опять взбираемся на гору. Мы заблудились. Сутки безъ воды и пищи. Ночлегъ въ пустынѣ. Кокъ-яръ-аягэ. Миражъ. Карыси. Прибытіе въ Ханду. Впечатлѣніе, произведенное на насъ этимъ оазисомъ. Гора Тузъ-тау. Оазисы, лежащіе вдоль сѣверныхъ склоновъ этой гряды. Поперечное ущелье. Уйгурскія древности. На южной сторонѣ горы Тузъ-тау. Ночлегъ въ сел. Ауатъ. Подвижные пески. Развалины города. Китайскій городъ. Туземный Турфанъ. Его прошлое.

ГЛАВА XIII.

По Турфанской области . . . . 278—300

Выступленіе изъ Турфана. Непріятная погода. Цѣпь селеній между Турфаномъ и Лукчуномъ. Ночлегъ въ Астына. Развалины Хо-чжеу. Янъ-хэ-шаръ. Прибытіе въ Лукчунъ. Внѣшній видъ города. Мы не знаемъ, гдѣ остановиться на ночлегъ. Богры-алямъ-ахунъ радушно отводитъ намъ прекрасное помѣщеніе въ медрессе. Лукчунскій оазисъ. Каменистая пустыня, клиномъ вдающаяся между Кумъ и Тузъ-тау. Пески Кумъ-тау. Сквозное ущелье въ горахъ Тузъ-тау. Пичанъ. Въ Пичанѣ мы уже не застаемъ своего каравана. Сильный морозъ. Обратный путь въ Лукчунъ. Описаніе горы Тузъ-тау. Лемджинское ущелье. Мы снова со своими. Путь брата изъ ур. Джанъ-булакъ въ Лемджинъ. Переходъ въ Янъ-булакъ. Интересныя свѣдѣнія о нагорьѣ Чолъ-тагъ. Рѣшеніе ѣхать въ эти горы. Мы перебираемся въ Лукчунъ-кыръ. Моя поѣздка въ Дга. Визитъ Лукчунскимъ властямъ. Выступленіе брата въ дальній путь. Поѣздка къ развалинамъ Асса-шара. Фауна позвоночныхъ Турфанской области. Климатъ октября и ноября.

ГЛАВА XIV.

Турфанъ . . . . 301—324

Турфанъ — интереснѣйшая страна въ Средней Азіи. Причины тому. До нашего посѣщенія свѣдѣнія о ней были отрывочны и невѣрны. Горы, ограничивающія съ сѣвера Турфанскую область. Ворота изъ Джунгаріи въ Турфанъ. Мертвая полоса вдоль южныхъ склоновъ Тянь-Шаня. Гора Іеты-кызъ. «Огненный округъ». «Ханъ-хай». Русло Янъ-дун'скаго протока. Первые жители Турфана были земледѣльцы и притомъ вѣроятно—иранцы. Чешисцы были народомъ смѣшаннаго происхожденія. Позднѣйшія народности, заселявшія Турфанъ, были тюрки. Особенности языка современнаго турфанца. Турфанскія древности. Регрессъ Турфана. Причины тому.

ГЛАВА XV.

СТРАН.

Турфанъ (Продолженіе) . . . . 325—353

Плодородіе турфанской почвы. Бѣдность въ проточной водѣ. Карыси. Ханду. Мысли о прошломъ Восточнаго Туркестана. Уроженецъ Турфана. Внѣшній обликъ, образъ жизни, одежда, характеръ. Турфанская женщина. Дѣти. Внѣшній обликъ уроженки Турфана. Сватовство, бракъ и сопровождающія его празднества. Разводъ. Рожденіе ребенка. Сундетъ. Усадьба турфанца. Отсутствіе женской половины въ домахъ Турфана. Главныя части, на которыя дѣлится домъ въ Турфанѣ. Хлѣбная печь.

ГЛАВА XVI.

Турфанъ (Продолженіе) . . . . 354—380

Условія, среди коихъ приходится здѣсь жить земледѣльцу. Налоги. Валовой доходъ земледѣльца. Сумма, остающаяся въ его распоряженіи по уплатѣ всѣхъ повинностей. Поборы китайскихъ чиновниковъ. Побочные и экстренные налоги. Натуральная повинность. Закрѣпощенное селеніе. Почва оазисовъ. Обработка ея. Культурныя растенія, воздѣлываемыя въ Турфанѣ. Сушка винограда Скотоводство, ремесла и торговля. Вліяніе китайцевъ на населеніе Восточнаго Туркестана. Лукчунскій князь. Административное подраздѣленіе Турфанскаго приставства. Число жителей. Прочія туземныя власти. Духовенство.

ГЛАВА XVII.

Три недѣли въ горахъ Чолъ-тагъ . . . . 381—417

Эпизодъ на пути въ Дга. Прибытіе въ это селеніе. Нашъ будущій проводникъ. Неожиданная задержка. Въ гостяхъ у Рахмета. Выступленіе. Ильтырганъ-аузы. Ночлегъ безъ воды. Ур. Ходжа-юлгунъ. Ур. Шальдранъ. Странная поросль гребенщика. Первые слѣды дикихъ верблюдовъ. Выровненная мѣстность. Картина, открывшаяся намъ съ одного изъ холмовъ. Спускъ къ сухому руслу Ильтырганской рѣки. Сквозное ущелье. Ур. Ильтырганъ. Лисица указываетъ намъ на охотничій кладъ. Дневка. Бѣгство верблюда. Ур. Іетынъ-булакъ. Промахъ по дикой кошкѣ. Оврагъ Мыль-токсунъ. Пески. Узкая щель. Горный ручей. Тополевый лѣсъ. Лагерь охотниковъ. Дивный уголокъ. Мы остаемся на дневку въ ур. Торакъ-булакъ. Охота на аркаровъ. Встрѣча съ кабаномъ. Комаровъ убиваетъ аркара. Моя поѣздка къ горамъ Тюге-тау. Второй аркаръ становится нашей добычей. Мы возвращаемся ущельемъ, похожимъ на Торакъ-булакское. Переходъ въ вершину этого ущелья. Хребетъ Тюге-тау. Дурная погода. Ключъ Урусъ-кіикъ-урды-булакъ. Страшный холодъ. Дневка. Удачнаа охота на джерановъ. Безрезультатные поиски дикихъ верблюдовъ. Дальнѣйшій путь. Выходъ въ обширную продольную долину. Ур. Бурупту. По слѣду верблюда. Гибель Рахметовой лошади. Идемъ вдоль долины на востокъ. Безъимянный хребетъ. Переходъ черезъ него. Ур. Курукъ-тауракъ. Еще одна попытка отыскать верблюдовъ. Мы заблудились. Ночь безъ пищи и воды. Прибытіе на бивуакъ. Обратный путь. Обвалъ. Прибытіе въ Ильтырганъ. Возвращеніе въ Дга. Обзоръ изслѣдованной части Чолъ-тага. Свѣдѣнія о повадкахъ дикаго верблюда. Возвращеніе въ Лукчунъ-кыръ.

ГЛАВА XVIII.

Переходъ черезъ пустыню въ Хами . . . . 418—442

Выступленіе. Прибытіе въ Пичанъ. Дневка. Идемъ восточной окраиной Харюзы. Ночлегъ въ селеніи Бурё-булакъ. Сильный морозъ. Чиктымское солончаковое болото. Импань. Наша невольная здѣсь стоянка. Выступленіе въ пустыню. Станція Кыркъ-ортунъ. Разсказы о «долинѣ бѣсовъ». Переходъ до станціи Янчи. Окрестныя горы. Буря. Ночныя впечатлѣнія. Описаніе станціи. Буря не утихаетъ. Тяжелый переходъ. Небывалый морозъ. Опять выступаемъ ночью. Переходъ котловиной Отунъ-коза. Прибытіе въ Чоглу-чай. Дальнѣйшее движеніе. Эпизодъ съ Николаемъ. Прибытіе въ Лодунъ. Двѣ дневки. Отвратительная дорога. Слѣды культуры въ пустынѣ. Селеніе Джигда. Поѣздка на турачинскія каменноугольныя копи. Въ предѣлахъ хамійскаго приставства. Слѣды погрома. Дневка въ Астына. Весело оконченный день. Прибытіе въ Хами.

ГЛАВА XIX.

СТРАН.

Хами . . . . 443—468

Стратегическое и торговое значеніе Хами нѣсколько преувеличено европейскими изслѣдователями этой страны. Многовѣковая исторія этого оазиса не подтверждаетъ той роли, которая приписывается ему. Страна на юго-востокъ отъ Хами. Хами не можетъ претендовать на названіе ключа къ Восточному Туркестану. Прошедшее его не блестящее, будущее сулитъ также немного. Прошлое Хами. Древнѣйшія о немъ свѣдѣнія (до 874 г.). Уйгурскія древности. Причины, повліявшія на развитіе благосостоянія Хами и Турфана послѣ завоеванія этихъ земель уйгурами. Развалины уйгурскаго капища. Умная политика уйгурскихъ идикотовъ. Паденіе уйгурскаго царства. Дальнѣйшая исторія Хами. Хами, какъ торговый пунктъ. Возстаніе дунганъ и его послѣдствія для Хами.

ГЛАВА XX.

По восточной части Хамійскаго княжества . . . . . . 469—502

Описаніе современнаго Хами. Княжеская урда. Ванъ Шаа-Махсутъ. Кладбище вановъ хамійскихъ. Въ ожиданіи Пекинскаго паспорта. Новый годъ въ Хами. Снаряженіе въ дальнѣйшій путь. Отсутствіе лошадей и верблюдовъ въ Хами. Выступленіе. Прибытіе въ Ташаръ. Радушіе жителей этого селенія. Гаибскіе валуны. Рѣчка Гаибъ. Ортамъ. Не смотря на непогоду, выступаемъ въ дальнѣйшій путь. Глубокій снѣгъ. Хотунъ-тамъ. Его прошлое. Хотунъ-там'скій бекъ. Въ хотунъ-там'цахъ ясно замѣтна примѣсь монгольской крови. Насъ задерживаютъ снѣга. Ущелье рѣчки Агликъ. Мы наконецъ покидаемъ Хотунъ-тамъ. Городокъ Чинъ-шень. Прибытіе въ Моръ-голъ. Наше рѣшеніе идти на Янъ-дунъ и Куфи. Мой отвѣтъ Обручеву. Климатъ зимнихъ мѣсяцевъ на южныхъ склонахъ Хамійскихъ горъ.

Приложеніе I. Абсолютныя высоты, опредѣленныя экспедиціей. *Обработалъ Ал. Тилло* . . . . 503—511

Приложеніе II. Списокъ птицъ, собранныхъ нами во время путешествія въ Западный Китай. *Обработалъ Ф. Плеске* . . . . 512—521

Приложеніе III. Списокъ чешуекрылыхъ, собранныхъ экспедиціей. *Обработали авторъ и С. Алфераки* . . . . 522—532

Алфавитный указатель географическихъ названій . . . . . . 533—540

Алфавитный указатель именъ авторовъ 541

Замѣченныя опечатки 542

КАРТА ВОСТОЧНАГО ТЯНЬ-ШАНЯ

СОСТАВЛЕНА ПО НОВѢЙШИМЪ СВѢДѢНІЯМЪ, МАРШРУТНЫМЪ СЪЕМКАМЪ И АСТРОНОМИЧЕСКИМЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫМЪ ВЪ 1889-90 Г. БР. ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО

Масштабъ 40 верстъ въ дюймѣ

81
83
85
87
89
91
93
44
42
Хр. Ала-тау
Горы Барлыкъ
Оз. Эби-Норъ
Оз. Сайрам-норъ
Пески Заосты-элисунъ
Пески Шобугуръ-бура
Горы Байтыкъ-богдо
Горы Хапчикъ
Горы Коко-ундуръ
Горы Шиврыкэ
Дамань-крюмъ гоби
Бортень гоби
Горы Мэчинъ-ола
Г. Бабагай
Кульджа
Манасъ
Гученъ
Урумчи
Г. Богдо-ола
Хр. Джаргезъ
Баркуль
Оз. Баркуль
Хами
Турфанъ
Хребетъ Иранъ-харбутъ
Г. Десъ Менгенъ Ора
Дол. Мал. Юлдузъ
Долина Больш. Юлдузъ
Г. Карагузъ
Долина Сарто
Г. Кумъ-тагъ
Горы Халыкъ-тау
Г. Терскей
Кокъ-тепе
Г. Баштанъ
Карашаръ
Оз. Багратъ-куль
Хр. Кугушинъ-тагъ
Горы Чоль-тау
Чоль-тау
Оз. Шана-норъ
Оз. Томи
Бай
Куча
Курля
Горы Харатекень-ула
Хребетъ Синъ-ыръ
Хрес. Курукъ-тагъ
Хребетъ Курукъ-тагъ
Горы Гюсъ-тау
Оз. Сары-камышъ
Шахъ-яръ
Р. Шахъ-яръ (Инчике)
Р. Угенъ-дарья
Р. Тарымъ
Пески Кетэкъ Шаари-кучъ
Оз. Чамынлыкъ
Оз. Согоmъ
83 отъ Гринвича

Издан. В. Т. Отдѣла Главнаго Штаба

КАРТА ВОСТОЧНАГО ТЯНЬ-ШАНЯ

СОСТАВЛЕНА ПО НОВѢЙШИМЪ СВѢДѢНІЯМЪ, МАРШРУТНЫМЪ СЪЕМКАМЪ И АСТРОНОМИЧЕСКИМЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМЪ, ПРОИЗВЕДЕННЫМЪ ВЪ 1889-90 Г. Б.Р. ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО

Масштабъ 40 верстъ въ дюймѣ

81
83
85
87
89
91
93
44
42
83 отъ Гринвича
Кульджа
Манасъ
Урумчи
Гученъ
Баркуль
Турфанъ
Хами
Карашаръ
Куча
Бай
Курля
Шахъ-яръ
Оз. Эби-норъ
Оз. Сайрамъ-норъ
Оз. Баграчъ-куль
Оз. Баркуль
Оз. Сары-кумышъ
Оз. Шана-норъ
Оз. Толи
Горы Барлыкъ
Пески Заосты-элисунъ
Пески Шобугуръ-буръ
Пески Кетекъ Шаари-кумъ
Горы Байтыкъ-богдо
Горы Хапчикъ
Горы Коко-чадуръ
Бортень Гоби
Горы Мечинъ-ола
Хребетъ Иранъ-хабыргинъ
Г. Дес Мегенъ Ора
Г. Богдо-ола
Г. Джуванъ Терекъ кашъ
Хр. Джаргезъ
Горы Халыктау
Г. Кара-Узень
Долина Бол. Юлдузъ
Дол. Мал. Юлдузъ
Кокъ-тепе
Горы Чолъ-тау
Хр. Кузушинь-тагъ
Хребетъ Синиръ
Хрес. Курукъ-тагъ
Хребетъ Курукъ-тагъ
Горы Хара-тэке
Горы Югостау
Г. Кумъ-тагъ
Р. Или
Р. Кунгесъ
Р. Текесъ
Р. Кокъ-су
Р. Хайдыкъ-голъ
Р. Шахъ-арь
Р. Яргенъ-дарья
Р. Тарима
Р. Конче-дарья
Р. Манасъ
Оз. Чамыныльыкъ
Оз. Соготъ
Ур. Каруна

Издан. В. Т. Отдѣла Главнаго Штаба